

Х Р Е С Т О М А Т И Я

ПОЛИТОЛОГИЯ

под редакцией профессора М.А. Василика

гардарика

МОСКВА

2000

УДК 32(082.24)

ББК66.0

П50

Федеральная программа книгоиздания России

Политология: хрестоматия / Сост. проф. М.А. Василик, доц. П50

М.С. Вершинин. — М.: Гардарики, 2000. — 843 с.

ISBN 5-8297-0016-6 (в пер.)

В хрестоматии приводятся фрагменты из произведений мыслителей разных эпох, стран и народов, позволяющие понять их политические воззрения. Изучение мировой политической классики даст возможность глубже познать проблемы власти, государства, политической культуры и т.д. Издание снабжено развернутым именованным словарем-справочником.

Предназначена для студентов, аспирантов и преподавателей высших учебных заведений

УДК 32(082.24)

ББК66.0

В оформлении переплета использован фрагмент картины Х.

Йонекура «Предчувствие Второй мировой войны» (1936)

© «Гардарики», 1999

© «Юристъ». Оформление. 1999

ISBN 5-8297-0016-6

© Василик М.А.,

Вершинин М.С.

составление. 1999

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая хрестоматия по своей структуре соответствует содержанию учебника «Политология» и «Практикума по политологии» под редакцией М.А. Василика (М.: Гардарики, 1999). Ее основное предназначение — дать возможность читателю непосредственно познакомиться с политологическими текстами, углубить с их помощью понимание проблем власти, государства, политической культуры и т.д. Этим задачам и был подчинен отбор материала учебному пособию. Однако с достаточной полнотой и наглядностью представить политическую мысль на протяжении нескольких тысячелетий в сравнительно небольшом по объему издании оказалось непросто. Помимо прочего требовалось, чтобы приведенные фрагменты отражали разнообразные подходы в политической науке и при этом были доступными для понимания.

В хрестоматии предпринята попытка выявить роль тех или иных теоретиков в развитии политической мысли. При этом ее составители старались следовать принципу философа Спинозы: «Не плакать, не смеяться, не ненавидеть, — а понимать».

Политическая мысль всегда сосредоточена на вечном: природе власти и государства, причинах угнетения и насилия, роли личности и групп, взаимоотношениях человека, общества и государства. Хрестоматия воспроизводит политические воззрения мыслителей разных эпох, стран и народов. Любая современная политическая идея есть плод длительной и сложной эволюции. Чтение мировой политической классики позволит глубже познать мир политики, общество, государство и самих себя.

Критерием отбора персоналки в хрестоматии был их вклад в становление и развитие политической науки. Учебное пособие

снабжено именованным словарем-справочником, включающим характеристику ведущих представителей отечественной и зарубежной политической мысли.

Основным критерием отбора произведений (отрывков) послужило наличие в них существенного политологического аспекта независимо оттого, в какой форме он был выражен: религиозной, философской, социологической, художественной и др.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хрестоматию и справочно-информационные материалы к ней подготовили доктор философских наук, профессор Михаил Алексеевич Василик и кандидат философских наук, доцент Михаил Сергеевич Вершинин.

Р а з д е л 1
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И
ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Глава 1

ПОЛИТОЛОГИЯ КАК НАУКА И УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА

М.ВЕБЕР

Политика как призвание и профессия

[...] Что мы понимаем под политикой? Это понятие имеет чрезвычайно широкий смысл и охватывает все виды деятельности по самостоятельному *руководству*. [...] Мы намереваемся в данном случае говорить только о руководстве или оказании влияния на руководство *политическим* союзом, т.е. в наши дни — *государством*.

Но что есть «политический» союз с точки зрения социологического рассуждения? Что есть «государство»? Ведь государство нельзя социологически определить исходя из содержания его деятельности. Почти нет таких задач, выполнение которых политический союз не брал бы в свои руки то здесь то там; с другой стороны, нет такой задачи, о которой можно было бы сказать, что она во всякое время полностью, т.е. исключительно, присуща тем союзам, которые называют «политическими», т.е. в наши дни — государствам, или союзам, которые исторически предшествовали современному государству. Напротив, дать социологическое определение современного государства можно в конечном счете только исходя из специфически применяемого им, как и всяким политическим союзом, *средства* — физического насилия. «Всякое государство основано на насилиии», — говорил в свое время Троцкий в Брест-Литовске. И это действительно так. Только если бы существовали социальные образования, которым

было бы неизвестно насилие как средство, *тогда* отпало бы понятие «государство», *тогда* наступило бы то, что в особом смысле слова можно было бы назвать анар-

8 Раздел I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

хией. Конечно, насилие отнюдь не является нормальным или единственным средством государства, об этом нет и речи, но оно, пожалуй, специфическое для него средство. Именно в наше время отношение государства к насилию функционально. В прошлом различным союзам, начиная с рода, физическое насилие было известно как совершенно нормальное средство. В противоположность этому сегодня мы должны будем сказать: государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области — область включается в признак — претендует (с успехом) на *монополию легитимного физического наслия*. Ибо для нашей эпохи характерно, что право на физическое насилие приписывается всем другим союзам или отдельным лицам лишь настолько, насколько *государство* со своей стороны допускает это насилие: единственным источником «права» на насилие считается государство.

Итак, политика, судя по всему, означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства, между группами людей, которые оно в себе заключает. В сущности такое понимание соответствует и словоупотреблению. Если о каком-то вопросе говорят: это «политический» вопрос, о министре или чиновнике: это «политический» чиновник, о некоем решении: оно «политически» обусловлено, — то тем самым всегда подразумевается, что интересы распределения, сохранения, смены власти являются определяющими для ответа на указанный вопрос, или обуславливают это решение, или определяют сферу деятельности соответствующего чиновника. Кто занимается политикой, тот стремится к власти: либо к власти как средству, подчиненному другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти «ради нее самой», чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она дает. [...]

Можно заниматься политикой, т.е. стремиться влиять на распределение власти между политическими образованиями и внутри их, как в качестве политика «по

случаю», так и в качестве политика, для которого это побочная или основная профессия, точно так же как и при хозяйственной деятельности. Политиками «по случаю» являемся все мы, когда опускаем свой избирательный бюллетень или совершаем сходное волеизъявление, например рукоплещем или протестуем на «политическом» собрании, произносим «политическую» речь и т.д.; у многих людей подобными действиями и ограничивается их отношение к политике. Политиками «по совместительству» являются в наши дни, напри-

мер, все те доверенные лица и правление партийно-политических союзов, которые — по общему правилу — занимаются этой деятельностью лишь в случае необходимости, и она не становится для них *первостепенным* «делом жизни» ни в материальном, ни в духовном отношении. [...]

Есть два способа сделать из политики свою профессию: либо жить «для» политики, либо жить «за счет» политики и «политикой». Данная противоположность отнюдь не исключительная. Напротив, обычно, по меньшей мере духовно, но чаще всего и материально, делают то и другое; тот, кто живет «для» политики, в каком-то внутреннем смысле творит «свою жизнь из этого» — либо он открыто наслаждается обладанием властью, которую осуществляет, либо черпает свое внутреннее равновесие и чувство собственного достоинства из сознания того, что служит «делу» («Sache»), и тем самым *придает* смысл своей жизни. Пожалуй, именно в таком глубоком внутреннем смысле всякий серьезный человек, живущий для какого-то дела, живет также и этим делом. Таким образом, различие касается гораздо более глубокой стороны — экономической. «За счет» политики как профессии живет тот, кто стремится сделать из нее постоянный *источник дохода*; «для» политики — тот, у кого иная цель. Чтобы некто в экономическом смысле мог жить «для» политики, при господстве частнособственнического строя должны наличествовать некоторые, если угодно, весьма тривиальные предпосылки: в нормальных условиях он должен быть независимым от доходов, которые может принести ему политика. Следовательно, он просто должен быть состоятельным

человеком или же как частное лицо занимать такое положение в жизни, которое приносит ему достаточный постоянный доход. Так по меньшей мере обстоит дело в нормальных условиях. [...]

Если государством или партией руководят люди, которые (в экономическом смысле слова) живут исключительно для политики, а не за счет политики, то это необходимо означает «плутократическое» рекрутирование политических руководящих слоев □...] Руководить политикой можно либо в порядке «почетной деятельности», и тогда ею занимаются, как обычно говорят, «независимые», т.е. состоятельные, прежде всего имеющие ренту, люди, либо же к политическому руководству допускаются неимущие, и тогда они должны получать вознаграждение. Профессиональный политик, живущий за счет политики, может быть *чисто пребендарием* (Pfrunder), или оплачиваемым *чиновником*. Тогда он либо извлекает доходы из пошлин и сборов за определенные

достижения — чаевые и взятки представляют собой лишь одну, нерегулярную и формально нелегальную разновидность этой категории доходов, — либо получает твердое натуральное вознаграждение, денежное содержание, или то и другое вместе.

Политический деятель может приобрести характер «предпринимателя», как кондотьер, или арендатор, или обладатель ранее приобретенной должности, или как американский босс, расценивающий свои издержки как капиталовложение, из которого он, используя свое влияние, сумеет извлечь доход. Либо же такой политик может получать твердое жалованье как редактор, или партийный секретарь, или современный министр, или политический чиновник. [...]

Вследствие общей бюрократизации с ростом числа должностей и спроса на такие должности как формы специфически *гарантированного* обеспечения данная тенденция усиливается для всех партий и они во все большей мере становятся таким средством обеспечения для своих сторонников.

Однако ныне указанной тенденции противостоят развитие и превращение современного чиновничества в сословие лиц наемного труда, высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подготовкой, с высокоразвитой сословной честью, гарантирующей безупречность, без чего возникла бы роковая опасность чудовищной коррупции и пошлого мещанства, а это ставило бы под угрозу чисто техническую эффективность государственного аппарата, значение которого для хозяйства,

особенно с возрастанием социализации, постоянно усиливалось и будет усиливаться впредь □...]

Одновременно с подъемом вышколенного *чиновничества* возникали также — хотя это совершалось путем куда более незаметных переходов — руководящие *политики*. Конечно, такие фактически главенствующие советники князей существовали с давних пор во всем мире. [...]

Развитие власти парламента еще сильнее вело к единству там, где она, как в Англии, пересиливала монарха. Здесь получил развитие кабинет во главе с единым парламентским вождем, лидером, как постоянная комиссия игнорируемой официальными законами, фактически же единственной решающей политической силы — *партии*, находящейся в данный момент в большинстве. Официальные коллегиальные корпорации именно как таковые не являлись органами действительно господствующей силы — партии и, таким образом, не могли быть пред-

Глава 1. ПОЛИТОЛОГИЯ КАК НАУКА И УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА

ставителями подлинного правительства. Напротив, господствующая партия, дабы утверждать свою власть внутри (государства) и иметь возможность проводить большую внешнюю политику, нуждалась в боеспособном, конфиденциально совещающемся органе, составленном только из действительно ведущих в ней деятелей, т.е. именно в кабинете, а по отношению к общественности, прежде всего парламентской общественности, — в ответственном за все решения вожде — главе кабинета. Эта английская система в виде парламентских министерств была затем перенята на континенте, и только в Америке и испытавших ее влияние демократиях ей была противопоставлена совершенно гетерогенная система, которая посредством прямых выборов ставила избранного вождя побеждающей партии во главе назначенного им аппарата чиновников и связывала его согласием парламента только в вопросах бюджета и законодательства.

Преобразование политики в профессиональную деятельность, которой требуются навыки в борьбе за власть и знание ее методов, созданных современной партийной системой, обусловило разделение общественных функционеров на две категории отнюдь не жестко, но достаточно четко: с одной стороны, чиновники-специалисты (Fachbeamte), с другой — «политические» чиновники. «Политические» чиновники в собственном смысле слова, как правило, внешне характеризуются тем, что в любой момент могут быть произвольно перемещены и уволены или же «направлены в распоряжение», как французские

префекты или подобные им чиновники в других странах, что составляет самую резкую противоположность независимости чиновников с функциями судей. [...]

Мы скорее зададим вопрос о типическом своеобразии профессионального политика, как вождя, так и его свиты. Оно неоднократно менялось и также весьма различно и сегодня.

[...] В прошлом «профессиональные политики» появились в ходе борьбы князей с сословиями на службе у первых. Рассмотрим вкратце их основные типы.

В борьбе против сословий князь опирался на политически пригодные слои несословного характера. К ним прежде всего относились в Передней Индии и Индокитае, в буддистском Китае, Японии и ламаистской Монголии — точно так же, как и в христианских регионах Средневековья, — клирики. Данное обстоятельство имело технические основания, ибо клирики были сведущи в письме. Повсюду происходит импорт брахманов, буддистских проповедников, лам и использование епископов и священников в качестве политических советников, с тем

12 Раздел I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

чтобы получить сведущие в письме управленческие силы, которые могут пригодиться в борьбе императора, или князя, или хана против аристократии. Клирик, в особенности клирик, соблюдавший целибат, находился вне суеты нормальных политических и экономических интересов и не испытывал искушения домогаться для своих потомков собственной политической власти в противовес своему господину, как это было свойственно вассалу. Он был отделен от средств государева управления своими сословными качествами.

Второй слой такого же рода представляли получившие гуманитарное образование грамматики (Literaten). Было время, когда, чтобы стать политическим советником, и прежде всего составителем политических меморандумов князя, приходилось учиться сочинять тексты на латинском и греческом языках.

Таково время первого расцвета классических школ, когда князья учреждали кафедры поэтики: у нас эта эпоха миновала быстро и, продолжая все-таки оказывать неослабевающее влияние на систему нашего школьного обучения, не имела никаких более глубоких политических последствий. [...]

Третьим слоем была придворная знать. После того как князьям удалось лишить дворянство его сословной политической силы, они привлекли его ко двору и использовали на политической и дипломатической службе. Переворот в нашей системе воспитания в XVII в. был связан также и с тем, что вместо гуманитариев-литераторов на службу к князьям поступили профессиональные политики из числа придворной знати.

Что касается четвертой категории, то это было сугубо английское образование; патрициат, включающий в себя мелкое дворянство и городских рантье, обозначаемый в повседневном общении термином «джентри» (gentry). [...] Этот слой удерживал за собой владение всеми должностями местного управления, поскольку вступал в него безвозмездно в интересах своего собственного социального могущества. Он сохранил Англию от бюрократизации, ставшей судьбой всех континентальных государств.

Пятый слой — юристы, получившие университетское образование, — был характерен для Запада, прежде всего для Европейского континента, и имел решающее значение для всей его политической структуры. Ни в чем так ярко не проявилось впоследствии влияние римского права, преобразовавшего бюрократическое позднее римское государство, как именно в том, что революционизация политической профессиональной деятельности как тенденция к рациональному государ-

ству повсюду имела носителем квалифицированного юриста, даже в Англии, хотя там крупные национальные корпорации юристов препятствовали рецепции римского права. [...]

Отнюдь не случайно, что адвокат становится столь значимой фигурой в западной политике со времени появления партий.

Занятие политикой как профессией осуществляется партиями, т.е. представляет собой именно деятельность заинтересованных сторон, мы скоро увидим, что это должно означать. А

эффективное ведение какого-либо дела для заинтересованных в нем сторон и есть ремесло квалифицированного адвоката. Здесь он — поучительным может быть превосходство враждебной пропаганды — превосходит любого чиновника. Конечно, он может успешно, т.е. технически «хорошо», провести подкрепленное логически слабыми аргументами, т.е. в этом смысле «плохое», дело. Но также только он успешно ведет дело, которое можно подкрепить логически сильными аргументами, т.е. дело в этом смысле «хорошее». Чиновник в качестве политика, напротив, слишком часто своим технически «скверным» руководством делает «хорошее» в этом смысле дело «дурным»: нечто подобное нам пришлось пережить. Ибо проводником нынешней политики среди масс общественности все чаще становится умело сказанное или написанное слово. Взвесить его влияние — это-то и составляет круг задач адвоката, а вовсе не чиновника-специалиста, который не является и не должен стремиться быть демагогом, а если все-таки ставит перед собой такую цель, то обычно становится весьма скверным демагогом.

Подлинной профессией настоящего чиновника — это имеет решающее значение для оценки нашего прежнего режима — не должна быть политика. Он должен управлять прежде всего *беспристрастно* — данное требование применимо даже к так называемым политическим управленческим чиновникам, — по меньшей мере официально, коль скоро под вопрос не поставлены государственные интересы, т.е. жизненные интересы господствующего порядка. *Sine ira et studio*, т.е. без гнева и пристрастия, должен он вершить дела. Итак, политический чиновник не должен делать именно того, что всегда и необходимым образом должен делать политик — как вождь, так и его свита, — *бороться*. Ибо принятие какой-либо стороны, борьба, страсть — *ira et studium* — суть стихия политика, и прежде всего политического *вождя*. Деятельность вождя всегда подчиняется совершенно иному принципу *ответственности*, прямо противоположной ответственности чиновника. В случае если (несмотря на его представления) вышестоящее уч-

14 Раздел I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

реждение настаивает на кажущемся ему ошибочным приказе, дело чести чиновника выполнить приказ под ответственность приказывающего, выполнить добросовестно и точно, так, будто этот приказ отвечает его собственным убеждениям: без такой в высшем смысле нравственной дисциплины и самоотверженности развалился бы весь аппарат. Напротив, честь политического вождя, т.е. руководящего государственного деятеля, есть прямо-таки исключительная *личная* ответственность за то, что он делает, ответственность, отклонить которую или сбросить ее с себя он не может и не имеет права. Как раз те натуры, которые в качестве чиновников высоко стоят в нравственном отношении, суть скверные, безответственные прежде всего в политическом смысле слова и постольку в нравственном отношении низко стоящие политики — такие, каких мы, к сожалению, все время имели на руководящих постах. Именно такую систему мы называем господством чиновников; и конечно, достоинств нашего чиновничества отнюдь не умаляет то, что мы, оценивая их с политической точки зрения, с позиций успеха, обнажаем ложность данной системы. Но давайте еще раз вернемся к типам политических фигур.

На Западе со времени возникновения конституционного государства, а в полной мере со времени развития демократии типом политика-вождя является «демагог». У этого слова неприятный оттенок, что не должно заставить нас забыть: первым имя демагога носил не Клеон, а Перикл. Не занимая должностей или же будучи в должности верховного стратега, единственной выборной должности (в противоположность

должностям, занимаемым в античной демократии по жребью), он руководил суверенным народным собранием афинского демоса. Правда, слово устное использует и современная демагогия, и даже, если учесть предвыборные речи современных кандидатов, в чудовищном объеме. Но с еще более устойчивым эффектом она использует слово написанное. Главнейшим представителем данного жанра является ныне политический публицист, и прежде всего журналист.

[...]У журналиста та же судьба, что и у всех демагогов, а впрочем, — по меньшей мере на континенте в противоположность ситуации в Англии, да в общем и в Пруссии в более ранний период — та же судьба у адвоката (и художника): он не поддается устойчивой социальной классификаций. Он принадлежит к некоего рода касте париев, социально оцениваемых в обществе по тем ее представителям, которые в этическом отношении стоят ниже всего. Отсюда распространенность самых диковинных представлений о журналистах и их работе. И отнюдь не

каждый отдает себе отчета том, что по-настоящему хороший результат журналистской работы требует по меньшей мере столько же «духа», сколько какой-нибудь результат деятельности ученого, прежде всего вследствие необходимости выдать его сразу, по команде и сразу же *получить эффект*, притом, конечно, что условия творчества в данном случае совершенно другие. [...]

Но если журналист как тип профессионального политика существует уже довольно-таки давно, то фигура *партийного* чиновника связана с тенденцией последних десятилетий и частично последних лет.. Мы должны теперь обратиться к рассмотрению партийной системы (Parteiwesens) и партийной организации, чтобы понять эту фигуру сообразно ее месту в историческом развитии.

Во всех сколько-нибудь обширных, т.е. выходящих за пределы и круг задач мелкого деревенского кантона, политических союзах с периодическими выборами власть имущих профессиональное занятие политикой необходимо является *занятием претендентов*. Это значит, что относительно небольшое число людей, заинтересованных в первую очередь в политической жизни, т.е. в участии в политической власти, создают себе посредством свободной вербовки свиту, выставляют себя или тех, кого они опекают, в качестве кандидатов на выборах, собирают денежные средства и приступают к ловле голосов. [...]

Господству уважаемых людей и управлению через посредство парламентариев приходит конец. Дело берут в свои руки профессиональные политики, находящиеся *вне* парламентов. [...]

Партийная свита, прежде всего партийный чиновник и предприниматель, конечно, ждет от победы своего вождя личного вознаграждения — постов или других преимуществ. От него, не от отдельных парламентариев или же не только от них; это главное. Прежде всего они рассчитывают, что демагогический эффект *личности* вождя обеспечит партии голоса и мандаты в предвыборной борьбе, а тем самым власть и благодаря ей в наибольшей степени расширит возможности получения ожидаемого вознаграждения для приверженцев партии. А труд с верой и личной самоотдачей человеку; не какой-то абстрактной программе какой-то партии, состоящей из посредственностей, является тут идеальным моментом, это харизматический элемент всякого вождизма, одна из его движущих сил.

Так какие же внутренние радости может предложить карьера политика и какие личные предпосылки для этого она предполагает в том, кто ступает на данный путь?

Прежде всего она дает чувство власти. Даже на формально скромных должностях сознание влияния на людей, участия во власти над ними, но в первую очередь чувство того, что и ты держишь в руках нерв исторически важного процесса, способно поднять профессионального политика выше уровня повседневности. Однако здесь передним встает вопрос: какие его качества дают ему надежду справиться с властью (как бы узко она ни была очерчена в каждом отдельном случае) и, следовательно, с той ответственностью, которую она на него возлагает? Тем самым мы вступаем в сферу этических вопросов, ибо именно к ним относится вопрос, каким надо быть человеку, дабы ему позволительно было приложить руку к движению истории. Можно сказать, что в основном три качества являются для политика решающими: страсть, чувство ответственности, глазомер. Страсть в смысле *ориентации на существо дела* (*Sachlichkeit*), страстной самоотдачи делу, тому богу или демону, который этим делом повелевает. Не в смысле того внутреннего образа действий, который мой покойный друг Георг Зиммель обычно называл стерильной возбужденностью, свойственной определенному типу прежде всего русских интеллектуалов (но отнюдь не всем из них), и который ныне играет столь заметную роль и у наших интеллектуалов в этом карнавале, украшенном гордым именем «революция»: утекающая в пустоту романтика интеллектуально занимательного без всякого серьезного чувства ответственности. Ибо одной только страсти, сколь бы подлинной она ни казалась, еще, конечно, недостаточно. Она не сделает вас политиком, если, являясь служением «делу», не сделает

ответственность именно перед этим делом главной путеводной звездой вашей деятельности. А для этого — в том-то и состоит решающее психологическое качество политика — требуется *глазомер*, способность с внутренней собранностью и спокойствием поддаться воздействию реальностей, иными словами, требуется *дистанция* по отношению к вещам и людям. «Отсутствие дистанции» только как таковое — один из смертных грехов всякого политика — и есть одно из тех качеств, которые воспитывают у нынешней интеллектуальной молодежи, обрекая ее тем самым на неспособность к политике. Ибо проблема в том и состоит, чтобы «втиснуть» в одну и ту же душу и жаркую страсть, и холодный глазомер. Политика делается головой, а не какими-нибудь другими частями тела или души. И все же самоотдача политике, если это не фривольная интеллектуальная игра, а подлинное человеческое деяние, должна быть рождена и вскормлена только страстью. Но полное обуздание души, отли

чающее страстного политика и разводящее его со «стерильно возбужденным» политическим дилетантом, возможно лишь благодаря привычке к дистанции в любом смысле слова. Сила политической личности в первую очередь означает наличие у нее этих качеств.

И потому политик ежедневно и ежечасно должен одолевать в себе совершенно тривиального, слишком «человеческого» врага: обыкновеннейшее *тщеславие*, смертного врага всякой самоотдачи делу и всякой дистанции, что в данном случае значит: дистанции по отношению к самому себе.

Тщеславие есть свойство весьма распространенное, от которого не свободен, пожалуй, никто. А в академических и ученых кругах это род профессионального заболевания. Но как раз что касается ученого, то данное свойство, как бы антипатично оно ни проявлялось, относительно безобидно в том смысле, что, как правило, оно не является помехой научной деятельности.

Совершенно иначе обстоит дело с политиком. Он трудится со стремлением к *власти* как необходимому средству. Поэтому инстинкт власти, как это обычно называют, действительно относится к нормальным качествам политика. Грех против святого духа его призвания начинается там, где стремление к власти не диктуется интересами дела, становится предметом сугубо личного самоопьянения, вместо того чтобы служить исключительно делу. Ибо в конечном счете в сфере политики есть лишь два рода смертного греха: уход от существа дела и — что часто, но не всегда то же самое — безответственность.

Тщеславие, т.е. потребность по возможности часто самому

появляться на переднем плане, сильнее всего вводит политика в искушение совершить один из этих грехов или оба сразу. Чем больше вынужден демагог считаться с эффектом, тем больше для него именно поэтому опасность стать фигляром или не принимать всерьез ответственности за последствия своих действий и интересоваться лишь произведенным впечатлением. Его неделовитость навязывает ему стремление создавать видимость и блеск власти, а не действительную власть, а его безответственность ведет к наслаждению властью как таковой, вне содержательной цели. Именно *потому, что* власть есть необходимое средство, а стремление к власти есть поэтому одна из движущих сил всякой политики, нет более пагубного искажения политической силы, чем бахвальство выскочки властью и тщеславное самолюбование чувством власти, вообще всякое поклонение власти только как таковой. «Политик одной только власти», культ которого ревностно стремятся создать и у нас способен на мощное воздействие, но фактически его действие

18 Раздел 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

уходит в пустоту и бессмысленность. И здесь критики «политики власти» совершенно правы. Внезапные внутренние катастрофы типичных носителей подобного убеждения показали нам, какая внутренняя слабость и бессилие скрываются за столь хвастливым, но совершенно пустым жестом. Это продукт в высшей степени жалкого и поверхностного чванства в отношении смысла человеческой деятельности, каковое полностью чужеродно знанию о трагизме, с которым в действительности сплетены все деяния, и в особенности деяния политические.

Исключительно верно именно то, и это основной факт всей истории (более подробное обоснование здесь невозможно), что конечный результат политической деятельности часто, нет, пожалуй, даже регулярно оказывался в совершенно неадекватном, часто прямо-таки парадоксальном отношении к ее изначальному смыслу. Но если деятельность должна иметь внутреннюю опору, нельзя, чтобы этот смысл — служение *делу* — отсутствовал. *Как* должно выглядеть то дело, служа которому политик стремится к власти и употребляет власть, — это вопрос веры. Он может служить целям национальным или общечеловеческим, социальным и этическим или культурным, мирским или религиозным, он может опираться на глубокую веру в «прогресс» — все равно в каком смысле — или же холодно отвергать этот сорт веры, он может притязать на служение, «идее» или же намереваться служить внешним целям повседневной жизни, принципиально отклоняя вышеуказанное притязание, но какая-либо вера должна быть *в наличии* всегда.

Иначе — и это совершенно правильно — проклятие ничтожества твари тяготеет и над самыми по видимости мощными политическими успехами.

Сказанное означает, что мы уже перешли к обсуждению последней из занимающих нас сегодня проблем: проблемы *этоса* политики как «дела». Какому профессиональному призванию может удовлетворить она сама, совершенно независимо от ее целей, в рамках совокупной нравственной экономики ведения жизни? Каково, так сказать, то этическое место, откуда она родом? Здесь, конечно, сталкиваются друг с другом последние мировоззрения, между которыми следует в конечном счете *совершить выбор*. Итак, давайте энергично возьмемся за проблему, понятую недавно опять, по моему мнению, совершенно превратным образом.

Однако избавимся прежде от одной совершенно тривиальной фальсификации. А именно, этика может сначала выступать в роли в высшей степени фатальной для нравственности. Приведем примеры. [...] Вместо того чтобы там, где сама структура общества породила войну, как

старые бабы, искать после войны «виновного», следовало бы по-мужски сурово сказать врагу: «Мы проиграли войну, вы ее выиграли. С этим теперь все решено; давайте же поговорим о том, какие из этого нужно сделать выводы в соответствии с теми *деловыми* интересами, которые были задействованы, и — самое главное — ввиду той ответственности перед *будущим*, которая тяготеет прежде всего над победителем». Все остальное недостойно, и за это придется поплатиться. Нация простит ущемление ее интересов, но не оскорбление ее чести, в особенности если оскорбляют ее прямо-таки поповской косностью. Каждый новый документ, появляющийся на свет спустя десятилетия, приводит, к тому, что с новой силой раздаются недостойные вопли, разгораются ненависть и гнев. И это вместо того, чтобы окончание войны похоронило ее по меньшей мере в *нравственном* смысле. Такое возможно лишь благодаря ориентации на дело и благородству, но прежде всего лишь благодаря *достоинству*. Но никогда это не будет возможно благодаря этике, которая в действительности означает унижительное состояние обеих сторон. Вместо того чтобы заботиться о том, что касается политика — о будущем и ответственности перед ним, этика занимается политически стерильными в силу своей неразрешимости вопросами вины в прошлом. Если и есть какая-либо политическая вина, то она именно в этом-то и состоит. Кроме того, в данном случае упускается из виду неизбежная фальсификация всей проблемы весьма материальными интересами: заинтересованностью победителя в наибольшем выигрыше — моральном и

материальном — и надеждами побежденного выторговать себе преимущества признаниями вины; если и есть здесь нечто *подлое*, то именно это, а это следствие данного способа использования этики как средства упрямо утверждать свою правоту. Но каково же тогда действительное отношение *между этикой и политикой*?

[...] Мы должны уяснить себе, что всякое этически ориентированное поведение может подчиняться *двум* фундаментально различным, непримиримо противоположным максимам: оно может быть ориентировано либо на «этику убеждения», либо на «этику ответственности». Не в том смысле, что этика убеждения оказалась бы тождественной безответственности, а этика ответственности — тождественной беспринципности. Об этом, конечно, нет и речи. Но глубиннейшая противоположность существует между тем, действуют ли по максиме этики убеждения — на языке религии: «Христианин поступает как должно, а в отношении результата уповает на Бога» — или же действуют по максиме

20 Раздел I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

этики ответственности: надо расплачиваться за (предвидимые) *последствия* своих действий. Как бы убедительно ни доказывали вы действующему по этике убеждения синдикалиту, что вследствие его поступков возрастут шансы на успех реакции, усилится угнетение его класса, замедлится дальнейшее восхождение этого класса, на него это не произведет никакого впечатления. Если последствия действия, вытекающего из чистого убеждения, окажутся скверными, то действующий считает ответственным за них не себя, а мир, глупость других людей или волю Бога, который создал их такими. Напротив, тот, кто исповедует этику ответственности, считается именно с этими заурядными человеческими недостатками, он, как верно подметил Фихте, не имеет никакого права предполагать в них доброту и совершенство, он не в состоянии сваливать на других последствия своих поступков, коль скоро мог их предвидеть. Такой человек скажет: эти следствия вменяются моей деятельностью. Исповедующий этику убеждения чувствует себя ответственным лишь за то, чтобы не гасло пламя чистого убеждения, например пламя протеста против несправедливого социального порядка. Разжигать его снова и снова — вот цель его совершенно иррациональных с точки зрения возможного успеха поступков, которые могут и должны иметь ценность только как пример.

Но и на этом еще не покончено с проблемой. Ни одна этика в мире не обходит тот факт, что достижение «хороших» целей во множестве случаев связано с необходимостью смириться и с использованием нравственно сомнительных или по меньшей мере опасных средств, и с возможностью или даже вероятностью

скверных побочных следствий; и ни одна этика в мире не может сказать, когда и в каком объеме этически положительная цель освящает этически опасные средства и побочные следствия.

Главное средство политики — насилие, а сколь важно напряжение между средством и целью с этической точки зрения — об этом вы можете судить по тому, что, как каждый знает, революционные социалисты (циммервальдской ориентации) уже во время войны исповедовали принцип, который можно свести к следующей точной формулировке: «Если мы окажемся перед выбором: либо еще несколько лет войны, а затем революция, либо мир теперь, но никакой революции, то мы выберем еще несколько лет войны!» Если бы еще был задан вопрос: «Что может дать эта революция?», то всякий поднаторевший в науке специалист ответил бы, что о переходе к хозяйству, которое в *его* смысле можно назвать социалистическим, не идет и речи, но что должно опять-

таки возникнуть буржуазное хозяйство, которое бы могло только исключить феодальные элементы и остатки династического правления. Значит, ради этого скромного результата «еще несколько лет войны!» Пожалуй, позволительно будет сказать, что здесь даже при весьма твердых социалистических убеждениях можно отказаться от цели, которая требует такого рода средств. Но в случае с большевизмом и движением спартаковцев, вообще революционным социализмом любого рода дела обстоят именно так, и, конечно, в высшей степени забавным кажется, что эта сторона *нравственно* отвергает «деспотических политиков» старого режима из-за использования ими тех же самых средств, как бы ни был оправдан отказ от *их целей*. Что касается освящения средств целью, то здесь этика убеждения вообще, кажется, терпит крушение. Конечно, логически у нее есть лишь возможность *отвергать всякое* поведение, использующее нравственно опасные средства. Правда, в реальном мире мы снова и снова сталкиваемся с примерами, когда исповедующий этику убеждения внезапно превращается в хилиастического пророка, как, например, те, кто, проповедуя в настоящий момент «любовь против насилия», в следующее мгновение призывают к насилию, к *последнему* насилию, которое привело бы к уничтожению *всякого* насилия, точно также, как наши военные при каждом наступлении говорили солдатам: это наступление — последнее, оно приведет к победе и, следовательно, к миру. Исповедующий этику убеждения не выносит этической иррациональности мира. Он является космически-этическим «рационалистом». Конечно, каждый из

вас, кто знает Достоевского, помнит сцену с Великим инквизитором, где эта проблема изложена верно. Невозможно натянуть один колпак на этику убеждения и этику ответственности или этически декретировать, *какая* цель должна освящать *какое* средство, если этому принципу вообще делаются какие-то уступки. [...]

Тот, кто хочет *силой* установить на земле абсолютную справедливость, тому для этого нужно окружение — человеческий «аппарат». Ему он должен обещать необходимое (внутреннее и внешнее) вознаграждение — мзду небесную или земную, иначе «аппарат» не работает. Итак, в условиях современной классовой борьбы внутренним вознаграждением является утоление ненависти и жажды мести, прежде всего Ressentiment'a (неприязни), и потребности в псевдоэтическом чувстве безусловной правоты, поношении и хуле противников. Внешнее вознаграждение — это авантюра, победа, добыча, власть и доходные места. Успех вождя полностью зависит от функционирования подвластного

22 Раздел I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

ему человеческого аппарата. Поэтому зависит он и от его — а не своих собственных — мотивов, т.е. оттого, чтобы окружению: красной гвардии, провокаторам и шпионам, агитаторам, в которых он нуждается, — эти вознаграждения доставлялись *постоянно*. То, чего он фактически достигает в таких условиях, находится поэтому вовсе не в его руках, но предначертано ему теми преимущественно низменными мотивами действия его окружения, которые можно удерживать в узде лишь до тех пор, пока честная вера в его личность и его дело воодушевляет по меньшей мере часть приверженцев его взглядов (так, чтобы воодушевлялось хотя бы большинство, не бывает, видимо, никогда). Но не только эта вера, даже там, где она субъективно честна, в весьма значительной части случаев является по существу этической «легитимацией» жажды мести, власти, добычи и выгодных мест, пусть нам тут ничего не наговаривают, ибо ведь и материалистическое понимание истории не фиакр, в который можно садиться по своему произволу, и перед носителями революции он не останавливается! Но прежде всего традиционалистская *повседневность* наступает после эмоциональной революции, герой веры и прежде всего сама вера исчезают или становятся — что еще эффективнее — составной частью конвенциональной фразы политических обывателей и технических исполнителей. Именно в ситуации борьбы за веру это развитие происходит особенно быстро, ибо им, как правило, руководят или вдохновляют его подлинные *вожди* — пророки революции. Потому что и здесь, как и во всяком аппарате вождя, одним из условий успеха является опустошение и опредмечивание, духовная пролетаризация в интересах

«дисциплины». Поэтому достигшая господства свита борца за веру особенно легко вырождается обычно в совершенно заурядный слой обладателей теплых мест.

Кто хочет заниматься политикой вообще и сделать ее своей единственной профессией, должен осознавать данные этические парадоксы и свою ответственность за то, что под их влиянием получится из *него самого*. Он, я повторяю, спутывается с дьявольскими силами, которые подкарауливают его при каждом действии насилия. Великие виртуозы акосмической любви к человеку и доброты, происходят ли они из Назарета, из Ассизи или из индийских королевских замков, не «работали» с политическим средством — насилием; их царство было не от мира сего, и все-таки они действовали и действовали в этом мире, и фигуры Платона Каратаева у Толстого и святых [людей] у Достоевского все еще являются самыми адекватными конструкциями по их образу и подобию. Кто ищет спасения своей души и других душ, тот ищет его не на пути

политики, которая имеет совершенно иные задачи — такие, которые можно разрешить только при помощи насилия. Гений или демон политики живет во внутренней конфронтации с богом любви, в том числе и с христианским Богом в его церковном проявлении, — напряжении, которое в любой момент может разразиться непримиримым конфликтом. Люди знали это уже во времена господства церкви. Вновь и вновь налагался на Флоренцию интердикт — а тогда для людей и спасения их душ это было властью куда более грубой, чем (говоря словами Фихте) «холодное одобрение» кантианского этического суждения, — но граждане сражались против государства церкви. И в связи с такими ситуациями Макиавелли в одном замечательном месте, если не ошибаюсь, «Истории Флоренции» заставляет одного из своих героев воздать хвалу тем гражданам, для которых величие отчего города важнее, чем спасение души. [...]

Политика есть мощное медленное бурение твердых пластов, проводимое одновременно со страстью и холодным глазомером. Мысль в общем-то правильная, и весь исторический опыт подтверждает, что возможного нельзя было бы достичь, если бы в мире снова и снова не тянулись к невозможному. Но тот, кто на это способен, должен быть вождем, мало того, он еще должен быть — в самом простом смысле слова — героем. И даже те, кто не суть ни то, ни другое, должны вооружиться той твердостью духа, которую не сломит и крушение всех надежд; уже теперь они должны вооружиться ею, ибо иначе не сумеют осуществить даже то, что возможно ныне. Лишь тот, кто уверен, что он не дрогнет, если, с его точки зрения, мир окажется слишком глупым

или слишком подлым для того, что он хочет ему предложить; лишь тот, кто вопреки всему способен сказать «и все-таки!», — лишь тот имеет профессиональное призвание к политике.

Печатается по: *Вебер М.* Избранные сочинения. М., 1990. С. 644—675, 689—706.

К. ШМИТТ

Понятие политического

Понятие государства предполагает понятие политического.

Согласно сегодняшнему словоупотреблению, государство есть политический статус народа, организованного в территориальной замкнутости. Таково предварительное описание, а не определение понятия государства.

Но здесь, где речь идет о сущности политического, это определение и не требуется. [...] Государство по смыслу самого слова и по своей исторической явленности есть особого рода состояние народа, именно такое состояние, которое в решающем случае оказывается наиважнейшим (maßgebend), а потому в противоположность многим мыслимым индивидуальным и коллективным статусам это просто статус, статус как таковой. Большого первоначально не скажешь. Оба признака, входящие в это представление: статус и народ, — получают смысл лишь благодаря более широкому признаку, т.е. политическому, и, если неправильно понимается сущность политического, они становятся непонятными.

Редко можно встретить ясное определение политического. По большей части слово это употребляется лишь негативным образом, в противоположность другим понятиям в таких антитезах, как «политика и хозяйство», «политика и мораль», «политика и право», а в праве это опять-таки антитеза «политика и гражданское право» и т.д. [...] Государство тогда оказывается чем-то политическим, а политическое чем-то государственным, и этот круг в определениях явно неудовлетворителен.

В специальной юридической литературе имеется много такого рода описаний политического, которые, однако, коль скоро они не имеют политически-полемиического смысла, могут быть поняты, лишь исходя из практически-технического интереса в юридическом или административном разрешении единичных случаев. (...]

Такого рода определения, отвечающие потребностям правовой практики, ищут в сущности лишь практическое средство для отграничения различных фактических обстоятельств, выступающих внутри государства в его правовой практике, но целью этих определений не является общая дефиниция политического как такового. Поэтому они обходятся отсылками к государству или государственному, пока государство и государственные учреждения могут приниматься за нечто само собой разумеющееся и прочное. Понятны, а постольку и научно оправданны также и те общие определения понятия политического, которые не содержат в себе ничего, кроме отсылки к «государству», покуда государство действительно есть четкая, однозначно определенная величина и противостоит негосударственным и именно потому «неполитическим» группам и «неполитическим» вопросам, т.е. пока государство обладает монополией на политическое. [...]

Напротив, приравнивание «государственного к политическому» становится неправильным и начинает вводить в заблуждение, чем боль-

те государство и общество начинают пронизывать друг друга; все вопросы, прежде бывшие государственными, становятся общественными, и наоборот: все дела, прежде бывшие «лишь» общественными, становятся государственными, как это необходимым образом происходит при демократически организованном общественном устройстве (Gemeinwesen). Тогда области, прежде «нейтральные» — религия, культура, образование, хозяйство, — перестают быть «нейтральными» (в смысле негосударственными и неполитическими). В качестве полемического контрпонятия против таких нейтрализации и деполитизаций важных предметных областей выступает тотальное государство тождественности государства и общества, не безучастное ни к какой предметной области, потенциально всякую предметную область захватывающее. Вследствие этого в нем все, по меньшей мере возможным образом, политично, и отсылка к государству более не в состоянии обосновать специфический различительный признак «политического». [...]

Определить понятие политического можно, лишь обнаружив и установив специфически политические категории. Ведь политическое имеет свои собственные критерии, начинающие своеобразно действовать в противоположность различным, относительно самостоятельным предметным областям человеческого мышления и действия, в особенности в противоположность моральному, эстетическому, экономическому. Поэтому политическое должно заключаться в собственных последних различениях, к которым может быть сведено все в

специфическом смысле политическое действие. Согласимся, что в области морального последние различия суть «доброе» и «злое»; в эстетическом — «прекрасное» и «безобразное»; в экономическом — «полезное» и «вредное» или, например, «рентабельное» и «нерентабельное». Вопрос тогда состоит в том, имеется ли также особое, иным различием, правда, неоднородное и не аналогичное, но от них все-таки независимое, самостоятельное и как таковое уже очевидное различие как простой критерий политического и в чем это различие состоит. Специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, — это различие друга и врага. Оно дает определение понятия через критерий, а не через исчерпывающую дефиницию или сообщение его содержания. Поскольку это различие невыводимо из иных критериев, такое различие применительно к политическому аналогично относительно самостоятельным критериям других противоположностей: добру и злу в моральном, прекрасному и безобразному в эстетическом и т.д. Во всяком случае оно само-

ятельно не в том смысле, что здесь есть подлинно новая предметная область, но в том, что его нельзя ни обосновать посредством какой-либо одной из иных указанных противоположностей или же ряда их, ни свести к ним. Если противоположность доброго и злого просто, без дальнейших оговорок не тождественна противоположности прекрасного и безобразного или полезного и вредного и ее непозволительно непосредственно редуцировать к таковым, то тем более непозволительно спутывать или смешивать с одной из этих противоположностей противоположность друга и врага. Смысл различения друга и врага состоит в том, чтобы обозначить высшую степень интенсивности соединения или разделения, ассоциации или диссоциации; это различие может существовать теоретически и практически независимо оттого, используются ли одновременно все эти моральные, эстетические, экономические или иные различия. Не нужно, чтобы политический враг был морально зол, не нужно, чтобы он был эстетически безобразен, не должен он непременно оказаться хозяйственным конкурентом, а может быть, даже окажется и выгодно вести с ним дела. Он есть именно иной, чужой, и для существа его довольно и того, что он в особенно интенсивном смысле есть нечто иное и чуждое, так что в экстремальном случае возможны конфликты с ним, которые не могут быть разрешены ни предпринятым заранее установлением всеобщих норм, ни приговором «непричастного» и потому «беспристрастного» третьего.

Возможность правильного познания и понимания, а тем самым и полномочное участие в обсуждении и произнесении суждения даются здесь именно и только экзистенциальным участием и причастностью. Экстремальный конфликтный случай могут уладить между собой лишь сами участники; лишь самостоятельно может каждый из них решить, означает ли в данном конкретном случае инобытие чужого отрицание его собственного рода существования, и потому оно [инобытие чужого] отражается или побеждается, дабы сохранен был свой собственный, бытийственный род жизни. В психологической реальности легко напрашивается трактовка врага как злого и безобразного, ибо всякое различие и разделение на группы, а более всего, конечно, политическое как самое сильное и самое интенсивное из них привлекает для поддержки все пригодные для этого различения. Это ничего не меняет в самостоятельности таких противоположностей. А отсюда следует и обратное: моральное злое, эстетически безобразное или экономически вредное от этого еще не оказываются врагом; морально доброе, эстетически прекрасное и экономически полезное еще не становятся другом в спе-

цифическом, т.е. политическом, смысле слова. Бытийственная предметность и самостоятельность политического проявляются уже в этой возможности отделить такого рода специфическую противоположность, как «друг— враг», от других различий и понимать ее как нечто самостоятельное. [...]

Понятие «друг» и «враг» следует брать в их конкретном, экзистенциальном смысле, а не как метафоры или символы; к ним не должны подмешиваться, их не должны ослаблять экономические, моральные и иные представления, и менее всего следует понимать их психологически, в частности индивидуалистическом смысле, как выражение частных чувств и тенденций. «Друг» и «враг» — противоположности не нормативные и не «чисто духовные». Либерализм, для которого типична дилемма «дух — экономика» (более подробно рассмотренная ниже в разделе восьмом), попытался растворить врага со стороны торгово-деловой в конкуренте, а со стороны духовной в дискутирующем оппоненте. Конечно, в сфере экономического врагов нет, а есть лишь конкуренты; в мире, полностью морализованном и этицированном, быть может, уже остались только дискутирующие оппоненты. Все равно, считают ли это предосудительным или нет, усматривают ли атавистический остаток варварских времен в том, что народы реально подразделяются на группы друзей и врагов, или есть надежда, что однажды это различие исчезнет с лица земли; а также независимо от того, хорошо ли и правильно ли (по соображениям воспитательным) выдумывать, будто врагов вообще больше нет, — все это здесь во внимание не

принимается. Здесь речь идет не о фикциях и нормативной значимости, но о бытийственной действительности и реальной возможности этого различения. Можно разделять или не разделять эти надежды и воспитательные устремления; то, что народы группируются по противоположности «друг — враг», что эта противоположность и сегодня действительна и дана как реальная возможность каждому политически существующему народу, — это разумным образом отрицать невозможно. Итак, враг не конкурент и не противник в общем смысле. Враг также и не частный противник, ненавидимый в силу чувства антипатии. Враг, по меньшей мере эвентуально, т.е. по реальной возможности, — это только борющаяся совокупность людей, противостоящая точно такой же совокупности. Враг есть только публичный враг, ибо все, что соотнесено с такой совокупностью людей, в особенности с целым народом, становится поэтому публичным. [...] Врага в политическом смысле не

28 Раздел I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

требуется лично ненавидеть, и лишь в сфере частного имеет смысл любить «врага своего», т.е. своего противника. [...]

Политическая противоположность — это противоположность самая интенсивная, самая крайняя, и всякая конкретная противоположность есть противоположность политическая тем более, чем больше она приближается к крайней точке, разделению на группы «друг — враг». Внутри государства как организованного политического единства, которое как целое принимает для себя решение о друге и враге, наряду с первичными политическими решениями и под защитой принятого решения возникают многочисленные вторичные понятия о «политическом». Сначала это происходит при помощи рассмотренного в разделе первом отождествления политического с государственным. Результатом такого отождествления оказывается, например, противопоставление «государственно-политической» позиции партийно-политической или же возможность говорить о политике в сфере религии, о школьной политике, коммунальной политике, социальной политике и т.д. самого государства. Но и здесь для понятия политического конститутивны противоположность и антагонизм внутри государства (разумеется, релятивированные существованием государства как охватывающего все противоположности политического единства). Наконец, развиваются еще более ослабленные, извращенные до паразитарности и карикатурности виды «политики», в которых от изначального деления на группы «друг — враг» остается уже лишь какой-то антагонистический момент, находящий свое выражение во всякого рода тактике и практике, конкуренции и интригах и

характеризующий как «политику» самые диковинные гешефты и манипуляции. Но вот то, что отсылка к конкретной противоположности содержит в себе существо политических отношений, выражено в обиходном словоупотреблении даже там, где уже полностью потеряно сознание «серьезного оборота дел». Повседневным образом это позволяют видеть два легко фиксируемых феномена. Во-первых, все политические понятия, представления и слова имеют полемический смысл; они предполагают конкретную противоположность, привязаны к конкретной ситуации, последнее следствие которой есть (находящее выражение в войне или революции) разделение на группы «друг — враг», и они становятся пустой и призрачной абстракцией, если эта ситуация исчезает. Такие слова, как «государство», «республика», «общество», «класс» и, далее, «суверенитет», «правовое государство», «абсолютизм», «диктатура», «план», «нейтральное государство» или «тотальное государство» и т.д., непо-

няты, если неизвестно кто *in konkreto* должен быть поражен, побежден, подвергнут отрицанию и опровергнут посредством именно такого слова. Преимущественно полемический характер имеет и употребление в речи самого слова «политический», все равно, выставляют ли противника в качестве «неполитического» (т.е. того, кто оторван от жизни, упускает конкретное) или же, напротив, стремятся дисквалифицировать его, донести на него как на «политического», чтобы возвыситься над ним в своей «неполитичности» («неполитическое» здесь имеет смысл чисто делового, чисто научного, чисто морального, чисто юридического, чисто эстетического, чисто экономического или сходных оснований полемической чистоты). Во-вторых, способ выражения, бытующий в актуальной внутригосударственной полемике, часто отождествляет ныне «политическое» с «партийно-политическим»: неизбежная «необъективность» всех политических решений, являющаяся лишь отражением имманентного всякому политическому поведению различия «друг — враг», находит затем выражение в том, как убоги формы, как узки горизонты партийной политики, когда речь идет о замещении должностей, о прибыльных местечках; вырастающее отсюда требование «деполитизации» означает лишь преодоление партийно-политического и т.д. Приравнение политического к партийно-политическому возможно, если теряет силу идея охватывающего, релятивирующего все внутривнутриполитические партии и их противоположности политического единства («государства»), и вследствие этого внутригосударственные противоположности обретают большую

интенсивность, чем общая внешнеполитическая противоположность другому государству. Если партийно-политические противоположности внутри государства без остатка исчерпывают собой противоположности политические, то тем самым достигается высший предел «внутриполитического» ряда; т.е. внутригосударственное, а не внегосударственное разделение на группы «друг — враг» имеет решающее значение для вооруженного противостояния. Реальная возможность борьбы, которая должна всегда наличествовать, дабы речь могла вестись о политике, при такого рода «примате внутренней политики» относится, следовательно, уже не к войне между организованными единствами народов (государствами или империями), но к войне гражданской.

Ибо понятие «враг» предполагает лежащую в области реального эвентуальность борьбы. Тут надо отрешиться от всех случайных, подверженных историческому развитию изменений в технике ведения войны и изготовления оружия. Война есть вооруженная борьба между

организованными политическими единствами, гражданская война — вооруженная борьба внутри некоторого (становящегося, однако, в силу этого проблематическим) организованного единства. Существенно в понятии оружия то, что речь идет о средстве физического убийства людей. Так же, как и слово «враг», слово «борьба» следует здесь понимать в смысле бытийственной изначальности. Оно означает не конкуренцию, не чисто духовную борьбу-дискуссию, не символическое борение, некоторым образом всегда совершаемое каждым человеком, ибо ведь и вся человеческая жизнь есть борьба и всякий человек — борец. Понятия «друг», «враг» и «борьба» свой реальный смысл получают благодаря тому, что они в особенности соотнесены и сохраняют особую связь с реальной возможностью физического убийства. Война следует из вражды, ибо эта последняя есть бытийственное отрицание чужого бытия. Война есть только крайняя реализация вражды. Ей не нужно быть чем-то повседневным, чем-то нормальным, но ее и не надо воспринимать как нечто идеальное или желательное, а скорее, она должна оставаться в наличии как реальная возможность, покуда смысл имеет понятие врага.

Итак, дело отнюдь не обстоит таким образом, словно бы политическое бытие (Dasein) — это не что иное, как кровавая война, а всякое политическое действие — это действие военное и боевое, словно бы всякий народ непрерывно и постоянно был относительно всякого иного народа поставлен перед альтернативой «друг или враг», а политически правильным не могло бы быть именно избежание войны. Даваемая здесь

дефиниция политического не является ни беллицистской, или милитаристской, ни империалистической, ни пацифистской. Она не является также попыткой выставить в качестве социального идеала победоносную войну или удачную революцию, ибо ни война, ни революция не суть ни нечто социальное, ни нечто идеальное. [...]

Поэтому «друг — враг» как критерий различения тоже отнюдь не означает, что определенный народ вечно должен быть другом или врагом определенного другого народа или что нейтральность невозможна или не могла бы иметь политического смысла.

Только понятие нейтральности, как и всякое политическое понятие, тоже в конечном счете предполагает реальную возможность разделения на группы «друг — враг», а если бы на земле оставался только нейтралитет, то тем самым конец пришел бы не только войне, но и нейтралитету как таковому, равно как и всякой политике, в том числе и политике по избежанию войны, которая кончается, как только реальная возможность борьбы

отпадает. Главное значение здесь имеет лишь возможность этого решающего случая, действительной борьбы, и решение о том, имеет ли место этот случай или нет.

Исключительность этого случая не отрицает его определяющего характера, но лишь она обосновывает его. Если войны сегодня не столько многочисленны и повседневны, как прежде, то они все-таки настолько же или, быть может, еще больше прибавили в одолевающей мощи, насколько убавили в частоте и обыденности. Случай войны и сегодня — «серьезный оборот дел». Можно сказать, что здесь, как и в других случаях, исключение имеет особое значение, играет решающую роль и обнажает самую суть вещей. Ибо лишь в действительной борьбе сказываются крайние последствия политического разделения на группы друзей и врагов. От этой чрезвычайной возможности жизнь людей получает свое специфически политическое напряжение.

Мир, в котором была бы полностью устранена и исчезла бы возможность такой борьбы, окончательно умиротворенный земной шар, стал бы миром без различения друга и врага и вследствие этого миром без политики. В нем, быть может, имелись бы множество весьма интересных противоположностей и контрастов, всякого рода конкуренция и интриги, но не имела бы смысла никакая противоположность, на основании которой от людей могло бы требоваться самопожертвование и им давались бы полномочия проливать кровь и убивать других людей. И тут для определения понятия «политическое» тоже не важно, желателен ли такого рода мир без политики как идеальное состояние. Феномен «политическое» можно понять лишь через отнесение к

реальной возможности разделения на группы друзей и врагов, все равно, что отсюда следует для религиозной, моральной, эстетической, экономической оценки политического.

Война как самое крайнее политическое средство вскрывает лежащую в основе всякого политического представления возможность этого различения друга и врага и потому имеет смысл лишь до тех пор, пока это представление реально наличествует или по меньшей мере реально возможно в человечестве. Напротив, война, которую ведут по «чисто» религиозным, «чисто» моральным, «чисто» юридическим или «чисто» экономическим мотивам, была бы противна смыслу. Из специфических противоположностей этих областей человеческой жизни невозможно шести разделение по группам друзей и врагов, а потому и какую-либо войну тоже. Войне не нужно быть ни чем-то спасительным, ни чем-то морально добрым, ни чем-то рентабельным; ныне она, вероят-

но, ничем из этого не является. Этот простой вывод по большей части затуманивается тем, что религиозные, моральные и другие противоположности усиливаются до степени политических и могут вызывать образование боевых групп друзей или врагов, которое имеет определяющее значение. Но если дело доходит до разделения на такие боевые группы, то главная противоположность больше уже не является чисто религиозной, моральной или экономической, она является противоположностью политической. Вопрос затем состоит всегда только в том, наличествует ли такое разделение на группы друзей и врагов как реальная возможность или как действительность или же его нет независимо оттого, какие человеческие мотивы оказались столь сильны, чтобы его вызвать.

Ничто не может избежать неумолимых следствий политического. Если бы враждебность пацифистов войне стала столь сильна, что смогла бы вовлечь их в войну против непацифистов, в некую войну против войны, то тем самым было бы доказано, что она имеет действительно политическую силу, ибо крепка настолько, чтобы группировать людей как друзей и врагов. Если воля воспрепятствовать войне столь сильна, что ей не страшна больше сама война, то, значит, она стала именно политическим мотивом, т.е. она утверждает, пусть даже лишь как вероятную возможность, войну и даже смысл войны. В настоящее время это кажется самым перспективным способом оправдания войны. Война тогда разыгрывается в форме «последней окончательной войны человечества». Такие войны — это войны по необходимости, особенно интенсивные и бесчеловечные, ибо

они, выходя за пределы политического, должны одновременно умалять врага в категориях моральных и иных и делать его бесчеловечным чудовищем, которое должно быть не только отогнано, но и окончательно уничтожено, т.е. не является более только подлежащим водворению обратно в свои пределы врагом. Но в возможности таких войн особенно явственно сказывается то, что сегодня война как возможность еще вполне реальна, а только об этом и идет речь при различении друга и врага и познании политического. [...]

Всякая противоположность — религиозная, моральная, экономическая или этническая.— превращается в противоположность политическую, если она достаточно сильна для того, чтобы эффективно разделять людей на группы друзей и врагов.

Политическое заключено не в самой борьбе, которая опять-таки имеет свои собственные технические, психологические и военные законы, но, как сказано, в определяемом этой реальной возможностью поведении, в ясном познании опре-

деляемой ею собственной ситуации и в задаче правильно различать друга и врага. Религиозное сообщество, которое как таковое ведет войны, будь то против членов другого религиозного сообщества, будь то иные, есть — помимо того что оно является сообществом религиозным — некое политическое единство. Оно является политической величиной даже тогда, когда лишь в негативном смысле имеет возможность влиять на этот чрезвычайно важный процесс, когда в состоянии препятствовать войнам путем запрета для своих членов, т.е. решающим образом отрицать качества врага за противником. То же самое относится к базирующемуся на экономическом фундаменте объединению людей, например промышленному концерну или профсоюзу. Так же и «класс» в марксистском смысле слова перестает быть чем-то чисто экономическим и становится величиной политической, если достигает этой критической точки, т.е. принимает всерьез классовую «борьбу», рассматривает классового противника как действительного врага и борется против него, будь то как государство против государства, будь то внутри государства, в гражданской войне. Тогда действительная борьба необходимым образом разыгрывается уже не по экономическим законам, но наряду с методами борьбы в узком, техническом смысле имеет свою политическую необходимость и ориентацию, коалиции, компромиссы и т.д. Если внутри некоего государства пролетариат добивается для себя политической власти, то возникает именно пролетарское государство, которое является политическим образованием в не меньшей мере, чем национальное государство,

государство священников, торговцев или солдат, государство чиновников или какая-либо иная категория политического единства. Если по противоположности пролетариев и буржуа удастся разделить на группы друзей и врагов все человечество в государствах пролетариев и государствах капиталистов, а все иные деления на группы друзей и врагов тут исчезнут, то явит себя вся та реальность политического, какую обретают все эти первоначально якобы чисто экономические понятия. Если политической мощи класса или иной группы внутри некоторого народа хватает лишь на то, чтобы воспрепятствовать всякой войне, какую следовало бы вести вовне, но нет способности или воли самим взять государственную власть, самостоятельно различать друга и врага и в случае необходимости вести войну, тогда политическое единство разрушено.

Политическое может извлекать свою силу из различных сфер человеческой жизни, из религиозных, экономических, моральных и иных противоположностей; политическое не означает никакой собственной

предметной области, но только степень интенсивности ассоциации или диссоциации людей, мотивы которых могут быть религиозными, национальными (в этническом или в культурном смысле), хозяйственными или же мотивами иного рода, и в разные периоды они влекут за собой разные соединения и разъединения. Реальное разделение на группы друзей и врагов бытийственно столь сильно и имеет столь определяющее значение, что неполитическая противоположность в тот самый момент, когда она вызывает такое группирование, отодвигает на задний план свои предшествующие критерии и мотивы: «чисто» религиозные, «чисто» хозяйственные, «чисто» культурные — и оказывается в подчинении у совершенно новых, своеобразных и с точки зрения этого исходного пункта, т.е. «чисто» религиозного, «чисто» хозяйственного или иного, часто весьма непоследовательных и «иррациональных» условий и выводов отныне уже политической ситуации. Во всяком случае группирование, ориентирующееся на серьезный оборот дел, является политическим всегда. И потому оно всегда есть наиважнейшее разделение людей на группы, а потому и политическое единство, если оно вообще наличествует, есть наиважнейшее «суверенное» единство в том смысле, что по самому понятию именно ему всегда необходимым образом должно принадлежать решение относительно самого важного случая, даже если он исключительный.

Здесь весьма уместно слово «суверенитет», равно как и слово «единство». Оба они отнюдь не означают, что каждая частность существования всякого человека, принадлежащего к некоему

политическому единству, должна была бы определяться исходя из политического и находиться под его командованием или же что некая централистская система должна была бы уничтожить всякую иную организацию или корпорацию. Может быть так, что хозяйственные соображения окажутся сильнее всего, что желает правительство якобы экономически нейтрального государства; в религиозных убеждениях власть якобы конфессионально нейтрального государства равным образом легко обнаруживает свои пределы. Речь же всегда идет о случае конфликта. Если противодействующие хозяйственные, культурные или религиозные силы столь могущественны, что принимают решение о серьезном обороте дел исходя из своих специфических критериев, то именно тут они и стали новой субстанцией политического единства. Если они недостаточно могущественны, чтобы предотвратить войну, решение о которой принято вопреки их интересам и принципам, то обнаруживается, что критической точки политического они не достигли. Если они доста-

точно могущественны, чтобы предотвратить войну, желательную их государственному руководству, но противоречащую их интересам или принципам, однако недостаточно могущественны, чтобы самостоятельно, по своим критериям и по своему решению назначать [bestimmen] войну, то в этом случае никакой единой политической величины в наличии больше нет. Как бы то ни было, вследствие ориентации на возможность серьезного оборота дел, т.е. действительной борьбы против действительного врага, политическое единство необходимо либо является главенствующим для разделения на группы друзей или врагов единством и в этом (а не в каком-либо абсолютистском) смысле оказывается суверенным, либо же его вообще нет. [...]

Государству как сущностно политическому единству принадлежит *jus belli*, т.е. реальная возможность в некоем данном случае в силу собственного решения определить врага и бороться с врагом. Какими техническими средствами ведется борьба, какая существует организация войска, сколь велики виды на победу в войне, здесь безразлично, покуда политически единый народ готов бороться за свое существование и свою независимость, причем он в силу собственного решения определяет, в чем состоит его независимость и свобода. Развитие военной техники ведет, кажется, к тому, что остаются еще, может быть, лишь немногие государства, промышленная мощь которых позволяет им вести войну, в то время как малые и более слабые государства, добровольно или вынужденно отказываются от *jus belli*, если им не удастся посредством правильной политики заключения союзов сохранить свою самостоятельность. Это развитие отнюдь не

доказывает, что война, государство и политика вообще закончились. Каждое из многочисленных изменений и переворотов в человеческой истории и развитии порождало новые формы и новые измерения политического разделения на группы, уничтожало существовавшие ранее политические образования, вызывало войны внешние и войны гражданские и то умножало, то уменьшало число организованных политических единств.

Государство как наиважнейшее политическое единство сконцентрировало у себя невероятные полномочия: возможность вести войну и тем самым открыто распоряжаться жизнью людей. Ибо *jus belli* содержит в себе такое полномочие; оно означает двойную возможность: возможность требовать от тех, кто принадлежит к собственному народу, готовности к смерти и готовности к убийству и возможность убивать людей, стоящих на стороне врага. Но эффект, производимый нормальным государством, состоит прежде всего в том, чтобы ввести полное умиро-

творение внутри государства и принадлежащей ему территории, установить «спокойствие, безопасность и порядок» и тем самым создать нормальную ситуацию, являющуюся предпосылкой того, что правовые нормы вообще могут быть значимы, ибо всякая норма предполагает нормальную ситуацию и никакая норма не может быть значима в совершенно ненормальной применительно к ней ситуации.

В критических ситуациях эта необходимость внутригосударственного умиротворения ведет к тому, что государство как политическое единство совершенно самовластно, покуда оно существует, определяет и «внутреннего врага». [...] Это в зависимости от поведения того, кто объявлен врагом, является знаком гражданской войны, т.е. разрушения государства как некоего в себе умиротворенного, территориально в себе замкнутого и непроницаемого для чужих, организованного политического единства. Через гражданскую войну решается затем дальнейшая судьба этого единства. К конституционному, гражданскому, правовому государству это относится в не меньшей степени, чем к любому другому государству, а пожалуй, даже считается тут еще более несомненным, несмотря на все ограничения, налагаемые конституционным законом на государство. [...]

В экономически функционирующем обществе достаточно средств, чтобы выставить за пределы своего кругооборота и ненасильственным, «мирным» образом обезвредить побежденного, неудачника в экономической конкуренции или даже «нарушителя спокойствия», говоря конкретно, уморить его

голодом, если он не подчиняется добровольно; в чисто культурной, или цивилизационной, общественной системе не будет недостатка в «социальных показаниях», чтобы избавиться себя от нежелательных угроз или нежелательного прироста. Но никакая программа, никакой идеал, никакая норма и никакая целесообразность не присвоят права распоряжения физической жизнью других людей. Всерьез требовать от людей, чтобы они убивали людей и были готовы умирать, дабы процветали торговля и промышленность выживших или росла потребительская способность их внуков, — жестоко и безумно. Проклинать войну как человекоубийство, а затем требовать от людей, чтобы они вели войну и на войне убивали и давали себя убивать, чтобы «никогда снова не было войны», — это явный обман. Война, готовность борющихся людей к смерти, физическое убиение других людей, стоящих на стороне врага, — у всего этого нет никакого нормативного смысла, но только смысл экзистенциальный, и именно в реальности ситуации действительной борьбы против действительного врага, а не в

каких-то идеалах, программах или совокупностях норм. Нет никакой рациональной цели, никакой сколь бы то ни было правильной нормы, никакой сколь бы то ни было образцовой программы, никакого сколь бы то ни было прекрасного социального идеала, никакой легитимности или легальности, которые бы могли оправдать, что люди за это взаимно убивают один другого. [...]

Конструкции, содержащие требование справедливой войны, обычно служат опять-таки какой-либо политической цели. Требовать от образовавшего политическое единство народа, чтобы он вел войны лишь на справедливом основании, есть именно либо нечто само собой разумеющееся, если это значит, что война должна вестись только против действительного врага, либо же за этим скрывается политическое устремление подsunуть распоряжение *jus belli* в другие руки и найти такие нормы справедливости, о содержании и применении которых в отдельном случае будет решать не само государство, но некий иной, третий, который, таким образом, будет определять, кто есть враг. Покуда народ существует в сфере политического, он должен — хотя бы и только в крайнем случае (но о том, имеет ли место крайний случай, решает он сам, самостоятельно) — определять различие друга и врага. В этом состоит существо его политической экзистенции. Если у него больше нет способности или воли к этому различению, он прекращает политически существовать. Если он позволяет, чтобы кто-то чужой предписывал ему, кто есть его враг и против кого ему можно бороться, а против кого нет, он больше уже не является

политически свободным народом и подчинен иной политической системе или же включен в нее. Смысл войны состоит не в том, что она ведется за идеалы или правовые нормы, но в том, что ведется она против действительного врага. Все замутнения этой категории «друг — враг» объясняются смешением с какими-либо абстракциями или нормами. [...]

Если часть народа объявляет, что у нее врагов больше нет, то тем самым в силу положения дел она ставит себя на сторону врагов и помогает им, но различие друга и врага тем самым отнюдь не устранено. Если граждане некоего государства заявляют, что лично у них врагов нет, то это не имеет отношения к вопросу, ибо у частного человека нет политических врагов; такими заявлениями он в лучшем случае хочет сказать, что он желал бы выйти из той политической совокупности, к которой он принадлежит по своему тут-бытию, и отныне жить лишь как частное лицо. Далее, было бы заблуждением верить, что один отдельный народ мог бы, объявив дружбу всему миру или же посредством

того, что он добровольно разоружится, устранить различие друга и врага. Таким образом мир не деполитизируется и не переводится в состояние чистой моральности, чистого права или чистой хозяйственности. Если некий народ страшится трудов и опасностей политической экзистенции, то найдется именно некий иной народ, который примет на себя эти труды, взяв на себя его «защиту против внешних врагов» и тем самым политическое господство; покровитель (Schutzherr) определяет затем врага в силу извечной взаимосвязи защиты (Schutz) и повиновения. [...] Из категориального признака политического следует плюрализм мира государств. Политическое единство предполагает реальную возможность врага, а тем самым и другое, сосуществующее политическое единство. Поэтому на Земле, пока вообще существует государство, есть много государств и не может быть обнимающего всю Землю и все человечество мирового «государства». Политический мир — это не универсум, а плюриверсум. [...] Политическое единство по своему существу не может быть универсальным, охватывающим все человечество и весь мир единством. Если различные народы, религии, классы и другие группы обитающих на Земле людей окажутся в целом объединены таким образом, что борьба между ними станет немислимой и невозможной, то и гражданская война внутри охватывающей всю Землю империи даже как нечто возможное никогда уже не будет фактически приниматься в расчет, т.е. различие друга и врага прекратится даже в смысле чистой эвентуальности, тогда будут лишь свободные от политики мировоззрение, культура, цивилизация, хозяйство, мораль, право,

искусство, беседы и т.д., но не будет ни политики, ни государства. Наступит ли, и если да, то когда, такое состояние на Земле и в человечестве, я не знаю. Но пока его нет. Предполагать его существующим было бы бесчестной фикцией. И весьма недолговечным заблуждением было бы мнение, что ныне (поскольку война между великими державами легко перерастает в мировую войну) окончание войны должно представлять собой мир во всем мире и тем самым идиллическое состояние полной и окончательной деполитизации.

Человечество как таковое не может вести никакой войны, ибо у него нет никакого врага, по меньшей мере на этой планете.

Понятие «человечество» исключает понятие «враг», ибо и враг не перестает быть человечеством, и тут нет никакого специфического различия. То, что войны ведутся во имя человечества, не есть опровержение этой простой истины, но имеет лишь особенно ярко выраженный политический

смысл. Если государство во имя человечества борется со своим политическим врагом, то это не война человечества, но война, для которой определенное государство пытается в противоположность своему военному противнику оккупировать универсальное, понятие, чтобы идентифицировать себя с ним (за счет противника), подобно тому как можно злоупотребить понятиями «мир», «справедливость», «прогресс», «цивилизация», чтобы истребовать их для себя и отказать в них врагу.

«Человечество» — особенно пригодный идеологический инструмент империалистических экспансий и в своей этически-гуманитарной форме это специфическое средство экономического империализма. [...]

Напрашивается, однако, вопрос, каким людям достанется та чудовищная власть, которая сопряжена со всемирной хозяйственной и технической централизацией. [...] Ответить на него можно оптимистическими или пессимистическими предположениями, которые в конечном счете сводятся к некоторому антропологическому исповеданию веры. □...□

Все теории государства и политические идеи можно испытать в отношении их антропологии и затем подразделить в зависимости от того, предполагается ли в них, сознательно или бессознательно, «по природе злой» или «по природе добрый» человек. Различение имеет совершенно обобщенный характер, его не надо брать в специальном моральном или этическом смысле. Решающим здесь является проблематическое или непроблематическое понимание человека как предпосылки всех дальнейших политических расчетов, ответ на вопрос, является ли

человек существом «опасным» или безопасным, рискованным или безвредным, *нерискованным*». [...]

Что к этим формулам можно свести в особенности противоположность так называемых авторитарных и анархистских теорий, это я показывал неоднократно. Часть теорий и конструкций, которые таким образом предполагают, что человек «хорош», либеральны и полемическим образом направлены против вмешательства государства, не будучи к собственному смыслу слова анархическими. Когда речь идет об открытом анархизме, то уже совершенно ясно, насколько тесно связана вера и «естественную доброту» с радикальным отрицанием государства, одно следует из другого и взаимно подкрепляется. Напротив, для либерала доброта человека не более чем аргумент, с помощью которого государство ставится на службу «обществу»; таким образом, это означает только, что «общество» имеет свой порядок в себе самом, а государ-

ство есть лишь его недоверчиво контролируемый, скованный жестко определенными границами подданный. [...] Враждебный государству радикализм возрастает в той же мере, в какой растет вера в радикальное добро человеческой природы. Буржуазный либерализм никогда не был радикален в политическом смысле. Но само собой разумеется, что его отрицание государства и политического, его нейтрализации, деполитизации и декларации свободы равным образом имеют политический смысл и в определенной ситуации полемически направляются против определенного государства и его политической власти. Только это, собственно, не теория государства и не политическая идея. Правда, либерализм не подверг государство радикальному отрицанию, но, с другой стороны, и не обнаружил никакой позитивной теории государства и никакой собственной государственной реформы, но только попытался связать политическое исходя из этического и подчинить его экономическому; он создал учение о разделении и взаимном уравновешении «властей», т.е. систему помех и контроля государства, которую нельзя охарактеризовать как теорию государства или как политический конструктивный принцип. Соответственно сохраняет свою силу то примечательное и весьма беспокоящее многих утверждение, что во всех политических теориях предполагается, что человек — «злое» существо, т.е. он никоим образом не рассматривается как непроблематический, но считается «опасным» и динамичным. [...]

Поскольку же сфера политического в конечном счете определяется возможностью врага, то и политические

представления не могут с успехом брать за исходный пункт антропологический «оптимизм». Иначе вместе с возможностью врага они бы отрицали и всякие специфически политические следствия. [...]

Либерализмом последнего столетия все политические представления были своеобразно и систематически изменены и денатурированы. В качестве исторической реальности либерализм столь же мало избег политического, как и любое значительное историческое движение, и даже его нейтрализация и деполитизация, касающаяся образования, хозяйства и т.д., имеют политический смысл. Либералы всех стран вели политику, как и другие люди, и вступали в коалиции также и с нелиберальными элементами и идеями, оказываясь национал-либералами, социал-либералами, свободно-консервативными, либеральными католиками и т.д. В особенности же они связывали себя с совершенно нелиберальными, по существу своему политическими и даже ведущими к

тотальному государству силами демократии. Вопрос, однако, состоит в том, можно ли из чистого и последовательного понятия индивидуалистического либерализма получить специфически политическую идею. На это следует ответить: нет. Ибо отрицание политического, которое содержится во всяком последовательном индивидуализме, может быть, и приводит к политической практике недоверия всем мыслимым политическим силам и формам государства, но никогда не дает подлинно позитивной теории государства и политики. И вследствие этого имеется либеральная политика как полемическая противоположность государственным, церковным или иным ограничениям индивидуальной свободы, торговая политика, церковная и школьная политика, культурная политика, но нет просто либеральной политики, а всегда лишь либеральная критика политики. [...]

Что хозяйственные противоположности стали политическими и что Дрогло возникнуть понятие «хозяйственная властная позиция», только показывает, что точка политического может быть достигнута исходя из хозяйства, как и всякой предметной области. [...] Экономически фундированный империализм, конечно, попытается ввести на Земле такое состояние, в котором он сможет беспрепятственно применять свои хозяйственные средства власти: эмбарго на кредиты, эмбарго на сырье, разрушение чужой валюты и т.д. — и сможет обходиться этими средствами. Он будет считать «внеэкономическим насилием», если народ или иная группа людей попытается избежать действия этих «мирных» методов. [...] Наконец, в его распоряжении еще

имеются технические средства для насильственного физического убийства — технически совершенное современное оружие, которое с применением капитала и интеллекта делается столь неслыханно пригодным, чтобы в случае необходимости его действительно можно было использовать. Для приложения таких средств образуется, конечно, новый, по существу своему пацифистский словарь, которому больше неизвестна война, но ведомы лишь экзекуции, санкции, карательные экспедиции, умиротворение, защита договоров, международная полиция, мероприятия по обеспечению мира. Противник больше не зовется врагом, но вместо этого он оказывается нарушителем мира и как таковой объявляется *hors-la-loi* и *hors l'humanité*; война, ведущаяся для сохранения или расширения экономических властных позиций, должна быть усилиями пропаганды сделана «крестовым походом» и «последней войной человечества». Этого требует полярность этики и экономики. В ней, конечно, обнаруживается удивительная систематичность и последовательность, и эта

система, мнимо неполитическая и якобы даже антиполитическая, либо служит существующему разделению на группы друзей и врагов, либо же ведет к новому и потому неспособна избежать политического как своего неминуемого следствия.

Печатается по: *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37—67.

Ч. МЕРРИАМ

Новые аспекты политики

[...] Можно суммировать достижения в области политических исследований, полученные за время популярности теории естественного права, т.е. примерно за сто лет, следующим образом:

1. Стремление к сравнению разных типов политических идей, институтов, процессов, к изучению их сходства и различия.
2. Стремление к более глубокому анализу экономических сил и их отношения к политическим процессам, порой вплоть до экономической интерпретации всех политических явлений. При этом сравнительная легкость количественного измерения определенных экономических фактов в значительной степени облегчает процесс, в действительности означая расширение «экономического» за пределы общепринятого употребления этого термина.

3. Стремление к рассмотрению социальных сил в их связи с политическими процессами. Временами это принимает форму социальной интерпретации всех политических фактов.
4. Стремление к исследованию географической среды и ее влияния на политические феномены и процессы.
5. Стремление к более глубокому изучению массы фактов этнического и биологического характера и их отношения к политическим силам.
6. Взятые вместе, эти устремления устанавливают другое отношение между политическими феноменами и всем их окружением, как социальным, так и физическим. Аналогичные исследования были предприняты в свое время Боденом и Монтескье, однако они носили более упрощенный характер по сравнению с предыдущими, более детальными и тщательными разработками.
7. Стремление к изучению происхождения политических идей и институтов. Это совместный продукт истории и биологии с присущим

обеим признанием важности исторического роста и развития в эволюционной теории жизни. С середины девятнадцатого века она господствует над всей политической мыслью.

8. Общее стремление соединить исследование с позиций окружающей среды (экономической, социальной, физической), взятой в целом, генетическим или эволюционным подходом может реализоваться в глубоком и по сути революционном изменении политического мышления. И это, бесспорно, справедливо по сравнению со статичной доктриной схоластики или с абсолютистскими тенденциями *Naturrecht*¹ школы мышления.

9. Стремление к более широкому использованию количественного измерения политических явлений. В некотором отношении измерение приняло форму статистики или математического анализа политических процессов. Важнейшее мероприятие, посредством которого это измерение осуществлялось, — перепись, давшая исследователю и аналитику огромную массу материала. Можно назвать две дисциплины, в которых количественные методы применялись с особым успехом. Это антропология и психология, где в данном отношении достигнуты заметные результаты.

10. Политическая психология была предзнаменованием, но не получила за все это время соответствующего развития.

Все эти тенденции, взятые вместе, составляют, можно сказать, наиболее важные изменения в природе политического мышления вплоть до сегодняшнего дня. Основные трудности в

продвижении по пути научного изучения управления состоят в следующем:

1. Недостаток исчерпывающего набора данных о политических явлениях с соответствующей их классификацией и анализом,
2. Склонность к расовому, классовому, националистическому уклону в интерпретации доступных данных.
3. Нехватка достаточно четких стандартов измерения и точного знания о последовательности процессов.

1. Парадокс политики заключается в том, что для сохранения объединения в борьбе с внутренними и внешними врагами надо поддерживать в нем дисциплину; однако эта жесткая дисциплина разрушает те жизненные силы инициативы, критицизма и реорганизации, без которых власть объединения может быть утрачена. Должно быть полное соответствие с общим сводом правил и норм, установленных государст-

¹ Естественное право (нем.}.

вом, в противном случае не удастся избежать анархии. Но внутри объединения необходимо и разумное пространство для свободы критики, возражений, для предложений и изобретательности. Очевидно, что положение науки в этой ситуации довольно сложно из-за сознательного столкновения между интересом группы и наукой или из-за бессознательного отклонения от научного исследования.

2. Из-за разобщенности политических явлений трудности в установлении четких каузальных связей между ними. Зная о происходящих событиях, мы обнаруживаем так много чередующихся причин, что не всегда можем указать на непосредственно их вызвавшую. По той же причине трудно прийти к обоснованному согласию относительно разумной или научной политики и сложно предсказать будущие события.

3. Трудности в отделении личности наблюдателя от социальной ситуации, частью которой он является, и достижения объективного отношения исследователя к рассматриваемым явлениям. В этом, возможно, заключается основной камень преткновения в оценке политического процесса. Классы, расы и все прочие виды сообществ выдвигают в качестве обязывающих так называемые принципы, которые являются порождением их собственных интересов и, возможно, неосознанно исходят из этих интересов в ходе общего использования. Так, политическое теоретизирование в значительной степени является, как выясняется при ближайшем рассмотрении, завуалированной в большей или меньшей степени пропагандой определенных интересов. В теории возможны элементы истины или науки,

однако истина так расцвечена интересами тех, кто выдвигает данную теорию, что не отличается подлинной и неизменной ценностью. Мнения большинства выдающихся философов, представителей определенной расы и нации относительно их достоинств нуждаются, почти без исключения, в серьезном уточнении. То же самое можно сказать о защитниках экономических классов и других видов общностей. За последние сто лет был достигнут определенный прогресс в отделении изучающего политику от окружающей его обстановки, но отравляющая пропаганда периода войны и отношение друг к другу националистически настроенных ученых свидетельствуют о том, что пока достигнут небольшой прогресс. Политологи часто не только становились пропагандистами, но и подчиняли своей цели — защите и достижению националистических целей — деятельность всех других ученых.

4. Трудности в освоении механизма четкого измерения политических феноменов. Вплоть до самого последнего времени оно было упрощен-

ным и неразборчивым. Только с развитием современной статистики появились определенная четкость и точность в политическом фактологическом материале. И по сей день существует немало непреодолимых, по-видимому, препятствий. Поэтому разработка адекватного механизма обзора политических сил еще впереди. [...]

5. Четвертая трудность заключается в отсутствии того, что в естествознании называется контролируемым экспериментом. Физик-исследователь выдвигает временную гипотезу, стараясь, по возможности, ее проверить с помощью эксперимента, проводимого под его руководством и контролем. Эти эксперименты он может повторять до тех пор, пока не удостоверится в истинности или ложности своей гипотезы. Однако такие эксперименты недоступны, видимо, тем, кто изучает политологию или другую общественную науку. Вместе с тем реальные политические процессы постепенно воспроизводятся в различных точках мира и на разных стадиях. В случае повторения этих процессов можно возобновить наблюдения и тем самым проверить сделанные заключения. Для этого, однако, необходимо отработать более точный механизм. Он, возможно, будет получен в результате развития современной психологии или социальной психологии, которые, видимо, обладают нужными средствами изучения типов общения и поведения. Или же этот механизм появится в ходе статистического измерения тех процессов, которые постоянно повторяются почти в неизменном

виде и, как выясняется при достаточной четкости анализа и упорстве, практически в той же последовательности.

[...] Думается, мы стоим на пороге весьма важных изменений в масштабах и методах исследования политики, а возможно, общественных наук в целом. [...]

В чем бы ни заключались другие достижения, два, как выясняется, неизбежны. Одно касается интенсификации исследований, другое — усиления интеграции научных изысканий в сфере политических отношений.

Большинство изучающих систему правления так широко рассредоточились по исследовательскому полю, что взирают на происходящее с высоты птичьего полета, не отличаясь склонностью к скрупулезному, потальному анализу проблем, без которого невозможно их глубокое понимание. Возможно, это неизбежно в переходный период, когда круг исследователей невелик и опасные ситуации скорее требуют действий, чем изучения вопроса. Однако постепенно наступает время большей Концентрации усилий. В действительности оно уже пришло.

Таким же образом, видимо, происходит и глубокая интеграция самих общественных наук, которые в ходе необходимого процесса дифференциации нередко были слишком изолированы друг от друга. Имея дело с такими серьезными проблемами, как наказание и предотвращение преступлений, алкоголизм, вызывающий споры вопрос о миграции людей, отношение к неграм, широкий круг вопросов развития промышленности и сельского хозяйства, становится ясно, что ни факты, ни разработки экономической науки, ни политология, ни история не могут поодиночке дать им адекватный анализ и интерпретацию. В действительности политика и экономика никогда не были отделены друг от друга. Практически нет такого политического движения, в котором не отражались бы экономические интересы, или такой экономической системы, в сохранении которой политический порядок не выступал бы важнейшим фактором. [...]

Одна из основных проблем социальной организации — это отношение между экономическими и политическими частями организации и властью. Оно оказывает влияние на характер организации городского, государственного, национального и международного уровня.

Существует множество методов воздействия на социальные отклонения через право, религию, посредством экономических и социальных санкций. Но как они соединяются в случае человеческого общения? Является ли это проблемой для какой-либо одной из этих дисциплин? Не будет ли ужасной ошибкой разделить их, не соединив вновь?

В конечном счете не так уж важно, как называется это интегрированное знание — социологией или Staatswissenschaft¹, антропологией, экономической наукой или политологией.

Важнее всего то, что достигнута и сохраняется определенная точка зрения и контакты между различными отраслями социального познания; что нет преданных забвению зон исследования; что частичная обработка данных не означает свертывания и ограничения действий социальных наблюдателей и аналитиков. [...]

Для исследователя политики еще важнее интеграция социальной науки с достижениями того, что называется естественной наукой, — воссоединение естественных и «неестественных» наук. Все больше и больше становится ясно, что последнее слово в поведении человека принадлежит науке, что социальные и политические последствия применения естествознания чрезвычайно важны. Временами кажется, что

¹ Общественно-политические науки (нем.).

это лучше усвоили ученые-естественники, нежели обществоведы, которые порой считают маловероятным научный социальный контроль за поведением людей.

Биология, психология, антропология, психопатология, медицина, наука о Земле движутся по пути использования результатов своих исследований в социальных ситуациях. Их представители повсюду — в Конгрессе, в центрах, в суде, в составе персонала. Как отнесутся к этим новым направлениям со всеми их претензиями политология и другие социальные науки? Будем ли мы держать их на расстоянии, этих непочтительных ученых-естественников, или подвергнем остракизму, пока они не подчинятся нашим законам; забаллотуруем их или же просто проигнорируем и пойдем своим путем? Нет, нам нельзя оставить их, хотя у ученых-естественников может быть немало социальных предрассудков. [...] Если они хотят править миром, то должны узнать и, несомненно, еще узнают гораздо больше о политике и социальных отношениях. Они, возможно, больше нас находятся под впечатлением важности социальных последствий использования естествознания.

Нельзя уйти и от вопроса о том, существует ли какая-то связь между психологическими и биологическими различиями и системами правления. Природа и распределение равенства людей исследуются в настоящее время психологами, и политология не может уйти от изучения возможностей в развитии психологии, а опрометчивость части поборников активного применения I.Q.¹ не

может увести от осознания серьезности всех связанных с этим проблем.

Влияют ли современные научные доктрины наследственности и евгеники² на основы нашего политического и экономического порядка? Чайлд в своих разработках физиологических основ поведения и Херрик и исследованиях неврологических основ поведения животных подняли немало интересных проблем, граничащих с политическим поведением. Какое отношение они имеют к нашим поискам политических истин?

Какое влияние оказывают науки о Земле, такие, как геология и география, на проблемы политики? Какова роль окружающей среды в совокупном продукте правления? В чем сойдутся генетик, специалист по

¹ Intelligence Quotient — коэффициент умственного развития.

² Евгеника (от греч. eugenes — породистый) — учение о наследственном здоровье человека, о путях воздействия на эволюцию человечества с целью совершенствования его природы; о законах передачи будущим поколениям по наследству одаренности и об ограничении в передаче наследственных болезней.

вопросам окружающей среды, исследователь проблем социального и политического контроля, как они объединят результаты своих изысканий и начнут поиски новых? Что делать с разветвленными представлениями, открывающимися на заднем плане нашего социального мышления? Мы знакомы с экономической интерпретацией политики, но разве нет и других, не менее значимых, но неисследованных сфер? Доктор Мэйо, мне кажется, сказал бы, что если человек — ярый радикал или реакционер, то с ним лучше не спорить, а отправить в клинику. Навязчивую идею или истерию можно отнести за счет спазма прямой кишки или нарушенного солевого баланса, кровяного давления или отсутствия «необходимого синтеза» или какой-то другой медико-психологической причины столь красочно описанного здесь типа. Как влияют утомление, диета, чувства на политическое мышление и действия? Рано или поздно мы обнаружим, что необходимо обращаться к самым разным сферам политического мышления, определяя их отношение к политическому поведению и контролю. Этот процесс можно отложить, но ненадолго. Каково влияние обнаруженных антропологами ранних примитивных пережитков человека на его политическую и социальную природу? Я не настаиваю на определенной связи между собранием по выдвижению кандидатур на выборные должности и индейским танцем войны, однако можно найти примеры и получше.

Можно ли с помощью этих новых элементов и разрабатываемых материалов создать науку о политическом или, в более широком

смысле, о социальном поведении? Возможно, и нет, учитывая их неразработанность, но, заглянув немного вперед, мы обнаружим немало интересных возможностей.

В любом случае совершенно ясно, что надо пересмотреть основные проблемы политической организации и поведения в свете новых открытий и тенденций; вновь проанализировать природу народного правления, характер и сферу общего интереса в управлении и методы его использования; надо призвать науку, которая может вызвать войну, покончить с ней. Механизм и процессы политики должны стать объектами более тщательного, чем раньше, анализа, с более широким охватом проблем и под разными углами зрения.

Все логическое обоснование и методы правления определяются в наши дни, с одной стороны, людьми типа Ленина, Муссолини, Ганди, с другой — типа Эйнштейна, Эдисона. Из какого материала будет соткана политическая ткань следующей эпохи, как не из более интеллекту

ального, научного понимания и оценки процессов социального и политического контроля? Если не смогут помочь ученые, то найдется немало волонтеров, которые предложат свои услуги, но некоторые из них могут быть и упрямыми, и жесткими.

Особое моделирование проблемы; специальные технологические разработки статистического, антропологического, психологического или иного плана — все это не столь важно. Не имеет значения и название результата. Важно то, что политология и другие общественные науки ориентируются друг на друга, что обществознание и естествознание идут рука об руку, объединяя свои усилия и решая величайшую задачу, когда-либо стоявшую перед человечеством, — рациональное познание и контроль за поведением людей.

Некоторые попытаются доказать, что значительная интенсификация и расширение сфер исследования нереальны, т.е., короче говоря, новая интеграция маловероятна. Возможно, это и так.

Под силу ли одному человеку одновременно обладать необходимыми познаниями в области права, политики, медицины, психологии, экономики, социологии, статистики и т.д.? Действительно, реально ли это? Однако можно ли быть сведущим в вопросах политики и одновременно невеждой в основных проблемах человеческого поведения? Дилемма политики — одна из характерных черт нашего времени, а возможно, само время попросту невероятно. Одна из основных трагедий наших дней — высокая специализация знаний и отсутствие сплоченности в вопросах высшей мудрости. На все наше

мышление и поведение ложится тень. Но данная проблема присуща не только политике, она касается всей современной жизни. Не зная ответа на этот вопрос, отмечу, что есть два пути: продолжать жить в неведении либо стремиться к знаниям.

Второй путь труден, но неизбежен.

В конце концов люди, подготовленные в рамках какой-то одной специальной технологии, но на основе широких контактов с другими отраслями знания, легко найдут путь в современном лабиринте. Мы приходим к выводу, что надо начинать раньше и продолжить социальную подготовку. □...]

Я не оптимист, ожидающий изображенную Платоном, а затем в более широком контексте социальных отношений Контом обетованную землю политики. Со стороны этих философов проявлением своего рода самодовольства было сознание не поддающихся проверке воображаемых воздушных миров.

Однако, следуя навязчивой идее, можно только I радоваться, что неудержимое стремление к постижению тайн биологи-

ческой и физической природы обеспечит громадные возможности для более глубокого понимания политического поведения людей, причем такими средствами и в таких формах, которые не в состоянии представить себе даже самые проницательные предсказатели.

Свободный дух, взгляд в будущее, освобождение от ставших тесными границ, огромные творческие возможности технологии, повышение результативности исследований, решение жизненно важных проблем, взвешенные утверждения, более интенсивный характер исследований насущных вопросов, тесные контакты с другими общественными и естественными науками — все это позволит сделать чисто политическое важнейшим средством интеллектуального влияния на прогресс человечества, обеспечит сознательный контроль над его эволюцией.

В любом случае это задача не одного дня.

Печатается по: Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997. Т. II. С. 176—184.

Р.АРОН

Демократия и тоталитаризм

В термин «политика» вкладывают много понятий. Говоря о политике внутренней и внешней, о политике Ришелье и о политике в области виноделия или свекловодства, подчас безнадежно пытаюсь найти хоть что-то общее среди разнообразных значений термина. В своей недавно вышедшей книге Бертран де Жувенель отметил, что из-за огромных различий в толковании этого слова лучше всего довериться собственному мнению. Возможно, он прав, но, на мой взгляд, в

беспорядок можно внести какую-то логику, сосредоточившись на трех основных различиях, при внимательном рассмотрении вполне обоснованных. Огюст Конт любил сравнивать разные значения одного и того же слова и из внешней пестроты выделять его глубинное значение. Первое различие связано с тем, что словом «политика» переводятся два английских слова, у каждого из которых свой смысл. И в самом деле, англичане говорят policy и politics — и то и другое на французском «политика».

Policy — концепция, программа действий, а то и само действие одного человека, группы людей, правительства. Политика в области алкоголя, например, — это вся программа действий применительно к

данной проблеме, в том числе проблеме излишков или нехватки производимой продукции. Говоря о политике Ришелье, имеют в виду его взгляды на интересы страны, цели, к которым он стремился, а также методы, которыми он пользовался. Таким образом, слово «политика» в его первом значении — это программа, метод действий или сами действия, осуществляемые человеком или группой людей по отношению к какой-то одной проблеме или к совокупности проблем, стоящих перед сообществом.

В другом смысле слово «политика» (английское politics) относится к той области общественной жизни, где конкурируют или противостоят различные политические (в значении policy) направления. Политика-область — это совокупность, внутри которой борются личности или группы, имеющие собственную policy, т.е. свои цели, свои интересы, а то и свое мировоззрение.

Эти значения термина, невзирая на их различия, взаимосвязаны.

Одни политические курсы, определяемые как программы действий, всегда могут войти в столкновение с другими.

Программы действий не обязательно согласованы между собой; в этом отношении политика как область общественной жизни чревата как конфликтами, так и компромиссами. Если политические курсы, т.е. цели, к которым стремятся личности или группы внутри сообщества, полностью противоречат друг другу, это приводит к бескомпромиссной борьбе, и сообщество

сочетает планы, частично противоречащие друг другу, а частично совместимые.

У правителей есть программы действий, которые не могут, однако, претворяться в жизнь без поддержки со стороны управляемых. А подчиняющиеся редко единодушно одобряют тех, кому им надлежит повиноваться. Многие благонамеренные люди воображают, будто политика как программа действий благородна, а политика как столкновение программ отдельных лиц и групп низменна. Представление о возможном существовании бесконфликтной политики как программы действий правителей, мы это увидим в дальнейшем, ошибочно. Второе различие объясняется тем, что одно и то же слово характеризует одновременно и действительность, и наше ее осознание. О политике говорят, чтобы обозначить и конфликт между партиями, и осознание этого конфликта. Такое же различие прослеживается и в слове "история", которое означает чередование обществ или эпох и наше его познание. Политика — одновременно и сфера отношений в обществе,

и наше ее познание; можно считать, что в обоих случаях у смыслового различия одни и те же истоки.

Осознание действительности — часть самой действительности. История в полном значении этого термина существует постольку, поскольку люди осознают свое прошлое, различия между прошлым и настоящим и признают многообразие исторических эпох. Точно так же политика как область общественной жизни предполагает минимальное осознание этой области. Личности в любом сообществе должны хотя бы примерно представлять, кто отдает приказы, как эти деятели выбирались, как осуществляется власть. Предполагается, что индивиды, составляющие любой политический режим, знакомы с его механизмами. Мы не смогли бы жить в условиях той демократии, какая существует во Франции, если бы граждане не ведали о правилах, по которым этот режим действует. Вместе с тем любое познание политики может наталкиваться на противоречие между политической практикой существующего строя и других возможных режимов. Стоит лишь выйти за рамки защиты и прославления существующего строя, как надо отказаться от какой бы то ни было его качественной оценки (мы поступаем так, другие — иначе, и я воздерживаюсь от того, чтобы высказывать суждение об относительной ценности наших методов, равно как и тех, к которым прибегают другие) или же изыскивать критерии, по которым можно определить лучший режим. Иначе обстоит дело с природными стихиями, когда сознание не есть часть самой действительности.

Третье различие, важнейшее, вытекает из того, что одно и то же слово (политика) обозначает, с одной стороны, особый раздел социальной совокупности, с другой — саму эту совокупность, рассматриваемую с какой-то точки зрения.

Социология политики занимается определенными институтами, партиями, парламентами, администрацией в современных обществах. Эти институты, возможно, представляют собой некую систему — но систему частную в отличие от семьи, религии, труда. Этот раздел социальной совокупности обладает одной особенностью: он определяет избрание тех, кто правит всем сообществом, а также способ реализации власти. Иначе говоря, это раздел частный, воздействия которого на целое видны немедленно. Можно справедливо возразить, что экономический сектор тоже оказывает влияние на все прочие аспекты общественной жизни, но главы компаний управляют не партиями или парламентами, а хозяйственной деятельностью, и у них есть право принимать решения, касающиеся всех сторон общественной жизни.

Связь между каким-то аспектом и социальной совокупностью в целом можно также представить следующим образом. Любое взаимодействие между людьми предполагает наличие власти; так вот, сущность политики заключается в способе осуществления власти и в выборе правителей. Политика — главная характерная черта сообщества, ибо она определяет условия любого взаимодействия между людьми.

Все три различия поддаются осмыслению, они вполне обоснованны. Политика как программа действий и политика как область общественной жизни взаимосвязаны, поскольку общественная жизнь — это та сфера, где противопоставляются друг другу программы действий; политика-действительность и политика-познание тоже взаимосвязаны, поскольку познание — составная часть действительности; наконец, политика — частная система приводит к политике-аспекту, охватывающей все сообщество вследствие того, что частная система оказывает определяющее влияние на все сообщество.

Далее. Политика — это прежде всего перевод греческого слова «*politeia*». По сути то, что греки называли режимом полиса, т.е. способом организации руководства, отличительным признаком организации всего сообщества.

Если политика по сути строй сообщества или способ его организации, то нам становятся понятными характерные отличия как в узком, так и в широком смысле. Действительно, в узком смысле слова политика — это особая система, определяющая правителей и способ реализации власти; но одновременно это и способ взаимодействия личностей внутри каждого сообществ.

Второе отличие вытекает из первого. У каждого общества свой режим, и общество не осознает себя, не осознавая при этом разнообразия режимов, а также проблем, которые порождаются таким разнообразием.

Теперь различие между политикой-программой действия и политикой-областью становится понятным. Политика в первом значении может проявлять себя разными путями: политика тех, кто сосредоточил в своих руках власть и ее осуществляет; политика тех, кто властью не обладает и хочет ею завладеть; политика личностей или групп, преследующих свои собственные цели и склонных применять свои собственные методы; наконец, политика стремящихся к изменению самого строя. Все это — не что иное, как программы действий, узкие или глобальные, в зависимости от того, идет ли речь о внутренних задачах режима или о целях, связанных с самим его существованием.

Я уже отмечал, что политика характеризует не только часть социальной совокупности, но и весь облик сообщества. Если это так, то мы, как видно, признаем что-то вроде примата политики.

Однако курс, ей посвященный, мы читаем после курсов об экономике и классах. Признавая примат политики, не вступаем ли мы в противоречие с применявшимся до сих пор методом?

Я исходил из противопоставления идей Токвиля и Маркса.

Токвиль полагал, что демократическое развитие современных обществ ведет к стиранию различий в статусе и условиях жизни людей. Этот неудержимый процесс мог, считал он, породить общества двух типов — уравнилельно-деспотическое и уравнилельно-либеральное. Токвиль дал нам точку отсчета. Я же ограничился тезисом: изучив развитие индустриального общества, мы увидим, какая его разновидность вероятнее.

Что касается Маркса, то в экономических преобразованиях он пытался найти объяснение преобразованиям социальным и политическим. Он считал, что капиталистические общества страдают от фундаментальных противоречий и вследствие этого подойдут к революционному взрыву, вслед за которым возникнет социалистический строй в рамках однородного, бесклассового общества. Политическая организация общества будет постепенно отмирать, поскольку государство, представлявшееся Марксу орудием эксплуатации одного класса другим, будет отмирать с исчезновением классовых противоречий.

Я ни в коем случае не считал, будто преобразования в экономике непременно определяют социальную структуру или политическую организацию общества, я намеревался критически

рассмотреть гипотезу такой односторонней предопределенности. Речь шла о методологическом, а не о теоретическом подходе. Так вот, результаты, к которым я пришел, отрицают теорию, которая вытекает из такого подхода.

Я взялся сначала за экономику лишь для того, чтобы очертить некий тип общества, общество индустриальное, оставляя открытым вопрос о возможности до поры до времени определить взаимосвязь между классами и политическую организацию в этом обществе. Однако в ходе исследований последних двух лет я пришел к выводу о главенствующей роли политики по отношению к экономике.

В самом деле, у истоков индустриального общества советского типа стоит прежде всего событие, а именно — революция. У революции 1917 года было множество причин, некоторые из них экономические; но прямо, непосредственно, ей предшествовали политические события. Есть все основания настаивать на эпитете «политические», ибо, как от-

мечали даже те, кто эту революцию совершил, экономическая зрелость общества не была к тому времени достигнута.

Более того, основные черты советской экономики объясняются, по крайней мере частично, идеологией партии. Невозможно понять ни систему планирования, ни распределение общественных ресурсов, ни темпы роста советской экономики, если не помнить, что все подчинено представлению коммунистов о том, какой должна быть экономика, о целях, которые они ставят на каждом этапе. Это именно политические решения, поскольку речь идет не только о плане действий коммунистических руководителей, но и о плане действий по организации общества. Наконец, плановость советской экономики — прямой результат решений, принимаемых руководителями партии в той сфере общественной жизни, которая относится к политике. Советская экономика в высшей степени зависит и от политического строя СССР, и от программы действий руководителей партии на каждом этапе развития страны.

Политизация советской экономики, подчинение ее структуры и механизмов функционирования политическим целям доказывают, что экономическая и политическая системы в равной степени находятся под влиянием друг друга.

Любопытно, что политизация экономики на Западе представляется ним не столь резкой. Я говорю «любопытно», потому что идеология, на которую опирается советский строй, основана на верховенстве экономики, в то время как идеология западных режимов исходит из главенства политики. В соответствии с представлением людей Запада о порядочном

обществе большое число важных для экономики решений принимается вне политики (в узком смысле этого слова). Например, распределением общественных ресурсов между капиталовложениями и потреблением в условиях советского режима занимаются органы планирования, на Западе же это результат, чаще всего невольный, множества решений, принимаемых субъектами хозяйственной деятельности. Если советская экономика — это следствие определенной политики, то западная определяется политической системой, которая примирилась с ограниченностью собственных возможностей.

Политизация классов общества представляется нам еще более значительной. Мы отмечали, что все общества, и советское и западные, неоднородны, идет ли речь об отдельных личностях или группах. Существует иерархия власти, иерархия доходов. Есть различие между образом жизни тех, кто внизу, и тех, кто стоит наверху социальной лестницы. Люди с примерно одинаковым доходом, более или менее схожим обра-

зом мыслей и способом существования образуют более или менее разграниченные группы.

Но, дойдя до основополагающего вопроса: в какой мере существуют (и существуют ли) четко выраженные классы, группы, сознающие свою принадлежность к определенному классу и закрытые для всего остального общества, мы сталкиваемся с серьезнейшей проблемой. Такие группы имеют право на возникновение, рабочие — право на создание Профсоюзов, на выбор профсоюзных секретарей; все группы, возникающие в демократическом обществе западного типа на основе общности интересов, получают разрешение на структурное оформление, на защиту своих интересов; в советском же обществе права на структурное оформление ни одна группа, основанная на общности интересов, не получает. Это — важнейший факт, поразивший нас при сравнении обществ советского и западного типов. В первом случае социальная масса неоднородна во многих отношениях, но она не расслаивается на структурно оформленные группы, сознающие свою непохожесть на остальные. Во втором — общество распадается на многочисленные группы по общности интересов или идеологии, причем каждая из них получает правовую возможность выбирать представителей, защищать свои идеи, вести борьбу с другими группами.

Это основополагающее противоречие между правом на групповую организацию и его отрицанием носит политический характер. Как можно объяснить, что в одном типе общества классы существуют и укрепляются, а в другом их как бы нет,

если не помнить, что в первом политический режим терпит создание групп, а во втором — запрещает его?

Вопрос о классах в обществе нельзя рассматривать отвлеченно от политического строя. Именно политический строй, т.е. структура власти и представление правительства о своей власти, в какой-то степени определяет наличие или отсутствие классов, а главное — как эти классы осознают самих себя.

Как у истоков экономической системы мы обнаружили политическую волю, точно так же у истоков классов, у истоков классового сознания, возможности воздействия всего общества на социальные группы мы находим способ осуществления власти, политический строй.

Как следует понимать такое верховенство политики? Мне хотелось бы, чтобы в этом вопросе не оставалось никакой двусмысленности.

1. И речи не может быть о том, чтобы подменить теорию, которая односторонне определяет общество через экономику, иной, столь же

производно характеризующей его через политику. Неверно, будто уровень техники, степень развития экономических сил или распределение общественного богатства *определяют* все общество в целом; неверно и то, что все особенности общества можно вывести из организации государственной власти.

Более того. Легко показать, что любая теория, односторонне определяющая общество каким-то одним аспектом общественной жизни, ложна. Доказательств тому множество.

Во-первых, социологические. Неверно, будто при данном способе хозяйствования непременно может быть один-единственный, строго определенный политический строй. Когда производительные силы достигают определенного уровня, структура государственной власти может принимать самые различные формы. Для любой структуры государственной власти, например парламентского строя определенного типа, невозможно предвидеть, какой окажется система или природа функционирования экономики.

Во-вторых, доказательства исторические. Всегда можно выявить исторические причины того и иного события, но ни одну из них никогда нельзя считать главнейшей. Невозможно заранее предвосхитить последствия какого-либо события. Иначе говоря, формулировка «в конечном счете все объясняется либо экономикой, либо техникой, либо политикой» изначально бессмысленна. Отталкиваясь от нынешнего состояния советского общества, вы доберетесь до советской революции 1917 года, еще дальше — до царского режима и так далее, причем на каждом

этапе вы будете выделять то политические, то экономические факторы.

Даже утверждение, что некоторые факторы важнее прочих, двусмысленно. Предположим, экономические причины объявляются более важными, чем политические. Что под этим подразумевается? Рассмотрим общество советского типа. Слабы гарантии свободы личности, зато рабочий, как правило, не испытывает затруднений в поисках работы, и отсутствие безработицы сочетается с высокими темпами экономического роста. Предположение, что экономика — главное, может основываться на высоких темпах роста. В таком случае важность экономического фактора определяется заинтересованностью исследователя в устранении безработицы или в ускорении темпов роста. Иначе говоря, понятие «важность» может быть соотнесено с ценностью, какую политик приписывает тем или иным явлениям. При этом важность зависит от его заинтересованности.

Что же означает, учитывая все сказанное, примат политики, который я отстаиваю?

Тот, кто сейчас сравнивает разные типы индустриальных обществ, приходит к выводу: характерные черты каждого из них зависят от политики. Таким образом, я согласен с Алексисом де Токвилем: все современные общества демократичны» т.е. движутся к постепенному стиранию различий в условиях жизни или личном статусе людей; но эти общества могут иметь как деспотическую, тираническую форму, так и форму либеральную. Я сказал бы так: современные индустриальные общества, у которых много общих черт (распределение рабочей силы, рост общественных ресурсов и проч.), различаются прежде всего структурами государственной власти, причем следствием этих структур оказываются некоторые черты экономической системы и отношений между группами людей. В наш век все происходит так, будто возможные конкретные варианты индустриального общества определяет именно политика. Само совместное существование людей в обществе меняется в зависимости от различий в политике, рассматриваемой как частная система.

2. Второй смысл, который я вкладываю в главенство политики, — это смысл человеческий, хотя кое-кто и может считать основным фактором общий объем производства или распределение ресурсов. Применительно к человеку политика важнее экономики, так сказать, по определению, потому что политика непосредственно затрагивает самый смысл его существования. Философы всегда полагали, что человеческая жизнь состоит из отношений между отдельными людьми. Жить

по-человечески — это жить среди личностей. Отношения людей между собой — основополагающий элемент любого сообщества. Таким образом, форма и структура власти более непосредственно влияют на образ жизни, чем какой бы то ни было иной аспект общества.

Давайте договоримся сразу: политика в ограничительном смысле, т.е. особая область общественной жизни, где избираются и действуют правители, не определяет всех взаимосвязей людей в сообществе. Существует немало отношений между личностями в семье, церкви, трудовой сфере, которые не определяются структурой политической власти. А ведь если и не соглашаться со взглядом греческих мыслителей, утверждавших, что жизнь людей — это жизнь политическая, то все равно механизмы осуществления власти, способы назначения руководителей больше, чем что-либо другое, влияют на отношения между людьми. И поскольку характер этих отношений и есть самое главное в

человеческом существовании, политика больше, чем любая другая сфера общественной жизни, должна привлекать интерес философа или социолог-

Главенство политики, о котором я говорю, оказывается, таким образом, серого ограниченным. Ни в коем случае речь не идет о верховенстве каузальном. Многие явления в экономике могут влиять на форму, в которую облечена в том или ином обществе структура государственной власти. Не стану утверждать, что государственная власть определяет экономику, но сама экономикой не определяется. Любое представление об одностороннем воздействии, повторяю, лишено смысла. Я не стану также утверждать, что партийной борьбой или парламентской жизнью следует интересоваться больше, чем семьей или церковью. Различные стороны общественной жизни выходят на первый план в завися мости от степени интереса, который проявляет к ним исследователь. Даже с помощью философии вряд ли можно установить иерархию различных аспектов социальной действительности.

Однако остается справедливым утверждение, что часть социальной совокупности, именуемая политикой в узком смысле, и есть та сфера, где *избираются* отдающие приказы и определяются методы, в соответствии с которыми эти приказы отдаются. Вот почему этот раздел общественной жизни вскрывает человеческий (или бесчеловечный) характер всего сообщества.

Мы вновь, таким образом, сталкиваемся с допущением, лежащим в основе всех политико-философских систем. Когда философы прошлого обращали свой взор к политике, они в самом деле были убеждены, что структура власти адекватна сущности сообщества. Их убежденность основывалась на двух посылах: без организованной власти жизнь общества невысказано; в характере власти проявляется степень человечности общественных отношений. Люди человечны лишь постольку, поскольку они подчиняются и повелевают в соответствии с критериями человеческими. Развивая теорию «общественного договора», Руссо открывал одновременно, так сказать, теоретическое происхождение сообщества и законные истоки власти. Связь между легитимностью власти и основами сообщества характерна для большинства политико-философских систем прошлого. Эта мысль могла бы вновь стать актуальной и ныне.

Цель наших лекций — не в развитии теории законной власти, не в изучении условий, при которых осуществление власти носит гуманный характер > ^a в исследовании особой сферы общественной жизни — по-

литики в узком смысле этого слова. Одновременно мы попытаемся разобраться, как политика влияет на все сообщество в целом, понять диалектику политики в узком и широком смысле термина — с точки зрения и причинных связей, и основных черт жизни сообщества. Я собираюсь не только вскрыть различие между многопартийными и однопартийными режимами, но и проследить, как влияет на развитие общества суть каждого режима. Иными словами, я намерен исследовать особую систему, которая именуется политикой, с тем чтобы оценить, в какой мере были правы философы прошлого, допуская, что основная характерная черта сообщества — структура власти.

[...] Чем социологическое исследование политических режимов отличается от философского или юридического? Обычно отвечают примерно так: философия изучает политические режимы, чтобы оценить их достоинства; она стремится определить лучший режим либо принцип законности всех и каждого; так или иначе цель ее — определение ценности, особенно моральной, политических режимов. Социология же в первую очередь изучает фактическое положение дел, не претендуя на оценки. Объект юридического исследования — конституции: юрист задается вопросом, каким образом в соответствии с британской, американской или французской конституциями избираются правители, проводится голосование по законопроектам, принимаются декреты. Исследователь рассматривает соответствие конкретного политического события конституционным законам: например, соответствовал ли конституции Веймарской республики принятый в марте 1933 г. закон

о предоставлении всей полноты власти (Гитлеру. — Г.Л.)?
Соответствовал ли французской конституции результат голосования в июне 1940 г. во французском парламенте, когда всю полноту власти получил маршал Петен? Конечно, юридическое исследование не ограничивается формальным анализом текстов; важно также выявить, выполняются ли и каким образом конституционные правила в данный момент в данной стране. И все же в центре внимания остаются конституционные правила, зафиксированные в текстах. Социология же изучает эти правила лишь как часть большого целого, не меньший интерес она проявляет к партиям и образованным по общности интересов группам, к пополнению рядов политических деятелей, к деятельности парламента. Социология рассматривает правила политической игры, не ставя конституционные правила над правилами неписаными, регулируемыми внутрипартийные и межпартийные отношения, тогда как юрист сначала зна-

комится с положениями конституции, а затем прослеживает, как они выполняются.

В принципе верное, подобное разграничение сфер политической социологии, философии и права поверхностно. Хотелось бы несколько глубже разобраться в особенностях чисто социологического подхода.

На то две причины. Социологи почти никогда не бывают беспристрастны; в большинстве своем они не довольствуются изучением того, как функционируют политические режимы, полагая, что сами мы не в состоянии определить, какой из режимов лучше, какой принцип законности самый подходящий. Почти всегда они выступают как приверженцы какой-то философской системы, социологического догматизма или исторического релятивизма.

Всякая философия политики несет в себе элементы социологии. Все крупнейшие исследователи выбирали лучший режим, основываясь на анализе либо человеческой природы, либо способа функционирования тех режимов, которые были в их поле зрения. Остается только выяснить, чем различаются исследования социологов и философов.

Возьмем в качестве отправной точки текст, сыгравший в истории западной мысли самую величественную и самую долговечную роль. На протяжении многих веков «Политика» Аристотеля была и политической философией, и политической социологией. Этот почтенный труд, и ныне достойный углубленного изучения, содержит не только ценностные суждения, но и чрезвычайно подробный анализ фактов. Аристотель собрал много материалов

о конституциях (не в современном значении слова, а в значении «режим») греческих полисов, попытался описать их, разобраться, как функционировали там режимы. Именно на основе сравнительного изучения он создал свою прославленную классификацию трех основных режимов: монархического — когда верховная власть принадлежит одному; олигархического — когда верховная власть принадлежит нескольким; демократического — когда верховная власть принадлежит всем. К этой классификации Аристотель добавил противопоставление здоровых форм разложившимся; наконец, он изучил смешанные режимы.

Такое исследование можно считать социологическим и в современном смысле. Одна из глав его книги до сих пор служит образцом социологического анализа. Это глава о переворотах. Более всего Аристотеля интересовали два вопроса: каким образом режим сохраняется и как преобразуется или свертывается. Прерогатива ученого — давать советы (государственным деятелям: «Политика» указывает правителю наилуч-

ший способ сохранить существующий строй. В короткой главе, где Аристотель объясняет тиранам, как сохранить тиранию, можно усмотреть прообраз другого знаменитого труда — «Государя» Макиавелли. А коль скоро тиранический строй плох, то и средства, необходимые для его сохранения, должны быть такими же: вызывать ненависть и возмущать нравственность. «Политика» Аристотеля — не просто социология, это еще и философия. Изучение всевозможных режимов, их функционирования, способов сохранения и свержения понадобилось, чтобы дать ответ на основной в данном случае философский вопрос: какой режим лучший? Стремление найти лучший режим характерно для философии, ведь оно равносильно априорному отказу от утверждения, будто все режимы в общем одинаковы и их нельзя выстроить по оценочной шкале. Согласно Аристотелю, стремление выявить лучший режим вполне законно, потому что отвечает человеческой природе. Слово «природа» означает не просто образ поведения людей в одиночку или в сообществе, но их назначение. Если принимается финалистская концепция человеческой природы и идея предназначения человека, то законным становится и вопрос о наилучшем строе. Более того, согласно распространенному толкованию «Политики», классификация режимов по трем основным признакам имеет надысторическую ценность и применима к любому строю любой эпохи. Эта классификация важна не только для греческих полисов в конкретных общественных рамках, но и во всеобщем плане. Соответственно предполагается, что

критерий любой классификации — число людей, обладающих верховной властью.

В ходе истории три идеи политической философии Аристотеля были одна за другой отвергнуты. И теперь, когда мы, социологи, вновь ставим вопрос о политических режимах, от этих идей ничего не осталось.

Рассмотрим сначала третье предположение: об универсальности классификации режимов по принципу числа правителей, в руках которых сосредоточена верховная власть.

Допускалось, что возможны три, и только три, ответа на классический вопрос о том, кто повелевает. Разумеется, при условии допустимости самого вопроса. Яснее всего отказ от универсальной классификации режимов на основе количества властителей (один, несколько, все) проявляется в книге Монтескье «О духе законов». Он тоже предлагает классификацию политических режимов: республика, монархия и деспотия. Однако немедленно обнаруживается важнейшее расхождение с

Аристотелем. Монтескье считал, что каждый из трех режимов характерен для определенного типа общества. И все же Монтескье сохраняет мысль Аристотеля: природа строя зависит от тех, кто обладает верховной властью. Республика — строй, при котором верховная власть в руках всего народа или его части; монархия — строй, при котором правит один, однако придерживаясь постоянный и четких законов; наконец, деспотия — строй, при котором правит один, но без законов, на основе произвола. Следовательно, все три типа правления определяются не только количеством лиц, удерживающих власть. Верховная власть принадлежит одному и при монархии, и при деспотии. Классификация предполагает наличие еще одного критерия: осуществляется ли власть в соответствии с постоянными и твердыми законами. В зависимости от того, соответствует ли законности верховная власть единого правителя или же она чужда какой бы то ни было законности вообще, основополагающий принцип строя — либо честь, либо страх. Но есть и еще кое-что. Монтескье недвусмысленно указывает, что за образец республики он взял античные полисы, за образец монархии — современные ему королевства Европы, а за образец деспотии — азиатские империи, и добавляет: каждый из режимов проявляется в определенных экономических, социальных и — сказали бы мы теперь — демографических условиях. Республика действительно возможна лишь в небольших полисах, монархия, основанная на чести, — строй, характерный для государств средних размеров, когда же государства становятся слишком большими, деспотия почти неизбежна. В классификации,

предложенной Монтескье, содержится двойное противопоставление. Во-первых, умеренные режимы противопоставлены тем, где умеренности нет и в помине, или, скажем, режимы, где законы соблюдаются, — тем, где царит произвол. С одной стороны, республика и монархия, с другой — деспотия. Во-вторых, противопоставлены республика, с одной стороны, монархия и деспотия — с другой. Наконец, кроме двух противопоставлений есть еще и диалектическое противоречие: первая разновидность строя, будь то демократия или аристократия, — государство, где верховной властью обладает народ в целом. Суть такого строя — равенство граждан, его принцип — добродетель. Монархический строй отрицает республиканское равенство. Монархия основана на неравенстве сословий и лиц, она устойчива и процветает в той мере, в какой каждый привязан к своему сословию и поступает сообразно понятиям чести. От республиканского равенства мы переходим к неравенству аристократий. Что до деспотии, то она некоторым обра-

зом вновь приводит к равенству. При деспотическом строе правит один, и поскольку он обладает абсолютной властью и не обязан подчиняться каким-либо правилам, то, кроме него, никто не находится в безопасности. Все боятся, и потому все, сверху донизу, обречены на равенство, но в отличие от равенства граждан в условиях свободы это — равенство в страхе. Приведем пример, который не задевал бы никого. В последние месяцы гитлеровского режима ни один человек не чувствовал себя в безопасности лишь из-за близости к главе режима. В каком-то смысле по пути к вершине иерархической лестницы опасность даже возрастала.

В такой классификации сохраняется часть аристотелевской концепции: ключевым остается вопрос о числе людей, наделенных верховной властью. Но на этот вопрос (воспользуемся терминами социологическими) накладывается влияние еще одной переменной — способа правления: подчиняется ли власть законам или же в обществе царит произвол. Более того, способ правления не может рассматриваться отдельно от экономического и социального устройства.

Классификация политических режимов одновременно дает классификацию обществ, но способ правления связан с экономическим и социальным устройством и не может быть отделен от него. [...]

Печатается по: *Арон Р.* Демократия и тоталитаризм. М., 1993.

Г. АЛМОНД

Политическая наука: история дисциплины

Если бы мы построили графическую модель истории развития политической науки в виде кривой, отражающей прогресс в изучении политики на протяжении столетий, то начать ее следовало бы с зарождения этой науки в Древней Греции. В эпоху расцвета Древнего Рима кривая приподнялась бы немного вверх, потом шла примерно на одном уровне весь период средневековья, существенно выросла во времена Ренессанса и сделала резкий скачок в XX в., когда политическая наука обрела подлинно профессиональный характер. Эта кривая отразила бы и качественное совершенствование представлений по двум основополагающим проблемам политической науки: о свойствах политических институтов и о критериях их оценки.

В течение XX в. данная гипотетическая линия круто поднималась бы трижды. Первый пик приходится на межвоенные десятилетия (1920— 1940) и связан с чикагской школой — именно тогда были разработаны

программы эмпирических исследований, в которых существенное внимание уделялось психологической и социологической интерпретациям политики, а также подчеркивалось значение количественных факторов. Второй, более значимый для развития политических исследований — наблюдается в период после Второй мировой войны и отмечен распространением во всем мире поведенческого подхода к политике, совершенствованием традиционных политологических субдисциплин и ростом профессионализации (что нашло отражение в создании научных учреждений, многочисленных сотрудников которых объединяли не столько иерархические структуры, сколько деловые качества, а также в образовании профессиональных ассоциаций и обществ специалистов, издании научных журналов и т.п.). Третий подъем указывает на введение логико-математических методов исследования и применение экономических моделей при подходе к исследованиям с позиций «рационального выбора» и «методологического индивидуализма».

Профессионализация политической науки в XX веке

Во второй половине XIX в. и на протяжении первых десятилетий XX в. быстрый рост и процесс концентрации промышленного производства в Соединенных Штатах наряду с разрастанием крупных городов, население которых в основном составляли выходцы из небольших сельских населенных пунктов и иммигранты, привели к благоприятной ситуации для широкомасштабной коррупции. Она, в свою очередь, создала для дельцов от политики, обладавших изрядными материальными

возможностями, ситуацию, при которой несложно было организовать и дисциплинировать значительные массы избирателей, заполонивших такие крупные города, как Нью-Йорк, Бостон, Филадельфия, Чикаго, Сент-Луис, Канзас-Сити и др. Слова «босс» и «машина», наряду с постоянной борьбой за реформы, стали знаками американской политической жизни конца XIX — начала XX вв. Реформистские движения, вдохновленные идеологией эффективности и поддержанные городскими деловыми и профессиональными элитами, привлекали на свою сторону талантливых журналистов, лучшие средства массовой информации и ученых из академических кругов. Подкуп политиков представителями корпораций, стремившихся заключить выгодные контракты, добиться привилегий и защиты от государственных ограничений, стал центральной темой нараставшего вала публицистических «обличительных» материалов в прессе, которые раскрывали общественности неприглядную картину политической инфраструктуры, втянутой во всевозможные

злоупотребления и махинации, и выявляли «группы давления» и «лобби», глубоко пронизавшие и коррумпировавшие политические структуры на местном, региональном и федеральном уровнях.

В межвоенные годы американская политическая наука восприняла как вызов многочисленные «обличительные» публикации, раскрывающие нарушения и злоупотребления внутри политической инфраструктуры, и специалисты стали посвящать серьезные монографические исследования деятельности лоббистов и групп давления. Питер Одегард (1928) написал об американской антисалунной лиге, ПендлтонХерринг (1929) — о группах давления в Конгрессе, Элмер Шаттшнайдер (1935) — о политике и тарифах, Луиз Резерфорд(1937) — об американской ассоциации баров, Оливер Гарсо (1941) — об американской медицинской ассоциации, и т.п. Все эти работы межвоенных лет оставили свой след в развитии американской политической науки. [...]

Чикагская школа

Итак, в первые десятилетия XX в. понятие «научного» познания политики обрело более глубокое содержание. Такие выдающиеся представители европейской политической науки, как Конт, Милль, Токвиль, Маркс, Спенсер, Вебер, Дюркгейм, Парето, Михельс, Моска, Острогорский, Брайс и др., заложили — или закладывали — основы для развития политической социологии, антропологии и психологии, благодаря которым исследование политических процессов приобрело осознанный характер.

Эмпирическое рассмотрение властных и политических процессов проложило себе путь и в американские университеты, где в те десятилетия методологически политика изучалась в основном на базе юридических, философских и исторических дисциплин. Заслуга чикагской школы политической науки (20—40-е гг.) — в обосновании ее представителями на примерах конкретных эмпирических исследований того обстоятельства, что подлинное развитие политического знания может быть достигнуто при помощи стратегии междисциплинарных исследований с применением количественных методологий и за счет организованной поддержки научных разработок. Другие авторы стали употреблять тот язык, которым Чарльз Мерриам (1931) излагал свои взгляды в книге «Современное состояние политической науки». Основанная Мерриамом в 20-е гг. нашего столетия школа, где работали многие его ученики, сделала большой шаг вперед в повышении требовательности к качеству эмпирических исследований, убедительности

их выводов и во введении институционального измерения в изучение политических проблем.

Стать выдающимся ученым-новатором своего поколения в области политической науки Мерриаму помогло динамичное развитие Чикаго — там были накоплены большие материальные ресурсы, и в первые десятилетия нашего века явственно прослеживалось стремление к развитию культуры, — а также взаимосвязь его академической работы и политической карьеры. Надежды Мерриама на высокий политический пост рассеялись, когда в 1919 г. он потерпел поражение на выборах мэра Чикаго, не оправдавших его расчет занять положение «Вудро Вильсона Среднего Запада». Вместе с тем он был не способен всецело посвятить себя спокойной академической карьере. Годы, отданные городской политике, как и приобретенный в период войны опыт в области международных отношений и пропаганды, обострили его восприимчивость к «новым аспектам» политических исследований. Вскоре после возвращения в Чикагский университет с поста, связанного с деятельностью в области «общественной информации» в Италии, он опубликовал своего рода декларацию о намерениях под названием «Новые аспекты» (1931) и занялся различными исследовательскими программами под эгидой чикагского департамента образования, о которых говорили как о некой новой «школе» научных разработок. Мерриама с полным основанием можно назвать новатором в науке: сначала он создал при Чикагском университете Комитет по исследованиям в области об-

ественных наук, в задачи которого входила финансовая поддержка наиболее перспективных проектов чикагских ученых; а затем стал инициатором организации Совета с аналогичным названием, целью которого было оказание подобного содействия специалистам уже на общенациональном уровне.

Работа над первым крупным исследовательским проектом, начатым в Чикагском университете, велась под началом Гарольда Госнелла, защитившего диссертацию под руководством Мерриам в 1921 г. и назначенного там на должность ассистента в 1923 г. Он сотрудничал с Мерриамом в изучении установок шести тысяч избирателей во время выборов мэра Чикаго в 1923 г. Их отбор был проведен еще до начала применения «вероятностной выборки» на основе контрольного квотирования, которое позволяло учесть характеристики основных демографических групп населения Чикаго (в то время контрольное квотирование, доверие к которому было подорвано в ходе кампании Трумэна — Дьюи в 1948 г., считалось «высшим мастерством» при определении

представителей различных категорий населения). Опросы проводили студенты старших курсов Чикагского университета, подготовленные Мерриэмом и Госнеллом. Госнелл продолжил это исследование, в ходе которого состоялся первый в истории политической науки эксперимент по выявлению воздействия на исход голосования направленной агитации с целью обнаружить различия между национальными и местными выборами. Техника проведения эксперимента, примененная Госнеллом (1927), была достаточно строгой: участники экспериментальных и контрольных групп проходили тщательный отбор, к опрашиваемым применяли различные стимулы, полученные результаты анализировали на основе самых передовых для того времени статистических методологий. После этого Госнелл, первый из специалистов в области политических наук решившийся на такой эксперимент, провел аналогичные исследования в Англии, Франции, Германии, Бельгии и Швейцарии.

Гарольд Лассуэлл (1902—1978), необычайно одаренный ученый, родившийся в небольшом городке в Иллинойсе, сумел блестяще применить систему Мерриэма к политической психологии.

Успехи, достигнутые им в возрасте от 20 до 40 лет, были поистине впечатляющими. С 1927 по 1939 г. он опубликовал шесть книг, причем новаторских, раскрывающих неизученные ранее измерения и аспекты политики. Первая из этих монографий — *«Технология пропаганды в мировой войне»* (1927) — ввела в научный оборот методы исследования массовых коммуникативных процессов (в 1935 г. в дополнение к этой работе

Лассуэлл издал почти не уступавшую ей по объему аннотированную библиографию под названием «*Пропаганда и продвижение*»).

Она положила начало новому типу научной литературы о средствах массовой информации, пропаганде и связях с общественностью. Его вторая монографическая работа «*Психопатология и политика*» (1930) представляла собой исследование «глубинной психологии политики», проведенное на основе анализа деятельности конкретных политиков, часть из которых имела нарушения психики. В третьей книге «*Мировая политика и личная незащищенность*» (1935) рассматривались психологические основы и отдельные аспекты политического поведения личности, различные типы политических режимов и политические процессы. Четвертая работа Лассуэлла — знаменитая «*Политика: кто что, когда и как получает*» (1936) — сжатое изложение общей политической теории; основное внимание в этой монографии уделялось взаимодействию элит, конкурирующих между собой в достижении таких ценностей, как «доходы, почет и безопасность». В 1939 г.

ученый опубликовал еще один труд — *«Мировая революционная пропаганда: чикагское исследование»*, в котором он вместе с Блуменстоком изучал воздействие мирового экономического кризиса на политические движения в среде чикагских безработных, с акцентом на взаимовлиянии макро- и микрофакторов на политику на местном, национальном и международном уровнях. Он стал первым исследователем комплекса физиологических и эмоционально-мыслительных процессов, применявшим лабораторные методы анализа. За этот же период Лассуэлл опубликовал несколько статей по результатам проведенных им экспериментов, выяснявших взаимообусловленность установок, эмоционального состояния, вербальных высказываний и физиологических параметров политических деятелей на основании анализа их интервью, показателей частоты пульса, кровяного давления, мышечного напряжения и т.п.

Наряду с Госнеллом и Лассуэллом, все свое время посвятившим осуществлению «чикагской революции» в области общественных наук, ведущие ученые факультета, в число которых входил сам Мерриам и его коллеги Кинси Райт, занимавшийся международными отношениями, и Л.Д. Уайт, специалист по социальному управлению, — также сыграли большую роль в укреплении репутации чикагской школы. Мерриам спонсировал подготовку и издание ряда книг по формированию гражданства в США и Европе, которые с полным правом можно назвать

предшественницами современных исследований политической социализации и политической культуры.

Вторая мировая война и послевоенная поведенческая революция

Чикагская школа продолжала свою плодотворную работу до конца Ч 1-х гг., пока университетская администрация во главе с Хатчинсом не подвергла сомнению ценность эмпирических исследований в области общественных наук. Некоторые известные профессора философского факультета, включая Джорджа Герберта Мида и других ведущих «прагматиков», подали в отставку и перешли в другие университеты. Из специалистов по политическим наукам университет покинули Лассуэлл и Госнелл, а выход на пенсию Мерриама практически свел на нет деятельность Чикагского факультета политической науки. Несмотря на это работы ведущих ученых чикагской школы уже прочно вошли в научный оборот, что обеспечило им будущее.

Вторая мировая война стала своего рода лабораторией и важнейшим источником опыта для многих ученых, которые позднее приняли участие в «поведенческой революции». Проблемы того времени: обеспечение высокого уровня производительности труда в сельском хозяйстве и промышленности при сокращении численности рабочей силы; набор и подготовка солдат для сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил и возвращение их после прохождения воинской службы к обычной гражданской жизни; продажа облигаций военного займа; контроль уровней потребления и инфляции; моральные ориентации и обеспечение надзора за отношением населения страны к врагам и союзникам — наряду с многими другими создали повышенный спрос на специалистов в области общественных наук во всех подразделениях военной и гражданской администрации. Требования военного времени привели к резкому увеличению спроса на гуманитарную экспертизу, что в свою очередь обусловило бурное развитие академических институтов в послевоенные десятилетия.

Работая в Министерстве юстиции, Лассуэлл систематически проводил количественный контент-анализ зарубежной прессы с целью исследования направленности пропаганды союзников и противников Соединенных Штатов. Кроме того, вместе с такими специалистами в области общественных наук, как Ганс Шпейер, Гудвин Уотсон, Натан Лейтес и Эдвард Шилз, он работал в аналитической группе отдела вещания на зарубежные страны, контролировавшейся разведывательным управлением при

Федеральной комиссии по средствам массовой информации, где наряду с прочими проблемами анализировалось содержание нацистских информационных сообщений о состоянии внутренней политики и морали в Германии и оккупированных государствах Европы. Для выработки оптимальных решений послевоенных проблем в различных военных учреждениях, а также в министерствах сельского хозяйства, финансов, Верховном суде и таких организациях, как Управление по ценообразованию и Управление военной информации, стали применять технику эмпирических исследований и другие методы опросов, статистический анализ и особенно теорию выборки. Потребности военного времени обусловили возросший интерес и к антропологии, имевшей в то время психиатрически-психоаналитическую ориентацию. Ответы на вопросы о причинах возникновения фашизма и нацизма, политического падения Франции, культурной уязвимости России, Англии и Соединенных Штатов ученые пытались найти, изучая структуру семьи, социализацию детей и модели культурного развития. Для прове-

дения антропологической и психологической экспертизы специалисты Управления военной информации и Министерства обороны прибегали к помощи Рут Бенедикт, Маргарет Мид, Кори Дюбуа, Клайда Клакхона, Эрнеста Хилгарда, Джеффри Горера и других ученых. Социальные психологи и социологи, специализировавшиеся на опросах общественного мнения и в области экспериментальной социальной психологии (Ренсис Лайкерт, Энгус Кэмпбелл, Пол Лазарсфелд, Герберт Хаймен, Сэмюэль Стауфер и Карл Ховленд), работали по заказам сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил, над проблемами управления персоналом для Министерства сельского хозяйства, стремившегося к увеличению объема производства пищевых продуктов, и Министерства финансов, заинтересованного в продаже облигаций военного займа, а также для различных разведывательных организаций, включая Управление стратегических служб. Молодые политологи в годы войны тоже сотрудничали с этими организациями, проходя профессиональную стажировку под руководством ведущих ученых.

Приобретенный в этот период опыт междисциплинарного синтеза оказался очень полезным в годы быстрого послевоенного роста академических учреждений и в годы холодной войны. В связи с развитием системы высшего образования и расширением сфер применения достижений политической науки ее преподавание было введено во многих учебных заведениях, где раньше обучение этой дисциплине отсутствовало. Изучение

международных отношений, простимулированное важной ролью Америки в мире в послевоенный период и во время холодной войны, было введено с тех пор в подавляющем большинстве новых исследовательских центров в Йельском, Принстонском и Колумбийском университетах. Массачусетском технологическом институте и Гарварде, а в 50—60-е гг. оно получило распространение в университетах Среднего Запада и Запада страны. При формировании штатного расписания сотрудников этих новых научно-исследовательских институтов и университетских факультетов политической науки учитывались не только ставшие уже традиционными субдисциплины (международное право, история международных отношений и организаций), но и новые направления развития предмета международных отношений — проблемы безопасности, политической экономии зарубежных стран, общественного мнения и политической культуры. Отношения с недавно получившими независимость развивающимися странами Азии, Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки, которые тогда рассматривались как объекты агрессивных притязаний со стороны Советского Союза, требовали

подготовки экспертов по регионалистике, а также по экономическим и политическим процессам в этих государствах. Факультеты политической науки быстро разрастались, чтобы, подготовить необходимое число молодых специалистов в соответствии с программами развития региональных исследований и международных отношений.

Особенно большим спросом пользовались услуги тех ученых, которые во время Второй мировой войны занимались эмпирическими исследованиями. Бизнесменам была нужна информация о склонностях и намерениях своих избирателей. По сравнению со скромными начинаниями 30—40-х гг. в послевоенные десятилетия эмпирические и маркетинговые исследования переживали период небывалого подъема. [...] Направленность их, таким образом, была двоякая — и коммерческая, и академическая. Основными академическими центрами, где проводились такого рода научные изыскания, стали: Мичиганский университет с работавшими при нем Институтом социальных исследований (ИСИ) и Центром опросов, основанным психологами Ренсисом Лайкертом, Энгусом Кемпбеллом и Дорвином Картрайтом; Бюро прикладных социальных исследований при Колумбийском университете, созданное социологами Полом Лазарсфелдом и Робертом Мертоном; Национальный исследовательский центр по изучению общественного мнения при Чикагском университете, который в первые годы существования возглавлял социолог Клайд Харт. Именно сотрудники этих трех организаций в послевоенные десятилетия опубликовали многочисленные работы и

подготовили тот профессорско-преподавательский состав, который впоследствии внес большой вклад в осуществление «поведенческой революции».

Из этих трех университетских центров наибольшее значение в плане подготовки специалистов по политической науке имел Мичиганский университет. В действующем при нем Институте социальных исследований еще в 1947 г. была открыта Летняя школа, где молодых политологов и других обществоведов обучали применению эмпирических методов. За прошедшие годы в рамках этой программы по технике эмпирических и электоральных исследований прошли подготовку сотни американских и зарубежных политологов. В 1961 г. в Мичигане был создан Межуниверситетский консорциум политических и социальных исследований (ICPSR), поддержанный вошедшими в его состав университетами, при котором действовал быстро увеличивавший свои фонды архив доступных для компьютерной обработки результатов опросов и других количественных данных. Этот архив стал важным источником инфор-

магии при подготовке большого количества диссертационных работ, статей для научных журналов и многих важных монографических исследований, в которых освещены различные аспекты развития демократического процесса. Работающие там специалисты проводят собственную летнюю программу по обучению количественным методам анализа.

В 1977 г. Центр электоральных опросов при Мичиганском университете был преобразован в Американский национальный центр электоральных исследований (NES), располагающийся в Центре политических исследований (ИСИ) и возглавленный Уорреном Миллером. Общее руководство осуществляет Независимый международный совет, не подотчетный американским университетам, которому Национальный научный фонд выделил большой грант. Совместно с этим Советом (под председательством вначале Хайнца Эйлауиз Стэнфордского университета) в Центре электоральных опросов регулярно проводятся исследования национальных избирательных кампаний, в которые немалый вклад вносят представители всех крупнейших национальных политологических и иных гуманитарных сообществ, а публикуемые результаты становятся достоянием научного сообщества в целом.

Если в период между Первой и Второй мировыми войнами решающую роль в развитии политической науки сыграл Чикагский университет, где была создана новаторская исследовательская школа, совершившая подлинную революцию в изучении политических процессов, то в послевоенные

десятилетия основные функции в распространении политической науки в большинстве академических центров как в Соединенных Штатах, так и в других странах взял на себя Институт социальных исследований при Мичиганском университете. Во время летних занятий несколько сотен американских и зарубежных молодых специалистов получили там навыки эмпирических и статистических методов исследования; его архивные материалы стали важными источниками для подготовки учеными многочисленных статей и книг. Проведенные в Мичигане исследования электоральных процессов признаны образцом международного уровня.

Распространение и совершенствование эмпирической политической теории затронуло не только техническую и теоретическую стороны изучения электоральных процессов. Такие области, как международные отношения и сравнительная политология, развивались столь же динамично, как и анализ американских и внутривнутриполитических процессов. В них также применялись количественные и междисциплинарные подходы. За несколько послевоенных десятилетий в основных универ-

ситетских центрах, ведущих подготовку аспирантов, — Йеле, Калифорнийском университете в Беркли, Гарварде, Мичигане, Висконсине, Миннесоте, Стэнфорде, Принстоне, Массачусеттском технологическом институте и других — сотни соискателей получили ученые степени по политической науке, после чего им была предложена работа во многих американских и зарубежных колледжах и университетах. В большинстве этих учебных заведений в послевоенные десятилетия аспиранты прошли курсы по количественным методам исследований. В 40—60-е гг. подготовке специалистов в значительной мере способствовала поддержка возглавляемого Пендлтоном Херрингом Совета по исследованиям в области общественных наук, который предоставлял аспирантам и начинающим исследователя стипендии, а также финансировал ряд исследовательских программ. Два его исследовательских комитета, занимавшихся политической наукой — Комитет по политическому поведению и отделившийся от него Комитет по сравнительной политологии, — особенно активно распространяли эти идеи и практику. Первый из них направлял и поддерживал как электоральные, так и исследования по законодательству, проводившиеся в Америке. Второй — руководил развитием региональных и компаративных исследований. Если большинство участников этих программ были американскими политологами и обществоведами, то около одной пятой ученых, приглашенных на конференции, организованные Комитетом по сравнительной политологии в 1954—1972 гг., приезжали из-за рубежа. Некоторые из них, в частности Стейн Роккан, Ганс Даадлер, Сэмюэль Файнер, Ричард

Роуз, Джованни Сартори, были лидерами движения за развитие и совершенствование социально-политических исследований — как на европейском, так и на национальных уровнях.

Именно в эти годы политическая наука как дисциплина приобретает характер современной «профессии». Факультеты политической науки, государственного управления и политики впервые возникли в конце XIX в. на основе сотрудничества и благодаря совместным усилиям историков, юристов и философов. В первые десятилетия XX в. во многих американских университетах такие факультеты уже существовали, однако считались «второстепенными». В 1903 г. была основана Американская ассоциация политической науки, в которую входило немногим более 200 специалистов. К концу Второй мировой войны численность Ассоциации достигла 3 тыс. человек, к середине 60-х гг. превысила 10 тыс., а в настоящее время она объединяет более 13 тыс. индивидуальных участни-

ков. В основном это преподаватели высших учебных заведений, организованные по секциям многочисленных субдисциплин. □...

]

За полвека со времени окончания Второй мировой войны преподавание политической науки и исследования в этой области привели к созданию масштабной академической дисциплины, в рамках которой успешно развиваются многие отрасли; ее неуклонное движение вперед позволило нам значительно лучше понять политические процессы и их проявления. Материалы региональных изысканий, проведенных в Западной и Восточной Европе, Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке тысячами квалифицированных специалистов, которые работают в центрах «региональных исследований» при университетах и колледжах (также имеющих собственное профессиональное объединение и печатные издания), послужили основой для научных библиотек по данной проблематике.

Мы уже говорили о распространении и усложнении электоральных исследований. Получаемые на их основании прогнозы в определенной степени можно сравнить с предсказаниями метеорологов или сейсмологов. Мы сделали большой шаг вперед в понимании политической культуры, ее воздействия на политические институты и их эффективность, а также субкультур отдельных элит и других социальных групп, играющих большую роль в общественной жизни. К эмпирическим исследованиям такого рода можно отнести работы

Гэбриела Алмонда, Сиднея Вербы, Алекса Инкелеса, Рональда Инглхарта, Сэмюэля Бариса и Роберта Патнэма. [...]

Применение агрегированных статистических методов исследования позволило более полно описать процессы модернизации и демократизации, а также функционирование государственных институтов. Успешно и плодотворно ученые занимались проблемами групп интересов и феномена «корпоративизма», а также оценки роли политических партий в развитии демократического процесса.

В работах Роберта Даля, Арндта Лейпхарта и Джованни Сартори значительное развитие получила теория демократии. Концепция демократизации была разработана в трудах Хуана Линца, ЛэрриДаймонда, Филиппа Шмиттера, Гильермо О'Доннела, Сэмюэля Хантингтона и др. А подход к изучению демократии Роберта Даля (1989) являет собой пример того, как нормативная и эмпирическая политические теории могут обогатить друг друга.

Хотя основное внимание мы уделили здесь развитию и распространению эмпирических, объясняющих и количественных аспектов политической науки, определенный «прогресс» был достигнут и в традици-

онных областях дисциплины. Концепции и умозаключения-политических историков, философов и юристов теперь основываются на гораздо более развитой методологии отбора и накопления информации и на возросшей требовательности к ее анализу и выводам. Работы сравнительных политических историков (Мура, Скокпола) внесли важный вклад в теорию государства, политических институтов и публичной политики. Совершенствование методики case studies Гарри Экстайном и Александром Джорджем повысило научные критерии для разработок, посвященных сравнительной и внешней политике. Сочинения Алмонда и его сотрудников Адама Пшеворского и Джеймса Тьюна, Арнда Сайфарта, Нейла Смелзера, Маттеи Догана, Дэвида Кольера и Гэри Кинга, Роберта Кеохэйна и Сиднея Вербы внесли заметный вклад в развитие методологии корпоративистики. [...]

Развитие политической науки в Европе

Политическая наука зародилась и прошла первую стадию становления на средиземноморском побережье в эпоху античности, продолжая развиваться при средневековом католицизме. Ренессансе, Реформации, Просвещении и в Европе XIX в., но этот процесс либо носил индивидуальный характер, либо происходил в замкнутых институциональных рамках — будь то греческие академии или европейские университеты средневековья и более поздних периодов. До последнего времени типичным подразделением европейского университета была

профессорская кафедра, возглавляемая ученым, вокруг которого группировались меньшие научные величины — доценты и ассистенты. В послевоенные десятилетия некоторые из таких университетских кафедр были расширены и преобразованы в факультеты, на которых преподавательскую и исследовательскую работу по разным направлениям ведут уже несколько профессоров.

Один из номеров «European Journal of Political Research» (1991) посвящен послевоенной истории развития западноевропейской политической науки. В его вступительной редакционной статье отмечается, что успехи политической науки в Европе по вполне очевидным причинам были связаны с процессом демократизации, а также со становлением государства всеобщего благосостояния, поскольку активистское, открытое государство, стремящееся к всестороннему охвату общественных проблем, нуждается во все большем объеме информации о политических процессах и эффективности деятельности властных структур. Признавая тот факт, что развитие американской политической

науки оказало на европейцев весьма значительное влияние, авторы статьи отмечают, что в Европе еще до начала Второй мировой войны проводились «поведенческие» исследования электоральных процессов, например Дюверже (1951—1976) во Франции и Тингстеном (1936—1963) в Швеции. Как было сказано выше, выдающиеся ученые в области общественных наук, идеи которых легли в основу творческого развития научной мысли Америки, были европейцами. Ричард Роуз (1990) указывает, что хотя главный потенциал развития современной политической науки после Второй мировой войны принадлежал Соединенным Штатам, но основоположники американской политологии — Вудро Вильсон, Фрэнк Гудноуз, Чарльз Мерриам — либо получали в Европе дипломы, либо после окончания высших учебных заведений в течение нескольких лет продолжали повышать квалификацию в европейских университетах, прежде всего в немецких. Образование, культура и профессиональное мастерство были качественно выше тогда в Старом свете по сравнению с Новым. До Первой мировой войны американские ученые смотрели на себя как на провинциалов. В межвоенный период даже в таком новаторском центре образования, как Чикагский университет, Мерриам все еще побуждал наиболее одаренных студентов после его окончания поехать на год в Европу для повышения уровня знаний и предоставлял им для этого материальную поддержку. Захват власти нацизмом и фашизмом, опустошения, причиненные Второй мировой войной, почти на десятилетие

затормозили научную жизнь в странах континентальной Европы. Значительная часть немецких ученых, занимавшихся общественными науками, переселилась в Соединенные Штаты, где они не только внесли посильный вклад в борьбу, которую вела Америка в годы войны, но и обогатили систему американского образования и исследований в области социологии, психологии и политической науки. В Новой школе общественных наук в Нью-Йорке из европейских «изгнанников» было сформировано целое подразделение для подготовки аспирантов; в Америке трудно было найти высшее учебное заведение, где бы на факультетах общественных наук не преподавали эмигрировавшие из Европы профессора. Такие ученые, как Пол Лазарсфельд, Курт Левин, Вольфганг Келер, Ганс Шпейер, Карл Дойч, Ганс Моргентхау, Лео Лоуэнталь, Лео Стросс, Франц Нойманн, Генри Эрманн, Отто Киршмайер, Герберт Миркузе внесли весомый вклад как в создание эффекта «поведенческой революции» в Соединенных Штатах, так и в ее критику. Таким образом, политическая наука, привнесенная в Европу после Второй ми-

ровой войны, в определенной степени явилась развитием тех ее направлений, которые восходили к истокам европейских традиций.

Гуманитарные традиции и школы настолько глубоко укоренились в европейских национальных культурах, что уничтожить их в период нацистского господства оказалось просто невозможно. К 60-м гг. были полностью восстановлены старые университеты и возникло много новых учебных и исследовательских центров. Европейские ученые вносили все более весомый вклад в развитие общественных наук. Комитет по политической социологии Международной социологической ассоциации состоял в основном из европейских ученых, хотя и объединял научные усилия континентальных и американских специалистов. Влияние его деятельности на динамику научной мысли в Европе во многих отношениях можно сравнить с той ролью, которую ранее играл Американский комитет по сравнительной политологии. Проводившиеся в Европе компаративные исследования (в частности, осуществлявшийся под руководством Даля, Лорвина, Даалдера и Роккана проект изучения демократических режимов небольших европейских государств) помогли существенно повысить профессиональный уровень специалистов, представлявших европейскую политическую науку. Центр эмпирических исследований при Мичиганском университете оказал заметное воздействие на внедрение самых современных методов электоральных исследований в Европе — в начале 60-х гг. их начали проводить в Англии, а затем и в других европейских странах. После

завершения каждого такого национального исследования в стране оставались подготовленные кадры специалистов, которые должны были и в дальнейшем заниматься электоральным анализом.

В 1970 г. на средства Фонда Форда был образован Европейский консорциум политических исследований (ЕСРР), ставивший перед собой примерно такие же цели, как комитеты по политической науке Американского совета по исследованиям в области общественных наук. Консорциум выделял средства на организацию обучения по научно-методологическим программам в обществоведении в летней школе (расположенной в Эссекском университете), на создание лабораторий при некоторых национальных центрах, где разрабатывались различные научные проблемы, а также на реализацию современных исследовательских проектов. При его содействии был создан Архив осуществленных исследований и начало выходить профессиональное периодическое издание «*The European Journal of Political Research*». Коллективными членами ЕСРР становятся факультеты и научно-исследовательские ор-

ганизации; в 1989 в его состав входило 140 таких учреждений. В справочнике 1985 г. о европейских ученых, занимающихся политической наукой, было перечислено почти 2,5 тыс. имен. Уровень развития политической науки в отдельных европейских государствах определяется количеством национальных научных организаций, являющихся членами ЕСРР. Из 140 входивших в Консорциум в 1989 г. научных организаций 40 приходилось на Великобританию, 21 — на Германию, 13 — на Нидерланды, 11 — на Италию и 5 — на Францию.

К 90-м гг. ученые, профессионально изучающие разнообразные функциональные направления политической науки как дисциплины, имеющей общепринятую концепцию предмета исследования, и организованные в Международную ассоциацию политических наук и в различные национальные и региональные объединения, прочно утвердились и глобальном научном знании. Печатается по: *Алмонд Г.* Политическая наука: история дисциплины //Полис. 1997. № 6. С. 175—183.

Глава 2 ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ ПОЛИТОЛОГИИ

КОНФУЦИЙ

Изречения

Глава 1

5. Учитель сказал:

— Правя уделом, способным выставить тысячу боевых повозок, надо быть тщательным в делах, правдивым, любить людей, экономить средства и побуждать народ к труду в соответствии со сменой сезонов.

Глава 2

Правитель

3. Учитель сказал:

— Если править с помощью закона, улаживать, наказывая, то народ остережется, но не будет знать стыда. Если править на основе добро-

80 Раздел 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

детели, улаживать по ритуалу, народ не только устыдится, но и выразит покорность.

Г л а в а 6

Вот Юн

7. Благодетельный из Младших спросил:

— Можно ли привлечь Чжун Ю к правлению? Учитель ответил:

— Ю человек решительный. С чем он не справится по службе?

— А можно ли и Цы привлечь к правлению?

— Цы человек понятливый. С чем он не справится по службе?

— А можно ли и Цю привлечь к правлению?

— Цю многое умеет. С чем он не справится по службе?

Глава 12

Янь Юань

2. Чжунгун спросил о том, что такое человечность. Учитель ответил:

— Это когда ведут себя на людях так, словно вышли встретить важную персону, руководят народом так, словно совершают важный жертвенный обряд; не делают другим того, что не хотят себе; не вызывают ропота в стране, не вызывают ропота в семействе.

Чжунгун сказал:

— Я хоть и не сметлив, позвольте мне заняться исполнением этих слов.

7. Цзыгун спросил о том, в чем состоит управление государством.

Учитель ответил:

— Это когда достаточно еды, достаточно оружия и есть доверие народа.

— А что из названного можно первым исключить в случае необходимости? — спросил Цзыгун.

— Можно исключить оружие.

— А что из остающегося можно первым исключить в случае необходимости? — снова спросил Цзыгун.

— Можно исключить еду.

Смерть издревле никто не может избежать.

Когда ж народ не верит, то не устоять.

9. Князь Скорбной Памяти спросил Ю Жо:

— Как быть? Нынешний год неурожайный, и на покрытие расходов не хватает средств.

Ю Жо ответил:

— А почему бы не взимать налог в размере лишь одной десятой Масти.

— Я сейчас взимаю две десятых, и мне их не хватает. Как же я обойдусь одной десятой? — возразил князь. Ю Жо сказал:

— Как может Вам не доставать, когда будет хватать народу? Как может Вам хватать, когда народу не хватает?

11. Князь Великий из удела Ци спросил Конфуция о том, в чем заключается управление государством. Конфуций ответил:

— Да будет государем государь, слуга — слугой, отцом — отец и сыном — сын.

— Отлично! Воистину, если не будет государем государь, слуга слугой, отец отцом и сыном сын, то, пусть бы даже у меня был хлеб, смогу ли я его вкушать? — ответил князь.

14. Цзычжан спросил о том, в чем состоит управление государством. учитель ответил:

— Когда руководишь, забудь об отдыхе. А выполняя поручение, будь честен.

17. Благодетельный из Младших спросил Конфуция о том, в чем заключается правление. Конфуций ответил:

— Правление есть исправление. Кто же посмеет не исправиться, Когда исправитесь Вы сами?!

18. Благодетельный из Младших был обеспокоен воровством и спросил совета у Конфуция. Конфуций ответил:

— Коль сами будете скромны в желаниях, Не согласятся воровать и за награду.

19. Благодетельный из Младших, беседуя с Конфуцием об управлении государством, спросил:

— Что, если казнить беспутных ради сближения с теми, у кого есть путь?

Конфуций ответил:

— В Ваших руках бразды правления, зачем же Вам казнить? Вам стоит лишь увлечься самому хорошими делами, и весь народ тотчас же стремится ко всему хорошему. У благородного мужа добродетель — ветер, у малых же людей она — трава; склоняется трава вслед ветру.

20. Цзычжан спросил:

— Каким должен быть ученый муж, который мог бы называться выдающимся?

— А что, по-твоему, значит «выдающийся»? — спросил Учитель.

— Всегда быть прославляемым в стране, всегда быть прославляемым в семействе, — ответил Цзычжан. Учитель возразил:

— Это прославленный, а не выдающийся. А выдающийся бесхитроу и прям, он любит справедливость, вникает в то, что люди ему говорят, и изучает выражение их лиц, заботится о том, чтобы поставить себя ниже других. Он непременно будет выдающимся в стране и выдающимся в семействе. Кого же прославляют, тот внешне проявляет человечность, а поступает вопреки ей, и так живет, не ведая сомнений. Вот он и будет непременно прославляемым в стране и прославляемым в семействе.

Г л а в а 13

Цзылу

1. Цзылу спросил о том, что значит быть правителем. Учитель ответил:

— Побуждай к усердию своим примером. Когда Цзылу попросил дальнейших разъяснений, Учитель сказал:

— Не знай отдыха.

2. Чжунгун стал управляющим у Младших и спросил о том, что значит быть правителем. Учитель ответил:

— Будь примером для своих подданных, не вини за малые проступки, выдвигай достойных и способных.

— А как узнать достойных и способных, чтобы их возвысить? — спросил Чжунгун. Учитель ответил:

— Возвысь тебе известных, А тех, кого не знаешь, — Отринут ли другие?

3. Цзылу сказал:

— Вэйский государь ждет Вас для дел правления. С чего Вы начнете? Учитель ответил:

— Нужно исправить имена.

— Вы так считаете? — возразил Цзылу. — Это слишком заумно.

Зачем их исправлять? Учитель ответил:

— Как ты необразован, Ю! Благородный муж, наверное, промолчал бы, услышав то, чего не понимает. Ведь если не подходит имя, то неуместно его толкование; коль неуместно толкование, не может быть успеха в деле; а без успеха в деле не процветают ритуал и музыка; но если ритуал и музыка не процветают, то наказания бьют мимо цели, когда же наказания бьют мимо цели, народ находится в растерянности. Поэтому все, что называет благородный муж, всегда можно растолковать, а что он растолковывает, всегда можно исполнить. Благородный муж лишь избегает в толковании небрежности.

9. В поездке в Вэй с Учителем был Жань Ю, который правил повозкой.

Учитель заметил:

— Какое множество людей!

Жань Ю спросил:

— Когда их много, то что еще следует сделать?

— Их обогатить, — ответил учитель. Жань Ю снова спросил:

— А если станут и богаты, то что еще следует сделать?

— Их обучить, — ответил Учитель.

11. Учитель воскликнул:

— Воистину, как верно сказано, что если власть в стране в течение ста лет будет принадлежать хорошим людям, то они смогут справиться с насилием и обойтись без казней!

12. Учитель сказал:

— Даже когда приходит к власти истинный правитель, человечность может утвердиться лишь через поколение.

13. Учитель говорил:

— Когда ты исправляешь сам себя, то с чем не справишься в правлении? Когда не можешь сам себя исправить, то как же будешь исправлять других?

14. Когда Жань вернулся с заседания, Учитель спросил:

— Почему пришел так поздно?

— Обсуждали одно государственное дело, — ответил ученик.

Учитель возразил:

— Это дело не могло быть государственным. В противном случае я слышал бы о нем, хотя нигде и не служу.

15. Князь Твердый спросил:

— Можно ли одним высказыванием привести страну к расцвету?

Конфуций ответил:

— Этого нельзя достичь высказыванием. Но люди говорят: «Трудно быть правителем и нелегко быть подданным». Если поймешь, как трудно быть правителем, то разве не приблизишься к тому, когда одним высказыванием приводят государство к процветанию?

— А можно ли одним высказыванием погубить страну? — спросил князь.

Конфуций ответил:

— Этого нельзя достичь высказыванием. Но люди говорят: «Мне доставляет радость быть правителем лишь то, когда не возражают на мои слова». Если то, о чем он говорит, прекрасно, разве плохо, что ему никто не возражает? Но если сказанное дурно и никто не возражает, то разве не приблизишься к тому, чтобы одним высказыванием погубить государство?

16. Князь Шэ спросил, что значит управление государством. Учитель ответил:

— Это когда радуются те, что близко, И приходят те, что далеко.

17. Когда Цзыся стал управителем Цюйфу, он спросил о том, как должен действовать правитель. Учитель ответил:

— Не рассчитывай на скорые успехи и не соблазняйся малой выгодой. Поспешишь — и не добьешься цели, соблазнишься малым — и не сделаешь великого.

19. Фань Чи спросил о том, что составляет человечность. Учитель ответил:

— Держать себя с почтительностью дома, Благоговейно относиться к делу И честно поступать с другими. От этого нельзя отказываться, Даже когда едешь к варварам.

20. Цыгун спросил:

— Каким надо быть, чтобы могли назвать ученым мужем?

Учитель ответил:

— Ученым может называться человек, стыдливый в своем поведении, способный с честью выполнить приказ правителя во время миссии в чужом краю.

— Осмелюсь узнать, каков следующий за этим?

— Названный в роду почтительным к родителям, названный в деревне чтящим старших.

— Осмелюсь узнать, каков следующий за этим?

— Им будет, несомненно, малый человек. Чьи речи всегда искренни, а действия решительны. Он ограничен и упрям, но его тоже можно считать «следующим».

— А каковы те, кто в наши дни занят правлением?

— А... мелкие людишки! Они не могут идти в счет!

Г л а в а 16

Младший

1. Когда Младший решил выступить против владения Чжуаньюй, Жань Ю и Цзи Лу встретились Конфуцием и сообщили:

— Младший решил начать боевые действия против Чжуаньюя.

Конфуций ответил:

— Но в этом не ты ли, Цю, и виноват? Царь-предок в прошлом сделал Чжуаньюй ответственным за жертвоприношения горе Дунмэн, к тому же данное владение находится на территории нашего княжества и защищает его алтари. Зачем же выступать против него?

Жань Ю ответил:

— Наш господин желает этого, а мы оба, его подданные, не хотим. Конфуций ответил:

— Цю, у Чжоу Жэня есть высказывание: «Когда ты можешь проявить свои способности, то оставайся на посту, а не способен — уходи». Зачем слепому поводырь, который не поддерживает его в опасном месте и не помогает встать, когда он падает? Ты говоришь неверно. Кто виноват, когда из клетки убегает тигр или носорог или ломаются в шкатулке панцирь черепахи и нефрит?

— Городские стены во владении Чжуаньюй крепки, и оно находится недалеко от Би, — сказал Жань Ю.

— Если сейчас не захватить, то в будущем наверняка доставит беды сыновьям и внукам Младшего. Конфуций возразил:

— Цю, благородный муж не любит, когда не высказывают прямо своих побуждений, лишь стараются найти им оправдание. Я слышал, что того, кто правит государством или возглавляет знатный род, тревожит не отсутствие богатства, а его несоразмерное распределение, тяготит не малочисленность народа, а отсутствие благополучия. При соразмерности нет бедности; когда царит гармония, нет недостатка в людях; где утверждается благополучие, там не бывает потрясений. Так-то вот. Поэтому, коль непокорны жители далеких местностей, их при-

влекают тем, что совершенствуют образование и нравственность; когда же привлекают, то делают их жизнь благополучной. И вот вы оба, Ю и Цю, хотя и ходите в помощниках у господина, но жители далеких местностей ему не покоряются, и он не может их привлечь; в стране раздоры и разброд, а он не может ее уберечь, да еще замышляет выступить с оружием внутри страны. Младшим Суням, боюсь, надо опасаться не владения Чжуаньюй, а самих себя.

Г л а в а 17

Ян Хо

1. Ян Хо хотел, чтобы к нему явился Конфуций, но Конфуций не приходил. Тогда он послал Конфуцию в подарок поросенка.

Выбрав время, когда Ян Хо не было дома, Конфуций отправился к нему с визитом, но неожиданно встретил его по дороге.

— Подойти ко мне, — обратился к нему Ян Хо, — я хочу с тобой поговорить.

Затем он сказал Конфуцию:

— Может быть назван человечным тот, кто, затаив за пазухой драгоценность, спокойно наблюдает, как его страна сбивается с пути? Не может. А может быть назван умным тот, кто стремится поступить на службу, но уже много раз упускал эту возможность? Не может. Дни и месяцы уйдут, с ними годы нас покинут.

— Согласен, я пойду служить, — ответил Конфуций.

18. Учитель отметил:

— Плохо, когда фиолетовый цвет затмевает ярко-красный; плохо, когда мелодии удела Чжэн портят возвышенную музыку; плохо, когда краснобаи губят государство.

Г л а в а 20

Яо сказал

1. Яо сказал:

— О, Ты, Шунь! По преемству, установленному Небом, выбор пал на тебя. Держись твердо незыблемой середины. Если народ в пределах четырех морей будет терпеть лишения, то благословение Неба навсегда тебя покинет.

Шунь дал такое же указание Юю.

Тан сказал:

— Я, ничтожный Люй, осмеливаюсь принести в жертву черного быка и с трепетом докладываю Великому Владыке, что не смею мило-

вать свершивших преступления и прикрывать Твоих, Владыка, слуг; пусть Твое сердце само сделает выбор. Если я виновен, не карай всех остальных; если виновны остальные, то за них меня подвергни каре.

Чжоуский дом одаривал щедро, и стали богаты хорошие люди. «Хотя есть близкая родня, ей не сравниться с людьми, обладающими человечностью. Если виноват народ, его вина на мне одном».

Он произвел проверку мер длины, объема, веса, восстановил отброшенные должности, и правительственные распоряжения стали всюду выполняться. Он возродил погибшие уделы, угаснувшие поколения, возвысил тех, кого несправедливо отвергали, и все простые люди Поднебесной выразили ему с радостью свою покорность.

Чему он уделял особое невнимание, так это простым людям, обеспеченности продовольствием, обряду траура и жертвоприношениям.

Великодушие покоряет всех, правдивость вызывает у людей доверие, сметливость позволяет достигать успеха, а беспристрастность радует.

2. Цзычжан спросил Конфуция:

— Каковы условия участия в правлении страной? Учитель ответил:

— Если относиться с почитанием к пяти достоинствам и устранять четыре недостатка, то можно принимать участие в правлении.

— Что значит пять достоинств? —спросил Цзычжан. Учитель ответил:

— Благородный муж, оказывая милость, не несет расходов; не вызывает злобы у людей, когда заставляет их трудиться; его желания несовместимы с жадностью; он полон величавости, но чужд высокомерия; он грозен, но в нем нет свирепости.

— Что значит: «оказывая милость, не нести расходов?» — спросил Цзычжан.

Учитель ответил:

— Благотворить народу, используя все то, что приносит ему выгоду, — это ли не милость, не требующая расходов? Если для людей, которых заставили трудиться, выбирать посильный труд, то у кого из них возникает злоба? Когда стремятся к человечности и добиваются ее, откуда может взяться жадность? Благородный муж не смеет проявить пренебрежение, имеет ли он дело с многочисленным или немногим, великим или малым, — это ли не величавость без высокомерия? Благородный муж носит надлежащим образом шапку и платье, его взор полон

88 Раздел I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

достоинства, он так внушителен, что люди, глядя на него, испытывают трепет, — он ли не грозен без свирепости?

— Что значит четыре недостатка? — спросил Цзычжан. Учитель ответил:

— Казнить те?, кого не наставляли, значит быть жестоким; требовать исполнения, не предупредив заранее, значит проявлять насилие; медлить с приказом и при этом добиваться срочности, значит наносить ущерб; и в любом случае скупиться, оделяя чем-либо людей, значит поступать казенно.

Печатается по: *Конфуций. Я верю в древность*. М., 1995. С. 55, 56, 58, 113—120, 122—124, 143, 144, 148, 151, 162—164.

ПЛАТОН

Государство

Книга первая

О справедливости как выгоде сильнейшего

[...]

— Устанавливает же законы всякая власть в свою пользу:

демократия — демократические законы, тирания —

тиранические, так же и в остальных случаях. Установив законы,

объясняют их справедливыми для подвластных — это и есть как

раз то, что полезно властям, а преступающего их карают как

нарушителя законов и справедливости. [...]

Справедливость и несправедливость

[...]

— Значит, мы скажем следующим образом: справедливый

человек хочет обладать преимуществом сравнительно не с

подобным ему человеком, а с тем, кто на него не похож, между

тем как несправедливый хочет им обладать сравнительно с обоими — и с тем, кто подобен ему, и с тем, кто на него не похож. [...]

Книга вторая

Справедливость и несправедливость (продолжение)

[...] Говорят, что творить несправедливость обычно бывает хорошо, а терпеть ее — плохо. Однако, когда терпишь несправедливость, в этом гораздо больше плохого, чем бывает хорошего, когда ее творишь. Поэтому, когда люди отведали и того и другого, т.е. и поступали несправедливо, и страдали от несправедливости, тогда они, раз уж нет сил избе-

жать одной и придерживаться другой, нашли целесообразным договориться друг с другом, чтобы и не творить несправедливости, и не страдать от нее. Отсюда взяло свое начало законодательство и взаимный договор. Установления закона и получили имя законных и справедливых — вот каково происхождение и сущность справедливости. Таким образом, она занимает среднее место — ведь творить несправедливость, оставаясь притом безнаказанным, это всего лучше, а терпеть несправедливость, когда ты не в силах отплатить, — всего хуже. Справедливость же лежит посреди между этими крайностями, и этим приходится довольствоваться, но не потому, что она благо, а потому, что люди ценят ее из-за своей собственной неспособности творить несправедливость. Никому из тех, кто в силах творить несправедливость, т.е. кто доподлинно муж, не придет в голову заключать договоры о недопустимости творить или испытывать несправедливость — разве что он сойдет с ума. Такова, Сократ, — или примерно такова — природа справедливости, и вот из-за чего она появилась, согласно этому рассуждению.

А что соблюдающие справедливость соблюдают ее из-за бессилия творить несправедливость, а не по доброй воле, это мы всего легче заметим, если мысленно сделаем вот что: дадим полную волю любому человеку, как справедливому, так и несправедливому, творить все, что ему угодно, и затем понаблюдаем, куда его поведут его влечения. Мы поймем справедливого человека с поличным: он готов пойти точно на то же самое, что и несправедливый, — причина тут в своекорыстии,

к которому, как к благу, стремится любая природа, и только с помощью закона, насильственно ее заставляют соблюдать надлежащую меру. [...]

— Я тебе скажу. Справедливость, считаем мы, бывает свойственна отдельному человеку, но бывает, что и целому государству. [...]

Разделение труда в идеальном государстве соответственно потребностям и природным задаткам

[...]

— Государство, — сказал я, — возникает, как я полагаю, когда [каждый из нас не может удовлетворить сам себя, но во многом еще нуждается. Или ты приписываешь начало общества чему-либо иному?

— Нет, ничему иному.

— Таким образом, каждый человек привлекает то одного, то другого для удовлетворения той или иной потребности.

Испытывая нужду во

90 Раздел I. МЕТОДОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства, не правда ли?

— Конечно. [...]

— [...] Я еще раньше обратил внимание на твои слова, что люди рождаются не слишком похожими друг на друга, их природа бывает различна, так что они имеют различные способности к тому или иному делу. Разве не таково твое мнение?

— Да, таково. [...]

— Так что же? Как будут они передавать друг другу все то, что каждый производит внутри самого государства? Ведь ради того мы и основали государство, чтобы люди вступили в общение.

— Очевидно, они будут продавать и покупать.

— Из этого у нас возникнет и рынок, и монета — знак обмена.

— Конечно. [...]

— Из-за этой потребности появляются у нас в городе мелкие торговцы. Разве не назовем мы так посредников по купле и продаже, которые засели на рынке? А тех, кто странствует по городам, мы назовем купцами.

— Конечно. [...]

— Чтобы у нас успешнее шло сапожное дело, мы запретили сапожнику даже пытаться стать земледельцем, или ткачом, или домостроителем; так же точно и всякому другому мы поручили только одно дело, к которому он годится по своим природным задаткам, этим он и будет заниматься всю жизнь, не отвлекаясь ни на что другое, и достигнет успеха, если не упустит время. А разве не важно хорошее выполнение всего, что относится к

военному делу? Или оно настолько легко, что земледелец, сапожник, любой другой ремесленник может быть вместе с тем и воином? Прилично играть в шашки или в кости никто не научится, если не занимался этим с детства, а играл так, между прочим. Неужели же стоит только взять щит или другое оружие и запастись военным снаряжением — и сразу станешь способен сражаться, будь то в рядах гоплитов или других воинов? Никакое орудие только оттого, что оно очутилось у кого-либо в руках, не сделает его сразу мастером или атлетом и будет бесполезно, если человек не умеет с ним обращаться и недостаточно упражнялся. — Иначе этим орудиям и цены бы не было! [...]

Двойное воспитание стражей: мусическое и гимнастическое

— Каким же будет воспитание? Впрочем, трудно найти лучше того, которое найдено с самых давнишних времен. Для тела — это гимнастическое воспитание, а для души — мусическое.

— Да, это так. [...]

— Разве можем мы так легко допустить, чтобы дети слушали и воспринимали душой какие попало и кем попало выдуманные мифы, большей частью противоречащие тем мнениям, которые, как мы считаем, должны быть у них, когда они повзрослеют?

— Мы этого ни в коем случае не допустим.

— Прежде всего нам, вероятно, надо смотреть за творцами мифов:

если их произведение хорошо, мы допустим его, если же нет — отвергнем. Мы уговорим воспитательниц и матерей рассказывать детям лишь признанные мифы, чтобы с их помощью формировать души детей скорее, чем их тела — руками. А большинство мифов, которые они теперь рассказывают, надо отбросить. [...]

Книга третья

Отбор правителей и стражей

[...]

— Значит, из стражей надо выбрать таких людей, которые, по нашим наблюдениям, целью всей своей жизни поставили самое ревностное служение государственной пользе и ни в коем случае не согласились бы действовать вопреки ей. [...]

— Разве не с полным поистине правом можно назвать таких стражей совершенными? Они охраняли бы государство от внешних

врагов, а внутри него оберегали бы дружественных граждан, чтобы у этих не было желания, а у тех — сил творить зло. А юноши, которых мы называем стражами, были бы помощниками правителей и проводниками их взглядов.

— Я согласен. [...]

Быт стражей

— В дополнение к их воспитанию, скажет всякий здравомыслящий человек, надо устроить их жилища и прочее их имущество так, чтобы это не мешало им быть наилучшими стражами и не заставляло бы их причинять зло остальным гражданам.

Да, здравомыслящий человек скажет именно так.

92 Раздел I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

— Смотри же, — продолжал я, — если им предстоит быть такими, не следует ли устроить их жизнь и жилища примерно вот каким образом: прежде всего никто не должен обладать никакой частной собственностью, если в том нет крайней необходимости. Затем, ни у кого не должно быть такого жилища или кладовой, куда не имел бы доступа всякий желающий. Припасы, необходимые для рассудительных и мужественных знатоков военного дела, они должны получать от остальных граждан в уплату за то, что их охраняют. Количества припасов должно хватать стражам на год, но без излишка. Столуясь все вместе, как во время военных походов, они и жить будут сообща. А насчет золота и серебра надо сказать им, что божественное золото — то, что от богов, — они всегда имеют в своей душе, так что ничуть не нуждаются в золоте человеческого, да и нечестиво было бы, обладая тем золотом, осквернять его примесью золота смертного: у них оно должно быть чистым, не то что ходячая монета, которую часто нечестиво подделывают. Им одним не дозволено в нашем государстве пользоваться золотом и серебром, даже прикасаться к ним, быть с ними под одной крышей, украшаться ими или пить из золотых и серебряных сосудов. Только так могли бы стражи остаться невредимыми и сохранить государство. А чуть только заведется у них собственная земля, дома, деньги, как сейчас же из стражей станут они хозяевами и земледельцами; из союзников остальных граждан сделаются враждебными им владыками; ненавидя сами и вызывая к себе ненависть, питая злые умыслы и их опасаясь, будут они все время жить в большем страхе перед внутренними врагами, чем

перед внешними, а в таком случае и сами они, и все государство устремится к своей скорейшей гибели. [...]

Книга четвертая

Модель идеального государства (утопия)

— Я думаю, мы найдем, что сказать, если двинемся по тому же пути. Мы скажем, что нет ничего удивительного, если наши стражи именно таким образом будут наиболее счастливы; а впрочем, мы основываем это государство, вовсе не имея в виду сделать как-то особенно счастливым один из слоев его населения, но, наоборот, хотим сделать таким все государство в целом. Ведь именно в таком государстве мы рассчитывали найти справедливость, а несправедливость, наоборот, в наихудшем государственном строе и на основании этих наблюдений решить вопрос, так долго нас занимающий. Сейчас мы лепим в нашем воображении государство, как мы полагаем, счастливое, но не в отдельно взя-

той его части, не так, чтобы лишь кое-кто в нем был счастлив, но так, чтобы оно было счастливо все в целом; а вслед за тем мы рассмотрим государство, ему противоположное. [...]

Устранение богатства и бедности в идеальном государстве

[...]

— Счастлив ты, если считаешь, что заслуживает названия государства какое-нибудь иное, кроме того, которое основываем мы.

— Но почему же?

— У всех остальных название должно быть длиннее, потому что каждое из них представляет собою множество государств, а вовсе не «город», как выражаются игроки. Как бы там ни было, в них заключены два враждебных между собой государства: одно — бедняков, другое — богачей; и в каждом из них опять-таки множество государств, так что ты промахнешься, подходя к ним как к чему-то единому. Если же ты подойдешь к ним как к множеству и передашь денежные средства и власть одних граждан другим или самих их переведешь из одной группы в другую, ты всегда приобретешь себе союзников, а противников у тебя будет немного. И пока государство управляется разумно, как недавно и было нами постановлено, его мощь будет чрезвычайно велика; я говорю не о показной, а о подлинной мощи, если даже государство защищает всего лишь тысяча воинов. Ни среди эллинов, ни среди варваров нелегко найти хотя бы одно государство, великое в этом смысле, между тем как мнимо великих множество и они во много раз больше нашего государства. Или ты считаешь иначе?

— Нет, клянусь Зевсом. [...]

**Роль правильного воспитания, обучения и законов в
идеальном государстве**

[...]

— Следовательно, ты не воздашь хвалы и государству, которое все Целиком, как мы недавно говорили, занимается чем-то подобным. Или Тебе не кажется, что то же самое происходит в плохо управляемых государствах, где гражданам запрещается изменять государственное устройство в целом и такие попытки караются смертной казнью? А кто старается быть приятным и угождает гражданам, находящимся под таким управлением, лебезит перед ними, предупреждает их желания и горазд их исполнять, тот, выходит, будет хорошим человеком, мудрым в важнейших делах, и граждане будут оказывать ему почести. [...]

— Так не сердись на них. И верно, такие законодатели всего забавнее: они, как мы только что говорили, все время вносят поправки в свои законы, думая положить предел злоупотреблениям в делах, но, как я сейчас заметил, не отдают себе отчета, что на самом-то деле уподобляются людям, рассекающим гидру. [...]

Четыре добродетели идеального государства

— Ясно, что оно мудро, мужественно, рассудительно и справедливо. [...]

— Значит, государство, основанное согласно природе, всецело было бы мудрым благодаря совсем небольшой части населения, которая стоит во главе и управляет, и ее знанию. И по-видимому, от природы в очень малом числе встречаются люди, подходящие, чтобы обладать этим знанием, которое одно лишь из всех остальных видов знания заслуживает имя мудрости.

— Ты совершенно прав. [...]

— Нечто вроде порядка — вот что такое рассудительность; это власть над определенными удовольствиями и вожделениями — так ведь утверждают, приводя выражение «преодолеть самого себя», уж не знаю каким это образом. И про многое другое в этом же роде говорят, что это — следы рассудительности. Не так ли?

— Именно так.

— Разве это не смешно: «преодолеть самого себя»? [...]

— Это не так, как с мужеством или мудростью: те, присутствуя в какой-либо одной части государства, делают все государство соответственно либо мужественным, либо мудрым; рассудительность же в государстве проявляется по-иному: она

пронизывает на свой лад решительно все целиком; пользуясь всеми своими струнами, она заставляет и те, что слабо натянуты, и те, что сильно, и средние звучать согласно между собою, если угодно, с помощью разума, а то и силой или, наконец, числом и богатством и всем тому подобным, так что мы с полным правом могли бы сказать, что эта вот согласованность и есть рассудительность, иначе говоря, естественное созвучие худшего и лучшего в вопросе, о том, чему надлежит править и в государстве, и в каждом отдельном человеке. [...]

— Между тем государство мы признали справедливым, когда имеющиеся в нем три различных по своей природе сословия делают каждое свое дело. А рассудительным, мужественным и мудрым мы признали го-

сударство вследствие соответствующего состояния и свойств представителей этих же самых сословий.

— Верно. [...]

Три начала человеческой души

[...]

— Поистине справедливость была у нас чем-то в таком роде, но не в смысле внешних человеческих проявлений, а в смысле подлинно внутреннего воздействия на самого себя и на свои способности. Такой человек не позволит ни одному из имеющихся в его душе начал выполнять чужие задачи или досаждать друг другу взаимным вмешательством: он правильно отводит каждому из этих начал действительно то, что им свойственно; он владеет собой, приводит себя в порядок и становится сам себе другом; он прилаживает друг к другу три начала своей души, совсем как три основных тона созвучия — высокий, низкий и средний, да и промежуточные тоны, если они там случатся; все это он связует вместе и так из множественности достигает собственного единства, рассудительности и слаженности. Таков он и в своих действиях, касаются ли они приобретения имущества, ухода за своим телом, государственных дел или же частных соглашений. Во всем этом он считает и называет справедливой и прекрасной ту деятельность, которая способствует сохранению указанного состояния, а мудростью — умение руководить такой деятельностью. Несправедливой деятельностью он считает ту, что нарушает все это, а невежеством — мнения, ею руководящие.

— Ты совершенно прав, Сократ.

Справедливое государство и справедливый человек

— Ну что ж, — сказал я. — Если мы признаем, что определили справедливого человека и справедливое государство, а также проявляющуюся в них справедливость, то нам не покажется, думаю я, будто мы в чем-то слишком уж заблуждаемся.

— Не покажется, клянусь Зевсом. [...]

— Стало быть, что значит поступать несправедливо и совершать Преступления и, напротив, поступать по справедливости — все это, не правда ли, уже совершенно ясно, раз определилось, что такое несправедливость и что такое справедливость? [...]

**Соответствие пяти типов душевного склада пяти типам
государственного устройства**

— Сколько видов государственного устройства, столько же, пожалуй, существует и видов душевного склада.

— Сколько же их?

— Пять видов государственного устройства и пять видов души.

— Скажи, какие?

— Я утверждаю, что одним из таких видов государственного устройства будет только что разобранный нами, но назвать его можно двояко: если среди правителей выделится кто-нибудь один, это можно назвать царской властью, если же правителей несколько, тогда это будет аристократия.

— Верно. [...]

Книга пятая

Роль женщин в идеальном государстве

[...]

— Итак, здесь надо сперва прийти к соглашению, исполнимо это или нет, и решить спорный вопрос — в шутку ли или серьезно, как кому угодно: способна ли женская часть человеческого рода принимать участие во всех делах наряду с мужчинами, или же она не может участвовать ни в одном из этих дел; а может быть, к чему-то она способна, а к другому — нет? То же и насчет военного дела: способны ли они к нему? Не лучше ли всего начать именно так, чтобы, как положено, наилучшим образом и закончить?

— Конечно. [...]

— Значит, друг мой, не может быть, чтобы у устроителей государства было в обычае поручать какое-нибудь дело женщине только потому, что она женщина, или мужчине только потому, что он мужчина. Нет, одинаковые природные свойства встречаются у живых существ того и другого пола, и по своей природе как женщина, так и мужчина могут принимать участие во всех делах, однако женщина во всем немогуще мужчины. [...]

— Значит, мы, совершив круг, вернулись к исходному положению и признаем, что предоставление женам стражей возможности заниматься и мусическим искусством, и гимнастикой не противоречит природе.

— Нисколько не противоречит. [...]

Общность жен и детей у стражей (продолжение)

— Все жены этих мужей должны быть общими, а отдельно пусть ни одна ни с кем не сожительствует. И дети тоже должны быть общими, и пусть родители не знают своих детей, а дети — родителей. [...]

— [...] Но далее, Главкон, в государстве, где люди процветают, было бы нечестиво допустить беспорядочное совокупление или какие-нибудь такие дела, да и правители не позволят.

— Да, это совершалось бы вопреки справедливости.

— Ясно, что в дальнейшем мы учредим браки, по мере наших сил, насколько только можно, священные. [...]

Соотношение своего и общего в государстве

— Так не будет ли вот что началом нашей договоренности: мы сами себе зададим вопрос, что можем мы называть величайшим благом для государственного устройства, т.е. той целью, ради которой законодатель и устанавливает законы, и что считаем мы величайшим злом? Затем нам надо, не правда ли, рассмотреть, несет ли на себе следы этого блага все то, что мы сейчас разобрали, и действительно ли не соответствует оно злу.

— Это самое главное.

— Может ли быть, по-нашему, большее зло для государства, чем то, что ведет к потере его единства и распадению на множество частей? И может ли быть большее благо, чем то, что связует государство и способствует его единству?

— По-нашему, не может быть.

— А связует его общность удовольствия или скорби, когда чуть ли не все граждане одинаково радуются либо печалются, если что-нибудь возникает или гибнет.

— Безусловно. [...]

— То же можно сказать и о таком государстве, которое более всего по своему состоянию напоминает отдельного человека.

Например, когда кто-нибудь из нас ушибет палец, все совокупное телесное начало напрягается в направлении к душе как единый строй, подчиненный началу, в ней правящему, она вся целиком ощущает это и сострадает части, которой больно; тогда мы говорим, что у этого человека болит палец. То же выражение применимо к любому другому ощущению человека — к страданию, когда болеет какая-либо его часть, и к удовольствию, когда она выздоравливает. [...]

Правителями государства должны быть философы

[...]

— Пока в государствах не будут царствовать философы либо так называемые нынешние цари и владыки не станут благородно и основательно философствовать и это не сольется воедино — государственная власть и философия, и пока не будут в обязательном порядке отстранены те люди — а их много, — которые ныне стремятся порознь либо к власти, либо к философии, до тех пор, дорогой Главкон, государствам не избавиться от зол, да и не станет возможным для рода человеческого и не увидит солнечного света то государственное устройство, которое мы только что описали словесно. Вот почему я так долго не решался говорить, — я видел, что все это будет полностью противоречить общепринятому мнению; ведь трудно людям признать, что иначе невозможно ни личное их, ни общественное благополучие. [...]

Книга шестая

Еще раз о подлинных правителях государства

[...]

— Попытаюсь разобрать это, если смогу. Я думаю, всякий согласится с нами, что такой человек, который обладал бы всем, что мы от него требуем для того, чтобы он стал совершенным философом, редко рождается среди людей — только как исключение. Или ты так не считаешь?

— Я вполне с тобой согласен. [...]

— Если установленная нами природа философа получит надлежащую выучку, то, развиваясь, она непременно достигнет

всяческой добродетели; но если она посеяна и растет на неподобающей почве, то выйдет как раз наоборот, разве что придет ей на помощь кто-нибудь из богов. Или и ты считаешь, подобно большинству, будто лишь немногие молодые люди испорчены софистами — некими частными мудрецами и только об этих молодых людях и стоит говорить? Между тем кто так говорит, они-то и являются величайшими софистами, в совершенстве умеющими перевоспитывать и переделывать людей на свой лад — юношей и стариков, мужчин и женщин.

— Кто же это делает?

— Те, кто густой толпой заседают в народных собраниях, либо в судах, или в театрах, в военных лагерях, наконец, на каких-нибудь иных общих сходах и с превеликим шумом частью отвергают, частью одобряют чьи-либо выступления или действия, переходя меру и в том и в

другом; они кричат, рукоплещут, и вдобавок их брань или похвала гулким эхом отражаются от скал в том месте, где это происходит, так что шум становится вдвое сильнее. □...]

Книга восьмая

Четыре вида извращенного государственного устройства

— Насколько помню, ты говорил, что имеется четыре вида порочного государственного устройства и что стоило бы в них разобраться, дабы увидеть их порочность воочию; то же самое, сказал ты, касается и соответствующих людей: их всех тоже стоит рассмотреть. [...]

Еще о соответствии пяти складов характера пяти видам государственного устройства [...]

— Раз мы начали с рассмотрения государственных нравов, а не отдельных лиц, потому что там они более четки, то и теперь возьмем сперва государственный строй, основывающийся на честолюбии (не могу подобрать другого выражения, все равно назовем ли мы его «тимократией» или «тимархией»), и соответственно рассмотрим подобного же рода человека; затем — олигархию и олигархического человека; далее бросим взгляд на демократию и понаблюдаем человека демократического; наконец, отправимся в государство, управляемое тиранически, и посмотрим, что там делается, опять-таки обращая внимание на тиранический склад души. [...]

Тимократия

— Ну так давай попытаемся указать, каким способом из аристократического правления может получиться тимократическое. Может быть, это совсем просто, и изменения в

государстве обязаны своим происхождением раздорам, возникающим внутри той его части, которая обладает властью? Если же в ней царит согласие, то, хотя бы она была и очень мала, строй остается незыблемым.

— Да, это так. [...]

«Тимократический» человек

— Каким же станет человек в соответствии с этим государственным строем? Как он сложится и каковы будут его черты? [...]

— Он пожестче, менее образован и, хотя ценит образованность и охотно слушает других, сам, однако, нисколько не владеет словом. С

рабами такой человек жесток, хотя их и не презирает, так как достаточно воспитан; в обращении со свободными людьми он учтив, а властям чрезвычайно послушен; будучи властолюбив и честолюбив, он считает, что основанием власти должно быть не умение говорить или что-либо подобное, но военные подвиги и вообще все военное, потому-то он и любит гимнастику и охоту.

— Да, именно такой характер развивается при этом государственном строе.

— В молодости такой человек с презрением относится к деньгам, но, чем старше он становится, тем больше он их любит — сказывается его природная склонность к сребролюбию да и чуждая добродетели примесь, поскольку он покинут своим доблестным стражем. [...]

Олигархия

— Следующим после этого государственным строем была бы, я так думаю, олигархия.

— Что за устройство ты называешь олигархией?

— Это строй, основывающийся на имущественном цензе: у власти стоят там богатые, а бедняки не участвуют в правлении.

— Понимаю. (...)

— Установление имущественного ценза становится законом и нормой, олигархического строя: чем более этот строй олигархичен, тем выше ценз; чем менее олигархичен, тем ценз ниже. Заранее объявляется, что к власти не допускаются те, у кого нет установленного имущественного ценза. Такого рода государственный строй держится применением вооруженной

силы или же был еще прежде установлен путем запугивания.

Разве это не верно?

— Да, верно. [...]

«Олигархический» человек

— Вслед за тем давай рассмотрим и соответствующего человека

— как он складывается и каковы его свойства.

— Конечно, это надо рассмотреть.

— Его переход от тимократического склада к олигархическому совершается главным образом вот как... [...]

— Увидев, мой друг, все это, пострадав и потеряв состояние, даже испугавшись, думаю я, за свою голову, он в глубине души свергает с престола честолюбие и присущий ему прежде яростный дух. Присмирив из-за бедности, он ударяется в стяжательство, в крайнюю бережли-

вость и своим трудом понемногу копит деньги. Что ж, разве, думаешь ты, такой человек не возведет на трон свою алчность и корыстолюбие и не сотворит себе из них Великого царя в тиаре и ожерельях, с коротким мечом за поясом?

— По-моему, да.

— А у ног этого царя, прямо на земле, он там и сям рассадит в качестве его рабов разумность и яростный дух. Он не допустит никаких иных соображений, имея в виду лишь умножение своих скромных средств. Кроме богатства и богачей, ничто не будет вызывать у него восторга и почитания, а его честолюбие будет направлено лишь на стяжательство и на все то, что к этому ведет.

— Ни одна перемена не происходит у юноши с такой быстротой и силой, как превращение любви к почестям в любовь к деньгам.

— Разве это не пример того, каким бывает человек при олигархическом строе? — спросил я.

— Олигархия переходит в демократию примерно следующим образом: причина здесь в ненасытной погоне за предполагаемым благом, состоящим якобы в том, что надо быть как можно богаче.

— Как ты это понимаешь?

— Да ведь при олигархии правители, стоящие у власти, будучи богатыми, не захотят ограничивать законом распущенность молодых людей и запрещать им расточать и губить свое состояние; напротив, правители будут скупать их имущество или давать им под проценты ссуду, чтобы самим стать еще богаче и могущественнее.

— Это у них — самое главное.[...]

Демократия

— Демократия, на мой взгляд, осуществляется тогда, когда бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожат, иных изгонят, а остальных уравниют в гражданских правах и в замещении государственных должностей, что при демократическом строе происходит большей частью по жребию.

— Да, именно так устанавливается демократия, происходит ли это . силой оружия или же потому, что ее противники, устранившись, постепенно отступят.

— Как же людям при ней живется? — спросил я. — И каков этот государственный строй? Ведь ясно, что он отразится и на человеке, который тоже приобретет демократические черты. □...]

— Я думаю, что при таком государственном строе люди будут очень различны.

— Конечно.

— Казалось бы, это самый лучший государственный строй.

Словно ткань, испещренная всеми цветами, так и этот строй, испещренный разнообразными нравами, может показаться всего прекраснее. Вероятно, многие, подобно детям и женщинам, любующимся всем пестрым, решат, что он лучше всех.

— Конечно.

— При нем удобно, друг мой, избрать государственное устройство.

— Что ты имеешь в виду?

— Да ведь вследствие возможности делать что хочешь он заключает в себе все роды государственных устройств. Пожалуй, если у кого появится желание, как у нас с тобой, основать государство, ему необходимо будет отправиться туда, где есть демократия, и уже там, словно попав на рынок, где торгуют всевозможными правлениями, выбрать то, которое ему нравится, а сделав выбор, основать свое государство.

— Вероятно, там не будет недостатка в образчиках.

— В демократическом государстве нет никакой надобности принимать участие в управлении, даже если ты к этому и способен; не обязательно и подчиняться, если ты не желаешь, или воевать, когда другие воюют, или соблюдать, подобно другим, условия мира, если ты мира не жаждешь. И опять-таки, если какой-нибудь закон запрещает тебе управлять либо судить, ты все же можешь управлять и судить, если это тебе придет в

голову. Разве не чудесна на первый взгляд и не соблазнительна подобная жизнь?

— Пожалуй, но лишь ненадолго.

— Далее. Разве не великолепно там милосердие в отношении некоторых осужденных? Или ты не видел, как при таком государственном строе люди, приговоренные к смерти или к изгнанию, тем не менее остаются и продолжают вращаться в обществе; словно никому до него нет дела и никто его не замечает, разгуливает такой человек прямо как полубог.

— Да, и таких бывает много.

— Эта снисходительность вовсе не мелкая подробность демократического строя; напротив, в этом сказывается презрение ко всему тому, что мы считали важным, когда основывали наше государство. Если у человека, говорили мы, не выдающаяся натура, он никогда не станет добродетельным; то же самое, если с малолетства — в играх и в своих

занятиях — он не соприкасается с прекрасным. Между тем демократический строй, высокомерно поправ все это, нисколько не озабочен \ тем, кто от каких занятий переходит к государственной деятельности. Человеку оказывается почет, лишь бы он обнаружил свое расположение к толпе.

— Да, весьма благородная снисходительность!

— Эти и подобные им свойства присущи демократии — строю, не имеющему должного управления, но приятному и разнообразному. При нем существует своеобразное равенство — уравнивающее равных и неравных. [...]

«Демократический» человек

[...]

— Когда юноша, выросший, как мы только что говорили, без должного воспитания и в обстановке бережливости, вдруг отведаёт меда трутней и попадает в общество опасных и лютых зверей, которые способны доставить ему всевозможные наслаждения, самые пестрые и разнообразные, это-то и будет у него, поверь мне, началом перехода от олигархического типа к демократическому.

— Да, совершенно неизбежно.

— Как в государстве происходит переворот, когда некоторой части его граждан оказывается помощь извне их единомышленниками, так и юноша меняется, когда некоторой части его вожделий помогает извне тот вид вожделий, который им родствен и подобен.

— Да, несомненно. [...]

Тирания

— Ну, так давай рассмотрим, милый друг, каким образом возникает тирания. Что она получается из демократии, это-то, пожалуй, ясно []

— Да.

— А ненасытное стремление к богатству и пренебрежение всем, кроме наживы, погубили олигархию.

— Правда.

— Так вот, и то, что определяет как благо демократия и к чему она ненасытно стремится, именно это ее и разрушает.

— Что же она, по-твоему, определяет как благо?

— Свободу. В демократическом государстве только и слышишь, как свобода прекрасна и что лишь в таком государстве стоит жить тому, кто свободен по своей природе.

— Да, подобное изречение часто повторяется.

— Так вот, как я только что и начал говорить, такое ненасытное стремление к одному и пренебрежение к остальному искажает этот строй и подготавливает нужду в тирании.

— Как это?

— Когда во главе государства, где демократический строй и жажда свободы, доведется встать дурным виночерпиям, государство это сверх должного опьяняется свободой в неразбавленном виде, а своих должностных лиц карает, если те недостаточно снисходительны и не предоставляют всем полной свободы, и обвиняет их в мерзком олигархическом уклоне.

— Да, так оно и бывает.

— Граждан, послушным властям, там смешивают с грязью как ничего не стоящих добровольных рабов, зато правителей, похожих на подвластных, и подвластных, похожих на правителей, там восхваляют и почитают как в частном, так и в общественном обиходе. Разве в таком государстве свобода не распространится неизбежно на все?

— Как же иначе? [...]

— Если собрать все это вместе, самым главным будет, как ты понимаешь, то, что душа граждан делается крайне чувствительной, даже по мелочам: все принудительное вызывает у них возмущение как нечто недопустимое. А кончат они, как ты знаешь, тем, что перестанут считаться даже с законами — писаными или неписаными, — чтобы уже вообще ни у кого и ни в чем не было над ними власти.

— Я это хорошо знаю.

— Так вот, мой друг, именно из этого правления, такого прекрасного и по-юношески дерзкого, и вырастает, как мне кажется, тирания.

— Действительно, оно дерзкое. Что же, однако, дальше?

— Та же болезнь, что развилась в олигархии и ее погубила, еще больше и сильнее развивается здесь — из-за своеволия — и поработает демократию. В самом деле, все чрезмерное обычно вызывает резкое изменение в противоположную сторону, будь то состояние погоды, растений или тела. Не меньше наблюдается это и в государственных устройствах.

— Естественно.

— Ведь чрезмерная свобода, по-видимому, и для отдельного человека, и для государства оборачивается не чем иным, как чрезвычайным рабством.

— Оно и естественно.

— Так вот, тирания возникает, конечно, не из какого иного строя, как из демократии; иначе говоря, из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство. [...]

Три «части» демократического государства:

трутни, богачи и народ

— Разделим мысленно демократическое государство на три части

— да это и в действительности так обстоит. Одну часть составят подобного рода трутни: они возникают здесь хоть и вследствие своеволия, но не меньше, чем при олигархическом строе.

— Это так.

— Но здесь они много ядовитее, чем там.

— Почему?

— Там они не в почете, наоборот, их отстраняют от занимаемых должностей, и потому им не на чем набить себе руку и набрать силу. А при демократии они, за редкими исключениями, чуть ли не стоят во главе: самые ядовитые из трутней произносят речи и действуют, а остальные усаживаются поближе к помосту, жужжат и не допускают, чтобы кто-нибудь говорил иначе.

Выходит, что при таком государственном строе всем, за исключением немногого, распоряжаются подобные люди.

— Конечно.

— Из состава толпы всегда выделяется и другая часть...

— Какая?

— Из дельцов самыми богатыми большей частью становятся и наиболее собранные по своей природе.

— Естественно.

— С них-то трутням всего удобнее собрать побольше меду.

— Как же его и возьмешь с тех, у кого его мало?

— Таких богачей обычно называют сотами трутней.

— Да, пожалуй.

— Третий разряд составляет народ — те, что трудятся своими руками, чужды делячества, да и имущества у них немного. Они всего многочисленнее и при демократическом строе всего влиятельнее, особенно когда соберутся вместе. [...]

Печатается по: *Платон. Собрание сочинений*: В 4 т. М., 1993. Т. 3. С. 93, 94, 107, 118, 129—133, 136, 139, 140, 181, 183, 186—189, 192, 196—199, 202—204, 207, 218, 219, 221, 226, 229, 230, 232—234,

238, 252, 253, 270—272, 328—330, 333, 335, 336, 338, 339, 341,
343—345, 347, 350—353.

АРИСТОТЕЛЬ

Политика

Книга первая (А)

I. 1. Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет собой своего рода общине, всякое же общине организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общины стремятся к тому или иному благу, причем больше других и к высшему из всех благ стремится то общине, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общины. Это общине и называется государством или общином политическим. [...]

2. [...] Соответственно общине, естественным путем возникшее для удовлетворения повседневных надобностей, есть семья. [...]

7. Община, состоящее из нескольких семей и имеющее целью обслуживание не кратковременных только потребностей, — селение. [...]

8. Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни.

Отсюда следует, что всякое государство — продукт естественного возникновения, как и первичные общины: оно является завершением их, в завершении же сказывается природа. [...]

9. Из всего сказанного явствует, что государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое. [...]

II. 1. Уяснив, из каких элементов состоит государство, мы должны прежде всего сказать об организации семьи, ведь каждое государство слагается из отдельных семей. Семья в свою очередь состоит из элементов, совокупность которых и составляет ее организацию. В совершенной семье два элемента: рабы и свободные. Так как исследование каждого объекта должно начинать прежде всего с рассмотрения мельчайших частей, его составляющих, а первоначальными и мельчайшими частями семьи являются господин и раб, муж и жена, отец и дети, то и

следует рассмотреть каждый из этих трех элементов: что каждый из них представляет собой и каковым он должен быть.

2. [Отношения, существующие между тремя указанными парными элементами, можно охарактеризовать] так: господское, брачное (сожителство мужа и жены не имеет особого термина для своего обозначения) и третье — отцовское (и это отношение не обозначается особым термином). Пусть их будет три, именно названные нами; существует еще один элемент семьи, который, по мнению одних, и есть ее организация, а по мнению других, составляет главнейшую часть ее; я имею в виду так называемое искусство накопления. □ ...]

4. Собственность есть часть дома, и приобретение есть часть семейной организации: без предметов первой необходимости нельзя не только хорошо жить, но и вообще жить. [...]

11. Согласно нашему утверждению, во всяком живом существе прежде всего можно усмотреть власть господскую и политическую. Душа властвует над телом, как господин, а разум над нашими стремлениями — как государственный муж. Отсюда ясно, сколь естественно и полезно для тела быть в подчинении у души, а для подверженной аффектам части души — быть в подчинении у разума и рассудочного элемента души и, наоборот, какой всегда получается вред при равном или обратном соотношении.

21. [...] Из предыдущего ясно и то, что власть господина и власть государственного мужа, равно как и все виды власти, не тождественны, как это утверждают некоторые. Одна — власть над свободными по природе, другая — власть над рабами. Власть

господина в семье — монархия (ибо всякая семья управляется своим господином монархически), власть же государственного мужа — это власть над свободными и равными.

22. Господином называют не за знания, а за природные свойства; точно также обстоит дело с рабом и свободным. [...]

V. 1. Наука о домохозяйстве предполагает три элемента власти: во-первых, власть господина по отношению к рабам (об этом мы говорили выше); во-вторых, отношение отца к детям; в-третьих, отношение мужа к жене. Действительно, властвуют и над женой, и над детьми как существами свободными, но осуществляется эта власть не одинаковым образом.

2. Власть мужа над женой можно сравнить с властью политического деятеля, власть отца над детьми — с властью царя. Ведь мужчина по своей природе, исключая лишь те или иные ненормальные отклонения,

более призван к руководительству, чем женщина, а человек старший и зрелый может лучше руководить, чем человек молодой и незрелый.

При замещении большей части государственных должностей между людьми властвующими и подчиненными соблюдается очередность: и те и другие совершенно естественно стремятся к равенству и к уничтожению всяких различий. Тем не менее, когда одни властвуют, а другие находятся в подчинении, все-таки является стремление провести различие между теми и другими в их внешнем виде, в их речах и в знаках почета. □...]

Книга вторая (В)

II. 4. [...] Собственность должна быть общей только в относительном смысле, а вообще — частной. Ведь когда забота о ней будет поделена между разными людьми, среди них исчезнут взаимные нарекания; наоборот, получится большая выгода, поскольку каждый будет с усердием относиться к тому, что ему принадлежит. [...]

III 11. [...] Итак, правильное суждение тех, кто смешивает несколько видов, потому что тот государственный строй, который состоит в соединении многих видов, действительно является лучшим. [...]

IV 12. Основное во всем этом — не столько уравнивать собственность, сколько устроить так, чтобы люди, от природы достойные, не желали иметь больше, а недостойные не имели такой возможности; это произойдет в том случае, если этих последних поставят в низшее положение, но не станут обижать. [...]

V 1. Гипподам, сын Еврифонта, уроженец Милета, [...] проектировал государство с населением в десять тысяч граждан, разделенное на три части: первую образуют ремесленники, вторую — земледельцы, третью — защитники государства, владеющие оружием. Территория государства также делится на три части: священную, общественную и частную. Священная — та, с доходов которой должен отправляться установленный религиозный культ; общественная — та, с доходов которой должны получать средства к существованию защитники государства; третья находится в частном владении земледельцев. По его мысли, и законы существуют только троякого вида, поскольку судебные дела возникают по поводу троякого рода преступлений (оскорбление, повреждение, убийство). 3. Он предполагал учредить и одно верховное судилище, куда должны переноситься разбирательства по всем делам, решенным, по мнению тяжущихся, неправильно; в этом судилище должно состоять определенное число старцев, назначаемых путем избрания.

Судебные решения в судах должны, по его мнению, выноситься не путем подачи камешков: каждый судья получает дощечку, на которой следует записать наказание, если судья безусловно осуждает подсудимого, а если он его безусловно оправдывает, то дощечка оставляется пустой; в случае же частичного осуждения или оправдания пишется определение. Современные законоположения он считает неправильными: вынося либо обвинительный, либо оправдательный приговор, судьи вынуждены нарушать данную ими присягу. 4. Сверх того, он устанавливает закон относительно тех, кто придумывает что-либо полезное для государства: они должны получать почести; и дети павших на войне должны воспитываться на казенный счет, коль скоро такого установления еще нет у других. Такого рода закон в настоящее время существует и в Афинах, и в других государствах. Все должностные лица должны быть избираемы народом, т.е. теми тремя частями государства, о которых упомянуто ранее. Избранные должностные лица обязаны иметь попечение о государственных делах, а также о делах, относящихся к чужестранцам и сиротам. [...]

Книга третья (Г)

I 1. Исследователю видов государственного строя и присущих им свойств надлежит прежде всего подвергнуть рассмотрению вопрос о государстве вообще и разобрать, что такое собственно государство. В настоящее время на этот счет существует разногласие; одни утверждают, что то или иное действие совершило государство, другие говорят: нет, не государство, а олигархия или тиран. В самом деле, мы видим, что вся

деятельность государственного мужа и законодателя направлена исключительно на государство (polis), а государственное устройство (politeia) есть известная организация обитателей государства. 2. Ввиду того что государство представляет собой нечто составное, подобное всякому целому, но состоящему из многих частей, ясно, что сначала следует определить, что такое гражданин (polites), ведь государство есть совокупность граждан. Итак, должно рассмотреть, кого следует называть гражданином и что такое гражданин. Ведь часто мы встречаем разногласие в определении понятия гражданина: не все согласны считать гражданином одного и того же; тот, кто в демократии гражданин, в олигархии часто уже не гражданин.

5. [...] Мы же считаем гражданами тех, кто участвует в суде и в народном собрании. Примерно такое определение понятия гражданина лучше всего подходит ко всем тем, кто именуется гражданами.

II 1. [...] Гражданин, говорим мы, находится в таком же отношении к государству, в каком моряк на судне — к остальному экипажу. Хотя моряки на судне занимают неодинаковое положение: один из них гребет, другой правит рулем, третий состоит помощником рулевого, четвертый носит какое-либо иное соответствующее наименование, все же, очевидно, наиболее точное определение добродетели каждого из них в отдельности будет подходить только к нему одному, но какое-либо общее определение будет приложимо в равной степени ко всем; ведь благополучное плавание — цель, к которой стремятся все моряки в совокупности и каждый из них в отдельности. 2. То же самое и по отношению к гражданам: хотя они и не одинаковы, все же их задача заключается в спасении составляемого ими общения, а общением этим является государственный строй. [...]

9. [...] Но существует и такая власть, в силу которой человек властвует над людьми себе подобными и свободными. Эту власть мы называем властью государственной; проявлять ее правитель должен научиться, пройдя сам школу подчинения; например, чтобы быть гиппархом, нужно послужить в коннице, чтобы стать стратегом, нужно послужить в строю, быть лохагом, таксиархом. И совершенно правильно утверждение, что нельзя хорошо начальствовать, не научившись повиноваться. [...] 11.

Рассудительность — вот единственная отличительная добродетель правителя; остальные добродетели являются, по видимому, необходимым общим достоянием и подчиненных, и

правителей; от подчиненного нечего требовать рассудительности как добродетели, но нужно требовать лишь правильного суждения; подчиненный — это как бы мастер, делающий флейты, а правитель — это флейтист, играющий на его флейте. [...]

IV 1. [...] Государственное устройство (*politeia*) — это распорядок в области организации государственных должностей вообще, и в первую очередь верховной власти: верховная власть повсюду связана с порядком государственного управления (*politeuma*), а последний и есть государственное устройство. Я имею в виду, например, то, что в демократических государствах верховная власть — в руках народа; в олигархиях, наоборот, в руках немногих; поэтому и государственное устройство в них мы называем различным. С этой точки зрения мы будем судить и об остальном.

V 1. Государственное устройство означает то же, что и порядок государственного управления, последнее же олицетворяется верховной властью в государстве, и верховная власть непременно находится в

руках либо одного, либо немногих, либо большинства. [...] 2.

Монархическое правление, имеющее в виду общую пользу, мы обыкновенно называем царской властью; власть немногих, но более чем одного — аристократией (или потому, что правят лучшие, или потому, что имеется и виду высшее благо государства и тех, кто в него входит); а когда ради общей пользы правит большинство, тогда мы употребляем обозначение, общее для всех видов государственного устройства, — политая. [...] 4.

Отклонения от указанных устройств следующие: от царской власти — тирания, от аристократии — олигархия, от политики — демократия. Тирания — монархическая власть, имеющая в виду выгоды одного правителя; олигархия блюдет выгоды состоятельных граждан; демократия — выгоды неимущих; общей же пользы ни одна из них в виду не имеет. [...]

5. Тирания, как мы сказали, есть деспотическая монархия в области политического общения; олигархия — тот вид, когда верховную власть в государственном управлении имеют владеющие собственностью; наоборот, при демократии эта власть сосредоточена не в руках тех, кто имеет большое состояние, а в руках неимущих. [...] 7. Итак, из приведенных соображений, по-видимому, вытекает следующее: тот признак, что верховная власть находится либо в руках меньшинства, либо в руках большинства, есть признак случайный и при определении того, что такое олигархия, и при определении того, что такое демократия, так как повсеместно состоятельных бывает меньшинство, а неимущих большинство; значит, этот признак не

может служить основой указанных выше различий. То, чем различаются демократия и олигархия, есть бедность и богатство; вот почему там, где власть основана — безразлично, у меньшинства или большинства — на богатстве, мы имеем дело с олигархией, а где правят неимущие, там перед нами демократия. [...]

8. [...] Так, например, справедливость, как кажется, есть равенство, и так оно и есть, но только не для всех, а для равных; и неравенство также представляется справедливостью, и так и есть на самом деле, но опять-таки не для всех, а лишь для неравных. Между тем упускают из виду вопрос «для кого?» и потому судят дурно; причиной этого является то, что судят о самих себе, в суждении же о своих собственных делах едва ли не большинство людей — плохие судьи. 9. Так как справедливость — понятие относительное и различается столько же в зависимости от свойств объекта, сколько и от свойств субъекта. [...]

13. [...] Итак, ясно, что государство не есть общность местожительства, оно не создается в целях предотвращения взаимных обид или ради

удобств обмена. Конечно, все эти условия должны быть налицо для существования государства, но даже и при наличии их всех, вместе взятых, еще не будет государства; оно появляется лишь тогда, когда образуется общение между семьями и родами ради благой жизни, в целях совершенного и самодовлеющего существования.

VI 3. [...] Не лучше ли, если власть будет сосредоточена в руках одного, самого дельного? Но тогда получится скорее приближение к олигархии, так как большинство будет лишено политических прав. Пожалуй, кто-либо скажет: вообще плохо то, что верховную власть олицетворяет собой не закон, а человек, душа которого подвержена влиянию страстей. Однако если это будет закон, но закон олигархический или демократический, какая от него будет польза при решении упомянутых затруднений? Получится опять-таки то, о чем сказано выше. 4. Об остальных вопросах речь будет в другом месте. А то положение, что предпочтительнее, чтобы верховная власть находилась в руках большинства, нежели меньшинства, хотя бы состоящего из наилучших, может считаться, по-видимому, удовлетворительным решением вопроса и заключает в себе некое оправдание, а пожалуй, даже и истину. Ведь может оказаться, что большинство, из которого каждый сам по себе и не является дельным, объединившись, окажется лучше тех, не порознь [...]

6. [...] Над чем, собственно, должна иметь верховную власть масса свободнорожденных граждан, т.е. все те, кто и богатством не обладает, и не отличается ни одной выдающейся добродетелью? Допускать таких к занятию высших должностей

не безопасно: не обладая чувством справедливости и рассудительностью, они могут поступать то несправедливо, то ошибочно. С другой стороны, опасно и устранять их от участия во власти: когда в государстве много людей лишено политических прав, когда в нем много бедняков, такое государство неизбежно бывает переполнено враждебно настроенными людьми. Остается одно: предоставить им участвовать в совещательной и судебной власти.

12. [...] Ведь властью является не член суда, не член совета, не член народного собрания, но суд, совет и народное собрание; каждый из поименованных членов представляет собой только составную часть самих учреждений (я называю такими составными частями членов совета, народного собрания и суда), так что народная масса с полным правом имеет в своих руках верховную власть над более важными делами: и народное собрание, и совет, и суд состоят из многих, да и имуществен-

ный ценз всех, вместе взятых, превышает имущественный ценз каждого в отдельности или немногих, занимающих высокие посты в государстве.

VII 8. [...] Равным образом справедливы и притязания большинства предпочтительно перед меньшинством, потому что большинство во всей его совокупности и сильнее, и богаче, и лучше по сравнению с меньшинством. [...]

X 1. Итак, вот четыре вида царской власти: во-первых, царская власть героических времен, основанная на добровольном подчинении ей граждан, но обладавшая ограниченными полномочиями, а именно: царь был военным предводителем, судьей и ведал религиозным культом; во-вторых, царская власть у варваров, наследственная и деспотическая по закону; в-третьих, так называемая эсимнетия — выборная тирания и, в-четвертых, царская власть в Лакедемоне, представляющая собой в сущности наследственную и пожизненную стратегию. Эти четыре вида различаются указанными выше свойствами. 2. Пятым видом царской власти будет тот, когда один человек является неограниченным владыкой над всем, точно так же как управляет общими делами то или иное племя или государство. [...]

7. Если правление нескольких людей, всех одинаково хороших, следует считать аристократией, а правление одного лица — царской властью, то аристократия оказалась бы для государства предпочтительнее царской власти, все равно, будет ли власть опираться на вооруженную силу или же обойдется без нее, лишь бы только оказалось возможным привлечь к правлению нескольких подобных людей. [...]

XI 3. Поэтому справедливость требует, чтобы все равные властвовали в той же мере, в какой они подчиняются, и чтобы каждый поочередно то повелевал, то подчинялся. Здесь мы уже имеем дело с законом, ибо порядок и есть закон. Поэтому предпочтительнее, чтобы властвовал закон, а не кто-либо один из среды граждан. На том же самом основании, даже если будет признано лучшим, чтобы власть имели несколько человек, следует назначать этих последних стражами закона и его слугами. [...]

10. [...] Уже самой природой заложены одно начало права и пользы для деспотии, другое — для царской власти, третье — для политики; только для тирании такого начала природа не создала, равно как и для остальных видов государственного устройства, являющихся отклонениями, потому что все эти виды противоестественны. Из сказанного ранее также ясно, что среди подобных и равных полновластное господство одного над всеми не является ни полезным, ни справедливым не-

зависимо от того, есть ли законы или их нет, и этот один сам олицетворяет закон, и независимо от того, хороший ли царствует над хорошими, или плохой над плохими, или добродетельный над менее добродетельными. [...]

11. Но прежде всего следует определить, что должно разуметь под началами монархическим, аристократическим и политическим. Монархическое начало предполагает для своего осуществления такую народную массу, которая по своей природе призвана к тому, чтобы отдать управление государством представителю какого-либо рода, возвышающемуся над нею своей добродетелью. Аристократическое начало предполагает также народную массу, которая способна, не поступаясь своим достоинством свободнорожденных людей, отдать правление государством людям, призванным к тому благодаря их добродетели. Наконец, при осуществлении начала политики народная масса, будучи в состоянии и подчиняться и властвовать на основании закона, распределяет должности среди состоятельных людей в соответствии с их заслугами.

XII 1. Из трех видов государственного устройства, какие мы признаем правильными, наилучшим, конечно, является тот, в котором управление сосредоточено в руках наилучших. [...]

Книга четвертая (Д)

II 1. В нашем предыдущем рассуждении о видах государственного устройства мы распределили их так: три вида правильные — царская власть, аристократия, полиция — и три отклоняющиеся от них, тирания — от царской власти, олигархия — от аристократии, демократия — от полиции. Об аристократии

и царской власти говорилось выше (рассмотрение наилучшего вида государственного строя равносильно рассуждению именно об аристократии и царской власти и определению того, что скрывается под этими названиями, так как и аристократия, и царская власть предполагают для своего осуществления наличие добродетели, которой сопутствуют благоприятные внешние условия). Было определено ранее также и то, в чем отличие аристократии от царской власти и когда государственный строй следует считать царской властью. Остается, таким образом, подвергнуть обсуждению тот вид государственного устройства, который носит общее название политики, а также остальные, т.е. олигархию, демократию и тиранию.

2. Ясно, какой из видов, отклоняющихся от правильных, является наихудшим и какой ближе всего к нему. Конечно, наихудшим видом

будет тот, который оказывается отклонением от первоначального и самого божественного из всех видов государственного строя. Царская власть, если это не пустой звук, если она существует действительно, основывается на высоком превосходстве царствующего. Таким образом, тирания, как наихудший из видов государственного устройства, отстоит далее всего от самой его сущности; к ней непосредственно примыкает олигархия (аристократия далеко не то же, что олигархия); наиболее же умеренный из отклоняющихся видов — демократия.

III 4. Однако главными видами государственного устройства, по-видимому, являются два — демократия и олигархия, подобно тому как говорят главным образом о двух ветрах — северном и южном, а на остальные смотрят как на отклонение от этих двух.
[...]

8. [...] Таким образом, демократией следует считать такой строй, когда свободнорожденные и неимущие, составляя большинство, имеют верховную власть в своих руках, а олигархией — такой строй, при котором власть находится в руках людей богатых и благородного происхождения и образующих меньшинство.

15. [...] О том, что существует несколько видов государственного устройства и в силу каких причин, сказано ранее. Теперь поговорим о том, что существует несколько видов демократии и олигархии.

IV 2. Характерным отличием так называемого первого вида демократии служит равенство. Равенство же, гласит основной закон этой демократии, состоит в том, что ни неимущие, ни состоятельные не имеют ни в чем каких-либо преимуществ;

верховная власть не сосредоточена в руках тех или других, но те и другие равны. Если, как полагают некоторые, свобода и равенство являются важнейшими признаками демократии, то это нашло бы свое осуществление главным образом в том, чтобы все непременно принимали участие в государственном управлении. А так как народ представляет в демократии большинство, постановления же большинства имеют решающее значение, то такого рода государственный строй и является демократическим. Итак, вот один вид демократии.

3. Другой ее вид — тот, при котором занятие должностей обусловлено, хотя бы и невысоким, имущественным цензом. Обладающий им должен получить доступ к занятию должностей, потерявший ценз лишается этого прав. Третий вид демократии — тот, при котором все граждане, являющиеся бесспорно таковыми по своему происхождению, имеют право на занятие должностей, властвует же закон. Четвертый вид демократии — тот, при котором всякий, лишь бы он был граж-

данином, пользуется правом занимать должности, властвует же опять-таки закон. При пятом виде демократии все остальные условия те же, но верховная власть принадлежит не закону, а простому народу.

4. Это бывает в том случае, когда решающее значение будут иметь постановления народного собрания, а не закон.

Достигается это через посредство демагогов. В тех демократических государствах, где решающее значение имеет закон, демагогам нет места, там на первом месте стоят лучшие граждане; но там, где верховная власть основана не на законах, появляются демагоги. Народ становится тогда единодержавным, как единица, составленная из многих: верховная власть принадлежит многим, не каждому в отдельности, но всем вместе.

А какой вид многовластия имеет в виду Гомер, говоря, что многовластие — не благо, тот ли, который нами только что указан, или тот, когда власть сосредоточена в руках нескольких людей, причем каждый из них лично пользуется ею, остается неясным. 5. В этом случае простой народ, являясь монархом, стремится и управлять по-монаршему (ибо в этом случае закон им не управляет) и становится деспотом (почему и льстецы у него в почете), и этот демократический строй больше всего напоминает из отдельных видов монархии тиранию; поэтому и характер у них один и тот же: и крайняя демократия, и тирания поступают деспотически с лучшими гражданами; постановления такой демократии имеют то же значение, что в тирании распоряжения. Да и демагоги и льстецы в сущности одно и то же или во всяком случае схожи друг с другом; и те и другие имеют

огромную силу — льстецы у тиранов, демагоги у описанной нами демократии. 6. Они повинны в том, что решающее значение предоставляется не законам, а постановлениям народа, так как демагоги отдают на его решение все. И выходит так, что демагоги становятся могущественными вследствие сосредоточения верховной власти в руках народа, а они властвуют над его мнениями, так как народная масса находится у них в послушании. Сверх того, они, возводя обвинения на должностных лиц, говорят, что этих последних должен судить народ, а он охотно принимает обвинения, так что значение всех должностных лиц сводится на нет. 7. По-видимому, такого рода демократии можно сделать вполне основательный упрек, что она не представляет собой государственного устройства: там, где отсутствует власть закона, нет и государственного устройства. Закон должен властвовать над всем; должностным же лицам и народному собранию следует предоставить обсуждение частных вопросов. Таким образом, если демократия есть один из видов государ-

ственного устройства, то, очевидно, такое состояние, при котором все управляется постановлениями народного собрания, не может быть признано демократией в собственном смысле, ибо никакое постановление не может иметь общего характера.

Вот так должны быть разграничены отдельные виды демократии.

V 1. Отличительный признак первого вида олигархии состоит в следующем: занятие должностей обусловлено необходимостью иметь столь значительный имущественный ценз, что неимущие, хотя они представляют большинство, не допускаются к должностям; последние доступны только тем, кто приобрел имущественный ценз. Другой вид олигархии — тот, когда доступ к должностям также обусловлен высоким имущественным цензом и когда люди, имеющие его, пополняют недостающих должностных лиц путем кооптации; если это производится из всех таких лиц, то такой строй, по-видимому, имеет аристократический оттенок; если же только из ограниченного числа, то олигархический. При третьем виде олигархии сын вступает в должность вместо отца. Четвертый вид — когда имеется налицо только что указанное условие и когда властвует не закон, а должностные лица; этот вид в олигархическом строе — то же, что в монархическом тирания, а в демократическом — то, что мы назвали крайним его видом. Такого рода олигархию называют династией.

2. Вот сколько видов олигархии и демократии. Не следует забывать, что во многих местах государственное устройство в силу тамошних законов не демократическое, но является таковым в силу господствующих обычаев и всего уклада жизни; точно так

же в других государствах бывает обратное явление: по законам строй скорее демократический, а по укладу жизни и господствующим обычаям скорее олигархический. Подобного рода явления встречаются чаще всего после государственных переворотов, когда не сразу переходят к новому строю, но сначала предпочитают мелкие взаимные уступки, так что существовавшие ранее законы остаются в силе, власть же имеют те, кто изменил государственное устройство.

3. Что существует столько видов демократии и олигархии, ясно из сказанного. Ведь неизбежно участие в управлении принимают либо все упомянутые части народа, либо одни из них принимают участие, другие — нет. Когда управление государством возглавляют земледельцы и те, кто имеет средний достаток, тогда государство управляется законами. Они должны жить в труде, так как не могут оставаться праздными; вследствие этого, поставив превыше всего закон, они со-

бираются на народные собрания лишь в случае необходимости. Остальные граждане могут принимать участие в государственном управлении лишь после приобретения установленного законами имущественного ценза; всякий, кто приобрел его, имеет право участвовать в государственном управлении. И если бы это право не было предоставлено всем, то получился бы олигархический строй; предоставить же всем возможность иметь досуг невозможно, коль скоро нет средств к жизни. Указанные причины и ведут к образованию первого вида демократии. 4. Второй вид демократии отличается от первого следующими признаками: хотя все люди, в принадлежности которых к гражданам на основании их происхождения нет никакого сомнения, могут участвовать в управлении, однако участвуют только те, кто может иметь досуг; в такого рода демократии властвуют законы, потому что для необходимого досуга не хватает доходов. При третьем виде демократии принимать участие в управлении могут все свободнорожденные, однако в действительности участвуют по указанной выше причине не все, так что и в такого рода демократии неизбежно властвует закон. Четвертый вид демократии — тот, который по времени образования в государствах следует за предыдущими. 5. Вследствие увеличения государств по сравнению с начальными временами и вследствие того, что появилось изобилие доходов, в государственном управлении принимают участие все, опираясь на превосходство народной массы, благодаря возможности и для неимущих пользоваться досугом, получая вознаграждение. И такого рода народная масса особенно пользуется досугом; забота о своих

собственных делах нисколько не служит при этом препятствием, тогда как богатым именно эта забота и мешает, так что они очень часто не присутствуют на народных собраниях и судебных разбирательствах. Отсюда и происходит то, что в государственном управлении верховная власть принадлежит массе неимущих, а не законам. Вот сколько видов демократии и каковы они вследствие указанных неизбежных обстоятельств.

6. Виды олигархии следующие. Первый вид — когда собственность, не слишком большая, а умеренная, находится в руках большинства; собственники в силу этого имеют возможность принимать участие в государственном управлении; а поскольку число таких людей велико, то верховная власть неизбежно находится в руках не людей, но закона. Ведь в той мере, в какой они далеки от монархии, — если их собственность не столь значительна, чтобы они могли, не имея забот, пользоваться досугом, и ни столь ничтожна, чтобы они нуждались в содержа-

нии от государства, — они неизбежно будут требовать, чтобы у них господствовал закон, а не они сами. 7. Второй вид олигархии: число людей, обладающих собственностью, меньше числа людей при первом виде олигархии, но самый размер собственности больше; имея большую силу, эти собственники предъявляют и больше требований; поэтому они сами избирают из числа остальных граждан тех, кто допускается к управлению; но вследствие того, что они не настолько еще сильны, чтобы управлять без закона, они устанавливают подходящий для них закон. 8. Если положение становится более напряженным в том отношении, что число собственников становится меньше, а самая собственность больше, то получается третий вид олигархии — все должности сосредоточиваются в руках собственников, причем закон повелевает, чтобы после их смерти сыновья наследовали им в должностях. Когда же собственность их разрастается до огромных размеров и они приобретают себе массу сторонников, то получается династия, близкая к монархии, и тогда властителями становятся люди, а не закон — это и есть четвертый вид олигархии, соответствующий крайнему виду демократии.

9. Кроме демократии и олигархии есть еще два вида государственного устройства. [...] Эти четыре вида суть: монархия, олигархия, демократия и так называемая аристократия. Пятый вид государственного устройства носит название, служащее обозначением государственного устройства вообще, — его называют просто политией. Этот вид встречается не часто, поэтому его и упускают из виду те, кто ставит своей задачей

перечисление отдельных видов государственного устройства; в своем перечислении они, как и Платон, ограничиваются только четырьмя видами.

10. Аристократией с полным основанием можно назвать тот вид государственного устройства, о котором речь шла в предыдущем рассуждении. Именно: аристократией, по справедливости, можно признавать только тот вид государственного устройства, когда управляют мужи, безусловно наилучшие с точки зрения добродетели, а не те, кто доблестен при некоторых предпосылках; ведь только при этом виде государственного устройства хороший муж и хороший гражданин — одно и то же, тогда как при остальных хорошими бывают применительно к данному государственному строю. Однако существуют некоторые виды государственного устройства, отличающиеся от олигархических и от так называемой политики и именуемые аристократическими. Это такие виды, при которых избрание на должности обуславливается не только богатством, но и высокими нравственными качествами. 11. Такой вид

государственного устройства отличается от обоих и носит имя аристократии. Ибо и в тех государствах, которые вообще не предъявляют особенных требований к добродетели граждан, встречаются все-таки люди, пользующиеся доброй славой и слыvuщие людьми порядочными.

[...]

VI 1. Нам остается сказать еще о так называемой политике и о тирании. Политию мы отнесли сюда, хотя она, равно как и только что упомянутые разновидности аристократии, не является отклонением. [...]

2. Сущность ее станет более ясной, после того как определен характер олигархии и демократии. Говоря попросту, политика является как бы смешением олигархии и демократии. Те виды государственного строя, которые имеют уклон в сторону демократии, обычно называются политиями, а те, которые склоняются скорее в сторону олигархии, обыкновенно именуется аристократиями, потому что люди, имеющие большой имущественный достаток, чаще всего бывают и более образованными, и более благородного происхождения. [...]

IX 1. Какой же вид государственного устройства наилучший? [...]

3. [...] В каждом государстве есть три части: очень состоятельные, крайне неимущие и третьи, стоящие посередине между теми и другими. (...) Люди первого типа становятся по преимуществу наглецами и крупными мерзавцами. Люди второго типа часто делаются злодеями и мелкими мерзавцами. А из преступлений одни совершаются из-за наглости, другие — вследствие подлости. Сверх того, люди обоих этих типов не уклоняются от

власти, но ревностно стремятся к ней, а ведь и то и другое приносит государствам вред.

8. Итак, ясно, что наилучшее государственное устройство — то, которое достигается посредством средних, и те государства имеют хороший строй, где средние представлены в большем количестве, где они — в лучшем случае — сильнее обеих крайностей или по крайней мере каждой из них в отдельности. Соединившись с той или другой крайностью, они обеспечивают равновесие и препятствуют перевесу противников. Поэтому величайшим благополучием для государства является то, чтобы его граждане обладали собственностью средней, но достаточной; а в тех случаях, когда одни владеют слишком многим, другие же ничего не имеют, возникает либо крайняя демократия, либо олигархия в чистом виде, либо тирания, именно под влиянием противоположных крайностей. Ведь тирания образуется как из чрезвычайно распущенной демократии, так и из олигархии, значительно реже — из средних видов государственного строя.

[...] |

Х 4. Только там, где в составе населения средние имеют перевес либо над обеими крайностями, либо над одной из них, государственный строй может рассчитывать на устойчивость; не может быть опасения, что богатые, войдя в соглашение с бедными, ополчатся на средних: никогда ни те ни другие не согласятся быть рабами друг друга; если же они будут стремиться создать такое положение, какое удовлетворило бы и тех и других, то им не найти никакого иного государственного устройства, помимо среднего. [...]

Книга пятая (Е)

Г 4. Вот каковы бывают, так сказать, первоисточники внутренних междоусобиц, вот где зарождаются мятежи. Поэтому и государственные перевороты встречаются двоякого рода: иногда посягают на существующее государственное устройство, чтобы заменить его другим, например демократическое — олигархическим, олигархическое — демократическим, олигархию и демократию — аристократией и политией или наоборот; иногда на существующее государственное устройство не посягают, оно остается прежним, но стремятся сами взять в свои руки правление, например в олигархии или монархии.

б. [...] Вообще повсюду причиной возмущений бывает отсутствие равенства, коль скоро ему не соответствует действительное неравенство, ведь и пожизненная царская власть есть неравенство, если она имеется среди равных. И возмущения поднимаются вообще ради достижения равенства. [...] 9. Как бы то ни было, демократический строй представляет большую

безопасность и реже влечет за собой внутренние распри, нежели строй олигархический. В олигархиях таятся зародыши двойного рода неурядиц: раздоры друг с другом и с народом; в демократиях же — только с олигархией; сам против себя народ — и это следует подчеркнуть — бунтовать не станет. Сверх того, государственное устройство, основанное на господстве средних, ближе к демократии, нежели к олигархии, а она из упомянутых нами государственных устройств пользуется наибольшей безопасностью.

III 1. Итак, внутренние распри возникают не по причине мелочей, но из мелочей; распри поднимаются всегда по поводу дел важных. [...]

7. [...] Государственный строй изменяется и в том случае, когда окажется, что противоположные части государства, например богатые и простой народ, уравниются в количестве, а средних граждан не будет вовсе или их будет совсем незначительное число. Если одна из указан-

ных частей достигнет большого перевеса, то другая не хочет рисковать вступить с ней в борьбу. [...]

IV 1. [...] В демократиях перевороты чаще всего вызываются необузданностью демагогов, которые, с одной стороны, путем ложных доносов по частным делам на состоятельных людей заставляют этих последних сплотиться (ведь общий страх объединяет и злейших врагов), а с другой стороны, натравливают на них народную массу. [...]

VI 3. Но главной причиной крушения политий и аристократий являются встречающиеся в самом их государственном строе отклонения от справедливости. Начало крушения заключается в том, что в политии в неправильном соотношении объединены демократия и олигархия, в аристократии же — та и другая и еще добродетель, в особенности же указанные два элемента. Имею в виду демократию и олигархию, потому что именно их пытаются соединить политии и большая часть так называемых аристократий. 4. Ведь и отличаются аристократии от так называемых политий именно в этом отношении, а поэтому первые менее, вторые более устойчивы. Те государственные устройства, которые отклоняются более в сторону олигархии, называют аристократическими, а те, которые более склоняются в сторону демократии, — политиями. Поэтому последние более прочны, чем первые: большинство имеет большую силу, и люди больше любят порядок, при котором осуществляется равноправие, тогда как обладатели большого состояния, если государственный строй предоставит им значительный перевес, стремятся проявить

наглость и корыстолюбие. 5. Вообще, в какую сторону клонится государственный строй, в том направлении и происходит изменение, так как те и другие стремятся усилить то, что им выгодно; полития, например, перейдет в демократию, аристократия — в олигархию. Или изменение пойдет в противоположном направлении, т.е. аристократия обратится в демократию (если менее обеспеченные, терпя обиды, станут тянуть в противоположную сторону), а полития — в олигархию. Ведь устойчивым государственным строем бывает единственно такой, при котором осуществляется равенство в соответствии с достоинством и при котором каждый пользуется тем, что ему принадлежит.

VII 9. Но самое главное при всяком государственном строе — это посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться. За этим с особой тщательностью должно следить в государствах олигархических. [...] 10. Если бы кому-нибудь удалось устроить это, то единственно таким об-

разом мыслимо объединение демократии и аристократии: стало бы возможным и для знати, и для народной массы иметь то, чего и та и другая для себя желает. Ведь, с одной стороны, допустить всех к правлению — правило демократическое, с другой — занятие должностей знатными — правило аристократическое; а это будет в том случае, когда нельзя будет наживаться, занимая должности. [...]

14. Тремя качествами должны обладать те, кто намерен занимать высшие должности: во-первых, сочувствовать существующему государственному строю; затем, иметь большие способности к выполнению обязанностей, сопряженных с должностью; в-третьих, отличаться добродетелью и справедливостью, соответствующими каждому виду государственного строя. [...]

20. Но самое важное из всех указанных нами способствующих сохранению государственного строя средств, которым ныне все пренебрегают, — это воспитание в духе соответствующего государственного строя. Никакой пользы не принесут самые полезные законы, единогласно одобренные всеми причастными к управлению государством, если граждане не будут приучены к государственному порядку и в духе его воспитаны, а именно если законы государства демократические — и духе демократии, если олигархические — в духе олигархии; ведь если недисциплинирован один, недисциплинированно и все государство.

VIII 6. Царь должен наблюдать за тем, чтобы владеющие собственностью не терпели никаких обид, а народ ни в чем не

терпел оскорблений. Тиран же, как неоднократно указывалось, не обращает никакого понимания на общественные интересы, разве что ради собственной выгоды. Цель тирана — приятное, цель царя — прекрасное. Поэтому тиран видит свое преимущество в том, чтобы приумножить свои средства; царь же главным образом в приумножении чести. [...]

IX 8. Все то, что мы до сих пор рассмотрели, можно, коротко говоря, гнести к трем пунктам. Именно, тиран стремится к трем целям: во-первых, вселить малодушие в своих подданных, так как человек малодушный не станет составлять против него заговоры; во-вторых, поселить взаимное недоверие — тирания может пасть только тогда, когда некоторые граждане будут доверять друг другу, поэтому тираны — враги порядочных людей, как опасных для их власти, и не только потому, что эти люди не выносят деспотической власти, но и потому, что они пользуются доверием как в своей среде, так и среди других и не станут заниматься доносами ни на своих, ни на чужих; в-третьих, лишить людей политической энергии: никто не решится на невозможное, значит, и на низ-

вержение тирании, раз у него нет на то силы. 9. На указанные три цели направлены все помыслы тиранов. Их можно было бы свести к следующим предпосылкам: чтобы люди не доверяли друг другу; чтобы не могли действовать; чтобы прониклись малодушием. [...]

Книга седьмая (Н)

II 3. Итак, ясно, что наилучшим государственным строем должно признать такой, организация которого дает возможность всякому человеку благоденствовать и жить счастливо. Но даже те, которые согласны в том, что всего более предпочтительна жизнь, согласная с требованиями добродетели, спорят, чему отдать предпочтение: политической ли и практически деятельной жизни или такой жизни, которая свободна от всякой внешней деятельности, например, той созерцательной жизни, какую некоторые только и считают достойной философа. Легко видеть, что люди, всего выше ставящие достоинство и честь, почти всегда избирают один из этих двух образов жизни — практически деятельный и философский; так было раньше, так обстоит дело и теперь.

IV 2. [...] Первым условием для обеспечения существования государства является совокупность граждан; возникает вопрос, как велико должно быть их количество, какие они должны иметь природные качества, точно так же какого размера должна быть территория и каковы должны быть ее свойства.

5. Опыт подсказывает, однако, как трудно, чтобы не сказать невозможно, слишком многонаселенному государству управляться хорошими законами; по крайней мере мы видим, что

все те государства, чье устройство слывет прекрасным, не допускают чрезмерного увеличения своего народонаселения. [...]

VII 4. Итак, мы должны перечислить задачи государства, и тогда вопрос станет ясным. Должно быть прежде всего пропитание; затем — ремесла (человеческая жизнь нуждается во многих орудиях); в-третьих, оружие (оружие необходимо для участников государственного общения как для поддержания власти против неповинующихся внутри государства, так и против внешних врагов, если они попытаются нанести обиду); также известный запас денежных средств для собственных надобностей и для военных нужд; в-пятых, и это прежде всего, попечение о религиозном культе, т.е. то, что называется жречеством; в-шестых по счету, но самое необходимое — решение о том, что полезно и что справедливо в отношениях граждан между собой.

XII 1. [...] Благо при всех обстоятельствах зависит от соблюдения двух условий: одно из них — правильное установление задачи и конечной цели всякого рода деятельности, второе — отыскание всякого рода средств, ведущих к конечной цели. Может случиться, что оба этих требования будут противоречить друг другу, и может случиться, что они будут совпадать, ведь иногда цель определена прекрасно, но совершаются ошибки в средствах, ведущих к ее достижению; в другой раз имеются все средства, ведущие к достижению цели, но сама цель поставлена плохо. [...]

Печатается по: *Аристотель*. Сочинения: В 4 т. М., 1983. Т. 4.

С.376—378, 380, 381, 383, 386, 398, 410, 418, 422—424, 444, 445, 449, 452, 455, 457—459, 461 —464, 466, 470, 476, 477, 479, 481, 483, 484, 488, 489, 491, 492, 495—502, 506—508, 511, 527—529, 533, 535, 536, 542, 543, 547, 548, 551, 553, 561, 562, 591, 596, 597, 603, 612.

Н. МАКИАВЕЛЛИ

Государь

Г л а в а I

Сколько видов бывают государства и как они приобретаются

Все государства, все державы, обладавшие или обладающие властью над людьми, были и суть либо республики, либо государства, управляемые единовластно. Последние могут быть либо унаследованными — если род государя правил долгое время,

либо новыми. Новым может быть либо государство в целом — таков Милан для Франческо Сфорца; либо его часть, присоединенная к унаследованному государству вследствие завоевания — таково Неаполитанское королевство для короля Испании. Новые государства разделяются на те, где подданные привыкли повиноваться государям, и те, где они искони жили свободно; государства приобретаются либо своим, либо чужим оружием, либо милостью судьбы, либо доблестью.

Г л а в а II

О наследственном единовластии

Я не стану касаться республик, ибо подробно говорю о них в другом месте. Здесь я перейду прямо к единовластному правлению и, держась

намеченного выше порядка, разберу, какими способами государи могут управлять государствами и удерживать над ними власть. [...] Ибо у государя, унаследовавшего власть, меньше причин и меньше необходимости притеснять подданных, почему они и платят ему большей любовью, и если он не обнаруживает чрезмерных пороков, вызывающих ненависть, то закономерно пользуется благорасположением граждан. Давнее и преемственное правление заставляет забыть о бывших некогда переворотах и вызвавших их причинах, тогда как всякая перемена прокладывает путь другим переменам.

Г л а в а Ш

О смешанных государствах

Трудно удержать власть новому государю. И даже наследному государю, присоединившему новое владение — так что государство становится как бы смешанным, — трудно удержать над ним власть прежде всего вследствие той же естественной причины, которая вызывает перевороты во всех новых государствах. А именно: люди, веря, что новый правитель окажется лучше, охотно восстают против старого, но вскоре они на опыте убеждаются, что обманулись, ибо новый правитель всегда оказывается хуже старого. Что опять-таки естественно и закономерно, так как завоеватель притесняет новых подданных, налагает на них разного рода повинности и обременяет их постоянно войска, как это неизбежно бывает при завоевании. И таким образом наживает врагов в тех, кого притеснил, и теряет дружбу тех, кто способствовал завоеванию, ибо не может вознаградить их в той степени, в какой они ожидали, но не может

и применить к ним крутые меры, будучи им обязан — ведь без их помощи он не мог бы войти в страну, как бы ни было сильно его войско. (...)

[...] В первом случае удержать завоеванное нетрудно, в особенности если новые подданные и раньше не знали свободы. Чтобы упрочить над ними власть, достаточно искоренить род прежнего государя, ибо при общности обычаев и сохранении старых порядков ни от чего другого не может произойти беспокойства. [...]

Другое отличное средство — учредить в одном-двух местах колонии, связующие новые земли с государством завоевателя. Кроме этой есть лишь одна возможность — разместить в стране значительное количество кавалерии и пехоты. Колонии не требуют больших издержек, устройств и содержание их почти ничего не стоят государю, и разоряют они лишь тех жителей, чьи поля и жилища отходят новым поселенцам [...] По каковому поводу уместно заметить, что людей следует либо ласкать,

либо изничтожать, ибо за малое зло человек может отомстить, а за большое — не может; из чего следует, что наносимую человеку обиду надо рассчитать так, чтобы не бояться мести. Если же вместо колоний поставить в стране войско, то содержание его обойдется гораздо дороже и поглотит все доходы от нового государства, вследствие чего приобретение обернется убытком; к тому же от этого пострадает гораздо больше людей, так как постой войска обременяют все население, отчего каждый, испытывая тяготы, становится врагом государю, а также враги могут ему повредить, ибо хотя они и побеждены, но остаются у себя дома. Итак, с какой стороны ни взгляни, содержание подобного гарнизона вредно, тогда как учреждение колоний полезно. [...]

Поистине страсть к завоеваниям — дело естественное и обычное; и тех, кто учитывает при этом свои возможности, все одобряют или же никто не осудит; но достойную осуждения ошибку совершает тот, кто не учитывает своих возможностей и стремится к завоеваниям какой угодно ценой. [...]

[...] Как показал опыт, Церковь и Испания благодаря Франции расширили свои владения в Италии, а Франция благодаря им потеряла там все. Отсюда можно извлечь вывод, многократно подтверждавшийся: горе тому, кто умножает чужое могущество, ибо оно добывается умением или силой, а оба эти достоинства не вызывают доверия у того, кому могущество достается.

Г л а в а XV

О том, за что людей, в особенности государей, восхваляют или порицают

[...] Государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности.

Если же говорить не о вымышленных, а об истинных свойствах государей, то надо сказать, что во всех людях, а особенно в государях, стоящих выше прочих людей, замечают те или иные качества, заслуживающие похвалы или порицания. А именно: говорят, что один щедр, другой скуп — если взять тосканское слово, ибо жадный на нашем наречии — это еще и тот, кто хочет отнять чужое, а скупым мы называем того, кто слишком держится за свое, — один расточителен, другой алчен; один жесток, другой сострадателен; один честен, другой вероломен; один изнежен и малодушен, другой тверд духом и смел; этот снисходителен, тот надменен; этот распутен, тот целомудрен; этот лукав, тот прямодушен;

этот упрям, тот покладист; этот легкомыслен, тот степенен; этот набожен, тот нечестив и так далее. Что может быть похвальнее для государя, нежели соединять в себе все лучшие из перечисленных качеств? Но раз в силу своей природы человек не может ни иметь одни добродетели, ни неуклонно им следовать, то благоразумному государю следует избегать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же — воздерживаться по мере сил, но не более. И даже пусть государи не боятся навлечь на себя обвинения в тех пороках, без которых трудно удержаться у власти, ибо, вдумавшись, мы найдем немало такого, что на первый взгляд кажется добродетелью, а в действительности пагубно для государя и, наоборот: выглядит как порок, а на деле доставляет государю благополучие и безопасность.

Г л а в а XVII

О том, как государи должны держать слово

Излишне говорить, сколь похвальная в государе верность данному слову, прямодушие и неуклонная честность. Однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдержать данное слово и умел, кого нужно, обвести вокруг пальца; такие государи в конечном счете преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность. Надо знать, что с врагом можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой. Первый способ присущ человеку, второй — зверю; но так как первое часто недостаточно, то приходится прибегать и ко второму. Отсюда следует, что государь должен усвоить то, что заключено в природе и человека,

и зверя. Не это ли иносказательно внушают нам античные авторы, повествуя о том, как Ахилла и прочих героев древности отдавали на воспитание кентавру Хирону, дабы они приобщились к его мудрости? Какой иной смысл имеет выбор в наставники получеловека-полузверя, как не тот, что государь должен совместить в себе обе эти природы, ибо одна без другой не имеет достаточной силы?

Итак, из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса — волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капкана. Из чего следует, что разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание. Такой совет был бы недо-

стойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же. А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдется. Примеров тому множество: сколько мирных договоров, сколько соглашений не вступило в силу или пошло прахом из-за того, что государи нарушали свое слово, и всегда в выигрыше оказывался тот, кто имел лисью натуру. Однако натуру эту надо еще уметь прикрыть, надо быть изрядным обманщиком и лицемером, люди же так простодушны и так поглощены ближайшими нуждами, что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить. [...]

[...] Надо являться в глазах людей сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым — и быть таковым в самом деле, но внутренне надо сохранять готовность проявить и противоположные качества, если это окажется необходимо. Следует понимать, что государь, особенно новый, не может исполнять все то, за что людей почитают хорошими, так как ради сохранения государства он часто бывает вынужден идти против своего слова, против милосердия, доброты и благочестия. Поэтому в душе он всегда должен быть готов к тому, чтобы переменить направление, если события примут другой оборот или в другую сторону задует ветер фортуны, т.е., как было сказано, по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и зла.

Итак, государь должен бдительно следить за тем, чтобы с языка его не сорвалось слова, не исполненного пяти названных

добродетелей. Пусть тем, кто видит его и слышит, он предстанет как само милосердие, верность, прямотушие, человечность и благочестие, особенно благочестие. Ибо люди большей частью судят по виду, так как увидеть дано всем, а потрогать руками — немногим. Каждый знает, каков ты с виду, немногим известно, каков ты на самом деле, и эти последние не посмеют оспорить мнение большинства, за спиной которого стоит государство. О действиях всех людей, а особенно государей, с которых в суде не спросишь, заключают по результату, поэтому пусть государи стараются сохранить власть и одержать победу. Какие бы средства для этого ни употребить, их всегда сочтут достойными и одобряют, ибо чернь прельщается видимостью и успехом, в мире же нет ничего, кроме черни, и меньшинству в нем не остается места, когда за большинством стоит государство. Один из нынешних государей, которого воздержусь называть, только и делает, что проповедует мир и верность, на деле же тому и другому злейший враг; но если бы он последовал тому, что проповедует, то давно лишился бы либо могущества, либо государства.

Г л а в а XIX**О том, каким образом избегать ненависти и презрения**

Наиважнейшие из упомянутых качеств мы рассмотрели; что же касается прочих, то о них я скажу кратко, предварив рассуждение одним общим правилом. Государь, как отчасти сказано выше, должен следить за тем, чтобы не совершить ничего, что могло бы вызвать ненависть или презрение подданных. Если в этом он преуспеет, то свое дело он сделал, и прочие его пороки не представят для него никакой опасности. Ненависть государи возбуждают хищничеством и посягательством на добро и женщин своих подданных. Ибо большая часть людей довольна жизнью, пока не задеты их честь или имущество; так что недовольным может оказаться лишь небольшое число честолюбцев, на которых нетрудно найти управу. Презрение государи возбуждают непостоянством, легкомыслием, изнеженностью, малодушием и нерешительностью. Этих качеств надо остерегаться как огня, стараясь, напротив, в каждом действии являть великодушие, бесстрашие, основательность и твердость. Решения государя касательно частных дел подданных должны быть бесповоротными. и мнение о нем должно быть таково, чтобы никому не могло прийти в голову, что можно обмануть или перехитрить государя. К правителю, внушившему о себе такое понятие, будут относиться с почтением; а если известно, что государь имеет выдающиеся достоинства и почитаем своими подданными, врагам труднее будет напасть на него или составить против него заговор. Ибо государя

подстерегают две опасности — одна изнутри, со стороны подданных, другая извне — со стороны сильных соседей. С внешней опасностью можно справиться при помощи хорошего войска и хороших союзников; причем тот, кто имеет хорошее войско, найдет и хороших союзников. А если опасность извне будет устранена, то и внутри сохранится мир при условии, что его не нарушат тайные заговоры. Но и в случае нападения извне государь не должен терять присутствия духа, ибо, если образ его действий был таков, как я говорю, он устоит перед любым неприятелем. [...]

Что же касается подданных, то когда снаружи мир, то единственное, чего следует опасаться, — это тайные заговоры. Главное средство против них — не навлекать на себя ненависти и презрения подданных и быть угодным народу, чего добиться необходимо, как о том подробно сказано выше. Из всех способов предотвратить заговор самый верный — не быть ненавистным народу. Ведь заговорщик всегда рассчитывает на то, что убийством государя угодит народу; если же он знает, что возмутит народ, у него не хватит духа пойти на такое дело, ибо труд-

ностям, с которыми сопряжен всякий заговор, нет числа. Как показывает опыт, заговоры возникали часто, но удавались редко.

[...]

Короче говоря, на стороне заговорщика — страх, подозрение, боязнь расплаты; на стороне — государя — величие власти, законы, друзья и вся мощь государства; так что если к этому присоединяется народное благоволение, то едва ли кто-нибудь осмелится составить заговор. Ибо заговорщику есть чего опасаться и прежде совершения злого дела, но в этом случае, когда против него народ, ему есть чего опасаться и после, ибо ему не у какого будет искать убежища. [...]

В заключение повторю, что государь может не опасаться заговоров, если пользуется благоволением народа, и, наоборот, должен бояться всех и каждого, если народ питает к нему вражду и ненависть. Благоустроенные государства и мудрые государи принимали все меры к тому, чтобы не ужесточать знать и быть угодными народу, ибо это принадлежит к числу важнейших забот тех, кто правит.

В наши дни хорошо устроенным и хорошо управляемым государством является Франция. В ней имеется множество полезных учреждений, обеспечивающих свободу и безопасность короля, из которых первейшее — парламент с его полномочиями. Устроитель этой монархии, зная властолюбие и наглость знати, считал, что ее необходимо держать в узде; с другой стороны, зная ненависть народа к знати, основанную на страхе, желал оградить знать. Однако он не стал вменять это в обязанность королю,

чтобы знать не могла обвинить его в потворстве народу, а народ — в покровительстве знати, и создал третейское учреждение, которое, не вмешивая короля, обуздывает сильных и поощряет слабых. Трудно вообразить лучший и более разумный порядок, как и более верный залог безопасности короля и королевства. Отсюда можно извлечь еще одно полезное правило, а именно: что дела, негодные подданным, государи должны возлагать на других, а угодные — исполнять сами. В заключение же повторю, что государю надлежит вызывать почтение к тати, но не вызывать ненависти в народе. [...]

Здесь уместно заметить, что добрыми делами можно навлечь на себя ненависть точно так же, как и дурными, поэтому государь, как я уже говорил, нередко вынужден отступать от добра ради того, чтобы сохранить государство, ибо если та часть подданных, чьего расположения ищет государь, — будь то народ, знать или войско, — развращена, то и государю, чтобы ей угодить, приходится действовать соответственно, и в этом случае добрые дела могут ему повредить. [...]

Но вернемся к обсуждаемому предмету. Рассмотрев сказанное выше, мы увидим, что главной причиной гибели императоров была либо ненависть к ним, либо презрение, и поймем, почему из тех, кто действовал противоположными способами, только двоим выпал счастливый, а остальным несчастный конец. [...]

Г л а в а XXI

Как надлежит поступать государю, чтобы его почитали

Ничто не может внушить к государю такого почтения, как военные предприятия и необычайные поступки. [...]

Величию государя способствуют также необычайные распоряжения внутри государства, [...] иначе говоря, когда кто-либо совершает что-либо значительное в гражданской жизни, дурное или хорошее, то его полезно награждать или карать таким образом, чтобы это помнилось как можно дольше. Но самое главное для государя — постараться всеми своими поступками создать себе славу великого человека, наделенного умом выдающимся.

Государя уважают также, когда он открыто заявляет себя врагом или другом, т.е. когда он без колебаний выступает за одного против другого — это всегда лучше, чем стоять в стороне. Ибо когда двое сильных правителей вступают в схватку, то они могут быть таковы, что возможный победитель либо опасен для тебя, либо нет. В обоих случаях выгоднее открыто и решительно вступить в войну. [...]

И всегда недруг призывает отойти в сторону, тогда как друг зовет открыто выступить за него с оружием в руках. Нерешительные государи, как правило, выбирают невмешательство, чтобы

избежать ближайшей опасности, и, как правило, это приводит их к крушению.

Зато если ты бесстрашно примешь сторону одного из воюющих и твой союзник одержит победу, то как бы ни был он могуществен и как бы ты от него ни зависел, он обязан тебе — люди же не настолько бесчестны, чтобы нанести удар союзнику, выказав столь явную неблагодарность. Кроме того, победа никогда не бывает полной в такой степени, чтобы победитель мог ни с чем не считаться и в особенности — мог попрасть справедливость.

Если же тот, чью сторону ты принял, проиграет войну, он примет тебя к себе и, пока сможет, будет тебе помогать, так что ты станешь собратом по несчастью тому, чье счастье, возможно, еще возродится.

Во втором случае, когда ни одного из воюющих не приходится опасаться, примкнуть к тому или к другому еще более благоразумно. Ибо

с помощью одного ты разгромишь другого, хотя тому, будь он умнее, следовало бы спасать, а не губить противника; а после победы ты подчинишь союзника своей власти, он же благодаря твоей поддержке неминуемо одержит победу.

Здесь уместно заметить, что лучше избегать союза с теми, кто сильнее тебя, если к этому не понуждает необходимость, как о том сказано выше. Ибо в случае победы сильного союзника ты у него в руках, государи же должны остерегаться попадать в зависимость к другим государям.[...]

Государь должен также выказывать себя покровителем дарований, привечать одаренных людей, оказывать почет тем, кто отличился в каком-либо ремесле или искусстве. Он должен побуждать граждан спокойно предаваться торговле, земледелию и ремеслам, чтобы одни благоустривали свои владения, не боясь, что эти владения у них отнимут, другие — открывали торговлю, не опасаясь, что их разорят налогами; более того, он должен располагать наградами для тех, кто заботится об украшении города или государства. Он должен также занимать народ празднествами и зрелищами в подходящее для этого время года. Уважая цехи, или трибы, на которые разделен всякий город, государь должен участвовать иногда в их собраниях и являть собой пример щедрости и великодушия, но при этом твердо блюсти свое достоинство и величие, каковые должны присутствовать в каждом его поступке.

О советниках государей

Немалую важность имеет для государя выбор советников, а каковы они будут, хороши или плохи, — зависит от благоразумия государей. Об уме правителя первым делом судят по тому, каких людей он к себе приближает; если это люди преданные и способные, то можно всегда быть уверенным в его мудрости, ибо он умел распознать их способности и удержать их преданность. Если же они не таковы, то и о государе заключат соответственно, ибо первую оплошность он уже совершил, выбрав плохих помощников. [...]

Ибо умы бывают трех родов: один все постигает сам, другой может понять то, что постиг первый, третий сам ничего не постигнет и постигнутого другим понять не может. Первый ум — выдающийся, второй — значительный, третий — негодный. [...]

Ибо когда человек способен распознать добро и зло в делах и в речах людей, то, не будучи сам особо изобретательным, он сумеет отличить дурное от доброго в советах своих

**134. Раздел I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ**

помощников и за доброе вознаградит, а за дурное взыщет; да и помощники его не понадеются обмануть государя и будут добросовестно ему служить.

Есть один безошибочный способ узнать, чего стоит помощник. Если он больше заботится о себе, чем о государе, и во всяком деле ищет своей выгоды, он никогда не будет хорошим слугой государю, и тот никогда не сможет на него положиться. Ибо министр, в чьих руках дела государства, обязан думать не о себе, а о государе и не являться к нему ни с чем, что не относится до государя. Но и государь со своей стороны должен стараться удержать преданность своего министра, воздавая ему по заслугам, умножая его состояние; привязывая его к себе узами благодарности, разделяя с ним обязанности и почести, чтобы тот видел, что государь не может без него обходиться, и чтобы, имея достаточно богатств и почестей, не возжелал новых богатств и почестей, а также чтобы, занимая разнообразные должности, убоился переворотов. Когда государь и его министр обоюдно ведут себя таким образом, они могут быть друг в друге уверены, когда же они ведут себя иначе, это плохо кончается либо для одного, либо для другого.

Г л а в а XXIII

Как избежать льстецов

Я хочу коснуться еще одного важного обстоятельства, а именно одной слабости, от которой трудно уберечься правителям, если их не отличает особая мудрость и знание людей. Я имею в виду лесть и льстецов, которых во множестве приходится видеть при дворах государей, ибо люди так тщеславны и так обольщаются на

свой счет, что с трудом могут уберечься от этой напасти, Но беда еще и в том, что, когда государь пытается искоренить лесть, он рискует навлечь на себя презрение. Ибо нет другого способа оградить себя от лести, как внушив людям, что, если они выскажут тебе всю правду, ты не будешь на них в обиде, но, когда каждый сможет говорить тебе правду, тебе перестанут оказывать должное почтение.

Поэтому благоразумный государь должен избрать третий путь, а именно: отличив нескольких мудрых людей, им одним предоставить право высказывать все, что они думают, но только о том, что ты сам спрашиваешь, и ни о чем больше; однако спрашивать надо обо всем и выслушивать ответы, решение же принимать самому и по своему усмотрению. На советах с каждым из советников надо вести себя так, чтобы все знали, что, чем безбоязненнее они выскажутся, тем более угодят государю; но вне их никого не слушать, а прямо идти к намечен-

ной цели и твердо держаться принятого решения. Кто действует иначе, тот либо поддается лести, либо, выслушивая разноречивые советы, часто меняет свое мнение, чем вызывает неуважение подданных. [...]

Таким образом, государь всегда должен советоваться с другими, но только когда он того желает, а не когда того желают другие; и он должен осаживать всякого, кто вздумает, непрошенный, подавать ему советы. Однако сам он должен широко обо всем спрашивать, о спрошенном терпеливо выслушивать правдивые ответы и, более того, проявлять беспокойство, замечая, что кто-либо почему-либо опасается говорить ему правду. Многие полагают, что кое-кто из государей, слывающих мудрыми, славой своей обязаны не себе самим, а добрым советам своих приближенных, но мнение это ошибочно. Ибо правило, не знающее исключений, гласит: государю, который сам не обладает мудростью, бесполезно давать благие советы, если только такой государь случайно не доверится мудрому советнику, который будет принимать за него все решения. Но хотя подобное положение и возможно, ему скоро пришел бы конец, ибо советник сам сделался бы государем. Когда же у государя не один советник, то, не обладая мудростью, он не сможет примирить разноречивые мнения; кроме того, каждый из советников будет думать лишь о собственном благе, а государь этого не разглядит и не примет меры. Других же советников не бывает, ибо люди всегда дурны, пока их не принудит к добру необходимость. Отсюда можно заключить, что добрые советы,

кто бы их ни давал, рождаются из мудрости государей, а не мудрость государей рождается из добрых советов.

Печатается по: *Макиавелли Н. Государь*. М., 1990. С. 4, 5—7, 8, 10—12, 46—58, 66—78.

Т. ГОББС

Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского

Часть II

О ГОСУДАРСТВЕ

Г л а в а XVII

О причинах, возникновении и определении государства

Цель государства — главным образом обеспечение безопасности. Конечной причиной, целью или намерением людей (которые от природы любят свободу и господство над другими) при наложении на себя

уз (которыми они связаны, как мы видим, живя в государстве) является забота о самосохранении и при этом о более благоприятной жизни. Иными словами, при установлении государства люди руководствуются стремлением избавиться от бедственного состояния войны, являющегося [...] необходимым следствием естественных страстей людей там, где нет видимой власти, держащей их в страхе и под угрозой наказания, принуждающей их к выполнению соглашений и соблюдению естественных законов. [...]

Каковая не гарантируется естественным законом. В самом деле, естественные законы (как *справедливость, беспристрастие, скромность, милосердие* и (в общем) *поведение по отношению к другим так, как мы, желали бы, чтобы поступали по отношению к нам*) сами по себе, без страха перед какой-нибудь силой, заставляющей их соблюдать, противоречат естественным страстям, влекущим нас к пристрастию, гордости, мести и т.п. А соглашения без меча лишь слова, которые не в силах гарантировать человеку безопасность. Вот почему, несмотря на наличие естественных законов (которым каждый человек следует, когда он желает им следовать, когда он может делать это без всякой опасности для себя), каждый будет и может вполне законно применять свою физическую силу и ловкость, чтобы обезопасить себя от всех других людей, если нет установленной власти или власти достаточно сильной, чтобы обеспечить нам безопасность. И везде, где люди жили маленькими семьями, они грабили друг друга; это считалось

настолько совместимым с естественным законом, что, чем больше человек мог наgrabить, тем больше это доставляло ему чести. В этих делах люди не соблюдали никаких других законов, кроме законов чести, а именно они воздерживались от жестокости, оставляя людям их жизнь и сельскохозяйственные орудия. Как прежде маленькие семьи, так теперь города и королевства, являющиеся большими родами для собственной безопасности, расширяют свои владения под всяческими предлогами: опасности, боязни завоеваний или помощи, которая может быть оказана завоевателю. При этом они изо всех сил стараются подчинить и ослабить своих соседей грубой силой и тайными махинациями, и, поскольку нет других гарантий безопасности, они поступают вполне справедливо, и в веках их деяния вспоминают со славой.

А также соединением небольшого количества людей или семейств. Гарантией безопасности не может служить также объединение небольшого числа людей, ибо малейшее прибавление к той или иной стороне доставляет ей такое большое преимущество в физической

силе, которое вполне обеспечивает ей победу и потому поощряет к завоеванию. То количество сил, которому мы можем доверять нашу безопасность, определяется не каким-то числом, а отношением этих сил к силам врага; в таком случае для нашей безопасности достаточно, когда избыток сил на стороне врага не настолько велик, чтобы он мог решить исход войны и побудить врага к нападению.

Ни множеством людей, из которых каждый руководствуется собственным суждением. Пусть имеется какое угодно множество людей, однако если каждый будет руководствоваться в своих действиях лишь частными суждениями и стремлениями, они не могут ожидать защиты и покровительства ни от общего врага, ни от несправедливостей, причиненных друг другу. Ибо, будучи несогласными во мнениях относительно лучшего использования и применения своих сил, они не помогают, а мешают друг другу и взаимным противодействием сводят свои силы к нулю, вследствие чего они не только легко покоряются немногочисленным, но более сплоченным врагом, но и при отсутствии общего врага ведут друг с другом войну за свои частные интересы. В самом деле, если бы мы могли предположить, что большая масса людей согласна соблюдать справедливость и другие естественные законы при отсутствии общей власти, держащей их в страхе, то мы с таким же основанием могли бы предположить то же самое и относительно всего человеческого рода, и тогда не существовало бы, да и не

было бы никакой необходимости в гражданском правлении или государстве, ибо тогда существовал бы мир без подчинения.

Что то и дело повторяется. Для безопасности, которую люди желали бы продлить на все время их жизни, недостаточно, чтобы они управлялись и направлялись единой волей в течение какого-то времени, например в ходе одной битвы или войны. Ибо хотя они и одерживают победу против иноземного врага благодаря своим единодушным усилиям, однако потом, когда общего врага уже нет или когда одна партия считает врагом того, кого другая считает другом, они в силу различия своих интересов должны по необходимости разобщиться и снова быть ввергнутыми в междоусобную войну. [...]

Происхождение государства (Commonwealth). Определение государства. Такая общая власть, которая была бы способна защищать людей от вторжения чужеземцев и от несправедливостей, причиняемых друг другу, и, таким образом, доставить им ту безопасность, при которой они могли бы кормиться от трудов рук своих и от плодов земли и жить в довольстве, может быть воздвигнута только одним

путем, а именно путем сосредоточения всей власти и силы в одном человеке или в собрании людей, которое большинством голосов могло бы свести все воли граждан в единую волю. Иначе, говоря, для установления общей власти необходимо, чтобы люди назначили одного человека или собрание людей, которые явились бы их представителями; чтобы каждый человек считал себя доверителем в отношении всего, что носитель общего лица будет делать сам или заставит делать других в целях сохранения общего мира и безопасности, и признал себя ответственным за это; чтобы каждый подчинил свою волю и суждение воли и суждению носителя общего лица. Это больше чем согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым Другим таким образом, как если бы каждый человек сказал другому: *я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой при том условии, что ты таким же образом передашь ему свое право и санкционируешь все его действия*. Если это совершилось, то множество людей, объединенное таким образом в одном лице, называется *государством*, по-латыни — *civitas*. Таково рождение того великого Левиафана или, вернее (выражаясь более почтительно), того смертного бога, которому мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой. Ибо благодаря полномочиям, отданным ему каждым отдельным человеком в государстве, указанный человек или собрание лиц

пользуется такой огромной сосредоточенной в нем силой и властью, что внушаемый этой силой и властью страх делает этого человека или это собрание лиц способным направлять волю всех людей к внутреннему миру и к взаимной помощи против внешних врагов. В этом человеке или собрании лиц состоит сущность государства, которая нуждается в следующем определении: государство есть *единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты.*

Что такое суверен и подданный. Тот, кто является носителем этого лица, называется *сувереном*, и о нем говорят, что он обладает *верховой властью*, а всякий другой является *подданным*.

Для достижения верховной власти имеются два пути. Один — это физическая сила, например, когда кто-нибудь заставляет своих детей подчиниться своей власти под угрозой погубить их в случае отказа или

когда путем войны подчиняют своей воле врагов, даря им на этом условии жизнь. Второй — это добровольное соглашение людей подчиниться человеку или собранию людей в надежде, что этот человек или это собрание сумеют защитить их против всех других. Такое государство может быть названо политическим государством, или государством, основанным на *установлении*, а государство, основанное первым путем, — государством, основанным на *приобретении*. [...]

Г л а в а XIX

О различных видах государств, основанных на установлении, и о преемственности верховной власти

Различных форм государства может быть только три.

Различие государств заключается в различии суверена, или лица, являющегося представителем всех и каждого из массы людей. А так как верховная власть может принадлежать или одному человеку, или собранию большого числа людей, а в этом собрании могут иметь право участвовать или каждый, или лишь определенные люди, отличающиеся от остальных, то отсюда ясно, что могут быть лишь три вида государства. Ибо представителем должны быть или один человек, или большее число людей, а это — собрание или всех, или только части. Если представителем является один человек, тогда государство представляет собой *монархию*; если — собрание всех, кто хочет участвовать, тогда это *демократия*, или народоправство; а если верховная власть принадлежит собранию лишь части горожан,

тогда это *аристократия*. Других видов государства не может быть, ибо или один, или многие, или все имеют верховную власть (неделимость которой я показал) целиком. [...]

Г л а в а XX

Об отеческой и деспотической власти

Государство, основанное на приобретении. *Государство*, основанное на *приобретении*, есть такое государство, в котором верховная власть приобретена силой. А верховная власть приобретена силой, когда люди — каждый в отдельности или все вместе — большинством голосов из боязни смерти или неволи принимают на свою ответственность все действия того человека или собрания, во власти которого находится их жизнь и свобода. В чем его отличие от государства, основанного на установлении. Эта форма господства, или верховной власти, отличается от верховной власти, основанной на установлении, лишь тем, что люди, которые вы-

бирают своего суверена, делают это из боязни друг друга, а не из страха перед тем, кого они облачают верховной властью; в данном же случае они отдают себя в подданство тому, кого они боятся. В обоих случаях побудительным мотивом является страх, что следует заметить тем, кто считает недействительными всякие договоры, заключенные из страха смерти или насилия. Если бы это мнение было верно, то никто ни в каком государстве не был бы обязан к повиновению. Верно, что в государствах, однажды установленных или приобретенных, обещания, данные под влиянием страха смерти или насилия, не являются договорами и не имеют никакой обязательной силы, если обещанное противоречит законам; но такие обещания лишены обязательной силы не потому, что они даны под влиянием страха, а потому, что обещающий не имеет права на то, что он обещает. Точно так же если обещающий может на законном основании выполнить свое обещание и не делает этого, то его освобождает от этой обязанности не недействительность договора, а решение суверена. Во всех же других случаях всякий, кто на законном основании обещает что-либо, совершает беззаконие, если нарушает свое обещание. Но если суверен, являющийся уполномоченным, освобождает обещающего от его обязательства, тогда последний, как доверитель, может считать себя свободным.

Права верховной власти в обоих случаях одинаковы. Однако права и последствия верховной власти в обоих случаях одинаковы. Власть суверена, приобретшего верховную власть силой, не может быть без его согласия перенесена на другого;

такой суверен не может быть лишен власти, не может быть обвинен кем-либо из своих подданных в несправедливости, не может быть наказан своими подданными. Он является судьей того, что необходимо для поддержания мира; он решает вопрос об учениях; он является единственным законодателем и верховным судьей во всех спорах; он определяет время и повод для объявления войны и заключения мира; ему принадлежит право избирать должностных лиц, советников, военачальников и всех других чиновников и исполнителей, а также устанавливать награды, наказания, почести и ранги. Основанием для этих прав и их последствий служат те же соображения, которые мы приводили в предыдущей главе в пользу аналогичных прав и последствий верховной власти, основанной на установлении.

Как добиваются отеческого господства. Господство может быть приобретено двояким путем: путем рождения и путем завоевания. Право господства на основе рождения есть право родителя над своими

детьми, а такая власть называется *отеческой*. Но это право не производится от факта рождения в том смысле, будто родитель имеет господство над своими детьми на том основании, что он родил их, а производится оно из согласия детей, ясно выраженного или тем или иным путем достаточно выявленного. Ибо что касается рождения, то Бог назначил мужчине помощника, и всегда имеются двое, одинаково являющиеся родителями. Если бы господство над детьми обуславливалось актом рождения, то оно должно было принадлежать обоим в одинаковой степени и дети должны были быть подчинены в равной мере обоим, что невозможно, ибо никто не может повиноваться двум господам. А если некоторые приписывали это право лишь мужчине как превосходящему полу, то они в этом ошибались. Ибо не всегда имеется такая разница в силе и благоразумии между мужчиной и женщиной, чтобы это право могло быть установлено без войны. В государствах этот спор решается гражданским законом, и в большинстве случаев (если не всегда) это решение бывает в пользу отца, так как большая часть государств была учреждена отцами, а не матерями семейств. Однако сейчас речь идет о чистом, естественном состоянии, где нет ни законов о браке, ни законов, касающихся воспитания детей, а есть лишь естественные законы и естественная склонность полов друг к другу и к детям. В этом состоянии вопрос о власти над детьми родители или регулируют между собой договором, или совсем не регулируют. Если они заключают на этот счет договор, то право достается тому, кто указан в договоре. Мы знаем из истории, что амазонки заключали

с мужчинами соседних стран, к содействию которых они прибегали в целях производства потомства, договор, согласно которому мужское потомство должно было направляться к отцам, а женское оставлено матерям. Таким образом, власть над женским потомством принадлежала у них матери.

Или на основе воспитания. При отсутствии договора власть над детьми должна принадлежать матери. В самом деле, в чистом, естественном состоянии, где нет законов о браке, нельзя узнать, кто является отцом, если нет соответствующего заявления матери; поэтому право господства над детьми зависит от ее воли и, следовательно, является ее правом. Мало того, так как мы видим, что ребенок первое время находится во власти матери, так что она может или кормить его, или подкинуть то, если она его кормит, он обязан своей жизнью матери и поэтому обязан ей повиновением больше, чем кому-либо другому, и, следовательно, ей принадлежит господство над ним. Если же мать подкидывает своего ребенка, а другой его находит и кормит, то господство принад-

лежит тому, кто его кормит, ибо ребенок обязан повиноваться тому, кто сохранил ему жизнь. В самом деле, так как сохранение жизни является той целью, ради которой один человек становится подданным другого, то представляется, что всякий человек обещает повиновение тому, в чьей власти спасти или погубить его.

Или на основании передачи подданства от одного из родителей другому. Если мать является подданной отца, ребенок находится во власти отца, а если отец — подданный матери (как это бывает, когда королева выходит замуж за кого-нибудь из своих подданных), то ребенок является подданным матери. Если мужчина и женщина, являющиеся монархами разных королевств, имеют ребенка и определяют договором, кто должен иметь господство над ним, то это право приобретает согласно договору. При отсутствии же договора вопрос решается местожительством ребенка, ибо суверен каждой страны имеет господство над всеми, живущими в ней.

Тот, кто господствует над детьми, господствует также над детьми этих детей и над детьми детей этих детей. Ибо тот, кто господствует над личностью человека, господствует над всем, что этот человек имеет, без чего господство — пустой титул без всякого реального значения. [...]

Г л а в а XXI

О свободе подданных

Что такое свобода. Свобода означает отсутствие сопротивления (под сопротивлением я разумею внешнее препятствие для движения), и это понятие может быть применено к неразумным

созданиям и неодушевленным предметам не в меньшей степени, чем к разумным существам. Ибо если что-либо так связано или окружено, что оно может двигаться лишь внутри» определенного пространства, ограниченного сопротивлением какого-либо внешнего тела, то мы говорим, что это нечто не имеет свободы двигаться дальше. Подобным же образом о живых существах, пока они заперты или сдерживаются стенами или цепями, а также о воде, которая удерживается берегами или посудой и которая иначе разлилась бы по большому пространству, мы обыкновенно говорим, что они не имеют свободы двигаться так, как они двигались бы без этих внешних препятствий. Но если препятствие движению кроется в самом устройстве вещи, например, когда камень находится в покое или когда человек прикован болезнью к постели, тогда

мы обычно говорим, что эта вещь лишена не свободы, а способности движения.

Что значит быть свободным человеком. Согласно этому собственному и общепринятому смыслу слова, *свободный человек — тот, кому ничто не препятствует делать желаемое, поскольку он по своим физическим и умственным способностям в состоянии это сделать.* Но если слово «свобода» применяется к вещам, не являющимся *телами*, то это злоупотребление словом, ибо то, что не обладает способностью движения, не может встречать препятствия. Поэтому когда, к примеру, говорят, что дорога свободна, то имеется в виду свобода не дороги, а тех людей, которые по ней беспрепятственно двигаются. А когда мы говорим «свободный дар», то понимаем под этим не свободу подарка, а свободу дарящего, не принужденного к этому дарению каким-либо законом или договором. Точно так же когда мы *свободно говорим*, то это свобода не голоса или произношения, а человека, которого никакой закон не обязывает говорить иначе, чем он говорит. Наконец, из употребления слов «свобода воли» можно делать заключение не о свободе воле, желания или склонности, а лишь о свободе человека, которая состоит в том, что он не встречает препятствий к совершению того, к чему его влекут его воля, желание или склонность. [...]

Г л а в а XXII

О подвластных группах людей, политических и частных

Различные виды групп людей. Изложив свой взгляд на возникновение, формы и власть государств, я намерен в

ближайшем говорить об их частях. И прежде всего я буду говорить о группах людей, которые сопоставимы со сходными частями, или мускулами, естественного тела. Под *группой* людей я подразумеваю известное число людей, объединенных общим интересом или общим делом. Одни из этих групп людей называются *упорядоченными*, другие — *неупорядоченными*. *Упорядоченными* называются те, в которых один человек или собрание людей выступают в качестве представителей всей группы. Все другие группы называются *неупорядоченными*. Из упорядоченных групп некоторые *абсолютны* и *независимы*, будучи подвластны лишь своим представителям. Таковы лишь государства, о чем я уже говорил в предшествующих пяти главах. Другие зависимы, т.е. подвластны какой-нибудь верховной власти, *подданными* которой являются как каждый член этих групп, так и их представители.

Из подвластных групп некоторые являются *политическими*, другие — *частными*. Политическими (иначе называемыми *политическими телами и юридическими лицами*) являются те группы людей, которые образованы на основании полномочий, данных им верховной властью государства. *Частными* являются те, которые установлены самими подданными или образованы на основании полномочий, данных чужеземной властью. Ибо все, что в государстве образовано на основании полномочий, данных иностранной верховной властью, не может иметь публично-правового характера, а имеет лишь частный характер.

Из частных групп одни *законны*, другие *противозаконны*. Законны те, которые допущены государством, все другие *противозаконны*. *Неупорядоченными* называются те группы, которые, не имея никакого представительства, являются лишь скоплением людей. Если оно не запрещено государством и не имеет дурных целей (как, например, стечение народа на базарах, на публичных зрелищах или по какому-нибудь другому невинному поводу), то оно законно. Если же намерения дурны или (в случае значительного числа людей) не известны, то оно противозаконно.

Во всех политических телах власть представителей

ограничена. В политических телах власть представителей всегда ограничена, причем границы ей предписываются верховной властью, ибо неограниченная власть есть абсолютный суверенитет. И в каждом государстве суверен является абсолютным представителем всех подданных. Поэтому всякий другой может быть представителем части этих подданных лишь в

той мере, в какой это разрешается сувереном. Но разрешить политическому телу подданных иметь абсолютное представительство всех его интересов и стремлений значило бы уступить соответствующую часть власти государства и разделить верховную власть, что противоречило бы целям водворения мира среди подданных и их защиты. Такого намерения нельзя предположить у суверена при каком бы то ни было акте пожалования, если суверен одновременно с этим ясно и определенно не освобождает указанной части подданных от их подданства. Ибо высказывание суверена не является знаком его воли, когда другое высказывание является знаком противоположного. Это высказывание является скорее знаком заблуждения и недоразумения, которым слишком подвержен весь человеческий род.

Познание границ власти, данной представителям политического тела, может быть почерпнуто из двух источников. Первый — это грамота, данная сувереном, второй — закон государства.

Из грамоты. В самом деле, хотя при установлении и приобретении государства не требуется никакой грамоты, ибо государства независимы и власть представителя государства не имеет никаких других границ, кроме тех, которые установлены неписаными естественными законами, однако в подвластных телах требуется столько разнообразных ограничений в отношении круга их задач, места и времени, что их нельзя запомнить без писаной грамоты и нельзя познать без такой жалованной грамоты, которую могли бы читать те, которым это ведать надлежит, и которая одновременно с этим была бы скреплена или удостоверена печатью или другими обычными знаками высочайшего одобрения.

И из законов. И так как такие границы не всегда легко и даже не всегда возможно установить в грамоте, то обычные законы, общие для всех подданных, должны определить, что может законным образом делать представитель во всех тех случаях, о которых умалчивает грамота.

Если представитель один человек, то его недозволенные действия являются его собственными. И поэтому если один представитель политического тела совершит что-либо в качестве представителя, что не дозволено ни грамотами, ни законами, то это является его собственным актом, а не актом всего тела или какого-нибудь другого его члена помимо него. Ибо за пределами, очерченными грамотами или законами, он не представляет никого, кроме своей личности. Но то, что он совершает в соответствии с грамотами и законами, является действием каждого члена политического тела, ибо за каждый акт суверена

ответственным является любой подданный, так как суверен является неограниченным уполномоченным своих подданных, а акт того, кто не отступает от грамоты суверена, является актом суверена, и посему ответственность за него ложится на каждого члена тела.

Если представителем является собрание, то его действия являются действиями только тех, кто их санкционировал.

Если же представителем является общее собрание, то всякое постановление этого собрания, противоречащее грамотам или законам, является актом этого собрания, или политического тела, а также актом каждого члена этого собрания, который своим голосом способствовал принятию постановления, но оно не является актом такого члена собрания, который, присутствуя на собрании, голосовал против или отсутствовал, если только ни не голосовал *за* при посредстве доверенного лица. Постановление является актом собрания, ибо оно принято большинством голосов, и, если это постановление преступно, собрание может быть подвергнуто наказанию, соответствующему его искусственному характеру. Оно

может быть, например, распущено, или лишено грамоты (что для таких искусственных и фиктивных тел есть смертная казнь), или (если собрание имеет общий капитал) подвергнуто денежному штрафу. Ибо физическому наказанию политическое тело не может быть подвергнуто по самой своей природе. Члены же собрания, не подавшие своего голоса *за*, не виновны, потому что собрание не может никого представлять в делах, недозволенных его грамотой, и, следовательно, постановление собрания не может быть вменено им в вину. [...]

Тайные интриги. Если верховная власть принадлежит многочисленному собранию и несколько членов этого собрания, не имея на то полномочий, подговаривают часть собрания захватить в свои руки руководство остальными, то это крамола и преступный заговор, ибо это злостное развращение собрания в своих личных интересах. Но если тот, чье частное дело обсуждается и решается в собрании, старается расположить в свою пользу возможно больше членов его, то он не совершает никакого преступления, ибо в этом случае он не является частью собрания. И если даже он располагает членов собрания в свою пользу подкупом, то это все же не является преступлением (если только это не запрещено определенным законом). Ибо иногда (таковы уж нравы людей) невозможно добиться справедливости без подкупа, и каждый человек может считать свое дело правым до тех пор, пока оно не слушалось и не решалось в суде.

Междоусобицы. Если частное лицо в государстве содержит больше слуг, чем это требуется для управления его состоянием и

для того законного дела, ради которого он их применяет, то это заговор и преступление. Ибо, пользуясь защитой государства, подданный не нуждается в защите собственной силой. И так как у народов не вполне цивилизованных многочисленные семьи жили в непрерывной вражде и нападали друг на друга с помощью собственной челяди, то отсюда достаточно очевидно, что они совершали преступления или же что у них не было государства.

Заговоры. Как заговоры в пользу родственников, так и заговоры в пользу господства той или другой религии (например, заговоры папистов, протестантов и т.п.) или заговоры сословий (например, заговоры патрициев и плебеев в Древнем Риме и аристократических и демократических партий в Древней Греции) незаконны, ибо все такие заговоры противоречат интересам мира и безопасности народа и вырывают меч из рук суверена.

Скопление народа является неупорядоченной группой людей, законность или незаконность которой зависит от повода к скоплению и от числа собравшихся. Если повод законен и явен, скопление законно. Таково, например, обычное скопление народа в церкви или на публичных зрелищах, если число собравшихся не выходит из обычных рамок, ибо, если число собравшихся слишком велико, повод неясен, и, следовательно, всякий, кто не может дать подробного и ясного отчета о мотивах своего пребывания в толпе, должен считаться преследующим противозаконные и мятежные цели. Можно считать вполне законным для тысячи человек составить общую петицию, которая должна быть представлена судье или должностному лицу, однако если тысяча человек пойдет подавать ее, то это уже мятежное сборище, ибо для этой цели достаточно одного или двух человек. Однако в подобных случаях собрание делается незаконным вследствие не какого-нибудь установленного числа собравшихся, а вследствие такого их числа, которое представители власти не способны укротить или передать в руки правосудия. [...]

Печатается по: *Гоббс Т.* Сочинения: В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 129—133, 144, 154—157, 163, 164, 173—176, 184, 185.

Дж. ЛОКК

Два трактата о правлении

Книга вторая

Г л а в а II

О естественном состоянии

[...] 4. Для правильного понимания политической власти и определения источника ее возникновения мы должны рассмотреть, в каком естественном состоянии находятся все люди, а это — *состояние полной свободы* в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли. Это также *состояние равенства*, при котором вся власть и вся юрисдикция являются взаимными, — никто не имеет больше другого. Нет ничего более очевидного, чем то, что существа одной и той же породы и вида, при своем рождении без различия получая одинаковые природные преимущества и используя одни и те же способности, долж-

ны также быть равными между собой без какого-либо подчинения или подавления, если только господь и владыка их всех каким-либо явным проявлением своей воли не поставит одного над другим и не облечет его посредством явного и определенного назначения бесспорным правом на господство и верховную власть.

Г л а в а Ш

О состоянии войны

16. *Состояние войны* есть состояние вражды и разрушения. И следовательно, сообщая словом или действием не об опрометчивом и поспешно принятом, но о продуманном и твердом решении лишить жизни другого человека, сделавший это *вовлекает себя в состояние войны с* тем, в отношении кого он заявил о подобном намерении, и, таким образом, подвергает свою собственную жизнь опасности со стороны другого или всякого, кто будет помогать тому защищаться и примет его сторону.

Вполне здраво и справедливо, чтобы я обладал правом уничтожить то, что угрожает мне уничтожением. Ибо *по основному закону природы* нужно стремиться *оберегать человека* насколько возможно; когда нельзя уберечь всех, то необходимо в первую очередь думать о безопасности невинных. И человек может уничтожить того, кто с ним воюет или проявляет враждебность по отношению к нему и является угрозой для его существования, по той же причине, по которой он может убить *волка* или *льва*; ведь люди эти не связаны узами общего закона разума, ими руководят только сила и насилие, и, следовательно, их можно

рассматривать как хищных зверей, как опасных и вредных существ, которые несомненно уничтожат человека, как только он окажется в их власти.

17. Отсюда следует, что тот, кто пытается полностью подчинить другого человека своей власти, тем самым *вовлекает себя в состояние войны* с ним; это следует понимать как объявление обумысле против его жизни. Ибо у меня имеется основание заключить, что тот, кто хочет подчинить меня своей власти без моего согласия, будет поступать со мной, добившись своего, как ему заблагорассудится, и может даже уничтожить меня, если у него будет такая прихоть; ведь никто не может желать *иметь меня в своей неограниченной власти*, если только он не собирается принудить меня силой к тому, что противоречит праву моей свободы, т.е. сделать меня рабом. Быть свободным от подобной силы является единственным залогом моего сохранения; и разум побуждает меня смотреть на него как на врага моей безопасности, кото-

рый стремится отнять у меня *свободу*, обеспечивающую ее; таким образом, тот, кто *пытается поработить* меня, тем самым ставит себя и состояние войны со мной. Того, кто в естественном состоянии *пожелал бы отнять свободу*, которой обладает всякий в этом состоянии, по необходимости следует считать умышляющим отнять и все остальное, поскольку свобода является основанием всего остального. Подобным же образом того, кто в общественном состоянии пожелал бы отнять *свободу*, принадлежащую членам этого общества или государства, следует подозревать в умысле отнять у них и все остальное и, таким образом, считать находящимися в *состоянии войны*.

Г л а в а VIII

О возникновении политических обществ

95. Поскольку люди являются, как уже говорилось, по природе свободными, равными и независимыми, то никто не может быть выведен из этого состояния и подчинен политической власти другого без своего собственного *согласия*. Единственный путь, посредством которого кто-либо отказывается от своей естественной свободы и *надевает на себя узы гражданского общества*, — это соглашение с другими людьми об объединении в сообщество для того, чтобы удобно, благополучно и мирно совместно жить, спокойно пользуясь своей собственностью и находясь в большей безопасности, чем кто-либо не являющийся членом общества. Это может сделать любое число людей, поскольку здесь нет ущерба для свободы остальных людей, которые, как и прежде, остаются в естественном состоянии

свободы. Когда какое-либо число людей таким образом *согласилось создать сообщество* или государство, то они тем самым уже объединены и составляют *единый политический организм*, в котором *большинство* имеет право действовать и решать за остальных.

96. Ведь когда какое-либо число людей создало с согласия каждого отдельного лица *сообщество*, то они тем самым сделали это *сообщество* единым организмом, обладающим правом выступать как единый организм, что может происходить только по воле и решению *большинства*. Ведь то, что приводит в действие какое-либо сообщество, есть лишь согласие составляющих его лиц, а поскольку то, что является единым целым, должно двигаться в одном направлении, то необходимо, чтобы это целое двигалось туда, куда его влечет большая сила, которую составляет *согласие большинства*: в противном случае оно не в состоянии выступать как единое целое или продолжать оставаться еди-

ным целым, *единым сообществом*, как на то согласились все объединенные в него отдельные лица; и, таким образом, каждый благодаря этому согласию обязан подчиняться *большинству*. И вот почему мы видим, что в законодательных собраниях, облеченных властью силою положительных законов, в тех случаях, когда в положительном законе, который облек их властью, не указано число, *действие большинства* считается действием целого и, разумеется, определяет силу целого, которой по закону природы и разума оно обладает.

97. И таким образом, каждый человек, согласившись вместе с другими составить единый политический организм, подвластный одному правительству, берет на себя перед каждым членом этого сообщества обязательство подчиняться решению *большинства* и считать его окончательным; в противном же случае этот *первоначальный договор*, посредством которого он вместе с другими вступил в одно общество, не будет что-либо значить и вообще не будет договором, если этот человек останется свободным и не будет иметь никаких иных уз, кроме тех, которые он имел, находясь в естественном состоянии. Ведь как тогда будет выглядеть любой договор? Какое это будет новое обязательство, если человек будет связан любыми постановлениями общества лишь постольку, поскольку он сам это считает удобным и дал на это свое согласие? Ведь тогда он будет все еще пользоваться такой же свободой, какой он пользовался до этого договора или какой пользуется человек, находящийся в естественном состоянии, который может побу-

дить себя и согласиться на любые действия, если он считает их подходящими для себя.

Г л а в а IX

О целях политического общества и правления

123. Если человек в естественном состоянии так свободен, как об этом говорилось, если он абсолютный господин своей собственной личности и владений, равный самым великим людям и никому не подчиненный, то почему расстается он со своей свободой, почему отказывается он от этой империи и подчиняет себя власти и руководству какой-то другой силы? На это напрашивается самый очевидный ответ, что хотя в естественном состоянии он обладает подобным правом, но все же пользование им весьма ненадежно и ему постоянно угрожает посягательство других. Ведь, поскольку все являются властителями в такой же степени, как и он сам, поскольку каждый человек ему равен, а большая часть людей не особенно строго соблюдает равенство и справедли-

ность, постольку пользование собственностью, которую он имеет в этом состоянии, весьма небезопасно, весьма ненадежно. Это побуждает его с готовностью отказаться от такого состояния, которое хотя и является свободным, но полно страхов и непрерывных опасений; и не без причины он разыскивает и готов присоединиться к обществу тех, кто уже объединился или собирается объединиться ради взаимного *сохранения* своих жизней, свобод и владений, что я называю общим именем «собственность».

124. Поэтому-то великой и *главной целью* объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства является *сохранение их собственности*. А для этого в естественном состоянии не хватает многого.

Во-первых, не хватает *установленного*, определенного, известного закона, который был бы признан и допущен по общему согласию в качестве нормы справедливости и несправедливости и служил бы тем общим мерилom, при помощи которого разрешались бы между ними все споры. Ведь хотя закон природы ясен и понятен всем разумным существам, однако люди руководствуются своими интересами, к тому же они «то не знают, так как не изучали, и поэтому не склонны признавать его в качестве закона, обязательного для них в применении к их конкретным делам.

125. *Во-вторых*, в естественном состоянии не хватает *знающего и беспристрастного судьи*, который обладал бы властью разрешать все затруднения в соответствии с установленным законом. Ибо

каждый в этом состоянии является одновременно и судьей, и исполнителем закона природы, а люди пристрастны к себе, и страсть и месть очень даже могут завести их слишком далеко и заставить проявить слишком большую горячность в тех случаях, когда дело касается их самих; точно так же небрежность и безразличие могут сделать их слишком невнимательными к делам других людей.

126. *В-третьих*, в естественном состоянии часто недостает силы, которая могла бы подкрепить и поддержать справедливый приговор и *привести* его в *исполнение*. Те, кто совершает какую-либо несправедливость, вряд ли удержатся оттого, чтобы силой настоять на своем, когда они в состоянии это сделать; подобное сопротивление часто делает наказание опасным и нередко гибельным для тех, кто пытается его осуществить.

127. Таким образом, люди, несмотря на все преимущества естественного состояния, находятся в скверных условиях, пока они в нем пре-

бывают, и быстро вовлекаются в общество. Вот почему получается так, что мы редко видим, чтобы какое-либо количество людей сколько-нибудь длительное время жило вместе в этом состоянии. Неудобства, которым они при этом подвергаются в результате беспорядочного и ненадлежащего применения власти, которой обладает каждый человек для наказания проступков других, вынуждают их искать убежища под сенью установленных правительством законов, и здесь они стремятся найти *сохранение своей собственности*. Именно это побуждает их столь охотно отказываться от того индивидуального права на наказание, которым обладает каждый, для того чтобы оно осуществлялось только тем из них, кто будет назначен на это, и посредством тех законов, о которых согласится сообщество или уполномоченные на то лица. И вот это-то является первоначальным *правом и источником как законодательной, так и исполнительной власти*, а равно и самих правительств и обществ.

128. Ведь в естественном состоянии, не говоря о свободе, которой человек обладает для невинных развлечений, он обладает двумя видами власти.

Во-первых, это власть делать то, что он считает необходимым для сохранения себя и других в рамках *закона природы*. По этому закону, общему для всех, он и все остальное *человечество представляют собой одно сообщество*, составляют единое общество, отличное от всех других творений. И если бы не разложение и порочность выродившихся людей, то не

требовалось бы никакого другого; не было бы необходимости, чтобы люди отделялись от этого великого и естественного сообщества и посредством положительных соглашений составляли ряд меньших отдельных объединений.

Другая власть, которой обладает человек в естественном состоянии, — это *власть наказывать за преступления*, совершенные против данного закона. От обоих этих видов власти он отказывается, когда присоединяется к частному, если я могу так выразиться, или отдельному политическому обществу и вступает в какое-либо государство, отделенное от остального человечества.

129. От первой *власти, viz. совершать все, что он считает необходимым для сохранения себя* и остальной части человечества, он отказывается ради того, чтобы это регулировалось законами, созданными обществом, в той мере, в какой этого потребует сохранение его самого и остальной части этого общества; а эти законы общества

во многих отношениях ограничивают ту свободу, которую он имел по закону природы.

130. *Во-вторых, от власти наказывать он отказывается* полностью и употребляет свою естественную силу (которую он до того мог использовать для исполнения закона природы по своему собственному единоличному решению, когда считал это необходимым) для оказания помощи исполнительной власти общества в той мере, в какой этого потребует закон. Ведь, находясь теперь в новом состоянии, в котором он будет пользоваться многими благами благодаря труду, помощи и обществу других членов того же сообщества, равно как и защитой всей его силы, он должен также расстаться в такой же мере со своей естественной свободой ради обеспечения себя, в какой этого потребует благо, процветание и безопасность общества; это не только необходимо, но и справедливо, поскольку остальные члены общества поступают подобным же образом.

131. Но хотя люди, когда они вступают в общество, отказываются от равенства, свободы и исполнительной власти, которыми они обладали в естественном состоянии, и передают их в руки общества, с тем чтобы в дальнейшем этим располагала законодательная власть в той мере, в какой этого будет требовать благо общества, все же это делается каждым лишь с намерением как можно лучше сохранить себя, свою свободу и собственность (ведь нельзя предполагать, чтобы какое-либо разумное существо сознательно изменило свое состояние на худшее). Власть

общества или созданного людьми *законодательного* органа *никогда не может простирается далее, нежели это необходимо для общего блага*; эта власть обязана охранять собственность каждого, не допуская тех трех неудобств, о которых говорилось выше и которые делали естественное состояние столь небезопасным и ненадежным. И кто бы ни обладал законодательной или верховной властью в любом государстве, он обязан править согласно установленным *постоянным законам*, провозглашенным народом и известным народу, а не путем импровизированных указов; править с помощью *беспристрастных* и справедливых *судей*, которые должны разрешать споры посредством этих законов, и применять силу сообщества в стране *только при выполнении таких законов*, а за рубежом — для предотвращения вреда или для получения возмещения за него и для охраны сообщества от вторжений и захватов. И все это должно осуществляться ни для какой иной *цели*, но только в интересах *мира, безопасности и общественного блага* народа.

Г л а в а X

О формах государства

132. Поскольку с момента объединения людей в общество большинство обладало, как было показано, всей властью сообщества, то оно могло употреблять всю эту власть для создания время от времени законов для сообщества и для осуществления этих законов назначенными им должностными лицами; в этом случае *форма* правления будет представлять собой совершенную *демократию*; или же оно может передать законодательную власть в руки нескольких избранных лиц и их наследников или преемников, и тогда это будет *олигархия*; или же в руки одного лица, и тогда это будет *монархия*; если в руки его и его наследников, то это *наследственная монархия*; если же власть передана ему только пожизненно, а после его смерти право назначить преемника возвращается к большинству, то это *выборная монархия*. И в соответствии с этим сообщество может устанавливать сложные и смешанные формы правления и в зависимости от того, что оно считает лучшим. И если законодательная власть первоначально была передана большинством, одному или нескольким лицам лишь пожизненно или на какое-то ограниченное время, а затем верховная власть снова должна была вернуться к большинству, то, когда это происходило, сообщество могло снова передать ее в какие ему угодно руки и, таким образом, создать новую форму правления. Ибо *форма правления зависит от того, у кого находится* верховная власть, которая является *законодательной*

(невозможно предположить, чтобы низшая власть предписывала высшей или чтобы кто бы то ни было, кроме верховной власти, издавал законы); в соответствии с *этим форма государства* определяется тем, у кого находится законодательная власть.

133. *Под, государством* я все время подразумеваю не демократию или какую-либо иную форму правления, *но любое независимое сообщество* (any independent community), которое латиняне обозначили словом «civitas»; этому слову в нашем языке лучше всего соответствует слово «государство» (commonwealth), оно более точно выражает понятие, обозначающее такое общество людей, а английские слова «община» (community) или «город» (citty) его не выражают, ибо в государстве могут быть подчиненные общины, а слово «город» у нас имеет совершенно иное значение, чем «государство». [...]

Печатается по: *Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 263, 264, 270—272, 317, 318, 334—338.*

Ш.Л. МОНТЕСКЬЕ

О духе законов

Книга вторая

**О ЗАКОНАХ, ВЫТЕКАЮЩИХ НЕПОСРЕДСТВЕННО
ИЗ ПРИРОДЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА**

Г л а в а 1

О природе трех различных образов правления

Есть три образа правления: *республиканский*, *монархический* и *деспотический*. Чтобы обнаружить их природу, достаточно и тех представлений, которые имеют о них даже наименее осведомленные люди. Я предполагаю три определения или, вернее, три факта: «Республиканское правление — это то, при котором верховная власть находится в руках или всего народа, или части его; монархическое — при котором управляет один человек, но посредством установленных неизменных законов; между тем как в деспотическом все вне всяких законов и правил движется волей и произволом одного лица».

Вот что я называю природой правления. Предстоит рассмотреть, каковы законы, непосредственно вытекающие из этой природы и, стало быть, имеющие значение основных краеугольных законов.

Г л а в а VIII

О том, что честь не есть принцип деспотических государств

Сверх того, так как честь имеет свои законы и правила, от соблюдения которых она не может уклониться, так как она

зависит от своих собственных прихотей, а не от чужих, то по всему этому она может иметь место лишь в государствах с определенным устройством и твердыми законами.

Может ли деспот потерпеть ее в своем государстве? Она полагает гною славу в презрении к жизни, а вся сила деспота только в том, что он может лишать жизни. Как она сама могла бы стерпеть деспота? У нее есть неуклонные правила и неприкосновенные прихоти, а деспот не имеет никаких правил и не признает никаких прихотей, кроме своих собственных.

Честь, неведомая в деспотических государствах, где часто нет даже и слова для ее обозначения, господствует в монархиях; там она вносит жизнь во все: в политический организм, в законы и даже в добродетели.

Г л а в а IX

О принципе деспотического правления

Как для республики нужна *добродетель*, а для монархии *честь*, так для деспотического правительства нужен *страх*. В добродетели оно не нуждается, а честь была бы для него опасна. Безграничная власть государя переходит здесь целиком к тем, кому он ее поручает. Люди с большим самоуважением могли бы затевать в таком государстве революции, поэтому надо задавить страхом всякое мужество в людях и погасить в них малейшую искру честолюбия.

Правительство умеренное может по желанию и без опасности для себя ослабить бразды правления: оно держится собственной силою и силою законов. Но если в деспотическом государстве государь хотя бы на мгновение опустит угрожающую руку, если он не может без замедления уничтожать лиц, занимающих первые места в государстве, то все пропало, так как страх — единственное движущее начало этого образа правления — исчез и у народа нет более защитника. [...]

Г л а в а X

Различие в характере повиновения в умеренных и деспотических государствах

В умеренной монархии верховная власть ограничивается тем, что составляет ее движущее начало, я хочу сказать — честью, которая, как монарх, господствует там над государем и народом. Там ссылаются не на требования религии — придворный счел бы это смешным, — а на правила чести. Отсюда происходят необходимые видоизменения в характере повиновения: понятию

чести свойственны различные причуды, и все они отражаются на повиновении.

Но хотя в этих двух видах правления характер повиновения неодинаков, тем не менее у них одна и та же верховная власть. Куда бы ни обратил свой взор государь, он всюду заставляет чашу весов склониться на свою сторону и ему повинуются. Все же различие тут в том, что в монархиях государи — люди более просвещенные и министры их несравненно искуснее и опытнее в делах правления, чем в деспотическом государстве.

Г л а в а X I

Размышления обо всем этом

Таковы принципы трех видов правления. Это не значит, что в такой-то республике люди добродетельны, но это значит, что они должны быть

тиковыми. Из этого не следует также, что в таком-то монархическом государстве господствует честь, а в таком-то деспотическом — страх; из этого следует лишь, что так должно быть, ибо иначе эти государства не будут совершенными.

Печатается по: *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М., 1955. С. 169—173, 178—187.

Ж.Ж. РУССО

***Об общественном договоре,
или принципы политического права***

Книга I

Г л а в а VIII

О гражданском состоянии

[...] Переход от состояния естественного к состоянию гражданскому производит в человеке весьма приметную перемену, заменяя в его поведении инстинкт справедливостью и придавая его действиям тот нравственный характер, которого они ранее были лишены. Только тогда, когда голос долга сменяет плотские побуждения, а право — желание, человек, который до сих пор считался только с самим собою, оказывается вынужденным действовать сообразно другим принципам и советоваться с разумом, прежде чем следовать своим склонностям. Хотя он и нищает себя в этом состоянии многих преимуществ, полученных им от природы, он вознаграждается весьма значительными другими преимуществами; его способности упражняются и развиваются, его представления расширяются, его чувства облагораживаются и вся его душа возвышается до такой степени, что если бы заблуждения этого

нового состояния не низводили часто человека до состояния еще более низкого, чем то, из которого он вышел, то он должен был бы непрестанно благословлять тот счастливый миг, который навсегда вырвал его оттуда и который из тупого и ограниченного животного создал разумное существо — человека.

Сведем весь этот итог к легко сравнимым между собой положениям. По Общественному договору, человек теряет свою естественную свободу и неограниченное право на то, что его прельщает и чем он может завладеть; приобретает же он свободу гражданскую и право собственности на все то, чем обладает. Чтобы не ошибиться в определении этого

возмещения, надо точно различать естественную свободу, границами которой является лишь физическая сила индивидуума, и свободу гражданскую, которая ограничена общей волей, а также различать обладание, представляющее собой лишь результат применения силы или право того, кто пришел первым, и собственность, которая может основываться лишь на законном документе.

К тому, что уже сказано о приобретениях человека в гражданском состоянии, можно было бы добавить моральную свободу, которая одна делает человека действительным хозяином самому себе; ибо поступать лишь под воздействием своего желания есть рабство, а подчиняться закону, который ты сам для себя установил, есть свобода. [...]

Книга II

Глава IV

О границах верховной власти суверена

Если Государство, или Гражданская община, — это не что иное, как условная личность, жизнь которой заключается в союзе ее членов, и если самой важной из забот ее является забота о самосохранении, то ей нужна сила всеобщая и побудительная, дабы двигать и управлять каждою частью наиболее удобным для целого способом. Подобно тому как природа наделяет каждого человека неограниченной властью над всеми членами его тела, общественное соглашение дает Политическому организму неограниченную власть над всеми его членами, и вот эта власть, направляемая общею волей, носит, как я сказал, имя суверенитета.

Но, кроме общества как лица юридического, мы должны принимать в соображение и составляющих его частных лиц, чья жизнь и свобода, естественно, от него независимы. [...]

Все то, чем гражданин может служить Государству, он должен сделать тотчас же, как только суверен этого потребует, но суверен со своей стороны не может налагать на подданных узы, бесполезные для общины; он не может даже желать этого, ибо как в силу закона разума, так и в силу закона естественного ничто не совершается без причины.

Обязательства, связывающие нас с Общественным организмом, непреложны лишь потому, что они взаимны, и природа их такова, что, выполняя их, нельзя действовать на пользу другим, не действуя также на пользу себе. Почему общая воля всегда направлена прямо к одной цели и почему все люди постоянно желают счастья каждого из них, если не потому, что нет никого, кто не относил бы этого слова «каждый» на

свой счет и кто не думал бы о себе, голосуя в интересах всех? Это доказывает, что равенство в правах и порождаемое им представление о справедливости вытекает из предпочтения, которое каждый оказывает Самому себе и, следовательно, из самой природы человека; что общая воля для того, чтобы она была поистине таковой, должна быть общей как по своей цели, так и по своей сущности; что она должна исходить от всех, чтобы относиться ко всем, и что она теряет присущее ей от природы верное направление, если устремлена к какой-либо индивидуальной и строго ограниченной цели, ибо тогда, поскольку мы выносим решение о том, что является для нас посторонним, нами уже не руководит никакой истинный принцип равенства.

В самом деле, как только речь заходит о каком-либо факте или частном праве на что-либо, не предусмотренном общим и предшествующим соглашением, то дело становится спорным.

Это — процесс, в котором заинтересованные частные лица составляют одну из сторон, а весь народ — другую, но в котором я не вижу ни закона, коему надлежит следовать, ни судьи, который должен вынести решение. Смешно было бы тогда ссылаться на особо по этому поводу принятое решение общей воли, которое может представлять собою лишь решение, принятое Одной из сторон и которое, следовательно, для другой стороны является только волею постороннею, частною, доведенною в этом случае до несправедливости и подверженной заблуждениям. Поэтому, подобно тому, как частная воля не может представлять волю общую, так и общая воля в свою очередь изменяет свою природу, если она направлена к частной

цели, и не может, как общая, выносить решение ни в отношении какого-нибудь человека, ни в отношении какого-нибудь факта.

Когда народ Афин, например, нарицал или смещал своих правителей, воздавал почести одному, налагал наказания на другого и посредством множества частных декретов осуществлял все без исключения действия Правительства, народ не имел уже тогда общей воли в собственном смысле этих слов. [...]

Исходя из этого, надо признать, что волю делает общею не столько число голосов, сколько общий интерес, объединяющий голосующих, нею при такого рода устройении каждый по необходимости подчиняется условиям, которые он делает обязательными для других: тут замечательно согласуются выгода и справедливость, что придает решениям по делам, касающимся всех, черты равенства, которое тотчас же исчезает при разбирательстве любого частного дела в виду отсутствия здесь того

общего интереса, который объединял и отождествлял бы правила судьи с правилами тяжущейся стороны.

С какой бы стороны мы ни восходили к основному принципу, мы всегда придем к одному и тому же заключению, именно:

общественное соглашение устанавливает между гражданами такого рода равенство, при котором все они принимают на себя обязательства на одних и тех же условиях и все должны пользоваться одинаковыми правами. Таким образом, по самой природе этого соглашения, всякий акт суверенитета, т.е. всякий подлинный акт общей воли, налагает обязательства на всех граждан или дает преимущества всем в равной мере; так что суверен знает лишь Nation как целое и не различает ни одного из тех, кто ее составляет. Что же, собственно, такое акт суверенитета? Это не соглашение высшего с низшим, но соглашение Целого с каждым из его членов; соглашение законное, ибо оно имеет основой Общественный договор; справедливое, ибо оно общее для всех; полезное, так как оно не может иметь иной цели, кроме общего блага; и прочное, так как поручителем за него выступает вся сила общества и высшая власть. До тех пор пока подданные подчиняются только такого рода соглашениям, они не подчиняются никому, кроме своей собственной воли; и спрашивать, каковы пределы прав соответственно суверена и граждан, это значит спрашивать, до какого предела простираются обязательства, которые эти последние могут брать по отношению к самим себе — каждый в отношении всех и все в отношении каждого из них.

Из этого следует, что верховная власть, какой бы неограниченной, священной, неприкосновенной она ни была, не переступает и не может переступить границ общих соглашений и что каждый человек может всецело распоряжаться тем, что ему эти соглашения предоставили из его имущества и его свободы; так что суверен никак не вправе наложить на одного из подданных большее бремя, чем на другого. Ибо тогда спор между ними приобретает частный характер и поэтому власть суверена здесь более не компетентна.

Раз мы допустили эти различия, в высшей степени неверно было бы утверждать, что Общественный договор требует в действительности от частных лиц отказа от чего-либо; положение последних в результате действия этого договора становится на деле более предпочтительным, чем то, в котором они находились ранее, так как они не отчуждают что-либо, но совершают лишь выгодный для них обмен образа жизни неопределенного и подверженного случайностям на другой — лучший и более надежный; естественной независимости — на свободу; возможности вредить другим — на собственную безопасность; и своей силы,

которую другие могли бы превзойти, — на право, которое объединение в обществе делает неодолимым. Сама их жизнь, которую они доверили Государству, постоянно им защищается, и если они рискуют ею во имя его защиты, то разве делают они этим что-либо иное, как не отдают ему то, что от него получили? Что же они делают такого, чего не делали еще чаще и притом с большей опасностью, в естественном состоянии, если, вступая в неизбежные схватки, будут защищать с опасностью для своей жизни то, что служит им для ее сохранения? Верно, что все должны сражаться, если это необходимо, за отечество, но зато никто не должен Никогда сражаться за самого себя. И разве мы не выигрываем, подверглись ради того, что обеспечивает нам безопасность, части того риска, которому нам обязательно пришлось бы подвергнуться ради нас самих, как только мы лишились бы этой безопасности?

Г л а в а VI

О законе

Общественным соглашением мы дали Политическому организму Существование и жизнь; сейчас речь идет о том, чтобы при помощи законодательства сообщить ему движение и наделить волей. Ибо первоначальный акт, посредством которого этот организм образуется и становится единым, не определяет еще ничего из того, что он должен делать, чтобы себя сохранить. [...] Несомненно, существует всеобщая справедливость, исходящая лишь от разума, но эта справедливость, чтобы быть принятой нами, должна быть взаимной. Если рассматривать вещи с человеческой точки зрения, то при отсутствии естественной

санкции законы справедливости бессильны между людьми; они приносят благо лишь бесчестному и несчастье — праведному, если этот последний соблюдает их в отношениях со всеми, а никто не соблюдает их в своих отношениях с ним. Необходимы, следовательно, соглашения и законы, чтобы объединить права и обязанности и вернуть справедливость к ее предмету. В естественном состоянии, где все общее, я ничем не обязан тем, кому я ничего не обещал; я признаю чужим лишь то, что мне не нужно. Совсем не так в гражданском состоянии, где все права определены Законом. [...]

Я уже сказал, что общая воля не может высказаться по поводу предмета частного. В самом деле, этот частный предмет находится либо в Государстве, либо вне его. Если он вне Государства, то посторонняя ему воля вовсе не является общей по отношению к нему; а если этот предмет находится в Государстве, то он составляет часть Государства: тогда между целым и частью устанавливается такое отношение, которое пре-

ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

вращает их в два отдельных существа; одно — это часть, а целое без части — другое. Но целое минус часть вовсе не есть целое; и пока такое отношение существует, нет более целого, а есть две неравные части; из чего следует, что воля одной из них вовсе не является общею по отношению к другой.

Но когда весь народ выносит решение, касающееся всего народа, он рассматривает лишь самого себя, и если тогда образуется отношение, то это — отношение целого предмета, рассматриваемого с одной точки зрения, к целому же предмету, рассматриваемому с другой точки зрения, — без какого-либо разделения этого целого. Тогда сущность того, о чем выносятся решение, имеет общий характер так же, как и воля, выносящая это решение. Этот именно акт я и называю Законом.

Когда я говорю, что предмет законов всегда имеет общий характер, я разумею под этим, что Закон рассматривает подданных как целое, а действия — как отвлеченные, но никогда не рассматривает человека как индивидуум или отдельный поступок. Таким образом. Закон вполне может установить, что будут существовать привилегии, но он не может предоставить таковые никакому определенному лицу; Закон может создать несколько классов граждан, может даже установить те качества, которые дадут право принадлежать к каждому из этих классов; но он не может конкретно указать, что такие-то и такие-то лица будут включены в тот или иной из этих классов; он может установить королевское Правление и сделать корону наследственной; но он не может ни избирать короля, ни провозглашать какую-либо семью царствующей, — словом,

всякое действие, объект которого носит индивидуальный характер, не относится к законодательной власти.

Уяснив себе это, мы сразу же поймем, что теперь излишне спрашивать о том, кому надлежит создавать законы, ибо они суть акты общей воли; и о том, стоит ли государь выше законов, ибо он член Государства; и о том, может ли Закон быть несправедливым, ибо никто не бывает несправедлив по отношению к самому себе; и о том, как можно быть свободным и подчиняться законам, ибо они суть лишь записи изъявлений нашей воли.

И еще из этого видно, что раз в Законе должны сочетаться всеобщий характер воли и таковой же ее предмета, то все распоряжения, которые самовластно делает какой-либо частный человек, кем бы он ни был, никоим образом законами не являются. Даже то, что приказывает суверен по частному поводу, — это тоже не закон, а декрет, и не акт суверенитета, а акт регистратуры. □...□

Законы, собственно, — это лишь условия гражданской ассоциации. Народ, повинующийся законам, должен быть их творцом: лишь тем, кто вступает в ассоциацию, положено определять условия общежития. Но Как они их определяют? Сделают это с общего согласия, следуя внезапному вдохновению? Есть ли у Политического организма орган для выражения его воли? Кто сообщит ему предусмотрительность, необходимую, чтобы проявления его воли превратить в акты и заранее их обнародовать? Как иначе провозгласит он их в нужный момент? Как может слепая толпа, которая часто не знает, чего она хочет, ибо она редко знает, что ей на пользу, сама совершить столь великое и столь трудное дело, как создание системы законов? Сам по себе народ всегда хочет блага, но сам он не всегда видит, в чем оно. Общая воля всегда направлена верно и прямо, но решение, которое ею руководит, не всегда бывает просвещенным. Ей следует показать вещи такими, какие они есть, иногда — такими, какими они должны ей представляться; надо показать ей тот верный путь, который она ищет; оградить от сводящей ее с того пути воли частных лиц; раскрыть перед ней связь стран и эпох; уравновесить привлекательность близких и ощутимых выгод опасностью отдаленных и скрытых бед. Частные лица видят благо, которое отвергают; народ хочет блага, но не ведает, в чем оно. Все в равной мере нуждаются в поводырях. Надо обязать первых согласовать свою волю с их разумом; надо научить второй знать то, чего он хочет. Тогда результатом просвещения народа явится союз разума и воли в Общественном организме; отсюда возникнет точное

взаимодействие частей и, в завершение всего, наибольшая сила целого. Вот что порождает нужду в Законодателе.

Книга III

Глава I

О правительстве вообще

Я предупреждаю читателя, что эту главу должно читать не торопясь, со вниманием и что я не владею искусством быть ясным для того, кто не хочет быть внимательным.

Всякое свободное действие имеет две причины, которые сообща его производят: одна из них — моральная, именно: воля, определяющая акт, другая — физическая, именно: сила, его исполняющая. Когда я иду по направлению к какому-нибудь предмету, то нужно, во-первых, чтобы я хотел туда пойти, во-вторых, чтобы ноги мои меня туда доставили. Пусть паралитик захочет бежать, пусть не захочет того человек

проворный — оба они останутся на месте. У Политического организма — те же движители; в нем также различают силу и волю: эту последнюю — под названием *законодательной власти*, первую — под названием *власти исполнительной*. Ничто в нем не делается или не должно делаться без их участия.

Мы видели, что законодательная власть принадлежит народу и может принадлежать только ему. Легко можно увидеть, исходя из принципов, установленных выше, что исполнительная власть, напротив, не может принадлежать всей массе народа как законодательнице или суверену, так как эта власть выражается лишь в актах частного характера, которые вообще не относятся к области Закона, ни, следовательно, к компетенции суверена, все акты которого только и могут быть, что законами. [...]

Итак, чем менее сходны изъявления воли отдельных лиц и общая воля, т.е. нравы и законы, тем более должна возрастать сила сдерживающая. Следовательно, Правительство, чтобы отвечать своему назначению, должно быть относительно сильнее, когда народ более многочислен.

С другой стороны, поскольку увеличение Государства представляет блюстителям публичной власти больше соблазнов и средств злоупотреблять своей властью, то тем большею силою должно обладать Правительство, чтобы сдерживать народ, тем больше силы должен иметь в свою очередь и суверен, чтобы сдерживать Правительство. Я говорю здесь не о силе

абсолютной, но об относительной силе разных частей
Государства.

Из этого двойного отношения следует, что непрерывная пропорция между сувереном, государем и народом не есть вовсе произвольное представление, но необходимое следствие, вытекающее из самой природы Политического организма. Из этого следует еще, что, поскольку один из крайних членов, а именно, народ, как подданный, неизменен и представлен в виде единицы, то всякий раз, как удвоенное отношение увеличивается или уменьшается, простое отношение увеличивается или уменьшается подобным же образом, и что, следовательно, средний член изменяется. Это показывает, что не может быть такого устройства Управления, которое было бы единственным и безотносительно лучшим, но что может существовать столько видов Правления, различных по своей природе, сколько есть Государств, различных по величине.

Для того чтобы выставить эту систему в смешном виде, скажут, пожалуй, что, по-моему, дабы найти это среднее пропорциональное и образовать Организм правительственный, нужно лишь извлечь квадратный корень из численности народа; я отвечаю, что беру здесь это число

только для примера; что отношения, о которых я говорю, измеряются не только числом людей, но вообще количеством действия, складывающимся из множества причин; во всяком случае, если для того, чтобы высказать свою мысль покороче, я временно и прибегну к геометрическим понятиям, то я прекрасно знаю, что точность, свойственная геометрии, никак не может иметь места в приложении к величинам из обмети отношений между людьми.

Правительство есть в малом то, что представляет собой заключающий его Политический организм — в большом. Это — условная личность, наделенная известными способностями, активная как суверен, пассивная как Государство; в Правительстве можно выделить некоторое другие сходные отношения, откуда возникает, следовательно, новая пропорция; в этой — еще одна, в зависимости от порядка ступеней власти, и так до тех пор, пока мы не достигнем среднего неделимого члена, т.е. единственного главы или высшего магистрата, который можно представить себе находящимся в середине этой прогрессии, как единицу между рядом дробей и рядом целых чисел.

Чтобы не запутаться в этом обилии членов, удовольствуемся тем, что будем рассматривать Правительство как новый организм в Государстве, отличный от народа и от суверена и посредствующий между тем и другим.

Между этими двумя организмами есть то существенное различие, что Государство существует само по себе, а Правительство — только благодаря суверену. Таким образом, господствующая воля

государя является или должна быть общей волей или законом; его сила — лишь сконцентрированная в нем сила всего народа. Как только он пожелает осуществить какой-нибудь акт самовластный и произвольный, связь всего Целого начинает ослабевать. Если бы, наконец, случилось, что государь возымел свою личную волю, более деятельную, чем воля суверена, и если бы он, чтобы следовать этой воле, использовал публичную силу, находящуюся в его руках, таким образом, что оказалось бы, так сказать, два суверена — один по праву, а другой фактически, то сразу же исчезло бы единство общества и Политический организм распался бы.

Между тем, для того, чтобы Правительственный организм получил собственное существование, жил действительной жизнью, отличающей его от организма Государства, чтобы все его члены могли действовать согласно и в соответствии с той целью, для которой он был учрежден, он должен обладать отдельным я, чувствительностью, общей его членам, силой, собственной волей, направленной к его сохранению. Это отдельное существование предполагает Ассамблеи, Советы, право

обсуждать дела и принимать решения, всякого рода права, звания, привилегии, принадлежащие исключительно государю и делающие положение магистрата тем почетнее, чем оно тягостнее. Трудности заключаются в способе дать в целом такое устройство этому подчиненному целому, чтобы оно не повредило общему устройству, укрепляя свое собственное; чтобы оно всегда отличало свою особую силу, предназначенную для собственного сохранения, от силы публичной, предназначенной для сохранения Государства; чтобы, одним словом, оно всегда было готово жертвовать Правительством для народа, а не народом для Правительства.

Впрочем, хотя искусственный организм Правительства есть творение другого искусственного организма и хотя оно обладает, в некотором роде, лишь жизнью заимствованною и подчиненною, это не мешает ему действовать с большею или меньшею силою или быстротою, пользоваться, так сказать, более или менее крепким здоровьем. Наконец, не удаляясь прямо от цели, для которой он был установлен, он может отклоняться от нее в большей или меньшей мере в зависимости от того способа, коим он образован.

Из всех этих различий и возникают те соотношения, которые должны иметь место между Правительством и Государством, сообразно случайным и частным отношениям, которые видоизменяют само это Государство. Ибо часто Правительство, наилучшее само по себе, станет самым порочным, если эти

отношения не изменятся сообразно недостаткам Политического организма, которому они принадлежат.

Г л а в а IX

О признаках хорошего правления

Когда, стало быть, спрашивают в общей форме, которое из Правлений наилучшее, то задают вопрос неразрешимый, ибо сие есть вопрос неопределенный, или, если угодно, он имеет столько же верных решений, сколько есть возможных комбинаций в абсолютных и относительных положениях народов.

Но если бы спросили, по какому признаку можно узнать, хорошо или дурно управляется данный народ, то это было бы другое дело, и такой вопрос действительно может быть разрешен.

Однако его вовсе не разрешают, потому что каждый хочет сделать это на свой лад. Подданные превозносят покой в обществе, граждане — свободу частных лиц; один предпочитает безопасность владений, а другой — безопасность личности; один считает, что наилучшее Правление должно быть самым суровым, другой утверждает, что таким

может быть только самое мягкое; этот хочет, чтобы преступления карались, а тот — чтобы они предупреждались; один считает, что хорошо держать соседей в страхе, другой предпочитает оставаться им неизвестным; один доволен, когда деньги обращаются, другой требует, чтобы и народ имел хлеб. Даже если бы мы и пришли к соглашению в этих и в других подобных пунктах, то разве подвинулись бы далеко? Раз нет точной меры для духовных свойств, то, даже и придя к соглашению относительно признаков, — как этого достичь в оценке? Что до меня, то я всегда удивляюсь тому, что не обращают внимания ил следующий столь простой признак или по недобросовестности не хотят его признавать. Какова цель политической ассоциации? Бережение и благоденствие ее членов. А каков наиболее верный признак, что они убережены и благоденствуют? Это их численность и ее рост. Не ищите же окрест сей признак — предмет столь многих споров. При прочих равных условиях такое Правление, когда без сторонних средств, без предоставления права гражданства, без колоний граждане плодятся и множатся, есть, несомненно, лучшее. Правление, при котором народ уменьшается в числе и оскудевает, есть худшее. [...]

Печатается по: *Руссо Ж.Ж.* Трактаты. М., 1969. С. 151, 164, 165, 167, 171—174, 176—178, 191—195, 213.

А. де ТОКВИЛЬ

Демократия в Америке

Книга вторая

Часть четвертая

**О ТОМ ВЛИЯНИИ, КОТОРОЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ
ИДЕИ И ЧУВСТВА ОКАЗЫВАЮТ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО**

Глава I

**Равенство вызывает в гражданах естественную склонность
к свободным институтам**

Равенство, делающее людей независимыми друг от друга, выработывает в них привычку и склонность руководствоваться в частной жизни лишь собственными желаниями и волей. Та полная независимость, которой они постоянно пользуются как в отношениях с равными себе, так и в личной жизни, вызывает в них недовольство любой влас-

тью и вскоре формирует у них понятие политической свободы и приверженность ей. Люди, живущие в такое время, следовательно, самым естественным образом предрасположены к восприятию идеи свободных институтов. Возьмите любого из них, и, если вы сможете добраться до инстинктивных чувств, вы обнаружите, что из разных форм правления он более всего признает и уважает то, главу которого он избрал сам и действия которого находятся под его контролем.

Из всех политических последствий, порождаемых социальным равенством, именно это стремление к независимости прежде всего бросается в глаза, устрашая малодушных, и не без оснований, ибо в демократиях анархия обретает более ужасные качества, чем в любом другом обществе. Ведь если граждане лишены возможности воздействовать друг на друга, то в случаях, когда сдерживающая их государственная власть ослабляется, быстро наступает политический хаос и, поскольку каждый отдельный гражданин предпочитает держаться от всего в стороне, здание социального устройства мгновенно рассыпается в прах.

Тем не менее я убежден, что анархия — это не основное, а наименьшее из зол, которых нужно опасаться в век демократии. На самом деле равенство порождает две тенденции: первая ведет людей к независимости и может внезапно подтолкнуть их к анархии; вторая тенденция проявляется не столь быстро и не столь наглядно, но она значительно более целенаправленно ведет людей к закреплению.

Люди быстро распознают первую тенденцию и всячески ей противодействуют, позволяя, однако, увлечь себя в другом направлении, поскольку не видят его опасности. Поэтому о нем необходимо поговорить более подробно.

Ни в коей мере я не порицаю равенство за то, что оно порождает непокорность; как раз за это я его и хвалю. Меня охватывает восхищение, когда я вижу, как оно формирует в умах и сердцах людей некое смутное представление о политической независимости и инстинктивное стремление к ней, вырабатывая, таким образом, лекарство от болезни, им же порождаемой. Именно этим привлекает меня равенство.

Г л а в а И

О том, что представления граждан об управлении в демократических обществах естественным образом способствуют концентрации власти

Идея промежуточных институтов власти, находящихся между монархом и его подданными, представлялась вполне естественной в аристократическом обществе, где эта власть оказывалась в руках отдельных

лиц или семейств, которые в силу своего происхождения, образования и богатства не имели себе равных и были как бы призваны управлять другими. В век равенства эта идея, естественно, отсутствует в умах людей по причинам обратного свойства; внедрить ее в сознание можно лишь искусственно и удерживать в нем — лишь с большим трудом. Вместе с тем граждане, практически не раздумывая, принимают идею единой и централизованной власти, которая сама управляет ими.

Впрочем, в политике, так же как в философии и религии, демократический народ с радостью воспринимает простые и общие идеи. Сложные концепции не воспринимаются разумом, и людям нравится чувствовать себя великой нацией, все граждане которой соответствуют одной модели и управляемы единой властью.

Вслед за идеей единой и централизованной власти в эпоху равенства в умах людей почти произвольно зарождается идея единого законодательства. Поскольку каждый человек мало чем отличается от своих соседей, он не понимает, почему закон, применимый к одному из них, не может быть распространен на всех остальных. Самые незначительные привилегии вызывают у него отвращение. Малейшие различия в политических институтах одного и того общества порождают недовольство его граждан. Поэтому единообразие законов представляется людям важнейшим условием хорошего правления.

Я уверен, что то же понятие единого закона, равным образом распространенного на все социальные группы, было чуждо

человеческому сознанию в века аристократии. В то время оно не могло прийти к этой идее или же отвергало ее.

Эти противоположные устремления разума в конце концов превращаются в такие слепые инстинкты и столь прочные привычки, что они начинают руководить поступками людей вне зависимости от особенностей личности. Несмотря на бесконечное разнообразие средневековой жизни, и тогда встречались совершенно похожие индивидуумы, однако это не мешало законодателю наделять каждого из них различными обязанностями и разными правами. И напротив, в наше время правительства изнуряют себя в попытках навязать одни и те же обычаи и законы группам населения, которые еще имеют между собой мало общего.

По мере уравнивания у того или иного народа условий существования отдельные индивидуумы мельчают, в то время как общество в целом представляется более великим, или, точнее, каждый гражданин,

став похожим на всех других, теряется в толпе, и тогда перед нами возникает великолепный в своем единстве образ самого народа.

Все это, естественно, порождает у людей эпохи демократии очень высокие представления об общественных прерогативах и чрезмерно скромное — о правах личности. Они легко соглашаются с тем, что выгода первого из них — это все, а интересы личности — ничто. Они охотно мирятся с тем, что власть, олицетворяющая собой все общество, несет в себе больше мудрости и знания, чем любой из людей, составляющих это общество, и что вести каждого гражданина за руку есть не только право, но и обязанность власти.

Если бы мы захотели лучше изучить наших современников и добраться до истоков их политических воззрений, мы увидели бы там многие из тех идей, которые я только что воспроизвел, и, вероятно, удивились бы, обнаружив так много общего у народов, столь часто воевавших между собой.

Американцы полагают, что в каждом штате верховная власть должна устанавливаться самим народом. Однако, как только органы власти сформированы, американцы не помышляют их в чем-либо ограничивать, охотно соглашаясь с тем, что власть имеет право делать все.

Американцы не могут себе представить, чтобы отдельные города, семьи либо отдельные граждане пользовались особыми привилегиями. Они твердо убеждены в том, что любой закон

должен одинаково применяться в разных частях одного и того же штата по отношению ко всем гражданам, живущим в нем.

Эти взгляды все шире и шире распространяются сейчас и в Европе, проникая даже в сознание тех наций, которые наиболее яростно отвергают догмат народовластия. Эти нации исповедуют иные убеждения относительно природы власти, чем американцы, однако они рассматривают ее под тем же углом зрения: у тех и у других стирается и исчезает представление о необходимости промежуточной власти. Из сознания людей быстро выветривается идея права как неотъемлемой принадлежности лишь ограниченного круга индивидуумов, ее место занимают представления о всемогущем и едином для всего общества законе. Эти представления укореняются и усиливаются в сознании по мере того, как люди уравниваются в своих правах и условиях существования. Идеи эти порождаются равенством и в свою очередь ускоряют процесс установления равенства.

Во Франции, где данные революционные преобразования носили более решительный характер, чем в любой другой европейской стра-

не, эти воззрения полностью овладели сознанием граждан. Если внимательно прислушаться к тому, что говорят лидеры наших различных партий, мы убедимся, что нет никого, кто не разделял бы этих воззрений. Большинство считает, что правительство действует неудовлетворительно, но все сходятся во мнении, что оно должно действовать еще активнее и все брать в свои руки. Даже те, кто ведет между собой настоящую войну, по этому вопросу придерживаются единых взглядов. Централизация, вездесущность, всемогущество общественной власти, единообразие ее законов — вот наиболее характерные черты всех зарождающихся сегодня политических систем. Эти черты мы обнаруживаем в основе самых причудливых утопий. Они преследуют человека в его мечтах.

Если подобные представления произвольно возникают в умах простых смертных, они тем более легко овладевают сознанием сильных мира сего.

В то время как старое общественное устройство Европы приходит в упадок и разваливается, монархи приходят к новым убеждениям относительно своей власти и своих обязанностей. Они наконец-то поняли, что центральная власть, которую они воплощают, может и должна лично в соответствии с единым планом управлять всеми делами и всеми гражданами в государстве. Эти воззрения, которые, смею утверждать, никогда ранее не разделялись монархами Европы, сегодня все глубже

проникают в их сознание и не желают уступать место иным концепциям.

Таким образом, сегодня люди менее разделены, чем это можно было бы себе представить; они постоянно спорят друг с другом по вопросу о том, в чьи руки будет передана верховная власть, но легко подчиняются правам и обязанностям этой власти над собой. Все воспринимают правительство как олицетворение единой и естественной власти, которая все предвидит и все может.

Любые другие политические идеи кажутся второстепенными и преходящими, и лишь эта остается незыблемой, нерушимой, ни с чем не сравнимой истиной. Публицисты и государственные деятели безоговорочно ее принимают, толпа с жадностью хватается за нее; управляемые и власть имущие с одинаковым жаром следуют ей; она вездесуща, кажется, что она существовала всегда.

Следовательно, эта идея предстает не случайным порождением человеческого разума, а выступает естественной предпосылкой современного состояния человеческого общества.

Г л а в а Ш

О том, что чувства людей в демократических обществах соответствуют их идеям о концентрации власти

Если в эпоху равенства люди легко воспринимают идею сильной центральной власти, то лишь потому, что признавать и поддерживать эту власть людей заставляют их обычаи и чувства.

Постараюсь пояснить это несколькими словами, так как основные соображения на этот счет уже были высказаны ранее.

Люди, живущие в демократическом обществе и не видящие вокруг ни начальников, ни подчиненных, лишены привычных и обязательных социальных связей, охотно замыкаются в себе и полагают себя свободными от общества. Мне уже пришлось довольно много рассуждать на эту тему, когда речь шла об индивидуализме. Люди почти всегда с трудом отрывают себя от личных дел, чтобы заняться делами общественными, поэтому естественно их стремление переложить эти заботы на того единственного очевидного и постоянного выразителя коллективных интересов, каким является государство.

Они не просто теряют вкус к общественной деятельности, но часто у них просто не хватает на нее времени. В

демократическом обществе частная жизнь принимает столь активные формы, становится столь беспокойной, заполненной желанием и работой, что на политическую жизнь у человека не остается ни сил, ни досуга.

Мне бы не хотелось думать, что упадок интереса к общественной деятельности непреодолим; борьба с ним и является главной целью моей книги. Просто я утверждаю, что сегодня эта апатия

неустанно заполняет души под воздействием каких-то таинственных сил и, если ее не остановить, она охватит людей полностью.

У меня уже была возможность показать, что крепнущая тяга людей к благосостоянию и неустойчивый характер собственности заставляют демократические народы опасаться социальных неурядиц. Склонность к стабильности общественной жизни становится у них единственной политической страстью, возрастающей по мере отмирания других политических устремлений; это естественным образом располагает граждан к тому, чтобы постоянно передавать центральной власти все новые и новые права, ибо они считают, что только она одна, предохраняя самое себя, заинтересована и располагает необходимыми возможностями защитить их от анархии. Поскольку в эпоху равенства никто не обязан рассчитывать на значительную поддержку со стороны, каждый индивидуум является одновременно и независимым, и беззащитным.

Эти два состояния, которые не следует ни смешивать, ни разделять, вырабатывают у человека демократического общества весьма двойственные инстинкты. Независимость придает ему уверенность и чувство собственного достоинства среди равных, а бессилие дает ему время от времени почувствовать необходимость посторонней поддержки, которую ему не от кого ждать, поскольку все, окружающие его, одинаково слабы и равнодушны. В своем отчаянии он невольно устремляет взоры к той громаде, которая в одиночестве возвышается посреди всеобщего упадка. Именно к ней обращается он постоянно со своими нуждами и чаяниями, именно ее он в конце концов начинает воспринимать как единственную опору, необходимую ему в собственном бессилии¹.

Все это позволяет нам понять, что нередко происходит в демократических обществах, где люди, столь болезненно относящиеся к любым начальникам, спокойно воспринимают власть хозяина и могут быть одновременно и гордыми, и рабски угодливыми.

Ненависть людей к привилегиям возрастает по мере того, как сами привилегии становятся более редкими и менее значительными. Можно сказать, что костер демократических страстей разгорается как раз тогда, когда для него остается все меньше горючего материала. Я уже указывал на причины этого феномена. Неравенство не кажется столь вопиющим, когда условия человеческого существования различны; при

¹ В демократическом обществе лишь центральная власть занимает прочное положение и последовательна в своих действиях. Жизнь граждан подвержена там постоянным изменениям. Известно, однако, что любая власть естественным образом стремится к расширению сферы своего влияния. И в конечном итоге она этого добивается, неустанно и целенаправленно воздействуя на людей, чьи мысли, желания и общественное положение каждодневно меняются.

Часто граждане работают на эту власть, сами того не желая. Эпоха демократии — эпоха экспериментов, новых идей и авантур. В это время найдется множество людей, втянутых в трудные начинания, которыми они занимаются, не обращая внимания на других членов общества. Люди эти легко соглашаются с общим принципом невмешательства властей в частные дела, однако каждый из них желал бы, чтобы правительство, в виде исключения, именно ему оказало помощь в его конкретном деле, и он активно ищет этой поддержки, всегда за счет интересов других граждан. Поскольку огромное множество людей одновременно придерживаются этой точки зрения, влияние центральной власти мало-помалу распространяется на все сферы их жизни, хотя каждый в отдельности желал бы ограничения этого влияния. Таким образом, любое демократическое правительство расширяет круг своих прерогатив самим фактом длительного пребывания у власти. Время работает на него; из всех несчастий оно извлекает выгоду, находясь в плену своих страстей, люди помогают ему, даже не догадываясь об этом. Поэтому можно сказать, что, чем старше демократическое общество, тем более централизовано в нем управление.

всеобщем единообразии любое отклонение от него уже вызывает протест тем больший, чем выше степень этого единообразия.

Поэтому вполне нормально, что стремление к равенству усиливается с утверждением самого равенства: удовлетворяя его требования, люди развивают его.

Постоянная и всевозрастающая ненависть, которую испытывают демократические народы к малейшим привилегиям, странным образом способствует постепенной концентрации всех политических прав в руках того, кто выступает единственным правителем государства. Государь, возвышающийся обязательно и безусловно над всеми гражданами, не вызывает ничьей зависти, при этом каждый еще считает своим долгом отобрать у себе подобных все прерогативы и передать их ему.

Человек времен демократии с крайним отвращением подчиняется своему соседу, которого считает равным себе; он отказывается признавать его более просвещенным, чем он сам; он не верит в его справедливость и ревниво относится к его власти; он его опасается и презирает; ему нравится постоянно напоминать своему соседу об их общей подчиненности одному и тому же хозяину.

Любая центральная власть, следуя этим естественным инстинктам, проявляет склонность к равенству и поощряет его, поскольку равенство в значительной мере облегчает действия самой этой власти, расширяет и укрепляет ее.

Можно также утверждать, что любое центральное правительство обожает единообразие. Единообразие избавляет его от необходимости издавать бесконечное количество законов: вместо

того, чтобы создавать законы дня всех людей, правительство подгоняет всех людей без разбора под единый закон. Таким образом, правительство любит то же, что любят граждане, и ненавидит то же самое, что и они. Это единство чувств, которое у демократических народов выражается в сходстве помыслов каждого индивидуума и правителя, устанавливает между ними скрытую, но постоянную симпатию. Правительству за присущие ему склонности прощают его ошибки; доверия народа оно лишается лишь в периоды эксцессов и заблуждений, однако это доверие быстро восстанавливается при очередном обращении к народу. Граждане в демократическом обществе часто испытывают ненависть к конкретным представителям центральной власти, но они всегда любят саму эту власть. [...]

Печатается по: *Токвиль А. де. Демократия в Америке.* М., 1992. С. 481—485.

Глава 3. РУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ XIX —
НАЧАЛА XX в. 175

Глава 3

РУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ XIX — НАЧАЛА XX в.

М.М. СПЕРАНСКИЙ

1802 г. Размышления о государственном устройстве Империи

Представляя Вашему Величеству продолжение известных Вам бумаг о составе Уложения, долгом правды и личной моей к Вам приверженности считаю подвергнуть усмотрению Вашему следующие размышления мои о способах, коими подобные сему предположения, есть ли они приняты будут вашим величеством, могут приведены быть в действие.

История России от времен Петра Первого представляет непрерывное почти колебание правительства от одного плана к другому. Сие непостоянство, или, лучше сказать, недостаток

твердых начал, был причиною, что доселе образ нашего правления не имеет никакого определенного вида и многие учреждения, в самих себе превосходные, почти столь же скоро разрушались, как и возникали.

При издании самых благоразумных и спасительных законов вопрос, на чем они основаны и что может удостоверить их действие, сей вопрос оставался всегда неразрешенным, и в сердце народа умерщвлял всю силу их и доверенность.

Сему иначе и быть невозможно. Во всяком государстве, коего политическое положение определяется единым характером государя, закон никогда не будет иметь силы, народ будет все то, чем власть предержащая быть ему повелит. [...]

Наконец, явится благотворительный гений с самыми счастливейшими расположениями разума и воли, какие небо для блаженства народа вдохнуть смертному может. Он придет в такую эпоху, когда народ, с одной стороны, рассыпав облако предубеждений, увидит, сколь нетвердо политическое его бытие, и сколь тщетно иметь права на словах, не имея их на деле; с другой стороны, ужасы смежных преобращений, устранив самых дерзновеннейших, научат по окончанию их различать истинную свободу от ложной; докажут и кровавыми чертами на сердцах всех изобразят, что свобода не что другое есть, как закон, равно на всех действующий и все объемлющий; что метафизические понятия о правах человека ведут только к безначалию, злу, стократно горшему, нежели

самое жестокое самовластие; наконец, он придет в такую эпоху, когда народ почувствует нужду лучшего устройства, но в то же время будет знать и пределы перемен. Россия узрит в нем своего ангела-хранителя. Любовь к нему будет одно и то же с любовью к отечеству. Самые холодные эгоисты будут притворяться, что к нему привязаны, для того только, чтоб не считали их извергами общества; дерзкая и мелкая предприимчивость будет пресмыкаться во мраке и имя ее будет неизвестно. Он придет в такую эпоху, когда народ, с одной стороны, приученный крутостью к повиновению и облежимый воинскими и политическими силами, а с другой — плененный образом его мыслей, убежденный в добрых намерениях своего гения, жаждущий быть счастливым и верующий в душе своей, что он на сей раз уже обманут не будет, ожидает только мановения его, чтоб двинуться, куда он повелит; он придет в такие лета, когда предрассудки политические, когда болезни и страсти не помрачили еще его разума, когда медлительная и робкая старость не поколебала еще его воли, когда, одетый всем могуществом физической и моральной природы, он тем сильнее может устремить взор свой к совершенству, что может обещать себе видеть конец и совершение великих своих дел, слышать сердечные благословения миллионов, им осчастливленных, чувствовать Россию устроенную, упокоенную, превознесенную, и имя его, составляющее в летописях мира эпоху великого царства. В какое время, в каких обстоятельствах, с какими счастливыми расположениями он придет! Какое поле славы для него откроется! Но и какие трудности его ожидают! Он найдет

множество добрых начинаний, испровергнутых или упавших прежде, нежели успели они утвердиться. Он будет искать плана, коему доселе следовали в правлении, и не найдет его, ибо план сей переменялся с образом мыслей тех, кои управляли Он призовет к себе из мрака уединения людей, кои некогда управляли государственными делами, но в людях сих найдет он, по большей части, застарелые предрассудки, механический разум примеров, а не разум собственного размышления, недостаток сердечной теплоты к общему благу, личные виды, дух партий и дух властолюбия. И как разум посредственный никогда не умеет оценить разума превосходного, то все сии люди почтут себя рожденными учить и наставлять его. Не познав ни пространства его видов, ни возвышения его характера, они будут измерять его собою и, пользуясь единым сравнением лет и опыта, возмечтают давать ему уроки. «Будь государем деспотическим, — одни ему скажут, — Россия так разнообразна, так обширна, така мало просвещенна, что один сей образ правления может быть ей спасителен; оставь

только нас визирями и менее внемли подробностям народного вопля, будь уверен, впрочем, что все будут счастливы». «Будь монархом, — скажут другие, — то есть не вверяй власти своей лицам, но поставь во уважение места, дай им права и преимущества, и подобно лучшим из шейх предшественников, покрыв монархическими именами и формами сильное влияние вельмож, дозволь им управлять под твоим именем неограниченно. Народ будет, конечно, счастлив, когда будешь ты смотреть на него через сию призму. Впрочем, мы приемлем на себя еще раз уверить его, что он управляется не волею твоею, не нашими советами, но единым законом, и хотя закон сей будет сделан без его согласия, хотя всегда будет в твоей власти переменить его, но народ будет в нем уверен и заснет на сем уверении, подобно, как он и прежде спал на нем и доселе был покоен, ежели б не разбудили его неосторожными и крутыми переменами». «Мы боимся всяких новостей, — представят иные. — Россия долго стояла покойно в настоящем ее положении. Все были счастливы, т.е. те, кои имели большие доходы, проживали их в удовольствии, бедные работали, богатые пользовались трудами рук их и за то ими управляли. Все было в порядке и приятной взаимности. Всякая перемена раздвигает мысли народные, по крайней мере, на несколько линий, а размышление всегда народу вредно. Известно, что французская революция произошла от книг». «Здесь все надобно переделать, — возопиют другие. — Это варварская страна, не имеющая и первых начал того благоустроенного образования, которое мы в других государствах видим. Здесь все экономические системы ложны,

установления неправильны, законы ничтожны. Народ в невежестве и страдании. Все требует руки творческой, а не способов исправления. Зло так велико, что и добра из него извлечь невозможно. Надобно вырвать с корнем сей огромный дуб, приносящий только желуди, и на месте его насадить виноград». Кто прав, кто виноват из сих толь разнородных мудрецов? По счастью, самое противоречие их мнений ослабит к ним перу; по счастью, гений доброго разума, неразлучный с духом осторожности, отвергнет от себя и наветы равнодушия, и замашки любоначалия, и пылкость преобразователей; он познает, что первые происходят, может быть, и от добрых намерений, но основаны на ложных началах, привычкою самовластного управления внушенных и в полицейском надзоре полагающих народное благосостояние; что вторые приучились давать народу слова за вещи и в смешении понятий, в уважении мест, из них составленных, искать способов поддержать собственное их возвышение; что третьи боятся перемены потому, что переменить самих

себя находят уже не в силах; что, наконец, последние забывают, что все царства земные идут к совершенству временем и постепенностью, что всякая страна имеет свою физиогномию, природою и веками ей данную, что хотеть все переделать есть не знать человеческой природы, ни свойства привычки, ни местных положений; что часто и самые лучшие преобразования, не быв приспособлены к народному характеру, производят только насилие и сами собою сокрушаются, что, во всяком случае, не народ к правлению, но правление к народу прилагать должно. Он познает все сие и удержит колесо правления в том тихом движении, которое даст ему способы избрать вернее истинную сторону его обращения. Между тем, однако же, время летит. Пройдет год, про идет и другой, он рассыплет в народ тысячи благодеяний, поставит на мере множество справедливых добрых учреждений, ободрит надежды, усладит самые горести, сделает довольно для того, чтоб царство его было счастливо, но мало к тому, чтоб счастье России было непоколебимо. [...]

Но я предполагаю, что судьба твоя и личная любовь к твоим свойствам произведут чудо в деспотическом царстве, что ты найдешь одного, двух, даже трех министров беспристрастных, деятельных, просвещенных, непоколебимых. Ты, конечно, не захочешь, однако, чтоб судьба царства твоего от них единственно зависела. Ты пожелаешь сам управлять народом, тебе вверенным от бога. Но каким образом можешь ты самому себе обещать, что никогда никакое облако человеческой слабости не покроет ясности твоих понятий в сей бесчисленности дел, тебя

окружающих и от твоего решения зависящих? Каким образом ты можешь себе обещать, чтоб в качестве законодателя, верховного судии и исполнителя своих законов все видеть, все знать, всех исправлять, все приводить в движение и никогда не ошибаться? Чтоб быть деспотом справедливым, надобно быть почти богом. Итак, по всей необходимости, должен ты будешь вверить великую часть дел твоих местам, тобою установленным, а чтоб дать сим местам некоторую тень бытия политического, ты оставишь им монархические формы, введенные твоими предшественниками, и действия воли твоей неограниченной назовешь законами империи. Но места сии, быв состав лены из лиц, переменят ли тем существо свое? Завися в самом бытии своем от единого твоего хотения, возвысят ли они правила свои до понятия независимой чести и любви к отечеству? Сокроют ли от себя унижающее их рабство? В силах ли будут отвратить почестями и знаками твоего уважения возвысить их в собственных их глазах, дашь более пространства их власти, покроешь их всем могуществом твоего доверия

но самое сие доверие покажет им, что сила их от тебя единого происходит и, следовательно, тебе единому угождать и служить они обязаны. Не быв никакими пользами соединены с народом, они на угнетении его оснуют свое величие, они будут править всем самовластно, а ими управлять ; будут вельможи, наиболее тобою отличающиеся, и вот для чего, между прочим, вельможи сии столь сильно проповедуют сию систему. Таким образом, монархические виды послужат только покрывалом страстям и корыстолюбию, а существо правления останется неизменным. Угнетение тем будет несноснее, что оно покроется законом. Итак, открытым ли самовластием будет правима Россия или скипетр твой позлатится монархическими призраками, государство в обоих сиих случаях не избегнет своего рока. Ты должен будешь отказаться:

- 1) от всякой мысли о твердости и постоянстве законов, ибо в сем правлении законов быть не может;
- 2) от всех предприятий народного просвещения. Правило сие должно принять столько же из человеколюбия, ибо ничто не может быть несчастнее раба просвещенного, как и из доброй политики, ибо всякое просвещение (я разумею общее народное) вредно сему образу правления и может только произвести смятение и непокоривость;
- 3) от всех предприятий ... народной промышленности: я разумею все фабрики и заведения, на свободных художествах основанные, ибо близко с ними связь имеющие;
- 4) от всякого возвышения в народном характере: ибо раб иметь его не может. Он может быть здоров и крепок в силах телесных,

но никогда » не должен быть способен к великим предприятиям. Есть, конечно, исключения, но они не испровергают правила;

5) от всякого чувствительного возвышения народного богатства, ибо первая основа богатства есть право неотъемлемой собственности, а без законов она быть не может;

6) еще более должно отказаться от улучшения домашнего состояния низшего класса народа. Избытки его всегда будут пожираемы роскошью класса высшего;

7) словом, должно отказаться от всех прочих устройств, не на лице государя владеющего, но на порядке вещей основанных, и царство твое, столь много обещавшее, будет царство обыкновенное, покойное, может быть, блистательное, но для прочного счастья России ничтожное.[...]

Есть ли установление всякого честного заведения требует общего соображения всех видов, в состав его входящих, есть ли известное сословие умов нужным считается к сему соображению, то каким образом установление великого государства, план, на коем бытие его на цел столетия должно быть основано, может возникнуть из частных мыслей, друг друга пересекающих, хотя и от одного начала идущих.

Я не могу без душевного унижения и помыслить, чтоб Российское государство столько было от небес оставлено, чтоб не можно было и нем найти столько просвещенных умов и столько теплых ко благу общему сердец, сколько может быть нужно к составлению такого сословия.

Покрытое непроницаемою тайною, от истинного просвещения всегда почти неразлучною, сословие сие, соединив в одну точку зрения все предметы, к государственному положению относящиеся, из соображения их извлечет полный план, на коем все действие должно быть основано. Иногда план сей зрелым размышлением доведен будет до всего возможного совершенства, оно обратится к средствам, которыми должно производить его в действие.

Средства сии могут быть двойки: одни должны приуготовить только действие, другие непосредственно открывать его.

Есть множество учреждений, совместных даже и с настоящим образом правительства, коих дух мог бы быть обращен на приуготовление к будущему. С другой стороны, в обыкновенном движении дел часто проходят без внимания важные

обстоятельства, будущий порядок вещей весьма затруднить могущие. Чтоб из многих примеров привести одни наиболее ощутительные, я уверен, что самое утверждение дворянской грамоты и городского положения не могло бы иметь места, если бы государственное положение имело свое начертание. [...] Таким-то образом правительство, действуя без плана, не только теряет время и случай к приуготовлению лучшего, но и заграждает себе пути, ставя в подвиге своем самому себе препятствия.

Но когда бы план сей существовал и когда бы известное небольшое сословие людей было поставлено к приведению его в действие, оно не только бы не попускало умножать препятствий к лучшему порядку, но и приуготовляло бы сей порядок предварительными установлениями.

Действием сего сословия разные части правительства, приготавливаясь издалека и постепенно в середине царства самовластного, положили бы основание царства монархического и, развивая сии начала мало-помалу, без крутости, без переломов, нечувствительно и даже для просто-

го глазу неприметно воздвигали бы под завесою настоящего правительства новое здание на столпах разума и законов, и когда бы время приспело сорвать сию завесу, народ спросил бы себя с удовольствием, кто и каким образом перенес его столь нечувствительно из царства тьмы и уничтожения в царство света и свободы?

Учредивши внутренний свой порядок на правилах, кои бы всякое смешение понятий и бесполезные прения удаляли, сословие сие тебе единственному известное и от манования твоего зависящее, могло бы назначить себе следующие предметы.

- I. Соображение всех предположений, в разные время на сделанных, относительно общего государственного положения России.
 - II. Извлечение из сих предположений лучших правил, приведение их и систему и составление коренных законов.
 - III. Постановление сим коренным законом основания твердого и непреложного не во внешних учреждениях, но в силе, или, лучше сказать, в связи и соединении самых ясных польз народа.
 - IV. Изыскание средств, коими сии коренные законы могут быть поставлены на своем основании и введены в действие без всяких политических переломов.
 - V. Постепенное приведение сих средств к исполнению и предостережение всех препятствий, какие им обыкновенное течение дел по настоящей системе противопоставить может.
- Я знаю, государь, что сии пять предметов столь обширны, столь трудны, что каждый из них будет требовать времени и усиленных

размышлений, чтобы привести его в надлежащую ясность, но самая сия трудность доказывает, с одной стороны, что учреждение таковое необходимо, а с другой, что время, протекшее без сего учреждения, потеряно для прочного государства положения.

Есть ли бы Вам угодно было, государь, принять мысли сии основательными, можно бы было представить и подробнейший план таковому сословию.

Я смею ручаться, государь, что из всего, что доселе Вы для счастья России сделали, учреждение сие, может быть наименее блистательное и даже совсем неизвестное, будет самое полезнейшее, ибо все прочее должно или на нем быть основано, или не будет иметь никакого основания. [...]

Печатается по: *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М.;Л., 1961. С. 56—67.

П.И. ПЕСТЕЛЬ***«Русская правда»*****§ 1. Всякое общество имеет свою цель и избирает средства для достижения оной**

Всякое соединение нескольких человек для достижения какой-либо цели называется обществом. Побуждением к сему соединению или целью оного бывает удовлетворение общим нуждам, которые, происходя от общих и одинаковых свойств природы человека, бывают для всех людей одинаковы. Из сего следует, что члены всякого общества могут единодушно согласиться в цели. Но когда они обратятся к действию или средствам, коими цель должна быть достигнута, тогда должны возродиться между ими сильные споры и бесконечные несогласия, потому что избрание средств не столько зависит от общих свойств природы человеческой, сколько от особенного нрава и личных качеств каждого человека в особенности. Нрав и личные качества людей бывают столь различны, что ежели каждый пребудет непреклонен в своем мнении, не внимая мнения других, то никакой не будет возможности избрать средства для достижения предназначенной цели, а тем еще менее устроить оные и к действию приступить. В таком случае ничего не останется делать, как разрушить общество прежде всякого действия. А ежели члены не хотят общества уничтожить, то каждый из них должен уступить часть своего мнения и собственных мыслей, дабы составить только одно мнение, по которому могли бы средства для сего действия быть избраны.

§ 2. Разделение членов общества на повелевающих и повинующихся

Но кто представит такое окончательное мнение, кто изберет средства, кто определит способы, кто расположит действие? Все сии затруднения разрешаются двояким образом. В первом случае нравственное превосходство одного или нескольких членов соглашает все сии различные затруднения и увлекает за собою прочих силою сего превосходства, коему содействуют иногда и другие посторонние обстоятельства. Во втором случае возлагают члены общества на одного или нескольких из них обязанность избирать средства, предоставляя им право распоряжаться общим действием. В том и другом случае разделяются члены общества на повелевающих и повинующихся. Сие разделение неизбежно потому, что происходит от природы человеческой,

а следовательно, везде существует и существовать должно. На естественном сем разделении основано различие в обязанностях и правах тех и других.

§ 3. Разделение государства на правительство и народ

Все здесь сказанное об обществах вообще относится равным образом и до гражданских обществ, которые, будучи устроены и в порядок приведены, получают название государства.

Гражданское общество, как и всякое другое, имеет свою цель и должно избирать средства для достижения оной. Цель состоит в благоденствии всего общества вообще и каждого из членов оною в особенности. В сей цели все согласны. Для достижения оной нужны средства или действия. Действия сии разделяются на общие и частные. Общим действием называется то, которое касается всего общества, а следовательно, и производится от лица всего общества. Частным — то, которое составляет занятия и упражнения каждого члена в особенности. Избрание средств для достижения сказанной цели и действие, сообразное с сим избранием, ведет к разделению членов гражданского общества на повелевающих и повинующихся. Действие от лица всего общества составляет обязанность первых; действие от лица частных членов предоставляется вторым. Когда гражданское общество получает название государства, тогда повелевающие получают название правительства, а повинующиеся — название народа. Из сего явствует, что главные или первоначальные составные части каждого государства суть: правительство и народ.

§ 4. Взаимные отношения правительства и народа

Правительство имеет обязанность распоряжаться общим действием и избирать лучшие средства для доставления в государстве благоденствия всем и каждому. А посему имеет оно право требовать от народа, чтобы он ему повиновался. Народ же имеет обязанность правительству повиноваться; но зато имеет право требовать от правительства, чтобы оно непременно стремилось к общественному и частному благоденствию и только бы то повелевало, что истинно к сей цели ведет и без чего не могла бы она быть достигнута. На сем единственно равновесии взаимных обязанностей и взаимных прав может существование какого бы то ни было государства быть основано, а посему и переходит государство, при потере сего равновесия, из природного и здорового своего положения в состояние насильственное и болезненное. Установление

сего равновесия на твердых основах есть главная цель сея «Русской Правды» и коренная обязанность каждого законодателя.

§ 5. Каждое право основано быть должно на предшествующей обязанности

Об обязанностях было упомянуто здесь прежде, нежели о правах, потому, что право есть одно только последствие обязанности и существовать иначе не может, как основываясь на обязанности, ему предшествовавшей. Первоначальная обязанность человека, которая всем прочим обязанностям служит источником и порождением, состоит в сохранении своего бытия. Кроме естественного разума сие доказывается и словами евангельскими, заключающими весь закон христианский люби бога и люби ближнего, как самого себя, — словами, вмещающими и любовь к самому себе как необходимое условие природы человеческой, закон естественный, следственно, обязанность нашу. От сей обязанности происходит право пользоваться для пищи плодами и прочими произведениями природы. Человек имеет сие последнее право только потому, что он обязан сохранять свое бытие. Точно так и во вся ком случае может право, какое бы оно ни было, только тогда существовать и признаваемо быть действительным, когда оно бывает необходимо для выполнения той обязанности, которая оному праву предшествует и на которой оно опирается или основывается. Право же без предварительной обязанности есть ничто, не значит ничего и признаваемо должно быть одним только насилием или злоупластием.

§ 6. Основное понятие о государственном благоденствии и сопряженных с ним обязанностях

Главное дело в государстве есть по сему понятие об обязанностях, из коих каждая имеет соответствующее ей право. Обязанности в государстве истекают из цели государства. Цель же государственного устройства должна быть — возможное благоденствие всех и каждого. А по сему все, ведущее к благоденствию, есть обязанность. Но поелику понятия о благоденствии бывают весьма различны и разнообразны, то и нужно сему положить некоторые основные или коренные правила. Обязанности, на человека от бога посредством веры наложенные, суть первейшие и непрременнейшие. Они связывают духовный мир с естественным, жизнь бренную с жизнью вечною, и потому все постановления государственные должны быть в связи и согласии с обязанностями человека в отношении к вере и всевышнему создателю миров. Сей первый

род обязанностей касается мира духовного. Они нам известны из священного писания. Второй род обязанностей касается мира естественного. Они нам известны из законов природы и нужд естественных. Бог, творец вселенная, есть и творец законов природы, нужд естественных. Сии законы глубоко впечатлены в сердцах наших. Каждый человек им подвластен, никто не в силах их низвергнуть, и потому постановления государственные должны быть в таком же согласии с неизменными законами природы, как и со святыми законами веры. Наконец, третий род обязанностей порождается составлением гражданских обществ или государств. Первое правило в сем деле состоит в том, что всякое стремление в государстве к доставлению оному благоденствия должно быть согласно с законами духовными и законами естественными. Второе правило, что все государственные постановления должны стремиться единственно к благоденствию гражданского общества, причем всякое действие, сему благоденствию противное или ему вредящее, признаваемо быть должно преступлением. Третье правило, что благоденствие общественное должно считаться важнее благоденствия частного, и ежели оные находятся в противуборстве, то первое должно получать перевес. Четвертое правило, что благоденствием общественным признаваемо быть должно благоденствие совокупности народа, из чего следует, что истинная цель государственного устройства должна непременно быть — возможно большее благоденствие многочисленнейшего числа людей в государстве, почему и должны всегда выгоды

части или одного нераздельного уступать выгодам целого, признавая целым совокупность или массу народа. Пятое, наконец, правило состоит в том, что частный человек, делая усилия к доставлению себе благоденствия, не должен выступать из круга своего действия и входить в круг действия другого, т.е. что благоденствие одного человека не должно наносить вреда, а тем еще менее гибели другому. Коль скоро все деяния как правительства, так и частных людей на сих правилах основаны будут, то государство, несомненно, пользоваться будет возможным благоденствием. Все же законы и постановления государственные должны непременно с сими правилами в полной мере совершенно согласоваться.

§ 7. Основное понятие о народе и его значении

Выше пояснено, что государство состоит из правительства и народа. Народ есть совокупность всех тех людей, которые, принадлежа к одному и тому же государству, составляют гражданское общество, имеющее целью своего существования возможное благоденствие всех и каждого.

Непреложный закон гражданских обществ заключается в том, что каждое государство состоит из народа и правительства, следовательно, народ не есть правительство, и каждое из оных имеет свои особенные обязанности и права; однако же правительство существует для блага народа и не имеет другого основания своему бытию и образованию, как только благо народное, между тем как народ существует для собственного своего блага и для выполнения воли всевышнего, призвавшего людей на сей земле прославлять его имя, быть добродетельными и счастливыми. Сей закон божий поставлен для всех людей в равной мере, и, следовательно, все имеют право на его исполнение. А посему народ российский не есть принадлежность или собственность какого-либо лица или семейства. Напротив того, правительство есть принадлежность народа, и оно учреждено для блага народного, а не народ существует для блага правительства.

§ 8. Основное понятие о правительстве и разделении онога на верховную власть и государственное правление

Правительство есть совокупность всех лиц, занимающихся отправлением дел общественных. Оно поставлено в обязанность доставлять народу благоденствие и потому имеет право государством управлять для достижения сей предназначенной цели. Обладая сим правом, оно должно иметь и соразмерную власть, дабы обязанность могла быть выполнена и право было бы действительным. Сия власть, посредством которой правительство исполняет свою обязанность, употребляет свое право и достигает предназначенной цели, есть Верховная власть. Из общего

предмета или состава благоденствия государства истекают особенные предметы сей общей цели и, как общей цели благоденствия соответствует Верховная власть, так должны соответствовать каждому особенному предмету: особенная обязанность, особенное право и особенная власть. Сии особенные власти истекают из верховной, которая объемлет всю цель учреждения правительства; почему и должны особенные власти совершенно зависеть от верховной и действовать по направлению, от нее исходящему. Совокупность всех сих особенных или частных властей составляет государственное правление, которое также названо быть может чиновательством. Из сего явствует, что правительство не может выполнить своей обязанности и государству доставить благоденствие, если не будет иметь власти, соразмерной важности и обширности цели гражданского общества, и что сия власть распространяет свое действие по всем предметам на целое государство, имея

притом много подчиненных властей, кои уже действуют на отдельные только предметы или на отдельные только части оного. Общая власть именуется Верховной властью, а совокупность частных — государственное правление или чиновничество. [...]

§ 12. Определение, цель и действие Русской Правды

Русская Правда есть посему верховная Всероссийская грамота, определяющая все перемены, в государстве последовать имеющие, все предметы и статьи, уничтожению и ниспровержению подлежащие, и, наконец, коренные правила и начальные основы, долженствующие служить неизменным руководством при сооружении нового государственного порядка и составлении нового государственного уложения. Она содержит определение некоторых важнейших положительных законов и постановлений будущего порядка вещей, исчисление главных предполагаемых переводных мероприятий и вместе с тем пояснение коренных отображений, начальных причин и основных доводов, утверждающих предполагаемое для России государственное устройство. Итак, Русская Правда есть наказ или наставление временному Верховному правлению для его действий, а вместе с тем и объявление народу, от чего он освобожден будет и чего вновь ожидать может. Она содержит обязанности, на временное Верховное правление возлагаемые, и служит для России ручательством, что временное Верховное правление единственно ко благу отечества действовать будет. Недостаток в таковой грамоте ввергнул многие государства в

ужаснейшие бездействия и междоусобия, потому что в оных правительстве действовать всегда могло по своему произволу, по личным страстям и частным видам, не имея перед собою ясного и полного наставления, коим бы обязано было руководствоваться, и что народ между тем никогда не знал, что для него предпринимают, никогда не видел ясным образом, к какой цели стремятся действия правительства, и, волнуемый разными страхами, а потом и разными страстями, часто предпринимал беспокойные действия и, наконец, междоусобия производил. Русская Правда отвращает своим существованием все сие зло и приводит государственное преобразование в положительные ход и действие тем, что все определяет и па все предметы коренные правила издает. Посему обязаны с нею в полной мере сообразоваться как временное Верховное правление со всеми частями, отраслями и степенями правительства, так равно и весь народ со всеми оною членами или гражданами. Временное Верховное правление обязано новый государственный порядок, Русской Правдою

определенный, постепенными мероприятиями ввести и устроить, а народ обязан сему введению не только не противиться, но, напротив того, временному Верховному правлению усердно всеми силами содействовать и неуместным нетерпением не вредить преуспеванию народного возрождения и государственного преобразования. [...]

Печатается по: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 2. С. 73—85.

Н.М. МУРАВЬЕВ

Проект конституции

Второй вариант

Г л а в а I

О народе русском и правлении

1. Русский народ, свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства.
2. Источник *Верховной власти* есть народ, которому принадлежит исключительное право делать *основные постановления* для самого себя.

Г л а в а II

О гражданах

3. *Гражданство* есть право определенным в сем Уставе порядком участвовать в общественном управлении: *посредственно*, т.е. выбором чиновников или избирателей; *непосредственно*, т.е. быть самому избираемым в какое-либо

общественное звание по *законодательной, исполнительной или судебной власти.*

4. *Граждане* суть те жители Российской империи, которые пользуются правами, выше определенными.

5. Чтоб быть Гражданином, необходимы следующие условия:

1) Не менее 21 года возраста.

2) Известное и постоянное жительство.

3) Здравие ума.

4) Личная независимость.

5) Исправность платежа общественных повинностей.

6) Непорочность пред лицом закона.

6. Иностранец, не родившийся в России, но жительствовавший 7 лет сряду в оной, имеет право просить себе Гражданства Российского у су-

дебной власти, отказавшись наперед клятвенно от правительства, под властью которого прежде находился.

7. Иностранец, не получивший Гражданства, не может исполнять никакой общественной, ни военной должности в России — не имеет права служить рядовым в войске Российском и не может приобрести земель.

8. Через 20 лет по приведении в исполнение сего Устава Российской империи никто, не обучившийся Русской грамоте, не может быть признан Гражданином.

9. Права Гражданства теряются *на время*:

- 1) Судебным объявлением о расслаблении ума.
- 2) Нахождением под судом.
- 3) Судебным объявлением о *временном лишении прав*.
- 4) Объявленным банкротством.
- 5) Общественною недоимкою.
- 6) Нахождением в услужении при ком-либо.
- 7) Неизвестностью местопребывания, занятий и средств к пропитанию.

Навсегда:

- 1) Вступлением в подданство иностранного государства.
- 2) Принятием службы или должности в чужой земле без согласия своего правительства.
- 3) Приговором суда к бесчестному наказанию, влекущему за собою *лишение* Гражданских прав.

4) Если Гражданин без согласия Веча примет подарок, пенсию, знак отличия, титул или звание почетное или приносящее прибыль от иностранного правления, государя или народа.

Г л а в а Ш

О состоянии, личных правах и обязанностях русских

10. Все Русские равны перед Законом.

11. Русскими почитаются все коренные жители России и дети иностранцев, родившиеся в России, достигшие совершеннолетия, доколе они не объявят, что не хотят пользоваться сим преимуществом.

12. Каждый обязан носить общественные повинности, повиноваться законам и властям Отечества и явиться на защиту Родины, когда востребует того Закон.

13. Крепостное состояние и рабство отменяются; раб, прикоснувшийся земли Русской, становится свободным. Разделение между бла-

городными и простолюдинами не принимается, поелику противно вере, по которой все люди *братья*, все рождены *благо* по воле божией, все рождены *для блага* и все *просто люди*: ибо все слабы и несовершенны.

14. Всякий имеет право излагать свои мысли и чувства невозбранно и сообщать оные посредством печати своим соотечественникам. Книги, подобно всем прочим действиям, подвержены обвинению Граждан пред судом и подлежат *присяжным*.

15. Существующие ныне *гильдии и цехи* в купечестве, ремеслах уничтожаются.

16. Всякий имеет право заниматься тем промыслом, который ему покажется выгоднейшим: *земледелием, скотоводством, охотою, рыбною ловлею, рукоделиями, заводами, торговлею* и так далее.

17. Всякая тяжба, в которой дело идет о ценности, превышающей фунт чистого серебра (25 рублей серебр[ом]), поступает на суд присяжных.

18. Всякое уголовное дело производится с присяжными.

19. Подозреваемый в злоумышлении может быть взят под стражу постановленными Уставом властями и учрежденным порядком, но в 24 часа (под ответственностью тех, которые его задержали) должно ему объявить письменно о причине его задержания, в противном случае он немедленно освобождается.

20. Заключение, если он не обвинен по уголовному делу, немедленно освобождается, если найдется за него *порука*.

21. Никто не может быть наказан, как в силу закона, обнародованного *до преступления* и правильно и законным образом приведенного в исполнение.
22. Устав сей определит, каким чиновникам и в каких обстоятельствах представляется право давать письменные приказания задержать кого-либо из Граждан, *сделать домовый обыск, забрать его бумаги и распечатать письма его*. Равным образом определит оный ответственность за таковые поступки.
23. Право собственности, заключающее в себе *одни вещи*, священо и неприкосновенно.
24. Земли помещиков остаются за ними. Дома поселян с огородами оных признаются их собственностью со всеми земледельческими орудиями и скотом, им принадлежащим.
25. Крестьяне экономические и удельные будут называться *общими владельцами*, равно как и ныне называются *вольными хлебопашца-*

ми, поелику земля, на которой они живут, предоставляется им в *общественное владение* и признается их собственностью.

Удельное правление уничтожается.

26. Последующие законы определяют, каким образом сии земли поступят из *общественного в частное владение* каждого из поселян и на каких правилах будет основан сей *раздел* общественной земли между ими.

27. Поселяне, живущие в арендных имениях, равно делаются *вольными*, но земли остаются за теми, кому они были даны, и по то время, по которое были даны.

28. *Военные поселения* немедленно уничтожаются. Поселенные батальоны и эскадроны с родственниками рядовых вступают в звание *общих владельцев*.

29. Разделение людей на 14 классов отменяется. Гражданские чины, заимствованные у немцев и ничем не отличающиеся между собою, уничтожаются сходственно с древними постановлениями народа Русского. Названия и сословия *одноворцев, мещан, дворян, именитых граждан* заменяются все названием *Гражданина* или *Русского*.

30. Жалованье священнослужителям будет производиться и впредь. Равным образом они освобождаются от постоя и подвод.

31. Кочующие племена не имеют прав Гражданских. Право участвовать в выборе *волостного* старшины предоставляется однакож и оным.

32. Граждане имеют право составить всякого рода общества и товарищества, не испрашивая о том ни у кого позволения, ни

утверждения, лишь только б действия оных не были противузаконными.

33. Каждое таковое общество имеет право делать себе постановления, лишь бы оные не были противны сему Уставу и законам общественным.

34. Никакое иностранное общество не может иметь в России подведомственных себе обществ или сотовариществ.

35. Никакое нарушение Закона не может быть оправдано повелением начальства. Сперва наказывается *нарушитель* Закона, потом подписавшие противузаконное повеление.

40. Нынешние полицейские чиновники отрешаются и заменяются по выборам жителей.

41. Всякий Гражданин, который бы насилием или подкупом нарушил свободный выбор *народных представителей*, предается суду.

42. Никто не может быть беспокоиваем в отправлении своего богослужения по совести и чувствам своим, лишь бы только не нарушал законов природы и нравственности. [...]

Печатается по: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 229—304.

К. С. АКСАКОВ

О том же¹

Россия— земля совершенно самобытная, вовсе не похожая на европейские государства и страны. Очень ошибутся те, которые вздумают прилагать к ней европейские воззрения и на основании их судить о ней. Но так мало знает Россию наше просвещенное общество, что такого рода суждения слышишь часто. Помилуйте, говорят многие, неужели вы думаете, что Россия идет каким-то своим путем? На это ответ простой: нельзя не думать того, что знаешь, что таково на самом деле.

Как занимателен и важен самобытный путь России до совращения ее (хотя отчасти) на путь Западный и до подражания Западу! Как любопытны обстоятельства и последствия этого совращения и, наконец, как занимательно и важно современное состояние России вследствие предыдущего переворота и современное ее отношение к Западу!

История нашей родной земли так самобытна, что разнится с самой первой своей минуты. Здесь-то, в самом начале, разделяются эти пути, Русский и Западно-Европейский, до той минуты, когда странно и насильственно встречаются они, когда

Россия дает страшный крюк, кидает родную дорогу и примыкает к Западной. На это начало прежде всего обратим свое внимание. Все Европейские государства основаны завоеванием. Вражда есть начало их. Власть явилась там неприязненной и вооруженною и насильственно утвердилась у покоренных народов. Один народ, или, лучше, одна дружина, завоевывает народ, и образуется государство, в основе которого лежит вражда, не покидающая его во все течение истории. (Если там и была тишина как явление — в основе лежала вражда.) Русское государство, напротив, было основано не завоеванием, а *добровольным призыванием* власти. Поэтому не вражда, а мир и согла-

¹ Черновая неоконченная рукопись, озаглавленная автором «Переворот Петра Великого». При ее публикации в 1889 г. издатели сочли возможным изменить заглавие.

сие есть его начало. Власть явилась у нас желанною, не враждебною, но защитною и утвердилась с согласия народного. На Западе власть явилась как грубая сила, одолела и утвердилась без воли и убеждения покоренного народа. В России народ сознал и понял необходимость государственной власти на земле, и власть явилась, как званый гость, по ноле и убеждению народа. Таким образом, рабское чувство покоренного легло в основании Западного государства; свободное чувство разумно и добровольно призвавшего власть легло в основании государства Русского. Раб бунтует Против власти, им непонимаемой, без воли его на него наложенной и его непонимающей. Человек свободный не бунтует против власти, им понятой и добровольно призванной.

Итак, в основании государства Западного: *насилие, рабство и вражда*. В основании государства Российского: *добровольность, свобода и мир*. Эти начала составляют важное и решительное различие между Русью и Западной Европою и определяют историю той и другой.

Пути совершенно разные, разные до такой степени, что никогда не могут сойтись между собою, и народы, идущие ими, никогда не согласятся в своих воззрениях. Запад, из состояния рабства переходя в состояние бунта, принимает бунт за свободу, хвалится ею и видит рабство в России. Россия же постоянно хранит у себя признанную ею самую власть, хранит ее добровольно, *свободно* и поэтому в бунтовщике видит только раба с другой стороны, который также унижается перед новым идолом бунта, как перед

старым идолом власти, ибо бунтовать Может только раб, а свободный человек не бунтует.

Но пути эти стали еще различнее, когда важнейший вопрос для человечества присоединился к ним: вопрос Веры. Благодать сошла на Русь. Православная Вера была принята ею. Запад пошел по дороге католицизма. Страшно в таком деле говорить свое мнение; но если мы не ошибаемся, то скажем, что по заслугам дался и истинный, дался и ложный путь Веры, первый — Руси, второй — Западу.

Ясно стало для Русского народа, что истинная свобода только там, Где Дух Господен.

Обратимся, собственно, к судьбам России, оставим в стороне Запад. Мы, к сожалению, встретимся с ним еще и у себя.

При таких началах согласия, которые легли в основу Русского Государства, Народы Власть должны были стать в совершенно особые отношения, не похожие на Западные. При такой основе как должен смотреть народ на власть? Так, как на власть, которая не покорила, но при-

звана им добровольно, которую потому он обязан хранить и чтить, ибо он сам пожелал ее: народ в таком случае есть первый страж власти. Как должна власть смотреть на народ? Как на народ, который не покорен ею, но который сам призвал ее, почувствовав ее необходимость, который, следовательно, не есть ее униженный раб, втайне мечтающий о бунте, но свободный подданный, благодарный за ее труды, и друг неизменный. С обеих же сторон, так как не было принуждения, а было свободное соглашение, должна быть полная доверенность.

Но нет никакого обеспечения, скажут нам: или народ, или власть могут изменить друг другу. Гарантия нужна! Гарантия не нужна! Гарантия есть зло. Где нужна она, там нет добра; пусть лучше разрушится жизнь, в которой нет доброго, чем стоять с помощью зла. Вся сила в идеале. Да и что значат условия и договоры, как скоро нет силы внутренней? Никакой договор не удержит людей, как скоро нет внутреннего на это желания. Вся сила в нравственном убеждении. Это сокровище есть в России, *потому что она всегда в него верила и не прибегала к договорам.*

Поняв с принятием Христианской Веры, что свобода только в духе, Россия постоянно стояла за свою душу, за свою Веру. С другой стороны, зная, что совершенство на земле невозможно, она не искала земного совершенства, и поэтому, выбрав лучшую (т.е. меньшее из зол) из правительственных форм, она держалась ее постоянно, не считая ее совершенною. Признавая свободно власть, она не восставала против нее и не унижалась перед нею.

Теперь обратимся к самой Истории Русской; проследим отношение власти к народу и народа к власти и посмотрим: была ли с какой-нибудь стороны измена.

Народ призывает власть добровольно, призывает ее в лице князя-монарха, как в лучшем ее выражении, и становится с нею в приятные отношения. Это — союз народа с властью.

Употребим здесь слова, которые так часто, постоянно, и с такой ясной определенностью встречаются в наших исторических свидетельствах, — слова, которые выражают народ и власть, т.е. Земля и Государство.

Земля, как выражает это слово, — неопределенное и мирное состояние народа. Земля призвала себе Государство на защиту, ограждение: прежде всего от врагов внешних, потом и от врагов внутренних. Отношение Земли и Государства легло в основание Русской Истории. В первые времена Россия управлялась целым родом, совокупностью князей в отдельных княжествах, и в каждом княжестве повторялись те же

самые отношения. Князей стало много, они сами спорили между собою, и между князьями возможен был выбор, поэтому они часто перемещались. [...]

Таким образом, в России не было ни одного человека, пользующегося даром своими выгодами (тем менее по праву). Когда созывалась вся Россия, и служилая и земская, на совет к государю, то такой совет назывался уже Земским, и государь являлся тогда главою Земли.

[...] Аристократии Западной не было вовсе. Не было вовсе и Западной демократии. Вся Россия была под двумя властями — *Земли к Государства*, разделялась на два отдела — на людей *земских* и людей *служилых*.

Что же соединяло эти два отдела, что составляло неразрывную связь между ними? Мы говорили прежде о добровольном призвании *Землею* власти: это относится, собственно, к правительству, к государю; но здесь мы говорим уже о проявлении этих начал, о двух классах: служилом и земском. Что соединяло эти два отдела России? Вера и жизнь; вот почему всякий чиновник, начиная от боярина, был свой человек народу; вот почему, переходя из земских людей в служилые, он не становился чуждым Земле. Выше всех этих разделений было единство веры и единство жизни, быта, соединявшее Россию в одно целое. Верую и жизнью само Государство становилось земским.

Люди служилые, все, начиная от бояр, писались холопами, что собственно значило *слуга* и более ничего, точно так же как и люди служилые бояр и других лиц. Люди земские к государю писались сиротами, что на Русском языке не имеет значения

orphelin, Waise, а значит просто беспомощный, беззащитный, или нуждающийся в защите. Это название глубоко обозначает и утверждает отношение Земли к Государству, Земли, призвавшей Государство на помощь. Повторяем: когда же созывалась вся, и служилая и земская, Россия в своих выборных, к государю на совет, то такой совет назывался Земским. На таком совете было и духовенство, соединявшее Государство с Землею, постоянно роднившее его с ней. Государство как бы исчезало на ту минуту, и государь являлся тогда главою земли. Но это было только в *исключительные* минуты; невозможно было народу долго хранить этот напряженный образ собранной *Земли*, продолжение которого мешало бы самой жизни Земли. Совет оканчивался, народ уходил к своим полям и работам, и Государство вновь, одно, бодрствовало над Землею.

Нам скажут: неужто же было полное блаженство? Конечно, нет. На земле нельзя найти совершенного положения, но можно найти совер-

шенные начала. Нет ни в одном обществе истинного христианства, но христианство истинно и христианство есть единый истинный путь. Следовательно, этим единым истинным путем и надобно идти. Вся сила в том, что человек признал за закон, за начало. В основу Русской жизни легли истинные начала, с чем, я думаю, нельзя не согласиться. Эти начала составляют постоянный камертон в жизни, сейчас дающий чувствовать, указывающий уклонения и в то же время истинный путь. В этих началах лежит и осуждение лжи, и исцеление от лжи; идучи по истинному пути, можно упасть, можно и встать, но сила в том, чтобы не изменять пути. Истинный христианин, если бы и пал он, не оставляет своей веры, но в ней самой находя исцеление, остается на истинном пути. Россия нашла истинные начала, никогда не изменяла им, и святая взаимная доверенность власти и народа, легшая в основу ее, долго неизменно в ней сохранялась. Печатается по: *Аксаков К. С. Полное собрание сочинений. М., 1889. Т. 1. С. 16—23.*

А.И. ГЕРЦЕН

Русский народ и социализм

Письмо к И. Мишле¹ (1851)

Милостивый государь,

Вы стоите слишком высоко в мнении всех мыслящих людей, каждое слово, вытекающее из вашего благородного пера, принимается европейскою демократией с слишком полным и

заслуженным доверием, чтобы в деле, касающемся самых глубоких моих убеждений, мне было возможно молчать и оставить без ответа характеристику русского народа, помещенную вами в вашей легенде о Костюшке.

¹ Поводом для выступления Герцена с открытым письмом к французскому историку Мишле послужили неверные и несправедливые оценки русского народа, которые содержались в его очерке «Польша и Россия. Легенды о Костюшко». Очерк был напечатан в одном из парижских изданий в августе — сентябре 1851 г. Письмо к Мишле — важный шаг в развитии Герценом идей «русского социализма». Инициал «И» — от русского перевода имени Жюль (Иулий).

Этот ответ необходим и по другой причине; пора показать Европе, что, говоря о России, говорят не о безответном, не об отсутствующем, не о глухонемом.

Мы, оставившие Россию только для того, чтобы свободное русское слово раздалось, наконец, в Европе, — мы тут налицо и считаем долгом подать свой голос, когда человек, вооруженный огромным и заслуженным авторитетом, утверждает, что «Россия не существует, что русские не люди, что они лишены нравственного смысла».

Если вы понимаете Россию официальную, царство-фасад, византийско-немецкое правительство, то вам и книги в руки. Мы соглашаемся вперед со всем, что вы нам скажете. Не нам тут играть роль заступника. У русского правительства так много агентов в прессе, что в красноречивых апологиях его действий никогда не будет недостатка.

Но не об одном официальном обществе идет речь в вашем труде; вы затрагиваете вопрос более глубокий; вы говорите о самом народе.

Бедный русский народ! Некому возвысить голос в его защиту! Посудите сами, могу ли я, по совести, молчать.

Русский народ, милостивый государь, жив, здоров и даже не стар,— напротив того, очень молод. Умирают люди и в молодости, это бывает, но это не нормально.

Прошлое русского народа темно; его настоящее ужасно, но у него есть права на будущее. Он *не верит* в свое настоящее

положение, он имеет дерзость тем более ожидать от времени, чем менее оно дало ему до сих пор.

Самый трудный для русского народа период приближается к концу. Его ожидает страшная борьба; к ней готовятся его враги.

Великий вопрос: to be or not to be¹ — скоро будет решен для России. Но грешно перед борьбою отчаиваться в успехе.

Русский вопрос принимает огромные, страшные размеры; он сильно озабочивает все партии; но, мне кажется, что слишком много занимаются Россиею императорскою, Россиею официальной и слишком мало Россиею народной, Россиею безгласной. [...]

Община спасла русский народ от монгольского варварства и от имперской цивилизации, от выкрашенных по-европейски помещиков и от немецкой бюрократии. Общинная организация, хоть и сильно потря-

¹ Быть или не быть (англ.)— слова Гамлета в одноименной трагедии Шекспира (акт. III, сцена1).

сенная, устояла против вмешательства власти; она благополучно *дожила до развития социализма в Европе.*

Это обстоятельство бесконечно важно для России.

Русское самодержавие вступает в новый фазис. Выросшее из антинациональной революции¹, оно исполнило свое назначение; оно осуществило громадную империю, грозное войско, правительственную централизацию. Лишенное действительных корней, лишенное преданий, оно обречено на бездействие; правда, оно возложило было на себя новую задачу — внести в Россию западную цивилизацию, и оно до некоторой степени успевало в этом, пока еще играло роль просвещенного правительства.

Эта роль теперь оставлена им.

Правительство, распавшееся с народом во имя цивилизации, не замедлило отречься от образования во имя самодержавия.

Оно отрелось от цивилизации, как скоро сквозь ее стремления стал проглядывать трехцветный призрак либерализма; оно попыталось вернуться к национальности, к народу. Это было невозможно. Народ и правительство не имели ничего общего между собою; первый отвык от последнего, а правительству чудился в глубине масс новый призрак, еще более страшный призрак — *красного петуха*. Конечно, либерализм был менее опасен, чем новая пугачевщина, но страх и отвращение от либеральных идей стали так сильны, что правительство не могло более примириться с цивилизацией.

С тех пор единственной целью царизма остался царизм. Он властвует, чтоб властвовать. Громадные силы употребляются на взаимное уничтожение, на сохранение искусственного покоя. Но самодержавие для самодержавия напоследок становится невозможным; это слишком нелепо, слишком бесплодно. Оно почувствовало это и стало искать занятия в Европе. Деятельность русской дипломатии неутомима; повсюду сыплются ноты, советы, угрозы, обещания, снуют агенты и шпионы. Император считает себя естественным покровителем немецких принцев; он вмешивается во все мелкие интриги мелких германских дворов: он решает все споры; то побранит одного, то наградит другого великою княжной. Но этого недостаточно для его деятельности. Он принимает на себя обязанность первого жандарма вселенной, он опора всех реакций, всех гонений. Он играет роль представителя монархического начала в Европе, позволяет

¹ Герцен имеет в виду реформаторскую деятельность Петра 1.

себе аристократические замашки, словно он Бурбон или Плантагенет, словно его царедворцы — Глостеры или Монморанси.

К сожалению, нет ничего общего между феодальным монархизмом с его определенным началом, с его прошлым, с его социальной и религиозной идеею и наполеоновским деспотизмом петербургского царя, имеющим за себя лишь печальную историческую необходимость, преходящую пользу, не опирающимся ни на каком нравственном начале.

И Зимний дворец, как вершина горы под конец осени, покрывается все более и более снегом и льдом. Жизненные соки, искусственно поднятые до этих правительственных вершин, мало-помалу застывают, остается одна материальная сила и твердость скалы, еще выдерживающей напор революционных волн.

Николай, окруженный генералами, министрами, бюрократами, старается забыть свое одиночество, но становится час от часу мрачнее, печальнее, тревожнее. Он видит, что его не любят; он замечает мертвое молчание, царствующее вокруг него, по явственно доходящему гулу далекой бури, которая как будто к нему приближается. Царь хочет забыться. Он громко провозгласил, что его цель — увеличение императорской власти. Это признание — не новость: вот уже двадцать лет, как он без устали, без отдыха трудится для этой единственной цели; для нее он не пожалел ни слез, ни крови своих подданных. Все ему

удалось; он раздавил польскую народность. В России он подавил либерализм.

Чего, в самом деле, еще хочется ему? Отчего он так мрачен?

Император чувствует, что Польша еще не умерла. На место либерализма, который он гнал с ожесточением совершенно напрасным, потому что этот экзотический цветок не может укорениться на русской почве, встает другой вопрос, грозный, как громовая туча.

Народ начинает роптать под игом помещиков; беспрестанно вспыхивают местные восстания: вы сами приводите тому страшный пример¹.

Партия движения, прогресса требует освобождения крестьян; она готова принести в жертву свои права. Царь колеблется и мешает; он хочет освобождения и препятствует ему.

Он понял, что освобождение крестьян сопряжено с освобождением земли, что освобождение земли, в свою очередь, — начало социальной революции, провозглашение сельского коммунизма. Обойти вопрос об освобождении невозможно — отодвинуть его решение до следующего

¹ В «Легенде о Костюшко» Мишле упомянул о крестьянском восстании в Поволжье.

царствования, конечно, легче, но это малодушно, и, в сущности, это только несколько часов, потерянных на скверной почтовой станции без лошадей...

Из всего этого вы видите, какое счастье для России, что сельская община не погибла, что личная собственность не раздробила собственности общинной; какое это счастье для русского народа, что он остался вне всех политических движений, вне европейской цивилизации, которая, без сомнения, подкопала бы общину и которая ныне сама дошла в социализме до самоотрицания.

Европа, — я это сказал в другом месте¹, — не разрешила антиномии между личностью и государством, но она поставила себе задачей это разрешение. Россия также не нашла этого решения. Перед этим вопросом начинается наше равенство.

Европа на первом шагу к социальной революции встречается с этим народом, который представляет ей осуществление, полудикое, неустроенное, — но все-таки осуществление постоянного дележа земель между земледельцами. И заметьте, что этот великий пример дает нам не образованная Россия, но сам народ, его жизненный процесс. Мы, русские, прошедшие через западную цивилизацию, мы не больше, как средство, как закваска, как посредники между русским народом и революционной Европой. Человек будущего в России — *мужик*, точно так же как во Франции работник. [...]

Различие между вашими законами и нашими указами заключается только в заглавной формуле. Указы начинаются подавляющей истиною: «Царь соизволил повелеть»; ваши законы начинаются возмутительной ложью — ироническим

злоупотреблением имени французского народа и словами «свобода, братство и равенство». Николаевский свод рассчитан против подданных и в пользу самодержавия. Наполеоновский свод имеет решительно тот же характер. На нас лежит слишком много цепей, чтобы мы добровольно надели на себя еще новых. В этом отношении мы стоим совершенно наряду с нашими крестьянами. Мы покоряемся грубой силе. Мы рабы, потому что не имеем возможности освободиться; но мы не принимаем ничего от наших врагов.

Россия никогда не будет протестантскою.

Россия никогда не будет *juste-milieu*².

¹ В книге «О развитии революционных идей в России», глава VI.

² Золотой серединой.

Россия никогда не сделает революции с целью отделаться от царя Николая и заменить его царями-представителями, царями-судьями, царями-полицейскими.

Мы, может быть, требуем слишком много и ничего не достигнем.

Может быть так, но мы все-таки не отчаиваемся; прежде 1848

года России не должно, невозможно было вступать в

революционное поприще, ей следовало доучиться, и теперь она

доучилась. Сам царь это замечает и свирепствует против

университетов, против идей, против науки; он старается отрезать

Россию от Европы, убить просвещение. Он делает свое дело.

Успеет ли он в нем?

Я уже сказал это прежде. Не следует слепо верить в будущее;

каждый зародыш имеет право на развитие, но не каждый

развивается. Будущее России зависит не от нее одной. Оно

связано с будущим Европы. Кто может предсказать судьбу

славянского мира в случае, если реакция и абсолютизм

окончательно победят революцию в Европе?

Быть может, он погибнет?

Но в таком случае погибнет и Европа...

И история перенесется в Америку... [...]

Печатается по: *Герцен А.И.* Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1986. Т.

2. С.154—155, 168—170, 177—178.

Н.Я. ДАНИЛЕВСКИЙ

Россия и Европа

Г л а в а X

Различия в ходе исторического воспитания

[...] Народности, национальности суть органы человечества, посредством которых заключающаяся в нем идея достигает в пространстве и во времени возможного разнообразия, возможной многосторонности осуществления. [...] Народность составляет поэтому существенную основу государства, самую причину его существования, — и главная цель его и есть именно охранение народности. Из самого определения государства следует, что государство, не имеющее народной основы, не имеет в себе жизненного начала и вообще не имеет никакой причины существовать. Если, в самом деле, государство есть случайная смесь народностей, то какую национальную честь, какую национальную свободу может оно охранять и защищать, когда честь и свобода их могут

быть (и в большинстве случаев не могут не быть) друг другу противоположны? На что идут миллионы, поглощаемые флотами, армиями, финансовым управлением, государственным долгом таких государств? — ни на что, как на оскорбление и лишение народной чести и свободы народностей, втиснутых в его искусственную рамку. Что значит честь и свобода Турции, честь и свобода Австрии, честь и свобода Польши? — не иное что, как угнетение и оскорбление действительного народного чувства и действительной национальной свободы народов, составляющих эти государства: греков, сербов, болгар, чехов, русских, румын, недавно еще итальянцев. Эти государства могут быть по сердцу только тем, кому они дают средства к этому угнетению и оскорблению: турецкой орде в Турции, небольшому клочку немцев, а с недавнего времени и мадьяр, в Австрии, оторвавшемуся от своей народности и от славянского корня польскому шляхетству и католическому духовенству.

Из этого национального значения государства следует, что каждая народность, если получила уже и не утратила еще сознание своего самобытного исторического национального значения, должна составлять государство и что одна Народность должна составлять только одно государство. Эти положения подвержены, по-видимому, многим исключениям, но только по-видимому. [...]

[...] Русский народ перешел через различные формы зависимости, которые должны были сплотить его в единое тело, отучить от личного племенного эгоизма, приучить к подчинению своей воли высшим, общим целям — и цели эти достигнуты; государство

основалось на незыблемой народной основе; и, однако же, в течение этого тысячелетнего процесса племенной эгоизм не заменился сословным, русский народ, не утратив своих нравственных достоинств, не утратил и вещественной основы для дальнейшего своего развития, ибо сохранил владение землею в несравненно большей степени, нежели какой бы то ни было европейский народ. И не только сохранил он это владение, но и обеспечил его себе на долгие веки общинною формою землевладения. Он вполне приготовлен к принятию гражданской свободы взамен племенной воли, которой (как всякий исторический народ) он должен был лишиться во время своего государственного роста. Доза свободы, которую он может вынести, с одной стороны, больше, чем для всякого другого народа, потому что, обладая землею, он одарен в высшей степени консервативными инстинктами, так как его собственное положение не находится в противоречии с его политической будущностью; с другой же стороны, сами политические требования или, лучше сказать,

Глава 3. РУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ XIX — НАЧАЛА XX в.

надежды его в высшей степени умеренны, так как за отсутствием (в течение всей его жизни) внутренней междоусобной исторической борьбы между различными слоями русского общества он не видит во власти врага (против которого чувство самосохранения заставляло бы его принимать всевозможные средства предосторожности), а относится к ней с полнейшей доверенностью.

Г л а в а XI

Европейничанье — болезнь русской жизни

[...] Кроме трех фазисов развития государственности, которые перенес русский народ и которые, будучи в сущности легкими, вели к устройству и упрочению Русского государства, не лишив народа ни одного из условий, необходимых для пользования гражданской свободой как полной заменой племенной воли, Россия должна была вынести еще тяжелую операцию, известную под именем Петровской реформы. В то время цивилизация Европы начала уже в значительной степени получать практический характер, вследствие которого различные открытия и изобретения, сделанные ею в области науки промышленности, получили применение к ее государственному и гражданскому строю. [...] Следовательно, самая существенная цель государства (охрана народности от внешних врагов) требовала уже в известной степени технического образования, — степени, которая с тех пор, особливо со второй четверти XIX века, не переставала возрастать в сильной пропорции. [...]

[...] Необходимо было укрепить русскую государственность заимствованиями из культурных сокровищ, добытых западной наукой и промышленностью, — заимствованиями быстрыми, не терпящими отлагательства до того времени, когда Россия, следуя медленному естественному процессу просвещения, основанному на самородных началах, успела бы сама доработать до необходимых государству практических результатов просвещения. Петр сознал ясно эту необходимость, но (как большая часть великих исторических деятелей) он действовал не по спокойно обдуманному плану, а со страстностью и увлечением. Познакомившись с Европою, он, так сказать, влюбился в нее и захотел во что бы то ни стало сделать Россию Европой. Видя плоды, которые приносило европейское дерево, он заключил о превосходстве самого растения, их приносившего, над русским еще бесплодным дичком (не приняв ни внимание разности в возрасте, не подумав, что для дичка может быть еще не пришло время плодоношения), и потому захотел срубить его под самый корень и заменить другим. [...]

Если Европа внушала Петру страстную любовь, страстное увлечение, то к России относился он двояко. Он вместе и любил, и ненавидел ее. Любил он в ней собственно ее силу и мощь, которую не только пред чувствовал, но уже сознавал, любил в ней орудие своей воли и своих планов, любил материал для здания, которое намеревался возвести по образу и подобию зародившейся в нем идеи, под влиянием европейского образца; ненавидел же самые начала русской жизни — самую жизнь эту как с ее недостатками, так и с ее достоинствами. Если бы он не ненавидел ее всей страстностью своей души, то обходился бы с нею осторожнее, бережнее, любовнее. Потому в деятельности Петра необходимо строго отличать две стороны: его деятельность государственную, все его военные, флотские, административные, промышленные насаждения, и его деятельность реформативную в тесном смысле этого слова, т.е. изменения в быте, нравах, обычаях и понятиях, которые он старался произвести в русском народе. Первая деятельность заслуживает вечной признательной, благоговейной памяти и благословения потомства. Как ни тяжелы были для современников его рекрутские наборы (которыми он не только пополнял свои войска, но строил города и заселял страны), введенная им безжалостная финансовая система, монополии, усиление крепостного права — одним словом, запряжение всего народа в государственное тягло, всем этим заслужил он себе имя Великого — имя основателя русского государственного величия. Но деятельностью второго рода он не только принес величайший вред будущности России (вред, который так глубоко пустил свои

корни, что доселе еще разъедает русское народное тело), он даже совершенно бесполезно затруднил свое собственное дело: возбудил негодование своих подданных, смутил их совесть, усложнил свою задачу, сам устроил себе препятствия, на поборение которых должен был употреблять огромную долю той необыкновенной энергии, которою был одарен и которая, конечно, могла бы быть употреблена с большею пользою. К чему было брить бороды, надевать немецкие кафтаны, загонять в ассамблеи, заставляя курить табак, учреждать попойки (в которых даже пороки и распутство должны были принимать немецкую форму), искажать язык, вводить в жизнь придворную и высшего общества иностранный этикет, менять летоисчисление, стеснять свободу духовенства? К чему ставить иностранные формы жизни на первое почетное место и тем накладывать на все русское печать низкого и подлого, как говорилось в то время? Неужели это могло укрепить народное сознание? Конечно, одних государственных нововведений (в тесном смысле этого слова) было недостаточно: надо

было развить то, что всему дает крепость и силу, т.е. просвещение; но что же имели общего с истинным просвещением все эти искажения народного облика и характера? Просвещение к тому же не насаждается По произволу, как меняется форма одежды или вводится то или другое административное устройство. Его следовало не насаждать извне, а развивать изнутри. Ход его был бы медленнее, но зато вернее и плодотворнее.

Как бы то ни было, русская жизнь была насильственно перевернута Ни иностранный лад. Сначала это удалось только относительно верхних слоев общества, на которые действие правительства сильнее и прямее И которые вообще везде и всегда податливее на разные соблазны. Но мало-помалу это искажение русской жизни стало распространяться и вширь и вглубь, т.е. расходиться от высших классов на занимающие более скромное место в общественной иерархии, и с наружности — проникать в самый строй чувств и мыслей, подвергшихся обезнародовающей реформе. После Петра наступили царствования, в которых правящие государством лица относились к России уже не с двойственным характером ненависти и любви, а с одною лишь ненавистью, с одним презрением, которым так богато одарены немцы ко всему славянскому, в особенности ко всему русскому. После этого тяжелого периода долго ещё продолжались, да и до сих пор продолжают еще колебания между предпочтением то русскому, как при Екатерине Великой, то иностранному, как при Петре III или Павле. Но под влиянием толчка, сообщенного Петром, самое понятие об истинно русском до того исказилось,

что даже в счастливые периоды национальной политики (как внешней, так и внутренней) русским считалось нередко такое, что вовсе этого имени не заслуживало. Говоря это, я разумею вовсе не одно правительство, а все общественное настроение, которое, электризуясь от времени до времени русскими патриотическими чувствами, все более и более, однако же, обезнародовалось под влиянием европейских соблазнов и принимало какой-то общеевропейский колорит то с преобладанием французских, то немецких, то английских колеров, смотря по обстоятельствам времени и по слоям и кружкам, на которые разбивается общество.

Болезнь эту, вот уже полтора столетия заразившую Россию, все расширяющуюся и укореняющуюся и только в последнее время показавшую некоторые признаки облегчения, приличнее всего, кажется мне, назвать *европейничаньем*; и коренной вопрос, от решения которого зависит вся будущность, вся судьба не только России, но и всего

Славянства, заключается в том, будет ли эта болезнь иметь такой доброкачественный характер, которым отличались и внесение государственности иноплеменниками русским славянам, и татарское данничество, и русская форма феодализма; окажется ли эта болезнь прививною, которая, подвергнув организм благодательному перевороту, излечится, не оставив за собою вредных неизгладимых следов, подтачивающих самую основу народной жизненности. Сначала рассмотрим симптомы этой болезни, по крайней мере главнейшие из них; а потом уже оглянемся кругом, чтобы посмотреть — не приготовлено ли и для нее лекарства, не положена ли уже секира у корня ее.

Все формы европейничанья, которыми так богата русская жизнь, могут быть подведены под следующие три разряда:

1. Искажение народного быта и замена форм его формами чуждыми, иностранными; искажение и замена, которые, начавшись с внешности, не могли не проникнуть в самый внутренний строй понятий и жизни высших слоев общества и не проникать все глубже и глубже.
2. Заимствование разных иностранных учреждений и пересадка их на русскую почву с мыслью, что хорошее в одном месте должно быть и везде хорошо.
3. Взгляд как на внутренние, так и на внешние отношения и вопросы русской жизни с иностранной, европейской, точки зрения; рассматривание их в европейские очки, так сказать, в стекла, поляризованные под европейским углом наклона; причем нередко то, что должно было нам казаться окруженным

лучами самого блистательного света, является совершенным мраком и темнотою... [...]

Глава XV

Всеславянский союз

Всеславянский союз есть единственная твердая почва, на которой может расти самобытная славянская культура, — условие *sine qua non*¹ ее развития. Таков общий смысл, главный вывод всего нашего исследования. Поэтому мы не станем проводить теперь доказательств значения, пользы и необходимости такого устройства Славянского мира с культурно-исторической точки зрения; в этой главе я имею в виду раскрыть важность, пользу и необходимость объединения славянской семьи в союзной федеративной форме лишь с более узкой, чисто политической точки зрения.

¹ Непременное условие (лат.).

Мы видели выше, что с общей культурно-исторической точки зрения Россия не может считаться составною частью Европы ни по происхождению, ни по усыновлению, что ей предстоят только две возможности: или вместе с прочими славянами образовать особую, самостоятельную культурную единицу, или лишиться всякого культурно-исторического значения — быть ничем. [...]

Не надо себя обманывать. Враждебность Европы слишком очевидна: она лежит не в случайных комбинациях европейской политики, не в честолюбии того или другого государственного мужа, а в самых основных ее интересах. Внутренние счеты ее не покончены. Бывшие в ней зародыши внутренней борьбы развились именно в недавнее время; но весьма вероятно, что они из числа последних: с улажением их или даже с несколько продолжительным умиротворением их Европа опять обратится всеми своими силами и помыслами против России, почитаемой ею своим естественным, прирожденным врагом. Если Россия не поймет своего назначения, ее неминуемо постигнет участь всего устарелого, лишнего, ненужного. Постепенно умаляясь в своей исторической золи, придется склонить голову перед требованиями Европы, которая не только не допустит ее до влияния на Восток, не только устроит (смотря по обстоятельствам, в той или другой форме) оплоты против связи ее с западными славянскими родичами, но, с одной стороны, при помощи турецких, немецких, мадьярских, итальянских, польских, греческих, может быть, румынских пособников своих, всегда готовых разьедать несплоченное славянское тело, с другой стороны, своими политическими и цивилизационными

соблазнами до того выветрить самую душу Славянства, что оно распустится, растворится в европействе и только утучнит собою его почву. А России, не исполнившей своего предназначения и тем самым потерявшей причину своего бытия, свою жизненную сущность, свою идею, ничего не останется, как бесславно доживать свой жалкий век, перегнивать как исторический хлам, лишенный смысла и значения, или образовать безжизненную массу, так сказать, неодухотворенное тело, и в лучшем случае также распуститься в этнографический материал для новых неведомых исторических комбинаций, даже не оставив после себя живого следа.

Будучи чужда Европейскому миру по своему внутреннему складу, будучи, кроме того, слишком сильна и могущественна, чтобы занимать место одного из членов европейской семьи, быть одною из великих европейских держав, Россия не иначе может занять достойное себя и Славянства место в истории, как став главою особой, самостоятельной

политической системы государств и служа противовесом Европе во всей ее общности и целости. Вот выгоды, польза, смысл Всеславянского союза по отношению к России. [...]

Но бороться с соединенной Европой может только соединенное Славянство. Итак, не всемирным владычеством угрожает Всеславянский союз, а, совершенно напротив, он представляет необходимое и вместе единственно возможное ручательство за сохранение всемирного равновесия, единственный оплот против всемирного владычества Европы. Союз этот был бы не угрозой кому бы то ни было, а мерою чисто оборонительною не только в частных интересах Славянства, но и всей Вселенной.

Всеславянский союз имел бы своим результатом не всемирное владычество, а равный и справедливый раздел власти и влияния между теми народами или группами народов, которые в настоящем периоде всемирной истории могут считаться активными ее деятелями: Европой, Славянством и Америкой, которые сами находятся в различных возрастах развития. [...]

[...] Всемирная ли монархия, всемирная ли республика, всемирное ли господство одной системы государств, одного культурно-исторического типа одинаково вредны и опасны для прогрессивного хода истории в единственно справедливом смысле этого слова, ибо опасность заключается не в политическом господстве одного государства, а в культурном господстве одного культурно-исторического типа, каково бы ни было его внутреннее политическое устройство. Настоящая глубокая опасность заключается именно в осуществлении того порядка вещей, который составляет идеал наших западников: в

воцарении не мнимой, а действительной, столь любезной им общечеловеческой цивилизации. Это было бы равнозначительно прекращению самой возможности всякого дальнейшего преуспеяния или прогресса в истории, внесением нового мирозерцания, новых целей, новых стремлений, всегда коренящихся в особом психическом строе выступающих на деятельное поприще новых этнографических элементов. [...]

[...] Не в том дело, чтобы не было всемирного государства, республики или монархии, а в том, чтобы не было господства одной цивилизации, одной культуры, ибо это лишило бы человеческий род одного из необходимейших условий успеха и совершенствования — элемента разнообразия. Итак, мы можем сказать с полной уверенностью, что Всеславянский союз не только не угрожает всемирным владычеством, но есть единственное предохранение от него. [...]

Борьба с Западом — единственное спасительное средство как для излечения наших русских культурных недугов, так и для развития общеславянских симпатий, для поглощения ими мелких раздоров между разными славянскими племенами и направлениями. Уже назревший Восточный вопрос делает борьбу эту, помимо чьей бы то ни было воли, неизбежной в более или менее близком будущем. [...] Наше дело может состоять не в исчислении русских армий и флотов, оценке их устройства, вооружения и тому подобного, а только в рассмотрении кроющихся в России элементов силы, как они выказались в явлениях ее истории и в анализе того образа действий, которого она должна держаться для обеспечения себе вероятного успеха. Печатается по: *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1995. С. 187—188, 191—193, 215—226, 337, 340—341, 360—362, 368.

М.А. БАКУНИН

Федерализм, социализм и антитеологизм

[...] *Государство — это самое вопиющее, самое циничное и самое полное отрицание человечности.* Оно называет всеобщую солидарность людей на земле и объединяет только часть их с целью уничтожения, завоевания и порабощения всех остальных. Оно берет под свое покровительство лишь своих собственных граждан, признает человеческое право, человечность и цивилизацию лишь внутри своих собственных границ; не признавая вне себя никакого права, оно логически присваивает себе право самой жестокой бесчеловечности по отношению ко

всем другим народам, которых оно может по своему произволу грабить, уничтожать или поработать. Если оно и выказывает по отношению к ним великодушие и человечность, то никак не из чувства долга; ибо оно имеет обязанности лишь по отношению к самому себе, а также по отношению к тем своим членам, которые его свободно образовали, которые продолжают его свободно составлять или даже, как это всегда в конце концов случается, сделались его подданными. Так как международное право не существует, *так как, оно никак, не может существовать серьезным и действительным образом, не подрывая что основу принципа суверенности государства,* то государство не может иметь никаких обязанностей по отношению к наследию других

государств. Следовательно, гуманно ли оно обращается с покоренным народом, грабит ли оно его и уничтожает лишь наполовину, не низводит до последней степени рабства, — оно поступает так из политических целей и, быть может, из осторожности или из чистого великодушия, но никогда из чувства долга, ибо оно имеет абсолютное право располагать покоренным народом по своему произволу.

Это вопиющее отрицание человечности, составляющее сущность Государства, является, с точки зрения Государства, высшим долгом и самой большой добродетелью: оно называется *патриотизмом* и составляет всю *трансцендентную мораль* Государства. Мы называем ее трансцендентной моралью, потому что она обычно превосходит уровень человеческой морали и справедливости, частной или общественной, и тем самым чаще всего вступает в противоречие с ними. Например, оскорблять, угнетать, грабить, обирать, убивать или порабощать своего ближнего считается, с точки зрения обыкновенной человеческой морали, преступлением. В общественной жизни, напротив, с точки зрения патриотизма, если это делается для большей славы государства, для сохранения или увеличения его могущества, то становится долгом и добродетелью. И эта добродетель, этот долг обязательны для каждого гражданина-патриота; каждый должен их выполнять — и не только по отношению к иностранцам, но и по отношению к своим соотечественникам, подобным ему членам и подданным государства, — всякий раз, как того требует благо государства.

Это объясняет нам, почему с самого начала истории, т.е. с рождения государств, мир политики всегда был и продолжает быть ареной наивысшего мошенничества и разбоя — разбоя и мошенничества, к тому же высоко почитаемых, ибо они предписаны патриотизмом, трансцендентной моралью и высшим государственным интересом. Это объясняет нам, почему вся история древних и современных государств является лишь рядом возмутительных преступлений; почему короли и министры в прошлом и настоящем, во все времена и во всех странах, государственные деятели, дипломаты, бюрократы и военные, если их судить с точки зрения простой морали и человеческой справедливости, сто раз, тысячу раз заслужили виселицы или каторги; ибо нет ужаса, жестокости, святотатства, клятвопреступления, обмана, низкой сделки, циничного воровства, бесстыдного грабежа и подлой измены, которые бы не были совершены, которые бы не продолжали совершаться ежедневно представителями государств без другого извинения, кроме столь удобного

и вместе с тем столь страшного слова: *государственный интерес!* Поистине ужасное слово! оно развратило и обесчестило большее число лиц в официальных кругах и правящих классах общества, чем само христианство. Как только это слово произнесено, все замолкает, все исчезает: честность, честь, справедливость, право, исчезает само сострадание, а вместе с ним логика и здравый смысл; черное становится белым, а белое — черным, отвратительное — человеческим, а самые подлые предательства, самые ужасные преступления становятся достойными поступками!

И так как теперь уже доказано, что никакое государство не может существовать, не совершая преступлений или, по крайней мере, не мечтая о них, не обдумывая, как их исполнить, когда оно бессильно их совершить, мы в настоящее время приходим к выводу о *безусловной необходимости уничтожения государств.* Или, если хотите, их полного и коренного переустройства в том смысле, чтобы они перестали быть централизованными и организованными сверху вниз державами, основанными на насилии или на авторитете какого-нибудь принципа, и, напротив, реорганизовались бы снизу вверх, с абсолютной свободой для всех частей объединяться или не объединяться и с постоянным сохранением для каждой части свободы выхода из этого объединения, даже если бы она вошла в него по доброй воле, реорганизовались бы согласно действительным потребностям и естественным стремлениям всех частей, через свободную федерацию индивидов и ассоциаций, коммун, округов, провинций и наций в единое человечество.

Печатается по: *Бакунин М.А.* Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 92—94, 96.

Государственность и анархия

[...] Мы уже несколько раз высказывали глубокое отвращение к теории Лассаля и Маркса, рекомендующей работникам если не последний идеал, то по крайней мере как ближайшую главную цель — *основание народного государства*, которое, по их объяснению, будет не что иное, как «пролетариат, возведенный на степень господствующего сословия».

Спрашивается, если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать? Значит, останется еще другой

пролетариат, который будет подчинен этому новому господству, новому государству. Например, хотя бы крестьянская чернь, как известно, не пользующаяся благорасположением марксистов и которая, находясь на низшей степени культуры, будет, вероятно, управляться городским и фабричным пролетариатом; или, если взглянуть с национальной точки зрения на этот вопрос, то, положим, для немцев славяне по той же причине станут к победоносному немецкому пролетариату в такое же рабское подчинение, в каком последний находится по отношению к своей буржуазии.

Если есть государство, то непременно есть господство, следовательно, и рабство; государство без рабства, открытого или маскированного, немыслимо — вот почему мы враги государства.

Что значит пролетариат, возведенный в господствующее сословие? Неужели весь пролетариат будет стоять во главе управления? Немцев считают около сорока миллионов. Неужели же все сорок миллионов будут членами правительства? Весь народ будет управляющим, а управляемых не будет. Тогда не будет правительства, не будет государства, а если будет государство, то будут и управляемые, будут рабы.

Эта дилемма в теории марксистов решается просто. Под управлением народным они разумеют управление народа посредством небольшого числа представителей, избранных народом. Всеобщее и поголовное право избирательства целым народом так называемых народных представителей и правителей государства — вот последнее слово марксистов, так же как и

демократической школы, — ложь, за которою кроется деспотизм управляющего меньшинства, тем более опасная, что она является как выражение мнимой народной воли.

Итак, с какой точки зрения ни смотри на этот вопрос, все приходишь к тому же самому печальному результату: к управлению огромного большинства народных масс привилегированным меньшинством. Но это меньшинство, говорят марксисты, будет состоять из работников. Да, пожалуй, из *бывших* работников, но которые, лишь только сделаются правителями или представителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной, будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом. Кто может усомниться в этом, тот совсем не знаком с природою человека.

Но эти избранные будут горячо убежденные и к тому же ученые социалисты. Слова *«ученый социалист»*, *«научный социализм»*, которые беспрестанно встречаются в сочинениях и речах лассальцев и

марксистов, сами собою доказывают, что мнимое народное государство будет не что иное, как весьма деспотическое управление народных масс новою и весьма немногочисленною аристократиею действительных или мнимых ученых. Народ не учен, значит, он целиком будет освобожден от забот управления, целиком будет включен в управляемое стадо. Хорошо освобождение!

Марксисты чувствуют это противоречие и, сознавая, что управление Мученых, самое тяжелое, обидное и презрительное в мире, будет, несмотря на все демократические формы, настоящею диктатурою, утешают мыслью, что эта диктатура будет временная и короткая. Они говорят, что единственною заботою и целью ее будет образовать и поднять народ как экономически, так и политически до такой степени, что всякое управление сделается скоро ненужным и государство, утратив весь политический, т.е. господствующий характер, обратится само собою в совершенно свободную организацию экономических интересов и общин.

Тут явное противоречие. Если их государство будет действительно народное, то зачем ему упраздниться, если же его упразднение необходимо для действительного освобождения народа, то как же они смеют его называть народным? Своею полемикою против них мы довели их до сознания, что свобода, или анархия, т.е. вольная организация рабочих масс снизу вверх, есть окончательная цель общественного развития и что всякое

государство, не исключая и их народного, есть ярмо, значит, с одной стороны, порождает деспотизм, а с другой — рабство.

5. Уничтожение государства и юридического права необходимо будет иметь следствием уничтожение личной наследственной собственности и юридической семьи, основанной на этой собственности, так как та и другая совершенно не допускают человеческой справедливости.

6. Уничтожение государства, права собственности и юридической семьи — одно сделает возможным организацию народной жизни снизу вверх, на основании коллективного труда и собственности, сделавшихся в силу самих вещей возможными и обязательными для всех путем совершенной, свободной федерации отдельных лиц в ассоциации, или в независимые общины, или помимо общин и всяких областных и национальных разграничений в великие однородные ассоциации, связанные тождественностью их интересов и социальных стремлений и общих в нации, наций в человечество.

Как же морализировать этот мир? Возбуждая в нем прямо, сознательно и укрепляя в его уме и сердце единую, всепоглощающую страсть

всенародного общечеловеческого освобождения. Это новая, единственная религия, силою которой можно шевелить души и создавать спасительную коллективную силу. Таково должно быть отныне единственное содержание тайной организации, организации, которая должна в одно и то же время создать народо-вспомогательную силу и сделаться практической школою нравственного воспитания для всех членов.

Прежде всего определим ближе цель, значение и назначение этой организации. В моей системе, как я уже несколько раз заметил выше, она не должна составлять революционной армии — у нас должна быть только одна революционная армия — народ, — организация должна быть лишь только штабом этой армии, организатором не своей, а народной силы, посредницею между народным инстинктом и революционной мыслию. А революционная мысль только потому и революционерна, жива, действительна, истинна, что она выражает и только поскольку она формирует народные инстинкты, выработанные историею. Стремиться навязать народу *свою* мысль, простую □...] или чуждую его инстинктам, — значит хотеть поработить его новому государству. Поэтому организация, хотящая искренно только освобождения народной жизни, должна принять программу, которая была бы полнейшим выражением народных стремлений. Организации предстоит огромная задача: не только приготовить торжество революции народной посредством пропаганды и сплочения народных сил; не только разрушить до конца силою этой революции весь ныне существующий экономический, социальный и политический порядок вещей; но еще, пережив

самое торжество революции, на другой день народной победы сделать невозможным установление какой бы то ни было государственной власти над народом — даже самой революционной, по-видимому, даже вашей, — потому что всякая власть, как бы она ни называлась, непременно образом подвергла бы народ старому рабству в новой форме. Поэтому организация наша должна быть довольно крепка и живуча, чтобы пережить первую победу народа, — а это совсем нелегкое дело, — должна быть так глубоко проникнута своим началом, чтобы можно было надеяться, что даже посреди самой революции она не изменит ни мыслей, ни характера, ни направления. В чем же должно будет состоять это направление? Что будет главной целью и задачей организации? *Помочь народу самоопределиться на основании полнейшего равенства и полнейшей и всесторонней человеческой свободы, без малейшего вмешательства*

какой бы то ни было, даже временной или переходной, власти, т.е. без всякого государственного посредства.

Мы отъявленные враги всякой *официальной власти* — будь она хоть распререволюционная власть, — враги всякой публично признанной диктатуры, мы — социально-революционные анархисты.

Печатается по: *Бакунин М.А.* Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 482, 483, 525, 546.

П.А. КРОПОТКИН

Хлеб и воля

□...□ Всякое общество, покончившее с частной собственностью, должно будет, по нашему мнению, организовать на началах анархического коммунизма. Анархизм неизбежно ведет к коммунизму, а коммунизм — к анархизму, причем и тот и другой представляют собой не что иное, как выражение одного и того же стремления, преобладающего в современных обществах, — стремления к равенству.

Но наш коммунизм не есть коммунизм фаланстера или коммунизм немецких теоретиков-государственников. Это — коммунизм анархический, коммунизм без правительства, коммунизм свободных людей. Это — синтез, т.е. соединение в одно двух целей, преследовавшихся человечеством во все времена: свободы экономической и свободы политической. [...]

Печатается по: *Кропоткин П.А.* Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., 1990. С. 46, 52.

Современная наука и анархия

[...] В силу различных исторических, политических и экономических данных, а также в силу уроков новейшей истории, у анархистов сложился, как мы уже сказали, свой взгляд на общество, совершенно иной, чем у всех политических партий, стремящихся к захвату государственной власти в свои руки. Мы представляем себе общество в виде организма, в котором отношения между отдельными его членами определяются не законами, наследием исторического гнета и прошлого варварства, не какими бы то ни было властителями, избранными или же получившими власть по на-

следию, а взаимными соглашениями, свободно состоявшимися, равно как и привычками и обычаями, также свободно признанными. Эти обычаи, однако, не должны застывать в своих формах и превращаться в нечто незыблемое под влиянием законов или суеверий. Они должны постоянно развиваться, применяясь к новым требованиям жизни, к прогрессу науки и изобретений и к развитию общественного идеала, все более разумного, все более возвышенного.

Таким образом — никаких властей, которые навязывают другим свою волю, никакого владычества человека над человеком, никакой неподвижности в жизни, а вместо того — постоянное движение вперед, то более скорое, то замедленное, как бывает в жизни самой природы. Каждому отдельному лицу предоставляется, таким образом, свобода действий, чтобы оно могло развить все свои естественные способности, свою *индивидуальность*, т.е. все то, что в нем может быть *своего*, личного, особенного. Другими словами — никакого *навязывания* отдельному лицу каких бы то ни было действий под угрозой общественного наказания или же сверхъестественного мистического возмездия: общество ничего не требует от отдельного лица, чего это лицо само не согласно добровольно в данное время исполнить. Наряду с этим — полнейшее равенство в правах для всех.

Мы представляем себе общество равных, не допускающих в своей среде никакого принуждения; и, несмотря на такое отсутствие принуждения, мы нисколько не боимся, чтобы в

обществе равных вредные обществу поступки отдельных его членов могли бы принять угрожающие размеры. Общество людей свободных и равных сумеет лучше защитить себя от таких поступков, чем наши современные государства, которые поручают защиту общественной нравственности полиции, сыщикам, тюрьмам — т.е. университетам преступности, — тюремщикам, палачам и судам. В особенности сумеет оно *предупредить* самую возможность противообщественных поступков путем воспитания и более тесного общения между людьми.

Ясно, что до сих пор нигде еще не существовало общества, которое применяло бы на деле эти основные положения. Но во все времена в человечестве было стремление к их осуществлению. Каждый раз, когда некоторой части человечества удавалось хоть на время свергнуть угнетавшую его власть или же уничтожить укоренившиеся неравенства (рабство, крепостное право, самодержавие, владычество известных каст или классов), всякий раз, когда новый луч свободы и равенства проникал в общество, всегда народ, всегда угнетенные старались хотя бы отчасти провести в жизнь только что указанные основные положения.

Поэтому мы вправе сказать, что анархия представляет собой известный общественный идеал, существенно отличающийся от всего того, что до сих пор восхвалялось большинством философов, ученых и политиков, которые все хотели управлять людьми и давать им законы. Идеалом господствующих классов анархия никогда не была. Но зато она часто являлась более или менее признанным *идеалом масс*.

Государство в совокупности есть общество взаимного страхования, заключенного между землевладельцем, воином, судьей и священником, чтобы обеспечить каждому из них власть над народом и эксплуатацию бедноты.

Таково было происхождение государства, такова была его история, и таково его существо еще в наше время, [...] Государство — нечто гораздо большее, чем организация администрации в целях водворения «гармонии» в обществе, как это говорят в университетах. Это — организация, выработанная и усовершенствованная медленным путем на протяжении трех столетий, чтобы поддерживать права, приобретенные известными классами, и пользоваться трудом рабочих масс; чтобы расширить эти права и создать новые, которые ведут к новому закреплению обездоленных законодательством граждан по отношению к группе лиц, осыпанных милостями правительственной иерархии. Такова истинная сущность государства. Все остальное — лишь слова, которые государство само велит внушать народу и которые повторяются по привычке, не избирая их более внимательно, — слова столь же ложные, как и те,

которым учит церковь, чтобы прикрыть свою жажду власти, богатства и опять-таки власти!

Печатается по: *Кропоткин П.А.* Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., 1990. С. 287, 288, 347, 533.

П.Н. ТКАЧЕВ

Задачи революционной пропаганды в росши

(Письмо к редактору журнала «Вперед!»)

П

Что подразумевает наш журнал под словом *революция*? Народное движение, направленное к уничтожению существующего порядка вещей, к устранению тех исторически выработавшихся условий экономического быта, которые его дают и порабощают. Это слишком обще. Какое движение? *Осмысленное, разумное, вызванное ясным сознанием*

принципиальных недостатков диких общественных условий, руководимое верным и отчетливым пониманием как его средств, так и конечных целей. Это сознание и это понимание должны быть присущими всему народу или по крайней мере большинству его, — только тогда, по вашему мнению, совершится истинная народная революция. Всякую другую революцию вы называете искусственным «навязыванием народу революционных идей».

[...] «Будущий строй русского общества, — гласит ваша программа, — осуществлению которого мы решились содействовать, должен воплотить в дело *потребности большинства, им самим сознанные и понятые*». [...].

Следовательно, революцию вы понимаете в смысле осуществления в общественной жизни потребностей большинства, им самим *сознанных и понятых*. Но разве это будет революция в смысле насильственного переворота? Разве когда большинство сознает и поймет как свои потребности, так и те пути и средства, с помощью которых их можно удовлетворить, разве тогда ему нужно будет прибегать к насильственному перевороту? О, поверьте, оно сумеет тогда сделать это, не проливая ни единой капли крови, весьма мирно, любезно и, главное, *постепенно*. Ведь сознание и понимание всех потребностей придет к нему не вдруг. Значит, нет резона думать, будто и осуществлять эти потребности оно примется зараз: сначала оно сознает одну потребность и возможность удовлетворить ее, потому другую, третью и т.д., и, наконец, когда оно дойдет до

сознания своей последней потребности, ему уже даже и бороться ни с кем не придется, а уже о насилии и говорить нечего.

Значит, ваша революция есть не иное что, как утопический путь *мирного прогресса*. Вы обманываете и себя и читателей, заменяя слово *прогресс* словом *революция*. Ведь это шулерство, ведь это подтасовка!

Неужели вы не понимаете, что революция (в обыденном смысле слова) тем-то и отличается от мирного прогресса, что первую делает меньшинство, а второй — большинство. Оттого первая проходит обыкновенно быстро, бурно, беспорядочно, носит на себе характер урагана, стихийного движения, а второй совершается тихо, медленно, плавно, «с величественной торжественностью», как говорят историки. Насильственная революция тогда только и может иметь место, когда меньшинство не хочет ждать, чтобы большинство само сознало свои потребности, но когда оно решается, так сказать, *навязать* ему это сознание, когда оно старается довести глухое и постоянно присущее народу чувство недовольства своим положением до взрыва.

И затем, когда этот взрыв происходит, — происходит не в силу какого-нибудь ясного *понимания и сознания* и т.п., а просто в силу накопившегося чувства недовольства, озлобления, в силу невыносимости гнета, — когда этот взрыв происходит, тогда меньшинство старается только придать ему осмысленный, разумный характер, направляет его к известным целям, облакает его грубую чувственную основу в идеальные принципы. Народ действительной революции — это бурная стихия, все уничтожающая и разрушающая на своем пути, действующая всегда безотчетно и бессознательно. Народ *вашей* революции — это цивилизованный человек, вполне уяснивший себе свое положение, действующий сознательно и целесообразно, отдающий отчет в своих поступках, хорошо понимающий, *чего* он хочет, понимающий свои истинные потребности и свои права, человек принципов, человек идей.

Но где же видано, чтобы цивилизованные люди делали революции! О нет, они всегда предпочитают путь мирного и спокойного прогресса, путь *бескровных* протестов, дипломатических компромиссов и реформ — пути насилия, пути крови, убийств и грабежа. [...]

Даже нашему III Отделению, впадающему в умоисступление при одном слове *революция, подобная революция* — *ваша* революция, революция, обусловленная «ясным сознанием и пониманием большинством своих потребностей», не может быть страшной. Напротив, его прямой интерес состоит в том, чтобы пропагандировать ее идеи. С помощью такой пропаганды можно

совсем сбить молодежь с толку, представляя ей *действительную революцию* как искусственное навязывание народу неосознанных и непрочувствованных им идей, как нечто деспотическое, эфемерное, скоротечное и потому вредное; уверяя ее, что победа народного дела, что радикальный переворот всех существующих общественных отношений зависит от степени сознания народом его прав и потребностей, т.е. от степени его умственного и нравственного развития, можно незаметно довести ее до убеждения, будто развивать народ и уяснять ему его потребности и т.п. — значит готовить не торжество мирного прогресса, а торжество *истинной* революции. [...]

IV

[...] Революции делают революционеры, а революционеров создают данные социальные условия окружающей их среды. Всякий народ, заявленный произволом, измученный эксплуататорами, осужденный из века в век поить своею кровью, кормить своим телом праздное поколение

тунеядцев, скованный по рукам и по ногам железными цепями экономического рабства, — всякий такой народ (а в таком положении находятся *все* народы) в силу самых условий своей социальной среды есть революционер; он всегда *может*; он всегда *хочет* сделать революцию; он всегда готов к ней. И если он в действительности не делает ее, если он в действительности с ослиным терпением продолжает нести свой мученический крест... то это только потому, что в нем забита всякая внутренняя инициатива, что у него не хватает *духа* самому выйти из своей колеи; но раз какой-нибудь внешний толчок, какое-нибудь неожиданное столкновение выбили его из нее — и он поднимается, как бурный ураган, и он делает революцию. Наша учащаяся молодежь точно так же в большинстве случаев находится в условиях, благоприятных для выработки в ней революционного настроения. Наши юноши — революционеры не в силу своих знаний, а в силу своего социального положения. Большинство их — дети родителей-пролетариев или людей, весьма недалеко ушедших от пролетариев. Среда, их вырастившая, состоит либо из бедняков, в поте лица своего добывающих хлеб, либо живет на хлебах у государства; на каждом шагу она чувствует свое экономическое бессилие, свою зависимость. А осознание своего бессилия, своей необеспеченности, чувство зависимости всегда приводят к чувству недовольства, к озлоблению, к протесту. Правда, в положении этой среды есть и другие условия, парализующие действие экономической нищеты и политической зависимости; условия, до известной степени примиряющие с

жизнью потому, что они дают возможность эксплуатировать чужой труд; условия, заглушающие недовольство, забивающие протест, развивающие в людях тот узкий, скотский эгоизм, который не видит ничего дальше своего носа, который приводит к рабству и тупому консерватизму. Но юноши, еще не охваченные губительным влиянием условий второго рода, еще не втянувшиеся в будничную практику прошлой жизни, не успевшие присосаться ни к одному из легализированных способов грабежа и эксплуатации, юноши, не видящие ничего в будущем, кроме необеспеченности и зависимости, вынесшие из прошлого безотрадные воспоминания о всякого рода унижениях и страданиях, которым зависимость и нищета подвергают человека, — эти юноши, едва они начинают сознательно мыслить, невольно, неизбежно приходят к мысли о необходимости революции, невольно, неизбежно становятся революционерами.

[...]

VI

[...] Ваш журнал решительный противник борьбы агитационной, он признает лишь одну борьбу — борьбу философскую, борьбу с точки зрения общих принципов. В своей программе (стр. 6) вы говорите, что идя вас всего важнее вопрос социальный, т.е. общие экономические принципы, которые лежат в основе исторического общества, и что внимание вашего журнала исключительно будет обращаться на факты, имеющие наиболее тесную, прямую связь с этими принципами, следовательно, на факты из экономической жизни народа; факты же, в которых экономические принципы воплощаются лишь косвенно, *посредственно*, будут интересовать вас только в слабой степени, вы отодвинете их на задний план.

Политический вопрос, т.е. тот политический вопрос, который всех нас давит, безумный деспотизм самодержавия, возмутительный произвол хищнического правительства, наше общее бесправие, наше постыдное рабство — все это для вас вопросы второстепенные. Вы слишком заняты созерцанием *коренных причин* зла, чтобы обращать внимание на такие *мелочи*. Но *коренные причины* зла одинаковы как для России, так и для всей 3[ападной] Европы, только в 3[ападной] Европе благодаря более высокому развитию экономической жизни они проявляются в более резких, более рельефных формах и их влияние на все прочие сферы жизни, и в особенности на сферу политическую, осязательнее, нагляднее.

Отсюда, в интересах разъяснения фальшивости и несправедливости общих *экономических принципов* гораздо практичнее обращаться за фактами к Европе, а не к России. Ее жизнь представляет если и не более обильный, то во всяком случае более разработанный материал для подобного разъяснения, чем наша. Вы это понимаете, и потому ваш журнал гораздо пристальнее следит за рабочим движением в Западной Европе, чем за внутренней жизнью России; вопросам общеевропейского интереса он уделяет столько же, если не больше, места, как и вопросам, имеющим специально русский интерес. [...]

Вот потому-то истинно революционная партия ставит своей главной, своей первостепенной задачей не подготовку революции вообще, в отдаленном будущем, а осуществление ее в возможно ближайшем настоящем. Ее орган должен быть и органом этой идеи; мало того, он должен служить одним из практических средств, *непосредственно* содействующих скорейшему наступлению насильственного переворота. Иными словами, он должен не столько заботиться о теоретическом *уяснении*

и философском *понимании принципиальных* несовершенств данного порядка вещей, сколько о возбуждении к нему отвращения и ненависти, о накоплении и распространении во всех слоях общества чувств недовольства, озлобления, страстного желания *перемены*.

Следовательно, хотя интересы революционной партии и не исключают теоретической, *научной* борьбы, но они требуют, чтобы борьба практическая, агитаторская была выдвинута на первый план. Они требуют этого не только ввиду настоятельной неотложности революции, но также и ввиду других не лишенных значения соображений. Наша молодежь, наше интеллигентное меньшинство страдает не столько недостатком ясного понимания несостоятельности общих экономических принципов, лежащих в основе нашего быта, сколько недостатком сильных аффективных импульсов, толкающих людей на практическую революционную деятельность. Следовательно, развитие этих импульсов (что и составляет одну из главных задач революционной агитации) в высокой степени необходимо в интересах более усиленного комплектования кадров революционной армии. [...]

VII

После всего мною сказанного я, как мне кажется, имею некоторое право утверждать, что с точки зрения насущных интересов русской революционной партии задачи ее революционной пропаганды могут быть сформулированы следующим образом.

1. *По отношению к образованному большинству*, по отношению к привилегированной среде, равно как и *по отношению к народу*,

она должна преследовать главнейшим образом цели *агитаторские*. Она должна возбуждать в обществе чувство недовольства и озлобления существующим порядком, останавливая его внимание главным образом на тех именно фактах, которые всего более способны вызвать и разжечь это чувство. При выборе этих фактов она должна соображаться не столько с тем, в какой мере в них воплощаются общие принципы данного порядка, сколько с тем, в какой мере они причиняют действительные, осязательные страдания людям той или другой среды.

2. По отношению к революционной молодежи, к своей партии она должна преследовать цели по преимуществу *организационные*. Убеждая ее в настоятельной необходимости непосредственной, практической революционной деятельности, она должна выяснить ей, что главное условие успеха этой деятельности зависит от прочной организации

ее революционных сил, от объединения частных, единичных попыток в одно общее, дисциплинированное, стройное целое. [...]

Печатается по: *Ткачев П.Н.* Соч.: В 2 т. М., 1976. Т. 2. С. 12—13, 16—19, 23—25, 26, 29, 31, 34—35, 36—39.

К.Н. ЛЕОНТЬЕВ

Византизм и славянство

Г л а в а VII

О государственной форме

[...] Социальная наука едва родилась, а люди, пренебрегая опытом веков и примерами ими же теперь *столь уважаемой природы*, не хотят видеть, что между эгалитарно-либеральным поступательным движением и идеей развития нет ничего логически родственного, даже более: *эгалитарно-либеральный процесс есть антитеза процессу развития*. При последнем внутренняя идея держит крепко общественный материал в своих организующих, деспотических объятиях и ограничивает его разбегающиеся, расторгаящие стремления. Прогресс же, борющийся против всякого деспотизма сословий, цехов, монастырей, даже богатства и т.п., есть *не что иное, как процесс разложения*, процесс того вторичного *упрощения целого и смешения составных частей*, о котором я говорил выше, процесс сглаживания морфологических очертаний, процесс уничтожения тех особенностей, которые были органически (т.е. деспотически) свойственны общественному телу.[...]

Государство есть, с одной стороны, как бы дерево, которое достигает своего полного роста, цвета и плодоношения, повинуюсь некоему таинственному не зависящему от нас

деспотическому повелению внутренней, вложенной в него идеи. С другой стороны, оно есть машина, и сделанная людьми полусознательно, и содержащая людей, как части, как колеса, рычаги, винты, атомы, и наконец, машина, вырабатывающая, образующая людей. Человек в государстве есть в одно и то же время и механик, и колеса или винт, и продукт общественного организма.

На которое бы из государств древних и новых мы ни взглянули, у всех найдем одно и то же общее: простоту и однообразие вначале, *больше равенства и больше свободы* (по крайней мере фактической, если не юридической свободы), *чем будет после...* Потом мы видим большее или меньшее *укрепление власти*, более глубокое или менее резкое

(смотря по задаткам первоначального строения) *разделение сословий, большее разнообразие быта и разнохарактерности областей.* □...□

Вообще в эти сложные цветущие эпохи есть какая бы то ни было аристократия, политическая, с правами и положением, или только бытовая (т.е.), только с положением без резких прав, или еще чаще стоящая на грани политической и бытовой. Эвпатриды Афин, феодальные сатрапы Персии, оптиматы Рима, маркизы Франции, лорды Англии, воины Египта, спатиаты Лаконии, знатные дворяне России, паны Польши, беи Турции.

В то же время, по внутренней потребности единства, есть склонность и к единоличной власти, которая по праву или только по факту, но всегда крепнет в эпоху цветущей сложности. Являются великие замечательные диктаторы, императоры, короли или, по крайней мере, гениальные демагоги и тираны (в древнеэллинском смысле), Фемистоклы, Периклы и т.п. [...]

Вместо того, чтобы или наивно, или нечестно становиться, ввиду какого-то конечного блага, на разные предвзятые точки зрения, коммунистическую, демократическую, либеральную и т.д., научнее было бы подвергать все одинаковой, бесстрастной, безжалостной оценке, и если бы итог вышел либо либеральный, либо охранительный, либо сословный, либо бессословный, то не мы, так сказать, были бы виноваты, а сама наука.

Статистики нет никакой для субъективного блаженства отдельных лиц; никто не знает, при каком правлении люди живут приятнее. Бунты и революции мало доказывают в этом случае. Многие веселятся бунтом. [...]

Никакой нет статистики для определения, что в республике жить лучше частным лицам, чем в монархии; в ограниченной монархии лучше, чем в неограниченной; в эгалитарном государстве лучше, чем в сословном; в богатом лучше, чем в бедном. Поэтому, отстраняя мерило благоденствия, как недоступное еще современной социальной науке (быть может, и навсегда неверное и малопригодное), гораздо безошибочнее будет обратиться к объективности, к картинам и спрашивать себя, нет ли каких-нибудь всеобщих и весьма простых законов для развития и разложения человеческих обществ?

И если мы не знаем, возможно ли всеобщее царство блага, то, по крайней мере, постараемся дружными усилиями постичь, по мере

наших средств, что пригодно для блага того или другого частного государства. □...□

Государственная форма у каждой нации, у каждого общества своя; она в главной основе неизменная до гроба исторического, но меняется быстрее или медленнее в частности, от начала до конца.

Вырабатывается она не вдруг и не сознательно сначала; не вдруг понятна; она выясняется лишь хорошо в ту среднюю эпоху наибольшей сложности и высшего единства, за которой постоянно следует, рано или поздно, частная порча этой формы и затем разложение и смерть.

Так, государственная форма древнего Египта была резко сословная монархия, вероятно, глубоко ограниченная жреческой аристократией и вообще религиозными законами.

Персия была, по-видимому, более феодального, рыцарского происхождения; но феодальность ее сдерживалась безграничным в принципе царизмом, земным выражением добра, Ормузда.

История Греции и Рима больше обработана, и потому на них все это еще яснее.

Афины именно в цветущий период выработали свойственную им государственную форму.

Это — демократическая республика, однако с *привилегиями, с экпатридами, с денежным цензом, с рабами* и, наконец, с склонностью к фактической, незаконной, непрочной диктатуре Периклов, Фемистоклов и т.д.

Форма эта, которой естественные залого хранились, конечно, в самих нравах и обстоятельствах, выработалась именно в цветущий сложный период, от Солона до Пелопоннесской войны. Во время этой войны началась порча, начался эгалитарный *прогресс*.

Свободы было и без того много: захотелось больше равенства. Спарта, от эпохи Ликурга до унижения фиванцами, выработала также свою, чрезвычайно оригинальную, стеснительную и деспотическую форму аристократического республиканского коммунизма с чем-то вроде двух наследственных президентов.

Форма эта была несравненно стеснительнее, деспотичнее афинской, и поэтому жизни и творчества в Афинах было больше, а в Спарте меньше, но зато Спарта была сильнее и долговечнее.

Все остальные государства греческого мира колебались, вероятно, между дорической формой Спарты и ионийской формой Афин. Потребность формы, стеснения, деспотизма, дисциплины, исходящей из нужд самосохранения, была и в этом распушенном и раздробленном эллинском

мире так велика, что во многих государствах демократического характера (т.е., вероятно, там, где выразился слабее деспотизм сословный) вырабатывалась тирания, т.е. дисциплина единоличной власти (Поликрат, Периандр, Дионисий Сиракузский и др.).

Феодализм сельский, помещичий или рыцарский был, по-видимому, всегда ничтожен в Элладе почти также, как и в Риме; все аристократии Эллады и Рима имели городской характер; все они были, так сказать, муниципального происхождения.

История Македонии очень бедна, и сведений о первоначальной организации македонского царства у нас мало. Но некоторые историки полагают, что у македонян был феодализм выражен сильнее муниципальности (и действительно, о городах македонских почти нет и речи, а все слышно лишь о царях и их *дружине*, о «Генералах» Александра),

Ослабевший эллинский муниципальный мир, соединившись потом с грубой, неясной (неразвитой, вероятно) феодальностью македонян, дошел до мгновенного государственного единства при Филиппе и Александре и только тогда стал в силах распространять свою цивилизацию до самой Индии и внутренней Африки. *Опять-таки, значит, для наибольшего величия и силы. оказалась нужной большая сложность формы — сопряжение аристократии с монархией. [...]*

Именно в это время выработалась та муниципальная, избирательная диктатура, императорство, которое так долго дисциплинировало Рим и послужило еще потом и Византии.

То же самое мы видим и в европейских государствах.

Италия, возросшая на развалинах Рима, около эпохи Возрождения, и раньше всех других европейских государств, выработала свою государственную форму *в виде двух самых крайних антитез* — с одной стороны, *высшую централизацию, в виде государственного папства*, объединявшего весь католический мир далеко вне пределов Италии, с *другой же* — *для самой себя, для Италии собственно, форму крайне децентрализованную, муниципально-аристократических малых государств*, которые постоянно колебались между олигархией (Венеция и Генуя) и монархией (Неаполь, Тоскана и т.д.).

Государственная форма, прирожденная Испании, стала ясна несколько позднее. Это была *монархия самодержавная и аристократическая, но провинциально мало сосредоточенная*, снабженная местными и отчасти сословными вольностями и привилегиями, *нечто среднее между Италией и Францией*.

Эпоха Карла V и Филиппа II есть эпоха цвета.

Государственная форма, свойственная Франции, была в высшей степени централизованная, крайне сословная, но самодержавная монархия. Эта форма выяснилась постепенно при Людовике XI, Франциске I, Ришелье и Людовике XIV; исказилась она в 89-м году.

Государственная форма Англии была (и отчасти есть до сих пор) ограниченная, менее Франции вначале сословная, децентрализованная монархия, или, как другие говорят, аристократическая республика с наследственным президентом. Эта форма выразилась почти одновременно с французской при Генрихе VIII, Елизавете и Вильгельме Оранском.

Государственная форма Германии была (до Наполеона I и до годов 48 и 71) следующая: союз государств небольших, отдельных, сословных, более или менее самодержавных, с избранным императором — сюзереном (не муниципального, а феодального происхождения).

Все эти, уже выработанные ясно формы начали постепенно меняться у одних с XVIII столетия, у других в XIX веке. Во всех открылся эгалитарный и либеральный процесс.

Можно верить, что польза есть от этого какая-нибудь, общая для Вселенной, но уже никак не для долгого сохранения самих этих относительных государственных миров.

Реакция не потому не права, что она не видит истины, нет!

Реакция везде чует эмпирически истину; но отдельные ячейки, волокна, ткани и члены организма стали сильнее в своих

эгалитарных порывах, чем власть внутренней организующей деспотической идеи! [...]

После цветущей и сложной эпохи, как только начинается процесс вторичного упрощения и смешения контуров, т.е. большое однообразие областей, смешение сословий, подвижность и шаткость властей, принижение религии, сходство воспитания и т.п., как только деспотизм формологического процесса слабеет, так *в смысле государственного блага все прогрессисты становятся не правы в теории, хотя и торжествуют на практике.* Они не правы в теории; ибо, думая исправлять, они разрушают; они торжествуют на практике; ибо идут легко по течению, стремятся по *наклонной плоскости.* *Они торжествуют, они имеют громкий успех.*

Все охранители и друзья реакции правы, напротив, в теории, когда начинается процесс вторичного упрощительного смешения: *ибо они хотят лечить и укреплять организм.* Не их вина, что они ненадолго торжествуют; не их вина, что нация не умеет уже выносить дисциплину отвлеченной государственной идеи, скрытой в недрах ее!

Они все-таки делают свой долг и, сколько могут, замедляют разложение, возвращая нацию, иногда и насильственно, к культуре создавшей ее государственности. [...]

Я предвижу еще одно возражение: я знаю, мне могут сказать, что пред концом культурной жизни и пред политическим падением государств заметнее *смешение*, чем *упрощение*. И в древности, и теперь. Но, во-первых, самое смешение есть уже своего рода упрощение картины, упрощение юридической ткани и бытовой узорности. Смешение всех цветов ведет к серому или белому. А главное основание вот где. Я спрашиваю: просты ли нынешние копты, потомки египтян или арабы Сирии? Просты ли были рагани, сельские идолопоклонники, которые держались еще после падения и исчезновения эллино-римской религиозности и культуры в высших слоях общества? Просты ли были христиане-греки под турецким игом до восстания 20-х годов? Просты ли гебры, остатки огнепоклонников культурного персо-мидийского мира?

Конечно, все перечисленные люди, общины и народные остатки *несравненно проще, чем были люди, общины, нации в эпоху цвета* Египта, Калифата, греко-римской цивилизации, чем персы во времена Дария Гистаспа или византийцы во времена Иоанна Златоуста, Люди проще лично, по мыслям, вкусам, по несложности сознания и потребностей; общины и целые национальные или религиозные остатки проще потому, что люди в их среде *все очень сходны и равны между собою*. Итак, *прежде смешение и некоторая степень вторичного принижения* (то есть;

количественное упрощение), потом *смерть своеобразной культуры в высших слоях или гибель государства* и, наконец, *переживающая свою государственность вторичная простота национальных и религиозных остатков*. [...]

Печатается по: *Леонтьев К.* Записки отшельника. М., 1992. С. 118—132.

Национальная политика как орудие всемирной революции

(Письма к О.И. Фуделю)

[...] *«Движение современного политического национализма есть не что иное, как видоизмененное только в приемах распространения космополитической демократизации».*

У многих вождей и участников этих движений XIX века цели действительно были национальные, обособляющие, иногда даже культурно-своеобразные, но результат до сих пор был у всех и везде один — *космополитический*. [...]

Все эти нации, все эти государства, все эти общества (Европы. — Сост.) сделали за эти 30 лет огромные шаги на пути эгалитарного либерализма, демократизации, равноправности, на пути внутреннего смешения классов, властей, провинций, обычаев, законов и т.д. И в то же время они все много «преуспели» на пути большого сходства с другими государствами и другими обществами. Все общества Запада за эти 30 лет больше стали похожи друг на друга, чем были прежде.

Местами более против прежнего крупная, а местами более против прежнего чистая группировка государственности по племенам и нациям есть поэтому не что иное, как поразительная по силе и ясности своей подготовки к переходу в господство космополитическое, сперва всеевропейское, а потом, быть может, и всемирное!

Это ужасно! Но еще ужаснее, по-моему, то, что у нас в России до сих пор никто этого не видит и не хочет понять... [...]

Все идут к одному — к какому-то среднеевропейскому типу общества и к господству какого-то среднего человека. И если не произойдет в XIX веке где-нибудь и какой-нибудь невообразимый даже переворот в самих идеях, потребностях, нуждах и вкусах, то и будут так идти, пока не сольются все в одну — всеевропейскую — республиканскую федерацию.

Поэтому ни о Португалии, ни о Голландии, ни о Швейцарии, Дании или Швеции не стоит и распространяться по поводу того широкого и серьезного вопроса, который нас занимает.

В культурно-бытовом отношении во всех этих небольших государственных мирах и без того с каждым годом остается все меньше и меньше своеобразного и духовно-независимого. А политическая, внешняя независимость их держится лишь соперничеством или милостию больших держав. [...]

Если бы случалось всегда так, что плоды политические, социальные и культурные соответствовали бы замыслам руководителей движения или идеалам и сочувствиям руководимых масс, то умственная задача наша была бы гораздо проще и доступнее какому-нибудь реальному и осязательному объяснению.

Но когда мы видим, что победы и поражения, вооруженные восстания народов и если не всегда «благодетельные», *то несомненно благонамеренные реформы* многих монархов, освобождение и покорение наций, — одним словом, самые противоположные исторические обстоятельства и события приводят всех к одному результату — *к демократизации внутри и к ассимиляции вовне*, то, разумеется, является потребность объяснить все это более глубокой, высшей и отдаленной (а может быть, и весьма печальной) *телеологией*. [...]

Но оставим пока эти общие рассуждения. Припомним лучше еще раз ближайшие события европейской истории с того года (с 59-го), в который Наполеон III вздумал «официально», так сказать, написать на знамени своем этот самый девиз *«политической национальности»*.

Я не боюсь повторений. Раз решившись писать об этом, я боюсь только неясности.

Факты же современной истории до такой грубости наглядны, до такой вопиющей скорби поучительны, что они сами говорят за себя, и я не могу насытиться их изложением.

В 1859 году Наполеон III сговаривается с Пиемонтом и в союзе с ним побеждает Австрию, которая противится этому национально-патриотическому принципу.

Этот приговор истории повторяется с тех пор неизменно: все то, что противится политическому движению племен к освобождению, объединению, усилению их в государственной отдельности и чистоте, — все это побеждено, унижено, ослаблено. И заметьте, все это противящееся (за немногими

исключениями, подтверждающими лишь общее правило) носит тот или другой *охранительный характер*. Побеждена Австрия католическая, монархическая, самодержавная, аристократическая — Австрия, которую недаром же предпочитал даже и Пруссии наш великий охранитель Николай Павлович. Заметьте, что и безучастие России в 1859 году, ее почти что потворство французским победам и ее все возрастающее нерасположение к Австрии доказывает, что в начале 60-х годов и позднее не только в обществе русском, но и в правительственных сферах *племенные чувства начинают брать верх над государственными инстинктами*. Это одно, по-моему, уже не делает чести племенному чувству, нехорошо рекомендует его. Все то, что начало нравиться в 60-х годах, — подозрительно. Это станет еще понятнее, когда вы вспомните, что пробуждение этого племенного чувства у нас совпадает по времени с весьма искренним и сильным внутреннеуравнительным движением (эмансипации и т.д.).

Мы тогда стали больше думать о славянском национализме и дома, и за пределами России, когда учреждениями и нравами стали вдруг быстро приближаться ко все-Европе. (Не горько ли это?!)

Мы даже на войско надели тогда французское кепи. *Это очень важный символ!* Ибо, имея в духе нашем очень мало склонности к действительному творчеству, мы всегда носим в сердце какой-нибудь готовый западный идеал. Прусская каска Николая I, символ монархии сословной, нам тогда разонравилась, и безобразное кепи, наряд эгалитарного кесаризма, нам стала больше по сердцу! Прошу вас, *задумайтесь* над этим! Это вовсе не пустяки; это очень важно! [...]

Посмотрите: когда нужно было (по решению и мановению невидимой десницы) победить в Крыму Россию, *монархию крепко-сословную, дворянскую, консервативную, самодержавную*, а в 1859 году Австрию, державу тоже (и даже более, чем Россия) *охранительную*, — у Наполеона III, у министров и генералов его нашлись и сила, и мудрость, и предусмотрительность — все нашлось! Когда же потребовалось создание *весьма либеральной, естественно-конституционной, антипапской и давно уже слабо-аристократической Италии* (вдобавок глубоко разьедаемой социализмом), то против Австрии, мешавшей этому, сила нашлась, но против Италии *не нашлось мудрости*. Старик Тьер, говоривший уже тогда против итальянской эмансипации, был гласом вопиющего в пустыне!

Обратите еще внимание и на то, что случилось вслед за этим с Францией в 1862 и 1863 годах. Взбунтовалась *весьма дворянская и весьма католическая Польша* против России, искренно увлеченной в то время своим разрушительно-эмансипационным процессом. У Франции не нашлось тут уже не только одной мудрости, но и силы. Она подняла на Западе в пользу реакционного польского бунта пустую словесную бурю, которая только ожесточила русских и сделала их строже к полякам; Россия же после этого стала смелее, сильнее, *еще и еще либеральнее сама и в тоже время насильственно демократизировала Польшу и больше прежнего ассимилировала ее.* [...]

Старайтесь не забывать при этом: что они обе — Польша и Россия — *боролись под знаменем национальным.* В России давно, давно уже все *русское общество* не содействовало правительству с таким единодушием и усердием, как во время этого польского мятежа. *Русское* это общество, движимое тогда оскорбленным *национальным, кровным* чувством своим, при виде неразумных посягательств поляков

на малороссийские и белорусские провинции наши, стало гораздо строже самого правительства и ...послужило, само того не подозревая, все к тому же и тому же *космополитическому всепретворению!*

До 1863 года и Польша, и Россия — обе *внутренними порядками своими гораздо менее, были похожи на современную им Европу, чем они обе стали после своей борьбы за национальность.* [...]

[...] Псевдонациональное или племенное начало [...] привело [Европу. — Сост.] шаг за шагом к низвержению всех тех устоев, на которых утвердилась и процветала западная цивилизация.

Итак, ясно, что политика племенная, обыкновенно называемая национальной, есть не что иное, как слепое орудие все той же всесветной революции, которой и мы, русские, к несчастью, стали служить с 1861 года.

В частности, поэтому и для нас политика чисто славянская (искренним *православным мистицизмом* не исправленная, глубоким отвращением к *прозаическим формам современной Европы* не ожесточенная) — есть политика революционная, космополитическая. И если в самом деле у нас есть в истории какое-нибудь особое, истинно национальное, мало-мальски своеобразное, другими словами — *культурное, а не чисто политическое призвание, то мы впредь должны смотреть на панславизм как на дело весьма опасное, если не совсем губительное.*

Истинное (то есть культурное, обособляющее нас в быте, духе, учреждениях) *славянофильство* или, точнее, *культурофильство*

должно отныне стать жестоким противником опрометчивого, чисто политического панславизма.

Если славянофилы-культуролобы не желают повторять одни только ошибки Хомякова и Данилевского, если они не хотят удовлетворяться одними только эмансипационными заблуждениями своих знаменитых учителей, а намерены, служить их главному, высшему идеалу, то есть национализму настоящему, оригинальному, обособляющему и утверждающему наш дух и бытовые формы наши, то они должны впредь остерегаться слишком быстрого разрешения всеславянского вопроса.

Идея православно-культурного русизма действительно оригинальна, высока, строга и государственна. Панславизм же во что бы то ни стало — это подражание, и больше ничего. Это идеал совре-

менно-европейский, *унитарно-либеральный*, это — стремление быть как все. Это все та же общеевропейская *революция*. Нужно теперь не славянолюбие, не славянопотворство, не славяноволие — нужно славяномыслие, славяנותворчество, славяноособие — вот что нужно теперь!.. Пора образумиться. Русским в наше время надо, ввиду всего перечисленного мною прежде, стремиться со страстью к самобытности *духовной, умственной и бытовой*... И тогда и остальные славяне пойдут со временем по нашим стопам. [...]

Неужели прав был Прудон, восклицая: «Революция XIX века не родилась из недр той или другой политической секты, она есть развитие какого-нибудь одного отвлеченного принципа, не есть торжество интересов одной какой-нибудь корпорации или какого-нибудь класса. *Революция — это есть неизбежный синтез всех предыдущих движений в религии, философии, политике, социальной экономике и т.д. и т.д. Она существует сама собою*, подобно тем элементам, которые в ней сочетались. Она, по правде сказать, приходит *не сверху* (т.е. не от разных правительств), *не снизу* (т.е. не от народа)...» [...]

Неужели же прав Прудон не для одной только Европы, но и для *всего человечества*? Неужели таково в самом деле *позволение Божие* и для нашей дорогой России?!

Неужели немного позднее других и мы с отчаянием *почувствуем*, что мчимся *бесповоротно* и по тому же проклятому пути?!

Неужели еще очень далека та точка *исторического насыщения равенством и свободой*, о которой я упоминал и после которой в обществах, имеющих еще развиваться и жить, должен начаться

постепенный поворот к *новому расслоению* и органической разновидности?.. Если так, то все погибло! Неужели ж нет надежд?

Нет, пока есть еще надежда — надежда именно на Россию, на ее современную реакцию, имеющую возможность совпасть с благоприятным для религии и культуры разрешением восточного вопроса.

Есть признаки не по ослеплению пристрастия, но «рационально» ободрительные!

Но они есть только у нас одних, а на Западе их нет вовсе!

Печатается по: *Леонтьев К.* Записки отшельника. М., 1992. С. 452, 460, 469—476, 496—498, 500—502.

И.А. ИЛЬИН

Кое-что об основных законах будущей России

О Российском государстве

Ст. 1. В порядке Божьего изволения возникшее, Божьим Промыслом в веках ведомое, Российское Государство утверждается как установление по духу своему христианское и национальное, призванное ко хранению и осуществлению закона правды в жизни российских народов.

Ст. 2. Российское Государство есть *правовое* единство, **священное, исторически преемственное, властное и действенное**. Оно покоится на братском единении русских людей, на их верности Богу, Отечеству, государственной власти и закону.

Ст. 3. Российское Государство *единое и нераздельно*. Оно имеет единый состав граждан, определяемый законом; единую, законом очерченную территорию, единую государственную власть, строение коей устанавливается основным законом, единый свод законов, в который включаются и все местные своды.

Всякое произвольное выхождение граждан из состава государства, всякое произвольное расчленение территории, всякое образование самостоятельной или новой государственной власти, всякое произвольное создание новых, основных или обыкновенных законов объявляется заранее недействительным и наказуется по всей строгости уголовного закона как измена или предательство.

Ст. 4. Российское Государство есть *правовой союз*. Каждый русский гражданин имеет свои неприкосновенные права, свои

установленные обязанности, свои ненарушимые запретности, все это устанавливается законом, ограждается властью и судом.

Всякое беззаконие, превышение власти, вымогательство и произвол преследуются. Праву подчинены все без исключения.

Основы правопорядка обязательны для всех.

Ст. 5. Российское Государство есть единство священное, ибо оно объединяет людей не только внешне, но и внутренне, не токмо за страх, но и за совесть, не токмо перед лицом всех людей, но и перед лицом Божиим. Российское Государство служит делу Божьему на земле: оно ограждает и обслуживает жизнь русского национального духа в его единстве и в его всенародной и общенародной совокупности.

Ст. 6. Российское Государство есть единство *исторически-преемственное*. Оно основано нашими предками; оно утверждено всенарод-

ными жертвами, приносившимися отечеству под водительством русских Князей и Государей; оно не может прекратиться и не прекращается никакими временными смутами, восстаниями, вторжениями и засилиями.

Ст. 7. Российское Государство *есть властное*, т.е. публично-правовое, и притом верховное. Оно само создает свою верховную власть, не подчиненную никакой внешней силе, никакой иной власти, явной или тайной, никакой иной державе. Русская государственная власть призвана править и повелевать: она властвует по праву и обязана в пределах права опираться на силу.

Ст. 8. Российское Государство *есть единство действенное*. Это означает, что русские граждане призваны к правовой свободе и самостоятельному творчеству, к добровольной законопослушности (лояльности), к верной, незазорной семейной жизни, к свободному труду и частной собственности. Они суть субъекты права. Они повинны вкладывать в государственное дело свой почин, свое сердце, волю и разум. Они должны всеми способами, как лучше, промышлять о своем отечестве и о пользе своего народа. Они обязаны содействовать всем благим и правым начинаниям своей власти.

Ст. 9. Российское Государство связывает людей в *братский союз*. Русский русскому брат и помощник всегда, везде и во всем. Всякая взаимная неправда возбраняется. Всякое взаимное притеснение преступно. Всякая злостная эксплуатация наказуема по закону. Всякое оставление в беде предосудительно и позорно. Все за одного — один за всех.

Ст. 10. Российское Государство связывает русских людей с отечеством и между собою *преимущественно*, а в случае столкновения с другими союзами — *исключительно*. Поэтому двойное подданство недопустимо; оно воспрещается и наказуется, как измена. Также воспрещается всякая принадлежность граждан к каким бы то ни было международным (интернациональным) объединениям.

Ст. 11. Российское Государство связывает всех своих граждан единою патриотическою *солидарностью*: общим отечеством, общей целью, общей властью, общим правопорядком. Общее выше частного. Частные интересы должны уступать, подчиняться, служить средством для высшей цели (ст. 4).

Русский гражданин повинен своему отечеству *служением и жертвенностью*; он повинен своим согражданам уважением, миролюбием и сотрудничеством.

Ст. 12. Всякое деление русских граждан на враждебные политические станы объявляется временным, предосудительным и в случаях,

особо предусмотренных, — наказуемым срочную или бессрочную утрату публичной правоспособности. Борьба за классовые, партийные и корпоративные интересы позволительно лишь постольку, поскольку эти интересы соответствуют единому и общему благу народа и государства.

Ст. 13. Русский суд призван быть правым, справедливым, милостивым, скорым и равным. Русский судья, всегда укрепляя себя в законе Божиим, ведает в решениях своих два источника: закон Российского Государства и свое совестное правосознание. Он не может ни кривить душою, ни угождать предержавшим властям.

Ст. 14. Русский государственный чин есть звание честное и ответственное, милостивое и строгое. Творящий кривду или растрату разрушает отечество и позорит себя. Российское чиновничество обязует помнить, что оно призвано строить и украшать свою родину.

Ст. 15. Солдатом именуется всякий военнотружущий, от рядового до старшего генерала. Русский солдат есть звание высокое и почетное. Он представляет всероссийское народное единство, русскую государственную волю, силу и честь. Армия есть кость от кости народной, кровь от крови его, дух от его духа. Трудящийся в русской армии — пожизненно или временно — осуществляет почетное право верного за отечество стояния и приобщается национальной славе. Военное знамя есть священная хоругвь всего российского народа. Военный инвалид — почетное лицо в государстве.

Ст. 16. Русский язык есть язык общегосударственный. Он обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях. Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях *допускается* только наряду с русским языком: оно *обязательно* во всех общинах с иноязычным большинством и определяется особыми законами и указами. Так можно было бы формулировать основные аксиомы всероссийского государственного порядка и единения. [...]

Печатается по: *Ильин И.А.* Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948—1954 гг.: В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 72—75.

Раздел II

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ

Глава 4

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ

М. ВЕБЕР

Политика как призвание и профессия

Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение *господства* людей над людьми, опирающееся на легитимное (т.е. считающееся легитимным) насилие как средство. Таким образом, чтобы оно существовало, люди, находящиеся под господством, должны подчиняться авторитету, на который претендуют те, кто теперь господствует. Когда и почему они так поступают? Какие внутренние основания для оправдания господства и какие внешние средства служат ему опорой?

В принципе имеется три вида внутренних оправданий, т.е. оснований, *легитимности* (начнем с них). Во-первых, это авторитет «вечно вчерашнего»: авторитет *нравов*, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение, — традиционное господство, как его осуществляли патриарх и патримониальный князь старого типа. Далее, авторитет внеобыденного личного *дара* (Gnadengabe)(ха-ризма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека: откровений, героизма и других, — харизматическое господство, как его осуществляют пророк, или — в области политического — избранный князь-военачальник, или избранный всеобщим

голосованием выдающийся демагог и политический партийный
вождь. Наконец, господство в силу «легальности», в силу веры в
обязательность легального установления (*Satzung*) и деловой
«компетентности», обоснованной рационально созданными
правилами, т.е. ориентацией на подчинение при выполнении
установленных правил, — господство в том виде, в каком его
осуществляют

современный «государственный служащий» и все те носители власти, которые похожи на него в этом отношении. Понятно, что в действительности подчинение обуславливают чрезвычайно грубые мотивы страха и надежды — страха перед мезтью магических сил или властителя, надежды на потустороннее или посюстороннее вознаграждение — и вместе с тем самые разнообразные интересы. К этому мы сейчас вернемся. Но если пытаться выяснить, на чем основана «легитимность» такой покорности, тогда, конечно, столкнешься с указанными тремя ее идеальными типами. А эти представления о легитимности и их внутреннее обоснование имеют большое значение для структуры господства. Правда, идеальные типы редко встречаются в действительности. Но сегодня мы не можем позволить себе детальный анализ крайне запутанных изменений, переходов и комбинаций этих идеальных типов: это относится к проблемам «общего учения о государстве». [...]

В данном случае нас интересует прежде всего второй из них: господство, основанное на преданности тех, кто подчиняется чисто личной харизме вождя, ибо здесь коренится мысль о *призвании* (Beruf) в его высшем выражении. Преданность харизме пророка, или вождя на войне, или выдающегося демагога в народном собрании (Ekklesia) или в парламенте как раз и означает, что человек подобного типа считается внутренне «признанным» руководителем людей, что последние подчиняются ему не в силу обычая или установления, но потому, что верят в него. Правда, сам вождь живет своим делом, «жаждет свершить свой труд», если только он не ограниченный и

тщеславный выскочка. Именно к личности вождя и ее качествам относится преданность его сторонников: апостолов, последователей, только ему преданных партийных приверженцев. В двух важнейших в прошлом фигурах: с одной стороны, мага и пророка, с другой — избранного князя-военачальника, главаря банды, кондотьера — вождизм как явление встречается во все исторические эпохи и во всех регионах. Но особенностью Запада, что для нас более важно, является *политический* вождизм сначала в образе *свободного «демагога»*, существовавшего на почве города-государства, характерного только для Запада, и прежде всего для средиземноморской культуры, а затем в образе парламентского «партийного вождя», выросшего на почве конституционного государства, укорененного тоже лишь на Западе. Конечно, главными фигурами в механизме политической борьбы не были одни только политики в силу их призвания в собственном смысле этого слова. Но в высшей степени решающую роль здесь играет тот род

вспомогательных средств, которые находятся в их распоряжении. Как политически господствующие силы начинают утверждаться в своем государстве? Данный вопрос относится ко всякого рода господству, т.е. и к политическому господству во всех его формах: традиционной, легальной и харизматической.

Любое господство как форма власти, требующая постоянного управления, нуждается, с одной стороны, в установке человеческого поведения на подчинение господам, притязающим быть носителями легитимного насилия, а с другой стороны — посредством этого подчинения — в распоряжении теми вещами, которые в случае необходимости привлекаются для применения физического насилия: личным штабом управления и материальными средствами управления.

Штаб управления, представляющий во внешнем проявлении предприятие политического господства, как и всякое другое предприятие, прикован к властелину, конечно, не одним лишь представлением о легитимности, о котором только что шла речь. Его подчинение вызвано двумя средствами, апеллирующими к личному интересу: материальным вознаграждением и оказанием почестей. [...]

Печатается по: Вебер М. Избранные сочинения. М., 1990.

Т. ПАРСОНС

О понятии «политическая власть»

Власть понимается здесь как посредник, тождественный деньгам, циркулирующий внутри того, что мы называем политической

системой, но выходящий далеко за рамки последней и проникающий в три функциональные подсистемы общества (как я их себе представляю) — экономическую подсистему, подсистему интеграции и подсистему поддержания культурных образцов. Прибегнув к очень краткому описанию Свойств, присущих деньгам как экономическому инструменту подобного типа, мы сможем лучше понять и специфику свойств власти. Деньги, как утверждали классики экономической науки, одновременно представляют собой и средство обмена, и «ценностный эталон». Деньги — это символ в том смысле, что, измеряя и, следовательно, "выражая" экономическую ценность или полезность, сами они не обладают полезностью в изначальном потребительском значении слова. Деньги имеют не «потребительскую стоимость», а только «стоимость меновую», т.е. позволяют приобретать полезные вещи. Деньги служат,

таким образом, для обмена предложениями о продаже или, наоборот, о покупке полезных вещей. Деньги становятся главным посредником только тогда, когда обмен не носит обязательного характера, подобно обмену дарами между некоторыми категориями родственников, или когда он не совершается на основе бартера, т.е. обмена равноценными вещами и услугами. Восполняя нехватку прямой от себя пользы, деньги наделяют того, кто их получает, четырьмя важными степенями свободы в том, что касается участия в системе всеобщих обменов:

- 1) свободой тратить полученные деньги на приобретение, какой-либо вещи или набора вещей из числа наличествующих на рынке и в пределах имеющихся средств;
 - 2) свободой выбирать между многими вариантами желаемой вещи;
 - 3) свободой выбирать время, наиболее подходящее для покупки;
 - 4) свободой обдумывать условия покупки, которые в силу свободы выбора времени и варианта предложения человек может, смотря по обстоятельствам, принять или отвергнуть. И напротив, в случае с бартером участник торга связан тем, что его партнер имеет или желает иметь в обмен на то, что он имел, и уступит в данный момент. Вместе с получением четырех степеней свободы человек, конечно, подвергается риску, связанному с гипотетичностью предположения о том, что деньги будут приняты другими и что их ценность останется неизменной.
- Первые деньги были посредником, стоявшим еще очень близко к товару, — самым известным примером этого являются

драгоценные металлы, и многие до сих пор полагают, что стоимость денег «действительно» основывается на рыночной стоимости их металлической основы. На этой основе тем не менее в развитых финансовых системах была возведена сложная структура инструментов кредитования, в которой только ничтожная часть сделок действительно совершалась с использованием металлических денег — они превращаются в «резерв», приберегаемый на всякий случай, и используются главным образом для сведения международных балансов. Я подробнее остановлюсь на природе кредита в другой части статьи. Сейчас же достаточно сказать, что, как бы в некоторых случаях ни было важно наличие металлических резервов, все современные финансовые системы функционируют, опираясь преимущественно не на металл как реального посредника, а на деньги «без стоимости». Более того, принятие этих денег «без стоимости» основывается на определенном доверии, институционализированном в финансовой системе. Если бы гарантия денежных обязательств

покоилась только на их конвертируемости в металлическую монету, тогда в подавляющем большинстве случаев они бы обесценились по той простой причине, что общее количество металла может покрыть лишь малую долю денег.

И наконец, деньги «хороши», т.е. функционируют как посредник, только в недрах достаточно определенной сети рыночных отношений, которая действительно достигла сегодня мирового уровня, но поддержание которой требует специальных мер обеспечения взаимоконвертируемости национальных валют. Такая система есть область виртуальных обменов, в которой деньги могут быть потрачены, но не в недрах которой поддерживаются определенные условия, обеспечивающие системе защиту и управление со стороны как закона, так и ответственных властей, контролируемых законом.

Аналогичным образом понятие институционализированной системы власти прежде всего выдвигает на первый план систему отношений, в рамках которой некоторые виды обещаний и обязательств, навязанных или взятых добровольно — например, в соответствии с договором, — рассматриваются как *подлежащие исполнению*, т.е. в нормативно установленных условиях уполномоченные деятели могут потребовать их выполнения.

Кроме того, во всех установленных случаях отказа или попыток отказа от повиновения, посредством чего деятель пробует уклониться от своих обязательств, их «заставят уважать», угрожая ему реальным применением ситуационно-негативных санкций, выполняющих в одном случае функцию устрашения, в другом —

наказания. Именно события в случае с деятелем, о котором идет речь, намеренно изменяют (или угрожают изменить) ситуацию ему во вред, каково бы ни было конкретное содержание этих изменений.

Власть, таким образом, является реализацией обобщенной способности, состоящей в том, чтобы добиваться от членов коллектива выполнения их обязательств, легитимизированных значимостью последних для целей коллектива, и допускающей возможность принуждения строптивых посредством применения к ним негативных санкций, кем бы ни являлись действующие лица этой операции.

Читатель заметил, что для определения власти я употребил понятие «обобщение» и «легитимация». Добиться обладания полезным предметом, выменяв его на другой предмет, не означает совершить денежную сделку. Таким же образом из моего определения следует, что добиться удовлетворения своего желания, определено оно как обязательство объекта или нет, посредством простой угрозы со стороны превос-

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ

ходящей силы не составляет акта властвования. Я хорошо знаю, что большинство представителей политической науки выбрали бы другое определение и увидели бы здесь пример властвования [...], но я намерен придерживаться собственного определения и изучать вытекающие из него следствия. Способность обеспечивать удовлетворение желания должна быть обобщенной, чтобы можно было назвать ее властью в том смысле, который я придаю этому термину, а не быть только функцией отдельного применения санкции, которую в состоянии наложить одно лицо, и, наконец, использованный посредник должен быть «символическим». На второе место среди свойств власти я поставил легитимацию. Это с необходимостью вытекает из моего понимания власти как «символической», которая, будучи обмененной на что-нибудь действительно значимое для эффективности сообщества, а именно на повиновение, не оставляет приобретателю выгоды, т.е. лицу, выполнившему обязательство, «никакой осязаемой ценности». Это значит, что ему не остается ничего другого, кроме совокупности антиципации, а именно: при других условиях и в других случаях он может напомнить об определенных обязательствах со стороны иных сообществ. В системах власти легитимация является, таким образом, фактором, аналогичным доверию при взаимном согласии на принятие денежной единицы и ее стабильности в финансовых системах.

Оба критерия объединены тем, что если легитимность обладания и использования власти подвергается сомнению, то это ведет к

использованию все более сильных средств, способствующих достижению повиновения. Эти средства должны быть все более и более Эффективными «внутренне» и, следовательно, лучше приспособленными к особым ситуациям объектов исходя из их недостаточно общего характера. Кроме того, в той мере, в какой эти средства являются внутренне эффективными, легитимность постепенно становится все менее важным фактором их эффективности; в конце этого развития находится применение — вначале различных видов принуждения, затем силы как самого по сути своей эффективного из всех средств принуждения.

[...] Теперь мы в состоянии затронуть последнюю из тех важных проблем, которые было решено разобрать в рамках настоящей статьи и которая состоит в том, чтобы выяснить, является ли власть задачей с нулевой суммой в том смысле, что в системе всякое приращение власти единицей А является действенной причиной утраты соответствующего количества власти другими единицами — Б, В, Г... Сравнение с деньгами, на котором мы настаивали с самого начала, могло бы помочь в

поисках ответа, который при некоторых обстоятельствах будет явно утвердительным, но ни в коем случае не будет таковым при любых обстоятельствах.

Случай с деньгами ясен: при разработке бюджета, призванного распределить имеющийся доход, всякое выделение средств по какой-то одной статье должно осуществляться за счет других статей. Вопрос в том, чтобы выяснить, действуют ли подобные ограничения в экономике, понимаемой как глобальная система. В течение долгого времени многим экономистам так и казалось; и это был самый серьезный недостаток прежней «количественной теории денег». Самой явной политической аналогией здесь является распределение власти в рамках обособленного сообщества. Вполне очевидно, что если А, который ранее занимал положение, сопряженное с реальной властью, перемещен рангом ниже и на его месте теперь находится Б, то А утрачивает власть, а Б ее получает, причем общая сумма власти в системе остается неизменной. Многие теоретики, в том числе Г. Лассуэлл и Ч. Райт Миллс, полагали, что это правило является одинаково справедливым для всей совокупности политических систем.

Самым очевидным и серьезным фактом, разбившим теорию нулевой суммы, было учреждение кредита коммерческими банками. Случай этот настолько важен в качестве демонстрационной модели, что требует краткого разъяснения. Когда вкладчики вкладывают свои деньги в банк, они не только помещают их в надежное место, но и передают в распоряжение

банка, который может дать их в долг. Поступая так, депозиторы ни в коей мере не теряют права собственности на свои деньги. Вклады возвращаются *в полном размере по заявлению вкладчика*, причем единственные общепринятые ограничения здесь определяются режимом работы банка. Банк все же использует часть вкладов для предоставления кредита под проценты, в силу чего он не только передает в распоряжение заемщика эту сумму денег, но и принимает в большинстве случаев обязательство требовать возврата займа только в полном соответствии с заключенным договором, который в целом оставляет за заемщиком свободу действий, ничем не нарушаемую в течение условленного срока, или обязывает его произвести обговоренные заранее выплаты ввиду амортизации займа. Другими словами, одни и те же деньги начинают выполнять «двойную функцию»: они рассматриваются как собственность и депозиторами, хранящими документы на вклады, и банкиром, получившим право одалживать эти деньги, как «свои собственные». Таким образом, происходит возрастание суммы

денег в обороте, измеряемое количеством текущих займов по отношению к объему бессрочных вкладов.

[...] Таким же образом попытаемся теперь провести точный анализ систем власти. Мое предположение состоит в том, что существует круговое движение между политической сферой и экономикой; суть его в обмене фактора политической эффективности — в данном случае участия в контроле над продуктивностью экономики — на экономический результат, состоящий в контроле над ресурсами, способном, например принять форму инвестиционного займа. Это круговое движение регулируется посредством власти в том смысле, что фактор, представленный подлежащими исполнению обязательствами, в частности обязательством оказания услуг, с лихвой уравнивает результат, представленный открывшимися для эффективного действия возможностями.

Мое предположение состоит в том, что одно из условий стабильности этой системы циркуляции состоит в равновесии факторов и результатов властвования с той и с другой стороны. Это — иной способ сказать, что данное условие стабильности в том, что касается власти, формулируется идеальным образом как система с нулевой суммой, хотя то же самое неверно, по причине инвестиционного процесса, для вовлеченных в оборот денежных средств. Система кругового обращения присущая политической сфере, понимается тогда как место привычной мобилизации ожиданий относительно их исполнения; эта мобилизация может осуществляться двумя способами: либо мы напоминаем обстоятельства, которые вытекают из прежних

договоренностей, являющихся в некоторых случаях, как, например, в вопросе о гражданстве правоустанавливающими; либо мы берем на себя в установленных пределах новые обязательства, заменяющие старые, уже выполненные.

Равновесие характеризует, конечно, всю систему, а не отдельные части. □...]

Существует ли политический эквивалент банковской системы □ средство, которое пробило бы брешь в круговом обороте власти, позволив внести весомые добавки к тому количеству власти, которое держится в системе? Смысл моих рассуждений в доказательстве того, что такое средство существует и что его источник находится в системе поддержки, т.е. в зоне обменов между властью и влиянием на нее, между политической системой и системой интеграции.

Прежде всего я предполагаю, и это особенно наглядно в случае с демократическими избирательными системами, что политическая и поддержка должна рассматриваться как *обобщенная уступка* власти, ставящая

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ

в случае, победы на выборах избранных лидеров в положение, аналогичное положению банкира. «Вклады» власти, сделанные избирателями, могут быть отозваны — если не тотчас, то хотя бы на следующих выборах и на условии, аналогичном режиму работы банка. В некоторых случаях выборы связаны с условиями, сопоставимыми с бартером, точнее говоря, с ожиданием выполнения некоторых конкретных требований, отстаиваемых стратегически мыслящими избирателями, и ими одними. Но особенно важно, что в системе, которая является плюралистической с точки зрения не только состава сил, осуществляющих политическую поддержку, но и проблем, подлежащих разрешению, такие лидеры получают свободу действия для принятия различных, обязательных для исполнения решений, затрагивая в этом случае и другие группы общества, а не только те, чей «интерес» был удовлетворен непосредственным образом. Эту свободу можно представить как ограниченную круговым потоком: другими словами, можно сказать, что фактор власти, проходящий по каналу политической поддержки, будет самым точным образом уравновешен его результатом — политическими решениями в интересах тех групп, которые их специально требовали.

Существует все же другая составляющая свободы избранных лидеров, которая и является здесь решающей. Это свобода использовать влияние — например, благодаря престижу должности, не совпадающему с объемом причитающейся ей власти, — чтобы предпринять новые попытки «уравнять» власть

и влияние. Это использование влияния для укрепления общего предложения власти. Как это можно себе представить?

Важно то, что связь между средствами, используемыми для позитивных и негативных санкций, есть инверсия случая с созданием банковского кредита. Там речь действительно шла об использовании власти, конкретизированной в обязанности исполнения кредитных соглашений, которая и позволяла «почувствовать разницу». Здесь же речь идет о способности выборочного осуществления влияния посредством убеждения. Похоже, что этот процесс выполняет свою роль посредством функции управления, которая — с помощью отношений, поддерживаемых с различными аспектами структуры электорального корпуса сообщества, — порождает и структурирует новый «спрос» в смысле специфического спроса на решения.

Тогда можно сказать, что подобный спрос — применительно к тем, кто принимает решения. — оправдывает растущее производство власти, что стало возможным именно из-за обобщенного характера мандата

политической поддержки; поскольку этот мандат выдан не на основе бартера, т.е. в обмен на конкретные решения, но вследствие того «уравнивания» власти и влияния, которое установилось посредством выборов, он является средством осуществления, в рамках конституции, того, что на правительственном уровне кажется наиболее соответствующим «всеобщему интересу». В этом случае руководителей можно сравнить с банкирами или «брокерами», которые могут мобилизовать обязательства своих избирателей таким образом, что совокупность обязательств, взятых всем сообществом, увеличивается. Это возрастание должно все же быть оправданным мобилизацией влияния: нужно, чтобы оно одновременно воспринималось как соответствующее действующим нормам и применимое к ситуациям, «требующим» действия на уровне коллективных обязательств.

Критической для оправдания проблемой является в определенном смысле проблема консенсуса, его воздействия на тот ценностный принцип, каким выступает солидарность.

Критерием, соответствующим этому ценностному принципу, становится, следовательно, *консенсус*.

В этом случае возникает задача нахождения основы, позволяющей нарушить круговую стабильность системы власти с нулевой суммой. Решающим для этого является то, что подобное может произойти, когда сообщество и его члены готовы взять на себя новые, подлежащие исполнению обязательства за рамками и сверх тех, которые были в силе раньше. Тогда возникает

насушная потребность оправдать подобное расширение и трансформировать «чувство» того, что необходимо что-то предпринять, в обязательство предпринять эффективное действие, содержащее при необходимости принудительные санкции. В этом процессе сильный деятель представлен избранными руководителями — в той мере, в какой к ним применима аналитически независимая характеристика позиции власти, присущей выполняемой ими функции, определяющая лидера как человека, обремененного поиском необходимого обоснования для политических программ, которые не были бы приняты в случае кругового оборота власти.

Можно предположить, что сравнение с кредитом, наряду с прочими, оказывается верным с точки зрения его временного измерения. Потребность в большей эффективности, необходимой для выполнения новых программ, составляющих добавку к общей нагрузке сообщества, влечет за собой изменения на уровне организации посредством нового сочетания производственных факторов, развития новых организмов, ангажированности персонала, выработки новых норм и даже модификации

основ легитимации. Следовательно, избранные лидеры не могут считаться по закону ответственными за немедленное выполнение, и, наоборот, нужно, чтобы источники политической поддержки оказали им доверие, т.е. не требовали немедленной «оплаты» — в момент следующих выборов — той доли власти, которую имели их голоса, решениями, продиктованными их собственными интересами.

Правомерно, может быть, называть ответственность, принимаемую в этом случае, ответственностью руководства, подчеркнув ее отличие от административной ответственности, сосредоточенной на повседневных функциях. В любом случае я хотел бы представить процесс возрастания власти способом, строго аналогичным экономическому инвестированию в том смысле, что «возмещение» должно повлечь за собой повышение уровня коллективного успеха в направлении, выявленном выше, а именно: повышение эффективности коллективного действия в зонах с обнаружившейся ценностью, о которой никто не подозревал, если бы лидер не пошел на риск, подобно предпринимателю, решившемуся на инвестиции. [...]

Печатается по: Антология мировой политической мысли: В 4 т. М., 1997. Т. II. С. 479—486.

**ЕВРОПЕЙСКАЯ ХАРТИЯ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ**
(Извлечения)

Преамбула

Государства — члены Совета Европы, подписавшие настоящую Хартию,

Считая, что целью Совета Европы является достижение более прочного единства между его членами во имя торжества и защиты составляющих общее достояние идеалов и принципов;

Считая, что заключение соглашений в области управления является одним из средств, служащих достижению этой цели;

Считая, что органы местного самоуправления составляют одну из основ любого демократического строя;

Считая, что право граждан участвовать в управлении государственными делами относится к общим для всех государств — членом Совета Европы демократическим принципам;

Исходя из убеждения, что это право непосредственно может быть осуществлено именно на местном уровне;

Исходя из убеждения, что существование облеченных реальной властью органов местного самоуправления обеспечивает эффективное и, одновременно, приближенное к гражданину управление;

Сознавая, что защита и укрепление местного самоуправления в различных европейских странах представляют собой значительный вклад в построение Европы, основанной на принципах демократии и децентрализации власти;

Утверждая, что это предполагает существование местных органов самоуправления, которые наделены уполномоченными для принятия решений органами, созданными демократическим путем, и которые имеют широкую автономию в отношении своей компетенции, порядка ее осуществления и необходимых для этого средств, договорились о нижеследующем:

Часть 1

Статья 2. Конституционные и законодательные основы местного самоуправления

Принцип местного самоуправления должен быть признан в законодательстве страны и, по возможности, в конституции страны.

Статья 3. Понятие местного самоуправления

1. Под местным самоуправлением понимается право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть государственных дел и управлять ею,

действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения.

2. Это право осуществляется советами или собраниями, состоящими из членов, избранных путем свободного, тайного, равного, прямого и всеобщего голосования. Советы или собрания могут располагать подотчетными им исполнительными органами. Это положение не исключает обращения к собраниям граждан, референдуму или любой другой форме прямого участия граждан там, где это допускается по закону.

Статья 4. Сфера компетенции местного самоуправления

1. Основные полномочия органов местного самоуправления устанавливаются конституцией или законом. Однако это положение не исключает предоставления органам местного самоуправления в соответствии с законом отдельных конкретных полномочий.

2. Органы местного самоуправления в пределах, установленных законом, обладают полной свободой действий для осуществления собственных инициатив по любому вопросу, который не исключен из их компетенции и не отнесен к компетенции другого органа власти.

3. Осуществление государственных полномочий, как правило, должно преимущественно возлагаться на органы власти, наиболее близкие к гражданам. Предоставление каких-либо из этих полномочий иному органу власти должно производиться с учетом объема и природы поставленной задачи, а также требований эффективности и экономии.

4. Предоставляемые органам местного самоуправления полномочия должны быть, как правило, полными и исключительными. Они могут быть оспорены или ограничены иным органом власти, центральным или региональным, только в пределах, установленных законом.

5. При делегировании полномочий центральными или региональными органами местные органы самоуправления должны, насколько это возможно, обладать свободой приспособлять их осуществление к местным условиям.

6. В процессе планирования и принятия любых решений, непосредственно касающихся органов местного самоуправления, необходимо консультироваться с этими органами, насколько это возможно, делая это заблаговременно и в соответствующей форме.

Статья 5. Защита территориальных разграничений органов местного самоуправления

При любом изменении местных территориальных разграничений необходимо предварительно консультироваться с соответствующими органами местного самоуправления, возможно, там, где это позволяет закон, путем проведения референдума.

Статья 6. Соответствие административных структур и средств задачам органов местного самоуправления

1. Местные органы власти должны иметь возможность, не нарушая более общих законодательных положений, сами определять свои внутренние административные структуры с тем, чтобы они отвечали местным потребностям и обеспечивали эффективное управление.

2. Условия работы служащих органов местного самоуправления должны быть такими, чтобы возможно было обеспечивать подбор высококвалифицированных кадров, основанный на принципах учета опыта и компетентности; для этого необходимо обеспечить соответст-

вующие условия профессиональной подготовки, оплаты и продвижения по службе.

Статья 7. Условия осуществления полномочий на местном уровне

1. Статус местных выборных лиц должен обеспечивать свободное осуществление их полномочий.
2. Статус местных выборных лиц должен позволять получать соответствующую денежную компенсацию расходов, понесенных в связи с осуществлением ими своих полномочий, а также, в случае необходимости, компенсацию за упущенную выгоду или заработок и соответствующее социальное страхование.
3. Функции и деятельность, несовместимые с мандатом местного выборного лица, могут быть установлены только законом или основополагающими правовыми принципами.

Статья 8. Административный контроль за деятельностью органов местного самоуправления

1. Любой административный контроль над органами местного самоуправления может осуществляться только в формах и в случаях, предусмотренных конституцией или законом.
2. Любой административный контроль за деятельностью органов местного самоуправления, как правило, должен быть предназначен лишь для обеспечения соблюдения законности и конституционных принципов. Тем не менее, административный контроль может включать также контроль вышестоящих органов

власти за надлежащим выполнением органами местного самоуправления делегированных им полномочий.

3. Административный контроль над органами местного самоуправления должен осуществляться таким образом, чтобы степень вмешательства контролирующего органа была соразмерна значимости интересов, которые это вмешательство имеет в виду защитить.

Статья 9. Источники финансирования органов местного самоуправления

1. Органы местного самоуправления имеют право, в рамках национальной экономической политики, на обладание достаточными собственными финансовыми средствами, которыми они могут свободно распоряжаться при осуществлении своих функций.

Глава 4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ

251

2. Финансовые средства органов местного самоуправления должны быть соразмерны предоставленным им конституцией или законом полномочиям.

3. По меньшей мере часть финансовых средств органов местного самоуправления должна поступать за счет местных сборов и налогов, ставки которых органы местного самоуправления вправе устанавливать в пределах, определенных законом.

4. Финансовые системы, на которых основываются средства местных органов самоуправления, должны быть достаточно разнообразными и гибкими, чтобы следовать, насколько это

реально возможно, за изменением издержек, возникающих при осуществлении компетенции местных органов.

5. Защита более слабых в плане финансов органов местного самоуправления требует ввода процедур финансового выравнивания или эквивалентных мер, предназначенных для корректировки результатов неравномерного распределения потенциальных источников финансирования местных органов и лежащих на них расходов. Такие процедуры или меры не должны ограничивать свободу выбора местного самоуправления в пределах их компетенции.

6. Порядок предоставления перераспределяемых средств необходимо должным образом согласовывать с органами местного самоуправления.

7. Предоставляемые местным органам самоуправления субсидии, по мере возможностей, не должны предназначаться на финансирование определенных проектов. Предоставление субсидий не должно идти в ущерб основной свободе выбора политики органов местного самоуправления в области их собственной компетенции.

8. Для финансирования расходов по капиталовложениям местные органы самоуправления должны, соблюдая законодательство, иметь доступ к национальному рынку ссудного капитала.

Статья 10. Право местных органов самоуправления на объединение

1. Местные органы самоуправления имеют право при осуществлении своих полномочий сотрудничать и в пределах, установленных законом, объединяться с другими местными органами самоуправления для выполнения задач, предоставляющих общий интерес.

2. В каждом государстве должно быть признано право местных органов самоуправления вступать в объединение для защиты и продвижения общих интересов и в международное объединение органов местного самоуправления.

3. Местным органам самоуправления предоставляется право на условиях, которые могут быть установлены законом, сотрудничать с подобными органами других государств.

Статья 11. Правовая защита местного самоуправления

Органы местного самоуправления должны иметь право на судебную защиту для обеспечения свободного осуществления ими своих полномочий и соблюдения закрепленных конституцией и законодательством страны принципов местного самоуправления.

Печатается по: Европейская хартия местного самоуправления и ее значение // Полис. 1998. № 4. С. 170—172.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИКИ

ГЕГЕЛЬ

Философия права

§ 182

Одним принципом гражданского общества является конкретное лицо, которое есть для себя как *особенная* цель, как целостность потребностей и смешение природной необходимости и произвола, но особенное лицо как существенно *соотносящееся* с другой такой особенностью, так что каждое из них утверждает свою значимость. [...]

Прибавление. Гражданское общество есть дифференция, которая выступает между семьей и государством, хотя развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства; ибо в качестве дифференциации оно предполагает государство, которое оно, чтобы пребывать, должно иметь перед собой как нечто самостоятельное. Гражданское общество создано, впрочем, лишь в современном мире, который всем определениям идеи предоставляет их право. Если государство представляют как единство различных лиц, как единство, которое есть лишь общность, то имеют в виду лишь определение гражданского общества. Многие новейшие специалисты по государственному праву не сумели прийти к другому воззрению на государство. В гражданском

обществе каждый для себя — цель, все остальное для него ничто. Однако без соотношения с другими он не может достигнуть своих целей. По всем их объемам: эти другие суть поэтому средства для цели особенного. Но особенная цель посредством соотношения с другими придает себе форму всеобщего и удовлетворяет себя, удовлетворяя вместе с тем стремление других к благу. Так как особенность связана с условием всеобщности, то целое есть почва опосредования, на которой дают себе свободу все единичности, все способности, все случайности рождения и счастья, из которой проистекают волны всех страстей, управляемые только проистекающим в них сиянием разума. Особенность, ограниченная всеобщностью, есть единственная мера, при помощи которой каждая особенность способствует своему благу.

§ 188

Гражданское общество содержит в себе три следующих момента:

- А) опосредование *потребности* и удовлетворение *единичного* посредством его труда и посредством труда и удовлетворения потребностей *всех остальных*, систему *потребностей*;
- В) действительность содержащегося в этом всеобщего *свободы*, защиты собственности посредством *правосудия*;
- С) забота о предотвращении остающейся в этих системах случайности и внимание к особенному интересу как к *общему* с помощью *полиции и корпораций*.

§ 221

Член гражданского общества имеет *право искать суда* и *обязанность предстать перед судом* и получить только через суд оспариваемое им право.

Прибавление. Так как каждый индивид имеет право искать суда, он должен знать законы, ибо в противном случае это право ничем бы ему не помогло. Но индивид обязан также предстать перед судом. В эпоху феодализма могущественные лица часто не являлись на судебное заседание, вели себя вызывающе по отношению к судебным инстанциям и рассматривали вызов в суд могущественного лица как неправоное деяние. Это — состояние, противоречащее тому, чем должен быть суд. В новейшее время правитель обязан по частным вопросам признавать над собой власть суда, и в свободных государствах оно обычно проигрывает свои процессы.

§ 222

Перед судом право получает определение, согласно которому оно должно быть *доказуемо*. *Судопроизводство* предоставляет сторонам возможность приводить свои доказательства и правовые основания, а судье войти в суть дела. Эти *стадии процесса суть сами права*, их ход должен быть поэтому определен законом, и они составляют существенную часть теоретической науки о праве. [...]

§ 238

Семья есть прежде всего то субстанциальное целое, которому надлежит заботиться об этой особенной стороне индивида как в отношении средств и умения, чтобы он мог, пользуясь общим имуществом, приобретать необходимое, так и в отношении его содержания и заботы о нем в том случае, если он окажется неспособным добывать необходимые ему средства. Однако гражданское общество разрывает эти узы индивида, делает членов семьи чуждыми друг другу и признает их самостоятельными лицами; оно заменяет, далее, внешнюю неорганическую природу и землю отцов, на которой отдельный человек добывал средства существования, своей почвой и подвергает существование всей семьи зависимости от него, случайности. Так индивид становится *сыном гражданского общества*, которое предъявляет к нему в такой же мере требования, как он свои права по отношению к нему.

Прибавление. Семья должна, конечно, заботиться о хлебе для своих членов, однако в гражданском обществе она — нечто подчиненное и служит лишь основой: объем ее деятельности уже

не столь велик. Напротив, гражданское общество представляет собой могучую силу, которая завладевает человеком, требует от него, чтобы он на него работал, был всем только посредством него и делал все только посредством него. Если человек должен быть таким членом гражданского общества, то он сохраняет в нем те же права и притязания, которые он имел в семье.

Гражданское общество должно защищать своего члена, отстаивать его права, а индивид в свою очередь обязан соблюдать права гражданского общества.

§ 239

В этом своем качестве *всеобщей семьи* гражданское общество обязано и имеет право надзирать за *воспитанием детей* и влиять на него, пресекая *произвол* и случайные намерения *родителей*, поскольку оно имеет отношение к способности человека стать членом общества, и

особенно в тех случаях, когда воспитание совершается не родителями, и другими лицами, — поскольку же в этом отношении могут быть приняты общие меры, общество должно их принять. [...]

§ 240

Общество, обязано и имеет право также устанавливая опеку над теми, кто своей расточительностью уничтожает обеспеченность своего существования и существования своей семьи, и осуществлять вместо них цель общества и их цель. [...]

§ 255

Наряду с семьей корпорация составляет второй существующий в гражданском обществе нравственный корень государства. Первая содержит в себе моменты субъективной особенности и объективной всеобщности в субстанциальном единстве; вторая же объединяет внутренним образом те моменты, которые сначала разъединены в гражданском обществе на в себя рефлектированную особенность потребности и потребления и на абстрактную правовую всеобщность, объединяет их так, что в этом объединении особенное благо есть как право и осуществлено.

Примечание. Святость брака и честь в корпорации — те два момента, вокруг которых вращается дезорганизация гражданского общества.

Печатается по: Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 227, 228, 231, 233, 258.

М.ВЕБЕР

Основные понятия стратификации

Экономически детерминированная власть и социальный порядок

Закон существует тогда, когда есть вероятность того, что некоторый Порядок будет поддержан определенным штатом людей, которые используют физическое или психологическое принуждение с целью добиться лояльности по отношению к данному порядку либо налагают санкции на тех, кто нарушает его. Структура любого легального порядка непосредственно влияет на распределение экономической или какой-либо другой власти в пределах соответствующего сообщества.

И ВЛАСТЬ

Это справедливо для всех типов легального порядка, а не только для государственного. В общем и целом мы понимаем под «властью» возможность одного человека или группы людей реализовать свою собственную волю в совместном действии даже вопреки сопротивлению других людей, участвующих в указанном действии.

«Экономически обусловленная» власть, конечно же, не идентична власти как таковой. Напротив, проявление экономической власти может быть всего лишь следствием власти, возникшей из иных источников. Человек может и не стремиться к власти с единственной целью обогатить себя экономически. Власть, включая экономическую власть, может быть оценена «ради нее самой». Очень часто стремление к власти обуславливается также социальными «почестями», которые она влечет за собой. Тем не менее не всякая власть ведет к социальным почестям: типичный американский бизнесмен, как и типичный спекулянт, намеренно избегает социальных почестей. Если говорить достаточно обобщенно, то «лишь экономическая» власть, особенно «явная» денежная власть, никоим образом не выступает общепринятой основой социальных почестей. Но и власть как таковая не представляет собой единственную основу социальных почестей. В самом деле, социальные почести, или престиж, сами могут служить базисом политической или экономической власти, и очень часто так и происходит. Власть, как и почести, могут гарантироваться легальным порядком, но чаще всего он является первичным источником почестей. Легальный порядок — это, скорее, дополнительный фактор,

который повышает шансы добиться власти или почестей, но он никогда не гарантирует их.

Способ, каким социальные почести распределяются в сообществе между типичными группами, участвующими в таком распределении, мы будем называть «социальным порядком».

Социальный порядок как, разумеется, и экономический порядок в равной мере связаны с «легальным» порядком». Тем не менее, социальный и экономический порядок не идентичны. Для нас экономический порядок — всего лишь способ, каким экономические товары и услуги распределяются и используются.

Конечно, социальный порядок обусловлен экономическим порядком в очень высокой степени, но в то же время он также и влияет на него.

Сейчас мы можем сказать: «классы», «статусные группы» и «партии» — явления, относящиеся к сфере распределения власти внутри сообщества.

Детерминация классовой ситуации рыночной ситуацией

Согласно употребляемой нами терминологии, «классы» не являются сообществами; они представляют чаще всего только возможную основу совместных действий. Мы вправе говорить о «классе» лишь в тех случаях, когда: 1) некоторое множество людей объединено специфическим причинным компонентом, касающимся их жизненных шансов; 2) такой компонент представлен исключительно только экономическими интересами в приобретении товаров или в получении дохода; 3) этот компонент обусловлен ситуацией, складывающейся на рынке товаров или на рынке труда. (Указанные пункты относятся к «классовой ситуации», которую более сжато мы могли бы выразить как типичные шансы получения прибавочного продукта, внешние условия жизни и личный жизненный опыт, поскольку эти шансы детерминированы объемом и видом власти (либо недостатком таковой) распоряжаться товарами или квалификацией в целях получения дохода в рамках данного экономического порядка. Термин «класс» относится к любой группе людей, которая возникла в данной классовой ситуации.) Самый элементарный экономический факт заключается в том, что способ, каким происходит распределение каналов распоряжения материальной собственностью среди множества людей, которые встречаются на рынке и конкурируют между собой в терминах обмена, сам по себе »»же определяет специфические жизненные шансы. Согласно закону конечной (маргинальной) полезности, подобный способ распределения исключает из соревнования за обладание высоко ценимыми

товарами не-собственников; предпочтение отдается собственникам, которые, в действительности, устанавливают монополию на приобретение подобных товаров. Надо учесть и другое: такой способ распределения монополизует возможности заключить выгодный контракт для всех, кто, запасаясь товарами, не обменивает их. В тенденции это усиливает полицию собственников в «войне за цены» в сравнении с теми, кто, не владея собственностью, не способен ничего предложить, кроме как свои услуги в их природном виде или товары в той форме, которая сожмется их собственным трудом, и кто, кроме всего прочего, вынужден избавляться от этих продуктов для того, чтобы как-то жить. Данный способ распределения предоставляет имущим определенную монополию, которая позволяет им перемещать свою собственность из той сферы, где она используется «наудачу», в ту сферу, где она превращается в «основной капитал». Другими словами, этот способ придает имущим функцию предпринимателя и обеспечивает всеми необходимыми шансами для прямого или непрямого участия в распределении прибыли,

ли, полученной от оборота капитала. Такое положение дел, правда, характерно только для чисто рыночной ситуации. «Собственность» и недостаток «собственности» являются, таким образом, базисными категориями классовых ситуаций любого типа. При этом не имеет значения то, насколько эффективны подобные категории в «войне за цены» или в конкурентной борьбе.

Классовая ситуация, в общих чертах охватываемая двумя категориями, постепенно предстает перед нами в более дифференцированном виде: с одной стороны, благодаря виду собственности, которую используют для извлечения прибыли, с другой — благодаря виду услуг, которые предоставляются на рынке. Владение семейными постройками, производственные заведения, товарные склады, магазины, сельскохозяйственные угодья, средние и малые холдинговые компании — все они разнятся количественно, хотя количественное различие влечет за собой качественные последствия. Собственность на шахты, крупный рогатый скот, людей (рабов); распоряжение мобильными средствами производства или «основным капиталом» любого сорта, особенно деньгами или предметами, которые можно обменять на деньги легко и в любое время; распоряжение продуктами чуждого труда или трудом других людей, которые различаются в соответствии с тем, какое место они занимают на шкале потребительских возможностей; распоряжение перемещаемой монополией любого сорта — все это вместе взятое дифференцирует классовые ситуации, характерные для собственников, в той же мере, в какой делает

«значимым» использование собственности, особенно той, которая имеет денежный эквивалент. В соответствии с этим собственники могут принадлежать к классу рантье либо к классу предпринимателей.

Те, кто не владеет собственностью, но кто предоставляет услуги, дифференцируются как по виду этих услуг, так и по способу, каким они делают полезными данные услуги, предоставляемые их получателю на постоянной или временной основе. Но в любом случае мы можем сказать: таково сопутствующее значение понятия «класс». Иными словами, разновидность шанса на **рынке** — решающий момент, определяющий общие предпосылки индивидуальной судьбы. Таким образом, «классовая ситуация» есть по существу «рыночная ситуация».

[...]

Те категории людей, судьба которых не детерминирована возможностями (или шансами) приобретать на рынке товары в личное пользование или обслуживать самих себя, например, рабы, нельзя называть «классами» в техническом смысле слова. Они, скорее всего, относятся к «статусным группам».

Совместные действия как следствие классового интереса

Согласно нашей терминологии, фактором, создающим «класс», вне всяких сомнений выступает экономический интерес.

Действительно, только экономические интересы вовлечены в бытие «рынка». Тем не менее понятие «классовый интерес» вряд ли является таковым. Даже в качестве эмпирического понятия оно двусмысленно постольку, поскольку «классовый интерес» познается посредством отнесения к тому, что не есть фактическое устремление интересов, с определенной долей вероятности вычлененных из классовой ситуации и приведенных к «среднему» знаменателю. Действительно, классовая ситуация и сопутствующие ей факторы остаются теми же самыми, хотя устремление интересов каждого отдельного рабочего, к примеру, может варьироваться очень широко, а это зависит от того, в какой степени — низкой, средней или высокой — его формальная квалификация соответствует реально выполняемому заданию. Точно так же устремление интересов может варьироваться в соответствии с тем, в какой степени совместные действия участников «классовой ситуации» отвечают общим чаяниям. Гак, «профсоюзы» выросли из классовой ситуации, в которой индивиды не получили того, на что надеялись или что им было обещано. Совместные действия относятся к тому типу действий, которые ориентированы на ощущение принадлежности людей к единому целому. Социетальные действия, с другой стороны, ориентированы на рационально мотивированное согласие интересов.) Зарождение социетального или паже

совместного действия из общей классовой ситуации никак не является универсальным феноменом.

По своим последствиям классовая ситуация может закончиться возбуждением сходных реакций, которые, согласно нашей терминологии, нельзя называть «массовыми действиями». Но это не единственное последствие. Часто из такой ситуации рождается совместное действие. К примеру, так называемое ворчание рабочих известно из древневосточной этики: таково моральное недовольство поведением мастера по отношению к рабочим, которое по своему практическому значению, вероятно, было эквивалентно распространенному в позднеиндустриальную эпоху явлению, известному под именем «замедления» (сознательное ограничение трудовых усилий), возникшему в результате молчаливого сговора пролетариев. Вероятность, с какой из «массовых действий» членов одного класса рождаются «совместное действие» и, возможно, «социетальное действие», определяется общими культурными условиями, особенно интеллектуальными. Это зависит также оттого, до какой степени обнаружили себя противоречия, особенно — в какой

степени стала прозрачной связь между причинами и последствиями «классовой ситуации». «Классовое действие» (совместное действие членов одного класса) никоим образом не рождается разницей жизненных шансов. Условия и результаты классовой ситуации по-разному осознаются людьми. Только тогда может ощущаться противоположность жизненных шансов, и то не как абсолютная данность, а как результат, проистекающий из 1) конкретного распределения собственности или 2) структуры конкретного экономического порядка. Такое, наконец, возможно лишь в тех случаях, когда реакция людей на классовую структуру принимает форму не импульсивного и иррационального протеста, но форму рационального взаимодействия. «Классовые ситуации», относимые к первой категории, особенно наглядно проявляется в античных и средневековых городах, там, где судьба улыбалась тем, кто добился успеха, монополизировав торговлю промышленными и пищевыми продуктами в данном районе. То же самое происходило, при определенных условиях, в аграрном секторе в самые разные исторические периоды, когда сельскохозяйственные ресурсы подвергались чрезмерной эксплуатации ради получения прибыли. Самый важный исторический образец второй категории представлен классовой ситуацией у современного «пролетариата».

Типы «классовой борьбы»

Любой класс может быть носителем одной из бесчисленных форм «классового действия», но это не обязательно должно происходить. В любом случае сам по себе класс не конституирует

сообщество. Считать, что «класс» имеет тот же смысл, что и «сообщество», значит исказить данное понятие. Простейший факт, помогающий лучше понять исторические события, заключается в следующем: индивиды, находящиеся в одной и той же классовой ситуации, при массовом действии проявляют среднетипичные реакции на экономические стимулы. Этот факт не должен служить поводом к научным спекуляциям о «классе» и «классовых интересах», что зачастую происходит в наше время. Классическим примером является выражение одного талантливой автора о том, что индивид способен заблуждаться по поводу собственных интересов, но «класс» никогда не ошибается по поводу своих интересов. Даже если классы как таковые не являются сообществами, тем не менее классовые ситуации возникают на базе коммунализации. Совместное, или коммунальное действие, формирующее классовую ситуацию, тем не менее не является базисным взаимодействием членов одного и того же класса; оно является взаимодействием индивидов, принадлежащих к разным

классам. К совместным действиям, непосредственно детерминирующим классовую ситуацию рабочего и предпринимателя, относятся: рынок труда, рынок потребительских товаров, капиталистическое предприятие. В свою очередь, существование капиталистического предприятия предполагает, что существует очень специфическое совместное действие и что оно специфически структурировано для защиты частной собственности на производимую продукцию, а кроме того, и это еще важнее, для защиты власти индивидов, которые, в принципе совершенно свободно, распоряжаются средствами производства. Существование капиталистического предприятия обусловлено специфическим типом "легального порядка". Любая разновидность классовой ситуации, особенно если речь идет о власти над собственностью, в наивысшей степени проявит свои сильные стороны только тогда, когда по возможности элиминированы все другие факторы, детерминирующие взаимоотношения. В таком случае наибольшую важность приобретает использование в рыночных условиях власти над собственностью.

«Статусная группа» — та вещь, которая может помешать полному осуществлению рыночных принципов. В данном контексте она представляет для нас интерес только с этой точки зрения. Перед тем, как в общих чертах мы рассмотрим статусные группы, сделаем уточняющие примечания об антагонизме «классов» в нашем понимании... Борьба, в которой весьма эффективна классовая ситуация, прогрессивно перемещалась от потребления кредитов вначале к конкурентной борьбе на рынке

товаров, а затем к «войне за цены» на рынке труда. «Классовая борьба» в античные времена — в той степени, в какой она была истинной борьбой классов, а не борьбой между статусными группами, — первоначально велась крестьянами-должниками, а, возможно, также ремесленниками, которым угрожала долговая кабала, вступившими поэтому в борьбу с городскими кредиторами. [...] Борьба продолжалась на протяжении всей античности и в средние века. Лишенные собственности сообща выступили против тех, кто реально или предположительно был заинтересован в создании дефицита хлеба. Борьба постепенно расширялась, вовлекая всех тех, для кого предметы потребления играли первостепенную роль в образе жизни и в работе, которая заключалась в ручном ремесле. Таковой была начальная фаза спора по поводу заработной платы в античности и средневековье. Он еще сильнее разгорелся в наше время. В более ранний период этот спор играл второстепенную роль в сравнении с восстаниями рабов и борьбой на рынке товаров.

Античные и средневековые неимущие протестовали против различного рода монополии, преимущественного права на покупку, скупку товаров, которые перехватывались по дороге к рынку с целью незаконного повышения цен, припрятывания товаров и отказа сдавать их на рынок с целью повышения цен. Сегодня центральный вопрос — установление цены на труд. Подобные изменения выражены борьбой за доступ на рынок, за господство на установление цен на продукты. Такого рода бои происходили прежде между купцами и рабочими в системе домашней промышленности в переходный к современности период. Поскольку это достаточно общее явление, мы должны напомнить, что классовый антагонизм, обусловленный рыночной ситуацией, обычно бывал самым острым между теми, кто реально и непосредственно участвовал в качестве оппонентов в «войне за цены». Ими являлись не рантье, акционеры или банкиры, страдавшие от недостатка воли у рабочих, но почти исключительно промышленники и бизнесмены, которые непосредственно противостояли рабочим в «войне за цены». Подобное происходит вопреки тому очевидному факту, что «незаработанные» деньги чаще оседали в сундуках рантье, акционеров и банкиров, нежели в карманах промышленников и бизнесменов. Такое положение дел очень часто оказывалось решающим фактором в создании классовой ситуации, которая играла значительную роль при формировании политических партий. Примером являются различные виды патриархального социализма и попытки, по крайней мере, раньше, статусных групп, не имеющих прочного положения, создать союз с

пролетариатом, чтобы объединение выступить против «буржуазии».

Статусные почести

В противоположность классам **статусные группы** являются нормальными сообществами. Правда, в большинстве своем они аморфны. В противоположность чисто экономически детерминированной «классовой ситуации» мы понимаем под «статусной ситуацией» любой типичный компонент жизненной судьбы людей, который детерминирован специфическим, позитивным или негативным, социальным оцениванием *почести*. Такая почесть может обозначать любое качество, оцениваемое большинством людей, и, конечно же, оно тесно связано с классовой ситуацией: классовые различия самыми разнообразными способами связаны со статусными различиями. Собственность как таковая не всегда признается в качестве статусной характеристики, но в течение

времени она проявляла себя таковой, причем с удивительной регулярностью. В экономике соседской общины очень часто самые зажиточные люди становились вождями, что означает всего лишь проявление к ним уважения. К примеру, в так называемой современной чистой демократии, которая означает такой порядок, при котором никто не имеет узаконенных привилегий, случается, что партнера по танцам выбирают из среды своего же класса. Сообщения об этом поступили из небольших шведских городов. Однако статусная почеть не обязательно связана с "классовой ситуацией". Напротив, статусная почеть, и это нормальное положение дел, находится в четкой оппозиции всему, что связано с собственностью.

И имущие, и неимущие могут принадлежать к одной и той же статусной группе, и часто это имеет весьма недвусмысленные последствия. Видимое «равенство», создаваемое социальным оцениванием, с точки зрения долговременной перспективы ненадежно. «Равенство» статусов среди американских «джентльменов», к примеру, выражено тем фактом, что за пределами той субординации, которая определена различными функциями «бизнеса», встретившиеся на вечеринке в клубе за игрой в карты или бильярд «шеф» и его «подчиненный» обращаются друг с другом как равные. Непризнание того, что люди от рождения имеют равные права, оценивается негативно. Считается отвратительным поступком, когда «шеф» свысока дарит «подчиненного» своей благосклонностью, всячески подчеркивая разницу «позиций». В то же время шеф-немец не боится причинить себе вред, выказав свои истинные чувства.

Такова одна из главных причин того, почему в Америке немецкая форма «дружеского общения между людьми одного круга» не получила той популярности, какую приобрели чисто американские формы клубного общения.

Гарантии статусной стратификации

По содержанию статусную почесть можно выразить следующим образом: это специфический *стиль жизни*, который ожидается от тех, к то высказывает желание принадлежать к данному кругу людей. Связанные с этим стилем ожидания представляют собой ограничения «социального» общения (т.е. общения, которое не обслуживает экономические или любые другие «функциональные» цели бизнеса). Подобные ограничения могут предписывать заключение брака в рамках своего статусного круга, а также могут привести к эндогамному закрытию (closure). «Статус» развивается постольку, поскольку он не является ин-

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ

дивидуально и социально иррелевантной имитацией другого стиля жизни, но представляет собой основанное на достигнутом согласии совместное действие закрытого типа.

Традиционная демократия Америки представляет ныне характерную форму стратификации по «статусным группам», основанную на конвенциональных стилях жизни. Здесь, в частности, к социальному общению, визитам и приглашениям допускаются только жители определенной улицы, которые считаются принадлежащими к «обществу». Дифференциация развивается до такой степени, при которой люди вынуждены подчиняться даже условностям господствующей в данный момент и в данном обществе моды. Подчинение моде среди американцев развито в такой мере, какая неизвестна немцам. Такого рода подчинение служит показателем того, что данный человек претендует называться джентльменом. На основании подобного подчинения решается, по крайней мере *prima facie*, что он будет рассмотрен в таком качестве. И это признание настолько важно, что оно определяет его шансы к трудоустройству в «шикарное» учреждение, а кроме того, возможности социального общения и заключения брачных уз с представителями «уважаемых» семейств. Это у немцев кайзеровской Германии квалифицировалось как должный порядок вещей. Старые и богатые семьи с хорошей родословной, например, «П.С.В.», т.е. «Первые Семьи Вирджинии», реальные или мнимые потомки «индийских принцев» Покахонтов, отцы-пилигримы, жители Нью-Йорка, члены тайных сект, а также представители всевозможных кругов, отделяющих себя от других членов

общества какими-либо обозначениями и характеристиками, — все они суть элементы узурпированной «статусной» почести. Развитие статуса — важный вопрос стратификации, основанной на узурпации. Узурпация — естественный источник почти всех статусных почестей. Однако путь от этой чисто конвенциональной ситуации к легальным привилегиям, позитивным или негативным, легко прокладывается, как только определенная стратификация социального порядка становится реальным фактом, как только достигнута стабильность благодаря упорядоченному распределению экономической власти. [...]

Статусные привилегии

С точки зрения практических целей, стратификация по статусам идет рука об руку с монополизацией идеальных и материальных товаров или возможностей. Помимо специфической статусной почести, которая всегда основывается на дистанции и исключительности, мы обнаружи-

ваем все разновидности материальной монополии. Почетное выделение может состоять в привилегии носить специальный костюм, кушать специальные блюда, запрещенные для остальных, жестикулировать руками, играть на музыкальных инструментах, как это делают только профессиональные артисты. Конечно, материальная монополия предоставляет самый эффективный мотив для исключительности статусной группы, хотя сама по себе она не всегда достаточное условие. Внутри статусного круга такая монополия проявляется себя в браках между представителями разных групп. Врачующиеся семьи заинтересованы в монополизации будущей комнаты для новобрачных, которая одинаково нужна тем и другим. Параллельно с этим проявляется активный интерес к монополизации дочерей. Принадлежащие к данному статусному кругу дочери должны быть обеспечены всем необходимым. По мере того как усиливается закрытие статусной группы, условные предпочтительные возможности для специальной занятости перерастают в легальную монополию на специальные должности, учреждаемые для членов этой группы. Конкретные товары становятся объектами монополизации, проводимой статусными группами. В типичном случае это включает «унаследованное земельное владение», а также часто собственность на рабов, крепостных и, наконец, специальные виды торговли. Такого рода монополизация происходит позитивно, если конкретная статусная группа имеет исключительное право на собственность и на распоряжение ею; и негативно, если статусная группа, для

поддержания своего специфического образа жизни, не наделяется правами собственности и распорядителя.

Решающая роль «стиля жизни» в статусных «почестях» означает, что статусные группы выступают специфическими носителями всякого рода «условностей». В какой бы форме это ни выражалось, все «стилизации» жизни либо проистекают из статусных групп, либо поддерживаются ими. Даже если главные статусные условности разнятся очень сильно, они все равно остаются определенными типичными чертами, особенно среди тех страт, которые считаются самыми привилегированными. Говоря достаточно общо, среди привилегированных статусных групп существует статусная дисквалификация, направленная против выполнения физического труда. Дисквалификацией можно назвать переоценку нынешними американцами традиционного подхода к физическому труду. Очень часто занятие рациональной экономической деятельностью, особенно «предпринимательской деятельностью», выглядит как дисквалификация статуса. Артистическая и лите-

ВЛАСТЬ

ратурная деятельность, если они нацелены на получение дохода, или просто связаны с тяжелыми физическими усилиями, также рассматриваются как унижительная работа. Примером является работа скульптора, если он трудится в своей пыльной мастерской, подобно каменщику, одетый в пыльный халат. Напротив, деятельность художника в студии-салоне и все формы музицирования более подходят образу данной статусной группы...

Понятия класса и классового статуса

Термин «классовый статус»¹ применяется для обозначения типичной вероятности, с какой: а) обеспечение товарами, б) внешние условия жизни, в) субъективная удовлетворенность или фрустрация характерны для индивида или группы. Эти вероятности определяют классовый статус настолько же, насколько сами они зависят от вида и степени полного или частичного контроля, который индивид осуществляет над товарами или услугами и наличными возможностями их использования ради получения дохода или прибыли в рамках сложившегося экономического порядка.

«Класс» — это любая группа людей, имеющих один и тот же классовый статус. Можно выделить следующие типы классов: а) класс как «класс собственников», в котором классовый статус индивидов детерминирован прежде всего дифференциацией размеров владений; б) класс как «стяжательный класс», в котором классовая ситуация индивидов детерминирована прежде всего их возможностями эксплуатировать услуги на рынке; в) класс как «социальный класс», структура которого состоит из

разнообразного множества классовых статусов, между которыми вполне возможно или наблюдается как типичный факт взаимное изменение индивидов, происходящее на персональной основе или в рамках нескольких поколений. На базе любого из этих трех типов классовых статусов могут возникать и развиваться ассоциативные отношения между теми, кто разделяет одни и те же классовые интересы, например, корпоративный класс. Тем не менее, это не обязательно всегда так и происходит. Понятия класса и классового статуса как таковые обозначают только факт тождественности или похожести в типичной ситуации,

¹ Вебер использует термин «класс» (Klasse) в особом смысле, который определен в данном параграфе и который, в частности, он противопоставляет термину Stand. Кажется, нет альтернативного перевода Klasse, но мы должны помнить о том, что это слово употребляется в специфическом значении. —
Прим. Т. Парсонса.

где данный индивид и многие другие люди определились в своих интересах. Классовые статусы, во всем своем многообразии и различиях, конституируются благодаря контролю над различными сочетаниями потребителей товаров, средств производства, инвестиций, основных капитанов и рыночных способностей. Только те, кто совсем не имеет квалификации и собственности, кто зависит от случайных заработков в строгом смысле обладают одним и тем же классовым статусом. Очень сильно варьируются между собой традиции, характеризующие различные классы. Они разнятся друг от друга по текучести кадров и той легкости, с какой индивиды входят в данный класс и покидают его. Таким образом, единство «социальных» классов очень относительно и подвижно.

Значение позитивно привилегированного класса собственников основывается прежде всего на следующих фактах: 1) они способны монополизировать приобретение дорогих товаров; 2) они могут контролировать возможности систематической монопольной политики в продаже товаров; 3) они могут монополизировать возможности накопления собственности благодаря непотреблению прибавочного продукта; 4) они могут монополизировать возможности аккумуляции капитала благодаря сохранению за собой возможности предоставлять собственность взаем и связанной с этим возможности контролировать ключевые позиции в бизнесе; 5) они могут монополизировать привилегии на социально престижные виды образования так же, как на престижные виды потребления.

Позитивно привилегированные классы собственников обычно живут на доходы от собственности. Источником может служить право собственности на людей, как, например, у рабовладельцев, на землю, рудники, фиксированное оборудование, скажем, на заводы, машины, корабли, как это происходит у кредиторов, ссужающих под проценты. Ссуда может включать домашних животных, деньги или зерно. Наконец, они могут жить на доходы от ценных бумаг.

Классовые интересы, называемые негативно привилегированными по отношению к собственности, обычно принадлежат к одному из следующих типов: а) они не владеют, а сами являются объектом чужого владения, поэтому они несвободны; б) они стоят «вне каст», т.е. являются «пролетариатом» в том смысле, в каком понимали его в античности; в) они принадлежат к классу должников и, следовательно, г) к «беднякам».

Между ними находятся «средние» классы. Этим термином описывают тех, кто владеет всеми видами собственности или обладает конкурентоспособностью на рынке труда благодаря соответствующей подготовке, тех, чья позиция укрепляется благодаря таким источникам.

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ

Кого-то из них можно отнести к «стяжательским» классам. Предприниматели попадают в эту категорию благодаря своим внушительным позитивным привилегиям; пролетарии — благодаря негативным привилегиям. Но многие типы, в частности, крестьяне, ремесленники и чиновники не попадают в эту категорию. Дифференциация классов единственно только по критерию собственности не является «динамичной», иначе говоря, она не является результатом классовой борьбы или классовых революций. Вовсе не редкость даже для чисто привилегированных классов собственников, скажем, для рабовладельцев, существовать бок о бок с совершенно непривилегированными группами, например, крестьянами, и даже с внекастовыми группами без какой-либо классовой борьбы. Между привилегированными классами собственников и несвободными элементами иногда могут возникать даже отношения солидарности. Тем не менее, конфликты, возникающие между землевладельцами и внекастовыми элементами или между кредиторами и должниками, которые принимали форму (во втором случае) столкновения городских патрициев с крестьянами и городскими ремесленниками, могли перерасти в революционный конфликт. Но и это не должно было с необходимостью вести к радикальному изменению экономической организации. Напротив, такие конфликты касались большей частью перераспределения богатств. Поэтому их правильнее именовать «революциями собственности». Ярким примером отсутствия классового антагонизма является отношение бедняков из белого населения южных штатов,

происходивших из тех людей, кто никогда не имел рабов, к плантаторам Юга Соединенных Штатов. «Белые бедняки» испытывали гораздо большую враждебность к неграм, нежели к плантаторам, которым были не чужды элементы патриархальных отношений и чувств. Конфликт между внекастовыми элементами и классами собственников, между кредиторами и должниками, между землевладельцами и внекастовыми прекрасно иллюстрирован античной историей.

Значение стяжательских классов

Значение позитивно привилегированного стяжательского класса обнаруживается в двух основных направлениях. С одной стороны, для них открывается возможность присвоения монополии на управление производственными предприятиями в пользу членов своего класса и их деловых интересов. С другой стороны, этот класс стремится к гарантии и неприкосновенности своей экономической нормы, оказывая влияние на экономическую политику представителей власти и других групп.

Члены позитивно привилегированных стяжательных классов — это типичные предприниматели. Другими наиболее важными типами являются: купцы, судовладельцы, промышленные и сельскохозяйственные предприниматели, банкиры и финансисты. При определенных условиях к представителям таких классов могут быть отнесены два других типа, в именно, лица «свободных» профессий, обладающие привилегированной позицией благодаря своим способностям и образованию, а также рабочие, которые занимают монополистическую позицию благодаря специальным навыкам (квалификации), независимо оттого, являются эти навыки унаследованными или приобретены в результате обучения.

К стяжательным классам, находящимся в негативно привилегированной ситуации, относятся рабочие самых разных типов. В целом их можно классифицировать на квалифицированных, полуквалифицированных, неквалифицированных.

В связи с этим независимых крестьян и ремесленников следует отнести к «средним классам». Эта категория обычно включает чиновников, занятых в общественном и частном секторах, лиц свободных профессий, а также рабочих, занимающих исключительную монополистическую позицию.

Примером «социальных классов» выступают: а) «рабочий» класс как целое (занятый в механизированном процессе); б) «нижние средние» классы; в) «интеллигенция» без самостоятельной собственности и лица, чье социальное положение прежде всего зависит от технических знаний, так же, как положение

инженеров, коммерческих и других служащих, а также гражданских чиновников. Эти группы сильно различаются между собой, особенно в зависимости от стоимости обучения; г) классы, занимающие привилегированную позицию благодаря собственности и образованию.

В неоконченной главе «Капитала» Карл Маркс, очевидно, намеревался рассмотреть проблему пролетариата, внутриклассовое сходство Которого он утверждал вопреки вопиющим качественным различиям внутри его. Решающий фактор — возрастание важности полуквалифицированных рабочих, приобретших подготовку за относительно короткий период времени непосредственно у станков. Возрастание произошло за счет «квалифицированных» рабочих старого типа, а также неквалифицированных рабочих. Тем не менее, даже такой типа квалификации может оказаться монополией. К примеру, ткач достигает наивысшей производительности труда, лишь имея пятилетний стаж.

И ВЛАСТЬ

Раньше каждый рабочий стремился прежде всего стать независимым мелким буржуа, но возможности достичь своей цели со временем сужались. От поколения к поколению наиболее удобным способом сделать карьеру для квалифицированных и полуквалифицированных рабочих становился переход в класс технических специалистов. В большинстве высокопривилегированных классов, по крайней мере на протяжении более чем одного поколения, деньги превращаются во всепоглощающую цель. Через банки и промышленные корпорации представители нижнего среднего класса и группы, живущие на жалование, получают определенные возможности подняться в привилегированный класс.

Организованная деятельность классовых групп осуществляется благодаря следующим обстоятельствам: а) возможности сосредоточиваться на оппонентах там, где возникает непосредственный конфликт интересов. Так, рабочие организуются в борьбе против руководства, но не против акционеров, хотя это единственная группа, получающая доходы не работая. Точно так же крестьяне не ведут организованных действий против лендлордов; б) существованию классового статуса, который сходен у больших масс людей; в) технически реализуемой возможности примирения. Это справедливо для тех мест, где на большом пространстве трудится большое число людей, например на современной фабрике; г) лидерству, направляемому к очевидным и понятным целям. Такие цели навязываются или по крайней мере интерпретируются такими

группами, как интеллигенция, которая в сущности и не является классом.

Социальные страты и их статус

Термином «социальный статус» мы будем обозначать реальные притязания на позитивные или негативные привилегии в отношении социального престижа, если он основывается на одном или большем количестве следующих критериев: а) образ жизни, б) формальное образование, заключающееся в практическом или теоретическом обучении и усвоении соответствующего образа жизни, в) престиж рождения или профессии.

Основными практическими проявлениями статуса, в отношении к социальной стратификации, выступают статус женатого или замужней, статус сотрапезника и монополистическое присвоение привилегированных экономических возможностей либо запрещение на определенны» способы присвоения (стяжательства). Наконец, существуют условности или традиции другого рода, приписываемые социальному статусу.

Стратификационный статус может быть связан с классовым статусом прямо или косвенно множеством сложных путей, а не одним-единственным. Собственность и менеджерские позиции сами по себе еще недостаточны, чтобы предоставить их держателям определенный социальный статус, хотя способны повлиять на него.

Напротив, социальный статус частично или полностью может определять классовый статус, хотя и не идентичен ему.

Классовый статус, скажем, военного офицера, гражданского служащего или студента, поскольку они зависят от получаемых доходов, может сильно различаться, хотя во всех отношениях их образ жизни определяется общим для всех них образованием.

Социальная «страта» — это множество людей внутри большой Группы, обладающих определенным видом и уровнем престижа, полученного благодаря своей позиции, а также возможности достичь особого рода монополии.

Существуют следующие наиболее важные источники развития тех или иных страт: а) наиболее важный — развитие специфического стиля Жизни, включающего тип занятия, профессии; б) второе основание — наследуемая харизма, источником которой служит успех в достижении престижного положения благодаря рождению; в) третье — это присвоение политической или иерократической власти, такой как монополии, социально различающимися группами.

Развитие наследственных страт — это обычная форма наследственного присвоения привилегий организованной

группой или индивидуально определенными лицами. Каждый четко установленный случай присвоения способностей и возможностей, особенно лицами, осуществляющими власть, ведет к развитию различающихся между собой страт. В свою очередь, развитие страт ведет к монополистическому присвоению управленческой власти и соответствующих экономических преимуществ.

Стяжательным классам благоприятствует экономическая система, ориентированная на рыночные ситуации, в то время как социальные страты развиваются и поддерживаются скорее всего там, где экономическая организация носит монополистический и литургический характер, где экономические потребности корпоративных групп удовлетворяются на феодальной или патримониальной основе. Класс, ближе всего расположенный к страте, это «социальный» класс, а класс, дальше всего отстоящий от нее по времени образования, это «стяжательный» класс. Класс собственников чаще всего конституирует ядро страты.

Любое общество, где страты занимают важное место, в огромной степени контролируется условными (конвенциональными) правилами поведения. Они создаются экономически иррациональными условиями потребления и препятствуют развитию свободного рынка благодаря монополистическому присвоению и ограничению свободного перемещения экономических способностей индивидов.

Печатается по: Вебер М. Основные понятия стратификации // Социс. 1994. № 5. С. 147—156.

Ф. ШМИТТЕР

Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии

1. Наличие гражданского общества (вернее, наличие гражданского общества определенного уровня, дистрибуции и типа) способствует консолидации (а затем — и сохранению) демократии.

1. Гражданское общество содействует консолидации демократии, но не является ее непосредственной причиной. Само по себе оно не может породить демократию или обеспечить существование уже возникших демократических институтов и норм. Ergo, в демократическом процессе гражданское общество действует наряду с другими институтами, процессами и мотивациями.

2. Под «гражданским обществом» (далее — ГО) здесь понимается совокупность или система самоорганизующих медиаторных (посреднических) групп, которые:

— относительно независимы как от органов государственной власти, так и от внегосударственных единиц производства и воспроизводства, т.е. от фирм и семей;

— способны планировать и осуществлять коллективные акции по защите /достижению своих интересов или устремлений;

— *не* стремятся при этом подменить собой ни государственные структуры, ни частных (вос)производителей или же принять на себя функции по управлению политией в целом;

— но *согласны* действовать в рамках уже сложившихся «гражданских» или правовых норм.

Таким образом, ГО предполагает наличие четырех условий или критериев:

- а) двоякого рода автономии;
- б) коллективного действия;
- в) неузурпации чужих прерогатив;
- г) гражданственности (civility).

Этими нормами должны руководствоваться посреднические единицы внутри ГО, но их должны соблюдать *и* органы государственной власти и частные (вос)производители. Сами по себе медиаторные организации — необходимое, но недостаточное свидетельство существования ГО, ибо подобными организационными структурами могут манипулировать государственные или частные акторы или же они могут оказаться не более чем фасадом, прикрывающим деятельность социальных групп, стремящихся узурпировать власть легитимных государственных органов или «негражданскими» средствами осуществлять господство над другими социальными группами.

3. «Консолидацию демократии» можно определить как процесс, когда эпизодические соглашения, половинчатые нормы и случайные решения периода перехода от авторитаризма трансформируются в отношения сотрудничества и конкуренции, прочно усвоенные, постоянно действующие и добровольно принимаемые теми лицами и коллективами (т.е. политиками и гражданами), которые участвуют в демократическом управлении.

При консолидации демократического режима происходит институционализация неопределенности некоторых ролей и областей политической жизни, но одновременно граждане получают уверенность, что борьба за государственные посты

и/или влияние будет честной и не выйдет за пределы предсказуемого набора вариантов. Современная, представительная, политическая демократия покоится на такой «ограниченной неопределенности» (bounded uncertainty) и условном согласии (contingent consent) акторов принимать порождаемые ею результаты.

Таким образом, суть дилеммы консолидации связана с формированием институциональной структуры, с которой могли бы согласиться политики и которую готовы поддержать граждане. Добиться ее устойчивого разрешения, особенно в атмосфере завышенных ожиданий, которыми обычно характеризуется переходный период, весьма непросто. Мало того, что существующие варианты решений *внутренне конфликтны* (поскольку каждая конкретная группа политиков отдает предпочтение тем нормам, которые обеспечат ей переизбрание или потенциальный доступ к власти, а всевозможные группы граждан хотели бы усиления ответственности своих «штатных» доверенных лиц),

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ

выбор того или иного варианта влечет за собой серьезные *внешние последствия*. Как только посредством механизмов электоральной неопределенности избранные нормы переносятся на уровень правительств, вырабатывающих политический курс государства, они начинают влиять на темпы экономического роста, инвестиционную активность, конкурентоспособность страны на внешних рынках, распределение доходов и богатств, доступность образования, степень распространенности чувства культурной ущемленности, расовое равновесие и даже сказывается на национальной идентичности. В какой-то мере наличие такого рода проблем осознается акторами и учитывается при заключении компромиссов относительно [демократических] процедур. Тем не менее места для ошибок и непредвиденных последствий остается более чем достаточно. В краткосрочном плане консолидация демократии зависит от способности политиков и граждан найти пути разрешения существующих между ними внутренних конфликтов по поводу норм; в плане же долгосрочном она зависит от того внешнего воздействия, которое основанный на избранных нормах политический курс будет оказывать на различные группы общества, подающего надежды стать гражданским.

4. Говоря об «уровне» гражданского общества, я исхожу из того, что ГО никогда полностью не вбирает в себя все формы взаимодействия между индивидами/фирмами, с одной стороны, и государством — с другой, но действует параллельно их прямым контактам, разделяя на отдельные фракции разнородные усилия по оказанию влияния на политику государства. Чем больше

подобных усилий преобразуют, пропуская через себя посреднические организации, тем выше уровень ГО и тем легче — при прочих равных — консолидировать демократию.

5. Введение такого параметра, как «дистрибуции», предполагает, что для выражения одних категорий интересов/устремлений механизмы ГО более приспособлены, чем для выражения Других. Обычно основное внимание уделяется медиаторной роли групп, образуемых по линиям функциональных расколов общества, — классов, секторов, профессий — и желательности разрешения через каналы ГО тех наиболее бросающихся в глаза конфликтов, которые возникают между такого рода группами. Но поскольку основы конфликтов в каждом отдельно взятом обществе меняются, со временем может встать не менее острая необходимость в использовании аналогичных механизмов для представления и «других» разновидностей интересов или даже устремлений.

6. Категория «тип» предполагает, что принципы автономии, коллективного действия, неузурпации и гражданственности могут сочетаться абсолютно по-разному, создавая различающиеся по своим общим очертаниям гражданские общества или особые «системы посредничества». Среди таких «систем» наибольшим вниманием исследователей пользуются *плюрализм и корпоратизм*, точнее, их идеал — типические различия. Предполагается также, что обе названные «системы» (равно как и некоторые промежуточные варианты) вполне совместимы с консолидацией демократии, но от того, какая именно из них наличествует, во многом зависят технические характеристики и «качество» формирующейся демократии, а также распределение приносимых ею благ.

II. Существование гражданского общества не является необходимым предварительным условием крушения автократии, равно как и перехода к демократии. Лишь крайне редко подобное изменение режима осуществляется силами самих акторов ГО.

1. И все же переход к демократии практически всегда сопровождается «воскрешением» ГО (даже там, где прежде его, возможно, и не было). Как правило, это происходит после, а не до начала процесса перехода.

Чаще всего исходные побудительные импульсы к переходу выражаются в форме относительно спонтанных движений, но с объявлением первых выборов внимание, как правило, переключается на политические партии. И лишь после «учредительных выборов», по мере того как полития осваивается с существованием конфликтов, а те, в свою очередь, приобретают

рутинный характер, обычно выявляется роль ассоциаций интересов.

Такая последовательность событий может вызвать определенную путаницу в понимании природы ГО в неолемократиях, ибо сразу же возникает соблазн определять его наличие или силу через спонтанность социальных движений и энтузиазм участвующих в них масс. Это недопустимо, поскольку:

- само установление демократии снимает некоторые из наиболее «пылких» оправданий существования подобных спонтанных социальных движений;
- процесс консолидации подталкивает индивидов и социальные группы к отстаиванию более «своекорыстных» интересов и «наживе» за счет других;
- механизмы современной демократии, как правило, более благоприятствуют выражению территориально и функционально обуслов-

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ

ленных интересов (а следовательно — политическим партиям и ассоциациям интересов), нежели мероприятиям тематической направленности (т.е. «однопроблемным» [«singl-issued»] движениям).

Важно помнить, что гражданское общество составляют медиаторные организации не одного, а многих типов; под влиянием изменений в существе и интенсивности конфликта, а также в зависимости от стадии демократизации их соотношение несомненно будет меняться.

III. Наличие реально действующей партийной системы (любого типа) отнюдь не является, бесспорным свидетельством существования ГО, ибо политические партии вряд ли способны полностью взять на себя функции организованного посредничества между частными лицами / фирмами и государственной властью.

1. Наличие гражданского общества несомненно окажет благотворное влияние на функционирование жизнеспособной, состязательной партийной системы, но едва ли можно ожидать, что сама эта система в состоянии отразить весь спектр интересов и устремлений ГО, особенно в периоды (нередко долгие) между выборами. Партии попытаются проникнуть в стержневые институты гражданского общества, т.е. в ассоциации и движения, и даже подчинить их себе, однако есть основания думать, что ныне они уже в значительной мере утратили былую способность выражать в своих программах, платформах и идеологиях его интересы и устремления.

В прочно укоренившихся западных демократиях природа и роль партий претерпели за прошедшее время существенные

изменения, и было бы анахронизмом думать, что партиям нынешних недемократий предстоит повторить все стадии развития своих предшественниц, выполняя при этом все их функции. Даже в политах, которые долго находились под властью авторитарных режимов и не имели в прошлом гражданского общества, граждане проявляют сегодня совсем иные организационные склонности: они менее охотно солидаризуются с узкопартийными символами и идеологией и отстаивают значительно более широкий набор интересов. К тому же новые режимы возникают в международном окружении, буквально напичканном всевозможными моделями эффективной организации коллективных действий. Все это не мешает партиям играть роль главного представителя гражданского общества, но вместе с тем предполагает, что в лице социальных движений и ассоциаций интересов они столкнутся с конкурентами, куда более серьезными, чем те, которые были у их предшественниц, а нам, соответственно, придется пересмотреть свои представления о демократизации.

2. Современная демократия — это сложнейшая сеть институтов с многообразными каналами представительства и центрами властного принятия решений. Ее главнейшая составляющая — гражданство (citizenship) — не сводится лишь к периодическому голосованию на выборах. Гражданство может выражаться и во влиянии на подбор кандидатов, и в участии в ассоциациях или движениях, и в обращении к властям, и в «нешаблонных» («unconventional») акциях протеста и т.д. Точно так же и ответственность властей обеспечивается не только традиционными механизмами территориальных избирательных округов и законодательными процедурами. Она может реализовываться и в обход их, непосредственно фокусируясь — через функциональные каналы либо посредством процессов торга — на выборных или назначенных должностных лицах внутри государственного аппарата.

3. По этим причинам современную демократию следует рассматривать не как «режим», а как совокупность «частных (partial) режимов», каждый из которых институционализирован вокруг своего особого участка общества для представления той или иной социальной группы и разрешения свойственных ей конфликтов. В рамках такого рода частных режимов и происходит конкуренция и объединение партий, ассоциаций, движений, территорий и всевозможных клиентел в их борьбе за государственные посты и влияние на политический курс страны. Властные органы, отличающиеся друг от друга по своим функциям и уровням, взаимодействуют с их представителями и

имеют законные основания заявлять о своей ответственности перед особыми группами интересов (и устремлений) граждан. Конечно, конституции в каком-то смысле являются попыткой установить единую всеохватную систему «метуправил» («meta-rules»), которая связала бы эти частные режимы воедино, закрепив за каждым из них особые задачи и принудив их к определенной иерархии взаимоотношений, однако подобные формальные документы редко достигают желаемого результата в плане упорядочения всех этих отношений и контроля над ними. Хотя созыв конституционного собрания для разработки приемлемого проекта Основного закона и ратификация такого проекта путем парламентского голосования и/или плебисцита, несомненно, есть важный момент в процессе демократической консолидации, большинство частных режимов не получает при этом правового оформления. Ибо как раз по отношению к пограничным ситуациям, когда сталкиваются разные типы представительства внутри гражданского общества, конституционные нормы особенно расплывчаты и неконкретны. Попы-

тайтесь, например, смоделировать — исходя из самой что ни на есть детализированной конституции (а они становятся все более детализированными), — как будут взаимодействовать партии, ассоциации и движения, чтобы повлиять на политический курс. Или же попробуйте распознать, как на основе подобных метаправил будет проходить торг между трудом и капиталом относительно долей доходов.

Если демократия представляет собой не режим, а совокупность режимов, наиболее подходящим методом изучения взаимосвязи демократической консолидации и гражданского общества будет, по всей вероятности, расщепление (*disaggregation*). Оно уместно и желательно не только в теоретическом плане — помимо прочего, оно сделает попытку анализа более выполнимой и в практическом отношении.

4. В связи с теми возможностями (и опасностями), которые несет с собой демократизация, отдельным ассоциациям, как правило, приходится серьезным образом менять свою внутреннюю структуру и повседневную практику. Некоторые ассоциации будут изо всех сил стремиться сохранить те организационные преимущества, которыми обладали прежде в условиях автократии; другие воспользуются появившимся шансом, чтобы установить новые отношения со своими членами и включиться в качестве самостоятельных единиц в политический процесс. Ирония, однако, состоит в том, что именно тем группам ГО, которые более всего нуждаются в коллективных действиях и которые потенциально должны были бы вобрать в себя многочисленную категорию разобщенных и относительно

обнищавших индивидов, похоже, сложнее всего вербовать членов на принципах рациональности и добровольности. У маленьких, сплоченных и привилегированных групп в условиях демократии будет гораздо меньше трудностей с привлечением ресурсов. Во-первых, такие группы не столь остро нуждаются в оных (так как их члены чаще всего имеют достаточно средств, чтобы действовать самостоятельно), а во-вторых, они обычно были привилегированными партнерами и бенефициариями прежнего автократического режима. Если предоставить событиям развиваться естественным образом, то вновь появившиеся «либеральные» возможности создания ассоциаций могут обернуться систематической гипертрофией представительства наиболее влиятельных классовых, секторальных и профессиональных интересов. Конечно, обретая возможность выбора между соперничающими партиями, менее значительные группы получают новое средство борьбы за достижение своих самых общих интересов, однако, когда приходит время отстаивать какие-то более специфические интересы, для того

чтобы эффективно участвовать в демократической игре, им приходится полагаться на одобрение, санкционирование и финансовую поддержку со стороны государства, типичные для прежнего режима. Иными словами, практические соблазны неокорпоративизма могут перевесить идеологическую привлекательность плюрализма.

5. Обратимся прежде всего к некоторым *особенностям* (тем, которые в состоянии измениться с приходом демократии) *организаций с индивидуальным прямым членством*, представляющих интересы бизнеса, труда и сельского хозяйства.

а) *Численность*. Теоретически, при достижении двух свобод — ассоциаций и петиций, она должна быть неограниченной.

Известная плюралистическая формула Джеймса Мэдисона была нацелена на увеличение потенциального числа организаций посредством умножения властных уровней, вокруг которых они могли бы формироваться, не создавая вместе с тем преград для их бесконечного дробления. Все же существует несколько факторов, способных сделать порог образования ассоциаций для тех или иных социальных групп более высоким или же ограничить доступ к сферам, где осуществляется процесс торга, тем, кому уже удалось организовать. Решающую роль здесь, по всей видимости, будет играть политический курс государства, унаследованный от прежнего режима или сформировавшийся при новом, демократическом. Одновременно может иметь значение и то, являются ли рассматриваемые ассоциации действительно новыми или же это простая перелицовка ранее существовавших; возникли они спонтанно или же были

спонсированы (и если да, то кем); на каком этапе переходного процесса они стали образовываться.

б) *Плотность членства* (member density). Согласно либерально-демократической теории, соотношение тех, кто потенциально готов присоединиться [к организациям с индивидуальным прямым членством] и участвовать в коллективных действиях, и тех, кто действительно это делает, зависит исключительно от рационального и независимого расчета отдельных индивидов. На практике же обычные социальные и экономические «фильтры» часто дополняются продуманными государственными и внегосударственными акциями. Здесь мы вступаем в темную сферу внешнего спонсирования со стороны политических партий, узаконенного косвенного принуждения со стороны государственных органов (вспомним хотя бы систему палат для промышленников и аграриев или закрытые магазины и профсоюзные ставки для рабочих), а также утонченных форм налоговой дискриминации, предоставления лицензий

И ВЛАСТЬ

и экспортных сертификатов, кредитных услуг и прямого насилия — т.е. всего того, что способно привязать различные социальные и экономические категории к соответствующим организациям, причем такими средствами, которые не выбираются ими свободно, но считаются совместимыми с демократической практикой.

в) *Сфера представительства* (representational domain). Согласно устоявшиеся канонам демократии, ассоциации интересов (старые или новые) должны иметь возможность самостоятельно определять, кого именно они хотели бы представлять. Они очерчивают круг лиц, среди которых рекрутируют своих членов, и обозначают предметы, о которых намерены вести речь. На деле, однако, такое случается редко. В условиях госкорпоративистского покровительства — обычного наследия авторитарного правления — подобные вопросы определялись законом или административным регулированием. Интересам надлежало организовываться по секторам экономики или профессиям, принимать заданные территориальные сочетания, ограничиваться определенным уровнем взаимодействия и выполнять предписанный набор задач. И напротив, некоторые сферы и виды деятельности находились под запретом, как, скажем, были запрещены определенные типы политических, идеологических и культурных объединений. Это стало своего рода организационной «привычкой», которая изживается крайне медленно даже после отмены прежних ограничений.

6. Очевидно, что независимо от наследия и инерции, модели разграничения сфер интересов, принятые в той или иной стране, весьма отличаются друг от друга. Для будущего демократии особенно важными представляются два параметра:

— *степень специализации* в функциональной (например, отрасль производства, сектор, класс) и территориальной (например, местный, региональный или национальный уровни) сферах, а также в области задач (например, объединения наемных работников vs. объединений нанимателей; союзы, ориентированные на борьбу, vs. союзов, ориентированных на предоставление услуг);

□ *степень дискриминации* в зависимости от таких характеристик отдельных членов, как размер фирмы, уровень мастерства, государственный или частный статус, конфессиональная, национальная, партийная принадлежность и т.п.

При сведении воедино «букета» характеристик, касающихся отдельных ассоциаций, выявляются два качества (их можно назвать «*стратегической компетентностью*» [strategic capacity] и «ем-

костью» [encompassingness□), которые могут решающим образом сказаться на процессе демократизации. Какой именно тип демократии сложится в ходе консолидации, будет во многом зависеть от того, насколько ассоциации ГО обладают данными качествами:

— достаточно ли вновь образованные или недавно перестроенные организации изобретательны и автономны, чтобы наметить и длительное время проводить курс, который не был бы связан лишь с сиюминутными предпочтениями их членов и при этом был бы независим от политики внешних по отношению к этим организациям партий и учреждений;

— и если да, то сколь широкий круг выраженных интересов может быть охвачен каждой конкретной организацией или же скоординирован головными в рамках существующей иерархии ассоциациями.

В политиях, где классовые, секторальные или профессиональные ассоциации стратегически компетентны и обладают достаточной емкостью, такого рода единицы ГО играют в консолидационных процессах более заметную роль, чем в политиях со множеством узкоспециализированных и дублирующих друг друга организаций, в значительной мере зависимых от своих членов и (или) партнеров. Иначе говоря, плюралистские ассоциации ослабляют значение посредничества в выражении интересов, корпоративистские — усиливают.

Оттого, какой тип ассоциаций сложился, зависит также вероятность появления устойчивых частных режимов, а

следовательно — и тип демократии. Например, возможность создания жизнеспособных *концертативных*, или согласованных, *режимов* (concertation regimes), связывающих ассоциации непосредственно друг с другом и/или с государственными структурами, по-видимому, определяется уровнем стратегической компетентности и емкости. И наоборот, начавшееся согласование (концентрация) обычно усиливает стремление «ассоциаций-участников» к еще большей автономии от своих собственных членов и партийных партнеров и к расширению сферы охвата с тем, чтобы поставить под свой контроль все более широкие категории интересов. При развитии ситуации до ее логического предела, неodemократия может оказаться полем деятельности для череды правительств, отстаивающих «частные интересы» во всех чувствительных политических сферах, что будет иметь далеко идущие последствия для политических партий, местных клиентел, законодательного процесса, а также скажется на общей управляемости государства.

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ

7. Второй ряд выявленных свойств имеет отношение к тому, что для краткости может быть обозначено как *система посредничества в выражении интересов*. Воздействие организованных интересов ГО на тип демократии нельзя изменить путем простого суммирования ассоциаций и движений, существующих в данной политике; необходимо учитывать еще и те свойства, которые возникают в результате конкуренции и сотрудничества данных ассоциаций и движений. Чтобы не терять из виду главного, сосредоточимся вновь на трех наиболее важных параметрах:

а) Первый из них — *охват*. Какие социальные группы организуются в более широкую сеть коллективного действия, какие действуют исключительно сами по себе, а какие полностью остаются вне организационных рамок? Предпочтение обычно отдается классовым, секторальным и профессиональным группам, что связано с предвзятым мнением, будто среди всего разнообразия групп интересов внутри ГО именно такого рода группы в наибольшей мере способны принимать важнейшие решения, влияющие на консолидацию частных режимов и в конечном счете — на тип демократии. Если подходить к проблеме в ее узком понимании, то вопрос в том, действительно ли идентифицируемые сегменты и фракции подобных групп интересов (или, говоря языком плюралистов, — «потенциальные группы») не могут организоваться, — или же они прилагают в этом направлении явно меньше усилий, чем, по всей видимости, могли бы. Следствие ли это продолжительных репрессивных мер (например, запрета создавать профсоюзы государственных

служащих или низовые организации рабочего представительства) либо стратегического расчета, основанного на предположении, что для достижения/защиты своих интересов лучше использовать иные формы коллективного действия (например, политические партии, закулисные соглашения, неформальные связи), либо же структурной неспособности действовать в новых условиях добровольности и конкуренции? Конечно, не имея фактических данных, трудно распознать наличие в обществе таких категорий интересов, которые «существуют, но не действуют», равно как и реконструировать логику, которой руководствуются сознательные и активные группы, отдавая предпочтение тому, а не иному способу представительства, однако взвешенная оценка сферы действия складывающихся систем интересов требует предпринять в этом направлении, по крайней мере, некоторые усилия, — хотя бы ввиду выдвижения гипотезы, предполагающей, что демократии, устраняющие (или попросту игнорирующие) потенциально

активные социальные группы, могут столкнуться с серьезными проблемами легитимности и управляемости.

Проблема приобретает еще большую остроту, едва ее фокус перемежается с узкоклассового и секторального аспекта к значительно более широкому вопросу об охвате других категорий интересов (не говоря уже об устремлениях) — интересов бедных; престарелых; больных; безработных; неграмотных; обитателей трущоб; иностранцев, оказавшихся в положении людей второго сорта, или коренных жителей — жертв этнической, языковой или сексуальной дискриминации; людей, обеспокоенных ухудшением окружающей среды, озабоченных проблемой сохранения мира на Земле или правами животных и т.п. Здесь изначально не может быть никакой уверенности, что коллективные действия непременно примут форму ограниченной и специализированной ассоциативности. Гораздо вероятнее, что названные категории граждан будут адресовать свои требования политическим партиям (если они обладают правом голоса), религиозным организациям (если они верующие), местным властям (если они проживают компактной массой) или государственным органам (если они находятся на социальном обеспечении). Они могут также сформировать свои собственные социальные движения, чьи программы и способы действий, вероятно, будут несовместимы с куда более жестко ограниченными целями и методами организаций по интересам.

б) Второй выявленный параметр — *монополизация*. Приход демократии должен подхлестнуть борьбу между группами ГО за членов, за ресурсы, за признание властью, равно как и за доступ к

ней. Впрочем, это вовсе не императив или неизбежность. Принято считать, что прежний авторитарный режим если не подавлял полностью ассоциативную активность определенных групп, то, во всяком случае, принуждал их действовать в рамках какой-то одной монополистской организации, существующей с одобрения государства и чаще всего им же контролируемой. Сохранится ли такая ситуация после того, как авторитарный режим пал, зависит, видимо, от тех политических факторов, которые вступают в действие во время переходного периода и влияние которых может ощущаться довольно долго. Больше всего бросается в глаза (особенно когда речь идет о тред-юнионах) значение изменившейся специфики конкурентной борьбы среди политических партий. Соперничество идеологических «лагерей»: коммунистов, социалистов, а порой и христианских демократов за влияние на рабочих часто предшествует краху авторитарного правления, но лишь только после того, как

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ

возобновятся реальные выборы, оно может стать столь явным, чтобы расколоть более или менее единое рабочее движение. Предпринимательские ассоциации, равно как и объединения лиц свободных профессий, всегда были организационно меньше подвержены расколам по идейным соображениям (даже если их члены отдавали свои голоса противоборствующим партиям), хотя порой они дробились из-за языковых или религиозных различий. Куда более сильным фактором раскола оказывается для них столкновение интересов мелких, средних и крупных предприятий — преодолеть такого рода разногласия столь же трудно, как удержать «белые и синие воротнички» в рамках единой рабочей ассоциации или выработать «пакт о ненападении» между союзами рабочих разного уровня квалификации. Толчком к борьбе — причем нередко отнюдь не «гражданскими» методами — за членов или за доступ к власти могут также дать регионализм и «микронационализм».

Как бы то ни было, в формирующейся поставторитарной системе всегда будет присутствовать та или иная степень «монополизации» представительства интересов, и это окажет решающее воздействие на формирование частных режимов. Весьма часто, однако, оценить уровень такой монополизации бывает крайне сложно, — по той простой причине, что ассоциации могут формально разграничить сферы своего охвата, так что создается видимость конкуренции между ними, тогда как на практике существуют скрытые договоренности, согласно которым ассоциации обязуются не переманивать друг у друга членов, делиться важнейшими ресурсами и даже лидерами, а

также принимать участие в труднораспознаваемом «разделении труда» между потенциальными партнерами. Так, например, предприниматели стран Северной и Центральной Европы организованы в особые иерархии отраслевых и предпринимательских союзов, которые, на первый взгляд, конкурируют между собой за доступ к политической власти и лояльность членов. При ближайшем же рассмотрении (и несмотря на бывшие конфликты между отдельными организациями) эта конкуренция оказывается вполне устойчивым «разделением труда», обеспечивающим данному классу значительную гибкость и «дополнительные возможности» в защите своих интересов.

в) Третий системный параметр — *координация*. Зона действия отдельных ассоциаций обычно ограничена, ограничена и их способность выражать существующее многообразие интересов. Рабочие так и не смогли осуществить свою давнюю мечту и создать «один большой союз», хотя предпринимателям и фермерам несколько раз удавалось

приблизиться к достижению подобной цели. Как правило, для того, чтобы представлять более широкий круг интересов, чем может охватить единичная ассоциация, образуются «ассоциации ассоциаций». Такие надорганизации (Spitzenverbände — это дословно не переводимое немецкое выражение обозначает «головное предприятие») могут пытаться координировать поведение субъектов в рамках единого сектора (например, всей химической промышленности), целой отрасли производства (например, всей тяжелой промышленности) или класса в целом (всех предпринимателей, рабочих или фермеров независимо от отрасли или сектора). Они способны действовать в масштабах какой-то определенной местности, провинции, региона, страны или даже наднационального объединения, подобного Европейскому сообществу. Неодинакова и их эффективность в плане объединения всех причастных групп и привлечения их к совместным действиям — это могут быть как весьма несовершенные свободные конфедерации, члены которых сохраняют финансовую и политическую автономию и включаются в коллективные акции лишь после уговоров или благодаря личному авторитету лидеров, так и сверхцентрализованные и иерархически структурированные образования, располагающие огромными ресурсами, а то и способностью приструнить любые классовые или секторальные интересы, отказывающиеся следовать согласованной политической линии.

Столь высокий уровень координации возникает не без борьбы или, как минимум, не без наличия серьезной угрозы тем интересам, которые предстоит координировать. Разумеется,

достичь его легче тогда, когда речь идёт о сугубо локальных масштабах и о сравнительно узком секторе общества, ибо здесь одновременно проявляются преимущества небольшой численности и тесного социального взаимодействия. Чтобы добиться чего-то подобного в масштабах страны или класса, требуется куда больше усилий. Как правило, до этого доходит дело лишь после формирования первичных блоков, т.е. когда уже созданы местные и секторальные ассоциации с прямым членством, однако данное обстоятельство чаще всего осложняет задачу последующего подчинения ассоциаций. В некоторых случаях облегчить ее решение может централизаторский опыт, унаследованный от прежнего госкорпоративизма.

8. *Если стратегическая компетентность и емкость* представляют собой два наиболее существенных из выявленных свойств единичных ассоциаций ГО, то природу межорганизационных систем посредничества в выражении интересов лучше всего определяют такие свой-

ства, как *классоуправление* (class governance) и *конгруэнтность* (congruence).

а) Классоуправление — это способность подвинуть некую широкую социальную категорию в целом (например, всех собственников средств производства, рабочих всех отраслей, всех работающих не по найму во всех сферах хозяйства) на действия в рамках единого долгосрочного курса и добиться, чтобы те, кого затрагивает такая политика, действительно следовали ей.

Теоретически взять на себя решение этой задачи могли бы политические партии, однако логика продолжительной электоральной борьбы, как правило, лишает их возможности выполнять подобную функцию по отношению к работникам физического труда, — а по отношению к предпринимателям они в сущности никогда ее и не выполняли. Если классоуправлению суждено стать свойством гражданского общества и политического строя, то в современных условиях взять на себя практическую его реализацию придется сети ассоциаций интересов (или даже единой надассоциации).

б) Конгруэнтность показывает, в какой мере охват, степень монополизации и координаторские способности одного класса, сектора или профессии ГО схожи с названными свойствами других его классов, секторов и профессий. Здесь можно постулировать, что общей тенденцией в развитии ассоциаций — особенно кластеров ассоциаций, представляющих противостоящие интересы, — является усиление конгруэнтности. Тем не менее, если посмотреть на проблему в историческом

разрезе, некоторые ассоциации могут выступать инициаторами использования новых форм самоорганизации (иногда заимствованных из-за рубежа), которые впоследствии перенимаются их соперниками и подражателями. Учитывая, что для переходного периода в принципе характерна крайняя неопределенность, нормальным для него состоянием будет, по-видимому, неконгруэнтность, и вопрос в том, будет ли она сокращаться в ходе демократической консолидации.

IV. Наличие гражданского общества способствует консолидации демократии следующим образом:

1. Оно стабилизирует ожидания внутри социальных групп, вследствие чего власть получает более обобщенную, достоверную и пригодную для практического применения, информацию, на которую может опереться в процессе управления.
2. Оно прививает гражданские представления об интересе и гражданские нормы поведения, т.е. те, в которых учитывается существование общества в целом и признается демократический процесс.

3. Оно обеспечивает такие каналы самовыражения и идентификации, которые наиболее близки людям и фирмам и которые, в данной связи, легче всего использовать при выдвижении требований, особенно требований, адресованных далеким чиновникам центральных государственных органов.

4. Оно регулирует поведение своих членов применительно к сфере коллективных обязательств, облегчая тем самым бремя правления как для властей, так и для частных производителей.

5. Оно представляет собой важный, хотя и не единственный, источник потенциального сопротивления произволу и тирании правителей — будь то незаконные узурпаторы или фанатичное большинство.

Тем не менее ГО не является для демократии абсолютным благом. Его воздействие на консолидацию демократической системы и ее последующее функционирование может оказаться негативным по целому ряду параметров:

1. Оно может сделать процесс формирования большинства более долгим, трудным и случайным, тем самым снижая степень легитимности демократических правительств.

2. Оно (особенно в тех случаях, когда основано на строго либеральных принципах, т.е. на принципах индивидуализма и добровольности) способно породить постоянные перекосы в распределении влияний в политическом процессе. (Как сформулировал эту проблему один из американских аналитиков Е.Е. Шаттшнейдер: «Беда хора групп интересов в Соединенных Штатах состоит в том, что он поет на диалекте высших классов».)

3. Зачастую оно внедряет в политическую жизнь столь сложную и запутанную систему компромиссов, что в результате может быть принят такой политический курс, которого никто не желал изначально и с которым никто не может в дальнейшем солидаризоваться.
4. Оно может усилить тенденцию к разрешению всех проблем из «общественного котла», когда каждая ассоциация и каждое движение удовлетворяют свои интересы/устремления за счет общества в целом, что в конечном итоге приводит к неэффективной, инфляционной экономике.
5. Самое же опасное, — если «оно» оказывается не одним, а несколькими гражданскими обществами, которые охватывают одну и ту же территорию и одну и ту же политику, но организуют интересы и устремления в виде различных, а порой и полностью несовместимых, этнических или культурных сообществ. (В свое время в Западной Ев-

И ВЛАСТЬ

ропе решением проблемы вертикальной расщепленности («пиллеризации») гражданского общества стала консоциативность или Proportz-de-mokratie¹, однако для большинства неолемократий такой вариант решения, скорее всего, не подойдет, и им, по-видимому, придется столкнуться с весьма болезненной перспективой сецессии.)

Каждое конкретное гражданское общество будет оказывать на демократию смешанное воздействие. Нет никаких гарантий что позитивное возобладает над негативным, хотя в Европе на протяжении относительно долгого времени это было именно так. К сожалению в современных неолемократиях акторы явно больше озабочены сиюминутной выгодой и потому не расположены делать ставку на возможные преимущества, которые вытекают из наличия действующего и жизнеспособного ГО.

Если предложенное понимание проблемы хоть в какой-то мере обоснованно, вероятный результат [воздействия ГО на демократию] можно просчитать на основе оценки степени проявленности в нем основополагающих свойств, возникающих в процессе смены режима- стратегической компетентности, емкости, классоуправления и конгруэнтности. Последние, в свою очередь, зависят от более дискретных характеристик, приобретаемых тогда же единичными ассоциациями и движениями, т.е. от численности таких ассоциаций и движений плотности членства и сфер представительства, а также от макрохарактеристик формирующейся медиаторной системы: охвата ею интересов/устремлений, степени монополизации и

уровня координации.

V. Гражданское общество отнюдь не является произвольным или бездумным порождением капитализма, следствием урбанизации, грамотности, социальной мобильности и эмпатии словом — прогресса, хотя все названное и способствует его у к решению. Напротив, для его появления требуется артикулированная политика со стороны государственной власти и определенные привычные нормы жизнедеятельности частные (вос) производителей.

1. Государственная политика [о которой идет речь] затрагивай сложную сферу переплетающихся прав и обязанностей, существенным образом менявшихся по ходу истории, и потому дать ей обобщенное определение крайне трудно. Она включает в себя:

— свободу ассоциаций, петиций и собраний;

¹ Proporz-demokratie — распределенная демократия. — *Пер.*

- юридическое признание и неприкосновенность;
- особое налогообложение;
- установленные каналы функционального представительства;
- гарантии участия в принятии решений;
- предотвращение полной закрытости во внутренних делах;
- субсидирование из общественных фондов;
- обязательное членство и/или взносы;
- юридическое расширение [сферы действия] контрактов (Atgemeinverbindlichen¹);
- перенесение ответственности за практическое воплощение политики.

2. Еще сложнее установить те привычные нормы частной жизнедеятельности, которые способствуют большему доверию к посредникам ГО, однако к ним несомненно относятся:

- классовое, секторальное, профессиональное или групповое сознание;
- готовность участвовать в коллективных акциях;
- «нравственность» или самоограничение в преследовании групповых интересов;
- удовлетворение от взаимодействия с равными, т.е. социальность;
- доверие к групповому руководству и равным;
- определенная доля «альтруистичности» («other-regardingness») по отношению к обществу в целом;
- склонность принимать групповую дисциплину;

— готовность отказаться от преимущества личностного свойства, иначе говоря — сопротивление клиентистским соблазнам;

— ощущение собственной силы;

□ обладание достаточными организационными навыками.

VI. В момент своего появления ГО может принять многообразные системные очертания, хотя диапазон форм, способных существовать в каждой конкретной политике, несомненно, куда более ограничен.

1. Как уже отмечалось выше, (см. тезис I), изменения в типе гражданского общества (особенно в амплитуде между плюрализмом и корпоративизмом) скорее всего повлекут за собой значительные расхождения в распределении благ, общем функционировании экономики и управляемости демократии, которая в конечном итоге может сложиться.

¹ Allgemeinverbindlichkeit — общеобязательность. - *Пер.*

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ

2. Для понимания сути таких расхождений особенно важны две обобщенные характеристики единичных ассоциаций или движений: *стратегическая компетентность и емкость*, а также две обобщенные характеристики систем посредничества: *классоуправление и конгруэнтность*. Чем выше значения этих четырех показателей (а они обычно выше в более корпоративистских и ниже в более плюралистских системах), тем большим будет позитивный вклад гражданского общества в консолидацию демократии.

3. Трудно предсказать, какие именно очертания примет та или иная полития, а тем более понять — почему. И все же один структурообразующий фактор очевиден — это унаследованные от автократии институты и степень преемственности по отношению к прежним порядкам, обусловленная формой перехода от авторитаризма к демократии. Наиболее благоприятный фон [для существования устойчивого ГО] возникает в тех случаях, когда речь идет о переходе от режимов с прочно укоренившимися госкорпоративистскими традициями, а сам переход осуществляется договорным образом (*pacted transitions*), тогда как резкие или насильственные переходы отличных автократий, опирающихся на патримониальные или клиентистские отношения (для обозначения такого рода режимов Х. Линц предлагает использовать термин «султанические», хотя это и несколько оскорбительно для Османской империи с ее сравнительно упорядоченной и бюрократизированной системой

управления), по-видимому, если и создают условия для появления гражданских обществ, то лишь крайне слабых.

4. Вне всякого сомнения, имеется множество факторов, подспудно влияющих на формирование тех или иных очертаний гражданского общества. Высокий уровень доиндустриальной урбанизации; католицизм; небольшие размеры государства; запаздывающее, но относительно быстрое развитие капитализма; консервативные политические коалиции, руководящие ходом «Великого преобразования» (Great Transformation); устойчивость ремесленных форм производства; аграрный протекционизм и — особенно — мощная социал-демократия: в Западной Европе XIX — начала XX в. все это работало на формирование более корпоративистских вариантов ГО, хотя отнюдь не ясно, по-прежнему ли данные факторы собраны в единый кулак и, если да, то сохранилось ли прежнее направление удара.

5. Сравнительно новый и потенциально весьма существенный момент — возникновение некоего подобия «транснационального гражданского общества». Это сеть неправительственных организаций

(НПО), большая часть которых имеет штаб-квартиры в устоявшихся гражданских обществах и пользуется финансовой и организационной поддержкой их граждан, располагает довольно солидными возможностями оказывать влияние на неолемократии. С 1974 г. каждый успех демократизации способствовал развитию НПО (и неформальных сетей передачи информации), занятых борьбой за права человека, защитой меньшинств, контролем за выборами, предоставлением консультаций по экономическим вопросам, поощрением культурного и научного обмена. Когда начиналась демократизация в Португалии, в Греции и в Испании, подобных инфраструктур практически не существовало. Но из опыта названных стран были извлечены принципиальные уроки, знание которых впоследствии пригодилось повсеместно. К настоящему времени уже имеется огромное множество разнообразных транснациональных партий, организаций, ассоциаций, движений и сетей, готовых вмешаться в дела [той или иной страны], чтобы поддержать и защитить демократию. В той мере, в какой упомянутые наднациональные объединения отходят от использования привычных для них государственных и межправительственных каналов влияния и делают ставку на привлечение общественных, неправительственных организаций, подобная международная обстановка содействия консолидации демократии способствует становлению национальных гражданских обществ там, где в противном случае они, вероятно,

не возникли бы и где есть угроза поглощения их государством или частными (вос)производителями.

VII. Хотя исторически ГО зародилось несомненно в Западной Европе, его нормы и повседневная практика имеют отношение к консолидации демократии в любом культурно-географическом регионе мира, при условии, что акторы стремятся к демократии современного и либерального типа, иначе говоря — к конституционной, представительной демократии, контролируемой посредством многопартийных, состязательных выборов, терпимой к социальным/этническим различиям и уважающей права собственности.

1. Волею ли провидения, а может, благодаря деятельности колонистов-переселенцев из Европы или межнациональной диффузии нормы и практика ГО распространялись за пределы того региона, где они первоначально формировались. По общему признанию, данный процесс шел неравномерно, и заимствованные из Европы образцы накладывались на разнообразные «туземные» традиции. В некоторые неевропейских обществах уже имелись аналогичные институты (вспомним, хотя

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ

бы, гильдейские системы в Китае или Оттоманской империи), однако не ясно, насколько преемники такого рода институтов уместны в современных условиях.

2. Существуют ли другие жизнеспособные модели демократии, в большей степени отражающие культурные нормы и массовые ожидания соответствующих национальных сообществ, — вопрос дискуссионный, хотя лично я отношусь к такого рода предположению довольно скептически. И не только потому, что утверждения о большей «аутентичности» разного рода африканских, азиатских («конфуцианских»), латиноамериканских («иберийских») или, попросту, незападных демократий не раз использовались для маскировки автократической практики, — они, к тому же, редко подкреплялись какими-либо свидетельствами того, что граждане некоего конкретного сообщества и впрямь обладают настолько своеобразными ценностями и политической культурой, что для обеспечения подконтрольности их правителей требуются совершенно особые методы.

Печатается по: *Шмиттер Ф.* Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. 1996. № 5. С. 16—27.

Глава 6

СОЦИАЛЬНЫЕ СУБЪЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

В. ПАРЕТО

Компендиум по общей социологии

[...] 792. Элиты и их циркуляция

Начнем с теоретического определения данного феномена, точит и, насколько это возможно; затем рассмотрим практические ситуации необходимые для анализа в первом приближении. Мы пока не касаемся хорошей или плохой, полезной или вредной, похвальной или достойной порицания природы человеческих характеров; обратим внимание лишь на тот уровень, которым они обладают: низкий, посредственный, высокий,

или, точнее, на то, какой индекс может быть присвоен каждому человеку в соответствии с вышеобозначенным уровнем его характера.

Итак, предположим, что в каждой сфере человеческой деятельности каждому индивиду присваивается индекс его способностей, подобно экзаменационным оценкам. Например, самому лучшему специалисту дается индекс 10, такому, которому не удастся получить ни одного клиента, — 1 и, наконец, кретину — 0. Тому, кто сумел нажать миллионы (неважно, честно или нечестно), — 10, зарабатывающему тысячи лир — 6, тому, кто едва не умирает с голода, — 1, а находящемуся в приюте нищих — 0.

Таким образом мы составим класс тех, кто имеет наиболее высокие индексы в своей сфере деятельности, который мы назовем избранным Классом, элитой (elite); подразумевается, что граница, отделяющая ее от остального населения, не является и не может являться точной, подобно тому как неточна граница между юностью и зрелым возрастом, то, однако, не означает, что бесполезно рассматривать эти различия.

793. Для исследования, которым мы занимаемся, — исследования социального равновесия — полезно также разделить этот класс на две части; выделим тех, кто прямо или косвенно играет заметную роль в правлении обществом и составляет правящую элиту; остальные образуют неуправляющую элиту.

Итак, мы имеем две страты населения, а именно: 1) низшая страта, неэлита, относительно которой мы пока не выясняем, какую роль она может играть в управлении; 2) высшая страта,

элита, делящаяся на две части: (а) правящая элита; (b) неуправляющая элита.

794. На практике не существует экзаменов для определения места каждого индивида в этих стратах; их отсутствие восполняется другими средствами, с помощью своего рода этикеток, которые более или менее достигают данной цели. Подобные этикетки существуют также и там, где есть экзамены. Например, этикетка адвоката обозначает человека, который должен знать закон, и часто действительно его знает, но иногда (обладает необходимыми знаниями. Аналогичным образом в правящую элиту входят люди с этикетками о принадлежности к политической службе достаточно высокого уровня, например министры, сенаторы, депутаты, начальники отделов министерств, председатели апелляционных судов, генералы, полковники, однако при этом необходимо исключить тех, кому удалось проникнуть в их ряды, не имея соответствующих полученной этикетке качеств.

И ВЛАСТЬ

[...] Богатство, родственные связи, отношения играют роль также во многих других случаях и делают возможным получение этикетки о принадлежности к элите в целом или к правящей элите в частности тем, кто не должен был бы ее иметь.

[...] Тот, кто из одной группы переходит в другую, приносит с собой, как правило, определенные склонности, чувства, предрасположенности, приобретенные в той группе, из которой он происходит; и с этим обстоятельством следует считаться. Подобный феномен в том случае, когда рассматриваются только две группы — элита и неэлита, называется «циркуляция элит» (*cirkulation des elites*).

800. Высший и низший классы в целом

Самое простое, что мы можем сделать, — это разделить общество на две страты: высшую, в которую обычно входят управляющие, и низшую, где находятся управляемые. Этот факт, а также факт циркуляции индивидов между этими двумя стратами настолько очевидны, что во все времена они доступны даже малоопытному наблюдателю. Начиная с Платона, почувствовавшего эту проблему и урегулировавшего ее искусственным образом, многие рассуждали о «новых людях», «парвеню», и существует огромное количество посвященных им литературных произведений. Постараемся придать более точную форму уже высказанным в общем виде соображениям. Мы упоминали [...] о различном распределении остатков в разных социальных группах, и в особенности в высшем и низшем классах. Такая социальная гетерогенность — факт, который очевиден даже при поверхностном наблюдении.

801. Изменения остатков I и II классов, происходящие в социальных стратах, очень важны для установления равновесия. С помощью простого наблюдения обнаружилось, что они происходят в особой форме, а именно в форме изменения чувств, называемых религиозными, в высшей страте; было замечено, что в одни времена они ослабевали, а в другие — росли и что эти волны соответствовали значительным социальным изменениям. Можно описать данный феномен более точным образом, отметив, что в высшей страте остатки II класса мало изменяются за один раз, до тех пор пока через определенные промежутки времени они не увеличиваются благодаря массовому пополнению из низшем страты.

804. В высшей страте общества, элите, номинально присутствуют некие группы людей, порой не вполне определенные, называющие себя аристократиями. В некоторых случаях большая часть принадлежащие к этим аристократиям действительно обладает качествами, необходимыми

для того, чтобы в ней оставаться; в других же, напротив, значительное число входящих в аристократии лишены таких качеств. Они могут действовать с большей или меньшей эффективностью внутри правящей элиты или же могут быть исключены из нее.

806. Аристократии не вечны. Каковы бы ни были причины, неоспоримо то, что через какое-то время они исчезают. История — это кладбище аристократий. Афинский демос являлся аристократией по отношению к остальному населению — метекам и рабам; он исчез, не оставив потомков. Исчезли римские аристократии. Исчезли аристократии варваров; где во Франции потомки франкских завоевателей? Генеалогии английских лордов очень точны: чрезвычайно малое количество семей восходит к соратникам Вильгельма Завоевателя. В Германии значительная часть современной аристократии происходит от вассалов древних правителей. Население европейских государств значительно выросло за несколько веков на данной территории; совершенно очевидно, что аристократии не росли в такой же пропорции.

807. Некоторые аристократии приходят в упадок не только в количественном, но и в качественном отношении, поскольку в них ослабевает энергия и изменяются пропорции остатков, благодаря которым они завоевывали власть и удерживали ее. [...] Правящий класс восстанавливается не только численно, но, что более важно, и качественно: благодаря семьям из низших классов, приносящим энергию и пропорции остатков, необходимые для удержания власти. Он восстанавливается также

и благодаря тому, что теряет своих наиболее деградировавших членов.

808. Если один из этих процессов прекратится или, что еще хуже, прекратятся оба, правящий класс придет к упадку, часто влекущему за собой упадок всей нации. Это мощная причина, нарушающая равновесие: накопление высших элементов в низших классах и, напротив, низших элементов в высших классах. Если бы человеческие аристократии были подобны отборным видам животных, которые в течение длительного времени воспроизводят себе подобных примерно с теми же признаками, история человечества была бы иной.

809. В результате циркуляции элит правящая элита находится в состоянии постоянной и медленной трансформации, движется подобно реке; сегодня она уже не та, что была вчера. Время от времени происходят неожиданности и жестокие потрясения, подобные наводнениям; затем новая правящая элита вновь начинает постепенно меняться: река, вошедшая в свое русло, возобновляет обычный путь.

И ВЛАСТЬ

810. Революции происходят, поскольку с замедлением циркуляции элиты или по какой-либо другой причине в высших стратах общества накапливаются деградировавшие элементы, которые более не обладают остатками, необходимыми для удержания власти, которые избегают применения силы, в то время как в низших стратах возрастает число элементов высшего качества, обладающих остатками, необходимыми для выполнения функций управления, и склонных к использованию силы.

811. Как правило, в революциях индивиды из низших страт возглавляются отдельными представителями высших страт, поскольку эти последние наделены интеллектуальными качествами, полезными для руководства борьбой, и в то же время лишены остатков, которые как раз и несут с собой индивиды из низших страт.

812. Насильственные изменения происходят внезапно, и, следовательно, результат не следует немедленно за причиной. В том случае, если правящий класс или нация в течение длительного времени удерживали власть силой и разбогатели, они могут еще некоторое время просуществовать без помощи силы, купив мир у противников и оплатив его золотом или же принеся в жертву завоеванные до того честь и уважение, что, впрочем, также составляет определенный капитал. На первых порах власть удерживается с помощью уступок, и возникает ложное представление, что это может продолжаться бесконечно. Так, Римская империя периода упадка достигла мира с варварами при

помощи денег и почестей; подобным же образом Людовик XVI Французский, растратив в кратчайший срок унаследованные от предков любовь, уважение почтение по отношению к монархии, смог стать, идя на все большие уступки, королем революции; подобным образом английская аристократия продлила свою власть во второй половине XIX в., вплоть до первых проявлений своего упадка, обозначенных, в частности, парламентским биллем начала XX в. [...]

Печатается по: *Парето В.* Компендиум по общей социологии // *Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997. Т. II. С. 59—67.*

Г. МОСКА

Правящий класс

1. Среди неизменных явлений и тенденций, проявляющихся во всех политических организмах, одно становится очевидно даже при самом поверхностном взгляде. Во всех обществах (начиная со слаборазвитых или

с трудом достигших основ цивилизации вплоть до наиболее развитых и могущественных) существуют два класса людей — класс правящих и класс управляемых. Первый, всегда менее многочисленный, выполняет нее политические функции, монополизирует власть и наслаждается теми преимуществами, которые дает власть, в то время как второй, более многочисленный класс управляется и контролируется первым в форме, которая в настоящее время более или менее законна, более или менее произвольна и насильственна и обеспечивает первому классу, по крайней мере внешне, материальные средства существования и все необходимое для жизнедеятельности политического организма.

В реальной жизни мы все признаем существование этого правящего класса, или политического класса, как уже предпочли ранее определить его. Мы все знаем, что в нашей собственной стране, как бы то ни было, управление общественными делами находится в руках меньшинства влиятельных людей, с управлением которых, осознанно или нет, считается большинство. Мы знаем, что то же самое происходит в соседних странах, и в действительности нам следовало бы попытаться воспринимать окружающий мир организованным иначе — мир, в котором все люди были бы напрямую подчинены отдельной личности без отношения превосходства или субординации, или мир, в котором все люди в равной степени участвовали бы в политической жизни. Если в теории мы рассуждаем иначе, это отчасти связано с застарелыми привычками, которым мы следуем при размышлении, и отчасти с преувеличенным значением,

которое придаем двум политическим фактам, кажущимся гораздо значительнее, чем есть на самом деле.

Первый факт — достаточно только открыть глаза, чтобы это увидеть, — заключается в том, что в каждом политическом организме есть один индивид, который является основным среди правящего класса как целого и находится, как мы говорим, у кормила власти. Это не всегда человек, обладающий законной верховной властью. В одних случаях рядом с наследным королем или императором премьер-министр или мажордом обладают реальной властью, гораздо большей, чем власть суверена, в других случаях вместо избранного президента правит влиятельный политик, который обеспечил выборы президента. В особых условиях вместо одного могут быть два или три человека, выполняющие функции верховных контролеров.

Второй факт обнаружить столь же несложно. Каким бы ни был тип политической организации, давление, вызванное неудовлетворенностью,

недовольством управляемых масс, их чувствами, оказывает определенное влияние на политику правящего, или политического, класса.

Но человек, стоящий во главе государства, определенно не в состоянии был бы управлять без поддержки со стороны многочисленного класса, не мог бы заставить уважать его приказы и их выполнять; и, полагая, что он может заставить одного или действительно множество индивидов — представителей правящего класса осознавать авторитет его власти, этот человек определенно не может ссориться с данным классом или вообще покончить с ним. Если бы это было возможно, то ему пришлось бы сразу же создавать другой класс, без поддержки которого его действие было бы полностью парализовано. В то же время, утверждая, что неудовлетворенность масс может привести к свержению правящего класса, неизбежно, как будет показано далее, должно было бы существовать другое организованное меньшинство внутри самих масс для выполнения функций правящего класса. В противном случае вся организация и вся социальная структура будет разрушена.

2. С точки зрения научного исследования реальное преимущество понятия «правлящий, или политический, класс» заключается в том, что изменчивая структура правящих классов имеет преимущественное значение в определении политического типа, а также уровня цивилизации различных народов. Согласно принятой классификации форм правления, которая все еще в

моде, и Турция, и Россия еще несколько лет назад были монархиями, Англия и Италия — конституционными, или ограниченными, монархиями, а Франция и Соединенные Штаты — республиками. Эта классификация основана на том, что в первых двух упомянутых странах верховенство в государстве носит наследственный характер и глава государства номинально всемогущ; во второй группе стран пребывание во главе государства носит наследственный характер, но власть и прерогативы ограничены; в двух последних странах верховенство ограничено.

Данная классификация весьма поверхностна. Хотя и Россия, и Турция были абсолютистскими государствами, тем не менее между политическими системами правления этих стран мало общего, весьма различны и уровни их цивилизованности и организация правящих классов. На этом же основании режим в монархической Италии ближе режиму в республиканской Франции, нежели режиму в Англии, тоже монархии; существуют также серьезные различия между политической организацией Соединенных Штатов и Франции, хотя обе страны являются республиками.

[...] Власть всякого меньшинства непреодолима для любого представителя большинства, который противостоит тотальности организованного меньшинства. В то же время меньшинство организовано именно потому, что оно меньшинство. Сто человек, действуя согласованно, с общим пониманием дела, победят тысячу не согласных друг с другом людей, которые общаются только один на один. Между тем для первых легче будет действовать согласованно и с взаимопониманием просто потому, что их сто, а не тысяча. Отсюда следует, что, чем больше политическое меньшинство, тем пропорционально меньше правящее меньшинство по сравнению с управляемым большинством и тем труднее будет для большинства организовать отпор меньшинству.

Как бы то ни было, в дополнение к большому преимуществу — выпавшей на долю правящего меньшинства организованности — оно так обычно сформировано, что составляющие его индивиды отличаются от массы управляемых качествами, которые обеспечивают им материальное, интеллектуальное и даже моральное превосходство; или же они являются наследниками людей, обладающих этими качествами. Иными словами, представители правящего меньшинства неизменно обладают свойствами, реальными или кажущимися, которые глубоко почитаются в том обществе, где они живут.

4. В примитивных обществах, находящихся еще на ранней стадии развития, военная доблесть — это качество, которое быстро обеспечивает доступ в правящий или политический класс. В

высокоцивилизованных обществах война —исключительное явление. А в обществах, находящихся на ранних стадиях развития, ее можно по существу считать нормальным явлением, и индивиды, проявляющие большие способности в войне, легко добиваются превосходства над своими товарищами, а наиболее смелые становятся вождями. Это непреложный факт, однако формы, которые он может принимать в зависимости от набора условий, весьма многообразны. Превосходство военного сословия над мирным большинством обусловлено перемещением рас и народов, связано с захватом со стороны агрессивной группы относительно мирной части общества. Иногда это действительно так: в качестве примера можно привести Индию после ее захвата ариями, Римскую империю после вторжения в нее германцев и Мексику после захвата ацтеками. Однако гораздо чаще при определенных социальных условиях возвышение воинственного правящего класса наблюдается там, где нет никаких признаков иностранного вторжения. До тех пор пока [первобытная] орда живет исключительно охотой, все индивиды без труда

могут стать воинами. В ней, конечно, будут свои лидеры, руководящие племенем, но невозможно обнаружить класс военных, начинающих эксплуатировать и в то же время защищать другой класс, занимающийся мирным трудом. По мере того как племя переходит от занятия охотой к земледелию и пастушеству, наряду со значительным ростом населения и обретением большей устойчивости средств социального воздействия происходит более или менее четкое деление на два класса, один из которых занимается преимущественно сельским хозяйством, а другой — военным делом. В таком случае неизбежно, что класс военных будет шаг за шагом добиваться такого доминирования над другим классом, чтобы иметь возможность довлеть над ним безнаказанно.

В этой связи два предварительных замечания по рассматриваемому вопросу. Во-первых, все правящие классы стремятся стать наследственными если не по закону, то фактически. Все политические силы обладают, видимо, качеством, которое в физике называют силой инерции. Они имеют тенденцию оставаться на том же месте в том же состоянии. Богатство и военная доблесть без труда поддерживаются в определенных семьях моральной традицией и наследованием. Годность для получения важного поста — привычка к нему, в определенной степени способность занимать его вместе с вытекающими последствиями — все это гораздо проще достигается тем, кто привычен к этому с детства. Даже когда академические степени, научная подготовка, особые спо-

собности, выявленные в ходе проверки и конкурса, открывают доступ в государственные учреждения, тем самым отнюдь не устраняется то особое преимущество для определенных индивидов, которое французы называют преимуществом *positions déjà prises*¹. Хотя экзамен и конкурс теоретически доступны для всех, на деле большинство не имеет ни средств для продолжительной подготовки, ни связей и титулов, которые быстро ставят индивида на правильную дорогу, помогают не двигаться на ощупь и избежать грубых ошибок, неизбежных в том случае, если человек оказывается в неизвестном для него окружении без всякого руководства и поддержки.

Демократический принцип выборов, основанных на широких избирательных правах, может на первый взгляд находиться в противоречии с тенденцией к стабильности, которую, согласно нашей теории, проявляют правящие классы. Однако необходимо отметить, что кандидаты, добивающиеся успеха в демократических выборах, почти всегда те, кто

¹ Уже занятого положения (*фр.*).

обладает указанной выше политической силой, чаще всего наследственной. В английском, французском и итальянском парламентах часто можно видеть сыновей, внуков, братьев, племянников и зятьев настоящих и бывших членов парламента и депутатов.

Во-вторых, когда мы анализируем наследственную знать, утвердившуюся в стране и монополизировавшую политическую власть, можно быть уверенным, что такому статусу *de jure* предшествует статус *de facto*. До провозглашения их исключительного наследственного права на власть семьи или касты, о которых идет речь, должны твердой рукой взять руль управления, полностью монополизировав все политические силы своей страны в данный период. В противном случае такая претензия с их стороны вызвала бы только сильный протест и спровоцировала острую борьбу.

[...] Мы уже наблюдаем, что с изменением баланса политических сил, когда назревает необходимость проявления в государственном управлении новых черт, а старые способности отчасти утрачивают свою значимость или же происходят изменения в их распределении, меняется и способ формирования правящего класса. Если в обществе существует новый источник богатства, если возрастает практическая значимость знания, если находится в упадке старая или появилась новая религия, если распространяется новое идейное течение, тогда одновременно и в правящем классе происходят далеко идущие перемены. Кто-то действительно может сказать, что вся история цивилизованного

человечества низводится до конфликта между стремлением доминирующих элементов монополизировать политическую власть и передать ее по наследству и стремлением расщепить старые силы и возвысить новые; и этот конфликт порождает бесконечные процессы эндосмоса¹ и экзосмоса² между высшими классами и определенной частью низших. Правящие классы неизбежно приходят в упадок, если перестают совершенствовать те способности, с помощью которых пришли к власти, когда не могут более выполнять привычные для них социальные функции, а их таланты и служба утрачивают в обществе свою значимость. Так, римская аристократия сошла на нет; когда перестала быть единственным источником пополнения числа офицеров высокого ранга, высших

¹ Эндосмос — процесс просачивания жидкостей и растворенных веществ из внешней среды внутрь клетки.

² Экзосмос — процесс просачивания жидкостей и растворенных веществ из клетки во внешнюю среду.

должностных лиц. Именно так пришла в упадок и венецианская знать, когда ее представители перестали командовать галерами и проводить в море большую часть жизни торгуя и воюя.

В неорганической природе есть пример такого же рода, когда стремление к неподвижности, порожденное силой инерции, постоянно находится в конфликте со стремлением к перемене, и все это — результат неравномерного распределения тепла.

Каждая из этих тенденций время от времени превалирует в разных регионах нашей планеты, вызывая одна — затишье, другая — ветер и шторм. Подобно этому в человеческих обществах преобладает то тенденция формирования закрытых, устойчивых кристаллизованных правящих классов, то тенденция, ведущая к более или менее быстрому их обновлению.

Восточные общества, которые мы считаем устойчивыми, в действительности не всегда являются таковыми, иначе, как уже отмечалось, они не могли бы достичь вершин цивилизации, чему есть неопровержимые свидетельства. Точнее будет сказать, что мы узнали о них в то время, когда их политические силы и политические классы находились в состоянии кристаллизации.

То же самое происходит в обществах, которые мы обычно называем стареющими, где религиозные убеждения, научные знания, способы производства и распределения благ столетиями не претерпевали радикальных изменений и в ходе их повседневного развития не испытывали проникновения инородных элементов, материальных или интеллектуальных. [...]

...Самый известный и, возможно, наиболее впечатляющий пример общества, склонного к кристаллизации, — это общество

того периода римской истории, который принято называть ранней империей. Тогда после нескольких столетий почти полной социальной неподвижности все отчетливее стало просматриваться выделение двух классов — класса крупных землевладельцев и чиновников высокого ранга и класса рабов, земледельцев и городского плебса. Особенно впечатляет то, что государственная служба и социальное положение стали наследственными по обычаю раньше, чем по закону, эта тенденция в указанный период распространилась очень быстро. В истории народа может случиться и так, что торговые отношения с иноземцами, вынужденная эмиграция, открытия, войны порождают новую бедность и новое богатство, способствуют распространению преимущественно неизвестного ранее знания и проникновению новых моральных, интеллектуальных и религиозных идей. И опять в результате такого проникновения, или вследствие процесса постепенного

внутреннего развития, или же в силу обеих причин может появиться Новое знание, или в чести вновь окажутся определенные элементы старого, давно забытого знания, так что новые идеи и убеждения выдвинутся вперед и опрокинут укоренившиеся, с помощью которых поддерживалась покорность масс. Правящий класс также может быть полностью или частично побежден и уничтожен иностранным вторжением или, когда возникают упомянутые выше обстоятельства, может быть лишен власти с приходом новых социальных элементов, сильных политических сил. Тогда, естественно, наступает период обновления либо, если кому-то больше нравится, революции, в ходе которой проявляется свобода действий индивидов, часть которых, наиболее пассионарных, энергичных, бесстрашных или просто самых практичных, прокладывает себе дорогу с нижних ступеней социальной лестницы наверх.

Если началось такое движение, сразу остановить его невозможно. Пример индивидов, которые начинали с нуля и достигли заметного положения, вызывает честолюбивые замыслы, алчность, новые усилия, и это молекулярное обновление правящего класса продолжается до тех пор, пока не сменится продолжительным периодом социальной стабильности. Вряд ли есть необходимость приводить примеры наций, испытавших такие периоды обновления. В наши дни их множество. Быстрое пополнение правящих классов — поразительное и частое явление не только в колониальных странах. Когда общественная жизнь начинается в таких условиях, а правящий класс находится только в процессе формирования, доступ в него прост. Овладение

землей и другими средствами производства не совсем невозможно, но во всяком случае труднее, чем где бы то ни было. Именно поэтому греческие колонии, по крайней мере в определенный период, были большим полигоном реализации устремлений и предприимчивости греков. Именно поэтому в Соединенных Штатах, где освоение новых земель продолжалось на протяжении всего XIX в. и постоянно создавались новые отрасли промышленности, немало примеров, когда люди, начиная с нуля, добивались известности и состояния, и все это питает в жителях данной страны иллюзию, что демократия реально существует.

Предположим теперь, что общество переходит постепенно от лихорадочного состояния к покою. Поскольку у человеческого существа всегда одни и те же психологические устремления, те, кто принадлежит к правящему классу, начнут обретать чувство солидарности с ним. Они все более становятся недоступными, все лучше овладевают искусством использовать к своей выгоде необходимые для достижения и удержания

власти качества и способности. Далее, появляется и носящая консервативный характер сила — сила привычки. Многие люди смиряются со своим низким положением, в то время как члены определенных привилегированных семей или классов все более убеждаются в том, что обладают почти абсолютным правом на высокое положение и правление.

Несомненно, филантроп впадет в искушение выяснить, в какие же периоды человечество счастливее или несчастнее — в периоды социальной стабильности и кристаллизации, когда практически каждому предопределено остаться в том социальном положении, к которому он принадлежал по рождению, или в периоды обновления и революции, позволяющие всем жаждать более высокого положения, а кому-то и добиваться его. Такое исследование было бы нелегким. Потребовалось бы учесть множество оговорок, исключений, да и сам исследователь, вероятно, был бы не свободен от личных пристрастий. Поэтому не рискнем дать собственный ответ. [...]

Печатается по: *Моска Г.* Правящий класс // Социс. 1994. № 10. С. 187—198.

Ф. ШМИТТЕР

Неокорпоративизм

Из более чем сорока стран мира, пытавшихся, начиная с 1974 г., «перейти» от какой-либо формы авторитаризма к какой-либо форме демократии, многие, возможно даже большинство, в тот

или иной момент пытались также добиться заключения «общественного договора» между трудом, капиталом и государством как средства снижения присущей переходным процессам неопределенности. Мало кому из них удалялось достичь успеха на этом поприще — даже в выработке формального соглашения, не говоря уже о его претворении в жизнь. Но несмотря на столь обескураживающий опыт, перспектива такого рода неокорпоративистских соглашений остается настолько заманчивой, что ключевые акторы неолемократий продолжают видеть в них свою основную цель.

Не составляют исключения и молодые демократии, возникшие в Восточной Европе и на территории бывшего Советского Союза. В процессе перехода от авторитарного правления едва ли не в каждой из них — по крайней мере на уровне риторики, а иногда и на практике — поднимался вопрос о неокорпоративизме или его аналогах: согласовании

[интересов], социальном партнерстве и т.п. Что же такое неокорпоративизм, почему он возникает и каковы его последствия? В предлагаемой статье я постараюсь дать ответ на эти вопросы.

Определение понятия

У корпоративизма — как явления политической жизни, равно как и концепта политической теории — довольно странная судьба.

Ему пели осанну как новому и многообещающему пути достижения гармонии [интересов] между противоборствующими социальными классами; его осуждали как реакционную антидемократическую доктрину, направленную на подавление требований самостоятельных ассоциаций и движений. Практика корпоративизма и само понятие получали самые разные интерпретации и всегда вызывали политическую полемику.

В 1974 г. представители нескольких академических дисциплин из разных стран мира практически одновременно обратились к понятию «корпоративизм» для описания ряда особенностей политической действительности развитых демократий, которые, по мнению исследователей, далеко не в полной мере объяснялись господствующей моделью, применяемой для характеристики взаимоотношений между государством и обществом, т.е. моделью плюрализма. К неокорпоративистским государствам, социальная ткань которых глубоко пронизана соответствующими отношениями, были отнесены прежде всего Австрия, Финляндия, Норвегия и Швеция. Важные элементы неокорпоративизма при выработке макроэкономической политики были отмечены в Ав-

стралии, Бельгии, ФРГ, Дании, Нидерландах, а также в таких недемократиях, как Португалия и Испания. В 1960 — 1970-х гг. попытки (правда, безуспешные) ввести подобную практику делались в Великобритании и Италии. В других странах, к примеру, во Франции, Канаде и Соединенных Штатах, распространение неокорпоративизма, похоже, ограничилось отдельными отраслями или регионами.

И хотя корпоративизм определяли и как идеологию, и как разновидность политической культуры или государственного устройства, и как форму организации экономики, и даже как особый тип общества, наиболее продуктивным оказался подход, в рамках которого корпоративизм рассматривается в качестве одного из возможных механизмов, позволяющих ассоциациям интересов посредничать между своими членами (индивидами, семьями, фирмами, локальными сообществами, группами) и различными контрагентами (в первую очередь, государственными и правительственными органами). Главную роль в этом процессе

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ

играют прочно укоренившиеся ассоциации с постоянным штатом, которые специализируются на выражении интересов и стремятся выявлять, продвигать и защищать их посредством влияния на публичную политику. В отличие от политических партий — другого важнейшего посредника — эти организации не выставляют своих кандидатов на выборах и не берут на себя прямую ответственность за формирование правительства. Когда ассоциации интересов (и в особенности вся сеть таких ассоциаций) определенным образом организованы и /или когда они определенным образом участвуют в процессе принятия решений на различных уровнях государственной власти, мы можем говорить о корпоративизме.

В 1974 г. я предложил свою дефиницию современного корпоративизма, которая во многом дала толчок последующей полемике. Согласно этому определению, неокорпоративизм есть «система представительства интересов, составные части которой организованы в несколько особых, принудительных, неконкурентных, иерархически упорядоченных, функционально различных разрядов, официально признанных или разрешенных (а то и просто созданных) государством, наделяющим их монополией на представительство в своей области в обмен на известный контроль за подбором лидеров и артикуляцией требований и приверженностей». При таком подходе упор делался практически исключительно на «входные» параметры явления, т.е. на организационную структуру ассоциаций интересов. По-иному подошел к проблеме Г. Лембрух,

определивший то, что он назвал «либеральным» корпоративизмом как «особый тип участия больших организованных групп в выработке государственной политики, по преимуществу в области экономики, [отличающийся] высоким уровнем межгрупповой кооперации». В последующих дефинициях, как правило, предпринимались попытки учесть основные параметры рассматриваемого феномена как на «входе», так и на «выходе». Стоило корпоративизму авторитарно-этатистско-фашистского толка фактически исчезнуть с лица земли (первый удар по нему нанесла послевоенная волна демократизации, а довершила дело новая волна, нахлынувшая после 1974 г.), как стало понятно, кто же действительно добился наибольших успехов в реализации неокорпоративистской модели, правда, в ее более «социальном» (т.е. идущем «снизу») варианте. Это были малые *европейские страны, с хорошо организованными ассоциациями интересов и крайне уязвимыми интернационализированными экономиками. Корпоративистские тенденции просматривались*

особенно отчетливо, если в таких странах имелись мощные социал-демократические партии, сохранялись устойчивые электоральные предпочтения, если они обладали относительным культурным и языковым единством и соблюдали нейтралитет во внешней политике. И напротив, с наивысшими трудностями в поддержании подобных «общественных договоров» столкнулись страны с более слабой социал-демократией, менее постоянным в своих предпочтениях электоратом и глубокими расхождениями в подходах к решению военных вопросов и проблем безопасности, например Нидерланды и Дания. (Относительный неуспех Бельгии на этом поприще можно объяснить расколом бельгийского общества на соперничающие языковые группы.)

Неокорпоративистский подход

«Неокорпоративистский подход» — это лишь один из подвидов более широкого класса теоретических подходов в политической экономии, известных под названием «институционализм».

Общим для всех институционалистских теорий является представление о том, что поведение людей — будь то экономическое, социальное или политическое — невозможно объяснить, исходя исключительно из выбора и предпочтений индивидов либо из коллективной идентичности и обязательств, налагаемых группой. Данный тезис направлен прежде всего против ставшего в последнее время довольно модным предположения, что все действия людей могут быть сведены — методологически или эмпирически — к рациональному расчету конкурирующих особей. Одновременно он противостоит и

обратной, но не менее ошибочной идее, которая была весьма популярна в прошлом (и которую тут же хочется назвать немецкой, поскольку важнейший вклад в ее разработку внесли такие немецкие мыслители, как Гегель, Маркс и фон Герк), что все происходящее вытекает из особенностей глобальных сущностей — племен, общин, классов, наций, «систем» и т.п. Если обратиться к позитивной части аргументации институционалистов, то она строится на предположении о том, что где-то между рынком и государством расположена широкая сеть устойчивых моделей коллективного поведения (институтов). Эти модели поведения запутаны и временами противоречат друг другу, однако индивиды и коллективы более или менее привычно опираются на них, чтобы структурировать свои ожидания относительно поведения других сторон и найти типовые решения возникающих проблем. Подобные «стандартно действующие процедуры» могут

показаться, с абстрактной точки зрения или с позиций стороннего наблюдателя, далеко не оптимальными по своим техническим характеристикам, однако они значительно сокращают издержки, связанные с поиском и приобретением информации, и в то же время обеспечивают психологически успокаивающую привычность тем, кто ориентируется на них. Со временем, как правило, их существование получает культурное или этическое обоснование в тщательно разработанных идеологиях. Случается, что люди начинают внутренне ценить свое участие в такого рода институтах, практически независимо от тех внешних благ, которые данное участие обеспечивает. Кроме того (что особенно важно для корпоративистской версии институционализма), функционирование институтов требует специализированного персонала. У тех, кому довелось войти в состав этого персонала, вырабатывается клановый интерес, состоящий не только в поддержании, но и в дальнейшем развитии институциональной активности. Определенная доля членских взносов, пожертвований и ассигнований, которые институты получают от своих членов и контрагентов, может быть «инвестирована» для последующей легитимации их деятельности и расширения круга выполняемых ими задач. Другими словами, эволюция институционального, т.е. нерыночного и негосударственного, сектора способна быть не только пассивным отражением потребности в его услугах со стороны индивидов или властей, но и иметь собственную динамику.

Анализируя подобные институты — к какому бы конкретному подвиду те ни относились, — необходимо отталкиваться от

присущего всем им важнейшего качества, а именно от их промежуточного положения между двумя группами автономно существующих и наделенных ресурсами акторов: индивидами (в том числе семьями и фирмами) и властями (которые могут быть не только общественными, но и частными). Институты должны черпать свои ресурсы из обоих источников, причем соотношение объемов вклада каждой из сторон зависит от типа института. Первой они обязаны своим членством (вклад входящих в них лиц не ограничивается лишь финансовыми взносами, но и предполагает добровольное согласие с институциональными нормами), второй — признанием (которое обеспечивает не только правовой статус, но и определяет степень гарантированного доступа [к принятию решений], финансовые льготы и бюджетные субсидии). Поэтому при анализе такого рода институтов-посредников нельзя игнорировать ни предпочтения и ресурсы индивидов, ни требования и распоряжения государственных

органов и других могущественных контрагентов, однако его нельзя свести ни к одному из названных компонентов.

Корпоративизм и демократия

Длительное существование неокорпоративистских институтов на общенациональном и макроэкономическом уровнях несомненно имело определенные позитивные следствия: рост управляемости населения, падение забастовочной активности, большую сбалансированность бюджета, повышение эффективности финансовой системы, снижение уровня инфляции, сокращение безработицы, уменьшение нестабильности в рядах политических элит и затухание тенденции использовать «политический цикл деловой активности». Все это означает, что страны, дальше других продвинувшиеся по пути корпоративизма, являются более управляемыми, что, однако, не делает их более *демократическими*.

С момента своего возрождения в середине 1970-х гг. понятие корпоративизма несло на себе клеймо прежних связей с фашизмом и другими формами авторитарного правления. Назвать политику или некий установленный порядок «корпоративистскими» фактически означало обвинить их в недемократичности. Более того, некоторые имманентные черты корпоративизма: подмена индивидов как основных участников политической жизни организациями; рост влияния профессиональных представителей специализированных интересов в ущерб гражданам, обладающим более общими интересами; предоставление отдельным ассоциациям привилегированного (если не эксклюзивного) доступа [к

процессу принятия решений]; признание и даже возвышение монополий над конкурирующими друг с другом посредниками с частично совпадающими сферами охвата; возникновение организационных иерархий вплоть до всеобъемлющих общенациональных ассоциаций, подрывающих автономию местных и более специализированных организаций, — казалось, подтверждали справедливость подобных обвинений.

Однако по мере углубления исследований корпоративизма оценки его влияния на демократию начали меняться. Во-первых, многие из отчетливо корпоративистских стран, несомненно, остаются демократическими в том смысле, что в них в полном объеме сохраняются гражданские свободы, дается самое широкое определение понятия «гражданства», регулярно проводятся состязательные выборы, исход которых не предрешен заранее, органы власти ответственны за свои действия и осуществляют политику, учитывающую требования народа. Не-

которые из этих стран, в особенности скандинавские, были в числе первых, кто опробовал такие новейшие демократические механизмы, как участие рабочих в управлении предприятиями, полная «открытость» политического процесса, создание института омбудсменов для рассмотрения жалоб граждан, государственное финансирование политических партий и даже организация фондов наемных работников в целях расширения общественной собственности на средства производства.

Во-вторых, вскоре стало очевидно, что корпоративистские порядки существенным образом видоизменяют условия, определяющие возможности соперничающих интересов влиять [на государственные органы]. Спонтанные, добровольные и эпизодические отношения, характерные для плюралистической демократии, лишь кажутся более свободными, но на деле порождают большее неравенство доступа к властным структурам. В рамках плюралистической модели привилегированные группы, сравнительно компактно расположенные и обладающие относительно небольшой численностью и концентрированными ресурсами, имеют естественное преимущество перед большими рассредоточенными группами, подобными объединениям рабочих или потребителей. Корпоративизму же, напротив, присуща тенденция к более пропорциональному распределению ресурсов между организациями, охватывающими широкие категории [интересов], и обеспечению по крайней мере формального равенства доступа к принятию решений. Кроме того, прямое включение ассоциаций в процесс

реализации принятых решений гарантирует большую чуткость к групповым нуждам, нежели «сохранение дистанции» между государственной и частной сферами, свойственное плюралистической системе.

В свое время мне уже приходилось писать о том, что оценка влияния корпоративизма на демократию во многом зависит от того, какие черты демократической системы наиболее близки тому или иному исследователю. Если руководствоваться «классической» точкой зрения, согласно которой демократия должна поощрять *участие* индивидов в принятии общественно значимых решений, а все государственные органы — проявлять равную *открытость* по отношению к требованиям граждан, то влияние корпоративистских механизмов следует считать отрицательным. Если же обратиться к тем параметрам явления, которые проявляются на «выходе», и посмотреть на проблему с точки зрения реальной *ответственности* властных органов за свои действия и за степень *учета* в этих действиях нужд граждан, оценка корпоративизма, несомненно, будет более позитивной. Менее однозначным является

воздействие корпоративизма на основной механизм демократии — конкуренцию. С одной стороны, вследствие исключения [из общественной жизни] борьбы между соперничающими ассоциациями за членов и доступ [к принятию решений] уровень конкуренции вроде бы сокращается. С другой — он возрастает, так как каждая ассоциация становится полем выражения весьма разнородных представлений об общем интересе. В любом случае следует признать, что под влиянием неокорпоративистской практики происходит постепенная трансформация современных демократий. Наряду с индивидами (если не взамен последних) своего рода гражданами становятся организации. Степень подотчетности [властей] и их восприимчивости [к нуждам граждан] возрастает, но за счет снижения степени участия индивидов [в политической жизни] и их доступа [к принятию решений]. Конкуренция внутри организаций начинает заменять конкуренцию между организациями. Развитие данной тенденции происходит не равномерно, не все ее признают и далеко не очевидно, каков в конечном счете будет результат; и все же практически во всех современных обществах демократия становится все более связанной «интересами», все более «организованной» и все более «непрямой».

Перспективы неокорпоративизма

Согласно современным представлениям о природе корпоративизма в передовых индустриальных (капиталистических) обществах, его появление обусловлено

скорее определенным набором обстоятельств, нежели функциональными качествами. Предполагается, что вероятность возникновения подобной формы организации интересов/принятия решений зависит от институционального наследия прошлого и политических расчетов настоящего. Появление корпоративизма ни в коей мере не является чем-то неизбежным. В современных демократиях имеется множество способов разрешения конфликтов интересов и достижения политических компромиссов, и среди них нет такого, который априори и при любой ситуации был бы эффективнее других. То, что в силу специфики классовой самоорганизации в прошлом или определенного равновесия классовых сил в настоящем будет успешно функционировать в одной стране, может оказаться далеко не столь плодотворным в соседней. Вдобавок, следует учитывать и тот факт, что в странах, строго либеральных как с точки зрения господствующих там идеологий, так и по форме организации политики, корпоративистские механизмы испытывают острую нехватку легитимности.

Как считают сторонники таких оценок корпоративизма, вероятность того, что со временем во всех странах сформируется сходный набор посредничающих институтов и типов деятельности, исчезающе мала. Более того, даже в пределах одной и той же страны значение корпоративистских институтов может существенно меняться, то нарастая, то убывая в зависимости от изменений в относительном соотношении сил между различными классовыми, отраслевыми и профессиональными ассоциациями. Поэтому можно предположить, что в обозримом будущем развитие корпоративизма будет скорее циклическим, а не линейным.

Опыт прошлого, казалось бы, подтверждает данное предположение. «Мода» на корпоративизм, без сомнения, имеет свои приливы и отливы, причем весьма регулярные. Его воскрешение как идеологии удобнее всего приурочить к папской энциклике *Rerum Novarum* 1891 г., хотя возрождение и расширение системы ремесленных, промышленных, торговых и сельскохозяйственных палат в некоторых регионах Центральной Европы, началось 20 годами раньше. После Первой мировой войны понятие «корпоративизм» всплыло вновь, причем на этот раз в более светском и этактистском обличьи, и нашло свое самое наглядное выражение в *corporazioni* фашистской Италии, за которой последовали Португалия, Испания, Бразилия, вишистская Франция и ряд других стран. Как уже отмечалось, в 1950 — 1960-х гг. нечто подобное стали практиковать и некоторые малые европейские демократические страны (хотя при

этом они тщательно избегали употреблять термин «корпоративизм»). Все это позволяет говорить приблизительно о 20—30-годичных циклах развития корпоративизма как идеологического феномена и политической практики в Западной Европе, хотя в отдельных странах оно шло с запозданием, а в некоторых отраслях хозяйства такая цикличность отсутствовала вовсе. К примеру, в течение некоторого времени особую склонность к корпоративизму проявляло сельское хозяйство. В этом секторе производства корпоративистские структуры — вместо того, чтобы появляться и исчезать, — накапливались и принимали все более разветвленную форму, а венчала все сооружение Общая сельскохозяйственная политика Европейского Сообщества. Аналогичным образом в большинстве европейских стран сохранялись устойчивые — пусть и едва заметные — корпоративистские традиции, регулирующие деятельность некоторых профессиональных и ремесленных групп (и защищающие их представителей).

Все это, конечно, лишь поверхностные впечатления. Чтобы приведенная выше гипотеза обрела статус правдоподобной теории, необходимо выявить тот набор переменных и обусловленных обстоятельствами условий, которые «побуждают» акторов к смене предпочтений, к отказу от корпоративистско/консервативных решений в пользу прямо противоположных, т.е. в пользу плюралистической конкуренции и политики давления, а затем толкают их в обратном направлении. Наиболее подходящая кандидатура на эту роль — цикл деловой активности. Факт, что его периодичность или, точнее, его периодичности не полностью совпадают с периодичностями цикла корпоративизм/плюрализм, может быть опущен на том основании, что институты обладают таким свойством, как «вязкость». Им требуется время, чтобы усвоить новое содержание, отразить новое равновесие сил и преодолеть сопротивление собственных клановых интересов. В то же время имеется немало данных, говорящих о том, что изменения параметров функционирования экономики, в первую очередь — уровня занятости, по-разному влияют на капитал и труд, то усиливая, то понижая их готовность вести «систематический» диалог. Когда рынок труда недостаточен, капиталисты начинают видеть в корпоративистских компромиссах, ограничивающих рост заработной платы, прежде скрытые для них достоинства; когда же он избыточен, тред-юнионы обнаруживают, что они могут использовать названные механизмы для защиты тех уступок, которых удалось добиться ранее. Искушение отказаться

от корпоративистских методов сильнее всего в верхней и нижней точках цикла. И все же подобные экстремальные варианты институционального ответа реализуются весьма редко, что объясняется не только отмеченной выше «вязкостью» институтов, но и развитием доверия между ведущими торг классовыми ассоциациями. Стороны «недоиспользуют» преимущества момента в обмен на будущие уступки или же руководствуются рациональным расчетом — ведь в противном случае, как только (согласно законам цикла) развитие пойдет в обратном направлении, те, кто в настоящее время находится в невыгодном положении, возьмут реванш еще на более разорительных условиях.

В настоящее время в Западной Европе влияние неокорпоративизма на макроэкономическом уровне заметно уменьшилось. И действительно, нынешняя фаза развития цикла деловой активности такова, что капиталисты не видят особой (или какой-либо вообще) пользы в том, чтобы связывать себя консенсуальными критериями. Даже в Швеции, где корпоративистская практика пережила все прежние спады экономической

конъюнктуры и, казалось, прочно укоренилась, переговоры между трудом и капиталом переместились на отраслевой, или мезоуровень. Неокорпоративистскими в изначальном, т.е. макроэкономическом, смысле можно назвать сегодня только Австрию и — в меньшей степени — Норвегию и Финляндию. Но и в этих странах многие вопросы, бывшие ранее предметом переговоров между «социальными партнерами», решаются теперь на уровне отдельно взятых фирм и предприятий. Конечно, если теория цикла деловой активности верна, можно предположить, что как только будет восстановлена полная занятость, современное наступление капитала на все формы планирования, политику доходов, корпоративистские механизмы и тред-юнионизм как таковой (по крайней мере в некоторых странах) ослабнет. [...] Кроме того, в той мере, в какой некие институциональные уловки, извлеченные из опыта одного цикла, переносимы на следующий, можно постепенно преодолеть крайние проявления конфликта интересов — видимо, даже путем асимптотического движения, конечной точкой которого станет формирование совокупности обычаев и порядков, менее чувствительных к циклическим изменениям и более терпимых к потребностям и стремлениям каждой группы. Этот оптимистический сценарий представляется мне, однако, неудовлетворительным. Конечно, не исключено, что (нео)корпоративизм включает в себя компонент, реагирующий на изменения в рамках цикла деловой активности, но наличия такого компонента недостаточно даже для того, чтобы объяснить

сегодняшнюю жизнеспособность корпоративизма, не говоря уже о том, чтобы гарантировать его сохранение в развитых капиталистических демократиях в отдаленном будущем. Мне кажется сомнительным, что эвентуальный возврат к полной занятости (даже в том случае, если он будет сопровождаться возрождением политической значимости социал-демократии) автоматически откроет новую эру макрокорпоративизма. Одна из причин подобного скептицизма состоит в том, что под покровом происходящих примерно с 1973 г. количественных сдвигов в темпах роста, уровне занятости, ценах, международной торговле и т.п., похоже, произошли серьезные качественные структурные изменения в производственном процессе, отношения найма и направленности интересов граждан. Здесь не место подробно анализировать литературу, где рассматриваются названные тенденции, но на основе ряда высказываемых там соображений можно прийти к нескольким (умозрительным) заключениям, каждое из которых

крайне неблагоприятно с точки зрения перспективы использования корпоративистских решений.

Во-первых, переговоры, направленные на введение стандартных общенациональных макроэкономических параметров, постепенно утрачивают свою релевантность, а иногда даже оказываются контрпродуктивными, прежде всего в тех случаях, когда требуется выработать политику, которая была бы в силах увеличить производительность и повысить конкурентоспособность на мировых рынках конкретных секторов экономики, особых отраслей производства и даже отдельных предприятий.

Во-вторых, и члены, и контрагенты посреднических институтов начали по-иному, чем раньше, оценивать роль такого рода структур (в особенности профсоюзов и предпринимательских объединений): как одни, так и другие ищут новые, более дифференцированные формы представительства интересов.

В-третьих, сущностное содержание конфликта интересов (а следовательно, и основное внимание субъектов политики) определяется уже не столько классовыми расколами, сколько широкой палитрой дискретных интересов, как-то: защита прав потребителя, качество жизни, экология, отношения между полами, этические и иные проблемы, причем каждый из этих интересов представляет особое движение.

Трудности, с которыми столкнулся макрокорпоративизм, первоначально казались не более чем следствием устойчивого падения темпов роста и вялых рынков труда, равно как и

усиливающегося финансового кризиса государства. Просто не было излишка для того взаимного взноса сторон, который облегчал достижение классовых компромиссов в прошлом, и посредники с явной неохотой шли на то, чтобы делить ответственность за управление сокращающимися ресурсами. Постепенно, однако, возникли новые сложности, и их появление говорило о том, что изменение описанных выше обстоятельств не обязательно приведет к возврату к прежнему положению дел (*status quo ante*). Перемещение занятости из традиционного «ядра» производства в сферу услуг и, в некоторых случаях, в общественный сектор оказало серьезное воздействие на процесс рекрутирования членов профсоюзов. В тех странах, где уж сложилось относительно много корпоративистских структур, представительность профсоюзов не упала, однако начали происходить существенные изменения в ее «характере»: крупнейшими в национальных конфедерациях стали профсоюзы работников сферы обслуживания и государственных служащих. Деиндустриализация нанесла

серьезный удар по крупным стандартизированным группам квалифицированных и полуквалифицированных рабочих (в частности, в металлургии), которые ранее играли ведущую роль в коллективных переговорах, а те, кто пришел им на смену (если они вообще вступают в профсоюзы), более рассредоточены территориально и выполняют более индивидуализированные задачи в рамках более неопределенных иерархий власти и вознаграждения. Иными словами, подверглись эрозии, а затем и вовсе рассеялись те самые социальные категории, которые ранее служили основой макроэкономических компромиссов.

Сложились крайне неблагоприятные условия для централизованных переговоров относительно заработной платы, пособий и условий труда. В некоторых странах (например, в Швеции) корпоративистская система сохранилась только благодаря переходу на отраслевой уровень.

Более того, новые производственные технологии, основанные на микроэлектронике, перечеркивают традиционные формы разделения труда и привычные профессиональные квалификации, создавая возможность организации гибкого производства в рамках относительно небольших производственных единиц. В каком-то смысле все эти процессы усиливают потребность в «активном согласии» рабочих — и, соответственно, увеличивают заинтересованность предпринимателей в переговорах по качеству, а также количеству трудового вклада. Однако обстановка, в которой осуществляется трудовой процесс, настолько различна, что достигнутые

соглашения нелегко свести к стандартному договору и контролировать через посредников. Вот почему профсоюзы и предпринимательские объединения все чаще исключаются из подобных переговоров.

Обострившаяся международная конкуренция и резко возросшая транснациональная мобильность капитала не только дали толчок развитию многих описанных выше процессов, но и играют в них самую непосредственную (и весьма опасную) роль. Неприкрытая угроза того, что производство будет перенесено в другое место или же полностью остановлено, оказывает сильное воздействие на рабочих и вынуждает их к уступкам на уровне предприятий, которые подрывают договоренности, достигнутые ранее на общенациональном или отраслевом уровне. Аналогичным образом жесткая конкуренция между фирмами затрудняет выработку предпринимательскими объединениями общей позиции и единых обязательств. Правительство и государственные органы, чутко реагирующие на эти тенденции в международной обстановке вследствие их влияния на платежные балансы, под давлением со стороны

определенных групп интересов увеличивают субсидии и налоговые льготы некоторым отраслям, а иногда и отдельным фирмам. Результатом развития названных тенденций, с точки зрения их влияния на корпоратизм, стало перемещение корпоративистских структур с макро— на мезоуровень. Основной вопрос заключается в том, остановится ли данный процесс на этом уровне или будет развиваться и дальше, пока «систематический диалог» между трудом и капиталом не будет перенесен полностью на уровень фирм или отдельных населенных пунктов. Вопреки ожиданиям как либералов, так и марксистов, капиталистическая экономика не движется неумолимо ко все более интегрированным национальным рынкам со сходными коэффициентами стоимости по отдельным отраслям производства и отдельным территориальным единицам. В ответ на международную конкуренцию и технические новшества разнообразные политические вмешательства из многочисленных источников «секторизируют» и «регионализируют» эту стоимость. Во имя чего бы такие вмешательства ни осуществлялись — будь то «промышленная политика» или «региональное развитие», — их следствием может оказаться значительная согласованность позиций различных групп интересов относительно финансовых и фискальных стимулов, не говоря уже о таких вопросах, как прямое обеспечение инфраструктуры, обучение и т.п. Неясно, правда, на каком уровне будет осуществляться торг: будет ли он направлен на выработку соглашений между фирмами в рамках целой отрасли производства

или же он будет вестись в рамках промежуточных административных единиц, таких как регион или провинция. Профсоюзы и предпринимательские объединения (в особенности последние) уже начали приспособлять свои внутренние структуры к новым реалиям, но когда уровень, на котором проходит взаимодействие, опускается ниже определенной черты, их посреднические навыки и способность добиваться общего согласия теряют свою релевантность. Межорганизационное корпоративистское согласие становится ненужным; его место занимают динамика межличностных отношений и переговоры между малыми группами.

Твердолобым макрокорпоративистам, убежденным, что корпоративистские структуры великолепно приспособлены для регулирования классовых, отраслевых и профессиональных конфликтов капиталистической экономики и демократической политики, будущее представляется весьма мрачным. Небольшая часть из них — и, прежде всего, Ж. Делор — видит новые и многообещающие возможности для развития корпоративизма в создании сети соответствующих механизмов ведения

торга на уровне Европейского Сообщества/Союза. Однако пока что все попытки подобного рода кончились ничем, и система посредничества в выражении интересов, которая складывается вокруг ЕС, особенно после принятия Единого Европейского акта 1985 □ 86 гг., напоминает скорее некое подобие неуравновешенного плюрализма и политики давления, характерных для Соединенных Штатов, нежели более упорядоченные, монополистические и иерархические структуры, которые еще присущи большинству входящих в Союз государств.

Печатается по: *Шмиттер Ф.* Неокорпоративизм // Полис. 1997. №2. С. 14—22.

Раздел III

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Глава 7

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА

Д. ИСТОН

Категории системного анализа политики

Вопрос, придающий смысл и цель строгому анализу политической жизни как поведенческой системы, следующий: каким образом политическим системам удастся выживать как в стабильном, так и меняющемся мире? Поиск ответа в конечном счете позволяет нам понять то, что можно назвать *жизненными процессами политических систем*, т.е. фундаментальные функции, без которых никакая система не может длительное время существовать, а также типичные способы реакций, с

помощью которых системам удастся их поддерживать. Анализ этих процессов, а также природы и характера реакций политических систем я считаю центральной проблемой политической теории.

[...] Хотя в итоге я приду к заключению, что полезно рассматривать политическую жизнь как сложный комплекс процессов, с помощью которых определенные типы «входов» (inputs) преобразуются в «выходы» (outputs) (назовем их властными решениями и действиями), вначале полезно применить более простой подход. Правомерно начать изучение политической жизни как поведенческой системы, находящейся в определенной среде (environment), с которой эта система взаимодействует. При этом необходимо учитывать несколько существенных моментов, имплицитно присутствующих в этой интерпретации.

Во-первых, такая точка отсчета теоретического анализа предполагает без дальнейшего исследования, что политические взаимодействия в обществе представляют собой *систему* поведения. Это утверждение разочаровывает своей простотой. Но дело в том, что если понятие *системы*

используется с достаточной строгостью и с учетом всех внутренне ему присущих следствий, оно представляет исходную точку, двигаясь из которой можно получить множество выводов в дальнейшем анализе.

Во-вторых, в той мере, в какой мы можем эффективно рассматривать политическую жизнь как систему, ясно, что ее не следует изучать как существующую в вакууме. Ее следует рассматривать в физическом, биологическом, социальном и психологическом *окружениях* (environments). Здесь опять эмпирическая тривиальность этого утверждения не должна заслонять от нас его ключевое теоретическое значение. Если бы мы игнорировали кажущееся столь очевидным утверждение, было бы невозможно заложить основу анализа феномена выживания политических систем в стабильном или меняющемся мире.

Здесь мы переходим к третьему пункту. Уточнение того, что представляют собой различные виды окружения, полезно и необходимо, поскольку политическая жизнь является *открытой* системой. Вследствие ее собственной природы как социальной системы, выделенной из других социальных систем, она подвержена их постоянному воздействию. Из этих систем исходит постоянный поток событий и акций, определяющих условия, в рамках которых элементы политической системы должны действовать.

И наконец, тот факт, что некоторые политические системы выживают, как бы на них ни воздействовало окружение, означает, что они должны обладать способностью *реагировать* на возмущающие воздействия (disturbances) и тем самым адаптироваться к изменяющимся условиям. Как только мы признаем, что политические системы могут быть адаптивными, а не просто пассивно воспринимающими воздействие среды, сразу появляются новые возможности теоретического анализа.

Во внутренней организации политической системы ключевым свойством, характерным и для других социальных систем, является исключительно гибкая способность реакции на условия своего функционирования. Действительно, политические системы включают самые разнообразные механизмы, с помощью которых им удастся справиться с возмущающими воздействиями среды. Посредством этих механизмов они могут регулировать свое поведение, трансформировать внутреннюю структуру и даже изменять фундаментальные цели. В отличие от социальных систем, немногие типы систем обладают этим свойством. На практике изучающие политическую жизнь должны просто исходить из этого, даже анализ на уровне здравого смысла требует признания

этой посылки. Однако указанная особенность политических систем редко учитывается в теоретических построениях в качестве центрального компонента; ее последствия для внутреннего поведения политических систем никогда явно не формулировались и не исследовались.

[...] Важнейшим недостатком анализа равновесных состояний, превалирующего в политологическом исследовании типа анализа, является то, что он фактически пренебрегает способностью систем справляться с возмущающим воздействием среды. Хотя равновесный подход редко разрабатывается в явном виде, он пронизывает значительную часть политологических исследований, особенно при изучении политики групп и международных отношений. Естественно, что подход, основанный на том, что политическая система стремится поддерживать состояние равновесия, должен предполагать наличие внешних воздействий. Именно они приводят к тому, что отношения власти в политической системе выходят из предполагаемого стабильного состояния. Затем обычно система исследуется в рамках допущения, нередко имплицитного, ее возврата к исходному стабильному состоянию. Если системе «то не удастся, ее рассматривают как движущуюся к новому состоянию равновесия, которое должно быть указано и описано. Тщательный анализ используемого языка показывает, что *равновесие и стабильность (stability)* означают при этом одно и то же.

На пути эффективного применения понятия «равновесие» для анализа политической жизни существует множество

концептуальных и эмпирических трудностей. Среди этих трудностей две имеют особое значение в данном контексте. Во-первых, равновесный подход создает впечатление, что элементы системы имеют только одну основную цель: путем преодоления внешних возмущающих воздействий осуществить возврат к исходной точке равновесия или двигаться к какой-либо новой точке равновесия. Обычно при этом имеют в виду, хотя бы имплицитно, стремление к стабильности, как если бы стабильность являлась наиболее желаемым состоянием. Во-вторых, недостаточно внимания уделяется формулировке проблем, касающихся выбора конкретного пути возврата системы в исходную точку равновесия или достижения ею новой точки равновесия. Но ведь эти проблемы имеют существенное теоретическое значение.

Невозможно понять процессы, обеспечивающие способность того или иного типа политической жизни воспроизводить себя, если ее цели или форма реакций со стороны общества считаются наперед заданными.

Система вполне может иметь иные цели, чем достижение той или иной точки равновесия.

Даже если понятие «состояние равновесия» использовалось только как никогда не достижимая на практике теоретическая норма, оно позволило бы создать менее полезные теоретические аппроксимации реальности, чем когда принимаются во внимание другие возможности. Мне представляется более эффективным подход, в рамках которого признается, что отдельные элементы системы могут иногда осуществлять действия, способствующие разрушению предшествующего состояния равновесия, или даже поддерживать перманентное состояние неравновесия. Типичным случаем подобного рода является, например, тот, когда власть стремится сохранить свое положение, поддерживая внутреннюю нестабильность или преувеличивая внешнюю угрозу.

Далее, общим свойством всех систем является их способность амортизировать спектр внешних воздействий позитивного, конструктивного и инновативного плана, устранять или абсорбировать влияние любых возмущающих сил. Система отнюдь не обязательно реагирует на внешнее возмущение лишь путем колебания вблизи исходной точки равновесия или двигаясь к точке нового равновесия. Она может справляться с возмущающим воздействием, стремясь изменить свое окружение таким образом, чтобы взаимодействие между ней и этим окружением не приводило к росту напряжения; элементы подвергшейся внешнему воздействию системы могут даже настолько существенно трансформировать отношения между

собой, модифицировать собственные цели и способы действий, что система сможет значительно лучше справляться с воздействием среды. С помощью этого и других способов система способна творчески и конструктивно отвечать на внешние возмущающие воздействия.

Совершенно очевидно, что принятие анализа равновесных состояний в качестве методологической основы, хотя бы и в неявной форме, затрудняет обнаружение тех целей системы, которые не могут быть сведены к достижению состояния равновесия. При этом столь же трудно указывать и анализировать пути достижения этих альтернативных целей. Для любых социальных систем, включая политические, адаптация представляет собой нечто большее, чем простое приспособление к меняющейся ситуации. Она включает множество разнообразных действий, ограниченное только человеческим мастерством, изобретательностью, ресурсами, с помощью которых происходит модификация, осуществляются фундаментальные изменения и контроль внешней среды,

самой системы или того и другого вместе. В итоге система приобретает способность успешно парировать или амортизировать любые потенциально стрессовые для нее воздействия.

[...] Системный анализ позволяет разработать более гибкую и эффективную теоретическую структуру, чем тот уровень теоретического анализа, который достижим в рамках хорошо развитого равновесного подхода. Однако вначале необходимо указать и описать основные системные понятия. Мы можем определить *систему* как некоторое множество переменных независимо от степени их взаимосвязи. Причина, по которой такое определение является предпочтительным, заключается в том, что оно освобождает нас от необходимости спорить по поводу того, можно ли считать политическую систему действительно системой. Единственно важным вопросом в этом случае будет, является ли множество, рассматриваемое нами в качестве системы, по-настоящему интересным для анализа. Сможем ли мы с помощью такой системы понять и объяснить определенные существенные для нас аспекты человеческого поведения?

Как я уже отмечал в «The Political Systems», *политическая система* может быть определена как совокупность тех взаимодействий, посредством которых ценности авторитарным способом приносятся в общество, это именно то, что отличает политическую систему от других взаимодействующих с ней систем. Окружение политической системы можно разделить на

две части: интрасоциетальную и экстрасоциетальную. Первая состоит из трех систем, которые не являются политическими в соответствии с нашим определением природы политических взаимодействий. Интрасоциетальные системы включают такие множества типов поведения, отношений, идей, как экономика, культура, социальная структура, межличностные отношения. Они являются функциональными сегментами общества, компонентом которого является и сама политическая система. В данном конкретном обществе системы, отличные от политической, выступают источником множества влияний, в совокупности определяющих условия действия политической системы. В мире, где постоянно формируются новые политические системы, мы можем найти немало примеров того, когда меняющиеся экономика, культура или социальная структура могут оказывать воздействие на политическую жизнь.

Другая часть окружения политической системы экстрасоциетальна, включает все системы, являющиеся внешними по отношению к данному обществу. Они выступают функциональными компонентами между -

народного сообщества, суперсистемы, элементами которой можно считать конкретные общества. Межнациональная система культуры — пример экстрасоциетальной системы.

Оба эти класса систем — интра- и экстрасоциетальные, — которые мы рассматриваем как внешние по отношению к политической системе, образуют *полное окружение* политической системы. Они могут служить источником стрессов политической системы. *Возмущающие воздействия* — понятие, с помощью которого можно эффективно описывать влияния полного окружения на политическую систему и вызываемые ими изменения этой системы. Не все возмущающие воздействия создают напряжение в политической системе: некоторые благоприятствуют выживанию системы, другие являются нейтральными в смысле способности вызывать стресс. Но многие воздействия можно считать способными приводить политическую систему к стрессу.

Когда следует говорить о том, что *стресс* наступил? Этот вопрос достаточно сложен, ответ на него предполагает введение нескольких дополнительных понятий. Все политические системы как таковые, поскольку они обладают определенной живучестью, обязательно выполняют две следующие функции. Во-первых, они должны быть способны предлагать обществу ценности и, во-вторых, вынуждать большинство его членов признавать их в качестве обязательных, по крайней мере почти всегда. Эти два свойства выделяют политические системы среди других типов социальных систем.

Следовательно, эти два отличительных свойства — предложение ценностей обществу и относительная частота их признания последним — являются *существенными переменными* (essential variables) политической жизни. Их наличие можно считать необходимым условием того, что последняя существует. Мы можем здесь принять в качестве аксиомы, что никакой тип общества не мог бы реализоваться без той или иной политической системы. [...]

Одной из важных причин для введения этих существенных переменных является то, что они позволяют более точно установить, где и как возмущающие воздействия на систему угрожают вызвать ее стресс. Можно сказать, что стрессовая ситуация возникает, когда появляется опасность, что существенные переменные могут выйти за пределы своих *критических значений*. Это может быть связано с тем, что происходит в окружении системы — она может подвергнуться полному военному разгрому или суровый экономический кризис вызывает общую дезорганизацию политической системы и резкий рост нелояльности

к ней. Предположим, что как следствие такой ситуации или власти окажутся не в состоянии принимать необходимые решения, или эти решения не будут выполняться. В этом случае внесение властью ценностей в общество окажется невозможным и, как следствие, общество взорвется из-за неспособности политической системы выполнять одну из своих важнейших функций, связанную с регулированием поведения его членов. Указанный случай как раз и будет соответствовать стрессу политической системы, настолько сильному, что любые возможности для выживания в данном обществе практически исчезнут. Но нередко разрушение политической системы не является столь полным и необратимым и система, пережившая стресс, в той или иной форме выживает. Несмотря на кризис, власти могут сохранить способность принимать определенные решения и хотя бы с некоторой минимальной частотой добиваться их выполнения. При этом какая-то часть проблем, требующих политического решения, будет находиться под контролем. Иными словами, не всегда существенные переменные полностью выходят за границы нормального диапазона изменений. Случается, что область этих изменений как бы несколько смещена по сравнению с нормальной ситуацией, когда власти, например, частично не способны принимать требуемые решения и добиваться их выполнения с нужной регулярностью. В таких условиях существенные переменные в целом не выходят за границы допустимого диапазона изменений, они подвергаются стрессу, но остаются в пределах критических точек. И до тех пор

пока политическая система способна удерживать свои существенные переменные в этих пределах, можно утверждать, что она обладает способностью к выживанию.

Как мы показали выше, каждая политическая система характеризуется свойством в той или иной степени справляться со стрессом своих существенных переменных. Это не значит, что результат поведения системы всегда именно таков; система может разрушиться именно по той причине, что оказалась неспособной принять адекватные и эффективные меры в отношении надвигающегося стресса. Но именно способность системы отвечать на стресс имеет решающее значение. Тип ответа системы позволяет оценить вероятность того, что она сумеет преодолеть ситуацию стресса. Вопрос о характере реакции политической системы на стресс может продуктивно исследоваться в рамках системного анализа политической жизни. Особенно перспективным можно считать изучение поведения элементов политической системы в том отношении,

насколько будет усугублять или смягчать стресс ее существенных переменных это поведение.

[...] Однако остается нерешенной фундаментальная проблема: как именно потенциально способные вызывать стресс условия в окружении политической системы соотносятся и взаимодействуют с ней? В конечном счете даже с позиций здравого смысла представляется очевидным, что существует огромное множество внешних воздействий на систему. Следует ли рассматривать каждое изменение в окружении системы как изолированное единичное возмущение, конкретные последствия которого должны изучаться независимо от действия других возмущений?

Если бы такой способ исследования был единственно возможным и приемлемым, то трудности системного анализа проблемы могли бы оказаться непреодолимыми. Но если искать эффективный метод изучения воздействия окружения на политическую систему, надо стремиться к максимально возможной редукции огромного множества воздействий к ограниченному числу индикаторов. Я считаю, что следует пытаться делать это, используя понятия «входы» и «выходы». Как можно описывать эти «входы» и «выходы»? Поскольку я провожу аналитическое разграничение между политической системой и параметрическими в отношении ее или окружающими ее системами, то полезно интерпретировать взаимодействия, связанные с поведением элементов этих систем, как *обмены*, или *транзакции*, которые могут пересекать границы политической системы. Об *обменах* мы будем говорить, если

необходимо подчеркнуть взаимную связь политической системы с ее окружением. С помощью термина *транзакция* будет подчеркиваться факт однонаправленного действия окружения на политическую систему или обратного действия при условии пренебрежения временем обратной реакции соответствующих систем.

До этого момента все представляется достаточно бесспорным. Если бы системы не были взаимосвязаны, то все аналитически фиксируемые аспекты поведения в обществе были бы независимы друг от друга, что на самом деле не так. Однако констатация факта взаимодействия различных систем в обществе — нечто большее, чем простой трюизм. Дело в том, что здесь указывается способ, с помощью которого огромное число сложных взаимодействий оказывается возможным редуцировать к теоретически и эмпирически обозримым величинам.

Завершая рассмотрение этого вопроса, отмечу, что мною предложен метод суммирования наиболее значимых и существенных воздействий на политическую систему и представления их в виде нескольких

индикаторов. Анализируя последние, мы получаем возможность оценивать ближайшие и более отдаленные влияния событий, происходящих во внешней среде, на политическую систему.

Имея в виду эту задачу, я обозначил эффекты, переносимые через границу одной системы на некоторую другую систему, как выходы первой системы и — симметрично — входы второй.

Трансакция, или обмен между системами, при этом рассматривается как взаимосвязь между ними в форме отношения «вход-выход».

[...] Значение понятия «входы» состоит в том, что с его помощью мы получаем возможность характеризовать суммарный эффект действия множества разнородных условий и событий, происходящих в окружении политической системы, на саму эту систему. Без использования данного понятия было бы трудно определить в точном операциональном смысле, какое влияние поведение различных секторов общества оказывает на события в политической сфере. «Входы» могут выполнять функции *суммарных переменных*, которые обобщают в концентрированном виде все происходящее в среде, окружающей политическую систему, что может способствовать политическому стрессу. Поэтому понятие «входы» служит мощным аналитическим инструментом.

Границы, в пределах которых «входы» могут служить суммарными переменными, зависят от того, какое определение дано первым. Можно рассматривать их в самом широком смысле. В таком случае мы сможем интерпретировать как любое внешнее

по отношению к системе событие, которое изменяет систему, модифицирует ее или вообще влияет на нее каким-либо образом. Но если бы мы стали использовать понятие «входы» в столь широком смысле, нам никогда не удалось бы исчерпать список входов, воздействующих на систему. Потенциально любое минимально значимое событие или изменение условий в окружении политической системы могут оказать некоторое воздействие на нее. Столь широкое использование понятия «входы» фактически может привести к тому, что его функции, связанные с более адекватным, отвечающим задачам исследования моделированием политической реальности, не будут выполнены.

Как уже отмечалось, мы можем существенно упростить анализ воздействия со стороны внешней среды, если ограничим наше внимание несколькими видами «входов», которые могут рассматриваться в качестве индикаторов, суммирующих наиболее важные эффекты в плане их вклада в стресс системы. Речь о тех эффектах, которые пересекают границу, отделяющую параметрические системы от политических и влияющих

на последние. Таким путем мы избавляемся от необходимости изучать и прослеживать отдельно последствия каждого из многих типов событий в окружении политической системы.

В качестве эффективного теоретического инструмента может быть полезным рассмотрение основных воздействий со стороны среды на политическую систему в форме двух главных входов: *требований и поддержки*. С их помощью широкий спектр событий и видов активности в среде может быть суммирован, отражен и изучен в плане их воздействия на политическую жизнь. Следовательно, существуют ключевые индикаторы, указывающие, каким путем воздействия внешнего окружения влияют на политическую систему и придают иную форму происходящему в ней. Можно это выразить и так, что, изучая флуктуации входов, являющихся комбинацией требований и поддержки, мы получаем возможность эффективного описания результата воздействия внешнего окружения на политическую систему.

[...] Аналогичным образом понятие *выходы* помогает нам изучать все множество следствий поведения элементов политической системы для ее окружения. Наша первая задача, конечно, состоит в том, чтобы исследовать функционирование политической системы. Для понимания политических явлений как таковых мы не должны концентрировать наши усилия на тех следствиях, которые политические действия производят в окружающих системах. Эта проблема может более глубоко анализироваться

теориями функционирования экономики, культуры или любой другой параметрической системы.

Но активность элементов политической системы может иметь некоторое значение для ее собственного состояния в будущем. В той степени, в какой это именно так, мы не можем полностью отвлечься от тех действий, которые выходят из системы в ее окружение. Как и в случае «входов», однако, существует огромное множество типов активности внутри политической системы. Каким образом тогда выделить именно те типы активности, которые важны для понимания способов выживания этих систем?

Полезным методом упрощения и организации эмпирических данных о поведении элементов системы (что отражается в их требованиях и поддержке) является их представление в терминах того, как «входы» преобразуются в то, что можно назвать *политические выходы*. Таковыми являются решения и действия властей. [...] «Выходы» не только воздействуют на окружение политической системы, но и позволяют определять и корректировать в каждом новом цикле взаимодействия соответствующие

«входы» системы. При этом образуется *контур обратной связи* (feedback loop), играющий важную роль в объяснении процессов, помогающих системе справляться со стрессом. Эта связь дает возможность системе использовать свой предшествующий и сегодняшний опыт для того, чтобы пытаться усовершенствовать свое будущее поведение.

Когда мы говорим о политической системе как действующей, то надо помнить, что ее не следует представлять как нечто монолитное. Для того чтобы обеспечить возможность коллективного действия, в ней существуют те, кто выступает от имени или во имя системы. Мы можем определить их как *власти*. Если необходимо осуществить действия по удовлетворению некоторых требований или создать условия для такого удовлетворения, информация о результативности «выходов» должна достигать хотя бы этих властей. При отсутствии информационной обратной связи о происходящих в системе процессах власти будут действовать вслепую.

Если отправной точкой нашего исследования является способность системы к выживанию и если мы считаем одним из существенных источников стресса падение уровня ее поддержки ниже некоторого минимального уровня, то следует признать чрезвычайную важность информационной обратной связи для властей. [...]

Контур обратной связи сам содержит ряд элементов, заслуживающих детального изучения. Он включает производство «выходов» властями, реакцию членов общества на эти «выходы»,

передачу информации об этой реакции властям и, наконец, возможные последующие действия властей. Таким образом постоянно приходят в движение новые циклы выходов, ответов, информационной обратной связи и реакций властей, создавая непрерывную цепь взаимосвязанных действий. Наличие обратной связи оказывает тем самым существенное влияние на способность политической системы справляться со стрессом и выживать.

[...] Из вышеизложенного очевидно, что применяемый тип анализа позволяет и даже требует от нас исследовать политическую систему, используя динамические переменные. Мы не только приходим к пониманию того, как политическая система действует посредством своих «выходов», но становится ясным тот факт, что все происходящее в системе может иметь последствия для каждой последующей стадии ее поведения. Поэтому представляется насущной задачей интерпретация политических процессов как непрерывного и взаимосвязанного потока поведения.

Если бы мы удовлетворились в целом статичной моделью политической системы, то на этом можно было бы поставить точку. Действительно, в большинстве политологических сочинений именно это и делается. В них исследуются сложные процессы и механизмы принятия и реализации решений.

Следовательно, до тех пор пока мы интересуемся тем, какие факторы и как именно влияют на выработку и осуществление политических решений, модель можно считать адекватной в качестве первого минимального приближения.

Однако ключевой проблемой политической теории является не просто разработка концептуального аппарата для понимания факторов, влияющих на все типы решений, принимаемых в системе, иначе говоря, формулировка теории аллокации политических ресурсов. Как я уже отмечал, теория должна объяснить, с помощью каких механизмов системе удастся выживать в течение длительного времени и как она преодолевает стресс, который может наступить в любой момент. По этой причине недостаточно рассматривать «выходы» политической системы в качестве некоего абсолютного завершения политических процессов и соответственно нашего анализа. В этом плане можно отметить, что частью модели являются обратные связи, выступающие как важнейший фактор, определяющий поведение системы. Именно наличие обратной связи совместно со способностью политической системы осуществлять конструктивные действия создает предпосылки для адаптации системы или преодоления возможного стресса.

Таким образом, системный анализ политической жизни опирается на представление о системе, находящейся в некоторой среде и подвергающейся внешним возмущающим воздействиям, угрожающим вывести существенные переменные системы за пределы их критических значений. В рамках этого анализа важным является допущение о том, что для того, чтобы выжить, система должна быть способна отвечать с помощью действий, устраняющих стресс. Действия властей имеют ключевое значение в этом отношении. Но для действий, причем осмысленных и эффективных, власти должны иметь возможность получать необходимую информацию о происходящем. Обладая информацией, власти могут быть способными обеспечивать в течение некоторого времени минимальный уровень поддержки системе.

Системный анализ позволяет поставить ряд ключевых вопросов, ответы на которые помогли бы сделать более насыщенной конкретным содержанием представленную здесь схематичную модель. Какова в действительности природа тех воздействий, которым подвергается политическая

система? Как они передаются системе? Какими способами, если таковые существуют, системы чаще всего стремятся преодолевать стрессы? Какие типы процессов обратной связи должны существовать в любой системе, если сами условия ее функционирования вынуждают систему приобретать и накапливать потенциал, позволяющий действовать в направлении ослабления стресса? Как различные типы политических систем — современные и развивающиеся, демократические и авторитарные — отличаются типами своих входов и выходов, своими внутренними процессами и обратными связями? Как эти различия влияют на способности системы к выживанию, когда она подвергается воздействию стресса?

Задача построения теории состоит, конечно, не в том, чтобы уже в начале исследования получить достоверные и полные ответы на эти вопросы. Скорее, задача заключается в том, чтобы правильно ставить проблемы и намечать эффективные пути их решения.

Печатается по: Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997. Т. II. С. 630—642.

М. ДЮВЕРЖЕ

Политические институты и конституционное право

Ни термин «институт», ни термин «политический» совершенно точного значения не имеют: в этом-то и кроется трудность определения понятия политических институтов. Для начала попытаемся выделить конкретное, объективное и научное

понятие «политические институты», а потом покажем, какими преимуществами оборачивается употребление этого выражения вместо термина «конституционное право» и наряду с ним.

[...] Поначалу, как указывается в слова ре Литре, слово «институты» означало «все, что изобретено и установлено людьми в отличие от того, что дано от природы»: сексуальный акт, например, есть природный феномен, а брак существует как институт. Для Дюркгейма¹ и его последователей, наоборот, институтами являются идеи, верования, обычаи, социальная практика, которые индивид получает в готовом виде; это — *«полностью институционализированная совокупность действий*

¹ Дюркгейм Эмиль (1858—1917) — крупнейший французский философ и социолог.

или идей, которые индивиды обнаруживают перед собой и которые в той или иной степени им навязаны»; таким образом, институты вовсе не противопоставлены природе, они — естественные факты социального универсума. И все же определение Дюркгейма чересчур общее. Думается, что термин «институты» можно было бы резервировать для обозначения совокупности идей, верований, обычаев, составляющих упорядоченное и организованное целое (например, брак, семья, выборы, правительство, собственность и т.д.). Удовольствуемся временно этим понятием. [...]

Что касается понятия «политический», то и ясности не больше: по сути оно относится к двум разнопорядковым феноменам.

А. Одни, исходя из этимологии слова, называют политическими институтами институты государства (от греческого «полис» — город — государство — более или менее соответствующее тому, что мы сегодня называем государством), т.е. институты некой человеческой общности, наилучшим на сегодняшний момент образом организованной и усовершенствованной. [...]

Б. Другие относят понятие «политический» к тому основополагающему общественному явлению, которое Дюги¹ называл «разделением на управляющих и управляемых». В любой человеческой группировке есть две категории людей: те, кто командуют, и те, кто подчиняются; те, кто отдают приказы, и те, кто им повинуются; начальники и подчиненные, управляющие и управляемые. Это фундаментальное различие существует в семье, в самоуправляющейся единице, в государстве, в ассоциациях, в религиозных братствах, в церквях и т.д.

Политическими называют такие институты, которые затрагивают правителей и их власть, руководителей и их полномочия.

[...] а) *Консервативное понимание политических институтов в XIX в.* В XIX в. люди охотно противопоставляли термин «институты» термину «конституция». Первым они обозначали те социальные и политические структуры, которые были порождены традицией, историей, нравами, привычками; вторым— подчеркивали вторжение воли, наделенной на придание политической власти рациональной и крепкой организации. Либералы требовали конституции; консерваторы утверждали верховенство институтов, рассматриваемых ими как «естественные», над конструкциями, полагаемыми как «искусственные». В то же время последние противились изменениям и реформам, ущемляющим

¹ Дюги Леон (1859—1928) — французский теоретик права, конституционалист.

их интересы. Восхваляя рациональную политическую структуру, утвержденную официальным документом, их противники, напротив, хотели одним ударом опрокинуть установленные институты и заменить их другими, имеющими иное содержание. Так, термины «конституция» и «конституционное право» получили новаторское звучание, в то время как термин «политические институты» имел консервативный оттенок: установить конституцию означало в каком-то смысле совершить «Революцию посредством Права».

Сегодня многое изменилось по крайней мере в политически развитых странах (в других ситуация такая же, как в Европе XIX в.). Марксистский анализ распространил идею, частично верную, о том, что либеральный, парламентский способ правления, - установленный конституционным путем, используется «буржуазией» для поддержания своего господства над «пролетариатом» и для сохранения существующего общественного строя. С другой стороны, этот анализ настаивал на том, что право и конституция являются частью общественной «надстройки», базис которой образован экономическими институтами. Приверженность конституционным текстам принимает сегодня, таким образом, более или менее консервативный характер. В XIX в. конституций требовали левые партии: ныне о них вспоминают скорее правые партии.

б) *Научное понимание политических институтов в настоящее время.* [...] Параллельно описанной выше эволюции происходила другая. Противопоставление «институтов» и «конституций»

более не означает, что акцент делается на традициях вопреки изменениям, на прошлом в противовес реформам: суть в том, что акцент ставится на реальную и конкретную организацию обществ, а не на юридические установления, которые мы пытаемся к ним приложить, не достигая этого полностью. Это в какой-то степени противостояние факта и права.

Данная эволюция отражает современное развитие социальных наук. Сегодня человеческое общество и его институты рассматриваются как объект науки: в течение последних пятидесяти лет шло мощное развитие методов научного наблюдения за общественными явлениями. Конечно, юридические феномены занимают важное место среди общественных явлений, но не только они. К тому же в праве нужно различать то, что является эффективно применимым, и то, что таковым не является. Закон, юридическое установление, Конституция являются не выражением реального, но попыткой упорядочения реального, попыткой, которая никогда не удается полностью.

Мы видим, таким образом, точное значение термина «политические институты». [...] Это значит, что мы не должны более придерживаться юридического анализа политических институтов, а должны включать его в более полный и объемный анализ социологического характера: анализ, присущий - *политической науке*. [...] Эта новая ориентация влечет за собой два фундаментальных последствия:

а) первое — она подводит к *расширению поля традиционного исследования*: отныне мы будем изучать не только те политические институты, которые регламентированы правом, но и те, которые полностью или частично правом игнорируются, те, которые существуют вне права: например, политические партии, общественное мнение, пропаганду, прессу, «группу давления» и т.д.;

б) второе — новая ориентация обязывает к *изменению точки зрения внутри традиционного поля исследования*: даже те политические институты, которые регламентированы правом — установлены Конституцией или законами, ее дополняющими, — не должны более изучаться в юридическом аспекте; отныне нужно пытаться определить, в какой мере они функционируют в соответствии с правом, а в какой ускользают от него; необходимо определить их действительное значение, опираясь на факты, а не ограничиваться анализом теоретической важности, которую им придают юридические тексты.

[...] Совокупность политических институтов, действующих в данной стране в данный момент, составляет «политический режим»; в каком-то смысле политические режимы — это

созвездия, звездами в которых являются политические институты. □...]

Выражение «общая теория» употребляется нами не в философском, а в научном смысле. Речь идет не об абстрактных рассуждениях о том, какой политический режим является наилучшим по отношению к заранее определенной системе ценностей, а о сравнительном исследовании существующих политических режимов, с тем чтобы выявить их общие черты и различия и на этом основании выстроить типологию, настолько далекую от искусственности, насколько это вообще возможно. Не будем рассматривать влияние, власть с философской или метафизической точек зрения. Не будем задаваться вопросом о том, оправдана ли эта власть теоретически или нет, приемлемо ли с позиций разума то, что одни люди командуют другим и. Существование власти установлено во всех человеческих сообществах, особенно в национальных государствах — нациях: посмотрим же, с помощью каких практических средств эта власть заставляет уважать себя, какими способами

она добивается повиновения. Первостепенное значение для этого имеют доктрины, рассматривающие природу власти: они представляют собой один из тех способов, которыми власть добивается послушания (или, напротив, одно из препятствий этому послушанию). Власть не просто материальный факт, «вещь», как сказал бы Дюркгейм: она глубоко проникнута идеями, верованиями, коллективными представлениями. То, что люди думают о власти, является одной из ее фундаментальных основ.

Среди этих верований и коллективных представлений идея права в современных, особенно этатических, обществах играет основополагающую роль. Для современного общества власть в государстве должна осуществляться в правовых формах, в соответствии с правовыми процедурами: власть должна соответствовать некой концепции права. Подобная связь власти и права постоянно ставится под сомнение в СССР, в коммунистических учениях: однако она остается глубоко укорененной в верованиях западного человека. Поэтому необходимо рассмотреть ее отдельно.

С другой стороны, понятие государства-нации, т.е. социального пространства, на котором власть организована наилучшим образом и осуществляется наиболее полно, подвергается ожесточенным нападкам со стороны федералистских теорий, постоянно укрепляющих свои позиции. Некоторое обесценение государства обязывает нас поставить вопрос о властях предержавших и сравнить тех, кто правит государством, с теми, кто управляет различными социальными группами.

[...] Напомним, что данная проблема рассматривается здесь под углом зрения фактов, а не теорий. Мы не пытаемся выяснить, является ли власть логически, доктринально обоснованной в соответствии с той или иной концепцией мира и человека. Мы лишь пытаемся описывать и анализировать конкретные основания власти. Вопрос не стоит: нужно или не нужно подчиняться власти? Мы хотим узнать, в какой мере люди действительно подчиняются и по каким конкретным причинам это происходит.

Ответить на поставленный таким образом вопрос непросто. Эта фундаментальная проблема политической науки является одной из наиболее сложных: будь она полностью прояснена, политическая наука достигла бы своей главной цели — познания природы власти. Но до этого еще далеко. Поэтому большая часть рассуждений, которые последуют ниже, будет носить весьма общий и достаточно гипотетический характер.

Для удобства изложения проведем различие между двумя большими категориями оснований власти: к одной категории относятся основания, исходящие от принуждения, к другой — те, что примыкают к верованиям. Однако эта классификация является весьма произвольной: на самом деле верования используются в качестве элементов принуждения, а принуждение редко применяется в чистом виде, вне связи с верованиями. В действительности принуждение и верования как основания власти тесно переплетены друг с другом. Мы будем неустанно повторять, что власть как любой общественный феномен неотделима от идеологии, мифов, коллективных представлений, создаваемых людьми в отношении власти.

[...] Термин «принуждение» используется здесь в достаточно широком и, следовательно, неопределенном смысле: он обозначает всякий внешний по отношению к индивиду фактор, оказывающий на него давление в направлении подчинения правителям. Речь может идти о принуждении чисто материальном и физическом (полиция или армия), о принуждении психологическом или психосоциологическом, являющемся результатом давления обычаев или воздействия пропаганды.

Суммируя, попытаемся выделить среди этих форм принуждения общее социальное давление, материальное принуждение со стороны властей, пропаганду властей (или принуждение с помощью убеждения: принуждение с анестезией).

[...] Мы подчиняемся руководителям какой-либо социальной группы в силу того, что группа в целом побуждает к

повиновению: авторитет, власть основываются прежде всего на этом коллективном безличном принуждении, которое не всегда осознается как принуждение теми, кто его испытывает; впрочем, по мере привыкания людей к принуждению оно становится для них естественным. Конформизм представляет собой один из фундаментальных источников подчинения власти.

а) *«Естественный» характер подчинения.* Во Франции много говорят «о фрондерском» характере индивидов, их естественной предрасположенности к непослушанию, езде в «запрещенном направлении», уклонению от уплаты налогов, сопротивлении приказам начальства. Достаточно представить себе сложность поддержания порядка в классе и склонность школьников к шуму и толкотне, чтобы с первого же взгляда усомниться в естественном характере подчинения.

И тем не менее это соответствует истине. Заметим сначала, что дух гражданского неповиновения неодинаково развит в разных странах и что особенно он силен во Франции, главным образом на Юге (как и у

всех народов Средиземноморья): а поездка в Великобританию, Нидерланды или Скандинавию продемонстрирует естественный характер повиновения властям. Добавим к этому, что во Франции, как и у других наций подобного типа, сопротивление государственной власти соседствует с подчинением авторитету других социальных групп — к примеру, семейных или религиозных. Это просто может быть признаком слабости уз национальной солидарности. Но в любом случае в обычное время это сопротивление весьма ограничено. Жульничают в мелочах, но в целом повинуются.

Нужно, впрочем, договориться о смысле, который мы вкладываем в слово «естественный». С социологической точки зрения под «естественным» понимается то, что соответствует общепринятому поведению. «Естественным» является то, что совпадает со среднестатистическими значениями. Очевидно, что в обычное время бунтари и неслухи составляют крошечное меньшинство во всех социальных группах. И речь идет не только об «активных бунтарях», приводящих свои действия в соответствие с намерениями, но и о «пассивных», которые хотели бы послушаться, но не решаются из-за страха перед государственным принуждением. Конечно, множество людей ругают «власть», «правительство», «министров» и т.д., но они имеют претензии к форме или существу их действий, а не к самому факту их существования. Они выражают несогласие по поводу личности и поведения людей, стоящих у власти, но не ставят под сомнение само существование власти, которой следует подчиниться. □...]

б) *Факторы естественного подчинения.* Здесь мы ограничимся несколькими общими предположениями. Похоже, что рациональные факторы имеют меньшее значение, чем факторы иррациональные.

1°. *Рациональные факторы.* Размышляя, люди приходят к признанию необходимости власти и подчинения. Они легко понимают, что ни одна социальная группа не может существовать без власти, которая бы поддерживала в ней минимум порядка. В крайнем случае в полной анархии Можно жить вдвоем или втроем: для ста человек это становится совершенно невозможным. Так, отмечая пользу власти, люди приходят к тому, что начинают рассматривать ее как естественную.

Рациональный фактор не является, наверное, самым значимым: на основании опыта он дает оправдание необходимости подчинения власти и позволяет каждому примирить совесть с деяниями. Но факт естественного подчинения, безусловно, предшествует любым рассуждениям:

сначала люди естественным образом подчиняются, а затем оправдывают свое подчинение.

2°. *Иррациональные факторы.* Основную роль здесь, похоже, играют традиция и воспитание. Властям подчиняются потому, что таков обычай. Руководителей принимают потому, что они были всегда и их авторитет предстает в качестве такого же необсуждаемого и естественного феномена, как вода, огонь, дождь или град. (N.B.: «естественное» здесь употребляется не в социологическом, а в обычном смысле.) Мысль о том, что можно жить без руководителя, большинству даже не приходит в голову, ибо ни одна конкретная вещь на эту мысль не наводит (а те, кого она посещает, считают ее нелепицей, абсурдом, неосуществимым мечтанием). Социальная действительность — такая, какой она прямо и непосредственно познается людьми, — содержит в себе идею руководства, авторитета, властвования.

Воспитание значительно усиливает это чувство послушания. С самого раннего возраста маленького человечка учат подчиняться воле родителей, слушаться их указаний: в обществе детей и родителей первые являются управляемыми, вторые — управляющими. Затем школа с ее учителями, воспитателями, директорами, с ее системой санкций и принуждений крепко вдалбливает чувство власти и повиновения. Нравственное и религиозное воспитание (а также преподавание истории) дополняет это общее образование. По мере того, как ребенок развивается и осознает окружающее его общество, разворачивающийся перед ним спектакль устоявшейся и всеохватывающей власти подхватывает эстафету, переданную

родителями и учителями. Приученный к послушанию, ребенок видит, что оно присутствует везде. Юношеское стремление к самостоятельности приведет подростка лишь к утверждению его равенства с прежними руководителями (учителями и родителями): это значит, что теперь он будет повиноваться тем же руководителям, что и они, без посредников.

[...] Общее социальное давление подписывается и усиливается материальным принуждением правителей. Власть не является, как наивно полагают некоторые, чисто силовым феноменом: ее формирует множество других составляющих. Иногда даже кажется, что сила здесь играет относительно второстепенную роль: когда власти необходимо применить силу для достижения повиновения, это значит, что ее основания пошатнулись; диктатура, как мы увидим дальше, — это болезнь власти, проистекающая из ослабления верований, которые ее обычно поддерживают.

Между тем сила, бесспорно, играет важную роль в этой области. Государство опирается не только на человека с ружьем: но без него нет государства. Необходимо выделить внутри этих силовых феноменов несколько элементов, варьирующихся в зависимости от типа общества.

а) *Физическое принуждение*. В чистом виде проявляется в физическом превосходстве. Когда самый мускулистый становится во главе ватаги мальчишек или хулиганов, тогда и проявляет себя самый простейший феномен властвования. Подобным же образом эта примитивная сила присутствует и во власти отца над ребенком, мужа над женой, учителя над учеником.

Однако в более сложном и более цивилизованном обществе физическая сила дематериализуется и интеллектуализируется: с одной стороны, в дело вмешиваются ловкость и ум, с другой — техника и организация. В рамках современных государств, например, физическое принуждение приняло более тонкую *форму уголовных процедур и полицейских акций*, не претерпев при этом глубинных изменений: в случае конфликта между управляющими и управляемыми последнее слово остается за первыми, так как они могут физически принудить вторых подчиниться своей воле. Тюрьмы, пытки («рукоприкладство» как смягченная форма пыток), казнь, присутствующие в уголовных кодексах и полицейской практике всех государств, являются средствами физического принуждения. Полицейские дубинки и пистолеты — даже армейские танки и пулеметы в случае революции — имеют ту же природу. За красными мантиями судей и интеллектуальными построениями юристов всегда

скрывается элемент насилия. И те, кто это отрицает, часто являются наилучшими пособниками насилия, помогая скрывать под маской ягненка волчьи зубы.

б) Принуждение личным воздействием. В небольших социальных группах «личное воздействие» руководителей играет важную роль в обеспечении послушания: на членов групп давит своего рода моральное принуждение. Термин «воздействие», используемый в повседневном языке, имеет очень неопределенное значение; мы намеренно отказались его уточнять, ибо он обозначает такой же неопределенный, но реальный феномен.

В школах есть учителя, у которых не шумят не потому, что они строже наказывают, и не потому, что они более знающие и интересные люди, а просто потому, что они «пользуются авторитетом». Подобным же образом не всегда самый сильный или самый умный оказывается во главе компании играющих сорванцов или банды злоумышленников, нарушающих

законы: во главе становится тот, кто имеет наибольший «авторитет». «Личное воздействие» можно было бы сравнить с «шаманством»: этим понятием некоторые племена обозначают таинственную способность, заставляющую повиноваться определенному колдуну, вождю.

В больших сообществах, таких, как нации, «личное воздействие», «шаманство» играют менее важную роль, ибо власть институционали-зирована и менее персонализирована: прямой контакт между руководителем и теми, кем он руководит, весьма незначителен. Для восполнения в дело вступает пропаганда. [...]

Можно было бы предположить, что современная техника в какой-то мере возвращает «личному воздействию» былую значимость: фотография, кино, телевидение восстанавливают личный контакт между вождем и массами (улыбка Рузвельта). Но подобный контакт скорее иллюзорен, чем реален. Прежде всего потому, что эффективная власть принадлежит больше институтам, чем правителям; потому также, что этот контакт посредством имиджа подменяет действительное влияние внешним видом, который более зависит от артистических способностей человека, чем от собственно «шаманства».

Разумеется, сохраняется влияние руководителя на своих близких, его власть над своими сотрудниками: но это — скорее проблема внутренней организации властных институтов, чем собственно оснований властвования. [...]

в) *Экономическое принуждение*. Экономическое принуждение очень близко по своему происхождению к физическому. Тот, кто может лишить человека средств к существованию, легко

добивается его повиновения. Сколько рабочих и служащих подчиняются своему патрону по этой фундаментальной причине? К тому же политическая власть и экономическое принуждение тесно связаны. По общему правилу во все исторические эпохи класс, владеющий средствами производства и богатством, обладает и политическим влиянием и удерживает власть. Феодализм отдал государство в руки земельных собственников в ту эпоху, когда основным источником богатства была земля. Карл Маркс охарактеризовал современное ему государство как инструмент господства промышленной и торговой буржуазии в эпоху, когда основой богатства стали промышленность и торговля: политические свободы, официально признанные за всеми гражданами, были скорее формальными, нежели реальными, для тех, кто не имел экономической возможности ими воспользоваться. [...] Когда изучаешь реальное и конкретное функционирование современных обществ,

то поражаешься той огромной роли, которую за юридическим и конституционным фасадом играют в них деньги. Деньги, конечно, являются не единственным, но основным источником власти. Тема «всевластия денег», так часто звучащая в литературе, несет в себе глубокую истину.

Без сомнения, экономическая и политическая власть не обязательно концентрируются в одних и тех же руках. Верно, что в либеральных государствах XIX в. «власть денег» существовала практически в чистом виде. Сегодня это уже не столь верно: профсоюзы, рабочие партии, разного рода группы, высокопоставленные чиновники образуют большое число центров силы, соперничающих с финансовыми и промышленными магнатами. Ситуация подобного «плюрализма» гарантирует, впрочем, некоторую свободу. Но она очень хрупка: само развитие техники побуждает ко все большему вмешательству государства в экономику, что порождает тенденцию к концентрации политической и экономической власти в невиданных ранее размерах. [...]

г) *Принуждение организацией.* Наряду с традиционными и классическими формами принуждения, которые только что были рассмотрены, мы сегодня обнаруживаем появление новых, менее прямых, более замаскированных и, без сомнения, более эффективных форм принуждения (в силу того, что они менее заметны для тех, кто подвергается их воздействию).

Сегодня разработаны технологии объединения людей в рамках ассоциаций и коллективных организаций, позволяющие

добиваться подчинения тем более полного, что оно приемлемо и желаемо теми, кто подчиняется. Здесь невозможно дать даже общее описание этих технологий, наилучшими образцами которых являются профсоюзы, но особенно некоторые политические партии — например, коммунистическая: чересчур схематизируя различные элементы этой организации, мы рискуем исказить очень сложную и неоднозначную действительность. Разделенность людей на небольшие, но очень сплоченные первичные организации (например, коммунистические ячейки), изолированность каждой из этих первичных групп от остальных системой «вертикальных связей», систематическое использование делегирования власти и непрямого голосования, практически приводящих к образованию класса кооптированных и дисциплинированных руководителей, полупрофессионалов «внутренней партии», сочетание подлинной и серьезной дискуссии с практикой единогласного принятия решений, выполняемых с железной неукоснительностью, — все эти разнообразные элементы

(да и многие другие) формируют предельно крепкую и сплоченную социальную арматуру, позволяющую организовывать большие массы людей и устанавливать над ними предельно сильную власть.

Речь здесь не идет о принуждении в прямом смысле слова, предполагающем внешнее воздействие на принуждаемого: ведь система позволяет руководителям все время «прислушиваться к массам», сохранять близость к управляемым и знать их чаяния, чтобы таким образом выразить волю людей, одновременно управляя ими. С другой стороны, система прочно опирается на пропаганду, технология которой тесно связана с ее собственной. [...] Вторая мировая война и современные тоталитарные режимы служат прекрасной иллюстрацией эффективности пропаганды. В наши дни она получила еще большее развитие, так как достижения общественных наук и психологии позволили лучше понять побудительные причины человеческой деятельности и воздействовать на них. Пропаганда, однако, существовала всегда.

а) *Классическая пропаганда*. Пропаганду можно определить как усилие, совершаемое правительством для того, чтобы убедить управляемых подчиниться ему. Вместо того чтобы принуждать, следует убеждать: в действительности же способы, применяемые для достижения такого убеждения, делают его разновидностью косвенного принуждения. Отсюда и вытекает определение пропаганды, данное одним из современных авторов: «насилование толпы».

Когда правительство убеждает своих подданных подчиняться с помощью внушаемого им страха, речь идет не о пропаганде, а о простом и чистом принуждении. Однако разделяющая их граница неопределенна. «Показать свою силу для того, чтобы не пришлось ее применять» — эта формула Лиоте¹ уже приближается к пропаганде. Когда демонстрируют (или делают вид, что демонстрируют) отсутствующую силу, граница пересечена. [...] То же происходит, когда пытаются внушить почитание или обожание, основанное на естественном или сверхъестественном превосходстве, а не страх, основанный на материальной силе. В этом смысле все методы, используемые правителями для укрепления своего престижа, относятся к пропаганде (вера в свое предназначение, непогрешимость, великолепие костюмов, пышность декора, церемониал и т.п.). Но собственно пропаганда служит главным образом для того,

¹ Лиоте — французский генерал, руководивший колонизацией Марокко, военный министр в правительстве Бриана (1916 г.).

чтобы убедить управляемых в том, что их правительство является лучшим из всех возможных и что благодаря ему они живут счастливо, гораздо счастливее, чем при любом другом правительстве, потому что оно борется за справедливость, изобилие, равенство, свободу и т.д. (в зависимости от исторической эпохи и народных чаяний акцент делается на ту или иную из основополагающих добродетелей).

Почти все правительства использовали пропаганду подобным образом, но вплоть до наших дней лишь немногие делали это систематически, прибегая к услугам специально приставленных к этой работе людей. Немаловажную в данной области роль играли писатели (и в целом творческая публика, интеллектуалы), а также духовенство. [...]

б) *Современная пропаганда.* С распространением образования и введением всеобщего избирательного права стало необходимым убеждать не только «просвещенную элиту», но и народные массы. Открытия в области социальной психологии позволяли это сделать. Исключительный успех методов американской рекламы, базирующихся на тех же принципах, убеждал в эффективности системы: современное государство перенесло их в сферу политики и приспособило к ней.

Однако пропаганда меняется в зависимости от политического режима. [...] В западных демократических государствах она, как правило, развита менее, чем в странах с авторитарной структурой: наличие оппозиции, старательно критикующей правительство, стесняет ее развитие;

достаточно развитое общественное мнение заставляет, с другой стороны, прибегать к тонкостям и предосторожностям. Глубокое различие существует и между пропагандой фашистских и пропагандой коммунистических режимов: основанная на всесторонне разработанном интеллектуально обеспеченном учении, коммунистическая пропаганда делает главную ставку на разум, понимание. Тем не менее сходство методов, используемых различными государствами во внешнеполитической пропаганде (признанной укрепить их международный авторитет), показывает глубокое единство технологий современной пропаганды.

[...] Как уже было сказано, феномен власти проявляется во всех человеческих сообществах. Каждое из них образует рамки, внутри которых осуществляется власть: в семье — власть отца, в профсоюзе — его лидера, в ассоциации — председателя, в коммуне — мэра, в Церкви — папы и т.д. Все эти группы не отделены друг от друга: напротив — соединены сложными зависимостями. Между ними существует определенная субординация, в соответствии с которой руководители одной группы имеют преимущества перед другими группами. Таким образом,

власть не распределена строго поровну и в неизменных объемах между разными социальными группами.

Печатается по: Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997. Т. II. С. 644—655.

Глава 8

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ

Ф.А. ФОНХАЙЕК

Дорога к рабству

[...] На протяжении двадцати пяти лет, пока призрак тоталитаризма не превратился в реальную угрозу, мы неуклонно удалялись от фундаментальных идей, на которых было построено здание европейской цивилизации. Путь развития, на который мы ступили с самыми радужными надеждами, привел нас прямо к ужасам тоталитаризма. И это было жестоким ударом для целого поколения, представители которого до сих пор отказываются усматривать связь между двумя этими фактами. Но такой результат только подтверждает правоту основоположников философии либерализма, последователями которых мы все еще склонны себя считать. Мы последовательно отказались от экономической свободы, без которой свобода личности и политическая в прошлом никогда не существовали. И хотя величайшие политические мыслители XIX в. — де Токвиль и лорд Эктон — совершенно недвусмысленно утверждали, что

социализм означает рабство, мы медленно, но верно продвигались в направлении к социализму. Теперь же, когда буквально у нас на глазах появились новые формы рабства, оказалось, что мы так прочно забыли эти предостережения, что не можем увидеть связи между этими двумя вещами.

Современные социалистические тенденции означают решительный разрыв не только с идеями, родившимися в недавнем прошлом, но и со всем процессом развития западной цивилизации. Это становится совершенно ясно, если рассматривать нынешнюю ситуацию в более масштабной исторической перспективе. Мы демонстрируем удивительную готовность расстаться не только со взглядами Кобдена и Брайта, Адама

Смита и Юма или даже Локка и Мильтона, но и с фундаментальными ценностями нашей цивилизации, восходящими к античности и христианству. Вместе с либерализмом XVIII—XIX вв. мы отмечаем принципы индивидуализма, унаследованные от Эразма Роттердамского и Монтеня, Цицерона и Тацита, Перикла и Фукидида. Нацистский лидер, назвавший национал-социалистскую революцию контрренессансом, быть может, и сам не подозревал, в какой степени он прав. Это был решительный шаг на пути разрушения цивилизации, создававшейся начиная с эпохи Возрождения и основанной прежде всего на принципах индивидуализма. Слово «индивидуализм» приобрело сегодня негативный оттенок и ассоциируется с эгоизмом и самовлюбленностью. Но, противопоставляя индивидуализм социализму и иным формам коллективизма, мы говорим совсем о другом качестве, смысл которого будет проясняться на протяжении всей этой книги. Пока же достаточно будет сказать, что индивидуализм, уходящий корнями в христианство и античную философию, впервые получил полное выражение в период Ренессанса и положил начало той целостности, которую мы называем теперь западной цивилизацией. Его основной чертой является уважение к личности как таковой, т.е. признание абсолютного суверенитета взглядов и наклонностей человека в сфере его жизнедеятельности, какой бы специфической она ни была, и убеждение в том, что каждый человек должен развивать присущие ему дарования. Я не хочу употреблять слово «свобода»

для обозначения ценностей, господствующих в эту эпоху: значение его сегодня слишком размыто от частого и не всегда уместного употребления. «Терпимость» — вот, может быть, самое точное слово. Оно вполне передает смысл идеалов и ценностей, находившихся в течение этих столетий в зените и лишь недавно начавших клониться к закату, чтобы совсем исчезнуть с появлением тоталитарного государства.

Постепенная трансформация жестко организованной иерархической системы — преобразование ее в систему, позволяющую людям по крайней мере пытаться самим выстраивать свою жизнь и дающую им возможность выбирать из многообразия различных форм жизнедеятельности те, которые соответствуют их склонностям, — такая трансформация тесно связана с развитием коммерции. Новое мировоззрение, зародившееся в торговых городах Северной Италии, распространялось затем по торговым путям на запад и на север, через Францию и Юго-Западную Германию в Нидерланды и на Британские острова, прочно укореняясь всюду, где не было политической деспотии, способной

его задушить. В Нидерландах и Британии оно расцвело пышным цветом и впервые смогло развиваться свободно в течение долгого времени, становясь постепенно краеугольным камнем общественной и политической жизни этих стран. Именно отсюда в конце XVII—XVIII вв. оно начало распространяться вновь, уже в более развитых формах, на запад и на восток, в Новый Свет и в Центральную Европу, где опустошительные войны и политический гнет не дали в свое время развиваться росткам этой новой идеологии.

На протяжении всего этого периода новой истории Европы генеральным направлением развития было освобождение индивида от разного рода норм и установлений, сковывающих его повседневную жизнедеятельность. И только когда этот процесс набрал достаточную силу, стало расти понимание того, что спонтанные и неконтролируемые усилия индивидов могут составить фундамент сложной системы экономической деятельности. Обоснование принципов экономической свободы следовало, таким образом, за развитием экономической деятельности, ставшей незапланированным и неожиданным побочным продуктом свободы политической. [...]

Сама природа принципов либерализма не позволяет превратить его в догматическую систему. Здесь нет однозначных, раз и навсегда установленных норм и правил. основополагающий принцип заключается в том, что, организуя ту или иную область жизнедеятельности, мы должны максимально опираться на спонтанные силы общества и как можно меньше прибегать к

принуждению. Принцип этот применим в бесчисленном множестве ситуаций. Одно дело, например, целенаправленно создавать системы, предусматривающие механизм конкуренции, и совсем другое — принимать социальные институты такими, какие они есть. Наверное, ничто так не навредило либерализму, как настойчивость некоторых его приверженцев, твердолобо защищавших какие-нибудь эмпирические правила, прежде всего «laissez faire». [...]

Либерал относится к обществу, как садовник, которому надо знать как можно больше о жизни растения, за которым он ухаживает. [...]

Итак, социализм вытеснил либерализм и стал доктриной, которой придерживаются сегодня большинство прогрессивных деятелей. Но это произошло не потому, что были забыты предостережения великих либеральных мыслителей о последствиях коллективизма, а потому, что людей удалось убедить, что последствия будут прямо противоположными. Парадокс заключается в том, что тот самый социализм, который всегда воспринимался как угроза свободе и открыто проявил себя в качестве

реакционной силы, направленной против либерализма Французской революции, завоевал всеобщее признание как раз под флагом свободы. Теперь редко вспоминают, что вначале социализм был откровенно авторитарным. Французские мыслители, заложившие основы современного социализма, ни минуты не сомневались, что их идеи можно воплотить только с помощью диктатуры. Социализм был для них попыткой «довести революцию до конца» путем сознательной реорганизации общества на иерархической основе и насильственного установления «духовной власти». Что же касается свободы, то основатели социализма высказывались о ней совершенно недвусмысленно. Корнем всех зол общества девятнадцатого столетия они считали свободу мысли. А предтеча нынешних адептов планирования Сен-Симон предсказывал, что с теми, кто не будет повиноваться указаниям предусмотренных его теорией плановых советов, станут обходиться как со скотом.

Лишь под влиянием мощных демократических течений, предшествовавших революции 1848 г., социализм начал искать союза со свободолюбивыми силами. Но обновленному «демократическому социализму» понадобилось еще долгое время, чтобы развеять подозрения, вызываемые его прошлым. А кроме того, демократия, будучи по своей сути индивидуалистическим институтом, находилась с социализмом в непримиримом противоречии. Лучше всех сумел разглядеть это де Токвиль. «Демократия расширяет сферу индивидуальной свободы, — говорил он в 1848 г., — социализм ее ограничивает.

Демократия утверждает высочайшую ценность каждого человека, социализм превращает человека в простое средство, в цифру.

Демократия и социализм не имеют между собой ничего общего, кроме одного слова: равенство. Но посмотрите, какая разница: если демократия стремится к равенству в свободе, то социализм — к равенству в рабстве и принуждении». [...]

Обещание свободы стало, несомненно, одним из сильнейших орудий социалистической пропаганды, посеявшей в людях уверенность, что социализм принесет освобождение. Тем более жестокой будет трагедия, если окажется, что обещанный нам Путь к Свободе есть в действительности Столбовая Дорога к Рабству. Именно обещание свободы не дает увидеть непримиримого противоречия между фундаментальными принципами социализма и либерализма. Именно оно заставляет все большее число либералов переходить на стезю социализма и нередко позволяет социалистам присваивать себе само название старой партии свободы. В результате большая часть интеллигенции приняла социализм, так как увидела в нем продолжение либеральной традиции. Сама

мысль о том, что социализм ведет к несвободе, кажется им поэтому абсурдной.

Однако в последние годы доводы о непредвиденных последствиях социализма, казалось бы, давно забытые, зазвучали вдруг с новой силой, причем с самых неожиданных сторон. Наблюдатели один за другим стали отмечать поразительное сходство условий, порождаемых фашизмом и коммунизмом. Факт этот вынуждены были признать даже те, кто первоначально исходил из прямо противоположных установок. И пока английские и иные «прогрессисты» продолжали убеждать себя в том, что коммунизм и фашизм — полярно противоположные явления, все больше людей стали задумываться, не растут ли эти новоявленные тирании из одного корня. Выводы, к которым пришел Макс Истмен, старый друг Ленина, ошеломили даже самих коммунистов. «Сталинизм, — пишет он, — не только не лучше, но хуже фашизма, ибо он гораздо более беспощаден, жесток, несправедлив, аморален, антидемократичен и не может быть оправдан ни надеждами, ни раскаянием». И далее: «Было бы правильно определить его как сверхфашизм». Но еще более широкое значение приобретают заключения Истмена, когда мы читаем, что «сталинизм — это и есть социализм в том смысле, что он представляет собой неизбежный, хотя и непредвиденный результат национализации и коллективизации, являющихся составными частями плана перехода к социалистическому обществу». [...]

Нет ничего удивительного в том, что в Германии до 1933 г., а в Италии до 1922 г. коммунисты и нацисты (соответственно —

фашисты) чаще вступали в столкновение друг с другом, чем с иными партиями. Они боролись за людей с определенным типом сознания и ненавидели друг друга так, как ненавидят еретиков. Но их дела показывали, насколько они были в действительности близки. Главным врагом, с которым они не могли иметь ничего общего и которого не наделялись переубедить, был для обеих партий человек старого типа, либерал. Если для коммуниста нацист, для нациста коммунист и для обоих социалист были потенциальными рекрутами, т.е. людьми неправильно ориентированным, но обладающими нужными качествами, то с человеком, который по-настоящему верит в свободу личности, ни у кого из них не могло быть никаких компромиссов. [...]

Для тех, кто наблюдал за эволюцией от социализма к фашизму с близкого расстояния, связь двух этих доктрин проявлялась со все большей отчетливостью. И только в демократических странах большинство людей по-прежнему считают, что можно соединить социализм и свободу.

Я не сомневаюсь, что наши социалисты все чаще исповедуют либеральные идеалы и готовы будут отказаться от своих взглядов, если увидят, что осуществление их программы равносильно потере свободы. Но проблема пока сознается очень поверхностно. Многие несовместимые идеалы каким-то образом легко сосуществуют в сознании, и мы до сих пор слышим, как всерьез обсуждаются заведомо бессмысленные понятия, такие, как «индивидуалистический социализм». Если в таком состоянии ума мы рассчитываем заняться строительством нового мира, то нет задачи более насущной, чем серьезное изучение того, как развивались события в других странах. И пускай наши выводы будут только подтверждением опасений, которые высказывались другими, все равно, чтобы убедиться, что такой ход событий является не случайным, надо всесторонне проанализировать попытки трансформации общественной жизни. Пока все связи между фактами не будут выявлены с предельной ясностью, никто не поверит, что демократический социализм — эта великая утопия последних поколений — не только недостижим, но что действия, направленные на его осуществление, приведут к результатам неожиданным и совершенно неприемлемым для его сегодняшних сторонников.

Прежде чем мы сможем двигаться дальше, надлежит прояснить одно недоразумение, которое в значительной степени повинно в том, что в нашем обществе происходят вещи, ни для кого не желательные. Недоразумение это касается самого понятия «социализм». Это слово нередко используют для обозначения

идеалов социальной справедливости, большего равенства, социальной защищенности, т.е. конечных целей социализма. Но социализм — это ведь еще и особые методы, с помощью которых большинство сторонников этой доктрины надеются этих целей достичь, причем, как считают многие компетентные люди, методы эффективные и незаменимые. Социализм в этом смысле означает упразднение частного предпринимательства и создание системы «плановой экономики», где вместо предпринимателя, работающего для достижения прибыли, будут созданы централизованные планирующие органы.

[...] Не следует также забывать, что социализм — самая влиятельная на сегодняшний день форма коллективизма или «планирования», под воздействием которой многие либерально настроенные люди вновь обратились к идее регламентации экономической жизни, отброшенной в свое время, ибо, если воспользоваться словами Адама Смита, она ставит правительство в положение, в котором, «чтобы удержаться, оно должно прибегать к произволу и угнетению».

[...] Популярность идеи «планирования» связана прежде всего с совершенно понятным стремлением решать наши общие проблемы по возможности рационально, чтобы удавалось предвидеть последствия наших действий. В этом смысле каждый, кто не является полным фаталистом, мыслит «планово». И всякое политическое действие — это акт планирования (по крайней мере должно быть таковым), хорошего или плохого, умного или неумного, прозорливого или недальновидного, но планирования. Экономист, который по долгу своей профессии призван изучать человеческую деятельность, неразрывно связанную с планированием, не может иметь ничего против этого понятия. Но дело заключается в том, что наши энтузиасты планового общества используют этот термин совсем в другом смысле. Они не ограничиваются утверждением, что, если мы хотим распределять доходы или блага в соответствии с определенными стандартами, мы должны прибегать к планированию. Как однажды создать рациональную систему, в рамках которой будут протекать различные процессы деятельности, направляемые индивидуальными планами ее участников. Такое либеральное планирование авторы подобных теорий вовсе не считают планированием, и, действительно, здесь нет никакого плана, который бы в точности предусматривал, кто и что получит. Но наши адепты планирования требуют централизованного управления всей экономической деятельностью, осуществляемой по такому единому плану, где однозначно расписано, как будут «сознательно» использоваться общественные ресурсы, чтобы определенные цели достигались определенным образом.

Этот спор между сторонниками планирования и их оппонентами не сводится, следовательно, ни к тому, должны ли мы разумно выбирать тип организации общества, ни к вопросу о необходимости применения прогнозирования дел. Речь идет только о том, как осуществлять все это наилучшим образом: должен ли субъект, наделенный огромной властью, заботиться о создании условий, мобилизующих знания и инициативу индивидов, которые сами осуществляют планирование своей деятельности, или же рациональное использование наших ресурсов невозможно без централизованной организации и управления всеми процессами деятельности в соответствии с некоторой сознательно сконструированной программой. Социалисты всех партий считают планированием только планирование второго типа, и это значение термина является сегодня доминирующим. Разумеется, это вовсе не означает, что такой способ рационального управления экономической жизнью является

единственным. Но в этом пункте сторонники планирования резко расходятся с либералами. [...]

Демократическое устройство требует, чтобы сознательный контроль осуществлялся только там, где достигнуто подлинное согласие, в остальном мы вынуждены полагаться на волю случая — такова плата за демократию. Но в обществе, построенном на центральном планировании, такой контроль нельзя поставить зависимость от того, найдется ли большинство, готовое за него проголосовать. В таком обществе меньшинство окажется самой многочисленной группой в обществе, способной достичь единодушия по каждому вопросу. Демократические правительства успешно функционировали там, где их деятельность ограничивалась в соответствии с господствующими убеждениями теми областями общественной жизни, в которых мнение большинства проявлялось в процессе свободной дискуссии. Великое достоинство либерального мировоззрения состоит в том, что оно свело весь ряд вопросов, требующих единодушного решения, к одному, по которому уже наверняка можно было достигнуть согласия в обществе свободных людей. Теперь часто слышишь, что демократия не терпит капитализма. Если «капитализм» значит существование системы свободной конкуренции, основанной на свободном владении частной собственностью, то следует хорошо уяснить, что именно и только внутри подобной системы и возможна демократия. Как только в обществе возобладают коллективистские настроения, демократии с неизбежностью придет конец. [...]

У нас не было намерения делать фетиш из демократии. Очень похоже на то, что наше поколение больше говорит и думает о демократии, чем о тех ценностях, которым она служит. К демократии неприменимо то, что лорд Эктон сказал о свободе: что она «не средство достижения высших политических целей. Она сама по себе высшая политическая цель. Она требуется не для хорошего управления государством, но в качестве гаранта, обеспечивающего нам право беспрепятственно стремиться к осуществлению высших идеалов общественной и частной жизни». Демократия по сути своей — средство, утилитарное приспособление для защиты социального мира и свободы личности. Как таковая она ни безупречна, ни надежна сама по себе. Не следует забывать и того, что часто в истории расцвет культурной и духовной свободы приходился на периоды авторитарного правления, а не демократии и что правление однородного, догматического большинства может сделать демократию более невыносимой, чем худшая из диктатур. Мы, однако, стремились доказать не то, что диктатура ведет к уничтожению свободы,

а то, что планирование приводит к диктатуре, поскольку диктатура — идеальный инструмент насилия и принудительной идеологизации и с необходимостью возникает там, где проводится широкомасштабное планирование. Конфликт между демократией и планированием возникает оттого, что демократия препятствует ограничению свободы и становится, таким образом, главным камнем преткновения на пути развития плановой экономики. Однако, если демократия откажется от своей роли гарантии личной свободы, она может спокойно существовать и при тоталитарных режимах. Подлинная диктатура пролетариата, демократическая по форме, осуществляя централизованное управление экономикой, подавляет и истребляет личные свободы и не менее эффективно, чем худшие автократии.

Обращать внимание на то, что демократия находится под угрозой, стало модно, и в этом таится некоторая опасность.

Отсюда происходит ошибочное и безосновательное убеждение, что, пока высшая власть в стране принадлежит воле большинства, это является верным средством от произвола.

Противоположное утверждение было бы не менее ошибочно: вовсе не источник власти, а ее ограничение является надежным средством от произвола. Демократический контроль может помешать власти стать диктатурой, но для этого следует потрудиться. Если же демократия решает свои задачи при помощи власти, не ограниченной твердо установленными правилами, она неизбежно вырождается в деспотию.

Когда правительство должно определить, сколько выращивать свиней или сколько автобусов должно ездить по дорогам страны,

какие угольные шахты целесообразно оставить действующими или почему продавать в магазинах ботинки, — все такие решения нельзя вывести из формальных правил или принять раз навсегда или на длительный период. Они неизбежно зависят от обстоятельств, меняющихся очень быстро. И, принимая такого рода решения, приходится все время иметь в виду сложный баланс интересов различных индивидов и групп. В конце концов кто-то находит основания, чтобы предпочесть одни интересы другим. Эти основания становятся частью законодательства. Так рождаются привилегии, возникает неравенство, навязанное правительственным аппаратом. [...]

Государство должно ограничиться разработкой общих правил, применимых в ситуациях определенного типа, предоставив индивидам свободу во всем, что связано с обстоятельствами места и времени, ибо только индивиды могут знать свои действия. А чтобы индивиды могли

сознательно строить планы, у них должна быть возможность предвидеть действия правительства, способные на эти планы влиять. Но коль скоро действия государства должны быть прогнозируемыми, они неизбежно должны определяться правилами, сформулированными безотносительно к каким-либо непредсказуемым обстоятельствам. Если же государство стремится направлять действия индивидов, предусматривая их конечные результаты, его деятельность должна строиться с учетом всех наличествующих в данный момент обстоятельств и, следовательно, является непредсказуемой. Этим объясняется известный факт, что, чем больше государство планирует, тем труднее становится планировать индивиду. [...]

Большинство сторонников планирования, серьезно изучивших практические аспекты своей задачи, не сомневаются, что управление экономической жизнью осуществимо только на пути более или менее жесткой диктатуры. Чтобы руководить сложной системой взаимосвязанных действий многих людей, нужна, с одной стороны, постоянная группа экспертов, а с другой — некий главнокомандующий, не связанный никакими демократическими процедурами и наделенный всей полнотой ответственности и властью принимать решения. [...]

Граждане тоталитарного государства совершают аморальные действия из преданности идеалу. И хотя идеал этот представляется нам отвратительным, тем не менее их действия являются вполне бескорыстными. Этого, однако, нельзя сказать о руководителях такого государства. Чтобы участвовать в управлении тоталитарной системой, недостаточно просто

принимать на веру благовидные объяснения неблагоприятных действий. Надо самому быть готовым преступать любые нравственные законы, если этого требуют высшие цели.

Поскольку цели устанавливает лишь верховный вождь, то всякий функционер, будучи инструментом в его руках, не может иметь нравственных убеждений. Главное, что от него требуется, — это безоговорочная личная преданность вождю, а вслед за этим полная беспринципность и готовность буквально на все.

Функционер не должен иметь собственных сокровенных идеалов или представлений о добре и зле, которые могли бы исказить намерения вождя. Но из этого следует, что высокие должности вряд ли привлекут людей, имеющих моральные убеждения, направлявшие в прошлом поступки европейцев. Ибо что будет наградой за все безнравственные действия, которые придется совершать, за неизбежный риск, за отказ от личной независимости и от многих радостей частной жизни, сопряженные с руководящим постом? Единственная жажда, которую

можно таким образом утолить, — это жажда власти как таковой. Можно упиваться тем, что тебе повинуются и что ты — часть огромной мощной машины, перед которой ничто не устоит. [...]

Печатается по: *Хайек Ф.А.* Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 10—11.

Х. АРЕНДТ

Начала тоталитаризма

Тоталитарные движения возможны везде, где имеются массы, по той или иной причине приобретшие вкус к политической организации. Массы держит вместе не сознание общих интересов, и у них нет той отчетливой классовой структурированности, которая выражается в определенных, ограниченных и достижимых целях. Термин «массы» применим только там, где мы имеем дело с людьми, которых в силу либо просто их количества, либо равнодушия, либо сочетания обоих факторов нельзя объединить ни в какую организацию, основанную на общем интересе, — в политические партии, или органы местного самоуправления, или различные профессиональные организации и тред-юнионы. Потенциально «массы» существуют в каждой стране, образуя большинство из тех огромных количеств нейтральных, политически равнодушных людей, которые никогда не присоединяются ни к какой партии и едва ли вообще ходят голосовать.

Для подъема нацистского движения в Германии и коммунистических движений в Европе после 1930 г.

показательно, что они набирали своих членов из этой массы явно безразличных людей, от которых отказывались все другие партии как от слишком вялых или слишком глупых и потому недостойных их внимания. В результате большинство движений состояло из людей, которые до того никогда не появлялись на политической сцене. Это позволило ввести в политическую пропаганду совершенно новые методы и безразличие к аргументам политических противников. Движения не только поставили себя вне и против партийной системы как целого, они нашли свой действенный состав, который никогда не был ни в чьих членах, никогда не был «испорчен» партийной системой. Поэтому они не нуждались в опровержении аргументации противников и последовательно предпочитали методы, которые кончались смертью, а не обращением в новую веру, сулили террор, а не переубеждение. Они неизменно изображали разногласия происходящими из глубинных

процессов, социальных или психологических источников, пребывающих вне возможностей индивидуального контроля и, следовательно, вне власти разума. Это было бы недостатком, только если б движения честно соревновались с другими партиями, но это не вредило движениям, поскольку они наверняка собирались работать с людьми, которые имели основание равно враждебно относиться ко всем партиям. Успех тоталитарных движений в массах означал конец двух иллюзий демократически управляемых стран вообще и европейских национальных государств и их партийной системы в частности. Первая уверяла, что народ в его большинстве принимал активное участие в управлении и что каждый индивид сочувствовал своей или какой-либо другой партии. Напротив, движения показали, что политически нейтральные и равнодушные массы легко могут стать большинством в демократически управляемых странах и, следовательно, что демократия может функционировать по правилам, активно признаваемым лишь меньшинством. Вторая демократическая иллюзия, взорванная тоталитарными движениями, заключалась в том, что эти политически равнодушные массы будто бы не имеют значения, что они истинно нейтральны и составляют не более чем бесформенное, отсталое, декоративное окружение для политической жизни нации. Теперь движения сделали очевидным то, что никогда не был способен показать никакой другой орган выражения общественного мнения, а именно, что демократическое правление в такой же мере держалось на

молчаливом одобрении и терпимости безразличных и бесформенных частей народа, как и на четко оформленных, дифференцированных, видных всем институтах и организациях данной страны. Поэтому, когда тоталитарные движения с их презрением к парламентарному правлению вторгались в парламент, он и они оказывались попросту несовместимыми: фактически им удавалось убедить чуть не весь народ, что парламентское большинство было поддельным, тем самым подрывая самоуважение и уверенность у правительств, которые тоже верили в правление большинства, а не в свои конституции. Часто указывают, что тоталитарные движения злонамеренно используют демократические свободы, дабы их уничтожить. Это не просто дьявольская хитрость со стороны вождей или детская глупость со стороны масс. Демократические свободы возможны, если они основаны на равенстве всех граждан перед законом. И все-таки эти свободы достигают своего полного значения и органического исполнения своей функции только там, где граждане представлены группами или образуют социальную и политическую иерархию. Крушение массовой системы,

единственной системы социальной и политической стратификации европейских национальных государств [...] способствовало большевистскому свержению демократического правительства Керенского. Условия в предгитлеровской Германии показательны для опасностей, кроющихся в развитии западной части мира, так как с окончанием Второй мировой войны та же драма крушения классовой системы повторилась почти во всех европейских странах. События же в России ясно указывают направление, какое могут принять неизбежные революционные изменения в Азии. Но в практическом смысле будет почти безразлично, примут ли тоталитарные движения образец нацизма или большевизма, организуют они массы во имя расы или класса, собираются следовать законам жизни и природы или диалектики и экономики.

Равнодушие к общественным делам, безучастность к политическим вопросам сами по себе еще не достаточная причина для подъема тоталитарных движений. Конкурентное и приобретательское буржуазное общество породило апатию и даже враждебность к общественной жизни не только и даже не в первую очередь в социальных слоях, которых эксплуатировали и отстраняли от активного участия в управлении страной, но прежде всего в собственном классе. За долгим периодом ложной скромности, когда по существу буржуазия была господствующим классом в обществе, не стремясь к политическому управлению, охотно предоставленному ею аристократии, последовала империалистическая эра, во время которой буржуазия все

враждебнее относилась к существующим национальным институтам и начала претендовать на политическую власть и организовываться для ее исполнения. И та ранняя апатия и позднейшие притязания на монопольное, диктаторское определение направления национальной внешней политики имели корни в образе и философии жизни, столь последовательно и исключительно сосредоточенной на успехе либо крахе индивида в безжалостной конкурентной гонке, что гражданские обязанности и ответственность могли ощущаться только как ненужная растрата его ограниченного времени и энергии. Эти буржуазные установки очень полезны для тех форм диктатуры, в которых «сильный человек» берет на себя бремя ответственности за ход общественных дел. Но они положительно помеха тоталитарным движениям, могущим терпеть буржуазный индивидуализм не более чем любой другой вид индивидуализма. [...]

Решающие различия между организациями типа толпы в XIX в. и массовыми движениями XX в. трудно уловить, потому что современные тоталитарные вожди немногим отличаются по своей психологии и складу

ума от прежних вожаков толпы, чьи моральные нормы и политические приемы так походили на нормы и приемы буржуазии. Но если индивидуализм характеризовал и буржуазную и типичную для толпы жизненную установку, тоталитарные движения могли-таки с полным правом притязать на то, что они были первыми истинно антибуржуазными партиями. □...]

Отношение между классовым обществом под господством буржуазии и массами, которые возникли из его крушения, не то же самое, что отношение между буржуазией и толпой, которая была побочным продуктом капиталистического производства. Массы делят с толпой только одну общую характеристику: оба явления находятся вне всех социальных сетей и нормального политического представительства. Но массы не наследуют (как делает толпа хотя бы в извращенной форме) нормы и жизненные установки господствующего класса, а отражают и так или иначе коверкают нормы и установки всех классов по отношению к общественным делам и событиям. Жизненные стандарты массового человека обусловлены не только и даже не столько определенным классом, к которому он однажды принадлежал, но скорее уж всепроникающими влияниями и убеждениями, которые молчаливо и скопом разделяются всеми классами общества в одинаковой мере.

Классовая принадлежность, хотя и более свободная и отнюдь не такая предопределенная социальным происхождением, как в разных группах и сословиях феодального общества, обычно

устанавливалась по рождению, и только необычайная одаренность или удача могли изменить ее. Социальный статус был решающим для участия индивида в политике, и, за исключением случаев чрезвычайных для нации обстоятельств, когда предполагалось, что он действует только как национал, безотносительно к своей классовой или партийной принадлежности, рядовой индивид никогда напрямую не сталкивался с общественными делами и не чувствовал себя прямо ответственным за их ход. Повышение значения класса в обществе всегда сопровождалось воспитанием и подготовкой известного числа его членов к политике как профессии, работе, к платной (или, если они могли позволить себе это, бесплатной) службе правительству и представительству класса в парламенте. То, что большинство народа оставалось вне всякой партийной или иной политической организации, не интересовало никого, и один конкретный класс не больше, чем другой. Иными словами, включенность в некоторый класс, в его ограниченные групповые обязательства и традиционные установки по отношению к правительству мешала росту числа

граждан, чувствующих себя индивидуально и лично ответственными за управление страной. Этот аполитичный характер населения национальных государств выявился только тогда, когда классовая система рухнула и унесла с собой всю ткань из видимых и невидимых нитей, которые связывали людей с политическим организмом, с государством.

Крушение классовой системы автоматически означало крах партийной системы, главным образом потому, что эти партии, организованные для защиты определенных интересов, не могли больше представлять классовые интересы. Продолжение их жизни было в какой-то мере важным для тех членов прежних классов, кто надеялся вопреки всему восстановить свой старый социальный статус и кто держался вместе больше не потому, что у них были общие интересы, но потому, что они надеялись возобновить их. Как следствие, партии делались все более и более психологичными и идеологичными в своей пропаганде, с более апологетическими и ностальгическими в своих политических подходах. Вдобавок они теряли, не сознавая этого, тех пассивных сторонников, которые никогда не интересовались политикой, ибо чуяли, что нет партий, пекущихся об их интересах. Так что первым признаком крушения европейской континентальной партийной системы было не дезертирство старых членов партии, а неспособность набирать членов из более молодого поколения и потеря молчаливого согласия и поддержки неорганизованных масс, которые внезапно стряхнули свою апатию и потянулись туда, где увидели возможность громко заявить о своем новом ожесточенном противостоянии системе.

Падение охранительных стен между классами превратило сонные большинства, стоящие за всеми партиями, в одну громадную неорганизованную, бесструктурную массу озлобленных индивидов, не имевших ничего общего, кроме смутного опасения, что надежды партийных деятелей обречены, что, следовательно, наиболее уважаемые, видные и представительные члены общества — болваны, и все власти, какие ни есть, не столько злонамеренные, сколько одинаково глупые и мошеннические. Для зарождения этой новой, ужасающей, отрицательной солидарности не имело большого значения, что безработный ненавидел статус-кво и власти в формах, предлагаемых социал-демократической партией, экспроприированный мелкий собственник — в формах центристской или правоуклонистской партии, а прежние члены среднего и высшего классов — в форме традиционной крайне правой. Численность этой массы всем недовольных и отчаявшихся людей резко подскочила в Германии и Австрии после Первой мировой войны, когда инфляция и

безработица добавили свое к разрушительным последствиям военного поражения. Они составляли очень значительную долю населения во всех государствах — преемниках Австро-Венгрии, и они же поддерживали крайние движения во Франции и Италии после Второй мировой войны.

В этой атмосфере крушения классового общества развивалась психология европейских масс. Тот факт, что с монотонным и абстрактным единообразием одинаковая судьба постигала массу людей, не отвратил их от привычки судить о себе в категориях личного неуспеха или о мире с позиций обиды на особенную, личную несправедливость этой судьбы. Такая самососредоточенная горечь хотя и повторялась снова и снова в одиночестве и изоляции, не становилась, однако, объединяющей силой (несмотря на ее тяготение к стиранию индивидуальных различий), потому что она не опиралась на общий интерес, будь то экономический, или социальный, или политический. Поэтому самососредоточенность шла рука об руку с решительным ослаблением инстинкта самосохранения. Самоотречение в том смысле, что любой ничего не значит, ощущение себя преходящей вещью больше были не выражением индивидуального идеализма, но массовым явлением. Старая присказка, будто бедным и угнетенным нечего терять, кроме своих цепей, неприменима к людям массы, ибо они теряли намного больше цепей нищеты, когда теряли интерес к собственному бытию: исчезал источник всех тревог и забот, которые делают человеческую жизнь беспокойной и страдательной. В сравнении с этим их

нематериализмом христианский монах выглядит человеком, погруженным в мирские дела. [...]

Выдающиеся европейские ученые и государственные деятели с первых лет XIX в. и позже предсказывали приход массового человека и эпохи масс. Вся литература по массовому поведению и массовой психологии доказывала и популяризировала мудрость, хорошо знакомую древним, о близости между демократией и диктатурой, между правлением толпы и тиранией. Эти авторы подготовили определенные политически сознательные и сверхчуткие круги западного образованного мира к появлению демагогов, к массовому легковерию, суеверию и жестокости. И все же, хотя эти предсказания в известном смысле исполнились, они много потеряли в своей значимости ввиду таких неожиданных и непредсказуемых явлений, как радикальное забвение личного интереса, циничное или скучливое равнодушие перед лицом смерти или иных личных катастроф, страстная привязанность к наиболее отвле-

ченным понятиям как путеводителям по жизни и общее презрение даже к самым очевидным правилам здравого смысла. Вопреки предсказаниям массы не были результатом растущего равенства условий для всех, распространения всеобщего образования и неизбежного понижения стандартов и популяризации содержания культуры. (Америка, классическая страна равных условий и всеобщего образования со всеми его недостатками, видимо, знает о современной психологии масс меньше, чем любая другая страна в мире.) Скоро открылось, что высококультурные люди особенно увлекаются массовыми движениями и что вообще в высшей степени развитой индивидуализм и утонченность не предотвращают, а в действительности иногда поощряют саморастворение в массе, для чего массовые движения создавали все возможности. Поскольку очевидный факт, что индивидуализация и усвоение культуры не предупреждают формирования массовидных установок, оказался весьма неожиданным, его часто списывали на болезненность или нигилизм современной интеллигенции, на предполагаемую типичную ненависть интеллекта к самому себе, на дух «враждебности к жизни» и непримиримое противоречие со здоровой витальностью. И все-таки сильно оклеветанные интеллектуалы были только наиболее показательным примером и наиболее яркими выразителями гораздо более общего явления. Социальная атомизация и крайняя индивидуализация предшествовала массовым движениям, которые гораздо легче и раньше социотворческих, неиндивидуалистических членов из

традиционных партий, привлекали совершенно неорганизованных людей, типичных «неприсоединившихся», кто по индивидуалистическим соображениям всегда отказывался признавать общественные связи или обязательства.

Истина в том, что массы выросли из осколков чрезвычайно атоми-зированной общества, конкурентная структура которого и сопутствующее ей одиночество индивида сдерживались лишь его включенностью в класс. Главная черта человека массы не жестокость и отсталость, а его изоляция и нехватка нормальных социальных взаимоотношений. При переходе от классово разделенного общества национального государства, где трещины заделывались националистическими чувствами, было только естественным, что эти массы в первой растерянности своего нового опыта тяготели к особенно неистовому национализму, которому вожди масс поддались из чисто демагогических соображений, вопреки собственным инстинктам и целям.

Ни племенной национализм, ни мятежный нигилизм не характерны или идеологически не свойственны массам так, как они были присущи толпе. Но наиболее даровитые вожди масс в наше время вырастали еще из толпы, а не из масс. В этом отношении биография Гитлера читается как учебный пример, и о Сталине известно, что он вышел из заговорщического аппарата партии большевиков с его специфической смесью отверженных и революционеров. На ранней стадии гитлеровская партия, почти исключительно состоявшая из неприспособленных, неудачников и авантюристов, в самом деле представляла собой «вооруженную богему», которая была лишь оборотной стороной буржуазного общества и которую, следовательно, немецкая буржуазия должна бы уметь успешно использовать для своих целей. Фактически же буржуазия была так же сильно обманута нацистами, как группа Рема — Шлейхера в рейхсвере, которая тоже думала, что Гитлер, используемый ими в качестве осведомителя, или штурмовые отряды, используемые для военной пропаганды и полувоенной подготовки населения, будут действовать как их агенты и помогут в установлении военной диктатуры. И те и другие воспринимали нацистское движение в своих понятиях, в понятиях политической философии толпы, и просмотрели независимую, самопроизвольную поддержку, оказанную новым вожакам толпы массами, а также прирожденные таланты этих вождей к созданию новых форм организации. [...]

Что тоталитарные движения зависели от простой бесструктурности массового общества меньше, чем от особых

условий атомизированного и индивидуализированного состояния массы, лучше всего увидеть в сравнении нацизма и большевизма, которые начинали в своих странах при очень разных обстоятельствах. Чтобы превратить революционную диктатуру Ленина в полностью тоталитарное правление, Сталину сперва надо было искусственно создать то атомизированное общество, которое для нацистов в Германии приготовили исторические события.

Октябрьская революция удивительно легко победила в стране, где деспотическая и централизованная бюрократия управляла бесструктурной массой населения, которое не организовывали ни остатки деревенских феодальных порядков, ни слабые, только нарождающиеся городские капиталистические классы. Когда Ленин говорил, что нигде в мире не было бы так легко завоевать власть и так трудно удержать ее, как в России, он думал не только о слабости рабочего класса, но и об обстановке всеобщей социальной анархии, которая благоприятствовала внезапным изменениям. Не обладая инстинктами вождя масс (он не

был выдающимся оратором и имел страсть публично признавать и анализировать собственные ошибки вопреки правилам даже обычной демагогии), Ленин хватался сразу за все возможные виды дифференциации — социальную, национальную, профессиональную, дабы внести какую-то структуру в аморфное население, и, видимо, он был убежден, что в таком организованном расслоении кроется спасение революции. Он узаконил анархическое ограбление помещиков деревенскими массами и тем самым создал в первый и, вероятно, в последний раз в России тот освобожденный крестьянский класс, который со времен Французской революции был самой твердой опорой западных национальных государств. Он попытался усилить рабочий класс, поощряя независимые профсоюзы. Он терпел появление робких ростков среднего класса в результате курса нэпа после окончания гражданской войны. Он вводил новые отличительные факторы, организуя, а иногда изобретая как можно больше национальностей, развивая национальное самосознание и понимание исторических и культурных различий даже среди наиболее первобытных племен в Советском Союзе. Кажется ясным, что в этих чисто практических политических делах Ленин следовал интуиции большого государственного деятеля, а не своим марксистским убеждениям. Во всяком случае его политика показывала, что он больше боялся отсутствия социальной или иной структуры, чем возможного роста центробежных тенденций среди новоосвобожденных национальностей или даже роста новой буржуазии из вновь становящихся на ноги среднего и крестьянского классов. Нет

сомнения, что Ленин потерпел свое величайшее поражение, когда с началом Гражданской войны верховная власть, которую он первоначально планировал сосредоточить в Советах, явно перешла в руки партийной бюрократии. Но даже такое развитие событий, трагичное для хода революции, необязательно вело к тоталитаризму. Однопартийная диктатура добавляла лишь еще один класс к уже развивающемуся социальному расслоению (стратификации) страны — бюрократию, которая, согласно социалистическим критикам революции, «владела государством как частной собственностью» (Маркс). На момент смерти Ленина дороги были еще открыты. Формирование рабочего, крестьянского и среднего классов вовсе не обязательно должно было привести к классовой борьбе, характерной для европейского капитализма. Сельское хозяйство еще можно было развивать и на коллективной, кооперативной или частной основе, а вся национальная экономика пока сохраняла свободу следовать социалистическому, государственно-капиталистическому или вольнопредпринимательскому

образцу хозяйствования. Ни одна из этих альтернатив не разрушила бы автоматически новорожденную структуру страны. Но все эти новые классы и национальности стояли на пути Сталина, когда он начал готовить страну для тоталитарного управления. Чтобы сфабриковать атомизированную и бесструктурную массу, сперва он должен был уничтожить остатки власти Советов, которые, как главные органы народного представительства, еще играли определенную роль и предохраняли от абсолютного правления партийной иерархии. Поэтому он подорвал народные Советы, усиливая в них большевистские ячейки, из которых исключительно стали назначаться высшие функционеры в центральные комитеты и органы. К 1930 г. последние следы прежних общественных институтов исчезли и были заменены жестко централизованной партийной бюрократией, чьи русификаторские наклонности не слишком отличались от устремлений царского режима, за исключением того, что новые бюрократы больше не боялись всеобщей грамотности.

Затем большевистское правительство приступило к ликвидации классов, начав, по идеологическим и пропагандистским соображениям, с классов, владеющих какой-то собственностью, — новой среднею класса в городах и крестьян в деревнях. Из-за сочетания факторов численности и собственности крестьяне вплоть до того момента потенциально были самым мощным классом в Союзе, поэтому их ликвидация была более глубокой и жестокой, чем любой другой группы населения, и осуществлялась с помощью искусственного голода и депортации

под предлогом экспроприации кулаков и коллективизации. Ликвидация среднего и крестьянского классов совершилась в начале 30-х гг. Те, кто не попал в миллионы мертвых или миллионы сосланных работников-рабов, поняли, «кто здесь хозяин», что их жизнь и жизнь их родных зависит не от их сограждан, но исключительно от прихотей правительства, которые они встречали в полном одиночестве, без всякой помощи откуда-либо, от любой группы, к какой им выпало принадлежать. Точный момент, когда коллективизация создала новое крестьянство, скрепленное общими интересами, которое благодаря своей численности и ключевому положению в хозяйстве страны опять стало представлять потенциальную опасность тоталитарному правлению, не поддается определению ни по статистике, ни по документальным источникам. Но для тех, кто умеет читать тоталитарные «источники и материалы», этот момент наступит за два года до смерти Сталина, когда он предложил

распустить колхозы и преобразовать их в более крупные производственные единицы. Он не дожидился осуществления этого плана. [...]

Следующий класс, который надо было ликвидировать как самостоятельную группу, составляли рабочие. В качестве класса они были гораздо слабее и обещали куда меньшее сопротивление, чем крестьянство, потому что стихийная экспроприация ими фабрикантов и заводчиков во время революции в отличие от крестьянской экспроприации помещиков сразу была сведена на нет правительством, которое конфисковало фабрики в собственность государства под предлогом, что в любом случае государство принадлежит пролетариату.

Стахановская система, одобренная в начале 30-х гг., разрушила остатки солидарности и классового сознания среди рабочих, во-первых, разжиганием жестокого соревнования и, во-вторых, временным образованием стахановской аристократии, социальная дистанция которой от обыкновенного рабочего естественно воспринималась более остро, чем расстояние между рабочими и управляющими. Этот процесс завершился введением в 1938 г. трудовых книжек, которые официально превратили весь российский рабочий класс в одну гигантскую рабочую силу для принудительного труда.

Вершиной этих мероприятий стала ликвидация той бюрократии, которая помогала проводить предыдущие ликвидации. У Сталина ушло два года (с 1936 по 1938 г.), чтобы избавиться от всей прежней административной и военной аристократии советского общества. [...]

Если ликвидация классов не имела политического смысла, она была положительно губительной для советского хозяйства. Последствия искусственно организованного голода в 1933 г. годами чувствовались по всей стране. Насаждение с 1935 г. стахановского движения с его произвольным ускорением отдельных результатов и полным пренебрежением к необходимости согласованной коллективной работы в системе промышленного производства вылилось в «хаотическую несбалансированность» молодой индустрии. Ликвидация бюрократии, прежде всего слоя заводских управляющих и инженеров, окончательно лишит промышленные предприятия и того малого опыта и знания технологий, которые успела приобрести новая русская техническая интеллигенция. Равенство своих подданных перед лицом власти было одной из главных забот всех деспотий и тираний с древнейших времен, и все же такое уравнивание недостаточно для тоталитарного правления, ибо оно оставляет более или менее нетронутыми определенные неполитические общественные связи между этими подданными, такие, как семейные

узы и общие культурные интересы. Если тоталитаризм воспринимает свою цель всерьез, он должен дойти до такой точки, где захочет «раз и навсегда покончить с нейтральностью даже шахматной игры», т.е. с независимым существованием какой бы то ни было деятельности, развивающейся по своим законам. Любители «шахмат ради шахмат», кстати, сравниваемые их ликвидаторами с любителями «искусства для искусства», представляют собой еще не абсолютно атомизированные элементы в массовом обществе, совершенно разрозненное единообразие которого есть одно из первостепенных условий для торжества тоталитаризма. С точки зрения тоталитарных правителей, общество любителей «шахмат ради самих шахмат» лишь степенью отличается и является менее опасным, чем класс сельских хозяев-фермеров ради самостоятельного хозяйствования на земле. Гиммлер очень метко определил члена СС как новый тип человека, который никогда и ни при каких обстоятельствах не будет заниматься «делом ради него самого». Массовая атомизация в советском обществе была достигнута умелым применением периодических чисток, которые неизменно предваряют практические групповые ликвидации. Дабы разрушить все социальные и семейные связи, чистки проводятся таким образом, чтобы угрожать одинаковой судьбой обвиняемому и всем находящимся с ним в самых обычных отношениях □ от простых знакомств до ближайших друзей и родственников. [...]

Тоталитарные движения — это массовые организации атомизированных, изолированных индивидов. В сравнении со

всеми другими партиями и движениями их наиболее выпуклая внешняя черта есть требование тотальной, неограниченной, безусловной и неизменной преданности от своих индивидуальных членов. Такое требование вожди тоталитарных движений выдвигают даже еще до захвата ими власти. Оно обыкновенно предшествует тотальной организации страны под их всамделишным правлением и вытекает из притязания их идеологий на то, что новая организация охватит в должное время весь род человеческий. Однако там, где тоталитарное правление не было подготовлено тоталитарным движением (а это, в отличие от нацистской Германии, как раз случай России), движение должно быть организовано после начала правления, и условия для его роста надо было создать искусственно, чтобы сделать тотальную верность и преданность — психологическую основу для тотального господства — совершенно возможной. Такой преданности можно ждать лишь от полностью изолированной человеческой особи, которая при отсутствии всяких других социальных при-

вязанностей — к семье, друзьям, сослуживцам или даже к просто знакомым — черпает чувство прочности своего места в мире единственно из своей принадлежности к движению, из своего членства в партии.

Тотальная преданность возможна только тогда, когда идейная верность пуста, лишена всякого конкретного содержания, из которого могли бы естественно возникнуть перемены в умонастроении. Тоталитарные движения, каждое своим путем, сделали все возможное, чтобы избавиться от партийных программ с точно определенным, конкретным содержанием, программ, унаследованных от более ранних, еще нетоталитарных стадий развития. Независимо от радикальных фраз каждая определенная политическая цель, которая не просто предъявляет или ограничивается заявкой на мировое руководство, каждая политическая программа, которая ставит задачи более определенные, чем «идеологические вопросы исторической важности на века», становится помехой тоталитаризму.

Величайшим достижением Гитлера в организации . нацистского движения, которое он постепенно выстроил из темного, полупомешанного состава типично националистической мелкой партии, было то, что он избавил движение от обузы прежней партийной программы, официально не изменяя и не отменяя ее, но просто отказываясь говорить о ней или обсуждать ее положения, очень скоро устаревшие по относительной скромности своего содержания и фразеологии. Задача Сталина в этом, как и в других отношениях, выглядела гораздо более

трудной. Социалистическая программа большевистской партии была куда более весомым грузом, чем 25 пунктов любителя-экономиста и помешанного политика. Но Сталин в конце концов, после уничтожения фракций в партии, добился того же результата благодаря постоянным зигзагам генеральной линии Коммунистической партии и постоянным перетолкованиям и новоприменениям марксизма, выхолостившим из этого учения всякое содержание, потому что дальше стало невозможно предвидеть, на какой курс или действие оно вдохновит вождей. Тот факт, что высшая доктринальная образованность и наилучшее знание марксизма-ленинизма не давали никаких указаний для политического поведения, что, напротив, можно было следовать «правильной» партийной линии, если только повторять сказанное Сталиным вчера вечером, естественно приводил к тому же состоянию умов, к тому же сосредоточенному исполнительному повиновению, не нарушаемому ни малейшей попыткой понять, а что же я делаю. Откровенный до наивности гиммлеровский девиз для эсэсовцев выразил это так: «Моя честь — это моя верность».

Отсутствие или игнорирование партийной программы само по себе не обязательно является знаком тоталитаризма. Первым в трактовке программ и платформ как бесполезных клочков бумаги и стеснительных обещаний, несовместимых со стилем и порывом движения, был Муссолини с его фашистской философией активизма и вдохновения самим неповторимым историческим моментом. Простая жажда власти, соединенная с презрением к «болтовне», к ясному словесному выражению того, что именно намерены они делать с этой властью, характеризует всех вожakov толпы, но не дотягивает до стандартов тоталитаризма. Истинная цель фашизма (итальянского) сводилась только к захвату власти и установлению в стране прочного правления фашистской «элиты». Тоталитаризм же никогда не довольствуется правлением с помощью внешних средств, а именно государства и машины насилия. Благодаря своей необыкновенной идеологии и роли, назначенной ей в этом аппарате принуждения, тоталитаризм открыл способ господства над людьми и устрашения их изнутри. В этом смысле он уничтожает расстояние между управляющими и управляемыми и достигает состояния, в котором власть и воля к власти, как мы их понимаем, не играют никакой роли или в лучшем случае второстепенную роль. По сути тоталитарный вождь есть ни больше ни меньше как чиновник от масс, которые он ведет; он вовсе не снедаемая жаждой власти личность, во что бы то ни стало навязывающая свою тираническую и произвольную волю подчиненным. Будучи в сущности обыкновенным функционером,

он может быть заменен в любое время, и он точно так же сильно зависит от «воли» масс, которую его персона воплощает, как массы зависят от него. Без него массам не хватало бы внешнего, наглядного представления и выражения себя, и они оставались бы бесформенной, рыхлой ордой. Вождь без масс — ничто, фикция. Гитлер полностью признавал эту взаимозависимость и выразил ее однажды в речи, обращенной к штурмовым отрядам: «Все, что вы есть, вы есть со мною. Все, что я емь, я емь только с вами». [...]

Ни национал-социализм, ни большевизм никогда не провозглашали новой формы правления и не утверждали, будто с захватом власти и контролем над государственной машиной их цели достигнуты. Их идея господства была чем-то таким, чего ни государство, ни обычный аппарат насилия никогда не могут добиться, но может только движение, поддерживаемое в непрерывном движении, и именно поддержание постоянного господства над каждым отдельным индивидуумом во всех до одной областях жизни. Насильственный захват власти не цель в себе,

но лишь средство для цели, и захват власти в любой данной стране — это только благоприятная переходная стадия, но никогда не конечная цель движения. Практическая цель движения — втянуть в свою орбиту и организовать как можно больше людей и не давать им успокоиться. Политической цели, что стала бы конечной целью движения, просто не существует. Печатается по: *Арендт Х.* Массы и тоталитаризм // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 2. С. 24—31.

П.И. НОВГОРОДЦЕВ

Демократия на распутье

Со времен **Токвиля...** в политической литературе неоднократно высказывалась мысль, что развитие государственных форм с неизменной и неотвратимой закономерностью приводит к демократии. [...]

С тех пор как в целом ряде стран демократия стала практической действительностью, она сделалась и в то же время предметом ожесточенной критики. И если прежде самым характерным обобщением политической науки была мысль о грядущем торжестве демократии, теперь таким обобщением надо признать утверждение о неясности ее будущего. Пока демократии ждали, о ней говорили, что она непременно наступит, когда же она наступила, о ней говорят, что она может и исчезнуть. Прежде ее нередко считали высшей и конечной формой, обеспечивающей прочное и благополучное существование; теперь ясно ощущают, что, отнюдь не создавая твердого равновесия жизни, она более чем какая-либо другая форма возбуждает дух исканий. В странах, испытавших эту форму на практике, она давно уже перестала

быть предметом страха; но она перестала быть здесь и предметом поклонения. Те, кто ее опровергает, видят, что в ней все же можно жить и действовать; те, кто ее ценит, знают, что как всякое земное установление она имеет слишком много недостатков для того, чтобы ее можно было безмерно превозносить.

В сущности только теперь новая политическая мысль достигает настоящего понимания существа демократии. Но, достигая его, она видит, что демократический строй привел не к ясному и прямому пути, а к распутью, что вместо того, чтобы быть разрешением задачи, демократия сама оказалась задачей. Более спокойные наблюдатели полагают, что

прямой путь все же не утерян; более пылкие говорят, что выхода нет, что наступил трагический час.

Таковы мысли и впечатления современного политического сознания, которые я хочу здесь разъяснить. Но прежде всего мне надо установить, что мы будем разумеать под демократией и о какой демократии мы будем говорить. Сделать это тем более необходимо, что это понятие принадлежит к числу наиболее многочисленных и неясных понятий современной политической теории. □...] Любой представитель социализма, отделяющий себя от коммунистической партии, скажет сейчас, что диктатура пролетариата, осуществленная в России, есть полное отрицание демократических начал. Между тем сами представители русского коммунизма с такой же уверенностью заявляют, что они-то как раз и осуществляют в жизни настоящую реальную демократию, тогда как их противники стоят на точке зрения формальной и призрачной демократии. Такого же рода взаимные упреки слышатся и нередко в других случаях, причем в этих спорах в понятие демократии большей частью вкладывается совершенно различное содержание.

Итак, что же такое демократия? Когда древние писатели, и притом самые великие из них — **Платон** и **Аристотель**, отвечали на этот вопрос, они имели в виду прежде всего демократию как форму правления. Они различали формы правления в зависимости от того, правил ли один, немногие или весь народ, и устанавливали три основные формы — монархию, аристократию и демократию. Но и **Платон** и **Аристотель** каждую форму правления связывали с известной *формой общественной жизни*,

с некоторыми более глубокими условиями общественного развития. Оба они имели пред собой богатый опыт развития и смены политических форм, и оба видели, что если есть в государстве какая-то внутренняя сила, которою оно держится, несмотря на всяческие бедствия, то формы его меняются. [...] В согласии с **Руссо** наиболее прочным он считает демократический строй у народов, живущих жизнью простой и близкой к природе. Другие виды демократии кажутся ему более подверженными изменениям, причем самым худшим видом он считает тот, в котором под видом господства народа правит кучка демагогов, в котором нет твердых законов, а есть постоянно меняющиеся предписания, в котором судебные места превращаются в издевательство над правосудием.

Новая политическая мысль внесла значительные осложнения в простоту греческих определений. Древний мир знал только непосредственную демократию, в которой народ сам правит государством через общее

народное собрание. Понятие демократии совпало здесь с понятием демократической *формы, правления*, с понятием непосредственного народоправства. Из новых писателей это греческое словоупотребление воспроизводит Руссо: и для него демократия есть форма правления, в которой народ непосредственно не только законодательствует, но и управляет. Но, с другой стороны, именно **Руссо** дал основание теоретическое для того более широкого понимания демократии, которое утвердилось в XIX и XX столетиях. Поскольку он допускал, что с верховенством народа совместимы различные формы правительственной власти — и демократическая, и аристократическая, и монархическая, — он открыл теоретическую возможность для нового понимания демократии *как формы государства*, в котором верховная власть принадлежит народу, а формы правления могут быть разные. Сам **Руссо** считал демократию возможной только в виде непосредственного народоправства, соединяющего законодательство с исполнением. Те формы государства, в которых народ оставляет за собой только верховную законодательную власть, а исполнение передает монарху или коллегии немногих, он признавал законными с точки зрения народного суверенитета, но не называл их демократическими. При этом он вообще и ни в каких правовых формах не допускал представительства. В отличие от Руссо позднейшая теория распространила понятие демократии на все формы государства, в котором народу принадлежит верховенство в установлении власти и контроль над нею. При этом допускается, что свою

верховную власть, свою «общую волю», чтобы употребить термин **Руссо**, народ может проявлять как непосредственно, так и через представителей. В соответствии с этим демократия определяется прежде всего как форма государства, в которой верховенство принадлежит общей воле народа. [...]

В этом смысле новая теория пришла к гораздо более сложному представлению о демократии, чем то, которое встречается в древности. Но в другом отношении она не только подтвердила, но и закрепила греческое понимание существа демократии.

Выдвинув в качестве общего идеала государственного развития идеал правового государства, новая теория рассматривает и демократию как одну из форм правового государства. А так как с идеей правового государства, как она развивается в Новое время, неразрывно соединяется представление не только об основах власти, но и о правах граждан, о правах свободы, то издревле идущее определение демократии как формы свободной жизни связывается здесь органически с самым существом демократии как формы правового государства.

С этой точки зрения демократия означает возможно полную свободу личности, свободу ее исканий, свободу состязания мнений и систем. [...]

[...] Немецкий ученый **Кельзен** нашел для этой системы отношений удачное новое обозначение, назвав ее *системой политического релятивизма*. Это значит вот что: если система политического абсолютизма представляет неограниченное господство какого-либо одного политического порядка, а иногда и какой-либо одной совокупности верований и воззрений, с принципиальным отрицанием и запрещением всех прочих, то система политического релятивизма не знает в общественной жизни никакого абсолютного порядка и никаких абсолютных верований и воззрений. Все политические мнения и направления для нее относительны, каждое имеет право на внимание и уважение. Релятивизм есть то мировоззрение, которое предполагается демократической идеей. Поэтому она и открывает для каждого убеждения возможность проявлять себя и в свободном состязании с другими убеждениями утверждать свое значение... Демократическая идея требует свободы для всех и без всяких исключений и с теми лишь ограничениями, которые вытекают из условий общения.

Современные теоретики демократии называют ее также свободным правлением, *free government*. Это показывает, в какой мере понятие свободы неразрывно сочетается с представлением о демократической форме государства и как бы исчерпывает это понятие. Однако мы упустили бы один из самых существенных

признаков демократической идеи, если бы не упомянули о
свойственном демократии стремлении к равенству. □...]

С точки зрения моральной и политической между равенством и свободой существует наибольшее соотношение. Мы требуем для человека свободы во имя безусловного значения человеческой личности, и, так как в *каждом* человеке мы должны признать нравственную сущность, мы требуем в отношении ко всем людям равенства. Демократия ставит своей целью осуществить не только свободу, но и равенство; и в этом стремлении ко всеобщему уравниванию не менее проявляется сущность демократической идеи, чем в стремлении ко всеобщему освобождению. Идея общей воли народа как основы государства в демократической теории неразрывно связывается с этими началами равенства и свободы и не может быть от них отделена. Участие всего народа, во всей совокупности его элементов, в образовании всеобщей воли вытекает столько же из идеи равенства, сколько из идеи свободы.

Я исчерпал основные определения демократии, поскольку они необходимы мне для дальнейшего изложения. Я хочу пояснить теперь эти определения со стороны отрицательной, показав, чем не может быть демократия, сколько бы она на это ни притязала. [...]

Современная политическая теория откидывает эти взгляды как наивные и поверхностные и противопоставляет им целый ряд наблюдений и выводов, снимающих с демократии ореол чудесного, сверхъестественного и вводящих ее в ряд естественных политических явлений, в ряд других политических форм. И прежде всего эта теория указывает на чрезвычайную трудность осуществления демократической идеи и на величайшую легкость ее искажений. Припомним, что еще такой великий и прославленный носитель демократической идеи, как **Руссо**, именно потому, что он горячо любил демократию истинную, находил, что она может быть осуществлена лишь при особо счастливых и исключительных условиях. [...]

Наивная и незрелая политическая мысль обыкновенно полагает, что стоит только свергнуть старый порядок и провозгласить свободу жизни, всеобщее избирательное право и учредительную власть народа, и демократия осуществится сама собой. Нередко думают, что провозглашение всяких свобод и всеобщего избирательного права имеет само по себе некоторую чудесную силу направлять жизнь на новые пути. На самом деле то, что в таких случаях водворяется в жизни, обычно оказывается не демократией, а, смотря по обороту событий, или олигархией, или

анархией, причем в случае наступления анархии ближайшим этапом политического развития бывают самые сильные суровые формы демагогического деспотизма. [...]

По существу своему, как мы сказали, демократия есть самоуправление народа, но для того, чтобы это самоуправление не было пустой фикцией, надо, чтобы народ выработал свои формы организации. Это должен быть народ, созревший для управления самим собою, сознающий свои права и уважающий чужие, понимающий свои обязанности и способный к самоограничению. Такая высота политического сознания никогда не дается сразу, она приобретается долгим и суровым опытом жизни. И чем сложнее и выше задачи, которые ставятся пред государством, тем более требуется для этого политическая зрелость народа, содействие лучших сторон человеческой природы и напряжение всех нравственных сил.

Но эти же условия осуществления демократии вытекают и из другого ее определения как системы свободы, как политического релятивизма.

Если демократия открывает широкий простор свободной игре сил, проявляющихся в обществе, то необходимо, чтобы эти силы подчинялись себя некоторому высшему обязывающему их началу. Свобода, отрицающая начала общей связи и солидарности всех членов общения, приходит к самоуничтожению и к разрушению основ государственной жизни.

Наконец, те же требования известной высоты нравственного сознания народа вытекают и из свойственного демократии стремления к равенству. Подобно страсти к свободе и страсть к равенству, если она приобретает характер слепого стихийного движения, превращается в «фурию разрушения». Только подчиняя себя высшим началам, и равенство, и свобода становятся созидательными и плодотворными основами общего развития. [...]

Степень отдаленности современных демократий от демократического идеала познается в особенности в одном очень существенном пункте, а именно в вопросе о фактическом осуществлении народовластия. **Руссо**, конечно, был прав, когда с понятием истинной демократии он соединял живое и непосредственное участие всего народа не только в законодательстве, но и в управлении, когда он утверждал, что система представительства есть отступление от народовластия в строгом смысле этого слова. Но в то же время он прекрасно понимал, насколько трудно провести в жизнь подлинную демократическую идею; ибо, как говорил он, «противно естественному порядку, чтобы большинство управляло, а

меньшинство было управляемо». И действительно, в демократиях с естественной необходимостью над общей массой народа всегда выдвигаются немногие, руководящее меньшинство, вожди, направляющие общую политическую жизнь. Это давно замеченное и притом совершенно естественное явление, что демократия практически всегда переходит в олигархию, в правление немногих. [...]

Мы не будем здесь говорить о тех демократиях, которые, присваивая себе иногда это наименование, по существу являются самыми настоящими олигархиями. Таковы латинские республики Центральной Америки, политическая история которых сводится к постоянному круговороту революционных изменений, где одна олигархия силой сменяет другую.

Конечно, утверждение, что чистый принцип демократии никогда не может быть осуществлен, должно быть ослаблено замечанием, что и другие государственные формы никогда не осуществляются в чистом виде. Когда сейчас сторонники демократии разбирают ее недостатки,

они указывают, что эти же или какие-нибудь другие недостатки свойственны и другим формам. □...]

Но этого мало. Современная наука должна признать и еще одно существенное положение, на котором мы должны теперь остановиться. И там, где демократии существуют уже десятки лет, где они проявили способность противостоять величайшим опасностям и обнаружили удивительную доблесть граждан, как это было во времена недавней мировой войны, они переживают сейчас какое-то внутреннее недомогание, испытывают какой-то серьезный кризис. [...]

Эти заключения чрезвычайно знаменательны. В противоположность политическому оптимизму недавнего прошлого, когда казалось, что демократия есть нечто высшее и окончательное, что стоит только достигнуть ее, и все остальное приложится, теперь приходится признать, что демократия, вообще говоря, есть не путь, а только распутье, не достигнутая цель, а проходной пункт. От правых и левых, от крайних и умеренных, как это имеет место особенно во Франции, мы нередко слышим: нет, это не то, не то. Более спокойные англичане, согласно темпераменту своей расы, не отказываются так легко от старых симпатий, они скорее присматриваются и вдумываются, чем исходят в страстной критике и ожесточенных нападках. Но взвешивая условия, к которым привела демократия, и они говорят: это распутье, это опушка леса с неизвестно куда расходящимися тропинками. Они надеются, что прямой путь еще не утерян; но в то же время они видят, что уводящие в сторону перекрестные пути таят в себе великие соблазны.

Я думаю, что в этом ощущении и сознании положения, к которому привела современная демократия, как распутья, заключается весьма глубокая интуиция, весьма тонкое восприятие самого существа демократии. Поскольку демократия есть система свободы, есть система политического релятивизма, для которого нет ничего абсолютного, который все готов допустить — всякую политическую возможность, всякую хозяйственную систему, лишь бы это не нарушало начала свободы, — она и есть всегда распутье; ни один путь тут не заказан, ни одно направление тут не запрещено. [...]

Своими широчайшими перспективами и возможностями демократия как будто бы вызвала ожидания, которых она не в силах удовлетворить. А своим духом терпимости и прития всех мнений, всех путей она открыла простор и для таких направлений, которые стремятся ее ниспровергнуть. Она не могла быть иною, ибо в этом ее природа, ее преимущество.

Но этой своей природой и этим своим преимуществом она могла удовлетворить лишь некоторых, а не всех. У людей всегда остается потребность продолжать любую действительность до бесконечности абсолютного идеала, и никаким устройством государства их нельзя удовлетворить. [...]

В свое время **Маркс** подал пример решительного отрицания идеи свободного государства и осмеял верование «вульгарной демократии», которая видит в демократической республике тысячелетнее царствие и не имеет никакого предчувствия о том, что именно в этой последней государственной форме классовая борьба будет окончательно разыграна. Он отвергал демократию во имя нового порядка, освобожденного от колебаний свободы и поставленного на почву норм твердых и непререкаемых, связей безусловных и всеобщих. Тут очевидно движение от демократического распутия, от духа критики и терпимости, от широты и неопределенности релятивизма к твердому пути социализма, к суровой догме, к абсолютизму рациональной экономической организации. Исход из иных мотивов, но с точки зрения формальной, в том же направлении движется и консервативная мысль, которая также требует большей определенности и авторитетности, большей твердости и святости государственного порядка. [...]

Надо ли прибавлять, что и анархизм, хотя он критикует демократию с точки зрения ее же собственного принципа свободы, но доведенного до конца, до последнего предела и связанного с идеей беспощадной социальной революции, также

ищет большей определенности, большей последовательности.

Для него демократия плоха тем, что это все еще государство, что движение свободы останавливается здесь на половине пути, между тем как ему нужна свобода полная и безграничная.

[...] Но если дать себе отчета основных принципах демократии и социализма, то необходимо прийти к заключению, что речь идет тут о двух совершенно различных системах мысли и жизни, сближающихся лишь в некоторых внешних признаках и резко расходящихся в их внутреннем существе. Демократия, которая последовательно вступила бы на путь социализма и решила бы заменить политическую централизацию экономической, должна была бы отказаться от некоторых самых существенных начал и учреждений. И прежде всего она перестала бы быть системой свободы и, вместе с новой сущностью, должна была бы усвоить и новое наименование...

Печатается по: *Новгородцев П.И.* Соч. М., 1995. С. 388—404.

Й. ШУМПЕТЕР

Капитализм, социализм и демократия

Думаю, что большинство изучающих политику к настоящему времени уже согласились с критикой классической доктрины демократии. [...] Я думаю также, что большинство из них согласны или вскоре согласятся принять иную теорию, которая гораздо более правдоподобна и в то же время включает в себя очень многое из того, что приверженцы демократического метода в действительности имеют в виду под этим термином. Как и классической теории, ей можно дать краткое определение. Будем помнить, что основной проблемой классической теории было утверждение, что у «народа» есть определенное и рациональное мнение по каждому отдельному вопросу и что мнение это реализуется в условиях демократии путем выбора «представителей», которые следят за тем, чтобы это мнение последовательно претворялось в жизнь. Таким образом, выбор представителей вторичен по отношению к первичной цели демократического устройства, а именно: наделить избирателей властью принимать политические решения. Предположим, мы поменяем роли этих двух элементов и сделаем решение проблем избирателями вторичным по отношению к избранию тех, кто будет принимать решения. Другими словами, будем считать, что роль народа состоит в создании правительства или посреднического органа, который в свою очередь формирует национальный исполнительный орган или правительство. Итак,

определим: демократический метод — это такое институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей.

Объясняя и обосновывая эту идею, мы незамедлительно покажем, что оно как в силу правдоподобности посылок, так и благодаря логической обоснованности предложений значительно улучшает теорию демократического процесса.

Прежде всего у нас есть достаточно эффективный критерий, при помощи которого демократические правительства можно отличить от прочих. Мы видели, что классическая теория сталкивается с трудностями в подобном разграничении, поскольку воле и благу народа могут служить, и во многих исторических ситуациях служили, правительства, которые нельзя называть демократическими в соответствии с любым из общепринятых смыслов этого слова. Теперь мы в несколько лучшем положении, поскольку решили делать акцент на *modus* (процедуре. —

лат.), наличие или отсутствие которого в большинстве случаев легко проверить.

Например, при парламентарной монархии типа английской наш критерий демократии выполняется, поскольку монарх может назначить членами кабинета лишь тех людей, которых выберет парламент. В то же время «конституционная» монархия не является демократической, поскольку электорат и парламент обладают всеми правами, которые у них есть при парламентарной монархии, но с одним решающим исключением: у них нет власти назначать правительство. Министры в принципе могут быть им назначены или уволены. Такое устройство может удовлетворять народ. Избиратели могут подтвердить этот факт, голосуя против любых изменений. Монарх может быть настолько популярен, что сумеет нанести поражение любому сопернику в борьбе за верховную власть. Но поскольку не существует механизма, делающего такую борьбу эффективной, данный случай не подпадает под наше определение.

Во-вторых, теория, заключенная в этой дефиниции, дает нам возможность воздать должное жизненно важному феномену лидерства. Классическая теория этого не делает. Вместо этого она, как мы видели, приписывает избирателям совершенно нереальную степень инициативы, практически игнорируя лидерство. Но почти во всех случаях коллективное действие предполагает лидерство — это доминирующий механизм почти любого коллективного действия, более значительного, чем простой рефлекс. Утверждения о функционировании и

результатах демократического метода, которые принимают это во внимание, гораздо реалистичнее тех, которые этого не делают. Они не ограничиваются исполнением *volonte generale* (общей воли — *фр.*), но продвигаются к объяснению того, откуда она возникает и как подменяется или подделывается. То, что мы обозначили термином «подделанная воля», не находится более за рамками теории, [не является] отклонением, отсутствия которого мы так страстно желаем. Он входит в основу, как это и должно быть.

В-третьих, поскольку вообще существует воля группы, — например, желание безработных получить пособия по безработице или стремление других групп помочь им, — наша теория ее не отрицает. Напротив, теперь мы можем рассматривать именно ту роль, которую эти волеизъявления играют на самом деле. Они, как правило, не предъявляются непосредственно. Даже если групповые устремления сильны и определены, они остаются скрытыми часто на протяжении десятилетий, до тех пор, пока их не вызовет к жизни какой-нибудь политический

лидер, превращая в политические факторы. Он делает это, точнее, его агенты делают это для него, организуя волеизъявления, усиливая их и в конце концов включая в соответствующие пункты своих предложений. Взаимодействия между групповыми интересами и общественным мнением и способом, которым они создают то, что мы называем политической ситуацией, под таким углом зрения видны в новом, более ясном свете.

В-четвертых, наша теория, конечно, не более определена, чем само понятие борьбы за лидерство. Это понятие представляет трудности, аналогичные тем, которые вызывает понятие конкуренции в экономической сфере; их не без пользы можно сравнить. В экономической жизни конкуренция никогда полностью не отсутствует, но едва ли когда-либо существует в совершенном виде. Точно так же в политической сфере постоянно идет борьба, хотя, возможно, лишь потенциальная, за лояльность избирателей. Объяснить это можно тем, что демократия использует некий признанный метод ведения конкурентной борьбы, а система выборов — практически единственно возможный способ борьбы за лидерство для общества любого размера. Хотя это и исключает многие из способов обеспечения лидерства, которые и следует исключить, например борьбу за власть путем вооруженного восстания; это не исключает случаев, весьма похожих на экономические явления, которые мы обозначаем как «несправедливую» или «мошенническую» конкуренцию или ограничения конкуренции. Исключить их мы не можем, поскольку если бы мы это сделали,

то остались бы с неким весьма далеким от реальности идеалом. Между этим идеальным случаем и случаями, когда любая конкуренция с существующим лидером предотвращается силой, существует непрерывный ряд вариантов, в пределах которого демократический метод правления незаметно, мельчайшими шагами, переходит в автократический. Но если мы стремимся к пониманию, а не к философствованию, это так и должно быть. Таким образом, ценность нашего критерия существенно не снижается.

В-пятых, наша теория, похоже, объясняет существующее отношение между демократией и индивидуальной свободой. Если под последней мы понимаем существование сферы индивидуального самоуправления, границы которого исторически изменяются, — *ни одно* общество не терпит абсолютной свободы, даже абсолютной свободы сознания или слова, и *ни одно* общество не ограничивает ее до нуля, — то в данном случае речь идет о степени свободы. Мы видели, что демократический метод не обязательно гарантирует большой объем индивидуальной

свободы, чем любой другой позволил бы в аналогичных обстоятельствах. Это вполне может быть и наоборот, но тем не менее эти два явления соотносятся друг с другом. Если по крайней мере в принципе каждый волен бороться за политическое лидерство, выставляя свою кандидатуру перед избирателями, это в большинстве случаев, хотя и не всегда, означает значительную долю свободы дискуссий *для всех*. В частности, это, как правило, подразумевает значительную свободу прессы. Это соотношение между демократией и свободой не является абсолютно строгим, им можно манипулировать. Однако, с точки зрения интеллектуала, оно тем не менее очень важно. В то же время об этом соотношении практически больше нечего сказать.

В-шестых, следует учитывать, что, считая формирование правительства первичной функцией избирателей (прямо или через посреднический орган), я предполагал включить в эту фразу также и функцию его роспуска. Первая означает просто согласие принять лидера или группу лидеров, вторая — отказ от этого согласия. Это обращает внимание на один элемент, которого читатель, возможно, не заметил. Он мог подумать, что избиратели контролируют правительство точно так же, как и приводят его к власти. Но поскольку избиратели, как правило, могут контролировать своих политических лидеров лишь через отказ переизбрать их или парламентское большинство, их поддерживающее, это, по-видимому, ограничивает возможность контроля до уровня, зафиксированного в нашем определении. Время от времени происходят внезапные резкие изменения,

приводящие к падению правительства или отдельного министра либо вынуждающие предпринять определенные действия. Но подобные случаи не только исключены, они, как мы видим, противоречат духу демократического метода.

В-седьмых, наша теория проливает столь необходимый свет на старое противоречие. Любой, кто принимает классическую доктрину демократии и, следовательно, полагает, что демократический метод должен гарантировать, что проблемы решаются в соответствии с волей народа, должен быть поражен тем фактом, что, даже если эта воля выражена вполне определенно, принятие решений простым большинством во многих случаях исказит ее, а не воплотит в жизнь. Вполне очевидно, что воля большинства есть воля большинства, а не воля «народа». Приравнять в определении одно к другому не означает решить проблему. Однако попытки прийти к действительному решению были сделаны авторами различных планов «пропорционального представительства».

Планы эти подверглись резкой критике из практических соображений. В самом деле, очевидно, что пропорциональное представительство не только сделает возможным утверждение разных типов идиосинкразии, но в условиях демократии может помешать формированию эффективного правительства и, таким образом, оказывается опасным в периоды напряженности. Но прежде чем делать заключение о том, что демократия становится недееспособной, если ее принцип соблюдается последовательно, хорошо было бы задать себе вопрос, действительно ли этот принцип предполагает пропорциональное представительство. На самом деле это не так. Если признание лидерства является истинной функцией голосования избирателей, доводы в пользу пропорционального представительства рушатся, поскольку его предпосылки более не действуют. Принцип демократии в таком случае означает просто, что бразды правления должны быть переданы тем, кто имеет поддержку большую, чем другие конкурирующие индивиды или группы. В свою очередь это гарантирует статус системы большинства в рамках логики демократического метода, хотя мы можем ее критиковать с точки зрения, выходящей за пределы этой логики. [...]

Выше приведено описание теории, теперь мы попробуем выделить наиболее важные характеристики структуры и действия политической машины в демократических странах.

1. В условиях демократии, как я уже говорил, первичная функция голосования избирателей — формирование правительства. Это может означать выборы всех представителей администрации. Подобная практика, однако, свойственна главным образом

выборам местного правительства, и впредь мы будем ее игнорировать. Рассматривая только национальное правительство, мы можем сказать, что формирование правительства практически сводится к решению, кто будет лидером. Как и раньше, мы будем называть его премьер-министром.

Есть только одна демократическая система, в которой этот выбор является прямым результатом голосования избирателей, — Соединенные Штаты. Во всех остальных случаях голосование избирателей формирует не непосредственно правительство, но посреднический орган — впредь будем называть его парламентом, которому передается функция формирования правительства. [...]

Каким образом парламент формирует правительство? Самый очевидный способ — избрать его или, что более реалистично, избрать премьер-министра и затем голосовать за список министров, который он представляет. Этот способ используется редко. Но он раскрывает природу

данной процедуры лучше, чем любой другой. Более того, все остальные способы можно свести к нему, поскольку премьер-министром обычно становится тот человек, которого избрал бы парламент. То, как он в действительности назначается на должность — монархом, как в Англии, президентом, как во Франции, или специальным органом или комитетом, как в свободном Прусском государстве веймарского периода, — просто вопрос формы.

Классическая английская практика такова. После всеобщих выборов победившая партия обычно получает большинство мест в парламенте и, таким образом, может проголосовать за резолюцию о вотуме недоверия любому лицу, кроме ее собственного лидера, который таким «негативным» способом назначается «парламентом» на пост главы государства. Он получает полномочия от монарха — «целует руки» — и представляет монарху список министров, частью которого является список членов кабинета. В список он включает, во-первых, нескольких ветеранов партии, которые получают то, что можно назвать почетным постом; во-вторых, лидеров более низкого ранга — тех, на кого он рассчитывает в ходе борьбы в парламенте и которые обязаны отданным им предпочтением как своей политической ценности, так и тем, что могут стать помехой; в-третьих, восходящих политиков, которых он приглашает в заколдованный круг власти, чтобы «привлечь свежую кровь»; и иногда, в-четвертых, несколько человек из тех, кто, по его мнению, особенно хорошо профессионально подготовлен для занятия определенных постов. Но опять же в нормальных

случаях эта практика дает такие же результаты, какие дали бы выборы правительства парламентом. Читатель увидит также, что там, где, как в Англии, у премьер-министра есть реальная власть распустить («назначить новые выборы»), результаты будут в какой-то степени схожи с теми, которые мы могли бы ожидать при прямых выборах кабинета избирателями, если, конечно, последние его поддерживают. [...]

4. [...] О парламенте. Я выделил то, что, на мой взгляд, является его первичной функцией, и упрочил эту дефиницию. Можно возразить, что мое определение неверно по отношению к другим его функциям. Очевидно, парламент делает многое другое кроме формирования и роспуска правительства. Он издает законы. Он даже управляет. Хотя любой парламентский акт, кроме резолюций и политических деклараций, является «законом» в формальном смысле, существует много актов, которые можно рассматривать как административные меры. Бюджет — наиболее важный пример. Формирование бюджета — управленческая

функция. Однако в США его разрабатывает конгресс. Даже там, где его составляет министр финансов и одобряет кабинет, как в Англии, парламент должен утвердить его, и в результате этого голосования он становится Актом парламента. Не опровергает ли это нашу теорию?

Когда две армии воюют друг с другом, их отдельные боевые действия всегда сосредоточены на конкретных объектах, которые определяются в зависимости от их стратегического или тактического положения. Они могут сражаться за конкретную полосу земли или конкретный холм. Но желательность завоевания этой полосы или холма должна определяться стратегической или тактической задачей, а именно — победить врага. Очевидно, абсурдно было бы пытаться вывести эти действия из особых качеств, которые могут быть у этой полосы или холма. Точно так же первая и главная цель любой политической партии — подавить других, чтобы получить власть или остаться у власти. Как и завоевание полосы земли или холма, решение политических вопросов, с точки зрения политика, не цель, но лишь материал парламентской деятельности. Поскольку политики стреляют словами, а не пулями и поскольку эти слова неизбежно связаны с обсуждаемыми проблемами, ситуация не всегда бывает такой же ясной, как на войне. Но победа над противником тем не менее является сутью обеих игр.

Таким образом, по сути дела текущее производство парламентских решений по острым вопросам жизни страны и есть тот метод, путем которого парламент оставляет или

отказывается оставлять правительство у власти, принимает или отказывается принимать руководство премьер-министра. С некоторыми исключениями, которые вы сейчас заметите, *каждое* голосование — это голосование за доверие или недоверие в техническом смысле этого слова, просто обнаруживает *in abstract* (в абстрактном выражении — *лат.*) существенный элемент, общий для всех голосований. Этим мы можем удовлетвориться, отметив, что инициатива в выдвижении вопросов на парламентское обсуждение, как правило, принадлежит правительству или теновому кабинету оппозиции, а не отдельным депутатам.

Именно премьер-министр выделяет из нескончаемого потока текущих дел те, которые он хочет сделать предметом парламентских слушаний, т.е. по которым его правительство предполагает провести законопроекты или, если он не чувствует твердой почвы под ногами, хотя бы резолюции. Конечно, любое правительство получает от своих предшественников наследство из нерешенных вопросов, которые, возможно, нельзя отложить в долгий ящик; другие вопросы относятся к области

рутинной политики; особо выдающимся достижением премьер-министра является такое положение, когда он может навязать принятие мер по политическому вопросу, поднятому им самим. В любом случае, однако, выбор или инициатива правительства, свободная или нет, есть тот фактор, который доминирует в парламентской деятельности. Если законопроект, которого нет в парламентском списке, предлагается группой представителей правительственной партии, это означает бунт, и министры рассматривают его с этой точки зрения, а не с точки зрения наличия у него дополнительных тактических преимуществ. Иногда это приводит к дебатам. Если эти дебаты не предложены либо не санкционированы правительством, это симптом выхода парламентских сил из-под его контроля. Наконец, если мера принимается в результате внутривнутрипартийного соглашения, это означает, что сражение кончилось вничью или произошел отказ от битвы из тактических соображений.

5. Исключения из этого принципа правительственного лидерства в «представительных» ассамблеях служат лишь доказательством его реалистичности. Они могут быть двух типов.

Во-первых, никакое лидерство не является абсолютным. Политическое лидерство, которое проявляется в рамках демократического метода, еще менее абсолютно из-за элемента конкуренции, который является сутью демократии. Поскольку теоретически каждый сторонник обладает правом сместить лидера и поскольку всегда есть несколько сторонников, которые имеют реальную возможность это сделать, депутат парламента или министр, принадлежащий или не принадлежащий к узкому

кругу наиболее влиятельных лиц, — если он чувствует, что у него есть шансы занять место лидера, — придерживается среднего курса между безусловной лояльностью к лидеру и безоговорочным поднятием своего собственного знамени, балансируя между риском и возможностями с тонкостью, воистину достойной восхищения. Лидер, в свою очередь также придерживается среднего курса: он требует дисциплины и позволяет ее нарушить. Он сочетает давление с более или менее разумными уступками, неодобрение с похвалами, наказание с поощрением. Результатом этой игры в зависимости от относительной силы индивидов и их позиций является для них различная, но во многих случаях значительная степень свободы. В частности, возьмем те группы, которые достаточно сильны для того, чтобы их негодование могли почувствовать, но недостаточно сильны, чтобы извлечь выгоду из включения своих приверженцев и своих программ в правительственные структуры. Им могут разрешить иметь свою позицию по незначительным

вопросам или во всяком случае по тем вопросам, относительно которых премьер-министра можно убедить, что они частные или не очень важные. Таким образом, у групп или даже отдельных членов парламента от правящей партии время от времени может появляться возможность выдвигать собственные законопроекты, и еще большее снисхождение будет проявляться к тем, кто критикует политику правительства и не голосует механически за любую правительственную меру. Но достаточно посмотреть на это в практическом ключе, чтобы, видя ограничения, которые есть у этой свободы, установить, что она представляет собой не принцип работы парламента, а отклонения от него.

Во-вторых, бывают случаи, когда политическая машина не может воспринять определенных проблем, поскольку высшее руководство правительственных и оппозиционных сил не видит их политической ценности или эта ценность и вправду сомнительна. Такие вопросы берут себе аутсайдеры, которые предпочитают индивидуальную борьбу за власть служению в рядах одной из существующих партий. Конечно, это совершенно нормальная политика. Но есть и другая возможность. Человек может быть настолько затронут конкретной проблемой, что может выйти на политическую арену специально для того, чтобы решить ее своим способом, не имея при этом желания начать нормальную политическую карьеру. Однако это настолько необычно, что трудно найти сколько-нибудь важные примеры. Может быть, таким человеком был Ричард Кобден¹. Конечно, вопросы второстепенной важности встречаются более часто.

Однако все согласятся, что это всего лишь отклонения от стандартной практики. [...]

Мы можем подвести итоги следующим образом. Рассматривая человеческие общества, мы, как правило, без труда выделяем, по крайней мере на уровне здравого смысла, различные цели, которых изучаемые общества хотят достигнуть. Можно сказать, что эти цели придают смысл соответствующим действиям индивидов. Но отсюда не следует, что общественный смысл данного типа деятельности обязательно обеспечит мотивацию деятельности и, следовательно, объяснение последней.

Следовательно, в этом случае теория, которая ограничивается анализом социальных целей и потребностей, не может считаться адекватным объяснением деятельности, которая этим целям служит. Например,

¹ Кобден Ричард (1804–1865) — английский фабрикант и политический деятель, член палаты общин, один из руководителей «Лиги против хлебных законов», выступавшей против привилегий земельной аристократии.

причина существования такого явления, как экономическая деятельность, безусловно, состоит в том, что люди хотят есть, одеваться и т.д. Обеспечить средства удовлетворения этих нужд— это общественная цель или смысл производства. Тем не менее мы все согласны, что этот тезис был бы самым нереалистичным исходным моментом для теории экономической деятельности в коммерческом обществе и что у нас гораздо лучше получится, если мы начнем с прибылей. Аналогично социальное значение или функция парламентской деятельности, без сомнения, состоит в производстве законов и частично в административных мерах. Но для того чтобы понять, как демократическая политика служит этой социальной цели, мы должны начать с конкурентной борьбы за власть и посты и осознать, что социальная функция выполняется, как мы видели, «случайно» — в том смысле, в котором производство является случайным по отношению к получению прибыли.

6. Наконец, что касается роли избирателей, следует дополнительно упомянуть еще об одной вещи. Мы видели, что желания членов парламента — не единственный фактор в процессе формирования правительства. То же самое можно сказать и об избирателях. Их выбор — идеологически возданный в ранг «воли народа» — не вытекает из их инициативы, но формируется, и его формирование — важнейшая часть демократического процесса. Избиратели не принимают политических решений. Но нельзя сказать, что они непредвзято выбирают членов парламента из числа людей, имеющих право быть избранными. Во всех нормальных случаях инициатива

принадлежит кандидату, который борется за пост члена парламента и лидерство на местном уровне, которое предполагает этот пост. Избиратели ограничиваются тем, что поддерживают эту попытку, отдавая ему предпочтение, или отказываются ее поддержать. Даже те исключительные случаи, когда кандидата *действительно* выдвигают сами избиратели, попадают в ту же категорию в силу одной из двух следующих причин. Во-первых, если кандидат уже осуществляет лидерство, ему уже не нужно за него бороться. Во-вторых, может случиться так, что местный лидер, который имеет возможность контролировать или влиять на голосование, не может или не хочет сам участвовать в выборах и назначает другого человека, который, как кажется, был избран по инициативе избирателей. Но если инициатива избирателей, большей частью состоящая лишь в принятии одного из конкурирующих кандидатов, еще более ограничена существованием партий? Партия вопреки классической доктрине (или Эдмунду Бёрку) — это не группа людей, которая намеревается заботиться

о благосостоянии народа, «исходя из некоторого принципа, по которому все ее члены пришли к согласию». Такая рационализация соблазнительна и именно поэтому опасна. Конечно, в определенное время все партии формулируют свои принципы или программы; эти принципы и программы характерны для партии, которая принимает их на вооружение как виды товаров, которые продаются в универмаге, характерны для него и важны для его успеха. Но как универмаг нельзя определить через товары, так партию нельзя определить через ее принципы. Партия — это такая группа, члены которой предполагают действовать сообща в конкурентной борьбе за политическую власть. Если бы это было не так, то различные партии не могли бы иметь почти совершенно одинаковые программы. Тем не менее, как всем известно, такое случается. Существование партий и политиков свидетельствует о том, что массы избирателей не способны на какие-либо другие действия, кроме паники. Они регулируют политическую конкуренцию точно так же, как это делают профессиональные ассоциации. Психотехника управления партией, ее рекламная кампания, лозунги и марши — это все не украшения. Это и есть суть политики. Так же как и политический лидер.

Печатается по: *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 238—247.

Дж. САРТОРИ

Пересматривая теорию демократии

[...□ Уже довольно нами сказано о «большинстве» — во всем множестве вкладываемых в этот термин смыслов. Пора теперь заняться «меньшинством», и не только множеством смыслов термина, но и переизбыточностью [реальных] обозначений: политический класс, правящий (господствующий) класс, элита (элиты), властвующая элита, правящая элита, руководящие меньшинства, руководство и ряд других. Это обилие наименований никоим образом не означает, будто термин «меньшинство» обладает (по сравнению с «большинством») тем преимуществом, что каждому его смысловому значению соответствует одно имя. Наоборот, богатство наименований лишь добавило путаницу к сумятице. [...]

Приступая к наведению порядка, заметим для начала, что все вышеприведенные выражения относятся к той или иной *конкретной* меньшей

части, а не к «меньшинству» как артефакту демократических процедур (такому, например, как проигравшая на выборах часть голосующего населения или меньшая часть парламента). Далее. Когда политический аналитик обращается к исследованию вертикальной демократии, его интересует не всякое возможное реальное меньшинство, а лишь такое, из которого складывается та или иная *контролирующая группа*. Разумеется, религиозные, этнические, языковые и иные меньшинства играют важную роль в политике, но значимость в функционировании вертикальной демократии они приобретают лишь в том случае, если выступают в качестве политической контролирующей группы. Итак, объект нашего исследования мы можем обрисовать следующим образом: это — мера и характер (*modality*) политической *контролирующей власти*, коей обладают группы численностью менее половины того социума (*universe*), в отношении которого такая власть осуществляется. Нет нужды говорить, что ресурсы политической власти могут быть неполитическими (экономическими или иными). Необходимо в связи с этим иметь в виду, что контролирующая власть является *политической* в том случае, когда ее ресурсной базой служит политическая инстанция (*office*), и/или во всех случаях, когда она действует через каналы политики и влияет на решения тех, кто делает политику. [...]

Еще одно предварительное замечание касается разницы между вопросами: «что такое контролирующее меньшинство?» и «кто принадлежит к контролируемому меньшинству?» Первый вопрос выводит на концептуальную проблему, второй — на

эмпирическую. Концептуальная задача — выработать определение «контролирующих групп», имея в виду их характеристики, и дать различающимся между собой группам соответственно различные названия. Эмпирическая проблема — установить, существуют ли в действительности контролирующие группы, а также выяснить, кем и что контролируется. От концептуального анализа мы требуем принципиальной схемы (a framework) и/или типологии, эмпирическая задача состоит в том, чтобы выявить, какая контролирующая группа существует в том виде, как она определена, т.е. задана вменными ей характеристиками.

Критерии для выделения контролирующего меньшинства многочисленны. Два из них — первостепенной важности. Первый критерий — *альтиметрический*: контролирующая группа является таковой потому, что располагается — по вертикальному разрезу строения обществ — «наверху». Соответственно мы можем сказать, что во всяком обществе власть находится у высшего *властвующего класса*. Согласно

альтиметрическому критерию, предполагается: кто наверху, тот и «властвует», — предположение, основывающееся на том мудром доводе, что власть возносит наверх, а обладающий властью потому и обладает ею, что находится наверху. Может последовать возражение, что наш критерий работает благополучно, покуда перед нами пирамида власти без вершины (нестрогая и усеченная пирамида). Альтиметрический критерий, однако же, применим и к стратархии при условии, что каждая страта будет иметь собственную «вершину» (и что будут приняты в расчет вытекающие из этого сложности). Заметим же, что в свете альтиметрического критерия всякое общество представляет собой стратархию и что складывающаяся в итоге стратократия может быть либо сконцентрирована в одной вершине, либо распределена между различными вершинами. Альтиметрический критерий сводит дело к оправданию фактического положения вещей: кто наверху, тот наверху, а кто там находится, тот и «могуществен», он обладает властью и властвует. Но может ли этим все исчерпываться? Средневековье и общества феодального типа основывались на том принципе, что каждый должен жить сообразно своему собственному статусу; однако уже в средние века были подвергнуты разбору и толкованию принципы *valentior, melior* и *sanior pars* (могущественнейшей, лучшей и разумнейшей частей. — *Перев.*). А старый режим был ниспровергнут как раз во имя того ценностного критерия, согласно которому вертикальная структура (*fabric*) общества должна быть вверена ведению достойнейших (признанных таковыми). Согласно этой более

выигрышной точке зрения, некто не потому оказывается наверху, что обладает властью, а как раз наоборот — лицо обладает властью и находится наверху потому, что того заслуживает. Итак, другой критерий — критерий *заслуги* (a merit criterion). Как эти два критерия переводятся на язык нынешней терминологии и как они ею выражаются? Поскольку возобладал в конечном счете термин Парето *элита* (через посредство Лассуэлла, как увидим [...]), важно понять, почему Парето взял этот термин и как он его себе мыслил. В его «Трактате» («Трактат всеобщей социологии». — *Г.А.*) четко сказано, что аттестация «элита» относится к людям высшего уровня «компетентности» («capacity») в своей области деятельности. [...] Но ближе всего к полному определению этого понятия Парето подошел в более ранней своей работе [...]: «Эти классы [«люди, занимающие высокое положение соответственно степени своего влияния и политического и социального могущества» и/или «так называемые высшие клас-

сы»] составляют элиту, «аристократию» (в этимологическом значении слова: *aristos*=лучший). Покуда сохраняется устойчивое социальное равновесие, большинство тех, кто в нее входит, как представляется, в незаурядной степени обладают определенными качествами — неважно, хорошими или дурными, — которые обеспечивают власть». [...]

Несомненно, Парето остановил свой выбор на термине «элита» потому, что вместе с этим словом во французский и итальянский — два его родных языка — вносилась латинская коннотация *eligere* (слово подразумевает отбор, выбор с разборчивостью), а с нею вместе, хотя и опосредованно, изначальный смысл греческого *aristoi* — лучшие по достоинствам (не по рождению). Таким образом, вводимое Парето понятие является в первую очередь качественным, а имплицитно становится альтиметрическим. Без сомнения, эта импликация дает ключ к паретовскому «круговороту элит». В самом деле, когда заслуги и власть совмещены, мы наблюдаем состояние устойчивого общественного равновесия; когда они оказываются разведены, наступает неравновесие, порождающее круговорот: элиты «де-факто», т.е. альтиметрические, вытесняются элитами «по способностям», т.е. подлинными элитами. Хотя, таким образом, и можно сказать, что концепция Парето была и меритократической, и альтиметрической, тем не менее оба критерия связаны между собой именно в таком порядке, и победителем у Парето в конечном счете всегда в истории оказывается элита по способностям, а не элита у власти.

Лассуэллу, я полагаю, более, чем кому-либо другому, термин «элита» обязан своим утверждением в качестве общепринятой категории, применяемой при обсуждении конструкции, которую мы вслед за ним стали называть «моделью правящей элиты».

Лассуэлл, однако, воспринял у Парето слово, но не понятие. Качественная коннотация термина «элита» у Лассуэлла исчезает. Одно из типичных для него определений гласит: «Политическая элита есть высший властвующий класс» [...] Это чисто альтиметрическая коннотация. В других случаях элита просто совпадает у него с «обладанием властью», как, например, в следующем определении: «элиты — это обладающие наибольшей властью» [...] Здесь, как всякий легко убедится, налицо коренная трансформация концепции Парето — трансформация, достоинству которой противостоит не меньший недостаток. Достоинство — аналитического свойства, оно состоит в аналитическом преимуществе — в возможности отделить альтиметрическую характеристику (или охарактеризовать по признаку власти «де-факто») от качественного охарактер-

ризования. Недостаток — семантического свойства: надо говорить «элита», совершенно не имея в виду того, что этот термин значит, т.е. выражает в силу своей семантической значимости. Далее, если «элита» уже не указывает на качественные черты (способность, компетентность, талант), то какой же термин мы употребим, когда эти характеристики будут иметься в виду? Таким образом, семантическое искажение, описав круг, возвращается, чтобы породить в свою очередь искажение концептуальное. [...]

Если бы я сейчас взялся конструировать или реконструировать общую схему, в рамках которой формулировки губят ядро концепций, это завело бы меня слишком далеко. Позволю себе просто закрепить в форме резюме развиваемые выше положения. Во-первых, нашим предметом является контролирующая власть *контролирующих групп*. Представляется, что в данной формулировке лучше, чем в какой-либо другой, концентрированно выражена суть проблемы. Во-вторых, если мы хотим дальнейшего усовершенствования концепции Парето с помощью Лассуэлла и, наоборот, мы хотим подправить Лассуэлла с помощью Парето, тогда следует проводить различие как терминологически, так и концептуально между *властной структурой и элитной структурой*. Не все контролирующие группы являются по определению либо в силу той или иной необходимости «элитными меньшинствами» (в лассуэлловском смысле). Коли так, будем их так и называть, ибо, если не провести разграничения в названиях, неизбежно окажутся перепутаны и оба явления.

[...] Пора приступить к *нормативному определению* демократии как *системы управления*. Хотя к этой проблеме редко обращаются непосредственно, именно она обнаруживается за нашим отношением к оценке руководства. Являются ли элиты и руководящие меньшинства необходимым (или даже не необходимым) злом, или же они представляют собой насущное и благотворное достояние? В конце концов альтернатива такова: придавать ли меньше значения руководству или ставить его значение высоко?

Ряд авторов, высказывающихся в пользу второго варианта, внушительны как по своей протяженности в историческом времени, так и по незаурядности состава. Из древних не кто иной, как Фукидид, напоминает нам, что величие Афин достигло высшей точки при Перикле именно потому, что «его высокое достоинство, одаренность и прославленная честность позволили ему самостоятельно руководить людским множеством» («История Пелопоннесской войны»). [...]

Очевидный факт состоит в том, что *идеалы* демократии остались в большой мере тем же, что они представляли собой в IV в. до н. э., за одним важным исключением: стала «цениться» отдельная личность. [...] Но это исключение не имеет касательства к настоящему рассуждению. А если идеалы демократии — это все еще в основном греческие ее идеалы, то, значит, они адресуются к прямой, а не к представительной демократии. Это означает, что и сегодня деонтология и ценностное воздействие демократии апеллируют только к горизонтальному измерению политики. Конечно, были и у греческого полиса магистраты и он обладал некоторой минимальной вертикальностью. Однако сравнивать вертикальное измерение античной полисной демократии с вертикальным измерением представительной демократии национального масштаба — все равно что сравнивать венецианскую колокольню с Эверестом. Поразительный факт, стало быть, состоит в том, что мы создали представительную демократию — сотворяя тем самым то почти чудо, которое Руссо объявлял невозможным, — без *ценностной опоры*. Мало того, что воздвижение крупномасштабной вертикальной демократии не вдохновлялось соответствующим идеалом; те идеалы, что имеются, как мы это вновь обнаружили в 60-е гг., могут за одну ночь превращаться в «боевой клич» против представительной демократии. Наименьшее, что можно сказать: демократия в вертикальном своем измерении по сей день остается *безыдеальной*; и хуже всего то, что в наших идеалах она легко обнаруживает идеалы, ей враждебные.

Очевидно, что прямая демократия (будь то в прошлом или в настоящем) не нуждается в ценностном воздействии, по вертикали, для которого в ней и места нет. Но должно быть столь же очевидно, что мы давно и окончательно переросли греческий трафарет. Сколько бы мы ни преуспели в возрождении малых образований прямой демократии, остается фактом, что такие — непосредственные — демократии могут лишь входить в качестве частей в более крупные единицы, являя в конечном счете микросоставляющие одного большого целого, которое всегда есть непрямая демократия, строящаяся на вертикальных процессах. Если дело так и обстоит, то следует ли нам указанные процессы предоставить их стихийному (*inertial*), «грешному естеству»? Может ли соответственно этому наш подход к будущему строиться просто на оживлении идеалов прошлого — идеалов, которым чужды проблемы представительной демократии? Именно так, по всей видимости, считают антиэлитисты и, говоря более общо, новые левые, ибо как суть, так и предлагаемое ими средство воплощения их идей составляют простой,

в чистом виде, возврат к *горизонтальной политике* и ее широкое развертывание.

Опасаясь быть неверно понятым и пытаюсь, пусть даже тщетно, этого избежать, подчеркну, что если существует (а она существует) слишком лицеприятная литература о демократии, где проводится мысль, что мы показываем себя настолько хорошо, насколько позволяет человеческое несовершенство, то такого взгляда я не разделяю. Если бы я не испытывал неудовлетворенности тем, как работают наши демократии, я довольствовался бы демократией в дескриптивном (описательном) определении ее — как диффузной, открытой системы контролирующих групп, конкурирующих между собой на выборах, и, таким образом, избавил бы себя от труда продвигать разработку нормативной проблемы в том направлении, в каком я сейчас ее продвигаю.

В дескриптивном плане, я сказал, демократия *есть* выборная поли-архия. Но чем ей должно быть? Если полиархия *есть фактическое положение вещей*, то какова же соответственно ее деонтология, каково *нормативное положение вещей*? Вопрос по сути не только в том, способна ли в конечном счете представительная демократия работать — и, оправдывая соответствующие надежды, работу свою улучшить, — не неся в себе собственного ценностного воздействия; вопрос, причем даже еще более настоятельный, в том, как она может продолжать работать, сталкиваясь с тем ценностным воздействием, которое все более *обесценивает* вертикальное измерение.

Это обесценение с очевидностью удостоверяется текущим состоянием нашей лексики. Группу слов, характерным образом адресующую к вертикальному измерению, составляют термины: «выборы, избрание» (election), «элита» (elite) и «отбор, подбор» (selection). Все эти термины изначально понимались в смысле *оценочного просеивания*. «Избрание» означало на протяжении примерно пятнадцати веков качественное выбиравание, отбирание, как, например, в слове «избранные», т.е., на языке протестантизма, призванные Богом. Слово «элита» производно от того же корня и было пущено в оборот (когда слово «аристократия» утратило первоначальный смысл и стало просто обозначать сословие) именно для обозначения «лучших», *aristoi*, отборной части (это и было, как мы знаем, то значение, в котором Парето взял данный термин на вооружение). Термин, «отбор, подбор» [...] постепенно подключается к термину «выбирать, избирать» (когда слово «выборы» становится специфическим термином для обозначения акта голосования) в передаче идентичного значения: отбирание, избрание,

выбор по признаку совершенства или пригодности. В нынешнем языке политики все эти коннотации либо утрачены, либо подвергаются нападкам. Термин «выборы, избрание» сведен к одному лишь значению — простого акта голосования. «Отбор, подбор» означает уже едва ли что-либо большее, чем простое волевое предпочтение, да и то лишь когда его не толкуют превратно, в предосудительном смысле, как проявление «дискриминации». Следовательно, на нашем языке «избранные» — это просто лица, которые в результате голосования прошли на должности; а слова о том, что избранные должны быть «отобранными», скорее поразят наш слух как избыточная синонимика, чем будут восприняты как ценностно значимая оговорка. Наконец, «элита» сначала преобразуется Лассуэллом в нейтральное слово, а затем у нынешних анти-элитистов становится словом бранным. В обоих случаях термин «элита» — вопреки самому смыслу его существования — ассоциируется с властью имущими и/или с привилегированными.

В указанных трансформациях можно усмотреть органическое продолжение того идеологического извращения языка, которое так хорошо проследил и проиллюстрировал Оруэлл. [...] Но если это и верно в отношении позднейших эксцессов, все же трансформации, о которых идет речь, главным образом отражают горизонтально-целостное видение политики. Как бы то ни было, мы оказываемся в порочном кругу, который, ускоряясь, превращается в порочный водоворот. При отсутствии ценностных коннотаций мы получаем ценностный вакуум; а

когда положительное слово инвертируется в негативное, мы остаемся с лексикой, которая только предубеждение и может выражать. В конце концов дело оборачивается тем, что реальность за неимением годных к соответствующему употреблению слов остается *аксиологически невоспринятой*. Из этого порочного водоворота нельзя вырваться, если вновь не ввести в оборот (to the fore) аксиологический элемент, что в свою очередь можно осуществить, лишь восстановив выражавший его язык.

Начну с «отбора, подбора». Здесь дело отнюдь не безнадежно: это только в политике — что весьма показательно — термин если и не искажался, так превращался в нейтральный [...] Многие, кто пользуется терминами «избрание» и «отбор, подбор» как взаимозаменяемыми, в любых неполитических областях [дискурса] автоматически переключаются на оценочное значение. Научному учреждению, чтобы быть научным, требуется «подбирать» свой штат. Предполагается, что «подбор» кандидата на место в академии означает, что выбранный является лучшим.

Когда фирма набирает работников, она осуществляет их «отбор», а иначе, вероятнее всего, в скором времени выбывает из сферы бизнеса. Неужели же демократическая политика — дело настолько простое или в корне настолько отличное от других происходящих в обществе процессов, что здесь отбор есть нечто излишнее либо даже греховное? Если же все-таки нет, то пусть мое первое акциологическое определение прозвучит так:

Демократия должна представлять собой *селективную* систему конкурирующих избирательных меньшинств. Пусть оно будет сформулировано также и по-другому, еще короче (и симметрично дескриптивному определению): Демократия должна представлять собой *селективную полиархию*.

Если вдуматься, «селективная полиархия» — выражение уже само по себе сильное, полное смысла. Тем не менее нельзя рассчитывать, что его смысловая наполненность легко заговорит и сама обо всем расскажет. Чтобы плыть против приливной волны языкового убожества, требуется постоянное усилие. Поэтому я теперь собираюсь сменить направление атаки и рассмотреть ту же проблему под углом зрения проблемы равенства. Ясно, что наш способ трактовки вертикальной проблемы демократии решающим образом зависит от того, как мы трактуем понятие «равенство». Впрочем, данная связь становится не столь ясна, если привести тот довод, что равенство, представляя собой важнейшую ценность горизонтальной демократии, в силу этого как раз тем более не является и не может являться важнейшей ценностью вертикальной демократии (для которой такая ценность — свобода). Пусть даже так, но я

все-таки хочу задать вопрос: может ли понятие равенства — и каким образом — вписаться в вертикальное измерение?

Монтескье повторял уроки Платона и Аристотеля, когда писал, что «принцип демократии извращается не только тогда, когда утрачивается дух равенства, но и тогда, когда утверждается дух предельного равенства и каждый хочет быть равным с теми, кого он выбирает себе в правители». [...] Поскольку люди являют огромное разнообразие, индивид сплошь и рядом мерит другого на свой аршин. Тем не менее мы все-таки непрестанно судим и оцениваем других как людей превосходящих, равных или низших качеств. Означает ли вышесказанное, что мы очутились в царстве, откуда равенство изгнано? Нет, обязательно. Я бы скорее выразил суть дела так: устремлять ли движение к равенству в направлении высшего или же низшего уровня — вот какой ныне перед нами выбор.

Когда доходит до этого выбора, антиэлитисты фактически, пусть даже непреднамеренно, нажимают на акселератор уравнивания в на-

правлении низшего уровня, ибо ценят *только* горизонтальную концепцию демократии, на чем явственно основывается их позиция. Но вот действительно ли «элитисты» обосновывают каким-либо адекватным образом противоположный выбор — движение к равенству в направлении высшего уровня? Это поистине интригующий вопрос. Поскольку так называемые элитисты не представляют собой группы, которая каким-либо образом держалась бы вместе, и так как мы не знаем даже, какой критерий определяет элитиста как такового, у нас остается вместо путеводной нити лишь одно: возможность проследить за тем, кто в каком значении (значениях) употребляет термин «элита». Я уже отмечал в данной связи, что Лассуэлл изменил значение, в котором термин фигурировал у Парето, превратив «элиту» в чисто альтиметрическое понятие, определяемое как «обладающие наибольшей властью», «высший властвующий класс» или «власть имущие данного государства» [...], и что это серьезное, семантическое изменение. По всей вероятности, Лассуэлл свел термин «элита» к значению «обладающие властью» ради *Wertfreiheit*, т.е. ради соблюдения принципа свободы от оценочных суждений; даже если так, все же, придавая «элите» нейтральную коннотацию, он взял на себя излишний труд и при этом сам создал трудность; он взял на себя излишний труд, так как мог воспользоваться каким-либо из уже существующих нейтральных терминов. У Моски термин «политический класс» вполне свободен от оценочности. Властвующая группа, контролирующее меньшинство, власть

имущие — все это тоже свободные от оценочности термины. Трудность же он создал, по крайней мере для теории политики, тем, что введенное им переопределение лишило этот терминологический ряд единственного остававшегося в нем ценностно нагруженного термина.

Если элитам, специфически политическим элитам, определение дается просто по признаку обладания властью или по альтиметрическому основанию, то уже само по себе такое определение мешает рассмотреть противоречие *между элитными качествами* (и стандартами), с одной стороны, и *властными позициями* (неравномерно уподобляемыми элитным позициям) — с другой. В результате от исследователей элит ускользает фундаментально важная искомая истина — а она не в том, что существуют власть имущие, и не только в том, плюральна ли властвующая элита (элиты), а в том, в конечном счете представлены ли в лице власть имущих элиты подлинные или лишь выдаваемые за таковые. (Интересно отметить, что все это, равно ускользая от элитистов и антиэлитистов [...], составляло, однако, предмет серьезного интереса

Ч. Райта Миллса, который четко различал властвующую и интеллектуальную элиты и нацеливал поиск на достижение подотчетности первой по отношению ко второй.) Итак, скрытый смысл, который неизбежно таит в себе лассуэллский подход, состоит в конечном счете в том, что этот подход либо бесосновательно вменяет *ценностное достоинство элиты* всякой властной структуре, какая только существует, либо *обесценивает* все то в ней, что может таким достоинством обладать, либо, наконец, совмещает в «нечестивом союзе» то и другое. Отсюда мы можем прийти к полнейшей его профанации. В этом случае наилучшее оправдание для своих нападок находят антиэлитисты, во втором — их естественные предшественники. В обоих случаях мы грешим смешением факта с *легитимностью*, а в принципе также и тем, что выхолостили ценностное содержание ценностной проблемы.

Вернемся к проблеме выбора между направлениями к высшему или же к низшему уровню в движении к равенству. Мы остановились на том, что если антиэлитистская позиция может способствовать (каковы бы ни были намерения) лишь уравниванию по низшему уровню, то интригующий вопрос в том, действительно ли предполагаемых элитистов заботил противоположный выбор — движение к равенству в направлении высшего уровня. Отчасти на вопрос уже отвечено: лассуэллианская школа, если судить по ее теории элиты, не проявляет такой заботы. А остающаяся часть ответа такова же, поскольку в последние десятилетия в теории демократии упор всюду делался на горизонтальной демократии; а чем больше

демократия мыслится нами единственно в горизонтальном измерении, тем больше мы имеем (перефразируя Маркузе) одномерную демократию, которая соответствует в высшей степени обыденному *одномерному равенству*.

Конечно, в публикуемых работах авторы продвигаются вперед — от «равенства власти», понимаемого как горизонтальное равенство (равная власть демоса), к «равенству возможности», т.е. к равенству, предполагающему вертикальные процессы.

Однако равные возможности указывают на некоторый начальный момент, на исходное, а не конечное состояние. Если нас интересует, какой ценностный смысл несет в себе каждый тип равенства, то, думается, равенство возможности, оправдывая продвижение, выход в люди (*an emerging*), не обязательно придает такому выходу в люди ценностное качество.

Представляется поэтому, что равенством, которое решающим образом качественно определяет (*centrally qualifies*) вертикальные процессы и технологию демократии, является «равенство по основанию достоинств», т.е. аристотелевское

соразмерное равенство. Для того чтобы равенство понималось как *возвышающая ценность*, соответствующая такому назначению максима такова: равным — равное (The same to sames), иными словами, каждому — по его заслугам, способностям или таланту. [...]

Сформулированное выше нормативное определение гласило:

Демократия должна представлять собой селективную полиархию.

Его можно теперь дополнить следующим определением:

Демократия должна представлять собой *полиархию по основанию достоинств*. Нас может оставить равнодушными довод, что уравнивание неравных талантов не являет собой справедливое, но представляет несправедливое равенство. Однако уж вряд ли можно подвергнуть нападкам тот аргумент, что равенство по основанию достоинств (соразмерно компетентности) благотворно для общества в целом, тогда как равенство по основанию недостойнств (неравным — равное положение) *есть равенство, выполняющее вредную службу*, коллективно пагубное равенство.

По формулировке Ролза, «социальное и экономическое неравенства должны быть приведены к такому порядку, (а) при котором можно с разумным основанием ожидать, что оба вида неравенства пойдут на пользу каждому, и (б) при котором оба они затрагивают положения и должности, открытые для всех».

Что ж, если бы все было приведено к такому порядку, это была бы достаточно выразительная картина полиархии по основанию достоинств.

Развернутое выше изложение вызовет наряду с прочими и то нарекание, что на слишком уж абстрактном уровне это

изложение парит. Вопрос, который особенно необходимо поставить, чтобы придать аргументации известную конкретность, таков: равенство [по основаниям, применяемым] в соотношении с кем? А чтобы ответить, я намерен обратиться к понятию «референтная группа», точнее, к элите (в исходном значении термина), понятой как референтная группа. Связь здесь та, что термин «элита», выражая идею «достойный избрания», указывает тем самым на референтную группу, и именно ценностную референтную группу. (Заметим, что, как и в случае с «отбором, подбором», термин «элита» оказался лишен ценностного значения только в сфере политики. Когда мы говорим, например, об элитах интеллектуальных, исходная коннотация остается.) Стало быть, на вопрос: «равенство в соотношении с кем?» — можно ответить: в соотношении с *ценностными параметрами элиты*. Подразумевается, что конкретные элиты вовсе не состоят из власть имущих (из тех, кто фактически составляет политический класс) и не совпадают с ними. Отнюдь: при подходе, основан-

ном на использовании референтных групп, конкретные группы находятся под постоянным пристальным наблюдением; с них снимаются «эталонные данные», формируемые на основе их добродетелей, если — и только если — у них есть добродетели. Мы можем резюмировать суть дела так: равенство конкретно вызывает возвышение, *ценностное продвижение*, будучи увязано с «элитой», если [последний] термин толковать в смысле референтной группы, включив его в референтную теорию элит. Поскольку мы проделали в этой главе немалый путь, воспроизведем нить нашего рассуждения. Когда мы начинаем рассматривать демократию как систему управления, мы сталкиваемся с проблемой контролирующих групп и руководства. Один способ отношения к проблеме — признание того, что власть распределена неравномерно, что существуют властвующие группы и что они, по всей вероятности, будут существовать и впредь. Это можно назвать реалистической позицией; и мое возражение по данному поводу состоит не в том, что тут что-либо не так с фактической стороны (*empirically*), а в том, что такая позиция оставляет все как есть. Противоположный способ отношения к проблеме виден на примере антиэлитистской позиции; и здесь мое возражение сводится к тому, что отдельным достижениям полемического свойства в активе антиэлитистской позиции противостоит намного более серьезная ущербность ее по части глубины. [...]

Если ориентировать обсуждаемый предмет на перспективу, то уместно поставить вопрос: откуда исходят уже существующие и надвигающиеся новые угрозы демократии как политической

форме? От какого-либо вида «правления меньшинства»? Не думаю. Ибо очевидный факт состоит в том, что все демократические правительства — некоторые в большей, некоторые в меньшей степени — переживают убыль авторитета (are in less authority) и находятся под натиском непомерного количества требований, которых не в состоянии принять к выполнению. Кстати, перегруженность не означает большего объема управления. Хоть первое, может быть, и облегчается вторым, все же одно отнюдь не обязательно предполагает другое. Итак, мы живем в условиях демократии, постоянно испытывающей затор, находящейся под давлением с разных сторон, характеризуемой низкой способностью к управлению, т.е. нестойкостью в отношении предъявляемых ей требований и слабой способностью к принятию и осуществлению решений. Для 60—70-х гг. наиболее типичны были нерешительность, недалководность и чрезмерные расходы [...] Не во всем приведенный перечень вы-

зывает непременно неудовлетворенность. Фактически все это убедительно свидетельствует — вопреки противоположным утверждениям перфекционистов, сторонников концепции участия и популистов, — что народ лишен своей власти. Ибо все это подтверждает, до какой степени представительная система связей максимизировала момент отклика (*responsiveness*). Однако отклик, отзывчивость — лишь один из элементов представительной системы управления. Правление, которое просто уступает требованиям, просто соглашается, — такое правление оказывается в высшей степени безответственным, не оправдывающим своих ответственных обязательств. Тот, кто представляет, несет ответственность не только *перед* кем-то, но и за что-то. Можно в этом смысле сказать, что представительство по самой своей сути складывается из двух составных элементов: отзывчивости (отклика) и самостоятельной ответственности. И чем более системы управления становятся отзывающимися на что-то в ущерб своей ответственности за что-то, тем вероятнее мы окажемся с плохим управлением или вообще без управления. А это опять-таки значит, что, чем дальше мы зашли в отзывчивости, тем сильнее необходимость в самостоятельной ответственности, в чем реально и состоит руководство.

Мы, таким образом, возвращаемся к вопросу, с которого начали, а именно: является ли руководство неотъемлемым элементом демократии? Старая, но ныне с новой энергией высказываемая точка зрения состоит в том, что в руководстве есть нужда лишь постольку, поскольку остается второстепенной роль народа.

Этому охотно аплодируют. Если бы, однако, те, кто выступает с изложением такой точки зрения, сами в нее верили, тогда почему бы не заменить руководителей «администраторами», назначаемыми по жребию? Подождем, пока такая альтернатива будет поставлена на испытание, а я тем временем завершу свое резюме.

Осуществляя у себя демократию, определяемую как выборная (elective) полиархия, мы не обращаемся тем самым к налаживанию «хорошего» функционирования системы, так как соперничество на выборах не обеспечивает качества результатов, а только демократичность, способа их достижения. Остальное же — то, насколько ценен конечный результат, — зависит от качества (не только от отзывчивости) руководства. Однако, хотя сплошь и рядом признается жизненно важная роль руководства, тем не менее оно получает в теории демократии лишь весьма незначительный статус. Мой поиск вертикального нормативного определения представляет собой попытку продвинуться в решении

данной проблемы. С этой целью я предложил референтную теорию элит и два кратких (shorthand) определения, которые по замыслу должны представлять собой (а) селективную полиархию и (б) полиархию по основанию достоинств (заслуг). Как выразился Джон Стюарт Милль: «Когда нам хочется иметь хорошую школу, мы не сбрасываем со счетов учителя» [...] Многого или немногого стоят данные предложения, в любом случае не уйти от сути проблемы, заключающейся в том, что вообще теория демократии не спроецировала равенство как ценность на вертикальное измерение. Если бы было вообще возможно свободное от руководства общество, мы могли бы поистине радоваться; в этом отношении мы в последнее время славно себя показывали. Ну, а если отсутствие руководства или безлидерство все-таки отнюдь не выход, тогда наше нынешнее принижение элит или опасения перед ними представляют собой анахронизм, который не дает увидеть стоящие перед нами проблемы и грядущие опасности. Чем больше мы теряем из виду демократию как систему управления, тем больше осложняются наши затруднения и тем неотступнее они нас одолевают.

Печатается по: *Сартори Дж.* Вертикальная демократия // *Полис*. 1993. №2. С. 80—89.

Р.ДАЛЬ

Полиархия, плюрализм и пространство¹

Последствия исторических сдвигов, связанных с изменением пространства

Сдвиг в местоположении демократии от небольших городов-государств к крупным и даже гигантским, нациям-государствам

привел к важным последствиям как практического, так и теоретического характера, хотя это отнюдь не означает, что теория находилась в ладах с практикой. К концу восемнадцатого столетия изучение города-государства, который более двух тысячелетий рассматривался как естественное и даже исключительно благоприятное устройство для демократического порядка — взгляд, все еще отстаивавшийся¹ Руссо в «Общественном договоре» (1762), — оказалось почти повсеместно вытесненным изучением наций-государств, а демократические усилия, идеи и идеология

¹ Лекция в память о Стейне Роккане, прочитанная в Бергене 16 мая 1984 г.

должны были сместить свой центр тяжести в сторону проблемы демократизации управления нацией-государством. Последствия этого сдвига, однако, не были учтены в полной мере. Я бы хотел обозначить семь таких важных последствий.

1. *Представительство.* В силу практической неосуществимости сбора всех граждан или хотя бы их значительной части представительство, которое Руссо предал анафеме в «Общественном договоре», сделалось неизбежным следствием расширения пространства политической системы.

2. *Расширение пространства.* Как только решение о представительстве было принято, барьеры относительно демократического союза, установленные собранием города-государства, были уничтожены и представительная демократия могла расширять пространство своего функционирования без каких-либо пределов.

3. *Пределы, участия.* Как прямое следствие выросшего размера некоторые формы политического участия с необходимостью оказались более ограниченными. Также как существенная часть граждан в нациях-государствах не могла обсуждать политические дела прямо друг с другом, так и в дискуссии со своими представителями мог быть вовлечен лишь сравнительно небольшой процент граждан. Даже если пространственные барьеры, являющиеся помехой в коммуникации, в принципе могли быть устранены электронными средствами, пределы, установленные временем, оказались достаточно жесткими. Вы можете легко убедиться в наличии этих пределов, произведя простой арифметический подсчет. Сосчитайте, сколько времени

займет реализация тех политических мер, которые можно считать наиболее эффективными для осуществления процесса участия.

4. Разнообразие. Хотя взаимосвязи пространства и разнообразия трудноуловимы, несомненно, что, по мере того как политический союз увеличивается в размерах, его обитатели будут демонстрировать все большее разнообразие в том, что касается политической жизни: местное и региональное, этническое, расовое, религиозное, идеологическое, профессиональное и т.д. Относительно гомогенное население граждан, объединенных общностью города, языка, расы, истории, мифа и религии, которое было столь типичной частью классического, полисного взгляда на демократию сейчас сделалось невозможным по всем практическим параметрам.

5. Конфликт. Следовательно, политические расслоения становятся неизбежными, а политический конфликт превращается в неотъемле-

мый аспект политической жизни. И политическая мысль, и практика склоняются к восприятию конфликта как нормальной, а не отклоняющейся характеристики политики. По сравнению с классическим взглядом, согласно которому относительно гомогенный орган в основном разделяет одни и те же установки и действует в соответствии с ними, значительно труднее достигнуть общих установок в том случае, если требуется объединить гетерогенные ценности, возникшие в сообществе различных граждан с разнообразными расслоениями и конфликтами. [...]

Шестым и седьмым последствиями сдвигов, связанных с изменениями в пространстве и местоположении демократии от города-государства к нации-государству, от демократии малого пространства к крупномасштабной демократии, были полиархия и организационный плюрализм, к рассмотрению которых я теперь обращаюсь.

[...□ *Истоки термина.* Поскольку термин «полиархия» не имеет изначально определенного значения и я сам имею некоторые сомнения, введя его в оборот, позвольте мне сказать несколько слов о его происхождении. Насколько мне известно, этот термин был впервые введен в современную политическую науку Линдбломом¹ и мною в книге «Политика, экономика и благосостояние» в 1953 г., где мы рассмотрели его как процесс. Рассмотрение полиархии как процесса было данью теоретической ориентации книги, подзаголовок которой звучал так: «Планирование и политико-экономические системы в

базисных социальных процессах». В четвертой части мы описали «четыре основополагающих социально-политических процесса»: призовая система, или контроль за лидерами и со стороны лидеров; иерархия, или контроль со стороны лидеров; полиархия, или контроль за лидерами, и сделка, или контроль среди лидеров, т.е. лидерами друг друга. Мы считали, что в некоторых обществах демократические цели все еще размыты и очень приблизительны в том смысле, что нелидеры осуществляют относительно сильный контроль за лидерами. Систему социальных процессов, которые делают это возможным, мы назвали полиархией.

Нас интересовало различие между двумя иногда смешиваемыми употреблениями термина «демократия»: один — для описания цели или идеала, возможно даже недостижимого в реальности, другой — для

¹ Линдблом Чарлз — американский политолог, сторонник «экономического» перехода к политическому анализу.

описания отличительных характеристик действующих политических систем, называемых в современном мире демократическими или демократиями. Согласно авторитетному английскому оксфордскому словарю, в котором раздел по букве «П» был написан в 1909 г., *полиархия* есть «управление государством или городом многими в противоположность *монархии*». Слово вышло из употребления, но нам оно показалось вполне отвечающим нашим потребностям.

Мы также установили шесть критериев, которые пригодны для выявления «операциональной значимости» выражения «высокая степень контроля». Первый, например, звучал следующим образом: подавляющее большинство взрослых имеют возможность отдать свои голоса на выборах вне зависимости от их достоинств и недостатков, способных повлиять либо на акт голосования, либо на выбор среди различных кандидатов. Хотя шесть критериев в том виде, как мы их здесь сформулировали, в чем-то изменились в дальнейших статьях (например, их стало семь), все же в целом они сохранили свое значение. Позднее, однако, я пришел к убеждению, что рассматривать полиархию как процесс менее плодотворно, чем направленность институтов. [...] Подобно демократии, полиархия может быть рассмотрена с нескольких различающихся точек зрения.

Как тип режима. Прежде всего полиархия может быть рассмотрена как специфический вид режима для управления современным государством — режима с характеристиками, которые определенно отличают его от всех других режимов,

существовавших до XIX в., а также от большинства современных режимов, установившихся в нациях-государствах.

Это отличие возникает в результате совмещения двух характеристик: относительно высокой терпимости к оппозиции — к тем, кто противостоит действиям правительства, и относительно широких возможностей участвовать во влиянии на поведение правительства и даже в смещении мирным путем различных официальных лиц. Более определенно полиархии можно отличать от других режимов благодаря наличию и реальному функционированию семи институтов. К этим институтам я отношу следующие: широко распространившееся сегодня близкое к универсальному избирательное право; право участвовать в общественных делах; справедливо организованные выборы, в которых исключено всякое насилие или принуждение; надежная защита свободы выражать свое мнение, включая критику правительства, режима, общества, господствующей идеологией т.д.; существование альтернативных

и часто конкурирующих между собой источников информации и убеждений, выведенных из-под правительственного контроля; высокая степень свободы в создании относительно автономных и самых разнообразных организаций, включая, что особенно важно, оппозиционные политические партии; и относительно высокая зависимость правительства от избирателей и результатов выборов.

Как продукт демократизации наций-государств. Полиархия также может быть осмыслена *исторически*, или в развитии, как ряд определенных институтов, претерпевших значительную эволюцию, в том числе под влиянием усилий *демократизировать* и *либерализировать политические институты наций-государств*. С этой точки зрения полиархия есть уникальный исторически обусловленный комплекс только что перечисленных мною институтов, возникших в первую очередь в результате предпринимавшихся в XVIII в. попыток адаптировать демократические идеи и имевшийся опыт к большим масштабам современных наций-государств. Этот исторически сложившийся комплекс политических институтов по традиции именуют демократическим. Элементы этого комплекса пришли на смену тем свободным политическим институтам, которые существовали в различающихся между собой демократических или республиканских городах-государствах. В демократических Афинах, например, верховная власть принадлежала собранию граждан, так как здесь были неизвестны организованные политические партии и многие другие автономные заинтересованные организации,

общепринятые в полиархиях. Подозреваю поэтому, что афинский демократ был бы шокирован политическими институтами полиархии и скорее всего отверг бы всякую возможность называть их демократическими.

Как необходимость демократического процесса. Полиархия может быть понята как направленность политических институтов, необходимая для того, чтобы удовлетворительно обеспечить *соответствие демократическому процессу*, когда цель реализуется в большом территориальном пространстве, в масштабе нации-государства. Рассмотренные с этой точки зрения, наши демократические предшественники были не столь уж глупы — они знали, что делали, стремясь к реализации всеобщего избирательного права, прав на участие в делах общественности, свободных и справедливых выборах, прав на создание политических партий, ответственности исполнителей перед парламентом или электоратом и т.д.

Однако сказать, что полиархические институты необходимы для осуществления демократического процесса в большом пространстве, еще не означает сказать, что они *достаточны*, и я полагаю, что мало кто из нас действительно так считает.

Как система проверки компетенции. Далее, полиархия может быть понята как система *политического контроля*, в которой в соответствии с обозначенной нами направленностью институтов высшие официальные лица в управлении государством сталкиваются с перспективой быть смещенными в результате народных выборов. Поэтому они вынуждены варьировать свое поведение, если хотят одержать победу в *конкурентной борьбе* с другими кандидатами, партиями и группами. С этой точки зрения наиболее явная характеристика полиархии — открытое соревнование между политическими элитами за должность.

Такая конкуренция помогает сформировать скорее состояние взаимовлияния элит и масс, чем состояние одностороннего господства элит, которое, как уже вывел Михельс, возникает в результате действия железного закона олигархии.

Как система прав. Наконец, полиархия может быть интерпретирована как система прав, в которой обычные права гарантированы и защищены институционально. Каждый из семи институтов обеспечивает соблюдение определенных прав, что оправдывает его существование и функционирование. Так, например, обстоит дело с всеобщим избирательным правом или свободой волеизъявления. Для институционализации свободы слова граждане должны владеть закрепленным в зако-

нодательном порядке правом свободно высказываться по политическим вопросам, а в обязательства официальных лиц государства должна входить поддержка этого требования вплоть до наказания нарушителей, если таковое потребует. Очевидно также, что, для ТОFQ чтобы институт существовал, право не может быть лишь абстрактным или теоретическим, подобно большинству прав в советской Конституции. Право должно быть закреплено не только законодательно, но и в судебном порядке. Несмотря на все сложности, должен быть создан и орган закрепления прав, в отсутствие этого действительного закрепления прав институт не может быть признан реально существующим.

Для тех, кто убежден в желательности полиархии, политические права могут быть оценены по достоинству уже потому, что они необходимы для функционирования институтов полиархии. Но право, взаимосвязанное с полиархией, следует оценивать как явление, идею, необходимую для осуществления свободы и равенства демократического про-

цесса. Например, если право на организацию оппозиционной правительству политической партии может быть оценено как необходимое для функционирования полиархии, то право на свободу волеизъявления следует оценивать и как само по себе ценное или необходимое для осуществления личной свободы. Нет сомнений, полиархия может быть интерпретирована еще и многими другими способами. Марксист, например, может объяснить ее просто как «буржуазную демократию». Но мысль, которую я хотел бы здесь подчеркнуть, состоит в том, что описанные пять способов интерпретации не исключают один другого. Напротив, они взаимно дополняют друг друга. Они лишь подчеркивают различные аспекты или последствия функционирования тех институтов, которые отличают полиархические режимы от неполиархических.

[...□ *Истоки.* Подобно полиархии, термин «плюрализм», используемый в наши дни, является неологизмом в политической науке. Интересно принять во внимание определение, данное этому термину английским оксфордским словарем. Статья о плюрализме, содержащаяся в седьмом томе, была впервые опубликована в 1907 г. Плюрализм, извлекаем мы из авторитетного источника, означает «Способ плюрального существования; условие или факт плюрального существования. 1а. Церковн. Система, или практика, более чем одного прихода, осуществляемая в одно и то же время одним человеком. б. Совмещение двух или более должностей любого вида в одно и то же время. [...]

2. Философ. Теория, или система мышления, которая признает более чем один конечный принцип: противостоит *монизму*. В таком случае плюралист:

1. Церковн. Тот, кто посещает два или более приходов в одно и то же время. [...] В более широком смысле тот, кто соединяет, совмещает две или более должности, профессии или условия. [...]

2. (Философ.) Тот, кто придерживается теории плюрализма». [...] [...] Плюралистические интерпретации государства и общества были достаточно влиятельны в начале 20-х гг., причем не только в Великобритании, но и в Соединенных Штатах, где некоторые известные американские политологи детально исследовали их на страницах профессиональных журналов. Десятилетие внимания к плюрализму сменилось, однако, угасанием к нему интереса по обеим сторонам Атлантики. Тем не менее сам термин и связанные с ним основные идеи сохранили свою значимость. Он был уже весьма распространенным в то время, когда мы с Линдбломом работали над книгой «Политика, экономика

и благосостояние» (с 1950 по 1952 г.). Нам были близки как британские и европейские идеи о плюрализме, так и сам этот термин, и мы использовали его для объяснения того, что подразумеваем под полиархией. Полиархия означает значительную степень социального плюрализма, или разнообразие социальных организаций, сочетающееся со значительной степенью их автономии в отношении друг друга. Позднее, однако, концепция получила самостоятельную жизнь. «Плюралистическая теория» сделалась вместилищем потока странных идей. При внимательном рассмотрении «теории» становилось ясно, что она содержит в себе также и враждебно-критические интерпретации и в целом ряде случаев представляет собой причудливую смесь весьма сомнительных и вполне разумных суждений. Результатом часто оказывалась «теория», которую могли найти убедительной лишь некомпетентные политические теоретики.

И все же концепция, развитая в русле работы «Политика, экономика и благосостояние», сохраняет немалое значение. Какие бы термины мы ни предпочитали, возникновение подобной концепции необходимо для описания стран, управляемых полиархическими режимами, а следовательно, и для уяснения одного из важных изменений в пространстве, происшедших при эволюции города-государства в нацию-государство.

Изменения в перспективе. Подобно тому как развитие полиархии означало новый способ осмысления демократических

институтов, так и постепенное восприятие плюрализма как ограниченного, необходимого и даже желательного аспекта демократии означает радикальный разрыв с классическими о ней представлениями. Наряду с господствовавшей около двух тысячелетий назад установкой, согласно которой наилучшее для демократии пространство — маленький и компактный союз типа города-государства, превалировало убеждение, что гражданский орган в своей основе должен быть гомогенным — в расовом, этническом, религиозном, языковом отношении, в статусе, уровне благосостояния и познаний. Естественно, что без определенной функциональной специализации обойтись было бы трудно. Однако предположение, что граждане могут поклоняться различным богам или говорить на разных языках, сохранять различную этническую принадлежность или же заметно отличаться в каком-нибудь другом отношении, — предположение, означавшее конституирование разнообразия конфликтующих между собой интересов, было бы воспринято как ересь. В дальнейшем, отстаивая идеалы общего блага и стремясь таким образом избежать каких-либо разногласий, могущих побудить граждан к преобразованию

общих интересов, в практике и убеждениях республиканских городов-государств и демократий продолжала существовать скорее неприязнь, чем симпатия к любой возможности группы граждан достичь своих специфических интересов в организованной ими политической ассоциации. Конечно, как признавал еще Аристотель и как столетия спустя было обосновано в концепции *vivere civile*¹, выдвинутой итальянскими гуманистами, граждане должны быть членами различных ассоциаций со своими специфическими целями, как, например, семейных или экономических, вроде гильдий. Но частные цели этих ассоциаций способны вступать в конфликт с целями других или же общим благом, в то же время как желательным в данном случае было бы взаимосогласование частного и общего интересов. С этой точки зрения единственной сугубо политической ассоциацией, воплощавшей в себе интересы общего блага, выступал в античности сам город. Конечно, реальная жизнь не всегда соответствует идеалу. На практике фракции нередко вели себя буйно и деструктивно, особенно в итальянских городах-государствах. И все же идея, согласно которой граждане могут должным образом организовываться, используя конкурирующие между собой ассоциации (которые мы называем политическими партиями), была в то время совершенно неуместной.

Легитимизация организационного плюрализма. В результате сдвига в масштабе, сопровождающего эволюцию от города-государства к нации-государству, организационный плюрализм

не только сделался неизбежным, но и получил легитимность как в социально-экономической, так и в политической жизни. Этот сдвиг прослеживается в глубоких различиях между взглядами Руссо и Токвиля. Руссо, следуя здесь более древней традиции, находит ассоциации более или менее неизбежными, но в то же время угрожающими и даже опасными. В замечательном пассаже в «Политической экономии» он писал: «Все политические сообщества состоят из меньших сообществ различных типов, каждое из которых обладает своими интересами и максимами. Но эти сообщества, которые реально осязаемы, так как выступают для индивидов в качестве внешних, авторизованных, не являются единственными реально существующими в государстве. У объединенных в группы индивидов могут быть и их собственные постоянные или временные интересы. Влияние этих специфических интересов не менее реально для бытия, а их взаимоотношения являются столь же существенными для

¹ Гражданской жизни (*лат.*).

познания. Это ассоциации, которые разнообразными путями модифицируют наличие общественной воли влиянием своей собственной. *Воля этих особых сообществ всегда двояка: для членов ассоциации — это общая воля; для большего сообщества — это частная воля, которая очень часто рассматривается как правильная в первом случае и ошибочная в последнем.* [...] Такой взгляд может быть выгодным для малого сообщества и пагубным для большого».

Токвиль, который был хорошо знаком со взглядами Руссо, занял прямо противоположную позицию. Хотя он вовсе не пренебрегал опасностями, исходящими от частной ассоциации, в осмыслении демократии в масштабе Соединенных Штатов Токвиль рассуждал иначе. Широта Соединенных Штатов уже тогда пугала Женеву, находившуюся под значительным влиянием мысли Руссо и опасавшуюся возникновения тирании большинства, которая, как он убеждал, была вполне возможна в ситуации равенства на американский манер. Однако Токвиль заключил, что «в настоящее время свобода ассоциаций сделалась необходимой гарантией против тирании большинства. [...] Не существует других стран, в которых ассоциации были бы более необходимы для предотвращения деспотизма отдельной или судебной власти правителя, кроме тех, что организованы демократически».

Несколько лет спустя во втором томе «Демократии в Соединенных Штатах» Токвиль вернулся к теме ассоциаций, дополнив на этот раз свой анализ рассмотрением гражданской ассоциации, взятой в качестве политической: «Если люди

должны остаться цивилизованными или стать таковыми, то искусство жить вместе должно возрасти и усовершенствоваться в тех же масштабах, в которых растет равенство их условий».

Плюрализм и полиархия. Монистический взгляд вроде того, что был характерен для Руссо в его «Общественном договоре», вполне уместен в отношении демократии в небольшом масштабе города-государства с преимущественно торговой или сельскохозяйственной экономикой. Наличие внутри небольшой по масштабу демократической ассоциации других ассоциаций, которые соперничают между собой в лояльности и поддержке сообщества, а значит, ослабляют его социальные связи и консенсус, стимулирует конфликт, что может быть не очень желательно, и его следует избегать, насколько это возможно. Однако может случиться и так, что где-нибудь будут предприняты усилия по реализации демократической идеи в масштабе нации-государства и окажутся задействованными институты полиархии. Тогда получают свое

развитие и относительно независимые ассоциации и организации большей численности и разнообразия. Следуя Токвилю, мы будем рассматривать их и как политические, и как гражданские, имея в виду, что их различие далеко от противопоставления, так как гражданская ассоциация, как мы знаем, может играть и политическую роль.

Конечно, не существует исторического примера, когда бы полиархия и организационный плюрализм не сосуществовали друг с другом. Однако, в то время как организационный плюрализм может и не быть достаточным условием для полиархии, институты полиархии являются самодостаточными для обеспечения того, чтобы организации и ассоциации значительной независимости, разнообразия и численности играли важную роль в политической жизни страны. Преимущества организованной кооперации делают организации желательными. Действительно, существование относительно автономных политических организаций необходимо для практики крупномасштабной демократии. Наконец, права, необходимые для существования полиархии, делают независимые организации возможными с точки зрения закона. То, что они желательны и возможны, делает их существование неизбежным. Это вынуждает к укреплению даже первых слабых еще ростков свободы, возникающих для независимых организаций с ослаблением контроля авторитарного режима; свидетельства тому — Италия, Австрия, Германия и Япония в конце Второй мировой войны, Чехословакия в 1968 г., Польша во время подъема «Солидарности», Аргентина после Фолклендов.

Независимые организации могут быть подавлены только с подавлением самих институтов полиархии. Как не случайно, что плюрализм и полиархия следуют рука об руку, так не случайно и то, что среди первых действий, предпринятых с целью увеличения авторитарными лидерами объема своей власти, выступает подавление ими автономных политических организаций. Свидетельства тому — Чили и Уругвай в 1973 г. Однако, несмотря на эту связь, отношения между полиархией и плюрализмом не являются простыми по крайней мере по двум причинам. Во-первых, было бы глубоким заблуждением полагать, что организационная жизнь сходна во всех демократических странах. Организационный плюрализм — важная характеристика политической жизни как в Норвегии, так и, например, в Соединенных Штатах, но специфическая модель устройства организаций в Норвегии существенно отличается от Соединенных Штатов, и последствия этого для политической жизни имеют различный характер. Стоит взглянуть на политические

системы и профсоюзы в двух странах, чтобы увидеть, насколько они разнятся и к каким различным последствиям ведут эти отличия. Очевидно, что даже политические системы европейских стран весьма разнообразны.

Эти различия в морфологии организационной жизни связаны со вторым фактором, усложняющим отношения между плюрализмом и полиархией. Если плюрализм в системе полиархии необходим, неизбежен и желателен, он может кроме этого оказывать и нежелательные воздействия. Если, например, одни интересы могут быть аккумулированы в организации с их ресурсами, а другие нет, то такой образец будет способствовать поддержанию неравенства среди граждан некоторые из видов этого неравенства могут быть несправедливы. Или примем во внимание то, что так беспокоило Руссо. Ассоциации могут достигать большего, чем просто защиты или артикуляции интересов своих членов. Они способны также заострять и преувеличивать частные аспекты групповых интересов как противостоящие другим, возможно отмеченным большей привлекательностью и лояльностью интересам и в этом смысле помогать формированию и укреплению деформированного гражданского сознания. Когда организационный плюрализм ведет к подобным последствиям, это может исказить существо имеющихся в обществе проблем и сконцентрироваться на политическом процессе скорее в направлении, обещающем видимые краткосрочные выгоды небольшому меньшинству хорошо организованных граждан, чем в направлении,

обеспечивающем значимые долгосрочные выгоды для большого числа неорганизованных граждан.

Все это позволяет относительно автономным организациям или в более общей формулировке коалициям организаций концентрироваться на тех функциях, которые в сущности являются публичными. Поэтому, как бы это ни было неприятно для защитников монистической демократии вроде Руссо, следует создавать гарантии против такой концентрации. В противном случае это наделяет возможностями, которые могут вызвать беспокойство даже у тех, кто убежден во внутренней взаимосвязанности организационного плюрализма и крупномасштабной демократии. Одна из таких возможностей связана с тем, что контроль над некоторыми важными общественными делами переносится в организации, которые, реализуя решения практически, выведены из-под контроля демоса и его представителей в парламенте и правительстве. В дальнейшем этот перенос контроля превращается в нечто значительно большее, чем обычное делегирование власти демосом в организацию,

делегирующие столь же формальное, как и в том случае, когда решения делегируются парламентом в бюрократический орган управления. Если же на практике демократия не в состоянии реализовать адекватный контроль, тогда происходящее по существу перестает быть делегированием и превращается в отчуждение авторитета.

Подобное действительно может происходить во многих структурах, учитывая хотя бы многочисленные попытки недавних лет понять эмпирические и нормативные аспекты того, что называли по-разному: корпоративизмом, демократическим корпоративизмом, корпоративным плюрализмом и т.д. Около двадцати лет назад С. Роккан¹ опубликовал очерк о Норвегии, главная мысль которого может быть суммирована его же собственными словами: «Множественная демократия и корпоративный плюрализм: голоса подсчитываются, но решают ресурсы». Кабинет, писал он, «находится на вершине электоральной иерархии, но он лишь один из четырех корпоративных союзов, заключающих между собой соглашения». Тремя другими, которые он имел в виду, были, конечно, труд, бизнес и фермеры. Он продолжал далее: «Кабинет, безусловно, должен взять на себя роль посредника между конфликтующими интересами в национальном сообществе. Наконец, в делах внешней политики он может лишь изредка, если вообще может, навязывать свою волю на основании обладания одной только электоральной властью, скорее же должен модифицировать свою

политику в ходе комплексных консультаций и переговоров с главными заинтересованными организациями».

Системы, комбинирующие множественную демократию с корпоративным плюрализмом, обладают значительными преимуществами, по-моему, не поддающимися определению; эти системы, кроме того, поднимают крайне сложные проблемы для демократической теории и функционирования институтов, которые пока также не разрешены. Это утверждение нетрудно обосновать. Корпоративный плюрализм, хотя бы того типа, который Роккан описал на примере Норвегии, существует на прагматическом, утилитарном основании. Однако в той мере, в какой это позволяет контролировать важные и могущие быть отчужденными общественные функции, такой корпоративизм склонен к попранию демократических принципов. Возможно, что наше понимание демократии должно быть как-то адаптировано к существующей практике,

¹ Роккан Стейн (1921 —1979) — широко известный и авторитетный на Западе норвежский политолог.

но в настоящий момент, думается, не может быть найдено никакой удовлетворительной теоретической формулировки, которая обеспечивала бы корпоративизм демократической легитимностью.

Корпоративизм в скандинавском варианте есть скорее постановка проблемы, чем ее решение. Скажем, Соединенным Штатам скорее недостает тех централизованных, национального масштаба организаций — профсоюзов, бизнеса и фермеров, которые делают возможной структуру демократического корпоративизма в Швеции, Норвегии, Нидерландах и Австрии. Здесь проблема обнаруживает себя в самых различных формах, например в известных «железных треугольниках», включающих в себя комитеты Конгресса, его бюрократию и заинтересованные организации, оказывающие значительное влияние на принятие решений. Национальное соглашение, которое возникает в корпоративных системах, ведет к более драматичным последствиям, но стабильная работа «железных треугольников» способна оказать важное долгосрочное воздействие и вполне примирима с публичной позицией.

[...] Таким образом, сдвиг, расширивший пространство демократии от города-государства к нации-государству, одновременно заменил монистическую демократию плюралистической. Трансформация практики и институтов, связанная с огромными переменами в масштабе, — событие драматическое и имеющее далеко идущие последствия. Изменилась сама демократическая теория. *Общественный договор,*

предназначенный для государства и общества в определенном и теперь уже безвозвратно изменившемся пространстве, сделался невозможным. В этом смысле данное событие произвело подлинно революционизирующее воздействие. Спустя семьдесят лет¹ Токвиль выдвинул идею, согласно которой подходящим для демократии местом в современном мире являются именно большие нации-государства, а не малые города-государства. Другое же поколение, следовавшее за Дж. Ст. Миллем, не только взяло эту идею на вооружение, но и сделало ее основополагающей в своих размышлениях.

Следовательно, демократическая теория, первоначально сформулированная как осмысление политической и общественной системы небольшого масштаба, несомненно, нуждается в поправках на реальность крупномасштабной демократии. Монистические положения классически-демократических убеждений сталкиваются с плюралистической

¹ Имеется в виду отрезок времени между выходом книги Ж.Ж. Руссо и публикацией работ А. де Токвиля.

действительностью широкомасштабной демократии, и в результате теория часто оказывается неадекватной как с описательной, так и нормативной точек зрения.

Для того чтобы лучше осмыслить связи, имеющиеся между полиархией и плюрализмом, возможно, следует предложить и шестую интерпретацию полиархии вдобавок к пяти уже имеющимся. Полиархию можно рассматривать и как вид режима, приспособленного для управления нациями-государствами, в которых власть и авторитет над общественными делами распределены среди плюралистического множества организаций и ассоциаций, которые достаточно автономны не только в отношении друг к другу, но и во многих случаях в отношении к управленческой деятельности государства. Эти относительно автономные союзы включают в себя не только организации, которые являются легально, иногда конституционно объектами управления государства, но и те организации, которые легально являются, используя термин, который может показаться здесь совершенно неуместным, «частными». Это означает, что легально и в значительной степени реально они независимы от государства во всем или по крайней мере в главном.

Полиархия отлична от классически-монистической демократии и в другом отношении — выдающейся ролью, властью и легитимностью автономных организаций в политической жизни общества и решении общественных дел. Полиархия также отличается от авторитарных режимов в двух следующих пунктах: 1) институтами полиархии, которыми, по определению, ни один авторитарный режим полностью не обладает и которые

обеспечивают значительно больший простор демократическому процессу, чем может обеспечить любой авторитарный режим, отторгающий более или менее важные институты, необходимые (если не достаточные) для широкомасштабной демократии; 2) масштабом организационного плюрализма, который ясно отличает полиархию от монистических авторитарных режимов, т.е. тоталитарных систем, с одной стороны, и, с другой стороны, от авторитарных режимов ограниченного плюрализма, используя выражение Джоана Линца, тех, где не существует, например, плюральности относительно автономных политических партий. По сравнению с идеалом монистической демократии, доминировавшими со времен классических Афин до Руссо, власть и авторитет организационных субсистем-субправительств, как их иногда называли, значительно менее существенны с демократической точки зрения. Парадоксально, однако, — а может быть, и не столь уж парадоксально, —

Глава 8. ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ

415

что в нашем мире теория и практика монизма лучше всего представлены в авторитарных режимах. Если наиболее очевидной альтернативой полиархии в современном мире выступает не демократия города-государства, а авторитарный режим, то с точки зрения перспектив демократии несовершенные системы полиархии и плюрализма начинают выглядеть как значительно более привлекательные. Так как если в сравнении с идеальной монистической демократией субсистемы полиархии и плюрализма часто и выглядят как слишком громоздкие, неприспособленные, то в сравнении с монизмом или ограниченным плюрализмом авторитарных режимов дело

обстоит иначе. Авторитарные режимы оказываются ограниченными в своей власти благодаря наличию и легитимности, во-первых, институтов полиархии, а во-вторых, системы соответствующих этим институтам прав.

Таким образом, то, что власть и авторитет организации ограничены, есть по крайней мере одна из причин, объясняющих, почему достаточно мощным организациям позволено обладать той степенью автономии, какой они обладают. Вторая причина заключается в том, что, как мы убедились, эти организации необходимы для демократии значительных масштабов. Кроме того, сегодня уже общепризнаны убеждения ранних легальных плюралистов от Гьерка до Ласки и Коула: относительная автономность необходима для нормальной жизни и подобающего социально-политического порядка, без нее и не может быть самого их существования. Поэтому их наличие столь же обоснованно, морально и практично, сколь обоснованно и наличие самого государства. Далее, сложная система принятия решений по общественным вопросам, в которой они участвуют, часто рассматривается как более предпочтительная в чисто утилитарном смысле, по крайней мере если сравнивать ее с любой другой возникающей альтернативой. Существует, однако, и еще одна, последняя причина — любому правительству в условиях полиархии очень сложно покуситься как на автономию многих важных организаций, так и на их авторитетное участие в принятии решений.

Тем не менее я не убежден, что мы уже нашли удовлетворительный путь снятия напряженности между плюрализмом и демократией, который имеется сегодня в теории и на практике. Аномалия демократического плюрализма, на которую провидчески указал Ст. Роккан около двадцати лет

назад, до сих пор не устранена: подсчитываются голоса избирателей, но решают часто все же организационные ресурсы. Печатается по: *Даль Р.* Полиархия, плюрализм и пространство // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 37—48.

416 Раздел 111. МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Глава 9

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ

К.П. ПОБЕДОНОСЦЕВ

Великая ложь нашего времени

1

Что основано на лжи, не может быть право. Учреждение, основанное на ложном начале, не может быть иное, как лживое. Вот истина, которая оправдывается горьким опытом веков и поколений.

Одно из самых лживых политических начал есть начало народовластия, та, к сожалению, утвердившаяся со времени Французской революции *идея*, что всякая власть исходит от *народа* и имеет основание в воле народной. Отсюда истекает теория парламентаризма, которая до сих пор вводит в заблуждение массу так называемой интеллигенции — и проникла, к несчастью, в русские безумные головы. Она продолжает еще держаться в умах с упорством узкого фанатизма, хотя ложь ее с каждым днем изобличается все явственнее перед целым миром.

В чем состоит теория парламентаризма? Предполагается, что весь народ в народных собраниях творит себе законы, избирает должностные лица, стало быть, изъявляет непосредственно свою волю и приводит ее в действие. Это идеальное представление. Прямое осуществление его невозможно: историческое развитие общества приводит к тому, что местные союзы умножаются и усложняются, отдельные племена сливаются в целый народ или группируются в разноразличные под одним государственным знаменем; наконец, разрастается без конца государственная территория, непосредственное народоправление при таких условиях немыслимо. Итак, народ должен переносить свое право владения на некоторое число выборных людей и облекать их правительственной автономией. Эти выборные люди, в свою очередь, не могут править непосредственно, но принуждены выбирать еще меньшее число доверенных лиц, — министров, коим предоставляется изготовление и применение законов, раскладка и соби́рание податей, назначение подчиненных должностных лиц, распоряжение военно́ю силою.

Механизм — в идее своей стройный; но, для того, чтобы он действовал, необходимы некоторые существенные условия.

Машинное производство имеет в основании своем расчет на непрерывно действующие и совершенно ровные, следовательно, безличные силы. И этот механизм мог бы успешно действовать, когда бы доверенные от народа лица

устранились вовсе от своей *личности*; когда бы на парламентских скамьях сидели механические исполнители данного им наказа; когда бы министры явились тоже безличными, механическими исполнителями воли большинства; когда бы притом представителями народа избираемы были всегда лица, способные уразуметь в точности и исполнять добросовестно данную им и математически точно выраженную программу действий. Вот при таких условиях действительно машина работала бы исправно и достигала бы цели. Закон действительно выражал бы волю народа; управление действительно исходило бы от парламента; опорная точка государственного здания лежала бы действительно в собраниях избирателей, а каждый гражданин явно и сознательно участвовал бы в управлении общественными делами.

Такова теория. Но посмотрим на практику. В самых классических странах парламентаризма — он не удовлетворяет *ни одному* из вышепоказанных условий. Выборы никоим образом не выражают волю избирателей. Представители народные не стесняются нисколько взглядами и мнениями избирателей, но руководят собственным произвольным усмотрением или расчетом, соображаемым с тактикою противной партии. Министры в действительности самовластны; и скорее они насилуют парламент, нежели парламент их насилует. Они вступают во власть и оставляют власть не в силу воли народной, но потому, что их ставит к власти или устраняет от нее — могущественное личное влияние или влияние сильной партии. Они располагают

всеми силами и достатками нации по своему усмотрению, раздают льготы и милости, содержат множество праздных людей на счет народа, — и притом не боятся никакого порицания, если располагают большинством в парламенте, а большинство поддерживают — раздачей всякой благостыни с обильной трапезы, которую государство отдало им в распоряжение. В действительности министры столь же безответственны, как и народные представители. Ошибки, злоупотребления, произвольные действия — ежедневное явление в министерском управлении, а часто ли слышим мы о серьезной ответственности министра? Разве, может быть, раз в пятьдесят лет приходится слышать, что над министром суд, и всего чаще результат суда выходит ничтожный — сравнительно с шумом торжественного производства.

Если бы потребовалось истинное определение парламента, надлежало бы сказать, что парламент есть *учреждение, служащее для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия и личных интересов представителей*. Учреждение это служит не последним до-

казательством самообольщения ума человеческого. Испытывая в течение веков гнет самовластия в единоличном и олигархическом правлении и не замечая, что пороки единовластия суть пороки самого общества, которое живет под ним, — люди разума и науки возложили всю вину действия на своих властителей и на форму правления, и представили себе, что с переменою этой формы на форму народовластия или представительного правления — общество избавится от своих бедствий и от терпимого насилия. Что же вышло в результате? Вышло то, что *mutato nomine* все осталось в сущности по-прежнему, и люди, оставаясь при слабостях и пороках своей природы, перенесли в новую форму все прежние свои привычки и склонности. Как прежде, правит ими личная воля и интерес привилегированных лиц; только эта личная воля осуществляется уже не в лице монарха, а в лице предводителя партии, и привилегированное положение принадлежит не родовым аристократам, а господствующему в парламенте и правлении большинству. На фронтоне этого здания красуется надпись: «Все для общественного блага». Но это не что иное, как самая лживая формула; парламентаризм есть торжество эгоизма, высшее его выражение. Все здесь рассчитано на служение своему я. По смыслу парламентской фикции, представитель отказывается в своем звании от личности и должен служить выражением воли и мысли своих избирателей; а в действительности избиратели — в самом акте избрания отказываются от всех своих прав в пользу избранного представителя. Перед выборами кандидат в своей программе и в речах своих ссылается постоянно на

вышеупомянутую фикцию: он твердит все о благе общественном, он не что иное, как слуга и печальник народа, он о себе не думает и забудет себя и свои интересы ради интереса общественного. И все это — слова, слова, одни слова, временные ступеньки лестницы, которые он строит, чтобы взойти, куда нужно, и потом сбросить ненужные ступени. Тут уже не он станет работать на общество, а общество станет орудием для его целей. Избиратели являются для него стадом — для сбора голосов, и владельцы этих стад подлинно уподобляются богатым кочевникам, для коих стадо составляет капитал, основание могущества и знатности в обществе. Так развивается, совершенствуясь, целое искусство играть инстинктами и страстями массы для того, чтобы достигнуть личных целей честолюбия и власти. Затем уже эта масса теряет всякое значение для выбранного ею представителя до тех пор, пока понадобится снова на нее действовать: тогда пускаются в ход снова льстивые и лживые фразы, — одним в угоду, в угрозу другим: длинная, нескончаемая цепь однородных маневров, об-

разующая механику парламентаризма. И такая-то комедия выборов продолжает до сих пор обманывать человечество и считаться учреждением, венчающим государственное здание...

[...]

Вот как практикуется выборное начало. Честолюбивый искатель сам выступает перед согражданами и старается всячески уверить их, что он, более, чем всякий иной, достоин их доверия. Из каких побуждений выступает он на это искательство? Трудно поверить, что из бескорыстного усердия к общественному благу. Вообще, в наше время редки люди, проникнутые чувством солидарности с народом, готовые на труд и самопожертвование для общего блага; это натуры идеальные; а такие натуры не склонны к соприкосновению с пошлостью житейского быта. Кто по натуре своей способен к бескорыстному служению общественной пользе в сознании долга, тот не пойдет заискивать голоса, не станет воспевать хвалу себе на выборных собраниях, нанизывая громкие и пошлые фразы. Такой человек раскрывает себя и силы свои в рабочем углу своем или в тесном кругу единомышленных людей, но не пойдет искать популярности на шумном рынке. Такие люди, если идут в толпу людскую, то не затем, чтоб льстить ей и подлаживаться под пошлые ее влечения и инстинкты, а разве затем, чтобы обличать пороки людского быта и ложь людских обычаев. Лучшим людям, людям долга и чести, противна выборная процедура: от нее не отвращаются лишь своекорыстные, эгоистические натуры, желающие достигнуть личных своих целей. Такому человеку не стоит труда надеть на себя

маску стремления к общественному благу, лишь бы приобрести популярность. Он не может и не должен быть скромн, — ибо при скромности его не заметят, не станут говорить о нем. Своим положением и тою ролью, которую берет на себя, — он *вынуждается* — лицемерить и лгать с людьми, которые противны ему, он поневоле должен сходиться, браться, любезничать, чтобы приобрести их расположение, — должен раздавать обещания, зная, что потом не выполнит их, должен подлаживаться под самые пошлые наклонности и предрассудки массы, для того чтоб иметь большинство за себя. Какая честная натура решится принять на себя такую роль? Изобразите ее в романе: читателю противно станет; но тот же читатель отдаст свой голос на выборах живому артисту в той же самой роли. Выборы — дело искусства, имеющего, подобно военному искусству, свою стратегию и тактику. Кандидат не состоит в прямом отношении к своим избирателям. Между ним и избирателями посредствует *комитет*, самочинное учреждение, коего главною силою служит — *на-*

хальство. Искатель представительства, если не имеет еще сам по себе известного имени, начинает того, что подбирает себе кружок приятелей и споспешников; затем все вместе производят около себя ловлю, т.е. приискивают в местной аристократии богатых и не крепких разумом обывателей и успевают уверить их, что это их дело, их право и преимущество стать во главе — руководителями общественного мнения. Всегда находится достаточно глупых или наивных людей, поддающихся на эту удочку, — и вот, за подписью их, появляется в газетах и наклеивается на столбах объявление, привлекающее массу, всегда падкую на следование за именами, титулами и капиталами. Вот каким путем образуется комитет, руководящий и овладевающий выборами, — это своего рода компания на акциях, вызванная к жизни учредителями. Состав комитета подбирается с обдуманном искусством: в нем одни служат действующею силой — люди энергические, преследующие во что бы то ни стало материальную или тенденциозную цель; другие — наивные и легкомысленные статисты — составляют балласт. Организуются собрания, произносятся речи: здесь тот, кто обладает крепким голосом и умеет быстро и ловко нанизывать фразы, производит всегда впечатление на массу, получает известность, нарождается кандидатом для будущих выборов или, при благоприятных условиях, сам становится кандидатом, сталкивая того, за кого пришел вначале работать языком своим. Фраза — и не что иное, как фраза, — господствует в этих собраниях. Толпа слушает

лишь того, кто громче кричит и искуснее подделывается пошлостью и лестью под ходячие в массе понятия и склонности. В день окончательного выбора лишь немногие подают голоса свои сознательно: это отдельные влиятельные избиратели, коих стоило уговаривать поодиночке. Большинство, т.е. масса избирателей, дает свой голос стадным обычаем, за одного из кандидатов, выставленных комитетом. На билетах пишется то имя, которое всего громче натвержено и звенело в ушах у всех в последнее время. Никто почти не знает человека, не дает себе отчета ни о характере его, ни о способностях, ни о направлении: выбирают потому, что много слышаны об его имени. Напрасно было бы вступать в борьбу с этим стадным порывом. Положим, какой-нибудь добросовестный избиратель пожелал бы действовать сознательно в таком важном деле, не захотел бы подчиниться насильственному давлению комитета. Ему остается — или уклониться вовсе в день выбора, или подать голос за своего кандидата по своему разумению. Как бы ни поступил он, — все-таки выбран будет тот, кого про-

возгласила масса легкомысленных, равнодушных или уговоренных избирателей.

По теории, избранный должен быть излюбленным человеком большинства, а на самом деле избирается излюбленник меньшинства, иногда очень скудного, только это меньшинство представляет организованную силу, тогда как большинство, как песок, ничем не связано, и потому бессильно перед кружком или партией. Выбор должен бы падать на разумного и способного, а в действительности падает на того, кто нахальнее суется вперед. Казалось бы, для кандидата существенно требуется — образование, опытность, добросовестность в работе: а в действительности все эти качества могут быть и не быть: они не требуются в избирательной борьбе, тут важнее всего — смелость, самоуверенность в соединении с ораторством и даже с некоторою пошлостью, нередко действующею на массу. Скромность, соединенная с тонкостью чувства и мысли, — для этого никуда не годится. [...]

Печатается по: *Победоносцев К..П.* Великая ложь нашего времени // К.П. Победоносцев: pro et contra. СПб., 1996. С. 99—104.

А. ЛЕЙПХАРТ

Конституционные альтернативы для новых демократий

Две основополагающие альтернативы, перед которыми оказываются творцы новых демократических конституций, — это, во-первых, выбор между избирательными системами,

основанными, соответственно, на принципе большинства и на принципе пропорционального представительства, и, во-вторых, — между парламентской и президентской формами правления.

[...]

Сравнительное изучение демократий показало, что тип избирательной системы значимым образом связан с развитием партийной системы страны, с типом существующей в ней исполнительной власти (однопартийное или же коалиционное правительство) и с отношениями между исполнительной властью и законодательным органом. В странах, где на выборах действует принцип большинства (на выборах общенационального уровня почти всегда применяемый в одномандатных округах), скорее всего утверждаются двухпартийные системы, появляются однопартийные правительства и существует доминирующее положение исполнительной власти по отношению к соответствующим законодательным

органам. Таковы основные особенности вестминстерской, или *мажоритарной*, модели демократии, при которой власть сосредоточивается в руках партии большинства. Напротив, пропорциональное представительство скорее ассоциируется с многопартийными системами, коалиционными правительствами (часто вплоть до широких и всеобъемлющих коалиций) и с более уравненным соотношением исполнительной и законодательной властей. Этими особенностями характеризуется *консенсусная* модель демократии, которая — в противоположность однозначному и безраздельному правлению большинства — воплощает стремление к ограничению, разделению, разграничению и распределению власти различными способами. По поводу данных двух групп взаимосвязанных характеристик необходимо отметить еще три момента. Во-первых, зависимость между этими характеристиками обоюдная. Скажем, выборы, проводимые на основе принципа большинства, благоприятствуют утверждению двухпартийной системы; но и существование двухпартийной системы благоприятствует сохранению мажоритарного принципа, дающего обеим главным партиям большие преимущества, от которых они едва ли откажутся. Во-вторых, если при внедрении демократического политического строя хотят способствовать утверждению в нем черт, характерных для мажоритарного его типа (принцип большинства, двухпартийная система и сильный, однопартийный кабинет) или же, напротив, для консенсусного типа (пропорциональное представительство, многопартийность, коалиционные

правительства и более сильный законодательный орган), то наиболее практически целесообразным способом достижения этого является выбор соответствующей избирательной системы.

[...]

В-третьих, системы пропорционального представительства имеют существенные разновидности. Не вдаваясь во все технические подробности, полезно провести различие между *крайним* вариантом пропорционального представительства, при котором на пути небольших партий воздвигается мало барьеров, и *умеренным* его вариантом. Последний ограничивает влияние малых партий, применяя принцип пропорционального представительства не в больших округах и не в общенациональном округе, а лишь в малых округах, а также вводя оговорку о необходимости для партий набрать определенный минимальный процент голосов, чтобы получить представительство в выборном органе, как, например, 5%-й минимум в Германии. Голландская, израильская и итальянская системы являются примерами крайнего варианта про-

порционального представительства, а германская и шведская — примерами его умеренного варианта.

Другая основополагающая альтернатива при выборе конституционного устройства — между парламентской и президентской формами правления — также влияет на приобретение политической системой мажоритарного и консенсусного характера. Президентская форма правления оказывает на партийную систему и на тип исполнительной власти влияние, идущее в направлении мажоритарной, а на отношения исполнительной и законодательной властей — в направлении консенсусной модели. Президентские системы, формально отграничивая друг от друга исполнительную и законодательную власти, обычно способствуют их примерному равновесию. В то же время президентская форма способствует складыванию двухпартийной системы, так как президентство — самый большой политический приз и выиграть его имеют шансы лишь крупнейшие партии. Данное преимущество, которым обладают большие партии, часто остается за ними и на выборах в законодательный орган (особенно при одновременном их проведении с президентскими), даже если они проводятся по правилам пропорционального представительства. При президентской форме правления обычно формируются кабинеты, составленные единственно из членов правящей партии. По сути дела, президентские системы концентрируют исполнительную власть в еще большей степени, чем это происходит при образовании

парламентом однопартийного кабинета, — они сосредоточивают такую власть не просто в руках одной-единственной *партии*, но в руках одного-единственного *лица*.

В объяснение уже сделанного в прошлом выбора

Я ставлю перед собой цель не просто описать [взаимно] альтернативные демократические системы и их мажоритарные или консенсусные характеристики, но и дать некоторые практические рекомендации тем, кто закладывает основы демократического устройства [своих стран]. Каковы главные преимущества и недостатки принципа большинства и принципа пропорционального представительства, а также президентской и парламентской форм? Способ подхода к этому вопросу — исследовать, почему современные демократии в свое время сделали тот конституционный выбор, который они сделали.

На рис. 1 показаны все четыре комбинации основных характеристик, а также страны и регионы, где принята та или иная из комбинаций. Наиболее отчетливо выраженные примеры сочетания президентской

формы с принципом большинства дают Соединенные Штаты, а также демократии, испытавшие сильное их влияние, —такие, как Филиппины и Пуэрто-Рико. Латиноамериканские страны в подавляющем большинстве избрали системы, сочетающие президентскую форму с пропорциональным представительством. Парламентско-мажоритарные системы существуют в Соединенном Королевстве и многих бывших британских колониях, включая Индию, Малайзию, Ямайку, а также страны так называемого Старого Содружества (Канаду, Австралию и Новую Зеландию). Наконец, системы, сочетающие парламентскую форму правления с пропорциональным представительством, сконцентрированы в [континентальной] Западной Европе. Конечно, вся картина в целом в значительной степени определяется географическими, культурными и колониальными факторами, к чему я в скором времени еще вернусь.

Исторические типы демократии

	Президентская форма правления	Парламентская форма правления
Выборы по мажоритарному принципу	Соединенные Штаты, Филиппины	Соединенное Королевство, Старое Содружество, Индия, Малайзия, Ямайка
Пропорциональн	Латинская Америка	Западная Европа

ое
представительств
о

--	--

Среди современных демократий очень немного найдется таких, которые нельзя подвести под данную классификацию.

Основными исключениями являются демократии, располагающиеся как раз посередине между чисто президентским и чисто парламентским типами (Франция и Швейцария), а также такие, где в избирательных системах применяются методики, отличные от пропорционального представительства или же от принципа большинства в их чистом виде (Ирландия, Япония и, опять-таки, Франция). [...]

Два важных фактора повлияли на принятие принципа пропорционального представительства в континентальной Европе. Одним из них явилась проблема этнических и религиозных меньшинств; пропорциональное представительство предназначалось для обеспечения представительства меньшинства и тем самым для противодействия потенциальным угрозам национальному единству и политической стабильности. [...] Вторым фактором была динамика процесса демократизации. [...]

Оба фактора актуальны и применительно к современному конституционному творчеству, особенно для многих стран, где имеется глубокая разделенность по этническому признаку или где существует необходимость примирения новых демократических сил с противостоящими демократии старыми группами.

Принимался ли парламентский или же президентский порядок правления — это также изначально определялось процессом демократизации.

[...] Существовало два основных способа, коими монархическая власть могла быть демократизирована: упразднить большую часть личных политических прерогатив монарха и вменить его кабинету ответственность перед всенародно избранным законодательным органом, создавая тем самым парламентскую систему; или же упразднить наследственного монарха и взамен ввести нового, демократически избираемого «монарха», создавая таким образом президентскую систему.

Другими историческими основаниями были произвольное имитирование успешных демократий и доминирующее влияние колониальных держав. Как весьма ясно показывает *рис. 1*, огромную важность имело влияние Британии как колониальной державы. Президентская модель США широко имитировалась в Латинской Америке в XIX в. А в начале XX в. пропорциональное представительство быстро распространялось в континентальной Европе и Латинской Америке, не только в угоду носителям политических пристрастий и ради защиты меньшинств, но и в

силу того, что оно широко воспринималось как самый демократичный способ выборов и, стало быть, как «волна демократического будущего».

В связи с этой настроенностью [общественного мнения] в пользу пропорционального представительства выдвигается дискуссионный вопрос о качестве демократии, достигаемом во всех четырех альтернативных системах. Термин «качество» подразумевает степень, в какой та или иная система отвечает таким демократическим нормам, как представительность, ответственность (подотчетность) (accountability), равенство и участие. Заявлявшиеся позиции и контрпозиции слишком хорошо известны, чтобы надо было здесь долго о них говорить, но имеет смысл подчеркнуть, что расхождения между противоположными лагерями не столь велики, как часто полагают. Прежде всего, сторонники пропорциональной системы и сторонники принципа большинства не согласны друг с другом не столько в том, каковы, соответственно, последствия этих двух методик проведения выборов, сколько в том, какой вес этим последствиям придавать. Обе стороны согласны в том, что

принцип пропорционального представительства обеспечивает большую пропорциональность представительства вообще, а также представительство меньшинств, а принцип большинства способствует складыванию двухпартийных систем и однопартийных органов исполнительной власти. Расходятся спорящие в том, какой из этих результатов считать более предпочтительным, причем сторонники принципа большинства утверждают, что только в двухпартийных системах достижима четкая ответственность за правительственную политику.

Кроме того, обе стороны спорят об *эффективности* обеих систем. Пропорционалисты ценят представительство меньшинств не просто за демократическое качество [такого порядка], но и за его способность обеспечивать сохранение единства и мира в разделенных обществах. Сходным образом, сторонники принципа большинства настроены в пользу однопартийных кабинетов не только ради их демократической подотчетности, но и ради обеспечиваемой ими, как это считается, твердости руководства и эффективности при разработке и проведении политики. Обнаруживается также и некоторое различие в акценте, какой обе стороны делают соответственно на качестве и на эффективности. Пропорционалисты склонны придавать большее значение *представительности* правления, тогда как мажоритаристы более существенным соображением считают *способность управлять*.

Наконец, спор между сторонниками президентской и парламентской форм правления, хоть он и не был столь ожесточенным, отчетливо обнаруживает свое подобие спору об избирательных

системах. И здесь заявленные позиции и контрпозиции вращаются вокруг и качества, и эффективности. Сторонники президентской формы рассматривают как важную демократическую ценность прямое всенародное избрание главного носителя исполнительной власти, парламентаристы же считают не соответствующей демократическому оптимуму сосредоточение исполнительной власти в руках одного-единственного лица. Но в данном случае предметом серьезных дискуссий была в большей степени проблема эффективности, когда одна сторона подчеркивала роль президента как обеспечивающего сильное и эффективное руководство, а другая — опасность конфликта и тупика в отношениях исполнительной и законодательной властей.

Оценивая демократию в действии

Каким образом можно оценивать фактическое действие этих различных типов демократии?

[...] Я в своем анализе ограничился демократиями, относящимися к передовым индустриальным странам. В любом случае латиноамериканские демократии, ввиду их более низкого уровня экономического развития, нельзя счесть поддающимися сопоставлению [с другими]. Значит, один из четырех основных альтернативных вариантов — форму демократии, сочетающую президентский тип правления с пропорциональным представительством и существующую только в Латинской Америке, — придется в нашем анализе опустить. [...]

Все три остальные альтернативы: президентская форма правления плюс принцип большинства, парламентская форма правления плюс тот же принцип и, наконец, та же форма правления плюс пропорциональное представительство — наличествуют среди прочно утвердившихся западных демократий. Я обращаюсь к 14 странам, каждая из которых с [несомненностью соответствует какой-либо из этих трех категорий. Соединенные Штаты — единственный случай сочетания президентской формы и принципа большинства. Имеются четыре случая, когда парламентская форма соединена с принципом большинства (Австралия, Канада, Новая Зеландия и Соединенное Королевство), и девять демократий парламентско-пропорционалистского типа (Австрия, Бельгия, Дания, Финляндия, Германия, Италия [до 1995 г. — *Ред*□, Нидерланды, Норвегия и Швеция). Семь многолетних, стабильных демократий исключены из анализа потому, что либо ни под одну из трех категорий не подходят безоговорочно (это Франция, Ирландия,

Япония и Швейцария), либо слишком подвержены воздействию внешних факторов (это Израиль, Исландия и Люксембург). Поскольку важная цель пропорционального представительства — облегчить доступ к представительству меньшинствам, естественно ожидать, что соответствующие системы превосходят в этом отношении мажоритарные. Не приходится сомневаться, что дело именно так и обстоит. Например, там, где этнические меньшинства сформировали этнические политические партии, как в Бельгии и Финляндии, принцип пропорционального представительства позволил им получить поистине совершенную пропорциональность представительства. Ввиду наличия столь многих различных видов этнических и религиозных меньшинств в анализируемых демократиях, трудно систематически измерить *степень*, в какой пропорциональному представительству — в сравнении с принципом большинства — удастся обеспечить меньшинствам больше представителей. Можно, однако, провести систематическое сравнение — по странам — представительства женщин, этого меньшинства

в политическом, а не количественном смысле. Первая колонка *табл. 1* показывает процент женщин — членов низшей (или же единственной) палаты в национальных легислатурах этих 14 демократий в начале 80-х гг. Средний показатель для парламентско-пропорционалистских систем составляет 16,4%, что примерно вчетверо выше соответствующего показателя для Соединенных Штатов (4,1 %) и соответствующего среднего показателя для стран с парламентско-мажоритарными системами (4,0%). Несомненно, разрыв образуется отчасти за счет более высокого социального положения женщин в четырех северных странах, но и средний показатель в 9,4% для пяти остальных стран, сочетающих парламентскую форму правления с пропорциональным представительством, — это более чем вдвое выше по сравнению со странами с мажоритарной системой.

**Таблица 1. Представительство женщин в легислатурах;
 индекс**

**инновационного качества политики в области поддержки
 семьи;**

**активность избирателей; неравенство доходов; показатель
 качества демократии по Р. Далю**

\	Представ ительство	Политика в области	Участие в	Доля в суммарном	Показатель качества
Президентская	4,1	3,00	54,2	39,9	3,0
Парламентская	4,0	2,50	75,3	42,9	4,8
Парламентская форма правления +	16,4	7,89	84,5	39,0	2,2

Примечание. Единственная страна, сочетающая президентскую форму правления с мажоритарной системой, — Соединенные Штаты; четыре страны с парламентской формой правления и мажоритарной системой — Австралия, Канада, Новая Зеландия и Соединенное Королевство; девять стран, сочетающие парламентскую форму правления и пропорциональное представительство, — Австрия, Бельгия, Дания, Финляндия, Германия, Италия, Нидерланды, Норвегия и Швеция.

Происходит ли с увеличением представительства женщин более успешное продвижение их интересов? Произведенное Хэролдом Л. Ви-ленским тщательное ранжирование демократий по степени инноваци-

онности и масштабности их политики в области поддержки семьи — а это для женщин дело особой важности — указывает на существование такой зависимости¹. На шкале, градуированной тринадцатью точками (от максимально возможного показателя, равного 12, до минимального — нулевого), показатели для этих стран расположились между точками «11» и «1». Расхождения между [усредненными] показателями для каждой из трех групп стран (как это продемонстрировано во втором столбце *табл. 1*) поразительны: для группы стран, где действует пропорциональная система представительства, показатель выражается цифрой 7,89, тогда как для группы стран с парламентской формой правления и мажоритарной системой он составляет 2,50, а для США — лишь немногим более, т.е. 3,00. Наивысших уровней здесь достигают опять-таки северные страны, однако и для остальных стран из группы тех, где действуют пропорциональные системы представительства, средний показатель, равный 6,80, все-таки значительно выше, чем в странах с мажоритарными системами.

Последние три колонки *табл. 1* содержат показатели качества демократии. В третьей колонке можно видеть надежнейшие данные об участии избирателей в голосованиях (в 70-е гг.); страны, где участие в голосовании обязательно (Австрия, Бельгия и Италия), не учитывались при исчислении средних показателей. По сравнению с чрезвычайно низким уровнем участия — 54,2%, — наблюдаемым в Соединенных Штатах, страны с парламентской формой правления и мажоритарными системами выглядят гораздо лучше (в среднем примерно 75%). Но еще

лучше — несколько более 84% — средний показатель для стран с парламентской формой правления и пропорциональным представительством. Цифры 75 и 84% говорят о различии весьма разительном, если учесть, что реально достижимый максимальный показатель составляет

¹ Рейтинги Виленского исчисляются по шкале, градуированной пятью точками (от максимального, обозначаемого цифрой «4», до минимального — нулевого) «для каждого из трех суммарных показателей политики в следующих областях: предоставление отпусков по беременности и родам и по уходу за ребенком — оплачиваемого, а также неоплачиваемого, — и их продолжительность; наличие и доступность развертываемой в рамках государственных программ сети детских дошкольных учреждений, а также усилия правительств по расширению такой сети; и, наконец, гибкость систем, регулирующих порядок оставления работы. Этими показателями измеряется активность правительств в проявлении заботы о детях и в расширении для каждого возможностей выбора в деле согласования трудовой деятельности с нуждами семьи».

около 90% (как о том свидетельствует уровень активности избирателей в странах, где участие в голосовании обязательно). Одной из целей демократии является политическое равенство, которое с большей вероятностью устанавливается между людьми при отсутствии больших различий в их экономическом положении. В четвертой колонке *табл. 1* представлены относящиеся к середине 80-х гг. данные Всемирного банка о доле в суммарном доходе всех семей, пришедшейся на их «верхние» 20%¹. Они говорят о несколько меньшей степени неравенства в распределении доходов в парламентско-пропорционалистских системах по сравнению с парламентско-мажоритарными; что касается Соединенных Штатов, то они занимают промежуточное положение.

Наконец, в пятой колонке резюмированы результаты, полученные Робертом А. Далем, ранжировавшим демократии по десяти показателям качества демократии, таким как: свобода печати; свобода ассоциаций; системы конкурирующих партий; сильные партии и группы интересов и эффективные легислатуры². Стабильные демократии ранжируются, располагаясь на шкале от наивысшего рейтинга, обозначаемого числом 1, в сторону понижения вплоть до низшего, обозначаемого числом 6. В том, как их ранжирует Дале, налицо некоторая пристрастность в пользу стран с пропорциональной системой представительства (он вводит в качестве переменной число партий — показатель, по которому многопартийные системы располагаются несколько выше двухпартийных), но и скорректировав итог с учетом этой пристрастности, мы об-

наруживаем поразительные отрывы парламентско-пропорционалистских систем от парламентско-мажоритарных: шесть стран первой из упомянутых двух групп получают наивысший рейтинг, большинство же стран другой группы — рейтинг 5, близкий к низшему.

Столь явственных различий не наблюдается, когда мы исследуем воздействие типа демократии на уровень поддержания общественного порядка и мира. Парламентско-мажоритарные системы имели в период 1948—1977 гг. самый низкий показатель по числу нарушений общественного порядка, но зато самый высокий — по числу случаев гибели людей в результате политического насилия; однако последний показа -

¹ За отсутствием данных, Австрия не учтена при исчислении среднего показателя для парламентско-пропорционалистских систем.

² *Dahl R.A. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven, Yale Univ. Press. 1971. P.231—245.*

тель почти целиком складывается за счет Соединенного Королевства, главным образом как следствие северо-ирландской проблемы. Более тщательный статистический анализ показывает, что по сравнению с типом демократии более важным фактором, объясняющим различия между 13 странами с парламентской формой правления по этим двум показателям является расколотасть в обществе¹.

В качестве аргумента в пользу мажоритарных систем важное значение придавали тому соображению, что там, где они действуют, формируются «сильные» однопартийные правительства, способные проводить «эффективную» государственную политику. Одна из ведущих сфер правительственной активности, где должна бы проявиться такая закономерность (this pattern), — регулирование экономики. Так вот, сторонникам мажоритарных систем пришлось испытать внезапное потрясение, когда в 1987 г. по доле ВВП (в оригинале, видимо, опечатка: «GDP» вместо требуемого по смыслу «GNP»). — *Прим. перев.*) на душу населения Италия (а это демократия, печально известная непрочностью и нестабильностью правительств, где действует пропорциональная система представительства в условиях многопартийности) превзошла Соединенное Королевство, которое, как считается, являет типичный образец эффективного правления. Если бы Италия открыла крупные месторождения нефти в Средиземноморье, мы, несомненно, объясняли бы ее исключительное экономическое достижение этим случайным обстоятельством. Но нефть открыла не Италия, а Британия!

Экономические успехи, и это очевидно, не определяются единственно правительственной политикой. Когда, однако, мы изучаем экономические показатели за длительный период времени, эффект внешних воздействий сводится к минимуму, особенно если сосредоточить внимание на странах со схожими уровнями экономического развития. В *табл. 2* представлены данные ОЭСР за 60—80-е гг. по трем важней-

¹ Как показывает этот множественно-корреляционный анализ, различия между странами по количественному уровню нарушений общественного порядка на 33%, а гибели людей в результате политического насилия — на 25% объяснимы разделенностью обществ, измеряемой степенью организационной замкнутости этнических и конфессиональных групп.

Дополнительная объяснимость типом демократии составляет по уровню нарушений общественного порядка лишь 2% (причем несколько более благополучны в этом отношении мажоритаристские системы), а по показателю гибели людей в результате политического насилия — 13% (причем несколько больше миролюбия в странах с пропорциональной системой представительства).

шим экономическим показателям — среднегодовому экономическому росту, инфляции и уровню безработицы.

Таблица 2. Экономический рост, инфляция и безработица (%)

	Экономический	Инфляция	Безработица
	1961-1989	1961-1989	1965-1989
Президентско-	3,3	5,1	6,1
Парламентско-	3,4	7,5	6,1
Парламентско-	3,5	6,3	4,4

* См. Примечание к табл. 1. — Прим. ред.

Источники: «OECD Economic Outlook», № 26 (Дец. 1979). Р. 131; № 30 (Дец. 1981). Р. 131, 140, 142; №46 (Дец. 1989). Р. 166, 176, 182.

Хотя Италия по экономическому росту и в самом деле было превзошла Британию, в целом группы стран с парламентско-мажоритарными и парламентско-пропорционалистскими системами по этому показателю мало отличаются как друг от друга, так и от Соединенных Штатов. Некоторое превышение, наблюдаемое у стран с парламентско-пропорционалистскими системами, нельзя считать значимым. По уровню инфляции наиболее благоприятный показатель у Соединенных Штатов, вслед за ними идут парламентско-пропорционалистские системы. Наиболее ощутимое различие в уровне безработицы: здесь последние выглядят значительно лучше мажоритарных систем¹. При сравнении же парламентско-мажоритарных систем с парламентско-пропорционалистскими последние по всем трем показателям выглядят предпочтительнее.

Уроки для развивающихся стран

Политологи склонны считать, что страны с мажоритарными системами, такие, как Соединенное Королевство и Соединенные Штаты, превосходят [других] по качеству демократии и по эффективности управле-

¹ Ввиду отсутствия сравнимых данных по безработице для Австрии, Дании и Новой Зеландии эти страны не отражены в цифрах по безработице в *табл. 2*.

ния, — склонность, скорее всего объясняющаяся тем, что политическая наука всегда была дисциплиной, высказывавшей англо-американскую ориентацию. Указанное распространенное мнение, однако, всерьез опровергается вышеприведенными эмпирическими данными. Везде, где обнаруживают значительные различия, парламентско-пропорционалистские системы почти неизменно показывают наилучшие результаты, особенно в отношении представительности, защиты интересов меньшинств, активности избирателей и контроля над безработицей.

Обнаружение этого обстоятельства заключает в себе важный урок для тех, кто закладывает основы демократического устройства [своих стран]: сочетание парламентской формы правления с пропорциональной системой представительства — вариант, которому следует уделить серьезное внимание.

Уместным будет, однако, и призвать к осмотрительности, ибо демократии этого типа весьма сильно разнятся между собой.

Умеренное пропорциональное представительство и умеренная многопартийность, как в Германии и Швеции, дают более привлекательные модели, чем крайний вариант того и другого, как в Италии и в Нидерландах. Впрочем, как уже отмечалось, и у Италии достойные показатели демократии в действии.

Но уместны ли эти выводы в применении к новодемократическим и демократизирующимся странам в Азии, Африке, Латинской Америке и Восточной Европе, пытающимся заставить демократию работать в условиях недостаточного экономического развития и этнических размежеваний? Не

требуют ли эти трудные условия руководства сильной исполнительной власти в лице могущественного президента или доминирующего однопартийного кабинета в вестминстерском стиле?

Применительно к проблеме глубоких этнических расколов эти сомнения легко устраняются. Разделенные общества и на Западе, и в других краях нуждаются в мирном сосуществовании противоборствующих друг другу этнических групп. Это требует примирения и компромисса, для чего, в свою очередь, необходимо как можно большее включение представителей этих групп в процесс принятия решений. Такое распределение власти гораздо легче осуществить при парламентском типе правления и системе пропорционального представительства, чем в президентско-мажоритарных системах. Президент почти неизбежно принадлежит к одной этнической группе, и, стало быть, системы с президентской формой правления делают особенно затруднительным межэтническое распределение власти. А в системах вестминстерского типа с парламентской формой правления, хотя в них и фигурируют на первом

плане коллегиальные кабинеты, последние имеют тенденцию не быть в этническом отношении представительными (*inclusive*), особенно если [в стране] имеется этническая группа большинства. Примечательно, что британское правительство, вопреки своим сильным мажоритарным традициям, признало необходимость консенсуса и распределения власти в конфессионально и этнически расколотовой Северной Ирландии. С 1973 г. британская политика характеризовалась попытками разрешить северо-ирландскую проблему посредством выборов на основе принципа пропорционального представительства, а также создания правительства на основе всеобъемлющей коалиции. [...]

Пропорциональное представительство и экономическая политика

На вопрос о том, которая из форм демократии наиболее благоприятна для экономического развития, ответить труднее. Для вынесения определенной оценки просто нет достаточного числа примеров длительного функционирования демократий в Третьем мире, представляющих различные [демократические] системы (не говоря уже об отсутствии надежных экономических данных). Как бы то ни было, расхожая мудрость, гласящая, что экономическое развитие требует единого и решительного руководства сильного президента или доминирующего кабинета вестминстерского типа, отнюдь не может внушить доверия. Во-первых: если бы — по сравнению с доминирующей и замкнутой в себе (*exclusive*)-широкопредставительная (*inclusive*)

исполнительная власть, которой в большей мере приходится заниматься поисками договоренностей и согласованием [позиций], была менее эффективна в области экономической политики, то тогда, наверное, авторитарное правление, свободное от вмешательства или законодательной власти, или от внутренних разногласий, было бы оптимальным. Этот довод — часто служивший предлогом, чтобы оправдать свержение демократических правительств в Третьем мире в 60—70-е гг., ныне полностью скомпрометирован. Есть, конечно, несколько примеров экономического чуда, свершенного авторитарными режимами, как в Южной Корее или на Тайване, но более чем достаточным противовесом им служат печальные экономические результаты деятельности едва ли не всех недемократических правительств в Африке, Латинской Америке и Восточной Европе. Во-вторых, многие английские ученые [...] пришли к выводу, что экономическое развитие требует не столько *сильной*, сколько *прочной*

(*steady*) руки. Размышляя о скудости экономических достижений послевоенной Британии, они доказывали, что каждая из [поочередно] правивших партий обеспечивала на самом деле довольно сильное руководство при проведении экономической политики, но что смены правительств при их чередовании были слишком «полными и резкими», они осуществлялись «двумя отчетливо полярными партиями, каждой из которой не терпелось отменить значительную часть законодательства, проведенного предшественницей». Требуется, доказывают ученые, «большая стабильность и преемственность» и «большая умеренность в политике», что мог бы дать переход к пропорциональному представительству и коалиционным правительствам, каковые гораздо более склонны к центристской ориентации. Этот довод представляется равно применимым и к развитым, и к развивающимся странам.

В-третьих, аргументация в пользу президентских или вестминстерского типа правительств в высшей степени неотразима в случаях, когда существенное значение имеет быстрое принятие решений. Это значит, что парламентско-пропорционалистские системы могут под углом зрения внешней и оборонной политики представать в менее выгодном свете. Но в проведении экономической политики быстрота не столь уж существенна: скорые решения — это не значит, непременно мудрые.

Почему же мы, упорствуя в предубеждении, не верим в экономическую эффективность демократических систем, где

ведутся широкие консультации и поиски договоренностей, нацеленные на достижение высокой степени консенсуса? [По крайней мере,] одна причина — та, что многопартийные и коалиционные правительства кажутся суматошливыми, подверженными раздорам и неэффективными — в сравнении с отчетливостью властных полномочий сильных президентов и сильных однопартийных кабинетов. Но нас не должна обманывать эта внешняя видимость. Более пристальный взгляд на президентские системы обнаруживает, что самые успешные из них — как в Соединенных Штатах, Коста-Рике, в Чили до 1970 г. — по меньшей мере столь же подвержены раздорам, да и, кроме того, скорее предрасположены к состояниям паралича и ситуациям тупика, нежели к неуклонному и эффективному проведению экономической политики. В любом случае, спорить надо не об эстетике управления, а о самой работе. Неоспоримая элегантность вестминстерской модели не является веским доводом в пользу ее принятия.

Распространенный скептицизм в отношении экономической дееспособности парламентско-пропорционалистских систем проистекает от

смещения силы правительства с эффективностью. В краткосрочном плане однопартийные кабинеты или президенты вполне могут быть способны легче и быстрее формулировать экономическую политику. В долгосрочном же плане политика, опирающаяся на широкий консенсус, имеет больше шансов на успешное осуществление и на то, чтобы выдержать проверку временем, нежели политика, навязываемая «сильным» правительством вопреки желаниям значительных заинтересованных групп.

Итак, парламентско-пропорционалистская форма демократии выглядит явно лучше основных ее альтернатив в деле улаживания межэтнических противоречий, и она имеет некоторое преимущество также в области экономической политики. Тот довод, что соображения эффективности управления дают основание отвергнуть тип демократии, сочетающий парламентскую форму правления с пропорциональной системой представительства, совершенно неубедителен. Игнорируя эту привлекательную модель демократии, творцы конституций в новых демократиях оказали бы себе и своим странам весьма плохую услугу.

Печатается по: *Лейпхарт А.* Конституционные альтернативы для новых демократий //Полис. 1995. № 5. С. 136—146.

Ф. ГОУЛД

Стратегическое планирование избирательной кампании

Что может быть важнее для успешного проведения избирательной кампании, чем стратегическое планирование! Между тем среди аспектов предвыборной борьбы нет, пожалуй, менее конкретного и более трудного для понимания. В данной статье предпринята попытка рассказать о стратегическом планировании как можно проще и доступнее [...]

Часть 1

Процесс стратегического планирования

Процесс стратегического планирования включает в себя 4 стадии:

1. *сбор информации*, поступающей из двух источников: обследования общественного мнения и изучения соперников;
2. *оценка имеющейся информации*, в первую очередь путем выявления сильных и слабых сторон всех участников борьбы;

3. *непосредственная разработка стратегии*: определение адресных групп, проблем, целей, стратегии и основных лозунгов;

4. *планирование*, т.е. переводение всего вышеназванного в законченный план всей кампании.

Рассмотрим эти стадии подробнее.

1. Информация

Стратегическое планирование невозможно без информации. Есть два источника ее получения: обследование общественного мнения и изучение соперников.

Обследование общественного мнения необходимо при проведении любой политической кампании. Оно осуществляется в двух основных формах: а) количественное исследование, предполагающее опрос статистически репрезентативной выборки избирателей и б) анализ фокусных групп.

Исходное, количественное обследование позволит установить наиболее важные факты, касающиеся вашего кандидата и его соперника, факты, от которых можно отталкиваться при последующих обследованиях. Подобное обследование включает в себя выявление:

- электоральных намерений;
- отношения к положению в стране (в том или нет направлении идет ее развитие);
- оценка экономической ситуации (укрепляется ли экономика или становится слабее, улучшается или ухудшается жизнь конкретного индивида);

— проблем, наиболее остро стоящих перед избирателями (являются ли ими проблемы здравоохранения, или экономики, или обороны);

— сильных и слабых сторон всех партий, участвующих в выборах;

— имиджа партии и ее кандидатов: доверяют ли им, считают ли их отвечающими духу времени, компетентными;

— кандидата, вызывающего наибольшее доверие и лидирующего с точки зрения его подхода к ключевым политическим проблемам: кому больше всего доверяют в вопросах управления экономикой; кто, с точки зрения избирателей, с наибольшей долей вероятности не допустит повышения налогов; кто пользуется наибольшим доверием в вопросах внешней политики.

Такое обследование позволит получить полную карту политической территории, на которой будет разворачиваться кампания. Оно поможет установить сильные и слабые стороны партий, заботы и опасения элек-

тората, а также сферы, благоприятные для ведения предвыборной борьбы, и те, где ваши позиции слабее. Однако оно не позволит проникнуть в область более глубинных страхов, надежд и ценностей электората. Здесь необходим другой тип обследования.

При анализе фокусных групп исследуются группы, состоящие из 6—8 человек и направляемые подготовленным ведущим. Их интервьюирование не дает статистически надежных результатов, но позволяет глубже проникнуть в настроения электората. Без этого нельзя обойтись, проводя современную избирательную кампанию. Анализ фокусных групп позволяет, в частности, определить

- что реально вызывает опасения и беспокойство избирателей, на что они в действительности надеются и чего бояться;
- что они в действительности думают о политиках, нравятся ли они им, пользуются ли доверием;
- каковы на самом деле их убеждения и глубинные ценности;
- какой отклик вызывает у них политическая информация, как на них воздействуют лозунги, плакаты и листовки.

Анализ фокусных групп дает глубину, опросы общественного мнения — количественные показатели. Для ведения избирательной кампании нужно и то, и другое.

Изучение соперников — это изучение сведений о конкурирующей партии и кандидате (при этом необходимо собрать и все данные, касающиеся вашей собственной партии и кандидата). Осуществление данной работы, как и обследование

общественного мнения, является важнейшей предпосылкой успешного проведения современной политической кампании.

2. Оценка

Когда вся доступная информация получена, она должна быть приведена в систему и оценена. Центральным моментом подобной оценки будет определение сильных и слабых сторон в позициях как вашей, так и конкурирующей партии и их кандидатов. Это должно быть проделано тщательно и честно, особенно в том, что касается ваших собственных слабых мест. Пока это не сделано, вы не сможете приступить к выработке своей стратегии.

После того как собраны и оценены все имеющиеся в вашем распоряжении факты и данные опросов общественного мнения и выяснены сильные и слабые стороны всех участников борьбы, можно приступить к разработке собственно стратегии. Процесс выработки стратегии со-

стоит, в свою очередь, из пяти элементов: выявляется адресная группа; определяется ключевая проблема, которой должно быть уделено основное внимание; формулируются цели кампании, ее главная стратегическая линия и основные лозунги. Рассмотрим их по порядку.

Выбор адресной группы. На проходивших в этом году семинарах Национального демократического института я и мои коллеги неоднократно спрашивали представителей российских политических партий, к кому они намерены апеллировать.

Обычно следовал ответ: к промышленным рабочим, студентам, женщинам, крестьянам, лицам пожилого возраста и т.д., и вскоре оказывалось, что в список включена каждая из групп российского общества. Мы все совершаем подобную ошибку, пытаясь обратиться ко всем и каждому. Однако суть ведущей к успеху политической стратегии заключается в том, чтобы делать выбор, и часто жесткий выбор. Необходимо признать, что вы не можете адресовать свой политический призыв всем — вам придется выбирать. Это, конечно, не означает, что вы должны полностью исключить из поля зрения тех, кто не входит в избранную вами группу, просто тем, кто в нее входит, должно быть уделено приоритетное внимание.

Выбор адресной группы важен по ряду причин. Во-первых, это помогает выработать лозунги. В политике, как в жизни, если вы знаете, к кому обращаетесь, то вам известно, что и как сказать. Во-вторых, это позволяет наиболее эффективно использовать имеющиеся средства. Вы просто не сможете издать

столько рекламных проспектов или листовок, чтобы обеспечить всех, особенно в такой огромной стране, как Россия, тем более что финансовые ресурсы действующих в ней политических партий часто весьма ограничены. Соответственно, придется выбирать. В-третьих, выбор адресной группы дает возможность выдвигать, особенно на местном уровне, такие лозунги, которые бы отражали нужды потенциального избирателя. Например, если листовка предназначена для пенсионеров, в ней можно говорить о нуждах именно пенсионеров. Чем специфичнее лозунг и чем точнее он сформулирован, применяясь к конкретному адресату, тем эффективнее ваш коммуникационный процесс.

Выявление адресной группы потребует определенного времени и усилий. Постепенно состав подобных групп стал все в большей степени определяться не столько традиционными факторами, такими как социальная или экономическая принадлежность индивидов, сколько установочными характеристиками, которые не совпадают с экономическими и социальными. Вы, например, можете стремиться привлечь тех избира-

телей, которые придерживаются традиционных ценностей, настроены весьма националистически и болезненно воспринимают перемены. Или же, напротив, вы можете апеллировать к тем, кто жаждет быстрых перемен, персонцентричен и кому не до традиционных ценностей.

Подбор адресной группы может оказаться задачей весьма сложной и запутанной, поэтому важно подойти к ее решению с позиций здравого смысла и не дать себе увязнуть в ней.

Идеальной адресной группы нет, и соответственно придется идти на компромиссы. Однако если вы знаете, к кому обращаетесь в ходе политической кампании, вы сделали уже первый шаг к разработке эффективной политической стратегии.

Выявление ключевой проблемы. Крайне важно определить ту ключевую проблему, вокруг которой должна будет развернуться кампания. Это поможет вам сконцентрировать свое внимание и сфокусировать на ней свою стратегию.

Постановка целей. Далее вы должны установить, чего вы стремитесь добиться в ходе кампании. Без четко обозначенных целей не может быть и стратегии. Цели должны быть приведены в систему и поддаваться измерению. Ставятся они на двух различных уровнях.

1. *Электоральный уровень:* Какую долю голосов вы стремитесь получить? Сколько мест пытаетесь приобрести?
2. *Установочный уровень:* Какие изменения в позициях и убеждениях вы хотите стимулировать? Стараетесь ли вы усилить

чувство экономической уверенности или создать образ сильного руководства?

3. Выработка стратегии

Теперь вы в состоянии разработать стратегию проведения кампании. Вы знаете сильные и слабые стороны своих соперников; аудиторию, к которой будете апеллировать; вы определили наиболее серьезную проблему и сформулировали цели. Сейчас вам нужна стратегия.

Суть политической стратегии заключается в том, чтобы определить, как максимально увеличить свои преимущества и использовать слабые стороны соперника с тем, чтобы добиться своих электоральных целей. Политическая стратегия всегда включает себя 3 элемента: а) рекламу своей позитивной программы, б) оборону там, где вы уязвимы, и в) разоблачение недостатков ваших соперников. В ходе выработки стратегии вопрос о нахождении баланса между этими тремя элементами — элементами наступления, обороны и рекламы — является ключевым. Здесь возможно множество вариантов. Например, непопулярное правительство, находящееся в данный момент у власти, может сконцент-

рировать усилия не на пропаганде своей позитивной программы, а на том, чтобы посеять сомнения в кредитоспособности оппонентов. Оппозиционная партия, имеющая не блестящую репутацию в области управления экономикой, должна решить, пытаться ли ей исправить свой имидж или атаковать находящееся у власти правительство в тех областях, где уязвимо оно. И всем партиям приходится решать проблему собственной уязвимости и собственных слабых мест. Так, если налоговая политика партии непопулярна, что ей следует делать: провозглашать свою программу в этой области или скрывать ее?

Все это решения первостепенной важности, но они не могут быть приняты без учета сопутствующих обстоятельств. У

конкурирующих партий тоже будет своя стратегия, и они будут осуществлять собственные планы. Пытаясь реализовать свою стратегию, вы будете реагировать на действия соперников, а они — на ваши. Выработка стратегии — это не только планирование собственной кампании, это еще и предвидение действий оппонентов и подготовка контрмер и ответных действий.

Все это может показаться чересчур сложным, но нужно усвоить один простой урок: чем больше будет спланировано до выборов, тем крепче окажется ваша стратегия в разгар не дающей вздохнуть избирательной кампании.

Расчет времени. При проведении избирательной кампании важно также правильно рассчитать время. Современные избирательные кампании, как правило, проходят по меньшей мере две фазы — фазу предвыборной кампании в полном смысле этого слова,

начинающуюся за 4— 5 недель до выборов, и фазу длительной кампании, продолжающуюся около 6 месяцев до развертывания непосредственно избирательной кампании. В настоящее время становится все более и более важным заблаговременно выдвинуть свою программу и повлиять на позиции избирателей, поскольку по мере приближения выборов кампания часто становится такой напряженной, что бывает сложно донести до электората свои лозунги.

Лозунги. Лозунги, безусловно, являются сердцевиной кампании. В стратегии нет ничего важнее, чем то, что ваши кандидаты скажут избирателям. Лозунги должны быть простыми, запоминающимися, и их нужно постоянно повторять. Отход от своих стержневых лозунгов — это, возможно, одна из наиболее распространенных ошибок, совершаемых в ходе избирательной кампании. В последнее время политические лозунги все больше становятся вариациями на тему «доверие» против «перемен» (хотя, конечно, не сводятся исключительно к этим темам).

Чтобы добиться переизбрания, действующим правительствам, часто непопулярным, нужно изобразить своих оппонентов не заслуживающими доверия и неспособными управлять. [...]

Важность лозунгов для успешного проведения кампании трудно переоценить. Без выдвижения правильно подобранных лозунгов, которые бы постоянно повторялись и доходили до адресата, кампанию выиграть нельзя.

4. План кампании

После того как стратегия выработана, она должна быть преобразована в план кампании, в который войдут:

- оценка сильных и слабых сторон всех партий;
- цели;
- проблема;
- адресная группа;
- стратегия кампании: наступление, реклама, оборона;
- лозунги;
- коммуникационная стратегия (как лозунги будут доводиться до адресатных групп);
- сетевой график, фиксирующий все события, стратегические инициативы и пресс-конференции;
- план действий, точно определяющий, что будет происходить и кто будет это осуществлять.

Печатается по: *Гоулд Ф.* Стратегическое планирование избирательной кампании //Полис. 1993. № 4. С. 134—138.

ГОСУДАРСТВО КАК ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЫ

Ж. БОДЕН

Шесть книг о государстве

Государство есть осуществление суверенной властью справедливого управления многими семьями и тем, что находится в их общем владении.

Всякое государство либо происходит от семьи, которая постепенно размножается, либо сразу учреждается посредством собирания народа воедино, либо образуется из колонии, происшедшей от другого государства подобно новому пчелиному рою или подобно ветви, отделенной от дерева и посаженной в почву, ветви, которая, пустив корни, более способна плодоносить, чем саженец, выросший из семени. Но и те и другие государства учреждаются по принуждению сильнейших или же в результате согласия одних людей добровольно передать в подчинение другим людям всю свою свободу целиком, с тем чтобы эти последние ею распоряжались, опираясь на суверенную власть либо без всяких законов, либо на основе определенных законов и на определенных условиях. Государство должно обладать достаточной территорией и местностью, пригодной для жителей, достаточно обильным плодородием страны, множеством скота для пропитания и одежды подданных, а чтобы

сохранять их здоровье — мягкостью климата, температуры воздуха, доброкачественной водой, а для защиты народа и пристанища для него — материалами, пригодными для строительства домов и крепостей, если местность сама по себе не является достаточно укрытой и естественно приспособленной к защите. Это первые вещи, которым больше всего уделяется забот во всяком государстве. А уж затем ищут удобств, как

лекарства, металлы, краски. [...] А поскольку желания людей чаще всего ненасытны, они хотят иметь в изобилии не только вещи полезные и необходимые, но и приятные бесполезные вещи. [...] Так как мудрый человек есть мера справедливости и истины и так как люди, почитаемые мудрейшими, согласны между собой в том, что высшее благо частного лица то же, что высшее благо государства, и не делают никакого различия между добродетельным человеком и хорошим гражданином, то мы так и определим истинную вершину благоденствия и главную цель, к которой должно быть направлено справедливое управление государством.

Народ или властители государства могут без каких-либо условий отдать суверенную и вечную власть какому-нибудь лицу, с тем чтобы он по своему усмотрению распоряжался имуществом [государства], лицами и всем государством, а затем передал все это кому захочет совершенно так же, как собственник может без всяких условий отдать свое имущество единственно лишь по причине своей щедрости, что представляет собой подлинный дар, который не обставлен никакими условиями, будучи однажды совершен и завершен, принимая во внимание, что все прочие дары, сопряженные с обязательствами и условиями, не являются истинными дарами. Так и суверенитет, данный государю на каких-то условиях и налагающий на него какие-то обязательства, не является собственно ни суверенитетом, ни абсолютной властью, если только то и другое при установлении власти государя не происходит от закона Бога или природы. Что

касается законов божеских и естественных, то им подчинены все государи земли, и не в их власти нарушать эти законы, если они не хотят оказаться повинными в оскорблении божественного величества, объявив войну Богу, перед величием Которого все монархи мира должны быть рабами и склонять голову в страхе и почтении. Следовательно, абсолютная власть государей и суверенных властителей никоим образом не распространяется на законы Бога и природы. Если мы скажем, что абсолютной властью обладает тот, кто не подчиняется законам, то на всем свете не найдется суверенного государя, так как все государи на земле подчинены законам Бога и природы и многим человеческим законам, общим всем народам. [...] Однако необходимо, чтобы суверены не подчинялись повелениям других людей и чтобы они могли давать законы подданным и отменять, лишать силы бесполезные законы, заменяя их другими, чего не может совершать тот, кто подчинен законам и людям, которые имеют право ему повелевать. Не следует удивляться тому, что существует так мало добродетельных государей. Ведь поскольку добродетельных людей вообще

мало, а из этого небольшого числа добродетельных лиц государи обычно не избираются, то если среди множества государей находится один в высшей степени хороший человек, это великое диво. А когда он оказывается вознесенным так высоко, что, кроме Бога, не видит ничего более великого, чем он сам, когда его со всех сторон осаждают все соблазны, ведущие к падению самых стойких, и он все же сохраняет свою добродетель, это чудо.

Каким бы способом ни были разделены земли, не может быть сделано так, чтобы все имущество, вплоть до женщин и детей, стало общим, как хотел в своем первом проекте государства сделать Платон с целью изгнать из своего города слова «твое» и «мое», которые, по его мнению, являются причиной всех зол, происходящих в государствах, и гибелью последних. Но он не учел, что, если бы этот его проект был осуществлен, был бы утрачен единственный признак государства: если нет ничего, принадлежащего каждому, то нет и ничего, принадлежащего всем; если нет ничего частного, то нет и ничего общего. [...]

Насколько же было бы такое устройство государства прямо направлено против закона Бога и природы, против закона, которому ненавистны не только кровосмешение, прелюбодеяние, отцеубийство, неизбежные при общности жен, но и всякая попытка похитить что-либо, принадлежащее другим, и даже зариться на чужое добро, откуда явствует с очевидностью, что государства устроены Богом также и для того, чтобы предоставить государству то, что является общественным, а каждому — то, что является его собственностью. Кроме того,

подобная общность всего имущества невозможна и несовместима с семейным правом. Ведь если семья и город, собственное и общее, частное и общественное смешиваются, то нет ни государства, ни семьи. Достаточно известно, что общее достояние всех не может вызывать чувства привязанности и что общность влечет за собой ненависть и раздоры. [...] Еще больше обманываются те, кто полагает, что благодаря общим делам и общности имущества им будет уделяться больше забот. Ведь обычно наблюдается, что каждый пренебрегает общими делами, если из них нельзя извлечь выгоды лично для себя.

Если случится, что суверенный государь, вместо того чтобы играть роль высшего судьи, создаст себе партию, он будет лишь главой партии. Он подвергнется опасности потерять жизнь также и тогда, когда причина мятежей коренится не в государстве, как это происходит вот уже пятьдесят лет во всей Европе, где войны ведутся из-за вопросов религии. Несомненно, что государь, проявляющий благосклонность к одной

секте и презирающий другую, уничтожит последнюю без применения силы, принуждения или какого бы то ни было насилия, если только Бог ее не сохранит. Ибо дух решительных людей становится тем упорнее, чем больше с ним борются, а не встречая сопротивления, уступает. Кроме того, нет ничего более опасного для государя, чем попытка пустить в ход против своих подданных силу, когда нет уверенности в том, что это приведет к цели. Я здесь не говорю о том, какая религия наилучшая (хотя существует лишь одна религия, одна истина, один божественный закон, оглашенный устами Бога), но если государь, обладающий определенной уверенностью в том, какая религия истинна, хочет привлечь на сторону этой религии своих подданных, разделенных на секты и партии, то, по моему мнению, не нужно, чтобы он для этого применял силу, ибо, чем больше подвергается насилию воля людей, тем более она неуступчива. [...] Поступая так, государь не только избегнет народных волнений, смут и гражданских войн, но и откроет путь к вратам спасения заблудшим подданным.

Печатается по: Антология мировой философии: В 4т .М., 1970. Т. 2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. С. 141—147.

И.КАНТ

Метафизика нравов в двух частях

УЧЕНИЯ О ПРАВЕ

Часть вторая

§ 45

Государство (*civitas*) — это объединение множества людей, подчиненных правовым законам. Поскольку эти законы необходимы как априорные законы, т.е. как законы, сами собой вытекающие из понятий внешнего права вообще (а не как законы статутарные), форма государства есть форма государства вообще, т.е. государство в *идее*, такое, каким оно должно быть в соответствии с чистыми принципами права, причем идея эта служит путеводной нитью (*norma*) для любого действительного объединения в общность (следовательно, во внутреннем).

В каждом государстве существует три *власти*, т.е. всеобщим образом объединенная воля в трех лицах (*trias politica*): *верховная власть* (суверенитет) в лице законодателя, *исполнительная власть* в лице

правителя (правлящего согласно закону) и *судебная власть* (присуждающая каждому *свое* согласно закону) в лице судьи (*potestas legislatioria, rectoria et iudiciaria*), как бы три суждения в практическом силлогизме: большая посылка, содержащая в себе закон всеобщим образом объединенной воли; меньшая посылка, содержащая в себе *веление* поступать согласно закону, т.е. принцип подведения под эту волю, и вывод, содержащий в себе *судебное решение* (приговор) относительно того, что в данном случае соответствует праву.

§ 46

Законодательная власть может принадлежать только объединенной воле народа. В самом деле, так как всякое право должно исходить от нее, она непременно должна быть не *в состоянии* поступить с кем-либо не по праву. Но когда кто-то принимает решение в отношении *другого лица*, то всегда существует возможность, что он тем самым поступит с ним не по праву; однако такой возможности никогда не бывает в решениях относительно себя самого (ибо *volenti non fit iniuria*).

Следовательно, только согласованная и объединенная воля всех в том смысле, что каждый в отношении всех и все в отношении каждого принимают одни и те же решения, стало быть, только всеобщим образом объединенная воля народа может быть законодательствующей.

Объединенные для законодательства члены такого общества (*societas civilis*), т.е. государства, называются *гражданами* (*cives*), а неотъемлемые от их сущности (как таковой) правовые атрибуты суть: основанная на законе *свобода* каждого не повиноваться

иному закону, кроме того, на который он дал свое согласие; гражданское *равенство* — признавать стоящим выше себя только того в составе народа, на кого он имеет моральную способность налагать такие же правовые обязанности, какие этот может налагать на него; в-третьих, атрибут гражданской *самостоятельности* — быть обязанным своим существованием и содержанием не произволу кого-то другого в составе народа, а своим собственным правам и силам как член общности, следовательно, и правовых делах гражданская личность не должна быть представлена никем другим.

Только способность голосовать составляет квалификацию гражданина; а эта способность предполагает самостоятельность того в составе народа, кто намерен быть не просто частицей общности, но и ее членом, т.е. ее частицей, действующей по собственному произволу совместно с другими. Но это последнее качество делает необходимым различение

ИНСТИТУТЫ

граждан *активных и пассивных*, хотя понятие *пассивный гражданин* кажется противоречащим дефиниции понятия *гражданин* вообще. — Следующие примеры помогут устранить эту трудность: приказчик у купца или подмастерье у ремесленника, слуга (не на государственной службе), несовершеннолетний (*naturaliter vel civiliter*), каждая женщина и вообще все те, кто вынужден поддерживать свое существование (питание и защиту) не собственным занятием, а по распоряжению других (за исключением распоряжения со стороны государства), — все эти лица не имеют гражданской личности, и их существование — это как бы присущность. — Дровосек, которого я нанял в моем дворе, кузнец в Индии, который ходит по домам со своим молотом, наковальней и кузнечным мехом, чтобы работать там по железу, в сравнении с европейским столяром или кузнецом, которые могут публично выставлять на продажу изготовленные ими изделия; домашний учитель в сравнении со школьным преподавателем, оброчный крестьянин в сравнении с арендатором и т.п. — все это лишь подручные люди общности, потому что ими должны командовать и их должны защищать другие индивиды, стало быть, они не обладают никакой гражданской самостоятельностью.

Однако эта зависимость от воли других и неравенство ни в коей мере не противоречат свободе и равенству этих лиц *как людей*, которые вместе составляют народ; вернее, лишь в соответствии с условиями свободы и равенства этот народ может стать государством и вступить в [состояние] гражданского устройства. Но иметь в этом устройстве право голоса, т.е. быть гражданами, а

не просто принадлежащими к государству, — этому удовлетворяют не все с равным правом. В самом деле, из того, что они могут требовать, чтобы все другие обращались с ними как с *пассивными* частицами государства согласно законам естественной свободы и равенства, еще не вытекает права относиться к самому государству в качестве *активных* его членов, организовать его или содействовать введению тех или иных законов; отсюда вытекает лишь то, что, какого бы рода ни были положительные законы, на которые они дают свое согласие, они не должны противоречить естественным законам свободы и соответствующему этой свободе равенству всех в составе народа, а именно они не должны противиться возможности перейти из этого пассивного состояния в активное.

§ 47

Каждая из трех указанных властей в государстве представляет собой определенный сан, и, как неизбежно вытекающая из идеи государства

вообще и необходимая для его основания (конституции), каждая из них есть *государственный сан*. Все эти власти содержат в себе отношение общего *главы* (который с точки зрения законов свободы не может быть никем иным, кроме самого объединенного народа) к разрозненной массе народа как к *подданному*, т.е. отношение *повелителя* (*imperans*) к *повинующемуся* (*suboitus*). — Акт, через который народ сам конституируется в государство, собственно говоря, лишь идея государства, единственно благодаря которой можно мыслить его правомерность, — это *первоначальный договор*, согласно которому все (*omnes et singuli*) в составе *народа* отказываются от своей внешней свободы, с тем чтобы снова тотчас же принять эту свободу как члены общности, т.е. народа, рассматриваемого как государство (*universi*); и нельзя утверждать, что государство или человек в государстве пожертвовал ради какой-то цели *частью* своей прирожденной внешней свободы; он совершенно оставил дикую, не основанную на законе свободу, для того чтобы вновь в полной мере обрести свою свободу вообще в основанной на законе зависимости, т.е. в правовом состоянии, потому что зависимость эта возникает из его собственной законодательствующей воли. [...]

Печатается по: *Кант И.* Критика практического разума. СПб., 1995. С. 354—356.

ГЕГЕЛЬ

Философия права

§ 257

Государство есть действительность нравственной идеи — нравственный дух как *очевидная*, самой себе ясная, субстанциальная воля, которая мыслит и знает себя и выполняет то, что она знает и поскольку она это знает. В *нравах* она имеет свое непосредственное существование, а в *самосознании* единичного человека, его знания и деятельности — свое опосредованное существование, равно как самосознание единичного человека посредством умонастроения имеет в нем как в своей сущности, цели и продукте своей деятельности свою *субстанциальную свободу*. [...]

§ 258

Государство как действительность субстанциальной *воли*, которой оно обладает в возведенном в свою всеобщность особенном *самосознании*, есть в себе и для себя *разумное*. Это субстанциальное единство есть абсолютная, неподвижная самоцель, в которой свобода достигает своего высшего права, и эта самоцель обладает высшим правом по отношению к единичным людям, чья высшая *обязанность* состоит в том, чтобы быть членами государства.

Примечание. Если смешивать государство с гражданским обществом и полагать его назначение в обеспечении и защите собственности и личной свободы, то *интерес единичных людей как таковых* оказывается последней целью, для которой они соединены, а из этого следует также, что в зависимости от своего желания можно быть или не быть членом государства. Однако на самом деле отношение государства к индивиду совсем иное; поскольку оно есть объективный дух, сам индивид обладает объективностью, истиной и нравственностью лишь постольку, поскольку он член государства. *Объединение как таковое* есть само истинное содержание и цель, и назначение индивидов состоит в том, чтобы вести всеобщую жизнь; их дальнейшее особенное удовлетворение, деятельность, характер поведения имеют своей исходной точкой и результатом это субстанциальное и общезначимое. Разумность, рассматриваемая абстрактно, состоит вообще во взаимопроникающем единстве всеобщности и единичности, а здесь, рассматриваемая конкретно,

по своему содержанию, — в единстве объективной свободы, т.е. всеобщей субстанциальной воли, и субъективной свободы как индивидуального знания и ищущей своих особенных целей воли, поэтому она по форме состоит в *мыслимом*, т.е. в определяющем себя *всеобщими* законами и основоположениями, действовании. Эта идея в себе и для себя — вечное и необходимое бытие духа. Что же касается того, каково же или каково было *историческое* происхождение государства вообще, вернее, каждого отдельного государства, его прав и определений, возникло ли оно из патриархальных отношений, из страха или доверия, из корпорации и т.д., как постигалось сознанием и утверждалось в нем то, на чем основаны такие права, как божественное или позитивное право, договор, обычай и т.д., то этот вопрос к самой идее государства не имеет никакого отношения и в качестве явления представляет собой для научного познания, о котором здесь только и идет речь, чисто историческую проблему; что же касается авторитета действительного

государства, то поскольку для этого нужны основания, они заимствуются из форм действующего в нем права. [...]

Прибавление. Государство в себе и для себя есть нравственное целое, осуществление свободы, и абсолютная цель разума состоит в том, чтобы свобода действительно была. Государство есть дух, пребывающий в мире и реализующийся в нем *сознательно*, тогда как в природе он получает действительность только как иное себя, как дремлющий дух. Лишь как наличный в сознании, знающий самого себя в качестве существующего предмета, он есть государство. В свободе надо исходить не из единичности, из единичного самосознания, а лишь из его сущности, ибо эта сущность независимо от того, знает ли человек об этом или нет, реализуется в качестве самостоятельной силы, в которой отдельные индивиды не более чем моменты: государство — это шествие Бога в мире; его основанием служит власть разума, осуществляющего себя как волю. Мысля идею государства, надо иметь в виду не особенные государства, не особенные институты, а идею для себя, этого действительного Бога. Каждое государство, пусть мы даже в соответствии с нашими принципами объявляем его плохим, пусть даже в нем можно познать тот или иной недостаток, тем не менее, особенно если оно принадлежит к числу развитых государств нашего времени, содержит в себе существенные моменты своего существования. Но так как легче выявлять недостатки, чем постигать позитивное, то легко впасть в заблуждение и, занимаясь отдельными сторонами, забыть о внутреннем организме самого государства. Государство — не произведение

искусства, оно находится в мире, тем самым в сфере произвола, случайности и заблуждения; дурное поведение может внести искажения в множество его сторон. Однако ведь самый безобразный человек, преступник, больной, калека — все еще живой человек, утвердительно, жизнь существует, несмотря на недостатки, а это утвердительно и представляет здесь интерес.

§ 259

Идея государства обладает: а) непосредственной действительностью и есть индивидуальное государство как соотносящийся с собой организм, государственный строй или *внутреннее государственное право*;

б) она переходит в отношении отдельного государства к другим государствам — *внешнее государственное право*;

ИНСТИТУТЫ

с) она есть всеобщая идея *как род* и абсолютная власть, противопологающая себя индивидуальным государствам, дух, который сообщает себе в процессе всемирной истории свою действительность.

Прибавление. Государство как действительное есть по существу индивидуальное государство, и сверх того еще и особенное государство. Индивидуальность следует отличать от особенности: индивидуальность есть момент самой идеи государства, тогда как особенность принадлежит истории. □...]

§ 268

Примечание. Под патриотизмом часто понимают лишь готовность к чрезвычайным жертвам и поступкам. Но по существу он представляет собой умонастроение, которое в обычном состоянии и обычных жизненных условиях привыкло знать государство как субстанциальную основу и цель. Это сознание, сохраняющееся в обычной жизни и при всех обстоятельствах, и есть то, что становится основой для готовности к чрезвычайному напряжению. [...]

§ 271

Политическое устройство, *во-первых*, есть организация государства и процесс его органической жизни в *соотношении с самим собой*, в этом соотношении оно различает свои моменты внутри самого себя и разворачивает их до прочного *пребывания*. *Во-вторых*, оно в качестве индивидуальности есть *исключающее* единое, которое тем самым относится к *другим*, обращает, следовательно, свое различие *вовне* и, согласно этому

определению, полагает внутри самого себя свои пребывающие различия в их *идеальности*.

Прибавление. Подобно тому как раздражимость в живом организме сама есть, с одной стороны, нечто внутреннее, принадлежащее организму как таковому, так и здесь отношение вовне есть направленность на внутреннее. Внутреннее государство как таковое есть гражданская власть, направленность вовне — военная власть, которая, однако, в государстве есть определенная сторона в нем самом. Равновесие между обеими сторонами — главное в состоянии государства. Иногда гражданская власть совершенно теряет свое значение и опирается только на военную власть, как это происходило во времена римских императоров и преторианцев; иногда, как в современных государствах, военная власть проистекает из гражданской власти; это происходит в тех случаях, когда все граждане несут воинскую повинность.

§ 272

Государственное устройство разумно, поскольку государство *различает* и определяет внутри себя свою деятельность в *соответствии с природой понятия*, причем так, что *каждая* из этих *властей* есть сама в себе *тотальность* посредством того, что она действительно имеет и одержит в себе другие моменты; и так как они выражают различие понятия, они всецело остаются в его идеальности и составляют лишь *одно индивидуальное* целое.

[...]

Принцип разделения властей и содержит существенный момент *различия, реальной* разумности; однако в понимании абстрактного рассудка в нем заключается частью ложное определение *абсолютной самостоятельности* властей по отношению друг к другу, частью одностороннее понимание их отношения друг к другу, как негативного, как взаимного *ограничения*. При таком воззрении предполагается враждебность, страх каждой из властей перед тем, что другая осуществляет против нее как против зла, и вместе с тем определение противодействия ей и установление посредством такого противовеса всеобщего равновесия, но не живого единства. Лишь *самоопределение* понятия внутри себя, а не какие-либо другие цели и соображения полезности представляет собой источник абсолютного происхождения различных властей, и лишь благодаря ему государственная организация есть внутри себя разумное и отображение вечного разума. [...]

Власти в государстве должны, в самом деле, быть различены, но каждая должна в самой себе образовать целое и содержать в себе другие моменты. Говоря о различенной деятельности властей, не следует впадать в чудовищную ошибку, понимать это в том смысле, будто каждая власть должна пребывать для себя абстрактно, так как власти должны быть различены только как моменты понятия. Если же, напротив, различия пребывают абстрактно для себя, то совершенно ясно, что две самостоятельности не могут составить единство, но должны породить борьбу, посредством которой будет либо расшатано целое, либо единство будет вновь восстановлено силой. Так, в период французской революции то законодательная власть поглощала так называемую исполнительную власть, то исполнительная — законодательную власть, и нелепо предъявлять здесь моральное требование гармонии, ибо если мы отнесем все к сердечным побуждениям, то, безусловно, избавим себя от всякого труда; но хотя нравственное чувство и необходимо, оно не может само по себе определять государственные власти. Следовательно, все дело в том, чтобы определения властей, будучи в себе

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

целым, в существовании все вместе составляли понятие в его целостности. Если обычно говорят о трех властях, о законодательной, исполнительной и судебной, то первая соответствует всеобщности, вторая — особенностям, но судебная власть не есть третий момент понятия, ибо ее единичность лежит вне указанных сфер.

§ 273

Политическое государство распадается, следовательно, на следующие субстанциальные различия:

- а) на власть определять и устанавливать всеобщее — *законодательную* власть;
 - б) на власть подводить *особенные* сферы и отдельные случаи под всеобщее — *правительственную* власть,
 - с) на власть субъективности как последнего волевого решения, *власть* государя, в которой различенные власти объединены в индивидуальное единство и которая, следовательно, есть вершина и начало целого — *конституционной монархии*. [...]
- [...□ Монарх — *один*; в правительственной власти выступает *несколько* человек, а в законодательной власти — вообще *множество*. Но подобные чисто количественные различия, как было уже сказано, лишь поверхностны и не сообщают понятия предмета. Неуместны также, как это делается в новейшее время, бесконечные разглагольствования о наличии демократического и аристократического элементов *в монархии*, ибо определения, которые при этом имеются в виду, именно потому, что они имеют место *в монархии*, уже не представляют собой что-либо

демократическое или аристократическое. Существуют такие представления о государственном устройстве, в которых высшим считается лишь *абстракция* правящего и приказывающего государства и остается нерешенным, даже считается безразличным, стоит ли во главе такого государства *один*, *несколько* или *все*. [...]

§ 274

Так как дух действителен лишь в качестве того, чем он себя знает, и государство в качестве духа народа есть вместе с тем проникающий *все его отношения* закон, нравы и сознание его индивидов, то государственное устройство определенного народа вообще зависит от характера и развитости его самосознания; в этом заключается его субъективная свобода, а следовательно, и действительность государственного устройства.

Примечание. Намерение дать народу а priori пусть даже более или менее разумное по своему содержанию государственное устройство упускает из виду именно тот момент, благодаря которому оно есть нечто большее, чем порождение мысли. Поэтому каждый народ имеет то государственное устройство, которое ему соответствует и подходит.

Прибавление. Государство должно в своем устройстве проникать все отношения. Наполеон хотел, например а priori дать испанцам государственное устройство, что достаточно плохо удавалось. Ибо государственный строй не есть нечто созданное: он представляет собой работу многих веков, идею и сознание разумного в той мере, в какой оно развито в данном народе. Поэтому государственное устройство никогда не создается отдельными субъектами. То, что Наполеон дал испанцам, было разумнее того, чем они обладали прежде, и все-таки они отвергли это как нечто им чуждое, потому что они еще не достигли необходимого для этого развития. Народ должен чувствовать, что его государственное устройство соответствует его праву и его состоянию, в противном случае оно может, правда, быть внешне наличным, но не будет иметь ни значения, ни ценности. У отдельного человека может часто возникнуть потребность в лучшем государственном устройстве и стремление к нему, но проникнутость всей массы подобным представлением — нечто совершенно иное и наступает лишь позже. Сократовский принцип моральности, требования его внутреннего голоса были с необходимостью порождены в его дни, но, для того чтобы они стали всеобщим самосознанием, потребовалось время.

[...] Государственные функции и власти не могут быть *частной собственностью*.

Прибавление. Деятельность государства связана с индивидами, однако они правомочны вести дела государства не в силу своего природного бытия, а в силу своих объективных качеств.

Способность, умение, характер относятся к особенностям индивида: он должен получить соответственное воспитание и подготовку к особенному делу. Поэтому должность не может ни продаваться, ни передаваться по наследству. Во Франции парламентские должности некогда покупались, в английской армии офицерские должности в известной степени покупаются и в наше время, но все это находилось или находится в связи со средневековым государственным устройством, которое теперь постепенно исчезает.

§ 279

[...] В Новейшее время о народном суверенитете обычно стали говорить как о *противоположном существующему в монархе суверенитете*, — в таком противопоставлении представление о народном суверенитете принадлежит к разряду тех путаных мыслей, в основе которых лежит *пустое* представление о *народе*. *Народ*, взятый *без* своего монарха и необходимо и непосредственно связанного именно с ним *расчленения* целого, есть бесформенная масса, которая уже не есть государство и не обладает больше *ни одним* из определений, наличных только в *сформированной внутри себя* целом, не обладает суверенитетом, правительством, судами, начальством, сословиями и чем бы то ни было. В силу того что в народе выступают такие относящиеся к организации государственной жизни моменты, он перестает быть той неопределенной абстракцией, которую только в общем представлении называют *народом*. [...□

§ 290

Прибавление. Главный пункт, имеющий основное значение для правительственной власти, — это разделение функций; правительственная власть связана с переходом всеобщего в особенное и единичное, и ее функции должны быть разделены по отдельным отраслям. Трудность заключается в том, чтобы они наверху и внизу вновь соединялись. Ибо, например, полицейская и судебная власти, правда, расходятся, но в какой-то функции они снова сходятся. Выход, к которому здесь прибегают, часто состоит в том, что государственный канцлер, премьер-министр,

совет министров назначаются, чтобы таким образом упростить высшее руководство. Но это может привести к тому, что все вновь будет исходить сверху, от министерской власти, и дела будут, как выражаются, централизованы. С этим связаны величайшая легкость, быстрота, эффективность всего того, что должно совершаться во всеобщих интересах государства. [...]

§ 295

Обеспечение государства и тех, кто находится под его управлением, от злоупотреблений властью ведомствами и их чиновниками заключается, с одной стороны, непосредственно в их иерархии и ответственности, с другой — в правах общин, корпораций, посредством чего привнесению субъективного произвола в доверенную чиновникам власть ста-

вится для себя препятствие и недостаточный в отдельных случаях контроль сверху дополняется контролем снизу.

Примечание. В поведении и культуре чиновников находится та точка, где законы и решения правительства затрагивают единичность и проявляют свою силу в действительности. Это, следовательно, то, от чего зависит довольство граждан и их доверие к правительству, а также и осуществление или, напротив, слабое выполнение и срыв правительственных намерений. [...]

§ 298

Законодательная власть касается законов как таковых, поскольку они нуждаются в дальнейшем определении, и совершенно всеобщих по своему содержанию внутренних дел. Эта власть есть сама часть государственного устройства, которое ей предпослано и постольку находится в себе и для себя вне ее прямого определения, но она получает свое дальнейшее развитие в усовершенствовании законов и в характере поступательного движения всеобщих правительственных дел.

Прибавление. Государственный строй должен быть в себе и для себя прочной, обладающей значимостью почвой, на которой стоит законодательная власть, и поэтому он не должен быть сначала создан. Следовательно, государственный строй *есть*, но вместе с тем он столь же существенно *становится*, другими словами, продвигается в своем формировании. Это поступательное движение есть изменение, незаметное и не обладающее формой изменения. [...] Следовательно, прогрессирующее развитие определенного состояния протекает

внешне спокойно и незаметно. По прошествии долгого времени государственный строй оказывается совершенно иным, чем он был в прежнем состоянии.

§ 300

В законодательной власти как тотальности действуют прежде всего два момента — *монархический* в качестве того момента, которому принадлежит вынесение окончательного решения, и *правительственная власть*, обладающая конкретным знанием и способностью обзирать целое в его многообразных аспектах и утвердившихся в нем действительных основоположениях, а также обладающая знанием потребностей государственной власти, в особенности в качестве совещательного момента, и, наконец, *сословный* элемент.

Прибавление. Следствием одного из ложных воззрений на государство является требование, подобное тому, которое предъявило Учредительное собрание, а именно требование исключить из законодательных органов членов правительства. В Англии министры должны быть членами парламента, и это правильно, поскольку участвующие в управлении государством должны находиться в связи с законодательной властью, а не противопоставлять себя ей. Представление о так называемой независимости властей друг от друга заключает в себе ту основную ошибку, что независимые власти тем не менее должны ограничивать друг друга. Но посредством же этой независимости уничтожается единство государства, которое надлежит требовать прежде всего.

§ 301

Назначение *сословного* элемента состоит в том, чтобы всеобщее дело обрело в нем существование не только *в себе*, но и *для себя*, т.е. чтобы в нем обрел существование момент субъективной *формальной* свободы, общественное сознание как эмпирическая *всеобщность* воззрений и мыслей многих. [...]

§ 308

Конкретное государство есть расчлененное на его *особенные круги целое*; член государства есть *член* такого *сословия*; только в этом его объективном определении он может быть принят во внимание в государстве. Его всеобщее определение вообще содержит двойственный момент. Он есть *частное лицо*, а как *мыслящее* — также сознание и ведение *всеобщего*. Однако это сознание и воление лишь тогда не пусты, а *наполнены* и

действительно жизненны, когда они наполнены особенностью, а она есть особенное сословие и назначение, или, иначе говоря, индивид есть *род*, но имеет свою *имманентную* всеобщую действительность как *ближайший* род. Поэтому он достигает своего действительного и жизненного назначения для *всеобщего* прежде всего в своей сфере, в сфере корпорации, общины и т.д.
[...]

§ 309

Прибавление. Если вводится представительство, то это означает, что согласие должно быть дано не непосредственно всеми, а только уполномоченными на это лицами, ибо отдельные лица уже не участвуют в качестве бесконечного лица. Представительство основано на доверии. /.../

§ 316

Формальная объективная свобода, заключающаяся в том, что единичные лица как таковые имеют и выражают свое *собственное* суждение, мнение и подают свои советы, касающиеся всеобщих дел, проявляется в той совместности, которая называется *общественным мнением*. В нем в себе и для себя всеобщее, *субстанциальное и истинное* связано со своей противоположностью, состоящей в для себя *собственном и особенном мнении* многих; это существование есть тем самым наличное противоречие самому себе, познание как явление, существенность столь же непосредственно, как несущественность.

Прибавление. Общественное мнение есть неорганический способ познания того, чего народ хочет и мнит. То, что действительно утверждает свою значимость в государстве, должно, правда, осуществляться органически, и это происходит в государственном строе. Но общественное мнение было во все времена большой силой, и таково оно особенно в наше время, когда принцип субъективной свободы обрел такую важность и такое значение. То, что должно быть значимым теперь, значимо уже не посредством силы и в незначительной степени как следствие привычки и нравов, а преимущественно благодаря пониманию и доводам.

§ 317

Поэтому общественное мнение содержит в себе вечные субстанциальные принципы справедливости, подлинное содержание и результат всего государственного строя,

законодательства и всеобщего состояния вообще в форме *здравого смысла людей* как той нравственной основы, которая проходит через все, что принимает форму предрассудка, а также истинных потребностей и правильных тенденций действительности. □ ...]

Печатается по: *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М., 1990. С. 258, 259, 268, 269, 273, 274, 277, 279, 280, 283—285, 292, 294—298, 300—302, 306—312, 315, 317, 320, 321, 331, 332, 334—337, 339, 340, 347, 348, 352.

В.С. СОЛОВЬЕВ**Философская публицистика****Значение государства****I**

Всякое личное существо, в силу своего безусловного значения (в смысле нравственности), имеет неотъемлемое право на существование и на совершенствование. Но это нравственное право было бы пустым словом, если бы его действительное осуществление зависело всецело от внешних случайностей и чужого произвола. Действительное право есть то, которое включает в себе условия своего осуществления, т.е. ограждения себя от нарушений. Первое и основное условие для этого есть общежитие или общественность, ибо человек одинокий, предоставленный самому себе, очевидно бессилен против стихий природы, против хищных зверей и бесчеловечных людей. Но, будучи необходимым ограждением личной свободы, или естественных прав человека, общественная форма жизни есть вместе с тем ограничение этих прав, но ограничение не внешнее и произвольное, а внутренне вытекающее из существа дела. Пользуясь для ограждения своего существования и деятельности организацией общественной, я должен и за нею признать право на существование и развитие и, следовательно, подчинить свою деятельность необходимым условиям существования и развития общественного. Если я желаю осуществлять свое право или обеспечивать себе область свободного действия, то, конечно,

меру этого осуществления или объем этой свободной области я должен обусловить теми основными требованиями общественного интереса или общего блага, без удовлетворения которых не может быть *никакого* осуществления моих прав и *никакого* обеспечения моей свободы.

Определенное в данных обстоятельствах места и времени ограничение личной свободы требованиями общего блага, или — что то же — определенное в данных условиях уравновешение этих двух начал, есть право положительное, или закон.

Закон есть общепризнанное и безличное (т.е. не зависящее от различных мнений и желаний) определение права, или понятие о должном, в данных условиях и в данном отношении, равновесии частной свободы и общего блага, — определение или *общее понятие, осуществляемое через особые суждения в единичных случаях или делах.*

Отсюда три отличительные признака закона: 1) его *публичность* — постановление, не обнародованное во всеобщее сведение, не

может потому иметь силы закона; 2) его *конкретность* — закон выражает норму действительных жизненных отношений в данной общественной среде, а не какие-нибудь отвлеченные истины и идеалы, и 3) его *реальная применимость*, или *удобоисполнимость* в каждом единичном случае, ради чего с ним всегда связана так называемая санкция, т.е. угроза принудительными и карательными мерами, — на случай неисполнения его требований или нарушения его запрещений. Чтобы эта санкция не оставалась пустою угрозой, в распоряжении закона должна быть действительная сила, достаточная для приведения его в исполнение во всяком случае. Другими словами, право должно иметь в обществе действительных носителей или представителей, достаточно могущественных для того, чтобы издаваемые ими законы и произносимые суждения могли иметь силу принудительную. Такое реальное воплощение права называется *властью*. Требуя по необходимости от общественного целого того обеспечения моих естественных прав, которое не под силу мне самому, я по разуму и справедливости должен предоставить этому общественному целому положительное право на те средства и способы действия, без которых оно не могло бы исполнить своей, для меня самого желательной и необходимой, задачи; а именно, я должен предоставить этому общественному целому: 1) власть издавать обязательные для всех, следовательно, и для меня, законы; 2) власть судить сообразно этим общим законам о частных делах и поступках и 3) власть принуждать всех

и каждого к исполнению как этих судебных приговоров, так и вообще всех законных мер, необходимых для общей (а следовательно, и моей) безопасности преуспеяния.

Ясно, что эти три различные власти — законодательная, судебная и исполнительная — суть только особые формы проявления единой верховной власти, в которой сосредоточивается все положительное право общественного целого, как такового. Без единства верховной власти, так или иначе выраженного, невозможны были бы ни общие законы, ни правильные суды, ни действительное управление, т.е. самая цель организации данного общества не могла бы быть достигнута.

Общественное тело с постоянною организациею, заключающее в себе полноту положительных прав, или единую верховную власть, называется *государством*. Во всяком организме необходимо различаются: 1) организующее начало; 2) система органов или орудий организующего действия и 3) совокупность организуемых элементов. Соответственно этому и в собирательном организме государства различаются:

ИНСТИТУТЫ

1) верховная власть; 2) различные ее органы, или подчиненные власти, и 3) субстрат государства, т.е. масса населения, состоящая из единичных лиц, семейств и более широких частных союзов, подчиненных государственной власти. Только в государстве право находит все условия для своего действительного осуществления, и с этой стороны государство есть *воплощенное право*. Однако этим основным определением понятие государства не исчерпывается.

II

[...] Называя государство городом, греки — первые создатели чисто человеческой культуры — указали на существенное значение для государства его *культурной* задачи, и верность этого указания подтверждается разумом и историей. Если свободные роды и племена принимают принудительную организацию, если частные интересы подчиняются условиям, необходимым для существования целого, то это делается не с тем, конечно, чтобы поддерживать дикую, полуживотную жизнь людей. Государство есть необходимое условие человеческой образованности, культурного прогресса. Поэтому принципиальные противники государственной организации бывают непременно вместе с тем и принципиальными противниками образованности. [...]

III

Если величайшие представители умственной и эстетической образованности — греки, называя государство «городом»,

выдвигали на первый план создаваемую городом культуру, то люди практического характера — римляне — ставили выше всего другую сторону государства, именно его задачу объединять людей для *общего дела* или осуществлять их солидарность в этом деле. Для них государство было — *res publica*, т.е. общее, или всенародное, дело. Определяя государство таким образом, римляне придавали ему, вместе с тем, безусловное значение, видели в нем верховное начало жизни; обеспеченность общего дела, охранение общественного целого от распада есть высший интерес, которому все прочее должно неограниченно подчиняться: *salus reipublicae summa lex. [...]*

IV

Государство, как действительное историческое воплощение людской солидарности, есть реальное условие общечеловеческого дела, т.е. осуществления добра в мире. Этот реально-нравственный характер

государства, подчеркнутый практическим духом римлян, не означает, однако, что оно само, как думали римляне, уже есть безусловное начало нравственности, высшая цель жизни, верховное добро и благо. Ошибочность такого взгляда, обоготворявшего государство, проявилась наглядно в истории, когда выступило действительно безусловное начало нравственности в христианстве. [...] Внутреннее преимущество христианства, в силу которого оно должно было восторжествовать даже с чисто человеческой точки зрения, состояло в том, что оно было шире, великодушнее своего противника, что оно могло, оставаясь себе верным, признать за государством право на существование и даже на верховное владычество в мирской области, оно отдавало ему должное в полной мере, оно было справедливо; тогда как римским властям поневоле приходилось отказывать христианству в том, что принадлежало ему по праву, именно, в значении его как высшего безусловного начала жизни. Победа осталась за более широкой, гуманной, прогрессивной стороной, и с тех пор, каковы бы ни были исторические перемены, действительное возвращение к римскому государственному абсолютизму есть дело невозможное.

На его место выступили в средние века две новые политические идеи общего значения: западноевропейская и византийская. В первой из них, прошедшей множество фазисов развития — от феодального королевства до современной французской или американской республики (с временными и непрочными реакциями в сторону абсолютизма), — подчеркивается в

особенности *относительный* характер государства. На всех главных европейских языках понятие государства обозначается словами, происшедшими от латинского слова status (которое, однако, самими римлянами *не* употреблялось в этом смысле): etat, estado. Staat, state и т.д. Status значит состояние, и, называя так государство, европейские народы видят в нем только относительное состояние, результат взаимодействия различных социальных сил и элементов. Так было в средние века, когда государство в Европе представляло собою лишь равнодействующую враждебных сил и элементов: центральной королевской власти, духовенства, феодальных владетелей и городских общин; то же самое и теперь, когда это государство есть лишь равнодействующая противоборствующих классовых и партийных интересов. Отличительный характер европейской цивилизации (впервые отчетливо указанный в известном сочинении Гизо), — именно сложный ее состав из элементов не только разнородных, но и приблизительно равносильных, самостоятельных, способных и желающих постоять за

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

себя, — определил и общий характер западного государства на всем протяжении Средней и Новой истории.

Общее благо требует, чтобы борьба противных сил не переходила в непрерывное насилие, чтобы они были по возможности мирно уравниваемы, по общему согласию — молчаливому или же прямо выраженному в договоре. В этом и состоит основной формальный смысл государства, именно его правовое значение: Право по самой идее своей есть равновесие частной свободы и общего блага. Конкретное выражение, или воплощение, этого равновесия со всеми условиями, необходимыми для его осуществления, и есть государство.

Но это воплощаемое в государстве равновесие противоборствующих сил и интересов не есть постоянное, оно подвижно и изменчиво: изменяются самые силы действующие, изменяется их взаимоотношение, изменяются, наконец, и самые способы их государственного уравнивания. Чем же определяются эти изменения? Если правовые отношения совершенствуются по существу, становятся более справедливыми, более человечными, то, спрашивается, какая сила управляет этим совершенствованием? Полнота правовых деятелей есть государство — но государство, по западному понятию о нем, само есть только выражение данного правового состояния — и ничего более. Итак, нужно или признать, что прогресс права и связанное с ним усовершенствование человечества не только происходило и происходит, но и всегда будет происходить *само собою*, как физический процесс, причем теряется всякая уверенность, что этот процесс будет вести к лучшему; или же нужно признать

западноевропейское понятие государства недостаточным и искать другого.

V

Византийская политическая идея характеризуется тем, что признает в государстве сверхправовое начало, которое, *не будучи произведением данных, правовых, отношений, может и призвано самостоятельно изменять их согласно требованиям высшей правды*. Эта идея до Новейшего времени не была чужда и Западной Европе, но здесь она была лишь собственно тенденцией одного из политических элементов, наряду с другими боровшегося за преобладание, — именно, королевской власти. Торжество этого элемента над другими было лишь временно и неполно, и в настоящее время идея абсолютной монархии никаких корней в жизни и сознании западноевропейских народов не имеет.

В Византии хотя идея абсолютной монархии или христианского царства утверждалась в отвлеченной форме, но не могла получить надлежащего развития ни в сознании, ни в жизни «ромеев», над которыми слишком еще тяготели предания римского государственного абсолютизма, лишь поверхностно украшенного христианскою внешностью. Между тем по существу дела эти две идеи не только не тождественны, но, в известном отношении, находятся друг с другом в прямом противоречии. По римской идее государство, как высшая форма жизни, есть все, оно само по себе есть цель и когда вся полнота государственной власти — вся *res publica* — сосредоточилась в едином императоре, то он помимо всякой лести и рабских чувств, а в силу самой идеи был признан обладателем божественного достоинства, или человекобогом. [...] При всем том с религией Богочеловека не могла совмещаться идея человекобога. В христианской Византии императорская власть могла почитаться священной лишь как особое служение истинному Богу. Христос, перед Своим отшествием из области видимого мира, сказал ученикам Своим: «дана Мне *всякая* власть на небе и на земле» (Матф. XXVIII). Следовательно, с христианской точки зрения, власть императора могла пониматься только как *делегация* власти Христовой, или поручение от Христа управлять «вселенною», как эти преемники римлян называли свою империю. Этим понятием государственной власти, как делегации свыше, устраняется в принципе возможность личного произвола и утверждается верховенство безусловного нравственного идеала. Ясно, что поручение должно исполняться в том смысле, в каком оно дано,

или в духе и в интересе доверителя. Что соответствует духу Христа, что должно быть, при данных условиях и обстоятельствах, сделано в Его интересе, — это для христианина решается его совестью с достаточной определенностью, и этому решению личной совести принадлежит окончательное значение в управлении государством, согласно христианской идее. Это есть то новое, что внесено христианством в область политическую. Восточный деспот ограничен неподвижными традиционными учреждениями и полновластен только в удовлетворении своих страстей. Римский император знает только физические границы своему произволу; не отвечая перед людьми, он не отвечает и перед Богом, ибо сам есть бог, хотя довольно жалкий. В противоположность тому и другому представлению, христианская монархия есть *самодержавие совести*. Носитель верховной власти, порученной ему от Бога правды и милости, не подлежит никаким ограничениям, кроме

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

нравственных; он может все, что согласно с совестью, и не должен ничего, что ей противно.

Он не должен зависеть от «общественного мнения», потому что общественное мнение может быть ложным; он не есть слуга народной воли, потому что воля народа может быть безнравственной; он не представитель страны, потому что страна может быть поглощена мертвым морем. Он поставлен выше всего этого, — он есть подчиненный, служитель и представитель только того, что по существу не может быть дурным, — воли Божией, и величие такого положения равно только величию его ответственности.

VI

Поступать по совести и только по совести есть право и обязанность всякого человека, и в этом смысле *всякий человек есть нравственный самодержец*. Различие между людьми не в нравственном начале их жизни и их действий — это начало для всех одно и то же, — а только в объеме, условиях и способах применения этого начала. Особая задача верховной государственной власти определяется ее положением как посредствующего деятеля между безусловным нравственным идеалом и данною правовую организацией общества. Право есть, как мы знаем, равновесие частного и общего интереса. Но обе стороны заинтересованы не только в поддержании своего существования, или в *сохранен* кий данного общественного состояния, но и в его *усовершенствовании*. Право есть условное осуществление нравственного начала в данной общественной среде. Как условное оно несовершенно; но как осуществление

нравственного начала, которое само по себе безусловно, оно подлежит совершенствованию. Положительные законы, управляющие жизнью общества, должны становиться все более и более *сообразными* закону нравственному, т.е. все более и более справедливыми и человеколюбивыми, как сами по себе, так и в своем применении.

Чтобы этот прогресс правового состояния в нравственном, смысле или преобразование общественных отношений в направлении к общественному идеалу было и успешно и достойно своей цели, оно должно быть делом человеческой свободы и, вместе с тем, не может быть предоставлено произволу частных людей. Поэтому необходима делегация божественной власти христианскому самодержцу с его безусловною свободою и безусловною ответственностью.

Но при настоящем состоянии человечества, разделенного на многие независимые государства, задача верховной государственной власти не

может ограничиваться охранением и усовершенствованием правовых отношений внутри данного общественного целого, — она необходимо распространяется и на взаимодействие отдельных государств. Здесь она состоит в том, чтобы применять нравственное начало и к международным отношениям, изменять и их в смысле большей справедливости и человеколюбия.

Делегация христианского самодержца относится, конечно, и к этому историческому делу. И здесь он есть служить правды Божией и должен делать то, что при данных условиях наиболее способствует окончательному объединению всего мира в духе Христовом.

VII

Если от этой идеи христианского самодержавия, вытекающей из существа дела, мы обратимся к ее исполнению в Византийской империи, то должны будем признать это исполнение крайне недостаточным. Деятельность императоров была главным образом тройкая: законодательная, военная и религиозная. Издававшиеся ими законы имели целью охранять и упрочивать унаследованный ими от Рима государственный и общественный строй, несмотря на языческую основу этого строя; рабство осталось неотмененным, а варварские казни действительных и мнимых преступников были еще усилены. В войнах своих, которые велись все с большею и большею жестокостью и все с меньшим и меньшим успехом, императоры старались охранять границы христианского мира, особенно с восточной стороны, сначала против языческих персов, а потом против

мусульманства. Насколько эти войны уберегли семена христианской религии от внешнего истребления в Передней Азии и на Балканском полуострове — они составляют, конечно, историческую заслугу Византийской империи; другая, большая ее международная заслуга состоит в передаче христианства России. Собственно религиозная деятельность императоров, кроме похвальных примеров личного благочестия, имела, в общем, цель далеко не похвальную: приспособить по возможности христианскую истину к внешним потребностям и временным нуждам полуязыческого государства; отсюда, между прочим, покровительство ради мнимой государственной пользы различным ересям, частью собственного сочинения, каковы монофелитство и иконоборчество.

Дело историков — оценивать отдельные заслуги «второго Рима» и находить смягчающие обстоятельства для его грехов. В окончательном суждении должно сказать, что Византия не исполнила своего исторического призвания. Во внутренней политике она слишком охраняла

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

полуязыческое status quo, не думая о христианском усовершенствовании общественной жизни, вообще же подчиняла все внешнему интересу военной защиты. Но именно вследствие этих односторонних забот она потеряла внутреннюю причину своего бытия, а потому не могла исполнить и внешней своей задачи и погибла печальным образом...

Печатается по: *Соловьев В.С.* Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2 С 549—561.

Н.А. БЕРДЯЕВ

Государство

П

□...] Я называю злым и безбожным государственным началом, которое в государственной воле и присущей ей власти видит высшее воплощение добра на земле, второго Бога. Зла и безбожна не просто всякая государственность в смысле организации общественного порядка и системы управления, а государство абсолютное и отвлеченное, т.е. *суверенное*, себе присваивающее полноту власти, ничем высшим не желающее себя ограничить и ничему высшему себя подчинить. *Суверенная, неограниченная и самодовлеющая государственность* во всех ее исторических формах, прошлых и будущих, *есть результат обоготворения воли человеческой, одного, многих и всех. подмена абсолютной божественной воли относительной волей человеческой*, есть религия человеческого, субъективно-условного, поставленная на место религии божеского, объективно-безусловного. И государство абсолютно самодержавное, и государство либеральное, и государство социалистическое,

поскольку они признают себя суверенными, в безграничной государственной власти видят источник прав личности, в государстве — источник человеческой культуры и человеческого благосостояния, все они одинаково продукты неограниченного человеко-властия: власти одного в государстве самодержавном, власти многих — в либеральном, власти всех (народовластия) — в социалистическом. Сущность суверенной государственности в том, что в ней властвует субъективная человеческая воля, а не объективная сила правды, не абсолютные идеи, возвышающиеся над всякой человеческой субъективностью, всякой ограниченной и изменчивой человеческой волей. Этот взгляд наш противоположен общераспространенной лжи, по которой государство всегда есть воплощение объективного нравственного на-

чала. Государство по самому существу своему, скорее, безнравственно и не может стать нравственным до тех пор, пока не отречется от власти человека над человеком, пока не смирит своей власти перед властью Божьей, т.е. не превратится в теократию.

Абсолютно самодержавное государство — человековластие одного — есть самая совершенная и крайняя форма воплощения «царства князя мира сего», это предельная форма человеческого самообоготворения, к которой всегда будет тяготеть всякое человековластие. Если полнота и суверенность власти приписывается человеческому, а не сверхчеловеческому, то является какая-то неискоренимая потребность воплотить эту власть в личности одного человека, которая тем самым делается более чем человеческой, приобретает черты как бы божественные. И тогда является *divus Caesar*¹ — обоготворенный человек. Но на земле был только один человек-Бог, один Богочеловек, и всякий другой есть ложь, обман, подмена. Мировое освободительное движение, повсюду свергавшее государственный абсолютизм и царизм, поднимало личность в ее безусловном значении, растворяло государство в обществе и тем ослабляло злое начало в государственности, но не могло его вырвать с корнем и в дальнейших своих трансформациях ведет к новым явлениям абсолютного человековластия, суверенной государственности. Конституционные монархии и демократические республики хотя и признают права личности и ценность свободы, но отвлеченное государственное начало в них живет и творит зло. Как и в монархиях абсолютных, в новых,

более свободных государствах судьба личности и судьба мира все еще зависят от человеческого произвола, от случайной и субъективной, только человеческой воли. А между тем права личности, свобода человека и все высшие ценности жизни только в том случае будут незыблемы и неотъемлемы, если они установлены волей высшей, чем человеческая, и если не зависят все эти блага от случайной и изменчивой воли людей, одного человека или всех. Только абсолютный, внегосударственный и внечеловеческий источник прав человека делает эти права безусловными и неотъемлемыми, только божественное оправдание абсолютного значения всякой личности делает невозможным превращение ее в средство. Нужно права человека, достоинство и свободу личности поставить выше благополучия человеческого, интересов человеческих, субъективной и изменчивой воли человеческой. Для нас центр тяжести проблемы государства — это ограничение всякой госу-

¹ Divus Caesar — божественный Цезарь (*лат.*).

дарственной власти не человеческой волей, субъективной волей части народа или всего народа, а ограничение абсолютными идеями, подчинение государства объективному Разуму. [...]

III

Могут быть два типа учений об отношении между правом и государством, о происхождении права и государства. Первый тип, преобладающий и в теории и в практике, я бы назвал *государственным позитивизмом*. Учения этого типа видят в государстве источник права, за государством признают полноту и суверенность власти, санкционирующую и распределяющую права. Такова прежде всего теория и практика самодержавного, абсолютного государства, неограниченной государственной власти. При государственном абсолютизме нет места для самостоятельного источника прав личности, самой же власти — подателю права, опекуну человеческого благополучия, приписывается высшее происхождение. Но тот же принцип государственного позитивизма мы встречаем в совершенно иных, часто противоположных направлениях. Социализм в самой своей развитой, марксистской форме держится учения о государственном происхождении права и об утилитарной его расценке. Государство для марксистского социализма есть продукт экономических отношений, а от него уже исходят и распределяются права. В обществе социалистическом все то же государство будет единственным источником прав, оно будет их распределять по-своему, в интересах общественной пользы, обладая полнотой и неограниченностью власти, само же государство будет результатом коллективного производства.

Всякий государственный позитивизм признает абсолютность государства и относительность права, отъемлемость прав, подвергает их расценке по критериям государственной полезности. Так бывает и в государстве самодержавном, и в государстве демократическом, так будет в государстве социалистическом, если право подчиняется государству, если государству приписывается суверенность, если торжествует отвлеченное, безбожное в своем самодовлении государственное начало.

Противоположный тип учений, враждебный государственному позитивизму, признает абсолютность права и относительность государства: право имеет своим источником не то или иное положительное государство, а трансцендентную природу личности¹, волю сверхчеловеческую.

¹ Трансцендентная природа личности — здесь: связанная с Абсолютом, Богом.

Не право нуждается в санкции государства, а государство должно быть санкционировано правом, судимо правом, подчинено праву, растворено в праве. То, что в науке называют правовым государством, не всегда еще есть свержение принципов государственного позитивизма, и мы не знаем конституционных государств, которые освободились бы окончательно от суверенности государства и признали неотъемлемость прав, абсолютный характер права. Защищаемая мною теория в чистом виде почти не встречается, так как теория эта не только метафизическая, но и религиозно-теократическая, а идеи теократические до сих пор придавали религиозный характер скорее государству, чем праву. Только теория единственного права и практика декларации прав человека и гражданина, в чистом ее виде, стоит на пути отвержения государственного позитивизма, суверенности государства. И праведно в политической жизни лишь то, что заставляет смириться государство, ограничивает его и подчиняет началу высшему. *Государство есть выражение воли человеческой, относительной, субъективно-произвольной, право — выражение воли сверхчеловеческой, абсолютной, объективно-разумной.* Я говорю о праве как абсолютной правде и справедливости, о внегосударственном и надгосударственном праве, заложенном в глубине нашего существа, о праве, отражающем божественность нашей природы. Право как орган и орудие государства, как фактическое выражение его неограниченной власти есть слишком часто ложь и обман — это *законность*, полезная для некоторых человеческих интересов, но далекая и противная

закону Божьему. Право есть свобода, государство — насилие, право — голос Божий в личности, государство — безлично и в этом безбожно. [...]

Совершенное народовластие ведет к самообоготворению народа, обоготворению его человеческой воли, не подчиненной ничему сверхчеловеческому, никаким абсолютным идеям. Но человеческая воля, обоготворившая себя, ничего сверхчеловеческого не возжелавшая, ничему высшему не поклонившаяся, — пуста и бессодержательна, она уклоняется к небытию. Человеческая воля только тогда наполняется бесконечно реальным содержанием и ведет к нарастанию бытия, когда ее желанным объектом делается мировое всеединство, вселенская гармония. Воля должна устремляться к бытию высшему, чем человеческое, тогда только в ней заключены абсолютные ценности. Народная воля как сумма ограниченных и случайных человеческих волей, достигаемая хотя бы и всеобщим голосованием, не может и не должна быть

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

обоготворяема, так как центр тяжести нужно перенести на объекты этой воли, на цели, которые воля полюбила и пожелала. [...]

У социал-демократии совершенное народовластие превращается в пролетаровластие, так как пролетариат признается истинным народом, истинным человечеством. В лице пролетариата социал-демократия обоготворяет будущее человечество, человеческую волю, как последнюю святыню. Социал-демократия обнажает природу народовластия и вскрывает внутреннее противоречие в самом принципе народовластия, указывает на возможную противоположность между формой и содержанием. Социал-демократы очень много говорят об учредительном собрании, созванном на основе всеобщего, равного и проч. избирательного права, о совершенном и окончательном народовластии, но они не подчинятся никакому учредительному собранию, никакой народной воле, если воля эта не будет пролетарско-социалистической, если она не возлюбит и не пожелает того, что полагается любить и желать по социал-демократической вере, по пролетарской религии. Важно не то, чтобы формальная народная воля правила миром, не в формальном народовластии спасение, как думают либерально-демократические доктринеры, а в том, чтобы народ был пролетариатом по содержанию своей воли, т.е. нормальным человечеством, важны пролетарско-социалистические чувства в массе народной, так как для социал-демократии только пролетарий — нормальный, должный человек. В этом есть намек на переход от формальной политики к политике материальной, от формы народной воли к ее

содержанию. Но к истинному *содержанию* никогда социал-демократия не может прийти, так как обоготворение грядущего человечества (победоносного пролетариата), самообожание человеческой воли есть последняя ее святыня и потому предельный объект ее желаний есть пустота, бессодержательность и небытие. Пустая свобода от мирового всеединства, насильственное соединение распавшихся волей — вот печальный удел человеческого самообоготворения.

Вот почему путь народовластия в отвлеченной и самодовлеющей форме есть ложный путь. Не обоготворение народовластия должно быть поставлено на место обоготворения единовластия, а всякому человековластию должен быть положен предел, объективный, а не субъективный предел, предел сверхчеловеческий, а не человеческий. Нужно ограничить не только человеческую власть одного или некоторых, но и всех, так как миром не должна управлять никакая человеческая власть, всегда произвольная, случайная и насильственная. Это ог-

раничение всякой власти не может быть делом народной воли как механической суммы человеческих субъективностей;

ограничение *всякой* власти, подчинение ее высшей правде может быть только делом явления в мире мощи сверхчеловеческой, изъявления миру воли абсолютной, воли тождественной с абсолютной для нас правдой и истиной, воли не формальной только, но и материальной. Декларация прав человека и гражданина, всякое торжество свободы в мире, всякое признание за личностью безусловного значения было декларацией воли божественной, явление в мире правды сверхчеловеческой.

Только потому нельзя лишить личность свободы, что не человек, а сам Бог возжелал этой свободы, только потому и права человеческие неотъемлемы и абсолютны, совесть человеческая не может быть насилвана ни во имя чего в мире. Единственно верный путь есть направление воли человеческой к добру, объективному, абсолютному добру. Нужно воспитывать волю людей в благоговейном уважении к свободе, к неотъемлемым правам человека, к безусловному значению и призванию личности, нужно вызывать в людях чувство любви к тому, что абсолютно ценно, что непоколебимо должно почитаться, что выше человеческих страстей и желаний. Воля народная не может и не должна пониматься формально, отрываться от правды народной, субъективность человеческая должна стать тождественной с объективностью сверхчеловеческой. Мы ищем противоядия от невыносимой власти политического формализма, отравляющего все истоки жизни. Ядом формальной политики одинаково заражены и реакционеры, и умеренные либералы, и

революционеры — все в политиканстве своем забывают о содержании и цели жизни. Пусть политика станет наконец материальной, религиозной, а не лживой и прозрачной формой, заговорит наконец о реальной сущности вещей. Реальная же сущность — в победе над злом, над источником зла в мире, а не над произвольными, поверхностными страданиями и неудобствами.

Печатается по: *Бердяев Н.А.* Государство // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. Л., 1990. С. 286—296.

Б. КИСТЯКОВСКИЙ

Государство и личность

I

Государство даже в настоящее время вызывает иногда ужас и содрогание. В представлении многих государство является каким-то безжа-

ИНСТИТУТЫ

лостным деспотом, который давит и губит людей. Государство — это то чудовище, тот Зверь-Левиафан, как его прозвал Гоббс, который поглощает людей целиком, без остатка. «Государством называется, — говорит Ницше, — самое холодное из всех холоднокровных чудовищ. Оно также хладнокровно лжет, и эта ложь, как пресмыкающееся, ползет из его уст: «я, государство, я — народ». «Но посмотрите, братья, — продолжает он, — туда, где прекращается государство! Разве вы не видите радуги и моста к сверхчеловеку?» Наш Лев Толстой менее образно и более конкретно описательно выражал свое глубокое отвращение к государству; в государстве он видел только организованное и монополизированное насилие.

Действительно, государство, прибегая к смертным казням, делает то, от чего стынет кровь в жилах человека: оно планомерно и методически совершает убийства. Государство — утверждают многие — это организация экономически сильных и имущих для подавления и эксплуатации экономически слабых и неимущих. Государство — это несправедливые войны, ведущие к подчинению и порабощению слабых и небольших народностей великими и могучими нациями. Государство основывается всегда на силе, и ее оно ставит выше всего; являясь воплощением силы, оно требует от всех преклонения перед нею.

Впрочем, излишне перечислять все те стороны государственной жизни, которые придают государству насильственный характер и звериный облик. Они очень хорошо известны всем. Почти нет таких поступков, признаваемых людьми преступлением и грехом,

которые государство не совершало бы когда-нибудь, утверждая за собой право их совершать.

Но действительно ли государство создано и существует для того, чтобы угнетать, мучить и эксплуатировать отдельную личность?

Действительно ли перечисленные выше, столь знакомые нам черты государственной жизни являются существенным и неотъемлемым ее признаком? Мы должны самым решительным образом ответить отрицательно на эти вопросы. В самом деле, все культурное человечество живет в государственных единениях. Культурный человек и государство — это два понятия, взаимно дополняющие друг друга. Поэтому культурный человек даже немислим без государства, И конечно, люди создают, охраняют и защищают свои государства не для взаимного мучительства, угнетения и истребления. Иначе государства давно распались бы и прекратили бы свое существование. Из истории мы знаем, что государства, которые только угнетали своих подданных и причиняли им только страдания,

действительно гибли. Их место занимали новые государства, более удовлетворяющие потребности своих подданных, т.е. более соответствовавшие самому существу и природе государства. Никогда государство не могло продолжительно существовать только насилием и угнетением. Правда, в жизни всех государств были периоды, когда, казалось, вся их деятельность сосредоточивалась на мучительстве по отношению к своим подданным. Но у жизнеспособных государств и у прогрессирующих народов эти периоды были всегда сравнительно кратковременны. Наступала эпоха реформ, и государство выходило на широкий путь осуществления своих настоящих задач и истинных целей.

В чем же, однако, настоящие задачи и истинные цели государства? Они заключаются в осуществлении солидарных интересов людей. При помощи государства осуществляется то, что нужно, дорого и ценно всем людям. Государство само по себе есть пространственно самая обширная и внутренне наиболее всеобъемлющая форма вполне организованной солидарности между людьми. Вместе с тем, вступая в международное общение, оно ведет к созданию и выработке новых, еще более обширных и в будущем, может быть, наиболее полных и всесторонних форм человеческой солидарности. Что сущность государства действительно в отстаивании солидарных интересов людей, это сказывается даже в отклонениях государства от его истинных целей. Даже наиболее жестокие формы государственного угнетения обыкновенно оправдываются соображениями о

пользах и нуждах всего народа. Общее благо — вот формула, в которой кратко выражаются задачи и цели государства. Способствуя росту солидарности между людьми, государство облагораживает и возвышает человека. Оно дает ему возможность развивать лучшие стороны своей природы и осуществлять идеальные цели. В облагораживающей и возвышающей человека роли и заключается истинная сущность и идеальная природа государства.

Вышеприведенным мнениям Гоббса, Ницше и Л. Толстого надо противопоставить мнения философов-идеалистов всех времен. Из них Платон и Аристотель считали главной целью государства гармонию общественных отношений и справедливость. Фихте признавал государство самым полным осуществлением человеческого «я», высшим эмпирическим проявлением человеческой личности. Гегель видел в государстве наиболее совершенное воплощение мировой саморазвивающейся

ИНСТИТУТЫ

идеи. Для него государство есть «действительность нравственной идеи», и потому он называл его даже земным богом.

Конечно, мнения Платона, Аристотеля, Фихте и Гегеля обнаруживают более вдумчивое, более проникновенное отношение к государству, чем мнения Гоббса, Ницше и Л. Толстого. Последние поспешили обобщить и возвести в сущность государства те ужасные явления насилия и жестокости со стороны государственной власти, в которых обыкновенно прорывается звериная часть природы человека. Зверя в человеке они олицетворили в виде зверя-государства. В этом олицетворении государства и проповеди борьбы с ним до его полного уничтожения более всего сказывается неверие в самого человека. Наше понимание государства, утверждающее временный и преходящий характер государственного насилия и угнетения, покоится на нашей вере в человеческую личность. Личность со своими идеальными стремлениями и высшими целями не может мириться с тем, чтобы государство, долженствующее осуществлять солидарные интересы людей, занималось истреблением и уничтожением их. Углубляясь в себя и черпая из себя сознание творческой силы личности, не мирящейся со звериным образом государства-Левиафана, мы часто невольно являемся последователями великих философов-идеалистов. В нас снова рождаются, в нашем сознании снова возникают те великие истины, которые открылись им и которым они дали философское выражение. Часто в других понятиях, в других формулах мы повторяем их идеи, не будучи с ними знакомы в их исторической книжно-философской оболочке. Но в этом доказательство того,

что здесь мы имеем дело не со случайными и временными верными замечаниями, а с непреходящими и вечными истинами. Возвращаясь к двум противоположным взглядам на государство — на государство как на олицетворение силы и насилия в виде Зверя-Левиафана и на государство как на воплощение идеи, высшее проявление личности, или на государство как земного бога, мы должны указать на то, что эти два различных взгляда на государство соответствуют двум различным типам государств. Гоббс, рисуя свой образ государства-зверя, имел в виду абсолютно монархическое или деспотическое государство. Неограниченность полномочий государственной власти и всецелое поглощение личности, осужденной на беспрекословное подчинение государству, и придают абсолютно монархическому государству звериный вид. В противоположность Гоббсу, Фихте и Гегель подразумевали под государством исключительно правовое государство. Для

них само понятие государства вполне отождествлялось с понятием правового государства. Есть вполне эмпирическое основание того, что Фихте и Гегель, чтобы уразуметь истинную природу государства, обращали свои взоры прежде всего исключительно на правовое государство. Правовое государство — это высшая форма государственного бытия, которую выработало человечество как реальный факт. В идеале утверждаются и постулируются более высокие формы государственности, например социально-справедливое или социалистическое государство. Но социалистическое государство еще нигде не осуществлено как факт действительности. Поэтому с социалистическим государством можно считаться только как с принципом, но не как с фактом. Однако Фихте и Гегель брали и правовое государство не как эмпирический факт, они представляли себе его не в том конкретном виде, каким оно было дано в передовых странах их эпохи, а как совокупность тех принципов, которые должны осуществляться в совершенном правовом государстве. Следовательно, интересовавшее их и служившее их философским построениям правовое государство было также идеальным в своей полноте и законченности типом государства.

Руководствуясь методологическими соображениями, мы должны расширить этот взгляд на назначение различных типов государственного существования. Вопрос о типах есть вопрос о том, чтобы методологически правомерно осмыслить непрерывно изменяющиеся и текущие явления как пребывающие и

устойчивые. В науке о государстве мы должны прибегать к этому орудию мышления потому, что имеем здесь дело с явлением не только развивающимся, но и претерпевающим ряд превращений и перевоплощений. Так, абсолютно монархическое государство, несомненно, развивалось из феодального, а государство конституционное из абсолютно монархического. Но несмотря на то, что этот переход часто совершался очень медленно и что развитие после этого перехода не останавливалось, так что каждая государственная форма, в свою очередь, проходила различные стадии развития, государство при переходе от одной формы к другой перевоплощалось, и мы должны себе представлять каждую из этих форм в ее наиболее типичных чертах. Правда, иногда между отдельными государственными формами сами исторические события проводят резкие грани. Так, момент перехода от абсолютно монархического к конституционному государству представляется исторически таким важным и решительным, что по нему и судят об этих государственных формах. Согласно общепринятому воззрению, до этого поворотного

момента существовало абсолютно монархическое государство, после него было установлено конституционное или правовое государство. В действительности, однако, несмотря на сопровождающие этот переход общественные и государственные потрясения и на те резкие отличия в организации сменяющих друг друга государственных форм, которые дают основание говорить об определенном моменте перехода от одной к другой, переход этот никогда не имеет столь решительного характера. Так, абсолютно монархическое государство в последние периоды своего существования обыкновенно уже проникается известными чертами правового государства. С другой стороны, конституционное государство после своего формального учреждения далеко не сразу становится правовым. Напротив, целые исторические эпохи его существования должны быть охарактеризованы как переходные. Таким образом, исторически каждая из этих форм государственного бытия выступает не в чистом виде, а всегда проникнутая большим или меньшим количеством элементов другой формы. Но тем важнее представить себе каждую из этих форм в безусловно чистом виде, так как только тогда можно иметь критерий для оценки степени постепенного проникновения ее в какую-нибудь конкретную государственную организацию. Ясно, однако, что *такие чистые государственные формы очень редко воплощаются в конкретной действительности как реальные факты. Но они должны быть теоретически установлены в виде идеальных по своей законченности, полноте и совершенству типов,*

Эти методологические предпосылки мы и можем применять за основание для дальнейшего рассмотрения интересующего нас здесь вопроса. С одной стороны, мы будем иметь в виду, что каждая государственная форма лишь постепенно проникает в ту или иную конкретную государственную организацию, с другой — нам будут служить критериями оценки идеальные типы государственного бытия в своей непреложной теоретической данности. Руководствуясь этими точками зрения, мы и рассмотрим отношение между государством и личностью.

II

Большинство современных европейских и американских государств принадлежат по своему государственному строю к конституционным или правовым государствам. [...]

Основной принцип правового или конституционного государства состоит... в том, что государственная власть в нем ограничена. В правовом государстве власти положены известные пределы, которых она

не должна и правовым образом не может переступить.

Ограниченность власти в правовом государстве создается признанием за личностью неотъемлемых, ненарушимых и неприкосновенных прав. Впервые в правовом или конституционном государстве признается, что есть известная сфера самоопределения и самопроявления личности, в которую государство не имеет права вторгаться. [...]

Благодаря неотъемлемым правам и неприкосновенности личности государственная власть в правовом или конституционном государстве не только ограничена, но и строго подзаконна. Подзаконность государственной власти является настолько общепризнанным достоинством государственного строя как такового, что обыкновенно его стремится присвоить себе и благоустроенное абсолютно монархическое государство. Но для него это оказывается совершенно недостижимой целью. Органы государственной власти бывают действительно связаны законом только тогда, когда им противостоят граждане, наделенные субъективными публичными правами. *Только имея дело с управомоченными лицами, могущими предъявлять правовые притязания к самому государству, государственная власть оказывается вынужденной неизменно соблюдать законы.* Этого нет в абсолютно монархическом государстве, так как в нем подданные лишены всяких гражданских прав, т.е. прав человека и гражданина. Поэтому все усилия абсолютно монархических государств насадить у себя законность, как показывают исторические факты, оканчиваются полной неудачей. Таким

образом, не подлежит сомнению, что осуществление законности при общем бесправии есть чистейшая иллюзия. При бесправии личности могут процветать только административный произвол и полицейские насилия. Законность предполагает строгий контроль и полную свободу критики всех действий власти, а для этого необходимо признание за личностью и обществом их неотъемлемых прав. Итак, последовательное осуществление законности требует, как своего дополнения, свобод и прав личности и, в свою очередь, естественно вытекает из них, как их необходимое следствие.

Права человека и гражданина, или личные и общественные свободы, составляют только основу и предпосылку того государственного строя, который присущ правовому государству. Как и всякое государство, правовое государство нуждается в организационной власти, т.е. в Учреждениях, выполняющих различные функции власти. Само собой понятно, что правовому государству соответствует вполне определенная организация власти. В правовом государстве власть должна быть

ИНСТИТУТЫ

организована так, чтобы она не подавляла личность; в нем как отдельная личность, так и совокупность личностей — народ — должны быть не только объектом власти, но и субъектом ее. [...]

[...] Самое важное учреждение правового государства — народное представительство, исходящее из народа, является соучастником власти, непосредственно создавая одни акты ее и влияя на другие. Поэтому престиж конституционной государственной власти заключается не в недостижимой высоте ее, а в том, что она находит поддержку и опору в народе.

Опираясь на народ является ее основной задачей и целью, так как сила, прочность и устойчивость ее заключаются в народной поддержке. В конституционном государстве правительство и народ не могут противопоставляться как что-то чуждое и как бы враждебное друг другу. В то же время они и не сливаются вполне и не представляют нечто нераздельно существующее. Напротив, государственная власть и в конституционном государстве остается властью и сохраняет свое собственное и самостоятельное значение и существование. Но эта власть солидарна с народом; их задачи и цели одни и те же, их интересы в значительной мере общи. [...]

[...] Конечно, это единство государственного целого в современном конституционном государстве имеет значение скорее девиза, принципа и идеальной цели, чем вполне реального и осуществленного факта. Уже то, что в современном конституционном государстве есть господствующие и подчиненные, даже социально-угнетенные элементы, не позволяет вполне осуществиться такому единству. Но здесь мы и

видим наиболее яркое выражение того несоответствия между конституционным государством, как реальным фактом современности, и идеальным типом конституционного или правового государства, которое мы признали методологическим основанием для рассмотрения интересующего нас здесь вопроса. *Современное конституционное государство провозглашает определенный принцип как свой девиз и свою цель, к осуществлению его оно стремится, но сперва оно осуществляет его лишь частично, и долгое время оно не в состоянии осуществить его целиком.* Несомненно, что полное единение государственной власти с народом, т.е. полное единство государства как цельной социальной организации, осуществимо только в государстве будущего, в народном или социалистическом государстве. Последнее, однако, не будет в этом случае создавать новый принцип, а только осуществит тот принцип, который провозглашен правовым государством. [...]

III

Выясняя правовую природу социалистического государства, надо прежде всего ответить на принципиальный вопрос: является ли социалистическое государство по своей правовой природе прямой противоположностью правовому государству? С точки зрения ходячих взглядов на социалистическое государство ответ на этот вопрос будет безусловно утвердительный. Ведь существующая политическая и агитационная литература о социалистическом государстве только тем и занимается, что противопоставляет государство будущего современному правовому государству. Но чтобы найти научно правильный ответ на него, надо прежде всего освободиться от ходячих его решений. Тогда, вдумываясь в этот вопрос, мы придем к заключению, что ответ на него мы найдем очень легко, если упростим и конкретизируем сам вопрос. Мы должны спросить себя: принесет ли государство будущего какой-то новый свой правовой принцип или оно такого принципа не способно принести? При такой постановке вопроса ответ получается совершенно определенный и простой; в самом деле, перебирая все идеи, связанные с представлением о социалистическом государстве, мы не найдем среди них ни одного правового принципа, который можно было бы признать новым и еще неизвестным правовому государству. Тут и скрывается истинная причина, почему среди творцов социалистических систем нет ни одного юриста или философа права: им в этой области нечего было творить. Но в таком случае социалистическое государство, не выдвигающее нового правового принципа, и не должно

противопоставляться по своей правовой природе государству правовому.

Если мы перейдем теперь к более подробному рассмотрению правовой природы социально справедливого, или социалистического, государства, то мы окончательно убедимся в том, что ничего нового в правовом отношении государство будущего неспособно создать. Оно может только более последовательно применить и осуществить правовые принципы, выдвинутые правовым государством. Даже с социологической точки зрения устанавливается известная связь и преемственность между современным государством и государством будущего. Великое теоретическое завоевание научного социализма заключается в открытии той истины, что капитализм является подготовительной и предшествующей стадией социализма. В недрах капиталистического хозяйства уже заложены зародыши будущего социалистического хозяйства. Особенно громадна организующая роль капиталистического производства. Благодаря ему вместе с созданием крупных промышленных

центров сосредоточиваются также большие народные массы и получают этим путем возможность сорганизоваться и сплотиться. Но если капиталистическое хозяйство можно рассматривать как подготовительную стадию к социалистическому, то тем более правовое государство, провозглашающее наиболее совершенные начала правовой организации, должно быть признано прямым предшественником того государства, которое осуществит социальную справедливость. В самом деле, социально справедливое государство должно быть прежде всего определенно демократическим и народным. Но и современное правовое государство является по своим принципам безусловно демократическим. Правда, не все современные правовые или конституционные государства на практике одинаково демократичны. Однако среди них есть вполне последовательные демократии, осуществившие и пропорциональное представительство, и непосредственное народное законодательство. Во всяком современном правовом государстве есть государственные учреждения, из них на первом месте стоит народное представительство, дающее возможность развиваться самому последовательному и самому широкому применению народовластия. Понятно поэтому, что рабочие партии во всех правовых государствах считают возможным воспользоваться современным государством как орудием и средством для достижения более справедливого социального строя. И действительно, многие учреждения правового государства как бы созданы для того, чтобы служить целям дальнейшей демократизации государственных и общественных отношений,

Но особенно ясно для нас станет непреложное значение тех правовых принципов, которые провозглашает и осуществляет правовое государство, и для государства, долженствующего создать социально справедливые отношения, если мы будем рассматривать правовое государство как организующую силу. Выше мы указали, что правовое государство отличается от предшествующего ему абсолютно монархического и полицейского государства своим организаторским характером. Оно устраняет те анархические элементы, которые носит в себе в виде зародыша всякое абсолютно монархическое и полицейское государство и которые могут развиваться в настоящую анархию. Но, устраняя анархию из правовой и государственной жизни, правовое государство может служить прообразом того, как социально справедливое государство устранит анархию из хозяйственной жизни. Вспомним, что, хотя капиталистическое производство организует народные массы, сосредоточивая и скопляя их в центрах промышленной жизни, само по себе оно при-

надлежит к типу анархического хозяйства. Оно организовано только индивидуально в виде отдельных независимых ячеек, с общественной же точки зрения оно отличается дезорганизацией и анархией. Образующиеся его отдельные ячейки или самостоятельные капиталистические хозяйства сталкиваются в своих интересах, борются друг с другом, побеждают и взаимно уничтожают друг друга. В результате получается хозяйственная анархия, от которой страдают в своем хозяйственном быте не только отдельные индивидуумы, но и общество. Государство будущего призвано устранить эту анархию; его прямая цель — заменить анархию, господствующую в общественном капиталистическом производстве, организованностью производства, которая будет осуществлена вместе с установлением справедливых социальных отношений. [...]

[...] В государстве будущего каждому будет обеспечено достойное человеческое существование не в силу социального милосердия, приводящего к организации, аналогичной современному призрению бедных, а в силу присущих каждой личности прав человека и гражданина. В правовой организации этого государства самое важное значение будет иметь как признание публично-правового характера за правом на достойное человеческое существование и за всеми его разветвлениями, так и признание этих прав личными правами. Таким образом, государство этого типа только разовьет те юридические принципы, которые выработаны и установлены современным правовым государством. Это дает нам право сделать и более общее заключение относительно самой юридической природы

этого государства. Не подлежит сомнению, что для осуществления своих новых задач государство будущего воспользуется теми же юридическими средствами, какие выработаны правовым государством. Большинство его учреждений будет создано по аналогии с учреждениями правового государства. Организованность и устранение анархии в общественном хозяйстве будут достигнуты в государстве будущего путем тех же правовых приемов, путем которых достигаются организованность и устранение анархии в правовой и политической жизни в государстве правовом. Две основы правового государства — субъективные публичные права и участие народа в законодательстве и управлении страной — будут вполне последовательно развиты и расширены. Расширение это произойдет не только в сфере чисто политических и государственных отношений, но и будет заключаться, что особенно важно, в распространении тех же принципов на область хозяйственных отношений, которые в правовом государстве подчинены лишь нормам гражданского права.

На основании всего изложенного мы должны признать, что *между современным правовым государством и тем государством, которое осуществит социальную справедливость, нет принципиальной и качественной разницы, а есть только разница в количестве и степени.* [...]

Возвращаясь теперь к вопросу о различных типах государства, мы на основании сравнительного анализа этих типов, очевидно, должны признать, что *правовое государство является наиболее совершенным типом государственного бытия.* Оно создает те условия, при которых возможна гармония между общественным целым и личностью. Здесь государственная индивидуальность не подавляет индивидуальности отдельного лица. Напротив, *здесь в каждом человеке представлена и воплощена определенная культурная цель, как нечто жизненное и личное.* [...]

Печатается по: *Кистяковский Б.А.* Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1906. С. 552—592.

П.Б. СТРУВЕ

Отрывки о государстве

I

[...□ Между силой отдельной личности и отдельных личностей и мощью государства существует известное необходимое соотношение, но это соотношение покоится не на рациональных, а на религиозных началах.

Личность, особенность государства проявляется в отношениях его к другим государствам. Поэтому могущество государства есть его мощь вовне. Обычное рационалистическое воззрение, господствующее в публике и в публицистике наших дней, ставит внешнее могущество государства в зависимость от его внутреннего устройства и от развития внутренних отношений. Но мистичность государства и заключается в том, что власть государства над «людьми» обнаруживается в их подчинении далекой, чуждой, отвлеченной для огромного большинства идее внешней государственной мощи. Говоря о подчинении, я имею в виду не внешнее и насильственное, а внутреннее и моральное подчинение, признание государственного могущества как общественной ценности.

Жизнь государства состоит, между прочим, во властвовании одних над другими. Давно замечено, что власть и властвование устанавливают между людьми такую связь, которая нерациональна и сверхразумна, что власть есть своего рода очарование или гипноз. Наблюдение это совершенно верно, поскольку власть не есть просто необходимое орудие упорядочения общежития, средство рационального распорядка общее венной жизни. Поэтому прежде всего и полнее всего оно применимо к власти как орудию государственной мощи. Вот почему мистичность власти обнаруживается так ясно, так непререкаемо на войне, когда раскрывается мистическая природа самого государства, за которое, отстаивая его мощь, люди умирают по приказу власти.

Мы сказали, что власть есть орудие внешней мощи государства и что в качестве такового она держит в подчинении себе людей. Переставая исполнять это самое важное, наиболее тесно связанное с мистической сущностью государства назначение, власть начинает колебаться и затем падает. [...]

II

Национальное начало тесно связано с государственным и разделяет с ним его сверхразумный, или мистический, характер. [...]

Вот почему, когда на створе государственности развился язык как орган и выражение национальности и культуры, смерть государственности не убивает национальности. [...]

[...] Нация есть прежде всего культурная индивидуальность, а самое государство является важным деятелем в образовании нации, поскольку оно есть культурная сила.

В основе нации всегда лежит культурная общность в прошлом, настоящем и будущем, общее культурное наследие, общая культурная работа, общие культурные чаяния. [...]

III

[...] К государству и национальности прикрепляется неискоренимая *религиозная* потребность человека. В религии человек выходит из сферы ограниченного, личного существования и приобщается к более широкому, сверхиндивидуальному бытию. [...]

Индивидуализм, который в центре всего ставит личность, ее потребности, ее интерес, ее идеал, ее содержание, есть как религия самая трудная, самая малодоступная, самая аристократическая, самая исключительная

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

религия. Трудно человеку глубоко религиозному поклоняться просто человеческой личности или человечеству. Индивидуализм как религия учит признавать бесконечно достоинство или ценность человеческой личности. Но для того чтобы эту личность провозгласить мерилom всего, или высшей ценностью, для этого необходимо ей поставить высочайшую задачу. Она должна вобрать в себя возможно больше ценного содержания, возможно больше мудрости и красоты. И не только вобрать. Личность не есть складочное место. Личность как религиозная идея означает воплощение ценного содержания, отмеченное своеобразием, или единственностью, энергией или напряженностью. Только индивидуализм, ставящий такую высочайшую задачу, может быть религиозен. Но что означает и что совершает такой индивидуализм? От религии государства и национальности такой индивидуализм уводит человека, но он вовсе не приближает его к эмпирическим условиям человеческого существования, к пользе и выгоде отдельного человека или целого общества, а удаляет от них в область, еще более далекую и высокую. □...]

Печатается по: *Струве П.* Patriotica: политика, культура, религия. Сб. ст. за 5 лет 1905—1910 гг. СПб., 1911. С. 99—107.

В.И.ЛЕНИН

Государство и революция

УЧЕНИЕ МАРКСИЗМА О ГОСУДАРСТВЕ И ЗАДАЧИ

ПРОЛЕТАРИАТА В РЕВОЛЮЦИИ

Г л а в а I

КЛАССОВОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

4. «Отмирание» государства и насильственная революция [...] Во-первых. В самом начале этого рассуждения Энгельс говорит, что, беря государственную власть, пролетариат «тем самым уничтожает государство как государство». [...] На деле здесь Энгельс говорит об «уничтожении» пролетарской революцией государства *буржуазии*, тогда как слова об отмирании относятся к остаткам *пролетарской* государственности *после* социалистической революции. Буржуазное государство не «отмирает», по Энгельсу, а «уничтожается» пролетариатом в революции.

Отмирает после этой революции пролетарское государство или полугосударство.

Во-вторых. Государство есть «особая сила для подавления». Это великолепное и в высшей степени глубокое определение Энгельса дано им здесь с полнейшей ясностью. А из него вытекает, что «особая сила для подавления» пролетариата буржуазией, миллионов трудящихся горстками богачей должна смениться «особой силой для подавления» буржуазии пролетариатом (диктатура пролетариата). [...]

В-третьих. Об «отмирании» и даже еще рельефнее и красочнее — о «засыпании» Энгельс говорит совершенно ясно и определенно по отношению к эпохе *после* «взятия средств производства во владение государством от имени всего общества», т.е. *после* социалистической революции. Мы все знаем, что политической формой «государства» в это время является самая полная демократия. Но никому из оппортунистов, бесстыдно искажающих марксизм, не приходит в голову, что речь идет здесь, следовательно, у Энгельса, о «засыпании» и «отмирании» *демократии*. [...] Буржуазное государство может «уничтожить» только революция. Государство вообще, т.е. самая полная демократия, может только «отмереть».

В-четвертых. Выставив свое знаменитое положение: «государство отмирает», Энгельс сейчас же поясняет конкретно, что направляется это положение и против оппортунистов и против анархистов. При этом на первое место поставлен у Энгельса тот вывод из положения об «отмирании государства», который направлен против оппортунистов. [...]

В-пятых. В том же самом сочинении Энгельса, из которого все помнят рассуждение об отмирании государства, есть рассуждение о значении насильственной революции. Историческая оценка ее роли превращается у Энгельса в настоящий панегирик насильственной революции. [...]

Г л а в а П

ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ. ОПЫТ 1848-1851 ГОДОВ

1. Канун революции

[...] Государство есть особая организация силы, есть организация насилия для подавления какого-либо класса. Какой же класс надо подавлять пролетариату? Конечно, только эксплуататорский класс, т.е. буржуазию. Трудящимся нужно государство лишь для подавления сопротивления эксплуататоров, а руководить этим подавлением, провести

его в жизнь в состоянии только пролетариат, как единственный до конца революционный класс, единственный класс, способный объединить всех трудящихся и эксплуатируемых в борьбе против буржуазии, в полном смещении ее.

Эксплуататорским классам нужно политическое господство в интересах поддержания эксплуатации, т.е. в корыстных интересах ничтожного меньшинства, против громаднейшего большинства народа. Эксплуатируемым классам нужно политическое господство в интересах полного уничтожения всякой эксплуатации, т.е. в интересах громаднейшего большинства народа, против ничтожного меньшинства современных рабовладельцев, т.е. помещиков и капиталистов. [...]

Маркс всю свою жизнь боролся с этим мелкобуржуазным социализмом, ныне возрожденным в России партиями эсеров и меньшевиков. Маркс провел учение о классовой борьбе последовательно вплоть до учения о политической власти, о государстве.

Свержение господства буржуазии возможно только со стороны пролетариата, как особого класса, экономические условия существования которого готовят его к такому свержению, дают ему возможность и силу совершить его. В то время как буржуазия раздробляет, распыляет крестьянство и все мелкобуржуазные слои, она сплавливает, объединяет, организует пролетариат. Только пролетариат, — в силу экономической роли его в крупном производстве, — способен быть вождем *всех* трудящихся и эксплуатируемых масс, которые буржуазия

эксплуатирует, гнетет, давит часто не меньше, а сильнее, чем пролетариев, но которые не способны к *самостоятельной* борьбе за свое освобождение.

Учение о классовой борьбе, примененное Марксом к вопросу о государстве и о социалистической революции, ведет необходимо к признанию *политического господства* пролетариата, его диктатуры, т.е. власти, не разделяемой ни с кем и опирающейся непосредственно на вооруженную силу масс. Свержение буржуазии осуществимо лишь превращением пролетариата в *господствующий класс*, способный подавить неизбежное, отчаянное сопротивление буржуазии и организовать для нового уклада хозяйства *все* трудящиеся и эксплуатируемые массы.

Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров, и для *руководства* громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле «налаживания» социалистического хозяйства.

Воспитывая рабочую партию, марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и *вести весь народ* к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии. Наоборот, господствующий ныне оппортунизм воспитывает из рабочей партии отрывающихся от массы представителей лучше оплачиваемых рабочих, «устраивающихся» сносно при капитализме, продающих за чечевичную похлебку свое право первородства, т.е. отказывающихся от роли революционных вождей народа против буржуазии. [...]

Г л а в а Ш

ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ. ОПЫТ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ 1871 ГОДА. АНАЛИЗ МАРКСА

2. Чем заменить разбитую государственную машину?
[...] Итак, разбитую государственную машину Коммуна заменила как будто бы «только» более полной демократией: уничтожение постоянной армии, полная выборность и сменяемость всех должностных лиц. Но на самом деле это «только» означает гигантскую замену одних учреждений учреждениями принципиально иного рода. Здесь наблюдается как раз один из случаев «превращения количества в качество»: демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последователь-

ностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую, из государства (=особая сила для подавления определенного класса) в нечто такое, что уже не есть собственно государство. [...]

[...] Полная выборность, сменяемость *в любое время* всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалованья к обычной «заработной плате рабочего», эти простые и «само собою понятные» демократические мероприятия, объединяя вполне интересы рабочих и большинства крестьян, служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму. Эти мероприятия касаются государственного, чисто политического переустройства общества, но они получают, разумеется, весь свой смысл и значение лишь в связи с осуществляемой или подготовляемой «экспроприацией экспроприаторов», т.е. переходом капиталистической частной собственности на средства производства в общественную собственность. [...]

*Глава IV****ПРОДОЛЖЕНИЕ. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОЯСНЕНИЯ
ЭНГЕЛЬСА***

6. Энгельс о преодолении демократии

[...] В обычных рассуждениях о государстве постоянно делается та ошибка, от которой здесь предостерегает Энгельс и которую мы отмечали мимоходом в предыдущем изложении. Именно: постоянно забывают, что уничтожение государства есть уничтожение также и демократии, что отмирание государства есть отмирание демократии.

На первый взгляд такое утверждение представляется крайне странным и непонятным; пожалуй, даже возникнет у кого-либо опасение, не ожидаем ли мы пришествия такого общественного устройства, когда не будет соблюдаться принцип подчинения меньшинства большинству, ибо ведь демократия это и есть признание такого принципа?

Нет. Демократия *не* тождественна с подчинением меньшинства большинству. Демократия есть признающее подчинение меньшинства большинству *государство*, т.е. организация для систематического *насилия* одного класса над другим, одной части населения над другою.

Мы ставим своей конечной целью уничтожение государства, т.е. всякого организованного и систематического насилия, всякого насилия над людьми вообще. Мы не ждем пришествия такого

общественного порядка, когда бы не соблюдался принцип подчинения меньшинства большинству. Но, стремясь к социализму, мы убеждены, что он будет перерастать в коммунизм, а в связи с этим будет исчезать всякая надобность в насилии над людьми вообще, в *подчинении* одного человека другому, одной части населения другой его части, ибо люди *привыкнут* к соблюдению элементарных условий общественности *без насилия* и *без подчинения*. [...]

Г л а в а V

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОТМИРАНИЯ ГОСУДАРСТВА

2. Переход от капитализма к коммунизму

[...] Раньше вопрос ставился так: чтобы добиться своего освобождения, пролетариат должен свергнуть буржуазию, завоевать политическую власть, установить свою революционную диктатуру.

Теперь вопрос ставится несколько иначе: переход от капиталистического общества, развивающегося к коммунизму, в коммунистическое общество невозможен без «политического переходного периода», и го-

сударством этого периода может быть лишь революционная диктатура пролетариата.

Каково же отношение этой диктатуры к демократии? [...]

В капиталистическом обществе, при условии наиболее благоприятного развития его, мы имеем более или менее полный демократизм в демократической республике. Но этот демократизм всегда сжат тесными рамками капиталистической эксплуатации и всегда остается поэтому, в сущности, демократизмом для меньшинства, только для имущих классов, только для богатых. [...]

Демократия для ничтожного меньшинства, демократия для богатых, — вот каков демократизм капиталистического общества.

Если присмотреться поближе к механизму капиталистической демократии, то мы увидим везде и повсюду, и в «мелких», якобы мелких, подробностях избирательного права (ценз оседлости, исключение женщин и т.д.), и в технике представительных учреждений, и в фактических препонах праву собраний (общественные здания не для «нищих»!), и в чисто капиталистической организации ежедневной прессы и так далее и так далее, — мы увидим ограничения да ограничения демократизма. Эти ограничения, изъятия, исключения, препоны для бедных кажутся мелкими, особенно на глаз того, кто сам никогда нужды не видал и с угнетенными классами в их массовой жизни близок не был (а таково девять десятых, если не девяносто девять сотых буржуазных публицистов и политиков), — но в сумме взятые эти ограничения исключают, выталкивают бедноту из политики, из активного участия в демократии. □...]

Нет. Развитие вперед, т.е. к коммунизму, идет через диктатуру пролетариата и иначе идти не может, ибо *сломить сопротивление* эксплуататоров-капиталистов больше некому и иным путем нельзя. .

А диктатура пролетариата, т.е. организация авангарда угнетенных в господствующий класс для подавления угнетателей, не может дать просто только расширения демократии. *Вместе* с громадным расширением демократизма, *впервые* становящегося демократизмом для бедных, демократизмом для народа, а не демократизмом для богатеньких, диктатура пролетариата дает ряд изъятий из свободы по отношению к угнетателям, эксплуататорам, капиталистам. Их мы должны подавить, чтобы освободить человечество от наемного рабства, их сопротивление надо сломить силой, — ясно, что там, где есть подавление, есть насилие, нет свободы, нет демократии. [...]

Демократия для гигантского большинства народа и подавление силой, т.е. исключение из демократии, эксплуататоров, угнетателей на-

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

рода, — вот каково видоизменение демократии при *переходе* от капитализма к коммунизму. [...]

[...] Итак: в капиталистическом обществе мы имеем демократию урезанную, убогую, фальшивую, демократию только для богатых, для меньшинства. Диктатура пролетариата, период перехода к коммунизму, впервые дает демократию для народа, для большинства, наряду с необходимым подавлением меньшинства, эксплуататоров. Коммунизм один только в состоянии дать демократию действительно полную, и чем она полнее, тем скорее она станет ненужной, отомрет сама собою. [...]

Наконец, только коммунизм создает полную ненужность государства, ибо *некого* подавлять, — «некого» в смысле *класса*, в смысле систематической борьбы с определенной частью населения. Мы не утописты и нисколько не отрицаем возможности и неизбежности эксцессов *отдельных лиц*, а равно необходимости подавлять *такие* эксцессы. Но, во-первых, для этого не нужна особая машина, особый аппарат подавления, это будет делать сам вооруженный народ такой же простотой и легкостью, с которой любая толпа цивилизованных людей даже в современном обществе разнимет дерущихся или не допускает насилия над женщиной. А во-вторых, мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут «*отмирать*». Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности,

но мы знаем, что они будут отмирать. С их отмиранием *отомрет* и государство.

Маркс, не пускаясь в утопии, определил подробнее то, что можно *теперь* определить относительно этого будущего, именно: различие низшей и высшей фазы (ступени, этапа) коммунистического общества. [...]

4. Высшая фаза коммунистического общества

[...] Но научная разница между социализмом и коммунизмом ясна. То, что обычно называют социализмом, Маркс назвал «первой» или низшей фазой коммунистического общества. Поскольку *общей* собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это *не* полный коммунизм. Великое значение разъяснении Маркса состоит в том, что он последовательно применяет и здесь материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм как нечто развивающееся *из* капитализма. Вместо схоластически выдуманных, «сочиненных» опре-

делений и бесплодных споров о словах (что социализм, что коммунизм), Маркс дает анализ того, что можно бы назвать ступенями экономической зрелости коммунизма.

В первой своей фазе, на первой своей ступени коммунизм *не* может еще быть экономически вполне зрелым, вполне свободным от традиций или следов капитализма. Отсюда такое интересное явление, как сохранение «узкого горизонта *буржуазного права*» — при коммунизме в его первой фазе.

Буржуазное право по отношению к распределению продуктов *потребления* предполагает, конечно, неизбежно и *буржуазное государство*, ибо право есть ничто без аппарата, способного *принуждать* к соблюдению норм права. [...]

Демократия означает равенство. Понятно, какое великое значение имеет борьба пролетариата за равенство и лозунг равенства, если правильно понимать его в смысле уничтожения *классов*. Но демократия означает только *формальное* равенство. И тотчас вслед за осуществлением равенства всех членов общества *по отношению* к владению средствами производства, т.е. равенства труда, равенства заработной платы, перед человечеством неминуемо встанет вопрос о том, чтобы идти дальше, от формального равенства к фактическому, т.е. к осуществлению правила: «каждый по способностям, каждому по потребностям». [...]

Демократия есть форма государства, одна из его разновидностей. И, следовательно, она представляет из себя, как и всякое государство, организованное, систематическое применение

насилия к людям. Это с одной стороны. Но, с другой стороны, она означает формальное признание равенства между гражданами, равного права всех на определение устройства государства и управление им. А это, в свою очередь, связано с тем, что на известной ступени развития демократии она, во-первых, спланивает революционный против капитализма класс — пролетариат и дает ему возможность разбить, сломать вдребезги, стереть с лица земли буржуазную, хотя бы и республиканско-буржуазную, государственную машину, постоянную армию, полицию, чиновничество, заменить их *более* демократической, но все еще государственной машиной в виде вооруженных рабочих масс, переходящих к поголовному участию народа в милиции. Здесь «количество переходит в качество»: *такая* степень демократизма связана с выходом из рамок буржуазного общества, с началом его социалистического переустройства. Если действительно *все* участвуют в управлении государством, тут уже капитализму не удержаться. [...]

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

[...] Учет и контроль — вот *главное*, что требуется для «налажения», для правильного функционирования *первой фазы* коммунистического общества. *Все* граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковыми являются вооруженные рабочие. *Все* граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного «синдиката».

[...]

Когда *большинство* народа начнет производить самостоятельно и повсеместно такой учет, такой контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентами, сохранившими капиталистические замашки, тогда этот контроль станет действительно универсальным, всеобщим, всенародным, тогда от него нельзя будет никак уклониться, «некуда будет деться».

Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы.

Но эта «фабричная» дисциплина, которую победивший капиталистов, свергнувший эксплуататоров пролетариат распространит на все общество, никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только *ступенькой*, необходимой для радикальной чистки общества от гнусности и мерзостей капиталистической эксплуатации и *для дальнейшего* движения вперед.

С того момента, когда все члены общества или хотя бы громадное большинство их *сами* научились управлять государством, сами взяли это дело в свои руки, «наладили»

контроль за ничтожным меньшинством капиталистов, за господчиками, желающими сохранить капиталистические замашки, за рабочими, глубоко развращенными капитализмом, — с этого момента начинает исчезать надобность во всяком управлении вообще. Чем полнее демократия, тем ближе момент, когда она становится ненужной. Чем демократичнее «государство», состоящее из вооруженных рабочих и являющееся «уже не государством в собственном смысле слова», тем быстрее начинает отмирать *всякое* государство.

Ибо когда *все* научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль тунеядцев, баричей, мошенников и тому подобных «хранителей традиций капитализма», — тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно делается таким невероятно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие — люди практической жизни, а не сентиментальные

интеллигентки, и шутить они с собой едва ли позволят), что *необходимость* соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет *привычкой*.

И тогда будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем к полному отмиранию государства.

Печатается по: *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. М., 1974. Т. 33. С. 18—20, 24—26, 42—44, 82—83, 86—91, 98—102.

К. ПОППЕР

Открытое общество и его враги

Правовая, или юридическо-политическая, система — система правовых институтов, созданная государством и навязанная им обществу, — должна, согласно представлениям Маркса, рассматриваться как одна из надстроек, возникших над существующими производительными силами экономической системы и выражающих эти силы. Маркс говорит в связи с этим о «юридической и политической надстройке». Это, конечно, не единственная форма, в которой экономическая, или материальная, действительность и соответствующие ей отношения между классами проявляются в мире идеологии и идей. Другим примером такой надстройки может служить, по Марксу, господствующая система морали. Она в противоположность правовой системе не навязана государственной властью, а санкционирована идеологией, созданной и контролируемой

правлящим классом. Различие между этими формами надстройки, грубо говоря, есть различие между убеждением и принуждением (как сказал бы Платон), а именно государство, т.е. его правовая и политическая система, использует принуждение. У Энгельса государство есть не что иное, как «особая сила для подавления», для принуждения управляемых управляющими. «Политическая власть в собственном смысле слова, — говорится в «Манифесте Коммунистической партии», — это организованное насилие одного класса для подавления другого». Аналогичное описание роли государства дается и Лениным:

«По Марксу, государство есть орган классового господства, орган угнетения одного класса другим, есть создание «порядка», который узаконивает и упрочивает это угнетение...» Короче говоря, государство является только частью механизма, при помощи которого правящий класс ведет свою борьбу.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

Прежде чем перейти к следствиям такого понимания государства, следует отметить, что в нем выражаются частично институционалистские, а частично эссенциалистские элементы теории государства. Это понимание носит институционалистский характер в той мере, в какой Маркс пытался установить, какие практические функции выполняют правовые институты в жизни общества. Однако оно является и эссенциалистским, поскольку Маркс вообще не исследовал разнообразия целей, которые он сам считал желательными. Вместо выдвижения требований или предложений-проектов по поводу функций, которые, по его ожиданиям, должны выполнять государство, правовые институты и правительство, Маркс спрашивал: «Что такое государство?» Иначе говоря, он пытался раскрыть сущностную функцию правовых институтов. Ранее было уже показано, что на такой типично эссенциалистский вопрос нельзя ответить удовлетворительным образом. И тем не менее этот вопрос, без сомнения, хорошо согласуется с предложенным Марксом эссенциалистским и метафизическим подходом, в соответствии с которым область идей и норм интерпретируется как проявление экономической реальности.

Каковы же следствия такой теории государства? Наиболее важным следствием является то, что вся политика, все правовые и политические институты, равно как и вся политическая борьба, не имеют первостепенного значения в жизни общества. Политика на самом деле бессильна. Она никогда не может коренным образом изменить экономическую реальность. Главная, если не единственная, задача любой просвещенной политической

деятельности состоит в наблюдении за тем, чтобы изменения в юридическо-политической сфере шли в ногу с изменениями в социальной реальности, т.е. в средствах производства и отношениях между классами. Поэтому тех трудностей, которые должны возникнуть, если политика плетется позади реальных экономических событий, согласно Марксу, можно избежать. Говоря другими словами, политическая деятельность либо носит поверхностный характер, она не обусловлена более глубокой реальностью социальной системы и в этом случае обречена на легковесность и никогда не сможет оказать угнетенным и эксплуатируемым реальную помощь, либо она выражает изменения в экономическом базисе и классовой ситуации и в этом случае приобретает характер извержения вулкана, настоящей революции. Такую революцию можно предвидеть, поскольку она возникает из социальной системы, и первоначальную жестокость позже можно смяг-

чить, если не сопротивляться ее вулканической мощи, но революцию нельзя ни вызвать, ни подавить политическим действием.

Эти следствия еще раз демонстрируют нам единство Марксовой исторической системы мышления. Однако если учесть, что немногие направления мысли сделали для возбуждения интереса к политической деятельности столько, сколько сделал марксизм, то Марксова теория фундаментального бессилия политики представляется несколько парадоксальной. (Марксисты, правда, могли бы ответить на это замечание, выдвинув два следующих аргумента. Первый состоит в том, что в изложенной теории политическое действие все же обладает определенной функцией, так как, хотя рабочая партия и не может своими действиями улучшить судьбу эксплуатируемых масс, ее борьба пробуждает классовое сознание и тем самым готовит массы к революции. Это аргумент радикального крыла марксистов. Другой аргумент, принадлежащий умеренному крылу, заключается в том, что в некоторые исторические периоды, а именно когда силы двух противостоящих классов находятся в приблизительном равновесии, политические действия могут приносить непосредственную пользу. В такие периоды политические усилия и политическая энергия могут стать решающими факторами достижения важных улучшений в жизни рабочих. Очевидно, что сторонники второго аргумента жертвуют некоторыми фундаментальными положениями Марксовой теории, но не осознают этого и, следовательно, не доходят до существа дела.)

Стоит заметить, что, согласно марксистской теории, рабочая партия, так сказать, застрахована от совершения сколько-нибудь значительных политических ошибок до тех пор, пока она продолжает играть предназначенную ей роль и энергично отстаивает требования рабочих. Дело в том, что никакие политические ошибки не могут серьезно повлиять на объективную классовую ситуацию и тем более на экономическую действительность, от которой в конечном счете зависит все в общественной жизни.

Другое важное следствие этой теории состоит в том, что в принципе все — даже демократические — правительства являются диктатурами правящего класса по отношению к управляемым. [...] «Современная государственная власть, — говорится в «Манифесте Коммунистической партии», — это только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии». Согласно этой теории, то, что мы называем демократией, есть не что иное, как форма классовой диктатуры, которая оказывается наиболее удобной в соответствующих исторических условиях.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

(Эта доктрина не очень хорошо согласуется с теорией равновесия классов, проповедуемой упомянутым ранее умеренным крылом марксистов.) Аналогично тому, как государство при капитализме есть диктатура буржуазии, так и после грядущей социальной революции оно будет диктатурой пролетариата. Однако это пролетарское государство, по Марксу, должно утратить свои функции, как только прекратится сопротивление буржуазии. Дело в том, что пролетарская революция ведет к одноклассовому и, следовательно, бесклассовому обществу, в котором уже не может быть классовой диктатуры. Таким образом, лишённое всех функций, государство должно исчезнуть. «Оно отмирает», — говорил Энгельс.

[...] Я очень далек от того, чтобы защищать Марксову теорию государства. Его теория бессилия всякой политики, и в частности его точка зрения на демократию, представляется мне не просто ошибкой, а фатальной ошибкой. Однако следует признать, что за его изобретательными и вместе с тем жестокими теориями стоял социальный опыт жестокости и подавления. И хотя Марксу, по моему мнению, так и не удалось понять будущее, которое он страстно стремился предвидеть, я считаю, что даже его ошибочные теории свидетельствуют о его глубоком социологическом анализе социальных условий того времени, его глубочайшем гуманизме и чувстве справедливости.

Марксова теория государства, несмотря на ее абстрактный и философский характер, безусловно, представляет собой интерпретацию того исторического периода, в котором он жил. Частью этой теории является вполне обоснованный взгляд,

согласно которому так называемая промышленная революция первоначально развивалась как революции главным образом в «материальных средствах производства», т.е. в сфере машинного производства. Впоследствии это привело к преобразованию классовой структуры общества и к возникновению новой социальной системы. Что же касается политических революций и других преобразований правовой системы, то они происходят только на следующем этапе социального развития. Хотя эта Марксова интерпретация «подъема капитализма» подверглась сомнению со стороны историков, которые смогли вскрыть ее глубокие идеологические основы (что, конечно, представляло собой серьезный аргумент против этой теории, но нельзя сказать, что Маркс совсем этого не осознавал), вряд ли можно сомневаться в ценности этой марксистской концепции как первого приближения к описанию капиталистического общества. Тем самым

Маркс оказал большую помощь своим последователям в этой области. [...]

Марксизм претендует на нечто большее, чем просто быть наукой, делает нечто большее, чем исторические пророчества. Он претендует на то, чтобы быть основой практической политической деятельности. Он критикует существующее капиталистическое общество и утверждает, что может указать путь к лучшему миру. Однако, согласно собственной теории Маркса, мы не можем произвольно изменить экономическую реальность, например при помощи реформ. Политика может разве что «сократить и облегчить родовые муки». Это, по моему мнению, крайне бедная политическая программа, потому что политической власти она придает третьестепенное значение в иерархии различных видов власти. Действительно, по Марксу, реальную власть в обществе имеет развитие техники, следующая по важности ступень власти — это система экономических классовых отношений и на последнем месте оказывается политика.

Позиция, к которой мы пришли в результате нашего анализа, означает прямо противоположный взгляд на вещи. Согласно такой оппозиции, политическая власть имеет фундаментальный характер. Политическая власть с этой точки зрения может контролировать экономическую мощь. Это приводит к громадному расширению области политической деятельности. Мы можем, к примеру, разработать рациональную политическую программу для защиты экономически слабых. Мы можем создать

законы, ограничивающие эксплуатацию. Мы можем ограничить рабочий день, но можем сделать и гораздо больше. При помощи закона мы можем застраховать рабочих (или, еще лучше, всех граждан) на случаи потери трудоспособности, безработицы и старости. В результате окажутся невозможными такие формы эксплуатации, которые основываются на беспомощном экономическом положении рабочего, который вынужден согласиться на все, чтобы избежать голодной смерти. И когда мы будем способны при помощи закона гарантировать средства к существованию всем, кто желает работать, а причин, по которым мы не могли бы это сделать, не существует, то защита свободы гражданина от экономического страха и экономического шантажа будет практически полной. С этой точки зрения политическая власть является ключом к экономической защите. Политическая власть и присущие ей способы контроля — это самое главное в жизни общества. Нельзя допускать, чтобы экономическая власть доминировала над по-

ИНСТИТУТЫ

литической властью. Если же так происходит, то с экономической властью следует бороться и ставить ее под контроль политической власти.

Опираясь на изложенную точку зрения, мы можем сказать, что недооценка Марксом роли политической власти означает не только то, что он не уделил должного внимания разработке теории очень важного потенциального средства улучшения положения экономически слабых, но и что он не осознал величайшей потенциальной опасности, грозящей человеческой свободе. Его наивный взгляд, согласно которому в бесклассовом обществе государственная власть утратит свои функции и «отомрет», ясно показывает, что он никогда не понимал ни парадокса свободы, ни той функции, которую государственная власть может и должна выполнять, служа свободе и человечеству. (И все же этот взгляд Маркса свидетельствует о том, что он был в конечном счете индивидуалистом, несмотря на его коллективистскую апелляцию к классовому сознанию.)

Таким образом, марксистский взгляд аналогичен либеральному убеждению, что все, в чем мы нуждаемся, — это «равенство возможностей». Мы безусловно нуждаемся в таком равенстве, хотя оно и не защищает тех, кто менее одарен, менее безжалостен или менее удачлив, от превращения в объекты эксплуатации со стороны тех, кто более одарен, более безжалостен или более удачлив.

Опираясь на то, что нам удалось осознать в ходе нашего анализа, мы теперь можем сказать: то, что марксисты пренебрежительно именуют «чисто формальной свободой», на самом деле есть

базис всех остальных сторон социальной системы. Это «чисто формальная свобода», т.е. демократия, или право народа оценивать и отстранять свое правительство, представляет собой единственный известный нам механизм, с помощью которого мы можем пытаться защитить себя против злоупотребления политической силой. Демократия — это контроль за правителями со стороны управляемых. И поскольку, как мы установили, политическая власть может и должна контролировать экономическую власть, политическая демократия оказывается единственным средством контроля за экономической властью со стороны управляемых. При отсутствии демократического контроля у правительства не будет ни малейшей причины, почему бы ему не использовать свою политическую и экономическую власть в целях, весьма далеких от защиты свободы своих граждан.

[...] Марксисты действительно просмотрели фундаментальную роль «формальной свободы». Они считают, что формальной демократии не

достаточно, и хотели бы дополнить ее тем, что они обычно называют экономической демократией. Это двусмысленная и совершенно пустая фраза, которая затемняет тот факт, что «чисто формальная свобода» является единственной гарантией демократической экономической политики.

Маркс открыл значение экономической власти, и вполне понятно, что он преувеличил ее значение. И он сам, и марксисты видят власть экономики буквально везде. Их аргумент звучит так: кто обладает деньгами, тот обладает свободой, поскольку при необходимости он может купить оружие и даже гангстеров. Однако это обоюдоострый аргумент. Фактически он содержит признание, что человек, обладающий оружием, обладает и властью. И если тот, у кого есть оружие, осознает это, то в скором времени у него будут и оружие, и деньги. Аргумент Маркса до некоторой степени применим к не ограниченному, или не регулируемому, законодательно капитализму.

Действительно, правление, которое создает институты контроля за оружием и преступностью, но не за властью денег, вполне может попасть под влияние последних. В таком государстве может править бесконтрольный гангстеризм богатых. Однако я думаю, что сам Маркс первым признал бы, что это верно не для всех государств. В истории бывали времена, когда, к примеру, всякая эксплуатация была грабежом, непосредственно основанным на власти военной силы. И сегодня немногие поддержат наивный взгляд, согласно которому «прогресс истории» раз и навсегда положил конец этому прямому способу

эксплуатации людей. Сторонники такого взгляда ошибочно полагают, что, поскольку формальная свобода однажды была завоевана, для нас уже невозможно вновь подпасть под власть таких примитивных форм эксплуатации. [...]

Догму, согласно которой экономическая власть является корнем всех зол, следует опровергнуть. Ее место должно занять понимание опасностей, исходящих от любой формы бесконтрольной власти. Деньги как таковые не особенно опасны. Они становятся опасными, только если на них можно купить власть непосредственно или путем порабощения экономически слабых, которые должны продавать себя, чтобы жить.

[...] Конечно, на практике марксисты никогда полностью не полагались на доктрину бессилия политической власти. В той мере, в какой они имели возможность действовать или планировать свою деятельность, они обычно, подобно всем остальным, предполагали, что политическую власть можно использовать для контроля за экономической

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

властью. Однако их планы и действия никогда не основывались ни на явном отказе от их первоначальной теории бессилия политической власти, ни на каком-то тщательно разработанном взгляде на самую фундаментальную проблему всякой политики, а именно проблему контроля за контролерами, за опасной концентрацией власти в государстве. Марксисты так и не осознали всего значения демократии как единственного хорошо известного средства осуществления такого контроля.

Как следствие, марксисты не смогли понять опасности, таящейся в политике, ведущей к возрастанию власти государства. Более или менее бессознательно отказавшись от доктрины бессилия политики, они сохранили взгляд, согласно которому проблема государственной власти не является важной. Власть плоха, по их мнению, только потому, что находится в руках буржуазии.

Оставаясь приверженцами своей формулы диктатуры пролетариата, марксисты так и не поняли, что всякая власть — политическая не в меньшей мере, чем экономическая, — опасна.

Действительно, марксисты не смогли осознать принципа [...] согласно которому всякая широкомасштабная политика должна быть институциональной, а не личностной. И когда они шумно требуют расширения полномочий государственной власти (в противоположность Марксову взгляду на государство), они не принимают во внимание то, что дурные личности могут завладеть этой более широкой властью. Отчасти именно это является причиной, по которой — как только марксисты все же приступали к рассмотрению вопроса о вмешательстве государства — они планировали предоставить государству

практически беспредельную власть в области экономики. Они сохранили Марксово холистское и утопическое убеждение, согласно которому только совершенно новая «социальная система» может улучшить существующее положение вещей.

Я дал критику этого утопического и романтического подхода к социальной инженерии [...] но хочу добавить, что экономическое вмешательство, даже предлагаемые нами постепенные, поэтапные методы социальной инженерии могут привести к бесконтрольному возрастанию власти государства.

Интервенционизм, следовательно, крайне опасен. Это, конечно, не является решающим аргументом против него, поскольку государственная власть всегда была и останется опасным, но неизбежным злом. Однако надо помнить следующее важное предостережение: если мы ослабим нашу бдительность и если, предоставляя государству больше власти через интервенционистское «планирование», не будем одновременно усиливать наши демократические институты,

то можем потерять свободу. А если свобода будет потеряна, то будет потеряно и все остальное, включая и «планирование».

Действительно, с какой стати планы, касающиеся благосостояния людей, должны выполняться, если люди не обладают властью, чтобы обеспечить это? Только свобода может сделать безопасность надежной.

Таким образом, мы видим, что существует не только парадокс свободы, но и парадокс государственного планирования. Если мы планируем слишком много, т.е. отдаем слишком большую власть государству, то свобода будет потеряна, и это поставит крест и на самом планировании.

Высказанные соображения возвращают нас к нашему призыву к постепенным, поэтапным методам социальной инженерии в противоположность утопическим или холистским методам, а также к нашему требованию, согласно которому следует планировать меры для борьбы против конкретного зла, а не для установления некоторого идеального добра. Государственное вмешательство должно быть ограничено в той степени, которая в действительности необходима для защиты свободы.

Вместе с тем недостаточно сказать, что предлагаемые нами решения должны быть минимальными, что нам следует быть бдительными и что мы не должны отдавать больше власти государству, чем это необходимо для защиты свободы. Такие требования скорее всего только ставят проблемы, чем показывают пути их решения. Вполне возможно, что решений таких проблем вообще не существует. Действительно, приобретение новой экономической власти государством — чья сила в

сравнении с силами его граждан всегда опасно велика — может сделать сопротивление ей бесполезным. Ведь до сих пор еще никто не доказал, что свободу можно сохранить, и не показал, как ее можно сохранить.

[...] Мы провели важное различие между личностями (лицами) и институтами. Мы отмечали, что, хотя сегодняшние политические проблемы часто могут требовать личных решений, вся долгосрочная политика — особенно всякая демократическая долгосрочная политика — должна разрабатываться в рамках безличных институтов. В частности, проблема контроля за правителями и проверки их власти является главным образом институциональной проблемой — проблемой проектирования институтов для контроля за тем, чтобы плохие правители не делали слишком много вреда.

Аналогичные соображения применимы и к проблеме контроля за экономической властью государства. Мы должны защищаться от лиц и от их произвола. Институты одного типа могут предоставлять безгра-

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

ничную власть тому или иному лицу, но институты другого типа могут отнимать ее у этого лица. [...]

Таким образом, мы подошли к различению двух совершенно разных методов, посредством которых может происходить экономическое вмешательство государства. Первый — это метод проектирования «правовой структуры» протекционистских институтов (примером могут быть законы, ограничивающие власть собственников животных и собственников земли). Второй — это метод предоставления на некоторое время органам государства свободы действовать — в определенных пределах, — как они считают нужным для достижения целей, поставленных правителями. Мы можем назвать первую процедуру «институциональным» или «косвенным» вмешательством, а вторую — «личным» или «прямым» вмешательством. (Конечно, существуют и промежуточные случаи.)

С точки зрения демократического управления нет никакого сомнения в том, какой из этих методов предпочтительнее. Политика любого демократического вмешательства, очевидно, заключается в использовании второго метода в тех случаях, в которых первый метод неприменим. (Такие случаи бывают. Классический пример — это бюджет, т.е. выражение свободы действий министра финансов и его понимания того, что является беспристрастным и справедливым. И вполне возможно, хотя весьма нежелательно, что меры по смягчению негативных последствий цикличности экономического развития могут иметь такой характер.) □...]

Первый метод может быть охарактеризован как рациональный, второй — как иррациональный — не только в указанном смысле, но также в совершенно другом, и очень важном, смысле.

Отдельный гражданин может познать и понять правовую структуру, которая должна быть спроектирована таким образом, чтобы быть ему понятной. Она вносит фактор уверенности и безопасности в общественную жизнь. Когда эта структура изменяется, то в течение переходного периода должны быть предусмотрены гарантии для тех индивидуумов, которые построили свои планы в расчете на ее неизменность.

В противоположность этому метод личного вмешательства с необходимостью вносит в социальную жизнь постоянно растущий элемент непредсказуемости и тем самым развивает чувство иррациональности и небезопасности социальной жизни. Использование дискреционной власти, как только оно начинает широко практиковаться, имеет тенденцию к быстрому росту, так как необходимы корректировки властных ре-

шений, а корректировки дискреционных краткосрочных решений вряд ли могут быть произведены при помощи институциональных средств. Эта тенденция должна в значительной степени повышать иррациональность системы, создавая у большинства людей впечатление, что за сценой истории действуют какие-то скрытые силы, и тем самым толкая людей к принятию заговорщицкой теории общества со всеми ее последствиями — охотой за еретиками, национальной, социальной и классовой враждой.

Несмотря на все это, совершенно очевидное, казалось бы, предпочтение институционального метода везде, где это возможно, далеко не является общепринятым. Неспособность принять такую политику, по моему мнению, вызывается разными причинами. Одна из них состоит в том, что требуется соответствующая независимость правительства для того, чтобы приступить к долгосрочной задаче перепроектирования «правовой структуры». Однако правительства обычно кое-как сводят концы с концами и дискреционные полномочия составляют способ их жизни. (Не говоря уже о том, что правители склонны любить такие полномочия ради них самих.) Однако самая важная причина, безусловно, состоит в простом недопонимании значения различия между этими двумя методами. Так, последователям Платона, Гегеля и Маркса, например, заказан путь к его пониманию. Им никогда не понять, что старый вопрос «Кто будет правителем?» должен быть заменен более реальным вопросом: «Каким образом мы можем укротить его?»

[...] Маркс был последним из конструкторов великих холистских систем. Нам следует позаботиться, чтобы он и впредь оставался в этом качестве, и не пытаться заменить его систему другой великой системой. Однако мы не нуждаемся в холизме. Мы нуждаемся в постепенной и поэтапной социальной инженерии. Печатается по: *Поппер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 2. С.138—179.

Д.Дж. ЭЛЕЙЗЕР

Сравнительный федерализм

Долгие годы федерализм считался объектом, не заслуживающим внимания политологов, разве что в качестве системы взаимоотношений между правительствами различных уровней в особых — федеративных — образованиях, в первую очередь, в Соединенных Штатах. Од-

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

нако в последнее время он превратился в важнейшую проблему мировой политики и, соответственно, политической науки.

Понятие «*федерализм*» имеет два значения. В узком смысле оно обозначает взаимоотношения между различными правительственными уровнями, в более широком — сочетание самоуправления и долевого правления через конституционное соучастие во власти на основе децентрализации.

Типология федерализма

Становится все более очевидным, что сам федерализм, если использовать взятую из биологии аналогию, является родовым понятием и включает в себя несколько подвидов. Первый из них (именно его, как правило, имеют сегодня в виду, когда говорят о федерализме) — *федерация* (federation) — представляет собой форму организации государственной власти, главные принципы которой были сформулированы отцами-основателями Соединенных Штатов в Конституции 1787 г. Федерация предполагает учреждение единого центрального правительства, в пределах охвата которого формируется политая, а составляющие ее единицы получают право, с одной стороны, на самоуправление, с другой — на соучастие в общем конституционном управлении образованием в целом.

Полномочия центрального правительства делегируются ему населением всех составляющих (политик) единиц. Оно имеет прямой выход на граждан страны и верховную власть в сферах, отнесенных к его компетенции. Для роспуска федерации требуется согласие всех или большинства входящих в нее

единиц. К классическим современным федерациям можно отнести США, Швейцарию и Канаду.

Второй подвид — *конфедерация* (confederation) — был общепризнанной формой федерализма до 1787 г. При конфедеративном устройстве объединившиеся единицы образуют союз, но в значительной степени сохраняют свои суверенитет и законодательные полномочия. Они устанавливают и поддерживают постоянный контроль над центральным правительством, которое может достичь уровня простых граждан, только действуя через эти единицы. Для выхода из состава конфедерации каких-то ее членов не требуется согласия остальных — подобное право фиксируется при заключении изначального конституционного соглашения. Классические образцы конфедерации — Ахейский союз¹

¹ Конфедерация древнегреческих городов в Пелопоннесе (ок. 280—146 гг. до н. э.). — *Пер.*

и Республика Соединенных провинций¹. Лучшим примером современной конфедерации может служить Европейский союз. Третий подвид — *федератизм* (*federacy*) — асимметричные взаимоотношения между федерированным государством и более крупной федеративной державой. В этом случае основой поддержания союза является охранение федерированным государством широкой внутренней автономии при отказе от некоторых форм участия в управлении федеративным образованием. В Соединенных Штатах подобное устройство называется «содружеством» («*commonwealth*»). Именно таким образом построены взаимоотношения этой страны с Пуэрто-Рико и Гуамом.

Четвертый подвид — *ассоциированная государственность* (*associated statehood*) — сходен с описанным выше в той же степени, в какой конфедерация сходна с федерацией. И в том, и в другом случае отношения асимметричны, но при ассоциированной государственности федерированное государство в меньшей степени связано с федеративной державой, и в конституции, оформляющей взаимоотношения сторон, как правило, предусмотрена возможность разрыва существующих между ними уз при каких-то специально оговоренных условиях. Подобного рода взаимоотношения установлены между Соединенными Штатами, с одной стороны, и Федерированными Штатами Микронезии и Маршалловыми островами — с другой.

Помимо уже названных, существуют и другие — квазифедеративные — формы, в том числе:

- 1) *унии* (например, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
- 2) *лиги* (например, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии);
- 3) *кондоминиумы* (например, Андорра под совместным протекторатом Франции и Урхельского епископа (Испания));
- 4) *конституциональная регионализация* (например, Италия);
- 5) *конституциональное самоуправление* (например, Япония).

Каждая из данных форм или конкретных их вариаций предлагает свое собственное решение неких специфических проблем управления, встающих в этом мире, но все они призваны найти пути, позволяющие обеспечить сочетание единого управления политией в целом с достаточным уровнем самоуправления ее частей и/или добиться создания системы соучастия во власти с тем, чтобы способствовать демократическому самоуправлению всего государства либо его составляющих. В

¹ Объединение 7 нидерландских провинций (XVI—XVIII вв.). — *Пер.*

ИНСТИТУТЫ

XX столетии (начало этому процессу было положено Октябрьской революцией в России) некоторые тоталитарные режимы, стремясь укрепить свою власть, воспользовались тем, что они называли федерализмом, предоставив минимально необходимый уровень культурной автономии проживающим на их территории этническим группам. В последующие годы между исследователями федерализма развернулись дискуссии о том, есть ли действительные основания рассматривать подобные формы в рамках тоталитарных систем в качестве федеративных. Часть ученых утверждала, что поскольку по самой своей сути федерализм — это средство укрепления демократического республиканизма, предполагающего разделение властей, тоталитарные системы, неотъемлемой чертой которых является неприятие разделения властей в какой бы то ни было форме, не могут быть подлинно федеративными. Другие, не отрицая справедливость подобных утверждений, доказывали, что воздействие федерализма, даже если тот был задуман в качестве ширмы, придает определенного рода институционально-конституционную силу местным этническо-территориальным интересам, позволяя им сохраняться хотя бы в ограниченном виде. Как показало дальнейшее развитие событий, правы были и те, и другие.

Стоило пасть тоталитарным режимам, СССР, Чехословакия и даже Югославия, где режим был относительно мягким, раскололись, и по меньшей мере в двух случаях из трех этот раскол повлек за собой кровопролитие. В то же самое время

формирование на территории распавшихся образований новых государств происходило в рамках установленных ранее федеральных границ и преподносилось как обретение каждой из входивших в состав федерации этнических единиц суверенитета и независимости. Несомненно также, что для установления и/или поддержания мира — по крайней мере в двух случаях из трех названных — потребуются какие-то альтернативные федералистские решения.

Из всего вышесказанного следует, что в своей основе федерализм — это вопрос *взаимоотношений*. Он воплощается в конституциях и институтах, структурах и функциях, но в конечном счете имеют значение именно взаимоотношения.

Сравнительный анализ федерализма

Повсеместное распространение компаративных методов в изучении федерализма объясняется теми же причинами, по которым компаративистика обрела столь высокую популярность в других областях науки. Сравнительный анализ позволяет: 1) лучше понимать самих себя;

2) использовать опыт других народов, сталкивающихся с теми же или аналогичными проблемами; 3) располагать большим объемом информации, обеспечивающим возможность более глубокого проникновения в предмет; 4) совместно со специалистами из других стран разрабатывать теоретические вопросы, что благотворным образом сказывается на работе каждого из них. Федерализм как предмет исследования хорош тем, что в него изначально встроены механизмы проверки и оценки адекватности результатов анализа: каждое плодотворное теоретическое положение должно иметь соответствующее практическое воплощение и наоборот. Конечно, то же самое, вероятно, можно сказать и о других объектах, изучением которых занимаются политические науки; однако при исследовании федерализма и теоретическое, и практическое измерения особенно необходимы. Теория федерализма должна получить подтверждение практикой, а любой опыт по практическому воплощению федералистских проектов, чтобы быть действительно федералистским, должен отвечать определенным теоретическим требованиям.

Сравнительные исследования федерализма можно, в первом приближении, подразделить на 3 основные группы:

- 1) федерализм в англоязычных странах, в том числе колониальный федерализм, например в Британской империи;
- 2) федерализм в германоязычных странах, прежде всего в Германии и Швейцарии;

3) федералистские идеологии и проекты, выдвигаемые по большей части философами — сторонниками утопических федеративных систем.

Компаративистские исследования затрагивают 6 важнейших аспектов федерализма: 1) теорию; 2) институты; 3) конституции, в том числе конституционные законы; 4) основы, т.е. учреждение или организацию федеративных систем; 5) функции, или систему взаимоотношений управленческих структур различных уровней; 6) финансовые вопросы, к примеру, распределение налоговых поступлений и расходов. К этому можно добавить и еще один аспект — примеры функционирования федеративных систем и проблемы, возникающие при воплощении федеративной организации в жизнь. Плодотворная работа проведена и ведется по всем названным направлениям.

В исследованиях поднимаются следующие вопросы теории и практики федерализма: 1) конституции федеративных систем, в том числе процессы конституционального конструирования и самоорганизации, лежащие в основе федеративных государств; 2) институциональная

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

структура федеративных и использующих федеративные механизмы систем, в первую очередь формы и структуры федерированных единиц и центрального правительства, в котором такие единицы и их граждане имеют свою долю; 3) проблемы совместного отправления и разделения власти или полномочий между центральным правительством и правительствами федерированных единиц либо их представителями или заменяющими их органами; 4) учреждение и сохранение отдельных институтов центрального правительства и правительства федерированных единиц; 5) особое сочетание процессов самоуправления и долевого правления и обрамляющие их институциональные структуры, которые в каждой федеративной системе могут иметь свою специфику, но — чтобы федерализм успешно функционировал — во всех случаях должны быть внутренне сбалансированы; 6) распределение и разделение финансовых полномочий и ответственности, статьи формирования дохода и расходов; 7) различия между симметричными и асимметричными федеративными образованиями.

Хорошо известно, что не бывает абсолютно одинаковых федеративных систем; в каждой из них достигнуто свое отношение соучастия во власти ее разделения. Так, в отличие от германоязычных стран, где широта полномочий центральных правительств обычно уравновешивается передачей институтам федерированных единиц функций управления непосредственной реализацией этих полномочий, в англоязычных федеративных

системах важнейшие конституционные функции, как правило, осуществляются раздельными для каждого уровня управления институтами. Это одна из причин, почему институты, механизмы и процедуры одной федеративной системы так трудно пересадить в другую, предварительно не внося в них существенные изменения, которые позволили бы приспособить их к иным условиям.

Весьма разнятся между собой и типы общего баланса или искомого соотношения соучастия во власти и ее разделения, присущие федерациям и конфедерациям, симметричным и асимметричным федеративным образованиям, а также иным формам федеративного устройства. Другими словами, сильный Европейский союз — это не Соединенные Штаты Европы. В первом случае мы имеем дело с конфедерацией, во втором — речь шла бы о федерации, т.е. о совсем ином типе федеративного устройства. Более того, в свете европейской политической культуры Соединенные Штаты Европы были бы гораздо более бюрократизированным и ориентированным на исполнительную власть государством, чем Соединенные Штаты Америки. Этот факт должен сыграть

свою роль при решении вопроса о том, преобразовывать ли ЕС в федерацию или нет.

Что мы уже знаем о федерализме

Что же удалось узнать в ходе проведения международных сравнительных исследований федерализма? Набор общепризнанных на сегодня положений в этой области можно свести примерно к следующему:

1. Жизненно важным для идеи федерализма является наличие *гражданского общества*. Подтверждением может служить тот факт, что современный федерализм не проявлялся до тех пор, пока идея гражданского общества не стала основополагающей для политической жизни Запада. [...] Гражданское общество состоит из индивидов и их ассоциаций; федеративное гражданское общество предполагает наличие широкого спектра таких ассоциаций, обслуживающих многообразие полей большей или меньшей протяженности, на которые делится гражданское общество. Наиболее развитые федеративные гражданские общества отвергают идею материализованного государства. Государство рассматривается как наиболее всеохватывающая ассоциация, но не более того.
2. В политической теории англоязычных стран и, в первую очередь, в американской теории федерализма отсутствует понятие государства как такового. Политически полновластный народ (как правило, о нем говорят как о политически полновластном волей Божьей) заключает договор о формировании политического сообщества (*body politic*) или

государства (commonwealth) и посредством этого или дополнительного договора учреждает всевозможные правительства и передает им столько власти, сколько считает нужным. Ни одно правительство не является полностью суверенным, оно обладает только теми полномочиями, которые делегированы ему суверенным народом, и потому возможно одновременное существование — рядом друг с другом — нескольких правительств сразу. Их компетенции могут частично совпадать либо для каждого из них может быть выделен собственный сегмент властных полномочий в рамках общего целого, очерченных правительствами с наиболее широким полем охвата. Но в любом случае их взаимоотношения должны быть организованы на основе надлежащих принципов и соответствующей практики межправительственных отношений. Федеративные системы континентальной Европы и стран, находящихся под влиянием континентально-европейской политической мысли, строятся на несколько иных постулатах. Предполагается, что

политически полновластный народ путем договора создает свое гражданское общество, а также учреждает государство, которое призвано служить этому народу и его гражданскому обществу. Континентально-европейское «государство» более отделимо по своей структуре от гражданского общества, нежели описанная выше всеобъемлющая политическая ассоциация, и более централизовано, чем простая совокупность правительств. Тем не менее его предназначение также заключается в том, чтобы быть орудием в руках учредившего его суверенного народа и подчиняться ему.

И в одном, и в другом случае результатом должна быть полития, организованная в виде своеобразной матрицы, включающей в себя правительства с большим или меньшим полем охвата, где федеральное правительство служит формообразующей структурой, обрамляющей наиболее широкое поле — гражданское общество, а правительства федерированных единиц в очерченных таким образом границах обрамляют свои соответствующие сегменты и обслуживают их. Такого рода матрица заметно контрастирует с иерархической моделью властной пирамиды, при которой государство стоит над правительствами среднего и низшего уровня (для обозначения последних чаще всего употребляется понятие «власти», тогда как термин «правительство» используется исключительно по отношению к государству как носителю суверенной власти в гражданском обществе) и над народом, фактически составляющим основание пирамиды. Принципиально отличается

она и от олигархической модели, при которой существует единый центр власти, окруженный периферией, в большей или меньшей степени связанной с этим центром и оказывающей на него большее или меньшее воздействие.

И иерархическая, и олигархическая модели являются «нормальными» в том смысле, что при естественном течении событий власть самоорганизуется в виде пирамиды или вокруг единого центра, и элиты стремятся занять свое место либо на вершине такой пирамиды, либо во властных центрах. Федерализм можно рассматривать как конституциональное средство вмешательства в естественный ход вещей с целью предотвратить подобную иерархизацию и централизацию. Структурная децентрализация, утвержденная посредством внедрения федералистских принципов и осуществления соответствующих мероприятий, использует силу институтов, сознательно учрежденных именно для того, чтобы предотвратить или по крайней мере значительно ослабить воздействие «железного закона олигархии». Выявление и анализ возможных

форм структурной децентрализации с точки зрения того, что возможно провести в жизнь и что в действительности уже существует, относится к числу важнейших задач, стоящих при исследовании федерализма.

Один из возможных путей определения типа структурной децентрализации (федерация или конфедерация) — выяснение соотношения властной нагрузки различных единиц внутри матрицы. При федеративном устройстве правительство с самым широким полем охвата является также наиболее всеобъемлющим и потенциально наиболее сильным, контролирующим выполнение тех жизненно важных задач, которые придают политике ее форму, тогда как при конфедерации основные составляющие ее единицы несут главную властную нагрузку и являются, с точки зрения решения жизненно важных задач, наиболее сильными. По своему внутреннему строению входящие в состав конфедерации единицы могут даже напоминать иерархическую или центр-периферийную модели, а предлагаемое федеративной матрицей относительное равенство может быть сведено к области отношений между институтами с наиболее широкой сферой охвата, т.е. к взаимоотношениям между локальными полями в рамках общей матрицы. Однако, *если нет самой такой матрицы, говорить о федерализме полностью бессмысленно.*

3. По существу, в основе федеративной матрицы лежит *территориальный принцип*. Федерализм может быть расширен или усилен путем официального признания консоциативных институтов или

других форм нетерриториального соучастия во власти, все они должны найти надлежащую территориальную основу. В нынешние времена федерализм, строящийся на какой-то иной основе, оказывается весьма недолговечным (в отличие от досовременного племенного федерализма). Причина, вероятно, заключается в том, что добиться установления устойчивого конституционального порядка возможно для территорий и населяющих их народов, но не на нетерриториальной основе, поскольку в этом случае крайне трудно очертить границы, без которых невозможно внутреннее разделение власти и доленое участие в ее отправлении.

4. Чтобы федеративная система могла успешно функционировать, *вся территория* данной политики должна быть федерализирована. В политиках, где каким-то территориям, населенным конкретными меньшинствами, предоставлена автономия (даже если она реальна), а контроль над другими полностью остается в руках центрального правительства, происходит периферизация получивших особые полномочия регионов. Там, где центральное правительство должно осуществлять

как центральную, так и местную власть, оно в состоянии не только запугать федерированные регионы, но и задавить их. В любом случае подобная ситуация скорее всего закончится конфликтом, тем более что такие формы выборочной автономизации, как правило, используются для сглаживания этнических противоречий, вне зависимости от всего другого крайне опасных для федерализма.

Составные части, на которые делится территория политического сообщества, не обязательно должны быть полностью равными: они могут весьма сильно различаться между собой при том, однако, условии, что ни одна из этих частей не будет столь обширной или доминирующей, чтобы это угрожало (или создавало впечатление, что угрожает) единству или полномочиям остальных. Во времена второго рейха Пруссия просто-напросто подавляла все другие государства, входившие в состав германской федерации, подавляла до такой степени, что прусские институты даже выполняли функции общегерманских. [...]

Аналогичные территориальные деления могут существовать в рамках так называемого *форалистического устройства* (от испанского «*fuero*»¹), т.е. двусторонних соглашений между центральным правительством и конкретными составными единицами. Так, с принятием конституции 1978 г. в современной Испании были заложены основы федеративной системы.

Согласно новой конституции вся Испания делилась на автономные региональные сообщества. Одновременно предусматривалось, что Страна Басков и Каталония, а также любая другая региональная общность, которая того пожелает (в

конечном итоге ими оказались Галисия и Андалусия), могут в индивидуальном порядке вести переговоры с Мадридом относительно устройства своих управленческих механизмов и объема передаваемой региональным правительствам власти. Большинство других регионов страны предпочло удовлетвориться тем базовым разделением власти, которое устанавливалось конституцией и введенными в соответствии с ней законами. Во всех случаях, однако, каждая входящая в состав страны территориальная единица должна была иметь собственное региональное правительство, обладающее переданным ему и гарантированным конституцией определенным минимумом реальных властных полномочий.

5. Все эти элементы структурной композиции и строения институтов, возводимые с целью обеспечить создание относительно сложной

¹ Fuero — старинный испанский закон, гарантирующий привилегии каких-то городов или регионов. — *Пер.*

системы разделения власти и полномочий и соучастия в их отправлении, будут эффективными лишь в том случае, если они обслуживают население с соответствующей или по крайней мере близкой *политической культурой*. Тот факт, что имеется особая федералистская политическая культура, к настоящему времени признается уже всеми специалистами в области сравнительного федерализма, хотя вопрос о ее составляющих до сих пор не до конца выяснен. Очевидно, что наиболее эффективными являются те федеративные системы, которые подкрепляются соответствующими политическими культурами. Наиболее федералистской является, наверное, политическая культура Швейцарии, но элементы, подкрепляющие федеративное устройство, обнаруживаются в политических культурах и других «классических» федераций.

Если политическая культура не соответствует полностью федеративному устройству, то она должна быть по меньшей мере достаточно близкой, способной принять федеративные композиционно-институциональные механизмы и отношения и сделать их дееспособными. Прийти к какой-то форме федеративного устройства можно и в том случае, если политическая культура нейтральна или если в рамках потенциального федеративного образования имеется несколько политических культур, уравновешивающих друг друга. Но если политическая культура враждебна по отношению к федерализму, возможности существования федеративной системы в какой бы то ни было форме резко сокращаются.

6. Жизненно важным в этом отношении является *стремление к федерализации*. В идеале такое стремление порождается самой политической культурой. Однако иногда оно может развиваться независимо от политической культуры, в результате определенного стечения обстоятельств. Разумеется, в первом случае возможность успешного проведения в жизнь принципов федерализма значительно усиливается, но и при втором варианте развития стремление к федерализации может послужить противовесом неблагоприятному политико-культурному окружению.

7. Чтобы быть дееспособными, любые федеративные системы и их механизмы должны возводиться обеспечивающим *широкое общественное согласие* образом. Обычно федеративные системы возникают тогда, когда имеется согласие народов ряда политий на создание общих структурообразующих институтов, как правило, на основе «комплексной сделки» путем взаимных уступок, именуемой «конституцией». Раз возникнув, большинство федеративных систем могут, используя какие-то

специально установленные конституционные процедуры, включать в свой состав новые единицы. Правда, в конфедерациях «старого образца», образованные из ранее независимых политий, набор входящих в систему членов чаще всего определялся изначально; случаи, когда в уже готовое объединение входили новые члены, были крайне редкими. Однако другие федеративные образования и, особенно, конфедерации «нового типа» создаются на основе скорее сети соглашений, чем единовременного акта объединения. Так, в частности, создавались Европейский союз и Вест-Индийская Федерация. Аналогичным образом в средние века и на заре Нового времени строилась Швейцария, в XIX в. сменившая — путем заключения новой конституционной «сделки» — свое конфедеративное устройство на основе сети соглашений на федеративное. Двигается ли Европейский союз в том же направлении или нет, сказать пока трудно, однако если его цель — сохранение конфедеративного (или равноценного конфедеративному) устройства, его сегодняшняя политика использования сети соглашений представляется вполне удачной.

8. Чтобы успешно функционировать, каждая федеративная система должна найти надлежащий *баланс между сотрудничеством* центрального правительства и федерированных единиц и *конкуренцией* между ними. Это предполагает соответствующее сочетание отдельных структур с отношениями функционального сотрудничества, культуру взаимопризнания законов в административной и судебной практике, а также открытость процесса взаимоторговли.

Пользуясь принятой в Америке терминологией, можно сказать, что требуется определенная доля как двухуровневого федерализма, так и федерализма сотрудничества, позволяющего правительствам объединенными усилиями добиваться достижения общих целей. В то же самое время, если каждое правительство не будет сохранять за собой право на принятие решений и свободу сказать «нет», данное «сотрудничество» окажется лишь прикрытием насилия со стороны центральной власти. Мы не раз могли наблюдать подобное развитие событий. Установление иерархической юридическо-административной системы в Австрии; аккумуляция центральным правительством громадных полномочий в сфере налогообложения в ущерб правам штатов и манипулирование этими полномочиями через Дотационную комиссию в Австралии; широкое использование президентского правления в Индии — вот лишь три из огромного множества примеров, которые здесь можно было бы привести.

9. При обсуждении федеративных образований в центре внимания нередко оказываются различия между системами, основанными на разделении властей, и парламентскими системами, особенно вестминстерского образца. В системах, основанных на разделении властей, огромную роль играют конституционные суды и межправительственное административное сотрудничество, тогда как в парламентских системах отчетливо заявила о себе тенденция к превращению коллегиальных органов, образуемых первыми министрами, министрами юстиции или какими-то другими должностными лицами, в неформальный, но важнейший механизм принятия решений. Хотя оба типа механизмов используются как при одной, так и при другой форме организации власти, в XX столетии исполнительная власть обрела более полный контроль над законодательной именно в рамках парламентской системы, где она, используя свое парламентское большинство, вне сомнения, в состоянии выступать от имени последней; и потому при такой системе коллегиальные органы на деле способны говорить за свои политий. Воспрепятствовать этому может лишь сопротивление, идущее из внепарламентских источников (так фактически и произошло при решении конституционных вопросов в Канаде). При системе, основанной на разделении властей, исполнительная власть не может обязать законодательную выполнять свои указания, поэтому такие системы менее пригодны для использования коллегиальных органов, разве что для принятия технических решений. В то же

время конституционные суды подобных систем будут склонны поддерживать структурообразующие институты, если, конечно, в состав самих этих судов не будут введены представители федерированных единиц.

Системы, строящиеся на разделении властей, в большей степени, чем парламентские, опираются на обстоятельные писанные конституции, которые принимаются на основе всеобщего согласия и в которых оговорены конституционные проблемы (хотя парламентские системы эволюционируют в том же направлении). Конституционные документы федеративных образований англоязычных стран, как правило, бывают достаточно гибкими, в то время как в германоязычных федеративных образованиях подобные документы сформулированы более четко и менее поддаются неформальной модификации через интерпретацию. Они гораздо длиннее, чем конституция англоязычных стран, и в них чаще вносятся формальные изменения.

Проводившиеся в последние годы исследования позволяют нам также лучше понять существо *противостоящих федерализму сил*.

Одни из них выступают с *унитаристских* позиций, другие стремятся к *фрагментаризации*. К первой категории относятся силы, исповедующие *якобинский, тоталитарный и технократический* подходы. Эгалитаризм якобинцев принимает столь радикальные формы, что любого рода отклонения от единого образца становятся фактически неприемлемыми и лишь самые незначительные — допустимыми, в то время как для тоталитаризма неприемлема сама идея легитимности разделения властных полномочий, которая противоречит его основным принципам. Противодействие, которое встречает федерализм со стороны административных иерархий, не носит столь всеобъемлющего характера. Административные иерархии по самой своей природе неидеологичны, но они также порождают идеологию — технократизм, которая в целом направлена против федералистской децентрализации и разделения властных полномочий. На протяжении первых двух третей XX столетия утверждению федерализма препятствовали прежде всего унитаристские тенденции в обществе.

Среди второй категории сил наиболее неопасным для федерализма является, скорее всего, *этнический национализм*. Бытует представление, что федерализм может быть эффективным средством решения проблем, связанных с межэтническими конфликтами. На деле же полиэтнические федерации относятся к числу тех, которые труднее всего поддерживать; они имеют наименьшие шансы на сохранение, поскольку образованные по этническому принципу единицы, как правило, не хотят сливаться в подразумеваемые федерацией тесные объединения. Не

исключено, что гораздо больше шансов на успех имеют конфедерации разноэтнических государств. Полиэтнические федерации несут с собой угрозу гражданской войны, полиэтнические конфедерации — лишь угрозу распада на составные части. Необходимость обуздать этнический национализм является на сегодняшний день не только самым распространенным, но и самым труднореализуемым основанием для федерализма.

Этнический национализм — наиболее эгоцентричная форма национализма; на его основе труднее всего возвести систему конституцио-нализованного соучастия во власти. Теория федерализма предполагает национализм на базе согласия, каким бы ни было его демографическое содержание, согласия, которое делает возможным как разделение властных полномочий, так и соучастие в их отправлении. В свою очередь, современный национализм по большей части делает упор на то, что разъединяет людей: язык, религию, национальные мифы и т.п.

На деле успешно функционирующими являются, как правило, те полиэтнические федеративные системы в которых границы федерированных единиц не полностью совпадают с границами этнических образований. С федерализмом согласуется лишь тот тип национализма, который формулируется через договор или согласие сообщества индивидов и затем оформляется в соответствующих конституционных документах, разграничивающих сферы, отводимые федеративной системе, с одной стороны, и входящим в нее единицам — с другой.

В целом этнический национализм, восходящий к образцам XIX в., стремится навязать любому правительству собственную бескомпромиссность. Федерализм — это демократическая «золотая середина», предполагающая переговоры и компромиссы. Любые проявления бескомпромиссности в жизнедеятельности общества делают его осуществление более сложным, а то и в принципе невозможным.

Многие ожидания, связанные с использованием федеративных принципов и механизмов, весьма часто оказываются иллюзорными. И все же никогда прежде эти принципы и механизмы не применялись столь широко и успешно, как в настоящее время. Федерализм имеет свойство привлекать на свою сторону тех, кто занят поиском панацей. Эти поиски, конечно, бессмысленны — панацей не бывает, однако принципы, механизмы и практика федерализма, как и демократии в целом, даже когда они воплощаются не в полном объеме, нередко способствуют укреплению сил демократии и мира на планете. При

проведении сравнительных исследований федерализма все это следует иметь в виду.

Печатается по: *Элейзер Д.Дж.* Сравнительный федерализм // Полис. 1995. № 5. С. 106—115.

Всеобщая декларация прав человека

10 декабря 1948 г.

Преамбула

Принимая во внимание, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира;
и

принимая во внимание, что пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам, которые возмущают совесть человечества, и что создание такого мира, в котором люди будут иметь

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

свободу слова и убеждений и будут свободны от страха и нужды, провозглашено как высокое стремление людей; и *принимая во внимание*, что необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения; и *принимая во внимание*, что необходимо содействовать развитию дружественных отношений между народами; и *принимая во внимание*, что народы Объединенных Наций подтвердили в Уставе свою веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности и в равноправие мужчин и женщин и решили содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе; и *принимая во внимание*, что всеобщее понимание характера этих прав и свобод имеет огромное значение для полного выполнения этого обязательства,

Генеральная Ассамблея,

провозглашает настоящую Всеобщую декларацию прав человека в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства с тем, чтобы каждый человек и каждый орган общества, постоянно имея в виду настоящую Декларацию, стремились путем просвещения и образования содействовать уважению этих прав и свобод и обеспечению путем национальных и международных прогрессивных мероприятий всеобщего и эффективного признания и осуществления их как среди народов государств — членов Организации, так и среди народов территорий, находящихся под их юрисдикцией.

Статья I

Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства.

Статья 2

Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения.

Кроме того, не должно проводиться никакого различия на основе политического, правового или международного статуса страны или территории, к которой человек принадлежит, независимо от того, является ли эта территория независимой, подопечной, самоуправляющейся или как-либо иначе ограниченной в своем суверенитете.

Статья 3

Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность.

Статья 4

Никто не должен содержаться в рабстве или в подневольном состоянии; рабство и работорговля запрещаются во всех их видах.

Статья 5

Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию.

Статья 6

Каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности.

Статья 7

Все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона. Все люди имеют право на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации, нарушающей настоящую Декларацию, и от какого бы то ни было подстрекательства к такой дискриминации.

Статья 8

Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом.

Статья 9

Никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию.

Статья 10

Каждый человек, для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения, имеет право, на основе полного равенства, на то, чтобы его дело

было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом.

Статья 11

1. Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты.

2. Никто не может быть осужден за преступление на основании совершения какого-либо деяния или за бездействие, которые во время их совершения не составляли преступления по национальным законам или по международному праву. Не может также налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое могло быть применено в то время, когда преступление было совершено.

Статья 12

Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его, личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств.

Статья 13

1. Каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе местожительство в пределах каждого государства.

2. Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая:

свою собственную, и возвращаться в свою страну.

I

Статья 14

1. Каждый человек имеет право искать убежища от преследования в других странах и пользоваться этим убежищем.
2. Это право не может быть использовано в случае преследования, в действительности основанного на совершении неполитического преступления, или деяния, противоречащего целям и принципам Организации Объединенных Наций.

Статья 15

1. Каждый человек имеет право на гражданство.

2. Никто не может быть произвольно лишен своего гражданства или права изменить свое гражданство.

Статья 16

1. Мужчины и женщины, достигшие совершеннолетия, имеют право без всяких ограничений по признаку расы, национальности или религии вступать в брак и основывать семью. Они пользуются одинаковыми правами в отношении вступления в брак, во время состояния в браке и во время его расторжения.

2. Брак может быть заключен только при свободном и полном согласии обеих вступающих в брак сторон.

3. Семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства.

Статья 17

1. Каждый человек имеет право владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими.

2. Никто не должен быть произвольно лишен своего имущества.

Статья 18

Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков.

Статья 19

Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

Статья 20

1. Каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и ассоциаций.

2. Никто не может быть принуждаем вступать в какую-либо ассоциацию.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

Статья 21

1. Каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через посредство свободно избранных представителей.
2. Каждый человек имеет право равного доступа к государственной службе в своей стране.
3. Воля народа должна быть основой власти правительства; эта воля должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве, путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования.

Статья 22

Каждый человек, как член общества, имеет право на социальное обеспечение и на осуществление необходимых для поддержания его достоинства и для свободного развития его личности прав в экономической, социальной и культурной областях через посредство национальных усилий и международного сотрудничества и в соответствии со структурой и ресурсами каждого государства.

Статья 23

1. Каждый человек имеет право на труд, на свободный выбор, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы.
2. Каждый человек, без какой-либо дискриминации, имеет право на равную оплату за равный труд.

3. Каждый работающий имеет право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи и дополняемое, при необходимости, другими средствами социального обеспечения.

4. Каждый человек имеет право создавать профессиональные союзы и входить в профессиональные союзы для защиты своих интересов.

Статья 24

Каждый человек имеет право на отдых и досуг, включая право на разумное ограничение рабочего дня и на оплачиваемый периодический отпуск.

Статья 25

1. Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное

обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам.

2. Материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь. Все дети, родившиеся в браке или вне брака, должны пользоваться одинаковой социальной защитой.

Статья 26

1. Каждый человек имеет право на образование. Образование должно быть бесплатным по меньшей мере в том, что касается начального и общего образования. Начальное образование должно быть обязательным. Техническое и профессиональное образование должно быть общедоступным, и высшее образование должно быть одинаково доступным для всех на основе способностей каждого.

2. Образование должно быть направлено к полному развитию человеческой личности и к увеличению уважения к правам человека основным свободам. Образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми и религиозными группами и должно содействовать деятельности Организации Объединенных Наций по поддержанию мира.

3. Родители имеют право приоритета в выборе вида образования для своих малолетних детей.

Статья 27

1. Каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами.

2. Каждый человек имеет право на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является.

Статья 28

Каждый человек имеет право на социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные в настоящей Декларации, могут быть полностью осуществлены.

Статья 29

1. Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

2. При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе.

3. Осуществление этих прав и свобод ни в коем случае не должно противоречить целям и принципам Организации Объединенных Наций.

Статья 30

Ничто в настоящей Декларации не может быть истолковано как предоставление какому-либо государству, группе лиц или отдельным лицам права заниматься какой-либо деятельностью или совершать действия, направленные к уничтожению прав и свобод, изложенных в настоящей Декларации.

Печатается по: Всеобщая декларация прав человека // Права человека. Основные международные документы. М., 1989. С. 134—142.

Глава 11

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ, ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ,
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

М.Я. ОСТРОГОРСКИЙ

Демократия и политические партии

Книга шестая **ЗАКЛЮЧЕНИЕ**

II

[...] Партия по своей природе является свободным объединением граждан, которое, как и всякое другое объединение, не поддается внешнему воздействию, поскольку оно противоречит общему закону. Госу-

дарство, уважающее основные права граждан, игнорирует партии как таковые. Оно не имеет права спрашивать у членов какой-либо группировки, каковы их политические идеи и каково их политическое прошлое. Государство не имеет права ни штемпелевать политических убеждений, ни устанавливать условий, при которых этот штемпель может быть наложен. Ни в одной свободной стране не было попыток подобному вмешательству. Только в России недавно решили установить «легальные политические партии». [...]

III

[...] Принципы или программа партии являлась верой, облеченной, подобно церковной вере, санкцией правомерности и иноверия. Присоединение к партии должно было быть полным, нельзя расходиться с партией ни в одном из пунктов ее символа веры, так же как нельзя принимать по выбору отдельные догматы религии. [...] «Соответствие» (conformity) с кредо партии являлось единственным правилом политического поведения; подобно религиозной вере, оно распространяло должную милость на всех настоящих и будущих ее членов. Ни одно действие партии, ни одно преступление, совершенное ею, не могло ни разрушить или подорвать ее действительной благости, ни предать ее противоположной партии: она управлялась теологическим принципом наследственного достоинства или недостойнства.

Основываясь на этих взглядах, столь противоположных современным понятиям, система партий с момента появления демократии не имела уже рационального оправдания в фактах. [...] Новые проблемы не могли разделять умы целых поколений и создавать на стороне каждой из борющихся партий такие же постоянные связи, как раньше. В то же время проблемы сделались бесконечно более многочисленными и разнородными: эмансипация индивидуума и дифференциация социальных условий более сложной цивилизации вызвали всюду, в идеях, интересах и стремлениях, разнообразие в единстве и своего рода непрерывное движение по сравнению с застоём былых времен. [...]

Приемы, которыми была введена система постоянных партий, настолько же искусственная, как и иррациональная и устаревшая в своем принципе, неизбежно должны были носить такой же характер. Так как проблемы, занимавшие общественное мнение, были многочисленны и разнообразны, было необходимо приспособлять проблемы к определенным группировкам людей, вместо того, чтобы группировать людей в соответствии с проблемами. Для этой цели противоречивые вопросы

ИНСТИТУТЫ

были подняты на уровень системы, собраны в универсальные программы и наложены друг на друга; их тасовали, как карты, вынимая то те, то другие, и, в случае надобности, выкидывали те из них, которые вызывали непреодолимые расхождения во взглядах. [...]

Проникновение в партийную систему современных форм народного голосования и свободной ассоциации далеко не ослабило недостатков метода, а лишь их усилило. Прежде всего они замаскировали реакционные тенденции этой системы. Партийная система, облеченная в формы народного голосования и ассоциации, появилась в ослепительном блеске демократических принципов. Во-вторых, распространение выборов и ассоциаций на внезаконные политические отношения потребовало от граждан новых усилий: кроме многочисленных выборов, предписанных законом, которых было совершенно достаточно, чтобы сбить с толку граждан, появились выборы для назначения уполномоченных партии; кроме наблюдения за действиями конституционных представителей народа избиратели должны были еще обсуждать действия большого числа партийных представителей. Граждане не могли справиться с этой задачей, и слишком натянутая пружина выборного управления еще больше ослабла, вновь и еще более убедительно доказывая, что значение выборного принципа ограничено. [...]

[...] Ассоциация, положенная в основу системы партий, не имела также определенных границ, она являлась как бы «интегральной» ассоциацией, похожей на ту, при посредстве которой некоторые социальные реформаторы пытались и теперь еще пытаются

организовать экономическую жизнь с целью уничтожения нищеты. Я не буду здесь спорить о том, возможна ли универсальная ассоциация, в которую человек войдет со всей своей экономической индивидуальностью для того, чтобы осуществить цели своего материального существования; но в политической жизни, основанной на свободе, аналогичная ассоциация не сможет функционировать с пользой. Ассоциация с целью политических действий, которые являются комбинацией усилий, преследующих материальную цель, предполагает всегда наличие добровольного и сознательного сотрудничества ее членов. [...]

IV

Демократизированная лишь с виду, партийная система свела политические отношения к чисто внешнему единообразию. Этот формализм дал возможность усилиться слабостям, присущим демократическому управлению, и уменьшил его силу.

Первым признаком демократического управления является участие в нем большой массы граждан. Однако большая масса, естественно, пассивна. [...] Общественное сознание должно быть деятельным, т.е. воинствующим: гражданин должен быть всегда на страже, со взглядом, устремленным на общественное дело, и готовым отдать ему без всякой заинтересованности свое время и свои усилия. [...]

Можно было бы даже сказать, что из всех недеспотических режимов демократический режим менее всего способен к пробуждению народного сознания в условиях современной цивилизации. Последняя, все более и более усложняя жизнь, сделала частные интересы, заботы и развлечения как материального, так и нематериального порядка более многочисленными и напряженными. Точно так же и гражданин, который является прежде всего человеком, естественно побуждается своим эгоистическим инстинктом приносить в жертву поглощающим его заботам о своем собственном существовании и другим личным потребностям интересы государства, которые представляются ему более отдаленными и менее необходимыми, если только вообще эти заботы не являются для него совершенно безразличными. [...]

К экономическим и социальным условиям, отвлекающим внимание гражданина от общественных дел и усыпляющим его бдительность, в демократиях присоединяется еще крайняя доверчивость, внушенная обладанием неограниченной власти. Будучи членом самодержавного народа, каждый гражданин,

сознательно или бессознательно, относит к самому себе несокрушимую силу народа, которая делает излишними все заботы об общественном благе. Он воображает, что сможет всегда своевременно вмешаться, чтобы внести порядок в дела, если это понадобится. [...]

V

В то время как условное понятие партии усыпляло гражданское сознание, которое должно заботиться о государстве, оно овладело силой социального запугивания, которое является высшей силой демократии. Эта сила, заключающаяся в том, чтобы принуждать всех к выполнению своих обязанностей силой закона, так же как и силой общественного мнения, является регулирующей силой всего управления. Проявлять власть — это не что иное, как только запугивать, применять моральное принуждение для того, чтобы заставить себе повиноваться. Деспот применяет ее так же хорошо, как и республиканский министр: его материального могущества было бы недостаточно, так как оно свелось бы к его

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

мускульной силе. Сила запугивания, управляющая политическим обществом, является полной только тогда, когда она господствует над всеми его членами, над управляющими также, как и над управляемыми. [...]

Демократический режим и режим, при котором наилучшим образом может укорениться власть социального запугивания, являются, таким образом, эквивалентными понятиями. То, что условились рассматривать в качестве демократических принципов, в действительности является лишь применением в организации общественного порядка принципа социального запугивания. [...]

Если говорят, что народ не способен к самоуправлению и что, следовательно, поэтому всеобщее избирательное право и парламентаризм являются абсурдом, то я готов согласиться с первым пунктом, но нахожу, что вывод, который из него делается, совершенно ошибочен: политическая функция масс в демократии не заключается в том, чтобы ею управлять; они вероятно никогда не будут на это способны. Если даже облечь их всеми правами народной инициативы, непосредственного законодательства и непосредственного управления, фактически управлять будет всегда небольшое меньшинство, при демократии также, как при самодержавии. Естественным свойством всякой власти является концентрация, это как бы закон тяготения социального порядка. Не нужно, чтобы правящее меньшинство всегда находилось под угрозой. Функция масс в демократии заключается не в том, чтобы управлять, а в том, чтобы запугивать управителей. Действительным вопросом в данном случае

является вопрос о том, способны ли они запугивать и в какой мере они на это способны. Что массы в большинстве современных демократий способны серьезно запугивать управителей, это вне всякого сомнения. И именно благодаря этому мог быть осуществлен серьезный прогресс в обществе; плохо ли, хорошо ли, но управители вынуждены считаться с народными нуждами и стремлениями. Большим затруднением теперешнего политического положения является то, что еще малообразованные и недостаточно сознательные массы недостаточно запугивают политиков. Таким образом, широко распространенное массовое образование и способность масс к высказыванию своего мнения имеют в политической жизни в меньшей степени непосредственное значение, — исключая, разумеется, их значения для более сознательного выбора своих уполномоченных, — и в большей степени необходимы для лучшего запугивания тех, кто управляет от имени народа и спекулирует на недостатке его проницательности. Эти управители будут вести себя иначе, если им придется иметь дело с более об-

разованными избирателями; они их будут больше запугивать. Вот почему вдвойне важно в демократии поднимать интеллектуальный и моральный уровень масс: вместе с ним автоматически поднимается моральный уровень тех, которые призваны стоять выше масс.

То, что было сказано в отношении всеобщего голосования, не менее правильно также и в отношении других принципов современного государственного строя. Все политические свободы: свобода печати, право собраний, право ассоциаций и гарантии индивидуальной свободы, на которые опирается всеобщее голосование и которые рассматриваются как гарантии свободы, являются лишь формами или орудиями власти социального запугивания, защитой членов государства против злоупотребления силой. [...]

Однако эта власть социального запугивания была подорвана со всех сторон политическим формализмом, введенным партийной системой, и этот формализм мешает ей укорениться со всей силой. [...]

И когда власть социального запугивания сводится только к репрессии, к народному гневу, которого надо бояться, власть социального запугивания оказывается ослабленной не только, так сказать, количественно, но также и качественно, и с ней вместе уменьшается также могущество демократического режима. И действительно, различные политические режимы отличаются друг от друга по характеру того страха, который внушает эта власть. [...]

VI

[...] Из всех граждан демократии наиболее боязливymi являются те, которые обладают политической властью. Они зависят от первого встречного; их судьба находится в руках человека с улицы. Они стараются ему нравиться, унижаясь до него; но так как они совсем не знают его чувств, то из боязни просчитаться, они их расценивают возможно ниже и приспособляются к этому. Всякий, кто облечен частицей государственной власти или тот, кто к ней стремится, этим самым уже лишается человеческого достоинства. Человеческое достоинство понимается лишь как верноподданическая покорность, которая падает ниц перед самодержавной толпой. [...]

Условное понятие партии лишь поддерживает и развивает такое положение. Ритуальный культ, которым это условное понятие окружает «большинство», «партию», придает квазиконкретную форму тому неопределенному могуществу множества, которое потрясает воображение индивидуума и овладевает его волей. Оно устанавливает внешний

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

критерий его политического поведения. Он может быть застигнут на месте преступления первым встречным; все взоры устремлены на него, чтобы следить за тем, идет ли он в указанном направлении; ну как же ему не идти по указанному пути?

Партийная жизнь, следовательно, представляет собой лишь длительную школу рабского подчинения. Все уроки, получаемые в ней гражданином, являются лишь уроками трусости; она прежде всего учит гражданина, что для него нет спасения вне постоянной партии и подготавливает его ко всякого рода отречениям и смирению. [...]

VII

[...] Разница между управлением, считающимся свободным, и управлением, которое таковым не является, заключается в характере движущей силы общественного мнения: в несвободных государствах общественное мнение прежде всего определяется предрассудками и чувствами, застывшими в традициях, в то время как при демократическом режиме — если он действительно таков — оно определяется прежде всего разумом, который утверждается в дискуссиях. Но вот снова выступает на сцену условное понятие партии, оно не позволяет дискутировать. Не потому, что оно уничтожает материальную свободу дискуссии, но потому, что оно ее заглушает, подавляя моральную свободу. [...]

VIII

[...] Равенство прав не может компенсировать естественного неравенства умов и характеров. С другой стороны, авторитет руководителей не может воздействовать явно и непосредственно

на людей, призванных к политическому равенству. Чтобы не сбиться с пути, демократия, следовательно, нуждается в вождях, но они могут явиться и выполнять свои функции лишь при условии, если в этом уравненном обществе существует естественный отбор руководящей группы. Как создать более благоприятные условия для развития этого отборного элемента в общественной жизни? В этом заключается одна из основных проблем демократии. [...]

IX

[...] Связанная с партией, постоянная организация из средства превращается в цель, которой в конечном счете подчиняется все: принципы, личные убеждения, веления общественной и даже частной морали. Чем более совершенна организация, тем более она деморализует партию

и принижает общественную жизнь. Но с другой стороны, чтобы поддержать себя, партии все более и более нуждаются в сильной организации, которая одна может замаскировать пустоту той условности, на которую они опираются. Таким образом создается порочный круг. Как из него выйти? Не следует ли отказаться от организации партий? Ни в коем случае.

X

Возрастающая сложность социальной жизни сделала больше чем когда бы то ни было необходимым объединение индивидуальных усилий. Развитие политической жизни, призывая каждого гражданина к участию в управлении, заставляет его, для выполнения своего гражданского долга, входить в соглашение со своими согражданами. Одним словом, осуществление каждым своих собственных целей в обществе и в государстве предполагает кооперацию, которая невозможна без организации. Группировки граждан во имя политических целей, которые называют партиями, необходимы везде, где граждане имеют право и обязаны выражать свои мнения и действовать; но нужно, чтобы партия перестала быть орудием тирании и коррупции. [...]

XI

Не достаточно ли ясно теперь то разрешение, которого требует проблема партий? Не состоит ли оно в том, чтобы отказаться от практики косных партий, постоянных партий, имеющих своей конечной целью власть, и в том, чтобы восстановить и сохранить истинный характер партий как группировок граждан, специально организованных в целях осуществления определенных

политических требований? Такое разрешение вопроса освободило бы партии от целей, имеющих лишь временное и случайное политическое значение, и восстановило бы ту их функцию, которая является постоянным смыслом их существования. Партия как универсальный предприниматель, занимающийся разрешением многих и разнообразных проблем,, настоящих и будущих, уступила бы место специальным организациям, ограничивающимся какими-либо частными объектами. Она перестала бы являться амальгамой групп и индивидуумов, объединенных мнимым согласием, и превратилась бы в ассоциацию, однородность которой была бы обеспечена ее единой целью. Партия, держащая своих членов как бы в тисках, поскольку они в нее вошли, уступила бы место группировкам, которые бы свободно организовывались и реорганизовывались в зависимости от изменяющихся

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

проблем жизни и вызываемых этим изменений в общественном мнении. Граждане, разойдясь по одному вопросу, шли бы вместе в другом вопросе.

Изменение метода политического действия, которое произошло бы на этой основе, коренным образом обновило бы функционирование демократического управления. Применение нового метода началось бы с выявления первопричины коррупции и тирании, порождаемых нынешним партийным режимом. Временный характер группировок не допустил бы больше содержания этих регулярных армий, с помощью которых завоевывают и эксплуатируют власть. [...]

XIII

[...] Ни в религиозной сфере, ни в обществе, ни в государстве единство больше невозможно с тех пор, как началась эра свободы, когда идеи и интересы стремятся укорениться во всем своем разнообразии. Различные социальные элементы не могут поддерживаться в единстве иначе, как путем тирании, будь то тирания, вооруженная мечом, или моральная тирания, которая началась с теократии и продолжается в форме социальных условностей. [...]

XIV

[...] Всюду, хотя и в различной степени, партии, основанные на традиционной базе, потеряли способность выполнять двойную функцию, являющуюся смыслом их существования: объединять различные оттенки общественного мнения, превращая их в единое тело с единой душой, и уравнивая одни другими, обеспечивать регулярную игру политических сил. Вместо того

чтобы обеспечить такие результаты, система приводит лишь к расстройству и параличу политических сил, если не к явной коррупции. [...]

XIX

[...] Ортодоксальная доктрина парламентского управления, предполагающая наличие в палате «двух крупных партий», а при режиме английского типа также естественно однородного и солидарного министерства, коллективно ответственного перед палатой, отжила свое время. «Двух крупных партий» больше не существует; почти во всех парламентских странах палата состоит теперь из более или менее многочисленных меняющихся групп, которые не поддаются никакой постоянной классификации.

Искаженный в своем принципе режим с

фатальной логичностью вызывает все эти несчастья, которые сделались самой сущностью парламентской жизни; будучи разделенной, палата может иметь лишь неустойчивое большинство и правительство, которое постоянно борется за свою жизнь; чтобы продержаться, министерство вынуждено лавировать, заключая соглашения направо и налево; нуждаясь в депутатах, оно принуждено их вербовать путем бесконечных уступок, которые давали бы возможность представителям поддерживать их избирательную клиентуру; вмешательство депутатов и фаворитизм делаются правилом в администрации; непрочное положение министров поощряет интриги и коалиции, направленные против них; так как настоящим объектом парламентских дебатов является поражение или поддержка министерства, то вопросы рассматриваются не по существу, но лишь в зависимости от требований момента; едва создающиеся коалиции разрушаются и влекут за собой частые министерские кризисы; появляясь в результате коалиций, министерства объединяют в себе разнородные и прямо противоположные элементы, солидарность которых сводится к желанию возможно дольше остаться вместе у власти, и, сколько бы ни происходило перемен, все остается в том же положении. [...]

Вместо того чтобы цепляться за подотчетные формы, не лучше ли откровенно признать новое положение и постараться приспособить парламентский режим к этому положению? Для этого нужно лишь распространить на парламентскую жизнь принцип, который господствует над новыми социальными

отношениями, каковым является принцип, заменивший союзом единство. Метод свободных союзов делается необходимым в палате так же, как и вне ее. Парламентские отношения не могут быть ничем иным, как отображением отношений, существующих вне парламентской залы. Так как парламент объединяет теперь представителей различных многочисленных стремлений, то его деятельность должна заключаться в сделках, решаемых большинством, состав которого может измениться от одного вопроса к другому, но которое в каждом отдельном случае правдиво отображает взгляды и чувства настоящего, единственного большинства, могущего создаться на почве данного вопроса. [...]

[...] Теперь, при многочисленности перекрещивающихся проблем, создание преемственности может проявиться лишь в пределах одной какой-либо большой проблемы или нескольких проблем, тесно связанных между собой естественным сродством. Не будет никакой несогласованности, если, например, большинство, создавшееся в палате на

почве антиклерикальной политики, не проявит того же единодушия при установлении подоходного налога, и если большинство, которое могло бы объединить эта реформа, состояло бы как из сторонников, так и из противников антиклерикальной политики. И почему же этот вопрос должен был бы привести антиклерикальное большинство к изменению своего постоянного отношения к клерикальному вопросу? [...]

[...] Первая функция парламента, являющаяся смыслом его существования, заключается в контроле исполнительной власти; как может он ее выполнять, если министры скрыты от его взглядов? Так как область национальных интересов, доверенная законодательной и исполнительной власти, является единой и нераздельной, то становится необходимым объединение этих двух властей; но как могут они объединиться, когда их разъединяют друг от друга?

Во всяком случае, если присутствие министров в палате и их прямое сотрудничество с доверенными нации является непременным условием хорошего функционирования представительного режима, нельзя допустить, чтобы министры являлись игрушкой в руках партий и их меняющегося большинства; нельзя допустить, чтобы палата хозяйничала в области исполнительной власти; чтобы ее тащили на буксире министры, господствующие как над законодательством, так и над администрацией. [...] Присутствие министров в палатах и замена их коллективной ответственности индивидуальной ответственностью... поставили бы все на свое место. [...]

Созданное таким образом новое положение министров в законодательном собрании изменит характер людей, исполняющих министерские функции и их отношение к выполнению своих обязанностей. Руководитель какого-либо министерства будет назначаться на свою должность благодаря его специальной компетенции, а не благодаря его качествам политического гладиатора или таланта искусного тактика, способного вести министерский корабль через парламентские рифы. [...]

[...] Что же касается разработки законодательных мероприятий, то уничтожение системы кабинета, являющегося в некотором роде главным предпринимателем законодательства, сделает необходимым развитие системы постоянных комиссий. [...]

Нейтральный состав постоянных комиссий предотвратит ту узурпацию власти, которой заставляет опасаться пример комитетов национального конвента во время французской революции; поскольку они не будут представлять господствующей партии, их решения будут иметь только значение консультации экспертов, хорошо информированных в данном вопросе. Публичность

их деятельности рассеет всякую опасность и обеспечит их работе максимум эффективности: министры всегда смогут свободно присутствовать на заседаниях комиссий и выступать на них.

Возможность присутствия на заседаниях комиссий, но без прав голоса на них может быть предоставлена также и всем депутатам, которые таким образом будут иметь возможность более сознательно определять свои убеждения. [...]

Введение новых методов в парламенте нанесет последний удар политическому формализму, угнетающему демократию; свободный союз и индивидуальная ответственность установятся по всей линии политического строя.

XX

Само собой разумеется, что для того, чтобы эта победа над политическим формализмом стала реальной, она должна быть внедрена прежде всего в сознание избирателей. Больше не будет существовать такой легальной власти, которая могла бы издавать и заставлять выполнять декреты, продиктованные этим формализмом: 1) постоянные партии будут окончательно распущены; 2) борьба за власть будет безусловно запрещена партиям; 3) избиратели докажут свою гражданскую сознательность. Чтобы эти предположения сделались осуществимыми, необходимо изменить умонастроение избирателей, нужно с корнем вырвать у них условные понятия, предрассудки, которые овладели их разумом и заставляют их думать, что гражданин, слепо следующий за своей партией, является «патриотом» и что

проституирование власти в пользу партии является благим делом.

[...]

Пробудить в гражданах разум и совесть и развить в них чувство индивидуальной ответственности еще недостаточно для того, чтобы обеспечить свободное и непосредственное действие, без которого демократия останется поверхностной. Само собой разумеется, что внутренняя свобода не может укрепиться в публичной жизни без внешней свободы, что государство одинаково нуждается в свободных установлениях и в правах, соответствующих этим установлениям. Эта формула, которая уже однажды была дана Тацитом в его знаменитом изречении: *quid leges sine moribus?* (что значат законы без нравов?), не совсем полна, так как кроме установлений и нравов, кроме легальных средств для осуществления цели политического общества и одушевляющего его разума существует еще третий фактор, помощь которого не менее необходима и который не был достаточно оценен: методы, необходимые для того, чтобы заставить средства служить цели, — политические методы. Они

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

также должны соответствовать установлениям и нравам; если этого не будет, то они исказят их, как плохо управляемый механизм, и парализуют и затруднят волю и лучшие намерения тех, кто ими пользуется. От эффективности политических методов режима зависит, следовательно, в конечном счете успех самого режима, и с этой точки зрения можно сказать, что в управлении все сводится к вопросу о методах. [...]

ПОСЛЕСЛОВИЕ

[...] Мне возражали, что зло партийного режима не является единственным; существуют-де еще другие болезни, свойственные демократии. Да, конечно. Но разве это возражение? Если кто-либо страдает туберкулезом или подагрой, разве это основание для того, чтобы не обращать серьезного внимания на болезнь глаз, которая угрожает слепотой? Я иду даже дальше: не только режим партии не является единственным злом демократии, но некоторые из его печальных последствий встречаются также и там, где система жестких партий не превалирует. Так, например, протитуирование общего интереса в пользу частных интересов, фаворитизм, регулярное использование администрации для обслуживания избирательных интересов депутатов, на что так жалуются во Франции, развились в гораздо более мягких формах партийного режима, чем кокус. Но разве из-за этого проблема партийного режима при демократии уничтожается или теряет в своем значении?

Другие критики действительно думают, что эта проблема лишена значения и что не режим партии и кокус угрожают демократии,

но что ее врагом является капитализм — то, чего будто бы я не замечаю. Эта критика, мне кажется, происходит от исключительно упрощенной, однако очень широко распространенной в настоящее время концепции, находящей причину всех зол в капитализме, подобно тому, как раньше при всяком удобном случае говорили: «В этом виноват Вольтер». Я порицаю больше, чем кто-либо, хищничество капитализма, у меня столько презрения к плутократии, как ни у кого другого, но я не дал себя загипнотизировать словом «капитализм» и я не думаю, что достаточно ненавидеть его или даже стрелять в него. Я смотрю вокруг него, чтобы видеть, где он черпает свою силу, на что он опирается, и я вынужден констатировать, что ему благоприятствует между прочим и нынешний политический порядок, что для того, чтобы достичь своих целей, он пользуется современными политическими методами, и я говорю тем, кто горит таким сильным негодованием против капитализма: смотрите не забудьте о том, что экономическая жизнь течет по политическому

руслу и что, если последнее осквернено, то оно заражает собой все, что через него проходит.

Осуждение партийного режима, которое является центральным пунктом моей книги, слишком шокировало общепринятое мнение, чтобы не вызвать критики и протестов. Одни, рассматривая партийную систему почти как явление естественного порядка, или как явление, зависящее как бы от провидения, или как политическую комбинацию, которая именно и создает собой превосходство и величие парламентаризма, довольствовались тем, что констатировали слепоту или несознательность автора. Другие, не отрицая зла партийной системы, покорно принимали ее как неизбежное зло, против которого они не знают никаких средств. Указанное мною разрешение вопроса кажется им сомнительным или трудным, если не невозможным для осуществления. [...]

Крик возмущения против партийного правоверия, против тирании нынешней системы раздается все громче и громче. Крупные политические реформы, которых требуют с разных сторон, как, например, пропорциональное представительство, референдум, народная инициатива — все они, если и не направлены непосредственно на свержение партийного ига, то в той или иной мере отвечают этой задаче... Все эти реформы идут в том же направлении, куда ведут и предложенные мною решения: к распаду постоянных партий, к свободным

группировкам в парламенте и вне его и к опросу нации по определенным проблемам. [...]

[...] Свободные меньшинства в парламенте с составом, изменяющимся в зависимости от вопросов и казавшиеся, когда я развивал их идею, если не утопичными, то хаотичными, уже существуют в хорошо организованном парламентаризме Бельгии и ведут к тому, что создается «новая концепция управления». [...] В последнее время можно было также наблюдать развитие применения и усиление роли лиг, посвященных защите каких-либо частных задач в ущерб постоянным партийным организациям.

Вытеснят ли эти лиги постоянные партии — изменение, которое я рассматриваю в качестве жизненного для демократии, — этот вопрос не является в настоящий момент самым важным. Это изменение сможет произойти лишь после довольно долгой эволюции, так как оно обязательно предполагает демократию, в которой политическое образование будет стоять выше, чем сейчас. [...] Демократическое управление, задыхающееся при партийном режиме, требует более гибкого, более эластичного способа действий. Концепция лиг, внушаемая самим по-

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

литическим опытом, дает наиболее ясное, наиболее законченное выражение этой практической необходимости. [...]

Печатается по: *Острогорский М.* Демократия и политические партии: В 2 т. М., 1930. Т. 2. Соединенные Штаты Америки. С. 276—290, 293, 295, 296, 298—299, 303, 308, 314, 324, 343—346, 350—351, 354—357, 365—368.

Р. МИХЕЛЬС**Социология политической партии в условиях демократии**

Большинство социалистических школ считают в будущем возможным достижение демократии, а большинство людей аристократических взглядов признают ее хотя и общественно вредной, но осуществимой. Вместе с тем есть и консервативное течение в ученом мире, которое эту возможность исключает полностью и на все времена. Это течение [...] проповедует необходимость в условиях любого человеческого сообщества «классовой политики», т.е. политики господствующего класса — класса меньшинства.

Неверующие в Бога демократии не перестают называть ее детской сказкой, утверждая, что все слова языка, включающие в себя господство массы, — «государство», «народное представительство», «нация» и т.д. — выражают только принцип, но недействительное состояние. Им принадлежит и теория о том, что вечная борьба между аристократией и демократией на деле, как свидетельствует история, является лишь борьбой между

прежним меньшинством, защищающим свое господство, и новым честолюбивым меньшинством, стремящимся к завоеванию власти, желающим слиться с прежним или низвергнуть его. Результат любой классовой борьбы, по их мнению, состоит лишь в замене — одно меньшинство сменяет другое в своем господстве над массами. [...]

Вильфредо Парето [...] предложил рассматривать социализм как особенно удобное средство для производства новой элиты из среды рабочего класса, усмотрев симптом внутренней силы — этот первый реквизит молодого «политического класса» — в способности его вождей противостоять преследованиям и надругательствам и выходить из них победителями. Впрочем [...] фактически совершается не замена, а скорее переплетение новых элементов элиты со старыми.

Этот феномен был, пожалуй, уже известен. Такая циркуляция элит совершалась, правда, только в пределах одного и того же большого социального класса и на почве политики. [...] Все силы оппозиционной партии направлены на вытеснение правящей партии, чтобы занять ее место, другими словами, заменить одну группировку господствующего класса другой. Но рано или поздно конкурентная борьба между отдельными группировками господствующих классов заканчивается примирением, неосознанный мотив которого — сохранение таким образом господства над массами или же его разделение. [...]

Школа Сен-Симона не представляла себе будущее совсем без классов, хотя и ставила перед собой задачу освободить понятие «класс» от всякого экономического содержания. Она предполагала создать новую иерархию, хотя и без всяких привилегий от рождения, но с огромными приобретенными привилегиями — «из людей наиболее дружелюбных, умных, сильных создать живое олицетворение ускоренного прогресса общества», способных к управлению в широком смысле слова. [...]

Позднейшие социальные революционеры отвергали правление большинства не только в теории, но и на практике. Бакунин выступал против всякого участия рабочих во всеобщих выборах, ибо был убежден в том, что и само свободное избирательное право в обществе, где народ, массы наемных рабочих в

экономическом отношении зависят от имущего меньшинства, станет по необходимости иллюзорным.

Из всех буржуазных порядков демократия представляет собой самый наихудший. Республика, в которой мы видим все же наивысшую форму буржуазной демократии, отличается, по Прудону, самым мелочным, фанатичным духом правления. Это правление исходит из того, что может все совершать безнаказанно по единственной причине — [...] деспотизм всегда можно оправдать необходимостью действовать во имя республики и общего интереса. Даже политическая революция означает не более чем смену авторитета.

Единственной научной теорией, которая может претендовать на серьезный спор со всеми теориями, старыми или новыми, выдвигающими тезис о неизбежной необходимости длительного существования «политического» класса, является марксистская. Она отождествляет государство с господствующим классом. [...] Марксистское учение о сущности государства, связанное с верой в революционную силу рабочих масс и демократическое воздействие обобществления средств производства, логически ведет к социалистическому

строю. С точки зрения марксистов, капиталистический способ производства приводит к превращению подавляющего большинства населения в пролетариев и порождает, таким образом, сам по себе собственных могильщиков. После того как пролетариат мужает и становится зрелым, он овладевает политической властью и объявляет частную собственность государственной. Этим актом он устраняет самого себя, поскольку вместе с ней исчезают все классовые различия, а тем самым — и все классовые антагонизмы, другими словами, он упраздняет государство в качестве такового. Капиталистическое общество, разделенное на классы, нуждалось в государстве для организации господствующих классов с целью сохранения их способа производства и эксплуатации пролетариата.

Прекращение существования государства равнозначно, таким образом, прекращению существования господствующего класса. Но новое, бесклассовое, коллективистское общество будущего, которое установится на развалинах старого государства, нуждается в элите, если даже речь идет о всех предупредительных мерах, сформулированных в Общественном договоре Руссо, а затем включенных в Декларацию прав человека и гражданина Великой французской революции (особенно о сменяемости на всех должностях).

Удовлетворительно управлять общественным богатством можно, только создав широкий слой чиновничества. Но в этом вопросе вновь возникают сомнения, последовательное осмысление которых ведет к полному отрицанию возможности бесклассового

государства. Управление гигантским капиталом, особенно если речь идет о средствах, принадлежащих коллективному собственнику, предоставляет управляющим по меньшей мере столько власти, что и обладание собственным капиталом, частное владение. Не заключена ли в этом возможность того, спрашивали ранние критики марксистского общественного строя, что тот же самый инстинкт, побуждающий частных владельцев передавать накопленные ими богатства в качестве наследства своим детям, побудит распорядителей общественных средств и благ в социалистическом государстве использовать свою огромную власть для передачи должностей по наследству своим сыновьям?! А кроме того, формирование нового господствующего меньшинства в результате того особого типа социализации, который вытекает из марксистской концепции революции, будет опираться на мощный фундамент. По Марксу, между капиталистическим и коммунистическим обществом находится период революционного превращения первого во

второе, экономический период, которому соответствует переходный период, государство которого может быть не чем иным, как революционной диктатурой пролетариата. А если отказаться от употребления эвфемизмов, это революционная диктатура тех вождей социалистов, у которых от имени социализма хватит сил и умения взять из рук умирающей буржуазии скипетр господства. [...]

Диктатура одного лица существенно не отличается по своим последствиям от диктатуры группы олигархов. Но понятие «диктатура» противоположно понятию «демократия».

Использовать первое во имя второго было бы равнозначно использованию войны в качестве самого надежного оружия мира, а алкоголя — как лекарства от алкоголизма. Можно предположить, что группа, однажды овладевшая коллективными средствами власти, будет стремиться эту власть удержать. [...]

Есть поэтому угроза, что социальную революцию, ощутимую и зримую, сегодняшней господствующий класс [...] поменяет на тайную, выступающую под покровом равенства демагогическую олигархию. [...]

Проблема социализма — это не только экономическая проблема, состоящая в том, насколько осуществимо справедливое и экономически более эффективное распределение богатства, но и проблема управления, проблема демократии, причем как в смысле техническом, так и психологическом. [...]

Социологические явления, отмеченные нами в общих чертах в предыдущих главах, предоставляют, таким образом, научным

противникам демократии предостаточное число аргументов. Они, кажется, ясно указывают на невозможность существования цивилизованного человечества без «господствующего», или политического, класса, обнаруживая признаки, свидетельствующие, что [...] господствующий класс, если даже по своему составу и подвержен частым частичным переменам, представляет собой единственный фактор, имеющий непреходящее значение во всемирной истории. Правительство, или в ином случае государство, может быть, таким образом, всегда лишь организацией меньшинства, стремящегося навязать остальной части общества «правовой порядок», порожденный отношениями господства и эксплуатации [...] и никогда не может быть порождением большинства, не говоря уж о том, чтобы быть его представителем. Большинство человечества никогда, видимо, не будет способно к самоуправлению. Даже в том случае, если когда-либо недовольным массам удастся лишить господствующий класс его власти, то [...] в среде самих масс с необходимостью появится новое организованное меньшинство, которое

возьмет на себя функции господствующего класса. Большинство человечества, обреченное жестоким фатализмом истории на вечное «несовершеннолетие», будет вынуждено признать господство вышедшего из собственной среды ничтожного меньшинства и смириться с роль пьедестала для величия олигархии.

Формула о необходимости смены одного господствующего слоя другим и вытекающий отсюда закон олигархии как предустановленной формы человеческого общежития в больших союзах ни в коей мере не опровергают материалистическое понимание истории, не подменяют его, а только дополняют. Не существует противоречия между учением, согласно которому история состоит из непрерывного ряда классовых битв, и тем учением, по которому классовая борьба приводит к созданию новой олигархии, переплетающейся со старой. Марксистское понимание политического класса неуязвимо. Последний всегда является результатом соотношения сил, борющихся в обществе за свое самовыражение. [...]

Могут победить социалисты, но не социализм, гибнущий в момент победы своих приверженцев. Возникает соблазн назвать это трагикомедией. Массы удовлетворяются тем, что, не щадя своих сил, меняют своих господ. Рабочим лишь выпадает честь быть участниками формирования правительства. Весьма скромный результат, если иметь в виду психологический феномен, когда самый что ни на есть благонамеренный идеалист за короткий период пребывания на посту вождя вырабатывает в

себе качества, характерные для вождизма. В среде французских рабочих возникла поговорка: «Если выбрали, значит, пропал».

[...]

Партия не является ни социальным, ни экономическим образованием. Основой ее деятельности является программа. Теоретически выразить интересы определенного класса она, конечно, может. Но практически вступление в партию никому не заказано, независимо от того, совпадают ли его личные интересы с положениями программы или нет. Так, например, социал-демократия является идейной представительницей пролетариата, но из-за этого вовсе не классовым организмом, а, напротив, в социальном отношении скорее классовой смесью. Ибо состоит она из элементов, выполняющих в экономическом процессе вовсе не одинаковые функции. Классовое происхождение программы обуславливает между тем мнимое классовое единство. При этом все исходят из допущения (правда, не произносимого вслух), будто элементы в партии, не принадлежащие классу, приносят в жертву свои собственные интересы, противоречащие интересам тех, кто к классу принадлежит. Будто

они подчиняются «идее» чуждого им класса по принципиальным мотивам. Будто все социалисты теоретически без всяких различий, невзирая на их экономическое положение в частной жизни, признают абсолютное превосходство позиции определенного большого класса. Будто пролетарские и не чисто пролетарские элементы, находящиеся в нем, «учитывают историческую точку зрения рабочего класса, признают его в качестве ведущего класса». Так обстоит дело в теории.

На практике же большое несоответствие в интересах между трудом и капиталом не может быть устранено принятием какой-либо программы. Некоторые из немногочисленных представителей высших слоев общества, перешедших на сторону политической организации рабочего класса, будут ему преданы, но они «деклассируются». Большинство из них экономически по-прежнему будет иметь противоположные интересы, независимо от внешней идейной общности с пролетариатом. Иными словами, налицо противостояние интересов. Но в балансе интересов решающим является отношение, в котором представители непролетарских слоев находятся к наипервейшим потребностям жизни. В итоге между буржуазными и пролетарскими членами партии вполне может сложиться экономическая противоположность, перерастающая в политическую. Через идеологическую надстройку экономический антагонизм становится явным. В этом случае программа является мертвой

буквой, а под «социалистическим» флагом то там, то здесь в партийном доме вспыхивает настоящая классовая борьба. [...]

Там, где вожди (все равно, вышли ли они из буржуазии или рабочего класса) сами включены в партийный организм в качестве чиновников, их экономический интерес, как правило, совпадает с интересом партии как таковой. Но тем самым устраняется только одна из опасностей. Другая, более серьезная [...] заключается в появлении вместе с развитием партии противоположности между членами партии и ее вождями.

Партия как внешнее образование, механизм, машина вовсе не тождественна с партийными массами и уж тем более классом.

Партия — это только средство достижения цели. Если же партия становится самоцелью, с собственными, особыми целями и интересами, то она целенаправленно отделяется от класса, который представляет. [...]

Неизменный социальный закон состоит в том, что в любом органе сообщества, возникшем под влиянием разделения труда, возникает по мере его консолидации собственный интерес, интерес сам по себе и для себя. Но существование собственного интереса в общем союзе включает в себя существование трений и противоположность интересов по

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

отношению к общему интересу. Более того, в результате выполняемых ими общественных функций различные социальные слои объединяются и образуют органы, представляющие их интересы. Так надолго они превращаются в явные классы.

[...] Высший слой вождей в политически организованном международном рабочем движении в большинстве состоит из парламентариев. [...]

То, что современными социал-демократическими партиями руководят парламентарии, — свидетельство их преимущественно парламентского характера. Партии делегируют самых авторитетных своих представителей на самую авторитетную должность, на которой, по их разумению, можно принести самую большую пользу. Авторитет парламентария возрастает по еще двум причинам. С одной стороны, в результате того, что, чем дольше он находится на посту, которого его никто не может лишиться в период полномочий, тем более независим он от партийной массы и в конечном счете — от партийного руководства.

[...] В момент избрания его зависимость от партии лишь опосредованна. Непосредственно же он зависит от избирателей и поэтому обязан в конечном счете своим положением неорганизованной массе. [...]

Сегодня партийные массы настолько привыкли считать парламент главным местом сражения за их интересы, что прилагают все усилия, чтобы облегчить дело своих стратегов, находящихся там. Это убеждение определяет отношение масс к своим парламентариям. Положение фракции в рейхстаге

становится решающим моментом, высшим законом во многих вопросах. Массы старательно избегают любой резкой критики, способной каким-то образом ослабить позиции парламентской фракции, даже если эта критика носит принципиальный характер. Если же ее не удастся избежать, то она из-за тех же опасений опровергается и решительно осуждается вождями. [...]

Опираясь на более высокую компетенцию по отдельным вопросам, депутаты фракции социалистов считают, что они стоят выше съездов, судов своей партии и могут претендовать на право принятия решения. Так, многие члены социал-демократической фракции в Германии хотели решить так называемый вопрос о вице-президенте или кайзерстве в самой фракции, т.е. в обход партийному съезду. [...]

Вожди парламента — как социалистические, так и буржуазные — присваивают права и приобретают черты закрытой корпорации и в отношении оставшейся части партии. Германская социал-демократическая

фракция в рейхстаге неоднократно дезавуировала по своей воле отдельные важные составные части политики своей партии. [...] Еще более резко, чем в политической партии, господствующий характер вождей и их стремление управлять демократическими организациями по олигархическому принципу проявляются в профсоюзном движении.

Зарождение любого профсоюзного движения показывает, к какому широкому отрыву от демократии приводит первоначально демократическое рабочее движение централизованная бюрократия. В профсоюзах чиновникам еще легче осуществлять и продолжать практику, которая не устраивает большинство представляемых ими членов...

Уже в течение многих лет центральные правления профсоюзных объединений отняли у своих членов и оставили только себе право определять подъемы и спады движений за повышение заработной платы. [...] а также решать вопросы о том, является ли та или иная забастовка «оправданной» или нет. Поскольку руководители союзов обладают значительными суммами, то и дело спор идет вокруг того, чтобы выяснить, кому принимать решение об «оправданной поддержке» забастовки. Здесь перед нами встает вопрос, затрагивающий жизненный нерв демократического самоуправления и самоопределения профсоюзных коллективов. Если на решение этого ключевого вопроса претендуют вожди и, более того, уже захватили его в свою руки, то это означает только одно: они исключают принцип элементарнейшей демократии и сами открыто провозглашают себя олигархами, в то время как

массы, оплачивая расходы на содержание олигархов, должны с этим мириться. Конечно, это стремление вождей можно оправдать, исходя из соображений тактики и компетенции. Но здесь речь о другом. Для нас важно лишь обратить внимание, сколь незначительны различия между тенденциями развития государственных олигархий (правительство, двор и т.д.) и олигархий пролетарских.

Характерно, что социал-демократические вожди в Германии признают существование явно выраженной олигархии в профсоюзном движении, а профсоюзные вожди — существование олигархии в социалистической партии. Но о себе каждая заявляет, что она-то обладает иммунитетом против всех бацилл олигархии...

Вожди, как правило, невысоко ставят массы (хотя среди них находятся и такие, кто восторгается массами и платит им за оказанное себе уважение сторицей). Но все-таки в большинстве случаев эта любовь не взаимна, и прежде всего потому, что в течение срока своего правления

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

у вождя была возможность в непосредственной близости познакомиться с нищетой масс...

Фактически различия в уровне образования и компетенции, существующие среди членов партии, проявляются и при распределении обязанностей. Вожди делают ставку на безмолвие масс, когда устраняют их отдел. У них складывается мнение: партия не может быть заинтересована в том, чтобы меньшинство ее членов, наблюдающих и размышляющих за развитием ее жизни, зависело от большинства тех, у которых еще нет собственного мнения по определенным вопросам. Поэтому вожди выступают противниками референдума или не применяют его в партийной жизни. Чтобы выбрать подходящий момент для действий, надо иметь кругозор, которым обладают всего лишь немногие представители массы, в то время как большинство подчиняется сиюминутным впечатлениям эмоций.

Ограниченный корпус чиновников и доверенных лиц, совещающихся на закрытом заседании (где они не испытывают влияния пристрастных газетных отчетов и где каждый может говорить без опасения внести сумятицу в лагерь противника), являясь коллегиальным, может рассчитывать на объективное суждение о себе. Для замены прямых выборов в партии косвенными кроме политических причин ссылаются и на сложное строение партийной организации. В отношении же гораздо более сложного государственного устройства в качестве программного пункта выдвигается требование прямого законодательства народа на основе права внесения предложений и наложения вето.

Противоречие, заключенное в столь различном понимании сходных сторон партийной и государственной политики, пронизывает всю партийную жизнь.

Фактическое превосходство рабочих вождей над руководимыми ими массами и твердая воля не идти у них на поводу, а даже, наоборот, иногда отказывать им в послушании признаются порой самими вождями с откровенностью, граничащей с цинизмом. [...]

Итак, представители социалистов в парламенте служат пролетариату, но при обязательном условии, что он не требует от них совершать глупости. В случае допущения последних вожди отказываются выполнять волю руководимых ими масс и выступают против них. Это понятие «не совершать глупости» каждый раз, разумеется, истолковывают сами представители, чем обеспечивается их единоличное право решения по всем вопросам.

Концентрация власти в руках относительно немногих, как это имеет место в рабочем движении, с естественной необходимостью приводит к частому злоупотреблению ею. «Представитель», ощущающий полную свою независимость, превращается из слуги народа в господина над ним. Вожди, являясь первоначально творением масс, постепенно становятся их властелинами — это истина, которую познал еще Гёте, вложивший в уста Мефистофеля слова о том, что человек всегда позволяет властвовать над собой своему творению. Крайности конституированной партийной власти воспринимаются партией, выступающей против государственной власти, как естественная необходимость. По отношению к своим вождям масса проявляет гораздо больше послушания, чем к правительствам. Она терпит от них даже многие несправедливости, которые не потерпела бы от правительства...

Одновременно с образованием вождизма, обусловленного длительными сроками занятия постов, начинается его оформление в касту. Где ему не препятствуют явно выраженный индивидуализм и фанатичный политический догматизм, как во Франции, там старые вожди противостоят массам компактными группами, по крайней мере до тех пор, пока массы не доходят до серьезного протеста и не угрожают их господству. Процедура делегирования регулируется вождями порой путем особых соглашений, в результате которых массы фактически отстраняются от всяких форм соучастия в принятии решений...

Нет никаких признаков того, что эта обнаруживаемая на практике власть олигархии в партийной жизни в ближайшей перспективе будет подорвана. Независимость вождей усиливается по мере их незаменимости. Влияние, которое они оказывают, и экономическая безопасность их положения все более привлекательно действуют на массы и возбуждают честолюбие самых одаренных для вступления в привилегированную бюрократию рабочего движения. А она из-за этого становится все более неспособной к тому, чтобы направить возможную скрытую оппозицию против старых вождей, опираясь на новые силы. [...]

Массы время от времени могут выступить и с сознательным протестом, но их энергия всегда укрощается вождями. Только политика господствующих классов, хватающих во внезапном ослеплении через край, способна выдвинуть партийные массы на сцену истории в качестве активных действующих лиц, свергающих власть партийной олигархии, поскольку прямое вмешательство масс всегда происходит вопреки воле вождей. Если не считать этих эпизодических нарушений, то естественное и нормальное развитие организации по-прежнему накладывает

и на революционно-социалистические партии печать устойчивости и покоя.

[...] Демократия очень хорошо уживается с определенной степенью тирании и подругам психологическим и историческим причинам: масса легче переносит господство, когда каждый ее индивид имеет возможность приблизиться к нему или даже включиться в него.[...]

Избранный вождь в силу демократичности своего избрания склонен в большей степени считать себя представителем общей воли и требовать в качестве такового послушания и подчинения себе, чем прирожденный вождь аристократии. [...]

Сами вожди, когда их упрекают в недемократическом поведении, ссылаются на волю масс, которая терпит их, т.е. на качества своих избирателей и себя как избранных. До тех пор пока массы выбирают и переизбирают нас вождями, утверждают они, мы остаемся законными представителями массовой воли и образуем с ней единое целое. При старых аристократических порядках несогласие с требованиями правителя означало прегрешение против Бога. В условиях современной демократии действует правило: никто не может уклоняться от требований олигархов, ибо в этом случае он грешит против самого себя, своей собственной воли, добровольно переданной представителю. [...]

В условиях демократии вожди основывают свое право командования на фикции демократического всевластия масс. Каждый партийный чиновник получает свое место от массы и зависит от ее благоволения во всем, что касается его

существования и действия. Ведь в условиях демократии каждый, по меньшей мере косвенно, отдает себе приказ выполнять поступающие ему сверху указания в высшей степени самостоятельно.

С точки зрения теории защита вождями принципа «требовать подчинения масс» абсолютно очевидна и безупречна. Но на практике если и не выборы, то перевыборы вождей массами совершаются всегда при такой сильной обработке сознания и различных способах навязывания идей, что свобода принятия решения оказывается при этом в значительной степени подорванной. Нет никакого сомнения в том, что в процессе развития партии демократическая система сжимается в конечном счете до прав масс самим выбирать себе в данный период времени господ, которым они после их избрания обязаны оказывать послушание. [...]

Бюрократ также легко верит в то, что он знает потребности масс лучше, чем они сами. [...]

Печатается по: *Михельс Р.* Социология политической партии в условиях демократии //Диалог. 1990. № 5, 9; 1991. № 4.

С.Л. ФРАНК

По ту сторону «правого» и «левого»

[...] Мы привыкли употреблять слова «правый» и «левый» как понятия, которые, во-первых, имеют всем известный, точно определенный смысл и, во-вторых, в своей совокупности исчерпывают всю полноту возможных политических направлений и потому имеют всеобъемлющее значение каких-то вечных «категорий» политической мысли. Мы забываем, что эти понятия имеют лишь исторически обусловленный смысл, определенный своеобразием эпохи, в которой они возникли и действовали (или действуют), и что им рано или поздно суждено, как всем историческим течениям, исчезнуть, потерять актуальный смысл, смениться новыми группировками. И мы, отдаваясь рутине мысли, не замечаем, что в современной политической действительности есть очень существенные тенденции, которые уже не укладываются в эти старые, привычные рубрики.

Что разумеется, в конце концов, под этими понятиями «правого» и «левого»? Конечно, можно брать их в совершенно формальном и общем смысле, в котором они действительно становятся некоторыми вечными, имманентными категориями общественно-исторической жизни. А именно, можно разуместь под ними

«консерватизм» и «реформаторство» в общесоциологическом смысле — с одной стороны, склонность охранять, беречь уже существующее, старое, привычное и, с другой стороны, противоположное стремление к новизне, к общественным преобразованиям, к преодолению старого новым. Но *прежде всего при этом понимании логично было бы не двучленное, а трехчленное деление. Наряду со «староверами» и «реформаторами» должны найти себе место и те, кто сочетает обе тенденции, кто стремится к обновлению именно через его реформу, через приспособление его к новым условиям и потребностям жизни. Такое не «правое» и не «левое», а как бы «центральное» направление совсем не есть, как часто у нас склонны думать, какое-то эклектическое сочетание обоих первых направлений; оно качественно отличается от них тем, что, в противоположность им, его пафос есть идея полноты, примирения.*

Практически

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

крайне важно, что различие в этом смысле между «правым» и «левым» менее существенно, чем различие между умеренностью и радикализмом (все равно — «правым» или «левым»).

Сохранение наперекор жизни, во что бы то ни стало старого и стремление во что бы то ни стало переделать все заново сходны в том, что оба не считаются с органической непрерывностью развития, присущей всякой жизни, и потому вынуждены и хотят действовать принуждением, насильственно — все равно насильственной ли ломкой или насильственным «замораживанием». И всяческому такому, «правому» или «левому», радикализму противостоит политическое умонастроение, которое знает, что насилие и принуждение может быть в политике только подсобным средством, но не может заменить собою естественного, органического, почвенного бытия.

Но главное в нашей связи — то, что понятия «правого» и «левого», употребляемые в этом чисто формально-общем, универсально-социологическом смысле, очевидно, не имеют ничего общего с политическим содержанием, которое обычно вкладывается в эти понятия, и лишь в силу случайной исторической обстановки могли психологически ассоциироваться с ними. Мы привыкли, в силу еще недавно господствовавших политических порядков, что «правые» находятся у власти и охраняют существующий порядок, а «левые» стремятся к перевороту, к установлению нового, еще не существующего порядка. Но когда этот переворот уже совершился, когда господство принадлежит «левым», то роли, очевидно, меняются: «левые» становятся охранителями существующего

ющего — а при длительности установившегося порядка даже приверженцами — «строго» и «традиционного», тогда как «правые» при этих условиях вынуждены взять на себя роль реформаторов и даже революционеров. Если мы будем спутывать общесоциологические понятия «охранителей» и «реформаторов» (или еще общее: «довольных» и «недовольных») с политическими понятиями «правых» и «левых», то мы должны будем в республиканско-демократическом строе назвать республиканцев и демократов «правыми», а монархистов — «левыми» или всех противников советского строя назвать «левыми», а самих коммунистов — «правыми», т.е. дойти до совершенной нелепицы и полной путаницы понятий.

Итак, каково же, собственно, конкретно-политическое содержание понятий «правого» и «левого»? Но прежде чем ответить на этот вопрос, еще одно замечание общесоциологического порядка. Если мы отвлечемся на мгновение от этих понятий или этикеток и непредвзятым взором попытаемся обозреть все возможное многообразие политических мировоззрений, то чисто логически заранее очевидно, что оно не может быть исчерпано делением его на два противоположных типа. Политическое мировоззрение есть комплекс или система, слагающаяся из совокупности ответов на ряд существенных вопросов общественной жизни. Каждый вопрос допускает разные решения; ясно, как неисчерпаемо велико возможное многообразие политических мировоззрений. Конечно, всякое многообразие допускает классификацию по основным высшим родам, в том числе иногда и дихотомическое деление. Но для этого деление должно быть произведено *по единому и притом существенному признаку, т.е. такому, видоизменение которого определит различие хотя бы основных и важнейших из остальных признаков. Удовлетворяет ли деление на «правое» и «левое» указанному требованию единства и существенности признака деления? Бесспорно, что долгое время оно практически ему удовлетворяло — иначе оно не могло бы достигнуть такого широкого распространения и всеобщего признания.*

Однако для судьбы этих понятий в наше время существенно, что интуитивно-психологическое единство обоих мировоззрений не определялось логически-необходимой связью идей в них. Дело в

том, что оба этих соотносительных понятия лишены внутреннего единства и не могут быть определены на основе какой-либо *одной*, центральной для каждого из них и объединяющей его идеи. Наоборот, вдумываясь в них, мы заключаем, что в них по историческим, с точки зрения существа дела случайным, условиям скрестились *три* ряда духовных и политических мотивов, по существу совершенно разнородных. *Прежде всего* — чисто философское различие между *традиционализмом* и *рационализмом*, между стремлением жить по историческим и религиозным преданиям, по логически не проверяемой традиционной вере (по вере и обычаям отцов) и стремлением построить общественный порядок чисто *рационально*, умышленно планомерно; во-вторых, чисто политическое различие между требованием государственной опеки над общественной жизнью и утверждением начала личной свободы и общественного самоопределения (в этом смысле «правый» значит государственник, этатист, сторонник сильной

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

власти, в противоположность «левому» — либералу); и, наконец, чисто *социальный* признак — позиция, занимаемая в борьбе между высшими, привилегированными, богатыми классами, стремящимися сохранить или утвердить свое господство в государстве и обществе и низшими классами, стремящимися освободиться от подчиненности и занять равное или даже господствующее положение в обществе и государстве. В этом смысле «правый» значит сторонник аристократии или буржуазии, «левый» — демократ или социалист.

Некоторая связь, по существу, между этими тремя парами тенденций, соединяющая первые члены их в понятие «правого», а последние — в понятие «левого», бесспорно есть. Так, рационализм, выступая против традиционной веры, требует свободы «критической» мысли, и в этом смысле первый признак связан со вторым, и точно так же свобода, в качестве общественного самоопределения, требует всеобщности и в этом смысле равенства в свободе (формального равноправия всех людей, в том числе и членов низших классов) и этим соединяется с третьим признаком. Этими двумя связями определено единство либерально-демократического или радикально-демократического мирозерцания, а тем самым, отрицательно, и единство его антипода — консервативно-аристократического умонастроения. Однако связи эти очень относительны и столь же легко — чисто логически и потому и практически — могут уступать место и отталкиваниям, и взаимной борьбе. Так, чистый рационализм, требуя свободы отвлеченной, «критической» мысли и

основанного на ней общественного действия, с другой стороны, в своей враждебности к вере и традиции, может и должен стремиться к стеснению свободы религиозной веры и к подавлению свободного пользования традиционным порядком, обычаями, нравами (якобинство, «комбизм», коммунистическое преследование веры и традиций). Более того — и это здесь самое существенное: рационализм, требуя свободы для себя, в своей идее устройства жизни на основании рационального порядка имеет сильнейшую имманентную тенденцию к началу государственного регулирования, к подавлению той иррациональности и сверхрациональности, которая образует самое существо свободы личности (просвещенный абсолютизм, якобинство, коммунизм в его теории и практике; ср. программу Шигалева в «Бесах»: «начав с провозглашения свободы, утвердим всеобщее рабство»). Еще более очевидна слабость связи между вторым и третьим признаком. Лишь в процессе борьбы низшие классы требуют для себя свободы, и идея свободы легко связывается с идеей равенства. По существу,

притязание низших классов на улучшение их правового и, в особенности, материального положения не имеет, очевидно, ничего общего с требованием свободы. По существу, начала свободы и равенства, как известно, скорее антагонистичны, что не раз и обнаруживалось в историческом опыте; начало свободы личности предполагает, правда, всеобщность самодеятельности и в этом смысле формальное равноправие всех, но, с другой стороны, стоит в резком антагонизме к началу реального равенства: в силу фактического неравенства способностей, условий жизни, удачи между людьми свобода должна вести к неравенству социальных положений, и, наоборот, реальное равенство осуществимо только через принуждение, через государственное регулирование и ограничение свободной самодеятельности личностей, свободного выбора жизненных возможностей. К этому присоединяется и то, что народные массы, представляя собой низший духовный уровень человека, вообще более склонны к деспотизму, легче мирятся с ним и охотнее им пользуются, чем высшие слои общества. Наконец, уже совершенно очевидно, что первая пара признаков (традиционализм и радикализм) только случайно исторически в нашу эпоху сплелась с третьей парой (господство высших классов и восстание низших) и не имеет с последней никакой связи по существу. Рационализм и просветительство, стремление переделать жизнь по отвлеченно-намеченным планам, по требованиям «разума», естественно составляет особенность слоев

образованных, привыкших к работе мысли, тогда как народные массы, по общему правилу, более склонны к традиционализму, к вере и жизни по примеру отцов. До совсем недавнего времени консервативная власть всегда опиралась на народные массы против образованных классов, и, напротив, власть, вступая на путь радикального и планомерного переустройства общества, наталкивалась на оппозицию народных масс (реформы Петра Великого и стрелецкие бунты). В настоящее время, начиная с середины XIX в. и вплоть до современности, это соотношение, правда, радикально изменилось: рационализм, потеряв в значительной мере свой кредит у образованных, стал достоянием народных масс. И все же и теперь примитивность инстинктов низших классов, несмотря на весь их рационализм, часто приводит к утверждению или даже воскрешению старых форм быта, по крайней мере поскольку для них существенна грубость и упрощенность нравов. Этим в значительной мере определены реакционные результаты господства коммунистически настроенных масс в Советской России.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

Так, эти столь разнородные, по существу, между собой не связанные или лишь весьма слабо связанные три пары соотносительно противоположных тенденций в силу своеобразных исторических условий с конца XVIII в. и в течение XIX в. почвенно связались между собой и совместно образовали ту характерную для этой эпохи противоположность, которую мы называем борьбой между «правыми» и «левыми». Однако в настоящее время историческая ситуация уже настолько изменилась, что цельность этих понятий в значительной мере расшатана и сами они поэтому по существу устарели, непригодны для ориентировки в содержании наиболее острых и существенных проблем современности и продолжают господствовать лишь по исторической инерции мысли, проще говоря — по недомыслию.

Начать с того, что в большинстве европейских стран цель «левых» стремлений уже осуществлена. «Левые партии» — демократы и социалисты либо являются, по общему правилу, господствующими, как во Франции, Германии и Англии, либо уже успели сдать свое господство политическим новообразованиям, которые никак нельзя подвести под традиционное понятие «правых» (фашизм, коммунизм). Можно было подумать, что господство «левых» приводит только к перемене мест между этими двумя направлениями, не меняя их содержания и смысла, — т.е., что «правые» партии из господствующих превращаются в оппозиционные (что мы фактически и видим в большинстве европейских государств). Однако эта простая видимость политической эмпирии скрывает

под собой гораздо более существенное изменение духовной реальности, не замечаемое обычным недомыслием. Известно, что «левые», достигнув власти, обычно, по крайней мере отчасти, перестают быть «левыми» — «правеют». Этот общеизвестный факт имеет не только житейски-практическое, но и принципиальное значение; политический фронт меняет свое направление: «левые», стоя у власти, получают на опыте, государственное воспитание, научаются понимать и ценить то, что раньше яростно отвергали; «правые», оттесненные в оппозицию, напротив, часто по крайней мере до некоторой степени приобщаются к прежней психологии «левых» и пользуются их лозунгами. Так, один из признаков, образующий понятия «правого» и «левого», меняет свое место: принцип свободы обычно мало прельщает властвующих и есть естественно достояние оппозиции. Поэтому в новой обстановке требование свободы в значительной мере характеризует политические устремления, в иных отношениях именуемые «правыми». Господствующий рационализм склонен отныне вступать в сочетание

с

принципом государственной опеки, традиционализм, напротив, требует свободы. И если опыт «левого» деспотизма или увлечения государственным централизмом научает «правых» ценить свободу, так что консерваторы становятся либералами, не переставая быть консерваторами, то, с другой стороны, опыт анархии и смут, определенных нежеланием «крайних левых» подчиняться даже «левой» государственной власти, научает «левых», что единственная прочная основа свободы есть государственный порядок, поддерживаемый сильной властью; на этом пути либералы и демократы, не переставая быть таковыми, становятся консерваторами; оба обстоятельства уже совершенно спутывают обычные понятия.

Если эта перемена касается перераспределения первой и второй пары изложенных выше признаков «правого» и «левого» (а отчасти и изменения самого смысла первой пары признаков) — то столь же существенное изменение совершается и с местом третьего из вышеупомянутых признаков. С исчезновением прежних высших классов или с потерей ими политического и общественного влияния «правые» не только тактически-демагогически должны искать себе опоры в низших классах, но часто и принципиально становятся выразителями вожделий и интересов той части низших классов, которая еще живет в идее традиционализма. «Правые» (или, по крайней мере, известная их группа) становятся отныне вождями части народных масс, мечтают о народном восстании и в этом смысле занимают позицию «крайних левых». Несмотря на свою острую ненависть

к «левым» в других отношениях, они иногда солидаризируются с теми «крайними левыми», которые сами находятся в оппозиции и не удовлетворены господствующей в государстве левой властью, и эту связь выражают даже в своем имени («национал-социалисты» в Германии). Отсюда возникает многозначительный, весьма знаменательный для будущего, раскол в прежде единой «правой» партии — раскол настолько существенный, что перед его лицом старое общее обозначение обеих групп как «правых» почти теряет реальный политический смысл. А именно, прежние «правые» раскалываются на консерваторов-либералов, отстаивающих интересы свободы и культуры, права образованного слоя на руководящую роль в государстве, и на реакционеров, опирающихся на вождения черни и во всяком развитии свободы и культуры усматривающих зло либеральной демократии. Если обе эти группы борются с господствующей демократией и в этом смысле являются союзниками, то нельзя за этим тактическим и полемическим единством упускать из виду их радикальную

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

противоположность: они нападают на демократию, находящуюся в промежутке между ними, с двух противоположных сторон — хотелось бы сказать: слева и справа, если бы эти термины не имели уже своего особого, не подходящего сюда, исторически определенного смысла. [...]

Печатается по: *Франк С.Л.* По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир. 1990. № 4. С. 226—233.

Р а з д е л V

ЛИЧНОСТЬ И ПОЛИТИКА

Глава 12

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СОЦИАЛИЗАЦИЯ

Г. АЛМОНД

Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций

Г л а в а 11

Настоящая книга — это исследование политической культуры демократии и тех социальных структур и процессов, которые поддерживают демократию. Вера в неизбежный триумф человеческого разума и свободы, порожденная эпохой Просвещения, была дважды потрясена в последние десятилетия. Развитие фашизма и коммунизма после Первой мировой войны породило серьезные сомнения насчет неизбежности демократии на Западе, и все еще нельзя с определенностью утверждать, что народы континентальной Европы найдут стабильные формы демократических процессов, подходящих для их культур и социальных институтов.

[...] Сравнивая политические культуры пяти современных демократий, мы будем использовать несколько концепций и классификаций, которым необходимо дать определения. Мы предпочитаем говорить о «политической культуре» нации, а не о «национальном характере» или «модели личности», о «политической социализации», а не о детском развитии или восприятии детьми общих понятий не потому, что мы отбрасываем психологические и антропологические теории, политические взгляды и позиции с другими компонентами личности, и не потому, что мы отбрасываем теории, акцентирующие связь между детским развитием вообще и вхождением детей в политические роли и воспитанием ими политических взглядов и позиций. На самом деле это исследование было бы невозможным без предварительной работы историков, социальных

И ПОЛИТИКА

философов, антропологов, социологов, психологов и психиатров, которые поставили проблему отношения между психологическими и политическими характеристиками нации. В частности, большое влияние на данное исследование оказали «культурно-личностные», или «психокультурные», исследования политических феноменов. [...]

Мы используем термин «политическая культура» по двум причинам:

Во-первых, если мы собираемся определить отношение между политическими и неполитическими позициями и моделями поведения, нам необходимо отделить первые (политические) от последних (неполитических), даже если граница между ними не столь четкая. Термин «политическая культура» в таком случае относится именно к политическим ориентациям — взглядам и позициям относительно политической системы и ее разных частей и позициям относительно собственной роли в этой системе. Мы говорим о политической культуре так же, как могли бы говорить об экономической культуре или религиозной культуре. Это совокупность ориентации относительно определенной совокупности социальных объектов и процессов. Но мы выбрали политическую *культуру* вместо других социальных аспектов, так как это позволяет нам использовать концептуальные схемы и подходы антропологии, социологии и психологии. Мы обогащаем наше мышление, используя, например, такие категории антропологии и психологии, как социализация, культурный конфликт, культурная интеграция. Аналогичным образом наши возможности понимать происхождение и трансформацию политической системы

возрастают, когда мы используем структуру теории и спекуляций, касающуюся общих феноменов социальной структуры и процессов.

Мы осознаем тот факт, что антропологи используют термин «культура» во многих смыслах, и, внося его в словарь политической науки, мы рискуем привести его двусмысленность вместе с его преимуществами. Мы подчеркиваем, что используем термин «культура» только в одном смысле: психологической ориентации относительно социальных объектов. Когда мы говорим о политической культуре какого-либо общества, мы подразумеваем политическую систему, усвоенную в сознании, чувствах и оценках населения. Люди вовлечены в нее так же, как они социализированы в неполитические роли и социальные системы. Конфликты политических культур имеют много общего с другими культурными конфликтами; и процессы интеграции в политическую культуру становятся понятнее, если мы посмотрим на них в свете разъединяющих и объединяющих тенденций культурных изменений вообще.

Такое определение политической культуры помогает избежать распространения таких общих антропологических понятий, как «культурный этнос», и принятия самогенности, которая подразумевается в определении. Это позволяет нам сформулировать гипотезы об отношении между различными компонентами культуры и проверить эти гипотезы эмпирически. Используя концепцию политической социализации, мы можем идти дальше простого принятия подхода психокультурной школы относительно общих моделей развития детей и политических установок взрослых. Мы можем соотнести специфические взрослые политические установки и поведенческие предрасположенности детей с восприятием опыта политической социализации.

Политическая культура нации — распределение образцов ориентации относительно политических объектов среди членов нации. Перед тем как определить это распределение, нам необходимо систематизировать индивидуальные ориентации относительно политических объектов. Другими словами, нам нужно определить и обозначить модусы [модели] политической ориентации и классы политических объектов. Наши определения и классификации типов политических ориентации следуют подходу Парсонса и Шилза. «Ориентации» относятся к интернализованным аспектам социальных объектов и отношений. Ориентации включают:

- 1) «когнитивные ориентации», т.е. знания и веру относительно политической системы, ее ролей и обязанности относительно

этих ролей, того, что система берет из окружающей среды и что отдает (что «на входе» и что «на выходе» системы);

2) «аффективные ориентации», или чувства, относительно политической системы, ее ролей, ее работы и вовлеченных в нее людей;

3) «оценочные ориентации», суждения и мнения о политических объектах, которые обычно представляют из себя комбинацию ценностных стандартов и критериев, информации и чувств.

Классификацию объектов политической ориентации начнем с «общей» политической системы. Мы имеем здесь дело с системой в целом и говорим о таких чувствах, как патриотизм или отчужденность, таких знаниях и оценках нации, как «большая» или «маленькая», «сильная» или «слабая», и политики, как «демократическая», «конституциональная» или «социалистическая». Мы различаем ориентации относительно «себя» как политического актора [деятеля]; содержание и качество норм личных политических обязательств, содержа-

ние и качество чувства персональных отношений с политической системой. Трактуя компоненты политической системы, мы различаем, во-первых, три широких класса объектов: (1) специфические *роли* или *структуры*, такие, как законодательные органы, исполнители или бюрократия; (2) ролевые *обязанности*, такие, как монархи, законодатели, администраторы; (3) конкретная общественная *политика, решения или обстоятельства, порождающие решения*. Эти структуры, обязанности и решения могут быть классифицированы шире: вовлечены ли они в политический, «на входе» (input), или в административный, «на выходе» (output), процессы. Под политическим, или «входным», процессом мы подразумеваем поток требований общества к политике и конвертацию (обращение) этих требований в авторитетную политику. Прежде всего в этот «входной» процесс вовлечены политические партии, группы интересов и средства массовой коммуникации. Под административным процессом, или процессом «на выходе», мы понимаем процесс, посредством которого политика осуществляется и подкрепляется. В этот процесс прежде всего включены такие структуры, как бюрократии и суды. Мы понимаем, что любое такое разграничение ограничивает реальное содержание политического процесса и многофункциональность политических структур. В более широком смысле политика делается в основном в бюрократиях и в судах; и структуры, которые мы обозначили «на входе», такие, как группы интересов, политические партии, часто связаны с

элементами администрации и системы принуждения. Но мы говорим здесь о разнице в акцентах, которая имеет большую значимость в классификации политических культур. Различие, которое мы видим в культуре участия и подданнической культуре, состоит в присутствии или отсутствии ориентации относительно специализированных структур «на входе». Для нашей классификации политических культур не столь важно, что эти специализированные «входные» структуры также вовлечены в исполнительную или принудительную функции и что специализированная административная структура вовлечена в исполнение функций «на входе». Важно для нашей классификации то, на какие политические объекты и как ориентированы индивиды и включены ли эти объекты в «восходящий» поток «делания» политики или в «нисходящий» поток политического принуждения. То, что мы сказали об индивидуальных ориентациях относительно политики, может быть объединено в простую таблицу.

Таблица 11. Измерения политических ориентаций

	Система	Объекты	Объекты «на	Отношени
Знания				
Чувства				
Оценки				

Табл. 1.1. позволяет систематизировать политические ориентации индивидов, если мы установим следующее:

1. Каким знанием обладает индивид о своей нации и о политической системе вообще, о ее истории, размере, расположении, силе, «конституциональных» характеристиках и т.д. ? Каковы его чувства относительно этих системных характеристик? Каковы его более или менее осознанные взгляды и суждения о них?
2. Что знает индивид о структуре и ролях разнообразных политических элит и о политических предложениях, инициативах, которые вовлечены в «восходящий» поток «делания» политики? Каковы его чувства и взгляды относительно этих структур, лидеров и политических предложений и инициатив?
3. Что знает индивид о «нисходящем» потоке политического принуждения, о структурах, индивидах и решениях, вовлеченных в этот процесс? Каковы его чувства и взгляды относительно их?
4. Как осознает себя индивид в качестве члена политической системы? Что знает он о своих правах, возможностях, обязанностях и о доступе к влиянию на систему? Как ощущает он эти свои возможности? Какие нормы участия и исполнения

усваивает и использует он при формировании политических суждений и взглядов?

Характеристика политической культуры нации по сути представляет собой заполнение табл. 1.1 для репрезентативной выборки населения. Политическая культура — это разнообразные, неустойчиво повторяющиеся, когнитивные, аффективные и оценочные ориентации относительно политической системы вообще, ее аспектов «на входе» и «на выходе», и себя как политического актора.

Таблица 1.2. Типы политических культур

Политические	Система	Объекты	Объекты	Отношение
Патриархальна	0	0	0	0
Политическа	1	0	1	0
Участия	1	1	1	1

И ПОЛИТИКА

Патриархальная политическая культура (или политическая культура местных общин). Если эти четыре типа повторяющихся ориентации относительно специализированных политических объектов не выделяются (отсутствуют) и мы обозначаем их нулями, то такую политическую культуру мы называем патриархальной. Политические культуры африканских племен и автономных местных общин, описанные Колеманом, подпадают под эту категорию. В этих обществах нет специализированных политических ролей. Лидеры, вожди, шаманы — это смешанные политико-экономико-религиозные роли. Для членов таких обществ политические ориентации относительно этих ролей неотделимы от религиозных или социальных ориентации. Патриархальные ориентации также включают в себя относительное отсутствие ожиданий перемен, инициируемых политической системой. Члены патриархальных культур ничего не ожидают от политической системы. Так, в централизованных африканских племенах и княжествах, на которые ссылается Колеман, политическая культура в основном патриархальная, хотя развитие каких-либо более специализированных политических ролей в этих обществах может означать появление более дифференцированных политических ориентации. Даже крупномасштабные и более дифференцированные политические системы могут иметь в основе патриархальную культуру. Но относительно чистый патриархализм более вероятен в простых традиционалистических системах, где политическая специализация минимальна. Патриархальная культура в более

дифференцированных политических системах скорее аффективна и нормативна, чем когнитивна. Это означает, что люди в племенах Нигерии или Ганы могут смутно осознавать существование центрального политического режима. Но их чувства относительно этого режима неопределенные или негативные, и они не интернализовали [не восприняли] формы отношений с ним.

Подданническая политическая культура. Вторым важным типом политических культур, показанных в табл. 1.2, — это подданническая культура. В ней существуют устойчивые ориентации относительно дифференцированной политической системы и относительно того, что система дает «на выходе», но ориентации относительно специфических объектов «на входе» системы и относительно себя как активного участника очень слабы. Субъект такой системы (подданный) осознает существование правительственной власти и чувственно ориентирован на нее, возможно гордясь ею, возможно не любя ее и оценивая ее как законную или нет. Но отношение к системе вообще и к тому, что она дает

«на выходе», т.е. к административной стороне политической системы или «нисходящему потоку», это отношение в основе своей пассивное, это ограниченная форма знания и участия, которая соответствует подданнической культуре. Мы говорим о чистых подданнических ориентациях, которые наиболее вероятны в обществах, где нет сформировавшихся и дифференцированных от других элементов системы структур «на входе». Подданнические ориентации в политической системе, имеющей развитые демократические институты, скорее будут аффективными и нормативными, чем когнитивными. Так, французский роялист знает о существовании демократических институтов, но он не считает их легитимными.

Политическая культура участия. Третий основной принцип политических культур — культура участия — такая культура, в которой члены общества определенно ориентированы на систему вообще, а также как на политические, так и на административные структуры и процессы; другими словами, как на «входной», так и на «выходной» аспекты политической системы. Индивидуальные члены такой политической системы могут быть благоприятно или неблагоприятно ориентированы на различные классы политических объектов. Они склоняются к тому, чтобы ориентироваться на «активную» собственную роль в политике, хотя их чувства и оценки таких ролей могут варьироваться от принятия до отрицания.

[...] Гражданская культура — это прежде всего культура лояльного участия. Индивиды не только ориентированы «на

вход» политики, на участие в ней, но они также позитивно ориентированы на «входные» структуры и «входные» процессы.

Другими словами, используя введенные нами термины, гражданская культура —это политическая культура участия, в которой политическая культура и политическая структура находятся в согласии и соответствуют друг другу.

Важно, что в гражданской культуре политические ориентации участия сочетаются с патриархальными и подданническими политическими ориентациями, но при этом не отрицают их.

Индивиды становятся участниками политического процесса, но они не отказываются от своих подданнических или патриархальных ориентации. Более того, эти более ранние политические ориентации не только поддерживаются ориентациями участия, но они также и соответствуют ориентациям участия. Более традиционные политические ориентации имеют тенденцию ограничивать обязательства индивида по отношению к политике и делать эти обязательства мягче. Подданнические и патриархальные ориента-

ЛИЧНОСТЬ И ПОЛИТИКА

ции «управляют» или удерживают ориентации участия. Такие установки благоприятны для ориентации участия в политической системе и играют важную роль в гражданской культуре, так же как и такие политические установки, как вера в других людей и социальное участие вообще. Поддержка таких более традиционных установок и *их слияние* с ориентациями участия ведут к сбалансированной политической культуре, в которой политическая активность, вовлеченность и рациональность существуют, но при этом уравниваются покорностью, соблюдением традиций и приверженностью общинным ценностям.

Г л а в а 15

[...] Существует ли демократическая политическая культура, т.е. некий тип политических позиций, который благоприятствует демократической стабильности или, образно говоря, в определенной степени «подходит» демократической политической системе? Чтобы ответить на данный вопрос, нам следует обратиться к политической культуре двух относительно стабильных и преуспевающих демократий — Великобритании и Соединенных Штатов Америки. Политическая культура этих наций примерно соответствует понятию «гражданская культура». Такой тип политических позиций в некоторых отношениях отличается от «рационально-активистской» модели, той модели политической культуры, которая, согласно нормам демократической идеологии, должна была бы присутствовать в преуспевающей демократии. [...]

Исследования в области политического поведения поставили, однако, под сомнение адекватность рационально-активистской модели. Они продемонстрировали, что граждане демократических стран редко живут в соответствии с этой моделью. Их нельзя назвать ни хорошо информированными, ни глубоко включенными в политику, ни особо активными; а процесс принятия электоральных решений является чем угодно, только не процессом рационального расчета. Не отражает данная модель и ту гражданскую культуру, которая была выявлена нами в Великобритании и США. [...]

Гражданская культура — это смешанная политическая культура. В ее рамках многие граждане могут быть активными в политике, однако многие другие играют более пассивную роль «подданных». Еще более важным является тот факт, что даже у тех, кто активно исполняет гражданскую роль, качества подданных и прихожан не полностью вытеснены. Роль участника просто добавляется к таким двум ролям. Это означает, что активный гражданин сохраняет свои традиционалистские, не

политические связи, равно как и свою более пассивную роль подданного. Конечно, рационально-активистская модель отнюдь не предполагает, что ориентации участника заменяют собой ориентации подданного и прихожанина, однако, поскольку наличие двух последних типов ориентации четко не оговаривается, получается, что они не имеют отношения к демократической политической культуре.

На самом же деле эти два типа ориентации не только сохраняются, но и составляют важную часть гражданской культуры. Во-первых, ориентации прихожанина и подданного меняют интенсивность политической включенности и активности индивида. Политическая деятельность представляет собой лишь часть интересов гражданина, причем, как правило, не очень важную их часть. Сохранение других ориентации ограничивает степень его включенности в политическую деятельность и удерживает политику в надлежащих рамках. Более того, ориентации прихожанина и подданного не просто сосуществуют с ориентациями участника, они пронизывают и видоизменяют их. Так, например, первичные связи важны в становлении типов гражданского влияния. Кроме того, взаимопроникающие структуры общественных и межличностных связей имеют тенденцию воздействовать и на характер политических ориентации — делать их менее острыми и разделяющими. Будучи пронизаны первичными групповыми, а также общесоциальными и межличностными ориентациями, политические ориентации отнюдь не являются лишь

производными от четко выраженных принципов и рационального расчета.

Каковы же причины несоответствия между идеалами рационально-активистской модели и типами политических связей, фактически существующими даже в наиболее стабильных и преуспевающих демократиях? Одно из возможных объяснений, которое наиболее часто встречается в литературе по гражданскому воспитанию, заключается в том, что это несоответствие является свидетельством плохого функционирования демократии. В той мере, в какой люди не живут соответственно идеалу активного гражданина, демократия не состоялась. [...]

Если верить, что реалии политической жизни должны формироваться в соответствии с какими-то политическими теориями, таким объяснением можно удовлетвориться. Но если придерживаться точки зрения, что политические теории должны возникать из реалий политической жизни — в чем-то более простая и, возможно, более полезная задача, — тогда такое объяснение причин разрыва между рационально-активистской моделью и демократическими реалиями оказывается

И ПОЛИТИКА

менее приемлемым. Приверженцы указанной точки зрения могут объяснить имеющийся разрыв тем, что планка поднята слишком высоко. Если принять во внимание сложность политических вопросов, наличие других проблем, отнимающих время индивида, и труднодоступность информации, необходимой для принятия рациональных политических решений, то станет абсолютно очевидным, почему обычный человек не является идеальным гражданином. В свете неполитических интересов индивида может оказаться, что для него совершенно нерационально вкладывать в политическую деятельность то время и те усилия, которые нужны, чтобы жить в соответствии с рационально-активистской моделью. Возможно, это просто того не стоит — быть настолько уж хорошим гражданином. [...]

Но хотя полностью активистская политическая культура скорее всего является лишь утопическим идеалом, должны быть и другие, более значимые причины того, почему в наиболее процветающих демократиях существует сложно переплетенная, смешанная гражданская культура. Такая культура, которая иногда включает в себя явно несовместимые политические ориентации, кажется наиболее соответствующей потребностям демократических политических систем, поскольку они также представляют собой переплетение противоречий.

[...] Поддержание должного равновесия между правительственной властью и правительственной ответственностью (*responsiveness*) — одна из наиболее важных и сложных задач демократии. Если нет какой-то формы контроля за правительственными элитами со стороны неэлит, то

политическую систему вряд ли можно назвать демократической. С другой стороны, неэлиты не способны сами управлять. Чтобы политическая система была эффективной, чтобы она была в состоянии разрабатывать и проводить какую-то политику, приспосабливаться к новой ситуации, отвечать на внутренние и внешние вопросы, должен быть механизм, с помощью которого правительственные чиновники наделялись бы полномочиями, позволяющими им принимать властные решения.

Напряженность, создаваемая необходимостью решения противоречащих друг другу задач, вытекающих из правительственной власти и правительственной ответственности, становится наиболее явной в периоды кризисов. [...]

Как же должна строиться система управления, чтобы поддерживался необходимый баланс между властью и ответственностью?

Э.Э. Шаттштейнер сформулировал этот вопрос следующим образом: «Проблема заключается не в том, как 180 миллионов Аристотелей

могут управляться с демократией, а в том, как организовать сообщество, состоящее из 180 миллионов обычных людей, таким образом, чтобы оно осталось чувствительным к их нуждам. Это проблема *лидерства, организации, альтернатив и систем ответственности и доверия*». Пытаясь решить данную проблему, политологи обычно говорят на языке структуры электорального конфликта. Электоральная система, сконструированная таким образом, чтобы наделять властью определенную элиту на ограниченный промежуток времени, может обеспечить баланс между властью и ответственностью: элиты получают власть, однако эта власть ограничена самой периодичностью выбора — заботой о будущих выборах в промежуток между ними и целым набором других формальных и неформальных систем контроля. Ведь чтобы система такого рода могла работать, необходимо существование не одной, а большого числа партий (или по крайней мере нескольких конкурирующих элитарных групп, потенциально способных получить власть), в противном случае спор между элитами потеряет всякий смысл; в то же время необходим какой-то механизм, позволяющий элитарной группе эффективно осуществлять власть. Это может быть наделение всей полнотой власти победившей на выборах партии в двухпартийной системе или образование группой партий работоспособной коалиции. [...]

Противоречие между правительственной властью и ответственностью имеет свою параллель в противоречивых требованиях, которые предъявляются гражданам в демократических странах. Чтобы элиты могли быть

ответственными перед обычным гражданином, от него требуется ряд вещей: он должен уметь выразить свое мнение так, чтобы элиты поняли, чего он хочет; гражданин должен быть вовлечен в политику таким образом, чтобы знать и беспокоиться о том, ответственны ли элиты перед ним или нет; он должен быть достаточно влиятельным, чтобы навязывать элитам ответственное поведение. Иными словами, ответственность элит предполагает, что обычный гражданин действует в соответствии с рационально-активистской моделью. Однако для достижения другой составляющей демократии — власти элит — необходимо, чтобы обычный гражданин имел совершенно иные позиции и вел себя соответственно им. Чтобы элиты были сильными и принимали властные решения, следует ограничивать участие, активность и влияние обычного гражданина. Он должен передать власть элитам и позволить им управлять. Потребность во власти элит предполагает, что обычный гражданин будет относительно пассивен, выключен из политики и почтителен по отношению к правящим элитам. Таким образом,

И ПОЛИТИКА

от гражданина в демократии требуются противоречащие одна другой вещи: он должен быть активным, но в то же время пассивным, включенным в процесс, однако не слишком сильно, влиятельным и при этом почтительным к власти.

[...] Из имеющихся у нас данных следует, что есть два основных направления, по которым гражданская культура поддерживает выполнение ее субъектом как активно-влиятельной, так и более пассивной роли: с одной стороны, в обществе *происходит распределение* индивидов, преследующих одну из двух конфликтующих гражданских целей; с другой — определенная *непоследовательность в позициях индивида* позволяет ему одновременно преследовать эти, казалось бы, несовместимые цели. Давайте сначала рассмотрим вопрос о непоследовательности индивида.

Как показывает наше исследование, существует разрыв между *ре-альным политическим поведением* опрошенных, с одной стороны, и *их восприятием своей способности и обязанности действовать* — с другой. Респонденты из Великобритании и США продемонстрировали высокую вероятность того, что мы назвали субъективной политической компетентностью. [...]

Немалая часть опрошенных считает себя способной влиять на решения местных властей, и весомая, хотя и не столь значительная, часть аналогичным образом оценивает свои возможности по отношению к центральному правительству. Тем не менее эта высокая оценка собственной компетентности как

гражданина, способного оказывать влияние, абсолютно не подкреплена активным политическим поведением. [...]

Существует аналогичный разрыв между чувством обязательности участия в политической жизни и реальным участием. Число опрошенных, заявивших, что обычный человек обязан принимать участие в делах своей местной общины, значительно превышает число тех, кто на деле в них участвует; и опять-таки эта тенденция наиболее четко проявляется в США и Великобритании. Как сформулировал это один из опрошенных: «Я говорю о том, что человек должен делать, а не о том, как поступаю я сам». И есть доказательства, что такая позиция не столь уж редка. Несомненно и то, что осознание обязательности хоть какого-то участия в делах собственной общины распространено шире, чем ощущение важности такой деятельности. Процент опрошенных, заявивших, что у человека есть такая обязанность, во всех странах значительно превышает процент тех, кто, отвечая на вопрос о своих занятиях в свободное время, указал на участие в делах общины. Так, 51 %

опрошенных американцев сообщили, что, по их мнению, обычный человек должен принимать то или иное активное участие в жизни своей общины. Но когда был задан вопрос о том, как они проводят свободное время, лишь около 10% респондентов назвали подобную деятельность. [...] Все это заставляет предположить, что, хотя норма, требующая от человека участия в общественных делах, широко распространена, активное участие в них отнюдь не является наиболее важной формой деятельности для большинства людей. Оно не является ни основным их занятием в свободное время, ни главным источником удовлетворения, радости и волнения.

Эти два разрыва — между высокой оценкой своей потенциальной влиятельности и более низким уровнем реального влияния, между степенью распространения словесного признания обязательности участия и реальной значимостью и объемом участия — помогают понять, каким образом демократическая политическая культура способствует поддержанию баланса между властью правительственной элиты и ее ответственностью (или его дополнения — баланса между активностью и влиятельностью неэлитных групп и их пассивностью и невлиятельностью). Сравнительная редкость политического участия, относительная неважность такого участия для индивида и объективная слабость обычного человека позволяют правительственным элитам действовать. Бездеятельность обычного человека и его неспособность влиять на решения помогают обеспечить правительственные элиты властью,

необходимой им для принятия решений. Однако все это гарантирует успешное решение лишь одной из двух противоречащих друг другу задач демократии. Власть элиты должна сдерживаться. Противоположная роль гражданина как активного и влиятельного фактора, обеспечивающего ответственность элит, поддерживается благодаря его глубокой приверженности нормам активного гражданства, равно как и его убежденностью, что он может быть влиятельным гражданином. [...]

Гражданин, существующий в рамках гражданской культуры, располагает, таким образом, резервом влиятельности. Он не включен в политику постоянно, не следит активно за поведением лиц, принимающих решения в данной сфере. Этот резерв влиятельности — влиятельности потенциальной, инертной и не проявленной в политической системе — лучше всего иллюстрируется данными, касающимися способности граждан в случае необходимости создавать политические структуры. Гражданин не является постоянным участником политического процесса. Он редко активен в политических группах. Но он считает, что в слу-

И ПОЛИТИКА

чае необходимости может мобилизовать свое обычное социальное окружение в политических целях. Его нельзя назвать активным гражданином. Он потенциально активный гражданин. Прерывистый и потенциальный характер политической активности и включенности граждан зависит, однако, от более устойчивых типов политического поведения. Живя в гражданской культуре, обычный человек в большей, чем в иной ситуации, степени склонен поддерживать на высоком и постоянном уровне политические связи, входить в какую-то организацию и участвовать в неформальных политических дискуссиях. Эти виды деятельности сами по себе не указывают на активное участие в общественном процессе принятия решений, однако они делают такое участие более вероятным. Они готовят индивида к вторжению в политическую среду, в которой включение и участие гражданина становятся более осуществимыми. [...]

То, что политика имеет относительно небольшое значение для граждан, составляет важнейшую часть механизма, с помощью которого система противоречивых политических позиций сдерживает политические элиты, не ограничивая их настолько, чтобы лишить эффективности. Ведь баланс противоречивых ориентации было бы гораздо труднее поддерживать, если бы политические вопросы всегда представлялись гражданам важными. Если встает вопрос, который воспринимается ими как важный, или рождается глубокая неудовлетворенность правительством, у индивида возникает побуждение задуматься над этой темой. Соответственно усиливается давление, толкающее

его к преодолению непоследовательности, т.е. к взаимной гармонизации позиций и поведения в соответствии с нормами и восприятиями, т.е. переход к политической активности. Таким образом, несоответствие между позициями и поведенческими актами выступает как скрытый или потенциальный источник политического влияния и активности.

Тезис о том, что гражданская культура поддерживает баланс между властью и ответственностью, указывает еще на один момент, касающийся демократической политики. Он дает возможность понять, почему важнейшие политические вопросы, если они остаются нерешенными, в конце концов порождают нестабильность в демократической политической системе. Баланс между активностью и пассивностью может поддерживаться лишь в том случае, если политические вопросы стоят не слишком остро. Если политическая жизнь становится напряженной и остается таковой из-за нерешенности какого-то находящегося в центре внимания вопроса, несоответствие между позициями и поведением

начинает терять устойчивость. Но любое относительно долговременное разрушение этого несоответствия с высокой долей вероятности влечет за собой неблагоприятные последствия. Если привести поведение в соответствие с ориентациями, то объем контроля, который будут пытаться осуществлять неэлиты над элитами, породит неэффективность управления и нестабильность. С другой стороны, если позиции изменяются таким образом, что начнут сочетаться с поведением, возникшее у граждан чувство бессилия и невключенности может разрушительным образом сказаться на демократичности политической системы.

Это, однако, не означает, что все важные вопросы таят в себе угрозу демократической политической системе. Лишь в том случае, когда они становятся и затем остаются острыми, система может превратиться в нестабильную. Если важные вопросы встают лишь спорадически и если правительство оказывается в состоянии ответить на требования, стимулированные возникновением этих вопросов, равновесие между гражданским и правительственным влиянием может сохраниться. В обычной ситуации граждан относительно мало интересует, что делают те, кто принимает правительственные решения, и последние имеют возможность действовать так, каким представляется нужным. Однако, если какой-то вопрос выходит на поверхность, требования граждан по отношению к должностным лицам возрастают. Если указанные лица могут ответить на подобные требования, политика вновь утрачивает свое значение для граждан и политическая жизнь возвращается в нормальное русло.

Более того, эти циклы, состоящие из включения граждан, ответа элит и отхода граждан от политики, имеют тенденцию усиливать сбалансированность противоположностей, необходимую для демократии. В пределах каждого цикла ощущение гражданином собственной влиятельности усиливается; одновременно система приспособляется к новым требованиям и таким образом демонстрирует свою эффективность. А лояльность, порожденная участием и эффективной деятельностью, может сделать систему более стабильной в целом.

Эти циклы включенности представляют собой важное средство сохранения сбалансированных противоречий между активностью и пассивностью. Как постоянная включенность и активность, обусловленные находящимися в центре внимания спорными вопросами, сделали бы в конечном итоге сложным сохранение баланса, так к такому результату привело бы и полное отсутствие включенности и активности. Баланс может поддерживаться на протяжении длительного времени лишь в том случае, если разрыв между активностью и пассивностью не слиш-

ком широк. Если вера в политические возможности человека время от времени не будет подкрепляться, она скорее всего исчезнет. С другой стороны, если эта вера поддерживается лишь сугубо ритуальным образом, она не будет представлять собой потенциальный источник влияния и служить средством сдерживания тех, кто принимает решения. [...]

До сих пор мы рассматривали вопрос о путях уравнивания активности и пассивности, присущих отдельным гражданам. Но такое равновесие поддерживается не только имеющимся у индивидов набором позиций, но и распределением позиций между различными типами участников политического процесса, действующих в системе: одни индивиды верят в свою компетентность, другие — нет; некоторые активны, некоторые пассивны. Такой разброс в представлениях и степени активности индивидов также способствует укреплению баланса между властью и ответственностью. Это можно увидеть, если проанализировать описанный выше механизм становления равновесия: какой-то вопрос приобретает остроту; активность возрастает; благодаря ответу правительства, снижающему остроту вопроса, баланс восстанавливается. Одна из причин, почему усиление важности какого-то вопроса и ответный взлет политической активности не приводят к перенапряжению политической системы, заключается в том, что значимость того или иного вопроса редко когда возрастает для всех граждан одновременно. Скорее, ситуация выглядит следующим образом: отдельные группы демонстрируют взлет политической активности, в то время как остальные граждане остаются

инертными. Поэтому объем гражданской активности в каждом конкретном месте и в каждый конкретный момент оказывается не настолько велик, чтобы повлечь за собой перенапряжение системы.

Все сказанное выше основано на данных о позициях обычных граждан. Однако, чтобы механизм, существование которого мы постулировали, мог работать, позиции неэлит должны дополняться позициями элит. Принимающий решения необходимо верить в демократический миф — в то, что обычные граждане должны участвовать в политике, и в то, что они на деле обладают влиянием. Если принимающий решения придерживается такого взгляда на роль обычного гражданина, его собственные решения способствуют поддержанию баланса между правительственной властью и ответственностью. С другой стороны, принимающий решения волен действовать так, как ему представляется наилучшим, поскольку обычный гражданин не барабанит в его дверь с требованиями каких-то действий. Он огражден инертностью обычного человека. Но если принимающий решения разделяет веру в потенциальную

влиятельность обычного человека, его свобода действий ограничена тем, что он предполагает: если не действовать в соответствии с желаниями граждан, в его дверь начнут барабанить. Более того, если официальное лицо разделяет точку зрения, что обычный человек должен участвовать в принятии решений, его заставляет действовать ответственно и вера в то, что подобное влияние граждан законно и оправданно. И хотя из наших данных это и не следует, есть основания предположить, что политические элиты разделяют политическую структуру неэлит; что в обществе, где существует гражданская культура, они, как и неэлиты, придерживаются связанных с ней позиций. В конечном счете элиты составляют часть той же самой политической системы и во многом прошли тот же самый процесс политической социализации, что и неэлиты. И анализ показывает, что политические и общественные лидеры, равно как и имеющие высокий статус граждане, более склонны принимать демократические нормы, чем те, чей статус ниже.

Исследование позиций элит наводит на мысль о существовании еще одного механизма, позволяющего укреплять ответственность в условиях, когда активность и включенность обычного гражданина остается низкой. Влияние гражданина не всегда и даже не в большинстве случаев является именно тем стимулом, за которым следует ответ (гражданин или группа граждан выдвигают требование — правительственная элита предпринимает действия, чтобы удовлетворить его). Здесь, скорее, действует хорошо известный закон «ожидаемых реакций». Значительная часть гражданского влияния на правительственные

элиты осуществляется без активных действий и даже без осознанного стремления граждан. Элиты могут предвидеть возможные требования и действия, в соответствии с этим принимать ответственные меры. Элиты действуют ответственно не потому, что граждане активно выдвигают свои требования, а для того, чтобы удержать их от активности.

Таким образом, в рамках гражданской культуры индивид не обязательно бывает рациональным, активным гражданином. Тип его активности — более смешанный и смягченный. Это позволяет индивиду совмещать определенную долю компетентности, включенности и активности с пассивностью и невключенностью. Более того, его взаимоотношения с правительством не являются чисто рациональными, поскольку они включают в себя приверженность — как его, так и принимающих решения — тому, что мы называли демократическим мифом о компетентности гражданина. А существование такого мифа влечет за собой важные последствия. Во-первых, это не чистый миф: вера в потенциальную

альную влияние обычного человека имеет под собой известные основания и указывает на реальный поведенческий потенциал. И вне зависимости от того, соответствует ли этот миф действительности или нет, в него верят.

Печатается по: Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997. Т. II. С. 593—600; Алмонд ГА., Верба С. Гражданская культура и стабильная демократия // Политические исследования. 1992. № 4.

Э. КАССИРЕР

Техника современных политических мифов

Если мы попытаемся разложить наши современные политические мифы на их составные части, то обнаружим, что они не содержат ни одной новой черты. Все они были уже достаточно хорошо известны. Вновь и вновь обсуждались и культ героев Карлейля, и теории Гобино о фундаментальном моральном и интеллектуальном различии рас. Но эти обсуждения оставались чисто академическими. Чтобы превратить старые идеи в мощное политическое оружие, требовалось нечто большее. Идеи должны быть адаптированы для совсем другой аудитории. Для достижения подобных целей требовались совсем другие инструменты — инструменты не только мысли, но и действия.

Необходимо было разработать совершенно новую технику. Это был последний и решающий фактор. Говоря научным языком, эта техника производила каталитический эффект. Она убыстряла все реакции и придавала их действию максимальную эффективность. Хотя почва для мифа XX в. была подготовлена давно, он не мог родиться без умелого использования новых технических средств.

Общие условия, подготовившие появление мифа XX в. и обеспечившие ему победу, сложились после Первой мировой войны. В этот период все нации, вовлеченные в войну, испытывали одинаковые трудности. Они начинали осознавать, что даже для наций-победительниц война не принесла каких-либо осязаемых благ. Со всех сторон возникали новые проблемы. Интеллектуальные, социальные и просто жизненные конфликты становились все более острыми и они ощущались повсеместно. Но в Англии, Франции, Северной Америке всегда оставались перспективы разрешения этих конфликтов нормальными, стандартными средствами. В Германии же ситуация была совсем иной. День ото дня проблемы усложнялись и обострялись.

Лидеры Веймарской

республики делали все возможное, чтобы совладать с этими проблемами дипломатическими акциями и при помощи права. Но все их усилия оказывались тщетными. Во времена инфляции и безработицы социальная и экономическая жизнь Германии оказалась под угрозой краха. Казалось, что все реальные средства исчерпаны. Это была как раз та питательная почва, откуда могли возникнуть и черпать свои силы политические мифы.

Даже в примитивных сообществах, где миф господствует над всей совокупностью социальной жизни и социальных чувств человека, он тем не менее не всегда действует одинаково и даже не всегда проявляется с одинаковой силой. Миф достигает апогея, когда человек лицом к лицу сталкивается с неожиданной и опасной ситуацией. Малиновский, много лет проживший среди аборигенов и оставивший серьезное аналитическое исследование их мифологических представлений и магических ритуалов, постоянно настаивал на данном пункте. Он указывал, что даже в самых примитивных сообществах использование магии ограничено особой сферой деятельности. Во всех случаях, когда можно прибегнуть к сравнительно простым техническим средствам, обращение к магии исключается. Такая потребность возникает только тогда, когда человек сталкивается с задачей, решение которой далеко превосходит его естественные возможности. Однако всегда остается определенная область, неподвластная магии и мифологии и которая может быть названа секуляризованной. Здесь человек надеется на свои собственные навыки вместо магических формул и ритуалов[...] Во всех задачах, которые не требуют никаких сверхординарных средств,

мы не найдем ни магии, ни мифологии. Однако высокоразвитая магия и связанная с ней мифология всегда воспроизводятся, если путь полон опасностей, а его конец неясен.

Это описание роли магии и мифологии в примитивных обществах вполне применимо и к высокоразвитым формам политической жизни человека. В критических ситуациях человек всегда обращается к отчаянным средствам. Наши сегодняшние политические мифы как раз и являются такими отчаянными средствами. Когда разум не оправдывает наших ожиданий, то всегда остается в качестве *ultima ratio* власть сверхъестественного и мистического. Жизнь примитивных обществ никогда не регулируется письменными законами, юридическими статусами, конституциями, биллями о правах или политическими хартиями. Тем не менее даже самые примитивные формы социальной жизни обнаруживают наличие ясной и жестокой организации. Члены этих об-

И ПОЛИТИКА

ществ никогда не живут в состоянии анархии и хаоса. Это справедливо даже относительно самых аристократических — тотемистических племен, которые нам известны; американских аборигенов и племен Северной и Центральной Австралии, которые были детально изучены Спенсером и Гилленом. В этих тотемистических сообществах мы не найдем сложной и разработанной мифологии, сравнимой с мифологией греков, индийцев или египтян, мы не обнаружим там веры в конкретных богов или в персонифицированные силы природы. Но эти общества спаяны иной, более мощной силой — силой ритуала, основанного на мифологической вере в животных-первопредков. Каждый член группы принадлежит здесь к тотемному клану, и, таким образом, он оказывается скованным цепью жестких традиций. Он вынужден отказываться от определенных видов пищи, он обязан соблюдать суровые правила экзогамии или эндогамии; ему приходится осуществлять в определенные моменты времени и в определенной неизменной последовательности одни и те же ритуалы, которые являются драматическим воспроизведением жизни его тотемных первопредков. Все это навязывается членам племени не силой, но их собственными фундаментальными мифическими понятиями, причем всепобеждающей власти этих понятий невозможно не только сопротивляться, но и поставить под сомнение. Позднее появляются другие политические и социальные структуры. Мифологическая организация общества заменяется, вроде бы, рациональными структурами. В спокойные, мирные

времена, в периоды относительной стабильности и безопасности, эта рациональная организация общества устанавливается естественным путем. Кажется, что она способна выдержать все атаки, но в политике никогда не бывает полного спокойствия. Здесь всегда присутствует скорее динамическое, нежели статическое равновесие. В политике мы всегда живем как на вулкане и всегда должны быть готовы к неожиданным взрывам и катаклизмам. Во все критические моменты социальной жизни человека рациональные силы, до этого успешно противостоявшие воспроизводству древних мифологических представлений, уже не могут чувствовать себя столь же уверенно. [...] Миф, всегда рядом с нами и лишь прячется во мраке, ожидая своего часа. Этот час наступает тогда, когда все другие силы, цементирующие социальную жизнь, по тем или иным причинам теряют свою мощь и больше не могут сдерживать демонические, мифологические стихии.

Французский ученый Е. Дютте написал очень интересную книгу «Магия и религия племен Северной Африки». В этой работе он попы-

тался дать ясное и четкое определение мифа. Согласно Дютте, боги и демоны, которых мы находим в примитивных сообществах, являются не чем иным, как персонификацией коллективных желаний. Миф, говорит Дютте, «есть персонификация коллективных чаяний». Это определение было дано тридцать пять лет тому назад. Конечно, автор не мог знать и предвидеть наших сегодняшних политических проблем. Он размышлял как антрополог, занятый исследованием религиозных церемоний и магических ритуалов. [...] С другой стороны, эта формула Дютте может быть использована как самое лаконичное и яркое определение современной идеи лидерства или диктаторства. Тяга к сильному лидеру возникает тогда, когда коллективное желание достигает небывалой силы и когда, с другой стороны, все надежды на удовлетворение этого желания привычными, нормальными средствами не дают результата. В такие моменты чаяния не только остро переживаются, но и персонифицируются. Они предстают перед глазами человека в конкретном, индивидуальном обличье. Напряжение коллективной надежды воплощается в лидере. Прежние социальные связи — закон, правосудие, конституция — объявляются не имеющими никакой ценности. То, что остается, — это мистическая власть и авторитет лидера, чья воля становится высшим законом.

Понятно, что персонификация коллективного желания не может быть одинаковой у цивилизованных наций и в примитивных племенах. Современный человек, несомненно, подвержен

действию необузданных страстей, и когда страсть достигает своей кульминации, человек может подпасть под влияние самых иррациональных порывов. Но даже и в этом случае он не может полностью забыть или отрицать требований рациональности.

Чтобы верить, он должен найти основания веры и создать «теорию», чтобы оправдать ее. И эта теория уже отнюдь не примитивна, но, наоборот, является весьма изощренной.

Мы легко можем понять убежденность архаического сознания, что все человеческие силы и все силы природы могут быть сконцентрированы в индивиде. Колдун, если он является знатоком своего дела, если он владеет магическими словами и если он знает, как надо использовать их в нужное время и в правильном порядке, то он является владыкой окружающего мира. Он может предотвратить все несчастья, победить врага и управлять природными стихиями. Все это так далеко от современного сознания, что кажется абсолютно иррациональным.

Однако если современный человек больше не верит в натуральную магию, то он, без сомнения, исповедует некий сорт «магии социальной». Если кол-

.

И ПОЛИТИКА

лективное чаяние ощущается во всей его полноте и интенсивности, то люди могут быть убеждены в том, что нужен лишь «специалист», чтобы удовлетворить его. Здесь весьма удобной оказывается теория культа героев Карлейля. Эта теория предлагает рациональное оправдание таких представлений, которые по своему происхождению и тенденциям развития являются совершенно иррациональными. Карлейль подчеркивал, что вера в героя является необходимым элементом человеческой истории. Она не может исчезнуть, пока не исчез сам человек. [...]

Но Карлейль не рассматривал свою теорию как конкретную политическую программу. У него было романтическое понимание героизма, весьма далекое от взгляда наших современных политических «реалистов». Нынешние политики вынуждены использовать более сильные средства. Они должны решать проблему, во многих отношениях напоминающую задачу по нахождению квадратуры круга. Некоторые историки нашей цивилизации утверждают, что человечество прошло две различные стадии в своем историческом развитии. Человек начал как *homo magus*; но от эпохи магии он перешел к эпохе техники. «Человек магический» прежних времен превратился в *homo faber*, в ремесленника и художника. Если мы примем это историческое различие, то наши современные политические мифы окажутся какими-то очень странными и парадоксальными образованиями, ибо мы обнаружим в них переплетение двух моментов, которые, казалось бы, совершенно исключают друг друга. Современный политик совмещает в себе две противоположные и несравнимые функции. Он обязан действовать одновременно и как *homo magus*

и как *homo faber*. Политик — священник новой, совершенно иррациональной и загадочной религии. Но когда он пропагандирует эту религию, то действует исключительно методично. Ничто не остается непродуманным; каждый его шаг подготовлен и взвешен. Именно эта странная комбинация двух разнородных качеств является одной из отличительных черт наших политических мифов.

Миф всегда трактовался как результат бессознательной деятельности и как продукт свободной игры воображения. Но здесь миф создается в соответствии с планом. Новые политические мифы не возникают спонтанно, они не являются диким плодом необузданного воображения. Напротив, они представляют собой искусственные творения, созданные умелыми и ловкими «мастерами». Нашему XX в. — великой эпохе технической цивилизации — суждено было создать и новую технику мифа, поскольку мифы могут создаваться точно так же и в соответствии с теми же правилами, как и любое другое современное ору-

жие, будь то пулеметы или самолеты. Это новый момент, имеющий принципиальное значение. Он изменил всю нашу социальную жизнь. В 1933 г. политический мир начал выражать беспокойство по поводу возрождения вооруженных сил Германии и его возможных международных последствий. На самом деле, это ревооружение началось намного раньше, но осталось практически незамеченным. Это подлинное ревооружение родилось вместе с появлением и расцветом политических мифов. Последующее возрождение милитаризма было просто сопутствующим фактом и необходимым следствием ментального ревооружения, привнесенного политическими мифами.

Первый шаг, который был сделан, заключался в изменении функций языка. Если мы посмотрим на развитие человеческой речи, то обнаружим, что в истории цивилизации слово выполняло две диаметрально противоположные функции. Говоря вкратце, мы можем назвать их семантическим и магическим использованием слов. Даже в так называемых примитивных языках семантическая функция никогда не устраняется; без нее речь просто не может существовать. Но в примитивных сообществах магическая функция слова имеет доминирующее влияние. Магическое слово не описывает вещи или отношения между вещами; оно стремится производить действия и изменять явления природы. Подобные действия не могут совершаться без развитого магического искусства. Только маг или колдун способен управлять магией слова, и только в его руках оно становится могущественнейшим оружием. Ничто не может противостоять его власти. [...]

Удивительно, но все это воспроизводится в сегодняшнем мире. Если мы изучим наши современные политические мифы и методы их использования, то, к нашему удивлению, обнаружим в них не только переоценку всех наших этнических ценностей, но также и трансформацию человеческой речи. Магическая функция слова явно доминирует над семантической функцией. Когда мне случается прочесть книгу, изданную в Германии в последнее десятилетие, причем даже не политического, а теоретического характера, исследующую философские, исторические или экономические проблемы, то я, к своему изумлению, обнаруживаю, что больше не понимаю немецкого языка. Изобретены новые слова и даже старые используются в непривычном смысле, ибо их значения претерпели глубокую трансформацию. Это изменение значения зависит от того, что те слова, которые прежде употреблялись в дескриптивном, логическом или семантическом смысле, используются теперь как магические слова, призванные вызывать вполне определен-

И ПОЛИТИКА

ные действия и возбуждать вполне определенные эмоции. Наши обычные слова наделены значением; но эти, вновь созданные слова, наделены эмоциями и разрушительными страстями. Не так давно была опубликована небольшая, но очень интересная книга «Нацистский немецкий язык. Словарь современного германского словоупотребления». [...] В этой книге перечислены все слова, созданные нацистским режимом. Создается впечатление, что всего несколькими словами немецкого языка удалось избежать полной деструкции. Авторы книги попытались перевести эти термины на английский язык, но эта попытка, как мне представляется, не увенчалась успехом. Авторы сумели дать лишь приблизительное толкование немецких слов и фраз вместо их подлинного перевода. К несчастью или, наоборот, к счастью, оказалось просто невозможным передать смысл подобных слов на английском языке. То, что характеризует их — это не столько содержание и объективное значение, сколько эмоциональная атмосфера, которая окружает и окутывает их. Эту атмосферу надо почувствовать, ибо она непереводаема и не может быть адекватно выражена на языке совсем другого политического контекста. Чтобы проиллюстрировать сказанное, я приведу лишь один показательный пример, выбранный совершенно произвольно. Я узнал из словаря, что в современном немецком языке существует резкое различие двух терминов — Siegfriede и Siegerfriede. Даже для уха немца трудно уловить разницу между ними. Оба слова звучат совершенно одинаково и, вроде бы, означают одну и ту же вещь, Sieg значит победа, Friede означает

мир. Как же комбинация двух подобным слов может давать два совершенно разных смысла? Несмотря на очевидное нам внушают, что в современном немецком словоупотреблении эти термины абсолютно различны. Если Siegfriede есть мир через победу Германии; то Siegerfriede означает прямо противоположное: оно используется для обозначения мира, условия которого будут диктоваться врагами Германии. То же самое справедливо и относительно других терминов. Люди, создавшие эти слова, были подлинными мастерами искусства политической пропаганды. Они достигли своей цели, подогревая варварские политические страсти простейшими средствами. Изменение слова или даже одного слога в слове оказывалось иногда достаточным для того, чтобы добиться желаемого результата. Когда мы слышим эти новые слова, то ощущаем в них всю гамму разрушительных человеческих страстей — ненависть, злобу, бешенство, высокомерие, презрение и самонадеянность.

Но умелое использование магической функции слов — еще далеко не все. Если слово должно произвести максимальный эффект, оно должно подкрепляться введением новых ритуалов. В этом направлении политические лидеры действуют столь же оперативно, методично и успешно. Каждый политический акт имеет свой специфический ритуал. И так как в тоталитарном государстве нет места частной жизни, независимой от жизни политической, то все бытие индивида внезапно оказывается наполненным большим числом новых ритуалов. Последние столь же регулярны, суровы и неотвратимы, как и в примитивных сообществах. Каждый класс, каждый пол и возраст имеют свои ритуалы. Никто не может пройти по улице, поприветствовать соседа или друга, не выполняя политического ритуала. И точно также, как в архаических сообществах, отказ хотя бы от одного из предписанных ритуалов означает неприятность и даже смерть. Даже у детей несоблюдение ритуала трактуется как непростительная оплошность и грех. Подобный проступок становится преступлением против его величества Лидера и всего тоталитарного государства.

Эффект этих новых ритуалов очевиден. Ничто не может так усыплять наши активные действия, способность суждения и критическую принципиальность, ничто не может в такой степени лишить нас чувства «я» и индивидуальной ответственности, как постоянное и однообразное «разыгрывание» одних и тех же ритуалов. [...]

Методы подавления и принуждения всегда использовались в политической жизни. Но в большинстве случаев эти методы ориентировались на «материальные» результаты. Даже наиболее суровые деспотические режимы удовлетворялись лишь навязыванием человеку определенных правил действия. Они не интересовались чувствами и мыслями людей. Конечно, в крупных религиозных столкновениях наибольшие усилия предпринимались для управления не только действиями, но и сознанием людей. Но эти усилия оказывались тщетными — они лишь укрепляли чувство религиозной независимости.

Современные политические мифы действуют совсем по-другому. Они не начинают с того, что санкционируют или запрещают какие-то действия. Они сначала изменяют людей, чтобы потом иметь возможность регулировать и контролировать их деяния.

Политические мифы действуют так же, как змея, парализующая кролика перед тем, как атаковать его. Люди становятся жертвами мифов без серьезного сопротивления. Они побеждены и покорены еще до того, как оказываются способными осознать, что же на самом деле произошло.

И ПОЛИТИКА

Обычные методы политического насилия не способны дать подобный эффект. Даже под самым мощным политическим прессом люди не перестают жить частной жизнью. Всегда остается сфера личной свободы, противостоящей такому давлению. [...] Современные политические мифы разрушают подобные ценности. [...]

Чтобы понять этот процесс, необходимо начать с анализа понятия «свобода». Свобода представляет собой один из самых неясных и противоречивых терминов не только в философии, но и в политическом лексиконе. Как только мы начинаем размышлять о свободе воли, то тут же оказываемся в запутанном лабиринте метафизических вопросов и антиномий. Что же касается политической свободы, то все знают, что это один из самых общеупотребляемых и вводящих в заблуждение лозунгов. Все политические партии стремятся убедить нас, что именно они являются подлинными представителями и «рулевыми» свободы. При этом они всегда определяют этот термин в специфическом значении и используют его в своекорыстных, частных интересах. Этическая свобода по своему существу является более простой вещью.

Она свободна от той двусмысленности, которая неизбежна в метафизике и политике. Люди действуют свободно не потому, что обладают *liberum arbitrium indifferentiae*. Дело заключается вовсе не в отсутствии мотива, но в характере мотивов, отличающих свободное действие. В этическом смысле человек является свободным агентом действия, если его мотивы основаны

на его собственном решении и личном убеждении в необходимости следовать моральному долгу. [...] Свобода не является врожденной человеку. Чтобы обладать свободой, нужно действовать как свободный человек. Если индивид просто следует природным инстинктам, то он не может бороться за свободу и, следовательно, скорее всего выберет рабство. Ведь очевидно, что гораздо легче зависеть от других, нежели самостоятельно мыслить, судить и принимать решения. Это объясняет тот факт, что равно и в индивидуальном и в социальном бытии свобода нередко рассматривается скорее как бремя, а не как привилегия. В наиболее тяжелых обстоятельствах человек пытается избавиться от этого бремени. Здесь-то и выступают на сцену тоталитарное государство и политические мифы. Новые политические партии обещают по крайней мере избавить человека от подобной дилеммы. Они подавляют и разрушают само чувство свободы, но в то же время они избавляют человека от всякой персональной ответственности. Это подводит нас еще к одному аспекту проблемы. В нашем описании современных политических мифов не учитывалась одна существен-

ная черта. Как уже отмечалось раньше, в тоталитарном государстве политические лидеры берут на себя те же функции, которые в примитивных сообществах выполняют маги. Они абсолютные правители, они те врачеватели, которые обещают вылечить все социальные недуги. Но и это еще не все. В диком племени колдун имеет и другую важную задачу. [...] Он раскрывает волю богов и предсказывает будущее. Предсказатель играет незаменимую роль в архаической социальной жизни. Даже на высокоразвитых ступенях политической культуры он по-прежнему пользуется всеми правами и привилегиями. В Риме, например, ни одно важное политическое решение, ни одно рискованное предприятие, ни одна битва не начинались без предсказания авгуров. (...]

Даже в этом смысле наша современная политическая жизнь вернулась к формам, казалось бы, давно и прочно забытым. Естественно, что мы уже не имеем дело с примитивным гаданием и ворожбой: мы больше не наблюдаем за полетом птиц и не изучаем внутренности жертвенных животных. Мы изобрели гораздо более утонченный метод гадания — метод, претендующий на научный и философский статус. Но хотя наши методы изменились, суть осталась прежней. Наши современные политики прекрасно знают, что большими массами людей гораздо легче управлять силой воображения, нежели грубой физической силой. И они мастерски используют это знание. Политик стал чем-то вроде публичного предсказателя будущего. Пророчество стало неотъемлемым элементом в новой технике

социального управления. Даются самые невероятные и несбыточные обещания; «золотой век» предсказывается вновь и вновь. [...]

Философия бессильна разрушить политические мифы. Миф сам по себе неуязвим. Он нечувствителен к рациональным аргументам, его нельзя отрицать с помощью силлогизмов. Но философия может оказать нам другую важную услугу. Она может помочь нам понять противника. Чтобы победить врага, мы должны знать его. В этом заключается один из принципов правильной стратегии. Понять миф — означает понять не только его слабости и уязвимые места, но и осознать его силу. Нам всем было свойственно недооценивать ее. Когда мы впервые услышали о политических мифах, то нашли их столь абсурдными и нелепыми, столь фантастическими и смехотворными, что не могли принять их всерьез. Теперь нам всем стало ясно, что это было величайшим заблуждением. Мы не имеем права повторять такую ошибку дважды. Необходимо тщательно изучать происхождение, структуру, технику и ме-

И ПОЛИТИКА

тоды политических мифов. Мы обязаны видеть лицо противника, чтобы знать, как победить его.

Печатается по: *Кассирер Э.* Техника современных политических мифов //Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1990. № 2. С. 58—65.

Глава 13

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ И УЧАСТИЕ

Г.ЛЕБОН***Психология народов и масс***

Явления бессознательного играют выдающуюся роль не только в органической жизни, но и в отправлениях ума. Сознательная жизнь ума составляет лишь очень малую часть по сравнению с его бессознательной жизнью. Самый тонкий аналитик, самый проницательный наблюдатель в состоянии подметить лишь очень небольшое число бессознательных двигателей, которым он повинуетя. Наши сознательные поступки вытекают из субстрата бессознательного, создаваемого в особенности влияниями наследственности. В этом субстрате заключаются бесчисленные наследственные остатки, составляющие собственно душу расы, Кроме открыто признаваемых нами причин, руководящих нашими действиями, существуют еще тайные причины, в которых мы не признаемся, но за этими тайными есть еще более тайные, потому что они неизвестны нам самим. Большинство наших ежедневных действий вызывается скрытыми двигателями, ускользающими от нашего наблюдения.

Индивид в толпе приобретает, благодаря только численности, сознание непреодолимой силы, и это сознание позволяет ему поддаться таким инстинктам, которым он никогда не дает волю, когда он бывает один.[...]

Мы, с нашей точки зрения, придаем небольшое значение появлению новых качеств. Нам достаточно сказать, что индивид находится в массе в таких условиях, которые позволяют ему отбросить вытеснение своих бессознательных влечений.

Мнимые качества, обнаруживаемые индивидом, суть проявления этого бессознательного, в котором содержится все зло человеческой души; нам нетрудно понять исчезновение

совести или чувства ответственности при этих условиях. Мы уже давно утверждали, что ядром так называемой совести является «социальный страх».

Вторая причина — зараза, также способствует образованию в толпе специальных свойств и определяет их направление. Зараза представляет такое явление, которое легко указать, но не объяснить; ее надо причислить к разряду гипнотических явлений, к которым мы сейчас перейдем. В толпу всякое чувство, всякое действие заразительно, и притом в такой степени, что индивид очень легко приносит в жертву свои личные интересы интересу коллективному. Подобное поведение, однако, противоречит человеческой природе, и потому человек способен на него лишь тогда, когда он составляет частицу толпы.

Третья причина, и при том самая важная, обуславливающая появление у индивидов в толпе таких специальных свойств, которые могут не встречаться у них в изолированном положении, — это восприимчивость к внушению; зараза, о которой мы только что говорили, служит лишь следствием этой восприимчивости.

Наблюдения [...] указывают, что индивид, пробыв несколько времени среди действующей толпы, приходит скоро в такое состояние, которое очень напоминает состояние загипнотизированного субъекта... Сознательная личность у загипнотизированного совершенно исчезает, так же как воля и рассудок и все чувства и мысли направляются волей гипнотизера. Таково же приблизительно положение индивида, составляющего частицу одухотворенной толпы. Он уже не сознает своих

поступков, и у него, как у загипнотизированного, одни способности исчезают, другие же доходят до крайней степени напряжения. Под влиянием внушения такой субъект будет совершать известные действия с неудержимой стремительностью; в толпе же эта неудержимая стремительность проявляется с еще большей силой, так как влияние внушения, одинакового для всех, увеличивается путем взаимности.

Итак, исчезновение сознательной личности, преобладание личности бессознательной, одинаковое направление чувств и идей, определяемое внушением, и стремление превратить немедленно в действие внушенные идеи — вот главные черты, характеризующие индивида в толпе. Он уже перестает быть сам собою и становится автоматом, у которого своей воли не существует.

Таким образом, становясь частицей организованной толпы, человек спускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации. В

И ПОЛИТИКА

изолированном положении он, быть может, был бы культурным человеком; в толпе — это варвар, т.е. существо инстинктивное. У него обнаруживается склонность к произволу, буйству, свирепости, но также и к энтузиазму и героизму, свойственным первобытному человеку. Он останавливается особенно еще на понижении интеллектуальной деятельности, которое претерпевает человек благодаря причастности к массе.

Печатается по: *Лебон Г.* Психология народов и масс // Диалог. 1992. №3. С. 26—27.

Т. АДОРНО***Типы и синдромы. Методологический подход***

(фрагменты из «Авторитарной личности»)

Конструирование психологических типов не просто предполагает произвольную, навязчивую попытку внести некоторый «порядок» в сумбурность человеческой личности. Это конструирование являет собой средство «концептуализации» многообразия в соответствии с его собственной структурой, средство достижения более точного понимания. Доведенное до крайности пренебрежение всеми генерализациями, если не считать самых очевидных результатов, привело бы не к истинному проникновению в сущность человеческих индивидов, а, скорее, к темному и неясному описанию психологических «фактов». Любой шаг, направленный за пределы фактического смысла к психологическому, — Фрейд определил его следующим образом: любой наш субъективный опыт осмыслен — неизбежно влечет за собой обобщения, выходящие за рамки якобы «уникального случая», и мы видим, что эти обобщения, как

правило, предполагают существование определенных, регулярно воспроизводимыхся «nuclei» или синдромов, которые оказываются очень близкими к идее типов. Такие идеи, как, например, оральность, или компульсивный характер, хотя, на первый взгляд, кажутся появившимися благодаря анализу особых случаев, имеют смысл лишь тогда, когда сопровождаются неявным допущением, что структуры, подобным образом поименованные и обнаруженные внутри индивидуальной динамики личности, входят в некие базовые констелляции, которые, как мы полагаем, репрезентативны. И не имеет значения, так ли уж «уникальны» наблюдения, лежащие в их основе. Поскольку существует типологический элемент, внутреннее присущий психологической теории, было

бы передержкой исключать типологию *per se*. Методологическая «чистота» в этом случае была бы равносильна отказу от концептуальных средств или всякого теоретического проникновения в материал и привела бы к иррациональности, столь глубокой, как и та, что воспроизводится в произвольном «классификаторстве этикеточных школ».

В контексте нашего исследования размышления совершенно иной природы ведут в том же направлении. Это прагматические мысли: необходимость, чтобы наука создавала оружие против потенциальной угрозы фашистского мышления. Остается открытым вопрос, до какой степени и может ли вообще фашистской угрозе противостоять психологическое оружие. Психологическое «лечение» предубежденных личностей проблематично как из-за их большого количества, так и потому, что они, конечно, не «больны» в обычном смысле и, как мы видим, по крайней мере на поверхностном уровне часто лучше «приспособлены», чем личности без предрассудков. Поскольку, однако, современный фашизм немислим без массовой основы, внутреннее строение его предполагаемых последователей все еще сохраняет свое решающее значение, и ни одна защита, которая не принимает в расчет субъективную сторону проблемы, не будет действительно «реалистичной». Очевидно, что психологические контрмеры ввиду распространенности фашистского потенциала среди масс являются эффективными, только если они дифференцированы таким образом, что адаптированы для определенных групп. Всеохватывающая защита вышла бы на уровень столь широких обобщений, что, по всей вероятности,

потеряла бы смысл. Можно указать как на один из практических результатов нашего исследования, что такая дифференциация должна по крайней мере заодно соответствовать психологическим направлениям, так как определенные базовые переменные фашистского характера присутствуют вне зависимости от отмеченных социальных различий. Не существует психологической защиты от предубеждений, которая бы не была ориентирована на определенные психологические «типы». Мы создадим фетиш из методологической критики типологии и провалим любую попытку прийти к психологическому пониманию предубежденной личности, если большое количество весьма серьезных и разнообразных различий (таких, например, как между психологическим устройством обычного антисемита и садомазохистского «крутого» парня) исключалось бы просто потому, что ни один из этих типов не представлен в классической чистоте ни в одной личности.

Возможность конструировать весьма различающиеся наборы психологических типов общепризнана. В результате предыдущего обсуж-

И ПОЛИТИКА

дения мы основываем собственную попытку на трех следующих основных критериях:

а) мы не хотим классифицировать человеческие существа ни по типам, которые разделяют их строго статистически, ни по идеальным типам в обычном смысле, которые должны будут дополняться «смещениями». Наши типы справедливы, только если мы смогли найти для каждого типа определенное число черт и характеров и поместили их в контекст, который показывает некоторую общность значения этих черт. Мы относимся к этим типам как к наиболее продуктивным с научной точки зрения, которые обобщают черты, в иных случаях расплывчатые, в многозначные целостности, и выдвигают на первый план внутренние связи элементов, которые принадлежат друг другу в соответствии с их неотъемлемой «логикой» при психологическом понимании лежащей в основе динамики. Это означает не просто аддитивное, или механическое сложение черт в одном и том же типе. Основным критерием для этого постулата должно быть то, что противопоставленные «истинным» типам Даже так называемые отклонения не могут более казаться случайными, но должны пониматься как многозначные в структурном смысле. Генетически последовательность значений каждого типа требует предположения, что большинство черт может быть выведено из определенных базовых форм глубинных психологических конфликтов и их разрешений;

б) наша типология должна быть критической в том смысле, что она понимает типизацию людей саму по себе как социальную функцию. Чем более строг тип, тем более глубоко демонстрирует

он отпечатки социальных штампов. Это согласуется с такими характерными чертами наших «высокобалльных» респондентов, как жестокость и стереотипность мышления. Здесь заложен конечный принцип всей типологии. Ее главная дихотомия заключается в вопросе: стандартизована ли личность сама по себе, или она действительно «индивидуализована» и противостоит стандартизации в сфере человеческого опыта? Индивидуальные типы будут специфическими конфигурациями внутри общего разделения.

Последнее различает *prima facie* «низкобалльных» и «высокобалльных» субъектов. Однако при ближайшем рассмотрении это разделение может быть применено к «низкобалльным»: чем больше они «типизируют» себя, тем сильнее, сами того не замечая, выражают фашистский потенциал; в) типы должны быть сконструированы так, чтобы их можно было использовать прагматически, т.е. преобразовать в сравнительно жест-

кие защитные «паттерны», организованные таким образом, что различия индивидуального характера играют несущественную роль. Это способствует определенной «поверхности» классификации, сравнимой с ситуацией в санатории, где нельзя было бы начать никакого лечения, не разделив пациентов на маниакально-депрессивных, шизофреников, параноиков и т.п., хотя всем понятно, что эти различия исчезнут по мере продвижения вглубь. В данной связи можно принять гипотезу: если кому-либо удастся заглянуть *достаточно глубоко*, в результате дифференциации вновь возникает такая же «грубая» структура, но только более универсальная, а именно: некоторые фундаментальные либидозные констелляции. Позволительна аналогия из истории искусств. Традиционно грубое различие романского и готического стилей было основано на круглых и стрельчатых сводах. Обнаружилась недостаточность такого разделения: обе черты в некоторых случаях неотличимы, и существуют более глубокие контрасты между архитектурными стилями. Это, однако, привело к столь усложненным дефинициям, что при их применении почти невозможно указать, является ли данное здание романским или готическим, хотя структурная целостность почти не оставляла сомнений насчет его принадлежности к той или иной эпохе. Так, в конечном счете, пришлось использовать примитивные и наивные классификации. Нечто подобное пригодится и при рассмотрении нашей проблемы. Поверхностный, на первый взгляд, вопрос «Какие люди встречаются среди тех, кто подвержен предрассудкам?» может оказаться вполне оправданным с точки зрения

типологических требований, нежели попытка определить типы с помощью фиксаций прегенитальных или генитальных фаз развития и тому подобное. Существенного упрощения можно достигнуть путем интеграции *социологических* критериев в психологические конструкты. Такие социологические критерии могут относиться к членству в группе или идентификациям наших субъектов, равно как и к социальным целям, установкам и образцам поведения. Задача соотнесения критериев психологического типа с социологическими критериями выполнима в той степени, в какой нашим исследованием выявлено, что многие «клинические» категории (например, стремление угодить грозному отцу) интимно связаны с социальными установками (например, верой в авторитет ради авторитета). Таким образом, для гипотетических целей вполне можно «перевести» многие основные психологические концепты в близкие им социологические понятия...

Детализированное описание некоторых типов можно предварить общей характеристикой. «Поверхностную зависть» (Surface Resentment) легко распознать через обоснованные, либо необоснованные ощущения социальной тревожности; наш конструкт ничего не говорит о психологических фиксациях или защитных механизмах, обуславливающих типичные мнения.

«Конформист» — это, конечно, прежде всего принятие общих шаблонных ценностей. Super-ego так и не установилось достаточно прочно, и личность находится в целом под влиянием его внешних представлений. Наиболее очевидным механизмом, лежащим в основе этого синдрома, является боязнь «выделиться», быть не таким как все. «Авторитарный» тип управляется super-ego и постоянно должен бороться с сильными и весьма противоречивыми стремлениями. Его влечет страх оказаться слабым. В случае «крутого» парня преобладают подавленные стремления «Id» в заторможенном и деструктивном состоянии. Как «чудак», так и «функционер-манипулятор», видимо, разрешили свой Эдипов комплекс через нарциссический уход в свою внутреннюю сущность. Их отношение к внешнему миру, однако, отличается. Чудаки в целом заменяют внешнюю реальность воображаемым внутренним миром, этому сопутствует в качестве главной характеристики проективность, и основной страх заключается в том, что их внутренний мир будет «осквернен» контактом с опасной и отвратительной реальностью: их одолевают тяжелые табу, в формулировке Фрейда — *delire de toucher*. Манипулятивная личность избегает опасности психоза,

сводя внешнюю реальность к простому объекту действия: таким образом, она не способна к какому-либо позитивному катексису¹. Этот тип склонен к принуждению даже более, чем авторитарный, и его принудительность видится полностью отчужденной от super-ego: он не достигает трансформации внешней принудительной силы super-ego. Наиболее выдающейся защитой является его полное отрицание любых пробуждений к любви. В нашем случае «конформист» и «авторитарный» тип будут, видимо, наиболее частными.

Поверхностная зависть. Феномен, обсуждаемый здесь, находится не на том же логическом уровне, что и различные «типы» с высоким или низким количеством баллов, которые мы охарактеризуем далее. В самом деле, он не заключен внутри и не является сам по себе психоло-

¹ Катексис — психоаналитический термин, означающий привязанность к объекту, «заряжение» объекта либидозной энергией.

гическим «типом», но, скорее, представляет конденсацию более рациональных, как сознательных, так и подсознательных проявлений предрассудков, поскольку они могут быть различимы на более глубоких, бессознательных уровнях.

Мы можем сказать, что существует достаточное количество людей, которые «подходят друг другу», гармонируют в терминах более или менее рациональной мотивации, в то время как остальные из наших «высокобалльных» синдромов характеризуются относительным отсутствием или лживостью рациональных мотиваций, которые, в данном случае, должны определяться как простая «рационализация». Это не означает, однако, что лица с высокими баллами, чьи предрассудочные высказывания проявляют определенную рациональность, сами по себе изъяты из психологического механизма фашистского характера. Поэтому в предлагаемом ниже примере баллы высоки не только по Ф-шкале¹, но и по всем шкалам: имеется всеобщность предрассудочных взглядов, что мы рассматриваем как несомненный признак того, что лежащие в основе личности тенденции являются конечными детерминантами. И все-таки мы чувствуем, что феномен «поверхностной зависти» хотя и питается более глубокими инстинктивными источниками, не должен быть полностью отвергнут в нашем обсуждении, поскольку представляет социологический аспект проблемы, важность которой может быть недооценена для выявления фашистского потенциала, если мы сосредоточимся целиком лишь на ее психологическом описании и этиологии.

Мы рассмотрим здесь людей, которые воспринимают стереотипные предрассудки извне как готовые формулы, для того чтобы рационализировать и — психологически или фактически — преодолеть явные трудности в своем собственном существовании. В то время как сами респонденты, без сомнения, принадлежит к «высокобалльным», стереотипы их предрассудков, видимо, не слишком либидизированы и в целом поддерживаются на определенном рациональном или псевдорациональном уровне. Не существует полного разрыва между опытом людей и их предрассудками: часто они достаточно явственно соотнесены друг с другом. Эти субъекты способны представить относительно разумные доводы для своих предрассудков и способны к рациональной аргументации. К ним принадлежит недовольный, ворчащий отец семей-

¹ Ф-шкала («шкала фашизма») — техника измерения установки, разработанная на основе методики Р. Ликерта и использованная в исследовании «Авторитарная личность».

ства, который счастлив, если кого-то можно обвинить в собственных экономических неудачах, и еще счастливее, если он может извлечь экономические выгоды из дискриминации меньшинства, реальных или потенциальных «покоренных соперников». Таковы мелкие лавочники, которым угрожают разорением фирменные магазины, последними, по их мнению, владеют евреи. Мы также можем вспомнить негров-антисемитов в Гарлеме, обреченных на чрезмерную квартплату еврейскими сборщиками. Такие люди есть во всех секторах экономики, где чувствуется давление процесса концентрации, но не видно его механизма, в то время как им приходится ухитряться поддерживать свое экономическое функционирование.

Респондент 5043 — домохозяйка, с крайне высоким количеством баллов по шкалам, которую «часто слушали обсуждающей соседей-евреев», но «очень дружелюбная пожилая женщина», которая «любит безобидные сплетни», выражает большое уважение к науке и проявляется серьезный, хотя и в некотором роде подавленный интерес к живописи. Она «боится экономической конкуренции со стороны модных портных»; «интервью показало такое же избирательное отношение к неграм». Она «испытала весьма суровое ухудшение в смысле статуса и экономической обеспеченности со времен юности. Ее отец был весьма богатым владельцем ранчо...».

Причина, по которой она была выбрана как представитель синдрома «поверхностной зависти», — ее отношение к расовым вопросам. Она «выражает весьма сильные предрассудки по

отношению ко всем меньшинствам» и «относится к евреям как к проблеме», причем ее стереотипы следует «во многом традиционным представлениям», которые она механически переняла извне. Но «она не считает, что все евреи неизбежно имеют все эти характеристики. Также она не считает, что они могут быть определены по виду или по каким-либо особым чертам, кроме того, что они шумны и агрессивны».

Последняя цитата показывает, что она не считает черты, приписываемые ею евреям, врожденными и естественными.

Здесь нет ни жесткой проекции, ни деструктивного стремления карать. «Что касается евреев, она чувствует, что их ассимиляция и образование, вполне возможно, решат проблему».

Ее агрессивность направлена явно против тех, кто может, как она опасается, «забрать у нее что-либо», как в экономическом, так и в статусном смысле...

Можно добавить, что если и есть доля правды в популярном мнении, что антисемитизм — «теория козла отпущения», то это применимо к людям ее сорта. Их «слепые пятна», по крайней мере, частично принадлежат к узким «мелкобуржуазным» ограничениям опыта и объяснениям, за которые они вынуждены цепляться. Они видят в евреях выразителей тех тенденций, которые в действительности присущи всеобщему экономическому процессу, и обвиняют в этом их одних. Этот постулат необходим им для уравнивания собственного ego в поисках некоей «вины», ответственности за ненадежное социальное положение: в противном случае нарушился бы справедливый порядок мира. По всей вероятности, они в первую очередь ищут эту вину в себе и подсознательно относят себя к «неудачниками». Евреи дают способ внешнего освобождения этого чувства вины. Антисемитизм связан у них с удовлетворительным ощущением, что они «хорошие» и невинные, и возлагает бремя ответственности на некоторый видимый и высоко персонализированный объект. Этот механизм институализируется. Личности, наподобие нашей 5043, возможно, никогда не имели неприятностей с евреями, а просто восприняли провозглашаемое вовне суждение, поскольку им это выгодно.

Синдром конформиста. Представляет стереотипы, приходящие извне, но интегрированные внутри личности в общую согласованную структуру. У женщин особо проявляются изящество и женственность, у мужчин — стремление быть

«настоящим» мужчиной. Восприятие превалирующих стандартов более важно, чем недовольство ими. Преобладает мышление во внутри- и внешнегрупповых терминах. Предвззудки, очевидно, не выполняют решающей функции во внутрпсихологическом устройстве индивидов, а являются лишь средствами внешней идентификации с группой, к которой они принадлежат или хотели бы принадлежать. Предвззудки у них проявляются в особом смысле: они перенимают ходячие суждения от других, не затрудняясь самостоятельно вникнуть в суть дела. Их предвззудки «разумеются сами собой», возможно «подсознательны» и даже неизвестны самим субъектам. Они артикулируются лишь при определенных условиях. Существует антагонизм между предвззудками и опытом; их предвззудок «нерационален», равно как и слабо связан с их собственными тревогами, но в то же время, по крайней мере внешне, он не выражен подробно, по причине характерного отсутствия сильных импульсов, благодаря полному восприятию ценностей цивилизации и «благопристойности».

ЛИЧНОСТЬ И ПОЛИТИКА

Хотя этот синдром и включает «вскормленных антисемитов», он присущ, несомненно, высшим социальным слоям...

Авторитарный синдром. Он ближе всего подходит к общей картине лиц с высокими баллами, поскольку проявляется во всем нашем исследовании. Синдром следует «классической» психоаналитической картине, включающей садомазохистское разрешение Эдипова комплекса, и был показан Эрихом Фроммом под названием «садомазохистский» характер. Согласно теории Макса Хоркхаймера, в коллективной работе, где он писал социопсихологическую часть, внешнее социальное подавление сопутствует внутреннему подавлению импульсов. Чтобы достичь «интернализации» социального управления, которое никогда не дает личности столько, сколько требует отношение последней к авторитету и его психологической силе, *super-ego*, приобретает иррациональный аспект. Субъект достигает собственной социальной приспособленности, только получая удовольствие от подчинения субординации. Это включает в игру импульсы садомазохистской структуры, равно как условие и результат социальной приспособленности. В обществе нашего типа садистские, также как и мазохистские тенденции находят подкрепление в действительности. Картиной трансляции таких подкреплений в черты характера является особое разрешение Эдипова комплекса, определяющее формирование синдрома, о котором здесь идет речь. Любовь к матери в ее первичной форме подлежит строгому табу. Итоговая ненависть к отцу трансформируется формированием реакций в любовь. Эта

трансформация ведет к особому виду *superego*. Трансформация ненависти в любовь — наиболее трудная задача, которую личность должна проделать на раннем этапе развития, никогда не завершается полностью успешно. В психодинамике «авторитарного характера» часть предыдущей агрессивности впитывается и превращается в мазохизм, в то время как другая часть соотнесена с садизмом, который ищет выхода в том, с чем субъект себя не идентифицирует, т.е. во внешних группах. Еврей часто становится заменителем ненавидимого отца, приобретая на уровне фантазии те же самые черты, которые были отвратительны для субъекта в отце, такие, как практичность, холодность, доминирование, даже сексуальное соперничество. Эта двоякость всепроникающа, причем явственно сопровождается слепой верой в авторитет и готовностью атаковать тех, кто проявляет слабость и социально подходит в качестве «жертвы». Стереотипы в этом синдроме служат не только средствам социальной идентификации, но и выполняют истинно «экономическую» функцию в собственной психологии субъекта: они

помогают направить энергию либидо в соответствии с требованиями слишком строгого *super-ego*. Таким образом, сами стереотипы могут быть крайне либидизированными и играть большую роль во внутреннем устройстве субъекта. Он воссоздает глубоко «принудительные» черты характера, частично с помощью регресса к анально-садистской фазе развития. Социологически, такой синдром особенно характерен для средних классов Европы. В этой стране (США. — *А.Д.*) мы можем ожидать его среди людей, чей действительный статус отличается от того, которого они домогаются...

Бунтовщик и психопат. Разрешение Эдипова комплекса, характерное для «авторитарного» синдрома, — не единственная составляющая типичной структуры для «высокобалльных» лиц. Вместо идентификации с родительским авторитетом может появляться «бунт». Это, конечно, в определенных случаях ликвидирует садомазохистские тенденции. Однако бунт может проявиться таким образом, что авторитарная структура личности в целом не будет затронута. Так, ненавистный родительский авторитет может исчезнуть лишь для того, чтобы уступить место другому авторитету — процесс облегчается «воплощенной» структурой *super-ego*, совпадающей с всеобщей практикой лица с высокими баллами. Иначе мазохистский переход к авторитету может быть скрыт на подсознательном уровне, в то время как на демонстрационном имеет место сопротивление. Это может привести к иррациональной и слепой ненависти к любому авторитету, с мощным деструктивным дополнением,

сопровождаемой тайной готовностью «сдаться» и подать руку «ненавистой» силе. На самом деле крайне сложно отличить такое отношение от действительно неавторитарного, и почти невозможно достичь такого отличия на чисто психологическом уровне: здесь, как и повсюду, принимается в расчет социополитическое поведение, определяющее, правда ли независима личность или просто замещает свою независимость негативным переносом.

В последнем случае, когда он сочетается со стремлением к псевдореволюционным действиям против тех, кого индивид в конечном счете считает слабыми, получается «бунтовщик». Этот синдром играл большую роль в нацистской Германии: покойный капитан Рем, называвший себя государственным изменником в своей автобиографии, послужил отличным примером. Здесь мы, видимо, находим и «кондотьера», который был включен в типологию, разработанную Институтом социальных исследований в 1939 г., и который описывается следующим образом:

И ПОЛИТИКА

«Этот тип возник вместе с возрастающей неуверенностью послевоенного существования. Он убежден, что важна не жизнь, а удача. Он нигилистичен, но не из «побуждения к разрушению», а поскольку безразличен к индивидуальному существованию. Одним из источников возникновения этого типа является современный безработный. Он отличается от прежних безработных тем, что его контакты со сферой производства спорадические, если они вообще существуют. Нельзя более ожидать, что индивиды, принадлежащие к этой категории, будут исчезать с вовлечением в процесс труда. Они готовы ненавидеть евреев отчасти за их осторожность и физическую хрупкость, отчасти за то, что, будучи сами безработными, не имеют экономических корней, необычайно подвержены любой пропаганде и готовы последовать за любым лидером. Другим источником, на противоположном полюсе общества, является группа, принадлежащая к опасным профессиям — бродягам-колонистам, гонщикам, воздушным асам. Они рождены лидерами предыдущей группы. Их идеал, действительно героический, тем более чувствителен к «разрушительному» критическому интеллекту евреев, потому что они в глубине души сами не верят в свой идеал, а выработали его как рационализацию своего опасного образа жизни».

Симптоматично, что этот синдром характеризуется сверх того склонностью к «допустимым эксцессам» всех видов — от глубокого запоя и скрытой гомосексуальности под маской восхищения «молодежью» до склонности к актам насилия в

смысле «путча». У субъектов этого типа нет такой жестокости, как у проявляющих ортодоксальный «авторитарный» синдром. Крайним представителем этого синдрома является «крутой» парень, или «психопат» в терминах психиатрии. Здесь super-ego кажется полностью искаленным, не найдя выход из Эдипова комплекса, поскольку этим выходом оказывается регресс к всеобъемлющей фантазии самого раннего детства. Эти индивиды наиболее «инфантильны» из всех: им так и не удалось «развиться», испытать формирующее влияние цивилизации. Они «асоциальны». Деструктивные стремления проявляются в скрытом нерациональном виде. Телесная сила и крепость — также в смысле способности «взять препятствие» играют решающую роль. Граница между ними и преступниками зыбка. Их удовольствие от преследования грубо садистское, направленное против любой беспомощной жертвы, оно неспецифично и едва ли окрашено «предрасудками». Сюда входят различного вида хулиганы, дебоширы, палачи и все, кто выполняет «грязную» работу фашистского движения...

Чудак. Поскольку интроекция родительской дисциплины в «авторитарном» синдроме означает постоянное подавление «Id», этот синдром может быть охарактеризован как фрустрация или расстройство в этом самом широком смысле этого слова. Однако, видимо, есть картина, в которой фрустрация играет более специфичную роль. Эта картина обнаруживается у тех людей, которые не смогли приспособиться к миру, воспринять «принцип реальности», которые не сумели найти равновесие между отречением и удовлетворенностью, и чья внутренняя жизнь полностью определяется отрицаниями, накладываемыми на них извне, не только в течение детства, но также и в течение взрослой жизни. Эти люди ввергаются в изоляцию. Они должны построить ложный внутренний мир, часто близкий к иллюзии, настойчиво противопоставляя его внешней реальности. Они могут существовать только благодаря самовозвеличиванию, в сочетании с мощным отрицанием внешнего мира. Их «душа» становится их самым дорогим достоянием. В то же время они высокопроективны и подозрительны. Нельзя пропустить склонность к психозам: они «параноидальны». Для них предрассудки являются наиважнейшими: это средство избежать острого умственного заболевания через коллективизацию и через построение псевдореальности, против которой их агрессивность может быть направлена без какого-либо скрытого вторжения в «принцип реальности». Стереотипность является решающей: она работает как форма социального подтверждения их проективных формул и, следовательно, институализируется часто до степени,

близкой к религиозным представлениям. Эта картина обнаруживается у женщин и пожилых мужчин, чья изоляция социально усиливается их действительным исключением из экономического производства...

Функционер-манипулятор. Этот синдром, потенциально наиболее опасный, определяется стереотипами в крайней степени: жесткие представления — скорее, цель, чем средства, и весь мир разделяется на пустые, схематичные, административные поля. Практически полностью отсутствуют объективный катексис и эмоциональные связи. Если в синдроме «чудака» проявлялось, что-то параноидальное, то в «манипуляторе» есть что-то шизофреническое. Однако разрыв между внешним и внутренним миром в этом случае не выливается во что-то типа обычной интроверсии, а, скорее, наоборот: в некий тип принудительного сверхреализма, который берется для собственных теоретических и практических целей. Технические аспекты жизни, вещи как «инструменты» переполнены либидо. Особо проявляется любовь к «исполне-

нию» при глубоком безразличии к содержанию выполняемой работы. Эта картина обнаруживается у многих бизнесменов, а также, во все возрастающем количестве, среди появившихся менеджеров и инженеров, которые осуществляют в процессе производства промежуточную функцию между старым типом владельца и рабочей аристократией. Многие фашистские политические антисемиты в Германии проявляют этот синдром. Гиммлер может служить их примером. Трезвый ум, наряду с почти полным отсутствием каких-либо привязанностей, делает их самыми безжалостными из всех. Организационный подход к вещам предполагает принятие тоталитарных решений. Их цель, скорее, конструирование газовых камер, чем погромы. Они даже не испытывают ненависти к евреям, они попросту «справляются» с ними при помощи административных мер, без всякого личного контакта с жертвами. Антисемитизм материализуется под девизом: «он должен функционировать». Их цинизм почти совершенен. «Еврейский вопрос должен быть решен строго легально», — так они говоря о хладнокровно спланированном погроме...

Глава 14

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГИИ

К. МАННГЕЙМ

Идеология и утопия

[...] Слово «идеология» не имело вначале онтологического оттенка, ибо первоначально означало лишь учение об идеях.

Идеологами называли, как известно, сторонников одной философской школы во Франции, которые вслед за Кондильяком отвергли метафизику и пытались обосновать науку о духе с астрологических и психологических позиций.

Понятие идеологии в современном его значении зародилось в этот момент, когда Наполеон пренебрежительно назвал этих философов (выступавших против его цезаристских притязаний) «идеологами». [...]

Слово «идеология» утвердилось в этом понимании в течение XIX в. А это означает, что мироощущение политического деятеля и его представление о действительности все более вытесняют схоластически-со -

зерцательное восприятие и мышление; и с этого момента звучащий в слове «идеология» вопрос — что же действительно есть действительное? — более не исчезает.

[...] Если первоначально исследователи ложного сознания обращались в своих поисках истинного и действительного к Богу или к идеям, постигаемым посредством чистого созерцания, то теперь одним из критериев действительного все более становятся законы бытия, постигнутые впервые в политической практике.

Эту специфическую черту понятие идеологии сохранило, несмотря на все изменения содержания, которое оно претерпело на протяжении всей своей истории от Наполеона до марксизма.

[...]

Еще одно обстоятельство, которое и нам поможет продвинуться в изучении данной проблемы, может быть показано на этом примере. В своей борьбе «сверху вниз» Наполеон, именуя своих противников «идеологами», пытался дезавуировать и уничтожить их. На более поздних стадиях развития мы обнаруживаем обратное: слово «идеология» используется в качестве орудия дезавуирования оппозиционными слоями общества, прежде всего пролетариатом. [...]

Одно время казалось, что выявление идеологического аспекта в мышлении противника является исключительно привилегией борющегося пролетариата. Общество быстро забыло о намеченных нами выше исторических корнях этого слова, и не без основания, ибо только в марксистском учении этот тип мышления получил последовательно методическую разработку.

[...] Поэтому нет ничего удивительного в том, что понятие идеологии связывали прежде всего с марксистско-пролетарской системой мышления, более того, даже отождествляли с ней. Однако в ходе развития истории идей и социальной истории эта стадия была преодолена. Оценка «буржуазного мышления» с точки зрения его идеологичности не является более исключительной привилегией социалистических мыслителей; теперь этим методом пользуются повсеместно, и тем самым мы оказываемся на новой стадии развития. [...]

[...] Мы ставим перед собой цель показать на конкретном примере, как структура политического и исторического мышления меняется в зависимости от того или иного политического течения. Чтобы не искать слишком далеких примеров, остановимся на упомянутой нами проблеме отношения между теорией и практикой. Мы покажем, что уже эта самая общая фундаментальная проблема политической науки решается

ЛИЧНОСТЬ И ПОЛИТИКА

представителями различных политических и исторических направлений по-разному.

Для того чтобы это стало очевидным, достаточно вспомнить о различных социальных и политических течениях XIX и XX в. В качестве важнейших идеально-типических представителей этих течений мы назовем следующие: 1. Бюрократический консерватизм. 2. Консервативный историзм. 3. Либерально-демократическое буржуазное мышление. 4. Социалистическо-коммунистическая концепция. 5. Фашизм.

Начнем с *бюрократическо-консервативного* мышления. Основной тенденцией любого бюрократического мышления является стремление преобразовать проблемы политики в проблемы теории управления. Поэтому большинство немецких работ по истории государства, в заглавии которых стоит слово «политика», *de facto* относится к теории управления. Если принять во внимание ту роль, которую здесь повсюду (особенно в Прусском государстве) играла бюрократия, и в какой мере здесь интеллигенция была по существу бюрократической, это своеобразная односторонность немецкой науки по истории государства станет вполне понятной.

Стремление заслонить область политики феноменом управления объясняется тем, что сфера деятельности государственных чиновников определяется на основании принятых законов. Возникновение же законов не относится ни к компетенции чиновников, ни к сфере их деятельности. Вследствие этой социальной обусловленности своих взглядов чиновник не видит, что за каждым принятым законом стоят социальные силы,

связанные с определенным мировоззрением, волеизъявлением и определенными интересами. Чиновник отождествляет позитивный порядок, предписанный конкретным законом, с порядком как таковым и не понимает того, что любой рационализированный порядок есть не что иное, как особый вид порядка, компромисс между метарациональными борющимися в данном социальном пространстве силами.

Административно-юридическое мышление исходит из некоей специфической рациональности, и, если оно неожиданно наталкивается на какие-либо не направляемые государственными институтами силы, например, на взрыв массовой энергии в период революции, оно способно воспринять их только как случайную помеху. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в ходе всех революций бюрократия всячески стремилась избежать столкновения с политическими проблемами в политической сфере и искала выхода в соответствующих постановлениях. Революция рассматривается бюрократией как непредвиденное нару-

шение установленного порядка, а не как самовыражение тех общественных сил, которые стоят за любым установленным порядком и создают, сохраняют или преобразуют его.

Административно-юридическое мышление конструирует лишь замкнутые статические системы и постоянно видит перед собой парадоксальную задачу — включить в свою систему новые законы, возникающие из взаимодействия находящихся вне рамок системы сил, т.е. сделать вид, будто продолжает развиваться одна основополагающая система. [...]

Таким образом, бюрократии всегда свойственно стремление гипостазировать собственную сферу деятельности в соответствии со своими социально обусловленными воззрениями и не замечать того, что область администрации и упорядочения определенных функций является лишь частью всей политической действительности. Бюрократическое мышление, не отрицая того, что политика может быть наукой, отождествляет ее с наукой управления. При этом вне сферы внимания остается иррациональная среда, а когда она заставляет вспомнить о себе, ее пытаются ввести в колею «повседневной государственной жизни». [...]

Наряду с бюрократическим консерватизмом, в значительной мере господствовавшим в административном аппарате Германии, особенно Пруссии, существовал и развивался параллельно ему другой вид консерватизма, который может быть назван *историческим*. Его социальной основой было дворянство и все те слои буржуазной интеллигенции, которые по своему духовному и реальному значению занимали в стране господствующее

положение, но при этом постоянно сохраняли известную напряженность в своих взаимоотношениях с консерваторами бюрократического толка. В формировании этого типа мышления сыграли большую роль немецкие университеты, прежде всего круги университетских историков, где этот образ мыслей еще поныне сохраняет свое значение.

Характерным для исторического консерватизма является то, что он понимает значение иррациональной среды в жизни государства и не стремится устранить ее административными мерами. Исторический консерватизм отчетливо видит ту не организованную, не подчиняющуюся точным расчетам сферу, где вступает в действие политика. Можно даже сказать, что он направляет все свое внимание на подчиненные волевым импульсам, иррациональные сферы жизни, внутри которых, собственно говоря, и происходит эволюция государства и общества. [...] Если для бюрократа сфера политики была полностью заслонена управлением, то аристократ с самого начала живет именно в сфере по-

литики. Его внимание постоянно направлено на ту область, где сталкиваются внутренние и внешние сферы государственной власти, где ничего не измышляется и не дедуцируется, где, следовательно, решает не индивидуальный разум, а каждое решение, каждый вывод является компромиссом в игре реальных сил. [...]

Следовательно, политический деятель должен не только *знать*, что в данной ситуации правильно, и ориентироваться в определенных законах и нормах, но и обладать врожденным, обостренным длительным опытом инстинктом, который поможет ему найти правильное решение.

[....] Буржуазия вступила на историческую арену как представительница крайнего интеллектуализма. Под интеллектуализмом мы здесь понимаем такой тип мышления, который либо вообще игнорирует элементы воли, интереса, эмоциональности и мировоззрения, либо подходит к ним так, будто они тождественны интеллекту и могут быть просто подчинены законам разума.

Представители этого буржуазного интеллектуализма настойчиво стремились к созданию научной политики. Буржуазия не только высказала подобное желание, но и приступила к обоснованию этой науки. Точно так же как буржуазия создала первые подлинные институты политической борьбы в виде парламента, избирательной системы, а позднее Лиги Наций, она систематически разработала и новую дисциплину — политику.

[...] Предполагалось, что политическое поведение может быть научно определено без каких-либо особых затруднений.

Связанная же с ним наука распадается, согласно этой точке зрения, на три части: 1) учение о цели, т.е. учение об идеальном государстве; 2) учение о позитивном государстве; 3) политика, т.е. описание способов, посредством которых существующее государство будет превращено в совершенное государство. Существует, следовательно, наука о целях и наука о средствах достижения этой цели. Здесь прежде всего бросается в глаза полное отделение теории от практики, интеллектуальной сферы от сферы эмоциональной. Для современного интеллектуализма характерно неприятие эмоционально окрашенного, оценивающего мышления. Если же оно все-таки обнаруживается (а политическое мышление всегда в значительной степени коренится в сфере иррационального), то делается попытка конструировать этот феномен таким образом, чтобы создавалось впечатление о возможности устранить, изолировать этот «оценивающий» элемент и тем самым сохранить хотя бы остаток чистой теории.

При этом совершенно не принимается во внимание тот факт, что связь эмоционального с рациональным может при известных обстоятельствах быть чрезвычайно прочной (проникать даже в категориальную структуру) и что в ряде областей требование подобного разделения *de facto* неосуществимо. Однако эти трудности не смущают представителей буржуазного интеллектуализма. Они с непоколебимым оптимизмом стремятся к тому, чтобы обрести совершенно свободную от иррациональных элементов сферу.

Что же касается целей, то, согласно этому учению, есть некая *правильная* постановка цели, которая, если она еще не обнаружена, может быть достигнута посредством дискуссии. Так, первоначально концепция парламентаризма (как ясно показал К. Шмитт) была концепцией дискутирующего общества, где поиски истины шли теоретическим путем. В настоящее время достаточно хорошо известна природа этого самообмана, объяснение которого должно носить социологический характер, известно и то, что парламенты отнюдь не являются сообществами для проведения теоретических дискуссий. Ибо за каждой «теорией» стоят коллективные силы, воля, власть и интересы которых социально обусловлены, вследствие чего парламентская дискуссия отнюдь не носит теоретический характер, а является *вполне реальной дискуссией*. Выявление специфических черт этого феномена и стало в дальнейшем задачей выступившего позже врага буржуазии — социализма.

Занимаясь здесь *социалистической* теорией, мы не будем проводить различие между социалистическим и коммунистическим

учением. В данном случае нас интересует не столько все многообразие исторических феноменов, сколько выявление полярных тенденций, существенных для понимания современного мышления.

В борьбе со своим противником, с буржуазией, марксизм вновь открывает, что в истории и политике *нет чистой теории*. Для марксистского учения очевидно, что за каждой теорией стоят аспекты видения, присущего определенным коллективам. Этот феномен — мышление, обусловленное социальными, жизненными интересами, — Маркс называет *идеологией*.

Здесь, как это часто случается в ходе политической борьбы, сделано весьма важное открытие, которое, будучи постигнуто, должно быть доведено до своего логического конца, тем более что в нем заключена самая суть всей проблематики политического мышления вообще. [...]

Для нашей цели мы считаем необходимым ввести хотя бы две поправки.

И ПОЛИТИКА

Прежде всего легко убедиться в том, что мыслитель социалистическо-коммунистического направления усматривает элементы идеологии лишь в политическом мышлении противника; его же собственное мышление представляется ему совершенно свободным от каких бы то ни было проявлений идеологии. С социалистической точки зрения нет оснований не распространять на марксизм сделанное им самим открытие и от случая к случаю выявлять идеологический характер его мышления.

Далее должно быть совершенно ясным, что понятие «идеология» используется не в смысле негативной оценки и не предполагает наличие сознательной политической лжи; его назначение — указать на аспект, неминуемо возникающий в определенной исторической и социальной ситуации, и на связанные с ним мировоззрение и способ мышления. Подобное понимание идеологии, которое в первую очередь существенно для истории мышления, следует строго отделять от всякого другого. Тем самым не исключается, конечно, что в определенных условиях может быть выявлена и сознательная политическая ложь.

При таком понимании понятие идеологии сохраняет все свои абсолютно положительные черты, которые должны быть использованы в научном исследовании. В этом понятии зарождается постижение того что любое политическое и историческое мышление необходимым образом обусловлено социально; и этот тезис надо освободить от политической односторонности и последовательно разработать. То, как воспринимается история, как из существующих фактов

конструируется общая ситуация, зависит от того, какое место исследователь занимает в социальном потоке. В каждой исторической или политической работе можно установить, с какой позиции рассматривается изучаемый объект. При этом социальная обусловленность мышления совсем не обязательно должна быть источником заблуждения; напротив, в ряде случаев именно она и придает пронизательность пониманию политических событий. Наиболее важным в понятии идеологии является, по нашему мнению, открытие социальной обусловленности политического мышления. В этом и заключается главный смысл столь часто цитируемого изречения: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»¹. С этим связан и второй существенный момент марксистского мышления, а именно новое *определение отношения между теорией и практикой*. В отличие от буржуазных мыслителей, уделявших особое

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 7.

внимание определению цели и всегда отправлявшихся от некоего нормативного представления о правильном общественном устройстве. Маркс — и это является одним из важнейших моментов его деятельности — всегда боролся с проявлениями подобного утопизма в социализме. Тем самым он с самого начала отказывается от точного определения цели; нормы, которую можно отделить от процесса и представить в виде цели, не существует. «Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна соотноситься *действительность*. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние. Условия этого движения порождены имеющейся теперь налицо предпосылкой»¹.

Если сегодня спросить воспитанного в ленинском духе коммуниста, как будет в действительности выглядеть общество будущего, то он ответит, что вопрос поставлен не диалектически, ибо будущее складывается в реальном диалектическом становлении.

В чем же состоит *эта реальная диалектика*?

Согласно этой диалектике, нельзя представить себе *a priori*, каким должно быть и каким будет то или иное явление. Мы в силах повлиять лишь на то, в каком направлении пойдет процесс становления. Нашей конкретной проблемой является всегда только *следующий шаг*. В задачу политического мышления не входит конструирование абсолютно правильной картины, в рамки которой затем без всякого исторического основания

насильственно вводится действительность. Теория, в том числе и теория коммунистическая, есть функция становления. Диалектическое отношение теории к практике заключается в том, что сначала теория, вырастающая из социального волевого импульса, *уясняет ситуацию*. По мере того как в эту уясненную ситуацию вторгаются действия, действительность меняется; тем самым мы оказываемся уже перед новым положением вещей, из которого возникает новая теория. Следовательно, движение состоит из следующих стадий: 1) теория — функция реальности; 2) эта теория ведет к определенным действиям; 3) действия видоизменяют реальность или, если это оказывается невозможным, заставляют пересмотреть сложившуюся теорию. Измененная деятельностью реальная ситуация способствует возникновению новой теории.

Такое понимание отношения теории к практике носит отпечаток поздней стадии в развитии этой проблематики. Очевидно, что этой ста-

¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 34.*

И ПОЛИТИКА

дии предшествовал период крайнего интеллектуализма и полнейшего иррационализма со свойственной им односторонностью и что данному пониманию приходится обходить все подводные камни, выявленные рефлексией и опытом буржуазной и консервативной мысли. Преимущество этого решения заключается именно в том, что ему надлежит воспринять и переработать все предшествующие решения, и в осознании того, что в области политики обычная рациональность не может привести ни к каким результатам. С другой стороны, этот жизненный импульс настолько движим волей к познанию, что не может, подобно консерватизму, впасть в полный иррационализм. В результате всех этих факторов создается чрезвычайно гибкая концепция теории. [...]

Таким образом, *социалистическо-коммунистическая теория является синтезом интуитивизма и стремления к крайней рационализации.*

Интуитивизм находит свое выражение в том, что здесь полностью, даже в тенденции отвергается проведение точного предварительного расчета; рационализм — в том, что в каждую данную минуту подвергается рационализации то, что увидено по-новому. Ни одного мгновения нельзя действовать без теории, однако возникшая в данной ситуации теория не находится уже на том уровне, на котором находилась теория, предшествовавшая ей.

Высшее знание дает прежде всего революция: «История вообще, история революций в частности всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем

воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов. Это и понятно, ибо самые лучшие авангарды выражают сознание, волю, страсть, фантазию десятков тысяч, а революцию осуществляют в моменты особого подъема и напряжения всех человеческих способностей сознание, воля, страсть, фантазия десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов»¹.

Интересно, что в этом аспекте революция не выступает как взрыв присущей людям страстности, как чистая иррациональность, ибо вся ценность этой страстности состоит в возможности аккумулировать рациональность, накопленную в результате миллионов экспериментирующих мыслительных актов.

¹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 80— 81.

Это и есть синтез, совершаемый человеком, который сам находится в иррациональной среде, знает об этой иррациональности и тем не менее не отказывается от надежды на возможную рационализацию.

Марксистское мышление родственно консервативному тем, что оно не отрицает иррациональную сферу, не пытается скрыть ее, как это делает бюрократическое мышление, и не рассматривает ее, подобно либерально-демократическому мышлению, чисто интеллектуально, будто она является рациональной.

Марксистское мышление отличается от консервативного тем, что в этой относительной иррациональности оно видит моменты, которые могут быть постигнуты посредством рационализации нового типа. [...]

Поэтому марксистское мышление направлено в первую очередь на выявление и рационализацию всех тех тенденций, которые в каждый данный момент влияют на характер названной среды.

Марксистская теория выявила эти структурные тенденции в *трех* направлениях.

Она прежде всего указывает на то, что сама политическая сфера создается и всегда может быть охарактеризована данным состоянием стоящих за ней *производственных отношений*.

Производственные отношения рассматриваются не в статике, как некий постоянно и неизменно повторяющийся круговорот экономики, а в динамике, как некая структурная связь, которая сама с течением времени постоянно видоизменяется.

Во-вторых, утверждается, что с изменениями этого экономического фактора теснейшим образом связано

преобразование классовых отношений, что одновременно ведет к преобразованию характера власти и к постоянным сдвигам в распределении комплектации власти.

В-третьих, признается, что системы идей, господствующих над людьми, могут быть поняты и познаны в своем внутреннем построении, что характер их изменения позволяет нам теоретически определить структуру этого изменения.

И, что значительно более важно, эти три вида структурных связей не рассматриваются независимо друг от друга. Именно их взаимосвязь становится единым кругом проблем. Идеологическая структура не изменяется независимо от структуры классовой, классовая структура — независимо от экономической. И именно в этой взаимосвязи и в этом переплетении тройственной проблематики — экономической, социальной и идеологической — состоит особая интенсивность марксистской мысли. Только эта сила синтеза позволяет марксизму все время заново ставить как для прошлого, так и для находящегося еще в

И ПОЛИТИКА

стадии становления будущего проблему структурной целостности. Парадоксальным является здесь то, что марксизм признает наличие относительной иррациональности и уделяет ей серьезное внимание. Однако он не ограничивается, подобно исторической школе, признанием этого факта, а всячески стремится по мере возможности устранить его посредством рационализации нового типа. [...]

Таким образом, марксистское мышление предстает перед нами как рациональное мышление иррационального действия. О правильности этого анализа свидетельствует тот факт, что марксистские пролетарские слои, достигнув успеха, сразу же устраняют из теории диалектический элемент и начинают мыслить с помощью генерализующего, устанавливающего общие законы метода либерализма и демократии; те же из них, кто по самому своему положению вынужден ждать революции, сохраняют верность диалектике (ленинизм).

Диалектическое мышление есть такое рационалистическое мышление, которое ведет к иррациональности и постоянно стремится ответить на два вопроса: 1) где мы находимся? 2) о чем свидетельствует иррационально пережитый момент? При этом в основе совершаемых действий лежит не простой импульс, а социологическое понимание истории; вместе с тем, однако, не делается никаких попыток растворить без остатка всю ситуацию и специфику данного момента в рациональном расчете.

Вопросом к ситуации служит всегда действие, а ответом — всегда его успех или неудача. Теория не отрывается от ее

существенной связи с действием, а действие есть та вносящая ясность стихия, в которой формируется теория. [...]

Пятой интересующей нас разновидностью является *фашизм*, сложившийся как политическое течение в нашу эпоху. Фашизм разрабатывает особую точку зрения на отношение теории к практике. По своей сущности он активен и иррационален.

Фашизм охотно заимствует положение иррациональных философий и наиболее современных по своему типу политических теорий. В фашистское мировоззрение вошли в первую очередь (разумеется, соответствующим образом переработанные) идеи *Бергсона*, *Сореля* и *Парето*.

В центре фашистского учения находится апофеоз непосредственного действия, вера в решающий акт, в значение инициативы руководящей элиты. Сущность политики в том, чтобы действовать, понять веление момента. Не программы важны, важно безусловное подчинение вождю. Историю творят не массы, не идеи, не действующие в тиши силы, а утверждающие свою мощь элиты. Это — полнейший ирраци-

онализм, но отнюдь не иррационализм консерваторов и не то иррациональное начало, которое одновременно и надрационально, не народный дух, не действующие в тиши силы, не мистическая вера в творческую силу длительного периода времени, а иррационализм действия, отрицающий историю во всех ее значениях, выступающий с совершенно новых позиций. [...]

Как ни различна была складывающаяся из этого обращения к истории картина у консерваторов, либералов и социалистов, все они держались мнения, что в истории существуют доступные пониманию связи. Сначала в ней искали план божественного провидения, затем высокую целесообразность духа в динамическом и пантеистическом понимании. Однако это были лишь метафизические подступы к чрезвычайно плодотворной исследовательской гипотезе, которая видит в историческом процессе не последовательность разнородных событий, а связанные совместные действия важнейших факторов. Попытка понять внутреннюю структуру исторического процесса предпринималась для того, чтобы тем самым обрести масштаб для собственных действий.

Если либералы и социалисты твердо держались мнения, что эта связь, эта структура может быть полностью рационализирована, и различие заключалось главным образом в том, что первые ориентировались по преимуществу на прямолинейный прогресс, а вторые — на диалектическое движение, то консерваторы стремились к тому, чтобы познать становящуюся структуру исторической целостности созерцательно и морфологически.

Сколь ни различны эти точки зрения по своим методам и своему содержанию, все они исходили из того, что политическое действие происходит в рамках истории и что в наше время для совершения политического действия необходимо умение ориентироваться в той находящейся в становлении общей совокупности связей, внутри которой находится субъект этой деятельности. Иррациональность же фашистского действия устраняет эту в той или иной степени познаваемую историчность. [...]

С фашистской точки зрения и марксистское понимание, рассматривающее историю как основанную на экономических и социальных факторах структурную взаимосвязь, есть в конечном счете только миф, и совершенно так же, как с течением времени исчезает уверенность в структурированности исторического процесса, складывается и отрицательное отношение к учению о классах. Нет пролетариата, есть только пролетариаты.

Для подобного типа мышления и переживания характерно также представление, что история распадается на мгновенно сменяющиеся ситуации, причем решающими здесь являются два обстоятельства: во-первых, вдохновенный порыв выдающегося вождя передовых групп (элит); во-вторых, обладание единственно возможным знанием — знанием массовой психологии и техникой манипулирования ею.

Следовательно, политика как наука возможна только в определенном смысле: ее функция — продолжить путь к действию. Она совершает это двумя способами; во-первых, посредством уничтожения всех тех идолов, которые способствуют пониманию истории как определенного процесса; во-вторых, посредством внимательного изучения массовой психики, особенно присущего ей инстинкта власти и его функционирования. Эта душа массы в самом деле в значительной степени послушна вневременным законам, поскольку она больше, чем что-либо иное, находится вне истории, тогда как историчность социальной психики может быть обнаружена только там, где речь идет о человеке в определенных социально-исторических условиях. [...]

Буржуазия в своей теории также часто уделяла место этому учению о политической технике и помещала его, как правильно указывал Шталь, вне всякой связи рядом с идеями естественного права, служившими ей нормативами. По мере того как в ходе своего утверждения буржуазные идеалы и связанные с ними исторические представления частично реализовались, частично

же, превращаясь в иллюзию, теряли свое значение, эти трезвые, вневременные представления все более выступали как единственное политическое знание.

На современном этапе развития эта специфическая технология чисто политической деятельности все более связывается с активизмом и интуитивизмом, отрицающим всякую конкретную познаваемость истории, и превращается в идеологию тех групп, которые непосредственное взрывающее вторжение в историю предпочитают постепенной подготовке ее преобразования.

Подобная направленность в различных вариантах свойственна как анархизму Прудона и Бакунина, так и синдикализму Сореля, откуда она перешла в фашизм Муссолини. [...]

Часто утверждалось, что и в *ленинизме* есть налет фашизма. Но было бы неправильно не видеть за общим в этих учениях их различий. Общность состоит только в требовании активности борющегося меньшинства. Только потому, что *ленинизм был изначально теорией*, абсолютно направленной на революционную борьбу за захват

власти меньшинством, на первый план вышло учение о значении ведущих групп и их решающем порыве.

Однако это учение никогда не доходило до полного иррационализма.

В той мере, в какой большевистская группа была лишь активным меньшинством внутри становящегося все более рациональным классового движения пролетариата, ее активистская интуитивистская теория всегда опиралась на учение о рациональной познаваемости исторического процесса.

Своим отрицанием историчности фашизм отчасти обязан (помимо уже упомянутого интуитивизма) мироощущению поднявшейся буржуазии. □...]

Печатается по: *Манхейм К.* Идеология и утопия // *Диагноз нашего времени.* М., 1994. С. 7 □ 164.

Э.БЁРК

Размышления о революции во Франции

Истинная теория прав человека

Я не отрицаю теоретически и не утаиваю на практике (если бы в моей власти было давать и отнимать) реальные права человека. Отрицая фальшивые требования прав человека, я вовсе не хочу оскорбить реальные права как притворные и лицемерные, подлежащие полному разрушению. Если цивилизованное общество было бы создано для развития человека, то все преимущества, ради которых оно (государство) создано, стали бы его правами. Государство — институт благодеяния, закон же

является только благодетелем, действующим по правилам. Человек имеет право жить согласно этим правилам, он имеет право на справедливость и правосудие несмотря на то, занят ли он в политике или на каком-либо другом поприще. Человек имеет право пользоваться средствами производства и продуктами промышленности. Он имеет право знать своих родителей, имеет право на оказание и улучшение условий жизни своих отпрысков, на то, что кто-то будет руководить его жизненным путем и утешать на смертном одре. То, что каждый человек может сделать в отдельности, без посягания на других, то же, что он имеет право сделать и для себя, он имеет право на справедливую долю всего того, что общество, путем соединения умений и сил, способно сделать для него. В этом партнерстве у всех равные права, но все-таки не на одни и те же вещи. Тот, чей вклад этом сотрудничестве — пять шиллингов, имеет точно такое же право на него, как и тот, чей вклад состав-

ляет 500 фунтов. Но они не имеют равных прав на одинаковый дивиденд в продукте совместного капитала, и что касается доли власти, авторитарности и управления, которыми каждый человек должен обладать в управлении государством, то я не рассматриваю их среди непосредственных прав человека в цивилизованном обществе, т.е. в своих рассуждениях имею в виду человека цивилизованного общества и никого другого. Этот вопрос должен быть решен посредством соглашений.

Если цивилизованное общество — результат соглашений, то этот договор должен стать его законом. Он должен ограничивать и модифицировать все основы конституции, которые ею были сформированы. Все виды власти — законодательная, исполнительная и судебная — являются ее детищем. В любом другом состоянии они могут быть не жизнеспособны. Как кто-либо может в рамках договора цивилизованного общества требовать прав, которые даже не предполагают существование этого общества? Требовать прав, которые абсолютно несовместимы с ним? Одни из первых законов цивилизованного общества, который перерастает затем в один из основных, — это то, что ни один человек не может быть сам себе судьей. То есть человек сразу же лишается первейшего и основного права: судить самого себя и отстаивать свое дело. Он отказывается от права быть собственным хозяином. Но в то же время он в значительной степени отказывается и от права на самооборону — первейшего закона природы. Люд не могут пользоваться правами цивилизованного и нецивилизованного общества одновременно.

Для того чтобы можно было добиться справедливости, человек отказывается от нее полностью.

Истинная суть правления

Правительство не создано посредством естественных прав, которые могут существовать и существуют независимо от него: причем их совершенство достаточно, но их абстрактное совершенство есть их же практическая ошибка. Имея право на все, они хотят всего. Правительство — изобретение человеческого разума, призванное удовлетворять человеческие желания. Люди имеют право на их удовлетворение. Среди этих желаний можно выделить одно, которое выходит за рамки цивилизованного общества и за рамки ограниченных страстей. Общество требует не только подвергать тщательному изучению страсти отдельных личностей, но в общей их массе и по отдельности контролировать свою волю и в итоге смирать и укрощать страсти. Это может быть сделано только властью, стоящей над всеми и не подчиненной этой воле и этим

страстям, обузданию и покорению которых она служит. В этом смысле наказания людей, так же как и их свободы, должны быть выделены как их права. Но так как свобода и ограничение ее изменяются во времени и обстоятельствах и допускают какие угодно модификации, то они не могут быть установлены согласно какому-либо абстрактному правилу; и нет ничего глупее, как обсуждать эту проблему отвлеченно.

С того момента, как Вы сократили список полных прав человека и позволили искусственно ограничивать эти права, с того момента правительство занимается лишь рассмотрением выгод и удобств. Это то, что делает конституцию государства и соответствующее распределение власти вопросом чрезвычайно деликатным и высокопрофессиональным. Здесь требуется глубокое знание человеческой природы и всего того, что облегчает или затрудняет достижение различных целей с помощью механизма гражданских институтов. Государство должно располагать поборниками усиления его мощи и борьбы с беспорядками и волнениями. Что такое абстрактное право человека на еду и лекарства на практике? Вопрос заключается в способе доставки и снабжении ими. С этой проблемой я всегда советую обращаться за помощью к фермеру и врачу, а не к профессору метафизики.

Наука созидания благосостояния или его обновления, или его переустройства, как любая другая экспериментальная наука, не должна преподаваться *a priori*. Краткосрочный опыт не окажет нам помощи в овладении этой практической наукой, так как

последствия моральных причин не всегда проявляются незамедлительно; то, что в первый момент казалось пагубным, в дальнейшем может стать идеальным и прекрасным, и высокое качество может возникнуть даже на основе отрицательного эффекта в начале своего действия. Случается и обратное, и очень правдоподобные проекты, с весьма многообещающими начинаниями, зачастую выливаются в позорные и прискорбные акты. В государстве всегда существуют незаметные, почти скрытые причины, вещи, которые кажутся на первый взгляд мимолетными, но от которых могут зависеть в большой степени процветание или упадок. Наука управления, практически уже сама по себе и предназначенная для решения таких же практических проблем — проблем, которые требуют опыта, причем такого, который ни один человек не смог бы приобрести за всю жизнь, каким бы прозорливым и наблюдательным ни был, — эта наука с необычайной осторожностью подходит к вопросу разрушения системы взглядов, сносно отвечавшей в течение веков общим целям человечества, не имея перед собой моделей, одобренных общественностью.

Законы природы не применимы к сложному обществу

Эти законы метафизики, вступая в обычную жизнь, как лучи света, проникающие в плотную среду, по законам природы преломляются по прямой линии. Действительно: в большой и сложной массе человеческих страстей и тревог простые права человека претерпевают такое разнообразие преломлений и отражений, что становится абсурдным говорить о них, как если бы они продолжались в своей изначальной простоте. Природа человека сложна и противоречива, цели общества тоже чрезвычайно сложны, поэтому примитивная диспозиция и примитивная власть не могут соответствовать ни человеческой душе, ни делам человека. Когда я слышу о простоте изобретения, нацеленного на новые политические построения и потешающегося над ними, я прихожу к выводу, что ремесленники в большинстве своем невежественны в торговле или невнимательны к своим обязанностям. Примитивные правительства порочны уже в своей основе, если не сказать более. Если Вам было бы достаточно решать проблемы общества только под одним углом зрения, то все эти простые формы государственного устройства были бы чрезвычайно привлекательны. То есть каждая отдельная форма соответствовала бы своей единой цели в совершенстве, сложной же форме будет гораздо труднее достигать решения всего комплекса непростых задач. Но все же лучше, что сложная форма не соответствует своим задачам, отдельные проблемы решаются с

большей точностью, другими же нужно полностью пренебречь или материально ущемить сверхзаботой о любимчиках.

Фальшивые права этих теоретиков чрезвычайны, и пропорционально тому, насколько они верны с точки зрения метафизики, настолько же они фальшивы с точки зрения морали и политики. Права человека где-то посередине, их невозможно определить, но невозможно и не различить. Права человека для правительства (в их преимуществе) очень выгодны, они зачастую сбалансированы между многочисленными оттенками добра и должны согласовываться друг с другом, а иногда — между добром и злом, иногда между злом и злом. Политический резон основывается на простом арифметическом подсчете: складываются, отнимаются, умножаются и делятся не метафизические или математические, а настоящие моральные величины.

Эти теоретики почти всегда софисты и путают право народа с его властью. Общественный орган, когда бы он ни возник, может и не натолкнуться на эффективное сопротивление, но до тех пор, пока власть и право есть одно и то же, этот орган не обладает правом, не совмести-

мым с добродетелью, и прежде всего благоразумием. У людей нет права на неблагоразумие и на то, что не способствует их благоразумию, хотя кто-то из писателей произнес: «Lieat perire poetis»¹, когда один из них в трезвом уме, говорят, прыгнул в жерло вулкана. «Ardentem frigidus Etnam insiluit»², я смотрю на такую шалость скорее как на не имеющую оправдания поэтическую вольность, а не как на одну из привилегий Парнаса; и был ли он поэтом, божеством или политиком, выбравшим путь проповеди этого вида права, я считаю, что более умно, т.е. более милосердно, по здравому рассуждению, — спасти человека, а не хранить его бронзовые домашние тапочки как памятник его глупости.

Печатается по: Бёрк Э. Размышления о революции во Франции // Социс. 1991. № 9. С. 121—124.

Дж. Ст. МИЛЛЬ

О свободе

Г л а в а 1

ВВЕДЕНИЕ

Борьба между свободой и властью есть наиболее резкая черта в тех частях истории, с которыми мы всего ранее знакомимся, а в особенности в истории Рима, Греции и Англии. В древние времена борьба эта происходила между подданными или некоторыми классами подданных и правительством. Тогда под свободой разумели охрану против тирании политических

правителей, думая (за исключением некоторых греческих демократий), что правители по самому положению своему необходимо должны иметь свои особые интересы, противоположные интересам управляемых. Политическая власть в те времена принадлежала обыкновенно одному лицу, или целому племени, или касте, которые получали ее или по наследству, или вследствие завоевания, а не вследствие желания управляемых, — и управляемые обыкновенно не осмеливались, а может быть, и не желали оспаривать у них этой власти, хотя и старались оградить себя всевозможными мерами против их притеснительных

¹ *Гораций*. Наука поэзии. С. 466. «Позвольте поэту погибнуть, если он этого желает».

² Там же. 465—466. «С холодной головой он бросился в Этну». Здесь имеется в виду древнегреческий философ, поэт и оратор Эмпедокл (493—433 до н. э.). Согласно одной из версий, подобным образом он хотел доказать обществу свою божественность.

действий, — они смотрели на власть своих правителей, как на нечто необходимое, но и в то же время в высшей степени опасное, как на орудие, которое могло быть одинаково употреблено и против них, как и против внешних врагов. Тогда признавалось необходимым существование в обществе такого хищника, который был бы довольно силен, чтобы сдерживать других хищников и охранять от них слабых членов общества; но так как и этот царь хищников был также не прочь попользоваться на счет охраняемого им стада, то вследствие этого каждый член общины чувствовал себя в необходимости быть вечно настороже против его клюва и когтей. Поэтому в те времена главная цель, к которой направлялись все усилия патриотов, состояла в том, чтобы ограничить власть политических правителей. Такое ограничение и называлось свободой. Эта свобода достигалась двумя различными способами: или, во-первых, через признание правителем таких льгот, называвшихся политической свободой или политическим правом, нарушение которых со стороны правителя считалось нарушением обязанности и признавалось законным основанием к сопротивлению и общему восстанию; — или же, во-вторых, через установление конституционных преград. Этот второй способ явился позднее первого; он состоял в том, что для некоторых наиболее важных действий власти требовалось согласие общества или же какого-нибудь учреждения, которое считалось представителем общественных интересов. В большей части европейских государств политическая власть должна была более или менее подчиниться

первому из этих способов ограничения. Но не так было со вторым способом, и установление конституционных преград, — или же, там, где они существовали, улучшение их, — стало повсюду главной целью поклонников свободы. Вообще либеральные стремления не шли далее конституционных ограничений, пока человечество довольствовалось тем, что противопоставляло одного врага другому и соглашалось признавать над собой господина, с условием только иметь более или менее действительные гарантии против злоупотребления им своей властью.

Но с течением времени в развитии человечества наступила наконец такая эпоха, когда люди перестали видеть неизбежную необходимость в том, чтобы правительство было властью, независимую от обществ, имеющую свои интересы, различные от интересов управляемых. Признано было за лучшее, чтобы правители государства избирались управляемыми и сменялись по их усмотрению. Установилось мнение, что только этим путем и можно предохранить себя от злоупотреблений власти. Таким образом, прежнее стремление к установлению конституционных

ных преград заменилось мало-помалу стремлением к установлению таких правительств, где бы власть была в руках выборных и временных правителей, — и к этой цели направились все усилия народной партии повсюду, где только такая партия существовала. Так как вследствие этого борьба за свободу утратила прежнее свое значение борьбы управляемых против правителей и стала борьбой за установление таких правительств, которые бы избирались на определенное время самими управляемыми, то при этом возникла мысль, что ограничение власти вовсе не имеет того значения, какое ему приписывают, — что оно необходимо только при существовании таких правительств, которых интересы противоположны интересам управляемых, — что для свободы нужно не ограничение власти, а установление таких правителей, которые бы не могли иметь других интересов и другой воли, кроме интересов и воли народа, а при таких правителях народу не будет никакой надобности в ограничении власти, потому что ограничение власти было бы в таком случае охранением себя от своей собственной воли: не будет же народ тиранить сам себя. Полагали, что, имея правителей, которые передним ответственны и которых он может сменять по своему усмотрению, он может доверить им власть без всякого ограничения, так как эта власть будет в таком случае не что иное, как его же собственная власть, только известным образом концентрированная ради удобства. Такое понимание, или, правильнее сказать, такие чувства были общи всему последнему поколению европейского либерализма, и на континенте

Европы они преобладают еще и до сих пор. Там до сих пор еще встречаются только как блистательное исключение такие политические мыслители, которые бы признавали существование известных пределов, далее которых не должна простираться правительственная власть, если только правительство не принадлежит к числу таких, каких, по их мнению, и существовать вовсе не должно. Может быть, такое направление еще и теперь господствовало бы также и у нас, в Англии, если бы не изменились те обстоятельства, которые его одно время поддерживали.

Успех нередко разоблачает такие пороки и недостатки, которые при неуспехе легко укрываются от Наблюдения: это замечание равно применимо не только к людям, но и к философским и политическим теориям. Мнение,, что будто народ не имеет никакой надобности ограничивать свою собственную власть над самим собой, — такое мнение могло казаться аксиомой, пока народное правление существовало только как мечта или как предание давно минувших дней. Мнение это не могли поколебать и такие необычайные события, выходящие из обыкновенного

порядка вещей, как некоторые из тех, которыми ознаменовалась французская революция, так как эти события были делом только немногих, захвативших в свои руки власть, и виноваты в них были не народные учреждения, а тот аристократический и монархический деспотизм, который вызвал собою столь страшный конвульсивный взрыв. Но когда образовалась обширная демократическая республика и заняла место в международной семье как один из самых могущественных ее членов, тогда избирательное и ответственное правительство стало предметом наблюдения и критики, как это бывает со всяким великим фактом. Тогда заметили, что подобные фразы, как «самоуправление» и «власть народа над самим собой», не совсем точны. Народ, облеченный властью, не всегда представляет тождество с народом, подчиненным этой власти, и так называемое самоуправление не есть такое правление, где бы каждый управлял сам собою, а такое, где каждый управляется всеми остальными. Кроме того, воля народа на самом деле есть не что иное, как воля наиболее многочисленной или наиболее деятельной части народа, т.е. воля большинства или тех, кто успевают заставить себя признать за большинство, — следовательно, народная власть может иметь побуждения угнетать часть народа, и поэтому против ее злоупотреблений также необходимы меры, как и против злоупотреблений всякой другой власти. Стало быть, ограничение правительственной власти над индивидуумом не утрачивает своего значения и в том случае, когда облеченные властью ответственны перед народом, т.е. перед большинством народа. Этот взгляд не встретил

возражений со стороны мыслителей и нашел сочувствие в тех классах европейского сообщества, которых действительные или мнимые интересы не сходятся с интересами демократии, поэтому он распространился без всякого затруднения, и в настоящее время в политических умозрениях «тирания большинства» обыкновенно включается в число тех зол, против которых общество должно быть настороже.

Но мыслящие люди сознают, что когда само общество, т.е. общество коллективно, становится тираном по отношению к отдельным индивидуумам, его составляющим, то средства его к тирании не ограничиваются теми только средствами, какие может иметь правительственная власть. Общество может приводить и приводит само в исполнение свои собственные постановления, и если оно делает постановление неправильное или такое, посредством которого вмешивается в то, во что не должно вмешиваться, тогда в этом случае тирания его страшнее всевозможных политических тираний, потому что хотя она и не опирается

на какие-нибудь крайние уголовные меры, но спастись от нее гораздо труднее, — она глубже проникает во все подробности частной жизни и кабалит самую душу. Вот почему недостаточно иметь охрану только от правительственной тирании, но необходимо иметь охрану и от тирании господствующего в обществе мнения или чувства, — от свойственного обществу тяготения хотя и не уголовными мерами насильно навязывать свои идеи и свои правила тем индивидуумам, которые с ним расходятся в своих понятиях, — от его склонности не только прекращать всякое развитие таких индивидуальностей, которые не гармонируют с господствующим направлением, но если возможно, то и предупреждать их образование и вообще сглаживать все индивидуальные особенности, вынуждая индивидуумов сообразовать их характеры с известными образцами. Есть граница, далее которой общественное мнение не может законно вмешиваться в индивидуальную независимость; надо установить эту границу, надо охранить ее от нарушений, — это также необходимо, как необходима охрана от политического деспотизма. [...]

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы установить тот принцип, на котором должны основываться отношения общества к индивидууму, т.е. на основании которого должны быть определены как те принудительные и контролирующие действия общества по отношению к индивидууму, которые совершаются с помощью физической силы в форме легального преследования, так и те действия, которые заключаются в нравственном насилии над индивидуумом через *общественное*

мнение. Принцип этот заключается в том, что люди, индивидуально или коллективно, могут справедливо вмешиваться в действия индивидуума только ради самосохранения, что каждый член цивилизованного общества только в таком случае может быть справедливо подвергнут какому-нибудь принуждению, если это нужно для того, чтобы предупредить с его стороны такие действия, которые вредны для других людей, личное же благо самого индивидуума, физическое или нравственное, не составляет достаточного основания для какого бы то ни было вмешательства в его действие. Никто не имеет права принуждать индивидуума что-либо делать или что-либо не делать на том основании, что от этого ему самому было бы лучше или что от этого он сделался бы счастливее, или, наконец, на том основании, что, по мнению других людей, поступить известным образом было бы благороднее и даже похвальнее. Все это может служить достаточным основанием для того, чтобы поучать индивидуума, уговаривать, усовещивать, убеждать его, но никак не для того, чтобы принуждать его или делать ему какое-нибудь возмездие за то, что

он поступил не так, как того желали. Только в том случае дозволительно подобное вмешательство, если действия индивидуума причиняют вред кому-либо. Власть общества над индивидуумом не должна простирается далее того, насколько действия индивидуума касаются других людей; в тех же своих действиях, которые касаются только его самого, индивидуум должен быть абсолютно независимым над самим собою, — над своим телом и духом он неограниченный господин.

Едва ли есть надобность оговаривать, что под индивидуумом я разумею в этом случае человека, который находится в полном обладании своих способностей, и что высказанный мною принцип не применим, конечно, к детям и малолетним и вообще к таким людям, которые по своему положению требуют, чтобы о них заботились другие люди и охраняли их не только от того зла, какое могут им сделать другие, но и от того, какое они могут сделать сами себе. По тем же причинам мы должны считать этот принцип равно неприменимым и к обществам, находящимся в таком состоянии, которое справедливо может быть названо состоянием младенческим. В этом младенческом состоянии обществ обыкновенно встречаются столь великие препятствия для прогресса, что едва ли и может быть речь о предпочтении тех или других средств к их преодолению, и в этом случае достижение прогресса может оправдывать со стороны правителя такие действия, которые не согласны с требованиями свободы, потому что в противном случае всякий прогресс, может быть, был бы совершенно недостижим. Деспотизм может быть оправдан, когда идет дело о народах варварских и когда при этом

его действия имеют целью прогресс и на самом деле приводят к прогрессу. Свобода неприменима как принцип при таком порядке вещей, когда люди еще не способны к саморазвитию путем свободы. [...] Но как скоро люди достигают такого состояния, что становятся способны развиваться через свободу (а такого состояния давно уже достигли все народы, которых может касаться наше исследование), тогда всякое принуждение, прямое или косвенное, посредством преследования или кары, может быть оправдано только как необходимое средство, чтобы оградить других людей от вредных действий индивидуума, но не как средство сделать добро самому тому индивидууму, которого свобода нарушается этим принуждением.

Здесь кстати заметить, что я не пользуюсь для моей аргументации теми доводами, которые мог бы заимствовать из идеи абстрактного права, предполагающей право совершенно независимым от пользы. Я признаю пользу верховных судей для разрешения всех этических вопро-

сов, т.е. пользу в обширном смысле, ту пользу, которая имеет своим основанием постоянные интересы, присущие человеку как существу прогрессивному. Я утверждаю, что эти интересы оправдывают подчинение индивидуума внешнему контролю только по таким его действиям, которые касаются интересов других людей. Если кто-либо совершит поступок, вредный для других, то *a prima facie* подлежит или легальной каре, или же общественному осуждению, если легальная кара в данном случае неудобоприменима. Индивидуум может быть справедливо принуждаем совершать некоторые положительные действия ради пользы других людей, так, например, — свидетельствовать в суде, принимать известную долю участия в общей защите или в каком-либо общем деле, необходимом для интересов того общества, покровительством которого он пользуется, совершать некоторые добрые дела, например в некоторых случаях спасти жизнь своего ближнего или оказать покровительство беззащитному против злоупотреблений сильного — все это такого рода действия, которые индивидуум обязан совершать и за несовершение которых он может быть совершенно правильно подвергнут ответственности перед обществом. Человек может вредить другим не только своими действиями, но также и своим бездействием: в обоих случаях он ответствен в причиненном зле, но только привлечение к ответу в последнем случае требует большей осмотрительности, чем в первом. Делать человека ответственным за то, что он причинил зло, — это есть общее правило; делать же его ответственным за то, что он не устранил зла, это уже не правило, а, говоря сравнительно, только исключение. Но много

таких случаев, которые по своей очевидности и по своей важности совершенно оправдывают подобное исключение. Во всем, что так или иначе касается других людей, индивидуум *de jure* ответственен или прямо перед теми, чьи интересы затронуты, или же перед обществом, как их охранителем.

Нередко случается, что индивидуум по совершенно основательным причинам не подвергается никакой ответственности за причиненное им зло; но причины эти не в том заключаются, чтобы индивидуум действительно не должен был подлежать ответственности в данном случае, а истекают из соображений совершенно иного рода. Так, например, случается, когда контроль общества оказывается недействительным и даже вредным, и люди обыкновенно поступают лучше, если предоставлены самим себе и освобождены от всякого контроля, или когда оказывается, что контроль общества ведет за собой другое зло, еще большее, чем то, которое желательно предупредить. Но когда подобного рода

ЛИЧНОСТЬ И ПОЛИТИКА

причины препятствуют подвергать индивидуума ответственности за сделанное им зло, то в таких случаях собственная совесть самого индивидуума должна заступать место отсутствующего судьи и охранять те интересы, которые таким образом лишены внешней охраны, и индивидуум должен быть сам для себя в таких случаях тем более строгим судьей, что совершенно свободен от всякого другого суда.

Но в жизни человека есть такая сфера, которая не имеет никакого отношения к интересам общества или, по крайней мере, не имеет никакого непосредственного к ним отношения: сюда принадлежит вся та сторона человеческой жизни и деятельности, которая касается только самого индивидуума, а если и касается других людей, то не иначе как вследствие их совершенно сознательного на то согласия или желания. Совершающееся в этой сфере может и не касаться прямо других людей, а только косвенно, т.е. через посредство того индивидуума, которого касается непосредственно, — и на этом основании мне могут быть предъявлены некоторые возражения, которые, впрочем, я рассмотрю впоследствии, а теперь остановлюсь на том, что та сфера человеческой жизни, которая имеет непосредственное отношение только к самому индивидууму, и есть сфера индивидуальной свободы. Сюда принадлежит, во-первых, свобода совести в самом обширном смысле этого слова, абсолютная свобода мысли, чувства, мнения касательно всех возможных предметов, и практических, и спекулятивных, и научных, и нравственных, и теологических. С первого взгляда может показаться, что свобода выражать и опубликовывать свои

мысли должна подлежать совершенно иным условиям, так как она принадлежит к той сфере индивидуальной деятельности, которая касается других людей; но на самом деле она имеет для индивидуума почти совершенно такое же значение, как и свобода мысли, и в действительности неразрывно с нею связана. Во-вторых, сюда принадлежит свобода выбора и преследования той или другой цели, свобода устраивать свою жизнь сообразно со своим личным характером, по своему личному усмотрению, к каким бы это ни вело последствиям для меня лично, и если я не делаю вреда другим людям, то люди не имеют основания вмешиваться в то, что я делаю, как бы мои действия ни казались им глупыми, предосудительными, безрассудными. Отсюда вытекает третий вид индивидуальной свободы, подлежащий тому же ограничению, — свобода действовать сообща с другими индивидуумами, соединяться с ними для достижения какой-либо цели, которая не вредна другим людям; при этом предполагается,

конечно, что к действию сообща привлекаются люди совершеннолетние, и притом не обманом и не насилием. Не свободно то общество, какая бы ни была его форма правления, в котором индивидуум не имеет свободы мысли и слова, свободы жить как хочет, свободы ассоциаций, — и только то общество свободно, в котором все эти виды индивидуальной свободы существуют абсолютно и безразлично одинаково для всех его членов. Только такая свобода и заслуживает названия свободы, когда мы можем совершенно свободно стремиться к достижению того, что считаем для себя благом, и стремиться теми путями, какие признаем за лучшие, — с тем только ограничением, чтобы наши действия не лишали других людей их блага или не препятствовали бы другим людям в их стремлениях к его достижению. Каждый индивидуум есть лучший сам для себя охранитель своего здоровья, как физического, так и умственного и духовного. Предоставляя каждому жить так, как он признает за лучшее, человечество вообще гораздо более выигрывает, чем принуждая каждого жить так, как признают за лучшее другие.

То, что я высказал, не заключает в себе ничего нового и может даже показаться совершенным трюизмом, а между тем едва ли какая другая доктрина представляет более резкое противоречие с тем общим направлением, какое мы вообще встречаем как во мнениях, так и в практике. Общества обыкновенно с не меньшим рвением заботились (сообразно степени своего развития) о подчинении индивидуумов своим понятиям о личном благе, как и о благе общественном. Древние республики считали себя вправе

регулировать все стороны частной жизни на том основании, что для государства в высшей степени важно все, что касается физического или умственного состояния его граждан. Мнение это разделяли и древние философы. Такой взгляд древних на отношение общества к индивидууму мог иметь свое оправдание в том, что древние общества были маленькие республики, которые, будучи окружены сильными врагами, находились постоянно в опасности погибнуть от внешнего нападения или вследствие внутренних сотрясений; понятно, что не в состоянии были положиться на индивидуальную свободу те общества, которые находились в таких условиях, что за самое даже кратковременное ослабление своей энергии и своего самообладания могли поплатиться существованием. Общества же нового времени были могущественные государства, и притом в этих обществах духовная власть была отделена от светской, вследствие чего управление совестью людей и управление их земными делами находилось не в одних и тех же

руках: вот почему мы не находим в них такого вмешательства со стороны закона в частную жизнь, какое существовало в древнем мире. Но зато в этих обществах индивидуум находился даже под более тяжелым нравственным гнетом в том, что касалось его лично, чем в том, что касалось общества, так как религия, составлявшая самый могущественный элемент нравственного чувства, почти постоянно была орудием в руках честолюбивой иерархии, стремившейся подчинить своему контролю все стороны человеческой жизни, или же была проникнута духом пуританизма. [...]

Не только в доктринах мыслящих индивидуумов, но и вообще в людях заметна возрастающая склонность к расширению господства общества над индивидуумом как через общественное мнение, так и через посредство закона далее должных пределов; и так как все изменения, совершающиеся в существующих порядках, обнаруживают тяготение к усилению общества и к ослаблению индивидуума, то чрезмерное увеличение власти общества над индивидуумом представляется нам не таким злом, которое обещало бы со временем прекратиться само собою, а, напротив, это такое зло, которое все более и более растет. Та наклонность, которую мы замечаем и не только в правителях по отношению к управляемым, но и вообще в гражданах по отношению к их согражданам, наклонность навязывать другим свои мнения и вкусы, находит себе столь энергическую поддержку как в некоторых самых лучших, так и в некоторых самых худших чувствах, свойственных человеческой природе,

что едва ли ее что-либо сдерживает, кроме недостатка средств. А так как средства к порабощению индивидуума не только не уменьшаются, но, напротив, все более и более растут, то мы должны ожидать, что при таких условиях господство общества над индивидуумом будет все более и более увеличиваться, если только это зло не встретит для себя сильной преграды в твердом нравственном убеждении.

Печатается по: *Милль Дж. С. Утилитаризм. О свободе.* СПб., 1882. С. 146—153, 162—173.

Б.Н. ЧИЧЕРИН

Различные виды либерализма

[...□ Идея свободы сосредоточивает в себе все, что дает цену жизни, все, что дорого человеку. Отсюда то обаяние, которое она имеет для возвышенных душ, отсюда та неудержимая сила, с которой она охватывает

в особенности молодые сердца, в которых пылает еще весь идеальный жар, отделяющий человека от земли. Глубоко несчастлив тот, чье сердце в молодости никогда не билось за свободу, кто не чувствовал в себе готовности с радостью за нее умереть.

Несчастлив и тот, в ком житейская пошлость задушила это пламя, кто, становясь мужем, не сохранил уважения к мечтам своей юности. [...]

В зрелом возрасте идея свободы очищается от легкомыслия, от самонадеянного отрицания, от своеволия, не признающего над собой закона, оно сдерживается пониманием жизни, приноравливается к ее условиям, но она не исчезнет из сердца, а напротив, глубже и глубже пускает в нем корни, становясь твердым началом, которое не подлежит колебаниям и спокойно управляет жизнью человека.

Целые народы чувствуют на себе это могущественное влияние идеи, как показывает история. Свобода внезапно объемлет своим дыханием народ, как бы пробудившийся ото сна. Перед ним открывается новая жизнь. Стряхнув с себя оковы, он встает возрожденный. Как исступленная пифия, изрекая вещие глаголы, проповедуя горе сильным земли, он с неодолимой силой низвергает все преграды и несет зажженное им пламя по всем концам света. Но железная необходимость скоро сдерживает эти порывы и возвращает свободу к той стройной гармонии, к тому разумному порядку, к тому сознательному подчинению власти и закону, без которого немислима человеческая жизнь. Волнуясь и ропща, поток мало-помалу вступает в свое русло, но свобода не

перестает бить ключом и даровать свежесть и силу тем, которые приходят утолять духовную жажду у этого источника.

Мы, давнишние либералы, вскормленные на любви к свободе, радуемся новому либеральному движению в России. Но мы далеки от сочувствия всему, что говорится и делается во имя свободы.

Часть ее и не узнаешь в лице самых рьяных ее обожателей.

Слишком часто насилие, нетерпимость и безумие прикрываются именем обязательной идеи, как подземные силы, надевшие на себя доспехи олимпийской богини. Либерализм является в самых разнообразных видах, и тот, кому дорога истинная свобода, с ужасом и отвращением отступает от тех уродливых явлений, которые выдвигаются под ее знаменем,

Обозначим главные направления либерализма, которые выражаются в общественном мнении.

Низшую ступень занимает либерализм уличный; это скорее извращение, нежели проявление свободы. Уличный либерал не хочет знать ничего, кроме собственного своеволия. Он прежде всего любит шум;

ему нужно волнение для волнения. Это он называет жизнью, а спокойствие и порядок кажутся ему смертью. Где слышны яростные крики, неразборчивые и неистощимые ругательства, там, наверное, колышется и негодует уличный либерализм. Он жадно сторожит каждое буйство, он хлопает всякому беззаконию, ибо самое слово «закон» ему ненавистно. Он приходит в неистовый восторг, когда узнает, что где-нибудь произошел либеральный скандал, что случилась уличная схватка в Мадриде или Неаполе: знай наших! Но терпимости к мысли, уважения к чужому мнению, к человеческой личности, всего, что составляет сущность истинной свободы и украшение жизни, от него не ожидайте. Он готов стереть с лица земли всякого, кто не разделяет его необузданных порывов. Он даже не предполагает, что чужое мнение могло явиться плодом свободной мысли, благородного чувства. Отличительные черты уличного либерала те, что он всех своих противников считает подлецами. Низкие души понимают одни лишь подлые побуждения. Поэтому он и на средства не разборчив. Он ратует во имя свободы, но здесь не мысль, которая выступает против мысли в благородном бою, ломая копья за истину, за идею. Все вертится на личных выходках, на ругательствах; употребляются в дело бессовестные толкования, ядовитые намеки, ложь и клевета. Тут стараются не доказать, а отделать, уязвить или оплевать. Иногда уличный я прикидывается джентльменом, надевает палевые перчатки и как будто готовится рассуждать. Но при первом столкновении он отбрасывает несвойственные ему помыслы, он входит в настоящую свою роль. Опьяненный и бездумный, он хватается за

все, кидает чем попало, забывая всякий стыд, потерявши чувство приличия. Уличный я не терпит условий, налагаемых гостиницами; он чувствует себя дома только в кабаке, в грязи, которой он старается закидать всякого, кто носит чистое платье. Все должны подойти под один уровень, одинаково низкий и подлый.

Уличный либералист питает непримиримую ненависть ко всему, что возвышается над толпой, ко всякому авторитету. Ему никогда не приходило на ум, что уважение к авторитету есть уважение к мысли, к труду, к таланту, ко всему, что дает высшее значение человеку, а может быть, он именно потому и не терпит авторитета, что видит в нем те преобразовательные силы, которые составляют гордость народа и украшение человека.

Уличному либералу наука кажется насилием, нанесенным жизни, искусство — плодом аристократической праздности. Чуть кто отделился от толпы, направляя свой полет в верхние области мысли, познания и деятельности, как уже в либеральных болотах слышится шипение пресмыкающихся.

Презренные гады вздымают свои змеиные головы, вертят языком и в бессильной ярости стараются излить свой яд на все, что не принадлежит к их завистливой семье. [...]

Второй вид либерализма можно назвать либерализм оппозиционный. Но, Боже мой! Какая тут представляется смесь людей!

Самые разнородные побуждения, самые разнородные типы — от Собакевича, который уверяет, что один прокурор — порядочный человек, да и тот свинья, до помещика, негодующего за отнятие крепостного права, до вельможи, впавшего в немилость и потому кинувшегося в оппозицию, пока не воссияет над ним улыбка, которая снова обратит его к власти! Кому не знакомо это критическое настроение русского общества, этот избыток оппозиционных излиятий, которые являются в столь многообразных формах, в виде бранчливого неудовольствия с патриархальным и невинным характером; в виде презрительной иронии и ядовитой усмешки, которая показывает, что критик стоит где-то далеко впереди, бесконечно выше окружающих в мире; в виде глумления и анекдотцев, обличающих темные козни бюрократов; в виде неистовых нападок, при которых в одно и то же время с одинаковой яростью требуются совершенно противоположные вещи; в виде поэтической любви к выборному началу, к самоуправлению, к гласности; в виде ораторских эффектов, сопровождаемых величественными позами; в виде лирических жалоб, прикрывающих лень и пустоту; в виде бесконечного стремления говорить и суетиться, в котором так и проглядывает огорченное самолюбие, желание придать себе важность; в виде злорадства при всякой дурной мере властей, при

всяком зле, постигающем отечество; в виде вольнолюбия, всегда готового к деспотизму, и подавленности, всегда готовой ползать и поклоняться. Не перечтешь тех бесчисленных оттенков оппозиции, которыми изумляет нас русская земля. Но мы хотим говорить не об этих жизненных проявлениях разнообразных наклонностей человека; для нас важен оппозиционный либерализм как общее начало, как известное направление, которое коренится в свойствах человеческого духа и выражает одну из сторон или первоначальную степень свободы. Самое умеренное и серьезное либеральное направление не может не стоять в оппозиции к тому, что нелиберально. Всякий мыслящий человек критикует те действия или меры, которые не согласны с его мнением. Иначе он отказывается от свободы суждения и становится присяжным служителем власти. Но не эту законную критику, вызванную тем или другим фактом, разумеем мы под именем оппозиционного либерализма, а то либеральное направление, которое систематически

И ПОЛИТИКА

становится в оппозицию, которое не ищет достижения каких-либо политических требований, а наслаждается самим блеском оппозиционного положения. В этом есть своего рода поэзия, есть чувство независимости, есть отвага, есть, наконец, возможность более увлекающей деятельности и более широкого влияния на людей, нежели какие представляются в тесном круге, начертанном обыкновенной практикой, жизнью. Все это невольно соблазняет человека. Прибавим, что этого рода направление усваивается гораздо легче всякого другого. Критиковать несравненно удобнее и приятнее, нежели понимать. Тут не нужно напряженной работы мысли, альтернативного и отчетливого изучения существующего, разумного постижения общих жизненных начал и общественного устройства; не нужно даже действовать: достаточно говорить с увлечением и позировать с некоторым эффектом.

Оппозиционный либерализм понимает свободу с чисто отрицательной стороны. Он отрешился отданного порядка и остался при этом отрешении. Отменить, разрешить, уничтожить — вот вся его система. Дальше он не идет, да и не имеет надобности идти. Ему верхом благополучия представляется освобождение от всяких законов, от всяких стеснений. Этот идеал, неосуществимый в настоящем, он переносит в будущее или в давно прошедшее. В сущности, это одно и то же, ибо история, в этом воззрении, является не действительным фактом, подлежащим изучению, не жизненным процессом, из которого вытек современный порядок, а воображаемым миром, в который

можно вместить все, что угодно. До настоящей же истории оппозиционный либерализм не охотник. Отрицая современность, он по этому самому отрицает и то прошедшее, которое ее произвело. Он в истории видит только игру произвола, случайности, а пожалуй, и человеческое безумие. К тому же настроению, мысли принадлежит и поклонение неизведанным силам, лежащим в таинственной глубине народного духа. Чем известное начало дальше от существующего порядка, чем оно общее, неопределеннее, чем глубже скрывается во мгле туманных представлений, чем более поддается произволу фантазии, тем оно дороже для оппозиционного либерализма. Держась отрицательного направления, оппозиционный либерализм довольствуется весьма немногосложным боевым снарядом. Он подбирает себе несколько категорий, на основе которых он судит обо всем, он сочиняет себе несколько ярлычков, которые целиком наклеивает на явления, обозначая тем похвалу или порицание. Вся общественная жизнь разбивается на два противоположных полюса, между которыми

проводится непроходимая и неизменная черта. Похвалу означают ярлычки: община, мир, народ, выборное начало, самоуправление, гласность, общественное мнение и т.п. Какие положительные факты и учреждения под этим разумеются, ведает один Бог, да и то вряд ли. Известно, что все идет как нельзя лучше, когда люди все делают сами. Только неестественное историческое развитие да аристократические предрассудки, от которых надо бы избавиться, виноваты, что мы не сами шьем себе платье, готовим себе обед, чиним экипажи. Одно возвращение к первобытному хозяйству, к первобытному самоуправлению может водворить благоденствие на земле. Этим светлым началам, царству Ормузда, противопоставляются духи тьмы, царства Аримана. Эти мрачные демоны называются: централизация, регламентация, бюрократия, государство. Ужас объемлет оппозиционного либерала при звуке этих слов, от которых все горе человеческому роду. Здесь опять не нужно разбирать, что под ними разумеется; к чему такой труд? Достаточно приклеить ярлычок, сказать, что это — централизация или регламентация, — и дело осуждено безвозвратно. У большей части наших оппозиционных либералов весь запас мыслей и умственных сил истощается этой игрой в ярлычки.

В практической жизни оппозиционный либерализм держится тех же отрицательных правил. Первое и необходимое условие — не иметь ни малейшего соприкосновения с властью, держаться как можно дальше от нее. Это не значит, однако, что следует

отказываться от доходных мест и чинов. Для природы русского человека такое требование было бы слишком тяжело. Многие и многие оппозиционные либералы сидят на теплых местечках, надевают придворный мундир, делают отличную карьеру, и тем не менее считают долгом, при всяком удобном случае, бранить то правительство, которому они служат, и тот порядок, которым они наслаждаются. Но чтобы независимый человек дерзнул сказать слово в пользу власти — Боже упаси! Тут поднимется такой гвалт, что и своих не узнаешь.

Это — низкопоклонство, честолюбие, продажность. Известно, что всякий порядочный человек должен непременно стоять в оппозиции и ругаться.

Затем следует план оппозиционных действий. Цель их вовсе не та, чтобы противодействовать положительному злу, чтобы практическим путем, соображаясь с возможностью, добиться исправления. Оппозиция не нуждается в содержании. Все дело общественных двигателей состоит в том, что агитировать, вести оппозицию, делать демонстрации и

И ПОЛИТИКА

манифестации, выкидывать либеральные фокусы, устроить какую-нибудь шутку кому-нибудь в пику, подобрать статью свода законов, присвоив себе право произвольного толкования, уличить квартального в том, что он прибил извозчика, обойти цензуру статейкою с таинственными намеками и либеральными эффектами или, еще лучше, напечатать какую-нибудь брань за границей, собирать вокруг себя недовольных всех сортов, из самых противоположных лагерей, и с ними отводить душу в невинном свирепении, в особенности же протестовать при малейшем поводе и даже без всякого повода. Мы до протестов большие охотники. Оно, правда, совершенно бесполезно, но зато и безвредно, а между тем выражает благородное негодование и усладительно действует на огорченные сердца публики.

Оппозиция более серьезная, нежели та, которая является у нас, нередко впадает в рутину оппозиционных действий и тем подрывает свои кредиты и заграждает себе возможность влияния на общественные дела. Правительство всегда останется глухо к тем требованиям, которые относятся к нему чисто отрицательно, упуская из виду собственное его положение и окружающие его условия. Такого рода отношение почти всегда бывает в странах, где оппозиционная партия не имеет возможности сама сделаться правительством и приобрести практическое знакомство со значением и условиями власти. Постоянная оппозиция неизбежно делает человека узким и ограниченным. Поэтому, когда наконец открывается поприще для деятельности, предводители оппозиции нередко оказываются неспособными к правлению, а либеральная

партия, по старой привычке, начинает противодействовать своим собственным вождям, как скоро они стали министрами.

Когда либеральное направление не хочет ограничиваться пустословием, если оно желает получить действительное влияние на общественные дела, оно должно начать с иных начал, начал зиждущих, положительных, оно должно приноравливаться к жизни, но черпать уроки из истории; оно должно действовать, понимая условия власти, не становясь к ней в систематически враждебное отношение, не предъявляя безрассудных требований, но сохраняя беспристрастную независимость, побуждая и задерживая, где нужно, и стараясь исследовать истину хладнокровным обсуждением вопросов. Это и есть либерализм охранительный.

Свобода не состоит в одном приобретении и расширении прав. Человек потому только имеет права, что он несет на себе обязанность, и наоборот, от него можно требовать исполнения обязанностей единст-

венно потому, что он имеет права. Эти два начала неразрывные. Все значение человеческой личности и вытекающих из нее прав основано на том, что человек есть существо разумно-свободное, которое носит в себе сознание верховного нравственного закона и в силу свободной своей воли способно действовать по представлению долга. Абсолютное значение закона дает абсолютное значение и человеческой личности, его сознающей. Отнимите у человека это сознание — он становится наряду с животными, которые повинуются влечениям и не имеют прав. К ним можно иметь привязанность, сострадание, а не уважение, потому что в них нет бесконечного элемента, составляющего достоинство человека.

Но верховный нравственный закон, идея добра, это непереносимое условие свободы, не остается отвлеченным началом, которое действует на совесть и которому человек может повиноваться по своему усмотрению. Идея добра осуществляется во внешнем мире; она соединяет людей в общественные союзы, в которых люди связываются постоянной связью, подчиняясь положительному закону и установлениям власти. Каждый человек рождается членом такого союза. Он получает в нем положительные права, которые все обязаны уважать, и положительные обязанности, за нарушение которых он подвергается наказанию. Личная его свобода, будучи неразрывно связана со свободой других, может жить только под сенью гражданского закона, повинуюсь власти, его охраняющей. Власть и свобода точно так же нераздельны, как нераздельны свобода и

нравственный закон. А если так, то всякий гражданин, не преклоняясь безусловно перед властью, какова бы она ни была, во имя собственной свободы обязан уважать существо самой власти.

«Немного философии, — сказал Бэкон, — отвращает от религии, более глубокая философия возвращает к ней». Эти слова можно применить к началу власти. Чисто отрицательное отношение к правительству, систематическая оппозиция — признак детства политической мысли. Это первое ее пробуждение. Отрешившись от безотчетного погружения в окружающую среду, впервые почувствовав себя независимым, человек радуется необъятной радостью. Он забывает все, кроме своей свободы. Он оберегает ее жадно, как недавно приобретенное сокровище, боясь потерять из нее малейшую частичку. Внешние условия и ограничения для него не существуют. Историческое развитие, установленный порядок, все это — отвергнутая старина; это — сон, который предшествовал пробуждению. Человек в себе самом видит центр Вселенной и исполнен безграничного доверия к своим силам. Но когда чувство свободы возмужало и глубоко укоренилось в сердце, когда оно

И ПОЛИТИКА

утвердилось в нем незыблемо, тогда человеку нечего опасаться за свою независимость. Он не сторожит ее боязливо, потому что это — не новое, не внешне приобретение, а сама жизнь его духа, мозг его костей. Тогда лишь раскрывается перед ним отношение этого внутреннего центра к окружающему миру. Он не отрешается от последнего в своевольном порыве, но, сохраняя бесконечную свободу мысли и непоколебимую твердость совести, он сознает связь своего внутреннего мира с внешним; он постигает зависимость своей внешней свободы от свободы других, от исторического порядка, от положительного закона, от установленной власти. История и современность не представляются ему произведением бесконечного произвола и случайности, предметом ненависти и отрицания. Уважая свободу других, он уважает и общий порядок, который вытек из свободы народного духа, из развития человеческой жизни. За отрицанием следует примирение, за отрешением от начал, владычествующих в мире, — возвращение к ним, но возвращение не бессознательное, как прежде, а разумное, основанное на постижении истинного их существа и возможности дальнейшего хода. Разумное отношение к окружающему миру составляет положительный плод и высшее проявление человеческой свободы. Оно же и необходимое условие для ее водворения в обществе. Свобода не является среди людей, которые делают из нее предлог для шума и орудие интриг. Неистовые крики ее прогоняют, оппозиция без содержания не в силах ее вызвать. Свобода основывает свое жилище только там, где люди умеют

ценить ее дары, где в обществе утвердились терпимость, уважение к человеку и поклонение высшим силам, в которых выражается свободное творчество человеческого духа.

Сущность охранительного либерализма состоит в примирении начала свободы с началами власти и закона. В политической жизни лозунг его: либеральные меры и сильная власть — либеральные меры, представляющие обществу самостоятельную деятельность, обеспечивающие права и личность граждан, охраняющие свободу мысли и свободу совести, дающие возможность высказаться всем законным желаниям, — сильная власть, блюстительница государственного единства, связующая и сдерживающая общество, охраняющая порядок, строго надзирающая за исполнением закона, пресекающая всякое его нарушение, внушая гражданам уверенность, что во главе государства есть твердые руки, на которые можно надеяться, и разумная сила, которая сумеет отстоять общественные интересы и против напора анархических стихий, и против воплей реакционных партий.

В действительности, государство с благоустроенным общежитием всегда держится сильной властью разве что в те моменты, когда оно склоняется к падению или подвергается временному расстройству. Но и временное ослабление власти ведет к более энергичному ее восстановлению. Горький опыт научает народы, что им без сильной власти обойтись невозможно, и тогда они готовы кинуться в руки первого деспота. Они же обличают всю несостоятельность оппозиционного либерализма. Отсюда то обыкновенное явление, что те же самые либералы, которые в оппозиции ратовали против власти, получив правление в свои руки, становятся консерваторами. Это считается признаком двоедушия, низкопоклонства, честолюбия, отрекающегося от своих убеждений. Все это, без сомнения, слишком часто справедливо, но тут есть и более глубокие причины, которые заставляют самого честного либерала впасть в противоречие с собою. Необходимость управлять наделе раскрывает все те условия власти, которые упускают из вида в оппозиции. Тут недостаточно производить агитацию; надобно делать дело, нужно не разрушать, а устраивать, не противодействовать, а скреплять, и для этого требуются положительные взгляды и положительная сила. Либерал, облеченный властью, поневоле бывает принужден делать именно то, против чего он восставал, будучи в оппозиции. Мне случилось по этому поводу слышать от знаменитого Бунзена¹ следующий характеристический анекдот, который показывает, как на то смотрят государственные мужи в свободных странах —

когда О'Коннелл² был выбран дублинским мэром, Бунзен, бывший тогда прусским посланником в Лондоне, спросил у сэра Роберта Пиля³, в то время первого министра: не беспокоит ли его этот выбор? «Совсем напротив, — отвечал сэр Роберт Пиль, — для усмирения демагога нет лучшего средства, как дать ему какую-нибудь власть в руки, он по необходимости становится ее защитником».

Печатается по: Различные виды либерализма. Анонимное издание. М., 1862. (Авторство Б.Н. Чичерина установлено по его воспоминаниям.)

¹ *Бунзен Христиан Карл Иозас фон* (1791—1860) — немецкий ученый и государственный деятель.

² *О'Коннелл Даниэль* (1775—1847) — ирландский государственный деятель, выступавший за расторжение унии между Англией и Ирландией.

³ *Пиль Роберт сэр* (1788—1850) — государственный деятель Англии.

К. МАРКС**К критике гегелевской философии права****Введение**

[...] Утопической мечтой для Германии является *не радикальная* революция, не *общечеловеческая* эмансипация, а, скорее, частичная, *только* политическая революция, — революция, оставляющая нетронутыми самые устои здания. На чем основана частичная, только политическая революция? На том, что *часть гражданского общества* эмансипирует себя и достигает *всеобщего* господства, на том, что определенный класс, исходя из своего *особого положения*, предпринимает эмансипацию всего общества. Этот класс освобождает все общество, но лишь в том случае, если предположить, что все общество находится в положении этого класса, т.е. обладает, например, деньгами и образованием или может по желанию приобрести их.

Ни один класс гражданского общества не может сыграть эту роль, не возбудив на мгновение энтузиазма в себе и в массах. Это тот момент, когда данный класс братается и сливается со всем обществом, когда его смешивают с обществом, воспринимают и признают в качестве его *всеобщего представителя*; тот момент, когда собственные притязания и права этого класса являются поистине правами и притязаниями самого общества, когда он действительно представляет собой социальный разум и социальное сердце. Лишь во имя всеобщих прав общества отдельный класс может притязать на всеобщее господство. Для завоевания этого положения освободителя, а следовательно, для

политического использования всех сфер общества в интересах своей собственной сферы, недостаточно одной революционной энергии и духовного чувства собственного достоинства. Чтобы *революция народа и эмансипация отдельного класса* гражданского общества совпали друг с другом, чтобы *одно* сословие считалось сословием всего общества, — для этого, с другой стороны, все недостатки общества должны быть сосредоточены в каком-нибудь другом классе, для этого определенное сословие должно быть олицетворением общих препятствий, воплощением общей для всех преграды; для этого особая социальная сфера должна считаться *общепризнанным преступлением* в отношении всего общества, так что освобождение от этой сферы выступает в виде всеобщего самоосвобождения. Чтобы одно сословие было *par excellence*¹ со-

¹ По преимуществу (*лат.*).

словием-освободителем, для этого другое сословие должно быть, наоборот, явным сословием-поработителем. Отрицательно-всеобщее значение французского дворянства и французского духовенства обусловило собой положительно-всеобщее значение того класса, который непосредственно граничил с ними и противостоял им, — *буржуазии*.

Но ни у одного особого класса в Германии нет не только последовательности, резкости, смелости, беспощадности, которые наложили бы на него клеймо отрицательного представителя общества. В такой же степени ни у одного сословия нет также той душевной широты, которая отождествляет себя, хотя бы только на миг, с душой народа, того вдохновения, которое материальную силу воодушевляет на политическое насилие, той революционной отваги, которая бросает в лицо противнику дерзкий вызов: я — *ничто, но я должен быть всем*. Основу немецкой морали и честности, не только отдельных личностей, но и классов, образует, напротив, тот *сдержанный эгоизм*, который отстаивает свою ограниченность и допускает, чтобы и другие отстаивали в противовес ему свою ограниченность. Отношение между различными сферами немецкого общества поэтому не драматическое, а эпическое. Каждая из них начинает осознавать себя и располагаться, со всеми своими особыми притязаниями, рядом с другими не тогда, когда ее угнетают, а тогда, когда современные отношения создают — без всякого содействия с ее стороны — такую стоящую ниже ее общественную сферу,

которую она в свою очередь может угнетать. Даже *моральное чувство собственного достоинства немецкой буржуазии* основано лишь на сознании того, что она — общий представитель филистерской посредственности всех других классов. Поэтому не только немецкие короли вступают на престол *malá propos*¹, каждая сфера гражданского общества переживает свое поражение прежде, чем успевает отпраздновать свою победу, она устанавливает свои собственные преграды прежде, чем успевает преодолеть поставленную ей преграду, проявляет свою бездушную сущность прежде, чем ей удастся проявить свою великодушную сущность, — так что даже возможность сыграть большую роль всегда оказывается уже позади прежде, чем эта возможность успела обнаружиться, и каждый класс, как только он начинает борьбу с классом, выше его стоящим, уже оказывается вовлеченным в борьбу с классом, стоящим ниже его. Поэтому княжеская власть находится в борьбе с королевской,

¹ Некстати (*фр.*).

бюрократ — в борьбе с дворянством, буржуа — в борьбе с ними со всеми вместе, а в это время пролетарий уже начинает борьбу против буржуа. Буржуазия не дерзает еще сформулировать со своей точки зрения мысль об эмансипации, когда развитие социальных условий, а также и прогресс политической теории объявляют уже самую эту точку зрения устаревшей или, по крайней мере, проблематичной.

Во Франции достаточно быть чем-нибудь, чтобы желать быть всем. В Германии надо быть ничем, если не хочешь отказаться от всего. Во Франции частичная эмансипация есть основа всеобщей. В Германии всеобщая эмансипация есть *conditio sine qua non*¹ всякой частичной. Во Франции свобода во всей ее полноте должна быть порождена действительным процессом постепенного освобождения, в Германии — невозможностью такого постепенного процесса. Во Франции каждый класс народа — *политический идеалист* и чувствует себя прежде всего не особым классом, а представителем социальных потребностей вообще. Поэтому роль *освободителя* последовательно переходит — в полном драматизма движении — к различным классам французского народа, пока, наконец, не дойдет очередь до такого класса, который осуществит социальную свободу, уже не ограничивая ее определенными условиями, лежащими вне человека и все же созданными человеческим обществом, а, наоборот, организует все условия человеческого существования, исходя из социальной свободы как необходимой предпосылки. В Германии, напротив, где практическая жизнь так же лишена духовного содержания, как духовная жизнь лишена связи с

практикой, ни один класс гражданского общества до тех пор не чувствует ни потребности во всеобщей эмансипации, ни способности к ней, пока его к тому не принудят его *непосредственное* положение, *материальная* необходимость, его *собственные цепи*.

В чем же, следовательно, заключается *положительная* возможность немецкой эмансипации?

Ответ: в образовании класса, скованного *радикальными цепями*, такого класса гражданского общества, который не есть класс гражданского общества; такого сословия, которое являет собой разложение всех сословий; такой сферы, которая имеет универсальный характер вследствие ее универсальных страданий и не притязает ни на какое *особое право*, ибо над ней тяготеет не *особое бесправие*, а *бесправие вообще*, которая уже не может ссылаться на *историческое право*, а

¹ Необходимое условие (*лат.*).

только лишь на *человеческое* право, которая находится не в одностороннем противоречии с последствиями, вытекающими из немецкого государственного строя, а во всестороннем противоречии с его предпосылками; такой сферы, наконец, которая не может себя эмансипировать, не эмансипируя себя от всех других сфер общества и не эмансипируя, вместе с этим, все другие сферы общества, — одним словом, такой сферы, которая представляет собой *полную утрату* человека и, следовательно, может возродить себя лишь путем *полного возрождения человека*. Этот результат разложения общества, как особое сословие, есть *пролетариат*.

Пролетариат зарождается в Германии в результате начинающегося прокладывать себе путь *промышленного* развития; ибо не *стихийно сложившаяся, а искусственно созданная* бедность, не механически согнувшаяся под тяжестью общества людская масса, а масса, возникающая из *стремительного процесса его разложения*, главным образом из разложения среднего сословия, — вот что образует пролетариат, хотя постепенно, как это само собой понятно, ряды пролетариата пополняются и стихийно возникающей беднотой, и христианско-германским крепостным сословием.

Возвещая *разложение существующего миропорядка*, пролетариат раскрывает лишь *тайну своего собственного бытия*, ибо он и *есть фактическое* разложение этого миропорядка. Требуя *отрицания частной собственности*, пролетариат лишь возводит в *принцип общества* то, что общество возвело в *его* принцип, что воплощено уже в *нем*, в пролетариате, помимо его содействия,

как отрицательный результат общества. Пролетарий обладает по отношению к возникающему миру таким же правом, каким *немецкий король* обладает по отношению к уже возникшему миру, когда он называет народ *своим* народом, подобно тому как лошадь он называет *своей* лошастью. Объявляя народ своей частной собственностью, король выражает лишь тот факт, что частный собственник есть король.

Подобно тому как философия находит в пролетариате свое *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие, и как только молния мысли основательно ударит в эту нетронутую народную почву, совершится эмансипация *немца* в человека.

Из всего этого вытекает:

Единственно *практически* возможное освобождение Германии есть освобождение с позиций *той* теории, которая объявляет высшей сущностью человека самого человека. В Германии эмансипация *от средневековья* возможна лишь как эмансипация вместе с тем и от *час-*

тичных побед над средневековьем. В Германии *никакое* рабство не может быть уничтожено без того, чтобы не было уничтожено *всякое* рабство. *Основательная* Германия не может совершить революцию, не начав революции с *самого основания*.

Эмансипация немца есть эмансипация человека. Голова этой эмансипации — *философия*; ее *сердце* — *пролетариат*.

Философия не может быть воплощена в действительность без упразднения пролетариата, пролетариат не может упразднить себя, не воплотив философию в действительность. [...]

Печатается по: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 421—429.*

К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Предисловие

[...] В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие

определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе пере-

ворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. [...]

Печатается по: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 6, 7.

КРИТИКА ГОТСКОЙ ПРОГРАММЫ

Замечания к программе германской рабочей партии

[...] Свободное государство — что это такое?

Сделать государство «свободным» — это отнюдь не является целью рабочих, избавившихся от ограниченного верноподданнического образа мыслей. В Германской империи «государство» почти столь же «свободно», как в России. Свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный; да и в наше время большая или меньшая свобода государственных форм определяется тем, в какой мере они ограничивают «свободу государства».

Германская рабочая партия — по крайней мере, если она принимает эту программу, — обнаруживает, как неглубоко прониклась она социалистическими идеями; вместо того чтобы рассматривать существующее общество (а это сохраняет силу и для всякого будущего общества) как «основу» существующего *государства* (или будущее общество как основу будущего государства), она, напротив, рассматривает государство как

некую самостоятельную сущность, обладающую своими собственными «духовными, нравственными, свободными основами».

Да к тому же еще грубое злоупотребление в программе словами: «современное государство» и «современное общество», а также и еще более грубое непонимание того государства, которому она предъявляет свои требования!

«Современное общество» есть капиталистическое общество, которое существует во всех цивилизованных странах, более или менее свободное от примеси средневековья, более или менее видоизмененное особенностями исторического развития каждой страны, более или менее развитое. Напротив того, «современное государство» меняется с каждой государственной границей. В прусско-германской империи оно совершенно иное, чем в Швейцарии, в Англии совершенно иное, чем в Соединенных Штатах. «Современное государство» есть, следовательно, фикция.

Однако, несмотря на пестрое разнообразие их форм, различные государства различных цивилизованных стран имеют между собой то общее, что они стоят на почве современного буржуазного общества, более или менее капиталистически развитого. У них есть поэтому некоторые общие существенные признаки. В этом смысле можно говорить о «современной государственности» в противоположность тому будущему, когда отомрет теперешний ее корень, буржуазное общество.

Возникает вопрос: какому превращению подвергнется государственность в коммунистическом обществе? Другими словами: какие общественные функции останутся тогда, аналогичные теперешним государственным функциям? На этот вопрос можно ответить только научно; и сколько бы тысяч раз ни сочетать слово «народ» со словом «государство», это ни капельки не подвинет его разрешения.

Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме *как революционной диктатурой пролетариата*.

Но программа не занимается ни этой последней, ни будущей государственностью коммунистического общества.

Ее политические требования не содержат ничего, кроме всем известных демократических переполюсов: всеобщее избирательное право, прямое законодательство, народное право, народное ополчение и прочее. Это простой отголосок буржуазной Народной партии, лиги мира и свободы. Все это сплошь

требования, которые, поскольку они не переходят в фантастические представления, уже *осуществлены*. Только государство, их осуществившее, находится не в пределах Германской империи, а в Швейцарии, Соединенных Штатах и так далее. Подобного рода «государство будущего» есть *современное государство*, хотя и существующее вне «рамки» Германской империи.

Забыли, однако, об одном. Так как германская рабочая партия определенно заявляет, что она действует в пределах «современного национального государства», стало быть, своего государства, прусско-германской империи, — да иначе и требования ее были бы в большей части бессмысленны, так как требуют ведь только того, чего не имеют, — то она не должна была бы забывать самого главного, а именно, что все эти прекрасные вещицы покоятся на признании так называемого народного суверенитета и поэтому уместны только в *демократической республике*.

Раз уж не хватило мужества требовать демократической республики, как это делали французские рабочие программы при Луи-Филиппе и Луи-Наполеоне, — и разумно, ибо обстоятельства предписывают осторожность, — то незачем было прибегать и к этой уловке, которая не является ни «честной», ни достойной, — требовать вещей, которые имеют смысл лишь в демократической республике, от такого государства, которое представляет собой не что иное, как обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками и в то же время уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм, и сверх того еще торжественно заверять такое государство, что воображают добиться от него чего-либо подобного «законными средствами»!

Даже вульгарная демократия, которая в демократической республике видит осуществление царства божия на земле и совсем не подозревает, что именно в этой последней государственной форме буржуазного общества классовая борьба и должна быть окончательно решена оружием, — даже она стоит все же неизмеримо выше такого сорта демократизма, который держится в пределах полицейски дозволенного и логически недопустимого. [...]

Печатается по: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 26—30.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

Анти-Дюринг

О т д е л т р е т и й

СОЦИАЛИЗМ

I. Исторический очерк

[...] Подготавлившие революцию французские философы XVIII в. апеллировали к разуму как к единственному судье над всем существующим. Они требовали установления разумного государства, разумного общества, требовали безжалостного устранения всего того, что противоречит вечному разуму. Мы видели также, что этот вечный разум был в действительности лишь идеализированным рассудком среднего бюргера, как раз в то время развивавшегося в буржуа. И вот, когда французская революция воплотила в действительность это общество разума и это государство разума, то новые учреждения оказались, при всей своей рациональности по сравнению с прежним строем, отнюдь не аб-

солютно разумными. Государство разума потерпело полное крушение. [...] Обещанный вечный мир превратился в бесконечную вереницу завоевательных войн. Не более посчастливилось и обществу разума. Противоположность между богатыми и бедными, вместо того чтобы разрешиться во всеобщем благоденствии, еще более обострилась вследствие устранения цеховых и иных привилегий, служивших как бы мостом над этой противоположностью, а также вследствие устранения церковной благотворительности, несколько смягчавшей ее. Быстрое развитие промышленности на капиталистической основе сделало бедность и страдания трудящихся масс необходимым условием существования общества. Количество преступлений возрастало с каждым годом. Если феодальные пороки, прежде бесстыдно выставлявшиеся напоказ, были хотя и не уничтожены, но все же отодвинуты пока на задний план, — то тем пышнее расцвели на их месте буржуазные пороки, которым раньше предавались тайком. Торговля все более и более превращалась в мошенничество. «Братство», провозглашенное в революционном девизе, нашло свое осуществление в плутнях и в зависти, порождаемых конкурентной борьбой. Место насильственного угнетения занял подкуп, а вместо меча главнейшим рычагом общественной власти стали деньги. Право первой ночи перешло от феодалов к буржуа-фабрикантам. Проституция выросла до неслыханных размеров. Самый брак остался, как и прежде, признанной законом формой проституции, ее официальным прикрытием,

дополняясь к тому же многочисленными нарушениями супружеской верности. Одним словом, установленные «победой разума» общественные и политические учреждения оказались злой, вызывающей горькое разочарование карикатурой на блестящие обещания просветителей. Недоставало еще только людей, способных констатировать это разочарование, и эти люди явились на рубеже нового столетия. В 1802 г. вышли «Женевские письма» Сен-Симона; в 1808 г. появилось первое произведение Фурье, хотя основа его теории была заложена еще в 1799г.; 1 января 1800г. Роберт Оуэн взял на себя управления Нью-Ланарком.

Но в это время капиталистический способ производства, а вместе с ним и противоположность между буржуазией и пролетариатом были еще очень неразвиты. Крупная промышленность, только что возникшая в Англии, во Франции была еще неизвестна. А между тем лишь крупная промышленность развивает, с одной стороны, конфликты, делающие принудительной необходимостью переворот в способе производства, — конфликты не только между порожденными ею производи-

тельными силами и формами обмена; а с другой стороны, эта крупная промышленность как раз в гигантском развитии производительных сил дает также и средства для разрешения этих конфликтов. Если, следовательно, около 1800 г. конфликты, возникающие из нового общественного порядка, еще только зарождались, то еще гораздо менее развиты были тогда средства для их разрешения. Хотя во время террора неимущие массы Парижа захватили на одно мгновение власть, но этим они доказали только всю невозможность господства этих масс при тогдашних отношениях. Пролетариат, едва только выделившийся из общей массы неимущих в качестве зародыша нового класса, еще совершенно не способный к самостоятельному политическому действию, казался лишь угнетенным, страдающим сословием, помощь которому в лучшем случае, при его неспособности помочь самому себе, могла быть оказана извне, сверху.

Это историческое положение определило взгляды и основателей социализма. Незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории. Решение общественных задач, еще скрытое в неразвитых экономических отношениях, приходилось выдумывать из головы. Общественный строй являл одни лишь недостатки; их устранение было задачей мыслящего разума. Требовалось изобрести новую, более совершенную систему общественного устройства и навязать ее существующему обществу извне, посредством пропаганды, а по возможности и

примерами показательных опытов. Эти новые социальные системы заранее были обречены на то, чтобы оставаться утопиями, и чем больше разрабатывались они в подробностях, тем дальше они должны были уноситься в область чистой фантазии. [...]

Печатается по: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 267-269.*

Развитие социализма от утопии к науке

[...□ *Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность. Но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство как государство. Существовавшему и существующему до сих пор обществу, которое движется в классовых противоположностях, было необходимо государст-*

во, т.е. организация эксплуататорского класса для поддержания его внешних условий производства, значит, в особенности для насильственного удержания эксплуатируемого класса в определяемых данным способом производства условиях подавления (рабство, крепостничество или феодальная зависимость, наемный труд). Государство было официальным представителем всего общества, его сосредоточением в видимой корпорации, но оно было таковым лишь постольку, поскольку оно было государством того класса, который для своей эпохи один представлял все общество: в древности оно было государством рабовладельцев — граждан государства, в средние века — феодального дворянства, в наше время — буржуазии. Когда государство наконец-то становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним. С того времени, когда не будет ни одного общественного класса, который надо бы было держать в подавлении, с того времени, когда исчезнут вместе с классовым господством, вместе с борьбой за отдельное существование, порождаемой теперешней анархией в производстве, те столкновения и эксцессы, которые проистекают из этой борьбы, — с этого времени нечего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления, в государстве. Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества — взятие во владение средств производства от имени общества, — является в то же время последним самостоятельным актом его как государства.

Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области задругой излишним и само собой засыпает. На место управления лицами становится управление, вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отменяется», *оно отмирает*. На основании этого следует оценивать фразу про «свободное народное государство», фразу, имевшую до известной поры право на существование в качестве агитационного средства, но в конечном счете научно несостоятельную. На основании этого следует оценивать также требование так называемых анархистов, чтобы государство было отменено с сегодня на завтра. С тех пор как на историческую сцену выступил капиталистический способ производства; взятие обществом всех средств производства в свое владение часто представлялось в виде более или менее туманного идеала будущего как отдельным личностям, так и целым сектам. Но оно стало возможным, стало исторической необходимостью лишь тогда, когда фактические условия его проведения в жизнь оказались налицо. Как и всякий другой общественный прогресс, оно становится осущест-

вимым не вследствие осознания того, что существование классов противоречит справедливости, равенству и т.д., не вследствие простого желания отменить классы, в силу известных новых экономических условий. Разделение общества на классы — эксплуатирующий и эксплуатируемый, господствующий и угнетенный — было неизбежным следствием прежнего незначительного развития производства. Пока совокупный общественный труд дает продукцию, едва превышающую самые необходимые средства существования всех, пока, следовательно, труд отнимает все или почти все время огромного большинства членов общества, до тех пор это общество неизбежно делится на классы. Рядом с этим огромным большинством, исключительно занятым подневольным трудом, образуется класс, освобожденный от непосредственно производительного труда и ведающий такими общими делами общества, как управление трудом, государственные дела, правосудие, науки, искусства и т.д. Следовательно, в основе деления на классы лежит закон разделения труда. Это, однако, отнюдь не исключало применения насилия, хищничества, хитрости и обмана при образовании классов и не мешало господствующему классу, захватившему власть, упрочивать свое положение за счет трудящихся классов и превращать руководство обществом в усиленную эксплуатацию масс.

Но если разделение на классы имеет, таким образом, известное историческое оправдание, то оно имеет его лишь для известного периода и при известных общественных условиях. Оно

обуславливалось недостаточностью производства и будет уничтожено полным развитием современных производительных сил. И действительно, упразднение общественных классов предполагает достижение такой ступени исторического развития, на которой является анахронизмом, выступает как отжившее не только существование того или другого определенного господствующего класса, но и какого бы то ни было господствующего класса вообще, а следовательно, и самое деление на классы. Следовательно, упразднение классов предполагает такую высокую ступень развития производства, на которой присвоение особым общественным классом средств производства и продуктов, — ас ними и политического господства, монополии образования и духовного руководства, — не только становится излишним, но и является препятствием для экономического, политического и интеллектуального развития. Эта ступень теперь достигнута. Политическое и интеллектуальное банкротство буржуазии едва ли составляет тайну даже для нее самой. [...]

Печатается по: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 224—226.*

Я. МИЛЗА

Что такое фашизм?

Едва появившись в политическом лексиконе, слово фашизм¹ стало служить для обозначения самых различных режимов, движений, коллективных и индивидуальных действий и образов мышления. До самого последнего времени, особенно в странах либеральной демократии, фашизмом порой назывались любые проявления правой политики. Правые же, наоборот, с фашизмом отождествляли красный тоталитаризм. При этом ни в том, ни в другом лагере не могли четко объяснить, где кончается правая политика и где начинается тоталитаризм. Такая практика уподобления не нова. Еще в довоенный период движения и режимы, реакционные в весьма классическом смысле, легко причислялись к фашистским.

Три классические интерпретации фашизма, принадлежащие трем большим идеологическим антифашистским семьям, играли и продолжают играть важную роль в историографии проблемы. Первая из этих интерпретаций — теория «нравственной болезни» Европы. Наиболее разработанная версия данной теории принадлежит итальянскому философу Б. Кроче. Он считал, что фашизм — это реакция в большинстве европейских стран против общей тенденции осуществления идеалов, унаследованных от философии Просвещения. Таким образом, фашизм не вписывается в поток истории, не вытекает из данной политической ситуации, а напротив, является помехой, паузой в

распространении «сознания свободы» в западных обществах, болезнью, привитой здоровому организму.

Тезис о фашизме как «необыкновенном отклонении», отрыве от восходящей линии, которой следовала с XVIII в. европейская цивилизация, поддерживали и развивали другие западные исследователи либерального толка в послевоенный период. Все они рассматривали фашизм как «реакционный инцидент», обусловленный массовым стремлением к материальным благам вкупе с компенсаторной потребностью найти паллиатив утрате традиционных, особенно религиозных, идеалов;

¹ От итальянского *fascio di combattimento* — «боевая связка».

Термин был заимствован итальянскими националистами у крайне левых, он связан с революционаристской традицией («связки» сицилийских трудящихся в 1893—1894 гг.). Фашистским назвало себя общеитальянское собрание сторонников Муссолини, собравшееся 23 марта 1919г. в Милане.

этот инцидент мог лишь на время изменить нормальное продвижение европейской цивилизации и не имел подлинных корней в прошлом. Либеральные исследователи обычно указывают на сродство между фашизмом и коммунизмом. Кроче писал, что ни один социальный класс специально не думал о фашизме, не жалел его, не поддерживал его.

Вторая интерпретация фашизма — радикальная, первоначально появившаяся в левых немарксистских кругах. Ее сторонники делают упор на ответственность итальянской и немецкой буржуазии за приход фашизма и национал-социализма. По мнению радикалов, фашизм является логическим и неизбежным результатом длительной эволюции, следствием врожденных пороков исторического развития определенных стран, в первую очередь Италии и Германии.

Среди сторонников излагаемой теории существуют значительные расхождения относительно корней фашизма. Одни видят их в глубине истории (деспотизм и коррупция в итальянских государствах XVII в., лютеранская Реформация в Германии), другие ищут истоки фашизма ближе к современности. Если речь идет о Германии и Италии, то это десятилетия их развития после общенационального воссоединения и начала процесса индустриализации. В той и другой стране правящий класс оказался не способным восстановить равновесие, нарушенное быстрым промышленным ростом, политически сплотить массы и привести в действие механизмы действительно демократического режима. Таким образом, фашизм лишь обнаружил глубокий

кризис общества. Обращается также внимание на невключенность масс в политическую жизнь, над которой господствовала «парламентская диктатура». В рамках данной теории существует еще одна, более сбалансированная, тенденция, представители которой стремятся выявить в предыстории фашизмов зерна будущей тоталитарной диктатуры. Они отмечают, что до самого последнего момента фашистский исход не является «фатальным», «предопределенным», вместе с тем прецеденты националистического поведения могут обратиться мощными факторами фашистского влияния.

Третья классическая интерпретация фашизма принадлежит марксистам. Ее основу составляют следующие положения: фашизм можно объяснить лишь в рамках социоэкономических структур капиталистического общества, находящегося на стадии монополистической концентрации и империализма. Фашизм одновременно выражает их противоречия и является специфической для XX в. формой антипролетарской реакции.

Эта общая схема претерпевала изменения, которые можно проследить по документам III Интернационала. Со времени V конгресса Коминтерна (1925 г.) его руководители сходятся в том, что фашизм есть проявление катастрофического экономического кризиса, в котором капитализм оказался после войны. А этот кризис может завершиться в перспективе лишь победой пролетариата. Данный тезис приводил к идее о том, что в какой-то степени фашизм является позитивным явлением, ибо он ускоряет процесс загнивания капитализма и приближает пролетариат к революции. В 1931 г. на пленуме ИККИ Д. Мануильский заявил, что фашизм органически вырастает из буржуазной демократии. На этой идее основывалась тактика «класс против класса», которая доминировала в действиях компартий вплоть до 1935 г. Драматические последствия этого очевидны. Лишь после того, как гитлеровский режим обнаружил свои агрессивные устремления, в коминтерновскую формулировку были внесены существенные коррективы. Это означало, в частности, отход от тезиса о «социал-фашизме», признание того, что существует нефашистская, более того — антифашистская буржуазия, с которой возможно сотрудничество. Еще в 20-е гг. ряд марксистских теоретиков пытались скорректировать догматические концепции Коминтерна. Среди этих теоретиков выделяется А. Грамши, который интерпретировал фашизм не как завершение капитализма, а напротив, как форму организации молодого капитализма; фашизм не является прямым и простым выражением классового господства финансового капитала, но

есть результат равновесия между различными классами и социальными категориями, которые образуют «правлящий блок». Следует также упомянуть о работах неортодоксальных марксистов и марксистов-диссидентов, появившихся в межвоенный период. Среди них — Л. Троцкий, который «плавал» между определением фашизма как диктатуры крупного капитала и идеей о том, что маргинализирующаяся и пролетаризирующаяся мелкая буржуазия сыграла фундаментальную роль в пришествии фашизма. Философ Э. Блох объяснял фашизм сосуществованием в одном и том же обществе коллективных ментальных структур, соответствующих настоящему состоянию капиталистической экономики, и структур, относящихся к давно прошедшему времени. Такая «неодновременность» характерна в особенности для крестьянства и мелкой буржуазии.

Помимо трех названных выше классических интерпретаций фашизма, следует назвать и теории второстепенного значения для науки. К ним относятся апологетические трактовки фашизма, которые формулировали

сами его сторонники, а также историки с весьма консервативными взглядами. Первые подчеркивали революционные аспекты фашизма, требующего возвращения к источникам долиберальных ценностей, которым угрожали одновременно и деградация парламентской демократии, и подъем коммунизма. Вторые, напротив, делали ударение на консервативных элементах в фашизме, представляя его как оплот, который стихийно образовался ради спасения западного общества в тот момент, когда его грозит захлестнуть подрывная деятельность марксизма.

Более интересны теории некоторых католических мыслителей, в частности француза Ж. Маритена. В этих теориях принимается в известной мере тезис о «нравственной болезни». Но свою главную задачу их авторы видят в том, чтобы объяснить истоки цивилизационного кризиса, породившего эти два тоталитарные феномена — фашизм и коммунизм.

Среди социолого-политических исследований фашизма отметим в первую очередь разработанную американскими учеными либерального толка и немецкими социологами из франкфуртской школы с ее промарксистскими влияниями теорию тоталитаризма. Еще перед Второй мировой войной в общую категорию тоталитарных режимов стали включать немецкую, итальянскую и советскую диктатуры. Теория тоталитаризма воскресла и развилась вместе с холодной войной. Для ее сторонников фашизм вместе с коммунизмом — формы, которые принимает тоталитаризм, рассматриваемый как феномен XX в. У истоков

данного феномена находится кризис современного общества, восходящий к XIX в. и проявляющийся в переходе либерально-национального государства в империалистическую стадию, в крушении системы классовых ценностей и особенно в атомизации общества. Разрыв связей и распад традиционных социальных групп в результате промышленной революции ведут к освобождению индивидуумов вместе с нивелированием общества и культуры, которые обрекают людей на изолированность и однообразие. Так создаются «массы», эти «осколки атомизированного общества» (Х. Арндт), лишенные специфически классового сознания и определенных политических целей, а потому оказывающиеся легкой добычей демагогов всех мастей.

К. Фридрих и З. Бжезинский дают перечень основных критериев тоталитаризма. Это «глобальная» идеология, единственная партия, система физического и психологического террора, монополия на средства

информации и военный аппарат, бюрократический контроль над экономикой. Тоталитаризм интегрирует обычно апатичные и аполитичные массы в новую социополитическую систему и реструктурирует социальный организм в интересах «элиты» мелкобуржуазного происхождения, в которой первое время преобладают «маргинальные» элементы.

Теорию тоталитаризма породили определенные обстоятельства. Думается, в ней возникает политическая подоплека, когда ее представители больше стремятся подчеркивать то, что сближает фашизм и коммунизм, чем то, что их различает, противопоставляя этим двум формам тоталитаризма либерально-демократическое общество, к которому не пристаёт никакая зараза, освобожденное от ответственности. Ни условия взятия власти, ни игра социальных сил, создающая почву для прихода диктатуры, особого внимания теоретиков тоталитаризма не вызывают. В разрабатываемых ими моделях фашизм и нацизм появляются из небытия во всех доспехах.

Другие социологи не приходили к подобным заключениям, но также подчеркивали в своих объяснениях генезиса фашизма роль атомизации общества и появления в нем неорганизованных масс. Уже в 1929 г. немецкий исследователь К. Маннгейм описывал фашизм как вторжение на политическую сцену масс, не включенных в существующий социальный строй и руководимых деклассированными интеллектуалами. Последние составляют ядро «замещающей элиты», о которой говорил еще В. Парето.

Третья группа социологических интерпретаций фашизма на первый план среди объяснительных факторов выдвигает действия средних классов. Складывание взглядов этой группы началось в 30-е гг. (работы американца Г.Д. Лассуэлла и др.). Отметим здесь исследования С.М. Липсета. Он полагал, что каждая из трех больших политических семей, рожденных Французской революцией, покоится на определенной социальной базе: первым взглядам соответствуют различные фракции буржуазии, левым социалистическим — промышленные рабочие и самая бедная часть крестьянства, наконец, центристским — средние классы. (Хотя, конечно, имеются отдельные рабочие с правыми взглядами и отдельные буржуа — с левыми.) Каждая из трех названных социальных сил политически делится на две антагонистические тенденции — демократическую (или умеренную) и экстремистскую. В этой перспективе фашизм есть не что иное, как экстремистское крыло центристов, а радикализм (во французском понимании этого термина, обозначающего радикальное движение) представляет демократическое их

крыло. Такой подход позволяет Липсету отличать собственно фашизм от авторитарных движений и режимов, являющихся экстремистскими вариантами двух других социополитических семейств: у правых это реакционные диктатуры хортистского и салазаровского типа, у левых это, конечно, коммунизм, но также феномены, подобные перонизму. В то же время данный подход имеет немало слабых сторон. Особо отметим то, что никак не учитывается вмешательство крупных частных интересов в эволюцию движений и режимов фашистского типа.

Большое значение вклада американских социологов 60-х гг. в том, что они заставили историков (по крайней мере, некоторых из них) пересмотреть отношения между фашизмом и средним классом, переводя внимание с активистов и кадрового состава партий на их рядовых членов и избирателей, т.е. на социальную базу движения. А она оказывалась во множество раз менее маргинальной и атомизированной, чем это полагали теоретики «тоталитарной» школы. Основываясь на исследованиях по электоральной социологии, Липсет составил портрет-робот избирателя, поддержавшего в 1932 г. в Германии нацистов: самодеятельный представитель средних классов, проживающий на ферме или в местечке, протестант, ранее голосовавший за какую-то центристскую или регионалистскую партию, враждебно относящийся к крупной промышленности.

Наряду с социологическими развитие получили и социоэкономические интерпретации фашизма. Заслуга представителей этого направления состоит в том, что они

стремились найти точки соприкосновения между фашизмом 30-х гг. и некоторыми авторитарными режимами, утвердившимися в третьем мире в наши дни. Одна из наиболее значительных работ принадлежит американцу А.Ф.К. Органски, не считающему фашизм идеологическим продуктом мелкой буржуазии. Этот автор выделяет четыре этапа экономического роста современных обществ (во многом следуя схеме У. Ростоу): фашизм может появиться лишь на второй стадии — в начале индустриализации, первоначального накопления. Но европейский фашизм не был единственным ответом на эти проблемы, их решали и либерально-буржуазный режим, и сталинизм. Самое интересное в исследованиях Органски — то, что он вполне убедительно показывает: фашизм есть один из ответов на проблемы индустриализации; переход на этот уровень в наше время отставших в своем экономическом развитии стран реально воспроизводит условия, похожие на те, что существовали в Европе 20-х гг. А это может обусловить новый подъем фашизма в мире.

И ПОЛИТИКА

Социоэкономическое объяснение фашистского феномена предлагают также социологи марксистской формации, но исповедующие ле-ворадикальные взгляды. Речь идет о Г. Маркузе, М. Хоркхаймере, Т. Адорно, Ю. Хабермасе и вообще об участниках и приверженцах франкфуртской школы. Они смотрят на фашизм не как на «несчастный случай» с капитализмом, а как на «продукт исторической констелляции¹, имеющей глубокие корни в эволюции нашего социального порядка». На монополистической стадии современных экономик возникает фундаментальное противоречие между инфраструктурами, которые более не являются конкурентными, и идеологией, официально остающейся либеральной. В этом расхождении кроется угроза для монополистического капитализма. Для того чтобы уйти от нее, в межвоенное время и был использован фашизм. Ныне этой же цели служит «одномерное общество», Маркузе и его ученики понимают под ним социум, который ради абсолютной стабильности исключает всякую дискуссию, ориентируется на политическое однообразие, используя для его поддержания средства массовой информации и пропаганды. Иначе говоря, для социологов франкфуртской школы фашизм и неокapитализм — два аспекта одной социоэкономической реальности; современные развитые общества прекрасно могут поддерживать и укреплять свои структуры, не прибегая к такому чрезвычайному средству, каким являлась фашистская диктатура. Говоря о франкфуртской школе, мы подходим к еще одной интерпретации фашизма — психосоциальной. Обнаружив разрыв между монополистическими структурами и либеральными

надстройками, Хорк-хаймер показал, что этот разрыв ведет к развитию иррациональных тенденций, которые проявляются, например, в антисемитизме. Э. Фромм сделал вывод о том, что в деструктурированном обществе XX в. человек, лишившийся своих традиционных групповых связей, оказывается изолированным и отчужденным. Отсюда — ощущение беспомощности, от которого индивид пытается избавиться с помощью «механизмов бегства». Это авторитаризм, «разрушительность», конформизм. Они составляют опору фашизма. Фромм отнюдь не отрицает его экономическую и политическую базу. Но главное для ученого — объяснить, почему фашизм смог овладеть душами миллионов людей, не встретив сопротивления. По Фромму, в определенных социально-экономических условиях (инфляция, увеличивающая власть монополий) особенно

¹ Имеется в виду совпадение целого ряда факторов исторического развития.

Глава 14. СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГИИ
655

резко проявляются некоторые черты характера средних классов, начиная с садомазохистских тенденций. Их перехватывает и усиливает национал-социалистическая идеология, превращая в экспансионистскую силу. Сравнивая фашизм и сталинский коммунизм, Фромм признает одну их общую фундаментальную черту: они предоставляют атомизированному индивиду убежище и новую безопасность.

Для социоисторического объяснения фашизма довольно широко привлекаются понятия психоаналитической теории. По этому пути первым пошел австрийский психолог В. Райх: фашизм представляет собой главным образом девиантную (отклоняющуюся) и садомазохистскую реакцию на отчуждение в современном обществе, на сексуальное и властное подавление. Любопытна его психоаналитическая интерпретация выбора политических ориентации: общая структура характера обычного человека представляет собой три «концентрических» круга. На уровне внешнего слоя человек этот сдержан, вежлив, толерантен, сознает свой долг и владеет собой; ему психологически соответствует политический либерализм. Средний слой — это бессознательное, по Фрейду, — жестокие, садистские, похотливые, алчные, завистливые побуждения; фашизм ориентирован именно на такие импульсы. «На уровне третьего слоя («глубинного биологического ядра») человек снова добр, полон любви и т.д.; ему соответствует «чисто революционных дух». Райх пытался выяснить, почему женщины, молодежь, мелкие буржуа более подвержены влиянию фашизма. [...]

Печатается по: *Милза П.* Что такое фашизм? // Полис. 1995. № 2. С.156—163.

Раздел VI
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Глава 15

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И МОДЕРНИЗАЦИЯ

Д.А. РАСТОУ

Переходы к демократии: попытка динамической модели

Методологические положения [которые отстаиваются в данной работе] могут быть выражены в виде набора кратких тезисов.

1. Факторы, обеспечивающие устойчивость демократии, не обязательно равнозначны тем, которые породили данную форму устройства политической системы: при объяснении демократии необходимо проводить различия между ее функционированием и генезисом.
2. Корреляция — это не то же самое, что причинная связь: теория генезиса должны сконцентрировать внимание на выявлении последней.
3. Вектор причинной обусловленности не всегда направлен от социальных и экономических факторов к политическим.
4. Вектор причинной обусловленности не всегда идет от убеждений и позиций к действиям.
5. Процесс зарождения демократии не обязательно должен быть единообразным во всех точках земного шара: к демократии может вести множество дорог.

6. Процесс зарождения демократии не обязательно должен быть единообразным по временной протяженности: на длительность каждой из последовательно сменяющихся его фаз решающее воздействие могут оказать разные факторы.

7. Процесс зарождения демократии не обязательно должен быть единообразным в социальном плане: даже когда речь идет об одном и том же месте и одном и том же отрезке времени, стимулирующие его позиции политиков и простых граждан могут отличаться друг от друга.

Мой общий рефрен [...]: «Это не обязательно так». Каждый из при-веденных выше тезисов призывает к отказу от некоторых традиционных ограничений, от некоторых упрощенных предположений, высказывавшихся в предшествующих работах на данную тему, и к учету усложняющих, разнообразящих ситуацию факторов. Если бы методологическая аргументация этим и исчерпывалась, исследователи полностью бы лишились всяческих ориентиров, и задача создания теории генезиса демократии стала почти неразрешимой.

К счастью, анализ демократии с точки зрения ее генезиса требует — или допускает — введения ряда новых ограничителей, которые более чем компенсируют утрату семи прежних. Прежде чем подробнее развить эту часть методологической аргументации, целесообразно продолжить перечень кратких суммарных тезисов.

8. Эмпирические данные, положенные в основу теории генезиса демократии, должны — для каждой страны — охватывать период с момента, непосредственно предшествовавшего началу процесса, и вплоть до момента его окончательного завершения.

9. При исследовании логики трансформации *внутри* политических систем можно оставить за скобками страны, основной толчок к трансформации которых был дан из-за рубежа.

10. Модель, или идеальный тип, процесса перехода может быть получена на основе тщательного изучения двух или трех эмпирических примеров, а затем проверена путем приложения к остальным.

Вряд ли у кого вызовет сомнение, что при разработке теории, объясняющей генезис какого-либо явления, требуются диахронические данные, относящиеся не к некоему единичному моменту, а охватывающие определенный временной континуум. Более того, подобная теория должна строиться на основе анализа тех случаев, где процесс генезиса дает по существу завершен. Привлечение контрольных данных, касающихся недемократических государств и неудачных или только лишь начинающихся попыток перехода к демократии, может потребоваться на дальнейших стадиях теоретического осмысления феномена, однако гораздо удобнее начинать его изучение на примере стран, где он уже действительно возник. И, разумеется, «приход» демократии не следует понимать как нечто, свершившееся в течение года. Поскольку процесс становления демократии предполагает появление новых социальных групп и формирование новых, но ставших привычными моделей поведения, минимальный срок перехода — вероятно, поколение. В странах, *не* имевших более ранних образцов для подражания, переход к демократии,

как правило, идет еще медленнее. Можно, к примеру, утверждать, что в Англии этот процесс начался еще до 1640 г. и не был завершен вплоть до 1918 г. Тем не менее при выработке изначального набора гипотез целесообразно обратиться к опыту стран, где процесс протекал относительно быстро. [...]

Следующее ограничение — исключение на ранних стадиях исследования ситуаций, когда основной толчок к демократизации был дан извне. [...] То, что мы говорим об «*основном толчке, идущем извне*», и о процессах, происходящих «*преимущественно в рамках системы*», показывает, что влияния из-за рубежа присутствуют практически во всех случаях. Так, на всем протяжении истории важнейшей демократизирующей силой служили военные действия, требовавшие привлечения дополнительных человеческих ресурсов. Кроме того, демократические идеи заразительны — так было и во времена Ж.Ж. Руссо, и во времена Дж. Ф. Кеннеди. Наконец, насильственное свержение олигархии в одной из стран (например, во Франции в 1830 г. или в Германии в 1918г.) нередко настолько пугает правящие верхушки других стран, что толкает их к мирной капитуляции (к примеру, в Англии — в 1832 г., в Швеции — в 1918 г.). Такого рода проявления неизменно присутствующих международных влияний не следует путать с ситуациями, когда речь идет об активном участии во внутривнутриполитическом процессе демократизации лиц, прибывших из-за рубежа. Иными словами, на начальном этапе формулирования теории генезиса демократии следует оставить за скобками опыт тех стран, где демократия обязана своим появлением, в первую очередь, военной оккупации

(послевоенные Германия и Япония), тех, куда демократические институты или ориентации были привнесены иммигрантами (Австралия и Новая Зеландия), а также тех, где иммиграция — подобным или каким-то иным образом — сыграла ведущую роль в осуществлении демократических преобразований (Канада, Соединенные Штаты и Израиль). [...]

Модель, которую я хотел бы обрисовать на следующих нескольких страницах, в значительной мере основана на исследовании опыта Швеции — западной страны, осуществившей переход к демократии в период между 1890 и 1920 г., и Турции — вестернизирующегося государства, где процесс демократизации начался около 1945 г. и продолжается по сей день¹. [...].

¹ Статья впервые опубликована в 1970 г. — *Пер.*

II*А. Предварительное условие*

Отправной точкой модели служит единственное предварительное условие — наличие национального единства. Понятие «национальное единство» не содержит в себе ничего мистического типа плоти и крови (*Blut und Boden*) и ежедневных обетов верности им, или личной тождественности в психоаналитическом смысле, или же некой великой политической миссии всех граждан в целом. Оно означает лишь то, что значительное большинство граждан потенциальной демократии не должно иметь сомнений или делать мысленных оговорок относительно того, к какому политическому сообществу они принадлежат. Требование национального единства отсекает ситуации, когда в обществе наличествует латентный раскол, подобный тому, который наблюдался в габсбургской или оттоманской империях и присутствует сегодня в ряде африканских стран, равно как и те, когда, напротив, имеется сильная тяга к объединению нескольких сообществ, как во многих странах арабского мира. Демократия — это система правления временного большинства. Чтобы состав правителей и характер политического курса могли свободно сменяться, границы государства должны быть устойчивыми, а состав граждан — постоянным. По афористичному замечанию И. Дженнингса, «народ не может решать, пока некто не решит, кто есть народ».

Национальное единство названо предварительным условием демократизации в том смысле, что оно должно предшествовать

всем другим стадиям процесса — в остальное время его образования не имеет значения. [...]

Не имеет значения и то, каким образом достигалось национальное единство. Возможно, географическое положение страны было таким, что никакой серьезной альтернативы национальному единству просто никогда не возникало — здесь наилучшим примером служит та же Япония. Но чувство национальной принадлежности могло стать и следствием внезапной интенсификации социального общения, воплощенной ; специально придуманной для ее обозначения идиоме. Могло оно быть и наследием некоего династического или административного процесса объединения. [...]

В своих предыдущих работах я как-то писал о том, что в эпоху модернизации люди если и склонны испытывать чувство преимущественной преданности политическому сообществу, то лишь в том случае, если это сообщество достаточно велико, чтобы достичь некоего значительного

уровня соответствия требованиям современности в своей социальной и экономической жизни. Однако подобная гипотеза должна рассматриваться как одна из составляющих теории формирования наций, а отнюдь не теории демократического развития. В контексте рассматриваемой нами сейчас проблемы имеет значение лишь результат.

Существуют по крайней мере две причины, по которым я не стал бы называть этот результат «консенсусом». Во-первых, как доказывает К. Дойч, национальное единство — плод не столько разделяемых всеми установок и убеждений, сколько небезучастности (*responsiveness*) и взаимодополненности (*complementarity*). Во-вторых, понятие «консенсус» имеет дополнительный смысл, предполагающий осознанность убеждения и обдуманность согласия. Но предварительное условие перехода к демократии, о котором идет речь, полнее всего реализуется тогда, когда национальное единство признается на бессознательном уровне, когда оно молчаливо принимается как нечто само собой разумеющееся. Любое громогласное провозглашение консенсуса относительно национального единства в действительности должно настораживать. Националистическая риторика чаще всего звучит из уст тех, кто наименее уверен в своем чувстве национальной идентичности: в прошлом веке этим грешили немцы и итальянцы, в нынешнем — арабы и африканцы, но никогда — англичане, шведы или японцы.

Тезис о том, что национальное единство представляет собой единственное предварительное условие перехода к демократии, подразумевает, что для демократии не требуется какого-либо минимального уровня экономического развития и социальной дифференциации. Экономические и социальные факторы подобного рода входят в модель лишь опосредованно как возможные основы национального единства или же глубинного конфликта (см. ниже). Те социальные и экономические индикаторы, на которые исследователи так любят сослаться как на «предварительные условия» демократии, выглядят по меньшей мере сомнительными. Всегда можно найти недемократические страны, чей уровень развития по выдвинутым в качестве индикаторов показателям подозрительно высок — к примеру, Кувейт, нацистская Германия, Куба или Конго-Киншаса. Напротив, Соединенные Штаты 1820 г., Франция 1870 г. и Швеция 1890 г. вне всякого сомнения не прошли бы тест по какому-нибудь из показателей, касающихся уровня урбанизации или дохода на душу населения, не говоря уже о количестве экземпляров газет в обращении или числе врачей, кинофильмов и телефонных номеров на каждую тысячу жителей.

Поэтому модель умышленно оставляет открытым вопрос о возможности существования демократий (действительно заслуживавших бы такого наименования) в досовременные, донациональные времена и на низком уровне экономического развития. Найти содержательное определение демократии, которое охватывало бы современные парламентские системы наряду со средневековыми лесными кантонами, античными городами-государствами (теми, где не было рабов и метеков) и некоторыми доколумбовыми племенами индейцев, может оказаться весьма сложно. Решение подобной задачи выходит за рамки настоящего исследования, и все же мне не хотелось бы исключать возможность такого рода попытки.

Б. Подготовительная фаза

Согласно моей гипотезе, динамический процесс демократизации в собственном смысле слова — при наличии указанного выше предварительного условия — запускается посредством длительной и безрезультатной политической борьбы. Чтобы политическая борьба обрела названные черты, ее основные участники должны представлять прочно укоренившиеся в обществе силы (как правило, социальные классы), а спорные вопросы, вокруг которых она ведется, должны иметь для сторон первостепенное значение. Подобная борьба чаще всего начинается вследствие появления новой элиты, поднимающей угнетенные и лишенные ранее руководства социальные группы на согласованное действие. При этом конкретный социальный состав противоборствующих сторон — и лидеров, и рядовых

членов, — равно как и реальное содержание спорных вопросов будут различаться от страны к стране, а также от периода к периоду в жизни каждой отдельно взятой страны.

Так, в Швеции на рубеже XIX и XX вв. основными участниками борьбы были сперва фермеры, а затем низший средний и рабочий классы, с одной стороны, и консервативный альянс бюрократии, крупных землевладельцев и промышленников — с другой; в качестве объекта разногласий выступали тарифы, налогообложение, воинская повинность и избирательное право. В Турции же в последнее двадцатилетие идет спор между деревней и городом, точнее, между крупными и средними фермерами (которых поддерживает большинство сельского электората) и наследниками кемалевского военно-бюрократического истеблишмента; предмет спора — индустриализация или приоритетное развитие сельского хозяйства. В каждом из приведенных примеров основную роль играют экономические факторы, однако векторы причин-

но-следственных связей имеют противоположную направленность. Рубеж веков был для Швеции периодом бурного экономического развития, породившего новые политические напряженности; и в один решающий момент стокгольмским рабочим удалось преодолеть налоговый барьер, лишивший их ранее права голоса. Напротив, в Турции выдвижение требования сельскохозяйственного развития явилось следствием, а не причиной начавшейся демократизации.

Бывают ситуации, когда значение экономических факторов оказывается гораздо меньшим, чем в описанных выше случаях. В Индии и на Филиппинах ту подготовительную роль, которую в других местах играет классовый конфликт, сыграла продолжительная борьба националистических сил и имперской бюрократии по вопросу о самоуправлении. В Ливане в качестве противоборствующих сторон в незатухающей борьбе выступают главным образом конфессиональные группы, основной же ставкой являются правительственные посты. И хотя политические схватки подобного рода имеют, разумеется, и свое экономическое измерение, лишь самый непробиваемый экономический детерминист будет объяснять колониализм или религиозные разногласия исключительно экономическими причинами.

В своем классическом компаративном исследовании Дж. Брайс пришел к заключению, что « в прошлом к демократии вел лишь единственный путь — стремление избавиться от неких осязаемых зол». Демократия не была изначальной или основной целью

борьбы, к ней обращались как к средству достижения какой-то другой цели либо же она доставалась в качестве побочного продукта борьбы. Но поскольку осязаемых зол, постигающих человеческие сообщества, несметное число, брайсовский «единственный путь» распадается на множество отдельных дорог. В мире нет двух демократий, которые бы прошли через борьбу одних и тех же сил, ведущих спор по одному и тому же кругу вопросов и с теми же самыми институциональными последствиями. Поэтому представляется маловероятным, чтобы какая-либо будущая демократия в точности повторила путь одной из предшествующих. [...] Чтобы прийти к демократии, требуется не копирование конституционных законов или парламентской практики некоей уже существующей демократии, а способность честно взглянуть на свои специфические конфликты и умение изобрести или позаимствовать эффективные механизмы их разрешения.

Серьезный и продолжительный характер борьбы, как правило, побуждает соперников сплотиться вокруг двух противоположных знамен. Поэтому отличительной чертой подготовительной фазы перехода к де-

мократии является поляризация, а отнюдь не плюрализм. Тем не менее степень раскола общества имеет свои пределы, обусловленные требованием национального единства, которое, конечно же должно не только предшествовать началу процесса демократизации, но и присутствовать на всех его стадиях. Если линия раскола точно совпадает региональными границами, результатом скорее всего будет не демократия, а сецессия. У противоборствующих сторон, даже если их интересы имеют четко выраженную географическую направленность, должно сохраняться некое ощущение общности или же существовать некое региональное равновесие сил, которое исключит возможность массового изгнания соперников и геноцида. [...]

Важное значение на подготовительной фазе могут иметь перекрещивающиеся расколы, способные оказаться средством укрепления и поддержания чувства общности. [...]

В. Фаза принятия решения

Р. Даль писал, что «узаконенная партийная оппозиция — недавнее и случайное изобретение». Данное замечание полностью согласуется с приводившимся выше утверждением Брайса о том, что средством продвижения к демократии является преодоление осязаемых поводов для недовольства, а также с высказанным в настоящей статье предположением, что переход к демократии — сложный и запутанный процесс, тянувшийся многие десятилетия. Все это, однако, не исключает сознательного выдвижения в ходе подготовительной фазы таких целей, как избирательное право или свобода оппозиции. Не означает это и

того, что страна может стать демократией лишь по недоразумению. Напротив, подготовительная фаза завершается лишь тогда, когда часть политических лидеров страны принимает сознательное решение признать наличие многообразия в единстве и институционализировать с этой целью некоторые основополагающие механизмы демократии. Именно таким было принятое в 1907 г. в Швеции решение (я называю его «Великим компромиссом» политической жизни этой страны) ввести всеобщее избирательное право вкупе с пропорциональным представительством. Подобного рода решений может быть не одно, а несколько. Как известно, принцип ограниченного правления утвердился в Англии в результате компромисса 1688 г., кабинетное правление развилось в XVIII в., а реформа избирательного права была проведена аж в 1832 г. Даже в Швеции за «Великим компромиссом» в 1918 г. последовала дальнейшая реформа избирательной системы, закрепившая также принцип кабинетного правления.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Приобретается ли демократия «оптом», как в 1907 г. в Швеции, или же «в рассрочку», как в Англии, в любом случае она — результат сознательного решения со стороны по крайней мере верхушки политического руководства. Политики— профессионалы в области власти, и коренной сдвиг в сфере организации власти, подобный переходу от олигархии к демократии, не ускользнет от их внимания.

Решение предполагает выбор, и хотя выбор в пользу демократии не может быть сделан, если отсутствуют предварительное и подготовительное условия, это — реальный выбор, который не вытекает автоматически из наличия названных предпосылок. Как показывает история Ливана, альтернативными вариантами решения, способного прекратить затянувшиеся позиционные бои в политическом сообществе, могут стать мягкая автократия или иностранное господство. И, конечно же, не исключен и такой поворот событий, когда решение в пользу демократии или каких-то существенных ее компонентов было предложено и отвергнуто, что ведет к продолжению подготовительной фазы либо к искусственному ее прекращению.

Решение в пользу демократии проистекает из взаимодействия нескольких сил. Поскольку условия сделки должны быть четко оговорены и кто-то должен взять на себя риск относительно ее возможных будущих последствий, непропорционально большую роль здесь играет узкий круг политических лидеров. Среди групп, задействованных в переговорах, и их лидеров могут быть представлены бывшие соперники по подготовительной борьбе. К

числу других потенциальных участников переговоров относятся группы, отколовшиеся от основных противоборствующих сторон или только что вышедшие на политическую сцену. В Швеции, например, такие новообразованные и промежуточные группы сыграли решающую роль. В течение 1890-х гг. консерваторы и радикалы (первых возглавляли промышленники, вторых — интеллектуалы) заострили спорные вопросы и придали им отчетливую форму. Затем наступил период пата, когда рухнула дисциплина во всех недавно образованных парламентских партиях, — начался своего рода процесс хаотизации, в ходе которого были придуманы и опробованы многочисленные варианты компромиссов, комбинаций и перегруппировок. Формула, взявшая верх в 1907 г., была выработана при решающем участии умеренно консервативного епископата и умеренно либерального фермерства — сил, которые ни до, ни после этой фазы принятия решения не играли сколько-нибудь существенной роли в политике.

Варьируются не только типы сил, обеспечивших выбор демократического решения, и не только содержание такого решения, но и мотивы, по которым оно предполагается и принимается. Охранительные силы могут уступить из опасения, что, продолжая сопротивляться, они в конечном итоге обрекут себя на гораздо большие потери. (Подобными соображениями руководствовались английские виги в 1832 г. и шведские консерваторы в 1907 г.) Или же они могут, пусть с запозданием, возжелать быть достойными давно провозглашенных принципов: так было при переходе Турции к многопартийной системе, объявленном в 1945 г. президентом И. Инёню. В свою очередь, радикалы способны принять компромисс в качестве первого «взноса», будучи уверены, что время работает на них и другие «взносы» неизбежно последуют. И консерваторы, и радикалы могут устать от длительной борьбы или же испугаться, что она перерастет в гражданскую войну. Страх перед гражданской войной, как правило, приобретает гипертрофированные размеры, если общество прошло через подобную гражданскую войну в недавнем прошлом. Как остроумно заметил Б. Мур, гражданская война в Англии была решающей «заблаговременной инъекцией насилия, обеспечившей последующую постепенность преобразований». Короче говоря, демократия, как и любое другое коллективное действие, обычно является производным огромного множества разнородных побуждений. Принятие демократического решения в каком-то смысле может рассматриваться как акт сознательного, открыто выраженного

консенсуса. Но, опять-таки, это достаточно туманное понятие следует использовать с осторожностью и, возможно, ему лучше найти какой-то менее неопределенный синоним. Во-первых, как показывает Брайс, демократическая суть решения может быть побочным результатом разрешения других важных проблем. Во-вторых, поскольку речь идет действительно о компромиссе, это решение будет восприниматься каждой из задействованных сторон как своего рода уступка — и, конечно, не будет олицетворять собой согласия по вопросам принципов. В-третьих, даже если говорить об одобренных процедурах, то и здесь, как правило, сохраняются различия предпочтений. Всеобщее избирательное право при пропорциональном представительстве — суть шведского компромисса 1907 г. — практически в равной степени не удовлетворяло ни консерваторов (которые предпочли бы сохранить прежнюю плутократическую систему голосования), ни либералов и социалистов (которые выступали за правление большинства, не выхолащенное пропорциональным представительством). Что имеет значение на стадии принятия решения,

так это не ценности, которых лидеры абстрактно придерживаются, а шаги, которые они готовы предпринять. В-четвертых, соглашение, выработанное лидерами, отнюдь не является всеобщим. Оно должно быть перенесено на уровень профессиональных политиков и населения в целом. Решение последней задачи — суть последней фазы модели, фазы привыкания.

Г. Фаза привыкания

Неприятное решение, будучи принятым, со временем, как правило, начинает представляться все более и более приемлемым, раз уж приходится сообразовывать с ним свою жизнь. Повседневный опыт каждого из нас дает тому немало примеров. [...] Кроме того, демократия, по определению, есть конкурентный процесс, а в ходе демократической конкуренции преимущества получают те, кто может рационализировать свою приверженность новой системе, и еще большие — те, кто искренне верит в нее. Яркой иллюстрацией данного тезисам может служить метаморфоза, произошедшая со шведской консервативной партией за период с 1918 по 1936 г. За эти два десятилетия лидеры, которые скрепя сердце смирились с демократией или приняли ее из прагматических соображений, ушли в отставку или умерли, а их место заняли те, кто действительно верил в нее. Такая же разительная перемена наблюдалась и в Турции, где на смену руководству И. Иненю, который поддерживал демократию из чувства долга, и А.

Мендереса, видевшего в ней великолепное средство реализации своих амбиций, пришло молодое поколение лидеров, понимавших демократию более широко и всем сердцем преданных ей. Короче говоря, в ходе самого функционирования демократии идет дарвинистский отбор убежденных демократов, причем по двум направлениям — во-первых, среди партий, участвующих во всеобщих выборах, и во-вторых, среди политиков, борющихся за лидерство в каждой из этих партий. Но политика состоит не только из конкурентной борьбы за правительственные посты. Помимо всего прочего, это — процесс, направленный на разрешение внутригрупповых конфликтов, будь то конфликты, обусловленные столкновением интересов или связанные с неуверенностью в завтрашнем дне. Новый политический режим есть новый рецепт осуществления совместного рывка в неизведанное. И поскольку одной из характерных черт демократии является практика многосторонних обсуждений, именно этой системе в наибольшей степени присуще развитие методом проб и ошибок, обучение на собственном

опыте. Первый великий компромисс, посредством которого устанавливается демократия, если он вообще оказывается жизнеспособным, сам по себе является свидетельством эффективности принципов примирения и взаимных уступок. Поэтому первый же успех способен побудить борющиеся политические силы и их лидеров передать на решение демократическими методами и другие важнейшие вопросы. Так, в последней трети XIX столетия Швеция оказалась в ситуации полного политического пата, когда ни одна из сторон не могла провести своего варианта решения первоочередных вопросов, стоявших тогда на повестке дня и касавшихся реформы систем налогообложения и воинской службы, унаследованных еще с XVI в. Но за два десятилетия, прошедших с 1918 г., когда шведы окончательно приняли демократию, все несметное множество щекотливых вопросов было — целенаправленно или походя — разрешено. Социал-демократы отказались от своих прежних пацифизма, антиклерикализма и республиканства, равно как и от требования национализации промышленности (хотя пойти на уступку по последнему пункту им было крайне непросто). Консерваторы, бывшие когда-то непреклонными националистами, поддержали участие Швеции в международных организациях. Наряду с прочим, консерваторы и либералы полностью одобрили государственное вмешательство в экономику и создание государства всеобщего благосостояния. Разумеется, спираль развития, которая в Швеции вела вверх, ко все большим и большим успехам в демократическом процессе,

может вести и в противоположном направлении. Явная неудача при разрешении какого-то животрепещущего политического вопроса ставит под удар будущее демократии. Когда же нечто подобное происходит в начале стадии привыкания, последствия могут оказаться роковыми.

Если посмотреть на то, как происходила эволюция политических споров и конфликтов в западных демократиях в прошлом столетии, сразу же бросается в глаза разительное отличие между социальными и экономическими проблемами — с ними демократия справляется относительно просто, и вопросами общности, разрешить которые бывает гораздо труднее. Глядя спустя столетие на выкладки Маркса, легко заметить, что некоторые важнейшие постулаты, на которых они строились, ошибочны. В национальных чувствах Маркс видел не более чем личину, прикрывающую классовые интересы буржуазии. Он отбрасывал религию как опиум для народа. Напротив, экономика представлялась ему сферой, где развернутся действительно подлинные и все более ожесточенные бои, которые в конечном итоге сметут с лица земли буржуазную

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

демократию. На самом же деле демократия стала наиболее эффективным инструментом разрешения политических вопросов именно в тех странах, где основные противоречия имели социальную или экономическую природу — в Англии, Австралии, Новой Зеландии, скандинавских странах. Наиболее же упорной оказалась борьба между религиозными, национальными и расовыми группами, и она-то и явилась причиной периодических вспышек ожесточенности, например, в Бельгии, Голландии, Канаде и Соединенных Штатах. Объяснить подобный поворот событий не так сложно. Что касается социоэкономической сферы, то здесь — во всяком случае в Европе — распространение марксизма само до известной степени стало тем фактором, который воспрепятствовал реализации пророчеств Маркса. Однако дело не только в этом, но и в существенных различиях в природе проблем первого и второго рода. По вопросам экономической политики и социальных расходов всегда можно достичь компромисса. В условиях экономического роста сделать это вдвойне просто: спор относительно уровня заработной платы, прибылей, потребительских накоплений и социальных выплат может быть обращен в игру с положительной суммой. Но нельзя найти среднее арифметическое между фламандским и французским как государственным языком или же кальвинизмом, католицизмом и секуляризмом как основой образовательного процесса. В лучшем случае тут можно добиться компромисса относительно разделения сфер, где будет действовать тот или

иной принцип («inclusive compromise»), установив систему, при которой в одних государственных учреждениях используется французский язык, тогда как в других — фламандский; часть детей обучается по Фоме Аквинскому, часть — по Кальвину, а часть — по Вольтеру. Выбор такого варианта решения способен до некоторой степени деполитизировать вопрос. Вместе с тем переход к подобной системе не сглаживает существующие в обществе различия, а закрепляет их и, соответственно, может привести к превращению политического конфликта в своего рода позиционную войну.

Трудности, с которыми сталкивается демократия в разрешении проблем общности, еще раз показывают важность национального единства как предварительного условия демократизации. Самые тяжелые бои при демократии — это те, которые направлены против врожденных пороков политического сообщества.

Выше уже говорилось, что при переходе к демократии может потребоваться, чтобы позиции политиков в чем-то совпадали, но в чем-

то и отличались от позиций рядовых граждан. Разница между политиками и рядовыми гражданами заметна уже на стадии принятия решения, когда лидеры заняты поиском компромисса, тогда как их сторонники продолжают устало нести знамена прежней борьбы. Еще более очевидной она становится в фазе привыкания, во время которой происходят процессы тroyакого рода. Во-первых, опыт успешного разрешения неких проблем учит и политиков, и граждан безоглядно верить в новые механизмы и использовать их при решении возникающих проблем. Доверие к демократии будет расти особенно быстро, если в первые же десятилетия существования нового режима в управлении государственными делами сможет принять участие широкий спектр политических течений — либо путем объединения в различного рода коалиции, либо поочередно сменяясь в роли правительства и оппозиции. Во-вторых, как мы только что видели, опыт использования механизмов демократии и конкурентных принципов рекрутирования руководства будет укреплять политиков в их демократических привычках и убеждениях. В-третьих, с появлением эффективных партийных организаций, которые на деле свяжут столичных политиков с электоральными массами по всей стране, в новую систему полностью вольется и население.

Упомянутые партийные организации могут быть прямыми наследниками партий, действовавших во время подготовительной фазы демократизации (фазы конфликта): расширение числа лиц, обладающих правом голоса, которое

происходит в период принятия демократического «решения», может открыть перед ними широкое поле для развития. Однако может случиться и так, что в фазе конфликта не возникнет партий, которые имели бы реальную массовую базу, а расширение электората будет весьма ограниченным. Но и в такой ситуации частичной демократизации политической системы могут прийти в действие движущие силы конкуренции, которые доведут процесс до его завершения. Чтобы обеспечить своим группам в будущих парламентах постоянный приток новых членов, парламентские партии станут искать поддержки организаций избирателей. То та, то другая партия может увидеть свой шанс опередить оппонентов в расширении электората или в уничтожении других препон на пути к правлению большинства. Такой, грубо говоря, и была, видимо, суть происходившего в Англии в период между 1832 г. и 1918 г. Единственным же логическим завершением описанного динамического процесса может стать, разумеется, лишь полная демократизация.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

III

Из представленной выше модели вытекают три общих вывода.

Во-первых, модель устанавливает, что для генезиса демократии требуется несколько обязательных компонентов. С одной стороны, должно иметься чувство национального единства. С другой — необходимо наличие устойчивого и серьезного конфликта. Кроме того, нужен сознательный выбор демократических процедур. Наконец, и политики, и электорат должны привыкнуть к новым правилам.

Во-вторых, из модели следует, что названные компоненты должны складываться по одному, в порядке очередности. Каждая задача имеет свою логику и своих естественных протагонистов: сеть администраторов или группу националистически настроенной интеллигенции — при решении задач национального объединения; массовое движение низших классов, возможно, возглавляемое инакомыслящими представителями высших слоев, — при подготовительной борьбе; узкий круг политических лидеров, искусных в ведении переговоров и заключении компромиссов, — при формулировании демократических норм; разного рода организаторов и организации — при процессе привыкания. Иными словами, модель отказывается от поиска «функциональных реквизитов» демократии, поскольку подобный поиск означает смешение задач, что делает суммарную работу по демократизации практически невыполнимой. Данный аргумент аналогичен тому, который был выдвинут А. Хершменом и некоторыми другими экономистами против теории сбалансированного экономического роста. Не отрицая, что переход: от примитивной натуральной

экономики к зрелому индустриальному обществу требует изменений по всем параметрам — в навыках труда, в строении капитала, в структуре потребления, в денежной системе и т.д., — Хершмен и его единомышленники указывали, что любая страна, которая попытается решать все эти задачи одновременно, на практике окажется полностью парализованной, ибо самое прочное равновесие — равновесие стагнации. Поэтому, по их мнению, основной проблемой тех, кто нацелен на развитие экономики, должно стать выявление очередности задач, иными словами, поиск такой их последовательности, при которой они станут разрешимыми.

В-третьих, модель показывает, что при переходе к демократии последовательность процессов должна быть следующей: от национального единства как подосновы демократизации, через борьбу, компромисс и привыкание—к демократии. [...]

В целях компактности модели число ее основных компонентов сведено к четырем; вопрос о социальных условиях и психологических побуждениях, которые могли бы служить наполнением каждого из компонентов, оставлен полностью открытым. Особо следует отметить, что модель безусловно отвергает необходимость наличия тех двух факторов, которые иногда выдаются за предпосылки демократии, а именно: высокого уровня экономического и социального развития, а также изначального консенсуса — будь то по вопросам принципов или процедур. Разумеется, экономический рост может быть одним из обстоятельств, порождающих требуемые для подготовительной фазы (фазы конфликта) напряженности, но возможны и другие типы обстоятельств, которые имеют те же самые следствия. Появление же служб, обеспечивающих массовое образование и благосостояние, является, скорее, результатом, а не причиной демократизации.

Что касается консенсуса по вопросам фундаментальных принципов, то он вообще не может быть предпосылкой демократии. Если люди не находятся в состоянии конфликта по каким-то достаточно принципиальным вопросам, им и не нужно изобретать сложные демократические механизмы разрешения конфликтов. Принятие таких механизмов также логически является частью процесса перехода, а не его предварительным условием. Предлагаемая модель переводит различные аспекты консенсуса из категории статичных предпосылок в категорию активных элементов процесса. Здесь я следую за Б. Криком, который замечательно писал: «...Часто думают, что для того,

чтобы «царственная наука» [т.е. демократическая политика] могла действовать, должны уже иметься в наличии некая принимаемая всеми идея «общего блага», некий «консенсус» или согласие права (*consensus juris*). Но общее благо, о котором идет речь, само есть процесс практического согласования интересов различных ... совокупностей, или групп, образующих государство, а не некое внешнее и неосязаемое духовное связующее... Различные группы держатся вместе, во-первых, потому, что все они заинтересованы в выживании, во-вторых, потому, что они занимаются политикой, — а не потому, что соглашаются по неким «фундаментальным принципам» или придерживаются некоей идеи, слишком неопределенной, слишком личной, слишком божественной, чтобы портить ее политикой. Духовный консенсус свободного государства не есть нечто мистическим образом предшествующее политике или стоящее над ней — это продукт жизнедеятельности (цивилизаторской деятельности) самой политики».

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Основа демократии — не максимальный консенсус, но тонкая грань между навязанным единообразием (ведущим к какого-то рода тирании) и непримиримой враждой (разрушающей сообщество посредством гражданской войны или сецессии). Тот элемент, который можно назвать консенсусом, является составляющей по крайней мере трех этапов генезиса демократии. Необходимо изначальное чувство общности, причем желательно такое, которое бы молчаливо воспринималось как нечто само собой разумеющееся и, соответственно, стояло над просто мнением и просто согласием. Необходимо сознательное принятие демократических процедур, но в них должны не столько верить, сколько их применять — сначала, возможно, по необходимости и постепенно по привычке. По мере того как демократия будет успешно преодолевать очередной пункт из длинного списка стоящих перед ней проблем, само использование этих процедур будет шаг за шагом расширять зону консенсуса.

Но список проблем будет постоянно пополняться, и новые конфликты будут ставить под угрозу раз достигнутое согласие. Типичные для демократии процедуры — предвыборные выступления, избрание кандидатов, парламентские голосования, вотумы доверия и недоверия — это, вкратце, набор приемов выражения конфликта и — тем самым — разрешения его. Суть демократии — в привычке к постоянным спорам и примирениям по постоянно меняющемуся кругу вопросов и при постоянно меняющейся расстановке сил. Этот тоталитарные правители должны навязать единодушие по вопросам принципов и

процедур, прежде чем браться за другие дела. Демократия же — та форма организации власти, которая черпает сами свои силы из несогласия до половины управляемых.

Печатается по: *Растоу Д.А.* Переходы к демократии: попытка динамической модели // *Полис.* 1996. № 5. С. 5—15.

Л. ПШЕВОРСКИЙ

Переходы к демократии

Введение

Стратегическая проблема переходного периода — прийти к демократии, не допустив, чтобы тебя убили те, у кого в руках оружие, или уморили голодом те, кто контролирует производственные ресурсы. Уже из самой этой формулировки следует, что путь, ведущий к демократии,

тернист. А конечный результат зависит от пути. В большинстве стран, где была установлена демократия, она оказалась непрочной. В некоторых из них переход вообще заклинило. Для всякого перехода центральным является вопрос о прочной демократии, т.е. о создании такой системы правления, при которой политические силы ставят свои ценности и интересы в зависимость от не определенного заранее взаимодействия демократических институтов и подчиняются результатам демократического процесса. Демократия прочна, когда большинство конфликтов разрешается при посредстве демократических институтов, когда никому не позволено контролировать результаты *ex post* и они не предрешены *ex ante*; результаты значимы в известных пределах и вынуждают политические силы им подчиниться.

Заметим, что процесс распада авторитарного режима можно повернуть вспять, как это случилось в 1968 г. в Чехословакии, в 1974 г. в Бразилии и в 1981 г. в Польше. Он может привести и к новой диктатуре, как это произошло в Иране и Румынии. И даже если не будет установлена старая или какая-нибудь новая диктатура, переход может остановиться на полдороге и вылиться в такую форму правления, которая ограничивает конкуренцию или оказывается под угрозой военного вмешательства. Но и в том случае, когда все же удастся прийти к демократии, она не обязательно оказывается прочной. При определенных условиях деятельность демократических институтов может привести к тому, что в конце концов отдельные влиятельные политические силы сделают выбор в пользу авторитаризма. Следовательно,

прочная демократия — это всего лишь один из возможных исходов процесса распада авторитарных режимов.

Рассмотрим весь спектр возможностей, связанных с различными ситуациями переходного периода, с теми моментами, когда авторитарный режим распадается и на повестку дня встает вопрос о демократии. В зависимости от целей и ресурсов конкретных политических сил и структуры возникающих конфликтов вырисовываются пять возможных исходов этого процесса.

1. Структура конфликтов такова, что ни один демократический институт не может утвердиться и политические силы начинают бороться за новую диктатуру.

Конфликты, касающиеся политической роли религии, расы или языка, меньше всего поддаются разрешению с помощью институтов.

Наиболее характерным примером в этом отношении является, пожалуй, Иран.

2. Структура конфликтов такова, что ни один демократический институт не может утвердиться и все же политические силы соглашаются на демократию как на временное решение.

Парадигмальный пример подобной ситуации предложил О'Доннелл в своем исследовании Аргентины 1953—1976 гг. Основными предметами экспорта в аргентинской экономике были дешевые товары, и демократия там появляется как результат коалиции городской буржуазии и городских масс (альянс «город — город»). Создаваемые на основе данного альянса правительства стремятся наладить потребление на внутреннем рынке. Через некоторое время эта политика приводит к кризису платежного баланса и побуждает городскую буржуазию вступить в союз с земельной буржуазией, в результате чего образуется коалиция «буржуазия — буржуазия». Эта коалиция стремится снизить уровень массового потребления и нуждается для этого в авторитаризме. Но по прошествии времени городская буржуазия обнаруживает, что осталась без рынка, и вновь меняет союзников, на этот раз возвращаясь к демократии.

Исследуем этот цикл на этапе, когда диктатура только что распалась. Главная действующая сила — городская буржуазия — может выбрать одно из трех: а) сразу установить новую диктатуру; б) согласиться на демократию, а затем, когда наступит кризис платежного баланса, сменить союзников; в) сделать выбор в пользу демократии и поддерживать ее в дальнейшем. Имея в

виду экономические интересы городской буржуазии, а также структуру конфликтов, оптимальной следует считать вторую стратегическую линию. Отметим, что дело здесь не в какой-то близорукости: городская буржуазия сознает, что в будущем ей придется изменить свой выбор. Демократия служит оптимальным переходным решением.

3. Структура конфликтов такова, что если бы были введены отдельные демократические институты, они могли бы сохраниться, однако соперничающие политические силы борются за установление диктатуры.

Подобная ситуация может возникнуть, когда предпочтения политических сил различны в отношении конкретных институциональных структур; например, в отношении унитарной или же федеративной системы. Одна часть населения какой-либо страны выступает за унитарную систему, другая — за федеративную. Что произойдет при таких об

стоятельствах, неясно. Возможно, что если какая-то институциональная структура будет временно принята, это обретет силу договора и утвердится. Однако весьма вероятным является и открытый конфликт, дегенерирующий до состояния гражданской войны и диктатуры.

4. Структура конфликтов такова, что в случае введения некоторых демократических институтов они могли бы выжить, однако соперничающие политические силы соглашаются на нежизнеспособную институциональную структуру.

Но разве это не какое-то извращение? Тем не менее существуют ситуации, при которых следует ожидать именно этого исхода. Что же дальше? Предположим, что некий военный режим ведет переговоры о передаче власти. Силы, представляемые этим режимом, предпочитают демократию с гарантиями их диктаторских интересов, но боятся демократии без гарантий больше, чем *status quo*. И они в состоянии поддерживать диктаторский режим, если демократическая оппозиция не соглашается на институты, которые бы обеспечивали им такую гарантию. Оппозиция, со своей стороны, понимает, что если она не согласится на эти институты, военные вновь закрутят гайки. В результате на свет появляется демократия «с гарантиями». Если же вновь созданные демократические институты начинают подрывать власть военных, долго им не продержаться. В подобных ситуациях проявляется и политическая близорукость, и отсутствие знаний. Парадигмальный пример — события в Польше.

5. Наконец, структура конфликтов (дай-то бог) такова, что некоторые демократические институты могли бы сохраниться, и когда их вводят, они действительно оказываются прочными.

Условия, при которых появляются эти результаты, и пути, ведущие к ним, и составляют тему настоящей работы. Прологом к ней служит рассмотрение процесса либерализации авторитарных режимов. Затем рассматривается ход развития конфликтов, касающихся выбора институтов. Это происходит в двух различных контекстах: когда старый режим передает власть в результате переговоров и когда он распадается и проблема создания новых демократических институтов полностью переходит в руки *proto*- демократических сил. Последний раздел посвящен взаимодействию институтов и идеологий. Гипотезы, выдвигаемые при таком подходе, указывают на последствия конфликтов между сторонами, которые имеют свои особые интересы и ценности и действуют в не зависящих от их воли условиях. Эти

гипотезы должны быть проверены с помощью фактов, наблюдаемых в различных странах. Таким образом, гипотезы и факты носят сравнительный характер. И по мере развития событий в Восточной Европе в нашем распоряжении впервые оказывается достаточное количество конкретных свидетельств, позволяющих проверить гипотезы систематически и даже статистически. В настоящей работе я только выдвигаю такие гипотезы и не занимаюсь их проверкой.

Либерализация

Всем диктатурам, каким бы ни были в них пропорции «кнута и пряника», свойственна одна общая черта: они терпеть не могут и не терпят независимых организаций. Дело в том, что когда нет «коллективных» альтернатив, отношение отдельных лиц к существующему режиму мало сказывается на его стабильности. Уже Вебер отмечал, что «люди смиряются при отсутствии приемлемой альтернативы, в этом случае отдельная личность чувствует себя слабой и беспомощной». Авторитарным режимам угрожает не подрыв их легитимности, а организация контргегемонии: коллективные проекты альтернативного будущего. Только наличие коллективных альтернатив дает отдельной личности возможность политического выбора. Поэтому авторитарные режимы испытывают ненависть к независимым организациям и стараются или подчинить их централизованному контролю, или же подавить с помощью силы. Поэтому они так боятся слов, даже если слова передают то, что

всем известно; не содержание, а сам факт произнесения может нести в себе мобилизующий потенциал.

Почему же в какой-то момент группа, принадлежащая к авторитарному истеблишменту, вдруг начинает проявлять терпимость к какой-нибудь независимой организации гражданского общества? Испанский режим на определенном этапе прекратил преследования «рабочих комиссий» («comisiones obreras»); генерал Пиночет допустил возрождение политических партий; в июле 1986 г. генерал Ярузельский издал указ об амнистии всех лиц, осужденных за политическую деятельность, не содержащий пункта о рецидивах, и это послужило сигналом к легализации оппозиции; Эгон Кренц не препятствовал появлению первых ростков «Нового Форума». Все это — свидетельства об образовании трещин в монолитном блоке авторитарной власти, они дают знать гражданскому обществу, что по крайней мере некоторые формы независимых организаций не будут подавляться. Это — признаки начинающейся либерализации.

Объяснять такие решения можно двояким образом: «сверху» или «снизу». В какой-то степени эти типы объяснения отражают реальность. Венгрия, например, обычно рассматривается как почти чистый случай раскола в авторитарной власти. По словам К. Гроса, *«не оппоненты разрушили партию, а — как это ни парадоксально — само руководство»*. В Восточной Германии мы наблюдали другую крайность: во властных структурах не было и намека на раскол до тех пор, пока сотни тысяч людей не заполнили улицы Лейпцига. И все же в литературе, посвященной исследованию конкретных событий (case-study), для объяснения одного и того же события зачастую приводятся совершенно различные причины. Кардозо видел причины бразильского *distensao*, смятения напряженности, в давних разногласиях среди военных, а Ламонье считал это результатом массового движения. Так что модели этих двух типов, «сверху-вниз» и «снизу-вверх», часто соперничают при объяснении процесса либерализации. Аналитические трудности возникают потому, что модель, в которой различаются только два направления, слишком груба. Не являясь подлинной революцией, массовым восстанием, ведущим к полному уничтожению репрессивного аппарата, решения о либерализации принимаются и сверху, и снизу. Ибо даже в тех случаях, когда раскол авторитарного режима становился очевидным еще до всякого массового движения, остается неясным, почему режим дал трещину именно в данный конкретный момент. Отчасти ответ всегда состоит в том, что либерализаторы увидели возможность альянса с теми силами,

которые до этого времени оставались неорганизованными. Таким образом, в гражданском обществе уже есть сила, с которой можно объединиться. И наоборот, в тех случаях, когда массовое движение предшествовало расколу режима, остается неясным, почему режим решил не подавлять его силовыми методами. Отчасти ответ состоит в том, что режим был поделен между либерализаторами и сторонниками твердой линии (hardliners). Либерализация — результат взаимодействия разногласий внутри авторитарного режима и независимой организации гражданского общества. Массовое движение служит для потенциальных либерализаторов сигналом о том, что возможен альянс, который мог бы изменить соотношение сил в руководстве; и наоборот, разногласия в руководстве указывают гражданскому обществу, что политическое пространство открыто для вхождения в него независимых организаций. Поэтому массовое движение и разногласия внутри руководства взаимно подпитывают друг друга.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Независимо от того, что проявит себя первым — раскол в руководстве или массовое движение, — либерализация следует одной и той же логике. Различны лишь темпы. Массовое движение диктует темп преобразований, вынуждая режим решать: применить ли репрессии, или — кооптацию, или — передать власть. И сколько бы ни продолжалась либерализация, годы, месяцы или дни, режим и оппозиция всегда имеют дело с одним и тем же набором возможностей.

Проекты либерализации, выдвигаемые силами, принадлежащими к авторитарному истеблишменту, неизменно предполагают контролируруемую «открытость» политического пространства.

Обычно они возникают в результате разногласий в авторитарном блоке, порождаемых разного рода сигналами, которые возвещают о назревающем кризисе, скажем, о массовых волнениях. Проект либерализаторов обычно нацелен на снижение социальной напряженности и укрепление собственных позиций в руководстве путем расширения социальной базы режима. Он состоит в том, чтобы разрешить самостоятельную организацию гражданского общества и инкорпорировать новые группы в существующие авторитарные институты. Таким образом, либерализация оказывается зависимой от того, насколько ее результаты совместимы с интересами или ценностями авторитарного блока. Так, либерализацию называют открытостью (*apertura*), смягчением напряженности (*distensao*), обновлением (*odnowa*) или перестройкой (*perestroika* — т.е.

реконструкция дома). Эти термины недвусмысленно указывают на границы реформ.

Либерализации присуща нестабильность. Обычно происходит то, что Илья Эренбург в 1954 г. назвал оттепелью: таяние айсберга гражданского общества, приводящее к затоплению дамб авторитарного режима. Как только репрессии ослабевают, первая реакция — бурный рост независимых организаций в гражданском обществе. За короткое время возникают студенческие ассоциации, профессиональные союзы, *протопартии*. В Бразилии первыми организовались юристы, журналисты и студенты; за ними последовали *comunidades de base*, местные ячейки самоуправления. В Польше за несколько недель сентября 1980 г. к «Солидарности» присоединились 10 млн. человек. О своей независимости заявили даже организации, созданные режимом и находившиеся под его контролем, и не только из числа профессиональных ассоциаций, но и такие, например, как Общество туристов и путешественников и Ассоциация филателистов. [...]

Темпы мобилизации (*mobilization*) гражданского общества в разных режимах различны и зависят от того, что служит основой авторитарного

равновесия — ложь, страх или экономическое процветание. Равновесие, в основе которого ложь, — самое неустойчивое. В режимах ритуализированной речи, где все произносят слова, в которые сами не верят и в которые верить не предполагается, новое слово считается подрывом основ. И когда объявляют, что король голый, равновесие моментально нарушается. В Румынии несколько человек стали выкрикивать лозунги против Чаушеску во время демонстрации в честь его возвращения из Ирана, и через несколько дней режим пал. В режимах, базирующихся на страхе, где слова допускаются при условии, что они не произносятся публично, например, в постсталинистской Польше и пост-1982 Мексике, инакомыслие может тлеть долгое время, пока не вспыхнет ярким пламенем. Решающим фактором в разрушении индивидуальной изоляции является чувство безопасности, возникающее при скоплении массы людей. Поляки обнаружили силу оппозиции во время визита в Польшу в июне 1979 г. папы Иоанна Павла II, когда на улицы вышли 2 млн. человек. В Болгарии первая независимая демонстрация, прошедшая 17 ноября 1989 г., выросла из демонстрации, организованной в поддержку самого себя новым правительством Младенова. В Восточной Германии массовое движение началось, когда поезда с беженцами стали пересекать Чехословакию, направляясь в Западную Германию. Наконец, режимы, основанные на молчаливом договоре о непротивлении в обмен на материальное процветание, — «коммунизм гуляша» Кадара в Венгрии, Польша времен Герека и Мексика до 1982 г. — уязвимы прежде всего из-

за экономических кризисов. Поэтому лаг времени между началом [либерализации] и массовым движением не является постоянной величиной и варьирует от одного режима к другому.

В какой-то момент гражданское общество «мобилизуется», начинают формироваться организации, которые заявляют о своей независимости от режима, провозглашают собственные цели, интересы и проекты. Однако централизованные, находящиеся вне конкуренции институты режима инкорпорируют только те группы, которые его признают, и контролируют результаты любых политических процессов *ex post*. Таким образом, с одной стороны, в гражданском обществе возникают независимые организации; с другой стороны, не существует институтов, где эти организации могут отстаивать свои взгляды и интересы. По причине этого *decalage*, несовпадения независимой организации гражданского общества и закрытых государственных институтов единственным местом, где вновь организованные группы могут бороться за свои

ценности и интересы, оказывается улица. И борьба неизбежно приобретает массовый характер.

В этом случае либерализация более не может продолжаться. Слезоточивый газ, струящийся по улицам, ест либерализаторам глаза; взрыв массовых движений, смятение и беспорядок — все это свидетельства провала политики либерализации. Поскольку либерализация всегда предполагает контроль сверху, возникновение независимых движений доказывает, что либерализация более не является жизнеспособным проектом. Уличная демонстрация — это демонстрация того, что нарушена самая священная из авторитарных ценностей, порядок как таковой. Массовые выступления подрывают позицию либерализаторов в авторитарном блоке.

В Китае студенческие демонстрации вынудили либерализаторов отступить и стоили им ведущей роли в партии. Репрессии вновь усилились. В Южной Корее, однако, подобные демонстрации привели к расколу режима и преобразовали либерализаторов в демократизаторов. Такова альтернатива: или, инкорпорировав несколько групп и подавив все остальные, возвратиться к авторитарному стазу, или поставить на политическую повестку дня проблему институтов, т.е. институтов демократии.

Либерализация или заканчивается, приводя к мрачным периодам, которые лицемерно называют нормализацией, или продолжается и переходит в демократизацию.

Демократизация

Введение

После краха диктатуры центральной оказывается следующая проблема: согласятся ли политические силы на существование институтов, допускающих открытую, пусть даже ограниченную, конкуренцию? И способны ли такие институты обеспечить спонтанное подчинение; т.е., подчиняя свои интересы не предрешенному заранее исходу соперничества и готовые согласиться с его результатами, способны ли они привлечь политические силы в качестве участников [демократического процесса]?

Заметим, что конфликты, имеющие место в периоды переходов к демократии, часто происходят на двух фронтах: (1) между противниками и сторонниками авторитарного режима и (2) между самими *прото*демократическими деятелями (actors) за лучшие шансы в условиях будущей демократии. Образ демократии как борьбы общества против государства

— полезный вымысел, лозунг, объединяющий противостоящие авторитарному режиму силы. Но общество разделено по многим основаниям, и самая суть демократии заключается в конкуренции политических сил, имеющих противоположные интересы. Эта ситуация создает дилемму: чтобы прийти к демократии, антиавторитарные силы должны объединиться в борьбе против авторитаризма, но чтобы победить в условиях демократии, они должны соперничать друг с другом. Поэтому борьба за демократию всегда ведется на два фронта: против авторитарного режима за демократию и против своих собственных союзников за лучшее положение в условиях будущей демократии.

И хотя эти два разных аспекта демократизации — высвобождение (*extrikation*) из-под авторитарного режима и конституирование демократического правления — иногда на время сливаются воедино, для целей нашего исследования полезно рассмотреть их по отдельности. Относительная значимость высвобождения и конституирования определяется тем местом, которое занимают в рамках авторитарного режима политические силы, контролирующие репрессивный аппарат и прежде всего вооруженные силы. Там, где армия остается верной режиму, элементы высвобождения доминируют над процессом перехода. Парадигмальными примерами служат Чили и Польша, однако высвобождение доминировало над переходом также в Испании, Бразилии, Уругвае, Южной Корее и Болгарии. С другой стороны, если среди военных нет единства, например из-за каких-то военных поражений, как это было в Греции, Португалии

и Аргентине, а также если военные находятся под действенным гражданским контролем, как обстояло дело во всех остальных восточноевропейских странах, элементы высвобождения влияли на процесс конституирования нового режима в меньшей степени.

Высвобождение

Поскольку проблема высвобождения была подробно исследована, ограничусь схематическим изложением результатов. Следуя О'Доннеллу (1979), а также О'Доннеллу и Шмиттеру (1986), различим четыре политические силы: *сторонников твердой линии и реформаторов* (которые могут быть, а могут и не быть либерализаторами) внутри авторитарного блока, и *умеренных и радикалов*, находящихся в оппозиции. Сторонников твердой линии обычно можно найти в репрессивных структурах авторитарного правления: в полиции, среди юридической бюрократии, цензоров, журналистов и т.д. Реформаторы рекрутируются из политиков, функционирующих в рамках режима, и из некоторых

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

групп, не входящих в государственный аппарат из представителей буржуазии при капитализме и хозяйственных руководителей при социализме. Умеренные и радикалы могут представлять (хотя и не обязательно) различные интересы. Они отличаются только по своему отношению к рискованным предприятиям. Умеренными могут быть те, кто опасается сторонников твердой линии, но это не обязательно те, кто ставит менее радикальные цели.

Высвобождение из-под авторитаризма может произойти только в результате взаимопонимания между реформаторами и умеренными. Оно возможно, если (1) реформаторы и умеренные достигают соглашения об институтах, при которых представляемые ими социальные силы имели бы заметное политическое влияние в демократической системе, (2) реформаторы в состоянии добиться согласия сторонников твердой линии или нейтрализовать их, (3) умеренные способны контролировать радикалов.

Два последних условия логически предшествуют первому, поскольку они определяют множество возможных решений для реформаторов и умеренных. Какой бы договоренности они ни достигли, она должна побудить сторонников твердой линии действовать заодно с реформаторами и — сдерживать радикалов. В каком случае эти условия выполнимы?

Если процесс высвобождения контролируют военные, они либо должны выступать за реформы, либо их должны склонить к сотрудничеству или по крайней мере к пассивности

реформаторы. Умеренные платят свою цену. Но если реформаторы являются жизнеспособным собеседником для умеренных только в том случае, когда они контролируют или имеют на своей стороне вооруженные силы, то умеренные политически незначимы, если не в состоянии сдерживать радикалов. Умеренные джентльмены в галстуках годны для цивилизованных переговоров в правительственных дворцах, но когда улицы заполняют толпы народа, а предприятия захватываются рабочими, умеренность оказывается неуместной. Поэтому умеренные должны или обеспечить терпимые условия для радикалов, или же, если они не способны добиться этого от реформаторов, оставить в руках репрессивного аппарата достаточно власти, чтобы радикалов можно было запугать. С одной стороны, умеренные нуждаются в радикалах, чтобы с их помощью оказывать давление на реформаторов; с другой стороны, умеренные боятся, что радикалы не согласятся на сделку, которую они (умеренные) заключат с реформаторами. Неудивительно, что достижимое часто оказывается не-реализованным.

Т а б л и ц а 1

		Умеренные объединяются с	
		радикалами	реформаторам и
Реформаторы объединяются	со сторонниками твердой линии	авторитарный режим сохраняется в прежней форме 2.1	Авторитарный режим сохраняется с уступками 4.2
	с умеренными	Демократия без гарантий 1.4	Демократия с гарантиями 3.3

Когда может быть достигнуто соглашение, снимающее все эти напряжения? Реформаторы стоят перед стратегическим выбором. Им нужно решить: либо сохранить авторитарный альянс со сторонниками твердой линии, либо стремиться к демократическому союзу с умеренными. Умеренные, в свою очередь, могут или вступить в союз с радикалами и стремиться к полному разрушению политических сил, организованных при авторитарном режиме, или начать переговоры с реформаторами и стремиться к примирению. Предположим, что структура ситуации такова, как это отображено в табл. 1.

Если реформаторы объединяются со сторонниками твердой линии, а умеренные с радикалами, то образуются две оппозиционные коалиции, которые вступают в схватку друг с

другом. Если реформаторы заключают союз с умеренными, а умеренные с реформаторами, то в результате получается демократия с гарантиями. Если умеренные вступают в альянс с радикалами, а реформаторы с умеренными, то реформаторы принимают демократию без гарантий, которая возникает из коалиции «радикалы — умеренные». Если реформаторы объединяются со сторонниками твердой линии, а умеренные с реформаторами, умеренные принимают либерализацию. Они «присоединяются» в указанном выше смысле слова.

В таких условиях реформаторы держатся главного стратегического курса, а именно альянса со сторонниками твердой линии. Если умеренные объединяются с радикалами, оппозиции наносится поражение и авторитарный блок сохраняется в неприкосновенности, что для реформаторов предпочтительнее, чем демократия без гарантий, результат коалиции умеренных и радикалов. Если умеренные стремятся к союзу с реформаторами, то делаются некоторые уступки — за счет сторонников твердой линии. Для реформаторов эти уступки лучше, чем демократия — пусть даже с гарантиями. Поэтому потенциальные реформаторы всегда оказываются в лучшем положении, защищая авторитарный режим в союзе со сторонниками твердой линии.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Определяющей чертой ситуации является то, что реформаторы не обладают своей собственной политической силой и поэтому не могут рассчитывать на политический успех в условиях будущей демократии. Без гарантий им при демократии придется туго, и даже при наличии таковых им все же выгоднее находиться под протекцией своих авторитарных союзников. Так случилось в Польше в 1980—1981 гг. Любое решение должно было удовлетворять двум условиям: (1) оппозиция настаивала на принципе открытого соперничества на выборах, и (2) партия хотела иметь гарантию, что одержит на выборах победу.

Оппозиция не возражала против победы партии, она не требовала победы, ей нужна была возможность соперничества. Партия не возражала против выборов, но хотела сохранить хорошие шансы на победу. При закрытых опросах общественного мнения за партию высказывалось не более 3% потенциальных избирателей. Способа преодолеть это препятствие найти не удалось. Если бы партия могла рассчитывать хотя бы на 35%, то изобрести избирательную систему, которая допускала бы соперничество и в то же время обеспечивала победу, не составило бы никакого труда. Но не при 3%. Не было институтов, которые снимали бы напряжения, порожденные интересами и внешними (outside) возможностями конфликтующих политических сил. В таких условиях реформаторы не решились на демократический союз с умеренными.

Т а б л и ц а 2

Умеренные объединяются с

		радикалами	реформаторам и
Реформаторы объединяются	со сторонниками твердой линии	авторитарный режим сохраняется в прежней форме 2.1	Авторитарный режим сохраняется с уступками 3.2
	с умеренными	Демократия без гарантий 1.4	Демократия с гарантиями 4.3

Итак, оптимальная стратегия высвобождения противоречива.

Силы, выступающие за демократию, должны быть благоразумными *ex ante*; но *ex post* им захочется быть решительными. Однако решения, принятые *ex ante*, порождают обстоятельства, которые трудно отменить *ex post*, поскольку они сохраняют у власти силы, связанные со старым порядком (*ancien regime*). *Ex post* демократические силы сожалеют о своем благоразумии, однако *ex ante* у них нет иного выбора, кроме осмотрительности.

Условия, которые порождают переходы, согласованные со старым порядком, не являются необратимыми. Существенную черту демократии

составляет то, что ничто не решается окончательно. Если верховная власть принадлежит народу, народ может решить ликвидировать все гарантии, согласованные политиками за столом переговоров. Даже самые институционализированные гарантии имеют в лучшем случае более или менее высокую, но никак не стопроцентную надежность. В Чили, Южной Корее и Пакистане попытки внести изменения в конституции, доставшиеся в наследство от авторитаризма, пока что терпят неудачу, а в Уругвае референдуму не удалось отменить самоамнистию, провозглашенную военными. В Польше условия первоначального соглашения, выработанного в апреле 1989 г., были раскрыты сразу после выборов в июне 1989 г., а затем постепенно ликвидированы. Переход через высвобождение побуждает демократические силы к устранению гарантий, унаследованных от авторитаризма. Поэтому институциональное наследство по сути своей оказывается нестабильным.

Конституирование

Представим себе, что высвобождения не требуется: вооруженные силы распались, как это случилось в Греции и Восточной Германии, или же поддерживают переход к демократии, как это произошло в ряде восточноевропейских стран. Демократия устанавливается, если конфликтующие политические силы договариваются об институциональной структуре, которая допускает открытое, пусть и ограниченное, соперничество, и если эта структура порождает продолжительное согласие. В связи с

этим возникают два вопроса: (1) каковы эти институты? и (2) будут ли они поддержаны?

Прежде всего отметим, что все переходы к демократии осуществляются путем переговоров: в одних случаях с представителями прежнего режима, в других — между самими *продемократическими* силами, создающими новую систему.

Переговоры не обязательны при высвобождении, но они необходимы для конституирования демократических институтов. Демократию невозможно предписать: она возникает в результате сделок.

Легко построить модель таких сделок. Каждая политическая сила выбирает ту институциональную структуру, которая способствует продвижению ее ценностей, проектов или интересов. В зависимости от соотношения сил, включая способность некоторых деятелей навязывать недемократические решения, происходит следующее: либо устанавливается некоторая демократическая институциональная структура, либо начинается борьба за диктатуру. Эта модель предполагает гипотезы,

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

соотносящие существующие силы и объективные условия с порождаемыми институциональными результатами. В частности, возникающие институциональные структуры объясняются из условий, в которых совершаются переходы.

Прежде чем развивать эту модель, разберем вопрос об институциональном выборе. Группы, вступающие в конфликт по поводу выбора демократических институтов, сталкиваются с тремя общими проблемами: содержание *versus* процедура, договор *versus* соперничество и мажоритарная система *versus* конституционализм. В какой степени социальные и экономические результаты должны быть оставлены непредрешенными (*open-ended*), и в какой степени некоторые из них должны быть гарантированы и защищены независимо от исхода соперничества? Какие решения следует принимать путем договоренностей, а какие — в ходе конкретной борьбы? Должны ли некоторые институты, такие как конституционные трибуналы, вооруженные силы или главы государства, оставаться арбитрами и стоять над конкурентными процессами, или им следует периодически выносить электоральные вердикты? Наконец, в какой степени и каким образом общество должно себя ограничить, с тем чтобы предотвратить будущие преобразования? Таковы центральные вопросы, связанные с конфликтами вокруг институтов.

Договоренности проблематичны по той причине, что институты имеют распределительные функции. Если бы речь шла только об эффективности, то и вопросе о выборе институтов не возникало

бы никаких разногласий; нет оснований опасаться системы, которая создает для кого-то лучшие условия, но не ущемляет при этом интересов всех остальных. Но поскольку экономические, политические и идеологические ресурсы распределяются, институты оказывают влияние на степень и способ продвижения конкретных интересов и ценностей. Поэтому предпочтения в отношении институтов оказываются различными.

Чего же нам ожидать при различных условиях? Обратим внимание на два условия: участникам известно соотношение сил в тот момент, когда принимается институциональная структура, и это отношение может быть неравновесным или же равновесным. Соответственно этим условиям принимаются определенные типы институтов, они определяют и то, насколько эти институты окажутся стабильными. Здесь возникают три гипотезы: (1) если *ex ante* известно, что соотношение сил неравновесно, то институты ратифицируют это соотношение, и они устойчивы, только если сохраняются первоначальные условия; (2) если *ex ante* известно, что соотношение сил равновесно, может случиться все

что угодно: начнется долгая гражданская война, будет достигнута договоренность о нежизнеспособных институтах, или стороны придут к согласию относительно институциональной структуры, которая в конце концов обретает конвенциональную силу; (3) если соотношение сил *ex ante* не известно, институты сформируют сильную систему контроля и балансов и сохранятся несмотря на любые условия. [...]

Выводы

Представленный анализ не носит окончательного характера. Суммируем основные гипотезы.

Первая. Всякий раз, когда *ancien régime* вступает в переговоры о передаче власти, оптимальная стратегия демократизации оказывается противоречивой: она требует компромиссов *ex ante* и решительности *ex post*. Переходы через высвобождение оставляют институциональные следы: самое главное, они сохраняют независимость вооруженных сил. Эти следы можно устранить, но переходы всегда более проблематичны и длительны в странах, где они являются результатом соглашений со старым режимом. В Бразилии переход длился дольше, чем в Аргентине; в Польше дольше, чем в Чехословакии. И там, где вооруженные силы остаются независимыми от гражданского контроля, это служит постоянным источником нестабильности для демократических институтов.

Вторая. По-видимому, выбор институтов во время недавних случаев перехода был во многом случайным и диктовался понятным желанием как можно быстрее уладить важнейшие конфликты. И есть основания полагать, что институты, принятые

в качестве временных решений, таковыми и останутся.

Следовательно, в новых демократиях постоянно будут возникать конфликты по поводу их главных институтов. Те политические силы, которые терпят поражение в результате взаимодействия этих институтов, будут постоянно ставить вопрос об институциональной структуре на политическую повестку дня.

Наконец, нас не должна вводить в заблуждение демократическая риторика тех сил, которые «вовремя» присоединились к оппозиции. Не все антиавторитарные движения состоят целиком из сторонников демократии: для некоторых лозунг демократии является лишь шагом к тому, чтобы пожрать как своих авторитарных оппонентов, так и союзников по борьбе с авторитарным режимом. Поиски консенсуса часто ; лишь маскируют новое авторитарное искушение. Для многих демократия — не что иное, как беспорядок, хаос, анархия. Как заметил 150 лет тому назад Маркс, партия, защищающая диктатуру, есть Партия По-

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

рядка. И страх перед неизвестным свойствен не только силам, связанным с *ancien regime*.

Демократия — это царство неопределенности; она не занимается предначертанием будущего. Конфликты ценностей и интересов присущи всем обществам. Демократия нужна именно потому, что мы не можем договориться. Демократия — всего лишь система урегулирования конфликтов, обходящаяся без убийств; это система, в которой есть расхождения, конфликты, победители и побежденные. Только в авторитарных системах не бывает конфликтов. Ни одна страна, где какая-нибудь партия дважды подряд получает 60% голосов избирателей, не может считаться демократией.

Приложение. Методы изучения переходов

Примененный выше подход — всего лишь один из нескольких возможных. А поскольку методы влияют на выводы, полезно поместить его среди альтернативных подходов. Я не буду давать здесь обзор множества научных работ, в которых использовались эти подходы. Меня интересует основная логика альтернативных способов исследования.

Важнейшим является вопрос о модальностях той системы, которая возникает в конечном итоге. Завершается ли процесс демократией или диктатурой, новой или старой? Стабильна ли новая демократия? Какие институты ее составляют? Является ли новая система эффективной, приводит ли она к существенно важным результатам? Способствует ли она индивидуальной свободе и социальной справедливости? Таковы вопросы, ответы на которые мы стремимся получить, изучая переходы.

В целях стилизации назову систему, возникающую как конечное состояние перехода, бразильским термином «Nova Respublica», «Новая Республика». Отправным пунктом являются предшествующий авторитарный status quo, ancien regime и социальные условия, которые способствовали его возникновению. [...] Следовательно, переход протекает от ancien regime к Новой Республике.

Подход, превалировавший, вероятно, до конца 70-х гг., состоял в корреляции свойств исходного и конечного состояний. Этот подход известен как макроисторическая сравнительная социология, и первые исследования в этой области были проведены Муром (1965), Липсетом и Рокканом (1967).

Применявшийся при этом метод состоял в индуктивном соотнесении результатов, таких как демократия или фашизм, с первоначальными условиями, такими как аграрная классовая структура.

Стало быть, результат определен условиями, и история идет сама собой, без всяких усилий.

Этот подход во многом утратил свою популярность, когда на историческом горизонте появилась возможность демократизации, сначала на юге Европы, а затем на юге Латинской Америки.

Детерминистическая перспектива не способна была сориентировать политических деятелей (*actors*), убежденных, что успех демократизации зависит от стратегии, их собственной и противников, а не предопределен прошлыми условиями.

Бразильцы не верили, что все их старания напрасны в силу аграрной классовой структуры страны; испанским демократам в 1975 г. казалось смехотворным, что будущее их страны раз и навсегда предрешено из-за относительных сроков осуществления индустриализации и всеобщего избирательного права для мужского населения. Макроисторический подход не привлекал даже тех ученых-активистов, которые отрицали интеллектуальные предпосылки микроподхода, потому что он обрекал их на политическое бессилие.

По мере развития событий изменялась и научная рефлексия. Было исследовано воздействие разнообразных черт *ancien régime* на модальности перехода. Переходы были классифицированы по «способам». В частности, было проведено различие между коллапсом авторитарного режима и — термин избран испанский, и не без оснований — «*ruptura pactada*», концом режима, наступившим в результате переговоров. [...]

Обширная литература по этой теме доказывает, на мой взгляд, что эти исследования не были плодотворными. Оказалось, что

найти общие факторы, давшие толчок либерализации в различных странах, очень трудно. Одни авторитарные режимы терпели крах после длительных периодов экономического процветания, другие — после острых экономических кризисов. Для одних авторитарных систем управления внешнее давление оказалось уязвимым местом, другие с успехом использовали это давление для сплочения рядов под националистическими лозунгами. Проблема, с которой сталкиваются эти исследования, — и масса литературы по Восточной Европе дает тому все новые и новые примеры, — состоит в том, что легче объяснить *ex post*, почему данный режим «должен был» рухнуть, чем предсказать заранее, когда это должно произойти. Социальная наука просто еще не может определять глубинные структурные причины и ускоряющие ход событий условия. И в то время как объяснения с точки зрения структурных условий удовлетворительны *ex post*, они бесполезны *ex ante*. Больше того, даже небольшая ошибка в определении сроков крушения режима может обер-

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

нуться человеческими жертвами. Режим Франко все еще казнил людей в 1975 г., за год до того, как с ним покончили.

Подход О'Доннелла — Шмиттера (1986) сосредоточивал внимание на стратегиях различных деятелей (actors) и именно ими объяснял происходящие события. Среди участников этого проекта было много активных борцов за демократию, которым необходимо было понять последствия альтернативных курсов. Занимаясь стратегическим анализом, этот проект в то же время избегал формалистического, внешнеисторического подхода, характерного для абстрактной теории игр. Поскольку в то время в научном словаре главенствующее положение занимал *макроязык* классов, их союзников и «пактов о доминировании», то результатом оказался интуитивный *микрподход*, часто формулировавшийся в *макроязыке*.

Главный вывод О'Доннелла — Шмиттера состоял в том, что модальности перехода определяют черты нового режима; в частности, что пока вооруженные силы не распадутся, успешный переход возможен только в результате переговоров, пактов.

Отсюда следовал политический вывод: *продемократические* силы должны быть осторожными и готовыми пойти на уступки. Кроме того: демократия, появляющаяся в результате *ruptura pactada*, неизбежно консервативна как в экономическом, так и в социальном плане.

После того как демократия была установлена в нескольких странах, эти выводы сочли излишне консервативными. Впрочем, легко судить, пребывая в безопасности за толстыми стенами североамериканских научных учреждений. Между тем для

многих активистов главный политический вопрос тогда состоял в том, вести ли борьбу одновременно за политические и экономические преобразования или ограничиться чисто политическими целями. Следует ли бороться сразу за демократию и социализм, или к демократии следует стремиться как к цели в себе? Ответ, который дали в своей политической практике большинство сил, оказавшихся исторически значимыми, был однозначным: демократия имеет самостоятельную ценность и ради нее стоит пойти на экономические и социальные компромиссы. То был простой урок, извлеченный из зверств, чинившихся военными режимами в Аргентине, Чили и Уругвае. Любое изменение лучше, чем массовые убийства и пытки.

В сущности, ретроспективный вопрос должен быть не политическим, а эмпирическим: действительно ли модальности перехода определяют конечный результат? Как указывает мой анализ, переход через высвобождение оставляет институциональные следы, особенно в том

Глава 15. ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И МОДЕРНИЗАЦИЯ

691

случае, если демократия оказывается под военной опекой. Но, во-первых, эти следы можно постепенно устранить. В Испании сменявшие друг друга демократические правительства шаг за шагом изживали остатки франкизма, и военные были поставлены под гражданский контроль. В Польше соотношение сил развивалось так, что было ликвидировано большинство реликтовых статей заключенного в Магдаленке пакта. Во-вторых, как обнаружилось, фактов, свидетельствующих о том, что черты «новой республики» соответствуют либо особенностям *ancien régime*, либо модальностям перехода, удивительно мало. Возможно, мой анализ неадекватен — ведь только теперь мы располагаем достаточным количеством фактов, позволяющих вести систематические эмпирические исследования. Тем не менее я могу указать по крайней мере на две причины, по которым новые демократии должны быть похожи больше друг на друга, чем на условия, их породившие.

Первая причина касается времени. Тот факт, что недавние переходы к демократии прошли подобно волне, означает, что им сопутствовали одни и те же идеологические и политические условия. Кроме того, здесь сыграло свою роль нечто вроде заражения. Одновременность обуславливает однородность. Новые демократии участия у старых демократий и друг у друга. Вторая причина связана с тем, что культурный репертуар политических институтов весьма ограничен. Несмотря на вариации, институциональные модели демократии немногочисленны. Демократии — это системы президентского, парламентского или смешанного правления; периодически повторяющиеся выборы, которые закрепляют достигнутые политиками соглашения; вертикальная организация интересов; и почти никаких институциональных механизмов прямого гражданского контроля

над бюрократией. Конечно, типы демократии очень отличаются друг от друга, однако этих типов гораздо меньше, чем условий, в которых происходят переходы.

Таким образом, путь имеет значение не меньшее, чем исходный пункт движения. Ancien régime действительно формирует модальности и векторы переходов к демократии. Однако в пункте назначения все пути сходятся.

Печатается по: *Пшеворский А.* Переходы к демократии // Путь. 1993. №3.

С. ХАНТИНГТОН

Будущее демократического процесса: от экспансии к консолидации

Широкое распространение демократии в мире, — несомненно, наиболее важный политический феномен последних трех десятилетий XX в. Получившая начальные импульсы в Южной Европе — в Испании, Португалии, Греции, — волна демократизации прокатилась по Латинской Америке, затронув там все страны, за исключением Кубы. Затем она переместилась в Азию, где на Филиппинах, Тайване, в Южной Корее, Пакистане и Бангладеш на смену авторитарным режимам пришли демократически избранные правительства. В 1989 г. эта демократическая волна накрыла Восточную Европу, а еще через два года — Советский Союз. Выборные лидеры заменили коммунистических назначенцев почти во всех республиках бывшего СССР. Демократизация заявила о себе усилением роли электорального процесса и в странах Ближнего Востока, таких, как Йемен и Иордания. В Африке многие диктаторы были отстранены от власти благодаря демократической процедуре; в ряде африканских стран состоялись общенациональные конференции и круглые столы политических сил; и, что особенно важно, на путь демократии прочно встала Южная Африка. Демократические веяния дали о себе знать даже в странах, от которых этого меньше всего ожидали. Кто бы мог еще несколько лет тому назад помыслить, что в начале 90-х гг., демократически избранные правительства придут к власти в Албании, Монголии, Непале и Бенине? Повсюду в мире военные хунты, личные диктатуры и однопартийные системы были потеснены демократическими правительствами. Организация «Фридом хаус», базирующаяся в Нью-Йорке, ежегодно публикует

подробный анализ состояния свободы в мире. В 1972 г. она аттестовала как свободные 42 страны; в 1991 г., согласно ее подсчетам, их число возросло до 75.

Наблюдая впечатляющее территориальное расширение демократии, следует иметь в виду два важных момента.

Во-первых, демократия не обязательно решает проблемы неравенства, коррупции, неэффективности, несправедливости и некомпетентного принятия решений. Но она обеспечивает институциональные условия, позволяющие гарантировать свободу индивида, защитить его от массовых нарушений прав человека и попрания его человеческого достоинства. Демократия — это средство против тирании, и как таковое она дает людям шанс решить и другие социальные проблемы.

Во-вторых, распространение демократии в мире снижает вероятность войн между государствами. Один из фундаментальных фактов новой истории состоит в том, что со времени установления современной демократии в США в начале XIX в. войны между демократическими странами, за малым исключением, не велись. Этому есть объяснение. Если признать справедливость данного тезиса, то по мере роста в мире числа демократических правительств почва для возникновения войн должна сужаться.

Расширение демократии после 1974 г. вызвало к жизни представление о том, что мы переживаем всеохватывающую глобальную демократическую революцию. Демократия наступает, полагали многие, и скоро она победит повсюду в мире. Этот взгляд особенно укоренился после краха коммунизма в Восточной Европе. «Демократия победила», — провозгласили одни наблюдатели. Другие объявили ее «волной будущего» и праздновали «глобализацию демократии». В часто цитируемой статье Фрэнк Фукуяма возвестил о конце истории и об «универсализации западной либеральной демократии в качестве конечной формы политического устройства человечества». Падение же под напором всепобеждающей волны демократизации последних оплотов деспотизма, будь то на Кубе, в Бирме, Северной Корее или любой другой стране, — это только вопрос времени.

Оправдан ли такой оптимизм? Продолжится ли победное шествие демократии в текущем десятилетии теми же темпами,

что и в последние 20 лет? Я в этом сомневаюсь. Правда, должен признаться, что склонен к пессимизму. Большое преимущество пессимистических прогнозов заключается в том, что ты оказываешься либо прав, либо приятно удивлен. Десять лет тому назад я предсказывал, что демократия вряд ли укоренится где-либо за пределами западного мира, разве что в Латинской Америке. События последних десяти лет показали, что я ошибался, и я этому рад. Возможно, ход событий докажет, что и теперь я не прав. Надеюсь, что так оно и будет. Однако имеется много оснований полагать, что нынешняя волна демократизации теряет силу и что скоро она или достигнет своего апогея, или даже произойдет ее некоторый откат. Последняя волна демократизации, которая зародилась на Иберийском полуострове в середине 70-х и затем захватила почти 40 стран, переходит теперь из фазы экспансии в фазу консолидации. Эта идея — главное из того, о чем я хочу сказать в статье.

Почему события развиваются так, а не иначе?

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Во-первых, нужно отметить, что демократизации благоприятствуют определенные экономические и культурные условия. В их числе сравнительно высокий уровень экономического развития и преобладание того, что можно назвать западной культурой с ее ценностями, включая западное христианство. В настоящее время практически все страны с высоким или средневысоким (upper middle) уровнем дохода (по классификации МБРР), за исключением Сингапура, являются демократиями. Точно так же все западные государства или испытывавшие на себе сильное влияние Запада, кроме Кубы и немногих других, имеют демократическое устройство. Демократизации не произошло как раз там, где указанные предпосылки слабы. Это либо бедные, либо незападные по своей культуре общества. В перечне «Фридом хаус» из 75 стран, значащихся в рубрике «свободные», только пять приходится на Азию (Япония, Южная Корея, Монголия, Непал, Бангладеш), всего две — на мусульманский мир (Бангладеш и Турецкая республика Северного Кипра) и лишь три принадлежат к восточной ветви христианства (Греция, Болгария, Республика Кипр). Помимо стран Балтии, ни одно из государств, возникших на развалинах Советского Союза, не классифицировано как «свободное». Таким образом, в настоящее время демократия доминирует в Западной и Центральной Европе, Северной и Южной Америке, а также на окраинах Азии. Ее нет в преобладающей части бывшего Советского Союза, Китае, на обширных территориях Южной Азии, в арабском мире, Иране и

большинстве африканских стран. Распространится ли демократия на эти регионы? Все будет зависеть от совокупности экономических и культурных факторов.

Если взять, к примеру, бывшие советские республики, то с обоснованным оптимизмом можно говорить о будущем демократии в экономически более продвинутых протестантско-католических странах Балтии. В бедных же закавказских и исламизированных центрально-азиатских государствах перспективы демократии скорее безрадостны. В отношении тех республик, культурную традицию которых определяет православие, а экономическое положение можно охарактеризовать как промежуточное, преобладает неопределенность. [...] Ельцинская Россия может стать, а может и не стать демократической. То что происходит в России, будет иметь огромное влияние на политическое развитие других постсоветских республик, Монголии и Восточной Европы. Поэтому наиболее важная внешнеполитическая задача США и Запада в целом способствовать развитию и консолидации демократии в России.

За последнее десятилетие в Китае наблюдался исключительно быстрый экономический рост. В стране, особенно в южной ее части, вырос могущественный частный сектор, а вместе с ним значительный слой буржуазии, начал зарождаться средний класс. В будущем эти группы смогут придать импульс продвижению к большей политической открытости, плюрализму и, возможно, даже демократии. Шаги в этом направлении не будут, однако, быстрыми и легкими. Крестьяне все еще составляют преобладающую часть китайского населения; конфуцианские ценности и практика по-прежнему сохраняют сильные позиции, а политическое руководство Китая, демонстрируя открытое пренебрежение к принципам западной демократии и правам человека, не намерено отказываться от авторитарной политической системы. Тем не менее, если заглянуть несколько дальше, экономический рост при условии, что он будет продолжен, способен сломать культурные и политические препятствия, стоящие на пути демократизации. Итак, будущее демократии в России не ясно как в близкой, так и дальней перспективе. Виды же на демократию в Китае неблагоприятны в близкой и могут оказаться благоприятными в далекой перспективе. Примерно то же самое, что о Китае, можно сказать и о других недемократических странах Азии.

На мусульманском Ближнем и Среднем Востоке скромными плодами демократизации воспользовались фундаменталистские группы, что привело к возобновлению репрессивной политики в Алжире, Тунисе и Египте. Нынешние лидеры этих стран вряд ли

согласятся на какую-либо форму демократии, если это будет означать приход к власти фундаменталистских сил, хотя выборы 1993г. в Иордании показывают, что участие в электоральном процессе может умерить напор таких групп и понизить их привлекательность в глазах избирателей, особенно если им придется взять на себя ответственность за руководство страной. (Кстати, индусская фундаменталистская партия также потеряла поддержку избирателей в тех индийских штатах, где она оказалась у власти.) Наконец, демократизация только затронула Африку — в большинстве стран этого континента все еще правят жесткие диктатуры, военные клики и/или режимы, опирающиеся на узкую племенную базу. Движение в сторону демократии будет здесь функцией экономического развития, которое пока не обнадеживает, и христианизации, порой принимающей драматические формы. Перспективы демократии наиболее радужны в Южной Африке с ее сравнительно высоко развитой экономикой, с ее белым меньшинством, которое когда-то проповедовало апартеид, а ныне поддерживает западные либерально-демократические

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

ценности, и с ее политически умудренным руководством Африканского национального конгресса.

Все эти доводы не означают, что демократия может процветать только в западных странах. Конечно, это не так, но ее развитие в незападных обществах, за малыми исключениями вроде Турции, явилось в большой мере следствием западного влияния, западного колониализма или военной оккупации все теми же западными державами. Современная демократия возникла как продукт протестантской культуры. С большим опозданием она пришла в католические страны, и именно их в 70-е и 80-е гг. в первую очередь захватила нынешняя волна демократизации. В значительной мере переход этих стран к демократии явился результатом сдвигов в позиции католической церкви и успехов экономического развития в 50-е и 60-е гг., которые произвели определенные изменения в господствующей культуре. Наверное, нигде это не видно так ясно, как в Испании. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что в 1950 г. испанская культура все еще была в основном традиционной, корпоративистской, авторитарной, этатистской и антилиберальной. В 60-е гг. Лауреано Лопес Родо предсказал, что Испания станет демократической, когда ВНП на душу населения достигнет в ней 2 тыс. долл. И это произошло: к 1975 г. экономическое развитие — индустриализация, урбанизация, подъем среднего класса, интеграция в мировую экономику — произвело фундаментальный сдвиг в испанской культуре, сделал ее

похожей на ту, что существует в западноевропейских демократиях.

Экономическое развитие, следовательно, может изменить культуру страны таким образом, чтобы она благоприятствовала демократии. Если этот тезис справедлив, то прогресс экономики должен оказать воздействие и на мусульманские, буддийские, православные и конфуцианские общества. Но за исключением Восточной Азии экономика незападного мира отстает в своем развитии, да и в более благополучных с этой точки зрения дальневосточных странах культурные изменения скорее всего растянутся на многие годы. Недавняя волна демократизации выполнила исторически важную задачу распространения демократических норм на экономически более развитые страны и почти на все общества с преобладанием западной культуры. Попытки дальнейшего продвижения демократии столкнутся с существенно большими препятствиями экономического и/или культурного характера.

Другая причина, питающая скептицизм относительно продолжения экспансии демократии, — это диалектическая природа истории. Любое значительное движение в каком-то направлении теряет конце концов

свою энергию и порождает контртенденцию. Это справедливо и по отношению к демократизации. Нынешняя ее волна, восходящая к 1974 г., — третья в мировой истории. Первая зародилась в США в начале XIX в. и достигла своей кульминации после Первой мировой войны, когда в мире образовалось около 32 демократических государств. Марш Муссолини на Рим в 1922 г. знаменовал собой начало возвратной волны, и к 1942 г. в мире осталось всего 12 демократических стран. Вторая волна демократизации пришлась на период после Второй мировой войны и продолжалась до 60-х гг. Ее сменило попятное движение, в результате которого к 1973 г. в мире стало меньше демократических правительств (30), чем десять лет назад (36). Следуя этой логике, в ближайшие годы можно ожидать третью возвратную волну. Есть даже основания утверждать, что ее время уже наступило. Судан, Нигерия, Гаити, Перу пришли было к демократии, но вскоре снова вернулись к диктаторским режимам. В 1992 г. впервые за более чем десять лет «Фридом хаус» не смог сообщить об увеличении в мире числа свободных стран. Его отчет за 1993 г. озаглавлен: «Свобода отступает». Согласно оценкам этой организации, количество людей, живущих в «свободных» обществах, возросло на 300 млн., а живущих в «несвободных» обществах увеличилось на 531 млн. В 42 странах уровень свободы упал, и лишь в 19 — вырос. Ныне только 19% населения мира проживает в «свободных» обществах. Это самая низкая цифра начиная с 1976 г.

Демократическую экспансию после 1974 г. можно представить в виде военной кампании, в ходе которой демократические силы освобождали одну страну за другой. Но любой генерал знает, что атакующие могут продвинуться слишком далеко вперед. В этом случае боевые построения растянутся и станут уязвимы для контратак. Даже во время таких эффективных операций, как наступление союзников во Франции в 1944 г., войскам приходилось давать передышку, чтобы перегруппироваться и закрепиться на захваченных территориях. Представляется, что третья волна демократизации достигла как раз этой фазы. За исключением Южной Европы будущее демократии в новых демократических странах неопределенно. Завершая свой обширный обзор ситуации в Латинской Америке, д-р Ларри Даймонд делает вывод, что **«регион в целом достиг точки застоя в продвижении к демократии, когда отступления уравнивают и даже превосходят достижения»**. В докладе за 1993 г. «Фридом хаус» квалифицирует только шесть латиноамериканских стран в качестве «свободных»: Куба и Гаити названы «несвободными», а оставшиеся двенадцать — «час-

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

тично свободными». В большинстве стран последней группы правительства пришли к власти посредством демократической процедуры, но либо честность выборов сомнительна, либо правительства допускают, а то и сами совершают серьезные нарушения прав человека. К тому же в Перу, Венесуэле, Гватемале и на Гаити имели место попытки переворотов. Во многих странах — от Бразилии и Чили до Гватемалы и Сальвадора — военные остаются влиятельной силой, стоящей за кулисами политической сцены. Коррупция на континенте приобрела угрожающие размеры, свидетельством чему служит импичмент, вынесенный президентам Бразилии и Венесуэлы, а также серьезные обвинения в коррупции в адрес аргентинского президента.

Отступление с пути демократии тем более вероятно, что представление людей о главном зле в их жизни меняется с изменением обстоятельств. Когда люди страдают от жестокой, репрессивной диктатуры, их первейшая цель — положить конец такому режиму. Но как только это свершилось, приоритеты меняются. Экономическое благосостояние, законность и порядок приходят на смену свободе и правам человека в качестве первоочередных задач. Остается неясным, способна ли демократия выполнить эти задачи лучше, чем диктатура.

Альберто Фухимори приостановил действие демократии в Перу, но вслед за этим сделал важные шаги к восстановлению законности и порядка, подавив «Сендеро Луминосо», и начал проводить экономические реформы. В 1993 г. перуанская

экономика продемонстрировала 7%-ный рост — самый высокий показатель в Южной Америке. В Аргентине президент Карлос Менем достиг аналогичных результатов в области экономики, используя лишь немногим менее явный авторитарный подход. Благодаря этому и Фухимори и Менем имеют исключительно высокий рейтинг в общественном мнении. Короче говоря, похоже на то, что как только в стране торжествуют свобода и демократия, люди начинают в первую очередь заботиться об экономических благах и своей безопасности, а эти задачи по плечу скорее искусственным авторитарным лидерам.

Ситуация в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе столь же ненадежна. Этническое большинство здесь ограничивает, а иногда и попирает права меньшинств. Более заметными становятся антисемитизм и преследование цыган. В нескольких странах коммунистический аппарат по-прежнему сохраняет значительное влияние. Много случаев ограничения свободы прессы. Телевидение и радиовещание строго контролируются правительством, есть случаи убийства редакторов и давления на средства массовой информации. Все более заметной становится

ностальгия людей по законности и порядку былых авторитарных времен. Согласно социологическим опросам, в Румынии и других странах большинство населения считает, что ему лучше жилось в годы коммунизма, даже при Чаушеску. По меньшей мере один демократический лидер— Гамсахурдия в Грузии — оказался жестоким тираном, а другие, в том числе Борис Ельцин, явно имеют авторитарные наклонности.

Как в Латинской Америке, так и в Восточной Европе новые демократические правительства все еще бьются над сложной проблемой, какую избрать линию по отношению к преступлениям, совершенным официальными лицами предшествующих авторитарных режимов. Политические партии здесь, как правило, слабы и мало что значат, если не персонифицированы фигурой яркого лидера. В обоих регионах большинство правительств стоит перед необходимостью масштабных экономических реформ, которые приходится проводить в условиях экономической стагнации. В некоторых случаях, как в Аргентине и Польше, на этом пути были достигнуты и кое-какие успехи, но в других странах реформы замедляются, экономические трудности нарастают, а инфляция, безработица и бедность становятся всеобщим явлением. Итак, бросаются в глаза два факта. Во-первых, наибольшие препятствия на пути к демократии присущи незападным и небогатым странам. Во-вторых, труднейшие проблемы, если не сказать кризисы, характерны для большинства тех стран, куда демократия пришла лишь недавно. Исходя из этих фактов и

следует формулировать приоритеты тем, кто заинтересован в развитии демократии. Первоочередной целью должна стать постоянная поддержка перехода к демократии в ключевых государствах, где этот процесс еще не завершен. Среди них наиболее важны Россия, а также Южная Африка и Мексика. Но не менее настоятельна и необходимость упрочения демократии во многих странах Латинской Америки, Восточной Европы и Восточной Азии, в которых она укоренилась в последние двадцать лет. Напротив, вложение средств и ресурсов, предназначенное принести демократию в те общества конфуцианского, исламского и африканского ареалов, где она, судя по всему, наталкивается на серьезные культурные и/или экономические барьеры, представляется малопродуктивным. Консолидация, а не экспансия демократии стоит сегодня в повестке дня. Консолидация новых демократий требует действий в разных направлениях, включая воспитание терпимости и обеспечение главенства законов, уменьшение власти военных и бывших коммунистических бюрократий, а также определение того, что делать с руководителями прежних

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

них авторитарных режимов, виновными в грубых нарушениях прав человека. Я здесь сосредоточу свое внимание только на двух основных областях, в которых судя по недавнему и не такому уж недавнему опыту, заложены возможности сделать новые демократии менее хрупкими, упрочить их.

Прежде всего, крайне необходимо укрепить политические институты. Система политических институтов должна быть сконструирована таким образом, чтобы уменьшить фрагментацию и вероятность тупиковых ситуаций, обеспечить эффективное и ответственное принятие, решений и предотвратить чрезмерную концентрацию полномочий у, какой-либо одной ветви власти. Эти требования порой противоречат, друг другу, и их нужное сочетание меняется в зависимости от конкретных условий общества. Не существует универсальных рецептов институционального устройства, но существуют универсальные типовые ошибки, которых следует всячески избегать. Опыт последних десятилетий позволяет дать некоторые рекомендации составителям конституций и творцам институтов. Во-первых, желательно избегать крайних форм пропорционального представительства. Они создают избыточную фрагментацию, как было в Польше с ее 29 партиями, представленными в законодательном органе, при том, что ни одна из них не располагала более чем 13% мест. Когда поляки реформировали эту систему по немецкому образцу и ввели 5%-ный барьер для представительства в парламенте, число партий в нем сократилось до 6.

Во-вторых, комбинация избираемого прямым голосованием президента и законодательного собрания, формируемого на основе пропорционального представительства, порождает институциональный тупик и паралич власти. Главное исполнительное лицо государства и законодатели приходят к власти на основе разных избирательных принципов и за ними могут стоять разные секторы электората, отсутствует стимул к формированию сильных политических партий, а в результате возникают патовая ситуация и институциональный конфликт. Это может привести к смещению главы государства, как произошло в Бразилии и Венесуэле, к удачному либо неудачному перевороту, инициируемому главой исполнительной власти, как это было в Перу и Гватемале, или же к президентской власти, игнорирующей парламент и правящей посредством декретов, как в Аргентине. Чтобы избежать всего этого, проф. Хуан Линц и другие рекомендуют латиноамериканским странам принять модель парламентской республики. Альтернативный путь — переход от пропорционального

представительства к мажоритарной системе (a single member district system). Это не только понизит уровень разногласий между исполнительной и законодательной ветвями власти, но и будет стимулировать возникновение двухпартийной системы. В-третьих, система с двумя сильными политическими партиями в большей степени благоприятствует эффективному принятию решений и формированию ответственного правительства, чем другие типы партийных систем. Так, доминантная система, когда лишь одна из партий постоянно формирует и контролирует правительство, может создать почву для массовой коррупции, как случилось в Италии, Японии и Индии. Многопартийная система с парламентским правительством ; часто затрудняет политические перемены, поскольку каждая партия Капеллирует к «своим» избирательным округам, выборы не вносят больших изменений в распределение голосов между партиями, а сменяющие друг друга правительства создаются путем перетасовки коалиций партийных лидеров. Система двух сильных партий, с другой стороны, предполагает, что одна партия правит, а вторая — создает ответственную оппозицию и альтернативное правительство, ожидающее своего часа. Электорат может либо оставить власть в руках правящей партии, либо доверить ее оппозиции и дать ей возможность сформировать правительство. Динамика электорального соперничества вынуждает обе партии сдвигаться к центру политического спектра, побуждая лидеров каждой из них сдерживать экстремистов в собственных рядах. Кроме того, в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств лидеры двух

главных партий могут сравнительно легко выработать общую программу и, возможно, даже сформировать «большую коалицию», чтобы справиться с опасной ситуацией.

Наконец, обычные формы правления большинства не работают в обществах, жестко разделенных по расовым, этническим, религиозным или региональным линиям. Ни одна общинная группа не смирится с положением вечного меньшинства, не допускаемого к власти. Необходимы какие-то формулы участия в государственном управлении общинных групп в соответствии с их характером и численностью по образцу, скажем, Южной Африки. Это может вылиться также в форму консоциативной демократии (*consociational democracy*), которая хорошо себя зарекомендовала в малых странах Европы, в Малайзии и на протяжении 30 лет в Ливане. Другой путь — принятие таких электоральных установлений, которые поощряли бы партии и кандидатов апеллировать не к одной, а к разным общинам, как это имеет место в альтернативной

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

избирательной системе Шри-Ланки или же как практиковалось во Второй Нигерийской республике.

Пришло время конституционных нововведений и институциональных экспериментов. Есть много такого, чему новые демократии могут поучиться друг у друга, а также и у более старых демократий, некоторые из которых в лице Италии, Израиля и Японии также переживают период преобразования институциональных структур.

Другая важнейшая задача новых демократий — проведение экономических реформ, снижение роли государства в экономике и стимулировании рыночных отношений. Это относится как к административно-командной экономике бывших коммунистических стран, так и к этатистской экономике, преобладавшей в Латинской Америке и во многих других местах. Экономическая реформа намного сложнее и обременительней, чем политическая демократизация. Значительно труднее организовать рынки, чем выборы. Экономическая реформа часто сопровождается жестокими тяготами для широких слоев населения. Но что особенно важно, в мире не было исторических прецедентов экономической либерализации со времен заката меркантилизма в начале XIX в. Новые и старые демократии вынуждены двигаться по этому пути методом проб и ошибок. Но некоторые уроки можно извлечь из совсем недавнего опыта. Экономическую реформу лучше начинать сразу же после достаточно убедительной победы на выборах. При этом вовсе не обязательно, чтобы тот, кто инициирует преобразования, был

идеологическим поборником реформ. В ряде случаев — на Ямайке, в Венесуэле и Аргентине — реформы начинали лидеры, пришедшие к власти благодаря популистской риторике. Для реформ почти всегда требуется сильный глава исполнительной власти, поэтому в условиях новых демократий предпочтительнее президентские или полупрезидентские формы правления. За последние несколько лет много спорили о том, следует ли проводить реформы разом, методом «шоковой терапии», или же постепенно, одну за другой. Какая-то последовательность, конечно же, необходима, и здравый смысл подсказывает, что начинать нужно с экономической стабилизации и только затем уже переходить к развитию рынка, освобождению цен и обменных курсов, и, наконец, к приватизации. И все же успеха добиваются скорее те правительства, которые осуществляют все реформы как можно быстрее и притом одновременно. «Шоковая терапия» принесла желаемые результаты в Боливии, Польше, Аргентине и даже в России. В странах же, которые выбрали более медленный и постепенный

темп реформ, дела обстояли хуже. Группы, особенно болезненно затронутые реформами, неизбежно попытаются замедлить их или даже повернуть вспять; поэтому, если стартовый рывок достаточно мощен, у правительства больше возможностей для достижения компромиссов без принесения в жертву сути реформ. Помощь извне также почти всегда необходима для успеха реформирования, и зарубежные агентства могут оказывать дисциплинирующее воздействие на правительства, обуславливая предоставление помощи соблюдением режима жесткой экономии, либерализацией цен и обузданием инфляции. Бесспорно, однако, что самой лучшей помощью со стороны демократий было бы доведение ими до конца своих собственных реформ и понижение барьеров на пути импорта из новодемократических стран. Так, соглашение о Североамериканской ассоциации свободной торговли (НАФТА) способно послужить колоссальным стимулом для экономической реформы, экономического развития и демократизации в Мексике. Аналогичным образом наиболее эффективный способ, каким Западная Европа может поспособствовать укреплению демократии в странах Восточной Европы, — это отмена или же резкое снижение ограничений в торговле с ними.

США и Европейское сообщество активно помогали распространению демократии в 70-е и 80-е гг. Способны ли они теперь оказать помощь в консолидации демократии? Они наверняка готовы к этому лучше, чем к продвижению демократии в новые страны, где она до сих пор отсутствовала. За

исключением Африки это, главным образом, регионы, в которых западное влияние ограничено и часто вызывает негодование как проявление западного высокомерия и «империализма прав человека». Между тем США и Европейский союз располагают всем необходимым, чтобы поддержать консолидацию демократии там, где они помогли ей утвердиться: в Латинской Америке, Восточной Европе и на периферии Восточной Азии. Содействие становлению демократии в этих регионах должно стать высшим приоритетом внешней политики Запада, а в Соединенных Штатах оно уже стало таковым. [...]

Более 150 лет тому назад Алексис де Токвиль писал: «Вокруг нас происходит великая демократическая революция... это самая общая, самая древняя и самая постоянная тенденция истории. Она универсальна, она постоянно ускользает от человеческого вмешательства, и все события, так же как и все люди, вносят свой вклад ее прогресс». Токвиль в свое время был чрезмерно оптимистичен. То же самое можно сказать и о наших современниках, провозгласивших глобальную победу

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

демократической революции. В данный исторический момент демократия будет продвигаться вперед не по пути распространения ее на общества, социальные и экономические условия в которых неблагоприятны для нее, а по сути ее укрепления и углубления там, куда она уже была принесена. Демократия полностью укоренилась лишь в немногих из почти сорока недемократических стран. Во всех остальных из них ее будущее под большим сомнением, а то и в опасности. Если в начале следующего столетия эта опасность будет устранена, сомнения рассеются, а демократия стабилизируется и упрочится в большинстве из упомянутых сорока стран, то можно считать, что нынешнее поколение поборников демократии хорошо поработало. Консолидация не означает колебаний или отступлений. Она означает усиление демократических институтов и демократической практики в каждой из стран, а также укрепление межгосударственных связей в сообществе демократических наций. Успешное завершение третьей волны демократизации заложит основы для ее четвертой волны, которая принесет демократию в незападные и более бедные регионы мира, т.е. туда, где ее пока еще нет. [...]

Печатается по: Хантингтон С. Будущее демократического процесса: от экспансии к консолидации // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 10.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ И КРИЗИСЫ

Р. ДАРЕНДОРФ

Общество и свобода

[...□ В то время как общее объяснение структурной подоплеки всех социальных конфликтов невозможно, процесс развертывания конфликтов из определенных состояний структур, по всей вероятности, применим ко всем их различным формам. Путь от устойчивого состояния социальной структуры к развертывающимся социальным конфликтам, что означает, как правило, образование конфликтных групп, аналитически проходит в три этапа (которые при наблюдении формы организации

начиная приблизительно с политических партий, различаются эмпирически, т.е. не всегда четко).

Само исходное состояние структуры, т.е. выявленный каузальный фон определенного конфликта, образует *первый этап* проявления конфликта. На основе существенных в каждом случае структурных признаков в данном социальном единстве можно выделить два агрегата социальных позиций, «обе стороны» фронта конфликта. [...] Эти агрегаты представителей социальных позиций не являются пока в точном смысле социальной группой; они являются квазигруппой, т.е. одним только обнаруженным множеством представителей позиций, предполагающим их сходство, которое не нуждается в осознании ими.

Но такие «предполагаемые» общности фактически имеют исключительное значение. Применительно к структурным конфликтам мы должны сказать, что принадлежность к агрегату в форме квазигруппы постоянно предполагает ожидание защиты определенных интересов. [...] Латентные интересы принадлежат социальным позициям; они не обязательно являются осознаваемыми и признаваемыми представителями этих позиций: предприниматель может отклоняться от своих латентных интересов и быть заодно с рабочими; немцы в 1914 г. могли вопреки своим ролевым ожиданиям осознавать симпатию к Франции. [...]

Второй этап развития конфликта состоит тогда в непосредственной кристаллизации, т.е. осознании латентных интересов,

организации квазигруппы в фактические группировки. Каждый социальный конфликт стремится к явному выражению вовне. Путь к манифестированию существующих латентных интересов не очень долог; квазигруппы являются достижением порога организации групп интересов. При этом, конечно, «организация» не означает одно и то же в случае «классового конфликта», «конфликта ролей» или конфликта в области международных отношений. В первом случае речь идет об организации политической партии, союза, в последнем, напротив, более об экспликации, проявлении конфликтов. При «ролевом конфликте» можно говорить об организации участвующих элементов только в переносном смысле. Тем не менее конфликты всегда стремятся к кристаллизации и артикуляции.

Разумеется, кристаллизация происходит при наличии определенных, условий. По меньшей мере в случаях классовых конфликтов, конфликтов по поводу пропорционального представительства и конфликтов, связанных с меньшинствами, ими являются «условия организации». Чтобы конфликты проявились, должны быть выполнены определенные технические (личные, идеологические, материальные), социальные

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

(систематическое рекрутирование, коммуникация) и политические (свобода коалиций) условия. Если отсутствуют некоторые или все из этих условий, конфликты остаются латентными, пороговыми, не переставая существовать. При известных условиях — прежде всего, если отсутствуют политические условия организации, — сама организация становится непосредственным предметом конфликта, который вследствие этого обостряется. Условия кристаллизации отношений конкуренции, международных и ролевых конфликтов должны изучаться отдельно.

Третий этап заключается в самих сформировавшихся конфликтах. По меньшей мере в тенденции конфликты являются столкновением между сторонами или элементами, характеризующимися очевидной идентичностью: между нациями, политическими организациями и т.д. В случае, если такая идентичность еще отсутствует [...], конфликты в некоторой степени являются неполными. Это не означает, что такие противоречия не представляют интереса для теории конфликта; противоположность существует. Однако в целом каждый конфликт достигает своей окончательной формы лишь тогда, когда участвующие элементы с точки зрения организации являются идентичными.

[...] Социальные конфликты вырастают из структуры обществ, являющихся союзами господства и имеющих тенденцию к постоянно кристаллизуемым столкновениям между организованными сторонами. Но очевидно, что источники

родственных конфликтов в различных обществах и в разное время отнюдь не одинаковы. Конфликты между правительством и оппозицией выглядели в Венгрии в 1956 г. иначе, чем в Великобритании; отношения между Германией и Францией в 1960 г. — иначе, чем в 1940-м; отношение немецкого общества к национальным и религиозным меньшинствам было в 1960 г. другим, нежели в 1940-м. Таким образом, формы социальных конфликтов изменяются, и теория социального конфликта должна дать ответ на вопрос, в каких аспектах можно обнаружить такие изменения формы и с чем они связаны. Это вопросы переменных и факторов вариабельности социальных конфликтов.

Что касается переменных социальных конфликтов или границ, в которых они могут изменяться, то две кажутся особенно важными: интенсивность и насильственность. Конфликты могут быть более или менее интенсивными и более или менее насильственными. Допускается, что обе переменные изменяются независимо друг от друга; не каждый насильственный конфликт обязательно является интенсивным, и наоборот.

Переменная насильственности относится к формам проявления социальных конфликтов. Под ней подразумеваются средства, которые выбирают борющиеся стороны, чтобы осуществить свои интересы. Отметим только некоторые пункты на шкале насильственности: война, гражданская война, вообще вооруженная борьба с угрозой для жизни участников, вероятно, обозначают один полюс; беседа, дискуссия и переговоры в соответствии с правилами вежливости и с открытой аргументацией — другой. Между ними находится большое количество более или менее насильственных форм столкновений между группами — забастовка, конкуренция, ожесточенно проходящие дебаты, драка, попытка взаимного обмана, угроза, ультиматум и т.д. и т.п. Международные отношения послевоенного времени предоставляют достаточно примеров для дифференциации насильственности конфликтов от «духа Женевы» через «холодную войну» по поводу Берлина до «горячей войны» в Корее.

[...] Переменная интенсивности относится к степени участия пострадавших в данных конфликтах. Интенсивность конфликта больше, если для участников многое связано с ним, если, таким образом, цена поражения выше. Чем больше значения придают участники столкновению, тем оно интенсивнее. Это можно пояснить примером: борьба за председательство в футбольном клубе может проходить бурно и действительно насильственно, но, как правило, она означает для участников не так много, как в случае конфликта между предпринимателями и профсоюзами (с

результатом которого связан уровень заработной платы) или, конечно, между Востоком и Западом (с результатом которого связаны шансы на выживание). Очевидные изменения индустриальных конфликтов в последнее десятилетие безусловно заключаются в снижении их интенсивности. [...] Таким образом, интенсивность означает вкладываемую участниками энергию и вместе с тем социальную важность определенных конфликтов. В этом месте должен стать полностью ясным смысл взятого за основу широкого определения конфликта. Форма столкновения, которая в быденном языке называется «конфликтом» (впрочем, как и так называемая классовая борьба), оказывается здесь только одной формой более широкого феномена конфликта, а именно формой крайней или значительной насильственности (и, возможно, также интенсивности). Теперь постановка вопроса теории изменяется на более продуктивную: при каких условиях социальные конфликты приобретают более или менее насильственную, более или менее интенсивную форму? Какие

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

факторы могут влиять на интенсивность и насильственность конфликта? На чем, таким образом, основывается вариабельность социальных конфликтов применительно к выделенным здесь переменам? Наша цель — не определение строгих и основательных ответов на эти вопросы; мы обозначим лишь некоторые области значимых факторов, дальнейшее изучение которых представляет собой нерешенную задачу социологии конфликта.

Первый круг факторов вытекает из условий организации конфликтных групп или манифестирования конфликтов. Вопреки часто выраженному предположению полное манифестирование конфликтов всегда уже является шагом к их ослаблению. Многие столкновения приобретают свою высшую степень интенсивности и насильственности тогда, когда одна из участвующих сторон способна к организации, есть социальные и технические условия, но организация запрещена и, таким образом, отсутствуют политические условия. Историческими примерами этого являются конфликты как из области международных отношений (партизанские войны), так и конфликты внутри общества (индустриальные конфликты до легального признания профсоюзов). Всегда наиболее опасен не до конца доступный для понимания, только частично ставший явным конфликт, который выражается в революционных или квазиреволюционных взрывах. Если конфликты признаются как таковые, то часто с ними не так много связано. Тогда становится возможным смягчение их форм.

Еще более важным, особенно применительно к интенсивности конфликтов, кажется круг факторов социальной мобильности. В той степени, в которой возможна мобильность — и прежде всего между борющимися сторонами, — интенсивность конфликтов уменьшается, и наоборот. [...] Чем сильнее единичное привязано к своей общественной позиции, тем интенсивнее становятся вырастающие из этой позиции конфликты, тем неизбежнее участники привязаны к конфликтам. Исходя из этого можно представить тезис, что конфликты на основе возрастных и половых различий всегда интенсивнее, чем региональные. Вертикальная и горизонтальная мобильность, переход в другой слой и миграция всегда способствуют снижению интенсивности конфликта.

Одна из важнейших групп факторов, которые могут влиять на интенсивность конфликтов, заключается в степени того, что можно спорно обозначить как социальный плюрализм, а точнее, как напластование или разделение социальных структурных областей. В каждом обществе существует большое количество социальных конфликтов, например,

между конфессиями, между частями страны, между руководящими и управляемыми. Они могут быть отделены друг от друга так, что стороны каждого отдельного конфликта как таковые представлены только в нем, но они могут быть напластованы так, что эти фронты повторяются в различных конфликтах, когда конфессия А, часть страны Q и правящая группа перемешиваются в одну большую «сторону». В каждом обществе существует большое количество институциональных порядков — государство и экономика, право и армия, воспитание и церковь. Эти порядки могут быть относительно независимы, а политические, экономические, юридические, военные, педагогические и религиозные руководящие группы неидентичны; но, возможно, что одна и та же группа задает тон во всех областях. В степени, в которой в обществе возникают такие и подобные феномены напластования, возрастает интенсивность конфликтов; и, напротив, она снижается в той степени, в какой структура общества становится плюралистичной, т.е. обнаруживает разнообразные автономные области. При напластовании различных социальных областей каждый конфликт означает борьбу за все; осуществление экономических требований должно одновременно изменять политические отношения. Если области разделены, то с каждым отдельным конфликтом не так много связано, тогда снижается цена поражения (и при этом интенсивность).

Эти три области факторов, которые были здесь очень бегло обозначены, дополняет еще одна, касающаяся насильственности социальных конфликтов: их регулирование.

[...] Из трех точек зрения на социальные конфликты между отдельными людьми, группами и обществами только одна является рациональной □...], только эта установка действительно гарантирует контроль насильственности социальных конфликтов внутри обществ и между ними. Тем не менее эта установка является намного более редкой, чем две остальные, недостаточность которых может доказать социологическая теория конфликта.

То, что противоречие может быть подавлено, несомненно, является очень старым предположением руководящих инстанций. Но хотя, само собой разумеется, *подавление конфликта* редко рекомендовалось как уместное в истории политической философии, многие до наших дней следовали этому рецепту. Однако подавление является не только аморальным, но и неэффективным способом обращения с социальными конфликтами. В той мере, в какой социальные конфликты пытаются подавить, возрастает их потенциальная злокачественность, вместе с

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

этим стремятся к еще более насильственному подавлению, пока, наконец, ни одна сила на свете не будет более в состоянии подавить энергию конфликта: во всей истории человечества революции предоставляют горькие доказательства этого тезиса. Конечно, не каждая так называемая тоталитарная система фактически является системой подавления, и окончательное подавление редко встречается в истории. Большинство непарламентских форм государства очень осторожно сочетают подавление и регулирование конфликтов. Если этого не происходит, если каждое противоречие, каждый антагонизм действительно подавлялись, то взрыв предельно насильственных конфликтов является вопросом времени. Метод подавления социальных конфликтов не может предпочитаться в течение продолжительного срока, т.е. периода, превышающего несколько лет. Но это же относится и ко всем формам так называемой *отмены* конфликтов. В истории как в международной области, так и внутри обществ, в отношениях между группами и между ролями вновь и вновь предпринимались попытки раз и навсегда устранить имеющиеся противоположности и противоречия путем вмешательства в существующие структуры. Под «отменой» конфликтов здесь должна пониматься любая попытка в корне ликвидировать противоречия. Эта попытка всегда обманчива. Фактические предметы определенных конфликтов — корейский вопрос в конфликте Восток — Запад, чрезвычайное законодательство в партийном конфликте, конкретные требования заработной платы в столкновении между партнерами по

тарифным переговорам — можно «устранить», т.е. регулировать так, чтобы они не возникли снова как предметы конфликта. Но такое регулирование предмета не ликвидирует сам кроющийся за ним конфликт. Социальные конфликты, т.е. систематически вырастающие из социальной структуры противоречия, принципиально нельзя «разрешить» в смысле окончательного устранения. Тот, кто пытается навсегда разрешить конфликты, скорее поддается опасному соблазну путем применения силы произвести впечатление, что ему удалось такое «разрешение», которое по природе вещей не может быть успешным. «Единство народа» и «бесклассовое общество» — это только два из многих проявлений подавления конфликтов под видом их разрешения. Прекращение конфликтов, которое в противоположность подавлению и «отмене» обещает успех, поскольку оно соответствует социальной реальности, я буду называть *регулированием конфликтов*. Регулирование социальных конфликтов является решающим средством уменьшения насильственности почти всех видов конфликтов. Конфликты

не исчезают посредством их регулирования; они не обязательно становятся сразу менее интенсивными, но в такой мере, в которой их удастся регулировать, они становятся контролируемыми, и их творческая сила ставится на службу постепенному развитию социальных структур.

Разумеется, успешное регулирование конфликтов предполагает ряд условий. Для этого нужно, чтобы конфликты вообще, а также данные отдельные противоречия признавались всеми участниками как неизбежные и, более того, как оправданные и целесообразные. Тому, кто не допускает конфликтов, рассматривает их как патологические отклонения от воображаемого нормального состояния, не удастся совладать с ними. Покорного признания неизбежности конфликтов также недостаточно. Скорее, необходимо осознать плодотворный, творческий принцип конфликтов. Это означает, что любое вмешательство в конфликты должно ограничиваться регулированием их проявлений и что нужно отказаться от бесполезных попыток устранения их причин. Причины конфликтов в отличие от их явных конкретных предметов устранить нельзя; поэтому при регулировании конфликтов речь всегда может идти только о том, чтобы выделять видимые формы их проявления и использовать их вариабельность. Это происходит вследствие того, что данные конфликты обязательно канализируются. Манифестирование конфликтов, например организация конфликтных групп, является условием для возможного регулирования. [...□ При наличии всех этих

предпосылок следующий шаг заключается в том, что участники соглашаются на известные «правила игры», в соответствии с которыми они желают разрешить свои конфликты. Несомненно, это решающий шаг любого регулирования конфликтов; однако он должен рассматриваться в связи с остальными предпосылками. «Правила игры», типовые соглашения, конституции, уставы и т.п. могут быть эффективны только в случае, если они с самого начала не отдают предпочтение одному из участников в ущерб другому, ограничиваются формальными аспектами конфликта и предполагают обязательное канализирование всех противоположностей.

Форма «правил игры» является такой же многообразной, как сама действительность. Различаются требования к хорошей конституции государства, рациональному соглашению в результате тарифных переговоров, уместному уставу объединения или к действенному международному соглашению. □...] Все «правила игры» касаются способов, которыми контрагенты намереваются разрешать свои противоречия. К ним принадлежит ряд форм, которые могут применяться последовательно.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

[...] 1. *Переговоры*, т.е. создание органа, в котором конфликтующие стороны регулярно встречаются с целью ведения переговоров по всем острым темам, связанным с конфликтом, и принятия решений установленными способами, соответствующими обстоятельствами (большинством, квалифицированным большинством, большинством с правом вето, единогласно). Однако редко бывает достаточно только этой возможности: переговоры могут остаться безрезультатными. В такой ситуации рекомендуется привлечение «третьей стороны», т.е. не участвующих в конфликте лиц или инстанций. 2. Наиболее мягкой формой участия третьей стороны является *посредничество*, т.е. соглашение сторон от случая к случаю выслушивать посредника и рассматривать его предложения. Несмотря на кажущуюся необязательность этого образа действий, посредничество (например, Генерального секретаря ООН, федерального канцлера и т.д.) часто оказывается в высшей степени эффективным инструментом регулирования. 3. Тем не менее часто необходимо сделать следующий шаг *к арбитражу*, т.е. к тому, что либо обращение к третьей стороне, либо в случае такого обращения исполнение ее решения является обязательным. Эта ситуация характеризует положение правовых институтов в некоторых (в частности, международных) конфликтах. 4. В случае если для участников обязательно как обращение к третьей стороне, так и принятие ее решения, *обязательный арбитраж* находится на границе между регулированием и подавлением конфликта. Этот метод может

иногда быть необходим (для сохранения формы государственного правления, возможно, также для обеспечения мира в международной области), но при его использовании регулирование конфликтов как контроль их форм остается сомнительным.

Нужно подчеркнуть еще раз, что конфликты не исчезают путем их регулирования. Там, где существует общество, существуют также конфликты. Однако формы регулирования воздействуют на насильственность конфликтов. Регулируемый конфликт является в известной степени смягченным: хотя он продолжается и может быть чрезвычайно интенсивным, он протекает в формах, совместимых с непрерывно изменяющейся социальной структурой. Возможно, конфликт является отцом всех вещей, т.е. движущей силой изменений, но конфликт не должен быть войной и не должен быть гражданской войной. Пожалуй, в рациональном обуздании социальных конфликтов заключается одна из центральных задач политики.

Печатается по: *Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта // Социс. 1994. № 5. С. 142—147.

М. ДОЙЧ

Разрешение конфликта

(Конструктивные и деструктивные процессы)

Обзор «переменных», влияющих на ход конфликта

[...] Рассматриваем ли мы конфликт между профсоюзом и руководством предприятия, между народами, между мужем и женой или между детьми, мы должны знать:

1. *Характеристики конфликтующих сторон (их ценности и мотивации, их устремления и цели, их психопатические, интеллектуальные и социальные ресурсы для ведения или разрешения конфликта; их представления о конфликте, включая концепцию стратегии и тактики, и т.д.).* Для конфликтующих сторон, так же как и для конфликтующих детей, было бы полезно знать, что стороны рассматривают как выгоду или достижение цели, а что будет рассматриваться как потеря или поражение. Как для отдельных индивидов, так и для целых народов осознание имеющихся инструментов для ведения или разрешения конфликта и собственного умения пользоваться ими необходимо для прогнозирования и понимания хода конфликта. Важно также знать, возник ли конфликт между равными (двумя мальчиками) или неравными (взрослым и ребенком), между частями целого (двумя штатами) или между частью и целым (штатом Миссисипи и США), или между целыми (СССР и США).

2. *Предысторию их взаимоотношений (отношение друг к другу, взаимные стереотипы и ожидания, включая их представление о том, что противоположная сторона полагает о них самих, в*

особенности степень полярности их взглядов по системе «хорошо — плохо» и «заслуживает доверия — не заслуживает доверия»). Будь то конфликт между Египтом и Израилем, профсоюзом и руководством предприятия или между мужем и женой, он будет зависеть от их предыдущих взаимоотношений и существующих отношений друг к другу. Муж или жена, потерявшие веру в благонамеренность друг друга, вряд ли смогут прийти к соглашению, эффективность которого будет ставиться в зависимость от взаимного доверия.

3. Природу того, что привело к конфликту (его границы, жестокость, мотивационную ценность, определение, периодичность и т.п.). Основа или основания конфликта между народами, группами или индивидами могут быть «диффузными» и обобщенными, как в идеологическом конфликте, или определенными и ограниченными,

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

как в конфликтах по поводу обладания чем-либо; причина конфликта может быть важной или второстепенной для конфликтующих сторон; они могут предполагать возможность компромисса или полное подчинение одной стороны другой.

4. *Социальную среду, в которой возник конфликт (различные институты, учреждения и ограничители; уровень поощрения или сдерживания в зависимости от выбранной стратегии и тактики ведения или разрешения конфликта, включая природу социальных норм и институциональных форм для регулирования конфликта)*. Индивиды, так же как и группы или народы, могут оказаться в такой социальной среде, в которой существует незначительный опыт конструктивного разрешения конфликта и отсутствуют институты или нормы, призванные поощрять мирное разрешение возникших споров. Безусловно, среда, в которой действуют народы, более насыщена подобными институтами и нормами, чем та, в которой находятся отдельные индивиды или группы.

5. *Заинтересованные стороны (их отношение к конфликтующим сторонам и друг к другу, их заинтересованность в тех или иных результатах конфликта, их характеристики)*. Многие конфликты разгораются на фоне повышенного внимания общественности, и ход конфликта в значительной мере может зависеть от того, как, по мнению участников конфликта, будут реагировать заинтересованные стороны и как они будут реагировать на самом деле. Так, США в свое время провозгласили, что, кроме всего прочего, одной из целей войны

во Вьетнаме является оказание моральной поддержки «борцам за свободу» во всем мире. Конфликтна Ближнем Востоке усугубляется гонкой вооружения, которая ведется не без участия третьих сторон. Точно так же конфликт между индивидами или различными группами может обостриться или погаснуть в зависимости от желания конфликтующих «сохранить лицо» или предстать в выгодном свете перед третьей стороной, или от угроз со стороны третьих сторон.

6. Применяемые конфликтующими сторонами стратегию и тактику (оценивание и/или изменение преимуществ, недостатков и субъективных возможностей и попытки одной из сторон оказать влияние на представление другой стороны о преимуществах или недостатках первой посредством тактики, которая может варьироваться по таким измерениям, как легитимность — нелегитимность, по соотношению использования позитивных и негативных стимулов, таких как обещания и по-

ощущения или угроза наказания, свобода выбора — принуждения, открытость и надежность связи, обмен информацией, уровень доверия, типы мотивов и т.д.). На эти темы писали исследователи «феномена» сделок и мирных соглашений. [...]

Очевидно, что такие процессы, как достижение сделок, взаимное влияние, связь, возникают как между народами, так и между отдельными индивидами. Значение таких процессов, как принуждение, убеждение, шантаж и давление, доверительность или симпатизирование, одинаково полезно и для тех, кто собирается заниматься консультированием родителей, и для тех, кто занимается консультированием королей.

7. Результаты конфликта для его участников и заинтересованных сторон (выгоды или потери, связанные с непосредственным предметом конфликта, внутренние изменения у участников конфликта, связанные с их участием в конфликте, долгосрочные перспективы взаимоотношений между участниками конфликта, репутация участников в ходе конфликта у различных заинтересованных сторон). Действия, предпринимаемые в ходе конфликта, и их результаты обычно оказывают влияние на конфликтующих.

Динамика межличностного, межгруппового или международного конфликта, видимо, имеет схожие характеристики и зависит от таких процессов, как «самосбывающиеся пророчества», предубеждения или невольные обязательства. Например, похоже, что как для групп, так и для отдельных индивидов самосбывающиеся пророчества приводят к враждебности в

отношении другой стороны в ответ на проявление враждебности в отношении себя, вызванное ожиданиями враждебности первой стороны. Точно так же группы, как и отдельные индивиды, склонны рассматривать свои действия в отношении противоположной стороны как более оправданные и «добронамеренные», чем действия другой стороны в отношении себя.

Все вышесказанное, касающееся конфликтов различных типов с участием индивидов, групп, организаций или целых народов, не означает, что механизмы или возможности получения информации, принятия решений и действия одинаковы. Индивид не сможет совершить ошибки «группового сознания»; тем не менее нельзя игнорировать тот факт, что как народы, так и отдельные индивиды обладают способностью действовать, хотя и не могут совершать те или иные действия; страна (народ) может объявить войну, человек — нет; человек может влюбиться, а страна (народ) — нет,

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

В задачу данной работы не входит подробное объяснение концепции, лежащей в основе предположения о целесообразности рассматривать межличностные, межгрупповые и международные конфликты при помощи одинаковых понятий, однако было бы полезно уяснить, что мой подход является *социально-психологическим*. Вот некоторые ключевые моменты социально-психологического подхода.

1. Каждый участник социального взаимодействия реагирует на другого с учетом собственных оценок другого, которые могут не совпадать с реальностью.
2. Каждый участник социального взаимодействия, осознавая степень информированности другой стороны, подвергается влиянию собственных ожиданий действий другой стороны, а также своего восприятия поведения другой стороны. Эти оценки могут быть, а могут и не быть точными; способность стать на место другого и предсказывать его действия не является значительной ни в межличностных, ни в международных кризисах.
3. Социальное взаимодействие не только может быть инициировано различными мотивами — оно может породить новые и погасить старые. Оно не только детермированное, но и детерминирующее. В процессе понимания и объяснения предпринятых действий возникают новые ценности и мотивы. Более того, социальные взаимодействия делают их участников более восприимчивыми к внешним моделям и примерам. Так, например, личность ребенка во многом формируется за счет его взаимодействия с родителями и сверстниками и с людьми, с которыми он себя идентифицирует. Точно так же на

государственные институты одной страны могут оказать сильное влияние ее взаимодействия с институтами другой или существующие там модели функционирования.

4. Социальное взаимодействие происходит в социальной среде — в семье, в группе, в общине, в стране, в цивилизации,— которая выработала технику, символы, категории, правила и ценности, подходящие для взаимодействия людей. Таким образом, чтобы понять суть происходящего при социальных взаимодействиях, необходимо рассматривать их в более общем социальном контексте.

5. Хотя каждый участник социального взаимодействия будь то группа или индивид, представляет собой сложную систему взаимодействующих подсистем, он может действовать как целое. Принятие решения индивидом или группой может вызвать внутреннее противоречие между различными интересами и ценностями по поводу контроля над действием. Внутренняя структура и внутренние процессы присущи всем социальным единицам (хотя у индивидов они менее заметны).

Функции конфликта

Правомерность употребления одинаковых концепций при обсуждении конфликтов между различными социальными единицами подчеркивается с целью оправдать подход к вопросу в этом томе. Главный вопрос касается тех условий, которые определяют возможность конструктивных или деструктивных последствий конфликта. Подход состоит в исследовании различных уровней конфликта с целью определить какие-либо ключевые параметры, могущие пролить свет на различные ситуации конфликта с тем, чтобы далее изучить их в лабораторных условиях.

Центральная мысль этого исследования состоит в допущении, что конфликт имеет потенциальную персональную и общественную ценность.

Конфликт имеет множество позитивных функций. Он предотвращает стагнацию, стимулирует интерес и любопытство, выступая в роли медиатора, с помощью которого артикулируются проблемы, находят их решения, служит основой социальных и персональных изменений. Конфликты часто являются частью процесса тестирования и оценки кого-либо, и могут быть весьма полезными для исследователя, если какая-либо сторона конфликта полностью использует свои возможности. Плюс ко всему, конфликт четко разделяет различные группы и этим способствует установлению групповой и персональной идентификации; внешний конфликт часто приводит к внутреннему сплочению. Более того, как полагает

Козер, в «нецентрализованных группах и свободных обществах» конфликт, направленный на разрешение трений между противниками, часто играет стабилизирующую и интегративную роль. Позволяя четкое и ясное выражение противоречащих требований, эти социальные системы получают возможность усовершенствовать свою структуру путем исключения источников трений. Множественные конфликты, которые они (эти системы) испытывают, помогают им избавиться от источников внутреннего антагонизма и добиться сплоченности. Эти системы снабжают себя, путем институционализации конфликта, важным стабилизирующим механизмом.

Вдобавок к этому внутригрупповой конфликт часто вдыхает новую жизнь в существовавшие нормы или приводит к возникновению новых. В этом смысле социальный конфликт выступает в роли механизма для установки норм, соответствующих новым условиям. Такое поведение выигрышно для гибких обществ, потому что создание или усовершенствование норм придает им жизнеспособность в новых условиях. Такой механизм отсутствует в жестких системах: подавляя конфликт, они подавляют

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

предупредительный сигнал, что в конце концов приводит к катастрофическим последствиям.

Внутренний конфликт может также служить средством выяснения относительной силы противоположных интересов, позволяя создать механизм для сохранения или изменения внутреннего баланса сил. Поскольку возникновение конфликта символизирует отказ от существовавших взаимоотношений внутри системы, то в результате выяснения соотношения сил в ходе конфликта устанавливается новый баланс, и взаимоотношения продолжают на новой основе».

Я специально сделал упор на позитивных функциях конфликта и привел их исчерпывающий список, поскольку конфликт часто рассматривается как зло, как будто это обязательно психопатология, социальный беспорядок или война.

Поверхностное понимание психоаналитической теории с ее упором на «принцип удовольствия», теории ограничений, упирающей на избегание трений, и диссонансной теории с ее озабоченностью насчет избегания диссонансов может привести к выводу, что психологической утопией может быть бесконфликтное существование. Тем не менее очевидно, что люди стремятся к конфликту, участвуя в спортивных состязаниях, посещая театры, читая романы, вступая в интимные отношения или занимаясь интеллектуальной деятельностью. К счастью, никому не грозит перспектива бесконфликтного существования. Конфликты не могут быть ни полностью исключены, ни даже подавлены надолго.

Некоторые определения

Здесь будет полезно дать определения некоторым ключевым терминам, используемым в тексте. *Конфликт* возникает при столкновении несовместимых действий. Несовместимые действия могут возникнуть у индивида, в группе, в нации; такие конфликты называются *внутриличностными*, *внутри групповыми* или *внутринациональными*. Они могут также возникать между двумя или более персонами, группами или нациями; такие конфликты называются *межличностными*, *межгрупповыми* или *международными*. Несовместимым называется действие, которое предотвращает, мешает, вмешивается или каким-либо иным образом делает менее вероятным или менее эффективным другое действие.

Термины *соперничество* и *конфликт* зачастую используются как синонимы, что неверно. Хотя соперничество приводит к конфликту, не все стадии конфликта могут быть названы соперничеством. Соперничество подразумевает противоположность целей участвующих сторон,

причем с увеличением шансов одной из сторон на достижение цели уменьшаются шансы другой. В конфликте, развившемся из соперничества, несовместимые действия проистекают из несовместимости целей. Тем не менее, конфликт может возникнуть и при отсутствии явной противоположности целей. Так, если муж и жена спорят о методах лечения комариных укусов своего ребенка, это не означает противоположности их целей — их цели как раз сходны. Это различие между конфликтом и соперничеством представляет собой не просто теоретические изыскания, оно весьма важно в отношении темы, лежащей в основе данной книги. В частности, конфликт может произойти в кооперативной или сопернической среде, а процесс разрешения конфликта в значительной мере зависит от этой среды.

Данная работа изучает психологические (связанные с восприятием) конфликты, т.е. конфликты, которые существуют психологически для участвующих сторон. Однако это не означает, что восприятие всегда верифицировано, или, наоборот, имеющая место несовместимость — лишь плод восприятия. Возможность того, что природа конфликта может быть неверно понята, означает, что возможность возникновения конфликта может быть определена по непониманию или нехватке информации. Таким образом, возникновение или невозникновение конфликта никогда не находятся в точной зависимости от реального положения вещей. Кроме того, что существует возможность недопонимания, еще одна причина состоит в воздействии психологических факторов на определение

конфликта. Конфликт также определяется теми ценностями, которые исповедуются его участниками. Даже классический пример конфликта — двое голодных мужчин на плоту с ограниченным запасом еды — может потерять свой смысл, если хотя бы один из них исповедует такие социальные или религиозные ценности, которые намного сильнее чувства голода или инстинкта самосохранения.

Вкратце суть вышесказанного состоит в том, что ни возникновение конфликта, ни его результаты не являются в полной мере детерминированными объективными условиями. Это означает, что судьба участников конфликта не всегда определяется внешними условиями. Возможность развития конфликта по конструктивному или деструктивному пути, таким образом, подвержена влиянию даже при наименее благоприятных условиях. Точно так же даже при наиболее благоприятных условиях психологический фактор может повести конфликт по деструктивному пути. Важность «реального» конфликта нельзя отрицать, тем

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

не менее психологический процесс восприятия и оценивания также «реален», и он приводит к превращению объективных условий в ощущение конфликта.

Печатается по: *Дойч М.* Разрешение конфликта (Конструктивные и деструктивные процессы) // Социально-политический журнал. 1997. №1. С. 202—212.

**МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ**

Глава 17

ГЕОПОЛИТИКА

Ж. БОДЕН

Метод легкого изучения истории

[...] Так как тело и дух наделены противоположными свойствами, то, чем сильнее первое, тем слабее второй. И тот, кто сильнее духом, будет менее крепок телом. [...] Таким образом, очевидно, что дух настолько же владеет южанами, насколько тело владеет скифами. [...] Но существует третья раса людей, обладающих благороднейшей способностью, умением подчиняться и приказывать, людей, обладающих достаточной силой, чтобы не поддаться хитрости южан, и надлежащей мудростью, чтобы справиться с грубой силой скифов. [...] Об этом в конце концов выносит свой приговор история, показывая, как готы, гунны, герулы, вандалы сумели быть достаточно храбрыми, чтобы завладеть Европой, Азией и Африкой, но не обладали мудростью, необходимой, чтобы удержать завоеванное. Напротив, те, которые знали, как обзавестись рассудительными людьми, встретившись с народами, способными к политической жизни, умели в течение очень длительного времени сохранить в величайшем расцвете свои империи. [...] Именно потому, что скифы почти всегда ненавидели письменность (*litteris*), а южане — оружие, ни те, ни другие никогда не могли основать великие империи. Напротив, римляне умели упражняться и в том и в другом с величайшим успехом, всегда заботясь о том, чтобы, как советовал Платон, соединять гимнастику и музыку. Они получили от греков, как палладиум, право и литературу, т.е.

секрет гражданской жизни; от карфагенян и сицилийцев они унаследовали науку кораблевождения, а сами римляне в непрерывных войнах овладели наукой военного дела.

[...] Людей севера стремительно влечет к жестокости. [...] Что касается южан, они скупы или, скорее, бережливы и скарены, в то время как скифы расточительны и склонны к грабежам. Народы юга благодаря длительной привычке к созерцанию (которая подобает черной желчи) оказались творцами и основателями самых достопримечательных наук. Они открыли тайны природы, установили принципы математики, наконец, они первые сумели постичь значение и сущность религии и небесных тел. Скифы, которые были менее способны к созерцанию (по причине обилия крови и жидкости, коими их ум был настолько подавлен, что мог обнаруживаться лишь с трудом), самопроизвольно устремлялись ко всему, что очевидно, а следовательно, к ремесленной технике. У северян зародилась всевозможная механика, пушки, плавка [металлов], книгопечатание и все, что касается металлургии. [...]

Что касается жителей средней зоны, то если они не имеют ни призвания к сокровенным наукам, присущего южанам, ни вкуса к ремеслу, как люди севера, то они не в меньшей мере одарены всевозможными способностями. Ибо, если подвергнуть рассмотрению совокупность исторических памятников, станет ясно, что от этой расы людей происходят установления, законы, обычаи, административное право, торговля, хозяйство, красноречие, диалектика и, наконец, политика. [...] Действительно, история свидетельствует, что Азия, Греция, Ассирия, Италия, Франция и Верхняя Германия — все это страны, расположенные между полюсом и экватором, от сорокового до

пятидесятого градуса, — всегда были районами, где наблюдался расцвет величайших империй; что эти районы дали величайших полководцев, лучших законодателей, справедливейших судей, проницательных юристов, прославленных ораторов, способных купцов, знаменитейших актеров и писателей. Напротив, Африка (и еще менее того Скифия) не произвела ни юриста, ни оратора, еще меньше — историков и ничтожное по сравнению с Италией, Грецией, Францией, Азией количество великих купцов.

Но природа проявила большую заботу о том, чтобы скифы, столь же богатые физической силой, сколь бедные разумом, сделали военную доблесть первой из всех добродетелей, в то время как южане ценят прежде всего благочестие и религию, а люди средней зоны почитают скорее благоразумие. И хотя все они употребляют все средства для защиты своего государства, одни чаще всего прибегали к силе, другие — к страху божьему, а последние — к законам и справедливости.

Существует закон противоположностей, согласно которому, если южанин черен, северянин бел, если последний рослый, первый малорослый, если этот силен, тот немощен; если один полон жара и жидкостей, второй холоден и сух; если один волосат, другой без волос; если у одного голос хриплый, у другого звонкий; если один боится жары, другой боится холода; если этот весел, тот грустен; если этот общителен, тот склонен к уединению; если этот храбр, тот боязлив; если этот — великий пьяница, тот — сама трезвость; если этот неряшлив и по отношению к себе, и по отношению к другим, тот осмотрителен и церемонен; если первый — мот, второй бережлив; если у первого холодный темперамент, второй — сама похотливость; если один скареден, другой — щеголь; если один хитер, другой прост; если один — солдат или ремесленник, другой — священник или философ; там, где один пользуется своими руками, другой употребляет свой разум, этот будет искать счастья на небе, в то время как другой — на земле. [...] И так как особенность пророков состоит в том, что они свойственны крайностям, из этого следует заключить, что упрямству южанина соответствует легкомыслие скифа, в то время как уделом жителей среднего района является твердость. [...] А так как все эти недостатки, так сказать, укоренены в каждом народе природой, необходимо судить об истории всякого народа в соответствии с его привычками и наклонностями прежде, чем дурно о нем говорить. В сущности воздержанность южан так же не заслуживать похвалы, как не заслуживает осуждения пьянство, в котором упрекают скифов. [...]

Печатается по: Антология мировой философии: В 4т. М., 1970. Т. 2. С. 142—144.

1. Дж. МАККИНДЕР

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ОСЬ ИСТОРИИ

[...□ В настоящее десятилетие мы впервые находимся в ситуации, когда можно попытаться установить, с известной долей завершенности, связь между широкими географическими и историческими обобщениями. Впервые мы можем ощутить некоторые реальные пропорции в соотношении событий, происходящих на мировой арене, и выявить формулу, которая так или иначе выразит определенные аспекты географической причинности мировой истории. Если нам посчастливится, то эта формула обретет и практическую ценность — с ее помощью можно

будет вычислить перспективу развития некоторых конкурирующих сил нынешней международной политической жизни. Известная фраза о том, что империя движется на запад, является всего лишь эмпирической и фрагментарной попыткой подобного рода. Так что сегодня я хотел бы описать те характерные физические черты мира, которые, по-моему, очень тесно связаны с человеческой деятельностью, и представить некоторые основные фазы истории, что были органически связаны с этими чертами, причем даже тогда, когда последние были еще неизвестны географии. Я вовсе не ставлю себе целью обсуждать влияние того или иного фактора или заниматься региональной географией, но скорее хочу показать историю человечества как часть жизни мирового организма. Я отдаю себе отчет в том, что могу здесь дознаться лишь до некоторого аспекта истины, и вовсе не склонен впадать в чрезмерный материализм. Инициативу проявляет человек, не природа, но именно природа в большей мере осуществляет регулирование. Мой интерес лежит скорее в области изучения всеобщего физического регулирования, нежели в сфере изучения причин всеобщей истории. Совершенно ясно, что здесь можно надеяться только на первое приближение к истине, а потому я со смирением восприму все замечания моих критиков. [...]

[...] Как вызывающая неприятие персона выполняет важную общественную функцию, объединяя своих врагов, точно так же благодаря давлению внешних варваров Европа сумела создать свою цивилизацию. Вот почему я прошу вас взглянуть на Европу и европейскую историю как на явления, зависимые по

отношению к Азии и ее истории, ибо европейская цивилизация является в значительной степени результатом вековой борьбы против азиатских вторжений.

Наиболее важный контраст, заметный на политической карте современной Европы, — это контраст между огромными пространствами России, занимающей половину этого континента, с одной стороны, и группой более мелких территорий, занимаемых западноевропейскими странами — с другой. С физической точки зрения здесь, конечно, налицо еще подобный же контраст между нераспаханными равнинами востока и богатствами гор и долин, островов и полуостровов, составляющих в совокупности остальную часть этого района земного шара. При первом взгляде может показаться, что в этих знакомых фактах предстает столь очевидная связь между природной средой и политической организацией, что едва ли стоит об этом говорить, особенно если мы упомянем, что на Русской равнине холодной зиме противостоит жаркое лето и условия человеческого существования привносятся, таким

образом, в жизнь людей дополнительное единообразие. И тем не менее несколько исторических карт, содержащихся, например, в Оксфордском атласе, покажут нам, что приблизительное совпадение европейской части России с Восточно-европейской равниной не случайно и возникло не за последние сто лет, а имело место и в более ранние времена, когда здесь существовала совершенно иная тенденция в политическом объединении. Две группы государств обычно разделяли эту страну на северную и южную политические системы. Дело в том, что орографические карты не выражают того особого физического своеобразия, которое до самого последнего времени регулировало передвижение и расселение человека на территории России. Когда снежный покров постепенно отступает на север от этих обширных равнин, его сменяют дожди, на побережье Черного моря особенно сильные в мае и июне, однако в районе Балтики и Белого моря чаще льющие в июле и августе. На юге царит долгое засушливое лето. Следствием подобного климатического режима является то, что северные и северо-западные районы покрыты лесами, чьи чащи изредка перемежаются озерами и болотами, в то время как юг и юго-восток представляют из себя бескрайние травянистые степи, где деревья можно увидеть лишь по берегам рек. Линия, разделяющая эти два региона, идет по диагонали на северо-восток, начинаясь у северной оконечности Карпат и заканчиваясь скорее у южных склонов Урала, нежели в его северной части. Москва лежит севернее этой линии, находясь, иными словами, на лесистой стороне. За пределами России граница этих огромных лесов тянется на запад, проходя почти

посередине европейского перешейка, ширина которого (т.е. расстояние между Балтийским и Черным морями) равняется 800 милям. За ним, на остальной европейской территории леса покрывают бастион у Карпат и простираются до Дуная, там, где теперь колышутся румынские нивы, и вплоть до Железных ворот. Отдельный степной район, известный среди местных жителей под названием «пушта» и ныне активно обрабатываемый, занял Венгерскую равнину: его окаймляет цепь лесистых Карпатских и Альпийских гор. На Западе же России, за исключением крайнего Севера, расчистка леса, осушение болот и подъем неосвоенных земель сравнительно недавно определили характер ландшафта, в большей степени сглаживая то различие, которое раньше было так заметно.

Россия и Польша возникли на лесных прогалинах. Вместе с тем сюда начиная с V по XVI столетие через степи из отдаленных и неведомых уголков Азии направлялась в створ, образуемый Уральскими горами и

Каспийским морем, непрерывная череда номадов-туранцев: гунны, авары, болгары, мадьяры, хазары, печенеги, куманы, монголы, калмыки. Во время правления Атилы гунны утвердились в центре пушты, на самых отдаленных «придунайских» островках степи, и оттуда наносили удары на север, запад и юг по оседлому населению Европы. Большая часть современной истории может быть написана как комментарий к изменениям, прямо или косвенно представлявшим собой последствия тех набегов. Вполне возможно, что именно тогда англ и саксы были принуждены пересечь море и основать на Британских островах Англию. Впервые франки, готы и жители римских провинций оказались вынуждены встать плечом к плечу на поле битвы у Шалона, имея перед собой общую цель борьбы с азиатами; таким образом они непроизвольно составили современную Францию. В результате разрушения Аквилеи и Падуи была основана Венеция; и даже папство обязано своим огромным престижем успешному посредничеству папы Льва на встрече с Атилой в Милане. Таков был результат, произведенный ордой безжалостных и ни над чем таким не задумывавшихся всадников, заплонивших неконтролируемые равнины, — это был удар, беспрепятственно нанесенный азиатским молотом по незанятому пространству. За гуннами последовали авары. Именно в борьбе с ними была основана Австрия, а в результате походов Карла Великого была укреплена Вена. Затем пришли мадьяры и своими непрекращающимися набегами из степных лагерей, расположенных на территории

Венгрии, еще больше увеличили значение австрийского аванпоста, перенося таким образом фокус происходящего с Германии на восток, к границе этого королевства. Болгары стали правящей кастой на землях к югу от Дуная, оставив свое имя на карте мира, хотя язык их растворился в языке их славянских подданных. Вероятно, самым долговременным и эффективным в русских степях было расселение хазар — современников великого движения сарацин: арабские географы знали Каспий, или Хазарское море. Но в конце концов из Монголии прибыли новые орды, и на протяжении двухсот лет русские земли, расположенные в лесах к северу от указанных территорий, платили дань монгольским ханам, или «Степи», и, таким образом, развитие России было задержано и деформировано именно в то время, когда остальная Европа быстро шагала вперед.

Следует также заметить, что реки, выбегающие из этих лесов и текущие к Черному и Каспийскому морям, пересекают весь степной путь кочевников и что время от времени вдоль течения этих рек происходили случайные встречные по отношению к перемещениям этих всадников

движения. Так, миссионеры греческой церкви поднялись по Днепру до Киева, как незадолго до того спустились по той же самой реке на своем пути в Константинополь северяне-варяги. Еще раньше германское племя готов появилось на короткое время на берегах Днестра, пройдя через Европу от берегов Балтики в том же юго-восточном направлении. Но все это — проходные эпизоды, которые отнюдь не сводят на нет более широкие обобщения. На протяжении десяти веков несколько волн всадников-кочевников выходило из Азии через широкий проход между Уралом и Каспийским морем, пересекая открытые пространства юга России и, оседая в Венгрии, попадали в самое сердце Европы, внося таким образом в историю соседних народов момент неперемного противостояния: так было в отношении русских, германцев, французов, итальянцев и византийских греков. То, что они стимулировали здоровую и мощную реакцию вместо разрушительного противодействия в условиях широко распространенного деспотизма, стало возможным благодаря тому, что мобильность их державы была обусловлена самой степью и неизбежно исчезала в окружении гор и лесов.

Подобная мобильность державы была свойственна и мореплавателям-викингам. Прибывая из Скандинавии и высаживаясь на южном и северном побережьях Европы, они просачивались вглубь ее территории, пользуясь для этого речными путями. Однако масштаб их действий был ограничен, поскольку, по справедливости говоря, их власть рас-

пространялась лишь на территории, непосредственно примыкавшие к воде. Таким образом, оседлое население Европы оказалось зажатым в тисках между азиатскими кочевниками с востока и наседавшими с трех сторон участниками набегов с моря. По природе своей ни одна из сторон не могла превозмочь другую, так что обе они оказывали взаимно стимулирующее воздействие. Следует заметить, что формирующее влияние скандинавов стояло на втором месте после аналогичного влияния кочевников, ибо именно благодаря им Англия и Франция начали долгий путь к собственному объединению, тогда как единая Италия пала под их ударами. Когда-то давно Рим мог мобилизовать свое население, используя для этого дороги, однако теперь римские дороги пришли в упадок и их не обновляли до восемнадцатого столетия.

Похоже, что даже нашествие гуннов было отнюдь не первым в этой «азиатской» серии. Скифы из рассказов Гомера и Геродота, питавшиеся молоком кобылиц, скорее всего, вели такой же образ жизни, относясь, вероятно, к той же самой расе, что и позднейшие обитатели степи. Кельтские элементы в названиях рек Дон, Донец, Днепр, Днестр и

Дунай, возможно, и могли бы служить обозначением понятий у людей с похожими привычками, хотя и не одной и той же расы, однако не похоже, чтобы кельты пришли из северных лесов, подобно готам и варягам последующих времен. Тем не менее огромный клин населения, который антропологи называют брахицефалами, оттесненный на запад из брахицефальной Азии через Центральную Европу вплоть до Франции, вероятно, внедрился между северной, западной и южной группами долихоцефального населения и, вполне возможно, происходит из Азии.

Между тем влияние Азии на Европу незаметно до того момента, когда мы начинаем говорить о монгольском вторжении XV в.; правда, прежде чем проанализировать факты, ко всему этому относящиеся, желательно сменить наш «европейский» угол зрения с тем, чтобы мы могли представить Старый Свет во всей его целостности. Поскольку количество осадков зависит от моря, середина величайших земных массивов в климатическом отношении достаточно суха. Вот почему не стоит удивляться, что две трети мирового населения сосредоточены в относительно небольших районах, расположенных по краям великих континентов — в Европе около Атлантического океана, у Индийского и Тихого океанов в Индии и Китае. Через всю Северную Африку вплоть до Аравии тянется широкая полоса почти незаселенных в силу практического отсутствия дождей земель. Центральная и Южная Африка большую часть своей истории были точно так же отделены от Европы и Азии, как и

Америка с Австралией. В действительности южной границей Европы была и является скорее Сахара, нежели Средиземноморье, поскольку именно эта пустыня отделяет белых людей от черных. Огромные земли Евро-Азии, заключенные, таким образом, между океаном и пустыней, насчитывают 21 000 000 кв. миль, т.е. половину всех земель на земном шаре, если исключить из подсчета пустыни Сахары и Аравии. Существует много отдаленных пустынных районов разбросанных по всей территории Азии, от Сирии и Персии на северо-восток по направлению к Маньчжурии, однако среди них нет таких пустынь, которые можно было бы сравнить с Сахарой. С другой стороны, Евро-Азия характеризуется весьма примечательным распределением рек. На большей части севера и центра эти реки были практически бесполезны для целей человеческого общения с внешним миром. Волга, Оке, Яксарт¹ текут в соленые озера; Обь, Енисей и Лена — в холодный Северный океан. В мире существует шесть великих рек. В этих же районах

¹ Окс, Яксарт — древние названия Амударьи и Сырдарьи.

есть много хотя и меньших, но также значительных рек, таких как Тарим и Хельмунд, которые опять-таки не впадают в Океан. Таким образом, центр Евразии, испещренный пятнышками пустыни, является в целом степной местностью, представляющей хотя зачастую и скудные, но обширные пастбища, где не так уж мало питаемых речками оазисов. Вместе с тем необходимо еще раз подчеркнуть, что вся ее территория все-таки не пронизана водными путями, ведущими от океана. Другими словами, в этом большом ареале мы имеем все условия для поддержания редкого, но в совокупности весьма значительного населения — кочевников, передвигающихся на лошадях и верблюдах. На севере область их обитания ограничена широкой полосой субарктических лесов и болот, где климат, за исключением западной и восточной оконечностей, слишком суров для развития сельскохозяйственных поселений. На востоке леса простираются на юг до тихоокеанского побережья вдоль Амура — к Маньчжурии. То же и на Западе: в доисторической Европе леса занимали основную территорию. Ограниченные таким образом на северо-востоке, севере и северо-западе степи тянутся, не прерываясь, на протяжении 4000 миль от венгерской пушты до Малой Гоби и Маньчжурии, и, за исключением самой западной оконечности, их не пересекают реки, текущие в доступный им океан, так что мы можем не принимать во внимание недавние усилия по развитию торговли в устье Оби и Енисея. В Европе, Западной Сибири и Западном Туркестане степь лежит низко, местами даже ниже уровня моря. Далее на востоке, в Монголии,

они тянутся в виде плато; но переход с одного уровня на другой, над голыми, ровными и низкими районами засушливых центральных земель не представляет значительных трудностей. Орды, которые в конце концов обрушились на Европу в середине XV в., собирали свои силы в 3000 миль оттуда, в степях Верхней Монголии. Опустошения, совершившиеся в течение нескольких лет в Польше, Силезии, Моравии, Венгрии, Хорватии и Сербии, были, тем не менее, лишь самыми отдаленными и одновременно скоротечными результатами великого движения кочевников востока, связываемого с именем Чингисхана. В то время как Золотая орда заняла Кипчакскую степь от Аральского моря через проход между Уральским хребтом и Каспием до подножия Карпат, другая орда, спустившаяся на юго-запад между Каспийским морем и Гиндукушем в Персию, Месопотамию и даже Сирию, основала державу Ильхана. Позднее третья орда ударила на Северный Китай, овладев Китаем. Индия и Манги, или Южный Китай, были до поры прикрыты великолепным барьером Тибетских гор, с чьей эффективностью

ничто в мире, пожалуй, сравниться не может, если, конечно, не считать Сахару и полярные льды. Но в более позднее время, в дни Марко Поло — если говорить о Манги, и в дни Тамерлана — если иметь в виду Индию, это препятствие было обойдено.

Произошло так, что в этом последнем известном и хорошо описанном случае все населенные края Старого Света раньше или позже ощутили на себе экспансивную мощь мобильной державы, зародившейся на степных просторах. Россия, Персия, Индия и Китай либо платили дань, либо принимали монгольские династии. Даже зарождавшееся в Малой Азии государство турок терпело это иго на протяжении более полувека.

Подобно Европе, записи о более ранних вторжениях сохранились и на других пограничных землях Евро-Азии. Неоднократно подчинялись завоевателям с севера Китай, а завоевателям с северо-запада — Индия. По меньшей мере одно вторжение на территорию Персии сыграло особую роль в истории всей западной цивилизации. За триста или четыреста лет до прихода монголов, турки-сельджуки, появившиеся из района Малой Азии, растеклись здесь по огромным пространствам, которые условно можно назвать регионом, расположенным между пятью морями — Каспийским, Черным, Средиземным, Красным и Персидским заливом. Они утвердились в Кермане, Хамадане, Малой Азии, свергли господство сарацин в Багдаде и Дамаске. Явилась необходимость покарать их за их обращение с паломниками, шедшими в Иерусалим, — вот почему христианский мир и предпринял целую серию военных походов, известных под

общим названием крестовых. И хотя европейцам не удалось достигнуть поставленных целей, эти события так взволновали и объединили Европу, что мы вполне можем считать их началом современной истории — это был пример продвижения Европы, стимулированного необходимостью ответной реакции на давление, оказываемое на нее из самого центра Азии.

Понятие Евро-Азии, которое мы таким образом получаем, подразумевает протяженные земли, окаймленные льдами на севере, пронизанные повсюду реками и насчитывающие по площади 21 000 000 кв. миль, т.е. более чем в два раза превосходящие Северную Америку, чьи центральные и северные районы насчитывают 9 000 000 кв. миль, и более чем в два раза территорию Европы. Однако у нее нет удовлетворительных водных путей, ведущих в океан, хотя с другой стороны, за исключением субарктических лесов, она в целом пригодна для передвижения всякого рода кочевников. На запад, юг и восток от этой зоны находятся пограничные регионы, образующие широкий полумесяц и доступные

для мореплавания. В соответствии с физическим строением число этих районов равняется четырем, причем отнюдь не маловажно то, что в принципе они совпадают соответственно со сферами распространения четырех великих религий — буддизма, брахманизма, ислама и христианства. Первые две лежат в зоне муссонов, причем одна из них обращена к Тихому океану, другая к Индийскому. Четвертая, Европа, орошается дождями, идущими с запада, с Атлантики. Эти три региона, насчитывающие в совокупности менее семи миллионов кв. миль, населяет более миллиарда человек, иначе говоря, две трети населения земного шара. Третья сфера, совпадающая с зоной пяти морей или, как ее чаще называют, район Ближнего Востока, в еще большей степени страдает от недостатка влаги из-за своей близости к Африке и, за исключением оазисов, заселена, соответственно, не плотно. В некоторой степени она совмещает черты как пограничной зоны, так и центрального района Евро-Азии. Эта зона лишена лесов, поверхность ее испещрена пустынями, так что она вполне подходит для жизнедеятельности кочевников. Черты пограничного района прослеживаются в ней постольку, поскольку морские заливы и впадающие в океан реки делают ее доступной для морских держав, позволяя, впрочем, и им самим осуществлять свое господство на море. Вот почему здесь периодически возникали империи, относившиеся к «пограничному» разряду, основу которых составляло сельскохозяйственное население великих оазисов Египта и Вавилона. Кроме того, они были связаны водными путями с

цивилизированным миром Средиземноморья и Индии. Но, как и следовало бы ожидать, эти империи попадали в зону череды невиданных дотоле миграций, одни из которых осуществлялись скифами, турками и монголами, шедшими из Центральной Азии, другие же были результатом усилий народов Средиземноморья, желавших захватить сухопутья, ведущие от западного к восточному океану. Это место — самое слабое звено для этих ранних цивилизаций, поскольку Суэцкий перешеек, разделивший морские державы на западные и восточные, и засушливые пустыни Персии, простирающиеся из Центральной Азии вплоть до Персидского залива, предоставляли постоянную возможность объединениям кочевников добираться до берега океана, отделявшего, с одной стороны, Индию и Китай, а с другой — их самих от Средиземноморского мира. Всякий раз, когда оазисы Египта, Сирии и Вавилона приходили в упадок, жители степей получали возможность использовать плоские нагорья Ирана и Малой Азии в качестве форпостов, откуда они могли направлять свои удары через Пенджаб прямо на Индию, через Сирию на Египет, а через

разгромленный мост Босфора и Дарданелл — на Венгрию. На магистральном пути во внутреннюю Европу стояла Вена, противостоявшая набегам кочевников, как тех, что приходили прямой дорогой из русских степей, так и проникавших извилистыми путями, пролегавшими к югу от Черного и Каспийского морей.

Итак, мы проиллюстрировали очевидную разницу между сарацинским и турецким контролем на Ближнем Востоке. Сарацины были ветвью семитской расы, людьми, населявшими долины Нила и Евфрата и небольшие оазисы на юге Азии. Воспользовавшись двумя возможностями, предоставленными им этой землей, — лошадьми и верблюдами, с одной стороны, и кораблями — с другой — они создали великую империю. В различные исторические периоды их флот контролировал Средиземное море вплоть до Испании, а также Индийский океан до Малайских островов. С этой стратегически центральной позиции, находившейся между западным и восточным океанами, они пытались завоевать все пограничные земли Старого Света, повторяя в чем-то Александра Македонского и предвосхищая Наполеона. Они смогли даже угрожать степи. Но сарацинскую цивилизацию разрушили турки, полностью отделенные от Аравии, Европы, Индии и Китая, язычники-туранцы, обитавшие в самом сердце Азии.

Передвижение по глади океана явилось естественным конкурентом внутриконтинентального передвижения на верблюдах и лошадях. Именно на освоении океанических рек

была основана потамическая (речная. — *Ред.*) стадия цивилизации: китайская на Янцзы, индийская на Ганге, вавилонская на Евфрате, египетская на Ниле. На освоении Средиземного моря основывалось то, что называют «морской» стадией цивилизации, — основывались цивилизации греков и римлян. Сарацины и викинги могли контролировать побережья океанов именно благодаря своей возможности плавать.

Важнейший результат обнаружения пути в Индию вокруг мыса Доброй Надежды состоял в том, что он должен был связать западное и восточное каботажные судоходства Евро-Азии, пусть даже таким окольным путем, и таким образом в некоторой степени нейтрализовать стратегическое преимущество центрального положения, занимаемого степняками, подвергнув их давлению с тыла. Революция, начатая великими мореплавателями поколения Колумба, наделила христианский мир необычайно широкой мобильностью, не достигшей, впрочем, заветного уровня. Единый и протяженный океан, окружающий разделенные и островные земли, является, безусловно, тем географическим условием,

которое привело к высшей степени концентрации командования на море и во всей территории современной военно-морской стратегии и политики, о чем подробно писали капитан Мэхэн и м-р Спенсер Уилкинсон. Политический результат всего этого заключался в изменении отношений между Европой и Азией. Не надо забывать, что в средние века Европа была зажата между непроходимыми песками на юге, неизведанным океаном на западе, льдами или бескрайними лесами на севере и северо-востоке, а с востока и юго-востока ей угрожала необычайная подвижность кочевников. И вот теперь она поднялась над миром, дотянувшись до тридцати восьми морей либо других территорий и распространив свое влияние вокруг евроазиатских континентальных держав, до тех пор угрожавших самому ее существованию. На свободных землях, которые были открыты среди водных пространств, создавались новые Европы, и тем, чем были ранее для европейцев Британия и Скандинавия, теперь становятся Америка и Австралия и в некоторой степени даже транссахарская Африка, примыкавшая теперь к Евро-Азии. Британия, Канада, Соединенные Штаты, Южная Африка, Австралия и Япония являют собой своеобразное кольцо, состоящее из островных баз, предназначенных для торговли и морских сил, недостижимых для сухопутных держав Евро-Азии. Тем не менее последние продолжают существовать, и известные события еще раз подчеркнули их значимость. Пока «морские» народы Западной Европы заполняли поверхность океана своими судами, направлявшимися в отдаленные земли, и тем или иным

образом облагали данью жителей океанического побережья Азии, Россия организовала казаков и, выйдя из своих северных лесов, взяла под контроль степь, выставив собственных кочевников против кочевников-татар. Эпоха Тюдоров, увидевшая экспансию Западной Европы на морских просторах, лицезрела и то, как Русское государство продвигалось от Москвы в сторону Сибири. Бросок всадников через всю Азию на восток был событием, в той же самой мере чреватым политическими последствиями, как и преодоление мыса Доброй Надежды, хотя оба эти события долгое время не соотносили друг с другом.

Возможно, самое впечатляющее совпадение в истории заключалось в том, что как морская, так и сухопутная экспансия Европы явилась в известном смысле продолжением древнего противостояния греков и римлян. Несколько неудач в этой области имели куда более далеко идущие последствия, нежели неудачная попытка Рима латинизировать греков. Тевтонцы цивилизовались и приняли христианство от римлян,

славяне же — от греков. Именно романо-тевтонцы впоследствии плыли по морям; и именно греко-славяне скакали по степям, покоряя туранские народы. Так что современная сухопутная держава отличается от морской уже в источнике своих идеалов, а не в материальных условиях и мобильности¹.

Вслед за казаками на сцене появилась Россия, спокойно расставшаяся со своим одиночеством, в котором она пребывала в лесах Севера. Другим же изменением необычайного внутреннего значения, происшедшим в Европе в прошлом столетии, была миграция русских крестьян на юг, так что если раньше сельскохозяйственные поселения заканчивались на границе с лесами, то теперь центр населения всей Европейской России лежит к югу от этой границы, посреди пшеничных полей, сменивших расположенные там и западнее степи. Именно так возник необычайно важный город Одесса, развивавшийся с чисто американской скоростью.

Еще поколение назад казалось, что пар и Суэцкий канал увеличили мобильность морских держав в сравнении с сухопутными. Железные дороги играли, главным образом, роль придатка океанской торговли. Но теперь трансконтинентальные железные дороги изменяют положение сухопутных держав, и нигде они не работают с большей эффективностью, чем в закрытых центральных районах Евро-Азии, где на обширных просторах не встретишь ни одного подходящего бревна или камня для их постройки. Железные дороги совершают в степи невиданные чудеса, потому что они непосредственно заменили

лошадь и верблюда, так что необходимая стадия развития — дорожная — здесь была пропущена.

Относительно торговли не следует забывать, что при океаническом ее способе, хотя и относительно дешевом, обычно товар прогоняется через четыре этапа: фабрика-изготовитель, порт погрузки, порт выгрузки и товарный склад в пункте продажи, в то время как континентальная железная дорога ведет прямо от фабрики-производителя на склад импортера. Таким образом, посредническая океаническая торговля ведет, при прочих равных условиях, к формированию вокруг континентов

¹ Это заявление подверглось критике в ходе дискуссии, последовавшей за прочтением доклада. Пересматривая этот параграф, я все-таки думаю, что в основе своей оно справедливо. Даже византийский грек был бы другим, подчини Рим себе всю древнюю Грецию. Без сомнения, идеалы, о которых идет речь, были скорее византийскими, нежели эллинскими, но римскими они не были, это уж точно.

зоны проникновения, чья внутренняя граница грубо обозначена линией, вдоль которой цена четырех операций, океанской перевозки и железнодорожной перевозки с соседнего побережья равна цене двух операций и перевозке по континентальной железной дороге.

Российские железные дороги протянулись на 6000 миль от Вербал-лена на западе до Владивостока на востоке. Русская армия в Маньчжурии являет собой замечательное свидетельство мобильной сухопутной мощи подобно тому, как Британия являет в Южной Африке пример морской державы. Конечно, Транссибирская магистраль по-прежнему остается единственной и далеко не безопасной линией связи, однако не закончится еще это столетие, как вся Азия покроется сетью железных дорог. Пространства на территории Российской империи и Монголии столь велики, а их потенциал в отношении населения, зерна, хлопка, топлива и металлов столь высок, что здесь несомненно разовьется свой, пусть несколько отдаленный, огромный экономический мир, недосягаемый для океанской торговли. Просматривая столь беглым взглядом основные тенденции истории, не видим ли мы воочию нечто постоянное в плане географическом? Разве не является осевым регионом в мировой политике этот обширный район Евро-Азии, недоступный судам, но доступный в древности кочевникам, который ныне должен быть покрыт сетью железных дорог? Здесь существовали и продолжают существовать условия, многообещающие и тем не менее ограниченные, для мобильности военных и промышленных держав. Россия заменяет Монгольскую империю.

Ее давление на Финляндию, Скандинавию, Польшу, Турцию, Персию, Индию и Китай заменило собой исходившее из одного центра набеги степняков. В том мире она занимает центральное стратегическое положение, которое в Европе принадлежит Германии. Она может по всем направлениям, за исключением севера, наносить, а одновременно и получать удары.

Окончательное развитие ее мобильности, связанное с железными дорогами, является лишь вопросом времени. Да и никакая социальная революция не изменит ее отношения к великим географическим границам ее существования. Трезво понимая пределы своего могущества, правители России расстались с Аляской, ибо для русской политики является фактическим правилом не владеть никакими заморскими территориями, точно так же как для Британии — править на океанских просторах. За пределами этого осевого района существует большой внутренний полумесяц, образуемый Германией, Австрией, Турцией, Индией и Китаем,

и внешний — Британия, Южная Африка, Австралия, Соединенные Штаты, Канада и Япония. При нынешнем соотношении сил осевое государство — Россия — не равносильно периферийным государствам, и здесь в качестве противовеса может выступить Франция. Только что восточной державой стали Соединенные Штаты. На баланс сил в Европе они влияют не непосредственно, а через Россию, и нет никаких сомнений в том, что они построят Панамский канал для того, чтобы сделать ресурсы Миссисипи и Атлантики поддающимися перекачке в Тихий океан. С этой точки зрения линию реального разделения между востоком и западом следует искать именно в Атлантике.

Нарушение баланса сил в пользу осевого государства, выражающееся в его экспансии на пограничные территории Евро-Азии, позволяет использовать необъятные континентальные ресурсы для постройки флота. Благодаря этому скоро перед нашим взором явится мировая империя. Это может случиться, если Германия захочет присоединиться к России в качестве союзника. Вот почему угроза подобного союза должна толкнуть Францию в объятия морских держав, и тогда Франция, Италия, Египет, Индия и Корея составят такое сильное объединение, в котором флот будет поддерживать армию, что в конечном итоге заставит союзников оси разворачивать свои сухопутные силы, удерживая их от концентрации всей мощи на морях. Если привести более скромное сравнение, то это напоминает то, что совершал во время боевых действий Веллингтон с базы Торрес Ведрас. И не сможет ли Индия в конце концов сыграть такую же роль в

системе Британской империи? И не эта ли идея лежит в основании концепции мистера Эмери, говорившего, что фронт боевых действий для Британии простирается от мыса Доброй Надежды через Индию вплоть до Японии?

На эту систему может оказать решающее влияние развитие огромных возможностей Южной Америки. С одной стороны, они смогут усилить позиции Соединенных Штатов, а с другой, если, конечно, Германия сможет бросить действенный вызов доктрине Монро, он в силах отъединить Берлин от того, что я охарактеризовал как политику оси. Местные комбинации держав, приведенных в равновесие, здесь значения не имеют. Я утверждаю, что с географической точки зрения они совершают нечто вроде круговращения вокруг осевого государства, которое всегда так или иначе является великим, но имеющим ограниченную мобильность по сравнению с окружающими пограничными и островными державами.

Я говорил обо всем этом как географ. Настоящий же баланс политического могущества в каждый конкретный момент является, безусловно, с одной стороны, результатом географических, а также экономических и стратегических условий, а с другой стороны, относительной численности, мужества, оснащенности и организации конкурирующих народов. Если точно подсчитать все это, то мы сможем выяснить разность, не прибегая к силе оружия. Географические показатели в подсчетах более употребительны и более постоянны, нежели человеческие. Вот почему мы надеемся найти формулу, приложимую в равной степени и к прошлой истории, и к сегодняшней политике. Социальные движения во все времена носили примерно одни и те же физические черты, ибо я сомневаюсь в том, что постепенно возрастающая сухость климата, если это еще будет доказано, меняла в историческое время окружающую среду в Азии и Африке. Движение империи на запад кажется мне кратковременным вращением пограничных держав вокруг юго-западного и западного углов осевого района. Проблемы, связанные с Ближним, Средним и Дальним Востоком, зависят от неустойчивого равновесия между внутренними и внешними державами в тех частях пограничного полумесяца, где местные государства почти не принимаются в расчет. В заключение необходимо заметить, что смена внутреннего контроля России каким-то новым его видом не приведет к снижению значимости этой осевой позиции. Если бы, например, китайцы с помощью Японии разгромили Российскую империю и

завоевали ее территорию, они бы создали желтую опасность для мировой свободы тем, что добавили к ресурсам великого континента океанические просторы, завоевав таким образом преимущество, до сих пор не полученное русским хозяином этого осевого региона.

Печатается по: *Маккиндер Х. Дж.* Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4. С. 162—169.

П.Н. САВИЦКИЙ

Евразийство

I

Евразийцы — это представители нового начала в мышлении и жизни, это группа деятелей, работающих на основе нового отношения к коренным, определяющим жизнь вопросам, отношения, вытекающего

из всего, что пережито за последнее десятилетие над радикальным преобразованием господствовавших доселе мировоззрения и жизненного строя. В то же время евразийцы дают новое географическое и историческое понимание России и всего того мира, который они именуют российским, или «евразийским».

Имя их — «географического» происхождения. Дело в том, что в основном массиве земель Старого Света, где прежняя география различала два материка — «Европу» и «Азию» — они стали различать третий, срединный материк «Евразию», и от последнего обозначения получили свое имя. [...]

Необходимость различать в основном массиве земель Старого Света не два, как делалось доселе, но три материка — не есть какое-либо «открытие» евразийцев; оно вытекает из взглядов, ранее высказывавшихся географами, в особенности русскими (например, проф. В.И. Ламанским в работе 1892 г.). Евразийцы обострили формулировку, и вновь «увиденному» материка нарекли имя, ранее прилагавшееся иногда ко всему основному массиву земель Старого Света, к старым «Европе» и «Азии» в их совокупности.

Россия занимает основное пространство земель «Евразии». Тот вывод, что земли ее не распадаются между двумя материками, но оставляют скорее некоторый третий и самостоятельный материк, имеет не только географическое значение. Поскольку мы приписываем понятиям «Европы» и «Азии» также некоторое культурно-историческое содержание, мыслим как нечто

конкретное, круг «европейских» и «азиатско-азиатских» культур, обозначение «Евразия» приобретает значение сжатой культурно-исторической характеристики. Обозначение это указывает, что в культурное бытие России, в соизмеримых между собою долях, вошли элементы различнейших культур. Влияния *Юга, Востока и Запада*, перемежаясь, последовательно главенствовали в мире русской культуры. Юг в этих процессах явлен по преимуществу в образе *византийской* культуры; ее влияние на Россию было длительным и основоположным; как на эпоху особой напряженности этого влияния можно указать на период примерно с X по XIII в. Восток в данном случае выступает главным образом в облике «*степной*» цивилизации, обычно рассматриваемой в качестве одной из характерно «азиатских» («азиатских», в указанном выше смысле). Пример монголо-татарской государственности (Чингисхана и его преемников), сумевшей овладеть и управиться на определенный исторический срок огромной частью Старого Света, несомненно сыграл большую и положительную роль в

создании великой государственности русской. Широко влиял на Россию и бытовой уклад степного Востока. Это влияние было в особенности сильно с XIII по XV в. С конца этого последнего столетия пошло на убыль влияние *европейской* культуры и достигло максимума начиная с XVIII в. В категориях, не всегда достаточно тонкого, однако же, указывающего на реальную сущность, подразделения культур Старого Света на «европейские» и «азиатско-азиатские» культура русская не принадлежит к числу ни одних, ни других. Она есть культура, сочетающая элементы одних и других, сводящая их к некоторому единству. И потому, с точки зрения указанного подразделения культур, квалификация русской культуры как «евразийской» — более выражает сущность явления, чем какая-либо иная. Из культур прошлого подлинно «евразийским» были две из числа величайших и многостороннейших известных нам культур, а именно культура эллинистическая, сочетавшая в себе элементы эллинского «Запада» и древнего «Востока», и продолжавшая ее культура византийская, в смысле широкого восточно-средиземноморского культурного мира поздней античности и средневековья (области процветания обеих лежат точно к югу от основного исторического ядра русских областей). В высокой мере примечательна историческая связь, сопрягающая культуру русскую с культурой византийской. Третья великая «евразийская» культура вышла в определенной мере из исторического преемства двух предшествующих.

«Евразийская», в географическо-пространственных данных своего существования, русская культурная среда получила основы и как бы крепящий скелет исторической культуры от другой «евразийской» культуры. Происшедшим же вслед за тем последовательным напластованием на русской почве культурных слоев азиатско-азиатского (Влияние Востока!) и европейского (влияние Запада!) «евразийское» качество русской культуры было усилено и утверждено.

Определяя русскую культуру как «евразийскую», евразийцы выступают как *осознаватели русского культурного своеобразия*.

В этом отношении они имеют еще больше предшественников, чем в своих чисто географических определениях. Таковыми в данном случае нужно признать всех мыслителей славянофильского направления, в том числе Гоголя и Достоевского (как философов-публицистов). Евразийцы в целом ряде идей являются продолжателями мощной традиции русского философского и историософского мышления. Ближайшим образом эта традиция восходит к 30—40-м гг. XIX в., когда начали свою деятельность славянофилы. В более широком смысле к этой же традиции должен

быть причислен ряд произведений старорусской письменности, наиболее древние из которых относятся к концу XV и началу XVI в. Когда падение Царьграда (1453 г.) обострило в русских сознание их роли как защитников Православия и продолжателей византийского культурного преемства, в России родились идеи, которые в некотором смысле могут почитаться предшественницами *славянофильских и евразийских*. Такие «пролагатели путей» евразийства, как Гоголь или Достоевский, но также иные славянофилы и примыкающие к ним, как Хомяков, Леонтьев и др., подавляют нынешних «евразийцев» масштабами исторических своих фигур. Но это не устраняет обстоятельства, что у них и евразийцев в ряде вопросов мысли те же и что формулировка этих мыслей у евразийцев в некоторых отношениях точнее, чем была у их великих предшественников. Поскольку славянофилы упирали на «славянство» как на то начало, которым определяется культурно-историческое своеобразие России, они явно брались защищать трудно защитимые позиции. Между отдельными славянскими народами безусловно есть культурно-историческая и более всего языковая связь. Но как начало культурного своеобразия понятие славянства — во всяком случае в том его эмпирическом содержании, которое успело сложиться к настоящему времени, — дает немного.

Творческое выявление культурного лица болгар и сербо-хорватословенцев принадлежит будущему. Поляки и чехи в культурном смысле относятся к западному «европейскому» миру, составляя

одну из культурных областей последнего. Историческое своеобразие России явно не может определяться ни исключительно, ни даже преимущественно ее принадлежностью к «славянскому миру». Чувствуя это, славянофилы мысленно обращались к Византии. Но подчеркивая значение связей России с Византией, славянофильство не давало и не могло дать формулы, которая сколько-либо полно и соразмерно выразила бы характер русской культурно-исторической традиции и запечатлела «одноприродность» последней с культурным преемством византийским. «Евразийство» же в определенной степени то и другое выражает. Формула «евразийства» учитывает невозможность объяснить и определить прошлое, настоящее и будущее культурное своеобразие России преимущественным обращением к понятию «славянства»; она указывает как на источник такого своеобразия на сочетание в русской культуре «европейских» и «азиатско-азиатских» элементов. Поскольку формула эта констатирует присутствие в русской культуре этих последних, она устанавливает связь русской культуры с широким и творческим в своей исторической

роли миром культур «азиатско-азиатских»; и эту связь выставляет как одну из сильных сторон русской культуры; и сопоставляет Россию с Византией, которая в том же смысле и так же обладала «евразийской» культурой...

II

Таково, в самом кратком определении, место «евразийцев» как основателей культурно-исторического своеобразия России. Но таким осознанием не ограничивается содержание их учения. Это осознание они обосновывают некоторой общей *концепцией культуры* и делают из этой концепции конкретные выводы для *истолкования ныне происходящего*. Сначала мы изложим указанную концепцию, затем перейдем к выводам, касающимся современности. И в одной и в другой области евразийцы чувствуют себя продолжателями идеологического дела названных выше русских мыслителей (славянофилов и примыкающих к ним).

Независимо от воззрений, высказанных в Германии (Шпенглер), и приблизительно одновременно с появлением этих последних, евразийцами был выставлен тезис отрицания «абсолютности» новейшей «европейской» (т.е. по обычной терминологии западноевропейской) культуры, ее качества быть «завершением» всего доселе протекавшего процесса культурной эволюции мира (до самого последнего времени утверждение именно такой «абсолютности» и такого качества «европейской» культуры крепко держалось, отчасти же держится и сейчас в мозгу «европейцев»; это же утверждение слепо принималось на веру

высшими кругами общества «европеизованных народов и, в частности, большинством русской интеллигенции). Этому утверждению евразийцы противопоставили признание *относительности* многих, и в особенности идеологических и нравственных достижений, и установок «европейского» сознания. Евразийцы отметили, что европеец сплошь и рядом называет «диким» и «отсталым» не то, что по каким-либо *объективным* признакам может быть признано стоящим ниже его собственных достижений, но то, что просто не похоже на собственную его, «европейца», манеру видеть и действовать. Если можно объективно показать превосходство новейшей науки и техники в некоторых ее отраслях над всеми этого рода достижениями, существовавшими на протяжении обзримой мировой истории, то в вопросах *идеологии* и *нравственности* такое доказательство существенно невозможно. В свете внутреннего нравственного чувства и свободы философского убеждения, являющихся,

согласно «евразийской» концепции, единственными критериями оценки, в области идеологической и нравственной многое новейшее западноевропейское может показаться и оказывается не только не выше, но, наоборот, *нижестоящим* в сравнении с соответствующими достижениями определенных «древних» или «диких» и «отсталых» народов. Евразийская концепция знаменует собою решительный отказ от культурно-исторического «*европоцентризма*»; отказ, проистекающий не из каких-либо эмоциональных переживаний, но из определенных научных и философских предпосылок. Одна из последних есть отрицание *универсалистского* восприятия культуры, которое господствует в новейших «европейских» понятиях... Именно это универсалистское восприятие побуждает европейцев огульно квалифицировать одни народы как «культурные», а другие — как «не культурные». Следует признать, что в культурной эволюции мира мы встречаемся с «культурными средами» или «культурами», одни из которых достигали большего, другие — меньшего. Но точно определить, чего достигла каждая культурная среда, возможно только при *помощи расчлененного по отраслям* рассмотрения культуры. Культурная среда, низко стоящая в одних отраслях культуры, может оказаться, и сплошь и рядом оказывается, высоко стоящей в отраслях других. Нет никакого сомнения, что древние жители острова Пасхи в Великом Океане «отставали » от современных англичан по весьма многим отраслям эмпирического знания и техники; это не помешало им в своей *скульптуре* проявить такую меру

оригинальности и творчества, которая недоступна ваянию современной Англии. Московская Русь XVI—XVII вв. «отставала» от Западной Европы во множестве отраслей; это не воспрепятствовало созданию ею «самоначальной» эпохи художественного строительства, выработке своеобразных и примечательных типов «башенных» и «узорчатых» церквей, заставляющих признать, что в отношении художественного строительства Московская Русь того времени стояла «выше» большинства западноевропейских стран. И то же — относительно отдельных «эпох» в существовании одной и той же «культурной среды». Московская Русь XVI—XVII вв. породила, как сказано, «самоначальную» эпоху храмового строительства; но ее достижения в *иконописи* знаменовали явный упадок по сравнению с новгородскими и суздальскими достижениями XIV—XV вв. Мы приводили примеры из области изобразительного искусства как наиболее наглядные. Но если бы также в области познания внешней природы мы стали различать отрасли, скажем, «теоретического знания» и «живого видения», то оказалось бы, что «культурная среда» современной Европы,

обнаружившая успехи по части «теоретического знания», означает в сравнении с многими другими культурами упадок по части «живого видения»: «дикарь» или темный мужик тоньше и точнее воспринимает целый ряд явлений природы, чем ученейший современный «естествовед». Примеры можно было бы умножать до бесконечности; скажем более: вся совокупность фактов культуры является одним сплошным примером того, что только рассматривая *культуру расчленение по отраслям*, мы можем приблизиться к сколь-либо полному познанию ее эволюции и характера. Такое рассмотрение имеет дело с тремя основными понятиями: «культурной среды», «эпохи» ее существования и «отрасли» культуры. Всякое рассмотрение приурочивается к определенной «культурной среде» и определенной «эпохе». Как мы проводим границы одной и другой, зависит от точки зрения и цели исследования. От них же зависит характер и степень дробности деления «культуры» на «отрасли». Важно подчеркнуть принципиальную необходимость деления, устраняющего *некритическое* рассмотрение культуры как *недифференцированной* совокупности. Дифференцированное рассмотрение культуры показывает, что нет народов огульно «культурных» и «некультурных». И что разнообразнейшие народы, которых «европейцы» именуют «дикарями» в своих навыках, обычаях и знаниях, обладают «культурой», по некоторым отраслям и с некоторых точек зрения стоящей «высоко». [...]

Печатается по: *Савицкий П.Н.* Евразийство // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993. С. 100—106.

Г. МОРГЕНТАУ

Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир

Часть 1

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

1. Реалистическая теория международной политики

Целью данной книги является представление теории международной политики. Оценка этой теории должна носить не априорный, а эмпирический, прагматический характер. Другими словами, теория должна оцениваться не по каким-то абстрактным критериям, не имеющим отношения к реальности, а по ее назначению: внести некий порядок и смысл в массу рассматриваемых явлений, которые без этой теории оставались

бы бессвязными и непонятными. Теория должна удовлетворять двум требованиям: эмпирическому и логическому.

Соответствуют ли реальные факты их теоретической интерпретации, и вытекают ли те заключения, к которым приходит теория, из ее первоначальных посылок? Короче говоря, согласуется ли теория с фактами и является ли она последовательной?

Проблема, которую изучает эта теория, касается природы политики как таковой. История современной политической мысли — это история научной полемики между двумя школами, расходящимися в понимании природы человека, общества и политики. Представители одной из них считают, что может быть установлен рациональный и моральный политический порядок, основанный на универсальных и абстрактных принципах, Они верят в изначальную добродетельность человеческой природы и осуждают нынешний социальный порядок за его несовершенство. Свои надежды они возлагают на развитие образования, реформы и допускают лишь единичные случаи применения насилия для исключения социальных недугов.

Последователи другой школы полагают, что мир несовершенен с рациональной точки зрения и является результатом действия тех сил, которые заложены в человеческой природе. Для современного мира характерно наличие противоположных интересов и, как следствие, конфликтов между ними. Моральные принципы никогда не могут быть полностью соблюдены, но к ним можно приблизиться через баланс интересов, который, тем

не менее, всегда является временным. Эта школа видит в системе сдержек и противовесов универсальный принцип существования всех плюралистических обществ. Она апеллирует к историческим прецедентам, а не к абстрактным принципам; ее целью является поиск «меньшего зла», а не абсолютного добра.

Теория, представленная здесь, получила название реалистической из-за своего интереса к реальному положению вещей, реальной человеческой природе, реальным историческим процессам.

Каковы принципы политического реализма? Здесь не будет предпринято попытки полностью раскрывать философию политического реализма; она будет ограничена шестью основными принципами, суть которых часто понималась неправильно.

Шесть принципов политического реализма

1. С точки зрения политического реализма, политика, как и общество в целом, подчинена объективным законам, которые коренятся в

человеческой природе. Для того чтобы усовершенствовать общество, надо вначале постичь законы, по которым оно живет. Действие этих законов не зависит от нас; любая попытка их изменения будет заканчиваться неудачей.

Реализм, признавая объективность законов политики, также признает возможность создания рациональной теории, которая описывала бы, хотя и не полно, эти законы. Такая теория должна основываться на реальных фактах, а не на субъективных суждениях, не имеющих ничего общего с действительностью и продиктованных предрассудками и неправильным пониманием политики.

Человеческая природа, в которой коренятся законы политики, не изменилась со времен их открытия философами Китая, Индии и Греции. Поэтому какие-либо нововведения в политической теории нельзя рассматривать как ее достоинство, а древность этой теории — как ее недостаток. Отклонять эту теорию лишь на том основании, что она была создана в далеком прошлом, значит опираться не на рациональные аргументы, а на модернистское предубеждение, признающее превосходство настоящего над прошлым. Рассматривать ее возрождение как моду или чью-то прихоть равносильно признанию того, что в вопросах политики не может быть истины, а имеют место только субъективные мнения.

С точки зрения политического реализма, теория должна устанавливать факты и интерпретировать их. Предполагается, что характер внешней политики может быть понят только через

анализ политических действий и их возможных последствий.

Однако простого анализа фактов недостаточно. Для того чтобы придать значение и смысл фактическому материалу, мы должны иметь некую теоретическую модель. Другими словами, мы ставим себя на место государственного деятеля, который должен столкнуться с определенной внешнеполитической проблемой при определенных обстоятельствах, и спрашиваем себя, какими рациональными способами он может решить эту проблему в данных обстоятельствах (предполагая, что он всегда действует рационально) и какой из этих способов он скорее всего выберет. Проверяя эти гипотезы, мы начинаем понимать смысл и значение явлений международной политики.

2. Ключевой категорией политического реализма является понятие интереса, определенного в терминах власти. Именно это понятие связывает между собой разум исследователя и явления международной политики. Именно оно определяет специфичность политической сферы, ее отличие от других сфер жизни, таких, как экономика (понимаемая в

категориях интереса, определенного как богатство), этика, эстетика или религия. Без такого понятия теория политики, внутренней или внешней, была бы невозможна, поскольку в этом случае мы не смогли бы отделить политические явления от неполитических и внести хоть какую-то упорядоченность в политическую среду.

Мы предполагаем, что политики думают и действуют с точки зрения интереса, определенного в терминах власти, и исторические примеры подтверждают это. Данное предположение позволяет нам предугадать и проследить действия политика. Мысля в терминах интереса, определенного как власть, мы рассуждаем так же, как и он, и как беспристрастные наблюдатели понимаем смысл его действий, может быть, лучше, чем он сам.

Понятие интереса, определенного в терминах власти, налагает на исследователя обязанность быть аккуратным в своей работе, вносит упорядоченность в множество политических явлений и тем самым делает возможным теоретическое осмысление политики. Политику оно позволяет действовать рационально и способствует проведению цельной внешней политики, не зависящей от его мотивов, предпочтений, профессиональных и моральных качеств.

Точка зрения, согласно которой ключом к пониманию внешней политики являются исключительно мотивы государственного деятеля, ошибочна. Ибо мотивация — это психологический феномен, при исследовании которого возможны искажения

вследствие заинтересованности или эмоций как со стороны политика, так и стороны исследования. Действительно ли мы знаем, каковы наши мотивы? И что мы знаем о мотивах других людей?

Однако, даже если мы правильно понимаем мотивы государственного деятеля, это вряд ли поможет нам при исследовании внешней политики. Знание его мотивов может быть одним из ключей к пониманию общего направления его внешней политики, но оно не может помочь нам в предсказании его конкретных шагов на международной арене. В истории не существует примеров жесткой связи между характером мотивов и характером внешней политики.

Нельзя утверждать, что хорошие намерения политика ведут к моральной и успешной внешней политике. Анализируя его мотивы, мы можем сказать, что он не будет умышленно проводить аморальную политику, но мы не в состоянии определить вероятность ее успеха. Если мы действительно хотим понять моральные и политические особенности действий политика, то надо судить не по его мотивам, а по самим действиям.

Как часто политики хотели улучшить мир, но делали только хуже? И как часто, стремясь достичь одной цели, они достигали совершенно иной?

Политика умиротворения Невилла Чемберлена была продиктована, насколько можно судить, хорошими мотивами. Он не искал личной власти, пытался сохранить мир и удовлетворить все заинтересованные стороны. Тем не менее эта политика способствовала началу Второй мировой войны. С другой стороны, мотивы Уинстона Черчилля не были такими благородными и были направлены на достижение личной власти и силы нации, однако его внешняя политика была гораздо более моральной и успешной, чем у его предшественника. Если судить по мотивам, то Робеспьера можно назвать самым добродетельным человеком в истории. Однако утопический радикализм его добродетели, заставлявший его убивать людей, в конце концов привел его на эшафот и покончил с революцией, лидером которой он был.

Хорошие мотивы предохраняют от намеренно «плохой» политики, но они не гарантируют нравственности и успешности политики, которую инициируют. Если мы действительно хотим понять суть внешней политики, то нас должны интересовать не мотивы государственного деятеля, а его способность постичь основы внешней политики и претворить это в успешные политические действия. Если этика принимает во внимание нравственность мотивов человека, то политическую теорию

должны интересоваться ум, воля и практические действия политика.

Теория политического реализма избегает также другой частой ошибки — выведения внешней политики из философских и политических взглядов лидеров государства. Конечно, политики, особенно в современных условиях, могут пытаться представлять свою внешнюю политику как проявление их мировоззренческих позиций в целях получения народной поддержки. При этом они будут всячески разграничивать свои «официальные обязанности», заключающиеся в отстаивании национальных интересов, и «личные интересы», направленные на распространение и навязывание их собственных моральных ценностей и политических принципов. Политический реализм признает значимость политических идеалов и моральных принципов; но он требует четкого разграничения между желаемым и возможным: желаемым везде и во все времена и возможным в данных конкретных условиях места и времени.

Стоит сказать, что не всякая внешняя политика следует рациональному, объективному курсу. Личные качества, предубеждения, субъективные предпочтения могут вызвать отклонения от рационального

курса. Это особенно проявляется при демократических режимах, где необходимость заручиться поддержкой избирателей может отрицательно повлиять на рациональность внешней политики.

Однако теория политического реализма должна абстрагироваться от иррациональных элементов и попытаться раскрыть рациональную суть внешней политики, не обращая внимания на случайные отклонения от нормы.

Отклонения от рациональности, не являющиеся результатом личной прихоти или психопатологии политического деятеля, могут показаться случайными, но могут быть и элементами общей иррациональной системы. Ведение Соединенными Штатами войны в Индокитае подтверждает такую возможность.

Заслуживает внимания такой вопрос: способны ли психология и психиатрия дать нам инструментарий, который позволил бы создать некую теорию иррациональной политики, своего рода патологии международных отношений?

Опыт войны в Индокитае наводит на мысль, что такая теория должна включать пять моментов: упрощенную и априорную картину мира, основанную на субъективных взглядах; нежелание исправлять ее под влиянием обстоятельств; постоянство во внешней политике как результат неадекватного понимания реальности и стремление не адаптировать политику к реальной действительности, а объяснять реальность так, чтобы она соответствовала политике; эгоизм государственных деятелей, который увеличивает разрыв между политикой и реальностью; наконец, стремление ликвидировать этот разрыв путем неких

действий, которые создают иллюзию власти над непокорной реальностью.

Различие между реальной внешней политикой и рациональной теорией такое же, как между фотографией и живописным портретом. Фотография отражает все, что доступно невооруженному глазу; на портрете нет всего, что видит невооруженный глаз, но он показывает или, по крайней мере, должен показывать то, что не может видеть вооруженный глаз: сущность изображаемого.

Политический реализм содержит не только теоретические аспекты, но и нормативный элемент. Он признает, что случайность и иррациональность присутствуют в политической реальности и оказывают влияние на внешнюю политику. Тем не менее, подобно любой другой социальной теории, политический реализм делает основной упор на рациональных элементах политической реальности, ибо именно эти рациональные элементы делают возможным ее теоретическое осмысление. Политический реализм предлагает теоретическую модель рациональной

внешней политики, которая, однако, никогда не может быть реализована на практике в полной мере.

В то же время политический реализм полагает, что рациональная внешняя политика является наилучшей, так как только такая политика способна минимизировать риски и принести максимальные выгоды. Политический реализм стремится к тому, чтобы своего рода фотография политического мира как можно больше походила на его живописный портрет. Он утверждает, что внешняя политика должна быть рациональной с точки зрения своих моральных принципов и практических целей.

Конечно же, существуют аргументы против представленной здесь теории. Но надо учитывать, что целью данной работы является не описание всей политической реальности, а представление рациональной теории международной политики. Не отрицая того факта, что, например, идеальный баланс сил едва ли существует в реальности, эта теория предполагает, что внешняя политика может лучше всего быть изучена и оценена через ее приближение к идеальной системе баланса сил.

3. Политический реализм полагает, что понятие интереса, определенного в терминах власти, является объективной категорией, хотя сам интерес может и меняться. Тем не менее понятие интереса раскрывает суть политики и не зависит от конкретных обстоятельств места и времени. Согласно Фукидиду, «общность интересов является наиболее прочным связующим звеном как между государствами, так и между индивидами». Эта мысль была поддержана в XIX в. лордом Солсбери, по мнению которого, «единственная прочная связь» между государствами —

это «отсутствие всякого конфликта интересов». Данный принцип был положен в основу деятельности правительства Джорджа Вашингтона, утверждавшего следующее:

«Реальная жизнь убеждает нас в том, что большинство людей руководствуется в ней своими интересами. Мотивы общественной морали могут иногда побуждать людей совершать поступки, идущие вразрез с их интересами, но они не в состоянии заставить человека соблюдать все обязанности и предписания, принятые в обществе. Очень немногие способны долгое время приносить в жертву личные интересы ради общего блага. В этом смысле не следует обвинять человеческую природу в развращенности. Во все времена люди руководствовались прежде всего своими интересами, и если мы хотим изменить это, то вначале надо изменить саму природу человека. Ни одно общество не будет прочным и процветающим, если не будет учитывать этого факта».

Подобная точка зрения нашла отражение в работах Макса Вебера: «Интересы (как материальные, так и духовные), а не идеи определяют действия людей. Тем не менее «представления о мире», созданные этими идеями, очень часто могут влиять на направление развития интересов».

Однако тип интереса, определяющего политические действия в конкретный исторический период, зависит от политического и культурного контекста, в рамках которого формируется внешняя политика. Цели, преследуемые государством в его внешней политике, могут быть совершенно различными. То же самое относится и к понятию власти. Ее содержание и способ применения зависят от политической и культурной среды. Под властью понимается все то, что обеспечивает контроль одного человека над другим. Таким образом, она включает все виды социальных отношений, отвечающих этой цели, — от физического насилия до самых тонких психологических связей, позволяющих одному разуму контролировать другой.

Политический реализм не считает, что современная структура международных отношений, характеризующихся крайней нестабильностью, не может быть изменена. Баланс сил, например, является постоянным элементом плюралистических обществ и может действовать в условиях относительной стабильности и мирного конфликта, как в Соединенных Штатах. Если бы факторы, составляющие основу этих условий, можно было перенести на уровень международных отношений, то тем самым были бы созданы подобные условия для мира и

стабильности между государствами, как это наблюдалось между некоторыми из них на протяжении длительных исторических периодов.

То, что справедливо для международных отношений в целом, справедливо и для отдельных государств как главных участников этих отношений. Главным критерием правильности внешней политики государства политический реализм считает отстаиванием им своих национальных интересов. В то же время связь между национальным интересом и его носителем — государством является продуктом истории и поэтому со временем может исчезнуть. Политический реализм не отрицает того, что со временем национальные государства могут быть заменены некими образованиями принципиально иного характера, в большей степени отвечающими техническим возможностям и моральным требованиям будущего.

Для реалистического направления одним из важнейших вопросов изучения международной политики является вопрос о том, как может

быть трансформирован современный мир. Реалисты убеждены, что подобная трансформация может быть осуществлена только путем искусной манипуляции теми силами, которые влияют и будут влиять на политику. Но они не считают возможной трансформацию современного мирового порядка путем изменения политической реальности, функционирующей по своим законам, с помощью абстрактных идеалов, в которых эти законы не учитываются.

4. Политический реализм признает моральное значение политического действия. Он также признает неизбежное несоответствие между моральным императивом и требованиями успешной политики. Неучет этого несоответствия мог бы внести путаницу в моральные и политические вопросы, представив политику более моральной, а моральный закон менее строгим, чем это есть на самом деле.

Реализм утверждает, что универсальные моральные принципы не могут быть приложимы к государственной деятельности в своей абстрактной формулировке и должны быть пропущены через конкретные обстоятельства места и времени. Индивид может сказать: «*Fiat justitia, pereat mundus* (Пусть гибнет мир, но торжествует закон)», но государство не имеет такого права. И индивид, и нация должны оценивать политические действия на основе универсальных моральных принципов, таких, как, например, свобода. Однако, если индивид обладает моральным правом принести себя в жертву этим моральным принципам, то нация не вправе ставить мораль выше требований успешной

политики, которая сама по себе основана на моральном принципе выживания нации. Благоразумие, понимаемое как учет последствий политических действий, является составной частью политической морали и высшей добродетелью в политике. Этика судит о действии по его соответствию моральному закону; политическая этика судит о действии по его политическим последствиям.

5. Политический реализм отрицает тождество между моралью конкретной нации и универсальными моральными законами. Проводя различие между истиной и мнением, он разделяет также истину и идолопоклонство. Все нации испытывают соблазн — и лишь немногие могут противиться ему в течение долгого времени — представить свои собственные цели и действия как проявление универсальных моральных принципов. Одно дело знать, что нации являются субъектом морального закона, другое — утверждать, что хорошо и что плохо в отношениях между нациями. Существует несоответствие между верой в то, что все

подчиняется воле Бога, и убежденностью в том, что Бог всегда на чьей-либо стороне.

Отождествление политических действий конкретного государства с волей Провидения не может быть оправдано с моральной точки зрения, ибо это, по сути, проявление такого греха, как гордыня, против которого греческие трагики и библейские пророки предупреждали как правителей, так и управляемых. Такое отождествление опасно и с политической точки зрения, так как оно может вызвать искаженный взгляд на международную политику и в конечном счете привести к тому, что государства будут стремиться полностью уничтожить друг друга якобы во имя моральных идеалов либо самого Господа. С другой стороны, именно понятие интереса, определенного в терминах власти, не позволяет нам впадать как в указанные моральные крайности, так и в подобное политическое недомыслие. Действительно, если мы рассматриваем все нации, включая и свою, как политические образования, преследующие свои интересы., определенные в терминах власти, то мы способны отдать справедливость всем: во-первых, мы способны судить о других нациях так же, как мы судим о своей; во-вторых, исходя из этого, мы можем проводить такую политику, которая уважает интересы других наций и в то же время защищает и продвигает интересы нашей собственной нации. Умеренность в политике является отражением умеренности морального суждения.

6. Таким образом, существует огромная разница между политическим реализмом и другими теоретическими школами.

Однако сама теория политического реализма часто понимается и интерпретируется неправильно, хотя в ней нет противоречия между требованиями рациональности, с одной стороны, и моралью — с другой.

Политический реалист утверждает специфичность политической сферы, подобно тому как это делает экономист, юрист, этик. Он мыслит в терминах интереса, определенного как власть, подобно тому как экономист мыслит в категориях интереса, определенного как богатство, юрист — в категориях соответствия действия юридическим нормам, этик — в категориях соответствия действия моральным принципам.

Экономист спрашивает: «Как эта политика влияет на богатство общества?». Юрист спрашивает: «Соответствует ли эта политика правилам закона?». Моралист спрашивает: «Соответствует ли эта политика нравственным принципам?». А политический реалист спрашивает: «Как эта политика влияет на мощь нации?» (или федерального правительства,

или Конгресса, или партии, или сельского хозяйства, — в зависимости от обстоятельств.)

Политический реалист признает существование и важность неполитических феноменов, которые он, тем не менее, рассматривает с точки зрения политики. Он также признает, что и другие науки могут рассматривать политику под своим углом зрения. [...]

Политический реалист говорит о специфичности политической сферы, но это не означает отрицания важности других сфер общественной жизни. Политический реализм основывается на плюралистическом понимании природы человека. Реальный человек состоит из «экономического человека», «политического человека», «этического человека», «религиозного человека» и т.д. Человек, являющийся только «политическим человеком», подобен животному, ибо он не ограничен никакими моральными рамками. Человек, являющийся только «моральным человеком», подобен глупцу, ибо он лишен благоразумия. Человек, являющийся только «религиозным человеком», подобен святому, ибо он не испытывает никаких земных желаний.

Признавая существование различных аспектов человеческой природы, политический реализм считает, что при изучении каждого из них необходим свой подход. Например, если мы хотим изучить религиозный аспект, нам необходимо использовать подходящий для религиозной сферы понятийный аппарат, при этом помня о существовании других сфер жизни и, следовательно, других стандартов мышления. То же самое касается и других аспектов человеческой природы и сфер жизни...

Естественно, что теория политики, основанная на таких принципах, не получит безоговорочного одобрения, как не получит ее и внешняя политика, базирующаяся на этой теории. Ибо и эта теория, и эта политика противоречат двум тенденциям в нашей культуре. Одна из них — стремление умалить роль власти в обществе — основывается на гуманистической философии XIX в. Другая — противостоящая гуманистической теории и практике политики, основывается на самой связи между человеческим разумом и политикой. По причинам, которые мы затронем позже, человеческое сознание не в состоянии объективно рассматривать явления политической реальности. Оно должно скрывать, искажать и приукрашивать политическую реальность; и чем в большей степени человек вовлечен в политику, особенно международную, тем в большей степени это проявляется. Ибо только вводя себя в заблуждение относительно природы политики и роли, которую он играет

на политической сцене, человек способен получать удовольствие от политической деятельности. [...]

Печатается по: *Моргентау Г.* Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир // Социально-политический журнал. 1997. № 2. С. 189—201.

С. ХАНТИНГТОН

Столкновение цивилизаций?

Модель грядущего конфликта

Мировая политика вступает в новую фазу, и интеллектуалы незамедлительно обрушили на нас поток версий относительно ее будущего облика: конец истории, возврат к традиционному соперничеству между нациями-государствами, упадок наций-государств под напором разнонаправленных тенденций — к трайбализму и глобализму — и др. Каждая из этих версий ухватывает отдельные аспекты нарождающейся реальности. Но при этом утрачивается самый существенный, осевой аспект проблемы.

Я полагаю, что в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и

группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями — это и есть линии будущих фронтов.

Грядущий конфликт между цивилизациями — завершающая фаза эволюции глобальных конфликтов в современном мире. На протяжении полутора веков после Вестфальского мира, оформившего современную международную систему, в западном ареале конфликты разворачивались главным образом между государями — королями, императорами, абсолютными и конституционными монархами, стремившимися расширить свой бюрократический аппарат, увеличить армии, укрепить экономическую мощь, а главное — присоединить новые земли к своим владениям. Этот процесс породил нации-государства, и, начиная с Великой Французской революции, основные линии конфликтов стали

пролегать не столько между правителями, сколько между нациями. В 1793 г., говоря словами Р.Р. Палмера, «войны между королями прекратились, и начались войны между народами». Данная модель сохранялась в течение всего XIX в. Конец ей положила Первая мировая война. А затем, в результате русской революции и ответной реакции на нее, конфликт наций уступил место конфликту идеологий. Сторонами такого конфликта были вначале коммунизм, нацизм и либеральная демократия, а затем — коммунизм и либеральная демократия. Во время холодной войны этот конфликт воплотился в борьбу двух сверхдержав, ни одна из которых не была нацией-государством в классическом европейском смысле. Их самоидентификация формулировалась в идеологических категориях.

Конфликты между правителями, нациями-государствами и идеологиями были главным образом конфликтами западной цивилизации. У. Линд назвал их «гражданскими войнами Запада». Это столь же справедливо в отношении холодной войны, как и в отношении мировых войн, а также войн XVII—XIX столетий. С окончанием холодной войны подходит к концу и западная фаза развития международной политики. В центр выдвигается взаимодействие между Западом и незападными цивилизациями. На этом новом этапе народы и правительства незападных цивилизаций уже не выступают как объекты истории — мишень западной колониальной политики, а наряду с Западом начинают сами двигать и творить историю.

Природа цивилизаций

Во время холодной войны мир был поделен на «первый», «второй» и «третий». Но затем такое деление утратило смысл. Сейчас гораздо уместнее группировать страны, основываясь не на их политических или экономических системах, не по уровню экономического развития, а исходя из культурных и цивилизационных критериев.

Что имеется в виду, когда речь идет о цивилизации? Цивилизация представляет собой некую культурную сущность. Деревни, регионы, этнические группы, народы, религиозные общины — все они обладают своей особой культурой, отражающей различные уровни культурной неоднородности. Деревня в Южной Италии по своей культуре может отличаться от такой же деревни в Северной Италии, но при этом они остаются именно итальянскими селами, их не спутаешь с немецкими. В свою очередь европейские страны имеют общие культурные черты, которые отличают их от китайского или арабского мира.

Тут мы доходим до сути дела. Ибо западный мир, арабский регион и Китай не являются частями более широкой культурной общности. Они представляют собой цивилизации. Мы можем определить цивилизацию как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей. Следующую ступень составляет уже то, что отличает род человеческий от других видов живых существ. Цивилизации определяются наличием общих черт объективного порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, институты, — а также субъективной самоидентификацией людей. Есть различные уровни самоидентификации: так, житель Рима может характеризовать себя как римлянина, итальянца, католика, христианина, европейца, человека западного мира. Цивилизация — это самый широкий уровень общности, с которой он себя соотносит. Культурная самоидентификация людей может меняться, и в результате меняются состав и границы той или иной цивилизации.

Цивилизация может охватывать большую массу людей — например, Китай, о котором Л. Пай как-то сказал: «Это цивилизация, которая выдает себя за страну».

Но она может быть и весьма малочисленной — как цивилизация англоязычных жителей островов Карибского бассейна.

Цивилизация может включать в себя несколько национальностей, как в случае с западной, латиноамериканской или арабской цивилизациями, либо одно-единственное — как в случае с Японией. Очевидно, что цивилизации могут

смешиваться, накладываться одна на другую, включать субцивилизации. Западная цивилизация существует в двух основных вариантах: европейском и североамериканском, а исламская подразделяется на арабскую, турецкую и малайскую. Несмотря на все это, цивилизации представляют собой определенные целостности. Границы между ними редко бывают четкими, но они реальны. Цивилизации динамичны: у них бывает подъем и упадок, они распадаются и сливаются. И, как известно каждому студенту-историку, цивилизации исчезают, их затягивают пески времени.

На Западе принято считать, что нации-государства — главные действующие лица на международной арене. Но они выступают в этой роли лишь несколько столетий. Большая часть человеческой истории — это история цивилизаций; По подсчетам А. Тойнби, история человечества знала 21 цивилизацию. Только шесть из них существуют в современном мире.

Почему неизбежно столкновение цивилизаций?

Идентичность на уровне цивилизации будет становиться все более важной, и облик мира будет в значительной мере формироваться в ходе взаимодействия семи-восьми крупных цивилизаций. К ним относятся западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, православно-славянская, латиноамериканская и, возможно, африканская цивилизации. Самые значительные конфликты будущего развернутся вдоль линий разлома между цивилизациями. Почему?

Во-первых, различия между цивилизациями не просто реальны. Они — наиболее существенны. Цивилизации несхожи по своей истории, языку, культуре, традициям и, что самое важное, — религии. Люди разных цивилизаций по-разному смотрят на отношения между Богом и человеком, индивидом и группой, гражданином и государством, родителями и детьми, мужем и женой, имеют разные представления о соотносительной значимости прав и обязанностей, свободы и принуждения, равенства и иерархии. Эти различия складывались столетиями. Они не исчезнут в обозримом будущем. Они более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и политическими режимами. Конечно, различия не обязательно предполагают конфликт, а конфликт не обязательно означает насилие. Однако в течение столетий самые затяжные и кровопролитные конфликты порождались именно различиями между цивилизациями.

Во-вторых, мир становится более тесным. Взаимодействие между народами разных цивилизаций усиливается. Это ведет к росту цивилизационного самосознания, к углублению понимания различий между цивилизациями и общности в рамках цивилизации. Североафриканская иммиграция во Францию вызвала у французов враждебное отношение, и в то же время укрепила доброжелательность к другим иммигрантам — «добропорядочным католикам и европейцам из Польши». Американцы гораздо болезненнее реагируют на японские капиталовложения, чем на куда более крупные инвестиции из Канады и европейских стран. □...] Взаимодействие между представителями цивилизаций укрепляет их цивилизационное самосознание, а это, в свою очередь, обостряет уходящие в глубь истории или, по крайней мере, воспринимаемые таким образом разногласия и враждебность,

В-третьих, процессы экономической модернизации и социальных изменений во всем мире размывают традиционную идентификацию людей с местом жительства, одновременно ослабевает и роль нации-государства как источника идентификации. Образовавшиеся в результате

лакуны по большей части заполняются религией, нередко в форме фундаменталистских движений. Подобные движения сложились не только в исламе, но и в западном христианстве, иудаизме, буддизме, индуизме. В большинстве стран и конфессий фундаментализм поддерживают образованные молодые люди, высококвалифицированные специалисты из средних классов, лица свободных профессий, бизнесмены. Как заметил Г. Вайгель, «десекуляризация мира — одно из доминирующих социальных явлений конца XX в.». Возрождение религии, или, говоря словами Ж. Кепеля, «реванш Бога», создает основу для идентификации и сопричастности с общностью, выходящей за рамки национальных границ — для объединения цивилизаций. В-четвертых, рост цивилизационного самосознания диктуется раздвоением роли Запада. С одной стороны, Запад находится на вершине своего могущества, а с другой, и возможно как раз поэтому, среди незападных цивилизаций происходит возврат к собственным корням. Все чаще приходится слышать о «возврате в Азию» Японии, о конце влияния идей Неру и «индуизации» Индии, о провале западных идей социализма и национализма и «реисламизации» Ближнего Востока, а в последнее время и споры о вестернизации или же русификации страны Бориса Ельцина. На вершине своего могущества Запад сталкивается с незападными странами, у которых достаточно стремления, воли и ресурсов, чтобы придать миру незападный облик. В прошлом элиты незападных стран обычно состояли из людей, в наибольшей степени связанных с Западом, получивших

образование в Оксфорде, Сорбонне или Сандхерсте, и усвоивших западные ценности и стиль жизни. Население же этих стран, как правило, сохраняло неразрывную связь со своей исконной культурой. Но сейчас все перевернулось. Во многих незападных странах идет интенсивный процесс девестернизации элит и их возврата к собственным культурным корням. И одновременно с этим западные, главным образом американские обычаи, стиль жизни и культура приобретают популярность среди широких слоев населения.

В-пятых, культурные особенности и различия менее подвержены изменениям, чем экономические и политические, и вследствие этого их сложнее разрешить либо свести к компромиссу. В бывшем Советском Союзе коммунисты могут стать демократами, богатые превратиться в бедных, а бедняки — в богачей, но русские при всем желании не могут стать эстонцами, а азербайджанцы — армянами.

В классовых и идеологических конфликтах ключевым был вопрос: «На чьей ты стороне?» И человек мог выбирать — на чьей он стороне, а также менять раз избранные позиции. В конфликте же цивилизаций вопрос ставится иначе: «Кто ты такой?» Речь идет о том, что дано и не подлежит изменениям. И, как мы знаем из опыта Боснии, Кавказа, Судана, дав неподходящий ответ на этот вопрос, можно немедленно получить пулю в лоб. Религия разделяет людей еще более резко, чем этническая принадлежность. Человек может быть полуфранцузом и полуарабом, и даже гражданином обеих этих стран. Куда сложнее быть полукатоликом и полумусульманином. И, наконец, усиливается экономический регионализм. Доля внутрорегионального торгового оборота возросла за период с 1980 по 1989 г. с 51 до 59% в Европе, с 33 до 37% в Юго-Восточной Азии, и с 32 до 36% — в Северной Америке. Судя по всему, роль региональных экономических связей будет усиливаться. С одной стороны, успех экономического регионализма укрепляет сознание принадлежности к одной цивилизации. А с другой — экономический регионализм может быть успешным, только если он коренится в общности цивилизации. Европейское сообщество покоится на общих основаниях европейской культуры и западного христианства. Успех НАФТА (североамериканской зоны свободной торговли) зависит от продолжающегося сближения культур Мексики, Канады и Америки. А Япония, напротив, испытывает затруднения с созданием такого же экономического сообщества в

Юго-Восточной Азии, так как Япония — это единственное в своем роде общество и цивилизация. Какими бы мощными ни были торговые и финансовые связи Японии с остальными странами Юго-Восточной Азии, культурные различия между ними мешают продвижению по пути региональной экономической интеграции по образцу Западной Европы или Северной Америки.

Общность культуры, напротив, явно способствует стремительному росту экономических связей между Китайской Народной Республикой, с одной стороны, и Гонконгом, Тайванем, Сингапуром и заморскими китайскими общинами в других странах Азии — с другой. С окончанием , холодной войны общность культуры быстро вытесняет идеологические различия. Материковый Китай и Тайвань все больше сближаются. Если общность культуры — это предпосылка экономической интеграции, то центр будущего восточно-азиатского экономического блока скорее всего будет в Китае. По сути дела, этот блок уже складывается. [...]

Культурно-религиозная схожесть лежит также в основе Организации экономического сотрудничества, объединяющей 10 неарабских мусульманских стран: Иран, Пакистан, Турцию, Азербайджан, Казахстан, Киргизстан, Туркмению, Таджикистан, Узбекистан и Афганистан. Данная организация была создана в 60-е гг. тремя странами: Турцией, Пакистаном и Ираном. Важный импульс к ее оживлению и расширению дало осознание лидерами некоторых из входящих в нее стран того факта, что им закрыт путь в Европейское сообщество. Точно так же КА-РИКОМ, центрально-американский общий рынок и МЕРКОСУР базируются на общей культурной основе. Но попытки создать более широкую экономическую общность, которая бы объединила страны островов Карибского бассейна и Центральную Америку, не увенчались успехом — навести мосты между английской и латинской культурой пока еще не удалось.

Определяя собственную идентичность в этнических или религиозных терминах, люди склонны рассматривать отношения между собой и людьми другой этнической принадлежности и конфессии как отношения «мы» и «они». Конец идеологизированных государств в Восточной Европе и на территории бывшего СССР позволил выдвинуться на передний план традиционным формам этнической идентичности и противоречий. Различия в культуре и религии порождают разногласия по широкому кругу политических вопросов, будь то права человека или эмиграция, коммерция или экология.

Географическая близость стимулирует взаимные

территориальные претензии от Боснии до Минданао. Но что наиболее важно — попытки Запада распространить свои ценности: демократию и либерализм — как общечеловеческие, сохранить военное превосходство и утвердить свои экономические интересы наталкиваются на сопротивление других цивилизаций. Правительствам и политическим группировкам все реже удается мобилизовать население и сформировать коалиции на базе идеологий, и они все чаще пытаются добиться поддержки, апеллируя к общности религии и цивилизации.

Таким образом, конфликт цивилизаций разворачивается на двух уровнях. На микроуровне группы, обитающие вдоль линий разлома между цивилизациями, ведут борьбу, зачастую кровопролитную, за земли и власть друг над другом. На макроуровне страны, относящиеся к разным цивилизациям, соперничают из-за влияния в военной и экономической сфере, борются за контроль над международными организациями и третьими странами, стараясь утвердить собственные политические и религиозные ценности.

Линии разлома между цивилизациями

Если в годы холодной войны основные очаги кризисов и кровопролития сосредоточивались вдоль политических и идеологических границ, то теперь они перемещаются на линии разлома между цивилизациями. Холодная война началась с того момента, когда «железный занавес» разделил Европу политически и идеологически. Холодная война закончилась с исчезновением «железного занавеса». Но как только был ликвидирован идеологический раздел Европы, вновь возродился ее культурный раздел на западное христианство, с одной стороны, и православие и ислам — с другой. Возможно, что наиболее важной разделительной линией в Европе является, как считает У. Уоллис, восточная граница западного христианства, сложившаяся к 1500 г. Она пролегает вдоль нынешних границ между Россией и Финляндией, между прибалтийскими странами и Россией, пересекает Белоруссию и Украину, сворачивает западнее, отделяя Трансильванию от остальной части Румынии, а затем, проходя по Югославии, почти в точности совпадает с линией, ныне отделяющей Хорватию и Словению от остальной Югославии. На Балканах эта линия, конечно же, совпадает с исторической границей между Габсбургской и Османской империями. Севернее и западнее этой линии проживают протестанты и католики. У них — общий опыт европейской истории: феодализм, Ренессанс, Реформация, Просвещение, Великая французская революция, промышленная революция. Их экономическое положение, как правило, гораздо лучше, чем у

людей, живущих восточнее. Сейчас они могут рассчитывать на более тесное сотрудничество в рамках единой европейской экономики и консолидацию демократических политических систем, Восточнее и южнее этой линии живут православные христиане и мусульмане. Исторически они относились к Османской либо царской империи, и до них донеслось лишь эхо исторических событий, определивших судьбу Запада. Экономически они отстают от Запада, и, похоже, менее подготовлены к созданию устойчивых демократических политических систем. И сейчас «бархатный занавес» культуры сменил «железный занавес» идеологии в качестве главной демаркационной линии в Европе. События в Югославии показали, что это линия не только культурных различий, но временами и кровавых конфликтов. Уже 13 веков тянется конфликт вдоль линии разлома между западной и исламской цивилизациями. Начавшееся с возникновением ислама продвижение арабов и мавров на Запад на Север завершилось лишь в 732 г. На протяжении XI—XIII вв. крестоносцы с переменным успехом

пытались принести в Святую Землю христианство и установить там христианское правление. В XIV—XVII столетии инициативу перехватили турки-османы. Они распространили свое господство на Ближний Восток и на Балканы, захватили Константинополь и дважды осаждали Вену. Но в XIX — начале XX в. власть тюрк-османов стала клониться к упадку. Большая часть Северной Африки и Ближнего Востока оказалась под контролем Англии, Франции и Италии.

По окончании Второй мировой войны настал черед отступить Западу. Колониальные империи исчезли. Заявили о себе сначала арабский национализм, а затем и исламский фундаментализм. Запад попал в тяжкую зависимость от стран Персидского залива, снабжавших его энергоносителями, — мусульманские страны, богатые нефтью, богатели деньгами, а если желали, то и оружием. Произошло несколько войн между арабами и Израилем, созданным по инициативе Запада. На протяжении 50-х гг. Франция почти непрерывно вела кровопролитную войну в Алжире. В 1956 г. британские и французские войска вторглись в Египет, В 1958 г. американцы вошли в Ливан. Впоследствии они неоднократно туда возвращались, а также совершали нападения на Ливию и участвовали в многочисленных военных столкновениях с Ираном. В ответ на это арабские и исламские террористы при поддержке по меньшей мере трех ближневосточных правительств воспользовались оружием слабых и стали взрывать западные самолеты, здания и захватывать заложников. Состояние войны между Западом и

арабскими странами достигло апогея в 1990 г., когда США направили в Персидский залив многочисленную армию — защищать одни арабские страны от агрессии других. По окончании этой войны планы НАТО составляются с учетом потенциальной опасности и нестабильности вдоль «южных границ».

Военная конфронтация между Западом и исламским миром продолжается целое столетие, и нет намека на ее смягчение. Скорее наоборот, она может еще больше обостриться. Война в Персидском заливе заставила многих арабов почувствовать гордость — Саддам Хусейн напал на Израиль и оказал сопротивление Западу. Но она же породила и чувства унижения и обиды, вызванные военным присутствием Запада в Персидском заливе, его силовым превосходством и своей очевидной неспособностью определять собственную судьбу. К тому же многие арабские страны — не только экспортеры нефти — подошли к такому уровню экономического и социального развития, который несовместим с авторитарными формами правления. Попытки

ввести там демократию становятся все настойчивее. Политические системы некоторых арабских стран приобрели определенную долю открытости. Но это идет на пользу главным образом исламским фундаменталистам. Короче говоря, в арабском мире западная демократия усиливает антизападные политические силы. Возможно, это преходящее явление, но оно несомненно усложняет отношения между исламскими странами и Западом.

Эти отношения усложняются и демографическими факторами. Стремительный рост населения в арабских странах, особенно в Северной Африке, увеличивает эмиграцию в страны Западной Европы. В свою очередь наплыв эмигрантов, происходящий на фоне постепенной ликвидации внутренних границ между западноевропейскими странами, вызвал острое политическое неприятие. В Италии, Франции и Германии расистские настроения приобретают все более открытую форму, а начиная с 1990 г. постоянно нарастают политическая реакция и насилие в отношении арабских и турецких эмигрантов.

Обе стороны видят во взаимодействии между исламским и западным миром конфликт цивилизаций. «Западу наверняка предстоит конфронтация с мусульманским миром, — пишет индийский журналист мусульманского вероисповедания М. Акбар. — Уже сам факт широкого распространения исламского мира от Магрибадо Пакистана приведет к борьбе за новый мировой порядок». [...]

На протяжении истории арабо-исламская цивилизация находилась в постоянном антагонистическом взаимодействии с языческим, антимистическим, а ныне по преимуществу христианским чернокожим населением Юга. В прошлом этот антагонизм олицетворялся в образе араба-работорговца и чернокожего раба. Сейчас он проявляется в затяжной гражданской войне между арабским и темнокожим населением в Судане, в вооруженной борьбе между инсургентами (которых поддерживает Ливия) и правительством в Чаде, в натянутых отношениях между православными христианами и мусульманами на мысе Горн, а также в политических конфликтах, доходящих до кровавых столкновений между мусульманами и христианами, в Нигерии. Процесс модернизации и распространения христианства на африканском континенте скорее всего лишь увеличит вероятность насилия вдоль этой линии межцивилизационного разлома. [...]

На северных рубежах исламского региона конфликт разворачивается главным образом между православным населением и мусульманским.

Здесь следует упомянуть резню в Боснии и Сараево, незатухающую борьбу между сербами и албанцами, натянутые отношения между болгарами и турецким меньшинством в Болгарии, кровопролитные столкновения между осетинами и ингушами, армянами и азербайджанцами, конфликты между русскими и мусульманами в Средней Азии, размещение российских войск в Средней Азии и на Кавказе с целью защитить интересы России. Религия подогревает возрождающуюся этническую самоидентификацию, и все это усиливает опасения русских насчет безопасности их южных границ. [...]

Конфликт цивилизаций имеет глубокие корни и в других регионах Азии. Уходящая в глубину истории борьба между мусульманами и индусами выражается сегодня не только в соперничестве между Пакистаном и Индией, но и в усилении религиозной вражды внутри Индии между все более воинственными индуистскими группировками и значительным мусульманским меньшинством. [...] В Восточной Азии Китай выдвигает территориальные притязания почти ко всем своим соседям. Он беспощадно расправился с буддистами в Тибете, а сейчас готов столь же решительно разделаться с тюрко-исламским меньшинством. По окончании «холодной войны» противоречия между Китаем и США проявились с особой силой в таких областях, как права человека, торговля и проблема нераспространения оружия массового уничтожения, и нет никаких надежд на их смягчение. [...]

Уровень потенциальной возможности насилия при взаимодействии различных цивилизаций может варьироваться. В отношениях между американской и европейской субцивилизациями преобладает экономическая конкуренция, как и в отношениях между Западом в целом и Японией. В то же время в Евразии расплзающиеся этнические конфликты, достигающие до «этнических чисток», отнюдь не являются редкостью. Чаще всего они происходят между группами, относящимися к разным цивилизациям, и в этом случае принимают наиболее крайние формы. Исторически сложившиеся границы между цивилизациями евразийского континента вновь сейчас полыхают в огне конфликтов. Особого накала эти конфликты достигают по границам исламского мира, полумесяцем раскинувшегося на пространстве между Северной Африкой и Средней Азией. Но насилие практикуется и в конфликтах между мусульманами, с одной стороны, и православными сербами на Балканах, евреями в Израиле, индусами в Индии, буддистами в Бирме

и католиками на Филиппинах — с другой. Границы исламского мира везде и всюду залиты кровью.

Сплочение цивилизаций: синдром «братских стран»

Группы или страны, принадлежащие к одной цивилизации, оказавшись вовлеченными в войну с людьми другой цивилизации, естественно пытаются заручиться поддержкой представителей своей цивилизации. По окончании холодной войны складывается новый мировой порядок, и по мере его формирования, принадлежность к одной цивилизации или, как выразился Х.Д.С. Гринвэй, «синдром братских стран» приходит на смену политической идеологии и традиционным соображениям поддержания баланса сил в качестве основного принципа сотрудничества и коалиций. О постепенном возникновении этого синдрома свидетельствуют все конфликты последнего времени — в Персидском заливе, на Кавказе, в Боснии. Правда, ни один из этих конфликтов не был полномасштабной войной между цивилизациями, но каждый включал в себя элементы внутренней консолидации цивилизаций. По мере развития конфликтов этот фактор, похоже, приобретает все большее значение. Его нынешняя, роль — предвестник грядущего.

Первое. В ходе конфликта в Персидском заливе одна арабская страна вторглась в другую, а затем вступила в борьбу с коалицией арабских, западных и прочих стран. Хотя открыто на сторону Саддама Хусейна встали лишь немногие мусульманские

правительства, но неофициально его поддержали правящие элиты многих арабских стран, и он получил огромную популярность среди широких слоев арабского населения. Исламские фундаменталисты сплошь и рядом поддерживали Ирак, а не правительства Кувейта и Саудовской Аравии, за спиной которых стоял Запад. [...]

Второе. Синдром «братских стран» проявляется также в конфликтах на территории бывшего Советского Союза. Военные успехи армян в 1992—1993 гг. подтолкнули Турцию к усиленной поддержке родственного ей в религиозном, этническом и языковом отношении Азербайджана. □...]

Третье. Если посмотреть на войну в бывшей Югославии, то здесь западная общественность проявила симпатии и поддержку боснийских мусульман, а также ужас и отвращение к зверствам, творимым сербами. В то же время ее относительно мало взволновали нападения на мусульман со стороны хорватов и расчленение Боснии и Герцеговины.

На ранних этапах распада Югославии необычные для нее дипломатическую инициативу и нажим проявила Германия, склонившая остальные 11 стран — членов ЕС последовать ее примеру и признать Словению и Хорватию. Стремясь укрепить позиции этих двух католических стран, Ватикан признал Словению и Хорватию еще до того, как это сделало Европейское сообщество. Европейскому примеру последовали США. Таким образом, ведущие страны европейской цивилизации сплотились для поддержки своих единомышленников. [...]

В 30-е гг. гражданская война в Испании вызвала вмешательство стран, бывших в политическом отношении фашистскими, коммунистическими и демократическими. Сегодня, в 90-х гг., конфликт в Югославии вызывает вмешательство стран, которые делятся на мусульманские, православные и западно-христианские. [...]

Конфликты и насилие возможны и между странами, принадлежащими к одной цивилизации, а также внутри этих стран. Но они, как правило, не столь интенсивны и всеобъемлющи, как конфликты между цивилизациями.

Принадлежность к одной цивилизации снижает вероятность насилия в тех случаях, когда, не будь этого обстоятельства, до него бы непременно дошло дело. В 1991—1992 гг. многие были обеспокоены возможностью военного столкновения между Россией и Украиной из-за спорных территорий — в первую очередь Крыма, — а также Черноморского флота, ядерных арсеналов и экономических проблем. Но если принадлежность к

одной цивилизации что-то значит, вероятность вооруженного конфликта между Россией и Украиной не очень велика. Это два славянских, по большей части православных народа, на протяжении столетий имевших тесные связи. [...]

До сих пор сплочение цивилизаций принимало ограниченные формы, но процесс развивается, и у него есть значительный потенциал на будущее. По мере продолжения конфликтов в Персидском заливе, на Кавказе и в Боснии, позиции разных стран и расхождения между ними все больше определялись цивилизационной принадлежностью. Политические деятели популистского толка, религиозные лидеры и средства массовой информации обрели в этом мощное оружие, обеспечивающее им поддержку широких масс населения и позволяющее оказывать давление на колеблющиеся правительства. В ближайшем будущем наибольшую угрозу перерастания в крупномасштабные войны будут нести в себе те локальные конфликты, которые, подобно конфликтам в Боснии и на Кавказе, завязались вдоль линий разлома между

цивилизациями. Следующая мировая война, если она разразится, будет войной между цивилизациями.

Запад против остального мира

По отношению к другим цивилизациям Запад находится сейчас на вершине своего могущества. Вторая сверхдержава — в прошлом его оппонент, исчезла с политической карты мира. Военный конфликт между западными странами немыслим, военная мощь Запада не имеет равных. Если не считать Японии, у Запада нет экономических соперников. Он главенствует в политической сфере, в сфере безопасности, а совместно с Японией — и в сфере экономики. Мировые политические проблемы и проблемы безопасности эффективно разрешаются под руководством США, Великобритании и Франции, мировые экономические проблемы — под руководством США, Германии и Японии. Все эти страны имеют самые тесные отношения друг с другом, не допуская в свой круг страны поменьше, почти все страны незападного мира. Решения, принятые Советом Безопасности ООН или Международным валютным фондом и отражающие интересы Запада, подаются мировой общественности как соответствующие насущным нуждам мирового сообщества. Само выражение «мировое сообщество» превратилось в эвфемизм, заменивший выражение «свободный мир». Оно призвано придать общемировую легитимность действиям, отражающим интересы США и других западных стран. При посредстве МВФ и других международных экономических организаций Запад реализует свои экономические

интересы и навязывает другим странам экономическую политику по собственному усмотрению. [...]

Запад доминирует в Совете Безопасности ООН, и его решения, лишь иногда смягчаемые вето со стороны Китая, обеспечили Западу законные основания для использования силы от имени ООН с тем, чтобы изгнать Ирак из Кувейта и уничтожить сложные виды его вооружений, а также способность производить такого рода вооружения. [...] По сути дела, Запад использует международные организации, военную мощь и финансовые ресурсы для того, чтобы править миром, утверждая свое превосходство, защищая западные интересы и утверждая западные политические и экономические ценности.

Так, по крайней мере, видят сегодняшний мир незападные страны, и в их взгляде есть значительная доля истины. Различия в масштабах власти и борьба за военную, экономическую и политическую власть являются, таким образом, одним из источников конфликта между Западом

и другими цивилизациями. Другой источник конфликта — различия в культуре, в базовых ценностях и верованиях. В.С. Нейпол утверждал, что западная цивилизация — универсальна и годится для всех народов. На поверхностном уровне многое из западной культуры действительно пропитало остальной мир. Но на глубинном уровне западные представления и идеи фундаментально отличаются от тех, которые присущи другим цивилизациям. В исламской, конфуцианской, японской, индуистской, буддистской и православной культурах почти не находят отклика такие западные идеи, как индивидуализм, либерализм, конституционализм, права человека, равенство, свобода, верховенство закона, демократия, свободный рынок, отделение церкви от государства. Усилия Запада, направленные на пропаганду этих идей, зачастую вызывают враждебную реакцию против «империализма прав человека» и способствуют укреплению исконных ценностей собственной культуры. Об этом, в частности, свидетельствует поддержка религиозного фундаментализма молодежью незападных стран. Да и сам тезис о возможности «универсальной цивилизации» — это западная идея. Она находится в прямом противоречии с партикуляризмом большинства азиатских культур, с их упором на различия, отделяющие одних людей от других. И действительно, как показало сравнительное исследование значимости ста ценностных установок в различных обществах, «ценности, имеющие первостепенную важность на Западе, гораздо менее важны в остальном мире». В политической сфере эти различия наиболее отчетливо обнаруживаются в попытках Соединенных Штатов и

других стран Запада навязать народам других стран западные идеи демократии и прав человека. Современная демократическая форма правления исторически сложилась на Западе. Если она и утвердилась кое-где в незападных странах, то лишь как следствие западного колониализма или нажима.

Судя по всему, центральной осью мировой политики в будущем станет конфликт между «Западом и остальным миром», как выразился К. Махбубани, и реакция незападных цивилизаций на западную мощь и ценности. Такого рода реакция, как правило, принимает одну из трех форм, или же их сочетание.

Во-первых, и это самый крайний вариант, незападные страны могут последовать примеру Северной Кореи или Бирмы и взять курс на изоляцию — оградить свои страны от западного проникновения и разложения и в сущности устраниваться от участия в жизни мирового сообщества, где доминирует Запад. Но за такую политику приходится платить

слишком высокую цену, и лишь немногие страны приняли ее в полном объеме.

Вторая возможность — попробовать примкнуть к Западу и принять его ценности и институты. На языке теории международных отношений это называется «вскочить на подножку поезда».

Третья возможность — попытаться создать противовес Западу, развивая экономическую и военную мощь и сотрудничая с другими незападными странами против Запада. Одновременно можно сохранять исконные национальные ценности и институты — иными словами, модернизироваться, но не вестернизироваться.

Расколотые страны

В будущем, когда принадлежность к определенной цивилизации станет основой самоидентификации людей, страны, в населении которых представлено несколько цивилизационных групп, вроде Советского Союза или Югославии, будут обречены на распад. Но есть и внутренне расколотые страны — относительно однородные в культурном отношении, но в которых нет согласия по вопросу о том, к какой именно цивилизации они принадлежат. Их правительства, как правило, хотят «вскочить на подножку поезда» и примкнуть к Западу, но история, культура и традиции этих стран ничего общего с Западом не имеют.

Самый яркий и типичный пример расколота изнутри страны — Турция. Турецкое руководство конца XX в. сохраняет верность традиции Ататюрка и причисляет свою страну к современным, секуляризованным нациям-государствам западного типа. Оно

сделало Турцию союзником Запада по НАТО и во время войны в Персидском заливе, оно добивается принятия страны в Европейское сообщество. В то же самое время отдельные элементы турецкого общества поддерживают возрождение исламских традиций и утверждают, что в своей основе Турция — это ближневосточное мусульманское государство. Мало того, тогда как политическая элита Турции считает свою страну западным обществом, политическая элита Запада этого не признает. Турцию не принимают в ЕС, и подлинная причина этого, по словам президента Озала, «в том, что мы — мусульмане, а они — христиане, но они это не говорят открыто». Куда податься Турции, которая отвергла Мекку и сама отвергнута Брюсселем? Не исключено, что ответ гласит: «Ташкент». Крах СССР открывает перед Турцией уникальную возможность стать лидером возрождающейся тюркской цивилизации, охватывающей семь стран на пространстве от берегов Греции до Китая. Поощряемая

Западом, Турция прилагает все усилия, чтобы выстроить для себя эту новую идентичность.

В сходном положении оказалась в последнее десятилетие и Мексика. Если Турция отказалась от своего исторического противостояния Европе и попыталась присоединиться к ней, то Мексика, которая ранее идентифицировала себя через противостояние Соединенным Штатам, теперь старается подражать этой стране и стремится войти в североамериканскую зону свободной торговли (НАФТА). Мексиканские политики заняты решением грандиозной задачи — заново сформулировать идентичность Мексики и с этой целью проводят фундаментальные экономические реформы, которые со временем должны повлечь за собой и коренные политические преобразования.

Исторически внутренний раскол глубже всего затронул Турцию. Для Соединенных Штатов ближайшая расколота изнутри страна — Мексика. В глобальном же масштабе самой значительной расколотой страной остается Россия. Вопрос о том, является ли Россия частью Запада, или она возглавляет свою особую, православно-славянскую цивилизацию, на протяжении российской истории ставился неоднократно. После победы коммунистов проблема еще больше запуталась: взяв на вооружение западную идеологию, коммунисты приспособили ее к российским условиям и затем от имени этой идеологии бросили вызов Западу. Коммунистическое господство сняло с повестки дня исторический спор между западниками и славянофилами. Но

после дискредитации коммунизма русский народ вновь столкнулся с этой проблемой.

Президент Ельцин заимствует западные принципы и цели, стараясь превратить Россию в «нормальную» страну западного мира. Однако и правящая элита, и широкие массы российского общества расходятся во мнениях по этому пункту. [...]

Чтобы расколота изнутри страна смогла заново обрести свою культурную идентичность, должны быть соблюдены три условия. Во-первых, необходимо, чтобы политическая и экономическая элита этой страны в целом поддерживала и приветствовала такой шаг. Во-вторых, ее народ должен быть согласен, пусть неохотно, на принятие новой идентичности. В-третьих, господствующие группы той цивилизации, в которую расколота страна пытается влиться, должны быть готовы принять «новообращенного». В случае Мексики соблюдены все три условия. В случае Турции — первые два. И совсем неясно, как же обстоит дело с Россией, желающей присоединиться к Западу. Конфликт между либеральной демократией и марксизмом-ленинизмом был конфликтом

идеологий, которые, невзирая на все различия, хотя бы внешне ставили одни и те же основные цели: свободу, равенство и процветание. Но Россия традиционалистская, авторитарная, националистическая будет стремиться к совершенно иным целям. Западный демократ вполне мог вести интеллектуальный спор с советским марксистом. Но это будет немыслимо с русским традиционалистом. И если русские, перестав быть марксистами, не примут либеральную демократию и начнут вести себя как россияне, а не как западные люди, отношения между Россией и Западом опять могут стать отдаленными и враждебными.

Конфуцианско -исламский блок

Препятствия, встающие на пути присоединения незападных стран к Западу, варьируются по степени глубины и сложности. Для стран Латинской Америки и Восточной Европы они не столь уж велики. Для православных стран бывшего Советского Союза — гораздо значительнее. Но самые серьезные препятствия встают перед мусульманскими, конфуцианскими, индуистскими и буддистскими народами. Японии удалось добиться единственной в своем роде позиции ассоциированного члена западного мира: в каких-то отношениях она входит в число западных стран, но несомненно отличается от них по своим важнейшим измерениям. Те страны, которые по соображениям культуры или власти не хотят или не могут присоединиться к Западу, конкурируют с ним, наращивая собственную экономическую, военную и политическую мощь. Они добиваются этого и за счет внутреннего развития, и за счет сотрудничества с другими незападными странами. Самый

известный пример такого сотрудничества — конфуцианско-исламский блок, сложившийся как вызов западным интересам, ценностям и мощи. [...]

Конфликт между Западом и конфуцианско-исламскими государствами в значительной мере (хотя и не исключительно) сосредоточен вокруг проблем ядерного, химического и биологического оружия, баллистических ракет и других сложных средств доставки такого оружия, а также систем управления, слежения и иных электронных средств поражения целей. Запад провозглашает принцип нераспространения как всеобщую и обязательную норму, а договоры о нераспространении и контроль — как средство реализации этой нормы. Предусмотрена система разнообразных санкций против тех, кто способствует распространению современных видов оружия, и привилегий тем, кто соблюдает принцип нераспространения. Естественно, что основное внимание уделяется

странам, которые настроены враждебно по отношению к Западу или склонны к этому потенциально.

Со своей стороны незападные страны отстаивают свое право приобретать, производить и размещать любое оружие, которое они считают необходимым для собственной безопасности. [...]

Важную роль в создании антизападного военного потенциала играет расширение военной мощи Китая и его способности наращивать ее и в дальнейшем. Благодаря успешному экономическому развитию Китай постоянно увеличивает военные расходы и энергично модернизирует свою армию.[...]

Военная мощь Китая и его притязания на господство в Южно-Китайском море порождают гонку вооружений в Юго-Восточной Азии. Китай выступает в роли крупного экспортера оружия и военных технологий. [...]

Таким образом, сложился конфуцианско-исламский военный блок. Его цель — содействовать своим членам в приобретении оружия и военных технологий, необходимых для создания противовеса военной мощи Запада. Будет ли он долговечным — неизвестно. Но на сегодня, это, как выразился Д. Маккерди, — «союз изменников, возглавляемый распространителями ядерного оружия и их сторонниками». Между исламско-конфуцианскими странами и Западом разворачивается новый виток гонки вооружений. На предыдущем этапе каждая сторона разрабатывала и производила оружие с целью добиться равновесия или превосходства над другой стороной. Сейчас же одна сторона разрабатывает и производит новые виды оружия, а другая

пытается ограничить и предотвратить такое наращивание вооружений, одновременно сокращая собственный военный потенциал.

Выводы для Запада

В данной статье отнюдь не утверждается, что цивилизационная идентичность заменит все другие формы идентичности, что нации-государства исчезнут, каждая цивилизация станет политически единой и целостной, а конфликты и борьба между различными группами внутри цивилизаций прекратятся. Я лишь выдвигаю гипотезу о том, что 1) противоречия между цивилизациями важны и реальны; 2) цивилизационное самосознание возрастает; 3) конфликт между цивилизациями придет на смену идеологическим и другим формам конфликтов в качестве преобладающей формы глобального конфликта; 4) международные отношения, исторически являющиеся игрой в рамках западной цивилизации, будут все больше девестернизироваться и превращаться в игру,

где незападные цивилизации станут выступать не как пассивные объекты, а как активные действующие лица; 5) эффективные международные институты в области политики, экономики и безопасности будут складываться скорее внутри цивилизаций, чем между ними; 6) конфликты между группами, относящимися к разным цивилизациям, будут более частыми, затяжными и кровопролитными, чем конфликты внутри одной цивилизации; 7) вооруженные конфликты между группами, принадлежащими к разным цивилизациям, станут наиболее вероятным и опасным источником напряженности, потенциальным источником мировых войн; 8) главными осями международной политики станут отношения между Западом и остальным миром; 9) политические элиты некоторых расколотых незападных стран постараются включить их в число западных, но в большинстве случаев им придется столкнуться с серьезными препятствиями; 10) в ближайшем будущем основным очагом конфликтов будут взаимоотношения между Западом и рядом ис-ламско-конфуцианских стран. [...]

Западная цивилизация является одновременно и западной, и современной. Незападные цивилизации попытались стать современными, не становясь западными. Но до сих пор лишь Японии удалось добиться в этом полного успеха. Незападные цивилизации и впредь не оставят своих попыток обрести богатство, технологию, квалификацию, оборудование, вооружение — все то, что входит в понятие «быть современным». Но в то же время они постараются сочетать модернизацию

со своими традиционными ценностями и культурой. Их экономическая и военная мощь будет возрастать, отставание от Запада сокращаться. Западу все больше и больше придется считаться с этими цивилизациями, близкими по своей мощи, но весьма отличными по своим ценностям и интересам. Это потребует поддержания его потенциала на уровне, который будет обеспечивать защиту интересов Запада в отношениях с другими цивилизациями. Но от Запада потребуется и более глубокое понимание фундаментальных религиозных и философских основ этих цивилизаций. Он должен будет понять, как люди этих цивилизаций представляют себе собственные интересы. Необходимо будет найти элементы сходства между западной и другими цивилизациями. Ибо в обозримом будущем не сложится единой универсальной цивилизации. Напротив, мир будет состоять из непохожих друг на друга цивилизаций, и каждой из них придется учиться сосуществовать со всеми остальными.

Печатается по: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33—48.

Глава 18

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИСТИКА

Л. ПЕЧЧЕИ***Человеческие качества***

[...] Представленные здесь шесть целей связаны с «*внешними пределами*» планеты, «*внутренними пределами*» самого человека, полученным им *культурным наследием*, которое он обязан передать тем, кто придет после него, *мировым сообществом*, которое он должен построить, *экосредой*, которую он должен защитить любой ценой, и, наконец, сложной и комплексной *производственной* системой, к реорганизации которой ему пора приступить. [...]

Первая цель: «внешние пределы»

Хорошо известно, что, увеличив власть над Природой, человек сразу же вообразил себя безраздельным господином Земли и тут же принялся ее эксплуатировать, пренебрегая тем, что ее размеры и биофизические ресурсы вполне конечны. Сейчас уже поняли также и то, что в результате бесконтрольной человеческой деятельности жестоко пострадала некогда щедрая и обильная биологическая жизнь планеты, частично истреблены ее лучшие почвы, а ценные сельскохозяйственные земли все более застраиваются и покрываются асфальтом и бетоном дорог, что уже полностью использованы многие наиболее доступные минеральные богатства, что вызываемое человеком загрязнение можно теперь найти буквально повсюду, даже на полюсах и на

дне океана, и что теперь последствия этого отражаются даже на климате и других физических характеристиках планеты.

Конечно, все это вызывает глубокое беспокойство, однако мы не знаем, в какой мере при этом нарушается равновесие и расстраиваются циклы, необходимые для эволюции жизни вообще; много ли мы уже вызвали необратимых изменений и какие из них могут повлиять на нашу собственную жизнь сейчас или в будущем; неизвестно также, на какие запасы основных невозобновимых ресурсов мы можем реально рассчитывать, сколько возобновимых ресурсов и при каких условиях можем безопасно использовать. Поскольку «пропускная способность» Земли явно не безгранична, очевидно, существуют какие-то биофизические пределы, или «внешние пределы», для расширения не только человеческой деятельности, но и вообще присутствия человека на планете.

Сейчас потребность в достоверных научных знаниях о самих этих пределах, об условиях, при которых мы можем к ним приближаться, и последствиях их нарушения становится все более острой, ибо есть основания опасаться, что в некоторых областях границы дозволенного уже достигнуты. Цель, которую я выдвигаю, должна быть направлена не только на то, чтобы воссоздать общий вид проблемы, но и на постижение некоторых наиболее важных ее составляющих, с тем чтобы человек знал, что он может и что он должен делать, используя природу в своих целях, если он хочет жить с ней в гармонии. [...]

Вторая цель: «внутренние пределы»

Совершенно очевидно, что физические и психологические возможности человека тоже имеют свои пределы. Люди сознают, что, увеличивая свое господство над миром, человека стремление к безопасности, комфорту и власти обрастал целым арсеналом всякого рода приспособлений и изобретений, утрачивая при этом те качества, которые позволяли ему жить в своей первозданной девственной природной среде обитания, и что это, возможно, ослабило его физически, притупив биологическую активность. Можно суверенностью сказать, что, чем более «цивилизованным» становится человек, тем меньше он оказывается способным противостоять трудностям суровой внешней среды и тем больше нуждается в том, чтобы защищать свой организм и здоровье с помощью всякого рода медикаментов, снадобий и великого множества других искусственных средств.

С другой стороны, не подлежит сомнению, что параллельно с этими процессами повышался культурный уровень человека, шло развитие интеллектуальных способностей, которые приводились в соответствие со сложным искусственным миром, сотворенным человеком. Однако в последнее время равновесие между прогрессом и культурой человека, между прогрессом и его биофизическими способностями оказалось нарушено, причем достаточно серьезно. Так что существующая ныне степень умственной и психической, а возможно, даже и физической адаптации человека к неестественности и стремительным темпам современной жизни весьма далека от удовлетворительной. Правда, человек весьма плохо использует замечательные потенциальные возможности своего мозга, что вполне вероятно существование здесь каких-то невыявленных, скрытых резервов, которые он может и должен мобилизовать на восстановление утраченного равновесия и предотвращение его

нарушения в будущем, когда такая неустойчивость может быть чревата куда более кошмарными последствиями.

Трудно даже поверить, сколь скудны познания в этой жизненно важной для людей области, касающейся средних биофизических «внутренних пределов» человека и последствий их нарушения.

Мы прискорбно мало знаем о таких важных конкретных вещах, как взаимосвязь и взаимозависимость между здоровьем, питанием и образованием, которые приобретают сейчас особый интерес для развивающихся стран; об общей пригодности человека к тому образу жизни, который он ведет сейчас и, по-видимому, будет вести в будущем, о том, можно ли в свете этого развить и улучшить природные способности человека, и если да, то каким образом.

Незнание этих насущных проблем может быть чревато самыми серьезными, непоправимыми последствиями для человека как личности и для общества в целом.

В преддверии грядущих испытаний, трудностей и проблем нам совершенно необходимо четко знать и ясно понимать, каковы действительные возможности среднего индивидуума и как можно повысить его готовность к завтрашнему дню. Кроме того, мы должны знать, как нам лучше использовать свои умственные способности, причем чтобы не только противостоять новым переменам, но и для того, чтобы поставить их под контроль и извлекать из них пользу. Так что основная задача сводится к оценке совокупности способностей и выяснению, как усовершенствовать и приспособить их к тому, чтобы не подвергать человеческий организм невыносимым напряжениям и стрессам.

[...]

Третья цель: культурное наследие

Защита и сохранение культурных особенностей народов и наций совершенно справедливо объявлены, в особенности в последние годы, ключевым моментом человеческого прогресса и самовыражения. Эти положения весьма часто служат удобным прикрытием для всякого рода политических уловок и интриг. Вместе с тем люди начинают все больше опасаться, что в будущем все культуры могут оказаться на одно лицо — причем лицо, как показывает сегодняшний опыт, не слишком уж привлекательное — и что движение к обезличивающей однородности происходит уже сейчас.

Чтобы предотвратить эту опасность, маленькие и слабые страны превратили тезис о культурных различиях в основной элемент принципов нового международного экономического порядка и стратегий развития.

Несмотря на все благие намерения и пустые слова в защиту культурных различий, сделано в действительности пока что очень мало. Истинной основой культурного плюрализма будущего может стать только наше нынешнее культурное наследие. А поскольку оно сейчас стремительно деградирует и исчезает, необходимы самые активные и срочные меры, чтобы остановить эти невосполнимые в будущем потери.

Просто поразительно, сколько культурного богатства и разнообразия вложил человек за стовековую, а возможно, и еще более длительную историю в свой язык, традиции устного творчества, письменность, обычаи, музыку, танцы, искусство подражания, памятники, изобразительное искусство и т.д. К несчастью, не менее поразительной до настоящего времени была и его печальная способность уничтожать, сглаживать, осквернять и забывать это бесценное наследие. Дальнейшее развитие технологической цивилизации, экономический рост, возрастающая мобильность людей, чьи поселения занимают большую часть твердой поверхности планеты, расширение средств массовой информации — все это сулит в будущем исполнение мрачных пророчеств окончательного и безжалостного исчезновения с лица земли львиной доли того, что еще осталось от свидетельств веры, любви, эмоций, гордости, чувства прекрасного и стремления к добру прошлых поколений. Надо немедленно принять самые серьезные и активные меры для спасения культурного наследия человечества, которые должны

охватить все без исключения области человеческой деятельности, использовать достижения всех научных дисциплин: археологии, эпиграфики, палеографии, философии, этнологии, антропологии и прежде всего истории, — чтобы совместными усилиями человечества защитить его культурное наследие. Для того чтобы подтвердить уважение как к тем, кто уже ушел из этого мира, так и к тем, кто придет позже, необходимы качественно новые подходы, идеи и решения. К числу таких предложений можно, в частности, отнести учреждение «Всемирного культурного концерна», целью которого стало бы финансирование долгосрочных культурных программ (надеюсь, что средства для этого можно было бы получить за счет сокращения военных расходов), и организацию «Культурного корпуса», который объединил бы добровольцев из всех стран мира, желающих защитить и сохранить наследие (можно было бы рассматривать обязанности, связанные с работой в корпусе, как замену военной службы). Было бы также целесообразно осуществить, например, интернационализацию исторических памятников и центров, представляющих всемирный интерес, призвав государства передать их под

международную юрисдикцию, и доверить международным органам (по соглашению с теми странами, на территориях которых они расположены) их охрану и сохранность — думается, что это было бы не только в интересах создавших эти ценности народов, но и в интересах всей мировой культуры. [...]

Четвертая цель: мировое сообщество

Большинство людей — в отличие от некоторых современных учреждений — сейчас уже вполне ясно осознают, что национальное государство не может более идти наравне с ходом времени. Оно — за исключением великих держав — не в состоянии даже извлечь ощутимых выгод из регулирующей ныне международную жизнь глобальной социально-политической системы, хотя и служит в ней основной ячейкой. С другой стороны, пользуясь в мировой политической системе правами суверенитета, оно зачастую не считает нужным признавать существование каких бы то ни было наднациональных учреждений и не желает слышать о проблемах, требующих урегулирования на национальном уровне. Можно сказать, что даже в национальном плане государственные службы — в своей нынешней форме, — как правило, не оправдывают ожиданий своих же собственных сограждан. Этих примеров вполне достаточно, чтобы еще раз подчеркнуть необходимость структурных реформ на всех уровнях мировой организации. Недостатки и неповоротливость национального государства наиболее явно видны именно в сфере международной жизни, в попытке создать межгосударственные коалиции, которые во

многих отношениях оказываются более гибкими, чем региональные союзы. Невозможность настоящих фундаментальных реформ в рамках существующей ныне системы показывают в конечном счете и поиски сотрудничества по международным экономическим проблемам.

Фундаментальная научная мысль до сих пор, по сути дела, не дает никаких четких и вразумительных ответов на вопросы о принципиальной возможности и реальных путях такой трансформации национального государства, которая, сохранив за собой нынешнюю роль государства, была бы способна установить более стабильный и эффективный мировой порядок, соответствующий веку глобальной империи человека. Вряд ли можно ожидать творческих предложений на эту тему от самих правительств, ибо характерной чертой деятельности любых институтов всегда и везде было и остается не самообновление, а самоутверждение и самосохранение. С другой стороны, сложность

и комплексность проблемы, а также множество противоречивых интересов, связанных с существующей ныне структурой, обуславливают необходимость проведения этого обширного исследования и всех связанных с ним научных разработок на совершенно новой, независимой основе.

Суть проблемы сводится к тому, чтобы выявить пути постепенного преобразования нынешней системы эгоцентрических государств, управляемых склонными к самоуправству правительствами, в мировое сообщество, в основу которого легла бы система скоординированных между собой географических и функциональных центров принятия решений, охватывающая все уровни человеческой организации — от локального до глобального. Область юрисдикции таких центров — вне зависимости от их функций и уровня — должна больше соответствовать традициям, интересам и проблемам, общим для различных групп населения.

Вопрос, таким образом, сводится, в сущности, к тому, чтобы придумать специализированную и одновременно иерархическую систему, которая бы состояла из относительно автономных элементов различной природы и структуры, в то же самое время тесно взаимосвязанных и активно взаимодействующих — и все это в общемировом масштабе! Здесь, конечно, необходимо найти такие формы географической и функциональной координации несметного количества различных центров принятия решений, чтобы они не превратились в чудовищную, невообразимую структуру, в нечто вроде монументального хаоса, а стали бы

управляемым единым целым, способным не только удовлетворять сиюминутные, непосредственные или частные интересы, но и соответствовать долгосрочным интересам всего человечества. [...]

Пятая цель: среда обитания

Одной из важнейших проблем, уже сейчас глубоко поражающей человеческое воображение, но еще не осознанной во всех ее поистине грандиозных масштабах, является проблема размещения на планете в течение ближайших 40 лет населения, вдвое большего, чем нынешнее. Ведь за это короткое время придется коренным образом улучшить, модернизировать и, более того, удвоить нынешнюю инфраструктуру — причем не только жилые дома, но и все вспомогательные системы, включая промышленную, сельскохозяйственную, социальную, культурную и транспортную. Хорошенькая работенка предстоит нашему поколению — ведь ему придется построить «второй мир», который

можно сравнить с общим объемом строительных работ, осуществленных последними пятьюдесятью поколениями человечества. Причем при всей грандиозности задач финансирования, проектирования, технического обеспечения, производства материалов и собственно строительных работ не они представляют здесь самые сложные проблемы.

Серьезнейшая из проблем, которую чаще всего сегодня упускают из виду, сводится к организации территории Земли и распределению некоторых основных ресурсов таким образом, чтобы достойно разместить 8 миллиардов жителей (имея при этом в виду, что к ним, по-видимому, в самом недалеком будущем могут присоединиться еще несколько миллиардов). Это поистине грандиозное предприятие обречено, однако, на неминуемый провал, если не планировать его на единственном подходящем для этой цели уровне — а именно на общепланетарном. Правительствам пора наконец понять, что все их половинчатые, абсолютно нескоординированные действия, все их кусочные планы, рассчитанные максимум на 5—10 лет и нацеленные на то, чтобы как-то справиться с новыми волнами вновь прибывших в том месте и в тот момент, когда они нахлынут, — верный путь к непоправимой катастрофе. Этой своей политикой они, в сущности, потворствуют тому, чтобы крупные города и дальше пожирали все новые и новые просторы сельскохозяйственных земель и зеленых угодий, уродливо распухая и вырождаясь в непригодные для жизни мегаполисы, обрекая при этом другие группы людей жить в аду первобытных

деревень и селений, совершенно неприспособленных для удовлетворения потребностей современного человека. Всеобъемлющий, единый глобальный план человеческих поселений, включающий как составные части соответствующие мероприятия в национальном и региональном масштабах, стал настоящей потребностью нашего времени. Конечно, план этот должен обладать максимальной гибкостью. Но вместе с тем он должен включать в себя несколько всеми признанных и обязательных для всех железных правил, касающихся охраны и содержания того, что еще осталось от экологического заповедника, включая сюда не только климат, космическое пространство, атмосферу, океаны и полярные районы — хотя все это уже находится под угрозой и требует разумного использования, — но также и большие земельные массивы, которые нужно оставить на некоторое время в покое без какого бы то ни было человеческого вмешательства, предоставив их эволюцию самой природе.

Шестая цель: производственная система

Другим аспектом глобальной проблематики, который начинает все больше волновать людей, служат явные неполадки в нынешних экономических механизмах и их взаимосвязях с обществом в целом. В самом деле, трудно понять, почему так часто отказывают самые различные элементы экономической системы в совершенно разных странах, вне зависимости от того, что ею управляет — рынок или план. Если оставить в стороне вопросы безопасности, можно утверждать, что правительства практически все внимание фокусируют на проблемах занятости, производительности, инфляции, цен, торговли, платежного баланса и т.д. и готовы идти на любые жертвы, чтобы хоть временно облегчить эти трудности. Однако все это оказывается в конечном счете совершенно бесполезным, и единственный вытекающий отсюда вывод состоит в том, что для улучшения создавшейся ситуации не придумано пока никаких надежных средств. В результате повсюду расползается скептицизм и уныние, некоторое время сдерживающиеся благодаря воздействию культуры роста и все еще продолжающегося восхваления техники. Люди развитых стран уже готовы смириться с необходимостью пойти на какие-то жертвы, чтобы сократить существующий в мире разрыв, однако им до сих пор не привели еще достаточно веских доводов в пользу таких мер; в бедных же странах все больше боятся защитных мероприятий богатых стран, борющихся с собственными кризисными явлениями, угрожающих лишить развивающиеся страны каких бы то ни

было шансов на прогресс, что развивающиеся страны считают совершенно несправедливым по отношению к ним.

Все так загипнотизированы текущими экономическими проблемами, что никто и не предпринимает никаких попыток тщательно проанализировать структурные и философские причины этих сложностей. И сейчас как раз настал момент выяснить наконец, существуют ли в принципе хоть, какие-нибудь возможные решения, пусть даже они лежат далеко за пределами обсуждаемого ныне нового международного экономического порядка, который, являясь первым и трудным, сложным и неизбежным шагом вперед, все-таки лишь полумера, направленная на сокращение существующего разрыва. Будем надеяться, что мы окажемся в состоянии исправить некоторые диспропорции нынешней экономической системы и временно отведем от общества угрозу полнейшего развала, однако совершенно ясно, что пока нет решений, обеспечивающих человечеству возможность справиться в течение ближайших десятилетий с ужасающим взрывом проблем, с которыми оно не может

управиться уже сейчас. Здесь необходим в корне иной концептуальный подход и кардинально новые решения для существенного расширения наших целей и горизонтов и выявления экономической системы, соответствующей мировому сообществу, которое, как мы надеемся, вырастет в результате ожидаемых за этот период изменений на планете.

Хотя трудно еще полностью представить себе, какой должна стать экономическая система будущего — во всяком случае пока не завершены исследования, посвященные другим целям человечества, — однако отдельные составные кирпичики этого строения с успехом можно предварительно исследовать уже сейчас. Производственному истеблишменту принадлежит в современном мире ключевая роль. И здесь, так же как и в вопросе о среде обитания, было бы величайшей безответственностью своевременно не выяснить, в состоянии ли нынешняя производственная организация материально обеспечить пищей, товарами и услугами вдвое большее население планеты — и если да, то каким образом и при каких условиях. В этой связи возникает множество проблем, заслуживающих, разумеется, самого пристального внимания, в их числе, например, вопросы распределения, приобретающие сейчас особую остроту в связи с продовольственной проблемой; однако начать все-таки необходимо с производственного сектора, ибо именно он в силу своего первичного характера оказывается неразрывно связанным с другими экологическими, социальными и политическими проблемами нашего времени. Так что, бесспорно, самой главной

ключевой целью человечества является тщательный анализ существующего производственного истеблишмента и выявление того, какие преобразования необходимо в нем запланировать, чтобы он оказался в состоянии в ближайшие десятилетия четко выполнять отведенные ему функции.

Эти исследования должны включать целую серию отдельных проектов, тесно связанных и параллельных с изучением человеческих поселений. Один из этих проектов может быть посвящен финансовым вопросам, он должен изучить, в частности, те потребности в капитале, которые сопряжены со строительством и эксплуатацией инфраструктуры и промышленных предприятий, а также удовлетворением других нужд удваивающегося населения. Здесь необходимо предусмотреть также конкретные пути и средства обеспечения этих поистине огромных финансовых средств. Другой проект мог бы более детально рассмотреть проблему занятости, начав, например, с оценки потребностей в рабочей силе, включив сюда специалистов сферы управления, и выработать основы для создания общемировой системы, которая могла бы регламентировать

и координировать на международном уровне все вопросы, связанные с обеспечением занятости, соответствующими ассигнованиями, подготовкой кадров и профессиональным обучением. На завершающей стадии этот проект мог бы попытаться найти подход к решению острой проблемы полного вовлечения в активную деятельность всех человеческих ресурсов. [...] Однако, имея в виду далеко идущие последствия этой проблемы, возможно, более целесообразно было бы посвятить ей специальный проект, рассмотрев ее как отдельную важную цель человечества, направленную на развитие и использование в интересах мирового общества всех человеческих ресурсов. Еще одно исследование — которое в некотором смысле было бы вводным ко всем остальным — необходимо посвятить вопросам территориального размещения и рационализации мирового производственного истеблишмента. Как я уже говорил, в этом исследовании надо уделить пристальное внимание ограничениям, которые накладывает на все виды человеческой деятельности необходимость обеспечения охраны и организации глобальной среды человеческого обитания. Я уже упоминал вывод одного из проектов Римского клуба, требующий реорганизовать производство продовольствия на основе глобальных критериев, ибо только при этом условии можно надеяться достичь хотя бы минимальных результатов в решении проблемы искоренения голода в человеческом обществе. Такие же соображения следует принимать во внимание и при рассмотрении мировой промышленности и мирового промышленного производства. Промышленный сектор производственного арсенала общества в

настоящем своем виде представляет собой не что иное, как некий конгломерат разного рода технических приспособлений и видов деятельности, являющихся результатом случайных решений, принятых в разное время, с разными целями и при различных условиях и призванных служить кратко- или среднесрочным узким интересам отдельных национальных сообществ или многонациональных корпораций. Сейчас эта система не соответствует более ни духу времени, ни его требованиям и вызывает все более серьезные нарекания с самых различных позиций; все ее недостатки, включая социальную неприемлемость, нерациональное отношение к окружающей среде, ее ресурсам и полную несовместимость с каким бы то ни было справедливым международным экономическим порядком, будут по мере ее неизбежного дальнейшего расширения все больше углубляться и умножаться. Еще более серьезное беспокойство вызывает то обстоятельство, что без глубоких реформ нынешний мировой промышленный истеблишмент

просто не сможет выполнять свою роль в человеческой системе будущего; ибо, осажденная во много крат более сложными и грозными проблемами система уже не сможет выдержать и простить тех ошибок, дублирования, расточительства и неумелого управления, которые еще сходят истеблишменту с рук сегодня. Поэтому он должен найти пути обеспечения высокой эффективности и рационального экономического управления во всех без исключения секторах производства. [...]

Печатается по: *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985.
С.292—310.

Д.Л. МЕДОУЗ

За пределами роста

Чтобы настроиться на нужную «волну», представьте себе сообщение в вечерней информационной программе о том, что один астроном обнаружил метеорит, который должен столкнуться с Землей через 20 лет. Немедленно производятся соответствующие расчеты, показывающие, насколько пагубно отразится это столкновение на сельском хозяйстве и экономике нашей мировой системы. Теперь давайте представим (хотя реально мы этого сделать сейчас не можем), что есть некий способ изменить направление движения метеорита, а может быть, и вообще его уничтожить. Что для этого требуется? На наш взгляд, при решении данной проблемы, представляющей опасность для всего человечества, нужно признать необходимым объединение усилий ученых на международном уровне, которое внесло бы существенные изменения в наши исследования, нашу

индустриальную структуру, сферы размещения капитала и, разумеется, в политические цели.

В действительности (как вы понимаете) речь идет не о столкновении с метеоритом, а о проблемах физического роста, численности населения на Земле, об истощении сырьевых и энергетических ресурсов. Если мы сумеем овладеть ситуацией и осуществим необходимые изменения в течение 20 лет, основы социального прогресса на Земле будут обеспечены, в противном случае многие люди, живущие сегодня, станут свидетелями глобальной катастрофы.

20 лет назад исследование, проведенное нами для Римского клуба, показало, что если человечество в течение нескольких десятилетий будет сохранять тот образ жизни, который оно ведет сегодня, это может привести к глобальной катастрофе. Конечно, мы предлагали

всего лишь модель, в рамках которой невозможно предсказывать будущее с предельной точностью. Однако эта модель давала общее представление о том, каким образом может меняться мир в грядущем столетии.

Так, один из наших сценариев заключался в следующем. Если существующие в настоящий момент тенденции роста населения планеты, индустриализации, загрязнения окружающей среды, производства продуктов питания, истощения сырьевых и энергетических ресурсов сохранятся неизменными, то уже к 20—30-м гг. следующего столетия человечество подойдет к пределам роста. Наиболее вероятным результатом будет довольно резкое и неуправляемое падение как численности населения, так и промышленного производства.

В нашем недавнем исследовании мы снова обратились к статистическим данным и скорректировали результаты первоначальных исследований. Мы обнаружили, что тенденция физического роста практически не изменила своей направленности, не сократился и рост численности населения. Если в 1972 г. численность населения составляла 3,65 млрд. то сейчас — 5,4 млрд. и мы предполагаем, что к концу этого столетия численность населения достигнет 6 млрд. Как и раньше, производство промышленной продукции в мире в целом продолжает расти. Однако производство промышленной продукции на душу населения далеко не прогрессирует, поскольку численность населения быстро увеличивается. При этом мощное воздействие на окружающую среду в условиях всевозрастающего использования источников сырья и энергии за

последние 20 лет практически удвоилось. Загрязнение окружающей среды продолжает расти.

В последние два десятилетия значительно увеличилось использование природных ресурсов. Применение удобрений возросло более чем в 2 раза и продолжает набирать рост. То же самое относится и к расходованию энергии, использованию источников сырья и т.д.

Можно надеяться, что глобальная катастрофа не поразит сразу все страны мира: она надвигается постепенно. Но уже сейчас ее симптомы обнаруживаются во многих регионах. Так, за последние 5 лет в 94 странах мира зафиксирован отрицательный рост производства продуктов питания. В течение 10 лет в 60 странах мира отмечается снижение роста валового национального продукта.

Возможна ли еще стабилизация мирового развития? Когда будет остановлен рост численности населения? На какой жизненный уровень могут рассчитывать 8—12 млрд. человек на ограниченной земной по-

верхности? Сколько времени потребуется человечеству для того, чтобы привести окружающую среду в состояние равновесия?

Может быть, мы сами будем свидетелями неизбежных катастроф в результате физического воздействия на природу?

Для того чтобы ответить на эти и многие другие вопросы, мы недавно повторили расчеты по нашей глобальной имитационной модели, которые отражают изменения, произошедшие за последние 20 лет в области технологии, в общественных и производственных структурах и т.п. Полученные нами результаты мы излагаем в новой книге «За пределами роста», которая опубликована в Японии. Эта работа позволила сделать принципиальные выводы. Вот некоторые из них.

Во-первых, человечество уже сейчас находится за пределами роста. Использование сырьевых и энергетических ресурсов, накопление отходов промышленного производства превышают все возможные, физически допустимые нормы. Если в ближайшее время в этих областях не будут предприняты решительные меры, человечество ожидает неконтролируемое сокращение производства продуктов питания на душу населения, сокращение энергоресурсов, падение промышленного производства, что скажется и на численности населения на Земле в грядущем десятилетии. Очевидно, физический рост не может решить этих проблем.

Во-вторых, сокращения производства можно было бы избежать, если бы человечество сумело быстро перестроиться, отказавшись от ставшего уже традиционным наращивания промышленного

производства, расходования природных ресурсов и роста численности населения.

Эти выводы отнюдь не означают, что в современном мире бедные должны навсегда оставаться бедными либо должны обеднеть богатые. Новая политика могла бы обеспечить более эффективные решения проблем бедности и безработицы, над которыми человечество бесплодно работает, руководствуясь старой политикой «всеобщего роста».

В нашем исследовании мы обратились к рассмотрению процесса глобального «перетекания» сырьевых и энергетических ресурсов из так называемых источников в резервуары. Под «источниками» мы понимаем сельскохозяйственные угодья, промышленные рудники, ирригационные источники — все то, что дает мировой экономике ресурсы и энергию. В свою очередь «резервуары» — это атмосфера, мировой океан, почва, словом, те места, куда мы сбрасываем отходы, образующиеся от использования сырья и энергии. [...] Согласно политике, которая осуществляется в настоящее время, перетекание материалов из

«источников» в «резервуары» происходит слишком быстро. Однако это не будет продолжаться бесконечно. Мы не можем и дальше использовать так же много горючих ископаемых, как в настоящее время. Мы не можем и далее ловить океаническую рыбу теми же темпами, какими мы ловим ее сегодня. Мы выбрасываем отходы в мировые «резервуары» быстрее, чем это может выдержать окружающая среда. Мы просто обязаны уменьшить распространение двуокиси углерода и других опасных веществ в окружающей среде. Иными словами, поток между «источниками» и «резервуарами» должен быть ограничен.

Запредельная ситуация

Следующие характеристики позволяют представить общество, которое в своем развитии выходит за допустимые пределы, использует земные запасы быстрее, чем они могут быть восстановлены, освобождается от отходов производства, загрязняя окружающую среду быстрее, чем Земля может поглотить или переработать эти отходы:

- ухудшается ситуация в области возобновимых ресурсов: сокращение запасов подаваемых вод, лесов, рыбы, снижение плодородия почвы;
- отходы производства накапливаются и все более загрязняют окружающую среду;
- все больше и больше капиталовложений, энергии, материалов, затрат труда идет на исследование, разработку и эксплуатацию труднодоступных источников сырья;
- все больше и больше капиталовложений, энергии, материалов и затрат труда требуется для устранения негативных последствий

использования свободных ресурсов: для обработки сточных вод, контроля за орошением, для очистки воздуха и т.д.;

— значительная часть капитала, сырьевых и энергетических ресурсов, затрат труда идет на решение задач оборонной промышленности;

— ухудшается ситуация в таких долгосрочных государственных программах, как строительство дорог, система образования, культура и проч.;

— сокращаются капиталовложения в человеческие ресурсы и ухудшается положение в сфере образования и здравоохранения;

— нарушается баланс между использованием сырьевых и энергетических ресурсов и процессом загрязнения окружающей среды.

В решении этих проблем наблюдается все меньше

взаимопонимания, все больше «заборов» и расхождений. [...]

20 лет назад мы обратили внимание человечества на опасность «запредельной ситуации» и предложили, основываясь на глобальной имитационной модели, систему мер, с помощью которых можно избежать глобальной катастрофы. Теперь мы повторили наше исследование, обобщив новые данные о состоянии окружающей среды, о развитии технологий и т.п. Результаты опубликованы. Эта модель содержит более 250 параметров поведения системы: суммарную численность народонаселения, суммарное производство продуктов питания и проч. Она включает в себя различные варианты возможного изменения окружающей среды. Это может быть ситуация, когда ничего не изменяется в текущей мировой политике. Другие предположения, наоборот, демонстрируют последствия изменений в политической, социальной, технической и экономической системах. Наша модель не дает единственного варианта будущего развития, она предлагает целую серию вариантов изменения окружающей среды.

Рассмотрим некоторые из них.

1. Ситуация, когда мир приближается к глобальной катастрофе. Практически ничего не изменяется в традиционном образе жизни, нет контроля за численностью населения, наращивается темп промышленного производства и как следствие — снижается способность самосохранения окружающей среды, что влечет за собой неизбежное сокращение народонаселения и т.д.
2. Имеется возможность изменить ситуацию, ведущую к глобальной катастрофе. Для этого нужно установить

экологически и экономически стабильное состояние. Предел роста численности населения не должен превышать 8—9 млрд. Если состояние глобального равновесия будет поддерживаться достаточно долго, то материальные стандарты жизни также могут удерживаться на очень высоком и постоянном уровне.

3. Последствия нашего промедления: чем оно длительнее, тем меньше вероятность успеха. В рамках нашей модели было рассчитано, что если бы предложенная программа действий была выполнена в 1975 г., то численность населения в мире стабилизировалась в пределах 7 млрд. человек. Сейчас мы понимаем, что уже практически невозможно остановить рост населения в пределах 9—10 млрд. человек. В то же время, если рекомендованные меры были бы осуществлены в 1975 г., то человечество в своем развитии могло бы достигнуть очень высокого материального уровня жизни. Сейчас уже нет возможности для этого.

«Запредельная ситуация» — наиболее показательный результат. Ее можно было бы избежать, и чем быстрее мы предпримем соответствующие

шаги, чем раньше мы начнем действовать, тем более благоприятные результаты будут нами достигнуты и тем скорее установится глобальное равновесие.

Модель «Мир — 3»: взгляд в будущее

Один из возможных путей развития мирового сообщества, предложенный в Сценарии 1, заключается в том, что мировое сообщество продолжает свой исторический путь без принудительных изменений в традиционном образе жизни столь долго, насколько это возможно. При этом отмечается определенный технологический прогресс в сельском хозяйстве, промышленности и в сфере социальных услуг. Численность населения в мире от 1,6 млрд. в 1900 г. возрастет до 6 млрд. к 2000 г. С 1900 по 1990 г. в промышленности было использовано 20% всего запаса невозобновимых ресурсов. При этом к 1990 г. осталось 80% этих ресурсов. Потребности человека увеличиваются, соответственно растет производство товаров потребления, продуктов питания, расширяется сфера услуг. Вместе с тем значительно возрастает загрязнение окружающей среды. И после 2000 г. этот рост начнет отрицательно сказываться на плодородии земель. Вследствие этого после 2015 г. производство продуктов питания в мире сократится. Это вынуждает изменять суммарные капиталовложения в сельское хозяйство. Но сельское хозяйство должно состязаться за капиталовложения с отраслью добычи сырьевых ресурсов,

которая также требует постоянных капиталовложений, что в свою очередь приводит к столкновению этих сфер. Производство продуктов питания и добыча сырьевых ресурсов начинают испытывать все большие трудности в получении капиталов, что сокращает их производство и как следствие — оставляет меньше капиталов для инвестирования нового роста. Наряду с этими областями испытывает сложности сектор социальных услуг, что также способствует падению численности населения, в то время как кривая смертности начинает двигаться вверх вследствие недостатка продуктов питания и мер по охране здоровья. Этот сценарий — не предсказание. Мы полагаем, что он просто иллюстрирует наиболее характерные параметры, которые сегодня воздействуют на окружающий нас мир. Достаточно подробно эти и другие актуальные проблемы рассматриваются ежедневно на первых страницах газет.

Сценарий 10 знакомит нас с техническими, социальными, экономическими мерами, которые отличаются от традиционно осуществляемых мировым сообществом. Согласно этому сценарию, человечеству следует принять решение, ограничивающее, начиная с 1995 г., среднюю семью двумя детьми. Для этого требуются эффективный контроль за рождаемостью, а также строгие пределы потребления. Когда в каждой стране мира будет достигнут средний материальный уровень жизни, который сегодня имеет место в странах Западной Европы, человечество сможет обратиться к решению иных, не материальных задач. Более того, начиная с 1995 г. эти области должны стать приоритетными в отношении развития технологий, что повлечет за собой более эффективное использование сырьевых и энергетических ресурсов, снижение уровня загрязнения окружающей среды, повышение урожайности земельных угодий и проч. Согласно Сценарию (10), ограничение численности населения в пределах 8 млрд. делает возможным поддержание западноевропейских стандартов благосостояния по крайней мере в течение всего столетия.

Таковы перспективы, которые предлагает человечеству Сценарий 10 нашей глобальной имитационной модели. Однако этим не исчерпывается его содержательный потенциал. Можно иметь больше продуктов питания и меньше промышленной продукции и наоборот; можно иметь большую численность населения при низком уровне жизни и наоборот. Соответственно мировое сообщество может потратить больше или меньше времени для

перехода к мировому равновесию. Но дело в том, что с этим переходом нельзя медлить. Если мы отложим действия, от которых зависит существование мирового сообщества (как это предлагается в Сценарии 10) хотя бы на 20 лет, то рост численности населения, загрязнение окружающей среды, истощение ресурсов будут осуществляться такими темпами, что избежать глобальной катастрофы уже не удастся.

Шесть шагов во избежание катастрофы

Здесь представлены шесть возможных программ, которые ведут к предупреждению глобальной катастрофы согласно модели «Мир — 3». Каждая из этих программ описывается в общих понятиях и может быть реализована сотнями способов, путей, специфических как для отдельных сообществ, наций, регионов, так и для всего мира в целом. Каждый из нас может выбрать любую из них в качестве направляющей к выживанию.

1. Как можно больше изучать указанные проблемы. Держать под контролем уровень благосостояния человечества, состояние локальных и планетарных «источников» и «резервуаров». Поддерживать контакты с руководителями государств; честно, быстро, исчерпывающе информировать правительства и широкие массы людей о состоянии окружающей среды. Учитывать реальную стоимость окружающей среды в экономических расчетах, применять показатели, например валовой Национальный продукт, таким образом, чтобы не смешивать стоимость и прибыль, затраты с благосостоянием, обесценивание естественных капиталов с доходом.
2. Сократить время обратной связи. Серьезнее относиться к информации (тщательно исследовать, анализировать, ничего не оставлять без внимания), сигнализирующей о напряженном состоянии окружающей среды. Пытаться заранее предусмотреть возможные действия на случай обострения глобальных проблем. Если возможно, предвидеть обострение подобного рода проблем еще до их проявления. Подготовиться институционально и технологически для эффективных действий в условиях обострения глобальных проблем. Необходимыми требованиями являются также творческий подход, критическое мышление и системное понимание в решении проблем, стоящих перед человечеством.
3. Следует свести к минимуму использование невозобновимых ресурсов. Ископаемые виды топлива, подземные источники воды т.д. необходимо использовать с максимальной эффективностью и поддерживать их существование, насколько это возможно.

4. Препятствовать истощению возобновимых ресурсов. Сюда можно отнести такие параметры, как плодородие пахотных земель, источники пресной воды, а также источники всего живого на Земле, включая леса, рыбу, птицу. Все это нужно защищать, восстанавливать и даже увеличивать в количественном отношении. Использовать данные источники следует только в том режиме, который позволяет этим ресурсам восстанавливаться.

5. Использовать все ресурсы с максимальной эффективностью. Попытаться достичь высокого уровня благосостояния при наименьших затратах. В этом случае более высокое качество жизни будет возможно в допустимых пределах. Значительная прибыль как результат эффективного использования ресурсов технически возможна и экономически благоприятна. Чем более длительное время человечество сумеет избежать глобальной катастрофы, тем более высокая степень эффективности может быть достигнута.

6. Необходимо остановить экспоненциальный рост численности населения и физического капитала. Имеются естественные пределы, в которых могут осуществляться первые пять шагов нашей программы. Этот — шестой — шаг представляется нам наиболее существенным. Он связан как с институциональными и философскими изменениями, так и с социальными инновациями. Необходимо определить оптимальный уровень численности населения и соответственно допустимый объем промышленного производства. Мы должны решить, что будет нашим девизом: «достаточно» или «больше» и как в связи с этим нужно поступать. Этот этап нашей программы предполагает глубокое исследование (возможно, с элементами предвидения) оптимальных условий существования человечества, включая нарастающую экспансию физического воздействия на окружающую среду.

Думаю, мы должны понимать, что радикальное изменение станет возможным лишь в случае реального кризиса, когда человечество столкнется с катастрофой лицом к лицу. До тех пор пока каждая страна, нация, регион не ощутят реального воздействия кризиса, не осознают, что будущее именно этой страны, нации, региона находится под угрозой катастрофы, решительные меры не будут приняты.

Я предлагаю следующее. Нам необходимо проанализировать несколько предстоящих кризисных ситуаций в ряде стран мира, выявить общие тенденции, сопоставить их результаты и проч. Полученные данные нужно использовать в качестве стимула для

того, чтобы развернуть широкомасштабную акцию в пределах всей нашей планеты.

В ближайшем будущем человечество ожидают по меньшей мере два глобальных кризиса, к рассмотрению которых мы можем обратиться для решения поставленных задач: 1) истощение озонового слоя; 2) кризис в области мировых рыбных промыслов. Данные проблемы станут очень острыми уже в этом десятилетии, и их решение может явиться фундаментом для всемирного объединения и сотрудничества в области исследования, субсидирования и контроля за окружающей средой.

Конечно, это всего лишь прогноз, но существует мнение, что мировой уровень озона к 2000 г. может упасть в среднем на 20%. В результате этого на 40% возрастет ультрафиолетовое излучение, которое достигнет земной поверхности. Последствия будут очень серьезными для здоровья людей, сельского хозяйства, а также скажутся на долговечности многих искусственных материалов, таких, например, как пластик. Другая серьезная ситуация связана с Мировым океаном и сокращением добычи рыбы. Я предполагаю, что серьезное сокращение рыбных

Глава 18. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИСТИКА

793

промыслов в мировом масштабе будет продолжаться в течение всего этого десятилетия и составит серьезную общечеловеческую проблему.

В заключение следует отметить, что мы совершим огромную ошибку, позволив мировому сообществу бороться с глобальными проблемами таким образом, как если бы данные проблемы решались при помощи

новых технологий или посредством незначительных изменений в международном законодательстве.

Наша задача — помочь мировому сообществу увидеть в этих проблемах зловещие симптомы «запредельной ситуации».

Печатается по: *Медоуз Д.Л.* За пределами роста // Вестн. МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1995. № 5. С. 80—86.

ИМЕННОЙ СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК

АДОРНО Теодор

(1903 □ 1969) □ немецкий философ, представитель франкфуртской школы, музыкальный критик.

Социально-политическая проблематика представлена у Адорно прежде всего в коллективном труде «Авторитарная личность» (1950), подготовленном под его

руководством и при непосредственном участии. Основная цель данного исследования — описание «нового антропологического типа». Предполагалось, что характеристики этот типа будут соответствовать садомазохистскому характеру.

АКСАКОВ Константин Сергеевич (1817— 1860) — идеолог классического славянофильства.

В славянофильстве как определенном идеологическом феномене отчетливо различимы три основных компонента.

Первый из них — социальный; важное место в нем занимает проблема русской сельской общины.

Второй компонент славянофильской идеологии — национальный; он включает в себя решение вопросов об особенностях русского исторического развития, о характере

русского народа и русской культуры, об исторической роли России. Наконец, третий компонент — религиозно-идеалистическая философия,

полемиически обращенная против рационализма. Свойственное славянофилам противопоставление политических и нравственных свобод было доведено К.С. Аксаковым до отрицания политической свободы и полного устранения народа от политики: «отделив от себя правление государственное, народ русский оставил себе общественную жизнь и поручил государству давать ему (народу) возможность жить этой общественной жизнью». Противостоявшее народу самодержавное правление оправдывалось славянофилами тем, что народ ищет не внешней — политической свободы, а

«ищет свободы нравственной, свободы духа». В политической концепции славянофилов центральную роль играют два понятия — «Земля» и «Государство». Под Землей славянофилы понимали «общественно-человеческое начало», «неопределенное и мирное состояние народа», «душу народа». Государство — власть внешняя, сила, охраняющая Землю, «дело государево». В частности, К.С. Аксаков представлял государство как внесловный и надобщественный орган и отрицал его позитивную общественную роль. Он подчеркивал: «Государство как принцип — зло; ложь лежит не в

<p>той или иной форме государства, а в самом государстве, как идее, как принципе».</p> <p>Приведенные суждения позволили Н.А. Бердяеву заявить: «Монархизм славянофилов, по своему обоснованию и по своему внутреннему пафосу, был анархический, происходил от отвращения к власти».</p> <p>АЛМОНД Габриэль (1911) — американский политолог, специалист в области общетеоретической и сравнительной политологии. Наибольшую известность Алмонду принесли работы по теории политической системы</p>	<p>и политической культуры.</p> <p>В модели политической системы, разработанной Алмондом, наибольшее внимание уделялось функциям «входа» и «выхода».</p> <p>Американскому политологу удалось убедительно показать взаимосвязь между политическими ориентациями, составляющими содержание политической культуры, и характером функционирования политической системы.</p> <p>В совместной работе Г. Алмонда и С. Вербы «Гражданская культура» (1963) — метод компаративистского (сравнительного)</p>
---	--

политического анализа продемонстрирован на примере сопоставления политических культур народов пяти стран: США, Мексики, Италии, Великобритании и Германии.

Основные работы Алмонда: «Сравнительная политика: концепция развития» (1966), «Политика развивающихся регионов» (1968), «Сравнительная политика сегодня» (1988).

АРЕНДТ Ханна (1906–1975) — немецкий политолог, специалист по проблемам тоталитаризма.

В работе «Истоки тоталитаризма» (1951) Арендт утверждала, что нацизм и сталинизм — это новая современная форма государства, которую не следует путать с традиционными формами подавления. Тоталитаризм стремится к неограниченному господству внутри своей страны и вне ее. Его отличительными чертами являются: наличие государственной идеологии и террор как средство утверждения и укрепления политического господства, реализации на практике идеологии, которая провозглашается единственно верной в трактовке законов развития общества. «Тоталитарный человек», по мнению Арендт, есть атомизированный,

отчужденный индивид,
представитель «массы»,
сплачиваемый в
коллективные социаль-
ные тела с помощью
насилия и тотальной
идеологической
манипуляции.

Идеальной моделью
тоталитарного режима
она считала нацистский
концлагерь, в котором у
человека разрушались
обычные мотивы
поведения, мораль, а
затем, из-за голода и
пытток, нормальные
психические и телесные
реакции.

АРИСТОТЕЛЬ

(384–322 до н. э.) □
греческий философ и

политический
мыслитель.

С именем Аристотеля
связано зарождение
политической науки.

Мыслитель утверждал,
что человек, будучи

«политическим
животным», несет в себе

инстинктивное
стремление к со-

вместному
существованию: развитие

общества идет от семьи к
общине, а от нее к

государству (городу-
полису). Государство (по

Аристотелю) существует
ради «лучшей жизни»

своих граждан. формы

государственного устрой

-

ства Аристотель определил по двум основаниям: количество правящих и цель (моральная значимость) правления. В зависимости от этого он выделял три «правильных» формы правления (монархия, аристократия, политая), при которых правители имеют в виду общую пользу, и три «неправильных» (тирания, олигархия, демократия), преследующие лишь личное благо правителей. Формы государственного устройства Аристотель связывал с их «принципами»: принцип аристократии — добродетель, олигархии — богатство, демократии — свобода. Политию, которая включает эти три принципа, греческий ученый считает наилучшей формой правления, так как она объединяет интересы зажиточных и неимущих. Полития — «средняя» форма государства, и «средний»

элемента ней доминирует во всем: в нравах — умеренность, в имуществе — средний достаток, во властвовании — средний слой.

Свое политическое учение Аристотель раскрывает в трактатах «Политика», «Афинская политая», «Этика».

АРОН Раймон (1905–1983)

— французский социолог и политолог. В фокусе его научных интересов — проблемы демократии, политической свободы, типология современных политических режимов, сравнительный анализ политических систем. Арон — один из создателей теории индустриального общества. Он полагал, что на современном этапе развития цивилизации создается единый тип общества (единое индустриальное общество),

различными модификациям
которого выступают западная
(демократическая)

модель и советская
(тоталитарная). Конфликты
индустриальной цивилизации
ученый видит в противоречии
между требованиями
индустриального общества
(централизации, жесткой
иерархизации) и идеалами
демократии □ свободой,
равенством. Противостояние
этих противоположных
тенденций обрекает
индустриальное общество на
нестабильность.

Основные труды Арона —
«Опиум для интеллигенции»
(1955), «Разочарование в
прогессе» (1967).

БАКУНИН Михаил

Александрович (1814—1876)

— революционер, один из
основателей русского
народничества и теоретиков
международного анархизма.

За деятельное участие в
революции 1848— 1849 гг. он
был дважды (судами
Саксонии и Австрии)
приговорен к смертной казни.
В 1851 г. Бакунин выдан

Австрией правительству Николая I и после длительного заключения сослан в 1857 г. в Сибирь на поселение. В 1861 г., бежав из ссылки, он вновь включился в западноевропейское революционное движение. С этого времени и до конца своих дней он целиком посвящает себя служению двум великим целям — борьбе с существующими политическими режимами, с

государством вообще и теоретическому поиску анархического общественного идеала.

Бакунинская политическая программа выработывалась в период начальных этапов организованного рабочего движения и деятельности I Интернационала, первых опытов легальной деятельности рабочих партий.

В конце 1860 — начале 1870-х гг. Бакунин — один из лидеров I Интернационала, идейный и политический противник К. Маркса.

В наиболее систематизированном виде его взгляды представлены в работах «Федерализм, социализм и антитеологизм» (1868), «Кнуто-германская империя» (1871) и «Государственность и анархия» (1873). Последняя оказала заметное влияние в России. Ряд высказанных в ней идей был использован при формировании программных целей бунтарского направления в русском Народничестве.

Исходным моментом анархической доктрины М.А. Бакунина являлась идея о том, что уничтожение всякой государственности выступает в общественной практике как основной способ разрешения

всех социальных проблем.

Государство, по Бакунину, это некое искусственное социальное образование, которое символизирует собой абстрактное ограничение прав и свобод личности во имя абстрактной и мифической идеи всеобщего блага. Там, где начинается государство, кончается свобода личности, и наоборот, свобода человека, расширение его прав приводят к переделу сфер влияния государственной власти.

Анархия, утверждал Бакунин, явит собой заключительный этап в эволюции общества, связанный с распространением идеи свободы в массах в виде свободы индивидов и ассоциаций. В бакунинской концепции исторического процесса свобода выступает как цель истории и одновременно как высший ее результат. Свобода — это процесс

«очеловечивания» человека, развитие его от «животного рабства» через познание природы, самого себя и общества к обществу социальной справедливости.

Необходимым условием свободы является свобода всех.

Идеальный общественный строй, по Бакунину, это не общество, организованное в государство, а общество, основанное на началах самоуправления, автономии и свободной федерации.

Исторический опыт общественного самоуправления, традиции взаимной помощи и поддержки (общественная солидарность) в концепции Бакунина отразились в идее федеративного устройства безвластного (самоуправляющегося) общества. Именно федерализм, как основополагающий принцип социального бытия свободных граждан (такого определяли еще

декабристы), в противоположность централизму с его ограничением человеческой свободы и самостоятельности, по утверждению Бакунина, должен «спасти в Европе свободу и мир».

БЕРДЯЕВ Николай

Александрович (1874—1948)

□ крупнейший русский философ XX в.

На Западе Н.А. Бердяев стал ярким популяризатором русского духовного мира. Его называли «русским Гегелем XX века», «одним из величайших философов и пророков нашего времени», «одним из универсальных людей XX века».

Как и многие интеллектуалы последнего десятилетия XIX в., Бердяев «переболел» марксизмом. С начала XX в. ученый переходит на позиции религиозной философии и остается ей верен до конца своей жизни.

В центре политической
философии Бердяева —

«вечные вопросы»: лич-

ность и свобода, человек и государство.

Тема государства у Бердяева тесно переплетена с проблемами человека, свободы, добра, зла и нравственности. Он полагал, что свобода, права личности — основополагающие ценности жизни — даются человеку свыше. Эти абсолютные идеи имеют внечеловеческий и внеисторический религиозный характер. Выше человека может стоять только Бог, лишь христианские ценности (и только они) могут гарантировать свободу личности. Идею государства Бердяев тесно связывал с религией. Он был убежден, что происхождение государства не объяснимо рационалистическими причинами, оно всегда имеет иррационалистическую,

мистическую основу.

Государство действует в греховном мире и потому тесно связано со злом. Но само по себе государство, определяемое свыше, не есть зло, но может им стать, если будет забыта или отвергнута его религиозная основа.

Преодоление различий «Царства кесаря» и «Царства Божьего» ведет, по мнению русского философа, либо к обожествлению государства, его абсолютизации, либо к отождествлению с обществом. В первом случае неизбежно возникает деспотизм, царство зверя. Левиафана, ничем не ограниченного государства. Во втором — безграничная власть общества над личностью. «Государство, — подчеркивал Бердяев, — должно быть сильным, но должно знать свои границы». И эти границы ему устанавливает христианство. Только

ограниченное государство
может упорядочивать
внешние отношения людей,
спасая в то же время
человека «от коллек

тивизма, поглощающего
личность», только таким
образом понятое государство
обеспечивает свободу и неза-
висимость индивиду,
одновременно предохраняя
общество от зла «в , жизни
общественной».

Основные труды Бердяева —
«Новое религиозное сознание
и общественность» (1907),
«Философия неравенства»
(1923), «Истоки и смысл
русского коммунизма» (1937),
«Русская идея» (1946).

БЁРК Эдмунд (1729 □ 1797) □
английский политический
деятель, философ и публицист.
Считается «отцом-
основателем», «пророком»,
«Миллем и Марксом»
классического консерватизма.
В 1790 г. вышла в свет его
книга «Размышления о
революции во Франции», в
которой были сформули-
рованы основные принципы
консерватизма:
ограниченность сферы чело-
веческого разума и,

следовательно, важность универсального морального порядка, санкционированного и подерживаемого религией; «то, что можно не менять, менять не нужно»; вера в «право давности» и традиции народа; убеждение в том, что существование строгих границ между классами и сословиями необходимо для социальной стабильности; частная собственность —

продукт человеческого разнообразия, без нее свобода невозможна, а общество обречено на гибель; рассмотрение человека как несовершенного и неразумного существа, подверженного греховному поведению; презумпция «в пользу любой установленной системы приведения против любого неиспользованного проекта » и др.

Согласно Э. Бёрку, настоящее никогда и ни в коем случае не свободно от прошлого. Он любил повторять следующее крылатое выражение: «История без политической науки бесплодна; политическая наука без истории безродна». «Установка на то, чтобы сохранить лучшее и способствовать к усовершенствованию недостаточного, взятые вместе — вот что определяет для меня государственного человека. Все остальное пошло и сомнительно. Истинная политическая мудрость состоит в том, чтобы исправлять, а не уничтожать прежние институты». «Мой ведущий принцип реформации государства, □ подчеркивал Бёрк в письме, адресованном члену Французской ассамблеи, — использовать имеющиеся материалы... Ваши же архитекторы строят без фундамента».

Государство объявлялось Бёрком вечным и неизменным организмом, стоящим над личностью и неподвластным ее воле. Традиция есть самый надежный авторитет, ибо в ней находит свое воплощение «коллективная мудрость человеческого рода».

БОДЕН Жан (1530 □ 1596) □ французский политический мыслитель и правовед.

В работах «Метод легкого изучения истории» (1566) и «Шесть книг о государстве» (1576) рассматривается развитие исторического процесса, а также возникновение и становление государственных институтов в различных географических и климатических условиях.

Боден первым в истории политической мысли дал толкование суверенитета как важнейшего признака государства. По его утверждению, суверенитет,

или право творить и проводить в жизнь законы, принадлежит государству по определению. Государство — обладатель верховной политической власти как внутри своей собственной страны, так и в отношениях с зарубежными державами.

Выше носителя суверенной власти только Бог и законы природы. Суверенитет не зависит от того, справедливы законы или нет, он зависит от силы творить их. Боден выделяет пять отличительных признаков суверенитета.

Первый из них — издание законов, адресуемых всем без исключения подданным и учреждениям государства.

Второй — решение вопросов войны и мира. Третий — назначение должностных лиц.

Четвертый — действие в качестве высшего суда, суда в последней инстанции. Пятый — помилование.

Воззрения Бодена оказали значительное влияние на

развитие политической и юридической науки.

ВЕБЕР Макс (1864–1929) — один из крупнейших представителей западной социологии и политологии. Вебера нередко называли великим буржуазным антиподом К. Маркса или «Марксом буржуазии». Труды Вебера сегодня являются классикой западной социальной и политической науки.

В центре политической социологии Вебера — проблема власти. М. Вебер определял власть как «возможность того, что одно лицо внутри социального отношения будет в состоянии осуществить волю, несмотря на сопротивление и независимо от того, на чем такая возможность основана». Власть, основанную на приказе и

подчинении, Вебер называл господством. Основой господства является легитимность. Проблема легитимного господства — одна из главных в научном творчестве Вебера. Методологические подходы, сформулированные ученым, оказали большое влияние на характер и направление развития всей последующей политической науки. Вебер указал на то, что любая власть нуждается в самооправдании, признании и поддержке. Понятие «легитимность» часто переводится как «законность», что не совсем точно, так как Вебер имел в виду не юридические, а социологические (поведенческие) характеристики господства (власти) и придавал главное значение фактору монопольного применения насилия.

М. Вебер выделил три основных типа легитимного господства: традиционное, харизматическое и легальное (рационально-бюрократическое). Значителен вклад Вебера в разработку теории бюрократии. Бюрократия, по Веберу, технически является самым чистым типом легального господства. Им же были сформулированы основные требования к чиновникам, актуальные и по сей день: лично свободны и подчиняются только деловому служебному долгу; имеют устойчивую служебную иерархию; имеют твердо определенную компетенцию; работают в силу контракта (на основе свободного выбора); работают в соответствии со специальной квалификацией; вознаграждаются постоянными денежными окладами; рассматривают

свою службу как единственную или главную профессию; предвидят свою карьеру; работают в полном «отры-

ве» от средств управления и без присвоения служебных мест; подлежат строгой единой служебной дисциплине и контролю.

ГЕГЕЛЬ Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) — выдающийся представитель немецкой классической философии.

Гегель разработал фундаментальные принципы развития мировой истории. Среди них: разумность того, что в истории необходимо и закономерно; поиск человечеством конечной цели мирового развития - свободы; взаимосвязь целей и средств в социальном, политическом и духовном процессе, вариативность движения экономической и политической истории; сдвиг всемирной истории с Востока на Запад; особая роль государства в человеческой истории.

В работе «Философия права» (1820) Гегель излагает теорию

государства и права как последовательность ступеней развития духа в его объективной форме. Немецкий философ разрабатывает учение о свободной воле, которая соотносится с правом и представлена в виде трех ступеней развития: абстрактное право, моральность и нравственность. Абстрактное право относится к проблемам собственности и

договора; учение о морали касается проблем добра и совести, намерения и блага, умысла и вины; учение о нравственности включает проблематику семьи, гражданского общества и государства. Важное место в развитии политической теории занимает концепция Гегеля о гражданском обществе и правовом государстве, которое рас-

сма­три­ва­ет­ся во вза­им­ной
связи с соци­аль­но-
эко­но­ми­че­ской сфе­рой и по-
ли­ти­кой. Граж­дан­ское
об­ще­ство — сфе­ра
ре­а­ли­за­ции осо­бен­ных, част-
ных це­лей и ин­те­ресов
от­дель­ной лич­но­сти. Фи­ло­соф
за­ло­жил ос­но­вы те­о­рии
груп­повых ин­те­ресов,
ко­то­рые рас­сма­три­вал в
ка­че­стве ос­но­вы
граж­дан­ско­го об­ще­ства.
Об­ще­ство и го­су­дар­ство, по
ге­гелев­ской кон­цеп­ции,
со­от­но­сят­ся как рас­судок и
разум: об­ще­ство — это
«внеш­нее го­су­дар­ство»,
«го­су­дар­ство нуж­ны и
рас­судка», а под­лин­ное
го­су­дар­ство — разумно.
По­это­му в фи­ло­соф­ско-логи-
че­ском плане об­ще­ство
рас­це­ни­ва­ет­ся как мо­мент
го­су­дар­ства, как то, что
«снимает­ся» в го­су­дар­стве.
Един­ство об­ще­ства может

быть дос­тиг­ну­то путем
со­гласо­ва­ния раз­лич­ных ин­те-
ресов, а сле­до­ва­тель­но, с
по­мо­щью груп­по­вого
пред­ста­ви­тель­ства в вер­хов­ных
ор­га­нах вла­сти. Сво­им иде­алом
Ге­гель счита­ет
кон­сти­ту­ци­он­ную мо­нар­хию,
вы­ра­жа­ю­щую за­вер­ше­ние
аб­со­лю­т­ной иде­и пра­ва.

ГЕРЦЕН Александр

Иванович (1812–1870) —
пи­сатель, публи­цист, фи­ло­соф,
ре­во­лю­ци­онер-де­мо­крат. С его
име­нем свя­зана раз­ра­ботка
проб­лем рус­ско­го
кре­стьян­ско­го соци­а­ли­зма.
Ос­нов­ные иде­и рус­ско­го
кре­стьян­ско­го соци­а­ли­зма
бы­ли сфор­му­ли­ро­ваны
Гер­це­ном в ра­ботах «Рос­сия»
(1849), «С то­го бе­рега» (1849),
«О раз­ви­тии, ре­во­лю­ци­он­ных
идей в Рос­сии» (1850),
«Рус­ский на­ро­ди соци­а­ли­зм»
(1851) и др.

Социалистичность как характерная черта жизни и психологии русского крестьянина виделась Герценом в уникальности существующей сельской общины, городской артели и самобытной воинской организации казачества. Община, способная к развитию и обеспечивающая свободное развитие личности, мыслилась как основание, зародыш будущего общества. Позже, обосновывая роль общины в некапиталистическом пути развития России, Герцен скажет, что Европа пойдет «пролетариатом к социализму, мы — социализмом к свободе». В конечном счете идея «русского социализма» сводилась к формуле: «человек будущего России — мужик, точно так же, как во Франции работник». В общине виделась та социальная структура,

которая может связать настоящее и будущее страны с наименьшими «издержками» и более быстрыми темпами. Определяя республику как форму правления, Герцен подразделял ее на политическую и социальную. Политическую республику, как шаг вперед, он отождествлял с западными парламентскими демократиями, которые не являются «воплощением суверенитета народа, а только представляют его». Социальная республика — это самодержавие народа, отсутствие централизации, это «волостное правление: канцелярия общественных дел». В социальной республике будут «поверенные делегаты, но совокупность их не может представлять верховной власти, они не выше народа». Буржуазно-либеральному лозунгу «политической республики» Герцен противопоставляет идею «социальной республики»,

которая возникает на основе
социалистического пере-
устройства общества, а
требованиям политических

свобод и политического
равенства в формально-
правовом духе буржуазного
парламентариз-

ма □ идею фактического социального равенства в обществе. Раскрывая ограниченность буржуазного республиканизма, Герцен писал, что «даже край буржуазного радикализма реакционен по отношению к социализму», поскольку даже самые прогрессивные из радикалов не решаются «коснуться эксплуатации страдающего бедного большинства богатым и угнетающим меньшинством». В целом представления Герцена о социализме не получили законченного оформления. В его взглядах с уди-

вительной причудливостью переплелись идеализация общины, вера в созидательную силу передовой интеллигенции, надежда на преобразующую миссию русского царя, отрицание и неприятие крови и страданий революционного переворота. Прекрасный пропагандист социалистических идей, яростный противник мещанства и буржуазности, Герцен заложил основы народничества, которые, по меткому замечанию М.А. Бакунина, можно назвать мирным,

нереволюционным
социализмом.

ГОББС Томас

(1588–1679) – англ-
лийский философ и
политический
мыслитель.

Гоббс определял
государство как
«искусственное тело»,
продукт человеческой
деятельности, а не
божественное
установление.

Государство, по
мнению философа,
возникло на основе
«общест-венного
договора» из
«естественного
состояния», когда люди
жили разобщенно и
находились в состоянии
«войны всех против
всех». В результате
общественного
договора права
отдельных граждан,
добровольно
ограничивающих свою

свободу, были перенесены на государя (или государственные органы), на которого была возложена функция охраны мира и обеспечения благополучия граждан.

По мнению Гоббса, общественный договор приводит к образованию общества и государства одновременно.

Общественный договор представляет собой объединение каждого с каждым; это своего рода договор объединения, посредством которого масса, толпа превращается в организованное общество и образует единое лицо.

Так возникает государство — новое лицо, «воля которого в силу соглашения многих людей счи-

тается за волю их всех, с тем, чтобы государство могло распоряжаться силами и способностями отдельных членов в интересах общего мира и защиты».

Гоббс называет государства, возникающие в результате добровольного соглашения, основанными на установлении, или политических государствами. Строение государства он уподоблял устройству живого организма: суверена — душе государственности, тайных агентов — глазам государства и т.д. Гражданский мир сравнивался им со здоровьем, а мятежи, гражданские войны — с болезнью государства,

влекущей за собой его
распад и гибель.

В основном своем
труде «Левиафан, или
Материя, форма и
власть государства
церковного и
гражданского» (1651)

Гоббс исследовал
проблемы государства и
политической власти.

ГОУЛД Филипп □
британский специалист
в области стратегии
избирательных
кампаний.

ДАЛЪ Роберт Алан (1915) □ видный представитель американской политической науки. В ряде получивших мировую известность книг, таких как «Введение в демократическую теорию» (1956), «Современный политический анализ» (1964), «Политические оппозиции в западных демократиях» (1966), «Дилеммы плюралистической демократии» (1982), Даль рассматривает проблемы трансформации политических систем, предпосылки демократии, соотношение понятий свободы, равенства и демократии.	Всеобщий интерес вызвала разработанная Далем в середине 50-х гг. концепция полиархии, интерпретируемая как действительность, отличная от демократического идеала, но все же предоставляющая гражданам возможность политического участия, а группам и лидерам — возможность открытого соперничества в борьбе за власть. Полиархия — особый тип режима правления в современном обществе, который отличается от других политических режимов наличием двух характерных черт: относительно высокой
---	---

терпимостью к оппозиции и от-носительно широкими возможностями влияния на поведение правительства, включая устранение должностных лиц мирными средствами. Теория полиархии получила развитие в работах Даля «Полиархия. Участие и оппозиция» (1971) и «Демократия, свобода и равенство» (1986).

ДАНИЛЕВСКИЙ

Николай Яковлевич (1822□1885) □ философ, публицист, естествоиспытатель. В 1865г. он начал писать труд, принесший ему впоследствии известность, — «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому» (1869□1871).

Данилевский — создатель оригинальной философско-исторической системы, получившей впоследствии в научной литературе наименование «теория культурно-исторических типов». Эта теория стала предтечей концепции локальных цивилизаций О. Шпенглера и А. Тойнби. Данилевский разделяет все народы на три основных класса: позитивных творцов истории, создавших великие цивилизации, или культурно-исторические типы; негативных творцов истории, которые, подобно гуннам, монголам и туркам, не создавали великих цивилизаций, но как

«божий кнут» способствовали гибели дряхлых умирающих цивилизаций; и, наконец, народы, творческий дух которых по какой-то причине задерживается в своем развитии на ранней стадии, и поэтому они не могут стать ни созидательной, ни разрушительной силой в истории. Они представляют собой этнографический материал, используемый творческими народами для оплодотворения и обогащения своих цивилизаций.

В работе «Россия и Европа» Данилевский насчитывает десять «полноценных» культурно-исторических типов: 1) египетский; 2) китайский; 3) ассирийско-вавилонско-финикийско-халдэйский (древнесемитский); 4) индийский; 5) иранский; 6) еврейский; 7) греческий; 8) римский; 9) новосемитский (аравийский) 10) романо-германский (европейский). По его убеждению, нарождающийся один-

надцатый культурно-исторический тип — славянский — более высокий, чем все предыдущие.

Отвечая на вопрос о причинах враждебного отношения Европы к России и славянству, Данилевский видит их в том, что Европа уже вступила в период упадка, в то время как славянская цивилизация входит в период расцвета своих творческих сил. Если европейская цивилизация оказалась двусоставной — творческой в двух областях (политической и научной), то русско-славянская будет трех- или даже

четырёхсоставной — творческой в четырех областях (религиозной, научной, политико-экономической и эстетической, причем главным образом в области социально-экономической путем создания нового и справедливого социально-экономического порядка).

В центре геополитической концепции Данилевского были: идея славянства как высшая идея, отстаивание славянской независимости и самобытности, Россия как «солнце славянства». Согласно Данилевскому, в мире должна появиться Всеславян-

ская федерация с центром в Константинополе, который мог стать «третьим Римом» в образе «славянско-православного Рима». Проектируемое Данилевским политическое объединение включало только два славянско-православных государства — русскую Империю и Королевство Болгарское, одно славянско-католическое (Королевство Чехо-Мораво-Словацкое) и одно югославское государство, соединяющее обе конфессии (Королевство Сербо-Хорватско-Славянское). Кроме того, в союзе оказались православ-

ные, но не славянские Королевство Румынское и Королевство Эллинское, а в довершение всего — ни славянское, ни православное Королевство Венгрия — просто в силу его географического положения и некоторых особенностей исторического развития.

ДАРЕНДОРФ Ральф

(1929) □ немецкий политолог и социолог, один из ведущих теоретиков современного либерализма.

В своих работах «Класс и классовый конфликт в индустриальном обществе» (1959), «Конфликт и свобода» (1972) Дарендорф разрабатывает теорию социальной стратификации и теорию конфликта.

Причину формирования конфликтных групп в обществе он видит в отношениях господства и подчинения. Господство определяется как возможность добиться послушания данной группы людей определенному приказу. Центральным понятием в политической и социальной теории Дарендорфа является конфликт. Именно в нем видит ученый творческое начало и основу развития всякого общества и шанс обретения свободы. Социальные

конфликты обусловлены, по мнению Дарендорфа, структурой «социальных позиций и ролей», делением на правящих и управляемых в «императивно управляемых ассоциациях», под которыми понимаются все формы асимметричного распределения власти, будь то государство, политическая партия, церковь и т.д. Р. Дарендорф полагает, что: 1) каждое общество изменяется в каждой своей точке, социальные изменения вездесущи; 2) каждое обще-

ство в каждой своей точке пронизано рассогласованием и конфликтом, социальный конфликт вездесущ; 3) каждый элемент в обществе вносит свой вклад в его дезинтеграцию и изменение; 4) каждое общество основано на том, что одни члены общества принуждают к подчинению других. По мнению Дарендорфа, «кто умеет справиться с конфликтами путем их признания, тот берет под свой контроль ритм истории. Кто упустит эту возможность, получает ритм себе в противники». С его точки зрения, социальный конфликт

— результат сопротивления существующим во всяком обществе отношениям господства и подчинения. Подавление конфликта ведет к его обострению, а «рациональная регуляция» — к «контролируемой эволюции».

ДОЙЧ Мортон — американский исследователь проблем конфликтологии, профессор Йельского университета.

ДЮВЕРЖЕ Морис (1917) □ французский социолог и политолог, специалист в области политической социологии.

Мировая известность пришла к Дюверже после выхода книги

«Политические партии» (1951). В ней рассматривались структурно-организационные основы партий, особенности их становления и развития как институционализированных общностей, впервые в политологии был поставлен вопрос о взаимосвязи партийной, парламентской и избирательной систем. Дюверже были сформулированы «три социологических закона взаимосвязи избирательных и партийных

систем. Их содержание сводится к следующим положениям: 1) пропорциональная избирательная система обуславливает возникновение многопартийной системы, характеризующейся существованием автономных партий с жесткой внутренней структурой; 2) абсолютная мажоритарная избирательная система порождает партийную систему, в которой партии занимают гибкие позиции и стремятся к взаимному компромиссу; 3) относительная мажоритарная избирательная система влияет на формирование двухпартийной системы. Дюверже неоднократно консультировал правительства некоторых стран по

проблемам конституционного права и избирательной борьбы. Награжден орденами Франции, Мексики и Греции. Основные работы Дюверже: «Политические партии» (1951), «Идея политики. Применение власти в обществе» (1966), «Янус. Два лика Запада» (1972), «Социология политики: элементы политической науки» (1973).

ИЛЬИН Иван Александрович
(1882–1954) — крупнейший религи-

озный мыслитель XX в. Он был «человеком разно- и многосторонним: оратором, лектором, педагогом, публицистом и редактором; ученым-исследователем — философом, правоведом, государствоведом, а также искусствоведом, литературоведом и историком; задолго до появления этих терминов, он был россиеведом и советоведом»

(Полторацкий Н.П. Иван Александрович Ильин: Жизнь, труды, мировоззрение. Teneflay, 1989, С. 19).

В основе политической доктрины Ильина — учение о власти как многомерном явлении.

Источником его представлений о власти является гегельянство, трактующее власть как волевое отношение.

Вслед за Гегелем русский мыслитель полагает, что «волевая сила» является родовым признаком или сущностным началом власти.

Волевая сила "подразумевает способность волевого воздействия и влияния одного политического субъекта на другой и на ход политических событий в желаемом направлении. Волевой характер воздействия отличает

политическую власть от физической силы тем, что способ ее воздействия имеет внутренний, духовный аспект, так как воля является функцией душевно-духовной деятельности человека, хотя Ильин в порядке исключения допускал насилие в качестве крайней меры сопротивления злу, в том числе и в политической сфере общества.

Политическую власть, считает Ильин, от других видов власти отличает то, что она является «правовой силой», т.е. она социально сосредоточена и юридически организована. Природа политической власти

определяет объем ее распространения на общество: «...все творческие состояния души и духа, предполагающие любовь, свободу и добрую волю, *не подлежат ведению государственной власти* и не могут ею предписываться». Договорной и добровольный принцип отношений между государством и обществом, лежащий в основе политической философии Ильина, предполагает определенную степень свободы

общества и личности, распространяющуюся на творческую активность людей в любой из духовных сфер — научной, религиозной, художественной, от государства. Объем власти определяется способом властвования. Власть, основанная исключительно на принуждении, выражает способность одного политического субъекта принудить другого совершить те или иные действия. Если власть устанавливается силой, т.е. принуждением, то граница между государством и обществом может исчезнуть. Это происходит в силу того, что государство, наделяя себя правом проникать повсюду, организует не только общественную жизнь людей, но

предписывает и запрещает и в частной сфере, что в корне противоречит исходному принципу теории естественного права, основанному на нравственных началах справедливости и соблюдения духовного достоинства каждого из подданных государства. Поэтому единственная правильная, наиболее приемлемая и целесообразная форма властвования, по Ильину, состоит «не в мече, а в *авторитетном влиянии ее волевого императива*». Ильин — идеолог неомонархизма.

Монархический идеал (по Ильину) не обязательно должен быть воплощен для всех стран и народов, так как основу монархии составляет определенный уклад нации, ее правосознание. Те народы, у которых эти качества разрушены или отсутствуют, не способны воспринять монархию как высший политический строй. Для России после крушения коммунизма Ильин считал необходимым найти разумное сочетание монархических и республиканских предпочтений с аристократи-

ческим, ведущим слоем «национальной диктатуры».

Основные труды И.А. Ильина — «Понятие права и силы: опыт методологического анализа» (1910), «Учение о правосознании» (1919), «О сопротивлении злу силою» (1925), «Наши задачи» (1956).

ИСТОН Дэвид (1917)

□ один из ведущих американских политологов.

Основной вклад Истона в политическую науку связан с адаптацией и применением принципов и методов системного анализа к изучению функционирования политических систем, а также с исследованием

проблем политической социализации.

Истон акцентирует внимание на том, что политическая система — это не простое взаимодействие ее структур, а постоянно изменяющаяся, функционирующая, динамичная субстанция. Ученый задается вопросом о роли различных структур в поддержании непрерывного функционирования политической системы.

Истон определяет политическую систему как взаимодействия, посредством которых в обществе осуществляется распределение ценностей и на этой почве предотвращаются

конфликты между членами общества.
Рассматривая любую политическую систему с точки зрения функционирования, он использует кибернетический принцип замера показателей функционирования на «входе» и на «выходе» системы. На «входе» — это запросы и потребности граждан, а на «выходе» — решения и действия властей.

Основные работы Д. Истона — «Политическая система» (1953), «Концептуальная структура для поли-

тического анализа» (1965), «Системный анализ политической жизни» (1965).

КАНТ Иммануил
(1724□1804) □

родоначальник немецкой классической философии.

Свои политико-правовые воззрения Кант изложил в трактатах: «Идеи всеобщей истории с космополитической точки зрения», «К вечному миру», «Метафизические начала учения о праве». Краеугольный принцип социально-политических воззрений Канта состоит в том, что каждое лицо обладает совершенным достоинством, абсолютной ценностью. Человек — субъект нравственного

сознания, в корне
отличный от
окружающей природы,
— в своем поведении
должен ру-
ководствоваться
велениями нравст-
венного закона. Закон
этот априорен, не
подвержен влиянию
никаких внешних
обстоятельств и потому
безусловен. Кант
называет его
«категорическим
императивом». Он
гласит: «Поступай так,
чтобы максима твоего
поведения могла быть
вместе с тем и
принципом всеобщего
законодательства». Или

иными словами:
поступай так, чтобы ты
относился к человече-
ству и в своем лице, и в
лице любого другого
как к цели и никогда
только как к средству.
Совокупность условий,
ограничивающих
произвол одного по
отношению к другим
посредством объектив-
ного общего закона
свободы, Кант называет
правом. Всякое право
должно выступать как
право принудительное.
Сообщить праву столь
нужное ему свойство
способно лишь
государст-

во — исконный и первичный носитель принуждения. По Канту, оказывается, что государственность вызывают к жизни и ее бытие оправдывают в конце концов требования категорического императива. Выдвижение и защита Кантом тезиса о том, что благо и назначение государства — в совершенном праве, в максимальном соответствии устройства и режима государства принципам права, дали основание считать Канта одним из родоначальников концепции правового государства. Заимствованную у Ш.Л. Монтескье идею разделения властей в

государстве Кант не стал толковать как идею равновесия властей. По его мнению, всякое государство имеет три власти: законодательную (принадлежащую только суверенной «коллективной воле народа»), исполнительную (сосредоточенную у законного правителя и подчиненную законодательной, верховной власти), судебную (назначаемую властью исполнительной). Субординация и согласие этих трех властей способны предотвратить деспотизм и гарантировать благоденствие государства.

КАССИРЕР Эрнст

(1874–1945) □

немецкий философ. В

центре его научного творчества — проблемы философии лингвистики, мифологического мышления, искусства, философии истории и политики. Кассирер одним из первых обратил внимание на то, что европейские идеалы свободы и равенства терпят поражение от врага, казалось бы, навсегда побежденного и отошедшего в область истории — от мифа, с его иррациональной властью над сознанием человека. Всплеск

идеологического мифотворчества, разгул мистицизма, тоталитарных ритуалов □ все это, по мнению философа, есть отступление логоса культуры перед первобытным хаосом, распад рационального мышления и возрождение архаического менталитета. Для Кассирера политический миф есть страшная актуализация латентных, скрытых до поры до времени слоев культуры. Основные труды Э. Кассирера — «Философия символических форм» (1923-1929), «Язык и миф» (1925), «Логика гуманитарных наук» (1942).

КИСТЯКОВСКИЙ

Богдан Александрович
(1868 □ 1920) □ русский юрист, правовед.

Одна из главных тем творчества Кистяковского — правовое государство, которое он считал высшей формой государственной, выработанной человечеством. Суть правового государства, по Кистяковскому, — ограниченность власти признанием за личностью неотъемлемых, неприкосновенных прав. Наиболее характерными признаками правового государства являются: безличность и абстрактность власти, ее престиж, обаяние, авторитет, традиция,

привычка, сила, нравственное оправдание. Последнее — главный признак власти, закрепленный в правовых нормах. Отсюда следует вывод о том, что правовая идея, связанная с нравственным оправданием это идея должного. И главная проблема состоит в приведении фактических реальных общественных отношении в соответствие с идеей должного, т.е. с правовой идеей. Основным содержанием правовой идеи выступает свобода. По мнению

Кистяковского, неосвоенность комплекса правовых идей русской интеллигенцией — причина того, что она полностью упустила из виду правовую природу конституционного права и тем самым продемонстрировала свое правовое убожество. Поскольку, как считал Кистяковский, правосознание народа отражается в его способности создавать организации и вырабатывать для них известные формы, постольку убожество правосознания, низкий уровень правовой и политической культуры приводят к примитивному толкованию

права как чисто нормативных актов, а воплощением подобного толкования права является полицейское государство. Не случайно, отмечал Кистяковский, государство в русском понимании — это всеохватывающее государство. Но такое государство — отклонение от должного. Воплощением же должного Кистяковский считал правовое государство, которое, с одной стороны, ограничено правами личности, а с другой — обеспечивает их соблюдение. В правовом государстве народ и государство разделены не как нечто чуждое друг другу, а как

стороны, основой взаимного существования которых являются общие интересы.

Основные работы Кистяковского — «Государство правовое и социалистическое» (1905), «Социальные науки и право» (1916).

КОНФУЦИЙ

(551–479 гг. до н. э.) — великий китайский мыслитель.

Политические и этические воззрения Конфуция изложены в книге «Лунь юй» («Беседы и высказывания»), составленной его учениками. Во II в. до н. э. конфуцианство было

признано в Китае официальной идеологией и стало играть роль государственной религии. На протяжении многих веков эта книга оказывала и оказывает заметное влияние на мировоззрение и образ жизни китайцев.

Политическое учение Конфуция исходит из того, что идеальное правление государством должно опираться на мораль, в частности, на такие этические понятия», как «взаимость», «золотая середина» и «человеколюбие». Эти понятия составляют «правильный путь» (дао), которому должен следовать каждый, кто желает жить в согласии с самим собой и с другими людьми. «Благородные мужи» (правители) должны

проявлять заботу о своих подданных, воспитывать их силой собственного нравственного примера.

Благородными Конфуций считал тех, кто в своей жизни следует моральным заповедям: будь требователен к себе, живи в согласии с другими, в делах своих следуй долгу и закону и т.д.

Китайский мыслитель развивал патриархально-патерналистскую концепцию государства.

Государство, по Конфуцию, представляет собой большую семью, где

правитель («сын неба»)

□ это отец, а подданные □ его сыновья. Основная добродетель подданных состоит в преданности правителю, в послушании и почтительности ко всем «старшим».

Древнекитайский философ разрабатывает концепцию идеального человека (цзюнь-цзы), благородного не по своему происхождению, а благодаря воспитанию и самосовершенствованию. Конфуций считает, что этот человек должен обладать в первую очередь гуманностью, любовью к людям (жень), быть справедливым, верным,

искренним, всегда стремиться к знаниям, с особым почтением относиться к родителям и старикам вообще. Мыслитель формулирует закон идеальных отношений между людьми в семье, обществе, государстве, выражая его принципом: «Чего не пожелаешь себе, того не делай другим».

КРОПОТКИН Петр

Алексеевич

(1842–1921) — ученый, путешественник, видный революционер-народник, крупнейший идеолог анархизма конца XIX — начала XX в.

В 1872 г. Кропоткин присоединился к народническому кружку «чайковцев».

За революционную агитацию и пропаганду был арестован, затем совершил побег из тюремного госпиталя, четыре десятилетия провел в эмиграции (возвратиться в Россию ему удалось лишь в 1917 г.). В период эмиграции Кропоткин создал свои основные произведения: «Речи бунтовщика» (1885), «Хлеб и воля» (1892), «Взаимопомощь как фактор эволюции» (1902), «Записки революционера» (1902), «Современная наука и анархия» (1913). Теория анархизма Кропоткина — связующее звено между классическим анархизмом XIX в. и анархизмом XX в. Без

учения о государстве и праве Кропоткина (как и учений Штирнера, Прудона, Бакунина) невозможно достаточно полно представить сильные и слабые стороны анархизма в целом, его критической и позитивной проблематики.

В теории анархокоммунизма Кропоткина четко выделяются три основные группы проблем: теоретическое обоснование социализма; разработка проблем анархокоммунистического

идеала; вопросы путей, форм и средств достижения идеала, т.е. теория социальной революции. Наиболее типичными чертами анархизма коммунизма Кропоткина были беспощадная критика буржуазного общества и пропаганда его революционного преодоления, убежденность в необходимости скорейшего после революции утверждения свободного федеративного самоорганизующегося коммунистического общественного строя. В качестве основополагающих принципов отношений между людьми выдвигались взаимопомощь и гуманизм. Взглядам Кропоткина были присущи характерные

для всего анархизма
негативное отношение
к любой
государственной влас-
ти, законодательству,
ориентация на скорую
предстоящую замену
государства
различными
общественными ор-
ганизациями и
союзами.
Кропоткин, в
сравнении со своими
предшественниками,
гораздо больше сил,
времени и внимания
уделял разработке
проблем идеала
будущего
безгосударственного
общества. Он
изображает свой
общественный идеал
следующим образом:

«Освобождение
производителя от ига
капитала.
Коммунальное
производство и
свободное потребление
всех продуктов
совместной работы.
Освобождение его от
ярма правительства.
Свободное развитие
индивидов в группах и
групп в федерациях.
Свобода организации от
простых до сложных
сообразно взаимным
нуждам и традициям.
Освобождение от
религиозной морали.
Свободная мораль, без
принуждения и санкции,
развивающаяся из самой
жизни общества и
переходящая в
состояние обычая».

Важное место в политической концепции Кропоткина занимает его учение о федерализме.	федерация в учении Кропоткина(как и у Бакунина) — универсальное средство осуществления
В истории человеческого общества Кропоткин различал несколько видов федерализма: федерации и конфедерации родов и племен у дикарей и варваров; федерации вольных городов, деревень и общин в средние века; современные ему государственные федерации и будущие безгосударственные федерации.	всеобщей свободы «снизу доверху»: индивидуальной, групповой, профессиональной, областной, национальной и т.д. Но, в отличие от Бакунина, Кропоткин не был склонен разрабатывать детальные федеративные проекты с подробной регламентацией структуры, прав и взаимоотношений отдельных звеньев федерации. Его идеал — абстрактная «свободная
Кропоткин полагал, что государственный федерализм есть переходная форма к безгосударственному строю. Анархическая	федеративная группировка от простого к сложному»,

которая могла бы наполняться различным содержанием в разных условиях.

ЛЕБОН Гюстав

(1841 □ 1931) □

французский социолог, социальный психолог и публицист.

В своей работе

«Психология народов и масс» ученый

сформулировал одну из первых концепций

массового общества:

отождествляя массу с

толпой, он пророчил

наступление «эры

масс» и следующий за

этим упадок ци-

визации. В толпе, по

мнению Лебо-

на, индивиды

утрачивают чувство от-

ветственности и

оказываются во власти

иррациональных

чувств, нетерпимости,

всемогущества, так как

ими управляет закон

«духовного единства

толпы».

ЛЕЙПХАРТ Аренд □

американский

политолог, специалист

в области

сравнительных

политических иссле-

дований. Автор книг

«Демократия в

многосоставных

обществах» (1977),

«Демократии: типы

мажоритарного и

консенсусного

правления в двадцати

одной стране» (1984) и

др.

ЛЕНИН (Ульянов)

Владимир Ильич

(1870 □ 1924) —

организатор, теоретик и

лидер коммунистического (большевистского) движения в России, основатель Советского государства, председатель Совета Народных Комиссаров (октябрь 1917 — январь 1924 гг.). Англо-американская социальная энциклопедия включает его в «первую десятку» выдающихся личностей мировой истории. Ленин рассматривал политику как область взаимоотношения между классами и как искусство подчинения их интересов задаче подготовки про-

летарской революции. По его мнению, для ускорения ее начала необходимо активное воздействие передовой революционной организации на ход социально-исторического прогресса. Цель партии — «просветить» и «организовать» рабочий класс и другие эксплуатируемые классы для борьбы с буржуазией, установить диктатуру пролетариата и обеспечить переход сначала к социализму, а потом, заменив ее социалистической демократией,

— к коммунизму, т.е. к бесклассовому обществу.

Положения о диктатуре рабочего класса, о пролетарской

демократии, о соотношении коммунистической партии и советского государства, об экономических функциях такого государства, его территориальном единстве, внешней политике образуют костяк ленинского учения о социалистической государственности. Однако чересчур долгой жизни Ленин этой государственности не прочит. Он как правверный марксист стоит за отмирание государства: «...по Марксу, пролетариату нужно лишь отмирающее государство, т.е. устроенное так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать». Ленин

неоднократно повторяет эту мысль:

«...пролетарское государство сейчас же после его победы начнет отмирать, ибо в обществе без классовых противоречий государство не нужно и невозможно».

Разумеется, окончательное отмирание государства Ленин увязывает с выполнением ряда высоких социально-экономических и общекультурных условий. Но сама идея отмирания государства остается в марксизме-ленинизме незыблемой и сугубо важной.

Ленин — оригинальный интерпретатор политической доктрины марксизма в новых исторических условиях XX в. В отличие от К. Маркса, писавшего о

необходимости
одновременной победы
пролетариата во всем
мире или наиболее
развитых странах,
Ленин выдвинул идею
возможности прорыва
цепи
империалистических
государств в ее
наиболее слабом звене.
В своей работе
«Империализм как
высшая стадия
капитализма» Ленин

доказывал, что
капитализм вступил в
высшую и последнюю
стадию своего развития
- империализм,
свидетельствующую о
начале его конца и
кануне
социалистической
революции. По его
мнению, «загнивающий
и монополистический
капитализм» создал
международный рынок,
разделение труда и
производительные силы,
тем самым подготовив
условия для социалисти-
ческого переворота.
Мировая война, в случае
ее превращения в
гражданскую,
направленную против
своих правительств,
могла стать катализа-
тором гибели
империализма. Ленин
полагал, что именно
Россия — самое слабое
звено в цепи

империализма -начнет мировую революцию. Как полагал Н.А. Бердяев, «в Ленине соединились традиции русской революционной интеллигенции в ее наиболее максималистских течениях и традиции русской исторической власти в ее наиболее деспотических проявлениях». Основные работы В.И. Ленина: «Что делать?» (1902), «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916), «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи

пролетариата в революции» (1917), «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (1918), «Детская болезнь левизны в коммунизме» (1920).

ЛЕОНТЬЕВ

Константин

Николаевич (1831 — 1891) — известный русский мыслитель консервативного направления. Оценки Леонтьева в литературе: «Кромвель без меча», «диктатор без диктатуры», «политический Торквемада», «более Ницше, чем сам Ницше», «самый острый ум, рожденный

русской культурой в XIX веке» (П.Б. Струве). В качестве концептуальной основы исследования Леонтьев предложил универсальный закон триединого процесса развития. По его мнению, любая вещь, любое явление от космического тела до человеческой цивилизации в своем существовании проходит три стадии: «1. Первичная простота; 2. Цветущее объединение и сложность; 3. Вторичное смесительное упрощение, свойственное точно так же, как и всему существующему,

и жизни человеческих обществ, государствам и целым культурным мирам». На первом этапе общество характеризуется неразвитостью и дискретностью, затем необходимая боль, сопровождающая рождение более сложного социума, символизирующая накопление формотворческой энергии, усиливается. Через боль общество вступает в пору «цветущей сложности», буйства красок и обособления формы. Впоследствии боль утихает, зла и притеснений становится меньше, люди делаются

свободнее, но ткань общественного организма расползается, наступает упадок, стертость некогда ярких красок и обыденность причудливых ранее очертаний. Развитие государства, согласно леонтьевскому закону «первичной простоты, цветущей сложности и вторичного смесительного упрощения», выглядит следующим образом: сперва совершается обособление свойственной ему политической формы, затем наступает период «наибольшей сложности и высшего единства», а после происходит падение государства. Государства живут не более тысячи —

тысячи двухсот лет. Вслед за французским историком Гизо, отсчитав европейскую государственность от IX в., Леонтьев пришел к выводу, что Европа уже подошла к роковой черте своей истории, она уже одряхлела, изжила свое прекрасное в прошлом разноцветье, сделалась однообразно демократической и неумолимо идет к закату. Анализируя развитие государственности, Леонтьев считал, что на начальной стадии, как правило, превалирует аристократическая форма; на стадии цветущей сложности «является склонность к единоличной власти (хотя бы в виде сильного президентства, временной диктатуры, единоличной демагогии

или тирании, как у эллинов в их цветущем периоде), а к старости и к смерти воцаряется демократическое, эгалитарное и либеральное начало». Формула сильного государства — диктатура, жесткая централизация, слабого же и умирающего — уравнение, «демократизация жизни и ума». Особенность России Леонтьев осознавал и декларировал через концепцию византизма. Основание России (по Леонтьеву) составили три исходных начала: византийское православию, византийское

самодержавие и византийские нравы. В отличие от славянофилов Леонтьев считал государственное начало в России более самобытным, чем общественно-народное. Политическим кредо Леонтьева могли бы стать слова Данилевского: «Если дерево начало расти криво, то, чтобы его выпрямить, надо насильственно перегнуть его в противоположную сторону». «Леонтьев — выдающийся представитель великой контрреволюции XIX в., которая защищала качество от количества; даровитое меньшин-

ство от бездарного большинства; яркую мысль от серой массы; дух от материи; природу от техники; истину от рекламы и пропаганды; творческую свободу от плутократии и бюрократии...» (И.П. Иваск).

Основные работы Леонтьева: «Восток, Россия и славянство» (1885—1886), «Национальная политика как орудие всемирной революции» (1889).

ЛОКК Джон (1632—1704) — английский философ и политик, родоначальник либерализма. Возражая против учения Т. Гоббса об абсолютном, неограниченном характере государственной власти, Локк доказывал, что основной обязанностью государства, возникшего на основе договора, является соблюдение «естественного права», защита личной свободы и частной собственности граждан.

В работе «Два трактата о государственном правлении» (1690) Локк рассматривает широкий комплекс проблем государства и гражданского общества, политических свобод, законности, собственности и др. Государство, по Локку, получает от людей ровно столько власти, сколько необходимо для

достижения главной цели политического сообщества □ реализовать свои гражданские идеи и прежде всего право владеть собственностью. В государстве никто и ничто не может находиться вне подчинения законам и законности. Локк предвосхитил идею правового государства. По его мнению, именно закон является главным инструментом сохранения и расширения свободы личности, «Там, где нет за

конов, там нет и свободы». Локк полагал, что нельзя достичь блага всех, если не обеспечить посредством законов свободы каждому.

Поддержание режима свободы, реализация «главной и великой цели» политического сообщества непременно требуют, по Локку, чтобы публично-властные полномочия государства были четко разграничены и поделены между разными его органами.

Полномочие принимать законы (законодательная власть) полагается только представительному учреждению всей нации — парламенту.

Компетенция претворять законы в жизнь (исполнительная власть) подобает мо-

нарху, кабинету министров. Их дело ведать также сношениями с иностранными государствами (отправлять фе-деративную власть). Имея в виду не допускать узурпации кем-либо всей полноты государственной власти, предотвратить возможности деспотического использования этой власти, Локк наметил принципы связи и взаимодействия «отдельных ее частей». Эти воззрения английского мыслителя о дифференциации, принципах

распределения, связи и взаимодействий отдельных частей (слагаемых) единой государственной власти легли в основу рождавшейся в XVII в. доктрины конституционализма.

МАКИАВЕЛЛИ

Никколо (1469 □ 1527)

— итальянский политический мыслитель.

В работах «Государь» (1513), «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» (1519), «История Флоренции» (1532) он резко выступает против средневековой концепции боже-

ственного
предопределения
государства и
политики, выдвигая
идею объективной
исторической
необходимости и
закономерности,
которую он называет
fortuna (судьба).
Однако судьба не
определяет фатально
все поступки людей:
«Чтобы не была
потеряна свободная
воля, можно полагать
правдой, что судьба
предопределяет по-
ловину наших
действий, а другой
половиной или около
того она предоставляет
управлять нам».

Поэтому кроме судьбы
основой политики
Макиавелли называет
virtu — личную

энергию, которая
проявляется у человека
как сила, пред-
приимчивость, доблесть.
Макиавелли вводит
новое политическое
понятие — stato
(государство). Причем
это не конкретное
государство, страна,
власть и т.д., а
политическая форма
общества в целом. В
отличие от
представлений
средневековья это
государство постоянно
меняется, а
направленность
изменений определяется
соотношением
борющихся сил —
аристократии
(дворянства) и народа.
Массы, рассуждает он,
не хотят, чтобы ими
командовали и угнетали

их, а знать, напротив, стремится властвовать и поработать народ. Формы государства Макиавелли (так же как и Аристотель) рассматривает в зависимости от числа правителей и цели государства. У него тоже есть формы *правильные* (монархия, аристократия и демократия), целью которых является благо людей и величие государства, и *неправильные* (тирания, олигархия и «распущенность»), в которых правители заботятся только о своих интересах, попирают законы. Смена форм государства происходит циклически, на основе круговорота и связывается

мыслителем не с божественной волей, а с закономерным повторением определенных ситуаций и соотношением борющихся сил. В «Государе» Н. Макиавелли пытается сформулировать правила политического искусства, которые необходимы для создания сильного государства в условиях, когда в народе не развиты гражданские добродетели. Для достижения политической цели, считает Макиавелли, допустимы все средства. Выступая как частное лицо, государь должен руководствоваться общепринятыми нормами поведения, но он может не считаться с требованиями морали, если его действия

направляются заботой о процветании и могуществе государства. «Когда речь идет о спасении родины, не следует принимать во внимание никакие соображения о том, что справедливо и что несправедливо, что милосердно и что жестоко, что похвально и что позорно, но необходимо, забыв обо всем прочем, действовать так, чтобы спасти ее существование, ее свободу». Следовательно, политику, политические деяния нельзя судить с нравственных позиций. Широкое распространение полу-

чил термин «макиавеллизм», под которым понимается модель политического поведения, пренебрегающая нормами морали для достижения политических целей. Отличительной особенностью макиавеллизма, его основанием является тезис: «цель оправдывает средства», когда ради достижения поставленных целей считаются оправданными и приемлемыми любые средства, включая вероломство, коварство, жестокость, обман политического противника.

СПРАВОЧНИК

МАККИНДЕР**Хэлфорд Джон**

(1861 □ 1947) □

британский географ и историк, теоретик международных отношений.

Первым и самым ярким выступлением Х. Маккиндера был его доклад

«Географическая ось истории», прочитанный в

Королевском географическом обществе в 1904 г. и опубликованный на русском языке только

восемьдесят лет спустя. Эта работа Х.

Маккиндера привлекла внимание как научных,

так и политических кругов мирового

сообщества, оказала

определенное влияние

на процесс выявления

перспектив

международных от-

ношений и всемирного

развития в начале XX

столетия. Однако

полностью значение

рассматриваемой

работы современникам

оценить было затруд-

нительно.

Теоретическое

построение Х.

Маккиндера

представляло собой

первую глобальную

геополитическую

модель развития

мировой системы,

которая в то время еще

не сформировалась

окончательно как

единый и целостный

феномен.

В основе модели

английского ученого

лежит геополитическая

дифференциация мира, в котором он выделил три зоны. Первая — *осевой регион*, который отождествлялся прежде всего с территорией России и прилегающих к ней земель. Соотечественник автора данной теории Дж. Фэргив в 1915 г. назвал данный регион «Хартленд» (англ. heartland, т.е. «сердцевинная земля»); этот термин прочно вошел в геополитический понятийный аппарат. Вторая зона, согласно дифференциации Х. Маккиндера, включает в себя Германию, Австрию, Турцию, Индию и Китай, т.е. главные страны, занимавшие побережье Ев-

разии на Западе, Юге и Востоке. Данный регион был назван *внутренним или окраинным полумесяцем*. И, наконец, третья зона — *внешний полумесяц*, в состав которого английский геополитик включил Британию, Южную Африку, Австралию, Соединенные Штаты, Канаду и Японию, т.е. ведущие государства морского мира.

Маккиндер выделил также так называемый *Мировой Остров*, в который он включил Хартленд и внутренний полумесяц, т.е. Евразию, а также прилегающую близко к ней Африку, за исключением ее южной части. Рассматривая поведение своей модели в динамике, ее автор сформулировал

принципиальный
геополитический
постулат: «Тот, кто
контролирует
Восточную Европу,
доминирует над
Хартлендом; тот, кто
доминирует над
Хартлендом,
доминирует над Миро-
вым Островом; тот, кто
доминирует над
Мировым Островом,
доминирует над
миром».

Свои геополитические
концепции Маккиндер
развил в книге
«Демократические
идеалы и реальность»
(1919) и в статье «
Географическая
завершенность земного
шара и обретение
мира»(1943).

МАННГЕЙМ Карл
(1893–1947) —
немецкий философ и
социолог, один из
основателей социологии
знания. Автор работ
«Идеология и утопия»
(1929), «Человек и
общество в эпоху
преобразования» (1935),
«Диагноз нашего
времени: очерки
военного времени,
написанные
социологом» (1943).

В своей работе
«Идеология и утопия»
Маннгейм подчеркнул,
что любая идеология —
это апология су-
ществующего строя,
теоретизированные

взгляды класса, поскольку также добившегося гос- стремятся «выдать часть подства и за целое» свою заинтересованного в одностороннюю сохранении статус-кво. правоту за абсолютную «Идеологиям» всегда истину. С приходом к противостоят «утопии» власти ранее — как правило, угнетаемых слоев недостаточно «утопии» автоматически теоретизированные, превращаются в эмоционально «идеологии». Маннгейм окрашенные выделяет и «духовные характеризует четыре образования», идеально-типических порожденные формы утопического сознанием сознания: оппозиционных, угне- «оргастический тенных классов, слоев хилиазм анабаптистов», и групп, стремящихся к «либерально- социальному реваншу, гуманистическую а потому столь же идею», субъективно-при- «консервативную идею» страстные, как и и «социа-листически- «идеологии». По су- коммунистическую ществу «утопии» утопию». ничем не отличаются **МАРКС Карл** от «идеологий», (1818□1883) □ немец-

кий ученый и революционер. Марксу принадлежит разработка материалистической концепции истории, которая подчеркивала решающее значение экономической сферы в жизни общества. Из философского и экономического учения марксизма вытекают особенности его политической теории. Стержнем марксистского понимания политики выступает учение о классовой борьбе, ориентация на преимущественно насильственную реализацию

классовых целей. Раскрывая содержание и формы классовой борьбы пролетариата, Маркс и Энгельс определили ее основную цель: установление диктатуры пролетариата, являющейся антиподом диктатуры эксплуататорских классов и приводящей к построению бесклассового общества, созданию условий для отмирания государства. В истории Маркс различает три периода: 1) переход от капитализма к первой ступени коммунистического общества — социализму, 2) первую (низшую) фазу коммунистического общества, 3) высшую фазу коммунизма. Анализ общественного положения классов,

слоев, социальных групп в марксизме является исходным пунктом для понимания политического поведения масс, отдельных лидеров, их интересов.

Основные работы Маркса — «Манифест Коммунистической партии» (1848, совместно с Ф. Энгельсом), «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (1852), «Критика Готской программы» (1875), «Капитал» (Т. 1–3, 1867–1894).

МЕДОУЗ Деннис Л.

□ американский кибернетик, профессор

Массачусетского технологического института, специалист в области системной динамики, член Римского клуба. Возглавлял исследовательский проект «Пределы роста. Доклад Римскому клубу» (1972).

МЕРРИАМ Чарльз

Эдвард (1874–1953) — американский ученый, один из создателей современной политической науки. Научно-педагогическая деятельность Мерриама была связана с Чикагским университетом, где с 1923 по

1940 г. он возглавлял отделение политической науки, в рамках которого сформировалась чикагская школа политических исследований. В своих работах ученый развил бихевиористский подход к изучению политических явлений. Разрабатывая новую методологию научного анализа, Мерриам обосновал необходимость междисциплинарных исследований, широкого использования количественных методов, настаивал на тесной связи политической науки с действительностью. Все эти вопросы широко освещены в его книге «Новые аспекты политики» (1925).

Ч. Мерриам стоял у истоков формирования новых направлений политических исследований, внося большой вклад в изучение феномена политической власти и теории демократии «Политическая власть: ее структура и сфера действия (1934), «Что такое демократия?» (1941), в исследование американской партийной системы и политического лидерства («Американская партийная система» (1922, совместно с Г. Госнеллом), «Четыре американских партийных лидера»

(1926), в осмысление проблем гражданского воспитания («Воспитание гражданственности в Соединенных Штатах» (1934).

МИЛЗА Пьер □ французский исследователь проблем фашизма. Автор работ «Фашизмы и реакционные идеологии в Европе. 1919-1945» (1969), «Фашизм» (1986), «Французский фашизм. Прошлое и настоящее» (1988) и др.

МИЛЛЬ Джон Стюарт (1806□1873) — английский философ-утили-

тарист, экономист, либеральный политический мыслитель, государственный деятель.

Свобода индивида □ та «командная высота», с которой Милль рассматривает ключевые для себя политические и правовые проблемы. Их перечень традиционен для либерализма: предпосылки и содержание свободы человеческой личности, свобода, порядок и прогресс, оптимальный политический строй и т.д.

Индивидуальная свобода, по мнению английского мыслителя, означает абсолютную независимость человека в сфере тех действий, которые прямо касаются только его самого. В качестве граней индивидуальной сво-

боды Милль выделяет следующие моменты: свобода мысли и мнения, свобода действовать сообща с другими индивидами, свобода выбора и преследования жизненных целей и самостоятельное устройство личной судьбы.

Свобода индивида, частного лица первична по отношению к политическим структурам и их функционированию. Это решающее, по Миллю, обстоятельство ставит государство в зависимость от воли и

умения людей создавать и налаживать цивилизованное человеческое общежитие. Государственность такова, каково общество в целом, и потому оно в первую очередь ответственно за его состояние. Главное условие существования достойного государства

— самосовершенствование народа, высокие качества людей, членов того общества, для которого предназначается государство.

В своих работах Милль обосновывает идею непосредственной причаст-

ности народа к устройству и деятельности государства, ответственности народа за состояние государственности. Чтобы избавиться от большинства, подавляющего меньшинство, Милль в работе «Размышления о представительном правлении» (1861) предлагает систему пропорционального представительства, а чтобы избавиться от подавления невеждами образованных людей — систему подачи голоса последними в нескольких избирательных округах. Все остальные должны иметь один голос. Милль пытался уравновесить два обстоятельства: широкое участие избирателей в выборах и сохранение влияния интеллектуальной, просвещенной элиты.

МИХЕЛЬС Роберт

(1876–1936) — немецкий политолог, один из основа-

телей партологии (раздела политической науки, изучающего партию как политический институт).

Известность ученому принесло исследование «Политические партии: социологическое исследование олигархических тенденций современной демократии» (1911).

Исследуя социальные отношения, Михельс пришел к выводу о невозможности прямой демократии, прямого господства масс. Следствием этого является делегирование от масс отдельных членов в специальные органы для выражения и защиты интересов. С появлением партий, представительных органов власти и др. возникают первые признаки олигархизации — отрыв властвующей верхушки от масс и превращение ее в замкнутую касту.

Михельс указывает на три главных

причины, способствующие олигархизации. Первая — узкая специализация в управлении, которая препятствует контролю за управляющим. Эта специализация, усложнение управления растут вместе с расширением организации. Вторая причина состоит в психологических свойствах самой массы — политической индифферентности, паническом страхе и тяге к сильной власти, чувстве благодарности вождю и т.п. Перечисленные свойства создают тягу к сильной власти и к подчинению ей. Третье условие олигархизации □ харизматические качества самого вождя, его способность навязывать свою волю подвластным. Совокупность причин и методов возникновения олигархической власти в любой организации Мишельс назвал «железным законом олигархизации».

МОНТЕСКЬЕ Шарль Луи

(1689–1755) — французский политический философ.

Существенным вкладом Монтескье в политическую мысль явилась разработка им проблемы совокупности факторов, определяющих «дух законов», или «образ правления», в работе «Дух законов» (1748). Он считал, что моральные и физические факторы в их совокупности непосредственно влияют на

природу и организацию различных форм правления, их стабильность и вырождение, на характер отношений между правителями и подданными.

Монтескье исследует влияние на форму правления со стороны религии, нравов, обычаев, черт характера, образа жизни, характера основных занятий, факторов географической среды и т.д. Так, он утверждает, что в жарких странах кли-

мат способствует установлению деспотической формы правления. Жара приводит к утрате мужества, малодушию народа, и он не может успешно выступать против произвола и злоупотреблений властью со стороны правителей, смиряется со своим рабским положением. Напротив, холодный климат сохраняет людям мужество, и в странах с таким климатом чаще устанавливаются республики. Умеренный климат Европы способствует установлению монархий. Среди факторов, воздействующих на формы правления,

Монтескье называл почву, ландшафт, величину страны. Так, он утверждал, что «республика по своей природе требует небольшой территории, иначе она не удержится». Монархии же по своей природе требуют территории средней величины таких размеров, как Франция, Англия, Испания середины XVIII в. Напротив, для деспотии характерны обширные размеры государства. «Чем более усиливается в каждой нации действие одной из этих причин, тем более ослабляется действие прочих». Как и другие французские философы XVIII в., Монтескье

верил в прогресс и разум. Но название книги говорит, что он шел дальше века Просвещения. Монтескье интересовали не законы, а дух законов. Мыслитель различал три вида законов: закон наций (относящийся к международным делам), закон политический (регулирующий отношения правительства и граждан) и закон гражданский (говорящий о взаимоотношениях граждан). Теория разделения властей — еще одно достижение Монтескье. Эта теория происходит из идеи «смешанного

правления», которую разрабатывали еще Аристотель и Цицерон. Впервые идея разделения властей нашла свое практическое воплощение в Англии в период правления Кромвеля. Анализируя британскую политическую систему, где в ходе естественного развития был создан механизм разделения властей, Монтескье теоретически осмыслил его. Так как политической властью, подчеркивал ученый, всегда злоупотребляют, что вытекает из природы человека, верховенство права может быть обеспечено лишь разделением властей на законодательную, исполнительную и судебную, с тем чтобы различные власти могли

взаимно сдерживать друг друга.

МОРГЕНТАУ Ганс (1904–1982) — классик американской политической науки в области международных отношений.

Моргентау — один из отцов-основателей школы «политического реализма». Его видение внешнего мира и закономерностей, им управляющих, базируется на трех постулатах: основным субъектом международных отношений является национальное государство, выражающее свои интересы в

категориях силы (т.е. они обусловлены той силой, которой он обладает); следствием этого внутренней пружиной, двигающей международные отношения, становится борьба государств за максимализацию своего влияния во внешней среде; оптимальным ее состоянием видится международное (региональное) равновесие сил, предупреждающее образование национальной или коалиционной мощи, превосходящей существующие государства и их коалиции, что достигается

(сознательно или бессознательно) политикой баланса сил. Эти идеи в наиболее систематизированном виде были изложены Моргентау в его фундаментальном труде «Международная политика», изданном в США в 1948 г. и переизданном более 20 раз. Важно отметить стремление Моргентау обосновать мысль о том, что в основе теории международной политики лежат законы политического поведения, корни которых следует искать в самой человеческой природе.

МОСКА Гаэтано (1853 □ 1941) □ итальянский экономист, социолог и политолог, один из основоположников элитистского направления в политологии. Ему принадлежит заслуга создания и разработки концепции «господствующего политического класса», которую он впервые изложил в «Теории правления и парламентского правления», а затем в книге «Правящий класс» (1896) и двухтомном труде «Основы политической науки» [Т. 2 (1896); Т. 1 (1923)]. Изучая как историю, так и современное ему общество, Моска пришел к выводу, что власть в обществе осуществляется особым

организованным
меньшинством. Это
организованное
меньшинство он
называл политическим
классом.

Осуществление власти
в обществе во многом
зависит от способа
сохранения и
воспроизводства по-
литического класса.

Анализируя структуру
и динамику правящего
класса, Моска отметил
две присущие ему
тенденции: аристокра-
тическую и
демократическую. Пер-
вая, аристократическая,
тенденция

проявляется в том, что
стоящие у кормила
власти стремятся
всячески закрепить свое
господство и передать
власть по наследству.

Наблюдается, по
выражению Моски,
«кристаллизация»
правлящего класса,
определенная
застылость форм и
методов управления,
окостенелость и
консерватизм.

Обновление элиты при
этом происходит крайне
медленно. Вторая, демо-
кратическая, тенденция
наблюдается тогда,
когда в обществе
происходят изменения в
соотношении политичес-
ких сил. Находящиеся у
власти отчасти
утрачивают свое
значение, и тогда
изменения в составе
правлящего класса
происходят путем

пополнения его рядов наиболее способными к управлению и активными представителями низших слоев общества.

Таким образом, Москва выделяет три способа, с помощью которых правящий класс закрепляет и обновляет себя:

наследование власти, выбор политического руководства и кооптацию. Любой политический класс, считал Москва, стремится к сохранению и воспроизводству своей власти путем наследования. В то же самое время в обществе

всегда есть другие политические силы, которые стремятся к власти, используя для этого систему выборов., Политические симпатии ученого склонялись к обществу, где два указанных способа обновления политического класса уравнивают друг друга.

МУРАВЬЕВ Никита Михайлович

(1796—1843) — один из идеологов и организаторов Северного общества декабристов, капитан гвардии.

Свою политическую программу Муравьев изложил в трех проектах

Конституции, последний из которых написан уже в тюрьме по требованию следственных властей, является и самым радикальным. При составлении своих проектов Муравьев изучал конституции американских штатов, а также Декларации и Конституции революционной Франции и постарался применить их революционные принципы к русской действительности. С позиций школы естественного права и теории договорного происхождения государства Муравьев осуждал абсолютную монархию, считая такую форму

правления противоестественной. «Русский народ □ свободный и независимый — не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства. Источник власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основные постановления для себя». Большим новшеством явилось провозглашение в Проекте Муравьева необходимости федерального (или союзного) правления, которое гарантировало бы согласное «сосуществование» «величия народа и свободы граждан»,

обеспечивало «благосостояние целого и частей» в государстве и избежало ситуации, при которой народы «страждут от внутреннего утеснения и бывают в руках деспота орудием притеснения и гибели соседних народов» и при которой быть свободными препятствуют «обширность земель, многочисленное войско» и др.

По проекту Муравьева все предусмотренные Конституцией гражданские и политические права устанавливаются немедленно. Проект Пестеля, предполагавший введение Верховного

правления с Диктатором во главе, Муравьев осуждал.

Расхождения между Пестелем и Муравьевым по вопросу о формах государственного устройства заключались в различных выводах относительно будущего развития России: Пестель выступал за представительную демократическую республику, а Муравьев — за конституционную монархию.

При всем обилии и разнообразии взглядов на природу и способы обновления государственного устройства России разработчики конституционных проектов и программ в декабристском движении сумели выделить и обсудить

такие существенные вопросы конституционного порядка, как пред- ставительное правление, тесная связь суда присяжных с гласностью и свободой, важность назначения чиновников под контролем общественности. По удачному обобщению А.И. Герцена, величие этих блестящих юношей из рядов гвардии, «оставивших гостиные и свои груды золота для требований человеческих прав, для протеста, для заявления» составило памятное событие истории. «Мы от декабристов получили в наследство

возбужденное чувство человеческого достоинства, стремление к независимости, ненависть к рабству, уважение к Западу и революции, веру в возможность пере- ворота в России, страстное желание участвовать в нем, юность и непочатость сил...». По образному выражению А.П. Щапова, в тайных обществах декабристов «теплился тусклый светильник конституции», и идея народного самоуправления, «еще не успевши созреть, развиться в духе народном, проникнуть

в массы, уже торжественно заявила в истории свое право».

НОВГОРОДЦЕВ**Павел Иванович**

(1866—1924) —

выдающийся русский философ, правовед, историк права, один из наиболее видных представителей либерализма.

Новгородцев

обосновывал подчиненность государства праву, выводимого из идеи должного, существующей в нравственном сознании человека.

Связанность

государства правом, понимаемым как воплощение нравственности, стоящей над государством, —одно из важнейших

положений философии права Новгородцева, выдвинутое им в противовес позитивистскому пониманию права как свода норм, указаний и предписаний, производимых государством. Эту позицию ученый называл «философией легального деспотизма».

Утверждая нравственное сознание личности как источник права, связующего государство.

Новгородцев тем самым как бы ограничивал его власть, предоставляя широкую свободу индивиду. Развивая эту идею, Новгородцев подчеркивал, что в основе правопорядка

лежат прежде всего нравственные начала, таким образом именно нравственность являлась началом, связующим государство. Однако появившиеся в то время настроения разочарования относительно правового государства, которые философ усматривал в произведениях Брайса, Острогорского, Принса и других, а также широко распространившиеся на этой почве идеи социализма и анархизма побудили его заняться феноменом, который он называл «кризисом правосознания».

Суть этого кризиса Новгородцев сформулировал как крушение «идеи земного рая». Стремление найти лучшую форму общественно-политического устройства, обеспечивающую человеку все блага и разрешающую все противоречия, он считал утопией. Крушение веры в правовое государство — это крушение утопии о высшей исторической форме человеческого общежития, которая приводит людей к высшему и последнему пределу истории. Поэтому переживаемый кризис — это кризис старых понятий, старой веры; кризис, обусловленный не-

правильной постановкой проблемы: те или иные формы человеческой жизни (и в особенности политические) рассматривались не как средство, а как цель. В действительности цель несводима к каким-то отдельным общественно-политическим формам, ибо понятие, содержание личности, из которых он исходил, значительно шире той или иной области бытия. Именно из личности, сочетающей как общественные, так и индивидуальные начала, выводил Новгородцев свою трактовку общественного идеала.

Для русского философа был неприемлем как «абсолютный индивидуализм, провозглашающий личное сознание началом и концом нравственных стремлений», а на самом деле обезличивающий и опустошающий человека, так и абсолютный коллективизм, утверждающий общество в качестве бога для человека. Именно поэтому общественный идеал виделся Новгородцевым в виде «принципа всеобщего объединения на началах равенства и свободы», или «свободного универсализма», в котором воплощаются «и равенство, и свобода, и свобода лиц, и

всеобщность их объединения». Но этот общественный идеал находит свое выражение не в каких-то конкретных воплощениях, а в бесконечном развитии и нравственном совершенствовании человека и общества.

Основные труды Новгородцева — «Кризис современного правосознания» (1909), «Об общественном идеале» и др.

ОСТРОГОРСКИЙ Моисей Яковлевич (1854—1919) □ юрист, писатель и общественный деятель. В политологии считается наряду с Дж. Брайсом и Р. Михельсом одним из «отцов партологии

(дисциплины, изучающей политические партии).

Острогорский получил образование в Петербургском университете, после окончания которого служил в департаменте министерства юстиции. Затем следует отъезд во Францию и учеба в Парижской школе политических наук, которую он окончил в 1885 г., представив диссертацию «Истоки всеобщего избирательного права».

В 1892 г. появилась первая работа Острогорского «Права женщин». Эту работу юридический факультет Парижского университета отметил премией имени Росси. В

1902 г. в Англии вышел в свет главный труд Острогорского «Демократия и организация политических партий», снискавший ему славу среди политологов Европы и Америки. В период революции 1905 г. Острогорский активно участвовал в политической деятельности, избирался депутатом I Государственной Думы. В составе делегации Думы он принимал участие в международной парламентской конференции в Лондоне.

После разгона I Государственной Думы Острогорский отошел от активной политической деятельности и уехал в США. Итогом поездки стала еще одна книга, вышедшая в свет в 1910 г., — «Демократия и партийная система в США». Основным недостатком демократического строя США и Англии является, на взгляд Острогорского, партийная организация, «партийный формализм», уничтожающий в человеке всякую волю и самостоятельность. Он полагал, что только партии, организованные на принципах свободы и независимости их членов, могут образовывать начала демократии, и только

тогда, когда демократия наполняется моральной ответственностью свободных и автономных личностей, может возникнуть жизнеспособное демократическое государство.

ПАРЕТО Вильфредо

(1848–1923) □

итальянский экономист, социологи политолог, один из основоположников теории элит.

Исходный тезис

Парето гласит: люди различаются между собой физически, морально и интеллектуально.

Совокупность индивидов, добивающихся высоких результатов в любой области, ученый называл элитой, которую подразделял на правящую и неправящую. К правящей элите относятся, по его мнению, те группы, которые прямо или косвенно принимают участие в управлении. Именно правящая элита осуществляет власть в обществе, захватывая все командные высоты. Она не допускает появления в обществе талантливых людей, угрожающих ее существованию. В циркуляции

(круговороте) элит Парето усматривает главную движущую силу общественного развития.

По Парето, существуют два главных типа элит, которые последовательно сменяют друг друга. Первый тип — «львы», для них характерен крайний консерватизм, грубые «силовые» методы правления. Второй тип — «лисы», мастера демагогии, обмана, политических комбинаций. Стабильная политическая система характеризуется преобладанием элиты «львов», напротив, неустойчивая система требует элиты прагматически мыслящих энергичных

деятелей, новаторов, комбинаторов.

Общество, в котором преобладает элита «львов», застойно.

Элита «лис» придает обществу динамизм.

Механизм социального равновесия

функционирует нормально, когда

обеспечен пропорциональный приток в элиту людей первой и второй ориентации.

Прекращение циркуляции приводит к вырождению правящей элиты с преобладанием в ней «лис», которые со временем перерождаются во «львов», сторонников жестокого подавления и деспотизма.

Власть, согласно

Парето, осуществляется

элитой одним из двух способом — при помощи силы либо с использованием хитрости и искусства «спекуляций». В своей концепции ученый отводил особое место обоснованию необходимости употребления властью силы. Сила — это проявление власти, гуманизм — признак ее слабости.

Основной труд В. Парето — трехтомный «Трактат по общей социологии» (1916). В 1920 г. вышел его сокращенный вариант «Компендиум по общей социологии».

ПАРСОНС Толкотт

(1902–1979) — один из основоположников современной социальной науки.

Ученый стоял у истоков зарождения профессиональной социологии, создания Американской социологической ассоциации, президентом которой являлся. Создатель теории действия и системно-функциональной школы в социологии.

Парсонс рассматривает общество как бесконечное множество взаимодействий людей, в котором присутствуют аспекты относительно устойчивого (структуры), имеющие определенные роли и значения (функции). Им вводится также понятие процесса — парного к понятию

структуры. Функция связывает структуру и процесс и устанавливает их значение для системы. Фундаментальным для структурно-функционального подхода Парсонса является постулирование четырех основных функциональных требований к рассматриваемой системе, которые обеспечивают ее сохранение и выживание: адаптация, целедостижение, интеграция и поддержание модели. На уровне социальной системы функцию адаптации

обеспечивает экономическая подсистема, функцию целедостижения □ политическая подсистема, функцию интеграции □ правовые институты и обычаи, функцию поддержания модели — система верований, мораль и агенты социализации (семья, учреждения образования и др.). Разработанный Т. Парсонсом структурно-функциональный метод плодотворно используется современной политической наукой. Основные работы Парсонса — «Структура социального действия»

(1937), «Социальная система» (1951), «Теория действия и человеческое существование» (1978).

ПЕСТЕЛЬ Павел**Иванович** (1793–1826)

— один из идеологов декабризма, руководитель Южного общества декабристов, полковник, командир Вятского пехотного полка. Декабристы являлись представителями радикального крыла дворянской оппозиции самодержавию, объединявшего преимущественно военную молодежь. Источниками декабристской идеологии явились идеи французских просветителей XVIII в.,

русских «вольнодумцев» конца XVIII – начала XIX в. – А.Н. Радищева, Н.И. Новикова и их последователей, а также влияние освободительного духа вольнодумства, господствовавшего в начале XIX в. в Московском университете, Царскосельском лицее, в некоторых военных учебных заведениях, где учились будущие декабристы. Большое влияние на формирование социально-политических идей декабристов оказала Отечественная война 1812 г. Не случайно они называли себя «детьми 1812 года», рас-

сма́тривая его́ как
отправную́ дату́ своего
политического
воспитания. Победа в
этой войне
способствовала́ росту
национального
самосознания в России.
Именно война 1812 г.
поставила́ перед
будущими
декабристами́ вопросы
о судьбах России и
путях ее развития.
В основу́ деятельности
Южной организации
декабристов был
положен документ под
названием «Русская
Правда», написанный
П.И. Пестелем при
участии А.П.
Юшневского,

С.И. Муравьева-
Апостола, А.П. Ба-
рятинского, В.Л.
Давыдова и др.
«Русская Правда»
Пестеля явила́ собой
одну из первых
республиканских
конституционных
программ в истории
русской политической
мысли. На становление
республиканских
конституционных
предпочтений Пестеля
сильно повлияли, по его
признанию,
комментарий Д. де
Траси к «духу законов»
Ш.Л. Монтескье, опыт
Греции, США и
Великого Новгорода.
В «Русской Правде»
намечалось 10 глав:
первая глава — о
границах государства;
вторая □ о различных
племенах, Российское
государство насе-
ляющих; третья — о

сословиях государства; четвертая — «о народе в отношении к приуготовляемому для него политическому или общественному состоянию»; пятая — «о народе в отношении к приуготовляемому для него гражданскому или частному состоянию»; шестая — обустройстве и образовании верховной власти; седьмая □ об устройстве и образовании местной власти; восьмая — об «устройстве безопасности» в государстве; девятая — «о правительстве в отношении к устройству благосостояния в

государстве»; десятая — наказ для составления государственного свода законов. Кроме того, в «Русской Правде» имелось введение, говорившее об основных понятиях конституции, и краткое заключение, содержащее «главнейшие определения и постановления, Русской Правдою учиненные». По свидетельству Пестеля, написаны и окончательно отделаны были лишь две первые главы и большая часть третьей; четвертая и пятая главы были написаны начерно, а последние пять глав вовсе не были написаны,

материал к ним остался лишь в виде черновых подготовительных отрывков.

В методологии своих исследований Пестель придерживался естественно-правовой теории и договорной концепции происхождения государства. Он исходил из предположения о естественном равенстве всех людей и взаимной тяге к общественной жизни для удовлетворения потребностей на основе разделения труда.

А.И. Герцен назвал Пестеля «первым социалистом до социализма» и считал вождя декабристов непосредственным

предшественником теории «русского социализма».

ПЕЧЧЕИ Аурелио

(1908–1984) – один из организаторов Римского клуба (неправительственной международной организации, созданной в 1968 г. для исследования глобальных проблем современности).

ПЛАТОН (437–347 до н. э.) – греческий философ и политический мыслитель.

Политические взгляды Платона изложены в диалогах «Государство».

«Политик» и «Законы».

В диалоге «Государство» Платон одним из первых

обратился к характеристике форм правления. Философом описываются несовершенные, отрицательные типы государства: тимократия, олигархия, демократия, тирания. Им противопоставляется идеальное государство — справедливое правление избранных философов-мудрецов, ибо истинное знание доступно только этим «редким людям».

Конструируя идеальное государство, Платон проводит аналогию между справедливым человеком и справедливым государством. Так, трем началам (частям) человеческой души — разумному, яростному и вожделеющему — аналогичны в государстве три схожих начала — совещательное, защитное и деловое, а им соответствуют три сословия — правителей, воинов и производителей (ремесленников и земледельцев). Справедливость состоит в том, чтобы каждое начало занималось своим делом и не вмешивалось в чужие дела. Кроме того, справедливость требует соответствующей иерархической

соподчиненности этих начал во имя целого: способности рассуждать (т.е. философам, носителям этой способности) подобает господствовать; яростному началу (т.е. воинам) — быть вооруженной защитой, подчиняясь первому началу; оба этих начала управляют началом вожделирующим (ремесленниками, земледельцами и другими производителями), которое «по своей природе жаждет богатства».

Политический идеал Платона предполагает, что личность, общество и государство

растворены в полисе. Платоновское идеальное государство мудро своими философами, мужественно — стражами, рассудительно — повиновением людей физического труда.

Сочетание добродетелей рассудительности, мужества и повиновения характеризует справедливый государственный строй.

ПОБЕДОНОСЦЕВ

Константин Петрович

(1827—1907) □

религиозный мыслитель, правовед и крупный политический деятель пореформенной России.

Победоносцев вышел из духовной семьи московского клира. Дед его был священником, а отец — профессором словесности Московского университета. По окончании в 1846 г. училища правоведения К.П. Победоносцев работает в различных правительственных учреждениях, с 1860 по 1865 г. занимает кафедру гражданского права в Московском университете. В начале 60-х гг. ему было предложено преподавать законоведение наследнику цесаревичу Николаю Александровичу и великим князьям Александру Александровичу и

Владимиру Александровичу. В 1868 г. Победоносцев назначается сенатором, в 1872 г. — членом Государственного Совета, а в 1880 г. — обер-прокурором Святейшего Правительствующего Синода (в этой должности он работал 25 лет). Победоносцев знал семь языков, им были написаны следующие произведения: «Курс гражданского права», «Ле Пле», «Московский сборник», «Историческая записка о Холмской Руси и г. Холме» и др. Издана переписка Победоносцева с Александром III и Николаем II.

До недавнего времени в отечественной литературе преобладал негативный образ К.П. Победоносцева: «русский Мефистофель», «злой рок России», «вампир России», «Кашей православия» и т.д. Консервативные монархические взгляды Победоносцева основываются на его глубокой религиозности, традиционном видении характера народоправства на Руси. Самодержавие воспринималось Победоносцевым как освященная Богом традиционная и отвечающая национальному складу русского человека власть. Она может быть

хороша или плоха, но она освящена и поэтому истинна. В системе Победоносцева негативной альтернативой самодержавию выступает парламентская демократия. Если славянофилы в середине XIX в. уделяли этой, в то время только оформлявшейся, «новомодной» системе государственного устройства сравнительно мало внимания, то для Победоносцева, очевидца в последние десятилетия прошлого века все большего ограничения монархической власти парламентами, а в ряде стран и полного торжества народо-властия в республиканской

форме, вопрос о духовной сущности и политической значимости парламентаризма стал одним из главнейших. По мнению Г. Флоровского, очень многое в критике Победоносцевым западной цивилизации «прямо напоминает контрреволюционные апострофы Э. Бёрка. Победоносцев верил в прочность патриархального быта, в растительную мудрость народной стихии и не доверял личной инициативе. Он верил в просто народ, в силу народной простоты и первобытности, и не

хотел разлагать эту наивную целостность чувства ядовитой прививкой рассудочной западной цивилизации». Н.А. Бердяев в работе «Истоки и смысл русского коммунизма» провел своеобразную параллель между Победоносцевым и Лениным: Победоносцев «был духовным вождем старой монархической России эпохи упадка. Ленин был духовным вождем новой коммунистической России». Эту мысль развивает С.Л. Франк: «Самый замечательный и трагический факт... русской политической

жизни, указующий на очень глубокую и общую черту нашей национальной души, состоит во внутреннем сродстве нравственного облика типичного русского консерватора и революционера... Русский консерватизм, который... мечтал опираться на определенную религиозную веру и национально-патриотическую идеологию, обессилил и обесплодил себя своим... неверием в живую силу духовного творчества».

ПОППЕР Карл

Раймунд (1902□ 1994) — известный английский философ, логик, социолог и политолог.

В работах «Ницета историцизма» (1944) и «Открытое общество и его враги» (1945) Поппер подверг критике такие подходы к социально-политическим явлениям, как историцизм и утопическая социальная инженерия, которые, по его мнению, способствовали появлению тоталитаризма («закрытого» общества). Историцизм для Поппера — это социально-философская концепция, настаивающая на том, что тенденции в истории общества следует рассматривать как законы или их можно вывести из всеобщих законов — из

законов психологии,
как у О. Конта и Дж. С.
Милля, или из законов
диалектического
материализма, как в
марксизме.

В сфере политической
деятельности,
подчеркивал Поппер,
принципы утопической
социальной инженерии
требуют определить
конечную поли-
тическую цель, или
идеальное государство.
Ученый отрицал идею о
том, что поиски счастья
— это законная цель
государства; он
категорически отвергал
революционные
предложения

о замене
существующего соци-
ального порядка
справедливым бес-
классовым идеальным
обществом.
Поппер разработал
оригинальную
концепцию демократии.
Раскрывая ее суть,
ученый подчеркивает,
что она очень проста и в
то же время сущест-
венным образом
отличается от веками
утвердившейся теории
демократии. Во всех
прежних теориях,
начиная с Платона,
главным вопросом
демократии был вопрос:
«Кто правит?» Поппер
же предлагает
поразмыслить над тем,
как должно быть
устроено государство,
чтобы от дурных
правителей можно было
избавиться без кровоп-
ролития и насилия.

ПШЕВОРСКИЙ Адам

□ американский политолог. Являлся одним из основных участников международного проекта «Переходы от авторитаризма к демократии», который завершился изданием в Университете Дж. Гопкинса (США) материалов в 4 томах, содержащих анализ особенностей перехода от авторитаризма к демократии в Южной Европе и Латинской Америке. Основные работы А. Пшеворско-го — «Капитализм и социал-демократия» (1985), «Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке» (1991).

РАСТОУ Д.А. □

американский политолог, один из родоначальников транзитологии (анализа и моделирования переходов от диктатуры к демократии).

РУССО Жан Жак

(1712□1778) □

СПРАВОЧНИК

французский философ, моралист и политический мыслитель. Стержнем политической теории Руссо, которую он в наиболее систематизированном виде изложил в своем главном труде «Об общественном договоре, или Причины политического права» (1762), является учение о народном суверенитете как осуществлении общей воли. Мыслитель подчеркивает отличие общей воли от воли всех: первая имеет в виду общие интересы, вторая — интересы частные и представляет собой лишь сумму изъявленной воли частных лиц. Общая воля в свою очередь выступает источником законов, мерилom справедливости и главным принципом управления. Основную задачу общественного договора Руссо видел в том, чтобы «найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает личность и имущество каждого из членов ассоциации и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде». Общественный договор — это способ интеграции общей воли. Передавая в

общее достояние свои
индивидуальные права
и свободы, каждая лич-
ность превращается в
нераздельную часть
целого. В таком
обществе нет
конфликтов,
противоречий. Коль
скоро воля гражданина
неотчуждаема, то
естественным способом
ее выражения
признается прямая
демократия.

В отличие от
большинства мысли-
телей Руссо считал
суверенитет народа
неотъемлемым и
неделимым. Народ не
может никому отдать
свое право на
самоуправление и
решение

своей судьбы.
Правительство — лишь
временный агент
суверенного народа
(как у Дж. Локка). Но у
Локка народ вручает
органам управления
власть
исполнительную,
законодательную и
судебную, а Руссо
против передачи
парламенту или кому
бы то ни было
законодательной
власти. Суверенность
должна отдаваться
общей воле народа и не
нуждается в предстavi-
тельных учреждениях.
Своим учением о
законе как выражении
общей воли и о
законодательной власти
как прерогативе
неотчуждаемого
народного
суверенитета, своей
концепцией
общественного до-

говора и принципов организации государства Руссо оказал огромное воздействие на последующее развитие государственно-правовой мысли и социально-политической практики. Его доктрина стала одним из основных идейных источников в процессе подготовки и проведения Великой французской революции.

САВИЦКИЙ Петр Николаевич

(1895-1968) — географ и экономист, идеолог евразийства. Евразийство — идейное и общественно-политическое движение

русской эмиграции 20 — 30-х гг. XX в.

Главными представителями евразийской мысли являлись Н.С.

Трубецкой (1890—1938), П.Н.

Савицкий, Л.П.

Карсавин (1882—1952), Г.В.

Флоровский (1893—1979) и др.

Евразийцы пытались обосновать развитие

России как особой цивилизации —

Евразии — нового историко-культурного и

геополитического феномена. Евразийцами

было разработано

учение об

идеократическом

государстве с

«единой культурно-государственной евразийской идеологией правящего слоя», выдвигаемого путем отбора из народа.

В 1921 г. вместе с Н.С. Трубецким Савицкий возглавил евразийское движение. На протяжении десяти лет его истории был редактором евразийских изданий, в которых ему принадлежат исследования по вопросам экономики и геополитики.

Основные работы П.Н. Савицкого — «Географические особенности России. Часть 1 -я.

Растительность и почва» (1927), «Россия — особый географический мир» (1927) и др.

САРТОРИ Джованни (1924)

— итальянский политолог. Начиная с 60-х гг. приобрел прочную репутацию одного из крупнейших специалистов

по теоретическим проблемам политологии, и, в частности, по теории демократии.

Сартори — автор ряда сравнительных исследований политических систем Италии и других стран Запада, политических институтов, политического поведения в демократических странах.

СОЛОВЬЕВ Владимир

Сергеевич (1853—1900) — религиозный философ.

Наиболее полно политико-правовые взгляды Соловьева сформулированы в «Оправдание добра (1897) и «Право и нравственность» (1897).

Своей концепцией «всеединства», Соловьев отстаивал неразрывную связь права и государства с религиозно-нравственными ценностями, с Духом Христовым. Он видел в государстве и праве необходимые

средство и форму для
осуществления «абсолютной

идеи», что не позволяло сводить право к торжеству чьих бы то ни было интересов, а государство — к грубому насилию. Таким образом, в религиозно-нравственной системе Соловьева не государство создает право, а само государство является воплощенным правом. Для того чтобы быть деятельно нравственным, государство должно иметь нравственное начало, быть свободной теократией.

К.Н. Леонтьев назвал Соловьева «самым блестящим, глубоким и ясным философом-писателем в современной Европе».

СПЕРАНСКИЙ Михаил Михайлович (1772—1839) — граф, политический мыслитель, теоретик законодательства, государственный и общественный деятель.

Оценивая деятельность М.М. Сперанского как идеолога реформ и политического

деятеля, В.В. Леонтович пишет: «Сперанский вообще мало интересовался чистыми идеями, их теоретическим обоснованием и общественной проповедью. Весь интерес его направлен был на практическое осуществление тех принципов, которые он считал правильными.

Поэтому он сосредоточивал все свое внимание на тех требованиях либерализма, которые представлялись ему

осуществимыми при данных обстоятельствах» (Леонтович В.В. История либерализма в России (1762–1914). М., 1995. С.94).

Проанализировав русскую историю, Сперанский делает вывод, что Россия вполне подготовлена к принятию конституции. Его «План государственного преобразования...» предусматривал установление в России «истинной

монархии», основанной на прочных «коренных» или «непременных» законах. «Истинная монархия» в понимании Сперанского — это не только цель, но и средство государственных преобразований. Считая государственный строй России деспотическим, Сперанский призывал Александра I к установлению конституционной монархии «сверху» путем реформ и предлагал разнообразные конституционные проекты. Их суть: 1) царь назначает аристократов-

сановников в Государственный совет (типа палаты лордов) как законосовещательный орган при императоре; 2) обязательное разделение властей: исполнительная — у Совета министров, законодательная — у Государственной думы сверху донизу (от центральной до губернской, уездной и волостной), которая должна быть выборной на основе имущественного, а не сословного ценза; 3) судебная власть — тоже сверху донизу — должна быть выборной во главе с Судебным Сенатом. Идеи Сперанского о создании выборных дум и реформе суда не были

осуществлены, ему удалось лишь преобразовать систему министерств, просуществовавших до 1917 г., и создать Государственный совет. Он начал формирование просвещенной русской бюрократии, осуществил некоторые церковные реформы, при Николае I впервые провел кодификацию русских законов, составил проект конституции Финляндии. Реализация проектов Сперанского растянулась во времени: частично их осуществил его ученик Александр II, а ограничение верховной власти «на неперменном законе» опоздало на сто

лет и было произведено только при Николае II.

СТРУВЕ Петр Бернгардович
(1870–1944) — крупный русский теоретик консервативного либерализма и практический политик — член ЦК кадетской партии, депутат II Государственной Думы. Либерализм Струве, как он неоднократно подчеркивал, основывается на философской идее индивидуализма, идее «верховой ценности личности и служебного значения социального организма».

Струве был ярко выраженным государственнымником. Его этатизм претерпел определенную и довольно значительную эволюцию. В своих

первых работах русский мыслитель в полемике с марксизмом подчеркивает, что государство является не только организацией господства (такovým «оно является в обществе, в котором подчинение одних групп другим обуславливается его экономической структурой»), но и организацией порядка. Позже он отказывается от данной трактовки, считая, что сущность государства составляет «текущее общественно-правовое отношение между людьми».

В 1908 г. Струве приходит к признанию особой, мистической сущности государства. Он пишет, что мистичность государства заключается в том, что власть государства над людьми обнаруживается в их подчинении отвлеченной для большинства идее внешней государственной мощи, причем подчинении не внешнем, а внутреннем, моральном, признании государственного могущества как общественной ценности.

Таким образом, государство, согласно Струве, представляет собой надклассовую организацию, имеющую всеобщий общественный характер, стоящую выше общества, государство — своего рода «соборная» личность, стоящая выше всякой личной воли. Власть в концепции П.Б. Струве «не есть просто необходимое орудие упорядочения общежития, средство рационального распорядка общественной жизни», она также носит мистический характер. Он определяет власть как «орудие внешней мощи государства», и в качестве такового «она

держит в подчинении себе людей». Струве заложил принципиальные основы «либерально-консервативного мирозерцания», руководствуясь понятиями середины, меры, объединяющими в равновесии государство и нацию, власть, ответственность и свободу. Основные работы Струве — «Марксова теория социального развития» (1905), «Идеи и политика в современной России» (1907), «Размышления о русской революции» (1921) и др.

ТКАЧЕВ Петр Никитич (1844–1886) — политический мыслитель, публицист,

член руководимого С.Г. Нечаевым тайного общества «Народная расправа», издатель журнала «Набат», представитель бланкистской ветви народничества. Политическая концепция Ткачева была сформулирована в ряде его статей и критических рецензий: «Задачи революционной пропаганды в России» (1874), «Революция и государство» (1876), «Народ и революция»

(1876), «Анархическое государство» (1876), «Революция и принцип национальности» (1878). Как и анархисты, Ткачев считал, что социальная революция в России должна быть осуществлена немедленно, поскольку для этого есть все условия: общинный уклад, отсутствие социально-экономических корней у государства и наличие «коммунистического инстинкта» у русского народа. Но, в отличие от Бакунина, он не верил в революционную силу крестьянских масс, считал их пассивной, консервативной социальной силой. Полемизируя с анархистами, Ткачев в противоположность последним доказывает,

что власть — не причина существующего социального зла, а лишь его необходимый результат. Он отрицает укорененность политической власти в экономической жизни русского народа, считает, что она «не воплощает в себе интересов какого-либо сословия» и «только издали кажется силой». Отсюда вытекает вывод о легкости, с которой можно сломить этот колосс на глиняных ногах, «ничтожную кучку автократов». Лозунгом русского бланкизма был призыв к революции во имя

народа, но без него. Идея насильственного уничтожения существующего государственного устройства аргументировалась им наличием особого права революции-онеров на осознание народного идеала и его осуществление. «Ни в настоящем, ни в будущем народ, сам себе предоставленный, не в силах осуществить социальную революцию. Только мы, революционное меньшинство, можем это сделать, и мы должны это сделать как можно скорее», □

писал Ткачев в своей статье «Народ и революция». Концепция революции Ткачева резко противостояла другим направлениям в народничестве. Она отменяла всякое «колени-преклонение» перед народом, возведение его на пьедестал: «Тот не уважает народ, кто льстит ему». В то же время Ткачев оставался в рамках единого народнического направления, противопоставляя буржуазному пути, на который вступила Россия, поставленную под удар поземельную крестьянскую общину. Освящая любые действия во имя абстрактного человеческого счастья, Ткачев выводил политику за пределы нравственности. Утверждение «что полезно для общества, то и справедливо» было естественным продолжением

развивавшегося им принципа «цель оправдывает средства». Ткачев первым осуществил теоретическое осмысление террора как средства политической борьбы, дал санкцию стихийно возникшей в гуще народнического движения террористической практике по отношению к шпионам, предателям, а затем и представителям власти. «Революционный терроризм, — заявлял Ткачев, — является... не только наиболее верным и практическим средством дезорганизовать существующее полицейско-бюрократическое государство, но является единственным действительным средством переродить холопа-верноподданного в человека-гражданина». Ткачев как революционный мыслитель выразил предел радикализма в истории русского революционного

движения, предел, который, по существу, оказался тупиком. Этот радикализм,

торопивший революцию во что бы то ни стало, был неотделим от антидемократизма, который порождал взгляд на народ как на «мясо революции», как на объект социального реформаторства; народ, который сам не сознает, в чем его счастье. Отсюда абсолютизация власти благодетелей, абсолютизация диктатуры, принципа насилия. Успех революции, средства достижения ее идеалов ставятся выше общечеловеческой морали. Эта традиция, не Ткачевым начатая, но им теоретически обоснованная и энергично внедрявшаяся в сознание участников общественной борьбы, встречала противодействие и в массе революционеров, и со стороны ведущих народнических идеологов. Бакунин и Лавров указывали на опасность абсолютизации абстрактной теории, на-

сильственно внедряемой в жизнь.

Оценивая значение идей П.Н. Ткачева для русской политической мысли и революционно-освободительного движения, Н.А. Бердяев пишет: «Он был единственный из старых революционеров, который хотел власти и думал о способах ее приобретения. Он государственный, сторонник диктатуры власти, враг демократии и анархизма.

Революция для него есть насилие меньшинства над большинством... Ткачев более предшественник большевизма, чем Маркс и Энгельс» {Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 148).

ТОКВИЛЬ Алексис (1805□ 1859) □ французский юрист, политический мыслитель и государственный деятель.

Что такое демократия, какая опасность угрожает ей в современном мире, как предотвратить эту опасность

□ эти вопросы Токвиль рассматривает в книге «Демократия в Америке» (1835), где дает двойное толкование демократии. В политическом контексте демократией Токвиль называет представительную систему, основанную на широком избирательном праве. Но более важно его понимание социальной демократии, т.е. общества, в котором основной социальной ценностью является равенство. Результатом влияния равенства на социальные отношения, по мнению Токвиля, становится индивидуализм.

Политическим следствием демократического индивидуализма может быть не равенство в свободе демократического республи-

канизма, а равенство в рабстве демократического деспотизма.

Проблема, по Токвилю, состоит в том, чтобы, с одной стороны, избавляться от всего, мешающего установлению разумного баланса равенства и свободы, приемлемого для современной демократии. С другой — развивать политико-юридические институты, которые обеспечивают создание и поддержание такого баланса. Ни равенство, ни свобода, взятые порознь, не являются самодостаточными условиями подлинно человеческого бытия. Только будучи вместе, в единстве, они обретают такое качество.

На основе анализа Великой французской революции Токвиль сформулировал «золотой закон» политического развития: «самый быстрый путь к свободе ведет к наихудшей форме рабства». Он считал, что нет ничего

опаснее для страны, где нет традиций демократии и свободы, чем слишком быстрые реформы и изменения. Как правило, в таких случаях процесс модернизации может выйти из-под контроля. Народу не хватает времени освоить новшества, он не готов к новой системе, а изменения не успевают институализироваться и закрепиться. Бурный поток, направленный на разрушение старой системы, не удастся затем остановить и регулировать. Сильная поляризация общества, отсутствие устойчивого политического центра и социальных сил, стоящих за ним, не способствуют тому, чтобы ввести начавшееся движение в разумные демократические рамки. Этот процесс неминуемо ведет к охлократии, к самой худшей форме

тирании — тирании черни. Токвиль предупреждал, что результатом быстрой демократизации и завоевания свобод может быть установление еще более жестокой тирании, которая приходит на смену охлократии.

ФРАНК Семен Людвигович (1877—1950) — русский религиозный мыслитель, последовательный сторонник соловьевской идеи всеединства. К этой идее он приходит, преодолев «искушение» народничеством и марксизмом, ощутив, как он утверждает, несостоятельность социалистической идеи и навсегда охладев к ней. Большой интерес вызывает предложенная С.Л. Франком в 1931 г. оригинальная типология политических идеологий, движений и партий в работе «По ту сторону «правого» и «левого». Эта типология весьма акту-

альна и научно плодотворна

партий и движений

для анализа политических

836

ИМЕННОЙ СЛОВАРЬ-

СПРАВОЧНИК

современной России и может служить методологической основой для их классификации.

Основные работы Франка □ «Введение в философию» (1922), «Очерк методологии общественных наук» (1922), «Духовные основы общества» (1930).

ХАЙЕК Фридрих Август фон

(1899 □ 1992) □ австрийский экономист и политический философ. Лауреат Нобелевской премии в области экономики.

В книге Хайека «Дорога к рабству» (1944) генезис тоталитаризма связывался с антилиберальными и социалистическими политическими течениями второй половины XIX в., отрицавшими абсолютную

ценность личности и рассматривавшими человека как момент в движении к некой коллективной цели.

Основные черты тоталитаризма, по Хайеку, □ отказ от свободы конкуренции, подавление государством индивидуальных свобод. Спор с социалистами, по мнению Хайека, □ спор не о ценностях, а о фактах, не об идеалах, а о последствиях, вытекающих из попыток воплотить эти идеалы в жизнь.

Ученый полагает, что цели социализма недостижимы и программы его невыполнимы: «...социализм несостоятелен фактически и даже логически». В своей работе «Дорога к рабству» (буквальный перевод книги звучит как «Дорога к крепостничеству») Хайек

показывает, куда ведет
дорога, вымощенная благими
намерениями социалистов
(«Кто не совершенствует
своих принципов, тот
попадает в лапы к дьяволу»).

Пафос исследований Хайека
— отстаивание рыночных
ценностей и классического
либерализма. Он утверждает,
что реальная альтернатива для
человечества — либо свобода,
опирающаяся на рыночные
отношения и либеральные
ценности, либо оковы
тоталитаризма.

Основные работы Хайека —
«Индивидуализм и
экономический порядок»
(1948), «Основной закон
свободы» (1960),
«Политический строй
свободного народа» (1979),
«Пагубная самонадеянность:
заблуждения социализма»
(1988).

ХАНТИНГТОН Самуэль
(1927) □ американский
политолог, директор
Института стратегических
исследований в Гарвардском
университете, специалист в
области сравнительной
политологии и транзитологии
(раздела политологии,

изучающего переход от авторитаризма к демократии).
Одна из ключевых проблем исследований Хантингтона — политическое развитие, которое он отделил от социально-экономической модернизации. Основным критерием политического развития американский ученый считал институционализацию. Высокий уровень политической институционализации является основой политичес-

кой стабильности и устойчивости в переходных обществах. Этим проблемам посвящена его работа «Политический порядок в изменяющихся обществах» (1968).

В книге «Третья волна: Демократизация в конце XX столетия» (1991) Хантингтон рассматривает переход к демократии во многих странах в конце 70 □ 80-х гг. как глобальный процесс демократизации. При этом американский

политолог не исключает возможности для некоторых государств отката назад, к авторитарным режимам, но общий ход эволюции заключается, по его мысли, в неизменном увеличении стран, избравших и вставших окончательно на путь демократии.

ЧИЧЕРИН Борис**Николаевич**

(1828 □ 1904) □

правовед, философ, общественный деятель.

Чичерина называют одним из основателей русской «государственной школы», одним из первых идеологов либерализма в России.

Его политические взгляды характеризуются как

«охранительный», или консервативный, либерализм.

В центре внимания

Чичерина — идея свободы, которую он разделял на свободу

гражданскую,

общественную и

политическую. В

обществе должно

существовать

равновесие между сво-

бодой гражданской и

политической.

Государство выражает интересы народа, общее

благо. Если же оно

получает перевес над

общественной сферой и

поглощает последнюю,

то полностью

уничтожает как основы

личной свободы, так и

основы собственного

существования. Однако

политическая свобода

может вести не только к благу, но и к конфликтам и раздору в обществе. Если необходимое государство единство не может быть установлено согласием граждан, то следует прибегнуть к власти. Общее политическое правило, сформулированное Чичериным, гласит: чем меньше в обществе единства, тем сосредоточеннее должна быть власть и, наоборот, чем крепче народное единство, тем более разделенной она должна быть.

Там, где народ не имеет длительных традиций свободы, ее надо вводить осторожно и постепенно, так как неумение пользоваться ею может привести к серьезным общественным осложнениям.

Это положение, полагал Чичерин, справедливо и для России. Ее движение к свободе должно быть постепенным и спокойным - только освоив обретенное можно идти вперед.

Чичерин выступал за поэтапные эволюционные реформы «сверху» для России.

Промедление с реформами, предупреждал он, ведет к революционному взрыву. Важнейшая задача на пути реформ — ограничение самодержавия в России,

сплочение реформаторских сил на платформе «либерал-консерватизма» под лозунгом «либеральные меры и сильная власть». «Это был редкий в России государственный, очень отличный в этом и от славянофилов, и от левых западников. Для него государство есть ценность высшая, чем человеческая личность» (Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX — начала XX века // О России и русской философской культуре.

М., 1990. С. 171). Уместно привести и оценку А.И. Герцена, который назвал Чичерина «Сен-Жюстом бюрократии». Основные работы Б.Н. Чичерина — «О народном представительстве» (1866), «История политических учений» (Т. 1—5, 1869—1902), «Философия права»(1900). **ШМИТТ Карл** (1888—1987) — немецкий юрист и политолог консервативной ориентации. В 20—30-е гг. ученый выступал как решительный

противник философии и политики либерализма, теоретик тотального государства. Политика объявлялась Шмиттом высшим модусом человеческого существования. Основное политическое различие есть различие друга и врага. Борьба между ними есть борьба на уничтожение. Политическое, по его мнению, — не столько сама борьба, сколько та сфера поведения людей, которая формируется ввиду реальной возможности борьбы. Высшей политической общностью Шмитт считал государство.

Концепция К. Шмитта активно используется современными консерваторами в ФРГ.

ШМИТТЕР Филипп К. □ американский политолог, профессор Стэнфордского университета (США).

Создатель теории неокорпоративизма, исследователь моделей перехода к демократии и институциональных аспектов современных политических систем.

ШУМПЕТЕР Йозеф (1883 □ 1950) □ один из крупнейших экономистов, социологов, политических ученых XX в.

По Шумпетеру, судьбу капитализма нельзя понять, исходя только из логики экономических

процессов, решающее значение для нее имеют социальные, политические и культурные факторы. Рассматривая их, ученый приходит к формулировке «другой теории демократии» («элитарной демократии»), противопоставленной классической ее теории, базировавшейся на идеях народного суверенитета, общей воли и общего блага, представительства, политической рациональности избирателя. Все эти понятия,

считает Шумпетер, лишаются смысла в условиях современного капитализма, политика — не более чем продолжение и отражение экономики, причем рационально-бюрократически организованной, а не свободно-рыночной, какой она рисуется либеральному воображению и какой она в известной мере была в прошлом. По мнению Шумпетера, демократический порядок - это такое институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают право делать политику через конкурентную борьбу за избирательные голоса народа. Политический процесс ученый

рассматривает как рыночный процесс: избиратели — те, кто предъявляют требования, политики и бюрократы □ те, кто эти требования удовлетворяют. Основные работы Шумпетера — «Теория экономического развития» (1912), «Капитализм, социализм и демократия» (1942) и др. **ЭЛЕЙЗЕР Даниэль Дж.** □ американский политолог, президент-основатель Международной

ассоциации центров по исследованию федерализма.

ЭНГЕЛЬС Фридрих

(1820□1895) □

немецкий философ, политический мыслитель, экономист, один из основоположников марксизма.

Основные труды

Энгельса — «Манифест Коммунистической партии» (1848, совместно с К. Марксом), «Анти-Дюринг», «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5
Раздел 1	
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ	
<i>Глава 1 ПОЛИТОЛОГИЯ КАК НАУКА И УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА.....</i>	<i>7</i>
М. Вебер.....	7
К. Шмитт.....	23
Ч. Мерриам.....	42
Р. Арон.....	50
Г. Алмонд.....	64
<i>Глава 2 ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ ПОЛИТОЛОГИИ</i>	<i>79</i>
Конфуций	79
Платон.....	88
Аристотель	106
Н. Макиавелли.....	125
Т. Гоббс.....	135
Дж. Локк.....	147
Ш.Л. Монтескье.....	155
Ж.Ж. Руссо.....	157
А. де Токвиль.....	167
<i>Глава 3 РУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ XIX - НАЧАЛАХХ в. ...</i>	<i>175</i>
М.М. Сперанский	175
П.И. Пестель	182
Н.М. Муравьев.....	188
К.С. Аксаков	192
А.И. Герцен	196
Н.Я. Данилевский	201
М.А. Бакунин.....	209
П.А. Кропоткин	215
П.Н. Ткачев.....	217
К.Н. Леонтьев.....	223

И.А. Ильин.....	234
-----------------	-----

Раздел II

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ

<i>Глава 4</i> ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ	237
--	-----

М. Вебер	237
----------------	-----

Т. Парсонс.....	239
-----------------	-----

Европейская Хартия местного самоуправления (Извлечения). 247	
--	--

<i>Глава 5</i> СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИКИ.....	252
--	-----

Гегель.....	252
-------------	-----

М. Вебер	255
----------------	-----

Ф. Шмиттер.....	272
-----------------	-----

<i>Глава 6</i> СОЦИАЛЬНЫЕ СУБЪЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ.....	292
---	-----

В. Парето.....	292
----------------	-----

Г. Моска.....	296
---------------	-----

Ф. Шмиттер.....	304
-----------------	-----

Раздел III

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

<i>Глава 7</i> ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА.....	319
---	-----

Д. Истон.....	319
---------------	-----

М. Дюверже	331
------------------	-----

<i>Глава 8</i> ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ.....	344
---	-----

Ф.А. фон Хайек.....	344
---------------------	-----

Х. Арендт.....	354
----------------	-----

П.И. Новгородцев	368
------------------------	-----

Й. Шумпетер	376
-------------------	-----

Дж. Сартори.....	386
------------------	-----

Р. Даль.....	400
--------------	-----

<i>Глава 9</i> ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ	416
--	-----

К.П. Победоносцев	416
-------------------------	-----

А. Лейпхарт.....	421
------------------	-----

Ф. Гоулд.....	436
---------------	-----

Раздел IV

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

Глава 10 ГОСУДАРСТВО КАК ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ..... 443

Ж. Боден	443
И. Кант	446
Гегель	449
В.С. Соловьев.....	460
Н.А. Бердяев.....	468
Б.А. Кистяковский	473
П.Б. Струве	484
В.И. Ленин	486
К. Поппер	495
Д.Дж. Элейзер	505
Всеобщая декларация прав человека	519

Глава 11 ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ, ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ..... 526

М.Я. Острогорский	526
Р. Михельс	540
С.Л. Франк.....	551

Раздел V

ЛИЧНОСТЬ И ПОЛИТИКА

Глава 12 ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СОЦИАЛИЗАЦИЯ 559

Г. Алмонд.....	559
Э. Кассирер.....	576

Глава 13 ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ И УЧАСТИЕ 586

Г. Лебон.....	586
Т. Адорно	588

Глава 14 СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГИИ 600

К. Маннгейм	600
Э. Бёрк.....	613
Дж.С. Милль.....	617
Б.Н. Чичерин	626

К. Маркс.....	636
Ф. Энгельс.....	643
П. Милза	648

Раздел VI

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

<i>Глава 15</i> ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И МОДЕРНИЗАЦИЯ	656
Д.А. Растоу	656
А. Пшеворский	672
С. Хантингтон	692
<i>Глава 16</i> ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ И КРИЗИСЫ	704
Р. Дарендорф.....	704
М. Дойч	713

Раздел VII

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Глава 17</i> ГЕОПОЛИТИКА.....	721
Ж. Боден.....	721
Х.Дж. Маккиндер.....	723
П.Н. Савицкий.....	737
Г. Моргантау.....	743
С. Хантингтон.....	754
<i>Глава 18</i> ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИСТИКА.....	774
А. Печчеи.....	774
Д.Л. Медоуз	784
ИМЕННОЙ СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК	794